

B - 312

302.16

1882 г.

1883

ТРУДЫ

ПАТНАДЦАТАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ НОВГОРОДѢ

1911

Подъ редакціей графини Уваровой.

Томъ I

СЪ 135 ЦИНКОГРАФІЯМИ И XXV ТАБЛИЦАМИ

МОСКВА.

Типографія Г. Лиснера и Д. Собко, Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лиснера.
1914.

Печатано на основані постановленія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Предсѣдатель Графиня Уварова.

1065 г.

81
1950 г.

БИБЛИОТЕКА
НИИ Ист. Краеведческой
и Музейной работы

В-312

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

ТРУДЫ

XV АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА.

ОГЛАВЛЕНИЕ I ТОМА.

I. Рефераты.

	Стран.
Покровский Н. В. Древняя ризница Новгородского Софийского Собора	1—124
» » I—II. Иерусалимы или Сионы	1—41
» » III—V. Кратеры	42—60
» » VI—VII. Воздвизальный и Запрестольный Кресты. Ризиды	61—69
» » VIII—XI. Панагидарь. Эмаль. Мозаика. Монстранць. Икона Ап. Петра и Павла	70—86
» » XII—XIV. Реликварии	87—101
» » XV—XVI. Авории	102—108
» » XVII—XXI. Шапочка и Федонь Св. Еп. Никиты. Омофоръ, Федонь и Епитрахиль Арх. Моисея. Мантия Арх. Иоанна	109—117
» » XXII—XXIII. Бѣлый Клобухъ Арх. Василия. Посохи Еписк. Никиты и Арх. Геронтия. Плащаница Евфиміевская	118—124
Дмитріевскій А. Новгородскія Шапки-Митры	215—223
Гусевъ П. Л. Иоанновскій корпусъ Новгор. Владычнаго двора	224—229
Епископъ Рязанскій Димитрій. О внутреннемъ устройствѣ и убранствѣ храмовъ Новгородскаго Антоніева монастыря въ XVII вѣкѣ	230—249
Архіепископъ Новгородскій Арсеній. Настоящее состояніе Софійскаго Собора въ Новгородѣ	283—292
» Новгородско-Псковская область въ сношеніяхъ съ южными Славянами	293—302
Лашковъ П. А. Андреевскій Соборъ села «Грузино», какъ хранилище историческихъ памятниковъ эпохи Императора Александра I.	303—334
» » Описаніе Собора	303—320
» » Завѣщательное Распоряженіе Графа Аракчеева	320—331
Мятлевъ Н. В. Игначь Крестъ и Селигерскій Путь	335—346
Лопаревъ Х. М. Къ легендѣ о потонувшихъ городахъ	347—356
Падалко Л. В. Происхожденіе и значеніе имени «Русь»	357—382
Аничковъ Е. Д. Два взгляда на язычество древне-русской проповѣди	383—400
Прозрителевъ Г. Н. — Къ исторіи Тмутороканскаго Камня	401—405
Апостоловъ Л. Я. Камень съ надписью дѣяній Князя Глѣба	406—410
Колмогоровъ А. И. Тихвинскіе Курганы	411—434
Бабенко В. А. Памятники Хозарской культуры на югѣ Россіи	435—446
» » Древніе памятники Хозарской культуры въ сел. Верхнемъ Салтовѣ	446—464
» » Каменный городъ	464—473
» » Дневникъ раскопокъ въ 1912 году	473—480

<i>Аппельгрень-Кивало. Я.</i> Основные черты Скифо-Пермского орнаментального стиля	Стран. 481—492
<i>Bezzenberger A.</i> Bronzezeitliche Beziehungen Ostpreussens zum Kaukasus	493—506
<i>Проф. Стржыговскій въ перев. Фанни Галле.</i> Неизвѣстный крупный Художественный центръ въ глубинѣ Азии	507—513
<i>Ильинскій Г. А.</i> Откуда происходитъ слово «Обыденный»	514—516
<i>Струковъ Д. Н.</i> Русскія Древнехранилища и разобщенность ихъ дѣятельности	517—523
<i>Дамбергъ Э. О.</i> О Памятникахъ живой старины	524—532
<i>Проф. Арне.</i> Новгородъ во время Шведскаго владычества по Балтійскому Поморью	533—536

II. Матеріалы.

<i>Опись Церковнаго имущества Софійскаго Собора 1751 г.</i> составленная Софійскимъ Протопопомъ Дометіемъ Теофилактовымъ	125—214
<i>Опись Антоніева монастыря за 1696 годъ</i>	250—282
<i>Опись Церковныхъ вещей Собора въ Грузинъ</i>	537—617
<i>Опись Каменнаго Дворца въ Грузинъ</i>	619—664

III. Протоколы.

Засѣданія Московскаго Предварительнаго Комитета	1—20
Составъ Предварительнаго Комитета	21—26
Правила Съѣзда	27—30
Вопросы, предложенные на обсужденіе Съѣзда	31—32
Запросы, обращенные къ Съѣзду	33—36
Засѣданія Совѣта Съѣзда	37—39
Личный Составъ Съѣзда	40—56
Общія Засѣданія Съѣзда	57, 117, 175, 182
Засѣданія Отдѣленій:	
Древности первобытныя	99, 107, 125, 149
Древность историко-географическія и этнографическія	79, 85, 114, 158
Памятники искусствъ, нумизматики и сфрагистики	103, 132, 155, 169
Древности юридическія, бытъ хозяйственный, домашній и военный	82, 97, 101, 127, 135, 139, 162
Древности церковныя	73, 93, 113, 147, 171
Древности классическія, византійскія, восточныя и западно-европейскія	160
Памятники языка и письма	76, 89, 119
Археографія и архивовѣдѣніе	143, 169
Осмотръ Ризницы Софійскаго Собора	81
Поѣздка въ Псковъ	190

Доклады, сообщенія и рѣчи:

<i>Айло д-ръ.</i> Распространеніе находокъ каменнаго вѣка въ Финляндіи	126
<i>Альмеренъ д-ръ.</i> О каменномъ вѣкѣ по побережью Балтійскаго моря	100
<i>Андріашевъ А. М.</i> Историко-географическая карта Шелонской пятины въ началѣ XVI вѣка по Писцовымъ книгамъ	116
<i>Анисимовъ А. И.</i> О реставраціи фресокъ церкви Θεодора Стратилата	103
» О состояніи иконной старины въ Новгородской губ. и о мѣрахъ сохраненія ея	174

	Стран.
<i>Аничковъ Е. В.</i> Возстаніе волхвовъ въ XI в.	87
» Два взгляда древне-русской проповѣди на язычество	124
<i>Аничковъ И. В.</i> Жальники въ Тихвинскомъ уѣздѣ	150
<i>Апостоловъ Л. Я.</i> Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссіи по археологii и работы Предѣдателя ея Г. Н. Прозрителева	108
» Кубанская Область въ этнографическомъ отношеніи	131
» Къ исторіи Тмутараканскаго камня	118
<i>Аппелеренъ-Кивало.</i> Скифско-пермская орнаментика	126
<i>Апуртинъ В. Р.</i> Къ исторіи Новгородскаго дворянскаго ополченія въ Отечественную войну	138
» Роль Великаго Новгорода въ началѣ Сѣверной войны	144
» Неолитическая культура въ верховьяхъ р. Оки	149
<i>Арне Т. П.</i> Сношенія Швеціи съ Россіей въ эпоху Викинговъ по свидѣтельствамъ археологii	99
» Новгородъ во времена Шведскаго владычества по Балтійскому поморью по старымъ картамъ Стокгольмскаго Архива	115
<i>Арсеній, Архієпископъ Новгородскій.</i> Рѣчь при открытіи Сѣзда	57
» Рѣчь при открытіи Засѣданія Отд., посвященная памяти Проф. Голубцова	73
» Новгородско-Псковская Область въ сношеніяхъ съ южными Славянами	127
» О современномъ состояніи Собора Св. Софіи въ Новгородѣ	171
<i>Бабенко В. А.</i> Раскопки въ Салтовѣ	176
<i>Багалъ Д. П.</i> Рѣчь предъ открытіемъ Засѣданія Отдѣла на тему о началѣ Руси	85
» О судьбѣ городского самоуправления въ Малороссійскихъ городахъ XVII—XVIII в. Магдебургскимъ правомъ	102
<i>Барвинскій В. А.</i> Къ характеристикѣ Украинскаго общества послѣ измѣны Мазепы	159
<i>Беккеръ Р. Р.</i> Привѣтъ Сѣзду	62
<i>Бецценбергеръ д-ръ.</i> Отношенія Вост. Пруссіи къ Кавказу, во время бронзового періода	125
<i>Бороздинъ И. Н.</i> Къ вопросу о современныхъ направленіяхъ въ изученіи древней исторіи	161
<i>Булычевъ П. В.</i> О говорѣ жителей въ предѣлахъ теченія р. Сими	78
<i>Блாவенецъ П. В.</i> Къ вопросу о Шведскихъ воротахъ въ Софійскомъ Новгородскомъ Соборѣ	173
<i>Вильконскій Л. В.</i> Отчетъ о дѣятельности Новгородскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета	63
<i>Витъ де А. М.</i> Повѣсть о Новгородскомъ Посадникѣ Шилѣ	91
<i>Гальштремъ Г.</i> Изслѣдованіе каменнаго вѣка у Бѣлаго моря и Онежскаго озера въ 1910 г.	100
<i>Галле Фанни.</i> Неизвѣстный Эллиническій художественный центръ въ глубинѣ Азіи	106
<i>Гаусманъ Р. Ф.</i> Нѣмецкій дворъ при церкви Св. Петра въ Новгородѣ	101
<i>Гнѣвушевъ А. М.</i> Дворцовая выть въ Новгородской землѣ	97
<i>Голицынъ Князь П. П.</i> Рѣчь при открытіи Засѣданія Отд., посвященная вопросу о Дворянскихъ Архивахъ	164
<i>Гусевъ П. Л.</i> Иконографія Св. Флора и Лавра въ Новгородскомъ искусствѣ	97

	Стран.
<i>Гусевъ П. Л.</i> Символь власти въ Великомъ Новгородѣ	147
» <i>Юанновскій корпусъ Новгородскаго Владычнаго Двора какъ памятникъ искусствъ</i>	170
<i>Дамбергъ Э. О.</i> О сохраненіи памятниковъ Живой Старины	175
<i>Данилевичъ В. Е.</i> Время существованія приказа Великой Россіи	102
» <i>Рѣчь предъ открытіемъ Засѣданія Отдѣленія</i>	107
<i>Дмитріевскій А. А.</i> О шапкахъ въ Софійской Новгородской ризницѣ	147
<i>Довнаръ-Запольскій М. В.</i> Рѣчь предъ открытіемъ Засѣданія Отд.	79
» <i>Объ устройствѣ Историческаго пути въ Кіевъ</i>	157
<i>Долговъ С. О.</i> Revelatio Stephani	125
<i>Евсѣевъ И. Е.</i> Рѣчь при открытіи Засѣданія Отд.	76
» <i>Новгородская Геннадіевская Библия 1499 г.</i>	119
<i>Зигель О. О.</i> Поземельныя отношенія Славянъ въ глубокой древности	83
» <i>Древнѣйшія представленія Славянъ о преступленіи и наказаніи.</i>	162
<i>Ильинскій Г. А.</i> Откуда происходитъ слово «Обыденный»	92
<i>Иловайскій Д. И.</i> Рѣчь при открытіи Засѣданія Отд.	82
» <i>Основные тезисы о происхожденіи Руси</i>	86
<i>Кадлубовскій А. П.</i> Рѣчь при открытіи Засѣданія Отд.	119
<i>Казаковъ Г. М.</i> О Псковскихъ церковныхъ древностяхъ	170
<i>Козловскій И. П.</i> Нѣсколько статистическихъ данныхъ изъ почтовыхъ записныхъ книгъ 1698—1700 годовъ	164
<i>Колмогоровъ А. И.</i> Тихвинскіе курганы	411
» <i>О раскопкахъ, веденныхъ во время Съѣзда</i>	175
<i>Корольковъ, Протодіеи І. Н.</i> Рѣчь при открытіи Засѣданія Отдѣл.	93
<i>Курицъ В. Г.</i> Юганъ де Родесъ и его донесенія о Московскомъ Государствѣ 1650—1655 годовъ	98
» <i>Кильбургеръ и его сочиненіе о русской торговлѣ третьей четверти XVII вѣка</i>	140
<i>Лаппо-Данилевичъ А. С.</i> Рѣчь, посвященная памяти В. О. Ключевского	82
» <i>Рѣчь, при открытіи Засѣданія Отд.</i>	114
» <i>Рѣчь при закрытіи Отдѣленія</i>	164
<i>Лашковъ И. А.</i> Андреевскій Соборъ въ с. Грузино	175
<i>Линиченко И. А.</i> Рѣчь при открытіи Засѣданія Отд.	143
» <i>О поддѣлкѣ древностей</i>	171
<i>Лопаревъ Х. М.</i> Сказанія о затонувшихъ городахъ	79
<i>Лопухинъ В. А.</i> О мѣстѣ ссылки и заточенія Борисомъ Годуновымъ въ 1601 г. родного дяди Михаила Ѳеодоровича Романова, боярина Михаила Никитича Романова	127
<i>Миллеръ Д. П.</i> Нѣкоторыя особенности въ развитіи слободско-украинскаго города	158
<i>Мироновъ А. А.</i> Нѣсколько словъ объ Архивахъ уѣздныхъ дворянскихъ учрежденій	165
<i>Михайловъ А. В.</i> О научномъ изданіи текстовъ Св. Писанія на церковно-славянскомъ языкѣ	120
» <i>Рѣчь при открытіи Съѣзда</i>	61
<i>Муравьевъ М. В.</i> Дополненія къ докладу Арке о старыхъ картахъ въ Стокгольмскомъ Архивѣ	115
» <i>О современномъ состояніи Новгородскихъ древностей</i>	176

	Стран.
Мятлевъ Н. В. Указаніе на необходимость обследованія м. Колбаги	154
Ниневъ Ф. А. Сооруженіе и оборудованіе архивовъ и библиотекъ, по системѣ археолого-архивиста Ниневъ и инженера-технолога И. К. Русвурма	145
Окуличъ-Казариновъ Н. О. Краткій очеркъ дѣятельности Псковскаго Археол. Общества, его музея и мѣръ, принимаемыхъ для охраны памятниковъ старины	119
Олейниковъ Т. М. Іеромонахъ Юрьевъ монастыря Платонъ и его рукописи	114
Остроумовъ. Рѣчь при открытіи Съѣзда	59
Павлуцкій Г. Г. Рѣчь, поясняющая рефератъ Фанни Галле	105
» Одно изъ вліяній западно-европейскаго искусства на сѣверодеревянное церковное зодчество	133
» Византійскія черты въ декоративной обработкѣ фасадовъ Новгородскихъ храмовъ XIV—XVI вѣковъ	133
» Вліяніе южно-русскаго искусства на декорацию Московскаго барокко	169
Павескій Свѣтл. Л. Сближеніе Старой Литвы съ древнимъ Новгородомъ	176
Печеникинъ Н. М. Рѣчь при открытіи Съѣзда	62
Покровский Н. В. Рѣчь при открытіи Засѣданія Отд.	73
» Іерусалимы или Сіоны Новороссійской Софійской ризницы	93
» Реликварій или мощехранительница ризницы Новгородскаго Софійскаго Собора	171
Полонская Н. О. Древніе храмы Старой Руссы	113
» Черты быта крѣпостныхъ крестьянъ по даннымъ вотчиннаго Архива Кн. Куракиныхъ и г. Чичериныхъ	141
Поповъ, Протоіер. А. П. Младшій Григоровичъ. Новооткрытый паломникъ по Св. Мѣстамъ XVIII в.	88
Приседковъ М. Д. Нифонтъ, Епископъ Новгородскій	74
Савва В. И. Нѣсколько замѣтокъ о Боярской Думѣ въ XVI ст.	85
Савеловъ Л. М. Рѣчь о печальномъ состояніи Архивовъ Деп. Собранія	165
Сидорова В. В. Новгородское сказаніе о чудѣ отъ Иконы Знаменья	77
Симсонъ П. О. Мелочныя расцѣпки въ до-Петровской Руси	155
Сойкедди Г. К. Серебряный кладъ, найденный въ Халикко въ Финляндіи	112
» Находка въ Галичѣ и такъ называемая Фатьяновская культура	149
Соколовъ Б. Л. Эпическія сказанія о женитбѣ Князя Владиміра	92
Соколовъ Н. Н. Народные говоры Новгородской губерніи въ связи съ вопросомъ о составѣ и границахъ Сѣверно-великорусскаго нарѣчія	89
Соколовская Т. О. Новыя данныя для исторіи массонства въ Россіи по рукописямъ Тверской Ученой Архивной Комиссіи	135
Сташевскій Е. Д. Пятна 142 года и торгово-промышленные центры Московскаго Государства	139
Стеллецкій И. Я. Подземная Россія	111
» Къ десятилѣтію Комиссіи по разбору и уничтоженію документовъ Моск. Губернскаго Архива Старыхъ Дѣлъ	145
Тарабринъ И. М. Библия Пискарева въ исторію русскаго письма и искусства	123
Титовъ, Протоіерей. Рѣчь при открытіи Засѣданія Отдѣленія	147
Троицкій Н. Н. Икона «Исусъ Христосъ Благое Молчаніе»	113
Трутовскій В. К. Заявленіе объ организаціи при Вѣскомъ Университетѣ Историко-Художественнаго Института	106

	<i>Стран.</i>
<i>Трутовскій В. К.</i> Что такое «ногата»	156
<i>Графиня Уварова.</i> Отчетъ Моск. Предварительнаго Комитета	65
» О защитѣ памятниковъ Живой Старины	175
» О трудахъ Съѣзда	182
<i>Фейергейзенъ А. I.</i> О положеніи Архивовъ въ Прибалтійскомъ Краѣ	167
<i>Чепурковскій Е. II.</i> Современные типы крестьянскаго населенія Россіи и ихъ связь съ доисторическими	128
<i>Шляпкинъ П. А.</i> О насущныхъ вопросахъ разработки Новгородскаго фольклора и письменности	76
<i>Штернъ Э. Р.</i> Изъ жизни дѣтей греческихъ колоній юга Россіи по археологи- ческимъ даннымъ	160
<i>Яшурисинскій Х. II.</i> Почитаніе умершихъ въ Малороссіи	159

ДРЕВНЯЯ РИЗНИЦА
СОФІЙСКАГО НОВГОРОДСКАГО СОБОРА

Н. В. ПОКРОВСКАГО.

Предисловіе.

Существующія въ наличной литературѣ обозрѣнія и изслѣдованія художественно-археологическихъ памятниковъ Софійской ризницы обычно оставляютъ въ сторонѣ вопросъ объ эпохахъ Новгородской исторіи и заурядъ разсматриваютъ какъ памятники древнѣйшей эпохи Новгородскаго народоправства, такъ и позднѣйшіе XVI—XVII вв. Безъ сомнѣнія, тѣ и другіе имѣютъ значеніе въ общей исторіи русскаго искусства, но далеко не одинаковое. Памятники эпохи Московской, находящіеся въ Новгородѣ и въ частности въ Софійской ризницѣ, естественно отражаютъ въ себѣ культурное вліяніе Москвы и даже прямо представляютъ собою произведенія Московскаго искусства и ремесла. Наглядное сравненіе ихъ съ древне-Новгородскими первой эпохи указываетъ рѣзкую границу между тѣми и другими: какъ совокупность условій исторической жизни въ Москвѣ и Новгородѣ вообще, такъ и неодинаковое по характеру и по времени соприкосновеніе съ иноземною культурою въ частности, даже неодинаковый духъ времени требуютъ непремѣнно разграниченія этихъ двухъ художественно-историческихъ эпохъ не только по времени, но и по мѣсту, точнѣе — по положенію центровъ, вокругъ которыхъ группировалась художественная и промышленная дѣятельность названныхъ эпохъ. Но отъ эпохи Московской (XVI—XVII вв.), стоящей въ исторической зависимости отъ древне-Новгородской, мы имѣемъ обширнѣйшій художественно-археологическій матеріалъ, какъ въ самой Москвѣ, — начиная съ знаменитой Синодальной ризницы и Троице-Сергіевой Лавры, такъ и во многихъ монастыряхъ, соборахъ и церквахъ почти всей Россіи: это неисчерпаемый источникъ церковной старины, — все еще недостаточно использованный и непротѣренный научною критикою. Наоборотъ, въ Новгородѣ древности Московской эпохи естественно отодвигаются на второй планъ; а на первый планъ выступаютъ древности собственно Новгородскія древнѣйшей эпохи. И хотя иногда встрѣчаются древности Новгородскія первой эпохи даже въ самой Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ, но наиболѣе виднымъ центромъ ихъ все-таки остается Новгородъ. Въ частности, съ точки зрѣнія церковно-археологической лучшимъ собраніемъ Новгородскихъ древностей служитъ Софійскій соборъ и его старая ризница: это особенно нужно сказать о произведеніяхъ металлическихъ. Однако, выдѣляя въ особую группу древности Новгородскія первой церковно-исторической эпохи, какъ рѣдкія и потому заслуживающія особеннаго вниманія, мы не хотимъ

сказать, что онъ совершенно оригинальны и составляютъ всецѣло продуктъ художественнаго генія Новгородцевъ. Несомнѣнно, что распространѣніе христіанства въ Новгородъ отмѣчаетъ сильный художественный подъемъ; но оно же устанавливаетъ одновременно живую связь Новгорода съ другими народами, имѣвшими высокую христіанскую культуру. Новгородъ вступилъ въ культурныя сношенія съ самою Византіею, отправлявшею сюда въ Новгородъ по временамъ своихъ художниковъ (Софійскій соборъ) и иконы. Живая связь Новгорода съ Херсонисомъ также подтверждается лѣтописями. Вполнѣ вѣроятно, что чрезъ тотъ же Херсонисъ доходили до Новгорода многіе образцы металлическихъ издѣлій: кресты, энколпионы, образки, змѣевики. Между тѣмъ первоначальною родиною этихъ издѣлій, быть можетъ, окажется съ теченіемъ времени не Херсонисъ, а Малая Азія и даже Египетъ. Новый Берлинскій музей Императора Фридриха (Friedrich-Museum) имѣетъ довольно значительную коллекцію предметовъ этого рода, присланныхъ изъ Египта и Малой Азіи: нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ весьма близкое сходство съ таковыми же предметами нашихъ музеевъ — Императора Александра III въ С.-Петербургѣ, гр. А. С. Уварова въ Портъчѣ, Духовной Академіи въ С.-Петербургѣ и др. Многіе изъ этихъ предметовъ, какъ извѣстно, найдены въ Новгородѣ. Такимъ образомъ выступаетъ вопросъ о связи нашего христіанскаго искусства съ Малою Азіею, а чрезъ нее и съ Египтомъ. — Культурная зависимость Новгорода отъ Западной Европы чрезъ посредство Ганзейскаго союза — фактъ общеизвѣстный. Найдутся въ Новгородѣ и памятники, подтверждающіе эту связь (хоросы С.-Петербургской Духовной Академіи и собранія М. П. Боткина, такъ называемыя Корсунскія врата, блюда и др.). Разобраться въ этой массѣ культурныхъ воздѣйствій и уяснить мѣру ихъ — дѣло трудное, и до настоящаго времени мы не имѣемъ еще ни одной удачной попытки въ этомъ родѣ. Правда, нѣкоторые отдѣльные памятники западно-европейскіе, какъ эмалевыя иконы, привезенныя по преданію препод. Антоніемъ изъ Рима, объяснены Филимоновымъ въ томъ смыслѣ, что это лиможскія эмалы¹⁾; подобныхъ произведеній западныхъ въ Новгородѣ можно указать еще нѣсколько, напр., евхаристическая (?) лжица въ Антоніевомъ монастырѣ съ помѣткою арабскими цифрами 1234 года, блюдо мѣдное въ Власьевской церкви, серебряныя блюда Софійской ризницы и Юрьева монастыря, монстранць и рукомойникъ Софійской ризницы, кубокъ (изъ Новгорода) и блюдо музея С.-Петербургской Духовной Академіи, такъ называемыя Корсунскія врата и проч. Но все это предметы, занесенные въ Новгородъ изъ-за границы. Будучи сами по себѣ иностранными, они ничего не говорятъ о дѣйствительномъ вліяніи Запада на мѣстное Новгородское искусство, хотя и указываютъ на наклонъ къ Западу. Все это уники, и никакихъ слѣдовъ ихъ вліянія, никакого **подражанія** имъ въ Новгородѣ не видно.

¹⁾ Филимоновъ. Объ эмаляхъ, приписываемыхъ Антонію Римлянину. „Вѣстн. общ. древне-русскаго искусства“.

Было бы очень важно прослѣдить именно эти **вліянія** иностранныя и установить ихъ сущность и границы. Но наука художественной археологіи до этого не дошла: только по отношенію къ иконамъ уже установлена связь ихъ съ греческими. Въ области Новгородской архитектуры сдѣлано уже не мало; однако до сихъ поръ остается многое не вполне объясненнымъ: не объяснены окончательно древнѣйшія покрытія Новгородскихъ храмовъ, детали порталовъ и фасадныхъ формъ. Въ сферѣ металлическаго производства, шитья, рѣзьбы доселѣ многое остается также неяснымъ. Прежде, чѣмъ поставить вопросъ о вліяніяхъ, здѣсь необходимо выяснитъ наличный составъ уцѣлѣвшихъ до насъ памятниковъ и подвергнуть ихъ критической оцѣнкѣ. Видное мѣсто здѣсь принадлежитъ старой Софійской ризницѣ. И хотя почти всѣ любители и знатоки церковной старины въ своихъ ученыхъ работахъ такъ или иначе касались ихъ, но они и до сихъ поръ остаются недостаточно обслѣдованными. Въ первый разъ нѣкоторые изъ нихъ нашли себѣ почтенное мѣсто въ Древностяхъ Россійскаго Государства ¹⁾; здѣсь даны прекрасныя снимки съ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ краскахъ, представляющіе свой интересъ даже доселѣ; но объяснительный текстъ устарѣлъ и не отвѣчаетъ запросамъ современнаго церковно-археологическаго знанія. — Описаніе Софійской ризницы прот. Соловьева ²⁾ имѣетъ элементарный характеръ обычнаго типа церковной ризничной описи съ краткими замѣчаніями, явившимися, повидимому, подъ вліяніемъ Древностей Россійскаго Государства. Подобный же характеръ имѣетъ подробное описаніе архіеп. Макарія ³⁾; механическія описанія здѣсь иногда сопровождаются серьезными историческими справками и соображеніями, но нѣтъ ни критическаго анализа художественныхъ формъ, ни широкой освѣдомленности въ области художественно-археологическихъ памятниковъ. — Прекрасная книжка прот. А. И. Конкордина ⁴⁾ предназначается не для ученыхъ круговъ, а для любителей и почитателей святынь. Въ 1899 году появился VI выпускъ Русскихъ древностей въ памятникахъ искусства гр. И. И. Толстого и Н. П. Кондакова, въ которомъ даны автотипическіе снимки и ученые объясненія двухъ памятниковъ Софійской ризницы, — одного крестира и панагіара, а также свѣдѣнія о крестѣ архіеп. Антонія (Андрейковича) и о бѣломъ клобукѣ; но свѣдѣнія эти отчасти недостаточны, отчасти невѣрны, какъ это мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ ⁵⁾. Новый пересмотръ и новое изданіе памятниковъ Софійской ризницы, представляющихъ большую важность для древнѣйшей исторіи искусства въ Новгородѣ; необходимы. Остановиваясь на этихъ

¹⁾ Древности Россійскаго Государства, отд. I.

²⁾ Прот. Соловьевъ. Опис. Новгородскаго Софійскаго собора, 1858 г.

³⁾ Архіеп. Макарій. Археол. опис. церк. древн. въ Новгородѣ, ч. II.

⁴⁾ Прот. А. И. Конкординъ. Опис. Новгородскаго Софійскаго собора, 2-е изд. 1906 г.

⁵⁾ Гр. И. И. Толстой и Н. П. Кондаковъ. Русскія древн. въ памят. иск. VI. Также же здѣсь свѣдѣнія и о другихъ предметахъ Новгородской старины: о хоростѣ, приписываемомъ св. Антонію Риллянику (въ собр. М. П. Боткина), объ иконѣ Петра и Павла въ Софійскомъ соборѣ.

памятникахъ, мы рассмотримъ ихъ художественно-археологическія формы, установимъ связь ихъ съ этой стороны съ другими однородными памятниками и такимъ образомъ постараемся опредѣлить время и мѣсто ихъ происхожденія. А относящіеся къ нимъ прямо или косвенно памятники древней письменности помогутъ намъ опредѣлить ихъ смыслъ и назначеніе. Съ перваго раза казалось бы естественнымъ ожидать въ данномъ случаѣ солидныхъ, точныхъ и живыхъ разъясненій отъ старыхъ описей Софійской ризницы. Въ дѣйствительности же эти ожиданія оправдываются лишь въ рѣдчайшихъ случаяхъ. Въ библіотекѣ Софійскаго собора древнѣйшихъ описей до XVIII в. нѣтъ. Нѣтъ ихъ ни въ мѣстной консисторіи, ни въ архивѣ Св. Синода ¹⁾. Но отъ XVIII в. сохранилось нѣсколько описей: 1736 г., 1743 г., 1744 г., 1749 г., 1751 г., 1771 г. и 1775 г. Нѣкоторыя изъ описей — пространныя, иныя съ помѣтками объ утратѣ предметовъ и съ добавленіемъ новыхъ. Самая краткая опись — 1743 г.; въ ней нѣкоторые предметы обозначены цѣлыми группами, напр., девять ризъ (фелоней), шестеры ризы парчи золотой, семеры ризы тафты бѣлой и т. п. Да и полныя описи, перечисляя всѣ предметы, не даютъ въ большинствѣ случаевъ подробнаго и обстоятельнаго описанія ихъ. Измѣреній необходимыхъ нѣтъ; лѣтописи упоминаются иногда, но текстъ ихъ не приводится; преданій о происхожденіи предметовъ нѣтъ, за весьма немногими исключеніями. Эти недочеты замѣчаются во всѣхъ описяхъ XVIII в., нами рассмотрѣнныхъ. Но они были и въ описяхъ XVII в., какъ объ этомъ можно догадываться по отрывкамъ описи Софійскаго собора 1635—1646 гг., напечатаннымъ Купріяновымъ ²⁾, а также по отрывкамъ изъ описей 1690 г., 1629 г. и 1625 г., приведеннымъ у архіеп. Макарія и митрополита Евгенія (Болховитинова). Всѣ эти описи имѣли характеръ охранный, а не ученый; онѣ важны не столько для церковной археологіи, сколько для статистики и учета. — При наличности даже и такихъ несовершенныхъ описей, если бы онѣ дошли до насъ отъ временъ древнѣйшихъ, возможно было бы возстановить болѣе или менѣе полную исторію постепеннаго роста Софійской ризницы, ея значительныя утраты, завиствшія иногда отъ непониманія ихъ церковно-археологической цѣнности, иногда отъ своекорыстія и другихъ причинъ. Но было бы несправедливо произносить строгій обвинительный приговоръ надъ древними охранителями старины, обязанными хранить эту старину на пользу церкви, науки и духовнаго просвѣщенія. Въдѣ и въ настоящее время насущные вопросы объ охранѣ нашего историческаго достоянія остаются открытыми; памятники исчезаютъ, разрушаются отъ времени и искажаются неумѣлыми реставраціями и починками; дѣло научнаго изслѣдованія и изданія ихъ идетъ крайне медленно; въ обширной средѣ ученыхъ обществъ и учрежденій не замѣтно единства дѣйствій,

¹⁾ Митр. Евгеній (Болховитиновъ) имѣлъ подъ руками описи 1625 и 1629 гг. (Словарь истор. г.-е изд. 1827 г., I, стран. 66). Архіеп. Макарій имѣлъ опись 1690 г. (Новгор. церк. древн. разкѣп).

²⁾ Извѣстія Импер. Археол. Общ., III, 366—386.

направленных къ единой высшей идеальной цѣли научнаго знанія. Нѣкоторые изъ нашихъ крупнѣйшихъ музеевъ древностей не имѣютъ ни солидныхъ изданій хранящихся въ нихъ памятниковъ, ни научныхъ описаній; большая часть мелкихъ музеевъ, особенно губернскихъ, не имѣетъ даже и такихъ описей, которыя въ Новгородѣ еще въ XVII—XVIII вв. составлялись для Софійской ризницы. По уцѣлѣвшимъ описаніямъ Софійской ризницы за XVIII в. видно, что въ ней происходилъ постоянный обмѣнъ предметовъ: старые предметы замѣнялись новыми; золотыя и серебряныя вещи, независимо отъ ихъ художественно-археологической цѣнности, поступали въ ломъ и сплавъ; иные предметы исчезали безслѣдно; иные получали другое назначеніе. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Въ описи 1736 года читаемъ: «да серебряной всякой ветуши и ломы въ томъ числѣ 3 цѣпочки серебряныя въсу всего 2 фун. 69 золот. и тое серебро отдано въ дѣло новаго кадила экономомъ монахомъ Герасимомъ серебрянику Петру Федорову до переписи нынѣшней... Два золотые по приказанію казеннаго приказа употреблены на золоченіе новаго кадила»... Въ описи 1743 года описана панагія серебряная Макарьевская съ надписью: «сія панагія здѣлана бысть въ домъ Премудрости Божіи повелѣніемъ Преосвященнаго Макарія, митрополита Великаго Новгорода и Великихъ Лукъ»; а въ описи 1771 года замѣчено, что эта панагія положена на святителя Никиту. Въ той же описи 1743 года упоминается Пименовская панагія, украшенная травами, бечетами и жемчугами, съ надписью: «Пимень далъ». Панагіи этой въ настоящее время уже нѣтъ. Въ описи 1771 года отмѣчено: ризы бархату лазореваго за ветхостью употреблены въ починку, а оплечье положено на ризы, кои въ оной описи значатся. Ризы отласу золотого... за ветхостью употреблены въ починку... «Кружсева не явились», а обложены (ризы) тесьмою шелковою... Епитрахиль бархатная, низанная жемчугомъ въ 1761 г. послана къ покойному Преосвященному Димитрію митрополиту. Стихарь бархатный въ 1767 г. взятъ къ покойному Преосвященному и не возвращенъ. Шапка отдана по приказанію въ Кирилловъ монастырь архимандриту Алексію. Каведра отдана викарію епископу Олонецкому Іоанну. Въ прошломъ 761 году (многія частицы мощей) взяты въ С.-Петербургъ къ Преосвященному Димитрію митрополиту Новгородскому. — Изъ этой же описи видно, что изъ покрововъ изготовлялись иногда стихари, иногда покровы употреблялись на починку другихъ предметовъ ризницы; саккосы передѣлывались иногда въ стихари; жемчугъ съ предметовъ драгоценнаго шитья осыпался; именная панагія митрополита Питирима въ 1764 г. отдана викарію Преосвященному Іоанну епископу Олонецкому; другая серебряная панагія отдана въ архіерейскую ризницу. Золотая панагія, украшенная финифтью съ травами лазоревыми и зелеными, употреблена въ 1744 году въ сплавъ для золотого дискаса, крестъ синолоинный рѣзной положенъ на Никиту епископа; туда же положена, какъ мы уже видѣли выше, Макарьевская панагія; поясъ съ золотыми кистями положенъ на епископа

Стефана въ 1753 г., также и палица, шитая золотомъ и серебромъ по червчатому атласу съ вышитымъ изображеніемъ Софіи Премудрости Божіей и т. д. Нѣкоторые предметы перемѣщались не только въ соборную ризницу, но даже въ Александро-Невскую Лавру. Оплечья, пуговицы и т. п. иногда перемѣщались съ обветшавшихъ предметовъ на новые. Дробницы серебряныя, иногда съ финифтью, также пуговицы, позвонцы, ворворки золотыя вязаныя, драгоценныя камни и жемчугъ снимались съ митръ, клобуковъ и другихъ предметовъ церковнаго облаченія и терялись ¹⁾).

Вся совокупность предметовъ старой Софійской ризницы дѣлится на дѣть частей: первая заключаетъ въ себѣ предметы, относящіеся къ древней эпохѣ Новгородскаго народоправства (XI—XV в.); вторая — предметы Московскаго періода (XVI—XVII в.). Первые изъ нихъ представляютъ наибольшій интересъ не только со стороны древности, но и сравнительной рѣдкости, а потому на нихъ главнымъ образомъ сосредоточено наше вниманіе. На этотъ разъ мы предлагаемъ лишь первую часть; вторая же будетъ издана особо впоследствии. Такъ какъ предметы, подлежащіе нашему обследованію, весьма различны по своему церковно-археологическому характеру, а механически объединяются лишь эпохою, къ которой относятся, мѣстомъ, гдѣ хранятся ²⁾, и единствомъ общей цѣли — обслуживать потребности церкви, то наша работа въ цѣльномъ ея видѣ не могла явиться органически связанною: она представляетъ рядъ отдѣльныхъ изслѣдованій о памятникахъ старины. Разнородность памятниковъ расширяла и затрудняла задачи изслѣдованія: мы должны были постоянно переходить отъ одного предмета къ другому, изъ одной сферы источниковъ въ другую; помимо ближайшихъ церковно-археологическихъ источниковъ и горизонтовъ, мы должны были вступать и съ разнородною художественною техникою, и съ палеографіею — греческою и славяно-русскою, и съ классическою археологіею, и съ современною церковно-богослужебною практикою Іерусалима и Афона, и съ западно-европейскою геральдикою и т. д. По разнообразнымъ спеціальнымъ вопросамъ этого рода, какъ это видно въ нашей работѣ, мы обращались къ подлежащимъ спеціалистамъ и получили отъ нихъ компетентныя разъясненія, а потому считаемъ непрямымъ долгомъ выразить нашу глубокую признательность: Высокоуважаемой Графинѣ Парасковѣ Сергѣевнѣ Уваровой, академикамъ В. В. Латышеву и А. И. Соколову, прот. А. И. Конкордину, проф. А. И. Шляпкину, проф. И. И. Соколову, проф. И. А. Карабинову, Н. М. Каринскому и П. Л. Гусеву.

1912 года 25 марта.

КѢрѣноска.

¹⁾ Для образца прилагаемъ здѣсь въ концѣ одну изъ лучшихъ вписей Софійскаго протопопа Дометія Овсифакича 1751 года.

²⁾ Икона св. ап. Петра и Павла находится не въ ризницѣ, а въ иконостасѣ, но она издается здѣсь въ виду ея особой важности и Корсунскаго происхожденія. Но икону Корсунской Богоматери мы не рѣшились присоединить сюда въ виду ея позднѣйшаго обновленія (въ краскахъ), ослабившаго ея крупное художественно-историческое значеніе.

I—II¹⁾.

Іерусалимы или Сіоны.

Въ Софійской разницѣ два Іерусалима или Сіона — большой и малый (Табл. I—II)²⁾; оба они по своему архитектурному строенію представляютъ модели круглыхъ (въ планѣ) церквей; увѣнчаны крестами; сдѣланы изъ серебра и поставлены на поддоны въ видѣ серебрянныхъ блюдецъ. На блюдахъ (на наружныхъ поверхностяхъ) обозначена цѣнность Сіоновъ: на первомъ III гривенокъ, на второмъ VI гривенокъ. Первый изъ Іерусалимовъ или Сіоновъ не только по вѣсу, но и по размѣрамъ, больше второго; въ деталяхъ ихъ строенія замѣтны также нѣкоторые различія. Степень сохранности первого выше, чѣмъ — второго.

1.

1) Первый Іерусалимъ или Сіонъ. (Табл. I) Высота вмѣстѣ съ крестомъ 0,74 м., объемъ 1 м. Остовъ его составляютъ 6 серебряныхъ пустотѣлыхъ колонокъ съ базами и капителями (точнѣе — абаками), украшенными волютами съ чернью. Между колонками 6 двустворчатыхъ серебряныхъ дверей, на которыхъ помѣщены 12 апостоловъ чеканная фигуры апостоловъ сдѣланы особо и припаяны къ гладкимъ дверямъ. Апостолы стоятъ на подножіяхъ; возлѣ головъ ихъ вертикальная надпись ихъ именъ: **ω агнос Петрос, ω агнос Павл, ω агнос Митохос, ω агнос Маркосъ, Павокъ Карфоломъ, Θомас, Θваннъ, Симонъ, Андра, Лука, Іω Бѣгослокъ.** Надъ всеми дверями Сіона въ аркахъ — красивый прорѣзной орнаментъ въ видѣ плетенія. Въ промежуткахъ между арками по три сердолика въ оправахъ, въ формѣ сердечекъ. Вверху по окружности купола расположены большой деисисъ — (*imagines clipeatae*) медальонныя изображенія І. Христа, Богоматери, Іоанна Предтечи, арх. Михаила, арх. Гавріила и Василія Великаго (**ω агносъ Взм.**). На куполѣ четвероконечный крестъ съ кружками и шариками на концахъ, утвержденный на подставѣ съ двумя маконицами. Безъ сомнѣнія крестъ этотъ добавленъ уже въ Новгородѣ: на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ припаянъ, находится теперь закрытая греческая надпись. Медальонныя изображенія на куполѣ (т. I, 3) чеканены не отдѣльно, какъ апостолы на дверяхъ, а на томъ же самомъ металлѣ, изъ котораго устроенъ куполъ. На поддонѣ

¹⁾ Римская нумерація соответствуетъ такой же нумераціи таблицъ фототипій.

²⁾ Наданы въ Древн. Росс. Госуд. отд. I №№ 49 и 53. Прилагаемая здѣсь таблица сдѣлана по фотографическимъ снимкамъ, снятымъ съ натуры.

Іерусалима, — на внутренней поверхности блюда, нацарованъ восьмиконечный процвѣтшій крестъ съ надписью **Іс. Хс. нн ка.**

2) Второй Іерусалимъ меньше перваго (табл. II): высота его (съ крестомъ) 0,63 м.; объемъ 0,93 м. Всѣ серебряныя двери его выломаны, и остались лишь слѣды ихъ прикрѣпленій на колонкахъ; колонки гладкія безъ всякихъ украшеній; камни на куполѣ повреждены, медальонныя изображенія вынуты и замѣнены цвѣтными стеклами; прорѣзной орнаментъ подъ арками — въ видѣ волютовъ и бутоновъ. На внутренней поверхности поддона начертанъ четвероконечный византійскій крестъ съ расширенными концами, къ которымъ примыкають круги и шарики; въ центрѣ креста медальонный образъ І. Христа.

Такимъ образомъ, хотя общее архитектурное строеніе обоихъ Іерусалимовъ одинаково, но въ деталяхъ они различаются между собою: орнаментика ихъ въ аркахъ между колонками не одинакова, не одинаковы и корпусы колонокъ и базы крестовъ; но все это не мѣшаетъ считать ихъ приблизительно одновременными. Къ какому же времени относится изготовленіе ихъ?

Іерусалимы или Сіоны въ Великомъ Новгородѣ должны были появиться вмѣстѣ съ построеніемъ перваго соборнаго храма. И хотя до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній о первоначальномъ устроеніи ихъ, однако отъ XI вѣка мы имѣемъ свидѣтельство Лѣтописи, удостовѣряющее, что полоцкій князь Всеславъ Брячиславовичъ ходилъ на Новгородъ и взялъ (въ Софійскомъ соборѣ) Ерусалимъ (Сіонъ) церковный и сосуды служебныя¹⁾. Какъ сосуды служебныя, такъ и «Ерусалимъ» или Сіонъ были серебряныя, и какъ предметы матеріально-цѣнныя захвачены были Всеславомъ. Это былъ первый Іерусалимъ Новгородскаго Софійскаго собора, устроенный, вѣроятно, вмѣстѣ съ сооруженіемъ самого собора въ половинѣ XI вѣка. Никакихъ свѣдѣній о формѣ этого Іерусалима мы не имѣемъ. На смѣну его и даже одновременно съ нимъ могли явиться и тѣ Іерусалимы, которые дошли до насъ. Оба Іерусалима ризницы съ полною вѣроятностію могутъ быть отнесены къ XI — XII в. Предполагая, что, при сооруженіи Іерусалимовъ, оберегались древнія традиціи, мы имѣемъ основаніе думать, что настоящіе Софійскіе Іерусалимы или Сіоны въ своихъ главнѣйшихъ архитектурныхъ формахъ повторяють формы древнѣйшаго Новгородскаго Іерусалима.

Въ древностяхъ Россійскаго Государства Новгородскіе Іерусалимы отнесены къ XV — XVI в., а именно — меньшій къ XV в., а большій къ XVI в.²⁾, и это опредѣленіе ничѣмъ не мотивировано. Архим. Макарій въ Археологическомъ описаніи Новгорода повторяетъ почти то же самое, относя безъ всякихъ основаній оба Сіона «по крайней мѣрѣ къ XV вѣку»³⁾. Гр. А. С. Уваровъ считаетъ ихъ одновременными съ Московскими Сіонами и такимъ образомъ относитъ ихъ происхожденіе къ XV в.⁴⁾. Прот. А. И. Конкординъ, согласно съ мнѣніемъ гр. М. В. Толстого, относитъ Сіоны также къ XV вѣку⁵⁾. Такъ какъ никакихъ историческихъ извѣстій

¹⁾ Лѣтоп. Ипат. подъ 1178 г. Изд. 2-е Археогр. Комиссіи, 1908 г., стр. 608.

²⁾ Древн. Росс. Госуд. отд. I № 60, стр. 89; ср. отд. I № 49—52, стр. 81—82.

³⁾ Арх. Макарій, Археол. опис. Новгорода. М. 1860; ч. II, стр. 206.

⁴⁾ Гр. А. С. Уваровъ, Мелкія соч. изд. гр. П. С. Уваровой. М. 1910 г., т. I, стр. 298.

⁵⁾ Прот. А. И. Конкординъ, Опис. Новгор. Соф. собора. Новгородъ 1906, стр. 118.

о происхождении Софійскихъ Іерусалимовъ нѣтъ, то намъ остается отыскивать хронологическія примѣты въ самыхъ памятникахъ. Общій характеръ ихъ архитектуры — греческій: центрическій планъ, форма купола, крестъ на куполѣ, медальонныя изображенія большого деисиса, характерный орнаментъ въ аркахъ — все это указываетъ на искусство эллинистическое; даже обработка колоннъ и характеръ ихъ орнаментики стоятъ въ генетической связи съ тѣмъ же искусствомъ. Въ изображеніяхъ апостоловъ на наружныхъ поверхностяхъ большого Іерусалима выступаютъ черты любопытныя: въ цѣломъ старыя иконографическія формы здѣсь удерживаются; костюмы и атрибуты святыхъ также удовлетворительны, если смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія древнихъ традицій. Но въ рукахъ ап. Петра находятся уже три ключа и посохъ — атрибуты власти; ап. Павелъ держитъ книгу обнаженной рукою: черты эти не обычны для строгой византійской иконографіи, но онѣ все-таки здѣсь иногда допускались, напр. посохъ у ап. Петра на реликваріи византійскомъ въ Sancta sanctorum¹⁾ въ Римѣ, обнаженная рука ап. Павла съ книгою на греческой иконѣ того же Софійскаго собора XI в.²⁾ Важнѣе — особенности иконографическихъ типовъ. Типъ ап. Петра выдержанъ довольно строго, если не въ выраженіи лица, то по крайней мѣрѣ въ фактурѣ волосъ и бороды; у ап. Павла выдержанъ одинъ лишь овалъ лица. Все это показываетъ, что художникъ, изготовлявшій отдѣльно чеканныя фигуры апостоловъ на особыхъ пластинкахъ, допускалъ отклоненія отъ обычныхъ византійскихъ типовъ и иконографическихъ подобій. Въ иконографическихъ изображеніяхъ проходятъ послѣдовательно округлые большіе глаза съ выдающимися зрачками и длинный носъ, спускающійся на губы. Въ орнаментикѣ преобладаетъ восточный характеръ плетушки съ замѣтными по мѣстамъ усиками. Орнаментака этого рода находила широкое примѣненіе въ искусствѣ Сиріи и Палестины³⁾ и отсюда она перешла, вѣроятно, въ Византію⁴⁾, а потомъ и въ Болгарію⁵⁾.

На верхушкѣ большого Іерусалима, гдѣ припаяна главка, находится греческая надпись, большая часть которой теперь закрыта главкою, крѣпко припаянною серебромъ.

$\begin{array}{c} \text{8} \\ \text{ПРОТЕΔΡ8}^{6)} \\ \dots \text{VK}\zeta \\ \text{K.} \dots \text{NC} \\ \text{CPO} \\ ||||| \text{ΦOP8} \\ \text{M} \end{array}$

¹⁾ Lauer S. Sanct. pl. XIV, 1. Ср. мозаику Солунской церкви св. Софій. Diehl, Manuel d'art byzant. p. 468, fig. 228.

²⁾ Ср. реликварій S. Sanct. pl. XIV, 5.

³⁾ Н. П. Кондаковъ, Археол. путеш. по Сиріи и Палестинѣ, рис. 28, 32, 39, 45, 49; табл. IV. LXII. Стасовъ, Славянскій и вост. орнам. CXXVIII, 4; CXXIX, 6 и др. Ср. Болгар. II и молдаво-влахійскій (XVII в.) XXXIX.

⁴⁾ Кн. Гагаринъ, Визант. орнам. табл. XXIII, XXXVII, XXXXI. Milet, Monuments byzant. de Mistra. Paris 1910. Pl. 51, 1. 5. 7. 13. 58, 1. 3.

⁵⁾ Деревянные врата рыльского монастыря и др. Извѣстия на Българското археологическо дружество I. 1910. София; табл. IV; ср. стр. 97 и 99.

⁶⁾ Du-Sange, Glossar. graec. *Πρόεδρος* = praeses. Dignitas Palatina a Nicephoro Phoca instituta. *Προτοπρόεδρος* могъ быть патриархъ, митрополитъ, епископъ.

Фрагменты эти были сообщены мною академику В. В. Латышеву и профессору И. И. Соколову съ просьбою о прочтеніи и объясненіи. В. В. Латышевъ отвѣтилъ: «... я предлагаю читать тоу проѣдров: слово проѣдрос (предсѣдатель, президентъ) часто встрѣчается въ житійной литературѣ въ значеніи «епископъ» и даже «патріархъ». Во 2-й, 3-й и 4-й строкахъ, по моему мнѣнію, сохранившіяся буквы представляютъ собою концы коротенькихъ строчекъ, начала которыхъ находятся на лѣвой сторонѣ, закрытой главкою; наконецъ, въ нижней строкѣ, быть-можетъ, слѣдуетъ видѣть конецъ имени (Νικη)φόρου (первыя буквы у Васъ показаны плохо сохранившимися), которое хорошо гармонировало бы съ предыдущимъ проѣдров. Стало-быть, я склоненъ видѣть въ надписи упоминаніе какого-либо епископа или патріарха Никифора (тоу проѣдров.... Νικηφόρου). Вотъ мое посильное толкованіе, предлагаемое, конечно, какъ говорятъ французы, *sous tous les réserves*. Профессоръ И. И. Соколовъ читаетъ: тоу проѣдров (τῶν ἱεροσολύμων) καὶ.... Νικηφόρου и склоненъ видѣть здѣсь указаніе на Іерусалимскаго патріарха Никифора. Если эти догадки заслуживаютъ вѣроятія, то ясно, что Новгородскій Іерусалимъ присланъ въ Софійскій соборъ патріархомъ Никифоромъ. Въ XI—XIII столѣтіяхъ было три патріарха Никифора: Іерусалимскій (ок. 1048 г.), Антиохійскій (ок. 1080—1092 г.) и Константинопольскій Никифоръ II (1260). Въ виду характерныхъ особенностей стиля большого Іерусалима и его тѣснѣйшаго, по формѣ и значенію, какъ будетъ видно ниже, отношенія къ св. граду Іерусалиму, мы полагаемъ, что здѣсь упоминается имя Іерусалимскаго патріарха Никифора. Быть-можетъ, это былъ драгоценный подарокъ для вновь сооружаемаго въ то время (1045—1052) каменнаго Софійскаго собора въ Новгородѣ? Такъ какъ Іерусалимъ этотъ устроенъ на шарнирахъ, то онъ присланъ былъ, вѣроятно, въ разобранномъ видѣ. Характеръ надписей показываетъ, что онѣ сдѣланы русскимъ мастеромъ, недостаточно знакомымъ съ греческимъ языкомъ, и возможно, что онѣ сдѣланы въ Іерусалимѣ, или уже въ Новгородѣ.

3) Рѣдкій памятникъ греческаго серебрянаго Іерусалима или Сіона находится въ настоящее время въ Ахенскомъ соборѣ (рис. 1). Онъ извѣстенъ здѣсь, а также и въ наукѣ подъ именемъ Ахенскаго реликварія (*capella reliquiarum*). Онъ имѣетъ форму небольшого (0,38 м.) греческаго однокупольнаго храма¹⁾, окладъ его четвероугольный. Надъ кровлею возвышается трибунъ (=ротонда), украшенный колонками, соединенными между собою арочками. На одной сторонѣ — алтарная апсида, на трехъ остальныхъ — створчатыя двери, украшенные четвероконечными, расширенными на концахъ, крестами. Внутри сохранился старый лоскутокъ пергамента, на которомъ стариннымъ шрифтомъ написано: *caput ba Anastasi m...y*. Надпись эта показываетъ, что здѣсь, въ этомъ ковчегѣ, хранились когда-то мученическіе останки (голова) мученика Анастасія, быть-можетъ, того самаго, который пострадалъ за Христа въ Персіи при Хозроѣ (VII в.). Отсюда и усвоено ковчегу названіе реликварія.

¹⁾ Изданъ: *Ancient and modern gold and silver Smith's work in the South Kensington Museum* John Hungerford Pollen. London, 1878. *Omnes* p. 4—7; cf. Labarte, *Hist. der art. industr.*, pl. XLIII. Schlumberger, *L'épopée byzant.* I, p. 461. Bock, *Das Heiligthum zu Aachen*. Köln, 1874. S. 12. Fig. 15. Ch. Diehl, *Manuel d'art byz.* p. 640. Paris, 1910.

На всѣхъ сторонахъ ковчега находятся греческія надписи, имѣющія чрезвычайную важность.

а) На апсидальной сторонѣ: ΚΥΡΙΕ ΒΟΗΘΕΙ ΤΩ ΣΩ ΔΟΥΛΩ ΕΥΣΤΑΘΕΙΩ ΑΝΘΥΠΑΤΩ ΠΑΤΡΙΚΙΩ ΚΑΙ ΣΤΡΑΤΗΓΩ ΑΝΤΙΟΧΙΑΣ ΚΑΙ ΛΙΚΑ ΔΟΥ.

б) На сторонѣ, противоположной апсидѣ: ΑΝΑΣΤΙΘΗ ΚΕ ΕΙΣ ΤΗΝ ΑΝΑΠΑΥΣΙΝ ΣΟΥ, ΣΥ ΚΑΙ Η ΚΙΒΩΤΟΣ ΤΟΥ ΑΓΙΑΣΜΑΤΟΣ ΣΟΥ (Псал. СXXXI, 8).

в) На стѣнкѣ съ правой стороны: ΔΕΔΟΞΑΜΕΝΑ ΕΛΑΛΗΘΗ ΠΕΡΙ ΣΟΥ Η ΠΟΛΙΣ ΤΟΥ ΘΕΟΥ ΗΜΩΝ (Псал. LXXXVI, 3).

г) На стѣнкѣ съ лѣвой стороны: ΕΞΕΛΕΞΑΤΟ ΚΥΡΙΟΣ ΤΗΝ ΣΙΩΝ, ΗΡΕΤΙΣΑΤΟ ΑΥΤΗΝ ΕΙΣ ΚΑΤΟΙΚΕΙΑΝ ΕΑΥΤΩ (Псаломъ СXXXI, 13).

Ст. Кэнтцелеръ въ своемъ специальномъ изслѣдованіи объ Ахенскомъ реликваріи¹⁾ объяснилъ, что упоминаемый въ первой надписи Евстаѣій, проконсулъ, патрикій и табуллярій — военачальникъ или министръ былъ тотъ самый Евстаѣій, который былъ посланъ императоромъ Иракліемъ въ Персію для заключенія мира съ Сироемъ, преемникомъ Хозроя. Посольство это прибыло къ персидскому царю черезъ два мѣсяца послѣ мученической кончины Анастасія; глава мученика была отсѣчена и послана Хозрою. Заключивъ миръ съ только что вступившимъ на престолъ Сироемъ (628 г.), Евстаѣій, какъ полагаетъ Кэнтцелеръ, воспользовался этимъ

Рис. 1. Ахенскій реликварій.

случаемъ, чтобы взять голову мученика и передать ее христіанамъ. Затѣмъ, спустя нѣкоторое время, мощи отправлены были въ Константинополь, потомъ оказались въ Римѣ и, наконецъ, глава попала въ Ахенъ. Во всемъ этомъ разсказѣ нѣтъ никакого упоминанія о реликваріи. Авторъ не считаетъ нужнымъ объяснить — когда и гдѣ сдѣланъ былъ этотъ реликварій? Въ Персію онъ не могъ быть сдѣланъ,

¹⁾ Kaentzeler, Ein griech. Reliquienbehälter im Aachener Münster. Zeitschr. für Christl. Archäologie, herausgegeben v. Quast u. Otte, Leipzig, 1859. S. 130—133.

такъ какъ, если предположить, что самъ Евстаѳій увезъ съ собою изъ Персіи мощи, то это было спустя лишь всего нѣсколько дней послѣ полученія мощей. Да и работа реликварія совсѣмъ не персидская. Съ тѣхъ поръ исторія мощей становится темною, и имя Евстаѳія въ связи съ ними не упоминается; не упоминается также и реликварій; да этого и не могло случиться, такъ какъ рассматриваемый реликварій, какъ видно по его архитектурному стилю, явился гораздо позднѣе VII вѣка. Несмотря на это, Кэнтцелеръ, увлеченный своею остроумною догадкою и принимая за несомнѣнный фактъ, что Ахенскій реликварій по своему первоначальному назначенію былъ именно реликваріемъ главы мученика Анастасія, пытается съ этой предвзятой точки зрѣнія объяснить и всѣ другія надписи на реликваріи. Конечно, попытка эта оказалась неудачною и даже прямо странною, такъ какъ надписи эти имѣютъ не историческій смыслъ, а пророчесвенный. Онъ съ чрезмѣрною смѣлостію предлагаетъ исправить не точное, по его мнѣнію, выраженіе въ 4-й надписи и читать: 'Αναστάσιος вмѣсто κύριος, такъ какъ въ этомъ ковчегѣ обитаетъ, будто бы, не Господь, а мученикъ Анастасій (Псал. CXXXI, 13: избралъ *Господь* Сіонъ, возжелалъ его въ жилище себѣ). Затѣмъ, полагая, что въ псалтирныхъ текстахъ возможно искать указаній на имя мученика Анастасія, онъ останавливается на выраженіи 2-й надписи: Αναστήθι и видитъ здѣсь намекъ на это имя (Псал. CXXXI, 8: Стань, Господи, на мѣсто покоя Твоего). Нужно ли доказывать, что все это — грубое заблужденіе, объясняемое полнымъ незнакомствомъ съ элементарными требованіями методологін. Въ дѣйствительности совершенно ясно, что всѣ приведенные псалтирные тексты не имѣютъ никакого отношенія ни къ мученику Анастасію, ни къ мученичеству вообще и относятся прямо къ Іерусалиму или Сіону, т.-е. къ кивоту, на которомъ они находятся и который, очевидно, долженъ быть признанъ, по первоначальному назначенію, не реликваріемъ, но Іерусалимомъ или Сіономъ, однороднымъ по своему происхожденію съ Іерусалимами Новгородскими: сперва онъ былъ Сіономъ, а потомъ, во времена сравнительно позднѣйшія, превращенъ въ реликварій, и въ немъ положены были мощи мученика Анастасія. Первая изъ приведенныхъ надписей указываетъ на имя Евстаѳія: она даетъ понять, что Евстаѳій принималъ участіе въ строеніи Сіона; но кто былъ этотъ Евстаѳій? тотъ ли самый, который былъ при императорѣ Иракліи, или другой? Вѣрнѣе послѣднее. Уже Квастъ, въ своемъ редакціонномъ примѣчаніи къ статьѣ Кэнтцелера, замѣтилъ, что могли быть и другіе табулляріи съ тѣмъ же именемъ въ позднѣйшее время¹⁾. На присутствіе мощей муч. Анастасія въ этомъ Сіонѣ указываетъ особая записка, но она сдѣлана на пергаментѣ и относится къ позднему времени, и во всякомъ случаѣ трудно сказать — находятся ли здѣсь мощи мученика Персидскаго²⁾ или другого святого Анастасія. Предположеніе Кэнтцелера, что Евстаѳій привезъ съ собою изъ Персіи мощи Анастасія не доказано. Дальнѣйшая исторія мощей также темна: перенесены ли они были изъ Персіи сперва въ Кесарію, Константинополь или въ Римъ, — все это вопросы темные и едва ли разрѣшимые при наличности тѣхъ

¹⁾ Ibid. S. 133, Anmerk.

²⁾ 628 г. 22 янв. Арх. Сергій. Агіологія II, 27.

источниковъ, которыми располагаетъ современная агиологія. Наконецъ и самый Сіонъ потерпѣлъ нѣкоторыя измѣненія въ устройствѣ дверей съ романскимъ мыскомъ. Несомнѣнно одно, что по первоначальному назначенію — это не реликварій, а именно богатый Іерусалимъ или Сіонъ, — серебряный, украшенный чернью (niello) съ греческими надписями, прямо относящимися къ Іерусалиму или Сіону, — и только къ нему одному, а отнюдь не къ реликварію.

Въ виду этого мы склонны думать, что Ахенскій Сіонъ вывезенъ былъ съ Востока во время крестовыхъ походовъ, какъ военная добыча. Онъ не древнѣе X—XI в. Въ Персіи этотъ Сіонъ никогда не былъ. Сіонъ — эмблема церкви Іерусалимской, мемориальный знакъ, указывающій на неразрывную связь церкви, которая владѣетъ имъ¹⁾, съ «матерью всѣхъ церквей — Сіономъ святымъ»; но Христіанская церковь въ Персіи уже въ V вѣкѣ уклонилась въ несторіанство, прервала сношенія съ митрополіею и едва держалась среди плотной массы язычества²⁾. Въ самомъ характерѣ Ахенскаго Сіона, какъ памятника искусства, нѣтъ ни одного признака, указывающаго на Персію. Изготовленъ онъ былъ, вѣроятно, въ Іерусалимѣ или Антіохіи и предназначенъ для Антіохійскаго собора.

Шлюмберже³⁾, разобравъ надпись на этомъ памятникѣ и прочитавъ Λικανδου вмѣсто Λικα Δου, доказалъ, что малоазійская еема Ликанда появилась около 915 г. и прекратила свое существованіе ранѣе 1085 г., что въ числѣ правителей или дукновъ этой еемы не найдено ни одного съ именемъ Евстаѳія и что если таковой окажется, то лишь въ концѣ X или въ началѣ XI в. Онъ-то и устроилъ Ахенскій Сіонъ⁴⁾.

Вопросъ о времени изготовленія реликварія, такимъ образомъ, подтверждается и надписью; но его происхожденіе и первоначальное назначеніе оставались доселѣ невыясненными.

4) Въ синодальной ризницѣ въ Москвѣ находятся два Іерусалима или Сіона — большой и малый, принадлежавшіе Московскому Успенскому собору. Большой имѣетъ (рис. 2—5) 0,94 м. высоты съ крестомъ; высота стѣнокъ корпуса до шатра 0,43 м.; объемъ 1,50 м. Верхъ Сіона обработанъ на подобіе усѣченнаго шатра, на которомъ утвержденъ трибунъ и четыре маленькія маковицы (уцѣлѣли двѣ); на трибунѣ — маковица съ четвероконечнымъ крестомъ. Въ цѣломъ Сіонъ имѣетъ видъ центрическаго храма. По всей вѣроятности, онъ имѣлъ поддонъ въ видѣ массивнаго серебрянаго блюда, подобно Новгородскимъ Сіонамъ, но онъ отломанъ; внутри Сіона виденъ желѣзный штырь. Наружныя поверхности его изобильно украшены изображеніями апостоловъ, пророковъ; въ орнаментикѣ широкою полосой проходитъ тератологическій элементъ. На корпусѣ Сіона — апостолы: Петръ — съ ключами (голова утрачена), Павелъ, Яковъ ап., Филиппъ ап., Симонъ, Іоаннъ, Маркъ, Лука ап., Тома ап., Маттеей ап., Вареоломей ап., Андрей ап. Выше корпуса на четырехъ

¹⁾ См. ниже.

²⁾ Ср. В. В. Болотовъ, Лекція по исторіи др. ц. С.-Пб. 1910. II, 261—263.

³⁾ Schlumberger, L'inscription du reliquaire byzantin en forme d'église du trésor d'Aix-la-Chapelle. Eugène Piot, Monum. et mémoires. t. XII p. 202 sq.

⁴⁾ Объ этомъ подробно см. «Вѣстникъ Археол. и Ист.» XXI, 14—15.

фасахъ — пророки: Моисей съ двумя животными, Валаамъ съ крылатыми животными, Даниилъ съ откинутою въ сторону десницею съ двуперстнымъ жестомъ, съ двумя крылатыми животными, и Иванъ (Предтеча) съ двумя фигурами звѣрей или животныхъ. На стѣн-

Рис. 2. Большой Московскій Іерусалимъ.

кахъ трибуна расположены фигуры съ змѣиными хвостами. На куполѣ, имѣющемъ форму маковицы, — мелкіе орнаменты: маски мужскія и женскія, звѣри, птицы, животныя, змѣи, отчасти фантастическіе. Всѣ фигуры трибуна и купола, равно и корпуса, отдѣляются колонками съ арочками и, слѣдовательно, представлены въ чертогахъ. На внутренней сторонѣ двери Сіона чеканная надпись: «Въ лѣто 6994 (1486) сдѣланъ бысть сей Іерусалимъ повелѣніемъ благовѣрнаго и христолю-

бываго великаго князя Ивана Васильевича Господаря всея Руси въ лѣто 25-оо господарства его въ церковь Успенія Пречистыя и ко гробу чудотворца Петра на Москвѣ». — Если архитектура этого Сіона представляетъ черты смѣшаннаго

Рис. 3. Большой Московскій Іерусалимъ.

характера — романскія и русскія, то все наружныя фигуры и звѣринный орнаментъ имѣютъ романское происхожденіе. Слѣдовъ древне-русскаго преданія нѣтъ здѣсь въ типахъ и подобіяхъ святыхъ; западная лѣпка фигуръ, фактура волосъ и костюмовъ, даже характеръ жестовъ, все это указываетъ на романскіе источники. Съ этой стороны мнѣніе гр. А. С. Уварова, высказанное еще въ 1865 г. о романскомъ стилѣ Московскихъ Сіоновъ, совершенно вѣрно. Вѣрно и то предположеніе, что большой

Труды XV Сѣзда. Т. I.

Сіонъ изготовленъ, вѣроятно, италіанцами, вызванными въ Москву Іоанномъ III¹⁾; но Іерусалимы или Сіоны пришли къ намъ первоначально все-таки не съ запада, какъ полагалъ гр. А. С. Уваровъ, а съ востока, и лишь въ XV вѣкѣ, благодаря наплыву иностранцевъ въ Москву, подверглись столь рѣзкимъ измѣненіямъ въ стилѣ.

Рис. 4. Большой Московскій Іерусалимъ.

Рис. 5. Большой Московскій Іерусалимъ.

Замѣтимъ, наконецъ, что эти измѣненія съ такою силою и послѣдовательностію обнаруживаются только въ большомъ Московскомъ Сіонѣ; менѣе значительны они въ маломъ Сіонѣ.

5. Малый Іерусалимъ Московской синодальной ризницы (рис. 6—9) имѣетъ видъ одноглаваго храма Московской архитектуры. Основаніе его квадратное; надъ нимъ

¹⁾ Матеріалы для археол. словаря. Древн. Труды Моск. Археол. общ. 1865 г., т. I, стран. 75. Ср. Мелкія соч., т. I, 298.

ковошники, трибунъ, маковица и восьмиконечный крестъ. Высота его съ крестомъ 0,63 м.; высота корпуса до карниза 0,21 м.; ширина стѣнокъ 0,20 м. Алтарной аспиды нѣтъ; нѣтъ также и дверей. На стѣнкахъ корпуса расположены 12 иконо-

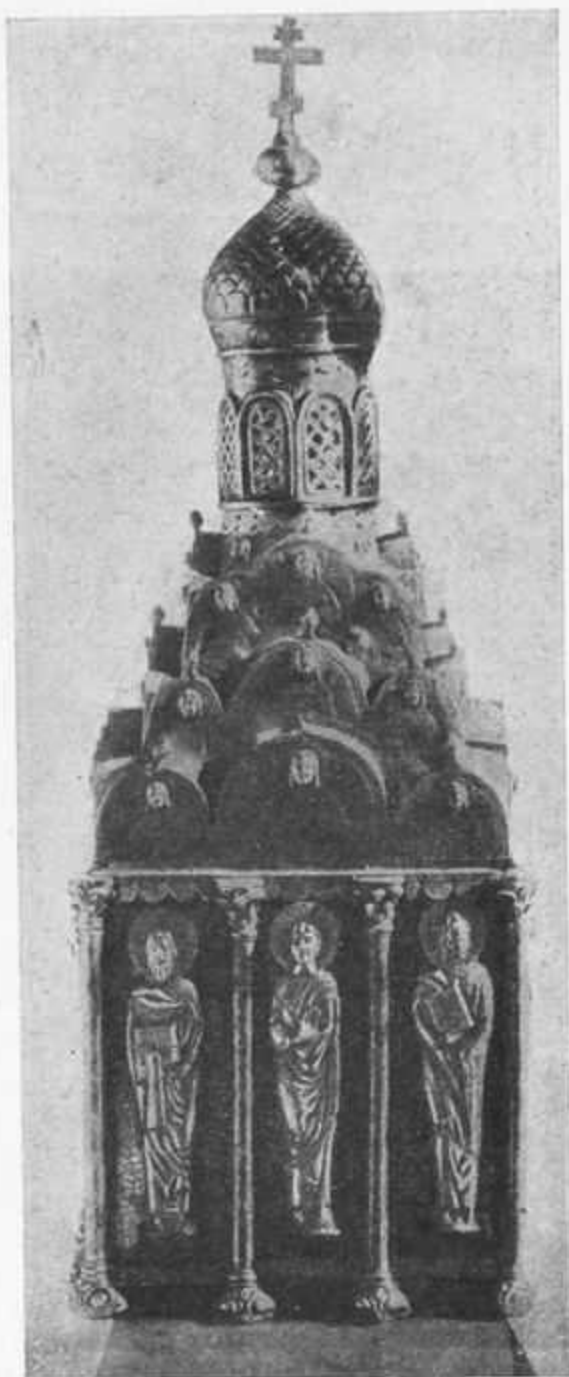
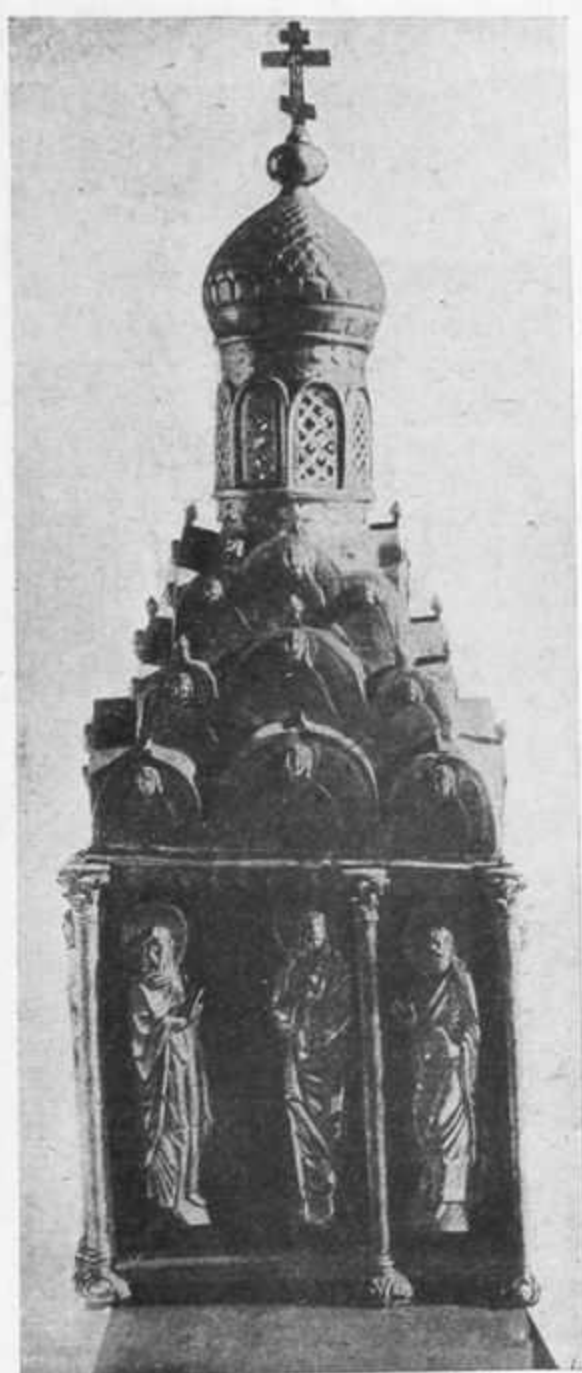

Рис. 6 и 7. Малый Московскій Іерусалимъ.

графическихъ фигуръ (по три на каждой стѣнкѣ), отдѣленныхъ другъ отъ друга колонками, украшенными чернью, съ базами и капителями (одна колонка утрачена). Иконографическія тріады расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1—3 деисеусъ (І. Христосъ, Богоматерь и Предтеча), 4—6 ап. Павелъ, Іоаннъ, Маркъ, 7—9 Яковъ,

Симонъ, Андрей, 10—12 Лука, Матѣей, Петръ. На кокошникахъ нацѣрованы ангелы съ чеканными головками; такія же четыре головки ангеловъ помѣщены у основанія трибуна. Поддонъ утраченъ. По карнизу расположена чеканная надпись: «Въ лѣто

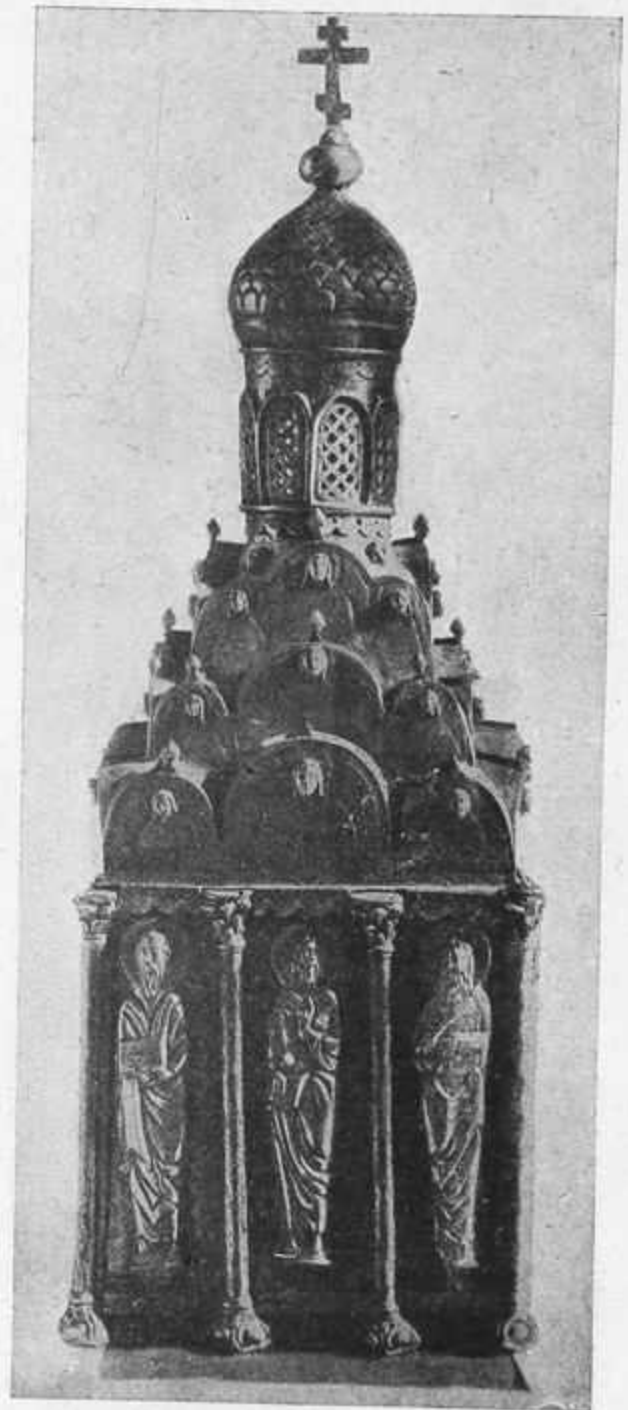
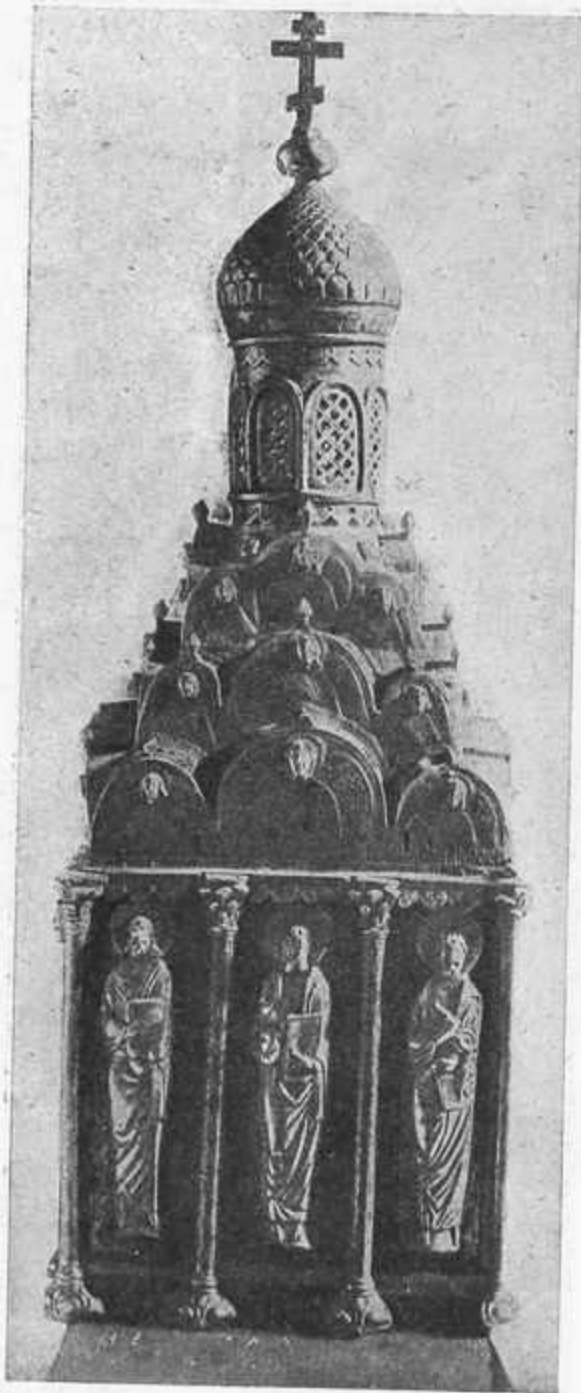

Рис. 8 и 9. Малый Московскій Иерусалимъ.

6994 (1486) сдѣланъ бысть сій Ерусалимъ повелѣніемъ благовѣрнаго и христіюбиваго великаго князя Ивана Васильевича Господаря всея Руси въ 24 лѣто господства его въ церковь Успенія Пречистыя и ко гробу чудотворца Петра на Москвѣ. — Основные архитектурные мотивы этого памятника — русскіе, точнѣе Московскіе, навіянные Московскою архитектурою эпохи возрожденія. Но всеъ иконографическія

фигуры, вся орнаментика, имѣютъ западный характеръ: всѣ фигуры, головки и жесты, весь стиль декоративный, составляютъ уже продуктъ западнаго творчества — вѣроятно, италіанскаго, внесеннаго сюда пріѣзжими художниками.

Разсмотрѣнными памятниками ограничивается вся наличность древнихъ Іерусалимовъ, сохранившихся до сего времени. Сверхъ того, мы имѣемъ нѣсколько отдѣльныхъ указаній на Іерусалимы или Сіоны греческіе, русскіе и, повидимому, западно-европейскіе. Извѣстный русскій паломникъ начала XIII в. архіепископъ Новгородскій Антоній въ своемъ Путешествіи упоминаетъ, между прочимъ, и объ Іерусалимѣ или Сіонѣ. Описывая великолѣпіе богослуженія въ храмѣ св. Софіи въ Константинополѣ, онъ говоритъ: «и какъ понесутъ свѣтозарный Іерусалимъ и рипиды, и тогда воздыханіе и плачъ бываетъ людямъ о грѣсѣхъ. Кій умъ и какова душа, иже не помянетъ тогда о царствіи небесномъ и о жизни безконечной»¹⁾. Последнее выраженіе указываетъ, очевидно, на то, что здѣсь идетъ рѣчь о великомъ входѣ на литургіи. Какъ видно, Іерусалимъ въ св. Софіи былъ «свѣтозарный», т.-е. блестящій, — вѣроятно, золотой; онъ, наравнѣ съ рипидами, выдѣлялся изъ ряда другихъ предметовъ торжественной церковной процессіи.

Въ стѣнописяхъ Аѳонскихъ храмовъ, гдѣ, между прочимъ, изображается великій литургійный входъ, Сіонъ въ ряду другихъ предметовъ, выносимыхъ на этомъ входѣ, замѣченъ былъ нами при личномъ осмотрѣ Аѳонскихъ стѣнописей въ 1888 г.²⁾ только одинъ разъ въ Ватопедѣ. И хотя ни подобныхъ древнихъ Сіоновъ въ аѳонско-монастырскихъ ризницахъ, ни указаній на существованіе ихъ въ аѳонскихъ монастыряхъ нѣтъ, тѣмъ не менѣе возможно предполагать, что Сіоны дѣйствительно находили здѣсь практическое примѣненіе. Въ скульптурѣ Реймскаго собора, Дидронъ отмѣчаетъ любопытную иконографическую композицію, которую прямо называетъ литургією. Основныя черты ея тѣ же, что и въ аѳонскихъ стѣнописяхъ; но художникъ ввелъ въ эту композицію атрибуты верховной власти небесной и земной: ангелы несутъ здѣсь солнце и луну, державу и скипетръ царскій, воинскій мечъ и эмблему церкви — идеальный храмъ³⁾. Храмъ этотъ, очевидно, — *Іерусалимъ или Сіонъ*, выносимый на великомъ литургійномъ входѣ въ Константинополѣ и у насъ въ Россіи. Дидронъ не сомнѣвается, что основной мотивъ этой композиціи реймскій художникъ заимствовалъ изъ Константинополя. И это вполне вѣроятно.

Въ западной церкви, послѣ ея отдѣленія отъ восточной, своихъ Сіоновъ, въ смыслѣ моделей храма, повидимому, не было. До насъ не дошло ни одного такого памятника. Въ памятникахъ средневѣковой письменности наименованіе «Сіонъ» и Іерусалимъ встрѣчается нерѣдко, но прилагается оно къ различнымъ предметамъ и не имѣетъ нашего терминологическаго значенія⁴⁾. Нѣкоторый намекъ на него можно видѣть лишь въ приведенномъ у Мартене извѣстіи изъ одного древняго

¹⁾ П. И. Саввантовъ. Путешествіе Новгород. архіеп. Антонія въ Царьградъ, стран. 77. С.-Пб. 1872.

²⁾ Евангеліе въ пам. иконогр. стран. 286.

³⁾ Le symbol de l'église — un temple idéal. Didron, Manuel d'iconogr. p. 231.

⁴⁾ Du Cange, Glossar. latin. s. v. Sium Sion.

ритуала, — что Сіонъ означаетъ маленькій сосудъ — *vasculum*, носимый діаконами вмѣсто *manipulum*¹⁾.

У насъ въ Россіи Іерусалимы были не только въ Новгородѣ и потомъ въ Москвѣ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Извѣстно, что Андрей Боголюбскій во Владимірѣ Кляземскомъ устроилъ три Іерусалима для Успенскаго собора и одинъ Іерусалимъ для церкви Рождества Богородицы въ Боголюбовѣ. Въ г. Владимірѣ онъ устроилъ прекрасную церковь Успенія Пресвятой Богородицы и «всякими различными видами украси ю отъ злата и сребра, жемчугомъ многоцѣннымъ, паникадилами золотыми и серебряными, а *тріе Іерусалима* вельми велицы иже отъ злата чиста, отъ каменія многоцѣнна устрои»²⁾. Сверхъ того: «сїй князь благовѣрный Андрей сотвори церковь сїю»³⁾ въ память себѣ и украси ю иконами.... златомъ и каменьемъ драгимъ и жемчугомъ.... сосудами златыми.... и всякими сосуды церковными и *ерусалимъ златъ* съ каменьи драгими»⁴⁾. Итакъ для соборной церкви Андрей Боголюбскій устроилъ три Іерусалима ради вящшаго великолѣпія, а для Боголюбской — одинъ. Последняя изъ этихъ церквей была княжескою придворною церковію; здѣсь находился дворецъ Андрея Боголюбскаго; остатки этого дворца, въ которомъ Андрей Боголюбскій былъ убитъ, сохранились доселѣ.

Въ дѣлѣ строительства церковнаго и гражданскаго Андрей Боголюбскій, какъ извѣстно, подражалъ Кіеву. А потому вполне вѣроятно, что и Владимірскіе Сіоны явились подъ вліяніемъ Кіева; слѣдовательно, возможно предполагать, что и въ стольномъ городѣ Кіевѣ, въ Софійскомъ соборѣ были Іерусалимы и Сіоны.

Указанные русскіе памятники составляли принадлежность соборныхъ храмовъ, служившихъ центрами церковной жизни. Но возможно допустить, что Іерусалимы находили примѣненіе и въ другихъ храмахъ, не только соборныхъ⁵⁾, но и въ обширныхъ и богатыхъ монастыряхъ, гдѣ богослуженіе отличалось пышностью и великолѣпіемъ. Въ памятникахъ древняго христіанскаго искусства, начиная съ VI вѣка, мы видимъ изображеніе св. діаконѣвъ съ кадилами въ правой рукѣ и ковчегами въ лѣвой. Наконецъ, мы должны будемъ принять во вниманіе уцѣлѣвшіе въ нѣкоторыхъ монастыряхъ доселѣ въ богослужебной практикѣ ковчеги, носимые діаконами во время кажденія.

2.

Вопросъ о художественно-археологическихъ формахъ Новгородскихъ Іерусалимовъ и ихъ генезисѣ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ сторонъ въ разсматриваемыхъ памятникахъ. И если мы разсмотримъ Іерусалимы съ этой послѣдней точки зрѣнія, — какъ выраженіе извѣстнаго художественнаго типа, опирающагося въ своемъ генезисѣ на реальныя художественныя основы, введемъ ихъ, путемъ

¹⁾ Martene, De antiquis eccl. rit. t. I. 586. Du Cange l. c.

²⁾ Лѣтоп. по Ипатскому списку подъ 1175 г. Изд. 2 Археогр. ком. 1908 г., стр. 582.

³⁾ Церковь Рождества Богородицы въ Боголюбовѣ.

⁴⁾ Лѣтоп. по Ипатск. списку подъ 1175 г., стр. 581.

⁵⁾ Не были ли Іерусалимами тѣ «многоцѣнные два кіота, которые учинилъ» для Ростовскаго собора епископъ Кириллъ въ 1231 г.? А. А. Титовъ. Ростовъ Великій, стр. 13. М. 1911.

анализа формъ, въ среду однородныхъ памятниковъ христіанской древности, то найдемъ базу для установки и рѣшенія вопроса о происхожденіи и назначеніи Іерусалимовъ. Основная архитектурная форма Новгородскихъ Сіоновъ — форма храма — круглаго въ планѣ; это общая форма древне-христіанской ротонды или круглаго храма. Но въ формѣ храма въ христіанской древности, особенно на востоцѣ, строились многіе предметы церковной утвари: дарохранительницы, реликваріи, кадила, фонари, киворіи и т. п. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ трудно отличить со стороны формы реликварій отъ Сіона или отъ киворія. Реликварій византийскій XI в. въ Московской Синодальной ризницѣ мы распознаемъ только по греческой надписи, изъ которой видно, что онъ представляетъ миниатюрную копію большого киворія, бывшаго надъ мощами св. Димитрія въ извѣстномъ Солунскомъ храмѣ¹⁾. Венеціанскій киворій въ храмѣ св. Марка (VI—VII в.), по своимъ архитектурнымъ формамъ напоминающій церковь съ куполомъ, имѣетъ четверугольную форму безъ добавочной ротонды, а потому мы не рѣшаемся отнести его къ категоріи Сіоновъ; тѣмъ болѣе, что и находящаяся на немъ греческая надпись: *ὁπὲρ εὐχῆς καὶ σμῆνης τῆς ἐνδοξιάτης Αναστάς*²⁾, не даетъ для этого оснований. Въ такихъ случаяхъ иногда оказываетъ помощь преданіе, смыслъ котораго отражается въ наименованіи предметовъ. Мы отнюдь не хотимъ сказать, что наименование предмета само по себѣ имѣетъ рѣшающее значеніе и что на столь скользкой почвѣ возможно обосновать ученый взглядъ на предметъ. Наименованіе — и только одно древнее наименованіе, важно лишь постольку, поскольку оно стоитъ въ гармоніи съ другими данными, относящимися къ тому же предмету.

Наименованія «Іерусалимъ» и «Сіонъ», какъ въ примѣненіи къ нашимъ Сіонамъ, такъ и въ древней библейской и христіанской письменности, употребляются иногда какъ синонимы и относятся то къ городу Іерусалиму, то къ храму Соломонову, то къ храму Воскресенія въ Іерусалимѣ, то къ кувуклію гроба Господня, то къ Сіонской горницѣ и къ храму тамъ построенному.

Въ Библии Сіонъ означаетъ Іерусалимъ и холмъ, на которомъ онъ построенъ: въ Сіонѣ живетъ Господь (Захар. VIII, 3; псал. II, 6, LXXV, 3); отъ Сіона спасеніе Израиля (псал. XIII, 7); Богу подобаетъ хвала въ Сіонѣ и обѣтъ въ Іерусалимѣ (пс. LXIV, 2); въ Сіонѣ явится Богъ боговъ (пс. LXXXIII, 8); Господь въ Сіонѣ высокъ (пс. XCVIII, 2); въ Сіонѣ возвѣщается имя Господне и хвала Его въ Іерусалимѣ (пс. CI, 22); Господь избралъ Сіонъ и возжелалъ его въ жилище себѣ (пс. CXXXI, 13)³⁾; Іерусалимъ городъ и домъ Господа Бога (пс. CXXI, 3, 9); Богъ живетъ въ Іерусалимѣ (пс. CXXXIV, 21); Сіонъ — градъ Бога живаго — Іерусалимъ небесный, церковь первенцевъ, написанныхъ на небесахъ (Евр. XII, 22); вышній Іерусалимъ свободенъ; онъ мать всѣмъ намъ (Галат. IV, 26). Мѣста эти,

¹⁾ Христ. др., изд. Прохорова, 1862. Ст. И. И. Срезневскаго въ кн. VIII.

²⁾ Ongania, S. Marco. Detagli di Basilica di s. Marco, Jacobi, III Tav. XXXIV A, № 60 а. Ср. «Фонарь Бегона», т.-е. реликварій Винцентія или Бегона — купольный храмъ, напоминающій Сіонъ, XII в. André Michel, Hist. de l'art, II partie p. 858, fig. 456.

³⁾ Ср. надпись на Ахенскомъ Сіонѣ.

особенно изъ новаго завѣта, имѣють нѣкоторое отношеніе къ нашему предмету,— поскольку Іерусалиму усвоится здѣсь названіе «церкви первенцевъ», «матери всѣхъ церквей» и жилища Божества. Отсюда заимствованы, какъ видно изъ надписей на Ахенскомъ Сіонѣ, наименованія нашихъ Іерусалимовъ или Сіоновъ. Въ смыслѣ конкретномъ наименованія эти приложимы къ Сіонской горницѣ, гдѣ совершена тайная вечеря, гдѣ сошелъ на апостоловъ Св. Духъ и гдѣ впослѣдствіи построенъ былъ храмъ.

Паломники и церковныя пѣснопѣнія говорятъ по нашему вопросу глухо. Ээерія неоднократно упоминаетъ о Сіонѣ и о Сіонскомъ храмѣ¹⁾, но никогда не усвоетъ имъ наименованія «Іерусалимъ». Другіе паломники о Сіонскомъ храмѣ говорятъ: на верхней *плоскости* горы Сіона находится большая церковь, основанная апостолами, потому что тутъ они пріяли Духъ Святъ; тутъ же успе пресв. Марія и тутъ указываютъ также мѣсто вечери Господней²⁾. И еще: въ Сіонской горницѣ произошло успеніе Богоматери: тутъ успе пресв. Марія, тутъ Господь возлежалъ на вечери со своими учениками и тутъ ниспослалъ на нихъ Духа Святаго³⁾. Въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ Іерусалимомъ или Сіономъ называется церковь Христова Іерусалимская и городъ Іерусалимъ: свѣтися, свѣтися, новый *Іерусалиме*, слава бо Господня на тебѣ возсія, ликуй нынѣ и веселися, Сіоне⁴⁾! На гору Сіонъ възди благовѣствуяй, и Іерусалиму проповѣдуяй въ крѣпости вознеси гласъ: преславная глаголашася о тебѣ, граде Божій⁵⁾. Рѣшительное очищеніе грѣховъ, огнедуховенную пріимите Духа росу, о чада свѣтообразная церковная: нынѣ отъ Сіона бо изыде законъ, языкоогнеобразная Духа благодать⁶⁾.

Ни сообщенія паломниковъ, ни церковныя пѣснопѣнія не даютъ достаточныхъ разъясненій по вопросу о происхожденіи и назначеніи Новгородскихъ Сіоновъ или Іерусалимовъ. Тотъ фактъ, что эти Іерусалимы или Сіоны по своему происхожденію имѣють какое-то соотношеніе съ горою Сіономъ и городомъ Іерусалимомъ, а также съ Іерусалимскою церковію, безспоренъ; но на основаніи его мы не можемъ пріурочить наши ковчеги къ той или другой Іерусалимской церкви. Церковь на Сіонѣ паломники называютъ Сіономъ, но никогда не называютъ Іерусалимомъ, новымъ Іерусалимомъ; послѣднее названіе встрѣчается въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, но оно относится вообще къ церкви Христовой въ Іерусалимѣ, а не къ одному какому-либо храму⁷⁾. Очевидно, нужно искать другихъ болѣе точныхъ источниковъ для разъясненія даннаго вопроса. Замѣтимъ напередъ, что древнѣйшее и первое наименованіе нашихъ ковчеговъ было не — «Сіоны», а Іерусалимы. И не только всѣ Новгородскіе Сіоны, начиная съ Сіона, взятаго Всеславомъ Брячиславичемъ въ св. Софіи, называются въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ «Іерусалимами», а не

¹⁾ Peregrinatio ad loca sancta IV saec. Палест. сборн. VII, 2 passim.

²⁾ Петра діакона книга о св. мѣстахъ. Правосл. палест. сборн. VII, 2 стран. 180 (Беда гл. III).

³⁾ Тамъ же, стран. 191 (Анонимъ).

⁴⁾ Пасх. кан. Іоанна Дамаскина п. IX, ирмосъ.

⁵⁾ Кан. въ нед. Ваіи Козьмы Маюмскаго п. V, ирмосъ.

⁶⁾ Кан. на пятьдесятъ. Козьмы Маюмскаго п. V, ирмосъ.

⁷⁾ О наименованіи Сіона въ примѣненіи къ храмамъ Кавказа въ Вѣстн. археол. XXI, стран. 37—38.

«Сіонами», но также и Владимірскіе и Московскіе; даже Сіонъ храма св. Софїи въ Константинополѣ архіеп. Антоній называлъ «Іерусалимомъ». Названіе «Сіонъ» въ примѣненіи къ разсматриваемымъ ковчегамъ, если оставить въ сторонѣ пророчественное указаніе на Сіонъ (Псал. СXXXI, 13), начертанное на Ахенскомъ Іерусалимѣ, становится употребительнымъ не ранѣе XVI—XVII в. у насъ въ Россіи: его встрѣчаемъ обычно въ соборныхъ чиновникахъ того времени. Въ Чиновникѣ Новгородскомъ уже повсюду употребляется одно только наименованіе «Сіонъ» большой — малый, «Сіоны», и ни разу не встрѣчается наименованіе «Іерусалимъ»; слѣдовательно, въ Новгородѣ въ XVII в. старое наименованіе было уже забыто и замѣнено новымъ. Въ Московскомъ Чиновникѣ, наоборотъ, чаще всего употребляется старое наименованіе «Іерусалимъ» въ приложеніи къ обоимъ ковчегамъ — большому и малому, и лишь въ двухъ мѣстахъ встрѣчается наименованіе «Сіонъ, Сіоны»: въ праздникъ Успенія Пресвятой Богородицы на великомъ литургійномъ выходѣ «діаконы носятъ 4 рипиды *да еросалимъ да св. Сіонъ*»¹⁾; а 20 декабря въ недѣлю св. отецъ (166 года²⁾) «на великомъ выходѣ въ херувимскую пѣснь носили діаконы Сіонъ большой и меньшій». Такимъ образомъ сравнительно позднее наименованіе «Сіонъ» само по себѣ не даетъ никакого основанія ставить въ связь (по происхожденію) наши древніе (не позднѣе X—XI в.) Іерусалимы ни съ Сіонскою горницею, ни съ храмомъ на Сіонѣ. Съ другой стороны, — и это самое главное, Сіонскій храмъ, по своей архитектурѣ, никогда не былъ ротондою и, по словамъ русскаго паломника Даниїла (XII в.), былъ построенъ *кльтски*³⁾, т. е. въ видѣ четверугольной клѣтки; между тѣмъ какъ наши древнѣйшіе Новгородскіе Іерусалимы копируютъ архитектурныя формы круглаго храма. Это крупное различіе невозможно оставить безъ вниманія, не нарушая основныхъ методологическихъ требованій въ данномъ вопросѣ.

Представленіе о Сіонѣ матери церквей съ теченіемъ времени расширилось, и въ Іерусалимѣ наряду съ этою первою Сіонскою церковію въ IV вѣкѣ стала другая церковь, которая своею пышностію и великолѣпіемъ отвлекла общее вниманіе отъ бѣдной Сіонской горницы. Это былъ знаменитый храмъ, построенный императоромъ Константиномъ Великимъ на мѣстѣ спасительныхъ страданій Іисуса Христа. Всѣ царственныя заботы приложены были къ сооруженію прекраснаго зданія. Императоръ желалъ, чтобы не только самый храмъ былъ великолѣпнѣе всѣхъ храмовъ, гдѣ-либо существующихъ, но и другія при немъ зданія были бы гораздо превосходнѣе самыхъ прекрасныхъ по городамъ строеній. Найдены были лучшіе художники и мастера, драгоцѣннѣйшіе мраморы для колоннъ, заготовлена мозаика и золото. Живой свидѣтель этого, историкъ Евсевій оставилъ намъ восторженное описаніе храма: На мѣстѣ спасительнаго страданія воздвигнуть *новый Іерусалимъ* въ противоположность такъ называемому древнему, который, послѣ беззаконнаго господоубійства, для наказанія нечестивыхъ его жителей, подверженъ крайнему

¹⁾ А. П. Голубцовъ, Чин. Моск. Усп. соб., стран. 208—209.

²⁾ Тамъ же, стран. 290.

³⁾ По изд. Палест. общ. вып. 3, стр. 58.

опустошенію. Въ противоположность этому-то Іерусалиму, царь на счетъ богатыхъ и многочисленныхъ взносовъ построилъ храмъ въ ознаменованіе побѣды Спасителя надъ смертію,— можетъ-быть тотъ самый храмъ, который пророческое слово называетъ *новымъ и юнымъ Іерусалимомъ*, и во славу котораго, по внушенію Духа Божія, такъ много говорится въ Писаніи. Впрочемъ, напередъ, какъ главу всего, царь украсилъ священную пещеру,— божественную *гробницу*, у которой *свѣтоносный ангелъ* нѣкогда возвѣстилъ всѣмъ о возрожденіи, дарованномъ чрезъ Спасителя. Эту-то пещеру, какъ бы главу всего¹⁾, христолубивѣйшая щедрота царя напередъ отдѣла отличными колоннами и многочисленными украшеніями. Изъ пещеры есть выходъ на обширную площадь подъ открытымъ небомъ: эта площадь выстлана блестящимъ камнемъ и съ трехъ сторонъ обведена длинными непрерывными портиками. Рядомъ съ пещерою на восточной сторонѣ ея стоитъ базилика — зданіе чрезвычайное, высоты неизмѣримой, широты и длины необыкновенной²⁾... Описание это съ нашей точки зрѣнія представляетъ выдающуюся важность.

Историкъ Евсевій прилагаетъ наименованіе «Іерусалимъ» въ частности къ храму Воскресенія Іисуса Христа въ Іерусалимѣ. Это, по словамъ его, «новый Іерусалимъ», глава всего — *Ἀναστάσις*; онъ воздвигнутъ на мѣстѣ спасительнаго страданія Іисуса Христа... въ противоположность старому Іерусалиму, подвергнутому крайнему опустошенію; «Іерусалимъ новый и юный», предвозвѣщенный пророкомъ. Онъ имѣлъ видъ ротонды или круглаго христіанскаго храма; былъ богато украшенъ. Ротонда находилась надъ пещерою и гробницею, у которой свѣтоносный ангелъ возвѣстилъ св. женамъ о воскресеніи Іисуса Христа. Къ ней примыкали портики и базилика³⁾. Эеерія упоминаетъ объ этомъ сооруженіи: иногда она различаетъ здѣсь *Martirium* или *ecclesia maior*⁴⁾ и *Anastasis*⁵⁾, иногда оба эти сооруженія именуются *Anastasis*, *basilica Anastasis* и представляются сопредѣльными: *basilica quae est loco juxta Anastasim, foras tamen*⁶⁾. Замѣтимъ, кетати, что пещера гроба въ храмѣ Воскресенія, по словамъ Эееріи, отдѣлена была рѣшеткой⁷⁾ и внутри ея горѣла неугасимая лампада⁸⁾; множество лампадъ и свѣчъ горѣло въ храмѣ⁹⁾. Итакъ, ротонда храма Воскресенія имѣла округлую форму и ей усвоено было уже Евсевіемъ наименованіе «новаго Іерусалима». Но къ этому храму приложимо вполне также и наименованіе Сіонъ. Еще и до сихъ поръ здѣсь (въ православномъ каѳоликонѣ) находится надпись: *Χαῖρε Σιών ἁγία, μητήρ τῶν ἐκκλησιῶν, Θεοῦ κατοικητήριον. Σὺ γὰρ ἐδέξω πρώτη ἁφροῖν ἀμαρτιῶν διὰ τῆς ἀναστάσεως*¹⁰⁾. Тѣ же наименованія прила-

¹⁾ Судя по характеру рѣчи Евсевія, здѣсь имѣется въ виду не самая пещера съ небольшою постройкою (кувуклій), а большая ротонда надъ мѣстомъ гроба Господня. Ротонда эта вмѣстѣ съ пещерою составляетъ главу всего Новаго Іерусалима.

²⁾ Евсевій, о жизни царя Константина, кн. II, гл. 33—36.

³⁾ Евсевій I. с.

⁴⁾ *Peregrinatio ad loca sancta*, p. 47. Изд. палест. общ. Объ Эееріи см. *Byzant. Zeitschr.* Bd. XX, 1—2.

⁵⁾ *Ibid.* p. 41.

⁶⁾ *Ibid.* p. 41—42.

⁷⁾ *Ibid.* p. 69.

⁸⁾ *Ibid.* p. 40.

⁹⁾ *Ibid.* p. 41.

¹⁰⁾ *Ἐκκατονταετήριος τοῦ πανηγυρικοῦ ναοῦ τῆς Ἀναστάσεως* 1810—1910; σ. 32—cf. 147.

гаются и къ Новгородскимъ Сіонамъ; приложимо оно и къ Ахенскому¹⁾ и къ Московскимъ. Но въ нашемъ вопросѣ важно не столько наименованіе, сколько основныя формы: тамъ и здѣсь основная форма круглая. Отсюда вытекаетъ не только возможность, но и обязательность, при выясненіи вопроса о генезисѣ новгородскихъ Іерусалимовъ или Сіоновъ, сравнивать ихъ съ ротондою храма Воскресенія въ Іерусалимѣ.

Храмъ Воскресенія въ Іерусалимѣ, за продолжительный періодъ своего существованія, потерпѣлъ нѣсколько разрушеній и перестроекъ и совершенно уже измѣнилъ теперь свой прежній видъ. Никакихъ чертежей и рисунковъ его первоначальнаго вида до насъ не дошло, и новѣйшія архитектурныя репродукціи его Виллиса, Тоблера, Вогюз, Сеппа и Шика болѣе или менѣе произвольны²⁾. Для образца приводимъ здѣсь реставраціи Тоблера (рис. 10), Вогюз (рис. 11)³⁾ и Шика (рис. 12). Но до насъ сохранилось множество памятниковъ древне-христіанскаго и византійскаго изобразительнаго искусства, въ которыхъ передаются нѣкоторые архитектурные мотивы его, а иногда и кувуклія. Пусть въ задачу этихъ художниковъ не входило точное копированіе храма Воскресенія; все же они показали и наблюдательность, и пониманіе архитектурныхъ мотивовъ и формъ. Мы имѣемъ въ виду тѣ памятники скульптуры въ мраморѣ и слоновой кости (аворіи), мозаики и миниатюры, на которыхъ находится изображеніе воскресенія Христова, — точнѣе явленіе ангела св. женамъ у гроба Господня. Извѣстно, что древне-христіанскіе художники до IX в. не оставили намъ ни одной попытки изображенія самаго факта воскресенія Іисуса Христа; да такихъ попытокъ выразить въ реальныхъ формахъ чудесное событіе, стоящее внѣ сферы человѣческихъ познаній и представленій, у нихъ не могло и быть. Для выраженія мысли о воскресеніи Іисуса Христа они изображали ротонду храма Воскресенія въ Іерусалимѣ, а иногда, повидимому, кувуклій и возлѣ нихъ — стражей упавшихъ,

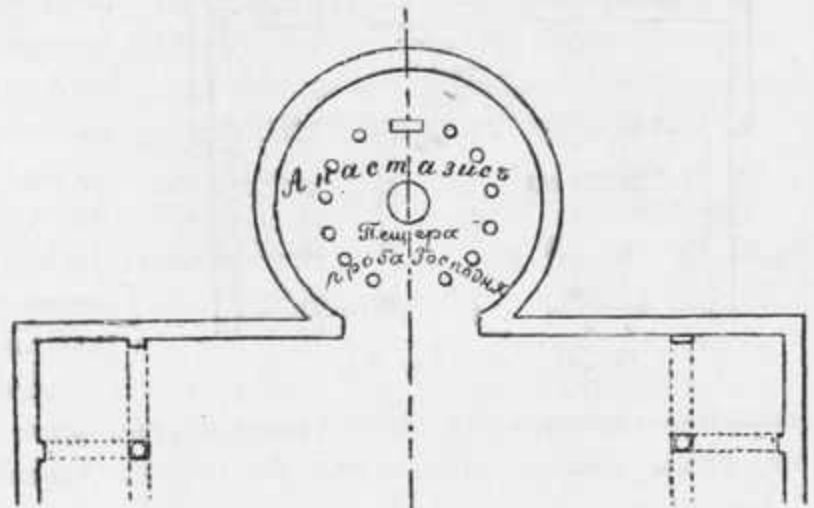

Рис. 10. Ротонда Гроба Господня по Тоблеру.

морѣ и слоновой кости (аворіи), мозаики и миниатюры, на которыхъ находится изображеніе воскресенія Христова, — точнѣе явленіе ангела св. женамъ у гроба Господня. Извѣстно, что древне-христіанскіе художники до IX в. не оставили намъ ни одной попытки изображенія самаго факта воскресенія Іисуса Христа; да такихъ попытокъ выразить въ реальныхъ формахъ чудесное событіе, стоящее внѣ сферы человѣческихъ познаній и представленій, у нихъ не могло и быть. Для выраженія мысли о воскресеніи Іисуса Христа они изображали ротонду храма Воскресенія въ Іерусалимѣ, а иногда, повидимому, кувуклій и возлѣ нихъ — стражей упавшихъ,

¹⁾ Ср. гр. надпись на немъ: избралъ Господь — *Sion*...

²⁾ Палест. сборн., прилож. къ 7-му вып. табл. XVII.

³⁾ Vogüé, *Les églises de la Terre Sainte*. Paris, 1860. Н. П. Кондаковъ (Іерусалимъ христіанскій. Правосл. богосл. энциклопедія Лопухина — Глубоковскаго, т. IV, стр. 511), опираясь на Евсевія, полагаетъ, что фактъ существованія особой ротонды, окружавшей гробницу, остается сомнительнымъ... однако, въ томъ же соч. авторъ, приведя свидѣтельство Бревіарія (VI в.), говоритъ: приходится утверждать, что ротонда св. Гроба построена была или самимъ Константиномъ или въ ближайшіе послѣ него годы (стр. 523). Ср. также «Археол. путеш. по Сиріи и Палестинѣ», Н. П. Кондакова, стр. 147—148; 171 и др.

и ангела, возвѣщающаго св. женамъ о воскресеніи, что вполне соответствуетъ вышеприведеннымъ словамъ Евсевія. Допускаемый въ этой иконографической композиціи анахронизмъ (ротонда устроена въ IV в.) — явленіе обычное въ восточной иконографіи, гдѣ историческая точность нерѣдко приносится въ жертву требованію полноты выраженія идеи.

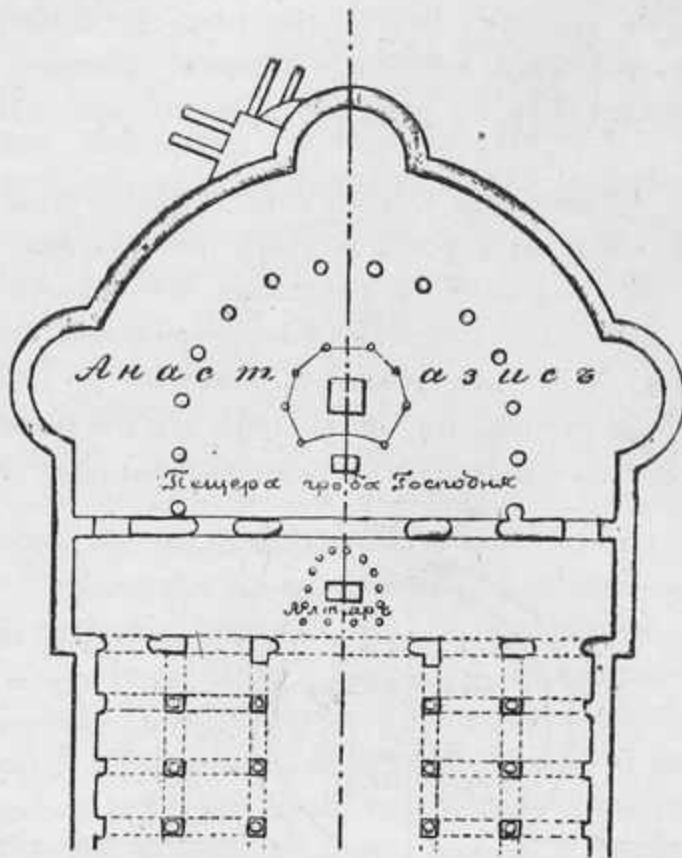

Рис. 11. Ротонда по Вогюэ.

главнымъ образомъ, въ древне-христіанскомъ мірѣ; таковы: церковь Констанцы въ Римѣ, церковь св. Георгія въ Солуни, баптистерій Латеранскій въ Римѣ,

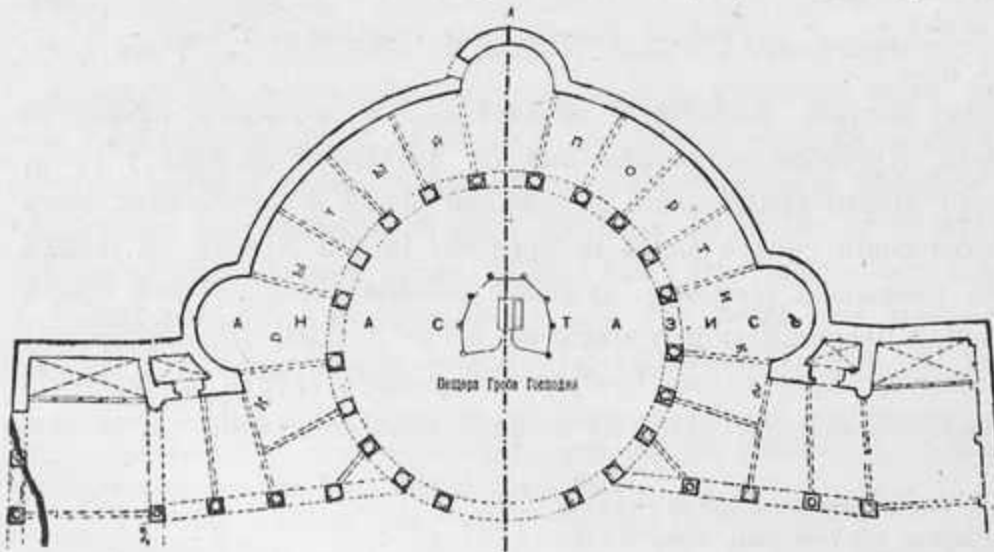

Рис. 12. Ротонда по Шикю.

Приступая къ характеристикѣ этихъ памятниковъ, мы должны сдѣлать одно предварительное замѣчаніе: художники въ строеніи Іерусалимовъ не даютъ, да и

¹⁾ Lencir, Archit. mon 1, 102. Habsch, Die altchristl. Kirchen. Karlsruhe, 1863 passim.

вниманіе на широкое примѣненіе ея, достаточно обратить

церковь св. Стефана (Rotondo), мавзолей Галлы Плакиды въ Равеннѣ и др. ¹⁾. Къ этому же архитектурному типу ротонды относится и ротонда храма Воскресенія въ Іерусалимѣ; она же — и кувуклій проходятъ и въ указанныхъ памятникахъ изобразительнаго искусства.

не могли дать точной копін Анастасиса; они даютъ формы, выработанныя ими самими подъ вліяніемъ ротонды храма Воскресенія; поэтому во многихъ случаяхъ они допускають крупныя отклоненія и добавленія, а иногда, какъ напр. на ампулахъ Монцы и аворіяхъ, передають даже, повидимому, не формы большой ротонды, а лишь кувуклія или пещеры, находящейся въ этомъ храмѣ. Евсевій въ своемъ описаніи храма Воскресенія говоритъ только о большой ротондѣ, «украшенной отличными колоннами и многочисленными украшеніями»; объ отдѣлкѣ же самой пещеры гроба Господня умалчиваетъ¹⁾. Его дополняютъ въ этомъ случаѣ паломники. Неизвѣстный авторъ сокращеннаго описанія Іерусалима (ок. 350 г.), упоминая о круглой церкви Воскресенія, гдѣ находится гробница Христова, замѣчаетъ: «надъ самою гробницею покровъ изъ серебра и золота, и кругомъ стѣны обложены золотомъ»²⁾. Антонинъ Пяченцскій (ок. 570 г.) говоритъ, что «гробница сдѣлана изъ серебра на подобіе *пирамидальнаго столба* (кувуклій) и подъ золотою стѣною предъ гробницею поставленъ алтарь»³⁾. Аркульфъ (ок. 670 г.) представляетъ кувуклій въ видѣ маленькаго шатра. Патріархъ Константинопольскій Фотій (857—867. 877—886) описавъ формы гроба Господня, продолжаетъ: «окружаютъ его колонны вышиною въ человѣческой ростъ, утвержденныя на основаніяхъ, одинаковыя числомъ слѣва и справа (ибо пять сѣверныхъ стоятъ противъ южныхъ) и не различающіяся однѣ отъ другихъ ни видомъ, ни величиною. На краяхъ означенныхъ колоннъ стоитъ на западѣ въ срединѣ параллельно съ ними колонна; на восточной же сторонѣ къ крайнимъ колоннамъ ничего не приставлено; но тамъ открытое мѣсто у устья гроба. На означенныхъ одиннадцати колоннахъ лежатъ какъ бы карнизы, образующіе фигуру *прямоугольника* и сими карнизами соединены между собою столбы, надъ которыми возвышаются исходящія отъ самыхъ карнизовъ арки, назначенныя какъ бы для крыши гроба (какъ отъ восточнаго и западнаго карниза, такъ и отъ сѣвернаго и южнаго). Но строитель, будто прерывая назначеніе арокъ и вмѣсто крыши устроивъ кругъ, отсюда съузиль и удлинилъ крышу въ подражаніе дымовой трубѣ, довершивъ арки скорѣе вытянутою вершиною конуса, нежели симметрическою крышей»⁴⁾.

Патр. Фотій, какъ видно, говоритъ о четверугольномъ основаніи кувуклія, въ видѣ параллелограмма, образуемаго колоннами, съ арочнымъ сводомъ и вытянутою коническою вершиною. Это имѣетъ большую важность для объясненія формъ кувуклія на нѣкоторыхъ ампулахъ и аворіяхъ; тѣсно связано это описаніе также съ Ахенскимъ Іерусалимомъ и съ серебряною моделью кувуклія, находящейся въ святогробской ризницѣ. Игуменъ Даниилъ подробно описываетъ какъ храмъ Воскресенія, такъ и гробницу. «Есть же церковь Воскресенія Господня сяка: образомъ круга создана, столбовъ имать облыхъ 12, а 6 заднихъ (заданныхъ?)... двери же имать *шестеры*... Верхъ же кровный не до конца сведетъ верхомъ ка-

¹⁾ Иное у Н. П. Кондакова. Сирія и Палест. 147.

²⁾ Палест. сборн. вып. 7, стран. 95.

³⁾ Тамъ же, стран. 97.

⁴⁾ *Φωτίου τοῦ αὐ. Αρχιεπ. Κωνσταντινουπόλεως τὸ πρὸς τοῦ τάφου . . . Ἰ. Χριστοῦ*. Изд. А. И. Панапоуло-Кераменъ въ Палест. сборникѣ, 1892 г., т. XI, 1, стран. 2—3; 6—7.

меннымъ, но тако спертъ досками, деревомъ тесанымъ плотничимъ образомъ и тако есть безъ верха и не покрыта ничѣмъ же. Подъ тѣмъ же верхомъ самѣмъ непокрытымъ есть Гробъ Господень симъ образомъ: яко печерка мала изсѣчена въ камени, дверцы имуще малы... и вся мокачна (округла)¹⁾ 4 локоть въ длину и ширину... Висить же во гробѣ Господни 5 кандиль великихъ съ масломъ деревяннымъ... И есть печерка та отдѣлана яко амвонъ краснымъ мраморомъ и столбци мраморяны около стоятъ числомъ 12. Вверху же надъ печерою тою созданъ яко теремецъ красный на столпцѣхъ и вершень ему спертъ кругло и серебряными чешуйками позлащенными покованъ, а на верху теремца стоитъ Христосъ, сдѣланъ сребрянъ... И то суть фрязи сдѣлали и поставили (подъ самымъ верхомъ тѣмъ непокрытымъ). Суть же дверцы *трои* у теремца того учинены хитро, яко

Рис. 13—15. Ампулы Монцы.

рѣшето хрестцы и тѣми дверцами влзаятъ люди ко Гробу Господню... Есть святая церковь та Воскресенія Христова кругла образомъ вся мокачна (округла) въ длину и ширину сажень 30²⁾. Судя по этому описанію, отдѣлка пещеры напоминала по крайней мѣрѣ въ XII в. формы ротонды храма Воскресенія, и, несомнѣнно, нѣкоторыя детали, здѣсь указанныя, встрѣчаются у Эерин, Аркульфа и на ампулахъ Монцы. Въ концѣ XVI в. Трифонъ Коробейниковъ замѣчаетъ также, что верхъ у великой церкви «не спертъ [ѿпетров] надъ гробомъ Господнимъ. А надъ самымъ гробомъ стоитъ *придѣлецъ въ той же церкви каменъ, аки церковь же* на двое передѣлана³⁾». На основаніи этихъ данныхъ, нужно полагать, что и кувуклій или пе-

¹⁾ Д. И. Прозоровскій, Вѣстн. Археол. 1888, VII, стран. 83—85.

²⁾ По изд. Сахарова, стран. 29—31. По изд. Палест. общества 15—18 (Палест. сборн. вып. 3, 1883 г.). Приложенный здѣсь рисунокъ изъ Хлудовской рукописи XIV—XVI в. имѣетъ характеръ шаблонный.

³⁾ Палест. сборн. вып. 7, стран. 8—9. Ср. Поклоненіе св. града (рукопись 1531 г.); ту надъ самымъ гробомъ церквца малая учинена на 12 столпцѣхъ. Чт. въ общ. ист. и древн. М. 1911; кн. 239, ст. М. А. Голубцовой, стран. 51.

щера Гроба Господня обработана была также примѣнительно къ общимъ архитектурнымъ формамъ Анастасиса; это было миниатюрное подобіе его: округлое основаніе съ 12-ю колоннами, мѣрою 4 локтя въ діаметрѣ; вверху надъ этимъ сооруженіемъ теремокъ (трибунъ на колонкахъ) съ куполомъ, съ тремя рѣшетчатыми дверями. Въ видѣ ротонды планируютъ этотъ кувуклій Сепфъ, Вогузъ, Гюбшъ, Шикъ и др.— иногда лишь съ небольшимъ отрѣзкомъ со стороны входа. Близко подходятъ къ этому описанію изображенія на нѣкоторыхъ ампулахъ Монцы, гдѣ видимъ также колоннадное центрическое зданіе съ покрытіемъ округлымъ¹⁾, съ рѣшетчатыми переплетами и дверями, увѣчанное крестомъ (рис. 13—15), даже съ лампадами, о которыхъ упоминаютъ Эерія и игумень Даниилъ. Иныя изъ ампулъ совершенно утрачиваютъ этотъ видъ кувуклія. Ротонда на Миланскомъ диптихѣ (рис. 16—17) напоминаетъ пирамидальный столпъ Антонина Пьяченцскаго, но не

Рис. 16. Часть Миланскаго диптиха.

Рис. 17. Часть Миланскаго диптиха.

имѣетъ другихъ примѣтъ, указанныхъ игуменомъ Данииломъ. На Британскомъ аворіи (рис. 18) имѣется теремокъ, но онъ не на колонкахъ. Теремокъ Бамбергскаго аворія (рис. 19) на колонкахъ, но цѣльное сооруженіе — базируется не на кругломъ, но прямоугольномъ основаніи. Иныя изображенія подходятъ ближе къ большой ротондѣ, какъ и Новгородскіе Іерусалимы. Для большей наглядности, отмѣтимъ важнѣйшіе изъ относящихся сюда памятниковъ.

Въ скульптурѣ христіанскихъ саркофаговъ, — въ изображеніи явленія ангела св. женамъ, гробница І. Христа имѣетъ видъ ротонды съ куполомъ²⁾; на дверяхъ Сабинны въ Римѣ³⁾ — видъ зданія съ фронтономъ въ одной части и арочнымъ верхомъ въ другой. На ампулахъ Монцы формы представленія ротонды или кувуклія

¹⁾ Куполь здѣсь раздѣленъ шестью ребрами на шесть коническихъ свѣченій. Ср. тоже на Іерусалимахъ Новгородскихъ: табл. I, рис. 3.

²⁾ Garrucci, Storia dell' arte crist. tav. 350, 4. 323, 5.

³⁾ Ibid. 499, 6.

не одинаковы. Чаще ротонда эта является здѣсь въ видѣ округлой колоннады съ шатровымъ низкимъ покрытіемъ, увѣнчаннымъ четвероконечнымъ крестомъ; на переднемъ планѣ — входъ, снабженный рѣшеткою; иногда внутри видны лампы¹⁾, — обстановка кувуклія, а основная форма — ротонда, иногда въ видѣ прямоугольнаго зданія, напоминающаго базилику, съ фронтономъ и рѣшеткою, съ крестомъ на фронтонѣ²⁾; причемъ въ одномъ случаѣ ясно видны 4 колонны: это кувуклій. На Миланскомъ диптихѣ, какъ мы уже видѣли, ротонда представлена дважды, — въ одномъ случаѣ съ стражами Гроба Господня, — въ другомъ — съ явленіемъ ангела св. женамъ, и въ обоихъ случаяхъ она имѣетъ видъ округлаго зданія³⁾. Особенность ротонды здѣсь заключается въ томъ, что она поставлена на другомъ округломъ зданіи бѣльшаго діаметра. На миланскомъ *окладѣ* гробница имѣетъ видъ простаго навѣса на четырехъ колоннахъ, съ фронтономъ и съ подобранною спереди

Рис. 18. Британскій аворій.

драпировкою⁴⁾. На аворіи Національной бібліотеки въ Парижѣ — ротонда съ куполомъ на узкомъ трибунѣ⁵⁾. На аворіяхъ Британскомъ, Мюнхенскомъ и Тривульци (IV в.)⁶⁾ (рис. 20), а также на аворіи Квэдлинбургскаго собора западнаго происхожденія (XIII в.) ротонда является, повидимому, на прямоугольномъ основаніи съ колонками, и украшена медальонами (*imagines scypteae*⁷⁾). Видѣтъ здѣсь два отдѣльных зданія едва ли возможно⁸⁾. На аворіи Нарбоннскомъ X в.⁹⁾ высокая ротонда узкаго діаметра съ куполомъ, съ открытымъ входомъ; на отваленномъ

¹⁾ Frisi, *Memorie stor. tav. IV, 2—3, V, 4—5*. Garrucci, *Storia tav. 434, 1. 2. 4. 5. 6*. Ср. на релікваріи Sancta Sanctorum X в. Piot, *Monuments t. XV, XIV, 2*.

²⁾ Garrucci, 434, 2; 435, 1.

³⁾ Garrucci, 450. Н. Покровскій, *Ев. въ пам. иконогр. табл. II*.

⁴⁾ Ibid. 454. Н. Покровскій, *рис. стр. 22*.

⁵⁾ Michel, *Hist. de l'art, II p. 832, fig. 445*.

⁶⁾ Diehl, *Manuel d'art byz., p. 73 fig. 26*.

⁷⁾ Garrucci, 446, 3. 459, 3. 449, 2.

⁸⁾ Д. В. Айналовъ, *Эллинистич. основы виз. иск. стр. 96*.

⁹⁾ *Revue de l'art chr. 1890, p. 22, fig. 9*.

камень сидитъ ангелъ. На аворіи Мецкомъ ¹⁾ прямоугольное зданіе съ двускатною кровлею. На серебряномъ релікваріи въ Sancta Sanctorum IX в. ²⁾ гробница—ротонда съ куполомъ. Въ мозаикахъ церкви св. Аполлинарія (S. Apollin. Nuovo) въ Равеннѣ (рис. 21) ³⁾ ротонда представляетъ купольный монументъ, съ коринѣскими колоннами, на круглой базѣ, съ открытымъ входомъ, въ которомъ виденъ отвальный камень. — На пряжкѣ отъ пояса, приписываемаго Кесарію Арелатскому (VI в.) — роскошная ротонда на прямоугольномъ основаніи ⁴⁾. На бронзовомъ медальонѣ Іерусалимскаго происхожденія, найденномъ въ 1600 г. въ Римѣ, — ротонда съ куполомъ съ от-

Рис. 19. Бамбергскій аворій.

Рис. 20. Аворій Тривульци.

¹⁾ Rohault de Fleury, L'Evangile II, pl. XCH, 1.

²⁾ Lauer, Sancta Sanct pl. IX, p. 70.

³⁾ Фоторг. Риччи; ср. Rohault de Fleury, L'Evangile pl. XCH, 2, Garrucci, 251.

⁴⁾ Garrucci, 479, 17.

крытою дверью¹⁾. Въ *миниатюрахъ* Сирійскаго Евангелія Раввулы (586 г.)²⁾: среди роскошнаго пальмоваго сада Іосифа Аримафейскаго стоитъ ротонда (?) съ античными колоннами, съ вычурнымъ куполомъ въ видѣ колокола; изъ открытыхъ дверей вырываются лучи и поражаютъ стражей. Въ позднѣйшихъ греческихъ лицевыхъ Евангеліяхъ уже довольно рѣдко встрѣчается изображеніе гробницы І. Х. въ видѣ особаго зданія (Ев. Импер. публ. библи. въ С.-Пб. № 21 л. 7 об.; № 105 л. 67). Въ греческой псалтири Лобкова (пе. XXX, 14. VII, 8. CI, 14) гробница І. Х. имѣетъ видъ будки съ шатровымъ (!) покрытіемъ, а въ аеонопантократорской псалтири — видъ византійскаго киворія. Въ средневѣковыхъ миниатюрахъ Запада гроб-

Рис. 21. Мозаика ц. св. Аполлинарія въ Равеннѣ.

ница имѣетъ видъ иногда купольнаго зданія (Ев. Бернарда), или фасада прямоугольнаго зданія. Въ греческихъ лицевыхъ Евангеліяхъ съ XI в., вмѣсто отдѣльнаго зданія ротонды, выступаетъ пещера, согласно прямому смыслу Евангельскаго текста. Очевидно, древнія иконографическія преданія, съ развитіемъ иконографіи, стали измѣняться: идея воскресенія Христова обычно стала выражаться въ формахъ сошествія І. Христа во адъ.

Цѣлый рядъ намятниковъ изобразительнаго искусства показываетъ, что общія архитектурныя формы храма Воскресенія въ Іерусалимѣ и кувуклія были обще-

¹⁾ Ibid. 480, 14.

²⁾ Н. Покровскій, Ев. въ пам. иконогр. стр. 395, рис. 185.

извѣстнымъ явленіемъ въ христіанскомъ мірѣ: знали ихъ въ Сиріи и Палестинѣ, откуда шли, вѣроятно, ампулы Монцы, знали въ Константинополѣ, и въ Александріи, откуда шли аворіи, и на Аѳонѣ, и въ Италіи. Возможно предположить, что существовали и миниатюрныя модели его изъ драгоценныхъ матеріаловъ. Однако наблюденіе этихъ памятниковъ показываетъ, что ихъ нельзя разсматривать, какъ точныя копіи храма Воскресенія. Разнообразіе ихъ весьма значительно, и его можно было бы еще усилить ссылками на памятники нумизматики и сигиллографіи¹⁾. Иногда здѣсь выступаетъ форма анастасиса — ротонды, иногда — кувуклія — ротонды на прямоугольномъ основаніи. Еще до сихъ поръ не удалось разрѣшить важный вопросъ о томъ: какіе изъ приведенныхъ выше памятниковъ могутъ быть разсматриваемы, какъ подражанія храму Воскресенія. Гарруччи считалъ таковыми ампулы Монцы, но мотивировалъ это единственно тѣмъ соображеніемъ, что послѣднія идутъ изъ Іерусалима, гдѣ находится ихъ прототипъ. Мессмеръ и Бокъ предпочитали Бамбергскій аворій, съ чѣмъ, однако, не согласенъ де Росси²⁾. По нашему мнѣнію, точной копіи храма Воскресенія ни въ его первоначальномъ видѣ, ни въ послѣдующее время нѣтъ ни на одномъ изъ этихъ памятниковъ, хотя всѣ формы храма на Бамбергскомъ аворіи, по вѣрному замѣчанію Мессмера, соответствуютъ эпохѣ Константина Великаго³⁾; значительная часть приведенныхъ памятниковъ относится ко времени послѣ персидскаго разгрома (614 г.)⁴⁾. И время, и мѣсто, и личное настроеніе, и неодинаковая освѣдомленность художниковъ сдѣлали здѣсь свое дѣло. Какъ ротонда, такъ и кувуклій, и соединяя постройки подвергались разрушеніямъ и измѣняли свой видъ. Художники, по тѣмъ или другимъ причинамъ, вносили сюда такія детали, которыхъ въ дѣйствительности никогда не было. Въ ихъ сознаніи нерѣдко выступали то спеціальныя особенности большой ротонды, то кувуклія, то, наконецъ, позднѣйшаго храма. И разобратъ въ всѣхъ деталяхъ этого вопроса, особенно въ вопросѣ о томъ, что именно держалъ въ мысляхъ художникъ — большую ли ротонду, или маленькій кувуклій, или то и другое вмѣстѣ, — какъ явленія сродныя по духу и характеру формъ, и какой эпохи храмъ или кувуклій имѣется въ виду въ томъ или другомъ случаѣ, — не возможно. Но для нашихъ цѣлей достаточно и того, что въ сознаніи художниковъ такъ или иначе отражалась главнѣйшая часть храма — ротонда, уцѣлѣвшая до сихъ поръ, и лишь нѣкоторыя изъ ея деталей. Ротонда эта, какъ по ея назначенію, такъ и по архитектурному строенію и убранству, была главною частью всего сооруженія, на которую обращено было вниманіе строителей. Въ этомъ смыслѣ отзывается о ней и Евсевій. Подобіе ея мы видимъ и въ основныхъ архитектурныхъ формахъ Новгородскихъ Іерусалимовъ. Тамъ и здѣсь округлый планъ и

¹⁾ Ев. въ пам. иконографіи, стр. 396.

²⁾ Ев. въ пам. иконогр., стр. 396—397.

³⁾ Messmer, Die älteste Darstell. d. heil. Grabes-Capelle. Mittheil. d. k. k. Central-Commission, VIII Jahrg. 1862, Wien.

⁴⁾ Послѣ этого храмъ подвергся разрушенію отъ Сарацинъ въ 966 г., особенно въ 1009 г. Возможно, что крестоносцы, приступая къ перестройкѣ храма Воскресенія, сперва разрушили всѣ его старыя части. Н. П. Кондаковъ, Сирія и Пал. 190.

округлыя стѣнки съ колонками, тамъ и здѣсь — куполы низкіе, діаметра равнаго съ діаметромъ корпуса храма, какъ въ древнѣйшихъ храмахъ — ротондахъ; тамъ и здѣсь двери. Еверія упоминаетъ о дверяхъ ротонды глухо: *aperiuntur omnia hostia* (вм. *ostia*), *aperiuntur hostia omnia*¹⁾; видно, что въ ротондѣ было нѣсколько дверей; но Беда (*Venerabilis*) опредѣленно указываетъ здѣсь двѣ четверицы дверей, т. е. 8 и 12 колоннъ²⁾. Игуменъ Даниилъ свидѣтельствуешь, что въ Іерусалимской ротондѣ было 6 дверей; то же и въ Новгородскихъ Іерусалимахъ 6 дверей *двустворныхъ* съ изображеніями 12 апостоловъ. Возможно, что число колоннъ въ ротондѣ храма Воскресенія — 12, сокращенное въ Новгор. Іерусалимахъ (вм. 12 только шесть), оставило свой слѣдъ въ 12 половинкахъ шести двустворчатыхъ дверей — съ изображеніями апостоловъ. Апостолы изображены и на модели кувуклія, хранящейся въ скевофилакии храма Воскресенія въ Іерусалимѣ. Въ трибунѣ Ахенскаго Сіона 12 колоннъ. Были ли какія-либо изображенія на дверяхъ храма Воскресенія, неизвѣстно; но достойно вниманія то, что на дверяхъ британскаго аворія и Тривульци находятся изображенія воскрешенія Лазаря и др. На Бамбергскомъ аворіи показаны и входы ротонды и надъ ними *imagines clupeatae* — бюстовыя изображенія въ медальонахъ. *Imagines clupeatae* находятся также и на куполѣ Новгородскаго большаго Іерусалима, — это большой денсень: І. Христосъ, Богоматерь, Іоаннъ Предтеча, арх. Михаилъ и Гавріилъ и св. Василій. Изображенія эти составляютъ денсень — эмблему церкви Христовой. На блюдѣ Іерусалима противъ центра купола находится крестъ въ медальонѣ: онъ указываетъ мѣсто пещеры гроба Господня, согласно съ указаніями паломниковъ и съ идеальными реставраціями Константиновыхъ сооружений въ Іерусалимѣ. Всѣ эти признаки сходства въ формахъ разсмотрѣнныхъ памятниковъ показываютъ, что они находятся въ близкомъ художественномъ и историческомъ родствѣ между собою и что формы Новгородскихъ Іерусалимовъ или Сіоновъ возникли подъ вліяніемъ ротонды храма Воскресенія въ Іерусалимѣ. Всѣ основныя формы ихъ стоятъ въ полномъ согласіи съ изображеніями ротонды и кувуклія на многочисленныхъ памятникахъ христіанства, и въ нихъ находятъ свое художественно-археологическое изъясненіе. Въ сознаніи художника, изготовлявшаго Новгородскіе Іерусалимы, носился образъ того же храма Воскресенія Христова, а можетъ быть и сроднаго съ нею по идеѣ и архитектурному строенію кувуклія. Іерусалимъ или Сіонъ Ахенскій, уклоняясь отъ новгородскаго типа, стоитъ въ то же время весьма близко къ аворіямъ британскому, Тривульци и особенно къ Бамбергскому. Но что въ сознаніи его художника былъ именно храмъ Воскресенія (*Ἀναστάσις*) въ Іерусалимѣ, а не Сіонскій храмъ, это доказывается находящимися на немъ надписями, изъ которыхъ одна говоритъ прямо о воскресеніи Христовомъ (*Ἀνάστηθι Κύριε...*), а другая удостовѣряетъ, что тотъ храмъ, эмблемою котораго является Ахенскій ковчегъ, Господь изволилъ изъ

¹⁾ Peregr. ad. loca s., p. 39. 41. 43.

²⁾ *Ecclesia anastasis... rotunda ecclesia duodecim columnis sustentatur. Haec bis quaternas portas per tres e regione parietes habet e quibus quatuor ad vulturnum et quatuor ad eorum spectant.* Палест. сборн. 76.

брать своимъ жилищемъ. Двухъ мнѣній по этому предмету не можетъ быть. Изъ Іерусалимовъ или Сіоновъ Московскихъ одинъ приближается къ округлой формѣ Новгородскихъ, другой имѣетъ видъ прямоугольнаго храма. Но оба они относятся уже къ концу XV в., когда древнія преданія объ Іерусалимахъ были совершенно забыты и осталось въ памяти народной лишь «великолѣпіе» Сіоновъ, какъ украшеній въ церковномъ церемоніалѣ. И несомнѣнно, что художникъ, изготовлявшій ихъ, совсѣмъ не помышлялъ о родствѣ ихъ съ Іерусалимскою ротондою со стороны архитектурныхъ мотивовъ, и создалъ двѣ модели храмовъ — одну въ стилѣ романскомъ, а другую въ стилѣ Московской архитектуры того времени. Идеальные памятники утратили свой первоначальный смыслъ и свою художественную форму, подчинились современному архитектурному шаблону и стали декоративными предметами.

3.

Новгородскіе Іерусалимы или Сіоны въ своихъ основныхъ формахъ передаютъ архитектурный типъ ротонды храма Воскресенія въ Іерусалимѣ, — весьма распространенный въ средневѣковомъ изобразительномъ искусствѣ. Съ какою же цѣлю они изготовлены были?

Архіепископъ Амвросій Орнатскій въ своихъ запискахъ о Софійской ризницѣ¹⁾ мимоходомъ замѣтилъ, что «Сіоны въ древности употреблялись на великомъ выходѣ при архіерейскихъ церемоніальныхъ служеніяхъ, а вмѣсто сего нынѣ на великомъ выходѣ выносятся архіерейская митра». Эта случайно брошенная мысль, очевидно, навѣяна мнимымъ сходствомъ формъ Сіона и митры, какого въ дѣйствительности нѣтъ. Невѣрно и то, что митра на великомъ входѣ замѣнила Сіонъ: тѣ и другіе находили мѣсто одновременно въ этой церемоніи.

То же самое, лишь съ нѣкоторыми подробностями, повторено въ Древностяхъ Россійскаго Государства. «Сіонами или Іерусалимами назывались ковчеги, имѣющие подобіе церкви. Происхождение и подлинное ихъ значеніе въ богослуженіи намъ мало извѣстно... Въ соборныхъ церквахъ Кіева, Новгорода, Пскова, Владиміра и Москвы такіе Іерусалимы выносились во время архіерейскаго служенія на маломъ выходѣ предъ Евангеліемъ и на великомъ выходѣ вмѣсто митры (опис. Новгор. Соф. соб. въ Новгор. губ. вѣд. 1848 г. № 9), также въ крестныхъ ходахъ, и ставились на престолѣ въ алтарѣ (Древн. росс. Вивл. т. X, 169)». Очевидно авторъ повторяетъ мнѣніе, критически не проверенное и ничего не разъясняющее. Въ другомъ мѣстѣ, *въ главѣ о дарохранительницахъ*, Новгородскіе Сіоны прямо приписаны къ этимъ послѣднимъ и отнесены — первый къ XV—XVI в.²⁾, а второй (безъ стѣнокъ) къ XV в.³⁾, также безъ всякой мотивировки.

¹⁾ Рукопись Новгор. Софійск. собора.

²⁾ Древн. Росс. Госуд. отд. I № 60, стран. 89. Отд. I № 49—52, стран. 81—82. Ср. также въ опис. Соф. соб. прот. Соловьева (стран. 206—207) и А. И. Конкордина (стран. 118). Гр. А. С. Уваровъ, Труды Моск. Арх. общ. I, 72. 74. Мелкія соч. (изд. гр. П. С. Уваровой 1910 г.) стран. 298. Макарій, Новгор. древн. II, 206. Ср. Нижегород. древн., стран. 100.

³⁾ Тамъ же, стран. 83.

Извѣстный нѣмецкій ученый Бокъ, упоминая объ Ахенскомъ Сіонѣ¹⁾, относить его къ числу ковчеговъ евхаристическихъ. Архим. Макарій признаетъ Софійскіе Сіоны ковчегами дароносными²⁾. Однако ни тотъ, ни другой не считаютъ нужнымъ мотивировать свои отзывы болѣе или менѣе опредѣленно, а наоборотъ — арх. Макарій, а равно какъ и авторъ статьи о Сіонахъ въ Древностяхъ Россійскаго Государства, допускаютъ двойственность въ объясненіи: то относятъ они Сіоны къ числу предметовъ церемоніальнаго обихода, то признаютъ ихъ дарохранительницами. Строже и опредѣленнѣе высказывается по этому предмету академикъ Е. Е. Голубинскій. Въ своемъ капитальномъ трудѣ — Исторіи русской церкви — Е. Е. Голубинскій полагаетъ, что Сіоны были дарохранительницами, — именно дарохранительницами праздничными, употреблявшимися только въ торжественныхъ случаяхъ (въ Москвѣ) и хранившимися въ ризницѣ, тогда какъ обыкновенныя дарохранительницы находились постоянно на престолѣ. Наименованіе ихъ «Сіоны или Іерусалимы», повидимому, указываетъ на Іерусалимскій храмъ Воскресенія или на Сіонскую горницу³⁾.

Последнее изъ этихъ замѣчаній, касающееся наименованій Сіоновъ, какъ мы уже видѣли, вполне вѣроятно. Рѣшеніе же вопроса о назначеніи Сіоновъ едва ли можетъ считаться рѣшеннымъ правильно. 1) Въ самомъ дѣлѣ, — если Сіоны были въ Москвѣ дарохранительницами и заключали въ себѣ освященные дары, то едва ли могли быть они переносимы во время великаго входа на литургіи, въ торжественной процессіи, въ которой переносятся на престолъ дары для «тайной жертвы», еще не освященные? И чѣмъ возможно было бы оправдать подобное явленіе? 2) Почему ни въ одномъ изъ Сіоновъ, — ни Московскихъ, ни Новгородскихъ, нѣтъ никакихъ приспособленій, даже слѣдовъ приспособленій, для храненія здѣсь святыхъ даровъ? 3) Появленіе Сіоновъ въ Москвѣ только при Іоаннѣ III, а не ранѣе, заставляетъ искать другую причину ихъ устроенія въ современныхъ условіяхъ церковной и государственной жизни; между тѣмъ дарохранительницы, даже золотыя, были въ Москвѣ и ранѣе того времени. 4) Почему Сіоны мы видимъ не во всѣхъ церквяхъ? Дарохранительницы нужны для каждой церкви. Іоаннъ III, сооружая два Сіона для Москвы, руководился примѣромъ Новгорода, гдѣ были въ Софійскомъ соборѣ два Сіона. А. П. Голубцовъ въ своемъ прекрасномъ литургическомъ изслѣдованіи о Соборныхъ чиновникахъ предполагаетъ, что Сіоны могли замѣнять собою диски при перенесеніи даровъ на великомъ входѣ, или — что диски переносились въ Сіонахъ⁴⁾. Соображеніе весьма остроумное, и съ нимъ возможно было бы согласиться, тѣмъ болѣе, что и самая форма Сіоновъ, какъ увидимъ ниже, вполне гармонируетъ съ этимъ объясненіемъ. Тѣмъ не менѣе оно вызываетъ возраженія: 1) Лѣтописи, говоря объ Іерусалимахъ Новгородскихъ и Владимірскихъ, ясно отдѣляютъ ихъ отъ сосудовъ служебныхъ («Іерусалимъ и сосуды служебные»).

¹⁾ Bock, Das Heiligthum zu Aachen. Köln, 1874, S. 12.

²⁾ Арх. Макарій. Археол. опис. церк. древн. въ Новгородѣ. II, 205. Ср. Древн. Росс. Госуд. отд. I, № 49—52, стран. 81—83.

³⁾ Е. Е. Голубинскій, Исторія русск. ц. I, 2 пол. стран. 149.

⁴⁾ А. П. Голубцовъ, Соборные чиновники, стран. 218, М. 1907. Ср. Martens, t. V, Anecd. col. 95.

2) Если Сіоны замѣняли диски, то почему мы не видимъ ихъ въ Аѳонскихъ стѣнописяхъ въ изображеніи великаго входа, за исключеніемъ, быть можетъ, стѣнописей ватопедскихъ; 3) притомъ, въ стѣнописяхъ ватопедскихъ находятся въ указанной процессіи также и диски, — отдѣльно отъ Сіона; 4) для дисковъ средней величины двери Сіоновъ не только Новгородскихъ, но и Московскихъ, недостаточно широки; 5) помѣщеніе диска внутри Сіона въ торжественной церемоніи великаго входа скрывало бы отъ взоровъ присутствующихъ дискъ, звѣздицу и покровъ и тѣмъ ослабляло бы пышность церемоніи; 5) внутри малаго Новгородскаго Сіона находится рельефное изображеніе І. Христа, которое не допускаетъ установки здѣсь диска; 6) наконецъ, къ числу указанныхъ неудобствъ Сіоновъ для данной цѣли слѣдуетъ отнести массивность Сіоновъ, особенно Московскихъ: большой Московскій Сіонъ едва ли сможетъ нести на извѣстной высотѣ одинъ діаконъ; его носили двое за особыя ручки. 7) А. П. Голубцовъ, при этомъ, ссылается на сообщеніе Германа еп. Парижскаго о Галликанской литургіи, гдѣ евхаристическій сосудъ названъ башнеобразнымъ (*turris*). Аналогичное извѣстіе находимъ у Григорія Турскаго, который прямо называетъ евхаристическій сосудъ башнею¹⁾. Но «башня» не то же, что Іерусалимъ или Сіонъ?²⁾

Кстати, мы должны коснуться здѣсь мнѣнія проф. А. П. Доброклонскаго, который считаетъ Новгородскіе Іерусалимы также дарохранительницами³⁾. Оставляя въ сторонѣ соображенія общаго характера, нами уже предусмотрѣнныя и разъясненныя, обратимъ вниманіе лишь на слѣдующее: если, говоритъ авторъ, Новгородскій Сіонъ есть символъ только Іерусалимскаго храма, то зачѣмъ на Сіонѣ изображеніе Василия Великаго, не имѣющаго отношенія къ Іерусалимскому храму? Въ этомъ возраженіи — очевидное недоразумѣніе. Сущность дѣла, кратко говоря, вотъ въ чемъ. Новгородскіе Сіоны со стороны своихъ археологическихъ формъ представляютъ подобіе ротонды Іерусалимскаго храма Воскресенія и потому назывались въ древности Іерусалимами; они напоминали объ *ecclesia matrix*, а отсюда и о церкви Христовой вообще. Ниже мы увидимъ пережитки Іерусалимовъ, въ которыхъ нѣтъ уже ни формы ротонды, ни наименованія «Іерусалимъ» и съ которыми соединяется лишь общее представленіе о церкви. Изображеніе Василия Великаго, вселенскаго учителя, отца церкви и литургиста, находится въ полной гармоніи съ представленіемъ о церкви. Второе соображеніе А. П. Доброклонскаго въ пользу евхаристическаго назначенія Сіоновъ основано на томъ, что «на Сіонѣ находятся изображенія І. Христа и апостоловъ и потому здѣсь можно усматривать своего рода воспроизведеніе извѣстной евхаристической картины», т.-е., очевидно, *metádoxıs* или раздаянія І. Христомъ св. хлѣба и св. чаши апостоламъ. Здѣсь А. П. Доброклонскій, очевидно, смѣшалъ двѣ совершенно различныя иконографическія композиціи: евхари-

¹⁾ *Acceptaque turre diaconus in qua misterium dominici corporis habebatur ferre caepit adestium, ingressusque templum ut eam altari superponeret.* Gregor Tur. de gloria mart. c. 86.

²⁾ Du Cange, Glossar, latin. s. v. *turris* et *pyxis*; cf. Gloss. graec. s. v. *πύξιν*. Кроме писанья изъ слоновой кости, до насъ дошли мѣдныя позолоченныя дарохранительницы въ видѣ башенокъ. Образцы въ Баварскомъ національномъ музеѣ. Katalog d. Bayer. Nationalmuseums Bd V, Taf. X, 263—279.

³⁾ Извѣстія XV Археол. съѣзда въ Новгородѣ, стран. 70—71. М. 1911.

стическое изображеніе *metáwthc* представляет І. Христа въ положеніи Верховнаго Литурга, стоящаго у престола и возлѣ него двухъ ангеловъ съ рипидами (= діаконы). І. Х. раздаетъ Евхаристію подходящимъ къ Нему со сложенными руками апостоламъ. Если бы это было на Новгородскомъ большомъ Іерусалимѣ, какъ нерѣдко видимъ Тайную Вечерю на старыхъ дарохранительницахъ (Псковскаго собора, Скинія Моск. Архангельскаго собора), то не могло бы быть никакого сомнѣнія въ евхаристическомъ назначеніи Іерусалима. Но въ томъ-то и дѣло, что такого изображенія здѣсь совсѣмъ нѣтъ, а есть другое — *deusis*. Та иконографическая композиція, въ составъ которой входятъ І. Христосъ (въ срединѣ), Богоматерь и Іоаннъ Предтеча (по сторонамъ Его), также апостолы, а иногда и святители, представляетъ собою явленіе самое обыкновенное, древнѣйшее и общезвѣстное: это большой *deusis*. Онъ явился не позднѣе VI вѣка, лежитъ въ основѣ иконостаса православной церкви (3-й ярусъ иконостасный) и указываетъ на церковь небесную. Ясно, что эта иконографическая композиція вполне гармонируетъ съ представленіемъ объ Іерусалимѣ, какъ эмблемѣ *ecclesia matrix* и церкви Христовой вообще, но не имѣетъ прямого отношенія къ евхаристіи.

Іерусалимы по своему первоначальному назначенію не были ни дарохранительницами, ни реликваріями. Если Ахенскій Іерусалимъ превращенъ въ реликварій, то это превращеніе есть дѣло позднѣйшаго времени. Быть можетъ, со временемъ найдутся и другіе реликваріи и даже дарохранительницы, которыя были первоначально Іерусалимами. Надпись о находящихся въ немъ мощахъ св. Анастасія (персидскаго?) сдѣлана не на самомъ Сіонѣ, а на особомъ листкѣ пергамента, при томъ она — на латинскомъ языкѣ. Псковская серебряная дарохранительница (въ Троицкомъ соборѣ), устроенная въ XVII в.¹⁾ всегда была дарохранительницею. Правда, она имѣетъ видъ храма, по своимъ размѣрамъ близко подходящаго къ Московскому малому Сіону, а отчасти и по архитектурному плану; но она никогда не называлась Іерусалимомъ. Находящееся на ней, между прочимъ, изображеніе тайной вечери прямо указываетъ на ея евхаристическое назначеніе. Скинія Московскаго Архангельскаго собора²⁾, устроенная при Петрѣ I въ формѣ треглавой церкви — также дарохранительница: прозрачное указаніе на такое именно назначеніе ея находимъ какъ въ названіи ея, такъ и въ изображеніи тайной вечери въ типѣ Миланской вечери Леонардо да Винчи на лицевой сторонѣ. Дарохранительницы были во всѣхъ церквяхъ, а Іерусалимы нельзя относить къ числу обычныхъ богослужебныхъ предметовъ, одинаково необходимыхъ для всѣхъ храмовъ. Въ Россіи они были въ Софійскомъ соборѣ въ Новгородѣ, въ Успенскомъ соборѣ во Владимірѣ и въ церкви Рождества Богородицы въ Боголюбовѣ (придворная), въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ и, вѣроятно, въ соборѣ Кіево-Софійскомъ, а также и въ нѣкоторыхъ монастыряхъ. Бóльшая часть ихъ — княжескіе и царскіе подарки (во Владимірѣ и Москвѣ). Очевидно, это — предметы особые, тѣсно связанные съ историческими воспоминаніями «о матери» церквей и съ этой стороны очень важные и потому введенные въ ли-

¹⁾ Князевъ, Историч. опис. Псковск. каедр. Троицк. соб. М. 1858.

²⁾ Древн. Росс. Госуд. отд. I, № 61.

тургическій пышный церемоніаль. Въ Россіи они явились только въ XI в., въ другихъ же мѣстахъ, вѣроятно, раньше. Что живая связь съ Іерусалимскою церковью чрезъ посредство памятниковъ искусства поддерживалась въ средніе вѣка, доказательствомъ тому служатъ ампулы съ елеемъ «отъ св. мѣстъ и въ частности отъ крестнаго древа жизни»; значительное количество ихъ сохранилось въ Монцѣ. Онѣ шли изъ Іерусалима. Какъ надписи ихъ¹⁾, такъ и изображенія ротонды и кувуклія св. Гроба, напоминали о св. мѣстахъ. Вѣроятно эти ампулы расходились по всему христіанскому міру. Возможно, что своею иконографическою стороною онѣ вліяли на аворін, повторяющіе тѣ же темы. Такъ распространялось вліяніе сиро-палестинскаго искусства и поддерживалась связь съ Іерусалимскою церковью. Той же цѣли служили и Іерусалимы: они напоминали о живой связи церкви «съ матерью церковей — Сіономъ святымъ, Божіимъ жилищемъ». Казалось бы, что въ данномъ случаѣ естественно ожидать встрѣтить здѣсь модель не храма Воскресенія, но — храма на мѣстѣ Сіонской горницы; но уже вскорѣ послѣ IV в. великолѣпный храмъ Константина Великаго съ ротондою Воскресенія затмилъ преданіе о бѣдной Сіонской церкви; слава о немъ быстро распространилась по всему христіанскому міру: ампулы и аворін разносили повсюду его архитектурный образъ; съ нимъ неразрывно соединялось представленіе о новомъ и юномъ Іерусалимѣ, выразительной эмблемѣ матери церковей и Божіемъ жилищѣ, церкви — Сіонѣ; ей первой возвѣщено «оставленіе грѣховъ, дарованное Воскресеніемъ Христовымъ». Возможно предполагать, что подобныя эмблемы и въ церкви восточной ведутъ свое происхожденіе изъ глубокой древности. Если и для церковей, основанныхъ Апостолами — самовидцами Христа и ихъ ближайшими сотрудниками, не излишни были эмблемы, напоминающія о живой связи ихъ съ ecclesia matrix; то тѣмъ большее значеніе имѣли онѣ для церковей сравнительно позднѣйшихъ. Іерусалимы или Сіоны, какъ видимые знаки союза съ матерью церковей, ставились, вѣроятно, въ соборныхъ церквахъ, служившихъ центрами церковной жизни данной мѣстности; быть-можетъ, ставились они на видномъ мѣстѣ — на престолѣ, а на торжественныхъ выходахъ на литургіи и въ крестныхъ ходахъ выносились первоначально не только для пышности церковной процессіи, но и для нагляднаго указанія на живой союзъ съ матерію церковей, каковая наглядность имѣла важное значеніе для непосредственнаго чувства народа, особенно въ первый періодъ его церковной жизни и при наличности церковныхъ общинъ, порвавшихъ связь съ матерію церковей. Эмблемы этого рода на первыхъ порахъ, вѣроятно, шли прямо изъ Іерусалима, а потомъ строителями ихъ могли быть какъ сами новыя церкви, такъ и ктитори главныхъ церковей и даже видные попечители ихъ, а также монастыри. Въ этомъ смыслѣ можно понимать запись на Ахенскомъ Іерусалимѣ съ именемъ табулярія Евстаѳія — строителя этого Іерусалима. Явленія этого рода вполне допустимы съ точки зрѣнія церковно-практической. — Но, напоминая о союзѣ церковей, — Іерусалимы въ то же время напоминали о Голгоетѣ и Голгоетской жертвѣ. Новгородскій архіепископъ Антоній подтверждаетъ это ясно, когда говоритъ о плачѣ,

¹⁾ Надписи на ампулахъ: *Εὐλογία κυρίου τῶν ἁγίων Χριστὸς τόποις...* "Ελαϊον ἐέλαιον ζωῆς τῶν ἁγίων Χριστοῦ τόποις... ἀνάστη ὁ Κόριος.

рыданіи и воздыханіи о грѣхахъ: вся церемонія великаго входа на литургіи съ Іерусалимомъ свѣтозарнымъ, съ рипидами, украшенными изображеніями херувимовъ, являлась дѣйствительно нагляднымъ выраженіемъ церковной пѣсни: «Да молчитъ всякая плоть человѣча... Царь бо царствующихъ и Господь господствующихъ приходитъ заклатися и датися въ снѣдь вѣрнымъ. Предходятъ же сему лица ангельстѣи со всякимъ началомъ и властію, — многоочитѣи херувими и шестокрылатѣи сѣрафими»... Вотъ почему слѣдуетъ думать, что свѣтозарный Іерусалимъ Софійскаго собора въ Константинополѣ, видѣнный Антоніемъ, представлялъ собою модель Іерусалимскаго храма Воскресенія и что ему въ Константинополѣ въ XIII в., а также и у насъ, все еще усвоилось значеніе не только эмблемы — союза церковнаго, но и — конкретнаго напоминанія о храмѣ Воскресенія въ Іерусалимѣ. — Однако смѣна поколѣній, воспитанныхъ подъ сѣнію церкви, мало-по-малу ослабляла значеніе этихъ эмблемъ, и Іерусалимы, наконецъ, перешли въ разрядъ пережитковъ, утратившихъ свой первоначальный смыслъ и пригодныхъ только для церемоніальной пышности. Уже давно вошла въ церковное сознаніе и окрѣпла та истина, что каждая помѣстная православная церковь, — русская, славянская, грузинская и др., суть «новые Іерусалимы», и внѣшнія напоминанія объ этомъ, эмблемы союза, оказались излишними. Въ 1486 году Іоаннъ III сооружаетъ два Іерусалима для Московскаго Успенскаго собора только для пышности и по подражанію Сіонамъ Новгородской Софії. Ни архитектурныя формы Московскихъ Сіоновъ, ни памятники письменности того времени не указываютъ уже прямо на Іерусалимскій храмъ; и цѣлью сооруженія служить пышность и великолѣпіе въ образѣ великолѣпной православной церкви. Потребность этого великолѣпія явилась одновременно съ возвышеніемъ Москвы: Сіоны стали видимыми знаками этого возвышенія. Новгородъ къ тому времени уже утратилъ свою самостоятельность. Новгородскіе владыки теченіемъ историческихъ событій поставлены были въ зависимость отъ Москвы и вынуждены были получать свое посвященіе въ Москвѣ при гробѣ св. Петра митрополита; они были крайне стѣснены въ своихъ епископскихъ правахъ, подвергались лишеніямъ монастырей и наказывались лишеніемъ каедръ. Между тѣмъ Московская митрополія, опираясь на покровительство государственной власти, сильно поднялась и, вмѣстѣ съ развитіемъ своей просвѣтительной дѣятельности, развивала свой внѣшній блескъ и церковное благолѣпіе. Іерусалимы и Сіоны, какъ наглядное выраженіе церковной помпы, оказались теперь нужными для Москвы, и они не замедлили здѣсь явиться. Примѣромъ для Москвы въ данномъ случаѣ послужилъ Новгородъ, какъ для Владимира — Кіевъ. Въ Новгородскихъ и Московскихъ церемоніальныхъ уставахъ постоянно упоминаются Іерусалимы и Сіоны, какъ принадлежность праздничныхъ богослужебныхъ выходовъ; однако здѣсь нѣтъ уже почти никакого слѣда ихъ первоначальнаго меморіальнаго значенія. На великомъ входѣ литургіи они всегда выносятся, по прекрасному выраженію проф. А. П. Голубцова, лишь «лѣпоты ради». Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ этихъ уставовъ.

Въ праздникъ Рождества Богородицы 8 сентября, по Чиновнику Софійскаго собора, несутъ на переносѣ (на великомъ входѣ) Сіонъ единъ, да плащаницу, образъ

Іоанна архієпископа сѣнніе попы¹⁾; тоже въ день празднованія обрѣтенія мощей св. Іоанна архієпископа Новгородскаго²⁾; обрѣтенія мощей св. Никиты еп. Новгородскаго³⁾ и въ пятницу 2-й недѣли Петрова поста — празднованіе памяти св. Никиты епископа Новгородскаго⁴⁾. Въ нѣкоторые большіе праздники выносились въ Софійскомъ соборѣ на великомъ входѣ два Сіона: въ праздникъ «Новолѣтія» въ службѣ ключари полагають Сіоны и плащаницы и судари большіе⁵⁾; въ праздникъ Рождества Христова «на большомъ переносѣ» Сіоны и плащаницы носятъ⁶⁾, тоже 14 сентября въ праздникъ Воздвиженія Креста Господня⁷⁾; Происхожденія честныхъ древъ креста Господня 1 августа⁸⁾, въ праздникъ Успенія Пресвятыя Богородицы 15 августа⁹⁾, въ день совершенія пещнаго дѣйствія¹⁰⁾, въ праздники — Рождества Христова¹¹⁾ и Богоявленія¹²⁾, въ Вербное воскресенье¹³⁾ и Пятидесятницу¹⁴⁾. По Чиновнику Московскаго Успенскаго собора также полагается выносъ на великомъ входѣ литургій то одного Сіона, то двухъ: въ праздникъ Богоявленія 6 января выносили одинъ Сіонъ меньшій; а въ праздники Успенія Пресв. Богородицы 15 августа, въ Вербное воскресенье, въ Пасху, въ праздникъ перенесенія мощей св. Петра митрополита 24 августа — два Сіона¹⁵⁾. Любопытно здѣсь то, что иногда большому Сіону Успенскаго собора усваивается названіе «Еросалимъ», а малому «Сіонъ»¹⁶⁾. Въ обычномъ порядкѣ, въ большіе праздники выносили два Сіона, въ меньшіе одинъ; хотя бывали, въ зависимости отъ причинъ случайныхъ, напримѣръ незначительнаго числа служащихъ, — и отступленія: сюда относится указанный случай выноса одного меньшаго Сіона въ праздникъ Богоявленія.

Приведенныя показанія Чиновниковъ не оставляють никакого сомнѣнія въ томъ, что Іерусалимы или Сіоны въ XVII в., какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Москвѣ, уже утратили свое меморіальное значеніе. Даже старое первоначальное наименованіе ихъ — Іерусалимъ — стало забываться и постепенно замѣнялось другимъ наименованіемъ — Сіонъ. Но это послѣднее наименованіе не имѣло терминологическаго значенія: оно означало не только Іерусалимъ, но и Сіонскую горницу, дарохранилищницу, даже могло примѣняться иногда къ ладанницамъ, въ видѣ церкви. Обрядники или Чиновники, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно показываютъ, что Іерусалимы или Сіоны въ XVII в., ни въ Новгородѣ, ни въ Москвѣ, не были ни даро-

¹⁾ А. П. Голубцовъ, Чиновникъ Новгор. Софійскаго собора. Москва 1899, стран. 21.

²⁾ Тамъ же стран. 56.

³⁾ Тамъ же стран. 113.

⁴⁾ Тамъ же стран. 236 и 97: на литургіи несутъ рипиды да Сіонъ.

⁵⁾ Тамъ же стран. 18.

⁶⁾ Тамъ же стран. 81.

⁷⁾ Тамъ же стран. 31.

⁸⁾ Тамъ же стран. 136.

⁹⁾ Тамъ же стран. 143.

¹⁰⁾ Тамъ же стран. 70.

¹¹⁾ Тамъ же стран. 81.

¹²⁾ Тамъ же стран. 92.

¹³⁾ Тамъ же стран. 186.

¹⁴⁾ Тамъ же стран. 226.

¹⁵⁾ Тамъ же стран. 37. 73. 107. 128. 206. 208—209. 211.

¹⁶⁾ Тамъ же, 208—209.

хранительницами, ни реликваріями: хранились они въ бібліотекахъ старыхъ книгъ и въ старыхъ ризницахъ вмѣстѣ съ предметами, вышедшими изъ церковнаго употребленія. Отсюда они выносились «для переноса» на литургіи въ дни торжественныхъ богослуженій. Старый, установленный еще въ Византіи, обычай совершенія литургійнаго великаго входа съ наибольшою помпою нашелъ широкое примѣненіе и въ Россіи, особенно въ столичныхъ соборахъ: такъ какъ количество священнослужащихъ было здѣсь весьма значительно, то вмѣстѣ съ евхаристическими дарами и ихъ необходимыми принадлежностями выносились «лѣпоты ради» — иконы, Евангелія, лжица, копье, губа, кратиры (въ день Богоявленія), предносный Патріаршій крестъ (при Патріаршемъ служеніи), омофоръ, шапка епископская, воздухи, плащаницы, покровы съ мощей и т. п. Здѣсь нашли себѣ почетное мѣсто и Іерусалимы или Сіоны¹⁾. Прекращеніе патріаршества и постепенное ослабленіе пышной богослужебной церемоніальности привели къ совершенному изъятію ихъ изъ богослужебной практики. Но пережитокъ стараго обычая до настоящаго времени сохранился по мѣстамъ въ богослужебной практикѣ восточной церкви.

Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ — греческихъ и русскихъ сохраняется доселѣ древній обычай, по которому діаконы во время кажденія церкви носятъ въ лѣвой рукѣ или на плечѣ небольшіе кіоты, въ видѣ одноглавой или многоглавой церкви. По общепринятому мнѣнію, это не что иное, какъ ладанницы. Объясненіе это основывается на томъ соображеніи, что и въ древнихъ памятникахъ иконографіи подобные ковчеги усвояются именно діаконамъ и первосвященнику Захаріи. Исходя изъ этой практики, удержанной на востокѣ, А. А. Дмитріевскій утверждаетъ, что и Новгородскіе Іерусалимы или Сіоны суть «ничто иное, какъ ладанницы, которыя и доселѣ употребляются на Востокѣ. Что касается величины Сіоновъ, какъ бы не соотвѣтствующей назначенію ихъ, то эта величина будетъ объяснима, если принять во вниманіе практику кажденія всѣхъ св. мѣстъ вначалѣ каждаго богослуженія въ Іерусалимскомъ храмѣ. Для такого кажденія требуется немалое количество ладана»²⁾.

Мнѣніе это есть лишь догадка, основанная на неправильномъ истолкованіи смысла восточной практики и недостаточно полномъ изученіи Новгородскихъ Сіоновъ. Ковчеги, носимые діаконами на востокѣ — это совсѣмъ не ладанницы; ладана въ нихъ не бываетъ при каженіи; никто на востокѣ не называетъ ихъ ладанницами и не считаетъ таковыми. Сейчасъ мы подтвердимъ наши слова документально. — Такъ какъ Новгородскіе Сіоны изготовлялись для Софійскаго собора, а не для храма Воскресенія въ Іерусалимѣ, то, очевидно, не было никакой нужды устраивать здѣсь такія громадныя ладанницы, какія необходимы, по мѣстнымъ потребностямъ для Іерусалимскаго храма. Впрочемъ, это не важно; гораздо важнѣе то, что Новгородскіе Сіоны по самому устройству своему не годятся для ладана.

¹⁾ Въ серебряной модели древняго кувуклія, хранящейся въ Святогробскомъ склевофилакѣи, внизу на особой выдвижной доскѣ находится изображеніе положенія І. Х. во гробѣ. Любопытно сравнить эту подробность съ выносомъ плащаницы у насъ на великомъ выходѣ торжественныхъ литургій.

²⁾ Извѣстія XV Археол. Съѣзда въ Новгородѣ, стр. 71. М. 1911.

Дверки Сіона упираются прямо въ дно его и, при первой попыткѣ открыть ихъ, ладанъ посыплется на полъ. Возможны ли такія ладанницы? Сверхъ того, какимъ образомъ діаконы будутъ пользоваться такою ладанницею, если у него въ одной рукѣ (правой) кадила, а въ другой (лѣвой) массивная ладанница: онъ долженъ открыть дверку Сіона, взять ладанъ, закрыть опять дверку, открыть крышку кадила, положить ладанъ, закрыть крышку кадила. Крайне неудобная вещь. Но перейдемъ къ подробнымъ разъясненіямъ по этому предмету.

Въ храмѣ Воскресенія въ Іерусалимѣ діаконы при кажденіи храма до сихъ поръ носятъ пустые ковчеги въ видѣ маленькой церкви: *Λάβοντες δὲ (οἱ διάκονοι) εἰς τὰς χεῖρας αὐτῶν κομψὰ κιβωτίδια τοῦ ἁγίου Καυβουκλίου ἣ ἐκκλησίας εἰς θυρίαια ὀλῶν τῶν προσκυνητῶν*¹⁾. Это говоритъ знатокъ богослужебной практики Іерусалимскаго храма Воскресенія Христова. Какъ видно, діаконы здѣсь берутъ для кажденія кіоты въ видѣ *кувуклій* или церкви. Можно думать, что и тотъ самый серебряный кувуклій, который теперь хранится въ святогробскомъ скевофилакіи, имѣлъ такое на-

Рис. 22. Модель кувуклія.

значеніе. Судя по характеру чеканныхъ украшеній, кувуклій этотъ (рис. 22) не византійскаго происхожденія, какъ полагаютъ святогробцы, но новый. Вѣроятно, впрочемъ, что его архитектурныя формы, напоминающія Бамбергскій аворій, копированы съ древняго образца. Въ настоящее время діаконы уже не берутъ его, а носятъ при кажденіи новый кіотъ, имѣющій форму новой церкви. На мой запросъ объ этихъ кіотахъ святогробскій архимандритъ Каллистъ сообщилъ слѣдующее.

¹⁾ *Ἐκπορευόμενοι τοῦ λαυκεροῦ ναοῦ τῆς Αναστάσεως (Ἱερουσαλήμ 1910 г. 108).*

«Въ храмѣ Воскресенія (въ Іерусалимѣ) существуетъ обычай, по которому въ началѣ вечерни великихъ праздниковъ, напримѣръ Воздвиженія Креста Господня, св. Николая и др. два діакона берутъ каждый по одному ковчежцу въ родѣ церкви лѣвою рукою, а не такъ, какъ я видѣлъ въ Иверскомъ монастырѣ на Аѳонѣ (гдѣ діаконы носятъ ковчеги эти на лѣвомъ плечѣ); въ правой рукѣ кадило; діаконы кадятъ всѣ святыни, находящіяся въ храмѣ. Ладонъ (βουάνα) носитъ одинъ монахъ, сопровождающій діакона, въ особомъ сосудѣ. На великомъ литургійскомъ выходѣ ихъ не выносятъ. Эти ковчежцы (ἐκκλησία) по принятому здѣсь объясненію, символы церкви Христовой (въ старинныхъ настѣнныхъ живописяхъ св. первомученикъ архидіаконъ Стефанъ изображается съ такимъ ковчежцемъ въ рукѣ). Они имѣютъ форму не круглую, съ тремя или четырьмя куполами, серебряные, съ разными орнаментами и изображеніями снаружи». Въ такомъ положеніи дѣло въ Іерусалимѣ.

О такихъ же ковчегяхъ въ богослужебной практикѣ Аѳона мы получили свѣдѣнія отъ извѣстнаго ученаго труженика Аѳонопантелеймонова монастыря старца Матѳея († 2 сент. 1911 г.) и настоятеля того же монастыря архимандрита Михаила. Первый изъ нихъ на нашъ запросъ объ Іерусалимахъ или Сіонахъ, отъ 22 января 1910 г., писалъ намъ: «Если считать, что вообще церковная практика здѣсь на Аѳонѣ не много потерпѣла перемѣнъ противъ древности, то можно обратить вниманіе на существующее и нынѣ въ монастырской богослужебной практикѣ употребленіе такъ называемыхъ нынѣ κιβώτιον; это изображеніе церкви (какъ прораобразъ κιβώτι'а Ноева). Кіотъ этотъ (можетъ быть припомните) здѣсь употребляется діаконами при совершеніи каждаго предстоящихъ только въ великіе праздники на Господи возвахъ и предъ началомъ бдѣнія. Кιβώτιον возлагается діаконѣмъ на лѣвое плечо на пелену и поддерживается лѣвою рукою... Такъ у грековъ, такъ и у русскихъ на Аѳонѣ. Слышалъ я, что бывали эти ковчеги и круглые, но нынѣ изображаютъ въ миниатюрѣ храмъ. Но это никакъ не дарохранительницы. Дарохранительницы никогда не взимаются съ престола... Насколько мнѣ извѣстно, нынѣ въ практикѣ Константинопольской церкви нѣтъ ни Сіоновъ, ни ковчегѣвъ. Но едва ли послѣдніе Аѳонское изобрѣтеніе. Вѣроятно, употребленіе ихъ древле занимало болѣе обширный районъ. На востокѣ практикуется нынѣ при большомъ соборѣ служащихъ,— что на великомъ выходѣ іереи несутъ и иконы, кресты, ковчеги съ мощами, но ковчегѣвъ — κιβώτιον'овъ при этомъ нѣтъ»... О. архимандритъ Михаилъ сообщаетъ: «отъ грековъ мы добыли пока слѣдующее: въ здѣшнихъ греческихъ монастыряхъ κιβώτιον'ы употребляются (какъ и въ монастыряхъ Аѳоно-русскихъ) ради торжественности въ великіе праздники, но не какъ ладонницы; а какое они имѣли значеніе въ древности, о семъ преданіе не сохранилось... Нѣкоторые высказали, что они изображаютъ ковчегъ Ноя — прообразъ церкви, а слѣдовательно и самую церковь. Употребляются ли они въ монастыряхъ греческихъ внѣ Аѳона — неизвѣстно; но въ мірскихъ церквахъ они совсѣмъ не употребляются».

Настоятель греческой церкви въ С.-Петербургѣ, архимандритъ Софроній Дука свидѣтельствуетъ, что κιβώτιον'ы употребляются въ нѣкоторыхъ древнихъ и большихъ монастыряхъ Греціи.

Высокопреосвященный Арсеній, архіепископъ Новгородскій, въ засѣданіи XV новгородскаго археологическаго съѣзда 26 іюня 1911 г. сообщилъ, что такіе ковчеги употребляются въ Спасо-Елеазаровскомъ монастырѣ псковской епархіи; а преосвященный Димитрій, епископъ рязанскій, указалъ на примѣненіе ихъ въ церковно-богослужебной практикѣ Новаго Аѳона. Всѣ эти ковчеги пустые и признаются эмблемою церкви Христовой.

Если сопоставить эти ковчеги съ Новгородскими Іерусалимами, то нельзя не признать между ними тѣсной генетической связи. 1) Тѣ и другіе имѣютъ форму церкви, хотя архитектура церкви тамъ и здѣсь не одинакова; 2) тѣ и другіе служатъ эмблемами церкви Христовой; 3) выносятся діаконами на богослужебныхъ выходахъ; 4) церковно-практическаго назначенія не имѣютъ. Новгородскіе Іерусалимы имѣютъ видъ круглаго храма и какъ съ этой стороны, такъ и по другимъ признакамъ вышеуказаннымъ, и наконецъ по своему наименованію, примыкаютъ къ типу ротонды Іерусалимскаго храма. Очевидно, эта форма, въ ряду другихъ однородныхъ памятниковъ-ковчегамъ, есть форма изначальная; она взята съ конкретного памятника, — важнѣйшаго по своему церковно-историческому значенію и, изображая собою ротонду храма Воскресенія, напоминаетъ, подъ формою матери церквей, о церкви Христовой вообще. Но эта форма, равно какъ и ея первоначальный конкретный смыслъ, подверглись въ своей исторіи естественному процессу эволюціи. Вмѣстѣ съ ослабленіемъ преданій объ Іерусалимскомъ храмѣ, много разъ разрушенномъ и перестроенномъ, сталъ постепенно утрачиваться и конкретный смыслъ Іерусалимовъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилась и самая форма; представленіе объ Іерусалимской церкви замѣнено представленіемъ о церкви вообще, архитектура ротонды замѣнена архитектурнымъ шаблономъ позднѣйшей многоглавой церкви. Не говоримъ уже о другихъ мелкихъ измѣненіяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что наши современные ковчеги представляютъ собою пережитокъ древнихъ Іерусалимовъ.

Въ заключеніе мы должны остановиться еще на одной группѣ однородныхъ памятниковъ. Извѣстно, что въ памятникахъ греческой и русской иконографіи св. діаконъ изображается съ кадиломъ въ правой рукѣ и небольшимъ ковчегомъ въ лѣвой; ковчегъ этотъ иногда имѣетъ видъ церкви — одноглавой, многоглавой и шатровой, иногда видъ небольшого ларца, сходнаго съ аптечкою св. цѣлителей Козьмы и Даміана и др. Съ подобнымъ же сосуdomъ изображенъ первосвященникъ Захарія въ извѣстномъ ватиканскомъ кодексѣ Козьмы Индикоплова¹⁾. Многочисленные памятники этого рода встрѣчаются въ древнихъ стѣнописяхъ греческихъ и русскихъ, на иконахъ, въ миниатюрахъ, шитьѣ и даже въ скульптурѣ аворіевъ. Мы обратимъ вниманіе лишь на тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ видъ церкви любой архитектуры. Одинъ изъ древнѣйшихъ примѣровъ этого рода представляетъ пластинка слоновой кости VI—VII в. съ изображеніемъ архидіакона Стефана, съ ков-

¹⁾ Diehl, Manuel d'art. byz. p. 226.

чегомъ въ лѣвой рукѣ¹⁾). Профессоръ Краусъ, издавшій этотъ памятникъ²⁾, усвоить ковчегу евхаристическое значеніе и называетъ его *turris eucharistica*. Объясненіе это основывается лишь на глухомъ извѣстіи о томъ, что евхаристическіе сосуды нѣкогда имѣли форму башнеобразную. Но въ данномъ случаѣ оно не приложимо. Если кадильница — атрибутъ діакона, то евхаристическій сосудъ слѣдовало бы вѣрнѣе считать атрибутомъ священника или епископа. Между тѣмъ, въ памятникахъ древней иконографіи этого мы не видимъ. Ковчегъ этого рода всегда усвоится діакону, и потому указанное изображеніе должно быть объясняемо по аналогіи съ другими однородными изображеніями въ рукахъ діаконѣвъ. Ковчегъ архидіакона Стефана имѣетъ здѣсь круглую форму и такое же, повидимому, сводчатое покрытіе, какое видимъ на нѣкоторыхъ ампулахъ Монцы. Въ виду этого нужно признать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ зачаточною формою тѣхъ же Новгородскихъ Іерусалимовъ и ихъ пережитковъ въ современной практикѣ нѣкоторыхъ монастырей. Въ фрескахъ алтаря Спасонередицкой церкви въ Новгородѣ XII в. св. діаконъ держитъ въ лѣвой рукѣ округлый большой храмъ съ куполомъ, но безъ креста³⁾: онъ напоминаетъ своею общею архитектурою Новгородскіе Іерусалимы. Тоже въ стѣнописяхъ алтаря Спасомирожскаго собора въ Псковѣ XII в. Быть можетъ, отмѣченное сейчасъ сходство слѣдуетъ объяснить единствомъ источника, изъ котораго возникло представленіе о ротондѣ храма Воскресенія въ Іерусалимѣ. Во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого основанія считать эти ковчегіи ни Нередицкими, ни Мирожскими, ни Іерусалимскими ладанницами: они означаютъ тѣ же Іерусалимы. Въ видѣ небольшихъ шатровыхъ церквей изображены эти ковчегіи въ рукахъ св. архидіаконѣвъ Стефана и Лаврентія на эпитрахили Новгородскаго Антоніева монастыря, приписываемой препод. Антонію Римляину. Въ памятникахъ церковнаго искусства XVI—XVII столѣтій ковчегъ въ видѣ церкви разныхъ формъ встрѣчается въ изображеніяхъ св. діаконѣвъ множество разъ. Но первоначальный смыслъ ихъ уже совершенно утраченъ. Уже въ XV столѣтіи, какъ мы видѣли, въ Москвѣ утрачена была ихъ первоначальная форма. Въ XVII столѣтіи, какъ видно изъ чиновниковъ, забытъ не только генезисъ Іерусалимовъ и ихъ значеніе, но и самое названіе ихъ утратило свое терминологическое значеніе. Сіонами стали называть ковчегіи разнаго назначенія (напр. дарохранительницы), лишь бы они имѣли церквеобразную форму. Составитель русскаго иконописнаго подлинника критической редакціи уже прямо говоритъ, что въ рукахъ св. діаконѣвъ Стефана, Лаврентія, Филиппа, Никанора, Пармена — кадило и *виіамница*⁴⁾. Очевидно, о древнихъ Іерусалимахъ составитель подлинника уже не имѣетъ никакихъ свѣдѣній.

¹⁾ Архид. Стефанъ держитъ ковчегъ не на плечѣ (какъ бываетъ доселѣ на Афонѣ), а такъ, какъ теперь въ Іерусалимѣ. Ковчегъ поддерживается не голою рукою, но при помощи особой палки, какъ это дѣлается вездѣ доселѣ. По исконному византійскому обычаю, священный предметъ нельзя держать голыми руками.

²⁾ F. X. Kraus, *Gesch. d. chr. Kunst* I, S. 527, Fig. 430.

³⁾ На аворіяхъ соотвѣствующихъ также нѣтъ креста. Возможно, что въ древнюю эпоху не было креста и на ротондѣ храма Воскресенія. Теперь на ней простой желѣзный крестъ.

⁴⁾ Въ греч. подлинникѣ этого нѣтъ.

Неудивительно поэтому, что въ томъ же XVII столѣтіи появились у насъ Іерусалимы или Сіоны въ видѣ церковей-ковчеговъ для храненія ладана: такова мѣдная ладонница инока Теофноста въ той же Софійской ризницѣ; такова же «серебряная угольчатая пятиглавая ладонница — Іерусалимъ», упоминаемая въ описи Троице-Сергіевой Лавры 1641 года¹⁾. и дарохранительница—Сіонъ въ старой ризницѣ Псково-Печерскаго монастыря. Признаемъ ли мы, что эти Сіоны-ладонницы прямо изготовлены были для ладана, или первоначально онѣ были эмблемами церкви, а потомъ превращены въ ладанницы, подобно тому, какъ Ахенскій Сіонъ превращенъ въ реликварій, потиры Софійской ризницы—въ водосвятные сосуды, монстраицы (тамъ же)—въ ладанницу, во всякомъ случаѣ это явленіе позднѣйшее, это пережитокъ, въ которомъ не осталось почти ничего отъ древнихъ Іерусалимовъ даже со стороны формальной, и потому судить по этимъ позднимъ памятникамъ о древнихъ Іерусалимахъ или Сіонахъ значило бы случайные поздніе домыслы недисциплинированной мысли предпочитать значительной наличности фактовъ и преданій, вполне согласныхъ между собою и представляющихъ генезисъ и древнюю исторію Іерусалимовъ совсѣмъ въ другомъ историческомъ освѣщеніи. По странной случайности неправильное истолкованіе ковчега въ рукахъ діаконовъ въ смыслѣ ладонницы весьма распространено въ ученыхъ сферахъ не только русскихъ, но и западно-европейскихъ. По крайней мѣрѣ намъ лично не доводилось нигдѣ и никогда встрѣтить болѣе правильный взглядъ на нихъ. Арх. Макарій возвелъ это толкованіе на степень ученаго тезиса и даже аксіомы. Допустимъ, что онъ имѣлъ бы право утверждать это, если бы имѣлъ въ виду пережитки старины въ стѣнописяхъ и на иконахъ XVII—XVIII в., гдѣ иногда эти ладанницы являются въ рукахъ діаконовъ въ видѣ маленькихъ коробочекъ (Аѳонскія Стѣнописи); но онъ говоритъ это въ примѣненіи къ древнѣйшей Новгородской иконописи. Очевидно, какъ онъ, такъ равно и другіе ученые—русскіе и иностранные, отправляясь отъ этихъ пережитковъ, а также руководясь тѣмъ общимъ соображеніемъ, что если у діакона въ одной рукѣ кадило, то въ другой, вѣроятно, долженъ быть ладанъ, не обращали вниманія на аналогичные памятники древнѣйшіе и относящіеся къ нимъ преданія и не сочли нужнымъ остановиться на вопросѣ о невозможности практическаго использованія такихъ ладанницъ въ торжественномъ діаконскомъ служеніи.

Новгородскіе Іерусалимы принадлежатъ къ числу памятниковъ особаго порядка.

¹⁾ Е. Е. Голубинскій, Путевод. по Лаврѣ, стран. 264. Чтеніе въ Моск. общ. исторіи и древн. кн. 230, 1909 г. Проф. Голубинскій здѣсь замѣчаетъ: такіа ладонницы (sic!) на Аѳонѣ доселѣ діаконимъ носятъ на лѣвомъ плечѣ.

III. IV. V.

К р а т и р ы.

1.

Два кратира (табл. III — V): оба серебряные, повидимому, чеканные, позолоченные, съ чернью (niello), имѣють форму вазы съ двумя литыми ручками. Высота ихъ 0,22 м., діаметръ 0,19—21 м. Общій характеръ ихъ одинаковъ; работа въ общемъ превосходная, хотя и нельзя сказать, что совершенно одинаковая: кратиръ, приписываемый въ надписи Константину, стоитъ съ этой стороны выше, чѣмъ другой кратиръ, приписываемый Флору (см. ниже). На одномъ изъ нихъ (III, 1—2) находятся чеканныя изображенія І. Христа, Богоматери въ видѣ оранты безъ Младенца, ап. Петра (**о агіос Петръ**) и св. Анастасіи (**агіа Анастасіа**); на другомъ (III, 3—4) тѣ же изображенія, но вмѣсто св. Анастасіи — Варвара. Изображенія отдѣлены одно отъ другого орнаментомъ въ видѣ волютовъ съ бутонами. На «вольячныхъ» ручкахъ, имѣющихъ форму буквы S, — орнаментъ въ видѣ розетокъ и пупчковыхъ въ родѣ винограда. На звеньяхъ, соединяющихъ ручки съ копцусомъ кратировъ, нацированы птицы, повидимому, голуби (IV, 9), по два на каждомъ кратирѣ. По ребрамъ кратировъ идетъ сдѣланная чернью одна и та же надпись (табл. V): **пійте отъ нея вси, се есть кровь моя новаго завѣта, изливаемая за вы за многія въ оставленіе грѣховъ.** На поддонѣ одного кратира написано: **съ съсудъ Петрокъ и жены его маръа** (IV, 1—4), а на днѣ снаружи (IV, 10) нацировано: **Ги** (Господи) **помози рабу своему Костянтину. Косіа дѣлалъ Аминь. SΘ̃Ϟ.** На другомъ кратирѣ (IV, 5—8): **съ съсудъ Петриловъ и жены его Варвары. Ги** (Господи) **помози рабу своему Ѳлаороки братило дѣлалъ S Θ̃Ϟ.** Въ этихъ надписяхъ при сопоставленіи ихъ съ изображениями на тѣхъ же кратирахъ, нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ неясностей и несоотвѣтствій. На второмъ кратирѣ написано, что «сосудъ Петриловъ и жены его Варвары: этимъ именамъ вполнѣ соотвѣтствуютъ указанная изображенія ап. Петра и св. Варвары; но помощь отъ Господа испрашивается не Петрилу и Варварѣ, а Флору: если предположить, что этотъ Флоръ былъ мастеръ-ювелиръ, а выраженіе *братило* означаетъ *братину*, каковымъ именемъ могъ быть условно названъ кратиръ, то здѣсь все будетъ ясно; возможно и то, что *братило* означаетъ брата (брательникъ) Флора. Если же слово *братило* принять за имя мастера, то остается неяснымъ почему испрашивается помощь Бога Флору, который не былъ ни мастеромъ кра-

тира, ни его владѣльцемъ. Первый кратель принадлежалъ Петру и Марѣ, но въ числѣ изображеній находится не св. Марія, а св. Анастасія; помощь же Господа испрашивается Константину, который (Коста) вѣроятно и былъ мастеромъ этого крателя. Владѣльцы кратель были вѣроятно богатые новгородцы, а можетъ быть даже посадники, или гости. Никакихъ свѣдѣній о нихъ въ памятникахъ древней письменности нѣтъ¹⁾ О мастерахъ — Константинѣ и Флорѣ также ничего неизвѣстно. Однако, несмотря на это, съ давнихъ поръ у насъ мастера эти считаются не только извѣстными мастерами, но и категорически заносятся въ списки русскихъ художниковъ (ювелировъ-серебрениковъ) именно XV вѣка. Взглядъ этотъ прочно установился у насъ съ 40—50-хъ годовъ прошлаго столѣтія и до сей поры никѣмъ не былъ подвергнутъ. Съ нимъ встрѣчаемся мы и въ Древностяхъ Россійскаго Государства, гдѣ Новгородскіе кратели прямо названы Евѣиміевскими, и такъ какъ оба Евѣимія (архіепископы) жили въ XV вѣкѣ (первый 1423—1429 г., второй — 1429—1458 г.), то отсюда — заключеніе, что и Константинъ и Флоръ были художниками новгородскими Евѣиміевского времени, т. е. XV в. Въ 1851 г. И. П. Сахаровъ внесъ имена этихъ мастеровъ — «Константинова и Флора Братилова» (?) въ списокъ художниковъ, занимавшихся въ Россіи металлическими издѣліями, съ указаніемъ, что они работали въ XV вѣкѣ и изготовили два крателя для Новгородскаго Софійскаго собора²⁾. Въ 1853 году И. Е. Забѣлинъ повторилъ тѣ же имена въ своемъ спискѣ именъ художниковъ металлическаго дѣла въ Россіи³⁾. Ясно, что все эти авторы относятъ названныхъ художниковъ къ XV в. единственно на томъ основаніи, что кратели считались Евѣиміевскими. Между тѣмъ прот. Соловьевъ эту гипотезу, не достовѣрную, какъ увидимъ ниже, превратилъ въ несомнѣнный фактъ и категорически утверждаетъ, что названные художники жили въ XV вѣкѣ, когда говоритъ: «кратели сии устроены въ XV в.: это открывается изъ того, что Новгородскіе художники Братилъ Флоръ и Константиновъ, мастера серебряныхъ дѣлъ, жили въ XV вѣкѣ»; ссылка на Сахарова⁴⁾. Выходитъ любопытное *qui pro quo*. Арх. Макарій говоритъ объ этомъ глухо: кратели сии обыкновенно относятъ къ XV вѣку⁵⁾. Издатели русскихъ древностей гр. И. И. Толстой и Н. П. Кондаковъ также относятъ кратели къ первой половинѣ XV в. «по тяжелой византийской орнаментаци»⁶⁾.

Въ содержаніи надписей, находящихся на крателяхъ, нѣтъ никакихъ указаній на время и мѣсто ихъ изготовленія: имена — Петръ, Петрило, Марья, Варвара, Флоръ, Константинъ принадлежали неизвѣстнымъ лицамъ, и на основаніи ихъ мы не можемъ установить никакихъ рѣшеній по главнымъ вопросамъ, касающимся

¹⁾ Имя Петрило въ лѣтописяхъ упоминается подъ 1130 г. (Новгородскій посадникъ), 1134 г. (онъ же) и 1158 г. (князь Юрій Владиміровичъ Владиміро-Суздальскій въ гостяхъ у Петрилы).

²⁾ Записки отд. русск. и слав. археол. Императ. Русск. археолог. общ., т. I, стр. 30 и 34.

³⁾ Записки Императ. археол. общ. т. V, стр. 113 и 122.

⁴⁾ Прот. Соловьевъ, Описаніе Новгород. Соф. соб. 1858 г., стр. 204. Прот. А. И. Конкординъ, Описаніе Новгород. Соф. соб., изд. 2-е, 1906 г., стр. 117.

⁵⁾ Арх. Макарій l. c.

⁶⁾ Русск. древн. VI, стр. 163. Въ Сборн. общ. древне-русс. иск. 1866 г. (стр. 120) кратели отнесены къ XIV в., но этотъ отзывъ ничѣмъ не мотивированъ.

кратировъ. Центръ тяжести въ общепринятомъ рѣшеніи вопроса о принадлежности кратировъ къ числу памятниковъ XV вѣка заключается въ предположеніи, что они сдѣланы во времена Евѣмія архіепископа и назывались Евѣмиевскими. Но на чемъ основано это предположеніе? Прямыхъ основаній для этого нѣтъ. По всей вѣроятности, это — глухое преданіе, схваченное случайно, или возникшее подъ вліяніемъ обычной наклонности — приурочивать выдающіеся памятники старины къ именамъ выдающихся дѣятелей. Время происхожденія кратировъ должно быть отодвинуто вглубь вѣковъ, по крайней мѣрѣ, на три столѣтія отъ Евѣмія. И этому не мѣшаетъ не только случайное преданіе или простой домыселъ, но даже вышеприведенный отзывъ о мнимо-тяжелой византійской орнаментациі ихъ. Какъ общій характеръ художественно исполненной работы, такъ и иконографическія изображенія и орнамента весьма архаичны и обнаруживаютъ хорошую византійскую школу и прекрасный византійскій стиль: фигуры священныхъ изображеній правильныя, формы тѣла полныя, пластичныя, недалеки отъ эпохи Ватиканскаго минологія; чеканка фигуръ превосходная; драпировки и складки одеждъ, отчасти украшенныхъ клавями (св. Варвара), трактованы удовлетворительно, хотя и не лишены кое-гдѣ византійской условности. Орнамента въ видѣ волютовъ или вьющихся древесныхъ вѣтвей съ бутонами; розетки и птички напоминаютъ орнаменту эпохи блестящаго развитія издѣлій изъ слоновой кости XI—XII в. Ее мы видимъ на аворіяхъ кенсингтонскомъ и флорентинскомъ; на триптихѣ въ парижскомъ кабинетѣ медалей; на византійской серебряной ставротекѣ музея Императора Александра III; на бронзовыхъ вратахъ храма Софіи въ Константинополѣ; на парпетѣ древняго храма въ Торчелло; въ мозанкахъ Кіево-Софійскаго собора; на мозаичной иконѣ XII—XIII в. въ Флорентинскомъ соборѣ; на иконѣ венеціанскаго собора св. Марка; въ миниатюрахъ греческихъ рукописей XI—XII в. (кодексы бесѣдъ монаха Іакова — ватиканскій и парижскій)¹⁾. Изрѣдка тотъ же рисунокъ орнамента встрѣчается и въ памятникахъ XIV—XV в., но здѣсь онъ уже утрачиваетъ свою свѣжесть, становится вялымъ и растянутымъ (саккосъ Фотія въ Моск. Синод. ризницѣ). Птички въ нимбахъ — не простыя декоративныя элементы и не геральдическія фигуры, но символическія, напоминающія древнѣйшую символику Византіи. Это — изображеніе Святого Духа или христіанской души, — вѣрнѣе первое, такъ какъ птицы имѣютъ здѣсь нимбы²⁾. Изображеніе это вполне уместно на этихъ сосудахъ, — признаемъ ли мы ихъ сосудами евхаристическими или водосвятными: какъ евхаристія, такъ и св. вода освящаются Духомъ Святымъ. Но если придерживаться исторической почвы въ рѣшеніи этого вопроса, то мы необходимо должны признать это изображеніе евхаристическимъ. Если мы знаемъ, что уже въ древнѣйшій періодъ византійскаго искусства, начиная съ мозанкъ Галлы Плакиды, равенскихъ саркофаговъ и храма св. Димитрія въ Солуни, *calix ansatus*, иногда наполненный виноградомъ, съ двумя птицами по сторонамъ его, указываетъ на евхаристію, то и въ данномъ случаѣ естественно истолковывать значеніе птицы въ приложеніи къ евхаристіи, а не

¹⁾ Cf. Millet, *Monum. byz. de Mistra* pl. 49, 9. 50, 14.

²⁾ Ср. сходное изображеніе на панэгіи архіеп. Пимена въ Софійской ризницѣ.

къ агіасмѣ, тѣмъ болѣе, что здѣсь же въ литейныхъ украшеніяхъ ручекъ сосудовъ находится также и виноградъ.

Палеографическія примѣты въ начертаніяхъ буквъ, а также общее архитектурное строеніе кратировъ — съ двумя ручками (*calices ansati*), наконецъ изображеніе Богоматери въ видѣ оранты, все это даетъ основаніе относить Софійскіе кратиры къ XII вѣку. И если бы со временемъ удалось установить, что художники Константинъ и Флоръ работали въ Новгородѣ, то ихъ кратиры могли бы служить наглядными показателями высокаго состоянія ювелирнаго дѣла въ Новгородѣ, подвліяніемъ византійскимъ. Нѣкоторыя примѣты въ надписаніяхъ именно возлѣ изображеній, какъ-будто указываютъ на русское происхожденіе надписей, таковы: **петръ** (вмѣсто **петрос**), **хъ** (вмѣсто **хс**); въ частности употребленіе дательнаго падежа вмѣсто родительнаго въ надписи «**съ съсудъ . . . жены его мзръ**» (вмѣсто **мзръи**) не указываетъ ли на особенность новгородскаго народнаго говора, сохранившуюся здѣсь доселѣ? По спеціальному вопросу о надписяхъ на кратирахъ мы обращались за разъясненіями къ специалистамъ — академику А. И. Соболевскому, профессору И. А. Шляпкину и Н. М. Каринскому: всѣ они склоняются къ мнѣнію о происхожденіи кратировъ изъ XII и даже XI в. Мотивированный отзывъ Н. М. Каринскаго заключается въ слѣдующемъ: «Церковные сосуды Новгородскаго Софійскаго собора, снимки съ которыхъ Вы изволили прислать мнѣ для опредѣленія времени и мѣста ихъ изготовленія, по находящимся на нихъ надписямъ, весьма замѣчательны и служатъ новымъ доказательствомъ художественнаго вкуса древней (вѣроятно, Кіевской) Руси. Къ сожалѣнію, въ присланныхъ Вами снимкахъ видны далеко не всѣ буквы надписей, почему слѣдующее мое описаніе будетъ далеко не полно, а это до известной степени можетъ отразиться и на выводахъ. Впрочемъ, мнѣ пришлось видѣть въ прошломъ году самые сосуды, и я въ состояніи кое-что дополнить по памяти.

1. Изъ палеографическихъ особенностей прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что надписи обоихъ сосудовъ представляютъ древнѣйшій типъ русскаго устава въ томъ стилѣ, какой мы находимъ въ нѣкоторыхъ греческихъ рукописяхъ IX в. и замѣчательнѣйшихъ русскихъ XI—XII вв. Въ частности мы наблюдаемъ:

а) Въ надписяхъ обоихъ сосудовъ встрѣчается знакъ **Г** въ такой формѣ, въ какой онъ пишется въ Остромировомъ Евангеліи, Чудовск. Псалт. и нѣкоторыхъ другихъ древнѣйшихъ памятникахъ.

б) буква **ж** въ надписи перваго сосуда изображена безъ характерныхъ кончиковъ по бокамъ верхней коронки, въ надписи другого — съ этими кончиками. Оба типа **ж** содержатъ пересѣченіе боковыхъ линій близъ середины основнаго стержня буквы.

в) **ѧ** въ надписи одного сосуда все помѣщается въ строкѣ, при чемъ подвѣсокъ пересѣкаетъ стержень буквы значительно ниже верхняго уровня буквъ; въ надписи другого сосуда подвѣсокъ буквы помѣщенъ на верхнемъ уровнѣ буквъ, а основной стержень немного поднимается выше этого уровня. Последнее написаніе находимъ въ Арханг. Ев. 1092 г. (напр., см. л. 77 об.), въ Пандектахъ Антиоха XI—XII в. (см. л. 1) и др.

г) **ы** въ надписи одного сосуда состоитъ изъ **ѣ** и **и** не соединенныхъ горизонтальной черточкой и одинъ разъ (въ словѣ *женѣи*) — изъ **ѣ** и **и**; въ надписи другого сосуда **ѣ** и **и**, составляющіе **ы**, соединены горизонтальной чертой.

д) Перечерка (горизонтальная) у **и** и **и** въ надписяхъ обоихъ сосудовъ приходится близъ середины буквъ.

е) Въ надписи одного сосуда **з** написано все въ строкѣ, при чемъ верхняя часть этой буквы занимаетъ половину высоты буквъ, а нижній штрихъ соответствуетъ нижней половинѣ буквъ. Въ надписи другого сосуда нижній штрихъ очень маленький и одинъ разъ чуть-чуть опускается внизъ подъ строку, верхняя же часть буквы значительно большихъ размѣровъ. Типъ буквы **з** въ надписяхъ обоихъ сосудовъ весьма древній.

ж) **ѣ** не встрѣчается; вм. него наблюдается довольно широкое **є** (въ надписи второго сосуда — съ выходящимъ вправо язычкомъ, какъ въ золотомъ почеркѣ Остр. Ев. или въ Тмутар. надписи).

з) У **ѣ** и **ѣ** въ надписяхъ обоихъ сосудовъ основной стержень нѣсколько наклоненъ вправо по отношенію къ основанію.

и) У **а** йотированнаго, въ надписи первого сосуда, кузовъ прикрѣпленъ значительно ниже верхняго конца стержня, и спускается на строку, у второго сосуда кузовъ прикрѣпленъ на верху основнаго стержня, но внизъ до нижняго уровня буквъ не спускается. Любопытно, что и въ йотированномъ **а** надписи послѣдняго сосуда кузовъ не выходитъ до нижняго уровня буквъ, хотя прикрѣпленъ къ стержню ниже, отчего онъ оказывается весьма незначительнымъ по величинѣ.

і) У **к** въ надписяхъ обоихъ сосудовъ кузова не соприкасаются въ серединѣ, оставляя часть стержня въ серединѣ открытой.

к) Въ серединѣ буквы **о** въ верхней надписи второго сосуда какъ бы писано **з**; въ нижней надписи того же сосуда находимъ **о** перечеркнутое въ серединѣ двумя параллелями. Въ надписи первого сосуда въ **о** какъ бы вписаны двѣ повернутыя въ разныя стороны запятыя, раздѣленные черточкой.

II. Въ отношеніи языка и ореографіи надписи содержатъ слѣдующія любопытныя данныя:

ж замѣняется черезъ **оу** (*сѣсѣдѣ*).

а чередуется съ **из** (*моа* им. ед. ж. р., *неа*).

Смѣшенія **ѣ** и **ѣ** не наблюдается.

ѣ и **ѣ** опускаются: *всѣ многы*

Перехода **ѣ** и **ѣ** въ **о** и **є** нѣтъ: *сѣ сѣсѣдѣ*, *крѣкѣ*¹⁾

Род. ед. ж. р.: *марѣѣ*

3 ед. глаг. на **тъ** (есть)

отсутствіе йотированнаго **є**

¹⁾ Этотъ фактъ мнѣ представляется важнымъ особенно потому, что въ надписяхъ не замѣтно сильнаго вліянія церковной ореографіи, ср. р. ед. *«марѣѣ»*, *изъ отъ неа* и пр. (Укажемъ впрочемъ написание: *анастасіа*).

Общій характеръ надписей и отдѣльныя ихъ особенности, насколько можно судить по снимкамъ, допускають сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Надписи на сосудахъ сдѣланы разными лицами, принадлежавшими къ разнымъ каллиграфическимъ и орографическимъ школамъ.

2) Оба мастера были чисто *русскіе* люди и во всякомъ случаѣ отлично владѣвшіе русскимъ языкомъ. Русская струя въ надписяхъ значительнѣе, чѣмъ во многихъ древне-русскихъ церковныхъ книгахъ.

3) Время надписей можетъ быть опредѣлено приблизительно: онѣ едва ли могутъ быть отнесены ко времени позже конца XII вѣка и всего вѣроятнѣе ихъ слѣдуетъ отнести къ первой половинѣ XII вѣка.

4) Гадательно можно предполагать, что надписи сдѣланы кіевскими мастерами: ихъ великолѣпный уставъ напоминаетъ именно уставъ древнѣйшихъ Кіевскихъ памятниковъ, а не Новгородскихъ. Впрочемъ для точнаго опредѣленія мѣстности наши памятники надежныхъ данныхъ не представляютъ.

Что касается надписи на днѣ сосудовъ «Господи помози» и проч., то и она по палеографическимъ примѣтамъ можетъ быть отнесена къ XII в. Но прибавка въ концѣ **С Ѡ ѡ** (табл. IV рис. 10) сдѣлана гораздо позднѣе: очертанія буквы **Ѡ** напоминаютъ шрифтъ XVII в. Наблюденіе памятниковъ показываетъ, что у насъ въ XVI-XVII в. для цѣлей охраны, нерѣдко на серебряныхъ издѣліяхъ, блюдахъ, ложкахъ, ковшахъ, лампадахъ, чаркахъ, лоханяхъ обозначали вѣсъ ихъ — гривнами и фунтами, а жемчугъ на шитыхъ вещахъ обозначали въ описяхъ — счетомъ, съ указаніями «кафимекій, крупный или мелкій, бурмицкія зерна». Иногда встрѣчаемъ даже и такіе примѣры что на памятникѣ XV в. дѣлается надпись уже въ XVII-XVIII в. Такова въ той же Софійской ризницѣ такъ называемая Никоновская ладонница¹⁾, съ помѣтою «4 гривенки съ пол.».

2.

Каково было назначеніе кратировъ? Авторъ изслѣдованія о кратирахъ въ Древностяхъ Россійскаго Государства называетъ новгородскіе кратиры братами и тропарными чашами; впрочемъ допускаетъ, что они могли служить и для черпанія святой воды²⁾. Онъ полагаетъ, что кратиры употреблялись при царскихъ, святительскихъ и монастырскихъ праздничныхъ столахъ: здѣсь въ обычномъ порядкѣ приняты были чаши вина — Богородичныя, трапезныя, тропарныя или праздничныя и задравныя. Кратиры въ этихъ случаяхъ, будто бы, и служили круговыми чашами. Но, не говоря уже о томъ, что наименованіе братина указываетъ на особый родъ сосудовъ³⁾, несходный съ кратиромъ, самыя изображенія и надписи на кратирахъ прямо указываютъ на ихъ церковное, а не домашнее примѣненіе: на братинахъ никогда не было ни такихъ изображеній, ни такихъ надписей. Всѣ другіе

¹⁾ См. ниже. Ср. Полявъ, Опись патр. ризницы 1720 г. М. 1910.

²⁾ Древн. Россійск. Госуд. огд. I, № 44—45, стран. 74—75.

³⁾ Н. В. Покровскій, Музей СПб. Дух. Акад. стран. 43—45.

авторы, имѣвшие случай касаться кратировъ, опираясь на церемоніальные архіерейскіе уставы, признають ихъ сосудами, предназначенными для Богоявленной воды, и при этомъ не всегда точно отмѣчаютъ источники своихъ заимствованій. Но такое объясненіе, заключаая въ себѣ долю безспорной правды, трактуешь ихъ, какъ уники, не вводя въ кругъ однородныхъ художественно—археологическихъ памятниковъ и не освѣщаетъ темнаго вопроса о генезисѣ кратировъ. Въ данномъ вопросѣ имѣетъ важное значеніе форма кратировъ—сосудовъ съ двумя ручками, извѣстныхъ подъ именемъ *calices ansati*. Этотъ древнѣйшій типъ сосудовъ, встрѣчающійся уже въ памятникахъ помпейскихъ¹⁾, перешелъ и къ христіанамъ. Они находили примѣненіе въ обычномъ быту какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, какъ въ древнее время, такъ и въ новое²⁾. Отсюда они перешли въ церковный обиходъ, и уже съ древнѣйшаго времени мы встрѣчаемъ указанія на ихъ евхаристическое примѣненіе: евхаристическіе потиры иногда имѣли форму этихъ сосудовъ.³⁾ Прежде всего, это подтверждается уже самымъ наименованіемъ «кратиръ». Если въ классической древности наименованіе это означало сосудъ съ широкимъ отверстіемъ для смѣшенія вина и воды, то въ древне-литургической письменности оно означало потиръ. Въ этомъ смыслѣ онъ встрѣчается уже у св. І. Златоуста (*кратір̃ τῆς μυσταγωγίας*)⁴⁾. Въ древне-греческихъ спискахъ литургій ап. Іакова,—гдѣ рѣчь идетъ о раздробленіи агнца и погруженіи его въ потиръ, читаемъ: *καὶ βάπτει τὸ τῆς δεξιᾶς ἐν τῷ кратίρῳ*... Такъ въ списокѣ Россанскомъ, изданномъ Свенсономъ, такъ и въ спискахъ парижскихъ (№№ 2509 и 476), изданныхъ имъ же: ... *ἐν τῷ кратίρῳ*; въ другомъ мѣстѣ того же парижскаго кодекса № 2509: *καὶ ὅταν διδῷ μερίδα ἀπλὴν εἰς ἑκάστον кратίρα*; еще: въ Россанскомъ *ἐπαίρουσιν οἱ διάκονοι τοὺς δίσκους καὶ τοὺς кратίρας*, то же и въ указанномъ сейчасъ парижскомъ⁵⁾. Въ списокѣ Мессинскомъ—въ одномъ случаѣ *εἰς τὸ потίριον*, въ другомъ *εἰς ἑκάστον кратίρα*⁶⁾. Очевидно, здѣсь предполагается нѣсколько дискосовъ и кратировъ-потировъ. Священникъ послѣ раздробленія агнца влагаетъ въ каждый кратиръ по частицѣ (*ἀπλὴν*), потомъ преподаетъ евхаристію клиру, а послѣ того діаконы берутъ дискосы и кратиры для причащенія народа.⁷⁾ Беда достопочтенный говоритъ, что въ его время (нач. VII в.) въ Іерусалимѣ показывали ту чашу, которая была на вечери

¹⁾ Гр. П. С. Уварова, Матеріалы по археології Кавказа X, стран. 136, рис. 53.

²⁾ Собр. М. П. Боткина табл. 39. 41. 49.

³⁾ Нѣкоторыя свѣдѣнія о потирахъ: Гр. А. С. Уваровъ, Древности. Труды Моск. Арх. Общ. т. I. Матеріалы для археол. словаря, стран. 9; перепечатано въ Сборн. мелкихъ трудовъ Гр. А. С. Уварова, изд. подъ ред. гр. П. С. Уваровой, М. 1910, т. I, стран. 292—297. Cabrol, Dict. d'archéol. Chr. Art. Calice. V. Schultze, Archäologie d. chr. Kunst, S. 125.

⁴⁾ Chrysost. Hom. CI. Suiceri thesaur. eccl. art. *ποτήριον* Cf. Du-Cange: *κратήρ*—*ἄγιος* = Sacer calix, quo vivificus Sanguis continetur.

⁵⁾ Swainson, The greek liturgies p. 312—313; 315. 316. 317.

⁶⁾ Ibid. p. 312. Ср. Собр. древн. литургій вост. и зап. вып. I, стран. 189. 190. 191.

⁷⁾ Въ древнихъ спискахъ литургій Василия Великаго и Іоанна Златоуста евхаристическая чаша называется обычно *ποτήριον*: это наименованіе перешло и къ намъ. Употребленное въ VIII книгѣ Постановленій Апостольскихъ наименованіе *κύπελλον* (*εἰς τὰ κύπελλα*) не даетъ опредѣленнаго указанія на форму потира: оно можетъ означать какъ потиръ-кубокъ, такъ и потиръ-кратиръ (съ ручками). Brightman, Liturgies I p. 14.

Господней: «въ экзедрѣ на пути между мартіріумомъ и Голговою въ ларцѣ спрятана серебрянная чаша Господня имѣющая съ обѣихъ сторонъ по ручкѣ». ¹⁾ Гр. А. С. Уваровъ поколебалъ достовѣрность этого извѣстія ссылкой на слова Іоанна Златоуста, который въ бесѣдѣ на ев. Маттея говоритъ: (на тайной вечери) не серебрянная была трапеза и не изъ золотого сосуда Христосъ давалъ пить кровь Свою ученикамъ. Однако же тамъ все было драгоценно, все возбуждало благоговѣніе, потому что все было исполнено Духа». ²⁾ Тѣмъ не менѣе остается непоколебленнымъ тотъ фактъ, что по преданію, извѣстному въ VII в., евхаристическій сосудъ, каковъ бы онъ ни былъ по своему матеріалу, могъ быть сосудомъ съ двумя ручками—*calix ansatus*. Въ памятникахъ христіанскаго искусства не мало встрѣчается изображеній потира этого типа, отчасти и самихъ потировъ. Уже въ катакомбный періодъ встрѣчаемъ ясное указаніе на него въ средѣ памятниковъ

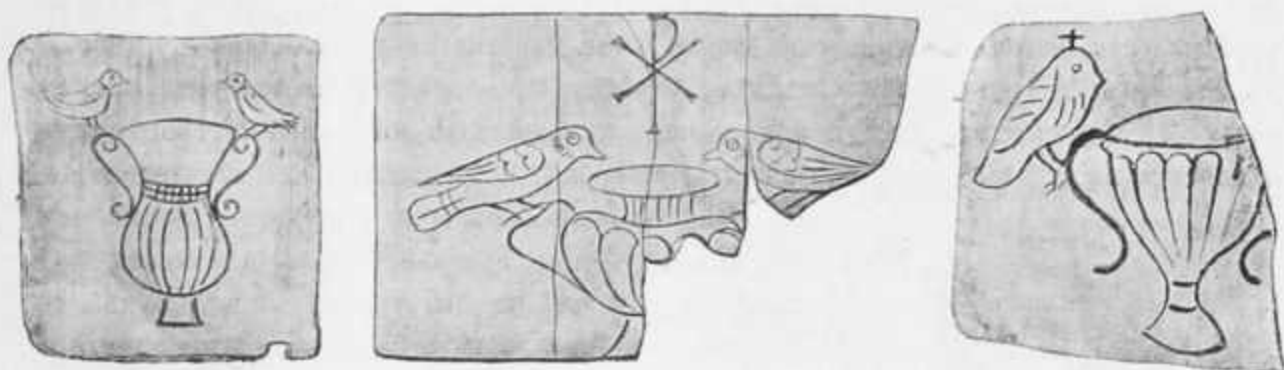

Рис. 23, 24 и 25. Ватиканскія плиты.

древнехристіанской эпитафии, напр. на плитахъ ватиканскихъ: на одной—сосудъ съ двумя ручками и съ двумя птичками (рис. 23) ³⁾, на другой подобный же сосудъ съ двумя ручками, птичками и Константиновскою монограммою (рис. 24) ⁴⁾, на третьемъ (изъ катакомбъ св. Феклы) на головѣ птички—крестикъ (рис. 25) ⁵⁾. Всѣ эти показанія относятся къ евхаристіи. Птичка—символь христіанской души.

Въ новомъ Берлинскомъ музеѣ императора Фридриха на одной коптской шелковой ткани изъ Ахмима V—VIII в. (№№ 1—3), украшенной крестами, находимъ, между прочимъ, на престолѣ изображеніе такого сосуда съ двумя ручками и двумя голубями. Очевидно это евхаристическій потиръ; голуби—символы Св. Духа, или души. Въ полной аналогіи съ этими голубями стоятъ и тѣ двѣ пары птичекъ въ нѣмбахъ, которыя изображены на четырехъ ручкахъ Новгородскихъ крестовъ. Тѣ же два голубя встрѣчаются на сосудахъ (*ansati*) хевсурскихъ и пшавскихъ на Кавказѣ ⁶⁾:

¹⁾ Палестинск. сборн. VII, 2, стран. 177—178. Въ легендѣ о св. Гралѣ фигурируютъ «чаша (*calix*) и кубокъ золотой; но нѣтъ намековъ на *calix ansatus*. А. Н. Веселовскій, О св. Гралѣ. С.-Пб. 1900 г.

²⁾ Бес. Злат. на Ев. Мѣ. Изд. С.-Пб. Дух. Акад. 1901 г., т. 7, стран. 522.

³⁾ Cabrol col. 1612 № 1881.

⁴⁾ Ibid. col. 1612 № 1883.

⁵⁾ Ibid. col. 1613 № 1884.

⁶⁾ Гр. П. С. Уварова, Матер. по археол. Кавказа X, стран. 135, № 48. 50. 51. 52. Одинъ сосудъ, повидимому, водосвятный, въ видѣ братины низкой.

Труды XV Съѣзда. Т. I.

голуби литые поставлены здѣсь на обѣихъ ручкахъ и имѣютъ литые крестики надъ головками. Того же типа сосудъ на барельефѣ въ Монцѣ¹⁾ временъ Теодоринды. На саркофагахъ Равенны въ ряду символическихъ украшеній находятся роскошные calices ansati: они становятся здѣсь рядомъ съ крестами, агнцами и другими священными изображеніями. Птицы (павлины, ср. помпейскіе рисунки) пьютъ изъ этихъ сосудовъ²⁾, — характерная форма византийской символики V—VII в. Въ мозаикахъ равеннской церкви св. Виталія такой же сосудъ, стоящій на престолѣ, изображенъ въ иконографической композиціи «Жертва Авеля и Мельхиседека»³⁾. Встрѣчается онъ и въ миниатюрахъ греческихъ рукописей⁴⁾ и на Ксиропотамской панагії⁵⁾ и на извѣстномъ Императорскомъ далматикѣ въ храмѣ св. Петра въ Римѣ⁶⁾, въ стѣнописяхъ Римской церкви св. Климента⁷⁾ и въ фрескахъ Спасомирожекаго монастыря въ Пековѣ⁸⁾. Подобныя изображенія чаши, встрѣчающіяся въ памятникахъ древняго изобразительнаго искусства⁹⁾, даютъ основаніе предполагать, что рассматриваемая форма чаши дѣйствительно находила примѣненіе въ греческой литургической практикѣ. Отрицать это — значить не довѣрять широко распространенному преданію и приписывать художникамъ ничѣмъ неоправдываемую склонность къ вымыслу и фантазіи, вопреки исторической дѣйствительности.

Рис. 26. Гурдонскій потиръ.

Въ Ordo romanus Григорія Великаго сказано, что «священникъ при произнесеніи словъ мессы *per ipsum et cum ipso* подымаетъ чашу за обѣ ручки¹⁰⁾. Но для насъ гораздо важнѣе то, что эти данныя о литургическомъ примѣненіи calices ansati находятъ ясное подтвержденіе въ уцѣлѣвшихъ до насъ древнѣйшихъ потирахъ этой формы. Въ 1845 г. найдена была въ Гурдонѣ (Chalon-sur-Saône) такая золотая чаша съ двумя ручками (рис. 26), вмѣстѣ съ сотнею золотыхъ монетъ V—VI в., какъ это видно по изображеніямъ на нихъ императоровъ восточныхъ: потиръ этотъ — небольшой (всего 7 сантиметровъ высоты); онъ имѣетъ форму кубка, поддерживаемаго подставкою, украшенною каннелюрами; въ верхней части кубка

по наружной поверхности его — украшенія въ видѣ листьевъ винограда и сердцеобразныя. Ручки его оканчиваются вверху головками грифоновъ съ гранатными

¹⁾ Гр. А. С. Уваровъ, I. c. Kraus R. E. Kelch Fig. 77.

²⁾ Gargucci, Storia tav. 336, 4. 390, 2. 391, 2. Cl. Dutschke, Ravennat. Stud. S. 76. Abbild. 308. S. 80 Abbild. 341.

³⁾ Фотограф. Риччи. Cabrol № 1890 col. 1615 cf. № 1887—1889.

⁴⁾ Гр. А. С. Уваровъ цит. соч. стран. 10. Rohault de Fleury, La Messe—IV, p. 277—278; 300—303. La Croix, Hist. de l'orfèvrerie Paris 1850 p. 108.

⁵⁾ Н. П. Кондаковъ, Памяти. христ. иск. на Авогѣ, табл. XXX.

⁶⁾ Прохоровъ, Христ. древн. 1864 г., кн. 2, табл. I. Didron, Annales archéol. vol. I.

⁷⁾ См. фотограф. снимки.—Reusens, Archéol. chr. I, p. 417. Fig. 468.

⁸⁾ См. фотограф. Парли.

⁹⁾ Cabrol, Calices passim.

¹⁰⁾ Salmon, Hist. de l'art p. 411.

глазами. Вмѣстѣ съ этимъ потиромъ и монетами найденъ былъ золотой переносный престолъ съ изображеніемъ креста и сердцевидныхъ фигуръ. Такъ какъ въ числѣ найденныхъ монетъ оказались новѣйшими монеты императоровъ Анастасія и Іустина I, то и всѣ другіе предметы отнесены къ тому же времени и признаны византийскими; они хранятся въ кабинетѣ медалей въ Парижѣ¹⁾. Нѣсколько потировъ подобной формы (ansati) находятся въ сокровищницѣ св. Марка въ Венеціи: нѣкоторые изъ нихъ, если не всѣ, перевезены сюда, вѣроятно, изъ Константинополя крестоносцами послѣ его разгрома. Сюда относятся: драгоценный потиръ, украшенный золотомъ, съ двумя ручками, съ изображеніями — Богоматери, Арх. Михаила, Гавріила и св. Николая²⁾ — древней византийской работы; другой потиръ съ бюстовыми изображеніями святителей³⁾; три потира съ надписями «πιστε εἰς αὐτοῦ ἡντις»⁴⁾. Тамъ же нѣсколько другихъ calices ansati не церковнаго характера⁵⁾, нѣсколько потировъ, близкихъ по своей формѣ къ обычному типу потировъ безъ ручекъ⁶⁾ и одинъ плоскій сосудъ въ видѣ блюдечка безъ ножки съ эмалевымъ изображеніемъ І. Христа на донышкѣ внутри, съ надписью вокругъ него: λαβετε φαγετε τοῦτο ἐστιν⁷⁾; этотъ послѣдній сосудъ, какъ видно изъ надписи, не можетъ быть отнесенъ къ числу потировъ; надпись указываетъ прямо на то, что здѣсь полагался св. хлѣбъ (φαγετε), а не св. вино (πιστε); слѣдовательно это былъ дискосъ. Нельзя признать его и панагіаромъ, или артосною панагією, такъ какъ послѣднія были обычно складныя. Кстати сдѣлаемъ здѣсь нѣсколько замѣчаній относительно чаши Мануила Палеолога въ Аеоно-ватопедскомъ монастырѣ. Академикъ Н. П. Кондаковъ полагаетъ, что Мануилова плоская чаша съ двумя ручками, на ножкѣ, можетъ быть названа и потиромъ, но что эти потиры служили, вѣроятно, болѣе украшеніемъ престоловъ и алтарей, чѣмъ служебными церковными сосудами. Но возможно и то, говоритъ онъ, что иныя изъ этихъ чашъ предполагаемыхъ потировъ вовсе ими не были, а принадлежали къ малоизвѣстному роду плоскихъ церковныхъ чашъ, носившихъ названіе панагій артосныхъ, артосницъ и панагіаровъ⁸⁾. Последнее изъ этихъ предположеній не согласуется съ обычнымъ представленіемъ о панагіяхъ артосныхъ и панагіарахъ. Самъ же авторъ говоритъ, что «главными признаками артосной панагii является поддонъ или днище, непременно металлическое, припаиваемое къ наружной сторонѣ блюда, изнутри украшеннаго рѣзбою»⁹⁾. Между тѣмъ чаша Мануила утверждена на особой ножкѣ. Такіе панагіары доселѣ неизвѣстны ни въ византийской, ни въ русской древности.

¹⁾ Lacroix, Hist. de l'orfèvr. p. 8. Salmon p. 413—414. Fig. 149. Cabrol; Calices.

²⁾ Ongania, S. Marco. Detagli di bas. di S. Marco. Jacobi 3, tav. XXXV № 62. Pasino, Il tesoro di S. Marco tav. XXXIX—XLII.

³⁾ Ibid. tav. XLI № 83.

⁴⁾ Ibid. tav. XLII № 84—86.

⁵⁾ Ibid. tav. XL, XLI, 82, XLIV.

⁶⁾ Ibid. tav. XXXV, XXXVII № 69. XXXVIII sq. Нѣкоторые изъ венеціанскихъ сосудовъ изданы въ соч. Schlumberger, L'épopée byzant. I, p. 720—721.

⁷⁾ Ibid. tav. XLVIII.

⁸⁾ Н. П. Кондаковъ, Памяти. христ. иск. на Аеоно. С.-Пб. 1902, стран. 222.

⁹⁾ Тамъ же, стран. 238.

Единственное исключение представляет панагіаръ Софійской ризницы; но онъ заключаетъ въ себѣ ясные признаки двойственности въ работѣ: русскимъ мастеромъ сдѣлана была складная панагія обычнаго типа, а потомъ иностранный мастеръ устроилъ для нея особый постаментъ¹⁾. Съ другой стороны, если чаша Мануила есть артосная панагія, то какимъ образомъ совмѣстить съ такимъ назначеніемъ находящуюся на ней надпись: *πίετε ἐξ αὐτοῦ παντός*? Уже если художникъ хотѣлъ на панагії помѣстить евхаристическую надпись, то онъ написалъ бы скорѣе *λάβετε φάγετε*, какъ это сдѣлано на предназначенномъ для св. хлѣба венеціанскомъ дискосѣ. Надпись *πίετε*... указываетъ, что это есть именно потиръ и, вѣроятно, не обычный служебный: для обычной служебной цѣли онъ малъ и неудобенъ. Н. П. Кондаковъ полагаетъ, что потиры этого рода служили украшеніемъ престоловъ и алтарей. Въ западной церкви, дѣйствительно, подобный обычай иногда находилъ примѣненіе, напр. въ Дижонѣ²⁾, хотя для этого, конечно, не было никакой нужды изготовлять особые потиры. На востокъ намъ совсѣмъ неизвѣстны декоративные потиры. На западѣ допускались два и три потира при литургіи: одинъ собственно для совершенія евхаристіи (*calix minor*), другой для приобщенія папы и третій для приобщенія народа: эти послѣдніе назывались: *calices ministrales* и иногда — *ansati*; такъ какъ изъ этихъ послѣднихъ приобщались міряне³⁾, то они имѣли значительные размѣры (*calices majores*⁴⁾). Очевидно, къ данному случаю Мануилова чаша не подходитъ. Бывали на западѣ иногда особые потиры для приобщенія королей: объ одной изъ такихъ чашъ упоминаетъ Григорій Турскій⁵⁾. Въ практикѣ древней восточной церкви встрѣчаемъ примѣненіе на литургіи также нѣсколькихъ потировъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ, какъ мы видѣли, древнѣйшіе списки литургіи ап. Іакова. Тотъ же обычай примѣненія нѣсколькихъ потировъ на литургіи видимъ въ одномъ изъ древнѣйшихъ греческихъ списковъ (VIII в.) литургіи Василия Великаго и Іоанна Златоуста, — Барберининомъ римскомъ (*palazzo Barberini*). Та и другая были широко распространены въ восточно-христіанскомъ мірѣ: уже въ V—VI в. молитву алтаря, составленную Василиемъ Великимъ, по словамъ Петра діакона (ок. 512 г.), повторялъ весь востокъ (*pene universus frequentat oriens*); литургія Златоуста была константинопольскою — столичною; объ онѣ, по словамъ Софронія Іерусалимскаго, были «болѣе прочихъ въ уваженіи въ VII-мъ вѣкѣ». Въ обѣихъ этихъ литургіяхъ, по Барберининову списку, относящееся къ нашему предмету мѣсто выражено такъ: *λαμβάνει ἐκ τοῦ ἁγίου σῶματος κερίδας καὶ βάλλει εἰς τὰ ἅγια ποτήρια*⁶⁾. Отсюда ясно, что не только въ Константинопольскомъ патріархатѣ, но и повсюду, гдѣ были приняты

¹⁾ См. ниже.

²⁾ Ante primam calices aurei ceteraque ornamentorum insignis super altare ponuntur. Godard, Cours d'archéol. sacrée II, 240. Cf. Salmon p. 40.

³⁾ Ca b r o I, Dict. des ant. chr. col. 1646. Иногда для вѣрующихъ было много чашъ. Они наполнялись виномъ, къ которому прибавлялась часть крови Христовой изъ освященнаго главнаго потира. Это было до XIII в., когда міряне приобщались еще подъ обоими видами.

⁴⁾ Ibid. Cf. Kraus, R. E. Kelch. Выставленіе многихъ чашъ на престолѣ иногда не одобрялось, напр. папою Григоріемъ II въ письмѣ къ Бонифацію. Ibid.

⁵⁾ Godard, II, 239.

⁶⁾ Bunsen, Hippolytus u. s. Zeit II, 564.

эти литургии, допускалось в древнейшие времена несколько потиров (не менее двух). Однакоже обычай этот не перешел к нам в Россию. Во всех древнейших памятниках русской литургической письменности, как видно из добросовестнейшего литургического труда прот. проф. М. И. Орлова¹⁾, выступает только один потир. В виду этого возможно было бы предположить, что Мануилов потир предназначался для причащения патриарха или даже самого императора, быть-может, в великий четвергъ — день церковного воспоминания тайной вечери Христовой в Сионской горнице; некоторый наметк на этот день заключается в характер самой надписи: «ἔδωκε τοῖς ἁγίοις αὐτοῦ μαθηταῖς καὶ ἀποστόλοις εἶπον. πῖετε ἐξ αὐτοῦ...» Надпись эта взята не из Златоустовой литургии, а из литургии Василия Великого, которая совершалась и совершается, между прочим, в этот день. Во всяком случае Мануилов потир — не обычный служебный сосуд, а употреблялся лишь в редких исключительных случаях.

Приведенные факты показывают, что евхаристические сосуды в видъ calices ansati составляли редкое явление. Сперва появились они на востокъ, а отсюда перешли и на западъ. В римско-католической церкви имъ усвоено было название служебныхъ (ministrales) сосудов. Они предназначались здѣсь для приобщения народа, имѣли значительные размѣры, а потому двѣ ручки ихъ оказывались практически полезными. Но если в западной церкви они приняты были в виду лишь специальныхъ цѣлей, то и на самомъ востокѣ они не могли быть всеобщими и обычными: они употреблялись лишь в экстренныхъ, торжественныхъ случаяхъ, или, быть-можетъ, в случаяхъ большого прилива причащающихся, такъ какъ этотъ типъ потировъ, за некоторыми исключениями (Гурдонскій потиръ), принадлежитъ къ числу крупныхъ. В виду того, что некоторые изъ потировъ этого типа, в томъ числѣ и Софійскіе, по своему строенію представляются удобными для приобщения прямо изъ потира безъ лжицы, само собою приходитъ на мысль предположеніе, — не употреблялись ли они в древнейшій періодъ до введенія лжицы в церковную практику; но это предположеніе не мирится съ преданіемъ о древнѣйшемъ происхожденіи лжицы, вошедшей въ обиходъ церковный, если не во время св. Златоуста, то во всякомъ случаѣ во времена болѣе древнія, чѣмъ время происхожденія большей части извѣстныхъ доселѣ такихъ потировъ²⁾. О ней упоминаніе находится в древней антиохійской литургии ап. Іакова³⁾ и в литургии современныхъ іаковитовъ⁴⁾. Правило 10-е двукраткаго собора 861 г., говоритъ о ней, какъ общепринятой евхаристической принадлежности.

Наряду съ сосудами этого рода, какъ в литургической практикѣ восточной церкви, такъ и западной, существовали потиры иной формы — в видѣ кубка: какъ сосуды болѣе легкіе и удобные, они чаще всего должны были находить литурги-

¹⁾ Литургия св. Василия В. С.-Пб. 1909, стран. 278—281. См. тамъ же точныя свѣдѣнія о разночтеніяхъ въ греческихъ рукописяхъ «лотіриа и лотіριον».

²⁾ Ср. Сим. Сол. О храмѣ гл. ХСІХ Пис. отц. ц. относ. къ богослуж. III, 53.

³⁾ Собр. др. лит. II, 43.

⁴⁾ Еп. Софолія, Совр. бытъ іаковитовъ. 131.

ческое примѣненіе. Изъ многихъ древнихъ потировъ этого рода отмѣтимъ превосходные византійскіе образцы въ сокровищницѣ храма св. Марка въ Венеціи, сдѣланные изъ драгоценныхъ матеріаловъ, въ томъ числѣ два ониксовые и одинъ сердоликовый, съ надписями: *πίετε ἐξ οὗτοῦ πάντες τοῦτο ἐστὶν τὸ αἶμα τοῦ* ¹⁾. Возможно допустить, что *calices ansati* въ Византіи, кромѣ назначенія евхаристическаго, употреблялись также и въ качествѣ сосудовъ для богоявленской воды. Если уже во времена Іоанна Златоуста водѣ этой, какъ освященной крещеніемъ Христовымъ во Іорданѣ и потомъ ежегодно освящаемой особымъ церковнымъ чиномъ, усвоялось чудесное свойство неповрежденности ²⁾, то естественно, что этотъ взглядъ на святую воду поддерживался всегда въ восточной церкви и, конечно, для нея требовались тѣ или другіе сосуды. Сосуды могли имѣть различныя формы; возможно, что нѣкоторые изъ нихъ имѣли и форму потира въ видѣ вазы съ ручками, которыя представлялись очень удобными по своей портативности и значительной вмѣстимости. Если съ XVI вѣка и до настоящаго времени можно еще по мѣстамъ встрѣчать водосвятныя чаши на постаментахъ, напоминающія наши потиры въ видѣ кубка, то предполагать это возможно и по отношенію къ назначенію разсматриваемыхъ сосудовъ. Водосвятный сосудъ вещь священная, какъ содержащая въ себѣ св. воду. Освященіе воды наканунѣ Богоявленія въ греческой церкви совершалось иногда патриархомъ въ церкви «предъ св. престоломъ въ сосудѣ (*καλῆ*)» ³⁾, который, вѣроятно, стоялъ на престолѣ. Однако, до сихъ поръ еще не удалось найти ни одного такого памятника съ такимъ именно назначеніемъ, о которомъ можно было бы съ полною увѣренностью сказать, что это есть именно сосудъ для св. воды.

3.

Новгородскіе кратиры въ своихъ основныхъ формахъ повторяютъ формы сосудовъ типа «*calices ansati*», а въ нѣкоторыхъ подробностяхъ ихъ художественной обработки генетически примыкаютъ къ византійскимъ потирамъ этого типа. Особенное значеніе въ данномъ случаѣ имѣетъ надпись: «пійте отъ нея вси, сія есть кровь моя новаго завѣта...» Надпись эта прямо указываетъ на евхаристическое назначеніе ихъ. Правда, нѣкоторыя детали сосудовъ какъ-будто не вполне гармонируютъ съ этимъ назначеніемъ. Кратиры изготовлены по заказу частныхъ лицъ и на нихъ изображены, между прочимъ, св. жены — Анастасія и Варвара, имена которыхъ носили родственницы устроителей сосудовъ. Явленіе исключительное. Какъ въ стѣнописяхъ православнаго алтаря, такъ въ частности на евхаристическихъ сосудахъ святая жена (кромѣ Богородицы) въ обычномъ порядкѣ не изображалась.

¹⁾ *Ongania*, *Detagli di bas. S. M. Jacobi* 3, tav. XXXVII, 6. XXXVIII. XXXIX, 73. 75—77. XLIII. XLV. L. Schlumberger, *L'épopée I*, p. 701. 709 713. Много такихъ чашъ указано у Каброля: *Cabrol*, *Dict. d'archéol. chr. et liturgies* №№ 1870—1872. 1891. 1902. 1904. 1905. 1907. 1909. 1910. 1913. 1916. 1918.

²⁾ Твор. св. І. Злат. т. II, стран. 402.

³⁾ И. Д. Мансветовъ, *Церк. уст. (типики)*, 240. Любопытно, что Дюканжъ (с. в. *ябѣла*) ставитъ *καλῆ* наряду съ *κρατήρ*.

Притомъ и надписи на кратирахъ «Сосудъ Петровъ и жены его Марьи; сосудъ Петриловъ и жены его Варвары» необычны для евхаристическихъ сосудовъ. Правда, на равеннскомъ потирѣ Галлы Плакиды находится надпись: *offero S. Zachariae Galla Placidia Augusta*¹⁾, но здѣсь мы видимъ *посвященіе* чаши святому, а въ надписяхъ на кратирахъ выставляются одни имена владѣльцевъ. Какъ-будто въ этихъ надписяхъ дается намекъ на принадлежность частнымъ лицамъ этихъ кратировъ, перешедшихъ потомъ въ Софійскій соборъ. Но въ XII столѣтіи такихъ частныхъ не церковныхъ потировъ, извѣстныхъ въ эпоху древне-христіанскую, уже не было ни въ Византіи, ни въ Россіи. Все это, однакожъ, не даетъ достаточныхъ оснований отвергать принципиально евхаристическое назначеніе рассматриваемыхъ сосудовъ и предполагать, что они и не могли быть таковыми: они могли быть потирами, несмотря на ихъ уклоненія въ частностяхъ отъ таковыхъ же потировъ византійскихъ; но уже въ отдаленной древности, можетъ быть даже въ XII в., по причинамъ уважительнымъ, о которыхъ рѣчь ниже, получили другое назначеніе. Мы не намѣрены останавливаться на наименованіи этихъ сосудовъ въ Россіи «кратирами», а не «потирами»: то правда, что евхаристическія чаши обычно у насъ назывались и называются потирами, а названіе «кратиръ» усвоилось и усвоится водосвятнымъ чашамъ; но термины эти не всегда выдерживались строго: иногда и кратиръ назывались потирами²⁾. Но не можемъ оставить безъ вниманія то чрезвычайно важное обстоятельство, что такихъ потировъ въ древней Руси мы не знаемъ. Если иногда возможно встрѣтить ихъ въ русской орнаментикѣ или въ ряду обстановочныхъ изображеній на древнихъ плащаницахъ (Моск. историч. музей), то это не можетъ служить доказательствомъ евхаристическаго назначенія ихъ. Едва ли не единственное въ этомъ родѣ явленіе представляетъ фресковое изображеніе евхаристіи въ алтарѣ Спасомирожскаго собора. Нужно замѣтить, что эта фресковая роспись носитъ на себѣ всѣ слѣды греческаго вліянія, какъ въ иконографическихъ типахъ, такъ и въ костюмировкѣ и въ композиціяхъ; даже размѣщеніе сюжетовъ въ храмѣ подчинено установившемуся, подъ вліяніемъ символическаго воззрѣнія на храмъ и его составныя части, обычаю. Здѣсь въ алтарной апсидѣ находится общезвѣстная евхаристія (*εὐχαριστία*): въ рукахъ Верховнаго Литурга І. Христа чаша, къ которой подходитъ для причащенія ап. Павелъ; чаша эта украшена перлами, ея форма очень близка къ формѣ Софійскихъ кратировъ, она имѣетъ тѣ же двѣ ручки, въ верхней части расширена, имѣетъ выпуклыя грани по направленію длины. Никакого сомнѣнія нѣтъ, что здѣсь представленъ потиръ въ формѣ *calices ansati*. Однако едва ли возможно на основаніи этого примѣра предполагать, что такіе потиръ были у насъ въ Россіи въ XII в. обычнымъ явленіемъ. Здѣсь изображена не обычная, но идеальная литургія, въ деталяхъ которой могла найти нѣкоторое отраженіе древнѣйшая — византійская практика или даже преданіе, записанное Бедою, о потирѣ, бывшемъ на тайной вечери. Въ дѣйствительности, у насъ въ Россіи такихъ потировъ, повидимому, не было; а устраивались они обычно въ видѣ обыкновеннаго

¹⁾ Salmon, p. 412.

²⁾ Въ церемониальномъ уставѣ Холмогорскаго собора. См. ниже.

кубка или чаши на ножкѣ. Такую форму имѣютъ древнѣйшіе русскіе потиры, какъ потиръ XI—XII в., найденный въ Кіевѣ возлѣ Михайловскаго монастыря 25 мая 1824 года, греческой работы, съ греческими надписями¹⁾; таковъ же потиръ Юрія Долгорукаго XII в. въ Переяславскомъ соборѣ²⁾; деревянные потиры преп. Сергія Радонежскаго³⁾ и Никона⁴⁾ въ ризницѣ Троице-Сергіевой лавры. О потирахъ позднѣйшаго времени нѣтъ нужды говорить. Нельзя, наконецъ, не обратить вниманія на то, что потиры въ формѣ Новгородскихъ кратировъ, хотя и допустимы въ русской литургической практикѣ съ точки зрѣнія теоретической, не представляли однакожъ необходимыхъ удобствъ въ практическомъ отношеніи: съ одной стороны они велики, очень громоздки и потому неудобны были для пракческаго употребленія, особенно въ тѣхъ храмахъ, гдѣ богослуженіе совершалось безъ діакона; съ другой—самое изготовленіе такихъ сосудовъ требовало значительныхъ матеріальныхъ затратъ. Гораздо удобнѣе и доступнѣе для всѣхъ церквей у насъ былъ потиръ въ формѣ обыкновеннаго кубка—изъ дерева, серебра, олова, стекла.

Если, такимъ образомъ, ни памятники вещественные, ни памятники древнерусской письменности не даютъ намъ основаній предполагать, что въ Россіи когда-либо были распространены такіе потиры, если, далѣе, Новгородскіе кратиры, заключая въ себѣ признаки потировъ, въ дѣйствительности употреблялись лишь недолго и притомъ въ исключительныхъ случаяхъ, при большомъ стеченіи причащающихся, то какое же назначеніе получили они въ литургической практикѣ у насъ на Руси? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ намъ древніе церемоніальные уставы русскихъ соборовъ. Пусть уставы эти говорятъ о значеніи кратировъ въ литургической практикѣ XVI—XVII в., но поскольку практика эта отражаетъ въ себѣ слѣды древнѣйшихъ церковныхъ порядковъ, постольку и значеніе кратировъ въ ней должно итти отъ временъ древнѣйшихъ. Отсюда мы узнаемъ, что кратиры были сосудами, предназначенными для Богоявленной воды; что вкушеніе этой воды называлось «причащеніемъ» св. воды и что слѣдовательно св. вода въ народномъ сознаніи приравнивалась къ евхаристіи, а отсюда объясняется пригодность и евхаристическихъ надписей на кратирахъ: «пійте отъ нея вси сія есть кровь моя новаго завѣта». Другіе памятники письменности—житійные матеріалы и «Послѣдованіе о причащеніи св. воды» дополняютъ данныя уставовъ и указываютъ на аналогію между евхаристическимъ причащеніемъ и причащеніемъ святой воды въ видѣ ясномъ и опредѣленномъ; а отсюда становится яснымъ, почему кратиры могли получить церемоніальное значеніе.

До насъ дошли церемоніальные уставы, называемые иначе обрядниками или чиновниками,—Новгородскаго Софійскаго собора, Московскаго Успенскаго, Холмогорскаго Спасо-Преображенскаго и др. Этому любопытному предмету посвящено

¹⁾ Сообщ. митр. Евгенія въ Трудахъ общ. истор. и древн. Росс. Москва, 1826 г., ч. III, кн. I, стран. 152 и слѣд.

²⁾ Русскія древности VI, стран. 83, рис. 109.

³⁾ Е. Е. Голубинскій, Путевод. по Лаврѣ, стран. 253 (Чт. въ О. исторіи и древн. 1909. ССХХХ, 3).

⁴⁾ Тамъ же 201.

нѣсколько страницъ въ Древней россійской вивліюникѣ Новикова¹⁾, но въ достаточной полнотѣ и въ научномъ освѣщеніи передано содержаніе этихъ чиновниковъ въ изданіяхъ проф. А. П. Голубцова. Описывая чинъ подготовленія къ водоосвященію наканунѣ праздника Богоявленія, уставъ Софійскій говоритъ: а «кратіри ключари поставляютъ со странъ—единъ съ края возлѣ чаши (водосвѣтной), а другій съ другого края стола возлѣ креста... И по погруженіи (въ воду) креста святитель вливаетъ въ *кратіри* чаркой воду святую изъ чаши... И по прощеніи (послѣ отпуща) пріемлетъ протопопъ *кратирь* со св. водою и подноситъ ко святителю... И святитель, пріемъ *кратирь*, причащаетъ протопопа... И по *причащеніи* протопопа... пріемлетъ отъ рукъ святителя *кратирь*... Потомъ *причащаетъ* святитель боярина и воеводу и діяковъ, а протопопъ священниці. И святитель и протопопъ причащаютъ водою весь прилучившійся въ церкви народъ... И по причащеніи пріемлютъ ключари отъ святителя и отъ протопопа *кратіри* и относятъ царскими дверми въ олтарь. Посемъ подносятъ ко святителю подъяки доры и святитель благословляетъ доры²⁾... Далѣе: *по причащеніи св. воды* отдастъ святитель *кратіри* протопопу, а протопопъ *кратіри* ключаремъ отдаетъ и относятъ въ олтарь *кратіри* царскими дверми³⁾. Въ вербное воскресенье *кратіры* вмѣстѣ съ *сіонами* выносимы были на великомъ выходѣ «на херувимской пѣсни». Любопытныя свѣдѣнія объ этомъ сообщаетъ тотъ же Новгородскій обрядникъ—въ описаніи литургіи въ праздникъ Богоявленія: егда же приспѣетъ переносъ (великій выходъ) и идутъ на выходъ по чину и несутъ *сіоны* и по нихъ *потіры*, за *потіры* крестъ и потомъ *кратіри* несутъ *по единому*, а въ нихъ святая вода, еже того дня освящена. И поставляютъ *кратіри* на *престолахъ* возлѣ *сіоновъ* съ судари и покровы чудотворцовы... Егда же святитель начнетъ доры потреблять и по потребленіи подноситъ діаконъ *кратирь* со святою водою ко святителю. Святитель же вставъ причащается воды святыя и благословитъ діакона, и діаконъ поклонясь относитъ къ жертвеннику ко властямъ, а другій діаконъ пріемъ другій *кратирь* и носитъ къ жертвеннику же ко властямъ причащаются по потребленіи доръ⁴⁾.

Въ Московскомъ обрядникѣ сообщаются подобныя свѣдѣнія о *кратірахъ* Московскихъ и о причащеніи святой воды. Въ обрядѣ приготовленія стола для водоосвященія здѣсь читаемъ: приготовить ушатъ большой, чаша, ведро золоченое, четыре подсвѣчника меншихъ, два *кратіра*, два кропила, наливка, лебедь, требникъ, крестъ золотой, миса большая, кропило лучшее, *кратирь*... Ключари ставятъ столъ съ пеленами среди церкви и на немъ чашу на освященіе водѣ, да четыре шандалы, да *три кратіры* серебряныя, да крестъ золотой на блюдѣ серебряномъ... А патріархъ погружаетъ крестъ въ водѣ и раздаетъ воду въ кружки прежь Государю, тоже къ себѣ на патріарховъ дворъ и потомъ Государинѣ и всему народу. И потомъ отъ патріарха причащались и отъ митрополита св. водою

¹⁾ Древн. русс. вивлію. изд. 2, Москва 1789 г., т. X, стран. 155, 160—163, 172, 178 и др.

²⁾ А. П. Голубцовъ. Чин. новгор. Соф. соб. 85—87. М. 1889.

³⁾ Тамъ же, стран. 89.

⁴⁾ Тамъ же, стран. 92.

Богоявленскою изъ кратиръ серебряныхъ¹⁾... Въ другомъ мѣстѣ: и потомъ самъ патріархъ наливаетъ въ кратиры и причащается отъ воды изъ кратиры, а потомъ митрополитъ и архіепископъ, и потомъ причащается народъ самъ патріархъ и митрополитъ и архіепископъ изъ всѣхъ кратирей и благословляетъ крестомъ и кропитъ народъ и потомъ дары употребляются²⁾.

Итакъ: 1) въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ было два кратира и этому совершенно опредѣленному показанію точнаго памятника древней письменности соответствуетъ наличность именно *двухъ* кратировъ въ Софійской ризницѣ; показаніе обрядника относится именно къ нимъ, и нѣтъ никакого повода предполагать, что въ Софійскомъ соборѣ кромѣ нихъ были еще другіе кратиры. Въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ было три кратира, а можетъ-быть и болѣе. Изъ одного причащался св. воды Государь, изъ двухъ остальныхъ «власти» и народъ; кратиръ, предназначенный для народа, могъ называться «братиною». 2) Причащеніе св. воды не смѣшивалось съ евхаристіею, но почиталось дѣломъ святымъ и богоугоднымъ; иногда оно совершалось іерархомъ послѣ приобщенія, но до употребленія св. даровъ и, конечно, всегда до принятія пищи. 3) Кратиры не только въ праздникъ Богоявленія, но и въ Вербное воскресенье выносились на великомъ литургійномъ входѣ и ставились на престолъ рядомъ съ Сіонами или Іерусалимами. 4) Причащеніе св. воды *отчасти* приравнивалось къ евхаристіи, — вотъ почему въ церемониальномъ уставѣ Холмогорскаго собора кратиры водосвятные вездѣ называются прямо *потирами*³⁾.

Извѣстіе о причащеніи Богоявленскою водою умирающихъ находится въ житійномъ разсказѣ о преставленіи основателя Терапонтовой пустыни препод. Терапонта Момзенскаго по рукописи XVII в.⁴⁾ Препод. Терапонтъ предъ своею кончиною завѣщаетъ Адріану священноиноку строителю монастыря, чтобы онъ «по святѣй литургіи сподобилъ его причаститься св. Божіимъ тайнамъ, тѣлу и крови Христа Бога нашего; по смерти же моей, продолжаетъ преподобный, даждь ми и причастіе святого просвѣщенія святыхъ Богоявленій отъ священныя воды». А послѣ дѣйствительнаго причащенія св. таинъ на литургіи, препод. Терапонтъ «паки рече Адріану: по преставленіи моемъ причасти мене Богоявленскою водою». Наканунѣ преставленія онъ въ третій разъ говоритъ Адріану: во утрій день прииди въ келлію мою и принеси овященныя воды Богоявленскія и сотвори о мнѣ, якоже ти молихся въ церкви». Адріанъ видитъ въ этомъ завѣщаніи преподобнаго пророчественное указаніе на близкую его кончину «во утрій день». Такъ и случилось⁵⁾. По преставленіи препод. Терапонта, братія монастыря находятъ въ возглавіи его писаніе «да не отирають тѣло его водою, токмо да причастятъ его Богоявленскою водою святыхъ просвѣщеній. Адріанъ же, держа въ умѣ слово преподобнаго, яко

¹⁾ Чиновники Моск. Усп. соб. 35.

²⁾ Тамъ же, стран. 175.

³⁾ А. П. Голубцовъ. Чиновн. Холмогорск. Преображ. соб. 56, 60.

⁴⁾ Корректурные листы Археол. Института 1909 года.

⁵⁾ Препод. Терапонтъ скончался въ лѣто 7091 (1583) мѣсяца декабря въ 12 день. Черезъ 78 лѣтъ послѣ того написано было его житіе.

и живъ глаголаше о причащеніи воды Богоявленскія. Принесеній убо бывшей водѣ, отпѣвше чинъ на исходъ души. И наченшу правилу причащенію, якоже чинъ повелѣваетъ, аки живу сущу. И принесше *лжицею* освященную воду ко устамъ. Онъ же пріимъ воду аки живъ, отверзая уста свои. Сія же сотворивъ во имя Отца и Сына и Св. Духа; преподобный же пріимаше, аки живъ (стр. 40—42). Изъ этого разсказа видно, что причащеніе препод. Ѳерапонта Богоявленскою водою происходило послѣ его кончины; происходило оно не въ церкви, а въ келліи, посредствомъ лжицы, по окончаніи чина на исходъ души; ему предшествовало «правило ко св. причащенію», какъ требовалъ этого чинъ причащенія живыхъ людей. При причащеніи произнесены были слова: во имя Отца и Сына и Св. Духа.

Въ приведенномъ примѣрѣ причащеніе Богоявленскою водою служитъ какъ бы дополненіемъ къ евхаристіи, и самый чинъ причащенія св. водою здѣсь сходенъ съ чиномъ пріобщенія св. таинъ. Но бывали въ древней церковной практикѣ и такіе случаи, когда оно до нѣкоторой степени должно было замѣнять евхаристію. Это бывало въ такихъ случаяхъ, когда раскаявающійся грѣшникъ, по убѣжденію духовника, не долженъ былъ причащаться св. таинъ: такимъ лицамъ рекомендовалось принимать агіасму, т.-е. цитъ Богоявленскую освященную воду. Для этой цѣли составлено было особое чинопослѣдованіе, которое помѣщалось въ старинныхъ служебникахъ и требникахъ: послѣдованіе о причащеніи святія воды, иже великаго священія на Богоявленіе, егда нѣсть лѣтъ причаститися животворящихъ таинъ плоти и крови¹⁾. Послѣдованіе это помѣщалось также и въ старопечатныхъ служебникахъ и потребникахъ XVII в. до 1651 г. включительно²⁾. Самый строй этого послѣдованія и многія отдѣльныя выраженія его напоминаютъ послѣдованіе причащенія св. таинъ. Агіасмѣ усвояются особые благодатные дары просвѣщенія души, освященія тѣла, умерщвленія страстей, отверженія лукавыхъ помысловъ, обновленія; приступать къ причащенію св. воды нужно «со страхомъ Божиимъ и вѣрою», какъ и къ евхаристіи. Принимать ее нужно было до принятія пищи и даже прежде вкушенія антидора: «пьемъ же св. воду на самый праздникъ Богоявленія прежь дары (т.-е. доры)³⁾; лица духовныя должны были принимать ее прежде потребленія св. даровъ по окончаніи литургіи; такой порядокъ указывается въ Московскихъ Чиновникахъ, а по Новгородскимъ Чиновникамъ — по потребленіи даровъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что столь высокое уваженіе къ св. водѣ, регулируемое церковными чинами, иногда въ народномъ сознаніи могло переходить границы умѣренности: бывали, повидимому, такіе случаи, когда народъ, по недоразумѣнію, приравнивалъ ее къ евхаристіи и даже полагалъ, что св. воду Богоявленія слѣдуетъ соблюдать даже честнѣе самыхъ пречистыхъ таинъ. Случай этого рода указанъ Щаповымъ⁴⁾. Это уже крайность и хотя невозможно

¹⁾ Рукоп. Моск. Синод. Библ. № 349 л. 122 об. Опис. Горскаго и Невоструева. Отд. III стр. 43, ср. № 356 л. 102; № 358, л. 113; № 360 л. 122. Описан. стр. 63, 71 и 83.

²⁾ Прот. Никольскій. О службахъ русской церкви. С.-Пб. 1885 г., стр. 291—292.

³⁾ Рукоп. № 360 л. 122 об.

⁴⁾ Русскія расколы. 447. У прот. Никольскаго, стр. 293—294.

утверждать, что именно этот повышенный взгляд на агіасму нашелъ свое выраженіе въ надписи «пійте отъ нея вси» на Софійскихъ кратирахъ, тѣмъ не менѣе она не противорѣчила обычному представленію объ агіасмѣ, а потому кратиры, устроенныя въ формѣ парадныхъ византійскихъ потировъ, съ евхаристическими надписями, легко могли стать водосвятными сосудами. Это могло произойти въ очень древнее время. Правда, извѣстные доселѣ памятники письменности, въ томъ числѣ и чинопослѣдованія причащенія св. воды не восходятъ ранѣе XV в.: древнѣйшій изъ нихъ — пергаментный въ Моск. синод. библиотекѣ относится къ XV в. Но это не есть *terminus a quo*; причащеніе св. воды могло быть въ церковной практикѣ и ранѣе того времени, хотя бы и не было этого чина. Но чинъ, тотъ же самый, былъ уже въ XIV в. Самый древній, повидимому, изъ такихъ чиновъ найденъ нами въ лицевой псалтири 1397 г., принадлежащей И. О. Л. Д. П. подъ заглавіемъ: «Послѣдованіе о причащеніи св. воды иже великаго освященія на Богоявленіе, егда иѣсть лѣтъ причастится животворящихъ пречистыхъ Христовыхъ тѣлъ, плоти и крови. Да по совѣту духовнаго настоятеля егда время повелитъ да причастится священныя богоявленныя воды». Слѣдуетъ самый чинъ, сходный съ чиномъ, изложеннымъ въ старопечатныхъ потребникахъ; съ тропарями и двумя молитвами, приписанными св. Іоанну Златоусту (л. 228—229). Но и этотъ списокъ едва ли первоначальный. Прототиповъ его нужно искать въ болѣе отдаленной древности.

VI. VII.

Воздвизальный крестъ. Запрестольный крестъ. Рипиды.

1.

Крестъ шестиконечный (табл. VI, 1); высота 0,59 м.; поперечная балка — 0,22 м.; толщина брусковъ 0,035 м. Крестъ деревянный, обложенный разновременными кусками серебряной позолоченной басмы разныхъ рисунковъ; очевидно, басма эта утратила уже свою первоначальную цѣльность; лучше сохранилась она на боковыхъ сторонахъ. Основной мотивъ басменной орнаментики — волюты со вставленными въ нихъ стилизованными пальметками ромбоидальной формы. На лицевой сторонѣ его былъ вставленъ ажурный золотой крестъ изъ тонкихъ прорѣзныхъ пластинокъ, прекраснаго рисунка и изящной, повидимому, византийской работы: отъ него уцѣлѣли теперь лишь ничтожные фрагменты. Здѣсь же три серебряныя позолоченныя дробницы съ слѣдами синей и зеленоватой эмали и 11 круглыхъ камней, — изъ нихъ 8 блѣдноглубокихъ восточныхъ сапфировъ (аквамариновъ?) и три блѣднолиловыхъ аметиста. На обратной сторонѣ креста расположены девять серебряныхъ позолоченныхъ дробницъ, въ которыхъ нацѣрованы фигуры крестиковъ и ромбовъ, съ остатками синей и зеленоватой эмали, и пять крупныхъ камней горнаго хрустала съ подложенными подъ ними бюстовыми изображеніями, сдѣланными золотомъ и красками: здѣсь уцѣлѣли изображенія Богоматери, І. Предтечи и св. Николая (?).

По своему архитектурному строенію этотъ *шестиконечный* крестъ относится къ многочисленной группѣ памятниковъ-крестовъ, распространенныхъ въ XII и XIII вв. На то же самое время указываетъ и характеръ его басменной орнаментики. Другой такой же крестъ, покрытый со всѣхъ сторонъ узорчатою басмою, находится въ той же Софійской ризницѣ; размѣры его тѣ же (выс. 0,54 м.; шир. поперечной балки 0,22 м.; толщина 0,040); басма его исправлена и недавно позолочена. Къ той же группѣ крестовъ XII — XIII в. относится: крестъ преп. Антонія Римлянина въ ризницѣ Антоніева монастыря (рис. 27), крестъ Евфросиніи Полоцкой въ Полоцкомъ Спасскомъ монастырѣ, крестъ Авраамія Ростовскаго въ Аврааміевомъ монастырѣ въ Ростовѣ, напрестольный крестъ въ ризницѣ Успенскаго собора во Владимірѣ, изданный въ Русскихъ древностяхъ гр. И. И. Толстого и Н. П. Кондакова¹⁾;

¹⁾ Русск. древн. VI, 91.

въ святигробской ризницѣ въ Іерусалимѣ XII в.¹⁾, крестъ, украшенный узорчатою басмою въ алтарѣ Протатекаго собора²⁾; крестъ въ Намюрѣ³⁾; та же форма крестовъ на кирпичахъ Спасомирожскаго храма XII в. и др.⁴⁾.

Разсматриваемый Софійскій крестъ изстари носить названіе креста воздвизальнаго, т.-е. употребляемаго въ церковной церемоніи воздвиженія креста 14 сентября. Истинность этого древняго наименованія и назначенія креста подтверждается и тѣмъ, что въ немъ, въ центрѣ пресѣченія большихъ балокъ, находится частица подлин-

Рис. 27. Крестъ Антонія Римлянина.

наго животворящаго древа креста Господня: гнѣздо, въ которое она вложена, имѣетъ форму четвероконечнаго крестика. Съ этой стороны онъ примыкаетъ къ реликваріямъ «истиннаго креста Христова», достаточно распространеннымъ особенно въ Ви-

¹⁾ Н. П. Кондаковъ, Сирія и Палестина, табл. LXIV.

²⁾ Н. П. Кондаковъ, Пам. христ. иск. на Аѳонѣ, табл. XXIX.

³⁾ Гр. А. С. Уваровъ, Сборникъ мелкихъ трудовъ, изд. подъ ред. гр. П. С. Уваровой, М. 1910, табл. LXVIII.

⁴⁾ Schlumberger, *Épopée byzant.* I, p. 510; III, 420. Cf. Rohault de Fleury, *Les instrum. de la passion de N. S. J. C.* pl. VIII. XII.

зантіи. Какъ извѣстно, реликваріи или моцехранительницы вообще имѣли различныя формы — иконы, ларца, креста. Въ частности, въ ларецъ металлическій или деревянный вставлялся нерѣдко деревянный крестъ, въ который и влагалась частица животворящаго креста Христова, а этотъ крестъ обычно имѣетъ форму шестиконечнаго креста, частица же обрамлена четвероконечнымъ крестикомъ. Подобныхъ реликваріевъ или ставроеникъ византійскихъ извѣстно не мало, таковы: реликварій аббатства Нонантолы, изданный Шлюмберже¹⁾, реликварій Радегонды въ Пуатье, реликварій Sancte Sanctorum²⁾ X—XI в., ставроеника Гранская³⁾ XI в., ставроеника сербскаго краля Стефана и брата его Лазаря въ Ватопедскомъ соборѣ⁴⁾, ставроеника въ музеѣ Императора Александра III въ С.-Пб. (крестъ не сохранился) и въ монастырѣ Кирика и Улиты въ Сванетіи⁵⁾. Такимъ образомъ, рассматриваемый крестъ по своимъ основнымъ формамъ принадлежитъ къ общераспространенному византійскому типу крестовъ XII—XIII вѣковъ и, будучи воздвизальнымъ, стоитъ въ то же время въ тѣсной связи съ ставроениками, какъ по своей формѣ, такъ и по значенію.

Въ старыхъ описяхъ рассматриваемый крестъ описывается по принятому шаблону, и отличить его отъ другихъ сходныхъ трудно; только въ описи 1774 года указана ясно примѣта его: крестъ *на концы преломленный*. Это именно нашъ крестъ. Кромѣ этого креста, какъ показано выше, въ настоящее время находятся въ Софійскомъ соборѣ два воздвизальныхъ креста, — въ томъ числѣ одинъ, устроенный въ 40-хъ годахъ XIX в. митрополитомъ Антоніемъ вмѣсто креста архіеп. Антонія (Андрейковича) начала XIII в.; между тѣмъ въ описи 1749 г. показано — 5, а въ описи 1736 г. даже 6 крестовъ: разница эта, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что старые обветшавшіе кресты постепенно исключались изъ церковнаго обихода, а потомъ уничтожались. Заслуживаетъ особеннаго вниманія и то, что ни въ одной изъ описей XVIII в., уцѣлѣвшихъ доселѣ, нѣтъ не только болѣе или менѣе точныхъ описаній, но даже и краткихъ опредѣленныхъ указаній на древнѣйшій имянной воздвизальный крестъ архіеп. Антонія XIII в., украшенный превосходною перегородчатую византійскою эмалью. Нѣтъ ихъ и въ отрывкахъ описи 1635—1646 г., изданныхъ Купріяновымъ⁶⁾. Вотъ для примѣра описаніе воздвизальныхъ крестовъ по описи 1736 года 1) Крестъ болшей воздвизальной обложенъ серебромъ басменнымъ. А въ немъ часть животворящаго древа, по ручкамъ круги выломались. Надъ главою оклада и херувима нѣтъ; въ верху распятіе. А на задѣ два хрусталя круглые, около животворящаго древа осмь камешковъ простыхъ⁷⁾. 2) Крестъ воздвизальной обложенъ серебромъ, окладъ басменъ золоченъ, а въ немъ одиннадцать стамокъ камней плохихъ въ срединѣ и на исподи окладъ по мѣстамъ ободрался. 3) Крестъ обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ обѣтшалъ десять вставокъ плохихъ. 4) Крестъ

¹⁾ Schlumberger I, p. 501; III, 420.

²⁾ Piot, Monuments, t. XV. Lauer, Le trésor. XIV, 1.

³⁾ Diehl, Manuel d'art byzant. fig. 328, p. 648—649.

⁴⁾ Кондаковъ, табл. XXVIII, надпись: «крестъ честный помилуй Стефана и Лазаря».

⁵⁾ Гр. П. С. Уварова, Кавказъ т. X, табл. XXVII.

⁶⁾ Извѣстія Императ. Русск. Арх. общ. т. III, стран. 366 и слѣд.

⁷⁾ Замѣчаніе, сдѣланное при проверкѣ наличности по описи: «одного камешка не явилось».

воздвизалной обложенъ серебромъ басменнымъ распятіе вольячное высподи окладъ ободрался четыре вѣставки хрустальныхъ. Изъ этихъ четырехъ крестовъ мы можемъ распознать по нѣкоторымъ примѣтамъ кресты подъ №№ 2 и 3: это тѣ кресты, изъ которыхъ одинъ мы издаемъ въ настоящій разъ, а другой хранится въ новой ризницѣ, хотя тотъ и другой теперь уже нѣсколько измѣнили свой видъ. Подъ № 1, по всей вѣроятности, долженъ быть показанъ крестъ архіеп. Антонія. Правда, въ описи нѣтъ указаній на его эмали и надписи, но этотъ недочетъ восполняетъ опись 1775 г., гдѣ добавлено, что распятіе на немъ «финифтяное»: примѣта очень важная, и ея значеніе не ослабляется тѣмъ, что въ той же описи надпись «св. Антоній» показана не на этомъ крестѣ, а на другомъ. Здѣсь подъ № 9 описанъ крестъ «съ частицею животворящаго древа съ задвижкой, на которой образъ по надписи св. Антонія». Это не Антоніевъ крестъ, а другой: во 1-хъ надпись «св. Антоній»

Рис. 28. Крестъ архіеп. Антонія.

показана здѣсь на образкѣ, закрывающемъ часть животворящаго древа, но такого образа не было на подлинномъ Антоніевомъ крестѣ, и надпись находилась на боковыхъ сторонахъ креста¹⁾; во 2-хъ, здѣсь Антоній названъ *святѣмъ* и подразумевается, вѣроятно, Новгородскій чудотворецъ Антоній Римлянинъ, а не архіеп. Антоній Андрейковичъ; въ 3-хъ крестъ этотъ безъ финифти, а Антоніевъ былъ съ финифтью, т.-е. съ византійскою эмалью. Такимъ образомъ, глухое указаніе на крестъ архіеп. Антонія находится въ описи 1736 и 1775 гг. подъ № 1 (рис. 28).

Крестъ Новгородскаго Архіеп. Антонія (1207—1212) находился въ Софійской ризницѣ до конца 40-хъ годовъ XIX в. Въ это время Новгородскій митрополитъ Антоній передалъ его ювелиру Верховцеву для исправленія. Верховцевъ сдѣлалъ новый крестъ 84 пробы съ надписями: «Господи, помози рабу своему Антону арх. Новгородскому давшему крестъ святой Софін...; помози и Антонію, митрополиту Новгородскому, вновь украсившему крестъ сей 1848 г.». А старый Антоніевъ крестъ послѣ этого исчезъ. Въ древностяхъ Россійскаго Государства данъ хорошій снимокъ съ него въ краскахъ, изъ котораго видно, что крестъ былъ шестиконечный, украшенъ басмою, эмалевыми изображеніями и рубинами. Въ 1851 году И. П. Сахаровъ упоминалъ о немъ въ своей статьѣ «Обозрѣніе русской археологіи»²⁾. Въ 1860 году арх. Макарій далъ довольно подробное, хотя и не точное, описаніе его, изъ котораго видно, что крестъ Антонія былъ устроенъ

¹⁾ Древн. Росс. Госуд.

²⁾ Записки отд. русск. археол. С.-Пб. 1851 г., стран. 55.

изъ дерева и обложенъ басменнымъ серебромъ; длина его 15 вершковъ, средняя поперечина 6 вершковъ; въ срединѣ его часть животворящаго креста Господня. Въ верхней части — эмалевыя изображенія І. Христа на крестѣ, съ предстоящими — Богородицею и Іоанномъ Богословомъ. Въ шести клеймахъ на лицевой сторонѣ чеканныя изображенія Знаменія Богородицы, Господа Вседержителя, двухъ херувимовъ и Іоанна Богослова. На бокахъ креста по басменному окладу надписи: о агнос Петросе, о агнос Павлосе, о агнос Іо..., о агнос Семьонъ. Тамъ же надписи: Господи помози и т. д., Какъ Сахаровъ, такъ и арх. Макарій говорятъ о крестѣ Антонія, по показаніямъ Древностей Россійскаго Государства; подлиннаго креста они не видѣли. Въ частности арх. Макарій полагалъ, что подлинный крестъ былъ скрытъ подъ серебряною оболочкою креста митрополита Антонія¹⁾, но это — догадка невѣроятная: подъ новою оболочкою находится новое дерево. Нельзя допустить и того,

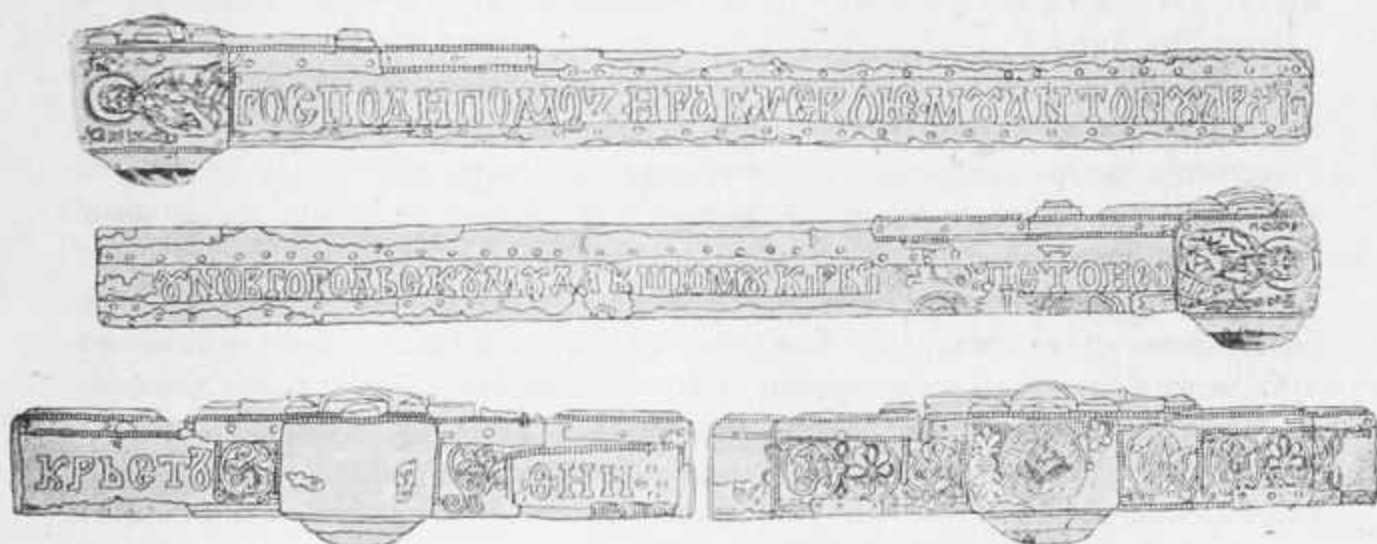

Рис. 29. Надписи на крестѣ архіеп. Антонія.

что Антонію принадлежалъ одинъ изъ тѣхъ двухъ крестовъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили: басма ихъ по рисунку другая, эмалей нѣтъ, хотя размѣры ихъ близки къ размѣрамъ креста Антоніева, а общая форма та же самая. Древній крестъ арх. Антонія исчезъ, очевидно, ранѣе 1860 г., а можетъ быть даже ранѣе 1851 г. Въ новѣйшее время своеобразное сужденіе объ Антоніевомъ крестѣ высказано въ Русскихъ Древностяхъ гр. Н. И. Толстого и Н. П. Кондакова: «Антонію, архіепископу Новгородскому, извѣстному паломнику въ Царьградъ и описателю его святынь, въ первыхъ годахъ XIII столѣтія, принадлежалъ замѣчательный эмалевый византійскій крестикъ восьмиконечный, который впоследствии вложенъ былъ въ подвижный шестиконечный крестъ, сдѣланный изъ дерева и стоящій въ алтарѣ на горнемъ мѣстѣ, въ Новгородской Софіи. Эмали этого крестика изображаютъ Распятаго съ предстоящими Богородицею и Іоанномъ. На крестѣ древняя надпись: Господи помози»²⁾. Очевидно, авторы подъ именемъ Антоніева креста разумѣютъ

¹⁾ Арх. Макарій, Арх. опис. Новгор. др., ч. II, стр. 173.

²⁾ Русск. древн. VI, 168.

Труды XV Съѣзда. Т. I.

не самый крестъ, а лишь три отдѣльныя эмалевыя пластинки, прикрѣпленныя къ деревянному басменному кресту, украшенному драгоценными камнями. Нужно замѣтить, что эмалевый крестикъ уже давно утратилъ нижнюю оконечность и представленъ въ Древностяхъ Россійскаго Государства не восьмиконечнымъ, а семи-конечнымъ. Съ другой стороны погрудныя изображенія Богоматери и Іоанна Богослова стоятъ отдѣльно, а не связаны механически съ крестикомъ. Надпись «Господи помози» и т. д. находилась не на эмалевомъ крестикѣ, но на деревянномъ басменномъ крестѣ. Это ясно показано на снимкѣ Древностей Россійскаго Государства, сдѣланномъ съ оригинала и слѣдовательно подъ именемъ креста Антоніева подразумевались не три эмалевыя пластинки, а деревянный басменный крестъ, къ которому прикрѣплены были эти пластинки. Крестъ этотъ былъ, несомнѣнно, воздвизальный, а не запрестольный и потому не могъ никогда *стоять* въ алтарѣ на горнемъ мѣстѣ. Тутъ, очевидно, смѣшеніе двухъ разныхъ типовъ крестовъ. Возможно допустить, что Антоній привезъ изъ Царьграда лишь эмалевыя пластинки; а басменный воздвизальный крестъ сдѣланъ уже въ Россіи; во всякомъ случаѣ это произошло при жизни самого Антонія († 1238 г.) и съ тѣхъ поръ названіе «крестъ Антонія» усвоилось и теперь усвоется цѣлому кресту, а не части его. Трудно понять, почему авторы не сочли нужнымъ въ данномъ случаѣ оказать довѣріе къ снимкамъ Древностей Россійскаго Государства.

Такимъ образомъ, ни Софійскій крестъ 1848 г., ни показанія ученыхъ авторовъ, приведенныя нами, не даютъ яснаго представленія о древнемъ крестѣ арх. Антонія. Остаются достовѣрными свидѣтелями о немъ лишь снимки Солнцева въ Древностяхъ Россійскаго Государства. Въ 1909 г. въ археологическихъ сферахъ С.-Петербурга распространилось сенсационное извѣстіе, что Софійскій крестъ архіепископа Антонія найденъ студентомъ С.-Пб. университета г. Вершинскимъ въ Микулиномъ городищѣ Тверской губ. Въ концѣ марта 1910 г. крестъ этотъ былъ доставленъ въ Петербургъ. Оказалось, что онъ сдѣланъ вновь въ половину натуральной величины; украшенъ перегородчатую эмалью — съ изображеніями, сходными съ подлиннымъ Антоніевымъ крестомъ только отчасти и съ добавленіемъ Нерукотвореннаго образа, св. Бориса и Глѣба и др. Рубины и изумруды, повидимому, тѣ же, что были и на подлинномъ крестѣ; рисунокъ басмы на лицевой сторонѣ также сходенъ съ оригиналомъ. Ясно, что это — подражаніе Антоніеву кресту, сдѣланное въ масштабѣ рисунка Древностей Россійскаго Государства, т.-е. въ половину натуральной величины, быть можетъ, тѣмъ же ювелиромъ Верховцевымъ, который дѣлалъ въ 1848 г. крестъ для митрополита Антонія и, кстати, другой крестъ для помѣщика Головина¹⁾, подарившаго его въ церковь Микулина городища. Несомнѣнно, что этотъ крестъ новодѣльный; металлическая оболочка креста новая;

¹⁾ Въ соборѣ г. Буя (Костр. губ.) находится миниатюрное (9×5 сантим.) славянское Евангеліе, писанное на пергаментѣ, съ миниатюрою на первомъ листѣ, съ заставками и вычурными инициалами. Окладъ серебряный, позолоченный, въ стилѣ XVIII в. Изъ приписки прот. Георгіевского въ концѣ видно, что это Евангеліе пожертвовано капитанъ-лейтенантомъ флота Гр. Ив. Головиннымъ († 1854 г.). Не одно ли и то же это лицо?

часть эмалей — также; но эмалевый крестикъ — съ распятиемъ очень близокъ по стилю и технике къ старой византийской эмали. Однако, съ увѣренностью сказать, что эта эмалевая пластинка, вмѣстѣ съ рубинами, взята съ Антоніева Креста, невозможно. Крестъ арх. Антонія по своимъ размѣрамъ и архитектурному строенію былъ сходенъ съ описаннымъ выше воздвизальнымъ крестомъ Софійской ризницы (табл. VI, 1). Онъ исчезъ изъ Софійской ризницы; но, быть-можетъ, онъ когда-нибудь найдется? Такія вещи, обычно, не уничтожаются. Верховцевъ¹⁾ былъ превосходный ювелиръ и знатокъ эмали и, конечно, оцѣнилъ по достоинству датированный памятникъ съ превосходною византийскою эмалью. Ближайшій кліентъ его Головинъ также понималъ и цѣнилъ памятники церковной старины. Такъ какъ въ публичныхъ собраніяхъ древностей русскихъ и заграничныхъ его нѣтъ нигдѣ, нѣтъ даже и въ доступныхъ частныхъ собраніяхъ русскихъ, то нужно полагать, что онъ скрытъ гдѣ-нибудь подъ спудомъ и недоступенъ для широкаго круга любителей художественной старины.

2.

*Запрестольный крестъ*²⁾ (табл. VI, 2) деревянный, четвероконечный, съ ручкою. Высота безъ ручки 0,82 м.; съ ручкою 1,55 м. Поперечная балка 0,56 метр. Концы креста раздвоены и здѣсь устроены круглые медальоны³⁾. Въ центрѣ пресѣченія балокъ креста также круглый медальонъ; онъ имѣетъ особое басменное украшеніе въ видѣ изображенія распятія І. Христа съ предстоящими на восьми-конечномъ крестѣ съ титломъ І. Н. Ц. І. Тѣло І. Х. обвисло на крестѣ, глава поникшая. Богоматерь и Іоаннъ Богословъ — плачущіе. Вся эта басменная пластинка не современна началу креста: она имѣетъ совсѣмъ особый характеръ и, судя по иконографическимъ примѣтамъ распятія, помѣщена здѣсь, на мѣстѣ древнѣйшаго медальона — розетки, не ранѣе XVII вѣка.

Весь крестъ со всѣхъ сторонъ покрытъ серебряною золоченою басмою красиваго архаическаго рисунка. Основная форма рисунка сигма С или дуга съ вставленными внутрь ея семью кружечками, снабженными насѣчками. Рисунокъ этотъ греческій и на русскихъ древнѣйшихъ памятникахъ иногда встрѣчается. Такъ, напр., такую же басмою украшена икона св. Θεодора Стратилата въ церкви XIV вѣка на Θεодоровскомъ ручѣ, посвященной этому святому (въ сигмѣ — розетка). На концахъ креста — розетки, весьма часто встрѣчающіяся въ византийской скульптурѣ, особенно въ аворіяхъ X—XII в. На боковыхъ стѣнкахъ креста орнаментъ иного характера: здѣсь онъ имѣетъ видъ сѣтки, состоящей изъ геометрическихъ фигуръ — ромбовъ, внутри которыхъ вставлены гладкіе кружечки — по четыре въ каждомъ ромбѣ и съ насѣчками — по одной въ ромбѣ; ромбы эти чередуются между собою.

¹⁾ Θεодоръ Верховцевъ, серебряныхъ дѣлъ мастеръ, пользовался репутаціею хорошаго мастера и работалъ въ Софійскомъ соборѣ. См. въ архивѣ Александро-Невской Лавры дѣло 1841—1842 г. № 52 (о возобновленіи ризъ изъ образахъ Спаса и Софій Премудрости Б. въ Новгородск. Софійск. соборѣ).

²⁾ Въ настоящее время находится въ жертвенникѣ.

³⁾ Форма довольно распространенная въ древности; ср. крестъ въ Сванетіи въ ц. св. Варвары въ сел. Хэ. Гр. П. С. Уварова, матеріалы по археологіи Кавказа; вып. X, стран. 87; ср. табл. II.

Вообще басма боковых стѣнокъ сильно повреждена. Какъ по архитектурѣ креста, такъ и по рисунку басты крестъ этотъ можетъ быть отнесенъ къ XII—XIII вѣку.

Кресты этого типа, четвероконечные съ расширенными и раздвоенными концами, принадлежатъ къ числу весьма распространенныхъ въ христіанской древности и извѣстныхъ подъ именемъ Корсунскихъ. Небольшой подобный крестикъ, мѣдный, находится въ музеѣ Импер. русскаго Археологическаго Общества въ С.-Петербургѣ: онъ доставленъ арх. Антониномъ и происходитъ, повидимому, изъ Сиріи. Большой крестъ мѣдный этого типа найденъ недавно при раскопкахъ въ Кіевѣ и находится въ собраніи Кіевского Историческаго Музея. Подобный же крестъ указанъ Шлюмберже¹⁾. Нѣсколько образцовъ Кавказскихъ крестовъ отмѣчено графиней П. С. Уваровою: въ церкви селенія Лафехали, въ церкви св. Варвары въ с. Хэ и др.²⁾. Г. Орбелли указываетъ такіе кресты въ Арменіи: крестъ въ Анійскомъ музеѣ, найденный въ раскопкахъ храма Гагика, крестъ въ ц. св. Апостоловъ: концы ихъ расширены и раздвоены въ видѣ двухъ роговъ, при чемъ въ первомъ на рожкахъ находятся тройныя круглыя почки, а во второмъ шарики. Оба эти креста не позднѣе XII—XIII в. На основаніи наблюденій надъ крестами этого типа, авторъ замѣчаетъ, что въ древнѣйшихъ изъ нихъ всѣ четыре конца по длинѣ равны; а съ теченіемъ времени продольная балка, особенно нижній конецъ ея, удлиняется, а послѣ XIII столѣтія удлинненіе это становится уже непропорціональнымъ³⁾. Подобное явленіе можно замѣчать и у насъ въ Россіи, хотя наличность памятниковъ этого рода, введенныхъ въ научное обращеніе, еще очень незначительна. Кстати замѣтимъ, что и въ исторіи креста на западѣ удлиненная вертикальная балка креста есть результатъ постепенной и не древнѣйшей эволюціи формъ креста.

3.

Рипиды (табл. VII). Уже въ 60-хъ годахъ на нихъ обратилъ вниманіе В. А. Прохоровъ и напечаталъ ихъ въ своемъ изданіи «Христіанскія древности». Опытный глазъ стараго антикварія подсказалъ ему, что рипиды эти разновременны: одну изъ нихъ онъ отнесъ къ XIV в., а другую къ XVI в.⁴⁾. Неизвѣстный авторъ замѣтки о древностяхъ Новгорода, напечатанной въ Сборникѣ общества древне-русскаго искусства 1866 г., одну рипиду относилъ къ XII в., а другую къ 1661 году. Жаль, что онъ не указалъ прямыхъ основаній для этой точной датировки. Авторы русскихъ древностей объ этихъ рипидахъ говорятъ иное: рипиды, относимыя къ XII в., на самомъ дѣлѣ изготовлены не ранѣе конца XVI в. или даже начала XVII в.⁵⁾. Очевидно, авторы считаютъ обѣ рипиды совершенно одинаковыми и по-

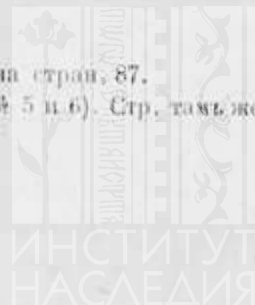
¹⁾ Schlumberger, Mélanges pl. XIII.

²⁾ Гр. П. С. Уварова, Кавказъ, т. X, табл. XXIII—XXV; ср. рис. 19 на стран. 87.

³⁾ Записки восточн. отд. И. Р. А. Общества, т. XX, вып. I, стр. 26, 27 (№№ 5 и 6). Стр. тамъ же каменные кресты.

⁴⁾ Прохоровъ, Христ. древн. 1864 г., стран. 52.

⁵⁾ Русск. древн. вып. V, стран. 163.

тому одновременными. Прот. Соловьевъ¹⁾, арх. Макарий²⁾ и прот. А. И. Конкординъ³⁾ относятъ обѣ рипиды, на основаніи преданія, къ XII вѣку. Разсмотримъ эти рипиды.

Двѣ рипиды мѣдныя позолоченныя (табл. VII, 1—2); вырѣзаны изъ толстой латуни. Основная форма ихъ — четверугольникъ, со всѣхъ сторонъ котораго выступаютъ полукруги, сообщающіе имъ крестообразную форму. Диаметръ 0,26 м., длина деревянныхъ ручекъ 1,49 м. На лицевой сторонѣ первой рипиды (рис. 1) вырѣзаны медальонныя изображенія: деисиса или Господа Вседержителя, съ Богоматерью и Іоанномъ Предтечею по сторонамъ Его, и двухъ архангеловъ — Михаила (вверху) и Гавріила (внизу). Медальоны отдѣлены одинъ отъ другого орнаментомъ въ видѣ простыхъ, но красивыхъ разводовъ. На обратной сторонѣ этой рипиды (рис. 2) такіе же медальоны съ изображеніями Господа Вседержителя и четырехъ Евангелистовъ съ орнаментикою того же характера, что и на лицевой сторонѣ.

Другая рипида (рис. 3—4) по своему архитектурному строенію совершенно сходна съ первой; медальонныя иконографическія изображенія тѣ же самыя, но характеръ рѣзбы иной; орнаментика также иная; не тотъ и палеографическій характеръ надписей. Тогда какъ на первой рипидѣ рѣзныя фигуры представляются угловатыми, рѣзба довольно глубокая и контуры смѣлые, на второй рѣзба тонкая и иконографическіе типы отличаются умиленіемъ, контуры слабы. Въ первой орнаментика простая архаичная, незаконченная, фигура трилистника стилизована въ видѣ геометрической фигуры; во второй растительный орнаментъ съ бутонами. Въ первой палеографическія примѣты надписей напоминаютъ письмо XII в., таковы буквы **а, н, к, м, ф**; во второй онѣ напоминаютъ письмо XVII вѣка, какъ, примѣръ, буквы **с, т, н, м**. Въ виду всего этого, мы предполагаемъ, что первая рипида устроена въ XIII—XIV в., а вторая сдѣлана по образцу первой въ XVI—XVII в. въ замѣнъ другой древнѣйшей рипиды, утраченной къ тому времени; или же это двѣ рипиды отъ двухъ разновременныхъ паръ рипидъ одного и того же типа.

¹⁾ Прот. Соловьевъ, Опис. Новгор. Соф. собора, 181.

²⁾ Арх. Макарий, Археол. опис. церк. древн. Новгорода II, 256.

³⁾ Прот. А. И. Конкординъ, Опис. Новгор. Соф. собора, 124.

VIII. IX. X. XI.

Панагіаръ. Эмаль. Мозаика. Монстранць. Икона ап. Петра и Павла.

1. Серебряный позолоченный панагіаръ для возношенія Богородичнаго хлѣба на общихъ трапезахъ, по древнему обычаю (табл. VIII—IX). Онъ состоитъ изъ небольшой серебряной тарелочки, имѣющей въ діаметрѣ 0,23 м., другой такой же тарелочки-крышки, — и подставки высотой 0,33 м. На внутреннихъ поверхностяхъ тарелокъ (IX, 2) очень просто нацированы два изображенія съ надписями вокругъ: на первомъ Знаменіе Богоматери съ надписью: честнѣйшую херувимъ и славнѣйшую воистину серафимъ, безъ истлѣнія Бога Слова рождшую, сущую Богородицу ты величаемъ. На другомъ — Св. Троица ветхозавѣтная съ надписью: Благословенъ еси Христе Боже нашъ, иже премудрыя ловца явивъ, ниспославъ имъ Духъ Святый и тѣмъ вселенную уловивъ, челоуѣколюбче слава Тебѣ. Подобный характеръ имѣютъ всѣ извѣстные доселѣ панагіары греческіе и русскіе. Особенность Софійскаго панагіара заключается въ постаментѣ (VIII), устроенномъ въ видѣ четырехъ ангеловъ — атлантовъ, поддерживающихъ верхній панагіаръ; ангелы въ свою очередь опираются ногами и колѣнами на спины львовъ, зубами держащихъ — одинъ другого за хвосты. На складной панагіи вверху (IX, 1) находится литое изображеніе Вознесѣнія Господня, составленное изъ семи отдѣльныхъ частей и прикрѣпленное къ серебряной пластинкѣ, которая въ свою очередь прикрѣплена къ крышкѣ панагіара. Здѣсь вокругъ идетъ въ двѣ строки надпись: ѿ—ное ѿ—сотное ѿд (6944—1436) индикта 14 мѣсяца сентября 14 день на воздвиженіе Честнаго Креста сотворена бысть панагія сія повелѣніемъ преосвященнаго архіепископа великаго Новаграда владыци Евѣимія при великомъ князѣ Васильѣ Васильевичѣ всея Руси, при князѣ Юрьѣ Лугъеньевичѣ, при посадникѣ великаго Новгорода Борисѣ Юрьевичѣ, при тысяцкомъ Дмитріѣ Васильевичѣ, а мастеръ Иванъ *Аринъ*. Бортъ панагіи снаружи украшенъ превосходною филигранью, равно какъ и нимбы ангеловъ.

Памятникъ этотъ не смотря на его крупныя особенности доселѣ еще не вполнѣ объясненъ. Авторъ статьи объ этомъ панагіарѣ въ Древностяхъ Россійскаго государства использовалъ текстъ надписи, находящейся на панагіарѣ и отнесъ панагіархъ къ 1432 году; заключеніе почти вѣрное. Но въ уясненіи имени мастера, изготовлявшаго панагіаръ, онъ допустилъ крупное недоразумѣніе. *Аринъ* — не

собственное имя, какъ полагалъ авторъ; это криптографія по такъ называемой та-
рабарской азбукѣ, сущность которой заключается въ замѣнѣ однихъ согласныхъ
буквъ другими. «Аришь», по этой азбукѣ, означаетъ просто «аминь».

Академикъ Н. П. Кондаковъ представилъ попытку установить признаки раз-
личія между панагіарами или артосными панагіями съ одной стороны и панагіями,
носимыми на груди епископами, — съ другой. Отличительную особенность первыхъ
составляетъ «поддонъ или днище», — впрочемъ, онъ признаетъ, что теперь уже
трудно различать ихъ¹⁾, и что изъ русскихъ панагіаровъ этого рода извѣстенъ
только Новгородскій Софійскій. Предположеніе о поддонѣ теоретически вѣроятно, —
такъ какъ панагіаръ становился на столѣ; но съ другой стороны вѣрно и то, что
изъ числа извѣстныхъ доселѣ панагіаровъ до XVII в. нѣтъ ни одного, кромѣ Со-
фійскаго, съ поддономъ, и потому Софійскій панагіаръ не только «изъ русскихъ»,
но изъ всѣхъ древнѣйшихъ, извѣстныхъ доселѣ, пока единственный; это «unicum».
Чаша Мануилова въ лаврѣ св. Аѳанасія на Аѳонѣ — не панагіаръ, а евхаристическій
потиръ; панагіары же Равеннскій, Ксиропотамскій, Пантелеймоновскій на Аѳонѣ
не имѣютъ такихъ поддоновъ. Діонисіатскій — имѣетъ низкій поддонъ; но онъ отно-
сится уже къ XVII вѣку. Въ виду этого Н. П. Кондаковъ имѣлъ полное основаніе
въ другомъ своемъ сочиненіи²⁾ относить къ числу панагіаровъ антоніевскій па-
нагіаръ, не имѣющій поддона. Въ частности, касаясь Софійскаго панагіара, авторъ
въ двухъ своихъ сочиненіяхъ высказываетъ о немъ два различныя мнѣнія. Въ одномъ
изъ нихъ³⁾ онъ отмѣчаетъ въ Софійскомъ панагіарѣ «мастерство русскаго артиста,
проявившееся въ ангельскихъ ликахъ и тонкой ткани, которою украшены также
нимбы ангеловъ, хотя и не отрицаетъ пользованія западными посредственными
образцами. Скань эта отождествляется съ Московскою, которую видимъ на окладѣ
Владимірской чудотворной иконы и на окладахъ... Троице-Сергіевой Лавры... Она —
позднее повтореніе скани XII—XIII в., блистающей чудесами техники на Моно-
маховой шапкѣ. Въ другомъ сочиненіи⁴⁾ авторъ даетъ иную характеристику Со-
фійскаго панагіара, замѣчая, что онъ «выполненъ на западный манеръ и въ за-
падномъ стилѣ». Та и другая характеристика относятся не къ отдѣльнымъ частямъ
панагіара, а ко всему панагіару; слѣдовательно мы имѣемъ здѣсь дѣло, повиди-
мому, не съ случайною неясностію, а съ принципиальнымъ различіемъ ученыхъ
взглядовъ въ разное время.

Подробное обследованіе Софійскаго панагіара показываетъ, что въ немъ нужно
различать двѣ главныя части: верхнюю — т.-е. самый панагіаръ, — въ обычномъ
смыслѣ *складного* панагіара (табл. IX, 1—2) и нижнюю — т.-е. постаментъ (табл. VIII).
Мастерство въ той и другой части не одинаково: первая верхняя часть, кромѣ
литого изображенія вознесенія, повидимому русской работы, вторая — нижняя — за-
падной работы, кромѣ, быть можетъ, филигранны. Верхушка принадлежитъ къ обще-

¹⁾ Пам. Христ. иск. на Аѳонѣ 230—233.

²⁾ Русск. древн. VI, 162.

³⁾ Русск. древн. VI, 161—162.

⁴⁾ Пам. христ. искус. на Аѳонѣ, 230.

распространенному у насъ типу складныхъ панагіаровъ, съ иконографическими изображеніями какъ на внутреннихъ, такъ и на наружныхъ поверхностяхъ. Работа — самая простая цирровка, надписи безукоризненно правильны и красивы, иконографическія композиціи — наши исконныя, съ Богоматерью (ср. новгородскую икону Знаменія) во главѣ, — обычною именно на панагіарахъ. Для сравненія отмѣтимъ другіе панагіары этого типа.

Панагіаръ національнаго музея въ Равеннѣ (0,11 м.) XII вѣка¹⁾. Панагіаръ изъ свѣтло-бирюзоваго камня въ Аѳонепантелеймоновскомъ монастырѣ на Аѳонѣ 1195—1204 г. (0,09 м.). Панагіаръ въ Аѳоноксиропотамскомъ монастырѣ XII вѣка (0,16 м.). Второй Пантелеймоновскій панагіаръ (діам. 0,16 м.) XVII вѣка. — Панагіаръ въ Аѳонодіонисіатскомъ монастырѣ — юго-славянскій или молдавскій XVII в.²⁾ Панагіаръ Новгородскаго Антоніева монастыря — небольшой — 0,11 м. Одна половинка его, судя по стилю и характеру надписи, относится къ XII—XIII в., другая къ концу XVII вѣка. На внутренней сторонѣ первой — древнѣйшей половины нацирована Св. Троица ветхозавѣтная съ надписью вокругъ по борту: во имя Отца и Сына и Св. Духа... панагіа.... на наружной сошествіе во адъ и распятіе, нѣсколько единоличныхъ фигуръ и орнаментъ съ расцвѣтшимъ крестомъ вверху и голгоѳою, на второй половинѣ внутри — образъ знаменія Богоматери съ надписью вокругъ: достойно есть яко воистину.... честнѣйшую... Снаружи изящный орнаментъ въ видѣ волютовъ, обрамленныхъ веревочкою, и надписи: херувимъ и славнѣйшую безъ сравненія.... сущую.... Никакого поддона нѣтъ; тѣмъ не менѣе это есть именно панагіаръ, а не обычная епископская панагіа. Она составлена изъ разновременныхъ частей. Древній панагіаръ XIV вѣка находится въ Свято-Духовомъ монастырѣ въ Вологодѣ, съ литейными изображеніями вознесенія І. Х. на небо³⁾. Панагіаръ Уваровскій съ позолотою (0,095 м.), повидимому XII в. и болгарскаго происхожденія. Внутри изображеніе Богоматери типа новгородской иконы Знаменія и Св. Троицы ветхозавѣтной; снаружи распятіе⁴⁾. Панагіаръ того же собранія изъ слоновой кости типа сходнаго съ предыдущими, но не тождественнаго — молдавскаго происхожденія; вкладъ молдавскаго воеводы І. С. Томши. Греческая надпись (неисправная), изъ которыхъ видно, что «чрево Богоматери стало трапезою, имущемоу небесный хлѣбъ Христа Бога»... даетъ основаніе предполагать, что это былъ панагіаръ для Богородичнаго хлѣба⁵⁾. Два панагіара Кириллобѣлозерскаго монастыря⁶⁾. Первый панагіаръ серебряный съ позолотою и чернью, массивный (0,155 м.; вѣсъ 1 ф. 88 зол.). На внутреннихъ поверхностяхъ его — изображенія Знаменія Богоматери съ надписью «честнѣйшую херувимъ»... и Св. Троицы ветхозавѣтной съ над-

¹⁾ О. И. Успенскій. О панагін арт. въ нац. муз. Равенны. Изв. русск. Археол. Инст. въ Константинополѣ VIII, 3, стр. 249—263.

²⁾ Всѣ Аѳонскіе панагіары изданы въ книгѣ Н. П. Кондакова: Пам. христ. иск. на Аѳонѣ. Табл. XXX—XXXIII; стр. 222—234.

³⁾ Извѣстія И. Р. А. О. т. II. Прохоровъ, Хр. древн. 1864 г., кн. VI.

⁴⁾ Гр. Н. С. Уварова, Каталогъ собр. древн. гр. А. С. Уварова VIII—XI, стр. 5—6. Н. П. Троицкій, Панагирій гр. А. С. Уварова. Труды Моск. Арх. Общ. т. XXII, 2, стр. 265—266.

⁵⁾ Каталогъ VIII—XI, стр. 6—7, табл. II—III.

⁶⁾ Арх. Варлаамъ, Опис. днєви. вещей Кирил. мон. стр. 50—51.

писью «Благословенъ еси Христе Боже нашъ»... На одной изъ наружныхъ сторонъ литое изображеніе Вознесенія І. Х. на небо съ филигранью по борту, на другой — позолоченныя прорѣзные накладки. Панагіаръ этотъ въ ризницѣ находился уже въ 1635 г. какъ видно изъ описныхъ книгъ этого года¹⁾, а изготовленъ былъ, вѣроятно, въ XVI в. Какъ по изображеніямъ, такъ и по нѣкоторымъ признакамъ работы (литейное Вознесеніе) и даже по размѣрамъ онъ близко подходитъ къ Софійскому панагіару. Второй Кирилло-бѣлозерскій панагіаръ — гораздо меньше (0,10 м., вѣсъ 67 зол.). На внутреннихъ сторонахъ — Знаменіе Богоматери по черному полю съ надписью вокругъ «Честнѣйшую херувимъ» и св. Троица съ надписью «Благословенъ еси Христе Боже нашъ». На одной изъ наружныхъ сторонъ І. Х. и 4 Евангелиста среди филигранныхъ украшеній; на другой — серебряныя накладки и четыре гнѣзда для финифти (сохранилась она только въ одномъ). Панагіаръ христіанскаго музея въ Ватиканѣ изъ слоновой кости (0,116 м.) съ изображеніями на внутреннихъ сторонахъ — Богоматери съ пророками въ медальонахъ (свыше пророцы) и Св. Троицы въ дѣяніяхъ, а на наружныхъ — святителей въ медальонахъ и распятія І. Хр. Въ томъ же музеѣ — складная панагія маленькая (0,07 м.)²⁾. Издатель Мюнцъ называетъ ихъ русскими, но это вѣрно лишь отчасти. Въ первой изъ нихъ внутренняя рѣзба не русская, но греческая съ греческими надписями. Къ тому же типу панагіаровъ относятся двѣ складныя панагіи патріарха Никона въ Московской синодальной ризницѣ³⁾. Последняя изъ нихъ въ переносной книгѣ домовою казны патріарха Никона 1658 года названа *путною*⁴⁾, а отсюда становится вполне вѣроятнымъ, что въ древности какъ панагіары для Богородичнаго хлѣба, такъ и путныя и служебныя панагіи могли имѣть одну и ту же форму и различались по назначенію и по величинѣ; у панагій служебныхъ, сходныхъ по назначенію съ энколпіями вообще, и путныхъ должно быть ушко для цѣпочки. — Панагіаръ музея императора Александра III въ СПб., серебряный, составленъ изъ двухъ разновременныхъ половинокъ, — первая XIV в. (образокъ Б. М. вынуть, осталась надпись достойно есть...), вторая XVIII в. съ изображеніемъ внутри Св. Троицы и снаружи — распятія съ предстоящими.

Постаментъ Софійскаго панагіара имѣетъ совсѣмъ иной характеръ: ангелы, по выраженію старыхъ описей ризницы, «вольичные» т. е. литые, львы также. Какъ позы ангеловъ, такъ и львы представляютъ копіи съ западнаго образца. Стилъ работы — западный. Они сдѣланы уже другимъ мастеромъ, а не тѣмъ, который дѣлалъ верхнюю часть панагіара. Только филигранная работа нижней части можетъ быть отнесена къ первому мастеру. Какимъ образомъ явилась въ одномъ и томъ же ювелирномъ предметѣ такая двойственность? Ключъ къ разъясненію этого явленія по нашему мнѣнію, заключается въ вышеприведенной надписи на самомъ панагіарѣ, и если это предположеніе окажется заслуживающимъ вѣроятія, то отсюда

¹⁾ Тамъ же, стран. 96.

²⁾ Munoz, L'art byzant. à l'expos. de Grottaferrata p. 116—117. 120—121.

³⁾ Арх. Савва, Указ. Моск. патр. ризницы табл. III, 14. IV, 21.

⁴⁾ Тамъ же, стран. 12 (изд. V).

будетъ ясно и то, почему Софійскій панагіаръ въ цѣломъ получилъ такую своеобразную форму, которая явно выдѣляетъ его изъ всѣхъ однородныхъ явленій, бывшихъ въ практикѣ восточной церкви. Изъ надписи на верхушкѣ панагіара, гдѣ находится вознесеніе, узнаемъ, что панагіаръ устроенъ былъ въ 6944 т.-е. 1436 году при архіепископѣ Евѣимѣ при великомъ князѣ Василии Васильевичѣ и при князѣ Юріи Луавеньевичѣ. Указанная дата не подлежитъ сомнѣнію. Последнее изъ трехъ названныхъ именъ заслуживаетъ особаго вниманія при рѣшеніи вопроса о двойственномъ характерѣ панагіара. Юрій Семеновичъ Лугвеньевичъ — Литовскій князь, сынъ Лугвенія-Симеона Ольгердовича — лицо исторически извѣстное. Подъ 1432 г. лѣтопись отмѣчаетъ его пріѣздъ въ Новгородъ: той осени пріѣха въ Новгородъ князь Юрій Семеновичъ изъ Литвы¹⁾. Въ 1438 г. отмѣчается второй пріѣздъ его въ Новгородъ 3-го марта²⁾. Въ 1440 г. «князь Юрій Семеновичъ изъ Новгорода великаго выѣха въ Литву³⁾. Въ 1444 г. Лугвень Юрій сидѣлъ на пригородѣ Новгорода; въ томъ же 1444 г. уѣхалъ въ Москву. Въ 1445 г. пріѣха въ Новгородъ съ Москвы князь Юрій Лугвеньевичъ, и Новгородцы даша ему кормленіе, по волости хлѣбъ, а пригородовъ не даша». Человѣкъ предприимчивый и бывалый, знакомый не только съ Литвою, Новгородомъ, Москвою, но и съ иѣмцами, онъ отмѣченъ въ надписи Софійскаго панагіара, вѣроятно, потому, что принималъ прямое или косвенное участіе въ его изготовленіи, и, вѣроятно, этимъ участіемъ объясняется указанная двойственность. Если не ему первому пришла въ голову мысль измѣнить общепринятую форму панагіара и придать ему болѣе красивый и величественный видъ, то, во всякомъ случаѣ, онъ, какъ человѣкъ хорошо освѣдомленный, могъ указать хорошаго западнаго мастера для этой работы. Въ XV вѣкѣ такіе мастера были и въ Литвѣ и въ Ганзейскихъ городахъ, и въ самомъ Новгородѣ. Въ православной Литвѣ находила широкое примѣненіе русская письменность; хорошо извѣстна была русская иконографія; ювелирное дѣло стояло, вѣроятно, также на извѣстной высотѣ. Неудивительно, что переработка Софійскаго панагіара попала въ руки западнаго мастера-литовца или иѣмца. Мастеръ этотъ изготовилъ постаментъ и отлилъ семь частей изображенія вознесенія: «На панагіарѣ, говорятъ старыи описи соборной ризницы, вознесеніе вольячное, около вырѣзанъ лѣтописецъ, по краю скань золочена»... Мастеръ скопировалъ сцену вознесенія въ традиціонномъ византийско-русскомъ характерѣ, но вліяніе запада ясно обнаруживается въ деталяхъ композиціи и позахъ фигуръ, именно — въ мидалевидномъ ореолѣ І. Христа, въ фигурахъ плавающихъ въ воздухѣ ангеловъ и въ фигурахъ жестикулирующихъ апостоловъ и ангеловъ. Панагіаръ устроенъ разными мастерами, а потому одна часть его заключаетъ въ себѣ всѣ признаки русскаго стиля, а другая — западно-европейскаго. Въ памятникахъ Новгородскихъ XIII—XV в. подобная двойственность иногда встрѣчается, напримѣръ, въ литыхъ паникадилахъ-хоросахъ, составлявшихъ нерѣдкое явленіе въ убранствѣ Новгородскихъ храмовъ.

¹⁾ Продолж. Новгород. лѣт. по списку Археогр. Комиссіи. Изд. Археогр. Комиссіи. СПб. 1888 г. стран. 414.

²⁾ Тамъ же, стран. 418.

³⁾ Тамъ же, стран. 419.

Что панагіары служили издревле сосудами для Богородичнаго хлѣба и возношенія его на общих трапезахъ, — это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ древнихъ и новыхъ богослужебныхъ книгахъ, — греческихъ и славянскихъ находится особый чинъ возношенія панагій. У грековъ и у насъ онъ совершался въ монастыряхъ и въ соборахъ. При этомъ возносилась часть (треугольная), вынутая изъ Богородичной просфоры, принесенная на трапезу въ особомъ панагіарѣ, читались молитвы и произносились восклицанія «велико имя Св. Троицы... Пресвятая [Панагія] Богородица помогай намъ. Чинъ совершался послѣ трапезы; частица раздѣлялась между присутствующими; ее съѣдали и занимали виномъ изъ общей чаши. Свѣдѣнія объ этомъ даетъ извѣстный Гоаръ въ своемъ Евхологіи¹⁾. Тамъ же въ чинѣ возвышенія Панагій въ путь шествующимъ, въ молитвахъ къ Богоматери, находится между прочимъ, выраженіе: чрево твое бысть святая трапеза, имущая хлѣбъ небесный²⁾, отъ него же всякъ ядый да не умираетъ, яко же рече Питатель всего, Богородительница. Также пѣснь «о тебѣ радуется», въ которой находится выраженіе: ложесна твоя престоль сотвори и чрево твое пространство небесъ содѣла... Это прекрасная иллюстрація къ надписи на молдавскомъ панагіарѣ. — Подробное истолкованіе чина о возвышеніи панагій находится у Симеона Солунскаго. «Хлѣбъ возносимый съ призваніемъ Всесвѣтныя постановлено возносить по преимуществу въ концѣ трапезы братской во освященіе братій... а особенно во славу Богоматери, которая родила намъ хлѣбъ небесный, живой и пребывающій и всегда питающій наши души. Впрочемъ, онъ бываетъ возносимъ и во всякое другое время. Возносятся онъ, по прошенію чьему либо, и при самомъ священнодѣйствіи литургіи (когда мы говоримъ Изрядно о Пресвѣтѣй)... Итакъ во время трапезы братій... сперва совершается благодареніе и ради хлѣба насущнаго поется молитва Отче нашъ. Во время ея пѣнія изъ лежащаго хлѣба изымается за всѣхъ тресторонняя частица, изображающая Троицу и единство. Извѣченную такимъ образомъ, по апостольскому неписанному преданію, частицу хлѣба мы каждодневно, по обычаю, приносимъ единому въ Творцѣ Богу нашему во имя Богородицы... Она Подательница живой манны и Матерь божественнаго питія. — Когда сей хлѣбъ положенъ въ нѣкій священный сосудъ (панагіаріонъ) и іерей запечатлѣтъ его благословеніемъ, вжигается передъ нимъ свѣтильникъ... По совершеніи (трапезы) чтець... подымаетъ хлѣбъ и возглашаетъ «велие имя» и всѣ призываютъ «Св. Троице»... потомъ, дѣлая знакъ креста, прибавляетъ: «Пресв. Богородица помогай намъ», и всѣ единодушно говорятъ: «тоя молитвами Боже помилуй и спаси насъ»... Вы знаете, продолжаетъ Симеонъ С., что я учредилъ, чтобы въ соборныхъ церквахъ ежедневно совершаемъ былъ упомянутый обрядъ, чтобы іерей на каждой утрени въ концѣ 9-й пѣсни возносилъ сей хлѣбъ... во имя Троицы и Богородицы... Сей обычай за-свидѣтельствованъ всѣми уставами и древнимъ преданіемъ... Это есть исполненіе

¹⁾ Goar, *Euchologion sive rituale graecorum* 1647. На стр. 865 и слѣд. приводится in extenso чинъ *Περί τῆς ἐννοίας τῆς Παναγίας* въ путь шествующимъ.

²⁾ *Γέροντες ἡ κοίτη σου ἅγια τραπέζα ἔχει τὸν οὐράνιον ἄρτον*. Ср. Германъ Конст. Пис. О. 1, 371; также Симеонъ Сол. II, 181.

Троицы, призываніе и хваленіе Святыя Богородицы¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ касается неписаннаго преданія о происхожденіи чина Панагін. Послѣ обѣда говоритъ онъ, мы совершаемъ послѣдованіе такъ называемой панагін... Извѣстно, что первоначально въ это время совершаемо было св. Апостолами таинственное священнодѣйствіе тѣла и крови Господней; начало этого обыкновенія принято было ими отъ Самого Спасителя нашего; ибо Онъ преподавалъ эти Божественныя тайны послѣ вечери. Когда же молитвенныя дома возникли по всей вселенной, то... мѣстомъ для этого было избрано наиболѣе приличное мѣсто въ храмахъ, — мѣсто самое внутреннее и для многихъ недоступное, а время — предъ обѣдомъ, пока совершающіе и приобщающіеся еще не вкусили пищи... Такъ какъ и Богоматерь Владычица преставилась къ Сыну Своему-Владыкѣ, то св. Апостоламъ угодно было — по нѣкому подобію св. таинъ избрать другой хлѣбъ для Матери Господа и въ ея воспоминаніе... предлагать и вкушать. Для этого вырѣзывается (изъ хлѣба) часть въ видѣ треугольника, сверху оканчивающаяся остроконечно, и, бывъ вынута, она возвышается назначеннымъ для того лицомъ, которое при этомъ возглашаетъ: велие имя и т. д.²⁾.

Какъ видно, Симеонъ С. считаетъ обычай возношенія панагін древнимъ, даже апостольскимъ, учрежденіемъ и ставитъ его въ нѣкоторую аналогію съ учрежденіемъ Евхаристіи. Въ болѣе яркихъ и конкретныхъ чертахъ мысль объ апостольскомъ происхожденіи чина панагін выражена въ греческомъ часословѣ³⁾ и нашей псалтири съ возслѣдованіемъ: сказаніе о воздвиженіи Пречистыя⁴⁾. Сущность сказанія заключается въ слѣдующемъ. По воскресеніи І. Христа все Апостолы находились вкупѣ, — до разлученія ихъ при посольствѣ на проповѣдь. Собираясь на вечери, Апостолы имѣли обычай оставлять одно мѣсто незанятымъ и полагали здѣсь Христову часть хлѣба. По окончаніи вечери они воздвигали эту часть хлѣба, произнося: слава тебѣ Христе Боже нашъ, слава Тебѣ. Слава Отцу и проч. И вмѣсто «велико имя» глаголаху «Христосъ воскресъ» даже до вознесенія І. Хр. на небо. Оттолѣ до Успенія возглашали: «Велико имя Пресв. Троицы. Господи І. Христе помогай намъ». А когда, послѣ погребенія Богоматери, Апостолы собрались на трапезу и по обычаю стали воздвигать хлѣбъ и при этомъ произносить «велико имя»... то совершилось чудо: явилась на облакахъ, среди ангеловъ, жена и сказала: «радуйтесь; азъ есмь съ вами во всея дни живота вашего». Апостолы удивились и, вмѣсто произнесенія обычныхъ словъ «Господи Іисусе Христе», сказали: «Пресвятая Богородице помогай намъ». Это уже иная версія сказанія. О ней подробно говоритъ блаж. Максимъ Грекъ, дополняя передачу того же чина о панагін, риторическими украшеніями. Упомянувъ о томъ, въ какомъ порядкѣ Апостолы первоначально совершали свои трапезы и воздвигали Христову часть хлѣба, Максимъ Грекъ замѣчаетъ, что такой порядокъ продолжался до Успенія Богома-

¹⁾ Писан. отц. и учит. ц. II, 510—517.

²⁾ Тамъ же, III, 274—275.

³⁾ *Προλόγιον τῷ μετὰ. Ἐν Βυζαντίᾳ 1860, α. Περί τῆς ἐνδόσεως τῆς παναγίας.*

⁴⁾ Псалтирь съ возслѣд. 1640 г. (Госсафонская) л. 444.

тери. Когда настало время Успенія, Апостолы собраны были «отъ конецъ земли» на погребеніе Богоматери. Ап. Тома запоздалъ и на этотъ разъ. Однако, чрезъ три дня онъ, вмѣстѣ съ другими Апостолами, отправляется на поклоненіе къ гробу Богоматери. Оказалось, что тѣло Богоматери взято на небо. Послѣ того началась обычная апостольская трапеза; но когда, при воздвизаніи хлѣба, настало время произнести «Слава Тебѣ Боже нашъ», тогда совершилось чудо (для увѣренія ап. Тома): Апостолы увидѣли Самого Исуса Хр. со своею Матерію и всѣхъ небесныхъ силъ и иже отъ вѣка усопшихъ, отъ земли восходящихъ къ небеснымъ, и вмѣсто того, чтобы сказать «Слава тебѣ Боже», «возопили велимъ гласомъ: Пресвятая Богородице, помогай намъ... Тоя молитвами Боже помилуй и спаси насъ»... Съ тѣхъ поръ такое воздвиженіе Пресвятыя совершается... Якоже Тоя Сынъ Господь нашъ І. Христосъ пріимъ хлѣбъ въ руку и рекъ — пріимите и ядите се есть тѣло Мое и: сіе творите въ Мое воспоминаніе... такъ и мы ради сего хлѣба Богоматери избавляемся всякой бѣды и причастницы Пресвятаго тѣла ея будемъ и вѣчныхъ мукъ, ради ходатайствъ ея, избавимся и вѣчныхъ благъ воспріимемъ». Къ сказанному Максимъ Грекъ добавляетъ, что на пасхальной недѣлѣ «не воздвизаютъ Пречистыя хлѣбца, токмо артусъ воздвизаютъ и глаголетъ диаконъ Христосъ воскресъ трижды, и потребляютъ артусъ въ Томину субботу»¹⁾.

Изъ этихъ трехъ версій сказанія о панагії мы предпочитаемъ первую; ибо, если Симеонъ С. зналъ остальные версіи и тѣмъ не менѣе не упомянулъ о нихъ, то ясно, что онъ не довѣрялъ имъ, а если онъ не зналъ ихъ, то, очевидно, онѣ явились послѣ него или не имѣли широкаго распространенія. Но и версія Симеона Солунскаго имѣетъ лишь условную историческую достовѣрность, и ее мы можемъ принять лишь съ нѣкоторыми ограниченіями. Вполнѣ вѣроятно, что чинъ Панагії по своей основной мысли напоминаетъ вечера Апостольскаго времени, но онъ составленъ въ его настоящемъ видѣ гораздо позднѣе. Составитель чина употребляетъ не апостольскіе термины «велико имя Св. Троицы, Панагіа Θεοτόκος». Ему извѣстенъ уже, какъ твердо установленный, пасхальный циклъ праздниковъ; онъ знаетъ уже, какъ общепринятый, праздникъ Успенія Пресв. Богородицы, явившійся не ранѣе V—VI вѣка. Частица въ честь Богоматери имѣетъ видъ треугольника, напоминающаго Св. Троицу, а самое изсѣченіе частицы изъ Богородичной просфоры символически указываетъ на рожденіе Единаго отъ Троицы — отъ Дѣвы Маріи: здѣсь виденъ слѣдъ символическихъ толкованій на литургію, приписываемыхъ Герману патріарху Константинопольскому и указаніе на постепенное сложение проскомидіи въ смыслѣ символично-литургическаго чинопослѣдованія²⁾. Необходимо, наконецъ имѣть въ виду и то, что составленіе особаго чина возвышенія панагії, по самому существу своему, предполагаетъ широко развитый культъ въ честь Богоматери, утвердившійся не ранѣе IX в.³⁾, какъ это уже разъяснено въ прекрасной работѣ Θ. И. Успенскаго объ артосной панагії національнаго музея въ Ра-

¹⁾ Соч. препод. Максима Грека, изд. при Каз. дух. Акад. ч. III стр. 104—110.

²⁾ Пис. отп. I, 371.

³⁾ Rohault de Fleury, La S. Vierge, t. I—II.

веніѣ¹⁾. Къ этому времени, вѣроятно, и относится составленіе чина о возвышеніи панагін. Чинъ этотъ, какъ мы уже видѣли, совершался у грековъ не только въ монастыряхъ, но и при соборныхъ и другихъ храмахъ. Симеонъ Солунскій учредилъ ежедневное совершеніе этого чина во ввѣренныхъ его управленію соборныхъ церквахъ въ конецъ 9-й пѣсни на утрени. Совершался онъ и при византійскомъ дворѣ. Объ этомъ предметѣ сообщаетъ Кодицъ: по окончаніи трапезы domestici приносятъ хлѣбъ въ панагіарѣ; императоръ встаетъ; первый изъ присутствующихъ за столомъ, взявъ панагіаръ, ставитъ его на столъ, потомъ возвышаетъ хлѣбъ и передаетъ его domesticу, а domesticъ императору. И какъ только императоръ поднесетъ хлѣбъ къ своимъ устамъ, начинается пѣніе многолѣтія императору и высшимъ чинамъ²⁾. Очевидно, здѣсь нѣтъ полного церковнаго чина, хотя находится налицо Богородичный хлѣбъ въ панагіарѣ. Не видно здѣсь ни участія патріарха и другихъ духовныхъ лицъ, не видно и церковныхъ молитвъ. У насъ въ Россіи чинъ Панагін совершался не только въ монастыряхъ, но и на трапезахъ царя и патріарха. Богородичная просфора приносилась къ столу въ панагіарѣ; частицы просфоры раздавались въ опредѣленномъ порядкѣ. За вкушеніемъ панагін слѣдовали заздравныя чаши. Въ числѣ чашъ была особая Богородичная чаша: свѣдѣнія о ней восходятъ къ XI вѣку³⁾. Діаконъ Павелъ Аленскій, бывшій въ Москвѣ съ патріархомъ Антиохійскимъ, въ своихъ замѣткахъ неоднократно упоминаетъ о чинѣ возвышенія панагін въ Москвѣ послѣ праздничныхъ трапезъ. 20 февраля 1655 г. всѣ три патріарха приглашены были къ царскому столу; послѣ обѣда и четырехъ заздравныхъ чашъ «встали, воздвигли, по обычаю, Панагію и прочли молитву надъ трапезой». Послѣ трапезы у патріарха Никона, «оба патріарха помолились надъ трапезой. Принесли Панагію въ чудесномъ серебряно-вызолоченномъ сосудѣ и прочли надъ ней молитвы; они и мы взяли отъ нея и потомъ сѣли»⁴⁾.

Въ обычномъ порядкѣ, Богородичному хлѣбу усвоилось значеніе предмета священнаго, душеполезнаго и спасительнаго. И если въ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ это значеніе преувеличивалось, то въ этомъ нельзя видѣть выраженія церковнаго вѣросознанія, но лишь подъемъ религіозной мысли и чувства, выступающій за предѣлы обычныхъ нормъ его. Слѣды преувеличеній замѣтны уже у символиста Симеона Солунскаго и еще болѣе у Максима Грека, который склоненъ до нѣкоторой степени приравнивать пріобщеніе Богородичнаго хлѣба къ пріобщенію св. Таянъ. Вотъ почему у насъ Богородичный хлѣбъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ замѣнялъ собою Евхаристію, подобно тому, какъ это бывало и съ св. водою⁵⁾. Прекрасный случай подобнаго примѣненія панагін указалъ академикъ Н. П. Кон-

¹⁾ Изв. русск. Археол. Инст. въ К—полѣ VIII, 3; стран. 257—58.

²⁾ Codini *Curpalatae De officiis C—politans*, c. VII. Migne *Patrol. c. c. S. gr.*, t. CLVII, col. 79—80.

³⁾ Прот. Никольскій. О службахъ русской церкви, стран. 237 и слѣд. «Чинъ за призывомъ о здравіи царя».

⁴⁾ Г. Мурко съ. Путеш. патр. Макарія, кн. VII, гл. 10. Чтенія въ Общ. истор. и древн., 1898, III, стран. 45, 53. Ср. тамъ же (стран. 92) соединеніе чина панагін съ поминаніемъ скончавшихся архіереевъ.

⁵⁾ См. о крѣпяхъ.

даковъ, отмѣтивъ, что Іоанну Грозному, вступившему въ четвертый бракъ, разрѣшено было по праздникамъ вкушать Богородичный хлѣбъ, не причащаться св. Таянь Христовыхъ, по епитиміи, разрѣшалось только на св. Пасху. Но не говоря уже о томъ, что случай этотъ переданъ г. Кондаковымъ не точно¹⁾, нужно при этомъ еще замѣтить, — что авторъ напрасно смѣшиваетъ артосъ съ евхаристіею, когда говорить: Богородичный хлѣбъ или частица замѣнялъ собою артосъ во всѣхъ такихъ случаяхъ, когда причастный хлѣбъ не можетъ быть данъ, или не можетъ быть совершена литургія²⁾. Здѣсь очевидное недоразумѣніе: если почему-либо литургія не можетъ быть совершена въ данное время, а причащеніе кого-либо необходимо, то причащаютъ не Богородичнымъ хлѣбомъ и не артосомъ, а запасными преждеосвященными дарами. Названіе «артосъ» въ уставномъ порядкѣ имѣетъ терминологическое значеніе: артосъ — это особый пасхальный хлѣбъ, освящаемый въ день Пасхи и раздаваемый въ пасхальную субботу; онъ выносится въ пасхальныхъ крестныхъ ходахъ; а въ монастыряхъ послѣ литургіи выносится въ трапезу, гдѣ и совершается возношеніе артоса, подобно панагін, въ субботу же онъ раздается братіи. Слѣдовательно, артосъ замѣняетъ собою на пасхальной недѣлѣ Богородичный хлѣбъ или панагію; но онъ не есть евхаристія; артосъ не есть въ то же время, строго говоря, и Богородичный хлѣбъ, а потому авторъ совсѣмъ напрасно въ другомъ мѣстѣ говорить, объ артосѣ, освященномъ во имя Богоматери³⁾. Не слѣдовало бы, наконецъ, называть *Богородичнымъ артосомъ* и кусочки (?) въ рукахъ Архангеловъ на Кеиропотамскомъ панагіарѣ⁴⁾, гдѣ представленъ великій литургійный входъ. Въ порядкѣ историческомъ артосъ древнѣе панагін: въ чинѣ панагін уже дѣлается ссылка на артосъ. Въ вопросѣ о взаимоотношеніи Богородичнаго хлѣба и артоса, не излишне имѣть въ виду и такъ называемый антидоръ⁵⁾. Между ними есть сходство по значенію.

Панагіары или сосуды, въ которыхъ переносили Богородичный хлѣбъ изъ храма въ монастырскую трапезу или въ палаты царя и патріарха, имѣли форму двухъ складныхъ плоскихъ блюдецъ, изъ которыхъ одно служило основаніемъ, другое крышкою. Изъ этихъ панагіаровъ, какъ уже замѣчено Н. П. Кондаковымъ⁶⁾, произошли, вѣроятно, епископскія наперсныя панагін. Епископы, отправляясь въ путешествіе, могли брать съ собою такіе панагіары съ Богородичнымъ хлѣбомъ или даже съ запасными св. дарами. Само собою понятно, что удобнѣе всего было по-

¹⁾ Фактъ этотъ переданъ Карамзинымъ (Истор. Русск. Госуд., изд. Эйперлинга, кн. III, стран. 114—115, примѣч. 380, стран. 80), на основаніи Висліовки Новикова (г. XIII) такъ: Соборъ разрѣшилъ царю въ первую Пасху идти въ церковь и допустить къ меньшей дорѣ; потомъ цѣлый годъ царь долженъ былъ стоять съ припадающими, а по истеченіи этого года допущенъ былъ къ большой и меньшей дорѣ; затѣмъ—годъ стоялъ вмѣстѣ съ вѣрными и только въ слѣдующую Пасху разрѣшено было государю причаститься Божественныхъ Христовыхъ таянь, а послѣ этого съ 7081 г. онъ могъ вкушать и Богородичный хлѣбъ (панагія) въ обычномъ порядкѣ. Неясно, что слѣдуетъ разумѣть здѣсь подъ *меньшею* и *большою* дорѣю: не слѣдуетъ ли подъ первую разумѣть обычный антидоръ, а подъ вторую — антидоръ отъ агничной просфоры? См. Сол. II, 147. III, 54—55.

²⁾ Н. П. Кондаковъ. «Пам. христ. иск. на Афонѣ», стран. 233.

³⁾ «Пам. христ. искусс. на Афонѣ», стран. 229.

⁴⁾ Тамъ же, стран. 225—226.

⁵⁾ Du Cange s. v. *Antidoros* — *Antidoros* = panis benedictus.

⁶⁾ Тамъ же 230.

сидеть ихъ на груди, а для этого паннагіары должны быть снабжены особымъ колечкомъ или мочкою или цѣпочкой. Очень древнихъ епископскихъ паннагій, византійскихъ, мы не имѣемъ. Тѣмъ не менѣе, если академикъ Кондаковъ полагаетъ, что «подобныхъ паннагій наперсныхъ, походныхъ и др. у византійцевъ не было», то съ этимъ согласиться нельзя, — это опять недоразумѣніе. Тотъ же Симеонъ Солунскій, жизнь и дѣятельность котораго относится все же къ византійскому періоду, хотя и позднему (XIV—XV вв.) ясно говоритъ о паннагіяхъ, какъ принадлежности патріаршаго и епископскаго орната. «Царь прежде, нежели увидится съ избраннымъ патріархомъ, выражаетъ ему свое благорасположеніе, посылаетъ ему мантию съ источниками и паннагію церковную, которая есть какъ бы залогъ и которую онъ самъ хранитъ, какъ слуга и стражъ церкви. Потомъ и жезлъ, какъ даръ честиѣйшій и знакъ пастырской власти»¹⁾... По тону рѣчи здѣсь видно, что Симеонъ Солунскій говоритъ о паннагій не какъ о нововведеніи, а какъ объ обычаяхъ твердо установленномъ въ болѣе или менѣе отдаленной византійской древности. Это по отношенію къ патріархамъ. Обыкновенные епископы также имѣли паннагій, которыя давались имъ при «посаженіи на престолъ» или интронизаціи. «По приготовленіи престола... по прочтеніи молитвы и проч... рукоположенный архіерей посаждается первымъ или вторымъ изъ священниковъ трижды на престолъ... при восклицаніи *ἀγιος*. Потомъ слѣдуютъ многолѣтія, благословеніе народа вновь рукоположеннымъ епископомъ». Тогда же онъ (вновь рукоположенный) получаетъ и мантию съ источниками, какъ учитель... и энколпій или паннагію, въ знакъ того, что онъ представляетъ лицо Христа и по Христѣ перваго архіерея²⁾. Здѣсь, очевидно, паннагія приравнивается къ любому энколпію³⁾; тѣмъ не менѣе, она, вѣроятно, имѣла округлую форму и изображеніе Богоматери. Во всякомъ случаѣ, можно предполагать, что она не была обязательною для всѣхъ епископовъ: ее могъ замѣнить энколпій съ мощами. Быть-можетъ, отсюда объясняется то, что и у насъ на Руси епископскія паннагій составляютъ не изначальное и не обычное явленіе. Едва ли не древнѣйшій памятникъ ея представляетъ небольшая «паннагія» приписываемая св. Петру, митрополиту Московскому въ Московской Синодальной ризницѣ⁴⁾.

Въ періодъ русскаго патріаршества число паннагій сильно увеличивается, особенно въ патріаршей ризницѣ и въ нѣкоторыхъ ризницахъ соборныхъ и монастырскихъ. Въ это время появляется широкое разнообразіе какъ въ общихъ формахъ паннагій, такъ и въ изображеніяхъ паннагійныхъ. Паннагій иногда различаются и по своему назначенію: наперсныя, путныя, походныя, столовыя. Все это показываетъ, что первоначальное происхожденіе паннагій теперь уже забыто, а паннагія трактуется лишь какъ принадлежность сана. Изъ всѣхъ извѣстныхъ доселѣ древнихъ паннагій ближе другихъ напоминаютъ древнѣйшіе паннагіары такъ называемыя «путныя»

¹⁾ Пис. отц. и учит. ц. II, 286.

²⁾ Тамъ же, II, 276—277.

³⁾ Du Cange s. v. *Εγκόλπιον* — theca sanctorum reliquias aut vivificae Crucis particulas continens. S. v. *Παναγία* Дюканъ говоритъ о Богородичномъ хлѣбѣ.

⁴⁾ Арх. Савва. Указ. Моск. патр. ризница табл. II, 8.

складныя панагіи, предназначаемыя для путешествій и содержащія въ себѣ запасныя Дары¹⁾. Мало-по-малу, стали даже замѣнять панагійныя изображенія Богоматери другими, — распятіемъ, благовѣщеніемъ, крестомъ съ Голговою, даже Іоанномъ списателемъ лѣтвицы; внутри панагій стали класть мошны²⁾. Между тѣмъ первоначальный моментъ исторіи панагій, связанъ тѣснѣйшимъ образомъ, съ Богоматерью и ея изображеніемъ. Но къ какому именно иконописному типу Богоматери относится прежде всего наименованіе «Панагія»? Академикъ Кондаковъ, на основаніи Ксиропотамскаго панагіара (XII в.), гдѣ надъ Богородицею написано **П ПΑΝΑΓΙΑ** утверждаетъ, что у Грековъ имя Панагія прилагалось къ изображенію Богоматери, держащей на груди своей образъ младенца (а не самого Младенца въ натурѣ) т.-е. что именемъ Панагіи мы должны называть изображеніе, извѣстное у насъ подъ названіемъ Знаменія (Новгородская икона)³⁾. Для этого мнѣнія можно указать нѣкоторыя основанія, помимо указанной надписи. Этотъ типъ у насъ называется «воплощеніе» или «Слово плоть бысть»⁴⁾. Панагія — Богоматерь, Всесвятая Богородица⁵⁾, Богородичный хлѣбъ. Какъ отъ тѣла І. Христа, изображеннаго въ нѣдрахъ Богоматери, мы причащаемся тѣла и крови Христовой, подъ видомъ хлѣба и вина, такъ, вкушая Богородичный хлѣбъ, мы, по выраженію Максима Грека, становимся причастниками Пречистаго тѣла Богоматери. Недисциплинированная мысль могла тутъ находить, повидимому, нѣкоторыя точки соприкосновенія. Но съ другой стороны, Ѳ. И. Успенскій приведенному выше факту противопоставилъ равносильный — равенскій панагіаръ, гдѣ вокругъ Богоматери находится надпись **ΠΑΝΑΓΙΑ ΘΕΟΤΟΚΕ**, между тѣмъ здѣсь Богоматерь представлена въ типѣ оранты безъ Младенца⁶⁾.

Дальнѣйшее накопленіе иконографическихъ матеріаловъ можетъ пролить сюда нѣкоторый свѣтъ. Однако по нашему мнѣнію, сущность вопроса о значеніи и примѣненіи наименованія «панагія» лежитъ не столько въ иконографіи, сколько въ его идейной сторонѣ. Наименованіе панагія прежде всего относится къ лицу Богоматери, а потомъ уже и къ Ея образу, именно къ тому образу, который въ моментъ появленія этого наименованія или нѣкоторое время спустя признавался наиболѣе «истиннымъ, древнимъ и почитаемымъ». И Шлюмберже не безъ основанія считалъ такою иконою — Влахернскую, а Ѳ. И. Успенскій противопоставилъ ему Киевскую: обѣ эти иконы ставились очень высоко и приписывались кисти Ев. Луки. Но типы иконъ Богоматери, параллельно съ историческимъ развитіемъ культа въ честь Богоматери и развитіемъ иконописи, видоизмѣнялись; и не только въ Византіи, но также и на Аѳонѣ, на западѣ, въ Россіи явилось множество различныхъ, — почи-

¹⁾ Савва. Указ. патр. ризн., стран. 6.

²⁾ Тамъ же, стран. 6—7, табл. II, 10.

³⁾ Пам. Христ. иск. на Аѳонѣ, стран. 225.

⁴⁾ Ср. панагію митр. Іоасафа. Арх. Савва ц. с. табл. II, 9. Ср. также Н. Покровскій, Евангеліе въ пам. иконограф., стран. 29—30.

⁵⁾ См. у Гоара въ чинѣ возмѣшенія панагій «Пресвятая Богородица во время живота моего не остави мене»... (р. 865).

⁶⁾ Пам. Арх. II. въ К—полѣ VIII, 3, стран. 261 и слѣд. табл. XXXV.

таемыхъ, чудотворныхъ иконъ Богоматери. Почему нельзя допустить, что названіе панагія могло быть переносимо и на нѣкоторыя изъ этихъ изображеній? Уже въ самой Византіи названіе это, какъ видно по панагіарамъ Ксиропотамскому и равеннскому, прилагалось къ различнымъ иконографическимъ типамъ Богоматери. Въ церковномъ вѣросознаніи на первомъ планѣ всегда стояла **ПАНАГІА ΘΕΟΤΟΚΟΣ**, и это названіе могло быть приложимо ко многимъ почитаемымъ изображеніямъ Богоматери съ Младенцемъ и безъ Младенца. Было бы важно, конечно, дойти до первоначальнаго примѣненія этого наименованія; но достигнуть этого пока не легко.

2) *Золотая пластинка съ эмалевымъ изображеніемъ Святителя.* (Табл. X, I.) Размѣръ 0,045×0,07 м.; толщина равняется примѣрно 0,002 м. На ней изображенъ Святитель — старецъ съ сѣдыми короткими волосами и бородою; нимбъ синій съ темнокраснымъ контуромъ; фелонь синяя длинная; омофоръ бѣлый, украшенный четвероконечными крестами; форма его отличается отъ нашего современнаго омофора и приближается къ омофорамъ въ мозаикахъ Софій Константинопольской и Софій Кіевской. Десница благословляющая не именословно, въ шуйцѣ Евангеліе въ драгоценномъ окладѣ. По сторонамъ вертикальная надпись:

Α	Η
Γ	Α
Η	Α
Ο	Τ
Σ	Η
Ι	Ι

Надпись эта, написанная весьма отчетливо, не даетъ болѣе или менѣе яснаго представленія объ имени святого, здѣсь изображеннаго. Очевидно, въ ней заключаются грубыя ошибки: составитель надписи могъ подразумѣвать здѣсь **ΗΠΑΤΙΟΣ**, **ΗΓΝΑΤΙΟΣ** и даже **ΗΛΑΡΙΟΣ**, но какое изъ этихъ именъ слѣдуетъ признать наиболѣе вѣрнымъ? Для разъясненія этого недоразумѣнія мы обратились къ компетентному знатоку греческаго языка и его словесности академику В. В. Латышеву, который и сообщилъ намъ слѣдующее.

«Сообщенная Вами надпись на золотой пластинкѣ во всякомъ случаѣ безграмотна. Уже въ первомъ столбцѣ мастеръ сдѣлалъ двѣ ошибки въ такомъ обычномъ (можно сказать — стереотипномъ) словѣ, какъ ὁ ἅγιος: онъ 1) пропустилъ членъ ὁ, обычно ставящійся предъ ἅγιος — и 2) поставилъ Η вмѣсто Ι, такъ какъ звуки, обозначаемые этими знаками, въ XI в. уже совершенно не различались въ произношеніи. Имѣя это въ виду, вполне возможно предположить, что и во 2-мъ столбцѣ въ двухъ случаяхъ (на 1-мъ и 5-мъ мѣстахъ) Η поставлено вмѣсто другого знака, обозначающаго звукъ Ι: если читать такъ, какъ написано, не предполагая ошибокъ, то получится небывалое имя **ΗΛΑΤΗ**. Такъ какъ постановка Η вмѣсто Ι или Υ вполне допустима, то съ этой стороны одинаково возможны и **ΗΓΝΑΤΙ(Ο)Σ** и **ΥΠΑΤΙ(Ο)Σ**; но тому и другому чтенію препятствуетъ вторая буква, имѣющая видъ Α: необхо-

димо допустить, что и эта буква ошибочна; а такъ какъ мастеръ ставилъ во всѣхъ случаяхъ по одной буквѣ въ вертикальномъ ряду, то скорѣе слѣдуетъ думать, что въ данномъ мѣстѣ **А** ошибочно написана вмѣсто одной буквы (**И**), чѣмъ вмѣсто двухъ (**ГИ**), и такимъ образомъ чтеніе **УПАТИ(ОС)** представляется нѣсколько болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ **ИГНАТИ(ОС)**... Мы приходило еще въ голову имя **ИЛАРИ(ОС)**, такъ какъ **А** легче могла быть написана вмѣсто **Л**, чѣмъ вмѣсто **И**, но въ такомъ случаѣ пришлось бы допустить еще одну ошибку — написанье **Т** вмѣсто **Р**.»

Итакъ, наиболѣе вѣроятнымъ слѣдуетъ признать, что здѣсь изображенъ священномученикъ Ипатій — епископъ Гангрскій (31 марта) или Персидскій (20 ноября). Во всякомъ случаѣ нельзя читать въ надписи «Никита», какъ это допускаетъ Н. П. Кондаковъ, или видѣть въ изображенномъ святителѣ — Николая Чудотворца¹⁾. Нельзя видѣть также и Иларія: по преданію, сохранившемуся въ иконописныхъ подлинникахъ, мученикъ Иларій былъ молодой и не былъ епископомъ. Определить точнѣе личность святителя по примѣтамъ иконографическимъ также нельзя: Ипатій и Игнатій — оба священномученики, слѣд., одежды ихъ и атрибуты должны быть одинаковы: омофоръ, фелонь, Евангеліе. Правда, нѣтъ здѣсь креста въ десницѣ — атрибута мученичества; но это опущеніе не составляетъ явленія исключительнаго въ памятникахъ древности; а съ другой стороны онъ одинаково приложимъ къ тому и другому изъ названныхъ священномучениковъ, слѣдовательно, и личность его не разрѣшала бы вопроса въ сторону того или другого — Ипатія или Игнатія. Вопросъ въ пользу св. Ипатія разрѣшается лишь указанною палеографическою примѣтою.

Со стороны технической эмаль эта не представляетъ какихъ-либо рѣдкихъ особенностей: эмаль перегородчатая, разработанная и получившая широкое распространеніе въ Византіи; но она не можетъ быть отнесена къ древнѣйшей эпохѣ. Она не похожа на эмали VI—VII вв. въ римскомъ S. Sanctorum²⁾ отличается она и отъ другихъ византійскихъ эмалей — венеціанской Pala d'oro, Хахульской иконы Богоматери въ Гелатскомъ монастырѣ, эмалей собранія Звенигородскаго³⁾ и др. На нашей пластинкѣ — на костюмѣ эмаль положена хорошо; на нимбѣ — неискусно; въ контурахъ лица и благославляющей десницы допущены неправильности; эмаль всюду блѣдна, особенно голубая и красная и не отличается чистотою колеровъ. По этимъ примѣтамъ она близко подходитъ къ тѣмъ подражаніямъ византійскихъ эмалей, которыя изготовлялись у насъ въ Россіи въ Киевскій періодъ и относятся къ XII вѣку.

3. *Данъ мозаическія плитки* (табл. X, 2): перенесены изъ алтаря въ ризницу при послѣдней реставраціи Софійскаго собора. Мозанка алтарной апсиды вся реставрирована мозаичистомъ Фроловымъ, при чемъ нѣкоторыя части лучшей сохрани-

¹⁾ Гр. И. И. Толстой и Н. Кондаковъ, «Русскія древности», VI, 173. Въ сборн. Общ. др. русск. иск. 1866 стран. 120 и сл. прочтано «Игнатій» и пластинка отнесена къ XII в. безъ мотивировки.

²⁾ Крестъ съ изображеніями благословенія, рождества Христова, сѣщенія, поклоненія волхвовъ и крещенія Иисуса Христа, — временъ папъ Симмаха и Сергія I (?). *Lancet*, pl. VI.

³⁾ Визант. эмали.

ности оставлены на мѣстѣ, а иныя замѣнены новою мозаикою того же рисунка и тѣхъ же цвѣтовъ. Уцѣлѣвшая въ ризницѣ мозаика плитъ относится къ XI столѣтію. Изготовлена была мозаика съ лицевой стороны по римскому, какъ теперь говорятъ, способу. Плитки крупныя; преобладающіе цвѣта — желтый, зеленый, красный; въ частности въ арочкѣ ромбы желтые по красному фону и зеленые по сѣрому фону; на колонкахъ ромбы красные и сѣрые, въ срединѣ смѣшанный характеръ цвѣтовъ, и расположеніе плитокъ по мѣстамъ неправильное. На другой плитѣ треугольники — красные, желтые, зеленые и синіе. Съ технической стороны мозаика эта имѣетъ свои отличія отъ древней мозаики: здѣсь употреблены въ дѣло не кубики, а пластинки смальты, и пластинки эти гораздо крупнѣе, чѣмъ въ обычной мозаикѣ; въ то же время онѣ тонки и напоминаютъ съ этой стороны новѣйшую нѣмецкую мозаику. Съ этой стороны Софійская мозаика приближается къ инкрустациі. При несовершенствѣ техники она естественно останавливается на примитивной геометрической орнаментикѣ, избѣгая трудныхъ фигуръ и сложныхъ композицій.

4. Такъ называемая *Никоновская ладонница* (табл. X, 3) выс. 0,41 м., объемъ 0,40. Никоновскою она называется потому, что отъ митр. Никона или при немъ поступила въ Софійскую ризницу; ладонницею — потому, что въ ней при Никонѣ хранился ладонъ. Въ дѣйствительности же это предметъ сборный, изъ разновременныхъ частей, и первоначально онъ имѣлъ иное назначеніе. Главка — добавленіе, сдѣланное въ Россіи не ранѣе XVII в., низъ — поддонъ мѣдный также сдѣланъ у насъ, вѣроятно, въ XVII—XVIII в., съ надписью: «4 гривенки 42 съ пол.»... Главная и первоначальная составная часть этого предмета — средний шестигранный корпусъ съ шатровымъ верхомъ, утвержденный на старинной ажурной ножкѣ, серебряный съ позолотою. На шести граняхъ его расположены 12 апостоловъ парно, съ орудіями ихъ страданій въ рукахъ; въ числѣ ихъ ап. Петръ съ ключемъ и ап. Павелъ съ мечемъ. Фигуры апостоловъ отлиты отдѣльно и привинчены къ корпусу сосуда; позы апостоловъ живыя, движенія свободныя, драпировки одеждъ пышныя; нѣкоторые изъ апостоловъ съ тонсурами. Вся трактовка фигуръ апостоловъ, вся орнаментика сосуда съ готическими архитектурными подпорками, подковообразными арочками, трилистниками, обработка шатра въ видѣ черепичнаго покрытія, — все это признаки западнаго происхожденія сосуда, — вѣроятно, нѣмецкаго; это эпоха нѣмецкой готики XV в. По первоначальному своему назначенію, это совсѣмъ не ладонница, а католическій монстранцъ. Образцы подобныхъ монстранцевъ не рѣдки въ западно-европейскомъ искусствѣ¹⁾.

5. *Икона свв. ап. Петра и Павла* въ главномъ иконостасѣ Софійскаго собора (табл. XI, I). Мѣра 3 арш. 5 в. × 2 ар. 1 в. Оба апостола стоятъ въ молитвенномъ положеніи предъ образомъ Спасовымъ²⁾. Положеніе ихъ рукъ и перетосложеніе

¹⁾ Kraus, Gesch. d. christl. Kunst. II, S. 472 Fig. 282. Cf. Fig. 288. 302.

²⁾ Академикъ Н. П. Кондаковъ говоритъ, что апостолы здѣсь представлены «въ молчаливой бесѣдѣ» (Русск. др. VI, 155). Это предположеніе навѣрно, вѣроятно, навѣстною мозаикою Палатинской капеллы (А. А. Павловскій, стран. 130), гдѣ переданъ одинъ эпизодъ изъ апостольской исторіи, — свиданіе апостоловъ. Но одно дѣло — храмовая роспись и иное — молебная икона въ иконостасѣ: здѣсь позы апостоловъ молитвенныя; о томъ же свидѣтельствуетъ и образъ Спасовъ и положеніе рукъ Апостоловъ.

напоминають формы древняго священническаго благословенія. У Петра въ рукахъ свитокъ, у Павла книга въ богатомъ переплетѣ. Типы Апостоловъ греческіе и вполне удовлетворяють исконному требованію истинности изображеній. Ап. Петръ съ курчавыми волосами и бородою, съ строгими и отчасти вульгарными чертами лица; ап. Павелъ съ открытымъ челомъ, съ большою длинною бородою; черты лица строгія, благородныя, выразительныя. Типы эти стоятъ въ полномъ согласіи съ древнимъ преданіемъ о наружномъ видѣ ап. Петра и Павла и съ сохранившимися доселѣ памятниками изначальной религіозно-художественной старины. Вверху въ видѣ полукруга представлено небо и въ немъ погрудное изображеніе І. Христа, въ греческомъ типѣ. Весь фонъ иконы, а также и поля покрыты превосходною узорчатою басмою (табл. XI, 2). Басма положена прямо на мастику. По всей вѣроятности подъ мастикою на поляхъ иконы и на фонѣ находится живопись, но ее не видно въ настоящее время. Основной мотивъ рисунка басмы — крестики, стилизованныя гирлянды и розетки, — орнаментъ характерный для византійскаго искусства XI—XII в. Одежды апостоловъ покрыты гладкими металлическими ризами изъ тонкихъ, какъ басма, серебряныхъ пластинокъ, положенныхъ также на мастику. Гладкія ризы поздиѣе, чѣмъ басма. Внизу иконы находится кусокъ басмы, украшенный чернью. Въ настоящее время, какъ басма, такъ и ризы сильно повреждены, и разорванныя части ихъ грубо прикрѣплены къ иконѣ желѣзными гвоздями. На поляхъ иконы погрудныя изображенія: вверху деисисъ (І. Христосъ, Богоматерь и І. Предтеча) и на углахъ два архангела съ жезлами; съ лѣвой стороны (отъ зрителя) св. цѣлители — Козьма, Даміанъ, Пантелеймонъ, Киръ и Іоаннъ; съ правой — Евстаѣій воинъ въ бронѣ съ копьемъ и щитомъ, Прокопій, Димитрій, Ѳекла и Варвара. Эти басменные изображенія были изготовлены каждое отдѣльно и вставлены въ басменный орнаментъ. Отдѣльно сдѣланы также арочки и колонки, обрамляющія эти изображенія. Шрифтъ надписей на иконѣ, ихъ вертикализмъ, традиціонное агіосъ въ сокращенномъ видѣ въ кругѣ — все указываетъ на греческіе образцы, хотя въ текстѣ надписей встрѣчаются иногда и русскія буквы, какъ напр. въ словахъ **ДАМЪАНЪ ПАНТЕЛЕС**. Общій стиль иконы строгій, сухой. По всѣмъ этимъ признакамъ, икона св. Петра и Павла принадлежитъ къ числу памятниковъ греческаго искусства XI—XII в. Корсунское происхожденіе этой иконы подтверждаютъ не только исконное устное преданіе, но и лѣтописные источники и старыя описи Софійскаго собора 1736, 1749, 1771 и 1775 гг. Вопреки этому общему мнѣнію, достаточно обоснованному, Н. П. Кондаковъ считаетъ эту икону издѣліемъ Новгородской мастерской. Основаніемъ служить для него «подборъ святыхъ», т.-е., очевидно выборъ именно этихъ святыхъ (на иконѣ и на поляхъ), а не другихъ¹⁾. Однако, трудно понять, почему авторъ считаетъ этотъ подборъ именно Новгородскимъ, а не Корсунскимъ, не Кіевскимъ, не византійскимъ?.. Для этого мы не видимъ никакихъ основаній.

Свѣдѣнія объ иконѣ свв. ап. Петра и Павла встрѣчаются изрѣдка въ лѣтописяхъ. Въ лѣтописи по архивскому сборнику подъ 1561 г. читаемъ: въ лѣта 7069-го

¹⁾ Русск. древн. VI. 155.

мѣсяца марта въ 9, въ недѣлю великаго поста царь и князь великій Иванъ Васильевичъ взялъ изъ великаго Новаграда къ себѣ въ Москву изъ Софїи Премудрости Божїи три образы: Спасъ, да другой образъ Петръ и Павелъ да у нихъ въ облаци Спасъ ¹⁾ и т. д. Икона эта корсунскаго письма, греческихъ живописцевъ ²⁾.

Черезъ 11 лѣтъ она возвращена въ Новгородъ и поставлена на прежнемъ мѣстѣ. Да того же мѣсяца іюля (7080 г.) въ 19 въ субботу привезли въ Новгородъ съ Москвы двѣ иконы мѣстныхъ старыхъ въ церковь Софїи Премудрости Божїи, а тѣ иконы стояли въ церкви противъ владычня мѣста: икона Спасовъ образъ, серебромъ обложена да другая икона св. апостолъ верховныхъ Петра и Павла, серебромъ обложена вся; и встрѣчалъ тѣ образы Владыка Леонидъ со кресты, веѣмъ соборомъ ³⁾. Въ лѣтописцѣ Новгородскимъ церквамъ Б. при этомъ объяснено, что серебро это было «корсунское» ⁴⁾ т.-е. предполагается, что окладъ и риза сдѣланы были еще въ Корсуни и въ такомъ видѣ присланы въ Новгородъ. Что окладъ на поляхъ иконы именно корсунскій, — это ясно до очевидности изъ характера самого оклада, но ризы апостоловъ другой работы и сдѣланы, можетъ быть, уже послѣ въ Новгородѣ. Если бы онѣ были сдѣланы въ Москвѣ въ то время, когда икона находилась тамъ, то лѣтописецъ, конечно, не оставилъ бы этого безъ вниманія. Да и не для украшенія взята была въ Москву эта икона.

¹⁾ Новгород. лѣт. изд. Археогр. Комм. С.-Пб. 1879. стр. 93.

²⁾ Повѣсть о приходѣ ц. Іоанна IV въ Новгородъ, стран. 399 см. Новгород. лѣт. церквамъ Б. подъ 1045 г., стран. 183.

³⁾ Лѣт. по архив. списку, стран. 117.

⁴⁾ Тамъ же стран. 347.

ХІІ. ХІІІ. ХІV.

Реликваріи.

1.

Въ старыхъ описяхъ Софійской ризницы, начиная съ 1635—1646 г., копирующихъ обычно болѣе древніи описи, упоминается мѣдный ящичекъ горошчатый, иногда съ добавленіемъ, «а въ немъ мощи святыхъ». Это небольшой ковчегъ для мощей или реликварій, сдѣланный изъ красной мѣди (табл. ХІІ); мѣра: 0,20 м. дл., 0,10 м. шир., 0,08 м. выс. Лицевая сторона ковчега покрыта довольно плотнымъ слоемъ золота, повидимому, недавняго происхожденія. На крышкѣ (рис. 1) вставлены пять крупныхъ кабошоновъ горнаго хрусталя, — три изъ нихъ старые, а остальные замѣнены новыми¹⁾. Внутреннія поверхности ковчега — деревянныя новыя, обложенныя новою парчею; но остатки древнѣйшаго дерева видны подъ мѣдью на наружной поверхности дна. Всѣ ребра ковчега и крышка украшены металлическими шариками. Со всѣхъ четырехъ сторонъ ковчега расположены ряды изображеній. Работа посредственная, сохранность неудовлетворительная: разобрать детали фигуръ невозможно; недостатокъ этотъ даетъ себя чувствовать особенно въ моделировкѣ головъ и лицъ. Въ общемъ рисунокъ обстановочныхъ фигуръ — арокъ, кантелей и полуколоннокъ замѣчается или техническая неумѣлость или небрежность. Нельзя отрицать того, что всѣ фигуры утратили долю своей первоначальной ясности отъ всеокрушающаго времени; но нужно отмѣтить и то, что слѣдовъ чеканки здѣсь совсѣмъ не видно, и потому возможно предполагать, что рисунокъ былъ выдавленъ примѣнительно къ способу изготовленія басмы. Общую схему и характеръ изображеній можно отчасти объяснить на основаніи двухъ группъ на узкихъ сторонахъ реликварія (рис. 4—5). Въ обѣихъ этихъ группахъ по три фигуры: центральное мѣсто принадлежитъ фигурѣ представленной en face, съ ясными признаками воздѣянія рукъ; въ костюмѣ ея замѣчается та особенность, что съ лѣваго плеча опускается на грудь крупными округлыми складками драпнирующая одежда. Фигуры, стоящія по сторонамъ ея, одѣты въ туннелъ и имати и

¹⁾ Въ отрывкахъ изъ описи Новгородскаго Софійскаго собора 1635—1646 г., напечатанныхъ Купріяновымъ (Изм. II. Р. А. О. т. III, стр. 366—386), упоминается лишь три хрусталя. Въ описи 1751 г. показано уже пять хрусталей; два вставлены очевидно ранѣе 1751 г. Неизвѣстно въ какое время устарѣвшія деревянныя части замѣнены новыми, покрытыми внутри ящина парчею. Подлагать нужно, что при этомъ обновленіи лица св. мощи были изъ него вынуты, и онъ сталъ заурядною вещью, пригодною только для храненія серебряныхъ мелкихъ вещей.

держатъ въ рукахъ, повидимому, книги или свитки. Это даетъ поводъ предполагать, — не изображены ли здѣсь оранты и апостолы и другіе святые, мощи которыхъ были здѣсь положены? Возлѣ головы святого, стоящаго рядомъ съ орантою, неоднократно повторены неясныя очертанія буквъ ХО, смыслъ, которыхъ разгадать очень трудно. Нѣкоторые склонны видѣть здѣсь латинскія буквы SO. При первомъ осмотрѣ памятника, мы также склонны были читать SO; но новый неоднократный пересмотръ буквъ и сравненіе ихъ начертаній въ разныхъ мѣстахъ заставили отказаться отъ этого чтенія. Тѣ же самыя фигуры повторяются и на широкихъ сторонахъ ковчега (рис. — 23) съ тою лишь разницею, что симметрія группъ здѣсь нарушена. Для объясненія этого явленія нужно предполагать, что художникъ, знакомый съ компановкою группъ въ оригиналахъ, мотивами которыхъ онъ руководился въ своей работѣ, не считалъ нужнымъ выполнять требованія симметріи, тѣмъ болѣе, что уже колонки, раздѣляющія фигуры одну отъ другой, давали поводъ къ самостоятельной трактовкѣ каждой фигуры. Всѣхъ фигуръ 18, по 6 на широкихъ сторонахъ и по 3 на узкихъ. Такая совокупность фигуръ и архитектурная обстановка заставляетъ искать аналогій для нихъ въ скульптурѣ древнихъ саркофаговъ. Здѣсь, дѣйствительно, нерѣдко встрѣчаются подобные ряды изображеній съ орантою въ центрѣ и съ апостолами и святыми по сторонамъ ея¹⁾. И эти аналогическія сближенія позволяютъ догадываться, что и на Софійскомъ реликваріи мы имѣемъ изображенія оранты — Богоматери, или олицетворенія церкви, апостоловъ и святыхъ повторенныя нѣсколько разъ. Какія либо иныя объясненія едва ли здѣсь возможны. Проф. А. А. Дмитріевскій, подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, рѣшилъ, что здѣсь оранты нѣтъ, что фигура, принимаемая нами за оранту, держитъ книгу и что самый ящичекъ не мощехранилище, а ларецъ западной работы, предназначенный не для религіозныхъ цѣлей, а просто для поднесенія подарковъ²⁾. Но наше предположеніе объ орантѣ основано на анализѣ двухъ подобныхъ фигуръ на узкихъ сторонахъ ящичка, гдѣ довольно ясно показаны воздѣтыя руки, и такъ какъ костюмъ этихъ фигуръ имѣетъ характерныя складки на лѣвомъ плечѣ (въ остальныхъ фигурахъ этого нѣтъ), то мы и допускаемъ предположеніе объ однородности 5—6 фигуръ: фигуры эти отличаются отъ остальныхъ (апостоловъ и др.); кого же онѣ означаютъ? Вѣроятно оранту, а не апостоловъ и другихъ святыхъ... Проф. Дмитріевскій увѣряетъ, что все это — апостолы изображенные въ обычныхъ позахъ съ ораторскимъ жестомъ. Но это предположеніе ничѣмъ не мотивировано: какіе это жесты, каковъ смыслъ ихъ, почему одежда ихъ не та, что у другихъ апостоловъ, въ какихъ памятникахъ древности можно видѣть аналогичныя примѣры? Ниже мы увидимъ, что подобная свободная жестикуляція въ фигурахъ скульптуры, стоящихъ отдѣльно среди полуколоннокъ въ чертогахъ, не гармонируетъ съ общимъ характеромъ этой скульптуры, хотя и допускаетъ воздѣяніе рукъ въ орантѣ, благословляющій жестъ въ изображеніи І. Христа и простертіе рукъ апостоловъ и святыхъ. Вотъ почему мы

¹⁾ Garrucci, Storia dell'arte crist. 374,3 375,3-4; 376,4; 378,1-4; 379,1-4; 380,2-4; 381; 382.

²⁾ Извѣстія XV Археолог. Съѣзда въ Новгородѣ стран. 175—176.

предпочитаемъ видѣть въ нѣкоторыхъ фигурахъ ящичка изображенія орантъ. Кромѣ примѣровъ этого рода въ скульптурѣ саркофаговъ, отмѣтимъ еще совершенно ясное изображенія оранты на одномъ такомъ же ящичкѣ, бывшемъ на выставкѣ въ Grottaferrata въ апрѣлѣ 1905 г.¹⁾ Гроттаферратскій ящичекъ на одной изъ широкихъ сторонъ имѣетъ пять монументальныхъ фигуръ, въ томъ числѣ — оранта; на другихъ сторонахъ — Господь Вседержитель, сидящій на радугѣ, символы 4-хъ Евангелистовъ, бѣгство въ Египетъ и поклоненіе волхвовъ, рождество Христово и распятіе І. Х. Возможно ли въ виду этого утверждать, что этого рода ящички были простыми праздничными подарками? Наконецъ, нельзя, опускать изъ вниманія и того, что эта, ничѣмъ не мотивированная, догадка, стоитъ въ полномъ противорѣчій съ показаніями старыхъ описей Софійской ризницы, — именно, — что въ этомъ ящичкѣ — св. мощи. Если это показаніе находится не во всѣхъ описяхъ, то объясняется разниа эта различіемъ обширности описей: одни говорятъ объ этомъ прямо, другія лишь предполагаютъ. Во всякомъ случаѣ наше предположеніе имѣетъ нѣкоторыя основанія, догадка же проф. Дмитриевскаго не имѣетъ пока никакихъ основаній и ослабляется допущеннымъ самимъ же авторомъ предположеніемъ объ изображенныхъ здѣсь апостолахъ. По вопросу объ отношеніи формъ ящичка и его изображеній къ формамъ саркофаговъ и ихъ скульптурѣ проф. Дмитриевскій отмѣчаетъ лишь одни отрицательныя стороны и не видитъ здѣсь никакого сходства²⁾. Количество различій было бы возможно увеличить еще значительно. Но центръ тяжести вопроса заключается совсѣмъ не въ томъ. Конечно, никто не станетъ утверждать, что саркофаги украшались кабошонами, пупочками именно этой формы, а не другой и т. п. И мы лично на вопросъ поставленный прямолинейно — «можно ли назвать нашъ ящичекъ саркофагомъ или точною копіею его?» отвѣтили бы отрицательно. Но его декоративная орнаментика и установка иконографическихъ фигуръ повторяютъ *тѣ же самые мотивы*, которые были выработаны въ *скульптурѣ саркофаговъ*; мотивы эти имѣютъ свой генезисъ въ старинѣ болѣе отдаленной, чѣмъ остальные декоративные элементы ящичка. Это подтверждается нагляднымъ сравненіемъ съ скульптурою извѣстныхъ саркофаговъ. Древнѣйшихъ памятниковъ иного порядка, которые могли бы объяснить указанныя стороны ящичка, нѣтъ; и потому сравненіе ихъ съ скульптурою саркофаговъ — пока единственно возможное въ данномъ случаѣ, и оставить его въ сторонѣ — значило бы отказаться отъ всякой попытки уясненія генезиса разсматриваемаго памятника. Но отказаться отъ этого нельзя уже по одному тому, что между реликваріями и саркофагами существуетъ идейная связь, такъ или иначе выраженная и въ ихъ художественно-археологическихъ формахъ.

Въ саркофагахъ въ катакомбный періодъ погребались мученики, и потому саркофаги служили престолами, на которыхъ совершалась евхаристія. Отсюда широко распространенный въ христіанской церкви обычай — полагать мощи подъ престоломъ храма, или на престолѣ въ антиминсѣ. Въ западной церкви, подъ бли-

¹⁾ Ant. Munoz, L'art Byzant. à l'expos. de Grottaferrata p. 160, fig. 115.

²⁾ I. c.

жайшимъ воздѣйствіемъ катакомбной литургической практики, самая форма евхаристическаго престола доселѣ напоминаетъ форму саркофага. Когда вошло въ повсемѣстный обычай нарушеніе цѣлокупности мощей мучениковъ и отдѣленіе ихъ частицъ для церковнаго и частнаго назначенія, то естественно явилась мысль устраивать для храненія этихъ частицъ небольшіе сосуды иногда въ той же самой формѣ гробницъ или саркофаговъ, гдѣ хранились цѣлокупныя мощи, или въ видѣ ящичковъ съ типичною иконографіею и декорациею саркофаговъ. Возможно допустить, что уже въ IV в. частицы св. мощей полагались въ отдѣльные небольшіе ковчеги. Созоменъ передаетъ объ обрѣтеніи мощей 40 мучениковъ въ двухъ серебряныхъ ящичкахъ¹⁾. Существуетъ преданіе, что патріархъ Мина, при освященіи храма св. апостоловъ въ Константинополь перенесъ сюда (изъ другого храма) три ковчега съ мощами ап. Андрея, Луки и Тимофея²⁾. Кодексъ Θεодосія запрещаетъ нарушеніе цѣлокупности мощей мученическихъ³⁾, но уже самое запрещеніе это указываетъ, что случаи нарушенія были въ то время нерѣдки. Въ VI вѣкѣ обычай этотъ былъ уже повсемѣстнымъ на востокѣ и на западѣ и получилъ санкцію закона⁴⁾. Съ тѣхъ поръ стали появляться все чаще и чаще ковчежцы для храненія мощей, особенно на востокѣ, гдѣ и сравнительно большая древность обычая, и широкое развитіе индустріи благоприятствовали ихъ производству. Отсюда ведутъ свое происхожденіе энколпій съ мощами, непрерывною чредою повторяющіеся къ Византіи и древней Руси. Отсюда же и ковчежцы, декорированные на подобіе саркофаговъ, и ковчеги — саркофаги, найденные въ Херсоніѣ. Позднѣе мы видимъ реликварій съ мощами св. Димитрія Солунскаго въ формѣ киворія, устроеннаго на его гробницѣ, а потомъ реликваріи въ разныхъ формахъ храмовъ, гдѣ хранятся мощи.

Все боковыя поверхности Софійскаго реликварія украшены иконографическими фигурами, отдѣленными одна отъ другой колонками, соединенными вверху арочками. Приѣмъ этотъ очень рано появляется въ скульптурѣ христіанскихъ саркофаговъ, — чаще восточныхъ, чѣмъ западныхъ. Скульптура античная — греческая и римская смѣло разворачиваетъ цѣлыя сложныя композиціи въ барельефахъ саркофаговъ, ищетъ сценичности и драматизма; скульптура христіанская, особенно восточная, предпочитаетъ спокойное величіе, монументальность; вноситъ въ скульптуру христіанскій символизмъ, одухотворяя новою силою и новымъ чувствомъ простые художественные элементы искусства античнаго. Примѣненіе этого приѣма встрѣчаемъ на многихъ древнихъ саркофагахъ: сюда относится малоазійскій саркофагъ IV—V в. въ музеѣ Фридриха въ Берлинѣ⁵⁾ и многіе другіе⁶⁾. Особенно близко подходятъ

¹⁾ Созоменъ, Церк. исторія кн. IX, гл. 3.

²⁾ I. Theoph. Chronographia edit. 1655 p. 192.

³⁾ Cod. Theodos. t. III lib. IX. tit. 17: Nemo martyren distrahat. Ed. 1741, p. 163.

⁴⁾ Григорій В. у Крауса. R. Encycl. II, 687. Gesch. d. chr. K. I. 527.

⁵⁾ Oscar Wulf, Altchr. u. mittelalterl. byzant. u. ital. Bildwerke. Th. I, S. 15 № 26. Strzygowsky, Orient oder Rom. Taf. II. Д. В. Айналовъ, Эллинистич. основы, стран. 160—164, табл. IV, Гр. А. С. Уваровъ, Сборн. мелкихъ трудовъ, изд. подъ ред. гр. П. С. Уварова, М. 1910, т. I, табл. X, 19.

⁶⁾ Garrucci, Storia. tav. 312, 2; 317, 1—2; 322, 2—4; 323, 4—6; 325, 1—3; 335, 1—4; 338, 4; 339, 1—5; 352, 2; 353, 1; 361, 2; 362, 2; 370, 3; 375, 3—4; 379, 1—4.

сюда по планорасположенію саркофаги равеннскіе VI—VII вв.¹⁾, но стиль и фактура ихъ неизмѣримо выше, чѣмъ въ Софійскомъ реликваріи. Тамъ и здѣсь видимъ между колоннами небесные чертоги, въ которыхъ обитаютъ праведники; но роскошь небесныхъ обитателей на нашемъ реликваріи выражена бѣдно: капители колоннъ замѣнены простыми абаками; арочки сдѣланы безъ циркуля и не отличаются правильностью рисунка. Съ другой стороны иконографическія фигуры носятъ на себѣ слѣды древне-христіанскаго стиля, правда, уже утратившаго свою свѣжесть, красоту формъ и пропорцій, однако же все еще замѣтнаго въ драпировкахъ и складкахъ одеждъ и въ позахъ фигуръ. Оранта въ чертогѣ, иногда среди цвѣтовъ, свѣтильниковъ и птицъ встрѣчается на саркофагахъ африканскихъ — въ Табарѣ, Тебессѣ и Бессулѣ²⁾. Складки на лѣвомъ плечѣ оранты въ скульптурѣ саркофаговъ выражены не столь рѣзко, какъ на нашемъ реликваріи, а потому для послѣдняго нужно искать аналогій въ памятникахъ позднѣйшихъ, каковы оранты на фаюмскихъ гробничныхъ плитахъ VI—VIII вв. въ Берлинскомъ музеѣ Импер. Фридриха, также оранты — Богоматерь въ мозаикахъ архіепископской капеллы въ Равеннѣ (конца VI в.) и тамъ же оранта на мраморномъ барельефѣ VI в., особенно же среди позднѣйшихъ памятниковъ, изданныхъ Н. П. Лихачевымъ³⁾. Типы апостоловъ на нашемъ реликваріи опредѣлить невозможно: они стерты, а два изъ нихъ совсѣмъ измѣнены; костюмы тоже сильно повреждены, — замѣтно лишь, что это туники и иматин. Апостолы держатъ въ рукахъ свитки, а иные, повидимому, книги, какъ это встрѣчается уже на саркофагахъ Равенны⁴⁾. Всѣ фигуры короткія. Въ виду приведенныхъ соображеній, боковые рельефы Софійскаго реликварія съ художественно-археологической стороны можно разсматривать, какъ пережитокъ декоративной скульптуры древне-христіанскихъ саркофаговъ, стоящій въ болѣе или менѣе отдаленной иконографической связи съ саркофагами.

2.

Самый древній изъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ до насъ реликваріевъ находится въ Ватиканскомъ музеѣ. Это извѣстная африканская капсella (долг. 0,18; шир. 0,10; выс. 0,12 м.), найденная подъ престоломъ древней базилики въ Нумидіи и подаренная кардиналомъ Лявигери папѣ Льву VIII⁵⁾. Реликварій этотъ имѣетъ форму эллиптическую (рис. 30). На стѣнкахъ его двѣ группы изображеній. На таин-

¹⁾ Ibid. 347, 2—4; 348, 2—5, ср. 390, 2—4. H. Dutschke, Ravennatische Studien. Fig. 56, 61, 62.

²⁾ De Rossi, Capsella argentea africana. Bullet. di archeol. crist. 1887 p. 118 sq.

³⁾ Н. П. Лихачевъ, Изобраз. Богоматери въ итадо-греч. иконоп., стран. 51—55.

⁴⁾ Garrucci 336, 1—4; Dutschke, Ravennat. Stud. S. 87. Айяловъ, эллипсист. основы, стран. 162.

⁵⁾ De Rossi, Capsella argentea africana tav. VIII. IX. Kirsch, altchristl. silbernes Reliquar aus Africa (Röm. Quartalschrift 1887. S. 389—391). Muñoz, L'art byzant. à l'expos. de Grottaferrata p. 152—154; fig. 105, 106, 107.

ственной скалѣ (petra — I. Христосъ) стоитъ (рис. 30) монограмматическій крестъ (decussata); изъ скалы вытекаютъ 4 ручья, — символы четырехъ Евангелистовъ; два оленя — символы христіанской души, жаждущей воды живой, приближаются

Рис. 30. Нумидійская капсулла.

сюда и пьютъ воду. Сцена обрамлена двумя пальмами, символизирующими обѣтованную землю. На другой стѣнкѣ (рис. 31) Агнецъ-Христосъ, и за Нимъ четвероконечный крестъ (immissa); къ Нему съ двухъ сторонъ приближаются по четыре

Рис. 31. Нумидійская капсулла.

агнца, выступающіе изъ Іерусалима и Вилелеема, представленныхъ въ видѣ маленькихъ зданій; агнцы означаютъ вѣрующихъ изъ іудеевъ и язычниковъ. Обѣ эти группы напоминаютъ мозаики алтарныхъ апсидъ въ базиликахъ Латеранской

и св. Климента въ Римѣ. На овальной крышкѣ реликварія (рис. 32) изображенъ христіанскій мученикъ въ юношескомъ типѣ, среди двухъ горящихъ свѣтильниковъ, символизирующихъ свѣтильники вѣры, освѣщающіе пути отъ земли къ небу, — къ славѣ небеснаго отечества; въ рукахъ его вѣнокъ, а вверху другой вѣнокъ, опускающійся на голову мученика съ неба отъ руки Божіей. Внизу у ногъ мученика — четыре райскія рѣки. Памятникъ этотъ, близкій, по характеру своихъ

Рис. 32. Крышка Нумидійской капсулы.

иконографическихъ композицій, къ символическому искусству катакомбнаго періода и къ эпохѣ древне-христіанскихъ саркофаговъ, относится, также и по стилю, къ началу V вѣка.

Къ тому же типу реликваріевъ можно отнести еще реликварій въ Полѣ, шести-гранный съ изображеніями І. Христа въ юношескомъ типѣ и апостоловъ, а также реликварій въ Градо, найденный въ 1871 г. подъ престоломъ базилики, подъ мраморною плитою въ маленькомъ склепѣ, въ котомъ поставлена была маленькая

четвероугольная урна, — и въ ней замѣчательный реликварій. Онъ сдѣланъ изъ серебра и золота; на немъ изображены — агнецъ, крестъ и святые въ медальонахъ¹⁾.

Серебряный ящичекъ эллиптической формы въ Sancta Sanctorum въ Латеранѣ дл. 0,19 м., шир. 0,06 м., выс. 0,05 м. съ медальонными изображеніями (*imagines clureatae*) на стѣнкахъ: съ одной стороны — Спасителя и двухъ апостоловъ, на другой сторонѣ — двухъ апостоловъ. На крышкѣ благословляющая десница Божія, голубь съ вѣнкомъ (?) въ клювѣ и два (?) ангела²⁾. Реликварій этотъ едва ли древнѣе X в.³⁾ Тамъ же другой подобный реликварій⁴⁾ мѣрою — дл. 0,12 м., шир. 0,07 м. и выс. 0,06 м. съ позолотою и чернью, съ мощами Іоанна Предтечи, съ медальонными изображеніями І. Христа, І. Предтечи, апостоловъ — Петра (съ жезломъ съ крестомъ), Матѳея, Марка и Іоанна Богослова, — XIII в.

Мѣдный овальный реликварій; дл. 0,32 м., шир. 0,18 м., выс. 0,09 м.⁵⁾ На крышкѣ изображеніе распятія І. Христа въ длинной безрукавной туникѣ (*colobium*), украшенной эмалью; ноги І. Христа поставлены на подножіи (*suppedaneum*); внизу гора Голгоѳа съ Адамовою головою; вверху надъ головою надпись на дощечкѣ ІС. ХС. Нимбъ І. Х. крестчатый. Возлѣ главы — солнце и луна. Предстоящіе — Богоматерь и Іоаннъ Богословъ. На стѣнкахъ реликварія — четыре изображенія Евангелистовъ въ медальонахъ. Реликварій XI—XII вв.

Реликваріи эллиптической формы представляютъ особый типъ реликваріевъ. Судя по тому, что Нумидійскій представитель этого типа относится къ V в. и по времени подходит къ брешіанскому аворію-реликварію, можно полагать, что это одинъ изъ древнѣйшихъ типовъ, но едва ли самый древній. Древнѣйшею формою реликварія, казалось бы, должна быть форма саркофага, уже по самой природѣ послѣдняго. Лучшій представитель этого типа — эрмитажный серебряный реликварій. Найденъ былъ онъ въ 1897 году въ Херсонисѣ подъ престоломъ въ развалинахъ древняго храма⁶⁾ (табл. XIII). Размѣры его: длина 0,13 м., шир. 0,08 м., выс. 0,12 м. Скрытъ онъ былъ въ миниатюрной гробницѣ (дл. 0,75 м., шир. 0,19 м., выс. 0,29 м.), сдѣланной изъ черепицы съ крышкою въ видѣ мраморной плиты. Онъ имѣетъ видъ саркофага съ акротиріями и двускатнымъ покрытіемъ. На одной изъ широкихъ сторонъ его медальонныя изображенія І. Х. среди апостоловъ Петра и Павла, на другой Богоматери среди двухъ ангеловъ. На узкихъ сторонахъ также медальонныя изображенія святыхъ молодыхъ — по одному на каждой сторонѣ. Сверхъ того на скатахъ крышки и съ двухъ узкихъ сторонъ

¹⁾ Garrucci, Storia tav. 436, 1—3 (рис. не точный). Swoboda, Früh-christl. Reliquarien des k. k. Münz- und antiken-Cabinetes. Mittheil. der k. k. Central-Commission XVI Bd. S. 5. Fig. 6.

²⁾ Piot, Monum. t. XV, 3. По снимкамъ невозможно опредѣлить детали изображеній.

³⁾ Ср. реликварій итальянскій изъ Бривіо, въ Луврѣ съ надписью Felician I. Venturi, Storia dell'arte ital. t. II, p. 522—525.

⁴⁾ Piot, pl. XII, 1.

⁵⁾ Ibid, pl. XII, 2.

⁶⁾ Отчетъ Императорской Археологической Комиссіи за 1897 г. стран. 28, p. 87—88. Ср. альбомъ рисунковъ къ отчетамъ за 1882—1898 г. №№ 754а и 754б.

сдѣлано по одному четвероконечному кресту общераспространеннаго византійскаго типа съ расширенными концами. Веѣ изображенія — чеканныя. Итакъ, предъ нами реликварій саркофагъ. Эпоха, въ которой относится реликварій, опредѣляется его формами и стилемъ иконографическихъ фигуръ. Саркофаги съ акротиріями встрѣчаются нерѣдко въ древне-христіанскій періодъ¹⁾ и доходятъ до XI столѣтія: образецъ въ Кіево-Соф. соборѣ — саркофагъ Ярослава; слѣдов. этотъ признакъ ничего не говоритъ о времени построения разсматриваемаго саркофага — реликварія. Кресты на крышкѣ — обычны въ саркофагахъ Равенны; хотя на древнѣйшихъ саркофагахъ они иногда замѣняются монограммами имени І. Христа²⁾; въ позднѣйшихъ нерѣдко идутъ рядомъ съ полуцилиндрическимъ сводомъ³⁾. Это сходство очень важно. Правда, здѣсь есть и различіе: въ древнѣйшихъ саркофагахъ Равенны на ряду съ этими характерными чертами, мы видимъ все еще наклонность къ древне-христіанскому символизму. Монограммы имени І. Христа, агнцы съ крестами, павлины возлѣ евхаристическихъ сосудовъ, птички съ виноградными вѣтвями, чертоги съ люстрами. Даже типъ І. Христа еще не установился въ эту древнѣйшую эпоху: иногда онъ юный, въ нимбѣ, иногда — крестчатомъ, иногда простомъ⁴⁾, апостолы безъ нимбовъ. Напротивъ въ Херсонесскомъ реликваріи стиль уже установившійся; мастеръ, повидимому, копируетъ съ готоваго образца и, сберегая трудъ, ограничивается самыми необходимыми фигурами; онъ старается строго выполнить традиціонные атрибуты свящ. изображеній — нимбы, ясно выдѣляя крестчатый нимбъ І. Христа. Въ то же время онъ стоитъ недалеко отъ этихъ саркофаговъ и мозаикъ Равенны: и въ типахъ иконографическихъ и въ стилѣ чувствуется связь съ Равенною. Особенно характерна фактура головы и волосъ Богоматери съ флеромъ, опускающимся позади головы. Все это даетъ основаніе относить реликварій приблизительно къ VII вѣку. Болѣе точное хронологическое опредѣленіе можетъ дать обследованіе клеймъ, поставленныхъ на крышкѣ и на наружной поверхности дна реликварія⁵⁾.

Другой реликварій саркофагъ тамъ же въ эрмитажѣ, табл. XIV. Онъ мраморный, отличной сохранности. Мѣра: длина 0,18 м., широта 0,10 м., выс. 0,11 м. Найдены въ 1891 году въ Херсонесѣ въ алтарной апсидѣ древняго небольшого храма⁶⁾. Основная форма его — саркофагъ съ акротиріями⁷⁾; со всѣхъ четырехъ сторонъ показаны — цоколь, фризъ и карнизъ. Крышка двускатная, выдвижная:

¹⁾ Garrucci, Storia tav. 303, 2—3; 304, 1; 326, 3; 347, 1—4; 393, 1—3. Гр. А. С. Уваровъ, Собр. мелкихъ трудовъ, изд. подъ ред. Гр. П. С. Уваровой. М. 1910, т. I, табл. X, 19—20.

²⁾ Garrucci, 346, 2.

³⁾ Ibid, 336, 4; 337, 1—3; 345, 1; 389, 2—4; 390—392.

⁴⁾ Garrucci, 336, 4; ср. Dutschke, Ravennatis he Stud. Leipzig 1909. Fig. 4a, 5a, 6, 28a 36b, 36c, 70a, 73, 74 и др.

⁵⁾ Я. И. Смирновъ склоненъ видѣть здѣсь указаніе на эпоху Юстиніана. Зависимы классическаго отд. Импер. русск. Арх. Общ. 1901 г. стр. 505 и слѣд. Cf. Rosenberg, Der gldschmiede. Merkzeichen. Frankf. am Main 1911. S. 1171.

⁶⁾ Отчетъ Импер. Арх. Комиссіи 1891 г., стран. 9, рис. 7-а, 7-б. Ср. Альбомъ 1882—1898 №№ 766 а. 766 б.

⁷⁾ Въ Херсонесѣ этотъ типъ саркофага примѣнялся иногда къ маленькимъ гробницамъ. Альбомъ №№ 678 и 769. Отчетъ за 1891 г., стран. 143.

для этой послѣдней цѣли устроено въ срединѣ верхняго ребра утолщеніе, за которое можно взять рукою и открыть ящикъ. Судя по архитектурнымъ примѣтамъ, этотъ реликварій — саркофагъ можно отнести къ VII—VIII вѣку.

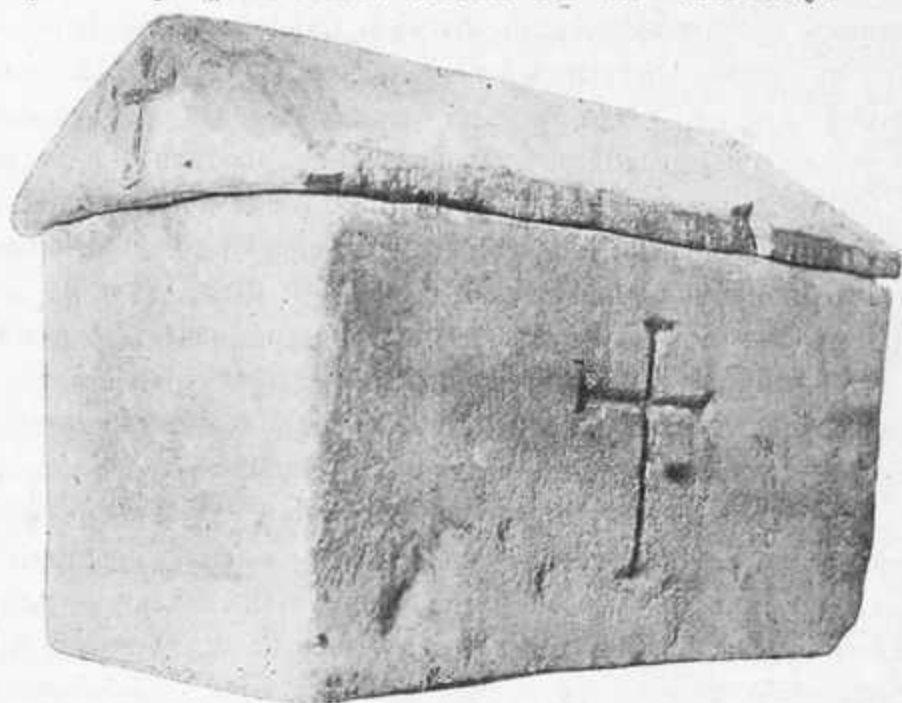

Рис. 33. Реликварій Кіев. Д. Академіи (широкая сторона).

Подобный же реликварій находится въ церковно-археологическомъ музеѣ Кіевской Дух. Академіи (рис. 33 и 34). Матеріаль — мраморъ невысокаго качества.

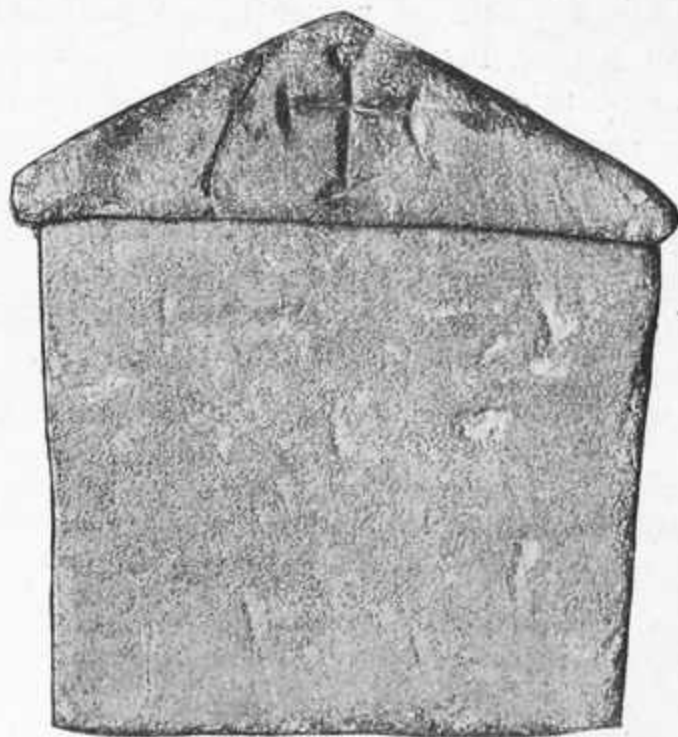

Рис. 34. Реликварій К. Д. А. (узкая сторона).

Размѣръ: длина 0,22 м., ширина 0,15 м., высота съ крышкою — 0,18 м. Техника вообще удовлетворительная, но не блестящая, безъ полировки, что объясняется качествомъ

материала. Со всѣхъ четырехъ сторонъ саркофага находится по одному четырехконечному кресту: два изъ нихъ съ широкихъ сторонъ саркофага помѣщены на самомъ саркофагѣ, (рис. 33), а два съ узкихъ сторонъ на крышкѣ (рис. 34). Кресты высѣчены вглубь и раскрашены краскою киноварнаго цвѣта. Концы крестовъ расширены. Крышка повреждена. Приобрѣтенъ г. Леонардовымъ отъ торговца древностями г. Столярова; предполагаютъ, что ранѣе онъ находился въ коллекціи извѣстнаго собирателя древностей г. Поля. Леонардовъ пожертвовалъ его въ Кіевскій церковно-археологическій музей. Крышка вдвигается съ узкой стороны. «Найденъ на Крымскомъ полуостровѣ», такъ гласитъ записка г. Леонардова, приложенная къ саркофагу; но гдѣ именно — неизвѣстно. Вѣроятно въ Херсонисѣ — въ развалинахъ одного изъ херсонисскихъ храмовъ. Это реликварій. Леонардовъ относилъ его къ VI—VII в., на основаніи формы крестовъ; но по архитектурному строенію, по матеріалу и шаблонно-ремесленной обработкѣ онъ долженъ быть поставленъ послѣ эрмитажнаго ¹⁾; онъ не ранѣе IX—X в.

Особую группу составляютъ реликваріи въ видѣ продолговатыхъ прямоугольных ящичковъ. О такихъ ящичкахъ серебряныхъ упоминаетъ уже Созоменъ ²⁾. Ящичковъ этого типа сохранилось много; таковы: знаменитый Брешианскій аворій — реликварій — IV—V в. съ многочисленными изображеніями ³⁾ въ духѣ и характерѣ древне-христіанскаго искусства. Деревянный ящичекъ изъ Каира VI—VII в. въ Берлинскомъ музеѣ Импер. Фридриха ⁴⁾. Отъ XI в. дошелъ до насъ прекрасный серебряный реликварій въ ц. св. Марка въ Венеціи (Trésor de S. Marc) съ изображеніями І. Христа и четырехъ трезивонскихъ мучениковъ, какъ показываетъ нееллированная надпись. Центральное мѣсто въ композиціи принадлежит Господу Вседержителю, сидящему на тронѣ; по сторонамъ его святые въ молитвенномъ положеніи, — обычная композиція деисиса. Характерную черту ея составляетъ то, что всѣ фигуры отдѣлены одна отъ другой византійскими колонками, изъ которыхъ каждая имѣетъ посрединѣ узелъ. Колонки соединены между собою полуциркульными арочками ⁵⁾. — Византійскій серебряный съ позолотою реликварій въ Латеранскомъ Sancta Sanctorum: дл. 0,24 м., шир. — 0,19 м., выс. 0,15 м. Углы его украшены бордюромъ пальметокъ. На широкихъ сторонахъ барельефныя изображенія святыхъ — Іоанна Златоуста, св. Николая, Григорія Богослова и Василия Великаго. На узкихъ сторонахъ четвероконечные кресты въ медальонахъ. На крышкѣ эмалевой изображеніе деисиса и медальонныя изображенія апостоловъ. Восковая печать папы Николая III (1277—1280) annulus piscatoris XI вѣка ⁶⁾. Сюда же относится находящійся

¹⁾ Подобный саркофагъ каменный XIII в. находится въ одной изъ церквей шведскихъ. N ä g a d - Strängnäs, Revue de l'art. chr. T. LXI, livre 4, p. 303.

²⁾ Созоменъ. Церк. ист. кн. IX, гл. 3, стран. 614.

³⁾ O d e r i c i, Antichità di Brescia. Brescia 1845; p. 62—88; tav V—VII. Stuhlfauth, Die altchristl. Elfenbeinplastik, S. 39 ff.

⁴⁾ O s c a r W u l f, Beschreib. d. Bildwerke d. christl. Epochen. III T. I Bd. № 1664. Ср. Малоазійскій каменный ковчегъ въ Афонской келіи Кассандра VI—VII в. Н. П. Кондаковъ. Пам. христ. иск. на Афонѣ, стран. 211.

⁵⁾ P a s i n o, Il tesoro di S. Marco. tav. LXIV. Schlumberger, L'épopée byzant. I, p. 469.

⁶⁾ P i o t. Monum. t. XV Le trésor du Sancta sanct. par Phil. Lauer pl. X. XI.

тамъ же реликварій (дл. 0,21 м., шир. 0,17 м., выс. 0,13 м.) съ главою св. Агніи, устроенный повидимому папою Григоріемъ III (1216—1227) ¹⁾. Превосходный аво-рий-реликварій Баварскаго національнаго музея. Украшенъ колонками и столбами, соединенными арочками. Коринтскія капители и аттичскія базы украшаютъ колонны и столбы. Между колоннами и столбами стоятъ апостолы среди роскошныхъ драпировокъ. Вверху знаки зодіака ²⁾. Реликварій этотъ — XI—XII в. — Въ томъ же музеѣ реликварій изъ дуба; обложенъ мѣдными позолоченными пластинками; съ двускатнымъ покрытіемъ. Вверху въ гребнѣ вырѣзаны подковообразныя фигуры и поставлены мѣдныя кіотки. Стѣнки и поверхности крышки украшены рельефными изображеніями святыхъ и эмалью ³⁾; реликварій на ножкахъ. — Подобный же реликварій въ томъ же музеѣ ⁴⁾, но изъ буковаго дерева, реставрированный, съ изображеніями распятія І. Х. и святыхъ. Недавно сталъ извѣстенъ подобный же серебряный реликварій (мощи Θεопомпа и Синезія) XII в., принадлежащій аббатству «Nonantola» и бывшій на выставкѣ въ Grottaferrata ⁵⁾, украшенный изображеніями архангеловъ и символами Евангелистовъ; здѣсь же два борца со львами ⁶⁾. На той же выставкѣ находился прекрасный эмальированный ящикъ аббатства Monte-Cassino, представляющій для насъ въ настоящемъ случаѣ особый интересъ. А. Муїозъ, издавшій его въ пяти хорошихъ снимкахъ, не даетъ, къ сожалѣнію, описанія его. Со стороны архитектурнаго строенія, ящикъ этотъ замѣчательно сходенъ съ Софійскимъ ящикомъ: тѣ же общія четверугольныя формы, тѣ же шарики; тѣ же единоличныя фигуры и оранта на одной изъ широкихъ сторонъ ⁷⁾, тѣ же камни (хрустали?) на крышкѣ, лишь расположенные въ другомъ порядкѣ. Но при этомъ сходствѣ есть между ними и различіе. Монтекассинскій ящикъ — эмалевый, повидимому, — въ характерѣ лиможской эмали. Господь Вседержитель здѣсь безъ бороды, иконографическія типы Богоматери и Іосифа въ сценѣ Рождества Христова искажены до неузнаваемости. Иконографическія композиціи уже далѣко не тѣ, какія видимъ въ искусствѣ византійскомъ: онѣ сильно испорчены и лишь нѣкоторыя слѣды отдаленной старины еще можно здѣсь видѣть. Костюмы своеобразны: Іосифъ, ведущій лошадь (бѣгство въ Египетъ) одѣтъ въ короткую одежду, на ногахъ расшитые шелкомъ сапоги, на конѣ — сбруя съ кисточками. Ящикъ утвержденъ на четырехъ высокихъ ножкахъ. Авторъ (Муїозъ) считаетъ этотъ ящикъ нѣмецкимъ произведеніемъ и связываетъ его съ тою школою, центромъ которой, какъ полагаютъ, былъ Дармштадтъ ⁸⁾. При этомъ онъ отмѣчаетъ фрагменты

¹⁾ Ibid, pl. XI, 2.

²⁾ Katalog des bayer. Nationalmuseums Bd. V, 1890. Taf. VIII №№ 174—176. Реликварій этотъ, приписываемый св. Кунигундѣ, находился прежде въ Бамбергѣ. Одна изъ узкихъ сторонъ его въ Берлинскомъ музеѣ. Такой же реликварій аббатиссы Агнессы находится въ Кведлинбургѣ. Ibid S. 25. 27.

³⁾ Ibid. Taf. XI. № 255.

⁴⁾ Ibid. 259.

⁵⁾ Муїозъ fig. 108. 109. 110.

⁶⁾ Ibid. fig. 110.

⁷⁾ На другихъ сторонахъ, какъ мы уже видѣли, Господь Вседержитель, рождество Хр., поклоненіе волхвовъ, бѣгство въ Египетъ и распятіе І. Хр.

⁸⁾ Cf. Katalog des bayer. Nationalmuseums Bd. V, 1890. s. 41. № 258. 259. 263. Reusens, Archéol. chr. I, p. 474, fig 521.

подобнаго же ящика въ музеѣ Кирхера въ Римѣ ¹⁾; но и здѣсь также не даетъ никакихъ объясненій. Иконографическія формы и мотивы, [но не декоративные шарикъ и кабошоны] Софійскаго ящика болѣе архаичны, чѣмъ въ Монтекассинскомъ, а потому его слѣдовало бы отнести, по крайней мѣрѣ съ этой стороны, къ болѣе древнему времени. Однако болѣе или менѣе точное опредѣленіе времени и мѣста его происхожденія пока невозможно, по недостатку памятниковъ, необходимыхъ для художественно-археологическихъ сравненій ²⁾.

Сверхъ отмѣченныхъ типовъ мощехранилищъ широко распространены были въ древности энколпіи съ мощами, образки, складни, серебряные кресты и ковчежцы для мощей, большіе ковчеги — реликваріи въ формахъ одноглавыхъ или многоглавыхъ церквей ³⁾. Образцы ихъ встрѣчаются на востокѣ и у насъ въ Россіи. Особенно выдѣляется роскошью своихъ художественныхъ формъ реликварій въ Аѳонскомъ монастырѣ Діонисіатѣ ⁴⁾. Въ Московской синодальной ризницѣ хранится прекрасный греческій реликварій въ видѣ одноглавой церкви, представляющій подобіе киворія въ Солунскомъ храмѣ св. Димитрія ⁵⁾; онъ относится къ XI вѣку, какъ это видно изъ находящихся на немъ изображеній Императора Константина Дуки и его супруги Евдокии (1059—1067).

3.

Значительная часть древнихъ реликваріевъ, открытыхъ въ новѣйшее время, найдена въ развалинахъ древнихъ храмовъ; съ этой стороны они, какъ связанные между собою единствомъ цѣли и значенія, требуютъ особаго разъясненія. Нумидійскій реликварій найденъ подъ престоломъ базилики Генширъ-Зирара ⁶⁾ на своемъ первоначальномъ мѣстѣ; реликварій въ Градо найденъ также подъ базиликою; тоже и реликварій въ Полѣ, обследованный Свободою (послѣдніе два были заключены въ мраморные ящики); Херсонисскій серебряный реликварій найденъ въ особой черепичной гробницкѣ подъ престоломъ. Херсонисскій мраморный въ апсидѣ храма; малоазійскій ковчежець Аѳонской Кассандры найденъ въ Нигде близъ Назіанза на мѣстѣ древней базилики ⁷⁾. Какъ Херсонисскій реликварій найденъ въ особой гробницѣ, такъ и нѣкоторые другіе. Реликварій въ Полѣ былъ заключенъ въ мраморной гробницѣ. Для реликварія въ Градо было устроено особое ложе *loculus*, какъ и для Херсонисскаго, и сверхъ того — онъ положенъ еще въ мраморный ящикъ

¹⁾ Muñoz p. 156.

²⁾ О западныхъ ящикахъ разнаго рода см. Darcel, Trésor des églises et d'objets d'art français, exposés en 1889 au palais du Trocadéro; t. I—III. №№ таблицъ: 6—7, 16, 25, 35, 37, 43, 69, 72, 73, 77, 78. Ср. также Kunstdenkmäler, des christl. Mittelalters E. Aus'm Werth. Taf. XLIX. I. LX.

³⁾ На Парижской выставкѣ 1889 г. въ Трокадеро выставленъ былъ реликварій византійской работы, въ формѣ фонаря. Darcel, Trésor pl. 19.

⁴⁾ Н. П. Кондаковъ, Пам. христ. иск. на Аѳонѣ, стран. 214.

⁵⁾ Прохоровъ, Христ. древн. 1863 г. кн. 8. Ст. И. И. Срезневскаго — Древній византійскій ковчежець.

⁶⁾ Sotto il cui altare questa capsella fu rinvenuto nel suo antico posto ed avello. De Rossi, Capsella, p. 118.

⁷⁾ Н. П. Кондаковъ, «Пам. Аѳона», 211—212.

(можетъ быть сходный съ Херсонисскимъ). Мраморное вмѣстилище реликварія въ Полѣ было украшено изображеніемъ креста (ср. Херсонисскій и Кіевскій). Факты эти показываютъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ реликваріями, положенными при освященіи древнихъ храмовъ. Какъ на востокѣ, такъ и на западѣ древній храмъ утверждался на св. мощахъ, при чемъ отдѣльныя частицы мощей приравнивались къ цѣлокупнымъ мощамъ: иногда ковчегъ съ мощами имѣлъ форму саркофага, иногда самое помѣщеніе для него устраивалось въ видѣ гробницы или *loculus'a*. Если теперь мы сопоставимъ этотъ, добытый путемъ археологическихъ разысканій, результатъ съ памятниками древней литургической письменности, то найдемъ между ними аналогическія стороны, взаимно освѣщаемыя. Памятники древне-греческой литургической письменности освѣщаютъ литургическую церемонію положенія св. мощей подъ престоломъ, при освященіи храма. Солунскій архіепископъ Николай Кавасилла XIV в. отмѣчаетъ ее лишь въ краткихъ чертахъ: св. мощи переносятся въ новый храмъ на дискосѣ, несомомъ епископомъ на главѣ, съ лампадами, пѣніемъ и кажденіемъ. Въ новомъ храмѣ онѣ становятся на престолѣ. Потомъ епископъ беретъ мощи съ дискаса, полагаетъ ихъ въ драгоценный ящичекъ и возливаетъ на нихъ св. миро; а ящичекъ этотъ полагается подъ св. трапезою въ соотвѣтствующемъ (по величинѣ) мѣстѣ¹⁾. Другой Солунскій архіепископъ Симеонъ XIV—XV в. повторяетъ то же самое описаніе обряда, внося сюда нѣкоторыя подробности и толкованія. Въ своемъ описаніи церемоніи освященія храмовъ Симеонъ Солунскій рассказываетъ, какъ мощи въ торжественной процессіи переносятся архіереемъ на главѣ, на дискосѣ, изъ стараго храма въ новый и полагаются на престолѣ. «Потомъ, положивъ мощи въ приготовленномъ заранѣе серебряномъ, или мѣдномъ, или каменномъ ковчегѣ и, возливъ на нихъ Божественное миро, архіерей закрываетъ и отовсюду заключаетъ ковчегъ, дабы не изъята была какая-либо часть изъ находящихся въ немъ останковъ. Потомъ полагаетъ эти мощи подъ престолѣ, какъ основаніе, потому что онѣ и въ самомъ дѣлѣ суть основаніе, и безъ нихъ нельзя священнодѣйствовать. Подъ престоломъ же онѣ полагаются противъ киворія²⁾ между двумя, обращенными къ восточной сторонѣ, столбами³⁾. Здѣсь ясное указаніе на древнѣйшій церковный обычай совершать евхаристію на гробницахъ мучениковъ, и указаніе на матеріалъ, изъ котораго изготовлялись ящички. Но ни Симеонъ С., ни Н. Кавасилла не говорятъ ничего о приспособленіяхъ для помѣщенія реликваріевъ подъ престоломъ въ землѣ; этотъ недочетъ восполняется древними чинопослѣдованіями освященія храмовъ. «Послѣ устройства трапезы (т.-е. престола въ новомъ храмѣ) Епископъ беретъ три части св. мученическихъ мощей, которыя должны быть положены послѣ священнодѣйствія между столбами, поддерживающими трапезу, въ приготовленную у основанія гробницу (*τάφος*) между обращенными къ востоку столбами..... И тѣ три частицы, положивъ ихъ въ ящичекъ подобный *καυστήριον*⁴⁾,

¹⁾ N. Sabasilas, De vita in Christo. Goar. *Εἰχολόγιον*, p. 846—847.

²⁾ Древняя сѣнь надъ престоломъ, утверждалась на 4 столбикахъ.

³⁾ Пис. отц. и учит. ц. относящ. къ богослуж. II. стран. 163—175.

⁴⁾ Четвероугольный цѣнный ящичекъ. Ср. другія объясненія Гретцера у Гоара, 846—847. Cf. Du Cange, Gloss gr. s. v. *Καυστήριον* — *Καρίστηριον* — *Καρίστη*.

въ какомъ обычно полагаются мощи подъ престоломъ, ставятъ на дискосъ подъ звѣздицу и переносятъ въ новый храмъ¹⁾. Съ нашей точки зрѣнія здѣсь заслуживаетъ особеннаго вниманія то, что мѣсто предназначенное для установки ковчега съ мощами, называется гробницею. Полагать нужно, что основаніемъ для этого наименованія послужило самое устройство этого помѣщенія. Блестящею иллюстраціею этого служить обработка помѣщенія для вышеуказанныхъ реликваріевъ: они помѣщались въ особыхъ гробничкахъ, или *locus*'ахъ, закрытыхъ сверху плитою. Эта мѣра предусмотрительности помогла удовлетворительной сохранности реликваріевъ; но она имѣетъ сверхъ того глубокий смыслъ приуроченія формы къ ея содержанію, — гробницы къ мощамъ, содержащаго къ содержимому. Явленіе это напоминаетъ о той отдаленной эпохѣ, когда еще живы были нѣкоторые воспоминанія о цѣлокупныхъ мощахъ, полагаемыхъ въ основаніе храмовъ, когда при видѣ одной частицы мощей воскресало въ памяти цѣлое и для одной частицы считали нужнымъ устраивать какъ мощехранилищу, такъ и мѣсто, гдѣ она полагалась, въ видѣ цѣлой, хотя бы и маленькой, гробницы.

¹⁾ Гоар. *Еѣхроλόγιον*, р. 832. Edit. 1647.

XV. XVI.

А в о р і и.

Ларець съ инкрустаціею изъ слоновой кости (бѣлаго цвѣта) на наружныхъ сторонахъ. (Табл. XV, 1—5). Верхъ ларца имѣетъ форму усѣченной пирамиды. Длина 0,27 м., широта 0,17 м., высота 0,20 м. Скрѣпы и ручка, украшенная головками людей и грифоновъ, серебряныя новѣйшаго происхожденія. На замкѣ серебряный гербъ съ короною—новый. Прежде всего необходимо замѣтить, что ящикъ этотъ не принадлежитъ къ числу предметовъ церковныхъ: инкрустація его совершенно не соотвѣтствуетъ духу и характеру церковности. Это предметъ роскоши,—ларецъ для храненія драгоценностей. Тѣмъ не менѣе, онъ представляетъ высокій художественно-археологическій интересъ, какъ одинъ изъ лучшихъ однородныхъ памятниковъ византійской рѣзбы по слоновой кости. Описывая этотъ памятникъ, мы будемъ сравнивать его и въ цѣломъ и въ частяхъ съ другими, болѣе извѣстными памятниками¹⁾.

На крышкѣ ящика (табл. XV, рис. I) вырѣзано изображеніе сцены охоты. Ручная пантера на привязи; ее ласкаетъ эросъ съ плащомъ, перекинутымъ чрезъ плечо: онъ поврежденъ металлическою ручкою; сзади мальчикъ держитъ лѣвою рукою гончую собаку за шею, а правую показываетъ вдаль. За собакою внизу, подъ металлическою скрѣпою ручки, видна часть корзинки. Та же самая сцена и на ящикѣ изъ собранія Базилевскаго въ Эрмитажѣ (табл. XVI, рис. I); но здѣсь подъ собакою—мальчикъ, засунувшій голову въ корзину. Съ нѣкоторыми отличіями сцена эта повторена и на ящикѣ Пиранескомъ (мальчикъ эросъ (?) въ фригійскомъ колпакѣ) и на ящикѣ Вероли въ Кенсингтонскомъ музеѣ²⁾ и на второмъ ларцѣ въ Эрмитажѣ³⁾.

2) На откосахъ крышки представлены разныя забавы,—музыканты, пляска, борьба. На широкихъ сторонахъ (XV, 2 и 3) мальчикъ въ плащѣ, спущенномъ на

¹⁾ O. M. Dalton, Catalogue of the ivory carvings of the christiana era of the British museum. London 1909.

²⁾ Schlumberger, L'épopée byzantine t. I; III partie.

³⁾ Hans Graeven, Frühchristl. u. mittelalterl. Elfenbeinwerke. Serie I. Rom 1908. Serie II. 1900. Typen d. Wiener Genesis. Wien 1900.

» Reliquienkästchen aus Pirano. Wien 1899.

⁴⁾ A. Darcel, Collection Basilevsky. Catalogue raisonné. Paris 1874.

⁵⁾ Graeven S. 14. Fig. 7.

⁶⁾ Darcel, Catal. № 50.

спияѣ, играетъ на флейтѣ; внизу священный огонь. То же на ящикѣ Пираноксм¹⁾. На Эрмитажномъ тотъ же флейтистъ помѣщенъ на другой сторонѣ (XVI, 4). 3) Мальчикъ пляшетъ съ кольцомъ въ рукѣ; то же въ Эрмитажномъ (рис. 5). На противоположной сторонѣ откоса 6) мальчикъ въ плащѣ, съ мечомъ и щитомъ. То же на Эрмитажномъ (рис. 2). 7) Мальчикъ съ коньѣмъ и щитомъ, въ плащѣ. То же на Эрмитажномъ (рис. 3). 8) Сходно съ № 6. 9) То же. На Эрмитажномъ съ коньѣмъ и щитомъ.

На Эрмитажномъ ящикѣ въ откосѣ помѣщено еще одно изображеніе, какого нѣтъ на Новгородскомъ: упавшій мальчикъ съ коньѣмъ и щитомъ; на него нападаетъ левъ (рис. 2).

На узкихъ сторонахъ откоса 10) центавръ, играющій на флейтѣ. То же на Пиранскомъ ящикѣ²⁾. На Эрмитажномъ центавръ играетъ на цитрѣ (рис. 5). 11) Мальчикъ съ ручнымъ органомъ. На Эрмитажномъ плясунъ съ платомъ. 12) Мальчикъ, играющій на цитрѣ. То же на ящикахъ Пиранскомъ, Флорентинскомъ, Римскомъ (въ частномъ владѣніи) и одномъ англійскомъ³⁾. На Эрмитажномъ — эти фигуры въ другомъ мѣстѣ; а здѣсь другія фигуры: два мальчика, — одинъ съ литавами, другой съ флейтою, — сидятъ на акантовыхъ листьяхъ (рис. 4). 13) Плясунъ съ платомъ. То же на ларцахъ Пиранскомъ и Эрмитажномъ (въ другомъ мѣстѣ).

На лицевой сторонѣ (возлѣ замка). 14) Мальчикъ съ мечомъ и щитомъ (съ омфаломъ). То же на Эрмитажномъ. 15) Мальчикъ съ мечомъ и щитомъ, нападающій. То же на Эрмитажномъ (рис. 2); но здѣсь внизу подъ замкомъ прибавлена сцена: собака схватившая зайца.

На задней широкой сторонѣ: 16) Мальчикъ съ коньѣмъ и щитомъ въ плащѣ, Почти то же на Эрмитажномъ (съ мечомъ). 17) Мальчикъ-геркулесъ въ фригійскомъ колпакѣ давить льва; вверху виденъ лоскутъ плаща, какъ на флорентинскомъ ларцѣ, гдѣ мальчикъ одѣтъ въ тунику⁴⁾; это Геркулесъ несетъ на палицѣ шкуру чудовища. На Эрмитажномъ ларцѣ въ этомъ мѣстѣ другая сцена: левъ свалилъ воина съ коньѣмъ и вцѣпился въ его плечо. 18) Воинъ одѣтый въ костюмъ (родъ короткаго халата) и сапоги, вынимаетъ мечъ изъ ноженъ. На Эрмитажномъ — воинъ въ плащѣ, съ мечомъ и щитомъ. На узкихъ сторонахъ (рис. 7) главныя фигуры и сцены: 19) юный Геркулесъ всовываетъ мечъ въ пасть Немейскаго льва и душитъ его, сдавливая голову льва лѣвою рукою. Этой сцены нѣтъ даже на Эрмитажномъ ларцѣ. 20) Воинъ съ щитомъ и поднятымъ мечомъ. 21) и 22) два воина въ плащахъ, съ щитами и поднятыми мечами (рис. 5). На Эрмитажномъ ларцѣ на узкихъ сторонахъ другія сцены: плясуны съ развѣвающимися платами, музыкантъ съ цитрою и центавръ въ фригійскомъ колпакѣ, играющій на флейтѣ (XVI, 5, 4).

Приведенное описаніе сценъ и фигуръ аворіевъ показываетъ, что они во многомъ сходны между собою. Въ частности аворіи наши — Новгородскій и Эрмитаж-

¹⁾ Graeven Taf. III.

²⁾ Graeven Taf. III.

³⁾ Graeven, № 8, 33 и 39.

⁴⁾ Graeven S. 5. Fig. 3.

ный несомненно принадлежать къ одному и тому же типу, повторяютъ одинъ и тѣ же темы. Даже по своимъ размѣрамъ и архитектурному строенію они близки между собою: высота Эрмитажнаго ларца 0,95 м., длина 0,285 м., ширина 0,190 м. Нѣсколько новыхъ фигуръ и сценъ, равно какъ и перестановка ихъ не нарушаютъ ихъ сходства въ главныхъ и основныхъ чертахъ. Сходна также и орнаментика ихъ: одни и тѣ же волюты и растительные побѣги, акантовые листья, розетки; одинаковая фактура курчавыхъ волосъ; то же обнаженное тѣло, костюмы и оружіе, тѣ же позы. Работа Новгородскаго ларца съ технической стороны выше Эрмитажнаго, тѣмъ не менѣе оба они принадлежатъ къ одной и той же школѣ, даже къ одному и тому же времени и мѣсту.

Аворіи этого рода, какъ показываетъ иконографическое содержаніе ихъ изображеній, стоятъ въ генетической связи съ искусствомъ античнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, откуда могли появиться въ христіанскомъ искусствѣ среднихъ вѣковъ эросъ, ласкающій или цѣлующій пантеру, охотники, собаки и олени, борьба героевъ съ центаврами и т. п., какъ не изъ искусства античнаго, которое охотно разрабатывало эти темы. Античная струя въ христіанскомъ искусствѣ, замѣнившая античное, не прекращалась въ продолженіе среднихъ вѣковъ, какъ въ искусствѣ западномъ, такъ и восточномъ. Особенно она должна была усилиться въ эпоху иконоборства, когда художественныя силы, воспитанныя на традиціяхъ византійскихъ, потерпѣли сильное крушеніе: спросъ на религіозно-художественныя произведенія почти совсѣмъ прекратился и дѣло остановилось¹⁾. Во всѣ общественные слои Византіи все болѣе и болѣе проникало убѣжденіе, что ни иконы въ собственномъ смыслѣ, ни какія бы то ни было изображенія христіанскія нетерпимы не только въ христіанской церкви, но и въ домашнемъ быту, какъ несоотвѣтствующія духу христіанства. Для художниковъ закрывалось обширное поле дѣятельности, и они стали искать выхода изъ такого ненормальнаго положенія. Живая общественная среда подсказала имъ этотъ выходъ. Извѣстно, что въ эпоху иконоборства никто изъ среды иконоборцевъ не протестовалъ противъ искусства вообще: протесты касались лишь религіознаго почитанія иконъ и ихъ церковнаго и домашняго молитвеннаго примѣненія. Но оставалась еще обширная область искусства декоративнаго, противъ котораго никто не возвышалъ голоса, но которое напротивъ находило благосклонный пріемъ даже въ средѣ наиболѣе убѣжденныхъ и сильныхъ иконоборцевъ. Сами иконоборческіе Императоры допускали мозаику въ построенныхъ ими церквахъ, лишь бы она имѣла характеръ декоративный. Императоръ Теофилъ безъ всякихъ колебаній допустилъ декоративную мозаику въ устроенномъ имъ дворцѣ²⁾. Константинъ V украсилъ Влахернскій храмъ изображеніями, — но не святыхъ, а деревьевъ, птицъ и животныхъ разнаго рода, поставленныхъ въ вѣтвяхъ плюща, вмѣстѣ съ изображеніями журавлей, воронъ и павлиновъ, и потому его упрекали, что онъ изъ церкви сдѣлалъ садъ и птичникъ³⁾.

¹⁾ Объ этомъ подробно: Ch. Diehl, *Manuel d'art byzant.* 1910 p. 334 sq.

²⁾ Bayet, *L'art byzant.* p. 113—114.

³⁾ Diehl, *Manuel d'art byzant.* p. 339—340.

Уничтожая въ храмахъ свящ. изображенія, они тщательно оберегали и даже реставрировали декоративную живопись церквей: деревья, птицъ, животныхъ, сцены сатанинскія, бѣгъ лошадей, сцены охоты, зрѣлища игръ и ипподрома... А Константинъ V на мѣстѣ фрескового изображенія VI вселенскаго собора велѣлъ написать портретъ своего любимаго конюха и любилъ живописныя изображенія своихъ побѣд¹⁾. Съ необычайною, неслыханною роскошью украшенъ былъ Теофиломъ константинопольскій дворецъ между Дафни и Хризотриклиніемъ: стѣны были облицованы разноцвѣтными мраморами; своды позолочены; порфировыя колонны, бронзовый фронтонъ съ украшеніями золотыми и серебряными, бронзовые львы, мозаики, изображающія щиты и трофеи и разныхъ животныхъ. Въ Магнаврѣ, гдѣ происходили торжественныя аудіенціи и пріемъ иностранныхъ пословъ, — золотой платанъ возлѣ Императорскаго трона и на вѣтвяхъ его золотыя птицы; возлѣ трона золотыя львы и грифоны, золотыя органы, украшенные эмалью и драгоценными камнями. Птицы золотыя въ торжественные моменты пѣли, львы рычали, грифоны подымались. Императорскія инсигнии и драгоценности хранились въ золотомъ ларцѣ, устроенномъ въ видѣ дворца съ пятью башнями²⁾. Эта необычайная склонность къ роскоши и блеску, примѣненіе къ искусству драгоценныхъ матеріаловъ — разноцвѣтныхъ мраморовъ и драгоценныхъ камней, золота, серебра, эмали, слоновой кости, пышная церемониальность Императорскаго двора, съ такою полнотою описанная Константиномъ Багрянороднымъ³⁾, — все это напоминаетъ культуру и нравы востока. Диль доказалъ, что въ данномъ случаѣ по отношенію къ устройству и убранству дворцовъ сильное вліяніе на Византію оказалъ мусульманскій востокъ, который въ IX в. при Гарунѣ Аль Рашидахъ достигъ апогея своего блеска. Чудеса Императорскаго дворца Византіи тѣ же, что и чудеса дворца халифовъ абассидовъ въ Багдадѣ; дворецъ Вріосъ въ планорасположеніи, убранствѣ и декораціяхъ точно повторяетъ дворцы сарацинскіе. Въ IX в. видимъ постоянный приливъ въ Константинополь элементовъ восточныхъ, азіатскихъ, армянскихъ: они занимаютъ высокое положеніе въ администраціи, въ арміи и достигаютъ византійскаго трона⁴⁾. Но въ искусствѣ эпохи иконоборства нельзя не обратить вниманія и на другую характерную черту его. Это — склонность къ жанру, къ живописной декораціи, къ орнаментикѣ въ характерѣ древней александрійской живописи. Въ стилѣ этой эпохи чувствуется поворотъ къ первоначальной декораціи христіанскихъ церквей, а равно и къ подражанію античнымъ образцамъ, которые мало-помалу были устранимы въ стилѣ монументальномъ. Видное мѣсто въ этомъ искусствѣ занимаетъ также портретъ; замѣтна склонность къ наблюденію природы и къ реализму. Диль полагаетъ даже, что искусство иконоборческаго періода вызвало къ жизни нѣкоторыя, постепенно забытыя, темы и церковныя преданія, которыя

¹⁾ Ibid, p. 340.

²⁾ Ibid, p. 341—342. Labarte, Le palais imperial de Constantinople. Paris 1861. Прохоровъ, Христ. древн. 1864 г. т. I.

³⁾ Д. О. Бѣляевъ. Ежедн. пріемы визант. царей и праздн. выходы ихъ въ храмъ Св. Софіи въ IX—X в. (Зап. Импер. русск. археол. Общ. т. VI).

⁴⁾ Diehl l. c. p. 343—443.

использовалъ византійскій ренессансъ IX вѣка¹⁾. Отсюда объясняется античный характеръ сценъ на аворіяхъ.

Новгородскій ларець, судя по высокой степени совершенства въ его техникахъ и стилѣ, относится къ блестящей эпохѣ аворіевъ Македонской династіи (къ X вѣку). Безъ сомнѣнія онъ имѣлъ своихъ предшественниковъ, подготовившихъ для него почву. Г. Гревенъ полагалъ, что первоначально византійскіе художники передавали античныя формы въ сродномъ съ антикомъ матеріалѣ т.-е. въ серебрѣ, а потомъ стали подражать древнимъ серебрянымъ и золотымъ издѣліямъ и въ рѣзбѣ по слоновой кости. Въ доказательство этого авторъ приводитъ обследованный имъ реликварій «Anagni», на которомъ одна часть изображеній сдѣлана изъ серебра, а другая изъ слоновой кости²⁾. Соображеніе вполне вѣроятное. Но съ другой стороны невозможно оспаривать и то, что скульптура въ слоновой кости появилась въ христіанскомъ искусствѣ очень рано. Не говоримъ уже о диптихахъ, а отмѣтимъ лишь медальонный образокъ I. X. въ христіанскомъ музеѣ въ Ватиканѣ, Миланскій диптихъ, Брешианскій ящичекъ IV—V в., Равеннскую каеэдру арх. Максиміана; — это выдающіеся памятники скульптуры V—VI в. Затѣмъ Эчміадзинскій диптихъ, Британской аворій, Бамбергскій аворій, Берлинскую пиксиду, аворій Три-вульди, пиксиды въ Боннѣ, Вѣнѣ и въ музеѣ Кюни въ Парижѣ, ларцы въ С.-Пб. Эрмитажѣ и др. Памятники эти, какъ видно, довольно многочисленные относятся уже по своей основной идеѣ къ числу произведеній христіанскихъ. Рядомъ съ ними съ VIII—IX в. становятся аворіи античныя. Это два параллельныя теченія; каждое изъ нихъ имѣетъ свой особый характеръ въ цѣломъ и основномъ; но нельзя сказать, что между ними нѣтъ никакого сходства, хотя бы въ частности. Вдохновляемые античными образцами, мастера аворіевъ слишкомъ близко по времени и мѣсту стояли къ византійской художественной школѣ и volens-nolens подчинялись до нѣкоторой степени ея вліянію. Фактическое подтвержденіе этого далъ тотъ же Гревенъ, сравнивъ нѣкоторыя детали аворія Кенсингтонскаго музея съ миниатюрами вѣнскаго «бытія». Тѣмъ болѣе возможно это воздѣйствіе въ тѣхъ случаяхъ, когда въ скульптуру ларцовъ-аворіевъ вводились религіозныя сюжеты. Сцена — «Іосифъ и его братья» — на Кенсингтонскомъ аворіи скомпанована подъ вліяніемъ миниатюры ватиканскаго кодекса Іисуса Навина; на Болонскомъ аворіи замѣтно сходство въ композиціи, фигурахъ и костюмировкѣ съ ватиканскимъ минологіемъ³⁾. Нельзя не замѣтить также сходства въ фигурахъ и отчасти въ композиціи сцены «игрокъ съ цитрою» на ларцахъ Новгородскомъ и Эрмитажномъ съ миниатюрами (царь Давидъ съ арфою) въ лицевыхъ псалтиряхъ — греческой Лобковской и славянской Ипатьевской. Факты эти указываютъ не только на общія точки соприкосновенія между византійскимъ искусствомъ и античнымъ, но и на зависимость скульптуры аворіевъ отъ миниатюры. А отсюда становится очевиднымъ именно византійское происхожденіе аворіевъ и въ частности ларцовъ. Въ эпоху широкаго распространенія аворіевъ ларцы

¹⁾ H. Graeven, Typen. S. 23—25.

²⁾ Diehl p. 340.

³⁾ H. Graeven, Typen. S. 7. Fig. 6, 7, 10, 11.

изготавливались въ нѣсколькихъ центрахъ византійской художественной производительности: кромѣ Византіи изготовляли ихъ вѣроятно въ Венеціи и нѣкоторыхъ другихъ городахъ Италіи. Однако, принимая во вниманіе высокія художественныя и техническія достоинства нашего Софійскаго ларца, мы склоняемся къ той мысли, что родиною его былъ міровой центръ искусства въ X вѣкѣ — Константинополь.

Исторія Софійскаго ларца покрыта мракомъ неизвѣстности. Старыя описи имущества Софійскаго собора не упоминаютъ о немъ, и это не потому, что ларець не принадлежалъ къ числу предметовъ церковныхъ, имѣвшихъ то или другое церковное назначеніе, и не считался предметомъ цѣннымъ. Истинная причина этого заключается въ томъ, что ларець этотъ поступилъ въ составъ Софійской старой ризницы не ранѣе XVIII в. На лицевой сторонѣ ларца находится серебряный позолоченный гербъ: корона въ обычной формѣ шведской короны XVII—XVIII вѣка. Подъ короною буквы: R. S. E. и, повидимому, H. Какъ корона, такъ и эти буквы заключены въ лавровый вѣнокъ. Загадочными представляются указанныя буквы. За разъясненіями ихъ мы обратились къ авторитетному ученому профессору Краковскаго Университета † Маріану Соколовскому, и онъ объяснилъ, что это — гербъ шведскій, а буквы означаютъ Rex Sveciae Eutinus Holstein, т.-е. монограммы относятся къ Адольфу Фридриху Гольштейну Евтину, который получилъ шведскую корону благодаря Россіи, и слѣдовательно ларець могъ быть подаренъ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Возможно, что этотъ подарокъ имѣетъ отношеніе къ походу на Або и приобрѣтенію Финляндіи (?)¹⁾. Эта интерпретація монограммы намъ представляется правильною. Единственное сомнѣніе можетъ вызывать монограмма H; однако внимательный осмотръ герба убѣждаетъ, что H здѣсь дѣйствительно находится налицо: она состоитъ изъ двухъ вертикальныхъ линій, изъ которыхъ одна составляетъ часть монограммы R, а другая въ концѣ прибавлена спеціально для этой цѣли; линіи эти (вертикальныя) соединены горизонтальною линіею, вырѣзанною вглубь. Такимъ образомъ всѣ детали монограммъ, вставленныхъ въ вѣнокъ, получаютъ свое изъясненіе. Ларець принадлежалъ герцогу Еутинскому Адольфу Фридриху, избранному на шведскій престолъ, по настоятельному требованію Императрицы Елизаветы Петровны, въ 1751 году и царствовавшему до 1771 года. Онъ реставрировалъ ларець, укрѣпилъ его при помощи металлическихъ обвязокъ и украсилъ своимъ королевскимъ гербомъ. Возможно допустить, что шведскій король принесъ этотъ ларець въ даръ русской Императрицѣ, оказавшей ему столь высокое покровительство; вѣроятно ларець былъ не пустой, а заключалъ въ себѣ какіе-либо драгоценныя предметы или же былъ вмѣстилищемъ подлиннаго договора въ Або 17 августа 1743 г. или какихъ-либо другихъ цѣнныхъ докумен-

¹⁾ Изъ письма проф. М. Соколовскаго: ...Quant au monogramme je ne doute pas que mon interprétation était juste. C'est H (olstein), E (utin), R (ex), S (veciae). Le monogramme se rapporte à Adol Frideric (Holstein Eutin), qui a reçu la couronne de la Suède grâce à la Russie et appartient à l'époque de l'Impératrice Elizabeth et non de l'Empereur Paul, comme je l'ai assuré dans ma lettre; Il est possible que ce cadeaua un rapport avec le train à Abo et acquisition de Finlande (?). Въ сборникѣ Об-ва др. русск. иск. 1866 г., стран. 120 и слѣд. авторъ этотъ отнесень къ первымъ вѣкамъ христіанства, а оправа къ XVI в. безъ всякихъ основаній.

товъ, или наконецъ съ нимъ соединялись какія-либо историческія преданія, намъ неизвѣстныя. Самъ же по себѣ ларецъ, какъ художественно-археологическій памятникъ, едва ли въ то время могъ считаться хорошимъ царскимъ подаркомъ. Такъ или иначе, но ларецъ перешелъ въ Россію не ранѣе второй половины XVIII вѣка. Но когда и какъ онъ попалъ въ Софійскую ризницу, — сказать трудно. Несомнѣнно лишь то, что уже въ 1751 г. онъ находился въ Софійской ризницѣ и въ немъ хранились архіерейскія панагіи. Въ Софійскихъ описяхъ этого года читаемъ: ларецъ костяной, рѣзной, въ которомъ имѣются оныя панагіи (описанныя выше), скобка верхняя и наугольники и петли золоченыя, чепочка на сторонѣ серебряная. Это именно нашъ аворій; чѣпочка, поддерживавшая открытую крышку, не сохранилась, но слѣды ея прикрѣпленія замѣтны доселѣ¹⁾.

¹⁾ Въ отрывкахъ описи первой половины XVII в., изданной Купріяновымъ, упоминается деревянный ящикъ съ костяною рѣзбою и съ замочкомъ; но это — другой ящикъ: онъ окованъ былъ мѣдью и предназначался для храненія аглицъ. Въ настоящее время его уже нѣтъ въ ризницѣ.

XVII. XVIII. XIX. XX. XXI.

Шапочка и фелонь св. еп. Никиты. Омофоръ, фелонь и эпитрахиль архіеп. Моисея. Мантия Іоанна архіепископа.

1. *Шапочка святителя Никиты Новгородскаго, (табл. XVII, 1).* — Шапочка имѣетъ видъ скуфьи, сшитой изъ четырехъ треугольныхъ лоскутовъ; шелковая, темносиняго цвѣта; имѣла горностаевый околышъ, отъ котораго сохранились лишь фрагменты; извнутри подшита блѣдно-голубою узорчатою шелковою матеріею. Снаружи украшена четырьмя шитыми золотомъ изображеніями шестокрылыхъ серафимовъ и херувимовъ. Формы представленія тѣхъ и другихъ ангельскихъ чиновъ одинаковы, и единственное отличіе ихъ заключается, повидимому, въ томъ, что на крыльяхъ херувимовъ находятся точки, отличающія этотъ чинъ «многоочитыхъ». Въ промежуткахъ между фигурами ангельскихъ чиновъ помѣщены четырехконечные кресты; подъ фигурами чиновъ подписи **ХЪРОКНЫМЪ, СЪРАФІМЪ**. Внизу бордюръ изъ крестиковъ, составленныхъ изъ четырехъ кружковъ. Какъ крестики, такъ и подписи вышиты золотомъ. Матеріалъ и шитье прекрасные; сохранность главной части шапочки удовлетворительна. О подлинности шапочки можно судить отчасти по стилю шитыхъ фигуръ и палеографіи надписей. Правда, шрифтъ надписей нѣсколько отличается отъ шрифта рукописей XI—XII вв., но его уклоненія возможно объяснить тѣмъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ обычнымъ письмомъ, но вышитымъ по ткани. — Шапочка эта по достовѣрному преданію, снята съ святителя Никиты при открытіи его мощей и хранится, какъ священная реликвія, въ Софійской ризницѣ. До послѣдняго времени никто не оспаривалъ подлинности этой шапочки, хотя не могли не видѣть въ ней слѣдовъ нѣкоторой модернизации, неизбежной въ силу той обстановки, при которой она сохранялась въ теченіи почти 800 лѣтъ. Но въ самое послѣднее время проф. Дмитріевскій произнесъ надъ нею рѣшительный приговоръ: «шапочка св. Никиты Новгородскаго, говоритъ онъ, какъ по своему орнаменту (шитые херувимы¹⁾, такъ и по характеру вышитыхъ на ней буквъ, не можетъ быть относима ко времени ранѣе XV—XVI вв. и по всей вѣроятности была возложена на святителя Никиту уже по открытіи его мощей (въ 1458²⁾ году³).

¹⁾ Вѣрнѣе было бы назвать херувимовъ не орнаментомъ, съ которымъ соединяется представленіе о декоративныхъ деталяхъ, а иконографическими фигурами.

²⁾ Т.-е. въ 1558 году.

³⁾ Извѣстія XV Археол. Съѣзда въ Новгородѣ, стран. 142.

Вся доказательная сила этого мнѣнія, высказаннаго съ такою рѣшительностью, заключается въ голословной ссылкѣ на палеографію надписей и орнаментику. Но эта ссылка брошена мимоходомъ и не подкрѣплена научнымъ анализомъ памятника съ какой бы то ни было стороны, а потому въ этомъ видѣ не имѣетъ серьезнаго значенія. Если ученый литургистъ впослѣдствіи признаетъ нужнымъ подробно мотивировать свое мнѣніе, тогда дѣло будетъ яснѣе. А пока мы приведемъ лишь мнѣніе профессора И. А. Шляпкина по вопросу о надписяхъ на шапочкѣ св. Никиты. Проф. И. А. Шляпкинъ, извѣстный специалистъ по палеографіи, особенно «вещевой», уже давно знаетъ и изучаетъ, между прочимъ, этотъ памятникъ. Вотъ что пишетъ онъ намъ.

«На шапочкѣ святителя Никиты мы имѣемъ двѣ надписи: **СТРАОНМЪ**, **ХЪРОВНМЪ**. Надписи эти, вѣроятно, были подновлены въ виду потускнѣвшей канители еще при открытіи мощей святителя (ср. шовъ изображеній), но тѣмъ не менѣе сохранили старый характеръ, таковы буквы: въ первой **С** съ ровными загибами, **Р** съ маленькой головкой, **Θ** — круглое очертаніе, **└** съ горизонтальной чертой посрединѣ, **└** изъ трехъ чертъ съ прямой горизонтальной посрединѣ, изъ которой опущенъ перпендикуляръ; во второй **Х** съ двумя загибами наверху, съ маленькой головкой, **Θ** съ верхними утолщеніями, **К** съ ровными кузовками (не въ видѣ треугольника, входящаго въ другой), **└** съ горизонтальной чертой посрединѣ, **└** изъ трехъ чертъ съ прямой горизонтальной посрединѣ, изъ которой опущенъ перпендикуляръ; не характерно **Ъ** (но все же въ строкѣ); сравнительно поздній характеръ (XIV—XV вв.) — **А** и **Ъ**. Во всякомъ случаѣ надо помнить, что условія вышиванія не тѣ же, что условія вырѣзыванія и рисованія. Я лично считаю шапочку перешитой и подправленной, но подлинной. Первоначальная ея форма мнѣ представляется схожей съ домашней шапочкой на изображеніи Козьмы Индикоплова въ Четь-Минеяхъ м. Макарія — новгородской живописи (труды XI Археол. Съѣзда въ Кіевѣ томъ II, таблица XIX с.). Далѣе: «На основаніи обзора трехъ шапочекъ — митръ¹⁾, а также на основаніи свидѣтельства Симеона Солунскаго и самаго чина архіерейской хиротоніи, референтъ (А. А. Дмитриевскій) установилъ, что современная архіерейская митра въ качествѣ принадлежности архіерейскаго облаченія стала входить въ употребленіе съ XV вѣка²⁾. Какъ именно будетъ установленъ авторомъ этотъ тезисъ въ окончательно обработанномъ видѣ въ печати, сказать трудно. Можно пока замѣтить лишь то, что на означенныхъ шаткихъ устояхъ мудрено утвердить отрицательное мнѣніе объ архіерейскихъ шапкахъ до XV в. И прежде всего, невозможно обосновать его на свидѣтельствахъ Симеона Солунскаго, которыя говорятъ скорѣе противъ этого мнѣнія, чѣмъ въ защиту его³⁾, — если, конечно, будемъ разсматривать ихъ во всей полнотѣ. Вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ Симеонъ Солунскій. «Съ непокровенною главою со-

¹⁾ а) Шапочка св. Никиты; б) шапка такъ называемая княжеская, — вѣриѣ епископская, переделанная неоднократно, и — въ послѣдній разъ въ концѣ XVIII в., в) шапочка златосеребряной парчи, о которой говорятъ (едва ли вѣрно), что она была устроена Новгородцами при открытіи мощей свят. Никиты. Прот. А. И. Конкординъ. Опис. Новгор. Соф. соб. 131.

²⁾ Извѣстія XV Археол. Съѣзда, 142.

³⁾ Ср. мнѣніе проф. И. А. Карабинова. Тамъ же, стран. 143.

вершаютъ священнодѣйствіе *нѣкоторые* іерархи и священники не по уничтоженію какому-либо, но по возвышеннѣйшему и священнѣйшему слову, которое предлагаетъ въ поученіе наше богоглаголивый Павелъ, называя Христа главою, а насъ — Его членами; чтя Христа, какъ главу, мы должны непокровенными имѣть главы во время молитвы. И не поэтому только, но и потому, что на обнаженную голову рукополагаемый пріемлетъ рукоположеніе, а потому и молиться и священнодѣйствовать прилично (въ томъ же видѣ), въ какомъ рукоположенъ. А преимущественно іерархъ, такъ какъ во время рукоположенія имѣетъ на главѣ богопреданныя слова т.-е. священное Евангеліе, не долженъ имѣть другого покрыва на головѣ въ то время, какъ священнодѣйствуетъ божественнѣйшія (тайны). Но возразить кто-нибудь: александрійскій (патріархъ), имѣющій на главѣ священный покровъ, и другіе *весьма многіе* (дѣлая это) по древнему преданію, неужели поступаютъ не хорошо. Я не говорю этого, ибо это тамъ, гдѣ въ обычаѣ, — древнее преданіе; я говорю только о томъ, что мнѣ кажется болѣе приличнымъ. Ибо и ветхозавѣтный архіерей носилъ на главѣ кидаръ, который назывался и митрою, какъ теперь называютъ его выше-означенные іерархи; можетъ быть, они содержатъ этотъ (обычай) и въ память терноваго вѣнца Господня, или сударя, бывшаго на главѣ Его; хотя мнѣ казалось бы, что если и они отлагаютъ этотъ покровъ въ важнѣйшія времена священнодѣйствія, то симъ показываютъ, что лучше бы соблюдать преданіе блаженнаго Павла, тѣмъ больше, что во образъ терноваго вѣнца совершается постриженіе волосъ на главѣ посвящаемыхъ, а сударь изображается илитономъ, который и свивается, отъ чего получилъ и названіе¹⁾.

Изъ приведенныхъ словъ видно, что Симеонъ Солунскій отмѣчаетъ различныя обычаи по отношенію къ разсматриваемому предмету: александрійскій патріархъ и «другіе весьма многіе» носили въ то время головные покрыва по древнему обычаю: очевидно, они опирались на древнее преданіе, а Симеонъ Солунскій оправдываетъ этотъ обычай и нѣкоторыми теоретическими соображеніями. Онъ слишкомъ далекъ отъ мысли — порицать этотъ древній обычай или считать его незаконнымъ. Но самъ онъ лично считаетъ болѣе правильнымъ совершеніе священнодѣйствій «съ непокровенными главами». И для этого обычая находитъ онъ особыя субъективно-символическія основанія. Но очевидно, что этотъ второй, поддерживаемый имъ, обычай, равно какъ и первый, были обычаями мѣстными, и субъективныя символическія изъясненія ихъ, пущенныя въ ходъ *post factum*, не могли поколебать ихъ древнѣйшихъ основаній.

Фактъ богослужебнаго употребленія шапочекъ въ церкви восточной, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, теперь, послѣ тщательнаго подбора историческихъ свидѣтельствъ объ этомъ предметѣ въ Церковной исторіи профессора Голубинскаго, можно считать доказаннымъ. Проф. Голубинскій въ доказательство этого приводитъ свидѣтельства Алкуина, Вальсамона, діакона Игнатія и Кодина²⁾. Повторять это нѣтъ никакой необходимости. Памятники церковнаго искусства под-

¹⁾ Пис. отц. и учит. ц. III, 23—25.

²⁾ Голубинскій, Истор. русск. ц. I, 2, стран. 230—234. Du Cande s. v. *Σκουφία*.

тверждают тот же самый обычай, хотя и не въ столь широкой мѣрѣ, какъ памятники древней письменности. Преданіе о томъ, что патріархи александрійскіе носили во время богослуженія шапочки на своихъ головахъ, находитъ очевидное подтвержденіе въ миниатюрахъ ватиканскаго минологія императора Василия II (X в.). Здѣсь подь 18 января свв. Аванасій Александрійскій и Кириллъ А. представлены въ обычныхъ фелоняхъ, крестчатыхъ бѣлыхъ омофорахъ и бѣлыхъ шапочкахъ, въ родѣ нашего древняго бѣлаго клобука *безъ воскрилій*¹⁾. Въ томъ же минологіи заслуживаетъ вниманія въ настоящемъ случаѣ изображеніе Спиридона Тримифунтскаго подь 12 декабря:

Рис. 35. Икона св. Спиридона Тримиф.

онъ представленъ также въ фелони, въ бѣломъ крестчатомъ омофорѣ и въ бѣлой круглой шапочкѣ съ украшеніями въ видѣ темныхъ косыхъ полосокъ²⁾. Другихъ миниатуръ этого рода въ Ватиканскомъ минологіи мы не встрѣтили; но съ тонекурами епископы и клирики встрѣчаются, а почитатели (антіохійцы?) Симеона Столпника подь 1 сентября изображены въ бѣлыхъ головныхъ повязкахъ, напоминающихъ чалму; св. діаконъ Анфалъ (подь 1 сент.) въ шапочкѣ. Для примѣра даемъ здѣсь снимокъ съ греческой иконы, писанной іереемъ Эммануиломъ (τῷ Ἐμμανύλῃ) около 1681 года (рис. 35) по изданію Н. П. Лихачева³⁾. Греческій иконописный подлинникъ, — хотя онъ не столь древняго происхожденія, однако восходитъ своими корнями къ византійской древности, — говоритъ о св. Кириллѣ Александрій-

скомъ, — что онъ имѣетъ на головѣ покровъ, украшенный крестомъ⁴⁾. Подлинники русскіе подтверждаютъ то же самое. Въ академическомъ подлинникѣ XVI в. св. Кириллъ

¹⁾ Il menologio di Basilio II (Cod. Vaticano greco 1613). P. II. Tavole f. 329. Torino. Fratelli Bocca — editori 1907. Cf. Teste p. 89: Il capo di una sorta di camavro bianchiccio... Ср. въ изд. Albani Menol. gr. 1727. II, p. 116. Св. Кириллъ Алекс. точно въ такой же шапочкѣ изображенъ въ греч. рукописи Евоніи Зигабена XII в. въ ватиканской библиотекѣ. Прохоровъ, Христ. древн. 1863 г. кн. XII; ср. кн. II 1862 г. изображеніе пресвитера (безъ омофора) въ шапочкѣ изъ Сирійской рукописи VI в. Лаврент. библ. во Флоренціи.

²⁾ Idid fol. 239 Cf. Teste p. 65. Въ изданіи Альбани (подь 12 дек.) рисунокъ въ общемъ удовлетворителенъ, но косые полосы шапочки, по недосмотру, превращены въ треугольные шивы, какъ въ зубчатой коронѣ.

³⁾ Матеріалы икон. т. I. № 117.

⁴⁾ Εἰς τὴν κεφαλὴν ἀπέλασμα μὲ σταυρὸν. Κωνσταντινίδου *Ερμηνεία τῶν ζωγράφων с. 196. cf. Didron. Manuel d' iconogr. chr. p. 316.

Александрійскій русъ, на главѣ шапка крестата¹⁾. Въ подлинникѣ критической редакціи «на главѣ св. Кирилла Александрійскаго шапка святительская²⁾. То же и въ Строгановскомъ лицевомъ подлинникѣ³⁾. Но если по отношенію къ патріархамъ александрійскимъ шапочка — общепризнанная принадлежность облаченія, имѣющая свою опору въ высокомъ значеніи александрійской патріархіи, то нельзя того же сказать по отношенію къ св. Спиридону епископу Тримифунтскому (12 декабря). Однако, какъ на многочисленныхъ древнихъ иконахъ⁴⁾ (рис. 35), такъ и въ иконописныхъ подлинникахъ Спиридону Трим. усвоится шапочка⁵⁾. Проф. А. А. Дмитріевскій полагаетъ, что Спиридонъ Трим. носилъ на головѣ шапочку вслѣдствіе болѣзни головы⁶⁾, и что она во всякомъ случаѣ была явленіемъ случайнымъ. Въ дѣйствительности это не такъ. Что она не случайное явленіе, — это подтверждается древнимъ преданіемъ, записаннымъ уже у Симеона Солунскаго, который говоритъ, что издревле не только александрійскій патріархъ, но и другіе *всѣма многи* носили на головахъ шапочки во время богослуженія; къ этимъ другимъ слѣдуетъ отнести и Спиридона Тр. Что касается предполагаемой болѣзни головы Спиридона Тр., то по этому предмету лучшимъ критеріемъ можетъ служить пространное житіе Спиридона Тр. Именно на это житіе ссылается А. А. Дмитріевскій, утверждая, что «по свидѣтельству житія св. Спиридонъ носилъ шапку потому, что у него болѣла голова⁷⁾. Ссылка эта сдѣлана наудачу, безъ всякой справки. Между тѣмъ ничего подобнаго нѣтъ въ житіи, и оно не даетъ никакихъ основаній для такого предположенія, хотя о шапочкѣ говорить ясно. Въ житіи Метафрастовомъ разсказывается, что св. Спиридонъ явился къ императору Константину вмѣстѣ съ Трифилліемъ «съ жезломъ изъ ваий въ правой рукѣ и съ тиарою на головѣ⁸⁾. Въ великихъ четь-минеяхъ митр. Макарія повторяется то же самое: стояше (св. Спиридонъ предъ царемъ) образомъ яко видѣ во снѣ его царь худую одеждою оболченъ, и въ руцѣ жезлъ пастушьскій, на главѣ ему лежатъ клобукъ отъ вѣтви финицкихъ плетей, носяи онъ скудельный сосудъ идѣже бѣ животное масло честнаго и животворящаго креста⁹⁾. По всей вѣроятности, этотъ самый финиковый вѣнокъ и далъ поводъ древнимъ художникамъ изображать св. Спиридона Тр. въ шапочкѣ. Ни о какой болѣзни головы въ житіи св. Спиридона нѣтъ ни одного упоминанія. Если же здѣсь находится выписка изъ Пролога, будто «сему святому во время жатвы и солнца росы полны главѣ его сущи являющися», то и самъ составитель Пролога видитъ въ этомъ не болѣзнь, но лишь

¹⁾ Подл. XVI в. подъ 18 января стран. 65.

²⁾ Подл. критич. ред. подъ 9 іюня стран. 364.

³⁾ Строган. лицевой подл. подъ 18 января.

⁴⁾ Ср. икону въ собр. Бая въ Каирѣ. Тамъ же икона Кирилла Алекс. въ сифейскѣ. Byzant. Zeitschr. 1911. XX. Bd. 3—4. Heft.

⁵⁾ Подл. XVI в. подъ 12 дек. стран. 51. Тоже подл. критич. стран. 210—211.

⁶⁾ Известія XV Археол. съѣзда, 143.

⁷⁾ Тамъ же, 143.

⁸⁾ *Ἦ μὲν γὰρ ἱσθῆς δεινὸς ἐνταλῆς, οὐβδὸν δὲ βαλὼν εἶχεν ἡ δεξιὰ καὶ τὰ ἄνω ἡ κεφαλὴ. Μῆνε. patrol. c. c. s. gr. t. CXVI col. 417—468.*

⁹⁾ Вел. минеи четьи декабрь 6—17. Изд. Археограф. Коммиссіи. вып. XI, 1904 г., стран. 904.

Труды XV Съѣзда. Т. I.

знаменіе особенной «чести», явленное Самимъ Богомъ¹⁾. Полагать нужно, что если Александрійскому патріарху усвоилась шапочка чести ради, то это выраженіе чести легко могло перейти и на Спиридона Т., пользовавшагося особою славою въ Александріи и во всемъ мірѣ. Не говоря уже о преданіи, записанномъ въ Прологъ и четь-минейхъ объ уврачеваніи царя Константина св. Спиридономъ, нельзя въ данномъ случаѣ не обратить вниманія на минейный разсказъ «о кумирѣ, падшемъ въ Александріи». О паденіи этого кумира молился Патріархъ, молились и другіе епископы, но безуспѣшно: кумиръ не падалъ. Тогда является Патріарху нѣкая ангельская сила и указываетъ на св. Спиридона, отъ молитвъ котораго кумиръ долженъ упасть. Патріархъ письмомъ приглашаетъ св. Спиридона. Св. Спиридонъ на кораблѣ прибылъ съ Кипра въ Александрію. Кумиръ по молитвѣ св. Спиридона упалъ. Послѣ этого «многое множество еллинскаго и иныхъ языковъ увѣровало во Христа. И имя св. Спиридона дошло до слуха Царя и стало славно во всей вселенной». Патріархъ крестилъ народъ по повелѣнію св. Спиридона, какъ по повелѣнію Самого Бога²⁾. Очевидно, въ сознаніи народа имя св. Спиридона, какъ угодника Божія при жизни, было выше имени самого Александрійскаго патріарха; тѣмъ легче христіанское искусство могло перенести на него шапочку, какъ принадлежность Патріарха александрійскаго. Такимъ образомъ, преданіе о шапочкѣ свят. Никиты мы признаемъ вѣроятнымъ, а отрицательное мнѣніе о ней проф. Дмитріевскаго — не обоснованнымъ научно.

2. *Фелонъ святителя Никиты Новгородскаго* (табл. XVII, 2) — изъ прекрасной шелковой матеріи свѣтло-кофейнаго цвѣта съ выпуклымъ рисункомъ. Рисунокъ орнамента крупный съ кругами и разводами, вазами, фигурами въ видѣ сердца и др. Оплечье изъ другого матеріала съ другимъ рисункомъ: сѣрыя полосы по зеленому фону. Фелонъ ветхая, поврежденная. Чрезвычайно сложный и широко разработанный рисунокъ матеріи, по своему характеру, не имѣетъ аналогій въ однородныхъ памятникахъ отдаленной русской старины.

3. *Омофоръ архіепископа Моисея* (табл. XIX, I) — ветхій, съ заплатами. Матерія шерстяная, свѣтло-сѣраго цвѣта съ незатѣйливыми геометрическими вышивками, сдѣланными чернымъ шелкомъ. На концахъ омофора — шелковыя прошивки малиноваго цвѣта съ надписями, шитыми шелкомъ. Въ соборной описи 1771 г. онъ описанъ такъ: омофоръ ветхій гораздо Моисея архіепископа Новгородскаго чудотворца шить... тонко бѣлымъ и чернымъ шелкомъ въ чешую, да четыре креста шиты чернымъ шелкомъ шесть на немъ словъ подписи шиты зеленымъ шелкомъ. Промежъ краснаго шелку подложенъ камкою бѣлою, пуговицъ мѣдныхъ три, кистей шелковыхъ пятнадцать. Очевидно, послѣ 1771 г. омофоръ святителя Моисея потерялъ нѣкоторыя утраты. Впрочемъ сохранилась на обоихъ концахъ омофора дважды повторенная одна и та же шитая надпись: «Моисія архіепископа молитвами святыхъ Софія». Какъ омофоръ архіепископа Моисея, такъ и омофоръ еп. Никиты имѣютъ бѣлый цвѣтъ; такого же бѣлаго цвѣта омофоры обычны въ миниатюрахъ вати-

¹⁾ Вел. миней четін декабрь 6—17. Изд. Археограф. Коммисіи вып. XI, 1904 г. стран. 935.

²⁾ Тамъ же, стран. 924—928.

канскаго минологія X. в. и омофоръ Московской Синодальной ризницы, греческій, очень древній, относимый то къ VI вселенскому собору, то къ святителю Николаю Чудотворцу, подаренный патріарху Никону въ 1655 г. никейскимъ митрополитомъ Григоріемъ¹⁾). И эта черта составляетъ отголосокъ древне-христіанскаго преданія о цвѣтѣ омофора и соединенной съ нимъ у средневѣковыхъ писателей символики. Епископъ въ омофорѣ означаетъ Самого Христа — Добраго пастыря, Искунителя, подъявшаго на свои рамена заблудшую, но спасенную овцу. Кресты на омофорѣ указываютъ на орудіе спасенія человѣчества. Древнѣйшіе омофоры изготовлялись изъ шерсти, замѣненной уже давно на востокѣ шелкомъ и потомъ парчею. Общая форма омофора сходна на востокѣ и западѣ, но способъ одѣванія ихъ не одинаковъ; послѣдній — не всегда былъ одинаковъ и на востокѣ. Это будетъ ясно, если сравнить древніе омофоры въ мозаикахъ Константинополя и Равенны съ одной стороны и наши омофоры съ другой. Самый древній омофоръ VI в. находится въ настоящее время въ музеѣ Императора Фридриха въ Берлинѣ, — египетскаго происхожденія²⁾).

4. Фелонъ арх. Моисея (табл. XVIII) изъ шелковой блѣдно-голубой камки. Рисунокъ камки: кресты въ кругахъ; концы крестовъ въ видѣ трилистника; возлѣ крестовъ надписи: **ΙC. ΧC. ΠΝ. ΚΑ**. Между кругами находится монограмма, въ которой ясно различаются греческія буквы **ΤΩΦ**³⁾). Оплечье малиноваго бархата; гарнитура — полосы горизонтальныя, четвероконечный крестъ съ расширенными концами и фигура ромба. Отъ первоначальной фелони, очевидно, осталась одна только матерія — византійскаго изготовленія. Все остальное составляетъ позднѣйшее добавленіе. При обновленіи фелони нѣкоторые куски матеріи поставлены неправильно: въ двухъ мѣстахъ вышеприведенныя греческія надписи стоятъ вверхъ ногами. Подкладка фелони — нанка и набойка. Фелонъ архіеп. Моисея принадлежитъ, очевидно, къ числу древнихъ полиставріевъ и потому имѣетъ выдающееся значеніе. Извѣстно, что въ восточной церкви право ношенія ризъ, украшенныхъ крестами, принадлежало только патріархамъ и нѣкоторымъ экзархамъ. Такъ было въ XII в., по свидѣтельству Вальсамона и Зонары. Въ XV в., когда обычною одеждою патріарховъ и другихъ высшихъ іерарховъ сталъ саккосъ, право ношенія крестчатой фелони распространено было на всѣхъ епископовъ⁴⁾; одеждою же священниковъ была фелонъ безъ крестовъ. Соответственно тому у насъ въ Россіи на первыхъ порахъ фелонъ — полиставрій усвоился митрополитамъ и лишь нѣкоторымъ епископамъ «чести ради», и только на соборѣ Московскомъ 1675 года усвоены были крестчатныя ризы всѣмъ архіепископамъ и епископамъ. Новгородскій владыка

¹⁾ Арх. Саввы, Указ. Моск. Патр. ризницы стран. 23—24, табл. VII 31.

²⁾ О древнихъ омофорахъ, кромѣ Исидора Пелусіота (Suicer, Thesaur. eccles. s. v. *ομοφοριον*) и греч. литургистовъ Софронія, Германа и Симеона Солунскаго см. у Hefele, Beiträge zur christl. Archäol. II. Kraus, Real-Encycl. Pallium. Garrucci, Storia passim. — Прохоровъ, Христ. древн. 1862—1863. М. и световъ, Труды Моск. арх. о. т. III, вып. 2. Арх. Савва, Указ. Моск. патр. ризницы. Литература о западномъ pallium'ѣ указана Краусомъ I с.

³⁾ Въ этой фигурѣ нѣкоторые читаютъ имя Цареградскаго Патріарха *Φιλοθέος*. Можно читать и *Φώτιος*.

⁴⁾ Писанія св. отц. и учител. церкви, III, 22.

Моисей, будучи въ санѣ Архіепископа, имѣлъ право носить полиставрій; но у насъ въ Россіи всѣ права этого рода и преимущества чести стояли въ зависимости отъ вышнихъ іерарховъ, особенно патріарха Константинопольскаго; и архіепископъ Моисей получилъ его именно отъ послѣдняго. Строгой регламентаціи въ данномъ случаѣ не было. Иногда привилегія эта исходила отъ цареградекаго Патріарха, иногда отъ Митрополита, иногда, какъ впоследствии въ XV и XVI в. отъ великаго князя и отъ Царя. Ходъ событій, на этотъ разъ, судя по отрывочнымъ лѣтописнымъ указаніямъ, былъ таковъ. Въ 1346 году Новгородскій Архіепископъ Василій получилъ отъ Митрополита Θεогноста крестчатія ризы. Спустя нѣкоторое время послѣ того, вступилъ на Новгородскую кафедру архіепископъ Моисей. По всей вѣроятности Моисей, опираясь на привилегію старшинства Новгородской кафедры, считалъ себя въ правѣ, по примѣру своего предшественника, носить полиставрій. Но между нимъ и митроп. Θεогностомъ произошла какая-то распря. Полагать нужно, что архіеп. Моисей требовалъ полиставрія во имя старѣйшинства кафедры и ссылаясь на примѣръ своего предшественника; а митр. Θεогностъ не соглашался на это и, вѣроятно, ссылаясь на то, что крестчатія ризы онъ пожаловалъ архіеп. Василію лично; но что эта привилегія не можетъ распространяться на Моисея. Тогда Архіеп. Моисей снаряжаетъ посольство, во главѣ котораго стоялъ нѣкій Сава, въ Царьградъ «къ Царю Іоанну Кантакузину и къ Патріарху Филоею жаловаться на митрополита о насильствѣ». И вотъ, въ отвѣтъ на это архіеп. Моисей въ 1352—1353 г. получаетъ изъ Царьграда пожалованные ему не только крестчатія ризы, но и хрисовуль, которымъ закрѣплялись права Моисея на ношеніе крестчатыхъ ризъ. «Въ лѣто 6861 Савинъ пріѣздъ изъ Царьграда; посланіе. Сава пріѣхалъ изъ Царьграда отъ патріарха Филофіа и отъ царя Греческаго Ивана Кантакузина привезъ грамоты зъ золото(й) печатью и ризы с кресты владыцѣ Моисѣю и всему Новугороду благословеніе»¹⁾. Лѣтописныя извѣстія подтверждаются грамотою парт. Филоея еп. Моисею отъ 1354 г. въ которой патріархъ, убѣждая Моисея во всемъ оказывать каноническое повиновеніе новопоставленному митрополиту Кіевскому и всея Руси Алексію, замѣчаетъ, что предшественнику Моисея (арх. Василію) митрополитъ Θεогностъ дозволилъ носить на фелони четыре креста; и то же самое дозволено Моисею самимъ патріархомъ (Филоеемъ); но что это не должно служить поводомъ къ надменію. А если по этому предмету возникнетъ какое либо пререканіе, то Моисей долженъ доносить о томъ вселенскому патріарху²⁾. При такихъ условіяхъ арх. Моисей получилъ нашъ полиставрій³⁾. Право это не распространялось на преемниковъ Моисея по кафедрѣ, а даровано было ему лично. Извѣстно, что когда новгородскій еп. Алексій сталъ носить фелонь съ крестами, то тотъ же патріархъ Филоеей особою грамотою (1370 г. въ іюнѣ) приказалъ ему, безъ всякихъ отговорокъ, сложить кресты съ фелони и оказывать повиновеніе митр. Алексію и великому князю⁴⁾.

¹⁾ Лѣтоп. по Архив. списку. Изд. Арх. Комиссіи, стран. 32. Ср. варіант стран. 135, 233.

²⁾ Русск. историч. библ. VI, прилож. стран. 55—58.

³⁾ Ср. о крестчатыхъ ризахъ ст. В. А. Нарбекова въ Православи. собес. 1909 г. декабрь.

⁴⁾ Русск. историч. библ. VI, прилож. стран. 115—116.

5. *Епитрахиль ея же* (табл. XIX, 2). Шита золотомъ; на ней четыре ангела: арх. Михаилъ и Гавріилъ, одинъ ангелъ съ мечомъ (ангелъ-хранитель), другой съ кадиломъ и моделью, повидимому, церкви (безъ креста?) («ангелъ Господень»). Всѣ надписи шиты золотомъ.

6. *Мантия Іоанна Архіепископа Новгородскаго* (табл. XX). Отличной сохранности, темнаго цвѣта съ синимъ отливомъ: фонъ блѣдно-синій и по этому фону разсыпана орнаментика глубокаго синяго тона. Въ рисункахъ орнаментики преобладаютъ стилизованныя растительныя формы и отчасти геометрическія фигуры. Общій характеръ ткани (табл. XXI) своимъ наружнымъ видомъ напоминаетъ рытій бархатъ и даетъ прямое основаніе видѣть здѣсь превосходную иностранную, быть можетъ, византійскую или венеціанскую работу. Украшенія мантии — скрижали и источники *нашиты* на ткань, и хотя рисунокъ источниковъ — двѣ палевыя полосы съ малиновою полосой въ срединѣ — встрѣчается въ старыхъ памятникахъ искусства, но отнести ихъ къ XII в. и считать современными самой мантии нельзя. Онѣ нашиты на мантию не ранѣе XVI вѣка. Проверка древности самой мантии представляется въ настоящее время крайне затруднительною.

XXII. XXIII.

Бѣлый клобукъ архіепископа Василя. Посохи — епископа Никиты и архіепископа Геронтія. Плащаница Евѣиміевская.

1. Въ Софійской ризницѣ два бѣлыхъ вязаныхъ клобука и восемь спитыхъ изъ бѣлой шелковой матеріи. Наибольшую археологическую цѣнность представляетъ большой первый, какъ лучший (Табл. XXII, 1).

Такъ называемый большой бѣлый клобукъ связанъ изъ крученого бѣлаго шелка; онъ съ тремя воскриліями мѣра которыхъ 0,47 м. дл. и 0,09 ширины. Воскрилія вышиты по бѣлой камкѣ мелкимъ жемчугомъ и украшены драгоценными камнями — яхонтами и рубинами; подобные же камни въ видѣ привѣсокъ на концахъ воскрилій. На челѣ клобука жемчужный крестъ; въ четырехъ концахъ его прелестныя пупочки съ золотымъ плетенымъ греческимъ орнаментомъ. Какъ работа самого клобука, такъ и ювелирная работа воскрилій производятъ впечатлѣніе отдаленной старины. На воскриліяхъ прикрѣплены 12 серебряныхъ позолоченныхъ дробницъ или кіотцевъ, въ которыхъ размѣщены слѣдующія изображенія: І. Христосъ, Богоматерь въ видѣ оранты; апостолы Варѣоломей, Симонъ и Ѳома, Андрей, Яковъ и Филиппъ; арх. Гавріиль, Варлаамъ (Хутынский), Сергій (Радонежскій) и Кириллъ (Бѣлозерскій). Всѣ изображенія рельефныя чеканныя. Дробницы эти, какъ видно по характеру работы, такъ и по изображеніямъ русскихъ святыхъ, подвизавшихся въ XIV—XV в., изготовлены не ранѣе XVI в. Прекрасно описанъ этотъ бѣлый клобукъ въ описяхъ 1751 и 1771 гг. «Клобукъ бѣлый большой, Леонидовской вязи шелкъ бѣлъ. У него ряса низанъ жемчугомъ среднимъ. На рясахъ 12 круговъ серебряныхъ золоченыхъ, а на нихъ святыя чеканныя въ кіотахъ. На рясахъ промежъ святыхъ девять камней яхонтовъ въ гнѣздахъ серебряныхъ золоченыхъ. Около яхонтовъ въ гнѣздахъ 35 камней бечетокъ невеликихъ да два червца да жестоканъ. По конецъ рясы 8 яхонтовъ лазоревыхъ да тунбасы рудажелты да 18 жемчужинъ на спняхъ серебряныхъ. По рясамъ около жемчугу по краямъ пояски ткань въ веревочку въ размѣтъ золотомъ да серебромъ. Рясы подложены камкою бѣлою. У того же клобука на челѣ крестъ низанъ жемчугомъ, въ крестѣ камень яхонтъ лазаревъ да 4 дробницы золотыя съ чернью навожены. Да наверху ряса на концахъ за поясками 78 жемчужинъ продолговатыхъ. На рясахъ 28 жемчужинъ нѣтъ, да въ средней рясы одного камня». — Очевидно, что съ тѣхъ

поръ составъ украшеній измѣнился.— Съ этимъ бѣлымъ клобукомъ соединяется преданіе о бѣломъ клобукѣ, изложенное въ извѣстной повѣсти, рассказанной Димитріемъ толмачемъ, отправленнымъ для этой цѣли въ Римъ. Повѣсть эта была напечатана въ извѣстномъ сборникѣ второй половины XVIII в., начинающемся статьею «Исторія о отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ»¹⁾. Встрѣчается она и въ рукописяхъ. Передаемъ кратко ея содержаніе по принадлежащей намъ рукописи 1775 г.²⁾.

Сущность повѣсти заключается въ слѣдующемъ. Димитрій (толмачъ) доноситъ новгородскому Архіепископу Геннадію, что онъ благополучно достигъ Рима, «приласкался къ книгохранителю римской церкви (Св. Петра) Іакову, одарилъ его подарками, сталъ посѣщать его для бесѣдъ о вѣрѣ и наконецъ подошелъ постепенно къ вопросу о бѣломъ клобукѣ: «есть ли здѣ о семъ писаніе. Онъ же (Іаковъ) рече ми: ново писаніе здѣ есть, а древняго нѣсть». При этомъ Іаковъ рассказываетъ откровенно, что сказанія новыя о бѣломъ клобукѣ разнорѣчивы, а «истины не знаетъ никто, потому что зависти ради на православныхъ древнія писанія о семъ сожжены». Тѣмъ не менѣе Димитрій получилъ отъ Іакова нужное, «также... и осмочастную книгу и міротворительный кругъ» и написалъ и отправилъ къ архіеп. Геннадію съ московскимъ гостемъ Ѳомою Лазаревымъ повѣсть, подъ заглавіемъ: «отъ исторіи римскія повѣсть велѣнія царска и чина святительскаго чудна зѣло вкратцѣ отъ части житія благовѣрнаго царя Константина римскаго о сотвореніи святительскаго бѣлаго клобука и откуда начало пріятна архіепископъ великаго Новогграда еже носити на главахъ своихъ, а не якоже прочіи митрополиты и епископы, идѣже о семъ сказаніе имать благослови владыко. Въ повѣсти рассказывается, какъ царь Константинъ заболѣлъ проказою, и «чаровницы и волсви» римскіе и персидскіе совѣтовали ему принять ванну, наполненную кровію 3.000 младенцевъ; однако, послѣ видѣнія Ап. Петра и Павла, царь погруженъ былъ папою Сильвестромъ въ купель крещенія и сталъ христіаниномъ. Царь изготовляетъ Сильвестру вмѣсто царской короны бѣлый клобукъ и самъ своими руками возлагаетъ его на главу Сильвестра. При папѣ Формозѣ клобукъ отправленъ былъ въ Константинополь къ патріарху Филоею. Филоей желалъ удержать клобукъ въ Константинополѣ, но по откровенію свыше (явленіе папы Сильвестра и царя Константина), въ виду предстоящаго агарянскаго нашествія на Царь-Градъ и будущаго прославленія православнаго русскаго царства, отправляетъ клобукъ съ епископомъ Евменіемъ въ Новъ Градъ къ архіепископу Василию. Арх. Василий принялъ съ честію посла и возложилъ на главу свою бѣлый клобукъ.— Повѣсть эта представляетъ не что иное, какъ вымыслъ фантазіи и потому нашла свой приговоръ въ опредѣленіи Большого Московскаго Собора, на которомъ она названа «лживою и неправою и написанною отъ вѣтра главы своея»³⁾. Но если повѣсть эта не заслуживаетъ никакого вѣроятія ни по обстоятельствамъ ея происхожденія, ни по самому суще-

¹⁾ Л. 155—185. Начало: по смерти убо нечестиваго царя Максентія на христіанъ гоненіе преста...

²⁾ Начинается письмомъ Митяя къ Новгородск. архіепископу Геннадію.

³⁾ Дѣянія Московскаго Собора 1666 и 1667. Москва 1881. Свѣтокъ л. 15.

ству, если тенденціозная цѣль ея заключалась лишь въ прославленіи Новгорода, то какъ же мы должны смотрѣть на бѣлый клобукъ? Передъ нами фактъ — бѣлый клобукъ въ Софійской ризницѣ и даже не одинъ, а нѣсколько. Въ Московской Синодальной ризницѣ хранится 24 бѣлыхъ клобука такого же покроя. Очевидно, они были въ употребленіи какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Москвѣ. Въ частности тотъ клобукъ, который нами описанъ, не можетъ быть разсматриваемъ, какъ явленіе рѣзко выдѣляющееся изъ ряда однородныхъ явленій. Онъ отличается отъ другихъ Новгородскихъ клобуковъ украшеніями рясы, но украшения эти (дробницы) сдѣланы въ Россіи не ранѣе XVI в. и не претендуютъ на древне-греческое происхожденіе. Въ старыхъ описяхъ, по крайней мѣрѣ начиная съ 1625 г. и 1629 г. клобукъ этотъ называется Леонидовскимъ, т.-е. принадлежавшимъ архіеп. Новгородскому Леониду. Это былъ личный избранникъ царя Іоанна Васильевича Грознаго и по указанію самого царя онъ поставленъ въ епископы послѣ разгрома Новгорода, когда новгородскій архіепископъ Пимень лишенъ былъ кафедры и заточенъ въ Николаевскомъ Денежномъ монастырѣ «за измѣнничество». И если не подлежитъ сомнѣнію, что «ношеніе чернаго или бѣлаго клобука» іерархами у насъ зависѣло отъ соизволенія Государя, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ чинъ поставленія митрополита 1581-г., то естественно, что царь Іоаннъ IV далъ своему избраннику право ношенія привилегированнаго бѣлаго клобука съ роскошно украшенными воскриліями. И это былъ уже не первый клобукъ въ Новгородѣ: Леонидъ, вѣроятно, воспользовался готовымъ клобукомъ ризницы и украсилъ его воскрилія: явился клобукъ особенный, привилегированный, Леонидовскій. Объяснимъ это.

Исторія бѣлыхъ клобуковъ вообще очень темна. Полагать нужно, что они первоначально появились на востокѣ, подъ вліяніемъ обычнаго въ странахъ восточныхъ головного бѣлаго покрова, защищающаго отъ зноя и пыли. Рано они должны были войти и въ церковно-служебный обиходъ. Если оставить въ сторонѣ легендарное преданіе о бѣломъ клобукѣ, подаренномъ Константиномъ великимъ римскому епископу Сильвестру, то мы имѣемъ преданіе о бѣлыхъ клобукахъ вообще, сообщенное Іоанномъ Кантакузеномъ. Разсказывая о коронованіи Іоанна V Палеолога, I. Кантакузенъ сообщаетъ, что патріархъ устроилъ себѣ, по этому случаю, бѣлый головной покровъ, который обычно носили прежде *патріархи, поставляемые не изъ среды монаховъ*, и украсилъ его золотомъ съ изображеніями Спасителя, Богоматери и Іоанна Предтечи (деисисъ¹⁾). Очевидно, рѣчь идетъ о бѣломъ клобукѣ съ вышитымъ на немъ изображеніемъ деисиса. Бѣлый клобукъ, какъ видно отсюда, издавна составлялъ принадлежность патріарховъ, поставляемыхъ не изъ среды монаховъ. Любопытно, что и у насъ въ Россіи бѣлый клобукъ, какъ по лѣтописнымъ указаніямъ, такъ и по легендѣ Димитрія Толмача, усваивается Новгородскому архіеп. Василию, поставленному изъ среды бѣлаго духовенства. Виро-

¹⁾ В. Е. Niebuhr, Corpus script. hist. Byzant. pars XX. Cantacusanus vol. II p. 218 (Bonnae 1831):... καὶ τὴν ἐπὶ τῆς κεφαλῆς καλύπτραν ἣν τοὺς πατριάρχας ἴδιος φέρον, ἢ μὴ τοῦ τῷ αὐτῷ ὄντος τῶν μοναζόντων, δίδονη λευκῇ περιλημμένην πρότερον, αὐτὸς κατεκόσμησε χρυσῷ, εἰκόνας αὐτῇ τοῦ τε σωτῆρος ἡμῶν ἐγγράφας Χριστοῦ Ἰησοῦ καὶ τῆς... Θεοτόκου καὶ Ἰωάννου τοῦ Βαπτιστοῦ.

чемъ, отмѣченный I. Кантакузеномъ обычай едва ли возможно считать правиломъ и даже обычаемъ широко распространеннымъ. По крайней мѣрѣ въ Россіи онъ не находилъ примѣненія: наши митрополиты и патріархи носили бѣлые клобуки, хотя они обычно поставлялись изъ среды монаховъ. Кто первый изъ русскихъ іерарховъ носилъ бѣлый клобукъ — неизвѣстно. Предположеніе, что ихъ носили ростовскіе святители Леонтій, Игнатій и Исаія, и даже Іоаннъ архіепископъ Новгородскій есть простая догадка, не мотивированная исторически; изображенія ихъ въ бѣлыхъ клобукахъ на старыхъ иконахъ могутъ оказаться домысломъ позднѣйшихъ иконописцевъ. Самыя древнія лѣтописныя извѣстія связываютъ бѣлый клобукъ съ именемъ Новгородскаго архіепископа Василія. Въ лѣтописи по архивному списку подъ 1424 годомъ записано: клобукъ бѣлый далъ патріархъ Іерусалимскій (?) владыкѣ Василю, а патріарху далъ папа Римскій и съ тѣхъ мѣстъ клобукъ бѣлый въ Новгородѣ¹⁾. Въ Новгородскомъ лѣтописцѣ церквамъ Божіимъ подъ 1335 г. записано: при семъ архіепископѣ Василии принесенъ бысть бѣлый клобукъ отъ царя Константина и паны Сильвестра въ великій Новгородъ, иже и доннынѣ Новгородскіе митрополиты на главахъ своихъ тѣмъ подобіемъ нѣсять²⁾. Подъ 1471 г. въ томъ же лѣтописцѣ читаемъ: Новгородетии мужіе на его (архіеп. Іоны) мѣсто избраша священно-инока Теофила и послаша... къ великому князю (Ивану Васильевичу) бити челомъ безъ опасу; а тому бы Теофилу нареченному поставлену быти на владычество великому Новуграду и Пскову *въ бѣломъ клобукѣ*³⁾. Не смотря на разнорѣчивость частныхъ показаній приведенныхъ источниковъ, остается достовернымъ фактъ, что архіепископъ Василій носилъ бѣлый клобукъ. Подтвержденіемъ тому можетъ служить завѣщаніе Лазаря Муромскаго, основателя Успенскаго монастыря на Муромскомъ или Мурманскомъ островѣ Онежскаго озера. Изъ списка этого завѣщанія, не совсѣмъ исправнаго, напечатаннаго въ Исторіи Россійской іерархіи⁴⁾, видно, что Лазарь былъ постриженникомъ Римской (Цареградской?) Высокогорской обители игумена Аеанасія Дискота. Онъ посланъ былъ изъ Царь-града къ епископу Василю «иже великаго Новаграда кормило правящу», сказать повѣсть о бѣломъ клобукѣ. Лазарь жилъ въ киновіи Васильевѣ 9 лѣтъ и «скуталъ св. тѣло» скончавшагося новгородскаго святителя. Вскорѣ послѣ смерти арх. Василія является Лазарю во снѣ и приказываетъ идти на озеро Онегу. Лазарь отправляется и сооружаетъ на Мурманскомъ островѣ церковь и монастырь. Новгор. архіеп. Моисей даетъ ему антиминсъ, служебные сосуды и милостыню. Авва Лазарь преставился въ 1391 г. 8 марта. Жилъ онъ 105 лѣтъ. Къ сожалѣнію намъ не удалось доселѣ найти подробное житіе Лазаря Муромскаго, могущее освѣтить ту сторону завѣщанія, которая касается бѣлаго клобука. Во всякомъ случаѣ, завѣщаніе подтверждаетъ еще разъ преданіе о бѣломъ клобукѣ, записан-

¹⁾ Новгор. лѣт. изд. Археогр. комм. 1879 г., стран. 51.

²⁾ Тамъ же, стран. 218.

³⁾ Тамъ же стран. 280: Ср. еще посланіе митр. Филиппа Новгородцамъ 22 марта 1471 г. Русск. историч. библ. VI, стран. 725.

⁴⁾ Ист. рос. іер. т. V, стран. 114 и слѣд. О житіи Лазаря: Барсуновъ, Источн. русскоѣ агіогр. 322. Е. Е. Голубинскій, Ист. канониз. св. 333. 576. Н. И. Петровъ Тр. кiev. Д. А. 1872. II, 60—61.

ное въ лѣтописяхъ.—Бѣлый клобукъ въ разсматриваемое время составлялъ преимущество чести,—впрочемъ недостаточно регламентированное въ русской церкви: иногда оно усваивалось каедрѣ, а чаще —лицу. Зависѣло дарованіе этого преимущества иногда отъ Патріарха Константинопольскаго, а потомъ отъ Московскаго Митрополита, отъ великаго князя и царя. Если архіепископъ Василій получилъ бѣлый клобукъ прямо отъ Цареградскаго Патріарха, то въ этомъ обстоятельствѣ заключалась высшая санкція его клобука. Но это былъ подарокъ личный; такъ по крайней мѣрѣ понимала это высшая власть въ Россіи — духовная и свѣтская: въ концѣ XV в. новгородцы обращаются съ просьбою объ этой привилегіи къ царю. Въ обычномъ порядкѣ въ XIV—XVI в. право ношенія бѣлаго клобука предоставлялось митрополитамъ, однако не всегда. Въ чинѣ нареченія и поставленія митрополитовъ всероссійскихъ 1581 г. между прочимъ говорится: митрополитъ, вставъ съ мѣста, снимаетъ съ себя сакъ и вся служебная одежда и архіепискупы и епискупы положатъ на него икону золоту воротную и кладутъ на него монатью съ источники и клобукъ бѣлый или чернъ, какъ Царь повелитъ...¹⁾ Въ періодъ патріаршества право ношенія бѣлаго клобука усваивается всѣмъ патріархамъ²⁾, митрополитамъ и нѣкоторымъ архіепископамъ: однакожъ патр. Никонъ предпочиталъ черный клобукъ по греческому обычаю.

2. *Посохъ (дл. I, 15 м.) епископа Никиты* [табл. XXII, 2].

Три стержня кизилія соединены вмѣстѣ тремя яблоками слоновой кости, прекрасно орнаментированными въ характерѣ восточнаго искусства: нижній конецъ посоха обломанъ благочестивыми поклонниками реликвій святителя. Верхнее звено посоха и рукоять четырехгранныя, — украшены костяными пластинками съ вырѣзанными на нихъ изображеніями святыхъ вселенской и русской церкви. Многія изъ этихъ пластинокъ, въ томъ числѣ всѣ пластинки рукояти, утрачены. Уцѣлѣли на лицевой сторонѣ верхняго звена: Евѣимій (Великій) и Савва освященный, Ануфрій и Макарій (съ длинными бородами), Антоній и Θεодосій (Печерскіе). На обратной сторонѣ: Петръ (въ клобукѣ — святитель Московскій), Леонтій (еп. Ростовскій), Владиміръ (въ зубчатой коронѣ — князь Кіевскій), Глѣбъ (въ шапкѣ и въ корзно — русскій князь), Θεодоръ (съ мечомъ) — Тиронъ и Θεодоръ (съ мечомъ) — Стратилать. На одной изъ боковыхъ сторонъ: Борисъ (въ княжескихъ одеждахъ съ крестомъ), — русскій князь и одна надпись Сергій (Радонежскій), — самое изображеніе утрачено. На другой боковой сторонѣ. — Семионъ (съ развернутымъ свиткомъ; волосы длинные, одежды не преподобническія) и Арсеній преподобный. Сверхъ того, надъ тѣми гнѣздами, гдѣ находились прежде пластинки съ изображеніями, теперь уже утраченныя, сохранились надписи: **ІС. ХС.** Петръ и Павелъ; а на другой сторонѣ **ІС. ХС. МР. ΘΥ, ΙΩ** Петръ и другія — неразобранныя. Подборъ этихъ изображеній съ очевидностью показываетъ, что верхнее звено посоха и рукоять не могутъ быть отнесены къ XI—XII вв., когда священнодѣйствовалъ въ Новгородѣ святитель Никита. Здѣсь, между прочимъ, находятся изображенія свв. Бориса и Глѣба, св. князя

¹⁾ Собр. Госуд. грамотъ и договоровъ ч. II, стран. 69.

²⁾ Арх. Савва, указ. патр. ризницы стран. 29, табл. IX.

Владимира, даже Моск. митр. Петра, жившаго спустя два столѣтія послѣ святителя Никиты. Съ другой стороны зубчатая корона св. Владимира, въ каковой стали изображать его не ранѣе XVI—XVII вв. (ср. икону въ музеѣ Импер. Александра III) и шрифтъ надписей — все это показываетъ, что рукоять и верхнее звено посоха сдѣланы не ранѣе XVI—XVII вв. Отъ посоха святит. Никиты уцѣлѣлъ лишь одинъ стержень съ скрѣпляющими его яблоками. — Въ виду сказаннаго, нельзя утверждать, какъ это дѣлаетъ проф. Дмитриевскій, что посохъ этотъ устроенъ и положенъ въ гробъ святит. Никиты уже послѣ его прославленія, — въ XV—XVI вв.¹⁾, точнѣе послѣ 1558 г. Оставляемъ въ сторонѣ маловѣроятныя догадки о томъ, что кто-то въ XV—XVI вв., неизвѣстно для какой цѣли, устроилъ новый посохъ и положилъ его въ гробъ свят. Никиты, а потомъ опять кто-то вынулъ его изъ гроба для храненія въ ризницѣ. Гораздо проще и естественнѣе объясняетъ его исторію уцѣлѣвшее до сихъ поръ преданіе, которое говоритъ, что посохъ этотъ подлинный — XI—XII вв. и находился при гробѣ св. Никиты, но что онъ былъ испорченъ благочестивыми поклонниками, которые обгрызли нижній конецъ его и, вѣроятно, обломали ручку, такъ что въ XVI—XVII вв. ее пришлось сдѣлать вновь. Яблоки слоновой кости на средней части посоха имѣютъ характерный орнаментъ XI—XII вѣковъ въ видѣ плетушки, широко распространенный въ то время какъ въ искусствѣ сиро-палестинскомъ, такъ и въ византійскомъ и древне-славянскомъ: эту характерную особенность разсматриваемаго посоха нельзя оставлять безъ вниманія.

3. *Посохъ (дл. I, 52 м.) архіепископа Геронтія 1401 г., (XII, 3);* въ 1703 году при митрополитѣ Іовѣ передѣланъ вновь Каргопольскимъ мастеромъ Т. При этой передѣлкѣ отъ первоначальнаго посоха арх. Геронтія сохранено лишь нѣсколько звеньевъ прекрасной рѣзбы; остальные звенья и рукоять сдѣланы вновь²⁾. На рукояти въ моржовой кости вырѣзаны: Софія Премудрость Божія (Новгородская), Богоматерь и Іоаннъ Предтеча, Арх. Михаилъ и Гавріилъ, Павелъ и Андрей, Давидъ и Соломонъ, Моисей и Ілія; святители — Николай Чудотворецъ, Кириллъ Александрійскій, Никита Новгородскій, Іоаннъ Новгородскій и др. На стержнѣ находится одно яблоко хрустальное, а остальные древнѣйшія серебряныя прорѣзныя. Весь посохъ богато украшенъ по кости ажурною рѣзбою — орнаментовъ и плетеній; здѣсь находятся фигуры драконовъ, морскихъ чудовищъ, птицъ, единороговъ, зайцевъ; слонъ съ бесѣдкою на спинѣ, грифоны, centaury, двугорбый верблюдъ, звѣри сплетшіеся хвостами, человѣкъ на звѣрѣ, звѣрь схватываетъ животное за шею. Вся эта древняя звѣрина орнаментика замѣчательна столько же по своему прекрасному и строго выдержанному стилю, сколько и по историческому родству ея съ орнаментикою отдаленнаго востока. Однако, даже и древнія звенья не всѣ одинаковы по своему стилю и техникѣ. На посохѣ помѣщено нѣсколько надписей крайне неразборчивыхъ: жезлъ силы твоя низложи... Крестъ Сына... Одна изъ над-

¹⁾ Извѣстія XV Археол. Съѣзда въ Новгородѣ, стран. 142.

²⁾ Въ описи 1690 г. до реставраціи, онъ описанъ такъ: посохъ костяной, рѣзанъ на рыбьи кости, съ яблокомъ хрустальнымъ, а на немъ рѣзанъ на главѣ по обѣ стороны деисусъ на подерѣ мѣдкомъ золоченомъ; сверху образъ Пречистыя воплощеніе, а по сторонамъ пророки; подъ деисусомъ на кости рѣзаны слова... Арх. Макарій, Арх. опис. Новгород., т. I, 259—60.

писей — лѣтопись посоха: лѣта 7211, отъ рождества Бога Слова 1703, построилъ сей жезлъ по благословенію великаго господина преосвященнаго Іова митрополита Великаго Новгорода и Великихъ Лукъ, а прежде былъ построенъ въ лѣто 6909, при Геронтіи Владыкѣ... а нынѣ 211 года строенъ въ Каргополѣ радѣніемъ каргопольца Ивана Андреева сына Попова; труды мастера Т.¹⁾

Плащаница Евѣиміевская (табл. XXIII), мѣрою I, 56 × I, 87 м.; шита золотомъ и серебромъ: мастерство превосходное. Въ срединѣ представленъ лежащій І. Христосъ. Богоматерь приникаетъ въ Его главѣ; у ногъ юный Іоаннъ Богословъ. Возлѣ тѣла І. Христа — киворій въ видѣ арочки на двухъ колонкахъ; подъ киворіемъ, повидимому, лампада. Здѣсь надпись: «рыданіе надгробное». Вокругъ тѣла І. Христа стоятъ шесть ангеловъ съ круглыми рипидами: на нихъ изображены шестикрылые серафимы, а на двухъ рипидахъ только троекратное АГІΟΥΣ. Вверху летящіе ангелы и олицетворенія солнца и луны: послѣднія представлены въ видѣ бюстовъ двухъ юношей; на нихъ короны и царскіе далматики; изъ устъ ихъ выступаютъ лучи. По угламъ четыре символа Евангелистовъ съ книгами. По фону разсыпаны серебряныя звѣзды и кресты въ кругахъ. Въ углахъ каймы — херувимы; по каймѣ надпись: «да умолчитъ всякая плоть человѣча и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ и ничто же земного въ себѣ да помышляетъ. Царь бо царствующимъ и Господь господствующимъ Христосъ Богъ нашъ приходитъ заклаться и даться въ снѣдь вѣрнымъ. Предыдутъ же сему лица ангельстѣи со всеми начала и властями многоочитая херувимъ и шестокрылатая серафимъ лица закрывающе и вошюще пѣснь алилуиа алилуиа алилуиа».

Внизу среди двухъ ангеловъ вышита лѣтопись плащаницы: влѣто 6960 де(нь) милостію Божьею сій воздухъ сзданъ бысть благовѣрнымъ великимъ княземъ Васи(ліемъ) Васильевичемъ всея Руси и сыномъ его великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ и благовѣрною великою княгинею Марьею и сыномъ и(хъ) благороднымъ княземъ Юрьемъ Васильевичемъ въ домъ святѣя Софіа Премудрости Божьи ввотчину великихъ князей Василья Ивана и Юрья въ великій Новгородъ преосвященному архієпископу владыцѣ Евѣимію».

¹⁾ Въ Сборникѣ Общ. древне-русс. искусс. (1866 г., стран. 120 и слѣд.) и у Макарія (II, 260), посохъ Геронтія отнесенъ къ 1462 году и приписано ему индійское происхожденіе.

О П И С Ъ

ЦЕРКОВНАГО ИМУЩЕСТВА СОФІЙСКАГО СОБОРА 1751 г.,

СОСТАВЛЕННАЯ СОФІЙСКИМЪ ПРОТОПОПОМЪ

ДОМЕТИЕМЪ ТЕОФИЛАКТОВЫМЪ.

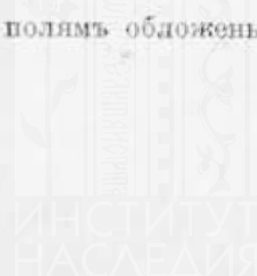

Опись учиненная въ прошломъ 1751 году по силѣ присланнаго изъ Новгородскаго архіерейскаго казеннаго приказа Новгородскаго Софійскаго собора к протопопу Дометію Теофилакову з братією указу имѣющимся во ономъ соборѣ церковной ризницы и протчимъ вещамъ и сколько чего по прежнимъ описнымъ книгамъ на лицо явилось также и сверхъ тѣхъ прежнихъ описныхъ книгъ чего прибыло вновь о томъ значить ниже сего.

Примѣчанія.	№№	
		<p style="text-align: center;">Во оной соборной церкви</p> <p>1 Двери царскіе обложены по полямъ серебромъ рѣзнымъ золоченымъ на нихъ писаны образа Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы с евангелисты одиннадцатъ вѣнцовъ серебряныхъ чеканныхъ золоченыхъ.</p> <p>2 Надъ тѣми церковными дверми сѣнь с подзоромъ серебрянымъ золоченымъ у той сѣни поля вокругъ обложены серебромъ рѣзнымъ золоченымъ же и по исподнему полю вырѣзанъ лѣтописецъ по серебру и вызолоченъ и на оной сѣни писаны образа Спасителя въ образъ со ангелы живоначальная Троица и тайная вечеря, у тѣхъ святыхъ образовъ десять вѣнцовъ серебряныхъ чеканныхъ золоченыхъ в томъ числѣ у Спасителя въ образъ одинъ вѣнецъ поболше</p> <p>3 Над оною сѣнью панакія костяная на ней вырѣзанъ образъ Андрея Первозваннаго обложенъ серебромъ чеканнымъ позолочена сверху крестъ на серебрѣ в немъ четыре камня простыхъ да запана съ камешками простыми</p> <p>Обнизано жемчюгомъ мѣлкимъ, внизу крестъ литой серебряной позолоченой на немъ образъ Богородицы на другой сторонѣ баталія Полтавская</p> <p>По сторонъ царскихъ дверей столпцы по полямъ обложены серебромъ рѣзнымъ золоченымъ*)</p>

* незолоченъ.

К с и м ъ

Примѣчанія.	№№	
		На правомъ столпце
	1	<p>Образъ Спасителя, над тѣмъ образомъ вверху три ангела в подножіи святители Василій великій Іоаннъ Златоустъ з другой сторонѣ на томъ же столбце к царскимъ дверямъ семь херувимовъ и пониже херувимовъ архиѳіаконы Стефанъ Лаврентій діаконъ Авивъ у Спасова образа и у ангеловъ и святителей шесть вѣнцовъ серебряныхъ чеканныхъ золоченыхъ у архиѳіаконовъ и у діакона три вѣнца рѣзные золоченые а премѣжъ ихъ поля обложены серебромъ рѣзнымъ подписи серебряные рѣзные на дву углахъ столпца трубы серебряные чеканные рѣзные</p>
		На лѣвомъ столпце
	2	<p>Образъ Богородицы со ангели и святители Григорія Бого- слова папы Римскаго з другой стороны на томъ же столпцѣ к царскимъ дверямъ семь херувимовъ архиѳіаконы Филипъ Евплъ Кириллъ и у тѣхъ святыхъ образовъ вѣнцы серебряные чеканные и рѣзные поля обложены серебромъ чеканнымъ же и подписи серебряные чеканные бѣлые</p> <p style="text-align: center;">По правую сторону царскихъ дверей мѣстныхъ образовъ</p> <p>1 Образъ Спасителя на престолѣ сѣдящей окладъ и риза серебряные чеканные золоченые вѣнецъ серебряной сканной позолоченной в немъ четыре ставки простыхъ привѣсу червонецъ Россійской.</p> <p>Предъ нимъ двѣ лампы одна малиновая хрустальная въ коемъ горитъ масло деревянное вокругъ обложена</p> <p>Другая большая серебряная чеканная с высокими травами а между травъ земля золоченая три чепи серебряные жъ а надъ ней чашка мѣдная*)</p> <p>2 Подъ тѣмъ Спасителевымъ образомъ на аналогіи образъ седмичный писанъ на краски поля серебряные позолоченные басменные на аналогіи одежда полуобъѣри полосатой пелена штофная с травами разныхъ цвѣтовъ на ней крестъ позументу золотого узкого подложено крашениной</p> <p>Предъ нимъ подсвѣшникъ выносной мѣдной золоченой</p>

* При той лампадѣ в подвѣсѣ кисть серебряная

Примѣчанія.	№№	
<p>* в гнѣздахъ</p> <p>* бечеты не явилось вновь у Софїи привѣсовъ шесть крестовъ серебряныхъ разноразно сорту денегъ рубль крестовой мѣловой жемчугу на ниточки восемьдесятъ</p> <p>вновь придѣлано к Богоматери ожерелье жемчугу средняго в</p>	<p>3</p> <p>4</p> <p>5</p>	<p>Подлѣ Спасителя образа образъ Софїи Премудрости Божїи окладъ и риза серебряная чеканная золоченая вѣнецъ серебряной же чеканной вызолоченъ в немъ камень лалъ да по сторонамъ два камня яхонты лазоревые, на коронѣ крестъ малой золотой въ немъ четыре алмаза болшихъ да пять малыхъ на шпенкахъ* четыре жемчужины болшихъ и около главы низано жемчугомъ кафимскимъ болшимъ въ одну нить щетомъ семьдесятъ два зерна сверху над главою Спасителя образъ на немъ</p> <p>Вѣнецъ серебряной сканной ожерелье малое жемчужное въ немъ камень бечета*, у Богородицы вѣнецъ серебряной чеканной позолоченъ, въ немъ камень яхонтъ лазоревой да двѣ виницы, убрѣсъ жемчужной низанъ среднимъ жемчугомъ в обрусѣ на подзорѣ пятнадцать зеренъ жемчужныхъ крупныхъ въ томъ же убрѣсѣ въ гнѣздѣ серебряномъ камень тумпасъ около главы и убруса обнизано жемчугомъ крупнымъ щетомъ девяносто пять зеренъ. У Іоанна Предтеча вѣнецъ серебряной чеканной золоченой въ немъ три камня виницы во облацѣхъ у ангеловъ шесть вѣнцовъ серебряныхъ золоченыхъ сканыхъ да по полямъ окладъ чеканной сквозной да двадцать двѣ дробиницы чеканные серебряные у Софїи и у Богородицы с Превѣчнымъ младенцемъ и у Іоанна Предтечи четыре ожерельца жемчужные у Богородицы серги лапочки с подвѣсками с искрами алмазными в нихъ искоръ одиннадцать в мѣстахъ серебряныхъ в нихъ кольца золотые закрѣплены четырьмя жемчужинамъ среднимъ</p> <p>Предъ нимъ двѣ лампы одна маликовая хрустальная въ коемъ горитъ масло деревянное</p> <p>Другая болшая серебряная чеканная с высокими травами а между травъ земля золоченая четыре чешы серебряные а надъ нимъ чашка мѣдная</p> <p>Подъ тѣмъ образомъ Софїи Премудрости Божїи ковчегъ деревянной а въ немъ мощи священномученика Антипы в серебряномъ ковчегѣ золоченомъ внутри и около ковчега обложено атласомъ краснымъ на верхней доки образъ святого Антипы вѣнецъ серебряной сканной с ошнѣтью, а риза серебряная чеканная вызолочены</p> <p>Около ковчега с лица обложено серебромъ гладкимъ двѣ подписи рѣзныхъ золоченыхъ</p> <p>Подлѣ образа Софїи Премудрости образъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы обложенъ серебромъ басменнымъ у Богородицы и у архангела Гавріила вѣнцы и цѣты серебряные рѣзные</p>

Примѣчанія.	№№	
томъ ожерелье двѣ звѣзды с разными камешками	6	<p>золоченые убрѣсъ у Богородицы низанъ жемчужномъ мѣлкимъ на немъ въ удобныхъ мѣстахъ зерна китайскіе с ставочки и камешки простыми.</p> <p>Предъ тѣмъ образомъ лампада серебряная чеканная с высокими травами а между травъ земля золоченая три чепи серебряные а над ней чашка мѣдная</p>
	7	<p>Подлѣ образа Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы на южныхъ дверяхъ образъ Пресвятыя Богородицы Одигитрія по сторонамъ два ангела на томъ же образѣ образъ Премудрости Божіи а по сторонамъ по четыре Святыхъ в подножіи писаны Николай Чудотворецъ да Сергій Радонежскій со ученикомъ Никономъ а по другу сторону Благовѣрный царевичъ Димитрій Углицкій да Алексѣй человѣкъ Божій обложены серебромъ оклад басменной золоченой у Софійи и у Богородицы вѣнцы серебряные же золоченые рѣзные а подъ тѣмъ образомъ двери в алтарь на тѣхъ дверяхъ образъ первомученика архидіакона Стефана писанъ краски</p>
	8	<p>Подлѣ того образа образъ Никиты епископа Новгородскаго Чудотворца стоящей над главою ево образъ Спаса Нерукотвореннаго держащей двумя ангелы у тѣхъ образовъ и у ангеловъ вѣнцы серебряные рѣзные золоченые по полямъ оклад серебряной басменной золоченой же четыре подписи рѣзные по серебру золоченые предъ нимъ лампада серебряная чеканная с высокими травами а между травъ земля золоченая три чепи серебряные а над ней чашка мѣдная</p>
	9	<p>Подлѣ того образа образъ святыхъ апостолъ Петра и Павла Корсунскаго писема посрединѣ во облацѣ Спасовъ образъ обложенъ серебромъ кованымъ золоченымъ по полямъ в срединѣ оклад вокругъ выбито пятнадцать святыхъ</p> <p>Предъ нимъ лампада серебряная чеканная с высокими травами а между травъ земля золоченая три чепи серебряные а над ней чаша мѣдная.</p>
		<p>Над дверми куда ходять в предѣлъ Никиты епископа образъ Николая Чудотворца в чудесѣхъ средина и поля серебромъ обложены рѣзнымъ и басменнымъ вѣнецъ рѣзной с финиетью в вѣнцѣ два камня простыхъ да раковина подписи серебряные позолочены а около того образа у святыхъ двадцать вѣничковъ малинкихъ позолоченыхъ около онаго образа по сторонамъ штилистовыхъ разныхъ образовъ на окладѣ серебряномъ позолоченомъ а имянно по правую сторону Успенія Богородицы Преображенія Господня Спасителейъ стоящей</p>

Примѣчанія.	№№	
		<p>Святого Мартирія епископа, по лѣвую Рождества Богородицы Вознесенія Господня, святого Николая Чудотворца</p>
вновь привешено ожерелье мелкаго жемчугу.	10	Подлѣ оныхъ образовъ образъ Алексія челоуѣка Божія стоящей над нимъ писано отечество оклад серебряной басменной с вѣнцы серебряными рѣзными поднись двѣ серебряные жъ рѣзные
	11	Подлѣ того образа образъ благоуѣрнаго князя Всеволода обложенъ серебромъ басменнымъ вѣнцы рѣзные золоченые двѣ подниси рѣзные золоченые жъ
	12	Над нимъ образъ Спаса нерукотвореннаго и святителей Афанасія и Кирилла Александрійскихъ предъ нимъ лампада мѣдная лощатая новая позолоченая
	13	Образъ Благоуѣрнаго князя Владиміра Кіевскаго вѣнецъ серебрянной басменной ветхой оклад по полямъ мѣдной золоченой
вновь привешено ожерелье мелкаго жемчугу.	14	Предъ нимъ лампада мѣдная лощатая малинная полууженая
	15	Образъ Пресвятыя Богородицы Корсунскія окладъ и вѣнецъ серебряные в кіотѣ рѣзномъ золоченомъ двѣ подниси рѣзные с финифтью
в подвѣсѣ кисть серебряная		Предъ онымъ образомъ лампада мѣдная
		Образъ Благоуѣрнаго князя Мстислава Новгородскаго в кіотѣ столярной работы писанъ краски
		<p align="center">По лѣвую сторону царскихъ дверей мѣстныхъ образовъ</p>
в подвѣсѣ кисть серебряная	1	<p>Образъ Пресвятыя Богородицы Успенія со ангелы и со апостолы средина и поля обложены серебромъ золоченымъ окладъ чеканной с трубами у Спаса и у Пресвятыя Богородицы вѣнцы чеканные золоченые около вѣнцовъ по обоимъ краямъ низано жемчужномъ крупнымъ в одну нить у Богородицы в вѣнцѣ четырехъ жемчужинъ нѣтъ у ангеловъ и у апостоловъ и у святителей пятьдесятъ три вѣнца чеканные золоченые у праздниковъ сорокъ восемь вѣнцовъ невеликіе золоченые рѣзные да у Спасителява образа и у Богородицы ризы серебряные чеканные позолоченые и убрусъ и ожерелье жемчужное въ убрусѣ вставки камень бѣчета в ожерелье камень изумруд едина поднись серебряная золоченая</p> <p>Предъ нимъ двѣ лампы одна малинная хрустальная в коей горитъ масло деревянное обложена</p> <p>другая серебряная чеканная с высокими травами а между травъ земля золоченая, три чепи серебряные а надъ ней чашка мѣдная</p>

Примѣчанія.

№№

2

Под тѣмъ образомъ Пресвятыя Богородицы Успенія аналогій обить тавтою двоеличною на немъ пелена штофная с травами разныхъ цвѣтовъ а крестъ позументу золотого усаго подложенъ крашениною на томъ аналогіи ковчегъ деревянной обложенъ бархатомъ зеленымъ за слудою вокругъ верха обить окладомъ мѣднымъ позолоченымъ а в немъ мощи разныхъ святыхъ в ковчегяхъ же серебряныхъ и позолоченныхъ, а имянно:

1) въ ковчегѣ серебрянномъ позолоченномъ с цепочкою серебряною жъ апостола Ананіи 2) мощи святого благовѣрнаго князя Михаила Черниговскаго 3) в ковчегѣ серебрянномъ позолоченномъ мощи Алексѣя челоуѣка Божія верхня дска золотая на ней образъ его жъ финиетяной в вѣнце пять искръ алмазныхъ, 4) в ковчегѣ малинкомъ серебряномъ позолоченномъ мощи преподобнаго Евѣимея Суздальскаго 5) в ковчегѣ серебряномъ бѣломъ продолговатомъ мощи архидіакона Стефана да мощи Климента папы римскаго 6) в ковчегѣ серебряномъ бѣломъ на верхней дскѣ вставлено стекло мощи святого Меркурія Палестинскаго. 7) в ковчегѣ серебряномъ золоченомъ мощи святого Кирилла архіепископа Александрійскаго 8) в ковчегѣ серебрянномъ рѣзномъ у коего в тринадцати мѣстахъ вставлены финисы и брюзы в немъ мощи святого великомученика Прокопіа 9) в ящикѣ деревянномъ в двадцати четырехъ мѣстахъ мощи святыхъ 1) Михаила митрополита Кіевскаго 2) Николая святѣйшаго князя Черниговскаго, 3) Преподобномученика Василия 4) Преподобномученика Θεодора 5) Преподобнаго Ісакія Затворника 6) Неоонта епископа Новгородскаго 7) Преподобнаго Поликарпа архимандрита печерскаго 8) Преподобнаго Агапита врача 9) Преподобнаго Спіридона Чудотворца 10) Преподобнаго мученика Евстратія 11) Преподобнаго Варлаама игумена Печерскаго 12) Преподобнаго Моисея Угрина 13) Преподобнаго Іоанна многострадалнаго 14) Преподобнаго Марка гробокопателя 15) Преподобнаго Іліи Муромца 16) Преподобнаго Логина вратаря Печерскаго 17) Преподобные Евѣросиніи игуменіи Полоцкой 18) Преподобнаго Захарія 19) Преподобнаго Веніамина 20) Преподобнаго Тита воина 21) Преподобнаго Агафона 22) Преподобнаго Евѣимія схимника 23) Преподобнаго Ипатія 24) Преподобнаго Игнатія архимандрита Печерскаго 10) въ ящикѣ деревянномъ нарѣзномъ по мѣстомъ раковинами в восемнатцати перегородочкахъ насыпаны кости

с і и м о щ и о т п р а в л е н ы

Примѣчанія.	№№	
к с его п р е с в я щ е н с т в у	ест е е е е н	<p>святыхъ с подписью греческою 11) въ коробочки деревянной мощи в хлопчатой бумаги без подписи 12) въ ящикѣ сребрян- номъ позолоченомъ на четырехъ ножкахъ рѣзномъ мощи свя- тыхъ: 1) Преподобнаго Александра Свирскаго 2) велико- мученика Артемія 3) Григорія Богослова 4) великомученика Георгія 5) великомученицы Параскевы 6) Василия великаго 7) мученицы Марины 8) Іоанна Дамаскина 9) царя Констан- тина 10) великомученицы Варвары 11) Θεодора Тирона 12) свя- щенномученика Анеима епископа Никомидійскаго 13) Князя Владимира 14) Священномученика василія епископа Ама- сійскаго 15) Іоанна Златоустаго 16) Іакова Персянина 17) Іо- анна многострадалнаго 18) Варвары мученицы 19) Николая Святоши 20) Алексія Затворника 21) Михаила перваго митро- полита 22) Іоанна многострадалнаго 23) Прохора лободника 24) Никона Сухова 25) Агашита врача 26) Моисея Угрина 27) Вениамина постника 28) Евросинія Полоцкой 29) Θεодора Печерскаго 30) Моисея Постнаго 31) Лаврентія Затворника 32) Тита воина новаго 33) Григорія Печерскаго 34) Афа- насія Затворника 35) Іліи Муромца 36) Іоанна Постнаго 37) Преподобнаго Іосифа 38) Лаврентія Затворника 39) Исакія Затворника, 40) Преподобнаго Логина 41) Николая Святоши 42) Марка Гробокопателя 43) Василия Печерскаго 44) Ва- силія Великаго 45) Игнатія архимандрита 46) Пансія Пост- наго 47) Василия великаго 48) Иларіона схимника† 13) въ бѣ- лиленкѣ деревянной мощи без подписи 14) в бѣлиленкѣ деревянной мощи святые великомученицы Анастасіи 15) въ же- стянкѣ круглой мощи святого мученика Пантелеймона 16) в бѣ- лиленкѣ деревянной мощи без подписи 17) въ ковчегѣ не- болшемъ хрусталномъ оправлено помѣстамъ золотомъ и ка- мѣшкамъ зеленымъ и краснымъ в немъ мощи святого апостола Андрея 18) въ тафтѣ алой мощи без подписи, 19) в мѣшечкѣ бархатномъ зеленомъ мощи святого Мученика Вакха* 20) в бу- машки мощи святого мученика Сергія*, 21) въ разныхъ мѣл- кихъ бумашкахъ мощи святыхъ а имянно 1) Василия вели- кого 2) Апостола и евангелиста Марка 3) евангелиста Луки, 4) Алексія митрополита, 5) великомученика Георгія 6) архи- діакона Стефана 7) Іоны митрополита 8) Θεодора Стратилата 9) евангелиста Матвея 10) Григорія Богослова 11) Петра Митрополита 12) Іоанна Златоустаго* 13) Пророка Даниїла 14) Преподобнаго Макарія Чудотворца 15) Лаврентія За- творника 16) Филиппа Митрополита 17) Агашита врача Пе-</p>
<p>* архіерея * кость отъ лба</p>	е	
<p>* мощей Іоанна Златоустаго не явилось</p>		

отосланы туда жъ

Примѣчанія.	№№	
<p>** сверхъ описи во оной бумашкѣ явились мощи 1) Доміана цѣлителя Пимена многоболѣзненнаго</p> <p>е</p> <p>е</p> <p>е</p> <p>е</p> <p>е</p> <p>отъ Ірода избіенныхъ младенцевъ</p> <p>е</p> <p>е</p> <p>е</p> <p>е</p> <p>е</p> <p>е</p> <p>е</p> <p>е</p> <p>есть</p>	<p></p> <p></p> <p></p> <p></p> <p></p> <p></p> <p></p> <p></p> <p></p> <p></p> <p></p> <p></p> <p></p> <p></p> <p></p> <p></p> <p></p> <p>3</p> <p>4</p>	<p>черскаго 18) Александра Свирскаго 19) Преподобнаго Логина 20) Преподобнаго Сіулана 21) Пантелеймона цѣлителя 22) Животворящее древо 23) Преподобнаго Зинова 24) Преподобнаго Лаврентія 25) Преподобнаго Агафона** 22) в ковчегѣ деревянномъ ветхомъ в немъ по запискѣ значить кровь невѣдомая 23) в бумашкѣ на которой подписано мозгъ невѣдомой святыхъ мощей 24) в ставенкѣ деревянномъ простомъ мощей святыхъ 1) Іакова Персянина 2) в ковчегѣ серебряномъ малинкомъ мощи мученика Кирика 3) в бумашке подписи двѣ части древа а какого не вѣдомо в томъ же ставенкѣ записка невѣдомыхъ мощей святыхъ девятнадцать мѣсть крупныхъ и drobныхъ 25) в мѣшечкѣ отласномъ красномъ мощи святого Іоанна 26) в горшечкѣ по подписи кровь матери Оулія Патриарха 27) в бумагѣ рука правая мощей безъ подписи 28) въ бумагѣ отъ чотыредесяти мучениковъ нога Іоанна Мученика обложена серебромъ 29) в коробочкѣ китайской круглой черной двѣ части мощей первомученика архидіакона Стефана одна оправлена серебромъ 30) коробочка серебряная круглая небольшая безъ подписи а в ней мастика или кровь познать не возможно 31) скляночка малиная четвероугольная без ерлыка с миромъ 32) скляночка хрустальная грановитая оправлена серебромъ в немъ малая часть миро 33) ящикъ чотыреугольной оправленъ раковиною и черепахою в немъ мощи оправлены серебромъ подписи греческая 34) в бумашки мощи Елиферія с цепочкою серебряною 35) в бумашкѣ на которой подписано камень невѣдомый 36) в тафтѣ красной Гроба Господня земля 37) в бумашкѣ кость Преподобнаго отца Евѣимія обложено на кость серебромъ и в срединѣ колечко серебряное жъ пред оными мощами подсвѣшникъ мѣдный выносной</p> <p>Складни разныхъ святыхъ мѣдной оправы по подписи Емельяна Кирилова</p> <p>Подлѣ вышеписаннаго образа Успенія Пресвятыя Богородицы образъ Предста Царица, поля и середина обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ на томъ образѣ у Спаса и Богородицы и Предтеча вѣнцы чеканные золоченые а у ангеловъ вѣнцы чеканные бѣлые у Спасова образа цата большая серебряная золоченая сканная с финифтью на ней пять drobницъ а на нихъ писаны святые у Богородицы и у предтечи гривенки серебряные чеканные да в нихъ по три ставки простыхъ шесть подписей чеканныхъ серебряныхъ бѣлыхъ.</p>

Примѣчанія.	№№	
на Богоматери оклад серебряной золоченой с финифтью такой же и на Превѣчномъ младенцѣ в недрахъ такой же маленькой	5	<p>Пред нимъ лампада серебряная чеканная с высокими травами, а между травъ земля золоченая три чеши серебряные а над ней чашка мѣдная</p> <p>Подлѣ того образа двери сѣверные створчатые на нихъ писаны многихъ святыхъ над тѣми дверми образъ о тебѣ радуется, оклад серебряной басменной золоченой</p>
	6	<p>Подлѣ тѣхъ дверей образъ Пресвятыя Троицы около его Господские праздники на немъ пять вѣнцовъ с цатами серебряные рѣзные золоченые а праздники и поля без окладу да вверху того образа поставлены четыре иконы окладные басменные разныхъ святыхъ ветхихъ 1) Спасителевъ до персей 2) Варлаама Хутынского 3) Рождество Богородицы 4) великомученика Георгія</p> <p>Пред нимъ лампада мѣдная новая позолоченая</p>
* на тѣхъ 4 вѣнцахъ одинатцать камешковъ простыхъ разного сорту в гнѣздахъ серебряныхъ	7	<p>Образъ Маріи египецкія на краски</p>
	8	<p>Образъ великомученика Георгія поля обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ с вѣнцы рѣзными золочеными жъ двѣ подписи рѣзныхъ.</p>
	9	<p>Образъ священномученика Θεодота Кириинейскаго на немъ писаны святыя Благовѣрный князь Борисъ Преподобная мати Ксенія святая Марія Магдалина вверху Господь Саваоѣ в срединѣ знаменіе Пресвятыя Богородицы на тѣхъ святыхъ вѣнцы сканные с финифтью сквозные*, у отечества¹ и знаменія два вѣничка сканные средина и поля обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ</p>
* в подзорѣ у Богородицы убрѣсъ низанъ крупнымъ жемчюгомъ с разными камешками простыми	10	<p>Образъ Пресвятыя Богородицы Одигитріи Тихвинскія вѣнцы золотые глаткія у Богородицы три запоны в первой запонѣ камень лалѣ червчатъ шесть изумрудовъ шесть яхонтовъ красныхъ маленькихъ в другой запонѣ камень изумрудъ зеленой около двѣнатцать камешковъ яхонтовъ красныхъ в третьей запонѣ камень яхонтъ лазоревой около двенатцать камешковъ яхонтовъ красныхъ маленькихъ у превѣчнаго младенца в вѣнцѣ межъ словами в гнѣздѣ два камени изумруда зеленые два яхонты лазоревы у Богородицы и у превѣчнаго младенца по обѣимъ краямъ низано жемчюгомъ крупнымъ в одну нить* а цаты у Богородицы и у превѣчнаго младенца сканные с финифтью а в нихъ восемь камневъ разныхъ цвѣтовъ у Богородицы серешки маленькие по три жемчюжинки* у того жъ образа средина и поля обложены серебромъ гладкимъ кованымъ золоченымъ на поляхъ восемь дробницъ да три подписи серебряныхъ золоченыхъ раз-</p>

* другіе серебряные с финифтью в тѣхъ сергахъ по пяти....

Протопопъ

Примѣчанія.	№№	
в средѣ тѣхъ серегъ.....камешку простому.		ныхъ затворы обложены серебромъ кованымъ позолоченымъ и около ангеловъ вѣнцы и двадцать двѣ дробницы с подписми рѣзные
* трехъ дробницъ не явилось	11	Пред нимъ лампада мѣдная лощатая чеканная без кисти Образъ Пресвятыя Богородицы Владимірска обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ в вѣнцѣ на коронѣ камень хрусталь да сорокъ четыре камня плохихъ с раковинами около падзора одиннадцать дробницъ серебряныхъ * цата серебряная жъ сканная с финифтомъ а в ней двѣ ставки хрустальныхъ да камень винисъ три подписи рѣзные с финифтью
	12	Пред нимъ лампада мѣдная глаткая позолочена без кисти Образъ Пресвятыя Богородицы Донскія поля басменные вѣнецъ рѣзной гривенка чеканная сквозная в срединѣ гривенки три рѣпья рѣзные серебряные чеканные с финифтомъ три подписи чеканные с финифтою жъ
У Богоматере убрусь рѣзанъ жемчюгомъ среднимъ и в немъ три камня большихъ разныхъ цвѣтовъ у оной же Богоматери и у Спасителя об- раза ожерелья средняго жемчюгу.	13	Пред нимъ лампада мѣдная гладкая позолочена без кисти Образъ Пресвятыя Богородицы Тихвинскія у Богородицы и у Превѣчнаго младенца вѣнцы и цата и оклад серебряные чеканные золоченые да серги серебряные з жемчюжки и камешки бѣчетою три подписи чеканные золоченые
	14	Пред нимъ лампада мѣдная гладкая позолочена без кисти Надъ тѣми божественными образами штилистовыхъ иконъ писанныхъ красками тринацать Успенія Богородицы и Богоматери со архангелы Предтечею и тремъ преподобнымъ, Спасители на престолѣ з Богородицею Предтечею апостолы и святители, Рождество Богородицы, Преображеніе Господне Николая Чюдотворца Преподобный Варлаамъ Хутынский, Сошествіе Святаго Духа, Александра Свирекаго
	15	По другую сторону образъ Спасителя окладъ басменной серебряной
Гробъ Господень облеченъ шпалерами ветхими	16	Под оными образами гробъ Господень облеченъ отласомъ цвѣтнымъ травчатымъ а на немъ в дополненіе к гробу Господню положено
штофу черного не имѣется		а имянно: На верхнюю деку отласу и травы по кирпичной земли бѣлые шелковые по бокамъ штофу черного, травы серебряные да с сакоса постнаго нарукавчики побочни и наподолники Планица камки лазоревой шита золотомъ и серебромъ ветхая кругъ ея лѣтописецъ Богородица Іоаннъ Богословъ и осмь ангеловъ шиты золотомъ по краямъ вышито «да молчитъ всякая плоть человѣча» по угламъ херувимы, кругъ опушена

Примѣчанія.	№№	
ветхой		изарбатомъ цвѣтнымъ с травками золотными подпушена тафтою двоеличною желтою.
		Покровъ кресчатой золотой в заглавіи шиты образъ Спасовъ в дѣисусѣ около того покрыва круживо серебряное обложено атласомъ осиновымъ
	17	Подлѣ вышеозначенного Спасителява образа образъ Николая Чюдотворца в чюдесехъ обложенъ серебромъ басменнымъ в вѣнцѣ три ставки камней простыхъ двѣ подписи рѣзныхъ с финифтью,
		Пред нимъ лампада мѣдная малая лощатая полужена без кисти
	18	Образъ неопалимыя купины в кіотѣ рѣзномъ золоченомъ у Богородицы и у Превѣчнаго младенца вѣнцы серебряные рѣзные золоченые поля обложены серебромъ басменнымъ
у Превѣчнаго младенца и у Богоматере ожерелье средняго жемчугу у Богоматери нарукавье жемчужное целены не явилось съ дробницами колець не явилось	19	Образъ архангела Михаила писан на краски в кіотѣ Пред нимъ лампада мѣдная лощатая без кисти
	20	Подлѣ лѣваго крылоса образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы мѣрою противъ Чюдотворнаго образа на немъ риза и поля серебряные чеканные золоченые с трубами на Пресвятѣй Богородицѣ вѣнецъ золоченой же чеканной, на Превѣчномъ младенцѣ вѣнецъ золоченой чеканной с сіяніемъ серебрянной на томъ же образѣ на другой сторонѣ у Спасителява образа вѣнецъ чеканной золоченъ на ангелахъ и на разныхъ святыхъ восемь вѣнцовъ серебряныхъ золоченыхъ чеканныхъ и гладкихъ у того образа въ исподѣ целена бархату червчатого золотного три дробницы серебрянные золоченые шесть колечекъ серебряныхъ
		Пред нимъ подвѣшникъ мѣдной литой гладкой
		Надъ мѣстными образами вверху в дѣисусѣ Святыхъ образъ писанныхъ красками

Въ первомъ ярусѣ

Въ срединѣ образъ Спасителявъ обложенъ серебромъ с окладомъ басменнымъ золоченымъ цата серебряная чеканная золоченая а в ней пять ставокъ разныхъ цвѣтовъ.

Пред тѣмъ образомъ лампада серебряная глаткая подзоръ чеканной яблоко глаткое чашка и три чепи серебряные жъ кисть золотая с серебромъ и звѣздами под чашкою варворка серебряная по мѣстамъ жемчугъ китайской

Д о м е т і й

Примѣчанія.	№№	
		По правую сторону того Спасителя образа
	1	Образъ Богородицы въ моленіи обложенъ серебромъ окладъ и вѣнецъ басменной золоченой
	2	Подлѣ того образа образъ Михаила архангела обложенъ серебромъ окладъ и вѣнецъ серебряной басменной золоченой
	3	Образъ святого апостола Петра в окладѣ басменномъ золоченомъ.
	4	Образъ Василия великаго окладъ и вѣнецъ серебряной басменной золоченой
	5	Образъ Григорія Богослова обложенъ серебромъ басменнымъ
	6	Образъ Димитрія Селунскаго обложенъ серебромъ.
		По лѣвую сторону Спасова образа
	7	Образъ Іоанна Предтечи поля и средина обложены серебромъ окладъ и вѣнецъ басменной золоченой
	8	Образъ Гавріила Архангела обложенъ серебромъ окладъ и вѣнецъ басменной золоченой
	9	Образъ апостола Павла окладъ басменной золоченой
	10	Образъ Іоанна Златоустаго обложенъ серебромъ басменнымъ окладъ и вѣнецъ басменные жъ
	11	Образъ Николая Чюдотворца обложенъ серебромъ окладъ и вѣнецъ басменной золоченой
	12	Образъ святаго мученика Георгія обложенъ серебромъ окладъ и вѣнецъ басменной золоченой
		Во второмъ ярусѣ
	13	Дватцать четыре образа Господскіе праздники обложены серебромъ басменнымъ безъ прикладовъ золочены
		Въ третьемъ ярусѣ
		Над тѣмъ праздниками семь на десять образовъ пророческихъ обложены серебромъ басменнымъ с вѣнцы
		Въ четвертомъ ярусѣ
		Праотцы, херувимы и серафимы писаны на краски безъ окладовъ.

Примѣчанія.	№№	
	6	Алексѣя челоуѣка Божія окладъ и поля серебряные басменные позолоченные.
	7	Алексѣя митрополита Московскаго и всея Росіи писанъ на кипарисѣ окладъ средина и вѣнецъ серебряные глаткіе золоченые поля чеканные бѣлые.
	8	Рождество Пресвятыя Богородицы четыре вѣнца с финифтью серебрянные золоченые по полямъ окладъ серебряной же басменной.
	9	Святителя Алексѣя митрополита Московскаго вѣнецъ серебряной красной позолоченой окладъ по образу и на поляхъ серебряной басменной позолоченой же
	10	Святителя Филиппа митрополита Московскаго два вѣнца и двѣ подписи серебряные рѣзные позолоченные по образу и по полямъ окладъ серебряной басменной золоченой
	11	Святыхъ Прокопія и Іоанна Устюжскихъ три вѣнца с финифтью и три подписи и окладъ по образу и по полямъ все басменное серебряное позолоченое
	12	Пресвятыя Богородицы Владимірскія поля и вѣнецъ серебряные басменные позолоченные в вѣнце пять камешковъ разныхъ цвѣтовъ и три подписи с финифтью
	13	Похвалы Пресвятыя Богородицы вѣнецъ и поля серебряные басменные позолоченные вѣхіе
	14	Святителя Никиты епископа Новгородскаго вѣнецъ и надпись рѣзные окладъ посрединѣ и по полямъ басменной
	15	Пресвятыя Богородицы Одигитріи два вѣнца серебрянные позолоченные басменные в нихъ восемь ставокъ хрустальныхъ окладъ посрединѣ и по полямъ басменной же позолоченой и двѣ надписи серебряные бѣлые
	16	Пресвятыя Богородицы Успенія шесть вѣнцовъ гладкихъ да двѣ подписи окладъ по полямъ басменной все серебряное и позолоченое
	17	Святителя Никиты епископа Новгородскаго в моленіи два вѣнца у Богородицы серебряные золоченые надпись серебряная окладъ посрединѣ и по полямъ серебряной же басменной позолоченой
Справится на сѣняхъ.	18	Спасовъ образъ до персей вѣнецъ и окладъ басменной серебряной и позолоченой
	19	Образъ Спасителейъ стоящій в моленіи у ногъ Преподобный Сергій Радонежскій и Варлаамъ Хутынский у одного образа окладъ вѣнецъ и гривенка серебряные чеканные золоченые около вѣнца и гривенки обнизано по обѣ стороны в одну нить жемчу-

Примѣчанія.	№№	
не явилось		
		гомъ крупныхъ и среднихъ. Въ вѣнцѣ и цѣтѣ одиннадцать камешковъ разныхъ цвѣтовъ посрединѣ цѣты одна раковина
		По лѣвую сторону образа
	1	Пресвятыя Богородицы Тихвинскія вѣнецъ и ризы серебряныя чеканные золоченыя
	2	Святителей Николая Чюдотворца и Евфимія архіепископа Новгородскаго четыре вѣнца гладкіе окладъ в срединѣ и по полямъ серебряной басменной золоченой надпись серебряная бѣлая.
	3	Святые Троицы три вѣнца рѣзные окладъ басменной серебряной все позолочено надпись бѣлая
	4	Видѣніе Пресвятыя Богородицы Сергію Радонежскому вѣнцы и поля серебряныя басменные золоченыя надпись бѣлая
	5	Успенія Пресвятыя Богородицы с финифтью окладъ и надпись серебряныя басменные позолоченыя
	6	Преображенія Господня три вѣнца и окладъ серебряной басменной позолоченой
	7	Святителя Николая чюдотворца вѣнецъ и окладъ серебряной басменной золоченой двѣ надписи бѣлыя
	8	Алексѣя челоуѣка Божія вѣнецъ сквозной с финифтью в срединѣ окладъ рѣзной по полямъ басменной все серебряное золоченое и с надписью
	9	Святого апостола Іоанна Богослова вѣнецъ и окладъ серебряной басменной золоченой
	10	Успенія Пресвятыя Богородицы вѣнцы и окладъ серебряной надписи серебряная жъ
	11	Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы три вѣнца и по полямъ окладъ и надписи серебряныя басменные золоченыя
	12	Святыхъ апостоловъ Петра и Павла три вѣнца и окладъ по полямъ гладкіе с серебромъ и позолоченыя
	13	Преподобнаго Варлаама Хутынскаго два вѣнца рѣзные и с надписью серебряныя по полямъ окладъ басменной серебряной же
	14	Святителей Николая Чюдотворца со архангелы вѣнецъ и окладъ чеканной бѣлой
	15	Святого пророка Іліи два вѣнца с надписью чеканные по полямъ окладъ серебряной басменной золоченой
	16	Святого Николая Чюдотворца стоящей вѣнецъ и по полямъ окладъ серебряной басменной золоченой надписи бѣлая серебряная жъ

Примѣчанія	№№	
	17	Образъ святителей Никиты Іоанна Новгородскихъ чудотворцевъ, четыре вѣнца сканные с финифтью три надписи окладъ посрединѣ рѣзной по полямъ басменной все серебрянное и позолоченое
	18	Святого великомученика Георгія вѣнецъ сканной с финифтью окладъ серебряной басменной золоченой ветхой
	19	Преподобнаго Антонія Римлянина три вѣнца с надписью рѣзные серебрянные окладъ басменной ветхой
	20	Пресвятыя Богородицы Одигитріа Смоленскія два вѣнца прорѣзные с финифтью в срединѣ окладъ басменной позолоченой
		Жертвенникъ
		На немъ одежда бархатная вишневая подложена крашениною крестъ четвероконечной золотой
		Одежда штофу по бѣлой земли травы разныхъ шелковъ подложена китайкою бѣлою, завяски лѣнтовые бѣлые пукетовые крестъ позументу золотого гладкого четвероконечный
		Капетазма прежняя что была у царскихъ дверей камчатая бѣлая
		За жертвенникомъ образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы вѣнцы серебряные золоченые чеканные по полямъ вокругъ обложено серебромъ золоченымъ на томъ же образѣ на другой сторонѣ образъ Спасовъ на немъ вѣнецъ серебряной чеканной золоченой поля обложены серебромъ золоченымъ же предъ нимъ подсвѣшникъ мѣдной литой на поддонѣ
		При жертвенникѣ в падинѣ
		в дву кіотахъ праздники дванадесятные и разныхъ святыхъ писаны красками на холстѣ поля серебряные басменные позолоченые
		Двѣнадцатъ миней мѣсячныхъ писаны красками на холстѣ жъ * образъ
		Святыхъ евангеліевъ
	1	Евангеліе в дестъ обложено парчею золотою, верхняя доска серебряная сканная с финифтомъ и веревочкамъ золочена, посрединѣ распятіе въ кіотѣ вольяшномъ серебрянномъ золоченомъ
		приложилъ

ветхіе

* сей статьи не числить по неже она удвоена и значится в евангеліяхъ под № 4
репей въ коемъ укреплены прокладки въ четырехъ мѣстахъ

Примѣчанія.	№№	
<p>низанъ жемчюгомъ мелкимъ въ срединѣ запона безъ камня обнизана жемчюгомъ мелкимъ же двѣ прокладки съ кистями золотыми.</p>		<p>номъ по угламъ евангелисты чеканные золоченые да на тое же дски двѣ запоны в нихъ два яхонта лазоревыхъ граненыхъ около ихъ камешки в гиѣздахъ да шесть яхонтовъ в гиѣздахъ же в дву гиѣздахъ два яхонта красныхъ десять запоны простыхъ с хрусталами двѣнадцать камешковъ в гиѣздахъ простыхъ разныхъ цвѣтовъ около дски и по образу писанъ лѣтописецъ на нижней дски пять репьевъ обронные застѣшки вольяшныя с финифтомъ в нихъ два камѣшка простыхъ красныхъ</p>
<p>жемчугу нѣсколько осыпалось и на лицо не имѣется</p>	2	<p>Евангеліе печатное на Александрійской бумаги верхняя дска прорѣзная сквозная серебряная золоченая в срединѣ Воскресеніе с евангелисты чеканными позолочены да промѣжъ евангелистовъ сверху отечество да четыре дщицы праздничныя чеканныя вкругъ евангелистовъ каймы трубами высокими чеканными застѣшки серебряныя рѣзные нижняя дска серебряная рѣзная узорчатая около тое дски каймы горошчатые на дски в срединѣ крестъ в репью серебрянномъ глаткомъ прорѣзномъ науголники серебряныя глаткіе прорѣзные и в срединахъ круги чеканные в кругахъ по гвоздю по прибивочному все золочено перегибы помѣстомъ по переплету чеканные и глаткіе золоченые жъ у прокладовъ репьи низаны жемчюгомъ бурминскимъ мелкимъ в промежъ искры в серебрѣ репья запана золотая а въ ней яхонты да искры алмазныя около той запоны шесть запоновъ малыхъ золотыхъ с искры красными пять камѣшковъ изомрудовъ в золотыхъ гиѣздахъ прокладки лѣнтовые шелковыя кисти золотыя с серебромъ</p>
<p>кисти явились серебряныя</p>	3	<p>Евангеліе печатное в десть верхняя дска обложена серебромъ глаткимъ с трубами позолоченными чеканнымъ в срединѣ Воскресеніе и евангелисты литые все золочено застѣшки чеканные золочены нижняя дска серебряная глаткая золочена, на ней в срединѣ репьи и по угламъ четыре науголника серебряныя бѣлыя прорѣзные прокладки шелковыя цвѣтныя лѣнтовые на кругу промѣжъ евангелистовъ четыре камня бѣчеты в гиѣздахъ серебряныхъ</p>
	4	<p>Евангеліе новонсправной печати на александрійской бумаги верхняя дска серебряная глаткая позолоченая на срединѣ образъ воскресенія христова и кругъ его серафимы и по угламъ евангелисты и застѣшки все серебряное чеканное позолочено на нижней дски науголники и на срединѣ плащъ серебряныя бѣлыя по обрѣзу золочено облачено бархатомъ краснымъ</p>

Примѣчанія.	№№	
		двѣнадцать прокладицъ лентовыхъ золотныхъ и серебряныхъ на нихъ кисти серебряные у нихъ же вокругъ в чемъ укрѣплены бархату краснаго в немъ шесть жемчужинъ болшихъ и двѣнадцать искоръ разныхъ цвѣтовъ в срединѣ обнизано жемчугомъ мелкимъ
явилось с чернью ветхое	5	Евангеліе печатное обложено бархатомъ желтымъ дска серебряная чеканная по краямъ каймы (с финифтомъ) да три веревочки сканые евангелисты рѣзные с чернью около дски рѣзанъ лѣтописецъ на исподней дски четыре плаща глаткихъ з застѣшки серебряными золочеными
ветхое	6	Евангеліе печатное дска серебряная золоченая кайма золочена с финифтомъ сканная да четыре веревочки сканныхъ евангелисты серебряные чеканные золоченые около дски рѣзанъ лѣтописецъ на нижней дски пять плащей серебряныхъ чеканныхъ застѣшки серебряные золоченые
ветхіе при ономъ за- стѣшки серебряные малые у одново засте- жекъ не имѣется	7	Два евангелія (новоисправныхъ) в дещь оболчены бархатомъ краснымъ средина и евангелисты рѣзные позолочены на исподѣ средина и науголники серебряные золоченые глаткіе
застежекъ нѣтъ	8	Евангеліе (новоисправное) обложено трипомъ зеленымъ средина и евангелисты и застѣшки мѣдные
	9	Евангеліе (новоисправное жъ) обложено трипомъ краснымъ ветхимъ, средина и евангелисты и застѣшки мѣдные ветхіе жъ
	10	Евангеліе печатное средина и евангелисты серебряные рѣзные покрыто бархатомъ краснымъ двѣ застѣшки серебряные из которыхъ одна сломана
ветхое	11	Евангеліе, напрестолное красного бархату распятіе и евангелисты чеканные позолочены, назадъ средина наугольники и застѣшки серебряные позолоченые
	12	Два евангелія напрестолныхъ на нихъ распятіе и евангелисты серебряные басменные
	13	Два евангелія воскресные толковые печатные в дещь
е новое	14	Евангеліе толковое всендневное печатное в дещь
	15	евангеліе толковое бесѣды златоустаго с правоученіемъ печатное в дещь
	16	Евангеліе толковое писменное в дещь Матѳея и Марка евангелистовъ
	17	Евангеліе толковое писменное на два евангелиста Луки Іоанна
	18	Три евангелія в томъ числѣ два толковые а третіе писменное в дещь

Примѣчанія.	№№	
		<p style="text-align: center;">Крестовъ</p> <p>e 1 Крестъ благословящей золотой с мошми и с каменіемъ, а в немъ по имѣющемуся на исподней деки подписанію оныхъ мощей показано</p> <p>млеко и риза Пресвятыя Богородицы животворящее древо, кушина неопалимая, риза мученика Пантелеймона, мощи Димитрія Селунскаго, мощи мученика Оеодора Стратилата, мощи чотыредесяти мучениковъ, мощи великомученика Георгія, мощи Андрея Первозваннаго, жезлъ Аароновъ и Моисеевъ, мощи мученика Пантелеймона, камень Гроба Господня, мощи Ефрема Сирина, мощи Анастасія Перскаго, перстъ Оеодора Стратилата, мощи великомученика Прокопіа, мощи Іакова Перскаго, мощи великомученицы Екатерины, мощи великомученицы Параскевы, ризы Іоанна архіепископа, патрахили, поручи и поясъ Никиты епископа, мощи и риза Іоны архіепископа вѣсу въ немъ кромѣ древа и мощей в ободу и в исподней декѣ два фунта восемнадцать золотниковъ а в верхней деки вѣсу с распятіемъ и святителю и с каменіемъ и з жемчюгомъ два фунта тритцать золотниковъ а каменія в немъ хрусталь да лалъ два яхонта лазоревые чотыре изумруда зеленыхъ в обнизѣ кафимскаго большаго жемчугу числомъ двѣсти девяносто девять зеренъ</p> <p>e 2 Крестъ большой воздвизалной обложенъ сребромъ басменнымъ а в немъ часть животворящаго древа по ручкамъ круга выломались над главою оклада и херувима нѣтъ вверху распятіе, а на задѣ два хрусталя круглые около животворящаго древа осмъ камѣшковъ простыхъ</p> <p>e 3 Крестъ серебряной золоченой сканной с мошми, распятіе волячное около главы обнизано жемчюгомъ, а в немъ двѣ бирюски двѣ жемчюжинки чотыре камешка червцы, камѣшекъ лазоревъ расколоть а подишь мощемъ у того креста рѣзана на исподней деки по сторонамъ обнизанъ китайскимъ половинчатымъ жемчюгомъ</p> <p>e 4 Крестъ воздвизалной обложенъ сребромъ окладъ басменной золоченой а в немъ одиннадцать ставокъ камней плохихъ в срединѣ и на исподѣ по мѣстамъ оклад ободрался на другой сторонѣ пять ставокъ хрустальныхъ</p> <p>e 5 Крестъ воздвизалной обложенъ сребромъ басменнымъ распятіе волячное выподѣ оклад ободрался чотыре вставки хрустальныхъ</p> <p style="text-align: center;">Дометій протопопъ</p>

Примѣчанія.	№№	
	6	Крестъ воздвизалной обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ вверху камень красной в срединѣ около древа семь ставокъ плохихъ в ысподѣ окладъ ободрался
е	7	Крестъ четвероконечный серебряной глаткой золоченой со многими мощми святыхъ о которыхъ надпись над ними значить
малой писанъ с мощми	8	Три креста четвероконечные малые с мощми разныхъ святыхъ о которыхъ значить надпись на тѣхъ крестахъ все серебряное в томъ числѣ одинъ позолоченъ
писанъ с мощми	9	Крестъ с надписью и часть креста древа Господня з задвишкою дскою серебряною позолоченою басменною на которой образъ по надписи святого Антонія
не имѣется	10	Крестъ с святыми мощми чеканной серебряной золоченой около ево китайской жемчугъ на проволоку, на которомъ осьми явствуеъ на треть
справиться	11	Крестъ серебряной сканной работы на немъ распятіе вольячное.
е	12	Крестъ обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ десять вставокъ плохихъ а в немъ в срединѣ мощи явились.
е	13	Крестъ выносной обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ за престолной
сей крестъ выносятся въ крестные ходы	14	Крестъ басменной обложенъ серебромъ на немъ распятіе вольячное
е	15	Крестъ обложенъ серебромъ гладкимъ распятіе вольячное
е	16	Крестъ серебряной глаткой небольшой с мощми золоченъ
явился безъ мощей	17	Крестъ деревянной распятіе вольячное серебряное по концамъ обложенъ серебромъ сканнымъ.
е	18	Крестъ серебряной чеканной благословящей позолоченой в срединѣ древо назади подпись
е	19	Крестъ чеканной ысподѣ написаны страсти по верхней и по нижней сторонѣ чеканено в веревочки
е	20	Крестъ мѣдной в немъ пять хрусталей
е	21	Крестъ хрустальной по мѣстамъ обложено серебромъ позолоченымъ
е	22	Крестъ деревянной благословящей обложенъ мѣдью с распятіемъ мѣднымъ же а в немъ шесть вставокъ стеклчатыхъ
32 камня	23	Крестъ дубовый распятіе вольячное обить оловомъ

Примѣчанія.	№№	
		Сосудовъ церковныхъ
		Ковчегъ на престолной, в которомъ содержитца годовою агнецъ, шатровой серебряной четверугольной с четырьмя столбиками прорѣзными серебряными золочеными по верху крестъ четвероконечный позлащенъ на четырехъ серебряныхъ низинныхъ ножкахъ у того ковчега дверцы затворчатые чеканные золочены по сторонамъ осмь херувимовъ
		Дискосовъ
е	1	Дискошь серебряной позлащенной
е	2	Четыре диска серебряные
е	3	Дискошь на поддонѣ золотой подаваніе князь Матѣя Петровича Гагарина который вновь передѣлыванъ с прибавленіемъ золота при престолоправительствѣ преосвященнаго Амвросія архіепископа 1744 году въ августѣ мѣсяцѣ.
е	4	Дискошь серебряной рѣзной позолоченой
е	5	Дискошь на поддонѣ серебряной
е	6	Дискошь серебряной золоченой наложено финифтомъ с поддономъ
е	7	Дискошь серебряной золоченой рѣзной
		Потировъ
е	1	Потиръ золотой весь яблоко с финифтомъ сканное поддонъ лощать чрезъ лощку чеканные на поддонѣ рѣзанъ лѣтописецъ
е	2	Потиръ серебряной золоченой на немъ кожухъ прорѣзной около в шести мѣстахъ образъ Спасителейъ и другіе святыя подпись финифтяная
е	3	Потиръ серебряной золоченъ фряское дѣло яблоко чеканное поддонъ лощать сверху рѣзано «пійте»
е	4	Потиръ серебряной бѣлой
е	5	Потиръ серебряной золоченой небольшой а на немъ подпись «пійте от нея» яблоко чеканное поддонъ рѣзной
е	6	Потиръ серебряной золоченой рѣзной
е	7	Потиръ серебряной золоченой, около кожухъ серебряной бѣлой прорѣзной да распятіе с предстоящими на поддонѣ четыре апостола в клеймахъ
е	8	Потиръ серебряной позлащенной
е	9	Четыре потира серебряные
		софійскій

Примѣчанія.	№№	
		Звѣздъ
е	1	Звѣзда золотая на ней площъ на забойце сканной с финифтомъ.
е	2	Звѣзда серебряная золоченая на верху гвоздь площадьъ.
е	3	Звѣзда серебряная
е	4	Звѣзда рѣзная серебряная золоченая на ней в пяти мѣстахъ наложено финифтомъ
е	5	Звѣзда серебряная золоченая рѣзная
е	6	Пять звѣздъ серебряныхъ золоченыхъ
		Лжиць
е	1	Лжица золотая на конце цѣвья с финифтомъ
е	2	Лжица серебряная по мѣстамъ золочена с чернью чеканная
е	3	Лжица литая серебряная глаткая золоченая
е	4	Лжица серебряная глаткая золоченая
е	5	Три лжицы серебряные в томъ числѣ одна золоченая.
е	6	Лжица серебряная
		Копіевъ
е	1	Копіе серебряное золоченое
Есть одинъ а другой палмовой опущенъ во время служенія в рукомой гдѣ руки умываютъ	2	Два копія укладные у одного черенъ палмовой у другого черной деревянной
		Торѣлѣй
е	1	Шесть торѣлѣй серебряныхъ чеканныхъ средины и на поляхъ по мѣстамъ золочены
е	2	Одна торѣлка серебряная чеканная бѣлая
е	3	Двѣ торѣлки серебряныхъ с чернью по мѣстомъ золочены с подписми
е	4	Осмь торѣлѣй серебряныхъ бѣлыхъ по полямъ с нарѣскою а на нихъ вѣсу по подписямъ.
		Блюдь
	1	Два блюда серебряные позлащенные
е	2	Осмь блюдь серебряныхъ
е	3	Два блюда серебряныхъ рѣзныхъ позолоченныхъ
е	4	Блюдо серебряное дисковое на оба лица золочено с поддономъ.

Примѣчанія.	№№	
е	5	Блюдо дисковое серебряное золочено с поддономъ в срединѣ ангелы
е	6	Блюдо дисковое серебряное с подписью Исидора митрополита
Одно, а другое покрадено	7	Два блюда серебряныхъ дорныхъ
е	8	Одно блюдо серебряное дорное жъ
одно с жертвенника	9	Два блюда серебряные рѣзные золочены
е	10	Одно блюдо серебряное гладкое позолоченое
е	11	Два блюда маленькихъ серебряные золоченые рѣзные
е	12	Блюдо серебряное в чемъ держать свитую воду по краю рѣзанъ лѣтописецъ золоченой
е	13	Блюдо серебряное болшее внутри и по краямъ золочено с подписью Варлаама митрополита
е	14	Три блюда серебряные гладкіе на поляхъ двѣ веревочки и подписи на нихъ подписаны блюду Софійского дому.
е	15	Два блюда шапочные серебряные гладкіе по краямъ подпись и кругомъ мѣстами вызолочены
е	16	Блюдо серебряное на которомъ держать архіерейскую шапку в срединѣ блюда вырѣзана архіерейская шапка на рукахъ травы и по краямъ подпись вызолочены
е		При ономъ блюдѣ два круга что кладутся под архіерейскую шапку 1) бархату червчатого опушенъ голуномъ серебрянымъ подложенъ тавтою червчатою 2) суконной червчатой же ветхіе
е	17	Блюдо ценное
Чашъ серебряныхъ и подсвѣшниковъ		
е	1	Чаша водоосвященная серебряная болшая по краю рѣзанъ лѣтописецъ золоченъ поддонъ на двѣхъ рукоятки в звѣриныхъ главахъ
е		При оной чашѣ четыре подсвѣшника серебряные золоченые прорѣзные и с поддонками, которые поставляются при водоосвященіи
справиться а одинъ есть		Еще подсвѣшниковъ малыхъ мѣдныхъ три
е	2	Чаша серебряная кутейная лощатая с поддономъ
е	3	Чаша серебряная с рукоятками на трехъ ножкахъ чеканная
е	4	Двѣ чаши серебряные да два поддона

Примѣчанія.	№№	
		Чашъ мѣдныхъ
e	5	Чаша водоосвященная с поддономъ мѣдная
	6	Чаша невеликая мѣдная с носкомъ луженая ветхая
e	7	Чаша красной мѣди
		Крактировъ и протчаго.
e	1	Крактирь серебрянной золочен около ево Спасъ да Богородица со апостоломъ Петромъ чеканные рукоятѣи вольячные по краямъ вверху и на поддонѣ наложено чернью «пійте от нея вси»
e	2	Крактирь серебрянной и золоченой около ево Спасъ да Богородица со апостоломъ Петромъ да мученица Варвара чеканные рукоятѣи вольячные поверху покрашенъ и на поддонѣ наложено чернью высподѣ под поддономъ рѣзано «Господи помози рабу своему»
e	3	Панагія артоносная серебряная золоченая внутри вырѣзано Троица с воплощеніемъ по правую сторону «честнѣйшую», по лѣвую «благословенъ еси» на верху по крышки в кругу Вознесеніе вольячное около вырѣзанъ лѣтописецъ по краю сканъ золочена а над панагією четыре ангела на лвахъ вольячные все золочены у оныхъ ангеловъ три крыла поддонъ поддѣланъ мѣдью.
e	4	Два сіона серебряные золоченые в нихъ по осмнадцати камѣшковъ лянничковъ болшихъ болшей Сіонъ з затворы в трехъ мѣстахъ притворы под решетками а другой Сіонъ без затворовъ на немъ крестъ серебрянъ со ставки плохими подъ крестомъ хрусталь двойной с надцѣтомъ на верху Сіона пять круговъ со ставки а в болшомъ Сіонѣ крестъ серебрянъ на немъ двѣ ставки плохихъ
e	5	Голубъ серебрянъ золоченъ вѣсомъ три фунта двадцать семь золотниковъ без четверти
		Кандиль.
e	1	Кадило серебряное чеканное лощатое с поддономъ чрезъ лошку золочено глава чешуя частая во главѣ крестъ серебрянъ вольячной золоченъ с цепми и с колцами и с плацми серебрянными золочеными кромѣ цѣпей
e	2	Кадило серебряное лощатое с прорѣзью с цепми кольца и плоть серебряные по мѣстомъ золочено

Примѣчанія.	№№	
е	3	Кадило серебряное золоченое крышка чеканная с поддономъ и с цепми серебрянными на крышки крестъ вольячной под крестомъ яблоко глаткое с наборами по мѣстамъ наборъ обломавши внизу цепей три колоколчика на верху площъ на немъ два колца.
е	4	Кадило новое построенное серебряное мѣстамъ золочено
е	5	Кадило лоцатое серебряное с цепми золоченое поддонъ чеканной
е	6	Кадило серебряное всединое глаткое с подписью Царя Алексія Михайловича крестъ и цепи и на верху площъ и два конца серебряные жъ.
е	7	Кадило серебряное жъ с прорѣзью поддонъ чеканной цепи и крестъ и два колца серебряные неболшіе
е	8	Кадилица серебряная с закровомъ и с рукояткою на верху крестъ свертывается
Ладоницъ.		
е	1	Ладоница серебряная золоченая шатровая на ней по сторонамъ на гладкихъ дскахъ одиннатцать апостоловъ литые на верху крестъ серебряной
е	2	Ладоница о пяти верхахъ вся мѣдная
Укропниковъ		
На лицо 3.	1	Восемь укропниковъ мѣдныхъ разныхъ рукъ в томъ числѣ два ветхіе
е	2	Укропникъ оловянной в которомъ носятъ святую воду
е	3	Кропило серебряное вѣсомъ сорокъ одинъ золотникъ.
Купчиковъ.		
е	1	Два купчика серебряные глаткіе с рукоятками и с носками на кровли по пугови
е	2	Два купца лоцатыхъ чеканныхъ серебрянныхъ золоченыхъ безъ крышекъ
е	3	Кубокъ серебрянъ на поддонѣ позолоченъ не котораго масломъ помазуютъ стручекъ и коромысло серебряное
е	4	Купчикъ с крышкой и с поддономъ серебрянъ позолоченъ

Примѣчанія.	№№	
		Кружекъ.
е	1	Кружка серебряная глаткая с кровлею по мѣстамъ вырѣзаны травки и вызолочены с рукояткою.
е	2	Кружка оловянная
		Кунгановъ
е	1	Кунганъ мѣдной в ведро.
е	2	Кунганъ мѣдной же полуженой в полъ ведра
не имѣется	3	Кунганъ оловянной
		Ковшовъ и прочаго
об одном справиться	1	Ковшевъ серебряныхъ болшихъ шесть в томъ числѣ два с чернью и с подписми, да два в срединѣ позолочены, одинъ с крестомъ маленькимъ и с фигуркою на видъ пугвицы
е	2	Ящикъ деревянной обложенъ мѣдью а в немъ держать агнецъ кругъ ящика поверхъ писаны святыя
е	3	Ящикъ же мѣдной в немъ гвоздѣ горючее на крышкѣ пять хрусталей
		Рукомоевъ
взять к олонецкому архіерею	1	Рукомой серебряной глаткой на которомъ крышка поддонъ и носокъ чеканные с рукояткою
е	2	Рукомой мѣдной вольячной
	3	Рукомой серебряной позлащенный чеканной осмигранной с рукояткою на крышкѣ серебряной левъ
		Лоханей
взята къ архіерею Олонецкому.	1	Лоханъ серебряная чеканная на оба лица золоченая
е	2	Лоханъ серебряная чеканная в срединѣ вызолочено с подписью
е	3	Лоханъ мѣдная.
		Воздуховъ.
	1	Воздухъ золотой обложенъ бархатомъ зеленымъ на срединѣ крестъ четвероконечный с подножіемъ низанъ жемчужномъ кафимскимъ болшимъ в немъ пятнадцать камней далаки да изумрудики подписи низаны среднимъ жемчужномъ около

Примѣчанія.	№№	
		<p>золота низано в одну нить кафимскимъ жемчюгомъ болшимъ на томъ же золотѣ низаны науголники з городочкомъ болшимъ жемчюгомъ в наугольникахъ двенатцать жемчюжинъ бурминскихъ в гнѣздахъ двенатцать камешковъ лаликовъ четыре изумрудика в гнѣздахъ обнизаны жемчюгомъ мѣлкимъ по бархату подписъ тропарь «во гробѣ плотски» низанъ жемчюгомъ среднимъ около всего воздуха низано жемчюгомъ болшимъ кафимскимъ в одну нить по угламъ херувимы шиты золотомъ с шелкомъ и подписи обнизаны жемчюгомъ мелкимъ подложенъ тотъ воздухъ отласомъ краснымъ</p>
<p>е</p>	2	<p>Два воздуха аксамитные по красной земли на нихъ травы серебряные и золоченые на срединѣ крестъ и сіяніе низано жемчюгомъ болшимъ в одну нить в крестахъ в рогахъ по сороку камешковъ изумрудныхъ в томъ числѣ по четыре бечеты и два яхонта среди крестовъ запоны золотые кругомъ тѣхъ крестовъ и сіяніе обнизано жемчюгомъ мѣлкимъ, около тѣхъ крестовъ коймы четвероугольные низаны жемчюгомъ болшимъ репейками по черному отласу около тѣхъ коемъ низано по обѣ стороны мѣлкимъ жемчюгомъ в двѣ нити котораго низанья у обоихъ в длину по шести вершковъ с четвертью в ширину у одного шесть а у другого полшеста вершка по краямъ тѣхъ воздухонъ обложено лентою серебряною</p>
<p>явилось осыни мелкого жемчюгу 14 мѣсть</p>		
<p>подложены байберкомъ лимоннымъ</p>	3	<p>Воздухъ средина шита волоченымъ золотомъ и серебромъ, поли обьяри брусничной серебряной на срединѣ крестъ низанъ жемчюгомъ среднимъ дватцать вставокъ изумрудныхъ и яхонтовъ не болшихъ в серебряныхъ гнѣздахъ подложенъ тафтою красною</p>
<p>е</p>	4	<p>Воздухъ лазоревой на немъ крестъ шить золотомъ и серебромъ опушенъ камкою зеленою обложенъ круживомъ серебрянымъ з городами подложенъ тафтою желтою</p>
<p>е</p>	5	<p>Два воздуха таѣтанные шиты золотомъ и серебромъ на одномъ вышиить образъ знаменія Богородицы на другомъ шить образъ распятія Господня подложены таѣтою желтою третій положеніе во яслехъ Христа подложенъ такою же таѣтою</p>
<p>е</p>	6	<p>Воздухъ шить по червчатой камки золотомъ и серебромъ у Спасителява образа вѣнецъ низанъ жемчюгомъ</p>
<p>Осыни 4-хъ жемчюжинъ нѣтъ.</p>	7	<p>Воздухъ отласу червчатого на немъ круживо кованое золотое з городами крестъ шить золотомъ и серебромъ подложенъ отласомъ зеленымъ</p>
<p>есть ветхой</p>	8	<p>Воздухъ бархату чернаго крестъ кружива серебряного подложенъ таѣтою желтою</p>

протопопъ

Примѣчанія.	№№	
е	9	Воздухъ золотой крещатой подложенъ таетою
не имѣется	10	Воздухъ лазоревой кавтерной камки на немъ вышитъ образъ положеніе во гробъ золотомъ и серебромъ опушенъ камкою травчатою вышито кругомъ «Благообразный Іосифъ» подложенъ китанкой
есть ветхой а образъ нашить на набедер- никъ протопопской	11	Воздухъ шелковой травчатой на немъ вышитъ образъ Спа- совъ нерукотворенный у Спаса шить вѣнецъ золотомъ подло- женъ таетою желтою
е	12	Воздухъ камки гвоздишной на немъ вышитъ образъ Зна- менія Пресвятыя Богородицы в предстояніи Никита Іоаннъ Новгородские золотомъ и серебромъ с подписью около вы- шито «Владычица пріими молитву рабъ твоихъ» подложенъ тафтою желтою.
е	13	Воздухъ средина алтабасная по бруснишной земли травы золоты поля обложены камкою бѣлою подложенъ крашениною
е		У тѣхъ воздуховъ влагалище таetyное зеленое струйчатое стеганое по бумаге подложено киндякомъ голубымъ.
и	14	Агнецъ тафтяной шить золотомъ и серебромъ подложенъ тафтою желтою
Покрововъ		
е	1	Покровъ напрестолной средина золотой парчи вкругъ того покрова обложено серебряною парчею с шелкомъ на срединѣ крестъ кружива серебряного четвероконечный подложенъ што- фомъ гвоздишного цвѣту.
и	2	Покровъ луданной с лазоревыми травами обложенъ кижемъ полосатымъ подложенъ китайкою свѣтлою
и	3	Покровъ напрестолной на немъ шито Вознесеніе Господне опушенъ тавтою гвоздишною ветхъ.
ссыпавше жемчю- жинъ на одномъ 14 а на другомъ 2 бол- шихъ	4	Два покрова золотыхъ обложены зеленымъ бархатомъ на срединѣ кресты четвероконечные низаны жемчюгомъ кафим- скимъ большимъ в нихъ по дватцати камешковъ маленькихъ да изумрудики в гиѣздахъ около золота низано в одну нить кафимскимъ жемчюгомъ большимъ по бархату в томъ числѣ на одномъ подписъ «пріимите ядите, сіе есть тѣло мое», на дру- гомъ «пійте отъ нея вси сія есть кровь моя» низано жемчюгомъ среднимъ в одно зерно, вкругъ подписей у обоихъ покрововъ ни- зано в одно зерно большимъ жемчюгомъ кафимскимъ, по угламъ семь херувимовъ шиты золотомъ с шелкомъ с подписями обни- зано жемчюгомъ мелкимъ подложены тѣ покровы отласомъ краснымъ

Примѣчанія.	№№	
явилось осыпи средняго жемчюгу 240 а в крестѣ три большихъ жемчюжинъ	5	Покровъ аксамитной золотой по красной земли крестъ и сіяніе такимъ же образомъ низанъ жемчюгомъ болшимъ в одну нить, около того обнизано мелкимъ жемчюгомъ в одну же нить в томъ крестѣ каменіе четыре дала и четыре яхонта лазоревыхъ и четыре изумруда болшихъ дватцать два камешка изумрудныхъ в срединѣ жъ того креста заповка золотая сыскры алмазными кругъ того креста кайма четвероугольная такимъ же образомъ какъ и на воздухахъ низано по отласу черному жемчюгомъ болшимъ репейками около той каймы с обоихъ сторонъ в одну нить обнизано жемчюгомъ мелкимъ, котораго низанья в длину одиннатцать вершковъ в ширину полъ осма по краямъ того покрыва обложено лентою серебряною бѣлою, подложенъ тотъ покровъ бенберекомъ лимоннымъ
е	6	Два покрыва средины алтабасные по серебряной земли травы золочены поля объяри серебряной брусничной на срединахъ два креста низанныхъ жемчюгомъ мелкимъ в крестахъ десять ставокъ червленыхъ и зеленыхъ плохихъ подложены киндякомъ.
е	7	Два покрывца парчевые лазоревые на нихъ кресты шиты золотомъ и серебромъ опушены камкою зеленою около обложены круживомъ серебрянымъ з городами подложены таетою желтою.
е	8	Два покрывца шиты по червчатой камки золотомъ и серебромъ.
е	9	Два покрывца отласу червчатого на нихъ круживо кованое золотое з городками кресты шиты золотомъ и серебромъ подложены отласомъ.
е	10	Два покрывца бархату черного кресты на нихъ кружива серебряного подложены таетою желтою
ветхіе	11	Покровецъ золота крещатого подложенъ таетою.
ветхой	12	Два покрывца средины алтабасные по брусничной земли травы золотые поля объяри серебряной подложены киндякомъ.
е	13	Покровъ большой отласной зеленой на немъ вышитъ образъ Никиты епископа золотомъ и серебромъ в ризахъ крещатыхъ около вѣнца и шапки и около ризъ вокругъ низано жемчюгомъ кафимскимъ болшимъ в одну нить по подолу в двѣ нити, а по ризамъ по крестамъ отъ главы и до ногу низано жемчюгомъ среднимъ и мелкимъ вмѣсто панагін низанъ крестъ болшимъ кафимскимъ жемчюгомъ в немъ камень яхонтъ лазоревой да четыре изумруда в гнѣздахъ вмѣсто цепочки низано жемчюгомъ болшимъ с кинителью по счету пятьдесятъ четыре зерна
осыпи на шапки 6 жемчюжинъ и бѣтъ болшихъ да на плечахъ по обимъ сторонамъ		

Примѣчанія.	№№	
на одной пяти на другой трехъ жемчужинъ да в херувими осми не имѣется средняго жемчюгу.	14	на томъ же покровѣ двѣ подписи низаны жемчюгомъ мѣлкимъ около обложенъ отласомъ краснымъ на немъ вышиты два херувима золотомъ, вѣнцы обнизаны жемчюгомъ мелкимъ по тому отласу шить тропарь и кондакъ серебромъ в подножіи лѣтописецъ подложенъ камкою лазоревою
осыпи по немногу мелкаго жемчюгу въ 30 местахъ сотъ до дву.	15	Покровъ атласной красной на немъ вышить образъ Іоанна архіепископа золотомъ и серебромъ около вѣнца по обоимъ сторонамъ и около ризъ вкругъ низано жемчюгомъ болшимъ кафимскимъ и среднимъ по ризамъ низано жемчюгомъ среднимъ и мѣлкимъ двѣ подписи низано мѣлкимъ жемчюгомъ обложенъ лазоревымъ отласомъ на немъ шить тропарь и кондакъ серебромъ в подножіи лѣтописецъ подложенъ тафтою.
	16	Два покрыва жалованья государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца бархатъ золотой на червчатой земли без крестовъ подложены красною камкою в томъ числѣ одинъ большой круживо кованое золотое а полагаются тѣ покрыва на создателей
распятія серебряного вольячнаго золоченаго и плочи серебряной золоченой не имѣется. Из онаго покрыва вновь здѣлано двѣ епатрахили четверы поручи.	17	Два покрыва на гробницы Никиты и Іоанна подаяніе Благовѣрныя царицы и великія княгини Параскевы Ѳеодоровны парчевые золото с серебромъ по рудожелтой земли кресты лентошные серебряные подложены камкою осиновою.
ветхой справиться сей покровъ передѣланъ на стихарь а дробницъ 34 имѣются	18	Покровъ большой бархатной черной на крестѣ распятіе вольячное серебряно золочено около распятія обнято веревкою серебряною на верху плочь серебряны золочены около креста веревочка серебряная на крестѣ дватцать восемь дробницъ маленькихъ круглыхъ дватцать шесть репьевъ и полурепьевъ серебряныхъ золочены чеканные, около покрыва шить лѣтописецъ и подпись
	19	Покровъ лазоревой земли крещатой обложенъ круживомъ золотнымъ подложенъ тафтою гвоздишною
	20	Покровъ бархату зеленаго крестъ и дробницы серебряные золоченные глаткіе круглые тритцать четыре дробницы ветхіе и помятые
передѣланъ на орани акружива не имѣется	21	Покровъ бархату лазореваго на немъ крестъ дробницы серебряные золоченные глаткіе круглые тритцать дробницъ ветхіе жъ передѣланъ на ризы
		Покровъ болшей изарбатной полосы красные и зеленые на немъ крестъ кружива золотного с подножіемъ

Примѣчанія.	№№	
е	22	Покровъ бархату свѣтлозеленого на немъ крестъ дробницы круглые глаткіе серебряные тритцать одна дробница ветхихъ помятыхъ
перешить на стихарь а дробницъ тритцать одна имѣются	23	Покровъ болшой тафтяной осиновой которой полагается на столъ под мощи в великій пятокъ подложенъ крашениною.
е	24	Покровъ изорбатной полосатой полосы зеленые бѣлые и желтые обложенъ камкою свѣтло лазоревою.
передѣланъ на мелочи	25	Четыре покова штофные с травами разныхъ цвѣтовъ на нихъ кресты узкие из нихъ два крашениною кирпичного цвѣту, третей красной четвертой синей
есть на двухъ кресты золото серебряные прорезные а на двухъ золотые узкіе	26	Покровъ штофной цвѣтной травы опушенъ бархатомъ темно-вишневымъ на срединѣ крестъ четвероконечный позументу золотного з городами подложенъ крашениной гвоздишной
ветхой полагается на налой под кресты	27	Покровъ камчатой бѣлой опушенъ отласомъ краснымъ на срединѣ крестъ круживца золотого узкого подложенъ крашениной красной
передѣланъ на пелену под хлебы все-ночные	28	Покровъ красной штофной травы з золотомъ с одной стороны опушенъ штофомъ цвѣтнымъ подложенъ выбойкой бумажной цвѣтной крестъ сѣтки серебряной бѣлой.
е	29	Покровъ голи двоеличной цвѣтной обложенъ кругомъ сѣткою серебряною на срединѣ сѣтки крестъ золотой с подножіемъ подложенъ китайкой свѣтлой
передѣланъ на мелочи	30	Покровъ голи двоеличной цвѣтной обложенъ кругомъ сѣткою серебряною на срединѣ сѣтки крестъ золотой с подножіемъ подложенъ китайкой свѣтлой
покровъ есть а тропарь и кондакъ шитые около передѣланы на орари	31	Покровъ камки червчатой на немъ крестъ отласной червчатой около шить тропарь и кондакъ серебромъ подложенъ тавтою рудожелтою.
здѣлано оплечье и наподолникъ а креста не имѣется	32	Покровъ бархату золотного клетчатого обложенъ камкою красною на немъ крестъ позументу золотнаго подложенъ китайкою
перешить на ризы а круживо и кресты имѣть.	33	Покровъ бархату лазореваго обложенъ зеленымъ бархатомъ же около круживо золотное с серебромъ городами крестъ позументу золотнаго подложенъ киндякомъ
отданъ въ церковь ко Влаسیю	34	Покровъ шить по бѣлой камки образъ Іоанна архіепископа золотомъ и серебромъ а около покова по краямъ шить тропарь и кондакъ серебромъ подложенъ крашениною
есть одинъ а другаго не имѣется		Два покова обяринные алые подложены матерією полосатою кресты позументу серебряного глаткого с подножіемъ

Примѣчанія.	№№	
перешиты на ризы и $\frac{1}{2}$ епитрахили коя и значится в новой под №	35	Два покрыва банберекковые на нихъ кресты лентошные шелковые с подножіемъ подложены крашениной бѣлою
на ризы перешиты.	36	Два покрыва камки зеленой одинъ опушенъ китайкою бѣлою, кресты тое жъ зеленой камки
Оные покрыва даны петербургскимъ купцомъ Матѣемъ Елифановымъ сыномъ Позняковымъ 1753 года марта 21 дня	37	Четыре покрыва штофу бѣлого с разными травами шелковыми на нихъ кресты позументу золотного с подножіемъ подложены выбойкою бумажною травчатою
Оной покрывъ данъ отъ генерала Бутурлина 1753 года мая 14 дня	38	Покровъ штофу темнозеленого с травками серебряными и шелковыми разныхъ цвѣтовъ на немъ крестъ позументу серебряного с битью с подножіемъ по краямъ обложенъ тѣмъ же позументомъ подложенъ семяланомъ желтымъ
Оной покрывъ данъ отъ петербургскаго купца Ѳедора Ямщикова 1756 г. мая 8 дня	39	Покровъ парчи золотной травчатою на немъ крестъ позументу серебряного широкого с подножіемъ обложенъ по краямъ сѣточкою серебряною узинкою с городками подложенъ дорогомъ краснымъ
Не имѣется	40	Покровъ штофу бѣлого с травами золотными и съ шелковыми разныхъ цвѣтовъ на немъ крестъ с подножіемъ сѣтки золотной с битью подложенъ выбойкою бумажною травчатою
Оной покрывъ данъ отъ помѣщицы вдовы Качаловой 1757 г. марта 20 дня		
е		
ветхая, которая привешена ко Владимірской Богоматери у Никиты епископа в ногахъ.	1	Пелена шита золотомъ и серебромъ мученіе великомученицы Екатерины опушена отласомъ травчатымъ подложена крашениною
на лицо не имѣется	2	Пелена изорбатная красная травчатая обложена круживомъ золотымъ с кистями золотными и шелковыми подложена крашениною красною которая полагается подъ евангеліе
покрадена	3	Пелена парчевая золотная по красной земли обложена парчею по лазоревой земли золотною жъ подложена киндякомъ которая полагается подъ евангеліе
не явилась	4	Пелена отласная бѣлая на ней шиты архистратизи Михаилъ и Гавріилъ золотомъ и серебромъ в подножіи у нихъ четыре святыхъ с подписми с краевъ опушена зеленою камкою подложена крашениною
здѣланъ въ новой соборъ на престолъ покрывомъ		

Пелень.

Примѣчанія.	№№	
в новой поручи	5	Пелена серебряной земли з золотомъ опушена изарбатцомъ зеленымъ на ней крестъ кружива золотнаго с серебромъ.
в новой поручи	6	Пелена камчатая ветхая опушена изорбатцомъ зеленымъ на ней крестъ круживо.
е	7	серебряного подложена крашениною.
е	8	Площаница новая по атласу свѣтлолазоровому со святыми шиты золотомъ и серебромъ по краямъ по красному отласу въ кругъ разныхъ святыхъ тритцать четыре подложена луданомъ лимоннымъ.
Сими ширинками кресты обертываются въ недѣлю пасхи	8	Двѣ ширинки таѣяныя бѣлыя, шиты золотомъ и серебромъ с кистями золотными
е	9	Одежда парчи золотой по красной земли на аналогіи новая с ленты фларентовыми подложена крашениною на которой евангеліе читають.
перешита пономарю на два стихаря.	10	Сѣнь что прежде была в соборной церкви в алтарѣ подъ престоломъ тафты красной обложена атласомъ зеленымъ подложена крашениною ветхою.
е	11	Пелена налойная таѣты алой на ней крестъ и опушка сѣтки серебряной подложена крашениною бѣлой.
<p>Въ соборной церкви на правой сторонѣ два мѣста.</p>		
	1	Мѣсто царское рѣзано на деревѣ трубъ, и травы на столпцахъ и на дскахъ золоченыхъ а между травъ наложено красками над тѣмъ мѣстомъ в небѣ писаны святые в подволоки отечество, а в срединѣ того мѣста дѣисусъ штилистовой тройной, образъ Спасителя, Богоматере, Іоанна Предтечи на немъ окладъ и поля серебрянные в той же срединѣ обито вновь бархатомъ алымъ и позументомъ золотнымъ глаткимъ а полъ сукномъ краснымъ тонкимъ новымъ
	2	А подлѣ одного мѣста на столпѣ обито сукномъ краснымъ же
		Мѣсто архіерейское такой же работы какъ и вышеозначенное царское мѣсто в немъ дѣисусъ штилистовой тройной, образъ Спасителя, Богородицы, Іоанна Предтечи, вѣнцы рѣзные, а поля глаткіе позолочены обито вновь арцимѣромъ и лѣнты фларентовыхъ
		А подлѣ одного мѣста обито на столпѣ сукномъ зеленымъ

Примѣчанія.	№№	
взята на сѣни по приказу преосвящ. Димитрія митр. ко освящен. церкви 59 году		
		<p align="center">На церковныхъ столпцехъ святыя образа по правую сторону.</p>
		<p align="center">На 1-мъ столпѣ.</p>
	1	<p>Образъ достойно есть, поля обложены серебромъ басменнымъ с вѣнцы рѣзными и чеканными золочеными числомъ тридцать вѣнцовъ.</p>
		<p>Предъ нимъ лампада новая позолоченая</p>
	2	<p>Образъ Спаса нерукотвореннаго около писаны праздники дванадесятые, у Спасова образа вѣнецъ большой серебрянной чеканной бѣлой с подписью, у дву ангеловъ вѣнцы чеканные поля обложены серебромъ чеканнымъ с трубами</p>
		<p>Предъ нимъ лампада мѣдная новая золоченая</p>
	3	<p>Образъ сошествія Святого Духа поля обложены серебромъ басменнымъ у Богородицы вѣнецъ сканной да вверху у отчества два вѣнчика</p>
		<p>Предъ нимъ лампада мѣдная лощатая</p>
		<p align="center">На 2 столпѣ</p>
	1	<p>Образъ Вознесенія Христова писанъ красками</p>
		<p>Предъ нимъ лампада новая лощатая мѣдная полужена без кисти малая</p>
	2	<p>Образъ Успенія Пресвятыя Богородицы с разными Богородичными образы чудотворными и протчихъ многихъ святыхъ всеросійскихъ чюдотворцовъ в моленіи писанъ.</p>
		<p>Предъ нимъ лампада мѣдная новая позолоченая.</p>
	3	<p>Образъ святителей Неофонта Евѣимія Моисея Іоны, писанъ на краски предъ нимъ лампада мѣдная новая позолоченая.</p>
		<p align="center">На 3-мъ столпѣ.</p>
	1	<p>Образъ распятіе Христово с предстоящими у распятія вѣнецъ и цепи серебрянные чеканные с финифтью все сквозные</p>
		<p>Да образъ Живоначальныя Троицы со отчествомъ окладъ басменной серебрянной золоченъ на томъ образѣ десять вѣнцовъ чеканныхъ золоченыхъ</p>
		<p>Вверху надъ оными образами три образа штилистовые 1) Живоначальныя Троицы 2) возвращеніе Іоанна Златоустаго 3) Великомученицы Параскевы окладъ басменной серебрянной ветхой</p>
		<p>Предъ нимъ лампада мѣдная новая позолоченая</p>

Примѣчанія.	№№	
<p>Подушка явилась вновь положена аксамиту золотого с кистями серебряными большими кои присланы въ 762 году въ декабрѣ мѣсяца а прежняя подушка употреблена к подолнику на ризы парчи золотой кои в новой описи значать под № 1-мъ</p>	2	<p>Образъ Никиты епископа в дѣяніи вѣнецъ серебрянъ сканной золоченъ поля обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ.</p>
	3	<p>Образъ проповѣди апостольскія у отчества Богородицы и у апостоловъ пятьдесятъ шесть вѣнцовъ въ томъ числѣ рѣзныхъ золоченыхъ пятьдесятъ пять да Богородицынъ вѣнецъ чеканной поля обложены серебромъ басменнымъ.</p> <p>Предъ нимъ лампада мѣдная новая позолочена.</p>
На 4 столпѣ		
	1	<p>Образъ Зосимы Саватія соловецкихъ чудотворцевъ в моленіи у Пресвятыя Богородицы и у Превѣснаго младенца у святыхъ чудотворцевъ вѣнцы серебряные чеканные золоченые</p> <p>Предъ нимъ лампада мѣдная золоченая</p>
	2	<p>Образъ Воскресенія Христова поля обложены серебромъ басменнымъ около Воскресенія каемка сканная ветхая и вѣнички на святыхъ и на ангелахъ серебрянные ветхіе жъ</p> <p>Предъ нимъ лампада мѣдная новая позолоченая</p>
	3	<p>Образъ Іоанна архіепископа окладъ серебрянной вѣнцы и двѣ подписи серебрянные рѣзные</p> <p>Предъ нимъ лампада мѣдная лощатая безъ кисти.</p>
Между тѣми столпами к полуденной сторонѣ мощи святыхъ.		
	1	<p>Святаго благовѣрнаго великаго князя Владиміра Ярославича Новгородскаго создателя соборные Софійскія церкви иже представися в лѣто 656</p> <p>Подъ нимъ постилка тафтяная красная стеганая, подушка парчи голубой с травы золотыми серебрянными и шелковыми воздухъ парчи золотой зеленой земли крестъ вокругъ обложенъ позументомъ золотнымъ подложенъ тафтою алою, покровы тафты зеленой парчи золотой красной подложены тафтою двомяною, рака внутрь</p> <p>оболчена бархатомъ вишневымъ по краямъ позументъ глаткой золотой обито гвоздми мѣдными позолочеными вокругъ в срединѣ оклѣено такимъ же бархатомъ, на той же покрывшѣ писанъ образъ во имя ево красками.</p> <p>Надъ тѣмъ мощамъ образъ Спасителя въ верукотворенный на немъ вѣнецъ безъ гривенки и поля чеканные золоченые</p>

Софійскій

Примѣчанія.	№№	
<p>Одной жемчюжины нѣтъ средней и рогъ обломленъ и хранится у ключаря а камней 13 а 7 не явилось да и мѣстъ такихъ нѣтъ гдѣ быть онымъ надлежало.</p>	2	<p>сквозные, вкругъ около вѣнца в одну нить крупнымъ и среднимъ жемчюгомъ обнизано.</p> <p>Пред нимъ лампада мѣдная глаткая золоченая</p> <p>Святыя Благовѣрныя великія княгини Анны матери святаго благовѣрнаго князя Владиміра Новгородскаго, рака внутрь обита по краямъ бархатомъ вишневымъ обложена позументомъ глаткимъ золотнымъ и гвоздіемъ мѣднымъ позолоченымъ положена под мощи постилка тафтяная зеленая стеганая подушка парчи голубой с травы золотными серебряными и шелковыми покровы камки бѣлой ветхой еще парчи золотой красной подложень тафтою двоеличною, воздухъ золотной парчи зеленой земли крестъ и вкругъ обложено позументомъ золотнымъ глаткимъ подложень тафтою алою</p> <p>Над тѣмъ мощи образъ Владимірска Богородицы вѣнецъ с короною серебряною чеканною золоченою в вѣнце и в коронѣ дватцать камней простыхъ в подзорѣ звѣзда в ней камень виниса по концамъ три жемчюжины, по полямъ четыре святыхъ, вѣнцы рѣзные, середина и поля обложены серебромъ позолоченымъ три подноси серебряныхъ с финифтью.</p> <p>Пред онымъ образомъ лампада мѣдная гладкая золоченая.</p> <p>Между тѣхъ мощей на дву столпѣхъ писаны евангельскіе притчи разными красками в рамкахъ столярной работы по полямъ в надлежащихъ мѣстахъ вызолочено листовымъ золотомъ.</p> <p>Подлѣ оныхъ евангельскихъ притчъ по тое жъ сторону образъ Живоначальные Троицы а на немъ семь вѣнцовъ серебряныхъ сквозныхъ с финифтью по полямъ окладъ серебряной басменной золоченой</p> <p>Пред нимъ лампада мѣдная</p> <p>Возлѣ того Живоначальные Троицы образа къ полуденнымъ дверямъ на правой руки образъ Іоанна Предтечи писанъ разными красками в рамкахъ столярной работы, по мѣстамъ вызолочены листовымъ золотомъ</p> <p style="text-align: center;">По лѣвую сторону</p> <p style="text-align: center;">На 1-мъ столпѣ.</p> <p>1 Образъ Воздвиженіе Честнаго Креста поля обложены серебромъ басменнымъ на томъ образѣ тринадцатъ вѣнцовъ серебряныхъ золоченыхъ к тому жъ образу с лѣвой стороны на одной доскѣ написано сѣдмъ святыхъ Новгородскихъ</p> <p>Предъ нимъ лампада мѣдная новая позолоченая</p>

Примѣчанія.	№№	
	2	Образъ вѣрую во единого Бога поля обложены серебромъ басменнымъ с трубами золочеными Предъ нимъ лампада мѣдная новая золоченая
	3	Образъ Казанскія Богородицы поля и средина обложены серебромъ басменнымъ у образа Богородична и у Превѣчнаго младенца вѣнцы басменные золоченые четыре репья чеканные в трехъ репьяхъ по камню червцу да четыре искры яхонтовые в гнѣздахъ серебряныхъ с финифтомъ турскимъ у Спаса въ вѣнцѣ раковины, камень и репья в гнѣздахъ серебряныхъ золоченыхъ на закрѣпахъ по камѣшку простому три подписи чеканныхъ серебряныхъ золоченыхъ около образа в кіотѣ двенатцать миней писаны на золотѣ да двѣ иконы едиnorodный сынъ да страшный судъ да два образа Воскресенія Христова, да Софіи Премудрости Божіи Предъ нимъ лампада мѣдная новая позолоченая
	4	Образъ пѣснь Богородицы величить душа моя Господа писанъ на краски Предъ нимъ лампада мѣдная прорѣзная бес кисти
	На 2-мъ столпѣ	
	1	Образъ Успенія Пресвятыя Богородицы поля обложены серебромъ басменнымъ с вѣнцы в вѣнце два бауса да раковина у Спаса двѣ бѣчеты да раковина жъ да у того образа в дѣисусѣ Спасъ в семи лицахъ а по сторонамъ десять пророковъ Предъ нимъ лампада мѣдная новая золоченая
	2	Образъ страшнаго суда Господня писанъ на краски Предъ нимъ лампада мѣдная полуженая лощатая без кисти
	3	Образъ Живоначальныя Троицы в моленіи у того образа разные святые
	4	Образъ Казанскія Богородицы вѣнецъ серебряной позолоченой глаткой подъ нимъ образъ Василія великого писанъ на краски Предъ нимъ лампада мѣдная прорѣзная без кисти
	5	Образъ Премудрость созда себѣ храмъ писанъ на краски Предъ нимъ лампада мѣдная новая золоченая
	На 3-мъ столпѣ	
	1	Образъ отыгну сердце мое слово Благо поля и средина обложены серебромъ басменнымъ да пятнадцать вѣнцовъ серебряныхъ рѣзныхъ золоченыхъ подпись на серебрѣ Предъ нимъ лампада новая лощатая мѣдная позолоченая
	Дометій	

Примѣчанія.	№№	
	2	<p>Образъ вечера тайныя да умовеніе ногъ у дву Спасителевыхъ образовъ два вѣнца серебряные рѣзные золоченые, двѣ подписи серебряные рѣзные поля и середина обложены серебромъ начеканное дѣло с трубами золочеными</p> <p>Пред нимъ лампада мѣдная новая лощатая золоченая.</p>
	3	<p>Образъ Новгородскихъ чудотворцовъ Антонія Римлянина, Александра Свирскаго, Савы Вишерскаго, Іакова Боровицкаго, Варлаама Хутынскаго, Никандра пустынножителя, Николы Качанова, писаны на краски</p> <p>Пред нимъ лампада мѣдная лощатая без кисти</p>
		<p>На 4-мъ столпѣ</p>
	1	<p>Образъ Александра Свирскаго въ дѣяніи вѣнецъ и цата сканная в немъ шесть камѣшковъ над образомъ дѣисусъ во шти иконахъ в ысподѣ окладу нѣтъ</p> <p>Предъ нимъ лампада мѣдная прорѣзная без кисти</p>
	2	<p>Образъ Спасителейъ на престолѣ по сторонамъ пречистая Богородица да Іоаннъ Предтеча со ангелы и в моленіи Московскихъ чудотворцовъ, Петра Алексія Іоны и Филлиппа писанъ на краски</p> <p>Предъ нимъ лампада мѣдная новая золоченая</p>
	3	<p>Образъ корень Іессеовъ писанъ на краски пред нимъ лампада мѣдная новая позолоченая</p>
		<p>Между тѣми столбами к сѣверной стороны святыхъ мощи</p> <p>Святаго благовѣрнаго великаго князя Феодора обшить покрывалами камчатымъ вишневымъ крестъ кружива серебрянаго городами да зеленымъ штофомъ, крестъ фларентовой под нимъ в ысподѣ положены покрывала 1) красное камчатое с опушкою желтою 2) тафтяное стеганное, подушка парчи голубой с травы золотными серебрянными и шелковыми на немъ покрывало двоеличное травчатое цвѣтное воздухъ парчи золотой, по зеленой земли крестъ и вокругъ обложенъ позументомъ золотнымъ глаткимъ, подложенъ тавтою алою, покровъ парчи золотой по красной земли подложенъ тавтою двоеличною, опущенъ тафтою жъ полосатою, крестъ позументу золотнаго четвероконечный малый рака обита бархатомъ вишневымъ по краямъ позументъ глаткой золотной з гвоздми мѣдными позолочеными</p>

Примѣчанія.	№№	
		<p>также и на покрывкѣ оклеено вокругъ тѣмъ же бархатомъ и писанъ образъ во имя его.</p> <p>Надъ тѣми мощми образъ одигитріи Пресвятыя Богородицы ризы вѣнецъ и окладъ чеканные бѣлые поля басменные позолочены убрусь и ожерелье жемчюгу мѣлкого серги серебряные малые с камѣшки красными Предъ нимъ лампада мѣдная глаткая золоченая без кисти</p> <p>Подлѣ тѣхъ мощей образъ Софіи Премудрости Божіей писанъ на краски</p> <p>Предъ нимъ лампада мѣдная золоченая новая</p> <p>Подъ вышеописанными столбами в нижнихъ ярусахъ и в протчихъ пристойныхъ мѣстахъ писаны разные евангельскіе притчи разными краски в рамахъ столярной работы крашенныхъ и вокругъ тѣхъ столбовъ и у святыхъ мощей при ракахъ поставлены рѣшетки с ренейками желѣзные крашенные.</p> <p style="text-align: center;">По средѣ соборной церкви</p> <p style="text-align: center;">четыре паникадила мѣдные болшіе</p> <p>1 О четырехъ ярусахъ на верху гербъ а промежъ ангели и пророки а надъ пророки цвѣтки на верхнихъ перьяхъ птицы литыя, яблоко серебряное, около того яблока писанъ лѣтописецъ подъ яблокомъ чаша серебряная гладкая под чашею кисть золотая над чашкою варворка низана жемчюгомъ среднимъ</p> <p>2 О четырехъ же ярусахъ на верху крестъ промѣжъ ангелы и пророки над пророкамъ цвѣтки а на верхнихъ поясахъ птицы мѣдные литые у паникадила кисть золотая с серебромъ надъ кистью яйцо строфокамиловое у кисти чашка серебрянная глаткая позолоченая</p> <p>3 О трехъ ярусахъ а въ нихъ дватцать четыре шандала промѣжъ голубы с ренѣи литые а на верху крестъ у того паникадила чаша деревянная золоченая с кистью червленного шелку а золотомъ над кистью яйцо строфокамилово</p> <p>4 О трехъ ярусахъ в нихъ дватцать четыре шандала под нимъ кисть шелковая надъ кистью яйцо строфокамиловое</p> <p style="padding-left: 2em;">Два подсвѣшника мѣдные выносные золоченые</p> <p style="padding-left: 2em;">Предъ царскими дверми амвонъ о четырехъ ярусахъ обить сукномъ краснымъ</p> <p style="padding-left: 2em;">Среди церкви другой амвонъ о трехъ степенехъ на которомъ облачается архіерей обить сукномъ краснымъ же.</p> <p style="text-align: center;">Протопопъ</p>

Примѣчанія.	№№	
		Святыхъ мощей
е	1	Одинадцать ковчеговъ с разными мощми святыми в томъ числѣ мощи Никиты епископа Новгородскаго чудотворца имѣется в ковчегѣ большемъ кой внутрѣ и на верху в одну полосу позолоченъ
е	2	Въ дву ковчегѣхъ с мощми священномученика Антипы верхняя дека золочена
е	3	В скринѣ золоченой камень Синайскія горы и мощи
В ковчегѣ серебр. верхн. дск. чекан. серебрян.		
лоскутъ мантии и часть мощей в ней в ковчегѣ серебрян. верхняя дека чеканная в ней кость его. в ковчегѣ серебрян. верх. дск. чекан.	4	Іоанна архіепископа Новгородскаго
В ковчегѣ серебрян. верхн. дека чекан.	5	Антонія Римлянина
Вковч. серебрян. верх. дска. чекан.	6	Ефрема Новоторжскаго
В ковч. серебрян. верхн. дск. чекан.	7	Евфимія Моисея Новгородскихъ архіепископовъ Іакова Боровицкаго, Христофора мученика
Вковч. серебрян. верх. дска. чекан.	8	Святыхъ мученикъ Никиты Прокопія Іакова Перскаго Пантелеймона
В ковч. серебрян. верхн. дск. чекан.	9	Іоанна Златоустаго, Іоанна Дамаскина, Антипы священномученика Макарія Преподобнаго
в ковч. серебр. верх. дск. чеканная	10	Девяти мученикъ в кизицѣ, преподобныхъ отецъ в Синаи и Раифѣ избіенныхъ святыхъ мученицы Марина и Параскевы
в ковчг. серебр. верх. дск. чекан.	11	Святыхъ мученикъ Ореста, Сергія, Андріана, князя Ѳеодора Ярославича Невскаго
		Одиннадцать ковчеговъ серебрянныхъ глаткихъ мѣлиныхъ из которыхъ два среднихъ а в нихъ мощи разныхъ святыхъ
есть	1	Слеза с перстію смѣшаны Пресвятыя Богородицы
есть	2	Іоанна Богослова в стекляномъ сосудѣ
есть	3	Млеко Пресвятыя Богородицы и часть ризы
есть	4	Переть Іоанна Богослова
есть	5	Камень Гроба Господня
есть	6	Часть жезла Ааронова
есть	7	Мощи четырнадцати мученикъ Севастіянскихъ
есть	8	Кровь великомученика Димитрія Селунскаго
есть	9	Кость великомученика Никиты
есть	10	Мощи Ѳеодора Стратилата

Примѣчанія.	№№	
		В жестяныхъ ковчегахъ
е	1	Мощи и кость святаго праведнаго Іакова Боровицкаго
е	2	Мощи Гурія и Варсонофія Казанскихъ
е	3	Мощи Іоанна мученика
е	4	Мощи Моисея архіепископа Новгородскаго в четырехъ бумажкахъ
е	5	Мощи и ризы Іоны архіепископа Новгородскаго Іакова брата Господня
е	6	Мощи Ісаія епископа Ростовскаго
е	7	Мощи четыредесять мученикъ преподобныхъ в Синаи и Раифѣ и Ѳеодора Тирона в воскомастикѣ
е	8	Мощи Игнатія епископа Ростовскаго
е	9	Константина Ярославскаго
е	10	Мощи мученика Ѳеодора и Давида Ярославскихъ
е	11	Мощи Моисея архіепископа Новгородскаго
е	12	Мощи благовѣрныхъ княгини Анны
е	13	Мощи святаго апостола Іакова брата Господня и святаго апостола и первомученика Стефана и святыхъ великомученицы Варвары
е	14	Печать и песокъ Гроба Господня
е	15	Земля Гроба Пресвятыя Богородицы
е	16	Мощи великомученика Пантелеймона
е	17	Мощи Николая Чудотворца
е	18	Мощи Александра Свирскаго
е	19	Часть мантии Корнилія Переяславскаго
е	20	Часть преподобныхъ Сергія и Никона
е	21	Часть Гроба великомученицы Варвары
е	22	Мощи княгини Анны
е	23	Часть камелавки Антонія Римлянина
е	24	Часть ризы Варлаама Хутынскаго пѣсокъ Іоанна Милостиваго что в Ростовѣ
е	25	Камень Антонія Римлянина
е	26	Трость Антонія Римлянина
е	27	Часть шубы Пафнута Боровскаго
		Въ Корсунской паперти
		святыхъ образовъ.
	1	Спасъ на престолѣ вверху Господь Саваофъ въ видѣ серебрянные чеканные золоченные такожъ и подносъ чеканная

Примѣчанія.	№.№	
		у Духа Святаго вѣнецъ рѣзной и подниси двѣ середина и поля обложены серебромъ начеканное дѣло все позолочено.
		Предъ нимъ лампада мѣдная позолоченая кисть красная шелковая.
	2	Образъ Похвалы Пресвятыя Богородицы у Богородицы и у пророковъ осмнатцать вѣнцовъ серебрянныхъ золоченыхъ рѣзныхъ поля и середина обложены серебромъ начеканное дѣло золочено вверху над Спасителевымъ образомъ подниси серебряная рѣзная золоченая
	3	Предъ нимъ лампада мѣдная рѣзная кисть гарусная синяя Образъ Пресвятыя Богородицы Тихфинскія писанъ на золотѣ
	4	Предъ нимъ лампада мѣдная малѣйшая кисть с мишурою Образъ над дверми Благовѣщенія Богородицы поля серебряные позолоченные басменные
	5	Образъ Господа Саваофа в кіотѣ з затворы в верху на стѣнѣ
	6	В той же паперти хоругви шита золотомъ и серебромъ на обѣ стороны на одной образъ премудрости Божіи Софін на другой сторонѣ Успенія Пресвятыя Богородицы
<p style="text-align: center;">Соборныя церкви Премудрости Божіи</p> <p style="text-align: center;">в предѣлѣхъ.</p>		
	7	Въ 4-мъ предѣлѣ Богоотецъ Іоакима и Анны двери царскія обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ на нихъ образы писаны Благовѣщенія Богородицы и евангелиста вѣнцы сканные золоченые со ставками Столицы обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ на нихъ образа разныхъ святыхъ тринацать вѣнцовъ серебряныхъ басменныхъ золоченыхъ на тѣхъ же столпцахъ двѣ подниси серебряные. Надъ царскими дверми стѣнь обложена серебромъ басменнымъ золоченымъ а на ней писанъ образъ Тайныя вечери, на томъ образѣ шесть вѣнцовъ сканныхъ со ставкамъ, у Спасителевыхъ образовъ в вѣнцахъ двѣ жемчужины въ томъ числѣ у Благовѣщенія и евангелистовъ в вѣнцахъ тритцать шесть ставокъ плохихъ разныхъ цвѣтовъ А по полямъ и между святыхъ тритцать пять хрустаней На той же стѣни образъ живоначальная Троицы на немъ три вѣнцы маленькіе

Д о м е т і й

Примѣчанія.	№№	
		<p style="text-align: center;">По правую сторону царскихъ дверей</p> <p>1 Образъ мѣстной Живоначалныя Троицы обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ вѣнцы серебряные сканные золоченые, а в среднемъ вѣнцѣ раковина жемчужная да двѣ вставки а в дву вѣнцахъ по смазю зеленому да по двѣ ставки красныхъ.</p> <p>2 Подлѣ того образа образъ Пресвятыя Богородицы с превѣчнымъ младенцемъ в моленіи Никита епископъ обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ у богоматере в вѣнце пять камѣшковъ три красныхъ два хрусталя у Спаса в вѣнце раковина да два камѣшка лазоревые двѣ винисы, у Никиты епископа вѣнецъ сканной</p> <p style="text-align: center;">По лѣвую сторону царскихъ дверей</p> <p>3 Образъ мѣстной в кіотѣ святыхъ Богоотецъ Іоакима и Анны обложенъ серебромъ окладъ басменной золоченой, вѣнцы сканные в нихъ в ставкахъ четыре бирюзы двѣ винисы</p> <p>На сѣверныхъ дверяхъ образъ Николая Чюдотворца да Георгія великомученика оклады басменные позолоченые ветхіе Завѣса семиланная красная с колцами</p> <p>Въ томъ же предѣлѣ на правой стороны рака деревянная на ней шесть круговъ обложены с трехъ сторонъ серебромъ и рѣзанъ по серебру лѣтописецъ а в той раки многочудесныя мощи великаго святителя Никиты епископа Новгородскаго чюдотворца во плоти надъ тѣми мощми сѣнь рѣзная на четырехъ столпцехъ резныхъ же все наложено золотомъ и серебромъ процвѣчено краски внутрѣ раки обито бархатомъ золотнымъ, по краямъ галунецъ серебряной прибитъ гвоздемъ, около раки рѣшетка мѣдная с репши под нимъ в ысподѣ положены покровы 1) Двоеличной таѣтяной опушенъ тафтою лазоревою 2) Покровъ тафтяной же стеганъ на бумага на немъ крестъ кружива серебряного подложенъ той же таѣтою зеленою подушка аксамитная золотная, на немъ подризникъ тафтяной алой с подкладкою тонкого полотна. Епитрахиль парчи золотной по зеленой земли подложена атласомъ краснымъ з бахрамою, поясъ золотной с лѣнтою фларентовою, поручъ парчи золотной по бѣлой земли мѣлкотравчатой, крестъ и вокругъ обложенъ круживомъ золотнымъ глаткимъ ризы многокрещатые, кресты и глаголи шиты по отласу червленому золотомъ оплечье и по подолу обложено сѣткою золотою полица парчи золотной</p>

Примѣчанія.	№№	
		<p>по бѣлой земли мелкотравчатой крестъ шить золотомъ и серебромъ с камешки простыми, амфоръ парчи золотой мѣлкотравчатой по бѣлой земли кресты с сѣнцемъ шить в кругъ золотомъ и серебромъ обложить по сторонамъ тесмою золотною.</p> <p>Панагія с цепочкою серебряною позолоченою колычатою низана вкругъ в два ряда жемчужномъ на ней вырѣзаны образъ Спасителя в моленіи святители Никита епископъ Іоаннъ архіепископъ Новгородскіе крестъ синодонной обложить серебромъ сканнымъ позолоченнымъ цѣпочка серебряная позолоченная шапка парчи золотой с серебромъ опушена горностаемъ подложена атласомъ краснымъ воздухъ парчи золотой по зеленой земли крестъ позументу золотнаго подложить тафтою алою покровъ луданной вишневой крестъ с подножіемъ сѣтки серебряной, еще два покроя. 1) парчи зеленой, на немъ вышить образъ Его, около образа тронарь и кондакъ шить золотомъ и серебромъ подложить тафтою. 2) штофу цвѣтного по красной земли опушенъ с одной стороны штофомъ цвѣтнымъ же по бѣлой земли на немъ крестъ кружива серебряного подложить выбойкой бумажной на закрывкѣ раки образъ писанъ красками во имя Его оклѣены в срединѣ поля бархатомъ вишневымъ у раки в головахъ образъ Никиты епископа обложить серебромъ басменнымъ золоченымъ вѣнецъ сканной золоченой же в немъ пять ставокъ въ томъ числѣ три хрустальніе два червца, у той же раки посохъ деревянной Никиты епископа, верхъ и яблока костяные, предъ ракою Никиты епископа лампада серебряная около лампады вкругъ подшить в четырехъ мѣстахъ вѣсомъ одиннадцатъ фунтовъ на шандалѣ желѣзномъ.</p> <p>Образъ мѣстной Никиты епископа обложить серебромъ басменнымъ в окладѣ у богородицы и чудотворца вѣнцы серебряные чеканные Въ дѣисусѣ одиннадцатъ иконъ с праздниками обложены серебромъ басменнымъ Надъ дѣисусомъ образъ воплощенія Господня с пророки обложены серебромъ басменнымъ</p> <p style="text-align: center;">Во святомъ алтарѣ</p> <p>Престоль на немъ одежда полуштофу на красномъ полѣ з завязки флоретовыми, крестъ четвероконечный позументу серебряного подложена крашеною кирпичного цвѣту.</p> <p>Антиминсъ атласной желтой</p> <p>Литонъ бѣлой камчатой</p> <p style="text-align: center;">протопопъ</p>

Примѣчанія.	№№	
		<p>Покрывало камки семиланной брусничного цвѣту опушено полуобъярью полосатою подложено выбойкою бумажною цвѣтною</p> <p>Капетасма полуштофу желтаго крестъ четвероконечный сѣтки серебряной шнуръ шелковой зеленой седмъ колець мѣдныхъ</p> <p>На жертвенникѣ одежда полуштофная травы по вишневой земли разныхъ шелковъ крестъ сѣтки серебряной подложена крашениною цвѣтной</p> <p>во 2-мъ предѣлѣ рождества Пресвятыя Богородицы а в немъ двери царскіе с сѣнью и столпы рѣзными золочеными</p> <p>1 По праву сторону царскихъ дверей образъ Спасителевъ стоящей в моленіи чюдотворцевъ Никиты Іоанна новгородскихъ, вверху два ангела у нихъ вѣнцы серебрянные рѣзные, обложенъ тотъ образъ окладомъ мѣднымъ золоченымъ.</p> <p>Предъ нимъ лампада мѣдная.</p> <p>2 Образъ рождество Богородицы поля обложены мѣдью вѣнцы серебряные</p> <p>Предъ нимъ лампада мѣдная</p> <p>По лѣвую сторону царскихъ дверей образъ Пресвятыя Богородицы стоящій на краски</p> <p>Предъ нимъ лампада мѣдная</p> <p>3 На сѣверныхъ дверяхъ три образа два святыя Анны в моленіи на краски третій в срединѣ образъ на окладѣ басменномъ без надписи святого блаженного Максима Московскаго.</p> <p>Завѣса пятиланная красная с колцами</p> <p>4 Образъ архангела Михаила на краски да в дѣисусѣ в трехъ ярусахъ тритцать одна икона разныхъ святыхъ на краски</p> <p>Посредѣ церкви паникадило мѣдное о дву поясахъ а в немъ четырнатцать шандановъ</p> <p>Въ томъ же предѣлѣ на правой стороны мощи святого Благоувернаго великого князя Мстислава, подъ нимъ положены покрывала 1) камчатое красное с опушкою желтою 2) шиты кресты в кругахъ шелкомъ желтымъ и синимъ таѣтяное 3) таѣтяное жъ красное стеганое, подушка парчи голубой золотной с травы серебряными и шелковыми обшито с ыспода луданомъ вишневымъ с верха тафтою бѣлою на немъ покрывало камчатое красное воздухъ парчи золотой по зеленой земли крестъ и вокругъ обложенъ позументомъ золотнымъ глаткимъ подложенъ таѣтою алою, другой воздухъ парчи золотной по красной земли подложенъ тафтою двоеличною.</p> <p>Рака внутри обита бархатомъ вишневымъ по краямъ позументомъ глаткимъ золоченымъ з гвоздми мѣдными золочеными</p>

Примѣчанія.	№№	
		<p>также и на покрывкѣ оклеено вокругъ тѣмъ же бархатомъ на томъ же затворѣ писанъ образъ красками во имя Его Образъ знаменія Пресвятыя Богородицы, вѣнцы, ризы и поля обложены серебромъ сканымъ позолоченымъ</p> <p>Предъ нимъ лампада мѣдная глаткая позолочена</p> <p style="text-align: center;">Во святомъ алтарѣ</p> <p>Престоль на немъ одежда полуштофу зеленого шелкового с травы бѣлыми с завяски флорентовыми цвѣтными крестъ четвероконечный позументу серебряного подложенъ крашениною цвѣтною.</p> <p>Покрывало на престолѣ голубое красное опушено тафтою полосатою подложено холстомъ тонкимъ бѣлымъ.</p> <p>Капетазма адаманкова желтая крестъ сѣтки серебряной шнуръ шелковой зеленой семь колецъ мѣдныхъ.</p> <p>На жертвенникѣ одежда штофу травчатого по зеленой земли разныхъ шелковъ крестъ четвероконечный сѣтки серебряной подложена крашениною кирпичного цвѣту</p> <p>Покрывало таѣтное зеленое опушено тафтою желтою ветхою.</p> <p>Въ 3-мъ предѣлѣ Іоанна Богослова въ немъ двери царскіе с сѣнью и столпы на краски</p> <p>По правую сторону царскихъ дверей мѣстной образъ Спасовъ да Іоанна Богослова обложены мѣдью вѣнцы серебряные рѣзные</p> <p>Образъ Симеона столпника на краскахъ По лѣвую сторону царскихъ дверей образъ Покрова Пресвятыя Богородицы поля обложены серебромъ басменнымъ</p> <p>Сверха того образа разные святыя на нихъ четырнадцать вѣнцовъ рѣзныхъ золоченыхъ</p> <p>Образъ Іоанна Златоустаго на краски</p> <p>На Сѣверныхъ дверяхъ четыре иконы штилистовыя 1) Тихвинской Богородицы 2) Афанасія и Кирилла Александрійскихъ 3) Николая чудотворца 4) Евфимія Новгородскаго на краскахъ</p> <p>Завѣса пятиланная красная</p> <p>Образъ Спасовъ подобіемъ тѣмъ каковъ во главѣ соборной церкви</p> <p>Надъ нимъ образъ Софіи Премудрости Божіи в моленіи разныхъ святыхъ</p> <p>Въ дѣисусѣ двенадцать иконъ разныхъ святыхъ на краскахъ</p>

Софійскій

Примѣчанія.	№№	
		<p>Посрединѣ церкви поникадило мѣдное о трехъ поясахъ в немъ осмнатцать шандановъ кисть шелковая Предъ мѣстными образами три лампы мѣстные</p> <p style="text-align: center;">В олтарѣ</p> <p>Престолъ на немъ одежда полуштофу по зеленой земли с травы бѣлыми з завязки флорентовыми крестъ позументу серебряного глаткого</p> <p>Покрывало луданное бѣлое, опушено бѣлымъ луданомъ, крестъ четвероконечный полуштофу вишневаго, подложено крашениною старою.</p> <p>Капетазма желтая адамашкова крестъ четвероконечный сѣтки серебряной шнуръ зеленой шелковой с колцами мѣдными</p> <p>На жертвенникѣ одежда полуштофу травы по вишневой земли на подкадкѣ крашенинной</p> <p>Крестъ четвероконечный, сѣтки серебряной Покрывало луданное зеленое семиланное Подложено крашениною кирпичною крестъ китайки бѣлой четвероконечный</p> <p>Въ 4-мъ предѣлѣ во имя усѣкновенія честныя главы Іоанна предтечи, а в немъ церковнаго украшенія двери царскіе сѣнь и столпцы и над дверми херувими все рѣзанные золоченые.</p> <p>По правую сторону царскихъ дверей образъ Спасовъ на краски.</p> <p>Предъ нимъ лампада мѣдная</p> <p>Образъ святаго Іоанна Предтечи в дѣянїи на краски пред нимъ лампада мѣдная</p> <p>По лѣвую сторону царскихъ дверей образъ Пресвятые Бого- родицы на престолѣ на краски</p> <p>Предъ нимъ лампада мѣдная</p> <p>Образъ самопремудрости Божїи в предстоянїи всѣхъ Новго- родскихъ чудотворцовъ на краски</p> <p>Предъ нимъ лампада мѣдная</p> <p>Въ первомъ ярусѣ двенадесять праздники</p> <p>Во второмъ Спасителейъ образъ со апостолы</p> <p>Въ третьемъ Богородицынъ со пророки</p> <p>Въ четвертомъ распятїе со страсти все писаны на краски в ыконостасѣ рѣзномъ золоченомъ</p> <p>Да в томъ же предѣлѣ на правой сторонѣ рака рѣзаная дере- вянная, а в ней ковчегъ с мощми иже во святыхъ отца нашего Іоанна архїепископа Новгородскаго чудотворца над ракою</p>

Примѣчанія.	№№	
		<p>сѣнь на четырехъ столпахъ рѣзная кованая золочена у раки с одну сторону рѣшетка мѣдная литая сквозная на чудотворцовыхъ мощахъ покровъ шить по бѣлой камки образъ Іоанна архіепископа около покрова по краямъ шить тропарь и кондакъ</p> <p>Подъ нимъ покровъ стеганъ на бумагѣ тафтяной</p> <p>Подушка парчи золотой с травами серебряными и шелковыми на немъ покровъ отласной черной крестъ атласу желтого с подножіемъ.</p> <p>Покровъ полосатой изарбатной полосы зеленые бѣлые и желтые, обложены камкою свѣтлолазоревою</p> <p>По правую сторону чудотворцовой раки образъ Спасовъ предста царица обложенъ серебромъ рѣзнымъ на томъ образѣ седмъ вѣнцовъ да пять подписей серебряные чеканные золоченые а тотъ образъ в кіотѣ з затворы, а на затворѣхъ писаны разные святыя, притворы без оклада</p> <p>В возглавіи образъ стоящій Іоанна архіепископа обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ с вѣнцомъ в вѣнцѣ три камѣшка</p> <p>у чудотворцовой раки подвѣшникъ мѣдной литой</p> <p>Среди церкви паникадило мѣдное о трехъ ярусахъ а в немъ дватцать четыре шандала с травами</p> <p>Под чудотворною ракою пещера а ходъ в нее под раку чудотворцову</p> <p>А в той пещерѣ гробъ святаго Григорія архіепископа Новгородскаго а в ней мощи его над гробомъ выкладено</p> <p style="text-align: center;">Во святомъ олтарѣ</p> <p>Престолъ на немъ одежда полуштофу на красномъ полѣ с лѣнты флорентовыми подложена крашениною кирпичною крестъ четвероконечный позументу серебряного</p> <p>Оного престола покрывало полуштофу вишневаго опушено камкою семиланною брусничною подложено холстомъ тонкимъ бѣлымъ</p> <p>Капетазма голевая красная крестъ сѣтки серебряной четвероконечный на ней осмь мѣдныхъ колець</p> <p>На жертвенникѣ одежда полуштофу вишневаго с разными цвѣты подложена крашениною кирпичною крестъ четвероконечный сѣтки серебряной</p> <p>Покрывало луданное зеленое пятиланное подложено крашениною кирпичною крестъ бѣлой китайки</p>

Примѣчанія.	№№	
		<p style="text-align: center;">Саккосы</p> <p>1 Саккосъ атласу золотного по зеленой земли по немъ в круш- кахъ травы в травахъ золото да шелкъ бѣль и червленъ, оплечье бархатное вишневое обложено круживомъ златосеребрянымъ с городами зарукавье и стороны и подолникъ штофу красного з золотомъ и с красными шелками испод кнжевой полосатой беспередника двенатцать пугвицъ мѣдныхъ золоченыхъ вмѣсто креста положено на задѣ звѣзда оморная шита золотомъ и сре- бромъ на ней двенатцать камѣшковъ простыхъ разныхъ цвѣтовъ.</p> <p>2 Саккосъ камки кресчатой на лазоревой земли шелкъ рудо- желтой около крестовъ в кругахъ Иисусъ Христосъ Ника а межъ круговъ в малыхъ кругахъ писано имя Фотій, оплечье отласу золотного, по зеленой земли зарукавье и подолникъ и стороны камки черной с травки серебряными, подложенъ тотъ саккосъ и подолникъ тафтою красною без пугвицъ.</p> <p>3 Саккосъ отласу кресчатого по лазоревой земли а в кругахъ тканы кресты и в кругахъ шелкомъ рудожелтымъ около кре- стовъ ткани жъ херувимы шелкомъ бѣлымъ и зеленымъ и рудо- желтымъ оплечье кушачное отласу золотного полосатого на оба лица зарукавья штофовые красные с травками золотными и шелковыми на немъ же вмѣсто пугвицъ двѣнцать мѣд- ныхъ позвонцовъ подолникъ камки куфтерной по зеленой земли около всего саккоса положено круживо вдвое сборное ветхое по сторонамъ того саккоса круживо же золотное широ- кое крестъ низанъ мелкимъ жемчюгомъ в срединѣ дробница золоченая да два камѣшки хрустали, да два смазья, а нынѣ по осмотру явилось на томъ крестѣ осыпи жемчюгу малое число подложенъ тотъ саккосъ тафтою червленою сверхъ же описи нынѣ по осмотру не явилось на саккосѣ приперстника серебряного плетеного на черленой камѣ.</p> <p>4 Саккосъ бархату золотного травчатого кресты серебряные а между крестовъ репы золотые с травки шелку червленого да зеленого аксамиту оплечья глаткого с вѣнцемъ а зарукавья участокъ отласу золотного с травы серебряными (в прежней описи явствуетъ по сторонамъ и по подолу круживо тканое золотное вдвое, а нынѣ по свидѣтельству явилось) на ономъ саккосѣ по сторонамъ в одинъ рядъ а по подолу вдвое (семна- цать пугвицъ глаткихъ и чеканныхъ серебряныхъ золоченыхъ) да крестъ низанъ среднимъ жемчюгомъ в рядъ около креста обложено трунцаломъ подложенъ тафтою жаркою.</p>

перешить на стихарь

перешить на ризы

звонцовъ 10

Взять въ архіерей-
скую ризницу въ 75
году

круживо тканое зо-
лотное шесть звон-
цовъ мѣдныхъ.

Примѣчанія.	№№	
взять въ архіерейскую ризницу въ 75 году	5	Саккосъ отласу золотого турецкаго полазоревой земли в кругахъ и травахъ ткано разными шелками оплечье и заруковье и передникъ по сторонамъ и по подолу в прежней описи явствуетъ низано жемчужомъ большимъ среднимъ и мѣлкимъ а по свидѣтельству явилось среднимъ и мѣлкимъ по червчатому бархату шито золотомъ с кинителью, в травахъ, подложенъ тот саккосъ тавтою червленою на зарукавьяхъ плетенки серебряныя а на поясъ и на зарукавьяхъ и на подолники и по сторонамъ осыши жемчужной во многихъ мѣстахъ имѣется одиннадцать пугвицъ серебряныхъ гладкихъ золоченыхъ да двѣ бѣлыхъ, крестъ у того саккоса низанъ жемчужомъ шесть звонцовъ мѣдныхъ.
Перешить на ризы	6	Саккосъ серебряной золотной червленой мѣлкотравчатой оплечье и зарукавье бархатные вишневые по сторонамъ штофъ красной подолникъ штофу лазореваго вмѣсто креста Спасителя въ образъ в кругу подложенъ тафтою зеленою наподолникъ и зарукавье опушено тафтою червленою двенадцать позвонцовъ серебряныхъ позолоченыхъ
не явилось позвонцовъ серебряныхъ	7	Саккосъ аксамитной золотной по червленой земли крестъ шить вкругу золотомъ по алому бархату обшить шнуромъ серебрянымъ а по осмотру не пяти запанъ серебряной золоченой, а в тѣхъ запанахъ искры яхонтовыя и изумрудныя обнизаны кругомъ жемчужомъ мелкимъ, оплечье и зарукавье, передникъ и подолникъ положено круживо серебряное з городами, с обѣ стороны золото с серебромъ по алому бархату по бокамъ круживо же серебряное малое с городами, около оплечья и зарукавья и подолника галуны золотной с серебромъ, вмѣсто пугвицъ четырнадцать звонцовъ мѣдныхъ подложенъ тотъ саккосъ камкою алою травчатой, не того числа пять звонцовъ серебряныхъ позолоченыхъ
е круживо серебряного не явилось, а вмѣсто того явилось круживо золотое тканое без городовъ	8	Саккосъ бархату золотнаго травы зеленые по золотной земли оплечье участокъ серебряной по червленому отласу около обложено золотнымъ галуномъ, зарукавье шито золотомъ и серебромъ по червленому бархату, подолникъ и по сторонамъ круживо в срединѣ серебряное а по краямъ золотное пятнадцать пугвицъ серебряныхъ гладкихъ золоченыхъ подложенъ тафтою червленою, крестъ бархату таусинного обложенъ тетивкою золотною, по осмотру на томъ саккосѣ не явилось приперстника отласу золотного по червчатой земли обложенъ круживомъ серебрянымъ с городами.
перешить на стихарь	9	Саккосъ бархатной травы болшія червленая по золотной рудожелтой земли оплечье и зарукавье и передникъ и подол-
о пугвицахъ и протчаго справиться оной саккосъ взять ризничимъ іеродиако-		

протопопъ

Примѣчанія.	№№	
номъ Павломъ октяб- бря 29 дня 1757 года.		никъ и по сторонамъ каймы шиты золотомъ и серебромъ высо- кимъ швомъ по червленому бархату, на томъ саккосѣ крестъ низанъ крупнымъ жемчюгомъ в двѣ нити в саженье пять дроб- ницъ золоченыхъ с чернью подложенъ тафтою жаркою вмѣсто пугвицъ четырнадцать позвонцовъ мѣдныхъ золоченыхъ.
Оной саккосъ на свя- тителѣ Никитѣ	10	Саккосъ многокресчатой кресты и глаголи шиты по атласу червленому на оплечье шить дѣисусъ в лицахъ золотомъ и серебромъ крестъ в пяти камняхъ лазоревыхъ, около обнизанъ в одну нить жемчюгомъ по осмотру явилось на ономъ крестѣ осыпи двѣ жемчюжины, подолникъ и стороны обложены круживомъ в срединѣ золот- нымъ а по краямъ серебрянымъ подложенъ тотъ саккосъ тае- тою жаркою опушенъ выподѣ отласомъ свѣтлозеленымъ две- натцать пугвицъ серебряныхъ золоченыхъ одиннадцать звонцовъ мѣдныхъ в томъ числѣ четыре позолоченыхъ да сверхъ того по осмотру явилось приперстникъ отласу желтого на немъ круживо серебряное широкое.
е взять въ архіерей- скую ризницу 75 год.	11	Саккосъ отласу травчатого золотного по лазоревой земли оплечье и подолникъ объяри травчатой золотной таусинной обложенъ галуномъ серебрянымъ по сторонамъ круживо кызылбажское подложенъ тотъ саккосъ тавтою желтою под- пушенъ с ыспода отласомъ краснымъ без пугвицъ и без креста на передникѣ того саккоса вышиты архангели золотомъ и серебромъ зарукавья парчицы персицкой с травки шелковыми
передѣланъ на сти- харъ ризничимъ іеро- діакономъ Василиемъ есть стихаремъ у риз	12	Саккосъ алтабасу серебряного гладкого оплечье и зару- кавье и передникъ и подолникъ аксамитру петелчатого по черв- леной земли, около Іордана и зарукавья тесма золотная, около оплечья галунецъ золотной да около зарукавья и на рукавахъ и около передника и наподолника и сторонъ круживо золотное клетчатое, а по осмотру сверхъ прежней описи явилось на пе- редникѣ галунокъ золотосеребряной о дву шнурахъ, на задѣ саккоса вкругъ Спасителевъ образъ шить золотомъ и серебромъ подложенъ дорогами голанскими желтыми подпушенъ отласомъ червленнымъ шесть пугвицъ серебряныхъ гладкихъ большихъ золоченыхъ да семь звонцовъ мѣдныхъ а по свидѣтельству явилось одна пугвица небольшая серебряная бѣлая а оной саккосъ ветхъ
приперстникъ спо- ротъ.	13	Саккосъ бархату золотого турецкого по червчатой земли травы золотые и серебряные крестъ в кругу шить золотомъ по черному бархату около Іордани круживо золотное плетеное з городами около зарукавья и подолника галунь веревчатой

Примѣчанія.	№№	
<p>Справиться въ викарныхъ роспискахъ не имѣется</p> <p>е</p> <p>осмотрѣть особливо</p> <p>осмотрѣть особливо</p>	<p>14</p>	<p>золотной с серебромъ по червчатому, подложенъ тафтою зеленою подпушенъ отласомъ червчатымъ тринадцать пугвицъ серебряныхъ гладкихъ золоченыхъ шесть позвонцовъ мѣдныхъ, приперстникъ бархату красного, круживо золотосеребряное с городами.</p> <p>Саккосъ шить золотомъ и серебромъ по червчатому отласу, а на томъ саккосѣ крестъ низанъ крупнымъ жемчугомъ в двѣ нитки в томъ крестѣ осыпи числомъ тринадцать жемчужинъ нѣтъ по осмотру явилось оной крестъ низанъ крупнымъ и среднимъ жемчугомъ, в томъ же крестѣ четыре яхонта в срединѣ камень бѣчета, оплечье и зарукавья и передникъ и подолникъ и каймы и по сторонамъ шиты травы золотомъ и кинителью и около травъ и в травахъ низано жемчугомъ среднимъ и мѣлкимъ по червчатому бархату на которомъ саккосѣ в прежней описи явствуется осыпи на оплечье жемчугу средняго и мѣлкаго в четырехъ мѣстахъ в одну нить на полтретья вершка</p> <p>а нынѣ сверхъ того по осмотру явилось по тѣмъ же мѣстамъ вновь на полтора вершка итого с прежнимъ на четыре вершка, а в пятомъ мѣстѣ на травочкѣ нѣсколько осыпи мѣлкаго жемчугу подлѣ Юрдани на правомъ рукавѣ в двѣнадцати мѣстѣхъ осыпи в одну нить на три четверти такова жъ жемчугу, да сверхъ оной осыпи на томъ же рукавѣ осыпи жъ явилось пять жемчужныхъ зеренъ да по травкамъ в седми мѣстехъ мелкаго жемчугу по нѣсколькому числу на лѣвомъ рукавѣ осыпи средняго жемчугу в одну нить на полъаршина в шести мѣстахъ, а нынѣ сверхъ того на томъ же рукавѣ явилось осыпи жемчугу средняго и мѣлкаго в травкахъ а в разныхъ мѣстѣхъ в двѣнадцати, да дву зеренъ жемчужныхъ на томъ же саккосѣ на оплечье осыпалось в одномъ а на рукавахъ в девяти мѣстѣхъ в травкахъ самаго мелкаго жемчугу не поболшому числу да на правой сторонѣ саккоса осыпи жемчужной в одну нить на полтора вершка, а нынѣ на той же сторонѣ сверхъ явствуется осыпи жъ к тому еще без четверти на вершокъ, да на передникѣ в пяти мѣстехъ осыпи жемчужной на полтора вершка в одну нить, а нынѣ на томъ же передникѣ сверхъ того явствуется осыпи без четверти на два вершка, да в срединѣ того жъ передника в травкахъ в трехъ мѣстѣхъ средняго жемчугу по малому числу, в лѣвой сторонѣ саккоса в трехъ мѣстахъ осыпи на два вершка, да сверхъ того на той же сторонѣ нынѣ по осмотру осыпи явилось без четверти на четыре вершка, да на подолѣ в одномъ мѣстѣ осыпи на вер-</p>

Примѣчанія.	№№	
<p>взять въ архіерей-скую ризницу въ 75 году</p> <p>е</p> <p>перешить на ризы пугвицы не имѣются</p> <p>Взять к викарію в Олонецъ</p> <p>Взять обратно въ Софійской соборъ 1763 года іюля 12 дня</p> <p>Справиться в вик. запискахъ</p> <p>у викарія.</p> <p>возвращенъ въ Софійскій соборъ 1763 года іюня 12 дня діаконъ Игнатіемъ</p> <p>справиться у викарія</p> <p>перешить на стихарь а оплечье взято в ризницу архіерей-скую</p>	<p>15</p> <p>16</p> <p>17</p> <p>18</p> <p>19</p>	<p>шекъ, а нынѣ по осмотру явствуется на томъ же подолѣ сверхъ прежняго осыпи слишкомъ на вершекъ на ономъ же саккосѣ тринадцатъ пугвицъ серебряныхъ гладкихъ золоченыхъ осмь позвонцовъ мѣдныхъ, изъ того числа шесть золоченыхъ</p> <p>Саккосъ отласу алаго травы золотные и серебряные оплечье и зарукавье и подолникъ круживо плетеное з городами золотомъ и серебромъ по желтому отласу по сторонамъ круживо серебряное плетное жъ по желтому отласу, крестъ шить золотомъ по алому бархату тренатцатъ пугвицъ серебряныхъ гладкихъ золоченыхъ ис которыхъ нынѣ сверхъ прежней описи не явилось одной пугвицы гладкой золоченой серебряной, саккосъ подложенъ отласомъ рудожелтымъ, приперстника при немъ не имѣется</p> <p>Саккосъ объяри бѣлой серебряной травчатой вмѣсто оплечья положенъ позументъ золотой втрое, также зарукавья стороны и подолникъ, золотнымъ же позументомъ в трое гладкимъ с городками, крестъ аксамитной подложенъ тотъ саккосъ луданомъ чашуйчатымъ бѣлымъ подпушенъ отласомъ осиновымъ при немъ тринадцатъ пугвицъ серебряныхъ позолоченыхъ</p> <p>Саккосъ воскресной штофу бѣлаго на немъ травы золотные с разными шелками, оплечье и подолникъ бархату вишневаго, потому же бархату круживо золотное с серебромъ з городами, крестъ позади низанъ мѣлкимъ жемчюгомъ, в срединѣ камень зеленой в гиѣздѣ серебряномъ, по сторонамъ два камешка без гиѣздъ да два зерна китайские, пугвицъ серебряныхъ тринадцатъ, а нынѣ по свидѣтельству явилось позвонковъ тожъ число серебряные, подложенъ камкою вишневою.</p> <p>Саккосъ постной бархату двоюмороваго таусиннаго цвѣту на немъ круживо золотное с серебромъ с городами при немъ пугвицъ двенатцатъ серебряныхъ, а нынѣ сверхъ прежней описи по свидѣтельству явилось оныя пугвицы мѣдныя оплечье круживное золотное с серебромъ, зарукавники зеленого бархату с круживомъ золотнымъ и серебрянымъ городкамъ под нимъ же подложено отласомъ зеленымъ, наподолникъ и зарукавники подложены тѣмъ же отласомъ, а нынѣ противъ прежней описи означенного кружива золотного с серебромъ по осмотру не явствуется</p> <p>Саккосъ воскресной новой штофу бѣлого весь на немъ оплечье бархатное красное низано все жемчюгомъ среднимъ в немъ три запонки чеканные вызолочены, вокругъ оплечья позументъ тканой золотной с городами, назади крестъ низанъ жемчюгомъ среднимъ по красному бархату в кругъ ево позументъ золотной</p>

Примѣчанія.	№№	
Взять к преосвященному ризничимъ Павломъ	20	<p>зарукавники и подолникъ бархатные красные на нихъ же круживо золотное с серебряными городами, пугвиць серебряныхъ золоченыхъ двѣнадцать подложенъ камкою бѣлою весь</p> <p>Саккосъ аксамитной золотной по желтой земли безъ оплечья зарукавья и креста кои шиты золотомъ и серебромъ нынѣ по осмотру не явилось стороны и подолникъ шиты золотомъ и серебромъ по черному бархату высокимъ швомъ подложенъ дорогами червчатыми</p>
Взять въ архіерейскую ризницу 75 году.	21	<p>Саккосъ аксамитной золотной с травы серебряными, оплечье низано по красному бархату среднимъ и мѣлкимъ жемчужомъ со звѣзками на оплечье два камѣшка в гиѣздахъ зеленыхъ, а третій бѣлой в гиѣздѣ серебрянномъ, шесть запановъ с камѣшки по мѣстамъ в ставкахъ и без ставок камѣшки красные и зеленые над звѣзкамъ по мѣстамъ осыпи явилось по малому числу позади креста низанъ жемчужомъ на немъ четыре яхонта лазоревые зарукавья, стороны подолникъ аксамиту золотного на зарукавьяхъ круживо серебряное широкое с городами да сверхъ того по другую сторону круживо серебряное среднее с городами же да на подолникъ в одинъ рядъ позументъ серебрянной средней с городами передникъ бархатной красной на немъ круживо золотное плетеное пугвиць четырнадцать серебряныхъ золоченыхъ подложенъ луданомъ краснымъ</p>
передника нѣтъ взять въ архіерейскую ризницу 75 году	22	<p>Саккосъ обьяри золотной лимонной с вѣицами по немъ же травки разныхъ шелковъ оплечье отласъ золотной по червчатой земли обложенъ галуномъ серебрянымъ крестъ назадъ низаной среднимъ жемчужомъ зарукавья и подолникъ круживо серебряное с городами по сторонамъ круживо жъ серебряное подложено по красному отласу, подложенъ тотъ саккосъ дорогами красными подпушенъ с испода отласомъ голубымъ при немъ двенатцать пугвиць серебряныхъ золоченыхъ въ томъ числѣ двѣ не позвонцовъ, а при воротѣ серебряная бѣлая приперстникъ бархату золотого по червчатой земли позвонцевъ мѣдныхъ золоченыхъ осмь.</p>
е подложенъ таетою красною а опушенъ под рукавомъ зеленою тафтою перешить на епитрахили и поручи	23	<p>У саккоса бархатного тауеинного двоиморховаго оплечье каймы и подолникъ с наугольниками на нихъ шиты золотомъ слова, а каймы серебромъ по зеленому отласу и передникъ круживо серебряное и плетеное по зеленому бархату по одну сторону передника голунчикъ травчатой золотной с серебромъ, а з другую сторону такова галунчика не имѣется да подклетка у того саккоса отласу зеленого мѣрою одинъ аршинъ семь вершковъ в длину и поперегъ одинъ же аршинъ осмь вершковъ.</p>

Д о м е т і й

Примѣчанія.

№№

Омофоріи

1 Омофорій участокъ золотной кресты шиты золотомъ и серебромъ волоченымъ распятіе, воскресеніе и вознесеніе Господне около крестовъ каймы низаны жемчюгомъ крупнымъ около вѣнцовъ и ризъ сажено жемчюгомъ же мѣлкимъ назадъ вкругу образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы шить золотомъ же и низанъ жемчюгомъ среднимъ и мѣлкимъ в вѣнце три искры алые и источники шиты золотомъ и низаны жемчюгомъ среднимъ тритцать кистей золотныхъ ворворки обнизаны жемчюгомъ, омофоръ обложенъ тесмою золотою крушнвою подложенъ отласомъ червчатымъ четырнатцать пугвиць серебряныхъ золоченыхъ да двѣ пуговки малые позолоченые по прежней описи осыпи явствуеъ на томъ омофорѣ подъ распятіемъ в двухъ в верхней да в нижней каймахъ в четырехъ мѣстѣхъ дватцать четыре жемчюжины среднихъ а нынѣ по осмотру сверхъ к тому явилось в верхней средней и в нижней каймахъ осыпи дватцать одна жемчюжина и того с прежнимъ сорокъ пять жемчюжинъ да в другомъ концѣ под снятіемъ Господнимъ со креста в первой каймѣ в трехъ мѣстахъ тритцати осми жемчюжинъ во второй трехъ въ третьей каймѣ шести жемчюжинъ во означеныхъ трехъ каймахъ сверхъ прежней же описи еще к старой не явилось по осмотру трхъ жемчюжинъ

2 Омофоръ отласу жаркого по немъ травы золотные и серебряные кресты и звѣзда зеленого бархату обложены золотымъ галуномъ подложенъ камкою вишневою двенатцать пугвиць серебряныхъ гладкихъ золоченыхъ ис того одна малинка бѣлая шестнатцать кистей золотныхъ ворворки шиты серебромъ, бѣлая шестнатцать кистей золотныхъ ворворки шиты серебромъ, каймы и источники тесмы золотной крушковой

3 Омофоръ ветхой гораздо Моисея архіепископа Новгородскаго чюдотворца шить по точиву тонкому бѣлымъ и чернымъ шелкомъ в чешую да четыре креста шиты чернымъ шелкомъ шесть на немъ словъ подписи шиты зеленомъ шелкомъ промѣжъ красного шелку подложенъ камкою бѣлою, пугвиць мѣдныхъ три, кистей шелковыхъ пятнатцать.

4 Омофоръ панихидной отласу таусинного на немъ в кругу Вознесеніе около тропарь, четыре креста Приведеніе Господне ко кресту распятіе, снятіе со креста, воскресеніе, около тѣхъ крестовъ шиты стихи и тропари золотомъ и серебромъ ветхій каймы обяри таусинной же с золотомъ опушенъ отласомъ

явилось 4 пуговицы у
викарія Олонецкого

Примѣчанія.	№№	
<p>есть не ветхой взять въ архіерей- скую ризницу 75 году</p> <p>взять въ архіерей- скую ризницу 75 году</p> <p>возвращенъ во Со- фійской соборъ 1763 г. іюля 12 дня есть безъ пугвиць</p>	5	<p>зеленымъ по опушкѣ плетешекъ серебряной, дватцать шесть кистей разныхъ шелковъ з золотомъ ворворки золотные, у пришивки кистей плетешекъ серебряной подложенъ киндякомъ свѣтлозеленымъ осмъ пугвиць серебряныхъ ветхихъ.</p> <p>Омофоръ камки лазоревой травы золотные на немъ четыре креста с прежнихъ омофоровъ на нихъ распятіе Господне, снятіе со креста, положеніе во гробъ, воскресеніе Господне шиты золотомъ и серебромъ да на задѣ вкругу Вознесеніе Господне шито золотомъ обложенъ тотъ омофоръ тесмою серебряною по концамъ шестнатцать кистей золотыхъ с шелкомъ (безъ пугвиць четырнатцать пугвиць серебряныхъ золоченыхъ да три малѣнкихъ серебряныхъ же позолоченыхъ) подложенъ матерією с травами малыми в крушкахъ</p>
<p>У викарія Олонец- каго Отданъ в Хутын 1761 г. маія 28 дня Возвращенъ в Софій- скій соборъ 1763 г. іюля 12 дня.</p> <p>Взять въ архіерей- скую ризницу 75 году У оного омофора пять пугвиць взято въ архіерей- скую ризницу. Подложенъ отласомъ синимъ а пугвиць 6.</p>	6	<p>Омофоръ отласу бѣлого травы золотные с разными шелками на немъ кресты и звѣзда бархату красного обложены галуномъ золотнымъ, пугвиць серебряныхъ девять, да двѣ половинчатыхъ, четырнатцать кистей золотыхъ с ворворками около круживо золотное старое с городами по концамъ круживо в двѣ полосы</p>
<p>взять въ архіерей- скую ризницу 75 году Возвращенъ въ Со- фійской соборъ 1763г. іюля 12 дня е безъ пугвиць</p>	7	<p>Омофоръ камчатой лапчатой на немъ кресты шитые и страсти, обложенъ круживомъ серебрянымъ с городами пугвиць серебряныхъ золоченыхъ (четырнатцать) изъ которыхъ не явилось по осмотру противъ прежней описи одной пугвицы) кистей шелковыхъ с золотомъ дватцать двѣ, изъ коихъ одной не явилось, подложенъ отласомъ осиновымъ</p>
<p>Взять въ архіерей- скую ризницу Оной омофоръ имѣет- ся въ архіерейской ризницы</p>	9	<p>Омофоръ отласу бѣлого на немъ травы золотные с разными шелками посредѣ крестъ шитой золотомъ по красному бархату протчіе четыре креста бархатные красные в кругъ обложены позументомъ золотнымъ и около всего омофора позументъ золотной (пугвиць серебряныхъ золоченыхъ четырнатцать) при конце ево дватцать кистей шелковыхъ с золотомъ и серебромъ подложенъ камкою алою, да сверхъ прежней описи по осмотру на томъ омофорѣ явилось по концамъ обложено сѣткою серебряною в три ряда (да излишняя серебряная пугвица)</p> <p>Омофоръ отласу красного с травами золотными и шелковыми посредѣ ево крестъ низанъ среднимъ жемчугомъ по аксамиту на которомъ крестѣ сверхъ прежней описи по осмотру не явилось зерновой жемчужины в немъ же камень бечета в серебряной</p>

Примѣчанія.	№№	
<p>положенъ на архіепископа Стефана</p> <p>числится въ ризницѣ архіерейск.</p> <p style="text-align: center;">и</p> <p style="text-align: center;">не явилось</p> <p>взять в архіерейскую ризницу 75 году</p> <p>Возвращенъ въ Софійскій соборъ іюля 12 дня</p> <p>есть а только над кистью одной жемчюжины нѣтъ</p>	<p>10</p> <p>11</p> <p>12</p> <p>13</p> <p>1</p>	<p>ставки, четыре малыхъ ставки с красными камѣшки в срединѣ же камень красной простой без запонки протчія четыре креста объяринные бѣлые обложены позументикомъ золотнымъ вокругъ весь обложенъ позументомъ серебрянымъ, пугвицъ на немъ серебряныхъ золоченыхъ одиннадцать, да двѣ потративше, едина маленькая, да сверхъ прежней описи по осмотру явилось пугвицъ четыре серебряные золоченые въ томъ числѣ одна мѣдная позолоченая кистей на томъ омофорѣ четырнадцать серебряныхъ подложенъ камкою алою весь</p> <p>Омофоръ бѣлой серебряной травчатой парчи не достроеной новой подложенъ таетою бѣлою</p> <p>Сомофора отласного бѣлого стравами золотными четыре креста на которыхъ вышиты страсти Господни, которыя низаны мѣлкимъ жемчюгомъ и на оныхъ осыпи значится, на снятіи со креста осмь на воскресеніи пять жемчюжины.</p> <p>Спорокъ омофора отласу бѣлого которой подложенъ тафтою червленою ветхою без убору.</p> <p>Омофоръ ветхой штофной гвоздишного цвѣту с травами серебряными и золотными на немъ кресты шиты по красному отласу золотомъ и серебромъ, а в нихъ вышиты образы святыя золотомъ и серебромъ у коихъ вѣнцы низаны жемчюгомъ мѣлкимъ на концахъ поперечники шиты по отласу красному золотомъ и по мѣстамъ пронизано жемчюгомъ мелкимъ при немъ кистей шелковыхъ с золотомъ и с ворворками золотными дватцать одна, подложенъ отласомъ лазоревымъ назадъ крестъ шить вокругъ золотомъ обложенъ шнуркомъ безъ пугвицъ.</p> <p style="text-align: center;">Полицы.</p> <p>Полица шита золотомъ и серебромъ на ней образъ Успенія Пресвятыя Богородицы около шить тропарь серебромъ «в рождествѣ дѣвство сохранила еси», образъ успенія и святыя низаны жемчюгомъ большимъ среднимъ и мѣлкимъ, около образа и тропаря по каймамъ в прежней описи явствуется низано жемчюгомъ большимъ в одну нить, а по осмотру явилось на крайней каймѣ сверху среднихъ жемчюжины двѣнадцать да на углу той же каймѣ при кисти одного зерна не явилось, да еще же в срединѣ в одномъ мѣстѣ осыпи самое малое число, у тое полицы три кисти золотныя варворки жемчюжныя крѣпъ серебряной подложенъ камкою чешуйчатою желтою.</p>

Примѣчанія.	№№	
е	2	Полица а в ней вышишь образъ премудрости Божіи золотомъ и серебромъ около вышишь трепарь «в рождествѣ дѣвство сохранила еси» три кисти шелку червчатого с серебромъ подложена отласомъ алымъ, у той полицы крюкъ серебряной.
Оная полица положена на преосвященнаго Стефана архіепископа сентября 17 дня 1753 года	3	Полица шита золотомъ и серебромъ по червчатому отласу на ней образъ Премудрости Божіи три кисти изъ которыхъ двѣ серебряные одна золотая, подложена камкою чешуйчатою желтою крюкъ серебряной
Е.	4	Полица шита золотомъ и серебромъ по отласу красному на ней шить образъ Спасителейъ на престолѣ сѣдящъ Пресвятая Богородица и Іоанна Предтечи в подножій Святители Никита и Іоаннъ да два Сераѳима да единъ херувимъ вѣнцы у всѣхъ низаны жемчюгомъ мелкимъ в одну нить около шить тропарь золотомъ «Пречистому образу твоему» у той полицы три кисти шелковыя с серебромъ при нихъ ворворки низаны мелкимъ жемчюгомъ крюкъ мѣдной подложена крашенною
Отдана в Кириловъ монастырь	5	Полица шита золотомъ и серебромъ пасаким красной на ней образъ Спасителейъ Богоматери Іоанна Богослова Николая и Еѳимія архіепископовъ в моленіи преподобныхъ Антонія великаго Евфимія великаго, около шить тропарь золотомъ «Пречистому твоему образу» три кисти золотые, крюкъ серебряной бѣлой подложенъ отласомъ краснымъ.
е	6	Полица постная осинового цвѣту низана самымъ мѣлкимъ жемчюгомъ на ней образъ Святыя Софіи Премудрости Божіи безъ крюка
Осыпи надъ Спасителевымъ образомъ три жемчюжины среднихъ да на одномъ херувими тожъ число мѣлкаго жемчюгу да у Софіи на лѣвомъ боку восемь жемчюжины.		
у Преосвященнаго въ ризницѣ	1	Шапка бархату краснаго, на ней кругъ серебряной золоченъ, а на немъ вырѣзано Воскресеніе Христова около плаща обнизано большимъ жемчюгомъ в одну нить отъ того плаща четыре полосы до дробницъ исподнихъ низанъ по двѣ нити крупнымъ жемчюгомъ в тѣхъ полосахъ по два креста низаны мѣлкимъ жемчюгомъ да по одному херувиму серебряному золоченому около крестовъ и херувимовъ низано среднимъ жемчюгомъ подъ тѣми полосами по одной коронѣ низаны мелкимъ жемчюгомъ, а надъ тѣми коронами по два изумруда в ставочкахъ

Шапки.

Софійскій

Примѣчанія.	№№	
в Кириловъ		<p>серебряныхъ под тѣми коронами четыре кіота серебряные скан- ные позолоченные с финифтомъ на одномъ Спасителевъ образъ на другомъ Богородицынъ на третьемъ Предтечевъ на четвер- томъ архангела Михаила, сверхъ тѣхъ крестовъ низано большимъ жемчюгомъ в одну нить на тѣхъ кіотахъ на синяхъ по осми жем- чюжинъ большихъ и среднихъ да по осми искоръ яхонтовыхъ около тѣхъ же дробницъ по сторонамъ низано среднимъ жем- чюгомъ в двѣ нити с тремя откосками промежъ тѣми кіотами по одному кресту низано мѣлкимъ жемчюгомъ, у которыхъ на концахъ по одной жемчюжины большихъ над тѣми крестами по одному херувиму серебряному золоченому около тѣхъ херу- вимовъ низано большимъ жемчюгомъ в одну нить, да травки низаны мѣлкимъ жемчюгомъ под тѣми травками по одному камню простому в ставкахъ серебряныхъ золоченыхъ, а около тѣхъ камней низано среднимъ жемчюгомъ в одну нить над тѣми херувимами по одной коронѣ низано жемчюгомъ мѣлкимъ и среднимъ да по десяти камешковъ в гнѣздахъ серебряныхъ позолоченыхъ, из которыхъ десять яхонтовъ, четырнадцать изумрудовъ, шестнадцать винюсъ, до осми жемчюжинъ бол- шихъ да промежъ тѣми в шести мѣстахъ по дватцати по четыре зерна, высподѣ вмѣсто круга около всей шапки тритцать осмь ставенокъ изъ того седмъ ставенковъ безъ камешковъ, около которыхъ обнизано в одну нить среднимъ жемчюгомъ, а над тѣми над всякимъ ставенкомъ по три жемчюжины большихъ под- ложена камкою красною на бумагѣ стеганой опушена горно- сталемъ бѣлымъ.</p>
	2	<p>Шапка кругъ и обрусь и дробницы серебряные позолоченные промежъ дробницъ и круга низано мѣлкимъ жемчюгомъ з зерны китайскими и с камешки простыми около обруча низано мѣд- нымъ жемчюгомъ в двѣ нити опушка горносталная тулья кам- чатая алая.</p> <p style="text-align: center;">Панагіи архіереискія.</p> <p>1 Панагія с мощми Пиминиовская в ней в срединѣ рѣзано по Синолою образъ Софіи кругомъ апостоли и святители обло- жена золотомъ с канью, около Синалоя обнизано жемчюгомъ среднимъ в одну нить глава сканъ золотая жъ, а в ней камень яхонтъ лазоревъ, а на ней вырѣзанъ спасовъ образъ во главѣ жъ на закрѣпкахъ двѣ жемчюжины да два зерна бурминскихъ на той же панагіи четыре яхонта лазоревыхъ гладкихъ да четыре</p>

есть

Примѣчанія.	№№	
Отдана к викарію олонецкому	2	<p>жемчюжины болшихъ назадъ дека серебряная золоченая на ней рѣзано престолъ со крестомъ надъ престоломъ духъ святой около престола евангелисты и херувимы в срединѣ и по краю подписъ рѣзная имена мощемъ святымъ и чье строеніе у той панагіи чепъ серебряная плетеная золоченая.</p> <p>Панагія серебряная золоченая сканная с финифтомъ около веревочка сканная в срединѣ образъ Спасовъ на престолѣ да Богородицынъ и предтечевъ рѣзаны на хрусталѣ, около Спасова образа въ золотыхъ гнѣздахъ четыре яхонта лазоревыхъ во главѣ вырѣзанъ Спасовъ образъ нерукотворенный в срединѣ на синяхъ четыре жемчюжины на задѣ дека серебряная золоченая на ней вырѣзанъ ангелъ хранитель, да подписъ имя Питирима митрополита цепочка серебряная золоченая</p>
Взята къ его Преосвященству в ризницѣ архіерейскіе	3	<p>Панагія серебряная позолочена а на ней травы прорѣзные, и по краямъ на панагіи на бѣлой кости вырѣзанъ образъ Святые Троицы вѣнцы и подписъ золоченые на той же панагіи на сѣняхъ десять жемчюжинъ у панагіи глава серебряная золоченая, во главѣ камень яхонтъ лазоревой на забояхъ двѣ жемчюжины чепъ горожатая серебряная на задѣ вырѣзанъ Спасовъ образъ, у той панагіи привѣшено камень лалъ да два камня бечеты, а у тѣхъ камней шесть жемчюжинъ.</p>
Взята въ Хутынск. (м) к викарію 1759 года декабря 11 дня возвращена 12 іюля е на забое жемчюжины нетъ	4	<p>Панагія серебряная позолочена в срединѣ под хрусталемъ распятіе, около хрусталя вставлены камешки маленькія, а около тѣхъ камешковъ обнизано жемчюгомъ среднимъ в одну нить на мѣди на той же панагіи двенадцать камней бирюсъ и жестокановъ в гнѣздахъ сканныхъ золоченыхъ около панагеи обнизано жемчюгомъ крупнымъ, а по осмотру явилось крупнымъ и среднимъ жемчюгомъ в одну нить на мѣди у панагіи же внизу лепестка сканная, а в ней двѣ ставки, камешки плохіе в гнѣздахъ, у панагіи же глава серебряная золоченая, а на ней вырѣзанъ нерукотворенный Спасовъ образъ, около Спасова образа по угламъ в гнѣздахъ четыре ставочки плохіе из которыхъ двухъ неимѣется да во главѣ в верху камень бирюса на забоехъ одна жемчюжина по задѣ панагіи дека серебряная рѣзная гладная а на ней вырѣзанъ Петръ и Павелъ да Борисъ и Глѣбъ и три святителя около панагіи плетешекъ сканной золоченъ чепочка серебряная позолочена.</p>
Отъ оной чепочка отнята и положена на Никиту епископа	5	<p>Панагія серебряная позолочена сканная на ней вырѣзанъ в срединѣ Спасовъ образъ по сторонамъ образы Никиты епископа Іоанна архіепископа около Спасова образа и чудотворцовъ низано жемчюгомъ болшимъ в одну нить над Спасовымъ</p>
Оная панагія на Никитѣ епископѣ		

Примѣчанія.	№№	
		<p>образомъ камень яхонтъ лазоревой граненой, да по сторонамъ и в подножїи три камня яхонты лазоревы в гнѣздахъ серебряныхъ золоченыхъ около камня низаны жемчугомъ болшимъ в одну нить во главѣ у панагіи вырѣзанъ нерукотворенный Спасовъ образъ на забойкахъ четыре жемчужины бурминскихъ позадѣ панагіи вырѣзанъ образъ ангела хранителя около подписи: сія панагія здѣлана бысть въ домъ Премудрости Божїи повелѣніемъ преосвященнаго Макарія митрополита великого Ново града и Великихъ Лукъ у панагіи цепь серебряная колчатая золоченая</p> <p>6 Паная староманерная серебряная с сканью вызолочена с чернымъ камнемъ на ней в гнѣздахъ два зерна бурминскіе, да бирюза лазоревая на верху вырѣзанъ Спасовъ образъ</p> <p>7 Паная золотая в ней камень яхонтъ лазоревой болшой на немъ вырѣзанъ образъ Господа Вседержителя на престолѣ два яхонта красные, два изумруда в золотыхъ гнѣздахъ под херувимомъ два зерна бурминскіе на закреплѣ у цѣпочки два зерна жемчужные цѣпочка горожатая серебряная позолочена</p> <p>8 Паная серебряная золоченая на ней рѣзной образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы и Преподобныхъ Сергія и Алексія человека Божїа с чернью и с подписью</p> <p>9 Паная круглая серебряная позолоченая на верхней дскѣ написанъ образъ Спасителя да Знаменія Пресвятыя Богородицы финифтью в подвѣсѣ у ней три камня граненыхъ желтыхъ з закрѣпки, цепочка серебряная позолоченные кольца витые золоченые в ней в бумашкахъ разныхъ святыхъ мощи</p> <p>10 Паная золотая новая четвероугольная на верхней дскѣ написано распятіе Господне финифтью внутрь той панагіи перегородки для положенія мощей исподняя дска привинчена винтомъ, на ней подписано мощи святыхъ Кїевскихъ</p> <p>11 Паная серебряная позолоченая с чернью на которой написанъ образъ Пресвятыя Богородицы по стеклу, кругъ образа в гнѣздахъ вставляваны разное каменіе лалы и изумруды из которыхъ сверхъ прежней описи на лицо не явилось дву камѣшковъ да цепочки серебряной позолоченой горожатой</p> <p>12 Крестъ синодалной рѣзной распятіе обложенъ по концамъ серебромъ сканнымъ с речейками глава золочена во главѣ камешекъ вишневы без чепочки</p> <p>13 Крестъ мѣдной понагейной чеканной с финифтью глава мѣдная позолочена на ней образъ не рукотворенной вырѣзанъ, на зади дски не имѣется</p>

Примѣчанія.	№№	
е бес цепки а цепочка взята во архіерей- скую ризницу.	14	Крестъ каменной аспидной понагійной обложенъ серебромъ позолоченъ вверху в ставкѣ бурминская болшая жемчюжина одна по сторонамъ того креста среднихъ жемчюжинъ бурминскихъ двѣ, цепочка серебряная позолоченая вѣсомъ дватцать четыре золотника без четверти съ каменемъ
е	15	Ларчикъ костяной рѣзной, в которомъ имѣются оныя панатин, скобка верхняя и науголники и пѣтли золоченые цепочка на сторонѣ серебряная
		Посохи
е	1	Посохъ Пименовскій обложенъ серебромъ с сканью и с чернью полосами на немъ четыре яблока хрусталныхъ одно грановитое а три гладкіе в верху полоса рыба кость с чернью по концамъ окована серебромъ на оковахъ по концамъ наведено чернью слова, архіепископъ Новограда и Пекова владыка Пимень, у посоха подковаецъ желѣзной
е	2	Посохъ оклеенъ бархатомъ червчатымъ возглавіе и два звена и пять яблокъ серебряныхъ золоченыхъ с финифтью сканного дѣла подшошникъ мѣдной золоченой, на которомъ посохъ сверхъ прежней описи по осмотру явилось вверху одинъ рогъ сломленъ
у викарія	3	Посохъ сандалной черной возглавіе и пять яблокъ серебряныхъ золоченыхъ гладкихъ подшошекъ мѣдной золоченъ
		Клобуки.
14 жемчюжинъ нѣтъ кромѣ прежнихъ	1	Клобукъ бѣлой болшой Леонидовской вязенъ шелкъ бѣлъ у него рясы низаны жемчюгомъ среднимъ на рясахъ двенатцать круговъ серебряныхъ золоченыхъ, а на нихъ святые чеканныя в кіотахъ на рясахъ промежъ святыхъ девять камней яхонтовъ, в гнѣздахъ серебряныхъ золоченыхъ около яхонтовъ в гнѣздахъ тритцать пять камней бечетокъ не великихъ да два червца да жестоканъ, по конецъ рясъ восемь яхонтовъ лазоревыхъ, да тунбасъ рудожелтъ, да осмнатцать жемчюжинъ на синихъ серебряныхъ по рясамъ, около жемчюгу по краямъ пояски ткани в веревочку в розметъ золотомъ да серебромъ рясы подложены камкою бѣлою. У того же клобука на челѣ крестъ низанъ жемчюгомъ, в крестѣ камень яхонтъ лазоревъ, да четыре дробницы золотыхъ с чернью навожены, да на верху рясъ на концахъ за поясками семьдесятъ восемь жемчюжинъ продолговатыхъ на рясахъ дватцать осмъ же жемчюжинъ нѣтъ да въ сердней рясъ одного камня

Примѣчанія.	№№	
е	2	Два клобука одинъ вязеной шелку бѣлого во главѣ подпушенъ отласомъ бѣлымъ по концамъ рясы камка была таусинная жемчюгъ весь снятъ, а другой клобукъ ветхъ гораздо вязяной же плаченъ заплатами
е	3	Осмь клобуковъ изъ которыхъ одинъ отласной бѣлой ремещатой, другой отласной же бѣлой третій таёты струйчатой, четвертой, пятой и шестой камчатые бѣлые седмой таётяной бѣлой, осмой камчатой чешуйчатой.
е	4	Каптырь холодной таёты бѣлой стеганой безъ креста подложенъ луданомъ лимоннымъ
е	5	Каптырь ветхой камки чешуйчатой холодной подложенъ камкою лазоревою
Рипиды		
н	1	Рипиды серебряные литые позолоченные, а около кругъ серебряной бѣлой с подписью на одной рипиды, подпись «иже херувимы», а на другой, «да молчить» на чернахъ четыре яблока чеканные бѣлые да под тѣми яблоками два яблока гладкихъ серебряныхъ на конечники жъ серебряные бѣлые гладкие. У верхнихъ дву яблокъ четырнатцать камешковъ разныхъ цвѣтовъ простые, из которыхъ сверхъ прежней описи на лицо по осмотру не явилось осми камешковъ да над тѣми же яблоки на верху черновъ обложены серебромъ и позолочено и написано лѣтопись, а вѣсомъ рипиды одиннатцать фунтовъ, черны обложены бархатомъ краснымъ новымъ.
е	2	Рипиды мѣдные золоченные рукояти оклеены бархатомъ
е	3	Рипиды мѣдные золоченные стебла деревянные, а по осмотру оныхъ стеблъ не явилось
Каѣдры.		
е	1	Каѣдра бархату червчатого виницейского травы болшіе по желтой земли исподняя земля бархату рытаго, а сверхъ тое описи по осмотру явилось. У оной каѣдры исподняя сторона подложена изорбатомъ
е	2	Двѣ каѣдры отласу травчатого цвѣтного со птицами одна подложена изорбатомъ другая подложена отласомъ краснымъ да еще третія отласная каѣдра красная травчатая безъ птицъ подложена изорбатомъ изъ вышеписанныхъ каѣдровъ сверхъ прежней описи не явилось одной каѣдры коя подложена отласомъ краснымъ

Примѣчанія.	№№	
Взята къ викарію олонецкому Взята въ Хутынской монастырь к викарію 1759 года октября 18 дня		Кафедра бархату золотного по червчатой земли травы золотные и серебряные подложена кижемъ полосатымъ
е	4	Кафедра бархатная таусинная постная подложена кижемъ.
е	5	Кафедра бархату черного подложена отласомъ, зеленая ветхая
е	6	Кафедра бархату золотного участочного исподняя сторона бархату червчатого по бѣлой земли ветхая весьма два чехла подушечные суконные сукна лазореваго Три стула одинъ красной триповой—два суконные красные новые ис коихъ по осмотру противъ прежней описи не явилось одного стула красного триповаго Сукно червленое мѣроу два аршина без четверти, сукно василковое пониxidное мѣроу два аршина полтора вершка
не имѣется		
одного василковаго сукна не имѣется		
орлецовъ взято шесть въ хутынской монастырь 1759 г. окт. 18.		<p>Орлецы</p> <p>Орлецовъ суконныхъ разныхъ цвѣтовъ в прежней описи явствуется двенатцать кожаныхъ осмъ, а по осмотру явилось орлецовъ суконныхъ девять, кожаныхъ тожъ число</p> <p>Ковры.</p> <p>1 Коверъ персидской болшой, мѣроу в длину десять аршинъ двенатцать аршинъ, а по перегъ четыре аршина без дву вершковъ</p> <p>2 Коверъ мѣроу в длину пять аршинъ поперегъ два аршина одиннатцать вершковъ.</p> <p>3 Коверъ турской мѣроу в длину пять аршинъ без дву вершковъ по перегъ полтретья аршина ветхъ</p> <p>4 Коврикъ мѣроу въ длину два аршина три вершка по перегъ аршинъ десять вершковъ</p> <p>5 Коверъ цвѣтной по червчатой земли в срединѣ кругъ лазоревъ а по краямъ земля лазоревая жъ, а мѣроу в длину четыре аршина семь вершковъ, по перегъ два аршина пять вершковъ.</p> <p>6 Коверъ турской мѣроу пять аршинъ безъ дву вершковъ, а поперегъ три аршина без четверти подложенъ крашениною ветхъ.</p> <p>7 Коверъ мѣроу в длину два аршина с четвертью, а по перегъ полтора аршина ветхъ</p>

Софійскій

Примѣчанія.	№№	
	8	Коверъ турецкой цвѣтной в прежней описи явствуется мѣрою в длину шесть аршинъ, а поперегъ полтретя аршина, а по осмотру сверхъ оной описи явился тотъ коверъ в длину пять аршинъ а по перегъ полтретя аршина три вершка
		Ризы священническія
е при нихъ явились 4 пугвицы серебр- ныхъ золоченыхъ да 4 медныхъ	1	Двой ризы штофу бѣлого разноцвѣтного подложены китайкою василковою оплечье штофу по желтой земли с разными тра- вами, наподолники на красномъ полѣ, кресты позументу золотного звѣзды изъ парчи золотной по зеленой земли.
е при нихъ серебряныхъ пугвицъ три бѣлыхъ гладкихъ.	2	Ризы парчевые с травами золотными на голубомъ полѣ, оплечье шито золотомъ и серебромъ по красному бархату под- ложены камкою красною, наподолникъ штофу по желтой земли с разными травами, крестъ позументу серебряного звѣзда из парчи золотной по зеленой земли.
е три пугвицы серебра- ныхъ	3	Ризы штофу по желтой земли с разными травами подложены крашениною василковою на нихъ оплечье парчи серебряной наподолникъ полуштофу на голубомъ полѣ крестъ и звѣзда позументу серебряного.
е при нихъ 8 пугвицъ серебр. золоченыхъ	4	Двой ризы штофу по желтой земли с разными травами под- ложены одиѣ киндякомъ крапивного цвѣту другіе кумачемъ краснымъ оплечья шиты золотомъ и серебромъ по черному бар- хату наподолники полуштофу на голубомъ полѣ крестъ и звѣзда на одиѣхъ шиты золотомъ и серебромъ на другихъ бархату красного по оплечью позументъ мишурной бѣлой мѣ- рою пять аршинъ съ половиной
е оплечье положено вновь парчи золотой с травами разными обложены позумен- томъ золотымъ а пуг- вицъ ср. 3, а прежнее оплечье на лицо у ключаря	5	Ризы парчи серебряной подложены тафтою алою оплечье шитое золотомъ и серебромъ по красному бархату крестъ позу- менту золотного а звѣзда парчи золотной по зеленой земли наподолникъ полуштофу бѣлотравчатого по малиновой земли
е а пугвицъ серебра- ныхъ золоченыхъ 6 явилось.	6	Двой ризы парчи золотой оплечья шиты золотомъ и серебромъ по красному бархату наподолникъ изорбать травчатой по красной земли травки серебряные подложены крашениною красною

Примѣчанія.	№№	
е пугвиць серебряныхъ золоченыхъ 13, мед- ныхъ 6	7	Шестеры ризы парчи золотой по красной земли на нихъ оплечья аксамита золотного в томъ числѣ на одиѣхъ ризахъ оплечья по красному бархату шиты золотомъ и серебромъ на- подолники штофу травчатого разныхъ цвѣтовъ, пятеры под- ложены кумачемъ краснымъ шестые крашениною кирпичной цвѣтъ на нихъ нашито пугвиць серебряныхъ дватцать четыре
е при нихъ 3 мѣдныхъ пугвицы	8	Ризы парчи золотой по ней травы красные зеленые, оплечье шито по красному бархату золотомъ и серебромъ по оплечью позументъ серебра бѣлого позади крестъ того жъ позумента наподолникъ лудану красного обложенъ круживомъ золотымъ з серебромъ з городками подложены кумачемъ краснымъ на задѣ звѣзда того жъ красного лудану.
е при нихъ пугвиць оловянныхъ 4.	9	Ризы штофу цвѣтного с травами на нихъ оплечье бархатное красное кругомъ оплечья круживо золото-серебряное з городами наподолникъ отласу полосатого подложено крашениною черною.
е	10	Ризы черные камчатые оплечье штофовое с золотомъ на- подолникъ полосатой подложены крашениною черной
е	11	Ризы штофъ по вишневой земли травки с золотомъ, оплечье по красному отласу шито золотомъ и серебромъ, наподолникъ матеріи шелковой полосатой, полосы лазоревые, бѣлые и красные подложены крашениною кирпичного цвѣту.
е на однихъ круживо з го. золотое а на двухъ сѣтки серебря- ные а другіе трои употреблены в по- чинки	12	Шестеры ризы тафты бѣлой, на нихъ оплечья бархатные красные, в томъ числѣ на одиѣхъ бархату вишневого на четы- рехъ ризахъ оплечья кружива серебряное а на двухъ золотное с городами, наподолникъ на всѣхъ шестерыхъ ризахъ тафтяные подложены холстомъ бѣлымъ
е	13	Ризы отласу красного на нихъ оплечье штофовое цвѣтное наподолникъ отласу полосатого подложены крашениною.
е 1 а прочіе положены на умершихъ собор- ныхъ священниковъ во гробы	14	Девятеры ризы китайки бѣлой на нихъ оплечья штофу раз- ныхъ цвѣтовъ в томъ числѣ на двухъ оплечьяхъ шиты золо- томъ опушены каламенкою полосатою, семеры ризы подложены холстомъ бѣлымъ двои крашениною синею
е ветхіе на нихъ 3 пуг- вицы мѣдные	15	Трои ризы черные отласные, опушены оплечья и по подолу лѣнтами бѣлыми тафтяными подложены крашениною
е	16	Пятеры ризы камчатые василовы оплечья бархатные на четверыхъ ризахъ разныхъ цвѣтовъ а на пятыхъ полуштофу желтого, наподолники отласные подложены крашениною

Д о м е т і й

Примѣчанія.	№№	
	е 17	Двой ризы камчатые зеленые оплечья бархатные черные, наподолники отласные, подложены крашениною.
	18	Ризы парчевые бѣлые с травы золотными и шелковыми разныхъ цвѣтовъ, оплечье бархатное низано китайскимъ жемчужомъ половинчатымъ, осыпи значится во многихъ мѣстахъ наподолникъ матеріи персидской с шелковыми травы пугвицъ серебряныхъ золоченыхъ гладкихъ пять подложены крашениною свѣтлою.
а пугвицъ 4 серебряные позлощенные.	е 19	Ризы отласу золотного по червчатой земли оплечье бархатное червчатое шитое золотное высокимъ швомъ обложено галуномъ серебрянымъ с золотными перевитыми веревочками, подолникъ дороги полосатой, подложенъ отласомъ лазоревымъ, ризы подложены киндякомъ червленымъ, оные ризы ветхи.
	е 20	Ризы бархату золотного мѣлкотравчатого разныхъ цвѣтовъ, оплечье шито золотомъ и серебромъ по черному бархату, подолникъ, отласъ полосатой, а по осмотру сверхъ прежней переписи золо явилось около оплечья сѣтка серебряная, а наподолникъ тафты полосатой цвѣтной подложены киндякомъ червчатымъ подолникъ подложенъ тѣмъ же киндякомъ ветхи.
а кружива нетъ а вместо тесмою желтою шелковою около оплечья обложены	е 21	Двой ризы бархатъ золотной по зеленой земли оплечья шиты золотомъ и серебромъ по черному бархату около оплечья круживо кованое золотное подложены обои киндякомъ зеленымъ подолники камки турецкой полосатой мѣлкотравной наподолникъ подложенъ отласомъ желтымъ ветхи.
со оныхъ ризъ оплечья сняты и нашиты къ новымъ ризамъ штофу желтого оплечья на нихъ бархату красного обложены сѣткою серебряною ветхія	е 22	Ризы бархатные лазоревые по серебряной земли оплечье шито золотомъ и серебромъ по червчатому бархату, около оплечья круживо золотное уское подложены киндякомъ червчатымъ подолникъ отласу полосатого подложенъ отласомъ желтымъ ветхи.
Здѣланъ стихарь а ис стихаря употребленъ в починку ветхое. не писать понеже употреблены въ починку	е 23	Ризы бархату лазореваго по серебряной земли травы болшія, оплечье шито золотомъ и серебромъ по черному бархату, около оплечья круживо кованое золотное подложены киндякомъ зеленымъ подолникъ отласъ полосатой гладкой подложенъ подолникъ отласомъ желтымъ ветхи

Примѣчанія.	№№	
е ветхой	24	Ризы отласу золотого травчатого по красной земли оплечье шито золотомъ и серебромъ по черному бархату подложены киндякомъ зеленымъ подолникъ камка полосатая турецкая мѣлкотравная, подолникъ подложенъ отласомъ желтымъ ветхи
употреблены въ раз- ные починки	25	Ризы отласу золотого травы болшіе по червленой земли, оплечье шито золотомъ и серебромъ по черному бархату, около оплечья круживо золотное, подолникъ полосатой кижевой ризы подложены киндякомъ червленымъ ветхи
е пугвиць мѣдныхъ на нихъ 12 подолники отлас.	26	Трои ризы отласъ золотной по лазоревой земли оплечье у двухъ штофу красного у третьихъ земля золотная с. травки серебряными подолники байбереку золотного подложены крашеною
е пугвиць медныхъ 4 ветхіе	27	Ризы штофу алого травчатого ветхіе оплечье парчи золото-серебряной, крестъ позументу золотосеребряного подолникъ полуштофу полосатого подложены крашеною зеленою
Вновь построенныхъ въ 1752 году.		
е на однихъ 4 пугвицы серебряные	28	Двои ризы штофные травчатые по пунцовой земли, по оплечью и по подолу обложено сѣткою серебряною с городами подложены крашеною синею.
е при нихъ пугвиць медныхъ 20	29	Шестеры ризы штофные по голубой земли у однихъ ризъ оплечье и по подолу обложено сѣткою серебряною, а у пятирехъ оплечья штофу шелкового травчатого наподолники полуштофу желтого подложены крашеною
е пугвиць мѣдныхъ 8.	30	Четверы ризы штофу желтого травчатые оплечья штофу желтого травчатые наподолники полуштофные василковые подложены крашеною
е при нихъ пугвиць серебряныхъ 4 мѣд- ныхъ 4.	31	Двои ризы штофу бѣлого травчатые оплечье штофу желтого травчатые наподолники полуштофные желтые подложены крашеною
е пугвиць мѣдныхъ 10.	32	Шестеры ризы штофу красного по бѣлой земли травчатые, оплечье у всѣхъ штофу голубаго травчатые наподолники полуштофные василковые подложены крашеною.
е позумента нѣтъ а вмѣсто того обложе- но тесмою желтою пугвиць мѣдныхъ 5	33	Двои ризы зеленые полуштофные оплечья штофу желтого травчатые наподолники обложены позументомъ желтымъ полу-шелковымъ въ два ряда подложены крашеною.

протопопъ

Примѣчанія.	№№	
ветхіе е	34	Двои ризы полуштофные бѣлые оплечья штофу голубого травчатые наподолники полуштофные василковые подложены крашениною
		Подризники
	1	Подризникъ отласу бѣлого крестъ и оплечье и зарукавья и подолникъ отласу червчатого подложень тафтою рудожелтою при воротѣ пугвица серебряная золоченая
пугвицъ нѣтъ ветхой. е	2	Подризникъ камки золотой травчатой оплечье и зарукавье и крестъ отласу желтаго подложень тафтою лазоревою при воротѣ пугвица серебряная золоченая
Оплечье и крестъ черное отласное наподолникъ тафты синей, по подолу в 2 ряда сѣтка з городами золото-серебряная и пугвица есть е	3	Подризникъ изорбату полосатого оплечье и зарукавье камки бѣлой травы по ней серебряные а по осмотру явилось не серебряные но золотые крестъ кружива золотного кованого, наподолникъ отласной полосатой травчатой на немъ по подолу круживо золотное с серебромъ плетеное серебряное кованое подложень тафтою желтою при воротѣ пугвица серебряная золоченая
в. архіер. ризницѣ	4	Подризникъ камки чешуйчатѣй по красной земли оплечье и зарукавье отласу желтого наподолникъ тавтяной полосы цвѣтные бѣлые и красные подложень тафтою лазоревою подпушень по подолу китаюкою лазоревою при воротѣ пугвица серебряная позолоченая
	5	Подризникъ полосатой с серебромъ, ветхой вмѣсто оплечья обьяри алой серебряной подолникъ отласу красного на немъ круживо золотосеребряное с городами подложень тафтою зеленою, при воротникѣ пугвица серебряная малая позолоченая
Зарукавье бархату красного подолникъ тафты полосатой ветхой е	6	Подризникъ отласу полосатого полосы красные и желтые оплечье отласу красного наподолникъ и рукава тавты полосатой подложень крашениной синей
	7	Подризникъ матеріи шелковой, полосы бѣлые и черные, оплечье штофовое цвѣтное с травками на рукавахъ того жъ штофу наподолникъ лазоревой тафтяной подложень киндякомъ ветхимъ н
	8	Подризникъ камки красной оплечье нарукавники и наподолникъ полуштофу на голубомъ полѣ подложень крашениною н

Примѣчанія.	№№	
		Вновь построенные въ 752 году
е	9	Подризникъ штофу красного травчатого по бѣлой земли по подолнику обложенъ в одинъ рядъ сѣткою серебряною з городами подложенъ крашениною
е на одномъ оплечье штофу желтого	10	Три подризника полуштофные зеленые по оплечью и по рукавамъ и по подолу обложено тесемкою полуселковойю желтою подложены крашениною.
е три а одинъ за вет- хостію положенъ на ключаля Петра Ме- летіева	11	Четыре подризника полуштофовые красные по оплечью и по подолу обложено тесмою полуселковойю желтою подложены крашениною
		Епитрахили
и	1	Епитрахиль низана жемчюгомъ по червчатому бархату в репяхъ двенатцать камней яхонты и лалы двенатцать кистей золотыхъ ворворки обнизаны жемчюгомъ тринацать пугвиць серебряныхъ золоченыхъ сканныхъ подложена отласомъ желтымъ.
пугвиць серебряныхъ 14 золоченыхъ	2	Епитрахиль аксамитная около епитрахили и в срединѣ шесть крестовъ низаны жемчюгомъ мѣлкимъ в рядъ, іорданъ камки, куфтеръ червчатая подложена отласомъ желтымъ четырнатцать кистей шелку зеленого с золотомъ ворворки обшиваны серебромъ, а осьми во оныхъ крестахъ пятнатцать жемчюжинъ да седьмой крестъ нашить золотной, на іордана пугвица серебряная бѣлая малинка
Осыпи въ крестахъ жемчюжинъ 30	3	Епитрахиль бенбереквая ветхая с травы золотосеребряными пугвиць серебряныхъ позолоченыхъ сканныхъ дватцать шесть крестовъ жемчюжныхъ кистей двѣнатцать золотныхъ, с ворворки кинительными подложена отласомъ желтымъ іорданъ полосатая отласная травчатая при ней пугвица серебряная, на іордани крестъ жемчюжной, да явилось в немъ осыпи осмъ жемчюжинъ.
е	4	Двѣ епитрахили по отласу красному шиты золотомъ и серебромъ на одной іорданъ штофу травки с золотомъ на подолѣ бахрама золотная с серебромъ на ней двенатцать пугвиць серебряныхъ гладкихъ малыхъ подложена крашениною лазоревою, на другой ерданъ бархату красного пугвиць на ней седмъ гладкихъ мѣлкихъ серебряныхъ опушена позументомъ золотнымъ вкругъ на ней кисти шелковые красного и зеленого цвѣту подложена крашениною осиновой
пугвиць нѣтъ		

Софійскій

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДІЯ

Примѣчанія.	№№	
е пугвиць неть	5	Епитрахиль бархату золотного турецкого по червчатой земли пугвиць на ней серебряныхъ позолоченныхъ двенатцать, кисти золотные обложена позументомъ золотнымъ подложена крашениною красною
на лицо 4 одной бархатной неть.	6	Пять епитрахилей красныхъ шиты золотомъ и серебромъ в томъ числѣ по бархату четыре три обложены тесмою золотною іердани на двухъ штофовъ красныхъ на третьей тафты полосатой у оныхъ у всѣхъ трехъ бахрама шелковая черная четвертая епитрахиль обложена сѣткою серебряною іерданъ штофомъ краснымъ подкищена бахрамою серебряною пятая епитрахиль шита по красному отласу золотомъ и серебромъ, іерданъ бархатная красная подкищена бахрамою золотосеребряною подпушена отласомъ бѣлымъ внизу надъ бахрамою тесмою золотою всѣ оны епитрахили без пугвиць подложены крашениною разныхъ цвѣтовъ
	7	Епитрахилей бархатныхъ цвѣтныхъ четырнатцать без пугвиць подложены крашениною разныхъ цвѣтовъ, подкищены бахрамами и кистями шелковыми.
н	8	Двѣ епитрахили бархатные одна епитрахиль цвѣтомъ зеленымъ, ерданъ и около епитрахили обложено отласомъ полосатымъ, полосы зеленые и желтые, кресты круживца малаго золотые, пугвицы оловянные внизу кисти шелковы другая цвѣтомъ вишневымъ, ерданъ отласу осинового, обложено отласомъ травчатымъ, кресты круживца малаго золотного с серебромъ, пугвицы оловянные в ысподѣ кисти шелковые подложены крашениною.
е ерданъ бархату краснаго	9	Епитрахиль бархату золотного зеленого мѣлкотравная ерданъ и около епитрахили обложено отласомъ краснымъ внизу кисти шелковые без пугвиць подложена крашениною.
е а одной неть ветхая	10	Три епитрахили отласу травчатого с золотомъ по бруснишной земли ердани подпушены вкругъ матереею полосатой шелковой с кистями шелковыми подложены крашениною из которыхъ одна ветхая
е 1 ветхая а другой неть, изъ оныхъ епитрахилей с одной серебряные пугвицы сняты и нашиты на ризы малиноваго цвѣта	11	Двѣ епитрахили штофу красного полосатого с травами кресты и опушка обложены таеюю осиновою кисти шелковые у одной епитрахили девять пугвиць серебряныхъ изъ коихъ одна помята, на другой мѣдные, подложены крашениною

Примѣчанія.	№№	
е без кистей ветхая	12	Епитрахиль шита золотомъ и серебромъ на которой вышиты праздники дванадесѣтые и страсти Христовы опушена тафтою полосатою подложена киндякомъ кисти шелковые.
е Двѣ а одной нетъ	13	Три епитрахили бархату золотного зеленые на одной ерданъ бархату красного безъ пугвицъ подложена крашениною осиновою на двухъ ердани отласные красные и опушены вкругъ подложены киндякомъ кропивнымъ с пугвицы мѣдными и кистми шелковыми
е И пугвицъ не явилось 4 а 8 на лицо со оной епитрахили пугвицы сняты и нашиты на четыре ризы малиноваго цвѣту.	14	Епитрахиль парчи золотой с травы красными и зелеными, а на ней пугвицъ серебряныхъ сканныхъ позолоченыхъ двенатцать по срединѣ по краямъ и по подолу кресты отласу красного на ней круживо в ысподѣ золотное с серебромъ шесть кистей зеленого шелку с золотомъ подложена крашениною
и	15	Четыре епитрахили штофу цвѣтного по красной земли с золотомъ, ердани на двухъ бархату красного, да на двухъ полосатые, по бѣлой и красной земли опушены отласомъ краснымъ пугвицъ на двухъ серебряныхъ и позолоченыхъ разныхъ рукъ четырнатцать, кисти шелковые, подложены крашениною и осиновою
и	16	Епитрахиль парчи золотной с травы красными и зелеными подкищена бахромою шелковою подложена киндякомъ безъ пугвицъ
и	17	Епитрахиль черная штофовая с травки золотными ерданъ камки зеленой опушена в кругъ лентами бѣлыми
е	18	Епитрахиль парчевая с травами золотными на голубомъ полѣ обложена позументомъ золотнымъ широкимъ подложена китайкою василковою, ерданъ полуштофу на голубомъ полѣ.
Набедерники		
е	1	Набедерникъ парчи золотой вверху бархатъ красной, кисти золотныя с ворворки завяски шелковыя тканые подложень китайкою круживо при кистяхъ широкое золотосеребряное городами
е	2	Набедерникъ парчи серебряной по бѣлой земли обложень по краямъ вкругъ лентами шелковыми с серебромъ подкищень бахромою шелковою подложень крашениною -красною.
и	3	Набедерникъ тафтяной желтой

До метій

Примѣчанія.	№№	
е е. а вмѣсто креста на- шить образъ неруко- творенный с воздуха, кой под № 11	4	Набедерникъ штофу травчатого по пунцовой земли обложенъ сѣткою серебряною с трехъ сторонъ в два ряда в низу в три ряда, в срединѣ крестъ позументу золотного, по исподу пришито десять кистей серебряные и золотые подложены камкою бѣлою в верху два крюка мѣдные.
		Поручи
н есть пугвицы серебря- ные малые золоченые а опушены позумент- ом и кресты тѣм же золотые	1	Поручи бархатные червчатые на нихъ кресты и слова ни- заны жемчугомъ опушены тесмою золотою подложены отла- сомъ зеленымъ да осьми четыре жемчужины
	2	Поручи бархату черного опушены отласомъ зеленымъ под- ложены крашениною кресты отласу зеленого же пугвицы мѣдныхъ золоченыхъ четырнатцать, оные поручи весма ветхи
н	3	Поручи низаны жемчугомъ среднимъ и мелкимъ с кинителью по червчатому бархату а въ крестахъ десять камешковъ зеле- ныхъ простыхъ тритцать пугвицы серебряныхъ гладкихъ золо- ченныхъ малой руки подложены отласомъ алымъ и осыпи на одной поручи средняго жемчугу въ трехъ мѣстахъ тритцать зеренъ а на другой мѣлкаго на три вершка да сверхъ же того явствуется осыпи безъ четверти на четыре вершка и в травахъ во многихъ мѣстѣхъ явствуется
н	4	Поручи низаны жемчугомъ болшимъ и среднимъ и мѣлкимъ по червчатому бархату с кинителью подложены отласомъ черв- чатымъ дватцать пугвицы серебряныхъ гладкихъ золоченыхъ на золотомъ шнурку а осыпи на одной поручи в двухъ мѣстахъ шестнатцать, а на другой одиннатцать зеренъ да еще болшого одного зерна не обрѣтается да сверхъ того по осмотру не яви- лось еще трехъ зеренъ болшихъ
нет	5	Поручи шиты серебромъ и золотомъ в срединѣ тесма золотная кресты вышиты серебромъ подложены луданомъ краснымъ
е	6	Поручи шиты серебромъ и золотомъ по красной тафтѣ на нихъ Благовѣщеніе четыре пугвицы серебряные малые подложены отласомъ зеленымъ.
е в томъ числѣ двои пугвицы медныхъ а другіе с крючками	7	Поручи четверы шиты по красному отласу золотомъ и сере- бромъ в томъ числѣ на дву поручахъ на одиѣхъ осмь пугвицы гладкихъ мѣдныхъ на другихъ седмь пугвицы серебряныхъ гладкихъ же мѣлкихъ.

Примѣчанія.	№№	
е двое при нихъ пугвицъ мѣдныхъ 11.	8	Трои поручи бархату зеленого шиты золотомъ и серебромъ пошнурены тетивкою шелковою
е.	9	Двой поручи штофу вишневаго шиты золотомъ и серебромъ шнурены тетивкою шелковою.
н.	10	Поручи отласу рудожелтаго, окружіе лентовое кресты про- свѣчены по лентѣ мишурою с пугвицы оловянными завяски тетивки шелку зеленого.
е.	11	Поручи штофу цвѣтнаго по красной земли с золотомъ опу- шены по краямъ бархатомъ зеленымъ золотнымъ без пугвицъ.
н.	12	Трои поручи бархату обложены вокругъ краснымъ бархатомъ
н.	13	Поручи грезету голубого кресты на нихъ и около обложены позументомъ золотнымъ пугвицы оловяные
е. шестеры. Оные пору- чи здѣланы изъ остат- ковъ новопостроен- ныхъ ризъ 1755 года.	14	Двенатцетеры поручи красного штофу травчатого по бѣлой земли кресты на нихъ тесмы желтой опушены желтою и голубою адамашкою.
н.	15	Двой поручи грезету лимоннаго на нихъ кресты и опушка позументу золотного
е.	16	Поручи парчи золотной с травами серебряными на нихъ кресты позументу золотного обложено позументомъ серебря- нымъ ветхимъ.
Поясы.		
е.	1	Поясъ ленты золотной по зеленой землѣ на немъ крестъ позументу серебряного, наконечники у того пояса серебряные золоченые на одномъ концѣ травы прорѣзные бѣлые, подложенъ тотъ поясъ таетою червчатою.
е. а жемчюжинъ 13 нетъ.	2	Поясъ тесмы золотной по красной земли при немъ плащи серебряные мѣстами позолочены изъ которыхъ по осмотру явилось одинъ плащъ сломанъ крестъ низанъ мелкимъ жемчю- гомъ да сверхъ прежней описи на ономъ крестѣ осыпи явилось четыре жемчюжины
Оной поясъ положенъ на преосвященнаго Стефана архіеписко- па сентября 17 дня 1753 года	3	Поясъ и кисти золотные пряшка серебряная.
е.	4	Поясъ шелковой тесмы плащи мѣдные

протопопъ

Примѣчанія.	№№	
удвоенъ удвоенъ.	5 6	Поясъ и кисти золотныя пряжка серебряная Поясъ шелковой тесмы, плащи мѣдные
		Стихари
есть. е а зарукавье у одного отласу красного вет- хѣ у другого штофу малиноваго.	1 2	1 Стихарь серебряной парчи оплечье по красному бархату, шито золотомъ и серебромъ нарукавники бархату красного с сѣткою серебряною наподолникъ штофу малиноваго цвѣту обложенъ сѣткою серебряною в двое подложенъ крашениною синею 2 Два стихаря штофу цвѣтного по бѣлой земли оплечья шиты по красному бархату золотомъ и серебромъ нарукавники и наподолники таёты полосатой подложены крашениною
н.	3	3 Стихарь красной штофовой травы с золотомъ по красной земли оплечье серебряное с травами нарукавники и наподолникъ полуштофу полосатого подложенъ крашениною
н.	4	4 Стихарь камчатой малой вишневой цвѣтъ нарукавники и подолникъ опушены выбойкою бумажною цвѣтною подложенъ крашениною.
е.	5	5 Два стихаря бархатъ золотной травы красные оплечье и зарукавья шиты по черному бархату золотомъ и серебромъ, подолники у тѣхъ стихарей золотные полосатые подложены отласомъ желтымъ подолники и стихари крашениною лазоревою.
н.	6	6 Стихарь бархату червчатого травы болшія по серебряной земли оплечье и зарукавье шито золотомъ и серебромъ по черному бархату подолникъ отласу золотного зеленого подложенъ крашениною ветхой
нет	7	7 Стихарь бархатной травы болшія зеленого бархату по золотной земли оплечье и зарукавья шито золотомъ и серебромъ петелчатое по черному бархату, около оплечья круживо золотое подолникъ отласу зеленого по червчатой земли подложенъ крашениною лазоревою ветхой
нет а употребленъ в по- чинки, а оплечье и подолникъ положенъ на стихарь лазоревой бархатной сшитой из покрова кой под № 2-мъ	8	8 Стихарь бархату таусинного оплечье лазоревое с травами золотными, крестъ позументу серебряного зарукавье отласу осиноваго, наподолникъ обьяри кропивной двойной подложенъ крашениною лазоревою

Примѣчанія.	№№	
н.	9	Стихарь бархату вишневого, оплечье и зарукавье бархату черного мѣлкотравного по червчатой земли, подложенъ краше- ниною лазоревой, подолникъ каламенки полосатой ветхъ.
н.	10	Стихарь камки лазоревой оплечье камки двоеличной, за- рукавье лудану черного наподолникъ тафты черной, а по осмотру явилось на томъ стихарѣ зарукавья и наподолникъ выбойки бумажной красной цвѣтной подложенъ краше- ниною темною.
н.	11	Два стихаря отласу червчатого, оплечья бархату золотого турецкого у одного зарукавья изорбавное полосатое подолникъ камки красной клетчатой у другаго зарукавья книжвые, на- подолникъ луданной соломенного цвѣту подложены краше- ниною ветхѣ
н.	12	Два стихаря камчатые бѣлые, оплечья бархату красного на одномъ оплечье круживо золотосеребряное с городами, зарукавья у одного бархатные у другаго камчатые красные наподолникъ камки красные подложены краше- ниною ветхѣ
е.	13	Стихарь камки зеленой травчатой оплечье и зарукавье черного бархату рытого по червченой земли подолникъ камки лазоревой ветхъ весьма и розорвался
н.	14	Стихарь лудану вишневаго оплечье отласу зеленого зару- кавье изарбатное полосатое по бѣлой земли, подолникъ камки зеленой подложенъ краше- ниною ветхъ.
н.	15	Стихарь бархату зеленого травы болшіе по серебряной земли, оплечье и зарукавье по червчатому бархату со звѣздами шиты золотомъ и серебромъ подолникъ бархату золотного травчатого, и тотъ стихарь плаченъ зеленымъ бархатомъ, подложенъ краше- ниною лазоревою ветхъ.
н.	16	Два стихаря бархату лазореваго по серебряной земли травы болшія оплечья и зарукавья шиты золотомъ и серебромъ по черному бархату подложены краше- ниною лазоревою подолникъ у одного отласу золотного по зеленой земли подложенъ отла- сомъ желтымъ, а у другаго камки зеленой травчатой ветхи.
н.	17	Стихарь обьяринной бѣлой оплечье и зарукавья бархатное красное на оплечье круживо золотное на зарукавье золотное с серебромъ подолникъ отласной красной обложенъ круживомъ плетенымъ золотнымъ с серебромъ подложенъ китайкою голу- бою ветхъ.
н. употребленъ на по- чинку	18	Стихарь отласу золотного травчатого цвѣтки золотные, оплечье и зарукавье бархату рытого по бѣлой земли, подол-

Примѣчанія.	№№	
<p>Одинъ употребленъ в починку а трехъ нѣтъ</p> <p>употребленъ въ по- чинку.</p>		<p>никъ травчатой отласу свѣтлозеленого подложенъ зекзенью ветхъ</p>
	19	<p>Стихарь отласу золотного по червчатой земли травы мѣлкя оплечье участокъ полосатой по бѣлой земли подолникъ камчатой зеленой ветхъ.</p>
	20	<p>Стихарь изарбавъ червчатъ мѣлкотравной оплечье и зарукавье шито по червчатому бархату золотомъ и серебромъ подолникъ изарбавъ золотной травчатой подложенъ крашениною лазоревою плацент и ветхъ.</p>
	21	<p>Стихарь отласу золотного травчатого оплечье и зарукавье бархатное по червчатой земли травы золотные и серебряные около оплечья круживо серебряное опушенъ бархатомъ рытымъ по червчатой земли подложенъ киндякомъ зеленымъ подпушенъ киндякомъ лазоревымъ ветхъ</p>
	22	<p>Четыре стихаря отласу бѣлого на которыхъ на трехъ оплечья камчатые малиновые на четвертомъ оплечье бархатное золотное подолникъ отласу червчатого подложены крашениною ветхи</p>
	23	<p>Четыре стихаря камки бѣлыя оплечья бархату турецкого золотного по червчатой земли зарукавья у двухъ того жъ бархату а у третьяго камчатые малиновые у четвертого луданные красные, подолники у двухъ отласные красные у третьяго камки клетчатой желтой у четвертого луданной красной ветхъ из оныхъ стихарей по осмотру не явилось одного стихаря камки бѣлыя оплечье бархату турецкого золотного по червчатой земли зарукавье и подолникъ красные ветхъ</p>
	24	<p>Стихарь обьяри золотной мѣлкотравчатой по червчатой земли на немъ крестъ бархату золотного подолникъ обьяри серебряной по бѣлой земли подложенъ крашениною лазоревою а подолникъ киндякомъ лимоннымъ безъ оплечья и без зарукавья ветхъ</p>
е.	25	<p>Стихарь шить по красному отласу золотомъ и серебромъ оплечье низано по красному бархату среднимъ и мелкимъ жемчюгомъ со звѣздками на нихъ запанъ серебряныхъ позолоченыхъ с простыми камѣшки тритцать четыре в цвѣткахъ низаныхъ вставляваны простые камѣшки разныхъ цвѣтовъ осыпи по прежней описи значится на оплечье средняго семдесятъ, мѣлкого шестнатцать жемчюжинъ крестъ низанъ жемчюгомъ среднимъ подолникъ бархату красного на немъ круживо с золотомъ и серебромъ в двое подложенъ крашениною зеленою подъ зарукавьемъ опушка отласу красного да осыпи жъ на зарукавьяхъ на правомъ средняго трехъ сотъ мѣлкого пяти-</p>

Примѣчанія.	№№	
		десяти жемчужинъ на лѣвомъ средняго ста дватцати, мѣлкаго десяти, да камѣшковъ простыхъ зеленыхъ и красныхъ четыре да сверхъ прежней описи явилось съ оплечей и зарукавей осыпи жемчюгу мѣлкаго и крупного четыреста пятьдесятъ девять жемчужинъ, а нынѣ заумноженіемъ того жемчюгу осыпи на счетъ есть ли колико вновь сверхъ прежняго что в осыпи или нѣтъ признать и счесть никакъ невозможно, только явилось по свидѣтельству на томъ стихарѣ какъ на оплечье, такъ и на зарукавьяхъ и с старою осыпью оною жемчюгу всего мѣрою в одну нить два аршина одиннадцатъ вершковъ а сверхъ прежней же осыпи по осмотру явилось на томъ стихарѣ осыпи два вершка, да в шести мѣстахъ по малому числу.
н.	26	Стихарь бѣлой камчатой ветхой чешуйчатой оплечье штофовое красное, травы на немъ золотныя с разными шелками нарукавники шелковые полосатыя назади крестъ из одного штофу, наподолникъ тафтяной красной подложенъ крашениною.
е	27	Стихарь золотной бархатной турецкой оплечье и зарукавье што по черному бархату золотомъ и серебромъ крестъ тесмы золотной подолникъ изарбавной красной, травчатой подложенъ дорогийю красной опушенъ таетою осиновою.
н	28	Осмь стихарей камчатныхъ изарбавъ золотной по красной земли подолники отласъ красной подложенъ крашениною лазоревою ветхи
н.	29	Четыре стихаря желтой камки на одномъ стихарѣ оплечье и зарукавье изарбавъ золотной с серебромъ травы шелковые, наподолникъ отласу красного, а у трехъ оплечья и зарукавья саржи красныя полосатыя, наподолники бумажныя красныя травы по бѣлой земли у двухъ а у одного подолникъ отласу красного подложены крашениною ветхіе
е.	30	Два стихаря рудожелтыхъ оплечья и зарукавья саржи красной полосатой наподолники выбойки бумажной красной по бѣлой земли подложены крашениною
н.	31	Шесть стихарей отласу цвѣтнаго травчатого оплечья и зарукавья разныхъ изарбатовъ наподолники на трехъ стихаряхъ тафты осинового цвѣту, а у двухъ пестреть цвѣтошахматная, да у единого полосатой отласной травчатой
н.	32	Одинъ стихарь обьяри золотной алой оплечье и зарукавье изарбата средняго с травы шелковыми подложенъ крашениною ветхой
е.	33	Три стихаря выбойчатыхъ бумажныхъ красныхъ полосатыя шелковыя каламенки

Д о м е т і й

Примѣчанія.	№№	
Е.	34	Два стихаря китайчатые голубые на нихъ оплечья и зарукавья триповыя красныя подолники выбоичатыя подложены крашениною.
и.	35	Три стихаря камчатые бѣлыя, оплечья и зарукавья бархату золотного турецкого изъ которыхъ подолники у двухъ отласныя красныя да у одного луданной красной ветхіе.
е.	36	Стихарь парчевой с травами золотными на голубомъ полѣ подложенъ крашениною василковою оплечье шито золотомъ и серебромъ по красному бархату, нарукавники парчи серебряной наподолникъ штофу желтого с разными травами крестъ позументу серебряного.
е	37	Стихарь штофу по желтой земли с разными травами подложенъ крашениною оплечье и нарукавники парчи серебряной наподолникъ полуштофу на голубомъ полѣ, крестъ позументу серебряного
е	38	Два стихаря полуштофу на красномъ полѣ подложены крашениною василковою оплечье и нарукавники штофу по желтой земли с разными травами наподолники полуштофу на голубомъ полѣ, кресты позументу золотного
е.	39	Стихарь камки красной оплечье и наподолникъ полуштофу на голубомъ полѣ зарукавье штофу красного травчатого по бѣлой земли подложенъ крашениною
Вновь построенныхъ въ 1752 году.		
е.	40	Стихарь штофной травчатой по пунцовой земли по оплечью обложено круживомъ серебрянымъ з городами, зарукавье штофу красного травчатого наподолникъ полуштофу василковаго подложенъ крашениною.
е	41	Три стихаря штофные травчатые по голубой земли оплечье штофу желтотравчатого наподолники и зарукавье полуштофные желтые подложены крашениною.
е	42	Стихарь штофу желтого травчатого оплечье штофу голубаго травчатое зарукавье и наподолникъ полуштофу василковаго подложенъ крашениною.
е	43	Стихарь штофу красного травчатого по бѣлой земли оплечье штофу голубого травчатое, зарукавье и наподолникъ полуштофу василковаго подложенъ крашениною
е	44	Два стихаря штофу бѣлаго травчатого оплечье штофу желтотравчатого зарукавье и наподолники полуштофу желтаго подложены крашениною

ветхіе

Примѣчанія.	№№.	
е. одинъ а другой пере-шить на подризникъ	45	Два стихаря полуштофыные зеленые оплечье штофу желто-травчатого, зарукавье и наподолники полуштофыные красные подложены крашениною
е ветхіе	46	Два стихаря полуштофыные бѣлые оплечье штофу голубого травчатого зарукавье и наподолники полуштофу василковаго подложены крашениною.
За ветхостію изъ двухъ одинъ здѣланъ.	47	Два стихаря полуштофу василковаго оплечья отласные красные золототравчатые, зарукавье полосатые полущелковые, наподолники камчатые красные ветхіе
О р а р и		
Е.	1	Орарь шить по бархату красному золотомъ и серебромъ по канцамъ бахрама золотная подложенъ китайкою свѣтлою
Е.	2	Орарей лѣнтошныхъ шелковыхъ цвѣтныхъ осемь подкищены бахрамою шелковою черною подложены крашениною разныхъ цвѣтовъ.
е а запанъ четырехъ еще нет жемчюгу во многихъ мѣстахъ осы-пи есть такъ что и счести не можно а по примѣру на полар-шину также и зеренъ половинчатыхъ с про-стыми камѣшки мно-гихъ нетъ	3	Орарь низанъ жемчюгомъ по красному бархату при немъ кистей золотыхъ четыре да серебряныхъ двѣ, осми на томъ орарѣ в четырехъ мѣстахъ мѣлкого жемчюгу по примѣру на два вершка да двухъ запанъ нѣтъ, три потраченныхъ при немъ двѣ пугвицы серебряные гладкіе да на ономъ же орарѣ сверхъ прежней описи по осмотру к вышеписаннымъ дву вершкамъ еще на пол вершка да китанскихъ половинчатыхъ зеренъ девяти, да камешковъ девяти жъ не явилось
	4	Орарь червчатого отласу на немъ круживо серебряное не-мецкое вязаное крестъ опушенъ голункомъ подложенъ камкою желтою чашуйчатою без пугвицъ и без кистей
е	5	Орарь парчи серебряныхъ травъ по красному отласу крестъ парчи серебряной бѣлой опушка отласная осиновая подложенъ таетою красной шесть кистокъ серебряныхъ с ворворками
е	6	Орарь штофу зеленого травы золотные крестъ, на немъ кисти серебряные с ворворками золотными
Книгъ печатныхъ		
Миней.		
е	1	Двенатцать миней печатныхъ мѣсячныхъ в дестъ в красной кожи по обрѣзу золочены.
е	2	Двѣнатцать миней мѣсячныхъ же печатныхъ новаго выхода
е	3	Миней общая в дестъ в красной кожи по обрѣзу золочена

протопопъ

Примѣчанія.	№№	
е	4	Девять миней старыхъ печатныхъ разныхъ
е. 8 а одной нетъ	5	Девять миней мѣсячныхъ четыхъ писмянныхъ в дестъ
е	6	Осмь миней мѣсячныхъ старопечатныхъ в дестъ
Прологи.		
е	1	Двѣ книги прологи печатные в дестъ во весь годъ
н.	2	Книга прологъ писмянной в дестъ
Тріоди		
е	1	Тріодъ цвѣтная, печатная в дестъ
е	2	Тріодъ постная в красной кожи по обрѣзу золочена в дестъ.
е	3	Двѣ тріоди постные
е	4	Тріодъ старой печати в дестъ постная
явилась постная пис- менная	5	Тріодъ писменная в дестъ цвѣтная
н	6	Тріодъ писменная цвѣтная
Апостолы		
е	1	Книга апостолъ новопечатной в дестъ
н.	2	Книга апостолъ толковой писанъ уставомъ в дестъ
н	3	Книга апостолъ писмянной в дестъ
е	4	Апостолъ печатной в дестъ
е	5	Апостолъ в дестъ по обрѣзу золоченъ в бархатѣ червчатомъ середина и науголники и застѣжки серебряные чеканные у верх- ней деки середина и науголники золочены
Служебниковъ		
есть	1	Четыре служебника печатные
	2	Два служебника печатные в полдестъ
Уставовъ		
е	1	Уставъ новоисправной печатной в дестъ
	2	Уставъ печатной в дестъ
е	3	Уставъ писменной в дестъ старой

Примѣчанія.	№№	
		Требниковъ
е	1	Два требника печатные в дестъ
е	2	Требникъ Петра Могилы печатной в дестъ
е	3	Требникъ печатной в дестъ
нет	4	Требникъ старой печатной в дестъ
		Псалтирей
е	1	Псалтирь печатная со вослѣдованіемъ в дестъ
е	2	Псалтирь печатная со вослѣдованіемъ в дестъ
утерена во время чтенія по покойномъ п д м № церковниками градскими	3	Псалтирь печатная со вослѣдованіемъ в полдестъ
н.	4	Псалтирь новоисправная печатная в полдестъ
н.	5	Псалтирь полоцкая печатная в дестъ
		Часословъ
н.	1	Часословъ печатной в дестъ
ветхой е	2	Часословъ печатной малой
н.	3	Часословъ в четверть в черной кожи
		Ермологіевъ
	1	Двѣ книги ермологіи печатные в полдестъ
		Октоиховъ
	1	Два октаи печатные в дестъ
е	2	Два октаи старонарѣчныя печатныя осмиголосовъ в дестъ
справиться на устье	3	Два октаи осми голосовъ в красной кожи по обрѣзу золочены
		Канонниковъ
одинъ е.	1	Два канонника печатные в полдестъ о побѣдѣ на враги
н.	2	Канонникъ писменной в дестъ
е	3	Четыре канонника новые о благодарныхъ молебнахъ в полдестъ изъ которыхъ одинъ в красной кожи по обрѣзу вызолоченъ
		Софійскій

Примѣчанія.	№№	
		Молебныхъ
н.	1	Книжица молебного пѣнія во время губительнаго недуга в полъ дестъ
е	2	Книжица молебного пѣнія о помощи на нечестивыхъ махаметовъ
н.	3	Книжица послѣдованія молебного пѣнія в полдестъ в кожи
		Разныхъ книгъ.
	1	Книга чинъ священнослуженія архіерейскаго в дестъ по обрѣзу золочена, оболчена бархатомъ таусиннымъ, а по осмотру явилось в зеленомъ бархатѣ и ветхая середина и наугольники и застѣжки серебряныя верхняя середина и наугольники золочены
н	2	Книга чинъ архіерейскаго дѣйства о освященіи церкви в четверть
н.	3	Книга о священствѣ в полдестъ
е. в кожаномъ переплетѣ ветхая	4	Книга печатная освященіе вод Богоявленскихъ в переплетѣ отласномъ красномъ
	5	Книжица о освещеніи воды в полдестъ
н	6	Соборникъ новой печати в красной кожи по зеленому обрѣзу в дестъ
е. ветхая	7	Служба ризы Господни печатная в полдестъ
	8	Книга святыхъ многихъ писменная в полдестъ
	9	Книжица Успенія Пресвятыя Богородицы кондаки и икосы в лицахъ в полдестъ
	10	Книга бесѣды апостольскія печатная в дестъ.
	11	Книга Ефремъ Сиринъ с Дарфіемъ печатная в дестъ
н.	12	Книга Ефремъ Сиринъ писана уставомъ старая в дестъ
е	13	Книга кормчая печатная в дестъ
н.	14	Книга кормчая писменная в дестъ
у Григорія діакона е.	15	Книга біблія Московской печати в дестъ
е	16	Книга жезлъ правленія печатная в дестъ
е	17	Книга скрижалъ печатная в полдестъ
н.	18	Книга маргаритъ печатная в дестъ
	19	Книга цвѣтъ духовный в полдестъ
е	20	Книга обѣдъ духовный печатная в дестъ
е	21	Вечеря духовная в дестъ
н.	22	Книга Григорія Назіанзина печатная в дестъ
е ветхая	23	Книга писменная Сенаникъ что уличаютъ на зборное воскресенье

Примѣчанія.	№№	
е	24	Книга писменная в ней повсягодное время чины в десть
н.	25	Книга торжественникъ писменная в десть
н.	26	Книга трефолой писменной в десть старая начала нѣтъ.
е.	27	Книга крестоприводная в полдесть
Харатейные		
н.	1	Книга Григорія Богослова в десть
н.	2	Книга Афанасія Александрійскаго на Аріана в десть
Разныхъ мелкихъ вещей		
е. одного камня нѣтъ	1	С шапки восресной пять кіотовъ серебряныхъ сканныхъ золоченыхъ с финифтомъ а в тѣхъ кіотахъ на дробницахъ образы на одной архангела Михаила на другой архангела Гавріила на третьей Василія великого на четвертой Григорія Богослова, на пятой Григорія Папы Римскаго, а на тѣхъ кіотахъ по осми камней небольшихъ в гнѣздахъ а промежъ ими по осми жемчужинъ на снѣгахъ серебряныхъ на образѣ архангела Михаила одной жемчужины нѣтъ.
е.	2	С другой шапки архіерейской шесть кіотовъ серебряныхъ сканныхъ золоченыхъ с финифты а на тѣхъ кіотахъ вырѣзаны образы на одной Архангела Гавріила на второй апостола Петра, на третіей апостола Павла, на четвертой Василія великого на пятой Григорія Богослова, на шестой Іоанна Златоустаго, да по осми искръ яхонтовыхъ червленыхъ в гнѣздахъ да межъ искръ на снѣгахъ по осми жемчужинъ большихъ и среднихъ
е.	3	Три дробницы четвероугольные на двухъ вырѣзанъ Василій великій Григорій Богословъ, на третіей, архангелъ Михаилъ с финифтью и мусіею
есть на Никитѣписк. нашить на шапкѣ	4	Крестъ низанъ мѣлкимъ жемчугомъ в немъ запан с простымъ камѣшкомъ ис которыхъ два камня зеленыхъ да два лазоревыхъ
е осыпи на трехъ углахъ 20—30 жемчужин с прежним	5	Крестъ с пояса низанъ среднимъ жемчугомъ лѣнты золотной что по зеленой земли на которомъ крестъ сверхъ прежней описи по осмотру явилось осыпи жемчугу малое число
	6	Крестъ низанъ жемчугомъ скаптыря таѣяного бѣлого в которомъ пять камней воронцовъ
е. одной жемчужины нетъ	7	Звѣзда амоформная низана жемчугомъ среднимъ и мелкимъ по рудожелтой обьяри

Дометій

Примѣчанія.	№№	
е	8	С зарукавья бархатного зеленого три дробницы серебряные позолоченные
е на 1 Господь Все- дер. 2 Богоматерь 3 апостолъ Петръ 4 Павель 5 Златоус.	9	С клобука отласного бѣлого решесчетаго пять полицъ серебряныхъ золоченыхъ рѣзныхъ а на полицахъ наложено финифтомъ по краямъ на декахъ каймы рѣзаны и навожены ониние- томъ
не явилось	10	Пугвица сканная золоченая в прежней описи явствуется позвонецъ серебряной золоченой а по осмотру того позвонца не явилось
есть	11	Пугвиць осмь серебряныхъ золоченыхъ гладкихъ
е.	12	Двенатцать пугвиць серебрянныхъ лосчатыхъ
е	13	Двѣ сканнхъ бѣлыхъ серебрянныхъ
	14	Двѣнатцать пугвиць мѣлкихъ сканнхъ серебрянныхъ бѣлыхъ
е	15	Четыре пугвицы серебряные золоченые граненые
е	16	Седмь пугвиць серебряныхъ бѣлыхъ гладкихъ
е	17	Четыре пугвицы серебряные сканнхъ позолоченныя.
есть	18	Четыре пугвицы серебряные золоченые бѣлогрушично
справ. не явилось	19	Одна пугвица золоченая гладкая болшая
взяты к преосвящ.	20	Позвонцовъ не золоченыхъ мѣдныхъ дватцать одинъ
справит.	21	Двѣ ворворки золотныя вязанныя
е	22	Тетивки золотой четыре аршина
е	23	Кружива с городами золотосеребряного ветхого аршинъ без четверти
	24	Галунка золотосеребряного пол аршина
Разнаго каменія.		
е	25	Изумрудовъ зеленыхъ два ис которыхъ противъ прежней описи одинъ болшей явился в гиѣздѣ серебрянномъ позолоченомъ.
е 4 вставкахъ один без ставки	26	Яхонтовъ лазоревыхъ пять да еще три камня в ставкахъ серебряныхъ сканнхъ позолоченыхъ ис которыхъ сверхъ прежней описи не явилось на лицо одной ставки
явились 2 лала в гиѣздахъ серебряныхъ с ониниею.	27	Два лалика одинъ червчатой а другой простой в серебрѣ
е	28	Двѣ бечеты
в гиѣздахъ серебрян. позлаченныхъ	29	Бауса четыре
е а два в гиѣздахъ сере- бряныхъ золоченыхъ		

Примѣчанія.	№№	
въ гнѣзд. серебрян.	30	Винусъ осемь
золочен. е		
в гнѣздахъ серебрян.	31	Два хрустали
с еиниотью е		
е.	32	Шесть ставочекъ серебряныхъ
е.	33	Бирюза в серебряномъ гнѣздѣ
н.	34	Жемчюгу крупнаго полдесята золотника
н.	35	Средняго дватцать золотниковъ двѣ четверти.
н.	36	Мѣлкого одинъ золотникъ
Взято въ ризницу архіерейск.	37	Двѣ жемчюжины старыхъ вѣсомъ ползолотника с осмухою
к архіерею взято	38	Плохого осемь золотниковъ с осмухою
к архіерею	39	Шесть жемчюжинъ крупныхъ
е	40	Простыхъ камешковъ разныхъ цвѣтовъ бумашка небольшая
Арх. взято	41	С рукавъ бархатнаго зеленого снятого жемчугу крупнаго, средняго и мѣлкого тритцать шесть золотниковъ с половиною
н.		
е.	42	С шапки архимандричей три херувима серебряныхъ позолоченыхъ
не имѣется	43	Мантия обьяринная осиноваго цвѣту
Ширинки посешные.		
е без орловъ ветхая	44	Ширинка тафтяная бѣлая шита кругомъ золотомъ и серебромъ с бахровымъ шелкомъ по угламъ четыре орла дваглавыхъ подкищена кругомъ золотомъ
е. ветхая	45	Ширинка тафтяная шита золотомъ и серебромъ по бѣлой тафтѣ с разными шелки подкищена золотомъ
взята въ Хутыиск. м. къ викарію 1759 г. октябрю 18	46	Ширинка тафтяная шита золотомъ и серебромъ с разными шелками подкищена золотомъ.
вышеозначенныя ширинки по осмотру явились ветхіе		
Платавъ.		
	47	Платъ полотна коленскаго при немъ четыре наугольника шиты золотомъ и серебромъ обложены круживомъ золотосеребрянымъ
	48	Платъ полотна Иванскаго по концамъ вышивано круживо золотное

протопопъ

Примѣчанія.	№№	
	49	Платъ полотна Иванского шить вокругъ золотомъ и серебромъ и шелкомъ ветхой
	50	Платъ Иванского полотна шить по угламъ золотомъ и серебромъ и шелкомъ
	51	Два плата малыхъ Ивановскаго полотна
есть	52	Обязаніе архіерейское храмосвятное из полотна браного два нарукавника в томъ числѣ одинъ простаго полотна
лентіонъ иванского полотна	53	Лентіонъ простаго холста мѣрою одиннатцать аршинъ
	54	Иваноского полотна которое осталось от лентіа мѣрою три аршина
н	55	Подолникъ отъ ризъ водномъ концѣ шиты слова серебромъ по каймѣ лазоревой ветхой
е.	56	Перчатки отласу бѣлого холодные ветхіе
е	57	Два махалца из перъ паулиныхъ
употребленъ въ но- вой Іерусалимъ на одежду престолную	58	Солнншникъ по темной зеленой земли с мелкими шелковыми травами и цвѣтами разными вокругъ всего бахрама плетеная подпушена вокругъ таетою желтою наверху шляпка деревянная золоченая чехолъ сукна червленого в средину потраченъ
	59	Сукна красного что покрываютъ клобукъ мѣрою аршинъ без четверти а поперегъ три четверти
	60	Гребенка черепаховая с одной стороны крайняго зуба нетъ

Софійскій

Новгородскія шапки-митры.

А. Дмитриевскій.

*Митра*¹⁾ составляет нынѣ неотъемлемое головное украшеніе нашихъ епископовъ во время богослуженій, но, какъ богослужебная принадлежность высшаго въ іерархіи сана, она явленіе сравнительно поздняго времени. Правда, въ археологической наукѣ дѣлаются попытки вынести время появленія этой богослужебной принадлежности въ глубокую христіанскую древность, и прототипъ ея желаютъ видѣть даже въ томъ увяселѣ, которымъ украшалъ свою голову первоіерархъ Сіонской церкви св. апостолъ Іаковъ, братъ Господень, но митры нашего времени и даже болѣе ранняго ничего не имѣютъ родственного съ увасломъ или тюрбаномъ св. апостола ни по формѣ, ни по украшеніямъ. На всемъ протяженіи исторіи христіанской церкви трудно установить даже хотя бы и слабую связь между еврейскимъ увасломъ и средневѣковой короной византійскихъ Императоровъ, послужившею прототипомъ епископской митры. Впрочемъ, относительно происхожденія нашей епископской митры въ археологической литературѣ мнѣнія не вполне устойчивы, и основываются они на фактахъ весьма сомнительной достовѣрности.

Среди памятниковъ нашей сѣдой старины три митры *преданіемъ* выносятся въ XI—XII вѣка: одна²⁾ находится въ Новоторжскомъ Борисоглѣбскомъ тверской епархіи монастырѣ и считается принадлежащею преподобному Ефрему, *архимандриту* и основателю сего монастыря (§ 1053), а двѣ другія составляютъ принадлежность ризницы новгородскаго Софійскаго собора (бывшія на выставкѣ Новгородскаго XV Археологическаго Съѣзда см. табл. X, 1 и 3), изъ коихъ одна якобы была на святителѣ новгородскомъ Никитѣ въ гробѣ съ 1108—1558 г., а другая считается даже за «велико-княжескую» шапку³⁾. Но все эти фактическія данныя мало убѣдительны, и на нихъ строить какіе либо выводы довольно трудно. Во-первыхъ, о митрѣ пр. Ефрема, архимандрита Борисоглѣбскаго Новоторжскаго монастыря, прямо можно

¹⁾ Названіе головнаго украшенія епископовъ *митрою* (*mitra*) заимствовано изъ книги Исход. XXVIII, 37; XXIX, 6. Въ греческой церкви это названіе не принято и тому же головному украшенію дается здѣсь наименованіе: *στέφανος, κορώνα*.

²⁾ Древности. Труды Москов. Археолог. Общ. т. XII, в. I, стр. 27, прим.; Св. Церкви. Вѣд. 1902 г. № 43, стр. 1525—1526, Прав. Собесѣдн. 1902 г. кн. X, стр. 462—465.

³⁾ Древн. россійск. Государства отд. I, стр. 150, отд. II, стр. 240; Арх. Макарій. Археолог. описаніе церковъ древн. въ Новгородѣ и его окрестностяхъ ч. II, стр. 357—358, М. 1880.

утверждать, что она позднѣйшаго происхожденія (чему не противорѣчатъ и самыя общія описанія ея), потому что архимандриты на православномъ Востокѣ доселѣ не носятъ митръ, а у насъ въ Россіи нѣкоторыхъ наиболѣе почитаемыхъ монастырей архимандритовъ стали награждать митрами лишь съ XVI столѣтія¹⁾. Во-вторыхъ, митра новгородская, въ видѣ синей гродетуровой шапочки, опушенной горностаевымъ мѣхомъ, нынѣ совершенно изъѣденнымъ молю, съ вышитыми золотомъ по синему полю небольшими крестами и двумя херувимами и серафимами съ надписями: «херовимъ», «сѣраѣимъ», и якобы лежавшая на головѣ святителя Никиты съ 1108 по 1558 г., т.-е. до времени открытія его мощей, не можетъ быть относима къ XII в. Въ годъ открытія мощей святителя Никиты въ его гробу найденъ, между прочимъ, и находящійся на той же выставкѣ посохъ изъ трехъ жимлостныхъ палочекъ, съ тремя рѣзными яблоками и рѣзными же на моржовой кости, которою украшены его поперечина и верхняя часть, изображенія многихъ святыхъ и въ числѣ ихъ *святителя московскаго Петра, ростовскаго Леонтія и пр. Сергія Родонежскаго*²⁾. Ясно, слѣдовательно, относить эту принадлежность епископскаго сана, страннымъ образомъ попавшую въ гробницу, ко времени погребенія святителя Никиты мы не можемъ. Правильнѣе считать этотъ посохъ памятникомъ XV—XVI в. и плодомъ усердія или архіепископа новгородскаго Евфимія II (1429—1458), или даже архіепископа (впослѣдствіи митрополита московскаго) Макарія (1526—1540)³⁾. Къ этому приблизительно времени слѣдуетъ относить и занимающую насъ митру, чему не противорѣчатъ ни форма ея въ видѣ шапочки, ни существующія на ней надписи. Что же касается другой шапки, которую считают «шапкою древнею великокняжескою или архіерейскою новгородскою», то она весьма мало имѣетъ общаго съ указанными выше шапочками-митрами. Эта вторая новгородская шапка — деревянная, круглой формы, обложена алымъ атласомъ, съ вышитыми на немъ золотомъ и серебромъ шелками Деисусомъ, съ двумя ангелами и херувимами, опушена горностаевымъ мѣхомъ внизу и вѣнчается деревяннымъ позолоченнымъ крестомъ въ деревянномъ кругѣ⁴⁾. По всѣмъ признакамъ это памятникъ XVII столѣтія и въ число митръ архіерейскихъ отнесенъ по недоразумѣнію.

Но не смотря на отсутствіе твердыхъ фактическихъ данныхъ, на крайнюю ненадежность уже обнародованныхъ, въ наукѣ, однако, твердо держится мнѣніе о древности происхожденія митры, какъ головного епископскаго украшенія. Составители «Древностей русскаго Государства», въ свое время извѣстныя имена въ исторической наукѣ и археологіи (Солищевъ, С. Строгановъ, М. Загоскинъ, Ив. Снегиревъ, А. Вельтманъ и Оленинъ), прямо утверждаютъ, что «въ числѣ святительскихъ отличій митра *издревле* (?) въ отечествѣ нашемъ служила украшеніемъ не только епископовъ, но даже нѣкоторыхъ *архимандритовъ*» (sic!). Основываясь на выше-

¹⁾ А. Дмитріевскій. Ставленникъ. Кіев. 1904, стр. 128.

²⁾ Древн. Россійск. Госуд. отд. I, стр. 157.

³⁾ Тамъ же стр. 158.

⁴⁾ Тамъ же отд. II, стр. 24.

приведенных сомнительных фактических данных, эти ученые высказывают еще болѣе странное сужденіе по вопросу о формѣ епископской митры. «Между тѣмъ какъ на христіанскомъ Востокѣ, подѣ владычествомъ латиновъ и магометанъ, виѣшнія отличія сана іераршескаго подверглись измѣненію, говорятъ ученые составители «Древностей россійскаго Государства», *россійская церковь* и подѣ ярмомъ монгольскимъ удержала ихъ ненарушимо, въ такомъ видѣ, въ какомъ (*sic*) они приняты были отѣ византійской церкви»¹⁾. Профессоръ-академикъ Е. Е. Голубинскій въ своихъ сужденіяхъ по данному вопросу не пошелъ дальше, высказавъ нелишнюю остроумія и доли вѣроятія мысль о происхожденіи по формѣ древнерусской епископской митры. Имѣя въ виду форму нашей древней епископской митры и наименованіе ея *шапкою* даже въ современномъ архіерейскомъ Чиновникѣ, онѣ въ своей «Исторіи русской церкви *домонгольскаго періода*» о «головномъ покровѣ» нашихъ архіереевъ при богослуженіи «въ древнее и старое время» пишетъ слѣдующее: «У архіереевъ нашихъ было принято (вошло въ обычай) служить не во всякой скуфѣ, а имѣть для сего нарочитыя, именно для богослуженія назначенныя, скуфы. Такъ какъ скуфы во время богослуженія снимались съ головы, то, чтобы не класть ихъ плашмя и сплюсненно, что весьма не представительно, а ставить, начали дѣлать ихъ (богослужебныя скуфы) на твердой подкладкѣ, такъ что онѣ получили видѣ шапочекъ. Шапочки начали дѣлать изъ дорогихъ матерій, украшать простыми украшеніями и иконами, и такимъ образомъ и явились у нашихъ архіереевъ особыя богослужебныя шапочки, увеличенныя потомъ до размѣра шапокъ, *и эти-то сначала шапочки, потомъ шапки и суть нынѣшнія наши митры*. Скуфы, превращенныя посредствомъ подложенія твердой подкладки въ шапочки, оставались таковыми, т.-е. малыми шапками, до конца XVI вѣка (напр. митра патріарха Іова 1595 г. въ Московской патріаршей ризницѣ); послѣ этого онѣ нѣсколько были увеличены въ размѣрахъ и, сохраняя скуфеобразную форму, стали *шапками*, какъ начали и называться»²⁾.

Однако, какъ ни остроумны приведенныя соображенія академика Голубинскаго по вопросу о происхожденіи епископской митры, мы съ этими доводами и соображеніями согласиться не можемъ и стоимъ на томъ положеніи, что митра, какъ головное богослужебное украшеніе православныхъ епископовъ, явленіе позднѣйшаго времени и древнехристіанской практикѣ совершенно неизвѣстное. За это съ убѣдительною несомнѣнностью говоритъ тотъ фактъ, что древнехристіанская живопись, сохранившаяся до нашего времени, совершенно не знаетъ изображеній святителей въ митрахъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ лишь патріархи александрійскіе (Афанасій и Кириллъ) и епископъ тримифундскій Спиридоній, имѣющіе на своихъ головахъ первые два темнаго цвѣта головныя повязки³⁾, а второй

¹⁾ Тамъ же, отд. I, стран. 122.

²⁾ Исторія русской церкви, т. I, полов. II, стран. 234—235.

³⁾ Albani. Menologium Graecorum jussu Basilii imperatoris, Urbini 1737, pars II, pag. 116; Cavalieri. II Menologio di Basilio II (cod. Vatic. greco 1613). Torino 1907 an., t. I, pag. 89, t. II, pag. 239.

родъ невысокой шапочки¹⁾ или скуфeyки, изборужденной снаружи темными полосами. Даже на нашихъ рельефныхъ сдѣланныхъ изъ дерева изображенiяхъ святителя Николая Можайскаго мы рѣдко можемъ видѣть главу его, украшенную митрою, а если иногда и имѣется митра на главѣ его, то она составляетъ позднѣйшую не современную происхожденiю статуи прибавку. Намъ неизвѣстны епископскiя митры также и на православномъ Востокѣ раньше XVI столѣтiя. Къ этому времени приурочиваетъ митру-вѣнецъ скевофилакiи лавры пр. Аѳанасiя Аѳонскаго, связываемую въ преданiи названной обители съ именемъ ктитора обители, византийскаго Императора Никифора Фоки (963—969), и академикъ Н. П. Кондаковъ²⁾.

Это и вполнѣ естественно.

Всѣ дошедшiе до насъ древнѣйшiе чины хиротонiй въ епископа церковей греческой, византийской, южно-славянскихъ и нашей древне-русской совершенно умалчиваютъ о возложенiи митры на голову хиротонисуемаго епископа. Не ведутъ объ этомъ рѣчи и даже современные намъ чины хиротонiй въ епископа греческой и русской церковей, при чемъ у насъ, гдѣ возложенiе митры связывается съ чиномъ возведенiя въ санъ архимандрита, умолчанiе считается какъ бы вполнѣ естественнымъ, а въ греческой церкви оно объясняется существующимъ взглядомъ, что митра не составляетъ принадлежности епископскаго сана и дается лишь для выраженiя особой чести предстоящему въ церковномъ соборѣ. На Востокѣ, при служенiи патрiарха, ношенiемъ митры остальные сослужащiе ему епископы и митрополиты не пользуются. И митрополитъ при богослуженiи отличается отъ остальныхъ епископовъ, предстоящихъ ему, тоже ношенiемъ митры-короны. Новохиротонисуемый епископъ получаетъ митру съ головы предстоящаго епископа уже въ концѣ литургiи, предъ пѣнiемъ: «Буди имя Господне», когда онъ выходитъ, по принятому обычаю, въ тронъ для раздаянiя народу антидора, и когда остальные архiereи съ предстоящимъ во главѣ извлекаются изъ священныхъ одѣянiй. О митрахъ дѣлаютъ упоминанiе лишь наши чины хиротонiй въ епископа, митрополита и патрiарха XVI—XVII вѣковъ, связанные иногда съ именами опредѣленныхъ

¹⁾ Ibid., t. I, p. 65; t. II, pag. 239. Въ житiи св. Спиридонiя прямо говорится, что онъ имѣлъ обыкновенiе ходить, имѣя въ рукѣ жезлъ и на головѣ *miary* (*tiágar*). Curs. Complet., t. CXVI, col. 437, 442.

²⁾ «Вполнѣ подобна сакосу (по преданiю сомнительнаго свойства, сдѣланному изъ военнаго плаща или мантии Императора Никифора Фоки) и даже, по нашей догадкѣ, пишетъ проф. Кондаковъ, составляетъ, быть можетъ, одно съ нимъ облаченiе, *митра*, будто бы бывший вѣнецъ того же Императора въ той же лаврской ризницѣ, показываемая всѣмъ на праздникъ 5-го iюли. Митра современна сакосу или немного позже его сдѣлана. Причина, почему лаврское монашество остановилось именно на ней въ своихъ желанiяхъ — чисто греческаго свойства, имѣть реальный знакъ исторической дружбы Императора съ первымъ игуменомъ лавры, заключается въ небольшой детали этой митры: по ея низу, также износившемуся, нашитъ металлическiй грубый и сдѣланный изъ позолоченнаго серебра вѣничекъ. На вѣничекѣ укрѣплена бляшка въ видѣ орла, украшенная алмазами и брильянтами. Вѣничекъ составленъ изъ листьевъ, загнутыхъ вдоль козыря, и рисунокъ ихъ намъ показался не имѣющимъ ничего общаго съ древностью. Не можемъ поручиться за всѣ подробности своего описанiя, но даже парча митры показалась намъ плохой и поздней, какъ и вся эта легендарная исторiя прямою баснею, изобрѣтенною въ прошломъ вѣкѣ для паломниковъ» (Н. П. Кондаковъ. Памятники искусства на Аѳонѣ. С.-Пб. 1902 г., стран. 242).

исторически извѣстныхъ лицъ¹⁾, и сохранившіеся до насъ чины южно-русскихъ богослужебныхъ памятниковъ²⁾.

Великій знатокъ богослужебныхъ обрядовъ греческой византійской церкви, писатель XV в., Симеонъ Солунскій даетъ намъ самыя ясныя указанія на то, что даже въ его время далеко не все епископы украшали свою голову митрами-коронами. Отвѣчая на вопросъ: «почему, кромѣ alexandрійскаго патріарха, архіереи и священники служатъ съ открытою головою, и что лучше служить съ непокрытою головою», онъ пишетъ слѣдующее: *«съ непокровенною главою въ восточные іерархи и священники, за исключеніемъ alexandрійскаго патріарха, совершаютъ священнодѣйствіе не по уничиженію какому-либо, но по слову возвышеннѣйшему и особенно священному, которое богоглаголивый Павелъ предлагаетъ въ наученіе, называя главою нашего Христа, насъ же членами Его, и что должно чтущимъ нашего главу Христа во время молитвы имѣть головы открытыми. И не только поэтому, но и потому, что на открытую голову хиротонисуемый принимаетъ рукоположеніе, и долженъ, такимъ образомъ, молиться и священнодѣйствовать, какъ онъ былъ рукоположенъ. Іерархъ же въ особенности, такъ какъ хиротонисуемый имѣетъ на главѣ богопреданныя слова, т.-е. Святое Евангеліе, а другою покрыва въ ту пору, когда священнодѣйствуетъ божественнѣйшія (Тайны) не долженъ имѣть на главѣ. Но, быть можетъ, кто-нибудь скажетъ: alexandрійскій патріархъ, имѣющій на главѣ священное покрывало (іерὸν ἐπίκαλυμμα), и весьма многіе другіе, по древнему преданію, не поступаютъ ли неблагочестиво? Я этого не говорю, ибо у поступающихъ такимъ образомъ (оправданіемъ служить) древнее преданіе, но лучше — законнѣйшее. Въ самомъ дѣлѣ, законный (ветхозавѣтный) архіерей носилъ на головѣ кидаръ (κιδάριον), который и митрою (μίτραν) называли, какъ и архіереи, надѣвающие ее, любятъ называть (οἱ περὶ τῆς ἐκείνης ἱεράρχοι τοῦτο φιλοῦσι καλεῖν) (т.-е. въ настоящее время). Быть можетъ, они имѣютъ ее по подобію терноваго вѣнца Владыки или сударя, находившагося на главѣ Его. Но, однакоже, поелику снимаютъ съ себя митру и они въ важнѣйшія времена священнодѣйствія, то этимъ показываютъ, что преданіе блаженнаго Павла важнѣе, ибо образъ терноваго вѣнца изображается постриженіемъ волосъ на главѣ посвящаемыхъ, при совершеніи священной печати... Важнѣе, конечно, молиться и совершать священнодѣйствіе съ открытою головою, и не должно этимъ пренебрегать и въ особенности въ важнѣйшія времена»³⁾. Въ отвѣтахъ Гавріилу, епископу пентапольскому, Симеонъ Солунскій еще разъ возвращается къ объясненію, почему alexandрійскій патріархъ и римскій папа совершаютъ богослуженіе въ митрѣ, а прочіе архіереи съ открытою головою, и указываетъ для перваго — основанія въ подражаніи одѣванію ветхозавѣтнаго первосвященника и въ разрѣшеніи 3-го вселенскаго собора, дозволившаго ему по болѣзни надѣвать на голову «златое увясло» или митру, для папы римскаго —*

¹⁾ Акты Историческіе. С.-Пб. 1842, т. IV, стр. 1—19.

²⁾ Ркп. 1650 г. библ. Кіево-Софійск. собора, № 77, л. 65 об. 66; Сп. л. 34.

³⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 716—717; Сп. Писан. стцовъ и учит. церкви, относящихся къ истолкованію пр. богослуженія, т. III, стр. 23—25.

въ хрисовулѣ или дарственной грамотѣ царя Константина папѣ Сильвестру, и снова доказываетъ преимущества и важность обычая совершать архіереямъ богослуженія съ открытою главою¹⁾.

Пресловутый Яковъ Гоаръ, жившій долгое время въ XVI—XVII в. на Востоцѣ и всесторонне изучавшій практику греческой церкви, прямо говорить, что греческіе епископы *«митръ не носятъ»*²⁾.

Нашъ путешественникъ по Востоку начала второй половины XVII столѣтія, старецъ Арсеній Сухановъ, описывая хиротонію митрополита вилеемскаго Неофита въ Іерусалимѣ, свидѣтельствуеъ: *«а сакка и шапки ему патріархъ не далъ, потому что вси митрополиты у себя служатъ въ саккахъ, а съ патріархомъ въ ризахъ, а шапокъ и наединѣ ни у кого нѣту, и носитъ не смѣтъ, кромѣ патріарха»*³⁾. *«Митрополиты всѣ въ саккахъ были, говорится у Арсенія Суханова въ описаніи патріаршаго служенія въ Великую пятницу, а всѣ безъ шапокъ, понеже шапокъ, кромѣ патріарха, никто нигдѣ не носитъ, и нѣтъ у нихъ и не бывало. А назаретской митрополитъ билъ челомъ Государю, будто у него была шапка да изветшала, и чтобъ Государь пожаловалъ, велѣлъ сдѣлать новую, и ту Государеву шапку назарецкой, пріѣхавъ, далъ патріарху, и саккъ совѣмъ одинъ. А въ Назаретъ шапки отъ начала не бывало и нынѣ не будетъ же носить. И патріархъ, взявъ ее, сказывали, заложилъ въ закладъ. И при насъ назаретской служилъ съ патріархомъ и безъ патріарха безъ шапки»*⁴⁾. *«А шапки святительскія не на многихъ архіепископахъ и митрополитахъ, которымъ отъ древнихъ благочестивыхъ царей дано, пишетъ тотъ же путешественникъ въ сочиненіи своемъ: «О чинѣхъ греческихъ вкратцѣ», а прочіе (всѣ митрополиты и епископы) безъ шапокъ. Архимандрита у нихъ ни одного нѣтъ (въ шапке)»*⁵⁾.

Епископская митра, какъ принадлежность богослужебнаго одѣянія высшаго въ іерархіи сана, перешла сюда благоволеніемъ и по милости христілюбивыхъ «древнихъ благочестивыхъ царей» византійскихъ. Такъ представляютъ дѣло и отцы нашего русскаго собора 1674 года, разсматривавшіе внѣшнія іерархическія отличія всѣхъ духовныхъ чиновъ. *«Митра, имущая горѣ креста образъ»*⁶⁾, говорится въ актахъ этого собора относительно патріаршей митры, по подобію, яко имутъ святѣйшіи гречестин патріарси въ священнодѣйствіи, по обычаю святыхъ восточныхъ церкви, яко и великій святой Кириллъ александрійскій по главѣ златымъ увясломъ обложися, егда святому и вселенскому 3 собору предстательствоваше; и величаешся, по уставу равноапостольнаго великаго царя Константина бывшему ко святому Сильвестру, и яко Теофилу александрійскому (правильнѣе іерусалимскому) патріарху

¹⁾ Ibid., col. 872—873.

²⁾ Гоар. *Еѣхологіон*, edit. II. Venet. 1730; pag. 258.

³⁾ Прав. Палест. Сборн., в. 21 (т. VII, в. III), стран. 73; Си. стран. 263.

⁴⁾ Тамъ же, стран. 82.

⁵⁾ С. А. Бѣлокуровъ. Арсеній Сухановъ, ч. II, в. I, изд. 2, М. 1894, стран. 114.

⁶⁾ Митру съ крестомъ наверху въ 1686 г. было «пущено» носить у насъ, въ Россіи, и кіевскому митрополиту (Опис. Кіево-Софійск. собора и Кіевской іерархіи, стран. 200 и приб. стран. 101) «ради въ той странѣ обиклости».

царь *Василій (976—1025) Богрянородный возложи діадиму, и во церкви украшатися предзаконіями повелѣ*¹⁾.

И греческія названія митры — *κορώνα* и *στέφανος*, безразлично примѣняемыя и къ царской коронѣ и къ епископской митрѣ, также говорятъ намъ за то, что епископская митра и царскій вѣнецъ по природѣ своей однородны. Не удивительно поэтому, что въ вопросѣ о *формѣ* епископской греческой митры мы стоимъ на почвѣ болѣе твердой, и рѣшеніе его не представляетъ для насъ большихъ трудностей.

Не останавливаясь на апокрифическомъ хрисовулѣ или дарственной грамотѣ папѣ Сильвестру Императора Константина Великаго относительно права ношенія имъ при богослуженіяхъ митры²⁾, достаточно для нашей цѣли имѣть въ виду фактъ позднѣйшаго времени — пожалованіе Императоромъ византійскимъ *Василіемъ Багрянороднымъ* іерусалимскому патріарху *Геофилу* «во церкви украшаются» діадемою. Фактъ этотъ слѣдуетъ разсматривать какъ исключительное благоволеніе къ чтимому Императоромъ іерусалимскому патріарху *Геофилу*, выразившееся въ передачѣ ему отличія своего царскаго сана наподобіе того, какъ это допускалось другими Императорами при пожалованіи патріархамъ съ своихъ царскихъ плечъ саккоса, поручей, большого омофора или лора и кундуръ или башмаковъ съ вышитыми на нихъ золотомъ византійскими орлами³⁾. Поэтому-то и омофоръ большой, и саккосъ, и митра не дѣлаются сразу принадлежностью высшаго въ духовной іерархіи сана, а остаются долгое время отличіемъ нѣкоторыхъ выдающихся своими нравственными и служебными достоинствами духовныхъ сановниковъ — патріарховъ и митрополитовъ и притомъ лишь въ особо свѣтлые и великіе праздники церкви — на Пасху и въ Рождество Христово. И только, съ теченіемъ времени, мало-по-малу эти высокія отличія царскаго сана уже переходятъ въ постоянное богослужебное одѣяніе патріарховъ, а отъ нихъ и къ заслуженнѣйшимъ митрополитамъ и въ концѣ концовъ ко «многимъ» архіереямъ, но далеко, однакоже, не ко всѣмъ. Ношеніе митры, напр., по словамъ *Симеона Солунскаго*, въ его время все же не считалось еще «законнѣйшимъ», хотя и признавалось «древнимъ преданіемъ». Въ XV вѣкѣ, и именно послѣ паденія Константинополя въ 1453 году, «корона» или «вѣнецъ» дѣлается неотъемлемымъ достояніемъ вселенскаго патріарха, какъ главнаго и единственнаго блюстителя интересовъ православія и самой греческой національности на всемъ мусульманскомъ Востокѣ, и отъ него уже передается и подчиненнымъ ему митрополитамъ, архіепископамъ и епископамъ.

Епископская митра на Востокѣ имѣла форму короны или вѣнца въ XVII вѣкѣ, и сохранила ее до нашихъ дней. «А шапка на немъ (т.-е. на патріархѣ іерусалимскомъ *Геофанѣ*), замѣчаетъ не безъ удивленія очевидецъ служенія этого патріарха съ русскими митрополитами и архіепископами въ Москвѣ въ 1619 году,

¹⁾ Арх. Амвросій. *Исторія російской іерархіи*. М. 1810 г., ч. I, стр. 328.

²⁾ Убѣдительныя доказательства относительно подложности этого хрисовула см. у покойнаго профессора-канониста *А. С. Павлова* въ его «Сборникѣ неизданныхъ памятниковъ церковнаго права». С.-Пб. 1898 г., стр. 54—92.

³⁾ Объ употребленіи кундуръ при богослуженіи патріархами *александрійскимъ* и *антіохійскимъ* говоритъ *Арсеній Сухановъ* (Прав. Палест. Сборн., в. 21 (т. VII, в. III), стр. 254, прим. 1).

была безопушки на черномъ бархате прибаваны плащи, какъ корона, позлащены, да камения сажены, а святыхъ нѣтъ, лише на верху вбить крестъ, да по странамъ четыре херувима и серафима»¹⁾. Эту форму митры, въ видѣ короны, заказывалъ для себя на Востокъ и любитель греческихъ обычаевъ патріархъ Никонъ, митра-корона коего и доселѣ хранится въ Московской Синодальной ризницѣ²⁾.

Устанавливая генезисъ митры-короны въ греческой церкви и въ нашей современной и считаясь въ послѣдней съ нѣкоторыми отступленіями въ духѣ русской набожности и условій нашего суроваго климата, мы, однако, оставляемъ безъ отвѣта вопросъ о томъ, откуда произошла наша древне-русская митра-шапка до-Никоновскаго типа, памятники которой хранятся въ той же Московской Синодальной ризницѣ³⁾. Оригинальная теорія происхожденія нашей митры-шапки академика Е. Е. Голубинскаго, приведенная нами выше, какъ ни проста и ни естественна на первый взглядъ, однакоже она не даетъ отвѣта на всѣ вопросы. Если скуфьи не имѣли мѣста въ богослуженіи и «во время богослуженія снимались», то спрашивается, какая же настояла необходимость обычной скуфьи или шапочкѣ претерпѣвать всѣ указанныя проф. Голубинскимъ метаморфозы, чтобы принять позднѣйшій видъ служебной митры-шапки и получить тѣ дорогія священныя изображенія, осыпанныя драгоценными камнями, какія мы на нихъ находимъ. Теорія эта приемлема при одномъ только предположеніи, если мы допустимъ, что шапки-митры употреблялись нашими епископами внѣ храма, во время крестныхъ ходовъ и торжественныхъ процессій по городу и за его чертою. При суровыхъ климатическихъ условіяхъ нашей страны, шапки-митры, устроенныя изъ парчи, алтабаса, изорбафа и другихъ дорогихъ матерій, на ватной атласной подкладкѣ, опушенныя для теплоты ушамъ горностаевымъ мѣхомъ, и украшенныя дробницами и священными изображеніями, могли съ громаднымъ удобствомъ замѣнить клобукъ или служебную скуфью. Такія шапки-митры изъ внѣбогослужебнаго употребленія, благодаря цѣнности и обилію на нихъ священныхъ украшеній, могли свободно сдѣлаться и церковною утварью, перейти легко въ богослужебное употребленіе особенно въ нашихъ холодныхъ храмахъ, при ужасающихъ сѣверныхъ морозахъ. Но эта теорія все же не объясняетъ вполне происхожденія формы древне-русской шапки-митры. Сходство ея съ богослужебною скуфьею дѣйствительно весьма слабое. Приематриваясь внимательнѣе къ нашей митрѣ-шапкѣ въ сохранившихся памятникахъ, нельзя не замѣтить ея разительнаго сходства съ формою древнихъ великокняжескихъ шапокъ, какъ онѣ намъ извѣстны по стариннымъ иконнымъ изображеніямъ святыхъ князей Владиміра, Бориса, Глѣба и др.⁴⁾. Этимъ сходствомъ великокняжескихъ шапокъ съ шапками-митрами нашихъ епископовъ и слѣдуетъ объяснять тотъ фактъ, что русскіе археологи одну изъ

¹⁾ Чтен. Общ. и Истор. древн. при Москов. Университетѣ. 1883 г., кн. II, отд. II, стр. 166.

²⁾ Христ. Чтен. 1881, № 11—12, стр. 795, прим. 1; Арх. Савва, Указатель Москов. патріаршей ризницы. М. 1863 г., изд. 4, стр. 15—16 и табл. III, рис. 25—27; Древн. Росс. Государства. М. 1849, отд. I, стр. 124—132.

³⁾ Арх. Савва, Указатель Москов. патріаршей ризницы, стр. 13, табл. V, сн. 22.

⁴⁾ Древности. Вѣстн. археол., издаваемый М. Археол. Обществомъ, 1867, январь — февраль, стр. 3—4, рисунки 1, 2 и особенно 3 и 4; Древн. Россійск. Государства, отд. II, стр. 47.

шапокъ Софійской Новгородской ризницы описываютъ такъ: «шапка древняя великокняжеская или архіерейская новгородская»¹⁾. Отсюда вытекаетъ логическимъ путемъ предположеніе: не произошло ли, и въ самомъ дѣлѣ, съ нашею митрою-шапкою то же, что случилось на Востокѣ съ митрою-короною? Если послѣдняя свою форму цѣликомъ позаимствовала изъ императорской короны позднѣйшаго времени, то не имѣла ли своимъ прототипомъ и наша митра-шапка великокняжескую шапку, или, говоря иначе, не была ли эта великокняжеская шапка великодушнымъ даромъ съ своей головы нашихъ набожныхъ князей достойнѣйшимъ изъ нашихъ архіереевъ?

Но какъ бы мы ни объясняли происхожденія нашей древне-русской митры-шапки, мы никоимъ образомъ не можемъ согласиться съ тѣмъ предположеніемъ проф. Голубинскаго, что «греки заимствовали отъ насъ шапки въ XVI в., придавъ имъ форму вѣнцовъ или коронъ своихъ Императоровъ, какую имѣли эти послѣдніе въ позднѣйшее время, предшествовавшее взятію Константинополя турками»²⁾. Извѣстное намъ свидѣтельство писателя XV в. Симеона Солунскаго, что въ его время не только патріархи, но и «весьма многіе другіе архіереи (ἀλλοι πλείστοι)»³⁾, носили митры; митра, называемая вѣнцомъ Императора Никифора Фоки ризницы лавры пр. Аѳанасія на Аѳонѣ, и митра на патріархѣ Θεοφάντѣ въ 1619 году, по описанію современника-очевидца, — все это ясно говоритъ намъ за то, что форма митры уже выработалась давно въ Византіи, и эта форма съ нашею шапкою-митрою имѣла весьма мало сходства.

Мы не отрицаемъ, что восточные іерархи, пріѣзжавшіе къ намъ на Русь за милостынею въ XVI—XVII вѣкахъ, охотно принимали отъ нашихъ царей, патріарховъ и епископовъ шапки-митры и даже просили о присылкѣ таковыхъ подарковъ⁴⁾, но сами они ими не пользовались при богослуженіи, въ виду ихъ неудобствъ по климатическимъ и другимъ причинамъ, и сбывали ихъ въ продажу или въ залогъ жидамъ, которые выбирали изъ нихъ цѣнные украшения и отбрасывали остальное, какъ хламъ⁵⁾.

¹⁾ Древн. Росс. Государства, отд. II, стран. 24; отд. I, стран. 150; Арх. Макаріѣй. Археолог. опис. церкви. древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ. М. 1860, ч. II, стран. 358.

²⁾ Исторія русской церкви, т. I, пол. II, стран. 235.

³⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 717.

⁴⁾ Константинопольскій патріархъ Іосафъ II въ 1557 году просилъ царя Ивана Васильевича прислать ему новую митру для патріаршаго служенія (Сношен. Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ. С.-Пб. 1858, ч. I, стран. 87—100, Сн. Прав. Пал. Сборн., в. 21, стран. 73, 263).

⁵⁾ Греч. дѣла въ Архивѣ Минист. иностр. дѣлъ, св. 33, дѣло № 16; Прав. Палест. сборн., в. 21 (т. VII, в. I I), стран. 82.

Іоанновскій корпусъ новгородскаго Владычняго двора, какъ памятникъ искусства.

Петръ Гусевъ.

Изъ старинныхъ построекъ новгородскаго Владычняго двора два корпуса напоминаютъ своими названіями очень отдаленныя времена: XII вѣкъ. Одинъ корпусъ, расположенный къ сѣверу за св. Софіею, носитъ имя епископа св. Никиты

Рис. 36.

(1096—1108), а противъ этого зданія къ западу почти квадратный двухъэтажный домъ съ придѣланнымъ къ нему деревяннымъ церковнымъ куполомъ (см. рис. 36) называется Іоанновскимъ корпусомъ отъ имени архіепископа Іліи (св. Іоанна), занимавшаго новгородскую кафедру съ 1165 г. по 1186 годъ.

Лѣтописныхъ извѣстій о построеніи этихъ каменныхъ сооружений никакихъ нѣтъ. О Никитинскомъ корпусѣ мы все-таки имѣемъ въ «Краткомъ лѣтописцѣ новгородскихъ владыкъ» довольно обстоятельную отмѣтку второй половины XVII вѣка о перестройкѣ этого зданія. Подъ 1670 г. записано: «И при семъ великомъ господинѣ преосвященномъ Питиримѣ митрополитѣ Великого Новгорода и Великихъ

Лукъ... лѣта 7177 старая церковь Петра митрополита... что на вратѣхъ, разобрана вся до церковной подошвы и подлѣ тое церкви *древніе кельи* Никиты епископа Новгородскаго чюдотворца *разобраны* же все *до среднихъ сводовъ*... и церковь Петра митрополита московскаго состроена... и *кельи* чюдотворца Никиты епископа новгородскаго и *тѣхъ келей стѣны* каменные жъ и каменная¹⁾ *палата съ стѣнами* вѣново состроена, во едино сіе лѣто»²⁾. Въ 1805 г. часть Никитинскаго корпуса, примыкавшая къ св. Софіи, разобрана. Такимъ образомъ, въ настоящее время, существуетъ постройка XVII вѣка съ древними подвалами т.-е. кельями, сохранившимися ниже среднихъ сводовъ и ушедшими отъ времени въ землю³⁾.

Іоанновскій корпусъ сохранился весь, только въ передѣланномъ видѣ, но зато о постройкѣ его именно въ XII вѣкѣ нѣтъ никакихъ данныхъ. Между тѣмъ, мы имѣемъ извѣстія о нѣкоторыхъ древнихъ каменныхъ сооруженіяхъ во Владычнемъ дворѣ, безслѣдно исчезнувшихъ. Такъ, архіеп. Митрофанъ (1199—1223) жилъ въ какой-то *полатѣ*, изъ которой архіеп. Антоній въ 1211 году «створи церковь во имя святого Антонія»⁴⁾. Затѣмъ владыка Василій (1330—1352) въ 1350 г. «поставилъ *полату камену* у себя на дворѣ подлѣ Рождества»⁵⁾. Еще раньше, въ 1341 г. тотъ-же архіепископъ Василій «постави *теремъ великій*»⁶⁾; но нельзя съ увѣренностью сказать, что теремъ этотъ былъ каменный. Въ 1441 г. «подписана бысть *полата большая* владычня и сѣни пережнии»⁷⁾. А мы знаемъ, что церковь Рождества Христова, около которой архіеп. Василій поставилъ свою палату, находилась именно на сѣняхъ Владычняго Двора⁸⁾. Любопытно, что Н. Н. Муравьевъ (1775—1845), — бывший въ Новгородѣ вице-губернаторомъ (1815—1819 гг.) и такимъ образомъ могшій лично посѣтить и осмотрѣть Іоанновскій корпусъ до реставраціи Грановитой палаты этого корпуса, — отождествляетъ Іоанновскій корпусъ именно съ «полатой каменной» архіеп. Василія. Къ извѣстію лѣтописи о построеніи палаты въ 1350 году — Н. Н. Муравьевъ дѣлаетъ примѣчаніе: «Строеніе Епископской Грановитой Палаты»⁹⁾, а къ извѣстію 1434 г. (очевидно, тождественной съ замѣткой 1441 г. — I-й Новгород. лѣт.) о подписаніи «прежней палаты» — добавляетъ: «Это, полагать надобно, Епископская Грановитая палата, построенная въ 1350 году»¹⁰⁾. Авторъ книги: «Трое сутокъ въ Новгородѣ»¹¹⁾ считаетъ, напротивъ, Никитинскій корпусъ Васильевскими палатами, которыя, будто-бы, «сооружены архіеп. Василиемъ въ 1351 г. вмѣсто деревянныхъ, построенныхъ еп. Никитою».

¹⁾ Въ текстѣ лѣтописи: «каменная» — описка.

²⁾ Новгород. лѣтописи, С.-Пб. 1879 г., стран. 162.

³⁾ Этой древней части Никитинскаго корпуса я не видалъ, и потому о ней говорить не буду.

⁴⁾ I Новгород. лѣт.

⁵⁾ Тоже, продолж. по списку Археогр. Ком.

⁶⁾ II Новгород. лѣт.

⁷⁾ Продолж. I Новгород. лѣт.

⁸⁾ «Постави влад. Алексій церковь каменую Рождество Христово на сѣнѣхъ въ В. Новѣград на архіепископѣ дворѣ». III Новгород. лѣт. подъ 1362 г.

⁹⁾ Историч. изслѣдованія о древностяхъ Новгорода. С.-Пб. 1828, стран. 44, прим. 3-е.

¹⁰⁾ Тамъ-же, стран. 53, прим. 1-е.

¹¹⁾ С.-Пб. 1842 г., стран. 25.

Въ 1822 году, одна изъ комнатъ Іоанновскаго корпуса, и именно называемая Муравьевымъ Грановитою палатою, была передѣлана въ церковь во имя св. Іоанна архіепископа, и въ такомъ видѣ сохраняется до нынѣ. Авторъ «Трое сутокъ» (И. Нероновъ?)¹⁾ такъ описываетъ палату: «Эта зала одна сохранила понынѣ первоначальный видъ свой: потолокъ ея со стѣнами выведенъ сводами, опирающимися на одномъ только столбѣ, утвержденномъ по серединѣ, и вся она украшена гранями, идущими въ разныхъ симметрическихъ направленіяхъ и складенными изъ кирпича». И на самомъ дѣлѣ, вы видите теперь залу, отдѣланную въ стилъ ранней готики, т.-е. единственное въ Россіи сооруженіе этого стиля, да еще относимое къ XII вѣку²⁾. Архим. Макарій говоритъ еще опредѣленнѣе: «Іоанновская церковь находится среди архіерейскаго двора. Она устроена въ древней грановитой палатѣ (XII вѣка) надъ большими *подвалами* и *погребями*, и освящена 15 іюля 1822 г. съ установленіемъ въ ней всенедельнаго служенія монашествующими при архіерейскомъ домѣ. Бывшая палата имѣетъ видъ квадратный. Среди ея устроенъ кругловатый каменный столбъ, служащій ей основаніемъ. Отъ него идутъ четыре отдѣльные свода. По всѣмъ сводамъ находятся разводы рококо (?) продолговатыми треугольными гранями, обтесанными изъ кирпича, и придаютъ величественный видъ храму. Палата сія имѣетъ сходство съ палатами: грановитою въ московскомъ Кремлѣ и съ Бѣлою въ бывшемъ ростовскомъ архіерейскомъ домѣ. Величиною она внутри безъ стѣнъ въ длину 6 саж. 10 вер., а въ ширину 6 саж. 4¹/₂ вершка. Толщина стѣнъ въ 1³/₄ арш., исключая южной, которая въ 2 арш. 2 верш. Высота палаты внутри отъ пола до верхней части 4 арш. 3 вер., а до начальныхъ сводовъ или арокъ 2 арш. 2 верш. Стѣны внутри палаты полированныя. Главный цвѣтъ ея голубой, а вверху по свѣтлоголубому полю фигуры изъ другихъ цвѣтовъ и изображенія херувимовъ³⁾. Конечно, архитектурныя соображенія и термины архим. Макарія въ настоящее время забавны и не имѣютъ никакого значенія, но промѣры его даютъ приблизительно вѣрное понятіе. Итакъ, теперешняя Грановитая палата-церковь несомнѣнно готическаго стиля (см. рис. 37), но была ли она таковою до 1822 года — у насъ нѣтъ данныхъ⁴⁾. Вспомнимъ, что въ 20—30-хъ годахъ прошлаго столѣтія вся русская древняя архитектура причислена была къ готикѣ. Даже митроп. Филаретъ московскій считалъ Успенскій соборъ въ Москвѣ соединеніемъ «вкуса византійскаго съ готическимъ»⁵⁾.

О старинномъ внѣшнемъ видѣ Іоанновскаго корпуса даетъ довольно ясное понятіе изображеніе новгородскаго Дѣтинца подъ иконою Знаменія Пресвятыя

¹⁾ Тамъ-же, стран. 26—27.

²⁾ Но авторъ «Трое сутокъ» сдѣлалъ интересную ошибку, приписавъ построеніе Іоанновскаго корпуса архіеп. Іоанну II въ 1394 году, хотя рядомъ съ этимъ сообщеніемъ описываетъ келіи св. Іоанна XII вѣка. Впослѣдствіи, эта ошибка ввела въ заблужденіе и авторовъ «Русскихъ древностей». Откуда взялся 1394 г. — не могу понять.

³⁾ Описаніе новгор. Архіеп. дома, С.-Пб. 1857 г., стран. 27—28.

⁴⁾ Приложенный рисунокъ — акварель Н. А. Мартынова въ Историч. Музеѣ въ Москвѣ, сдѣланная, вѣроятно, въ 1840-хъ годахъ.

⁵⁾ Въ объясненіяхъ при посѣщеніи Москвы наслѣдн. цесар. Александромъ Николаевичемъ въ 1834 г.

Богородицы въ церкви Архангела Михаила на Торговой сторонѣ, повидимому, XVII вѣка. Каменное зданіе съ двускатной крышею, восточная сторона котораго гладкая съ окнами вверху; къ этой стѣнѣ придѣлана деревянная галлерей, идущая къ Никитинскому корпусу. Южная сторона корпуса нарисована въ обратной перспективѣ и представляетъ нижній этажъ каменнымъ съ дверью, а верхній — деревяннымъ и къ западу церковь¹⁾. Это и есть знаменитыя «сѣни», на которыя возводили вновь нареченнаго архіепископа, по избраніи его²⁾.

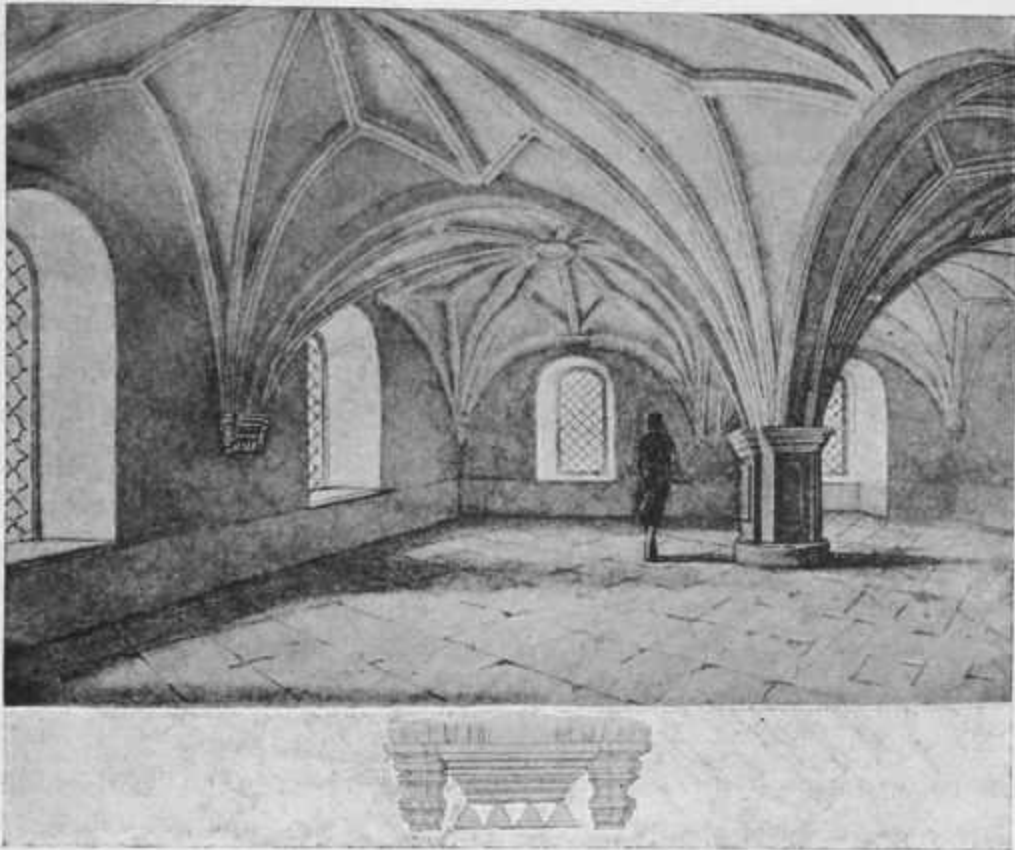

Рис. 37.

Теперь обратимся къ главному предмету нашего настоящаго доклада, а именно къ вопросу: что представляетъ собою Іоанновскій корпусъ въ настоящее время? Южная стѣна, гдѣ были деревянные сѣни въ XVII вѣкѣ и гдѣ теперь сдѣланъ главный подъѣздъ, очевидно, вся перестроена; внутренняя же стѣна, съ этой стороны, отдѣляющая сѣни отъ корпуса, та стѣна, на которой находится чудотворный фресковый образъ Спасителя, надо думать, сохранилась. Въ верхнемъ этажѣ устроена церковь св. Іоанна архіеп. готическаго стиля и келіи со сводами (2 комнаты), гдѣ, по преданію, жилъ св. Іоаннъ въ XII вѣкѣ. Остальной корпусъ

¹⁾ См. Вѣстникъ ист. и археол., издав. С.-Пб. Археолог. Институтомъ, вып. XIII.

²⁾ Надо замѣтить, что въ пергаменномъ спискѣ I Новгород. Лѣт. (Синод.) — нигдѣ не упоминаются сѣни, а говорится: «посадиша и въ епископии» (арх. Мартирія — 1193 г.) «съ чатью посадиша» (арх. Митрофана — 1199 г.) «въведоша въ дворъ Арсенію» (1223 г.) «посадиша і въ владычнн дворѣ» (арх. Василій — 1329 г.)

занять кладовыми, складомъ всякой ветоши и строительныхъ матеріаловъ, — это то, что архим. Макарій называлъ *подвалами* и *погребами*, а въ сущности зданіе въ томъ же самомомъ стилѣ, какъ и церковь св. Іоанна архіеп.; но безъ изящной отдѣлки подъ раннюю готику. Въ томъ видѣ, въ какомъ находится теперь этотъ памятникъ, я не могу опредѣлить его планъ и внутреннее расположеніе; даже нельзя сказать, вездѣ ли этотъ домъ двухъэтажный, какъ нельзя отдѣлить передѣлки отъ первоначальной постройки. Зданіе требуетъ спеціальнаго архитектурнаго изслѣдованія, а я могу подѣлиться только личными впечатлѣніями.

Съ восточной стороны имѣется два входа. Первая дверь, недалеко отъ юго-восточнаго угла, ведетъ въ подземное помѣщеніе — погребъ архим. Макарія, а можетъ быть, просто нижній этажъ, ушедшій отъ времени въ землю (см. табл. XXIV, 1 и 2 рис.). Спустившись по деревянной лѣстницѣ вправо отъ входа, вы попадаете въ квадратный залъ со столбомъ посрединѣ, отъ котораго своды перекинута на стѣны во всѣ четыре стороны. Такого же характера и всѣ комнаты зданія. Мѣстами арки, образуемыя сводами, задѣланы наглухо или съ широкими щелевидными окнами съ рѣшетками (таково окно на 1 рис. XXIV табл.) или узкими сводчатыми дверями (такова дверь на 2 рис. XXIV табл.). Другая входная дверь, недалеко отъ сѣверо-восточнаго угла, ведетъ въ помѣщеніе надземное — подвалъ архим. Макарія (См. табл. XXV рис. 3). Здѣсь помѣщается кладовая Архіерейскаго дома, гдѣ сложенъ желѣзный хламъ и остатки отъ реставраціоннаго матеріала св. Софійи въ 1893—1900 годахъ. Третья входная дверь съ сѣверной стороны позволяетъ видѣть только часть комнаты, передѣланной для закрома, т.-е. ссыпанъ овесъ для архіерейскихъ лошадей. Наконецъ, четвертая входная дверь съ западной стороны, ближе къ юго-западному углу, гдѣ наше зданіе примыкаетъ къ Евѣиміевскому корпусу¹⁾ вводитъ въ комнату (см. табл. XXV рис. 4) въ которой мѣстами сохранилась старая штукатурка, вездѣ содрѣванная и осыпающаяся. На этой штукатуркѣ есть признаки красокъ отъ бывшихъ фресковыхъ изображеній; а налѣво отъ входа, противъ окна, даже сохранилась поблекшая и полустертая фреска — Знаменіе Пресвятыя Богородицы съ растительнымъ орнаментомъ, приблизительно XVI—XVII ст., въ замкѣ же свода, идущаго къ окну, надъ Знаменіемъ, видны только графы изображенія Спасителя; краски уже пропали.

Сваленный въ этихъ помѣщеніяхъ желѣзный ломъ и всякій хламъ стоило бы однако разобрать и поискать, нѣтъ ли среди нихъ чего-либо цѣннаго. Говорю это потому, что на грудѣ желѣза въ одной изъ комнатъ лежитъ абака отъ колонки, небольшая съ плетенымъ орнаментомъ, братски похожая на капитель Черниговскаго музея, относимую къ XI—XII вѣку.

Еще въ 1898 г. В. С. Передольскій коснулся въ своей книгѣ тогдашняго состоянія Іоанновскаго корпуса и взывалъ къ обществу, что «всѣ подземелья, несущія на себѣ признаки глубочайшей древности, требуютъ особаго вниманія къ скорѣйшему улучшенію современнаго положенія ихъ».

¹⁾ Въ старину, Іоанновскій корпусъ не соединялся съ Евѣиміевскимъ, а стоялъ отдѣльно.

Иоанновскій корпусъ, какъ до сихъ поръ неразъясненный памятникъ древняго русскаго искусства, дѣйствительно требуетъ прежде всего научно-археологическаго изслѣдованія опытнымъ архитекторомъ для опредѣленія времени его постройки. А дальнѣйшее, конечно, будетъ зависѣть отъ болѣе или менѣе благосклоннаго вниманія Высокопреосвященнѣйшаго Владыки и Императорской Археологической Комиссіи.

О внутреннемъ устройствѣ и убранствѣ храмовъ Новгородскаго Антоніева Монастыря въ XVII вѣкѣ по сравненію съ настоящимъ ихъ состояніемъ¹⁾.

Дмитрій Епископъ Рязанскій.

О внутреннемъ устройствѣ и убранствѣ храмовъ Новгородскаго Антоніева Монастыря въ XVII в. мы можемъ судить на основаніи описи этого монастыря за 1696 годъ, хранящейся въ монастырскомъ архивѣ. По свидѣтельству этой описи, въ концѣ XVII вѣка въ Антоніевомъ монастырѣ были слѣдующіе храмы:

1. Соборный храмъ во имя Рождества Пр. Богородицы съ придѣлами Преп. Онуфрія Великаго, Преп. Антонія Римлянина и св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова.

2. Церковь Срѣтенія Господня съ монастырскою трапезою при ней.

3. Церковь во имя Преп. Іоанна Лѣстничника съ придѣломъ во имя Святителя и Чудотворца Николая, находившаяся надъ западными святыми воротами.

4. Церковь Преп. Антонія Великаго подъ колокольней.

5. Церковь Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи надъ другими монастырскими святыми воротами, которыя были устроены съ южной стороны отъ города.

Все эти храмы были каменные, а остальные постройки, за исключеніемъ трапезы при Срѣтенской церкви, — деревянныя, какъ это и было обычно въ большинствѣ тогдашнихъ русскихъ монастырей. Изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ пяти монастырскихъ церквей до настоящаго времени сохранились только двѣ: Соборная Богородице-Рождественская съ четырьмя придѣлами и теплая Срѣтенская церковь съ двумя придѣлами, пристроенными уже въ 1902—3 годахъ.

По даннымъ монастырской описи этой опишемъ устройство и убранство каждаго изъ существовавшихъ тогда храмовъ Антоніевой обители.

I.

Соборный храмъ Рождества Пр. Богородицы, построенный, по свидѣтельству Новгородскихъ лѣтописей, самимъ основателемъ монастыря, преп. Антоніемъ Римляниномъ, былъ, какъ и въ настоящее время, о трехъ главахъ, которыя тогда

¹⁾ Составлено на основаніи описи Антоніева Монастыря за 1696 г.

были опаяны бѣлымъ желѣзомъ, а теперь передѣланы и покрыты чернымъ листовымъ желѣзомъ, окрашеннымъ мѣдяною. Храмъ, какъ выше сказано, имѣлъ три придѣла: во имя преп. Антонія Римл. на южной сторонѣ, св. ап. Іоанна Богослова на сѣверной и преп. Онуфрія Великаго «въ столпѣ», т.-е. въ сѣверо-западной башнѣ, пристроенной къ собору. Съ западной стороны къ главному храму примыкала паперть съ особымъ помещеніемъ въ ней, названнымъ въ описи тоже придѣломъ, гдѣ хранился камень, на которомъ приплылъ изъ Рима Преп. Антоній. Эта паперть съ придѣломъ для храненія камня преподобнаго Антонія теперь не существуетъ, такъ какъ въ 1699 г. замѣнена новымъ, доселѣ существующимъ обширнымъ притворомъ, въ которомъ нынѣ и сохраняется этотъ камень, вложенный въ особую стѣнную нишу¹⁾. Помимо названныхъ придѣловъ въ сѣверной сторонѣ паперти устроенъ еще придѣлъ во имя Грузинской иконы Богоматери. Надъ придѣлами Антоніевскимъ и Богословскимъ въ XVII в. были устроены небольшія главки, опаянныя бѣлымъ желѣзомъ, которыхъ теперь уже нѣтъ.

Внутри весь храмъ съ папертью и придѣлами, кромѣ Онуфріевского, былъ расписанъ стѣннымъ письмомъ. Была ли упомянутая въ описи 1696 года роспись стѣнъ главнаго храма современною постройкѣ онаго самимъ преп. Антоніемъ, или она была послѣ вновь переписываема, сказать невозможно, хотя изъ лѣтописей извѣстно, что храмъ былъ первоначально расписанъ при самомъ основателѣ его преп. Антоніи²⁾. Теперь же древняя роспись замѣнена въ 30 годахъ XIX столѣтія новою стѣнного живописью въ итальянскомъ стилѣ, весьма неподходящемъ для древняго храма. Только въ главномъ алтарѣ въ 1898 году открыто нами нѣсколько обрывковъ древнихъ фресокъ, о которыхъ мы считаемъ необходимымъ составить особый докладъ.

Такъ какъ главное вниманіе составителей описи 1696 года было обращено на подробное описаніе иконостасовъ, церковной утвари и ризницы, то и мы сперва приступимъ къ описанію иконостасовъ въ главномъ храмѣ и предѣлахъ, а потомъ уже опишемъ ризницу и утварь.

Главный иконостасъ былъ, по свидѣтельству изслѣдуемой нами описи устроенъ слѣдующимъ образомъ.

Посрединѣ нижняго яруса по обычаю были поставлены рѣзныя золоченыя по полименту царскія двери съ сѣнью и столпцами.

По правую сторону царскихъ дверей помещались иконы: Софїи Премудрости Божїя, Рождества Пр. Богородицы въ дѣяніи, Преп. Антонія Римлянина въ дѣяніи и Св. Благовѣрнаго князя Александра Невскаго. Южныхъ дверей тогда въ этомъ иконостасѣ не было.

По лѣвую сторону находились: Пр. Троица въ дѣяніи, Св. Николай Чудотв. въ дѣяніи, сѣверныя двери съ изображеніемъ на нихъ Лѣствицы и, наконецъ, образъ св. прор. Іоанна Предтечи съ Космою и Даміаномъ въ дѣяніи. Надъ самыми

¹⁾ Смotr. Археологическое описаніе церковныхъ древностей Новгорода Архим. Макарія, ч. I, стран. 461 и 464., М. 1860 г.

²⁾ См. Древн. Новг. Архим. Макарія, ч. I, стран. 458—59.

сѣверными дверями въ томъ же мѣстномъ ярусѣ стояли: тройные створцы съ изображеніемъ Деисуса, а повыше два кіота оловянныхъ, Деисусомъ и образомъ великомученика Георгія, съ 8 ветхими окладными пядницами.

Второй ярусъ иконостаса составляли такъ называемыя «пядничныя» иконы, поставленныя «на полкѣ», т.-е. на карнизѣ надъ первымъ ярусомъ¹⁾. Составъ этого яруса былъ слѣдующій:

Подъ большимъ Деисусомъ надъ царскими вратами былъ «поставленъ вновь малый Деисусъ» изъ поясныхъ иконъ Спасителя, Богоматери и Предтечи въ сребропозлащенныхъ гладкихъ окладахъ. По правую сторону царскихъ дверей 10 иконъ Спасовыхъ, Воскресеніе Христово, Благое Молчаніе, Срѣтеніе Господне, св. Троица въ видѣннй преп. Сергія, преп. Зосима и Савватій Соловецкіе, три святителя, Василій Вел. и Василій Блаженный, преп. Александръ Свирскій, Іоаннъ Предтеча, свв. Никита и Іоаннъ Новгородскіе Чудотворцы, св. вмч. Димитрій Солунскій, свв. Леонтія, Исаи и Игнатія-Ростовскихъ Чудотворцевъ, Явленіе Пр. Богородицы съ Николаемъ Чудотворцемъ (очевидно пономарю Георгію близъ Тихвина), преп. Михаилъ Клопскій, 3 образа св. Николая Чудотворца прор. Ілія, свв. Іоаннъ, Евѣмій и Іона-Новгородскіе чудотворцы, св. Никита Новгородскій Чудотв. и, наконецъ св. вмч. Параскева Пятница; всего 33 образа пядничныхъ.

По лѣвую сторону царскихъ вратъ въ составѣ того-же яруса имѣлись: 7 образовъ Знаменія Пр. Богородицы, 4 образа Владимірской Богоматери, 2 обр. Умиленія Божіей Матери, 4 иконы Печерскія Богоматери съ предстоящими Антоніемъ и Θεодосіемъ Печерскими Чудотворцами, 4 иконы Божіей Матери Одигитріи, 1 образъ Успенія Божіей Матери, т.-е. всего 22 иконы.

Надъ пядничнымъ ярусомъ помѣщался Деисусный, въ составъ котораго входили «Спасъ на престолѣ въ силахъ, а по сторонамъ десять святыхъ стоящіе, да два образа узкихъ». Какія святые иконы входили въ составъ яруса, описъ умалчиваетъ, но при описаніи украшеній и прикладовъ къ образамъ кромѣ Спасова образа, по угламъ котораго изображены были евангелисты, имѣвшіе басменные вѣнцы и цаты, упомянуты еще иконы — Богоматери, Предтечи, да архангеловъ Михаила и Гавріила.

Выше Деисуснаго яруса помѣщался праздничный, въ составъ котораго, по описи, входило «девятнадцать иконъ праздниковъ Господскихъ», не упоминая о томъ, какихъ именно праздниковъ иконы составляли этотъ ярусъ.

Надъ праздничнымъ находился пророческій ярусъ, въ составъ котораго входили по описи «образъ Пречистыя Богородицы Воплощеніе (т.-е. Знаменіе Богоматери), и 18 пророковъ», не называя ихъ по именамъ.

Послѣдній ярусъ составляли «девятнадцать образовъ праотцевъ, писанныхъ на краскѣ съ окладами и вѣнцами басменными», умалчивая и здѣсь объ именахъ праотцевъ.

¹⁾ О пядничномъ ярусѣ иконостаса см. нашу статью «старинные Русскіе иконостасы» въ Христ. Чт. за 1891—93 гг. Тамъ же объясненъ и самый терминъ «пядничный».

Всѣ названныя иконы иконостаса были обложены басменнымъ золоченымъ серебромъ, имѣли серебропозлащенные басменные вѣицы, а нѣкоторыя иконы были украшены и серебряными вызолоченными цатами. Иконы мѣстнаго яруса были весьма богато украшены различнымъ «прикладомъ», заключавшимся въ подвѣсныхъ пангияхъ, крестахъ, серьгахъ и пр. съ жемчугомъ и разноцвѣтными камнями. Тябла, на которыхъ ярусами разставлены образа иконостаса были всѣ «рѣзныя, золоченыя сусальнымъ золотомъ». Наконецъ, для украшенія, подъ мѣстными иконами подвѣшивались пелены изъ различныхъ матерій.

Описанный иконостасъ не сохранился до нашего времени. Въ 1716 году онъ замѣненъ новымъ, деревяннымъ высокимъ иконостасомъ съ богатой тонкой работы рѣзбой, рѣзными на подобіе виноградныхъ свитыхъ между собой плущей-колоннами, съ роскошными кронштейнами и съ волнистыми карнизами и рамами для иконъ. Вся рѣзба иконостаса вызолочена червоннымъ золотомъ на марданъ, а фонъ его выкрашенъ синей краской. Но громадное большинство иконъ въ этомъ новомъ иконостасѣ взято изъ прежняго. Во вновь устроенномъ иконостасѣ оказались слѣдующія отличія по сравненію съ прежнимъ: 1) уничтоженъ весь пядничный ярусъ; 2) праздничный ярусъ перемѣщенъ подъ Деисуснымъ и надъ мѣстнымъ ярусомъ и сталъ онъ не 4-мъ, а 2-мъ ярусомъ въ иконостасѣ. Кромѣ того, въ немъ вмѣсто прежнихъ 19 иконъ праздничныхъ поставлено только 12. 3) Въ Деисусномъ ярусѣ вмѣсто прежнихъ 13 иконъ осталось только 9, при чемъ среднія 5 иконъ сохранились тѣ же самыя т.-е. «Спасъ на престолѣ въ силахъ», Богоматерь, Предтеча и архангелы Михаилъ и Гавріилъ. 4) Въ пророческомъ ярусѣ въ срединѣ вмѣсто образа Воплощенія Пр. Богородицы поставленъ другой тоже древній образъ «О тебѣ радуется», а по сторонамъ его, вмѣсто прежнихъ 18 пророческихъ иконъ, осталось только 12. 5) Въ праотеческомъ ярусѣ вмѣсто прежнихъ 19 образовъ оставлено только 13. 6) Наконецъ, надъ праотеческимъ ярусомъ устроенъ новый ярусъ (по счету 6-й), съ иконами Страстей Христовыхъ въ круглыхъ, рѣзныхъ, золоченыхъ рамахъ. Всѣхъ таковыхъ иконъ 8, а посреди ихъ возвышается надъ всѣмъ иконостасомъ уже живописное Распятіе съ предстоящими — Богоматерью и Іоанномъ Богословомъ. 7) Нижний мѣстный ярусъ иконостаса тоже претерпѣлъ измѣненія; въ немъ устроены новыя рѣзныя царскія двери съ иконами въ круглыхъ клеймахъ: Благовѣщенія и 4-хъ евангелистовъ — и рѣзной подзоръ или сѣнь съ изображеніемъ Тайной Вечери. Направо отъ царскихъ вратъ, вмѣсто прежнихъ 4-хъ большихъ мѣстныхъ иконъ, оставлено только 2 — Софія Прем. Божія, и Рождество Пр. Богородицы, при чемъ возлѣ послѣдней вновь были устроены южныя двери иконостаса съ изображеніемъ на нихъ Арх. Михаила. Иконы Софія Прем. Божіей, и Рождества Пр. Богородицы недавно покрыты массивными, чеканными, серебропозлащенными ризами, подъ которыми однако, сохраняется ихъ древній серебропозлащенный басменный окладъ. По лѣвую сторону царскихъ вратъ вмѣсто прежнихъ трехъ мѣстныхъ иконъ поставлены вновь двѣ: Тихвинской Богоматери въ серебропозлащенной ризѣ, устроенной въ 1736 г., какъ видно изъ надписи на ней, и Петра и Павла древняго письма въ серебропозлащенномъ басменномъ окладѣ. Въ недавнее время и на послѣднюю икону сдѣлана

массивная чеканная риза. За означенной иконой Петра и Павла находится сѣверная дверь съ изображеніемъ архидіакона Стефана.

Наконецъ, считаемъ долгомъ замѣтить, что всѣ иконы 2, 3, 4 и 5-го ярусовъ перестроеннаго въ 1716 году и доннынъ существующаго иконостаса сохранили на себѣ древніе сребропозощенные басменные оклады и видимо не подвергались переписыванію. Но прежняго обильнаго «прикладу», состоявшаго въ панагіяхъ, крестахъ и пр. они теперь уже не имѣютъ. Все это снято еще по приказу Императора Петра В. и въ монастырской ризницѣ сохранилось до нашихъ дней только нѣсколько экземпляровъ такихъ подвѣшенныхъ панагій и крестовъ.

Кромѣ главнаго иконостаса многочисленныя иконы были размѣщены и въ другихъ мѣстахъ описываемаго храма.

Такъ, предъ иконостасомъ противъ клироса стоялъ особый аналой съ иконами: Преп. Антонія Римл. со сканными вѣнцами и цатами, украшенными жемчугомъ, и камнями и «Премудрость созда себѣ храмъ» мелкаго письма. По ту и другую сторону этого аналая были поставлены небольшіе кіоты съ иконами свв. архангеловъ Михаила также и Гавріила, Одигитріи и Богоматери Владимірской въ басменныхъ окладахъ съ богатымъ прикладомъ изъ панагій, крестовъ и пр.

Около 4-хъ большихъ столбовъ, поддерживающихъ своды и куполь храма были размѣщены также образа:

1) На ближайшемъ къ иконостасу правомъ столбѣ иконы: Спаса съ Преч. Богородицею и Свят. Николаемъ Чудотворцемъ, Знаменія Богоматери Одигитріи, Нерукотвореннаго Спаса и Николая Чудотворца. Всѣ эти иконы были въ басменныхъ окладахъ и съ прикладомъ.

2) На второмъ правомъ столбѣ, что близъ западной стѣны храма помѣщался только одинъ «образъ мѣстный Единородный Сынъ», писанный на золотѣ съ басменными вѣнцами.

3) На первомъ лѣвомъ столбѣ иконы: О Тебѣ радуется — «мѣстный», Спасителя, къ Которому припадаютъ преподобные Антоній Римл. и Варлаамъ Хутынский, — Великомуч. Параскевы Пятницы, всѣ большого размѣра, а надъ ними 3 кіота съ небольшими образами.

4) На второмъ лѣвомъ столбѣ стоялъ только одинъ «образъ мѣстный Корсунской Богородицы Одигитріи» въ басменномъ окладѣ съ сребропозолоченными вѣнцами и цатами и съ различнымъ прикладомъ.

Въ настоящее время вышеперечисленныхъ иконъ около столбовъ нѣтъ и они замѣнены другими. Вокругъ первыхъ ближайшихъ къ иконостасу двухъ столбовъ устроены витрины со стеклянными рамами, въ которыхъ наставлены многочисленныя иконы, изъ которыхъ одни древняго письма, а другія новаго и въ серебряныхъ ризахъ. Около заднихъ двухъ столбовъ съ трехъ сторонъ cadaго изъ нихъ устроены кіоты, въ которыхъ поставлены большіе, древніе образа, а именно: около праваго столба съ западной стороны стоитъ древняя и замѣчательная по письму икона Благовѣщенія въ басменномъ сребропозлащенномъ окладѣ, а надъ ней небольшою Деисусъ изъ трехъ поясныхъ иконъ тоже въ басменномъ окладѣ, — на южной сторонѣ

образъ св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго въ басменномъ окладѣ (изображенъ въ схимѣ, а лице переписано недавно), а на сѣверной — преп. Антонія Римлянина въ чудесахъ также въ басменномъ окладѣ. Судя по размѣрамъ, можно предполагать, что эти иконы св. Александра Невскаго и преп. Антонія Римл. перенесены на этотъ столбъ изъ главнаго иконостаса, въ которомъ они въ 1696 г. стояли направо отъ царскихъ вратъ за храмовой иконой Рождества Пр. Богородицы. Около задняго лѣваго столба поставлены большія иконы: съ западной стороны Тихвинской Богоматери — древняя и въ серебропозлащенномъ басменномъ окладѣ, а подъ ней древній Деисусъ изъ трехъ поясныхъ небольшихъ въ басменныхъ окладахъ иконъ, — съ южной стороны древній образъ Св. Николая Чудотв. въ чудесахъ, тоже въ басменномъ окладѣ, а съ сѣверной стороны — два древнихъ образа въ басменныхъ окладахъ — великомучениковъ Георгія и Димитрія Солунскаго. Судя по размѣрамъ нужно полагать, что упомянутая икона Николая Чудотворца перенесена на настоящее мѣсто изъ главнаго иконостаса, въ которомъ она, по описи 1696 года занимала мѣсто по лѣвую сторону царскихъ дверей между мѣстною иконою Св. Троицы и сѣверною дверью. Упомянутыя иконы Св. Димитрія Солунскаго и великомученика Георгія, тоже судя по размѣрамъ и позамъ, въ которыхъ изображены эти святые, въ 1696 году могли входить въ составъ деисуснаго яруса главнаго иконостаса, ибо тогда былъ широко распространенъ обычай включать въ составъ Деисуснаго яруса иконостасовъ иконы упомянутыхъ мучениковъ.

На правой сторонѣ храма возлѣ южной стѣны стояла рака съ мощами преп. Антонія Римл. Эта рака была деревянная, обложенная снаружи басменнымъ золоченымъ серебромъ, а внутри подбита золотнымъ бархатомъ. Кромѣ того, снаружи рака имѣла 8 серебряныхъ круговъ, на которыхъ былъ написанъ тропарь и кондакъ Угоднику, его жизнеописаніе и купчая. На верхней крышкѣ раки находилось рѣзное изображеніе преп. Антонія Римл. съ вѣнцемъ вокругъ головы, имѣвшемъ 6 камней хрустальныхъ. Вокругъ раки поставлена была желѣзная, луженая, рѣшетка.

Около раки Чудотворца на стѣнѣ былъ прикрѣпленъ «шанданъ мѣдной, тройной, лошчатой», а на немъ помѣщалась «трость Чудотворцева римская» въ серебряной трубчкѣ съ двумя яблочками золочеными черезъ травы. Эта трость или, вѣрнѣе сказать, пучекъ тростника, сохранилась и до настоящаго времени въ той же серебропозолоченной трубчкѣ, которая однако теперь вставлена не въ мѣдный шанданъ, а въ деревянный трехугольный футляръ со стеклами, повѣшенный на стѣнѣ близъ раки Угодника.

Наконецъ, около раки Угодника было наставлено и навѣшано на стѣнѣ много различныхъ иконъ, разныхъ размѣровъ, въ басменныхъ окладахъ, и безъ нихъ, съ разнообразнымъ богатымъ прикладомъ. Среди этихъ иконъ опись 1696 года указываетъ на «дейсуса на пяти цкахъ, писанъ мусією, обложенъ мѣдью золоченъ», который тогда помѣщался въ возглавіи у раки Чудотворца. Вѣроятно этотъ Деисусъ ни что иное, какъ извѣстная 6 иконъ лиможской эмали, которая теперь помѣщена въ подножіи у раки Преподобнаго Антонія. Опись 1696 г. дѣлаетъ неточ-

ное описаніе этихъ иконъ, называя ихъ Деисусомъ, между тѣмъ какъ онѣ состоятъ изъ 3 изображеній Христа въ ореолѣ, и 3 Распятій.

Изъ многочисленныхъ предметовъ приклада, находившихся на иконахъ, окружавшихъ раку Угодника, въ древней описи упоминаются между прочимъ 2 панагии: одна серебряная, съ изображеніемъ арх. Михаила, со вставками жемчужными и 4 раковинными, другая съ рѣзнымъ изображеніемъ Онуфрія Великаго, обложеннымъ мѣдью. Обѣ панагии сохраняются въ монастырской ризницѣ.

Въ настоящее время не осталось ни одной иконы, изъ тѣхъ, которыя находились на стѣнѣ у раки Преподобнаго, кромѣ вышеупомянутыхъ шести эмалевыхъ. Сама рака въ томъ же 1696 г. при Новгородскомъ митрополитѣ Евѣиміѣ была перенесена отъ южной стѣны на новое мѣсто, а именно — въ арку, пробитою въ той же стѣнѣ близъ южныхъ дверей иконостаса и соединяющую главный храмъ съ предѣломъ преп. Антонія. Это событіе перенесенія св. мощей увѣковѣчено написаніемъ двухъ иконъ, изъ которыхъ одна находится въ Срѣтенской церкви, а другая въ братскихъ келіяхъ.

Та рака, въ которой прежде почивали св. мощи преп. Антонія и которая описана въ описи 1696 года просуществовала только до 1731 года, послѣ чего она была замѣнена новою, въ которой св. мощи почивали до 1860 года, когда они были вновь переложены въ существующую и теперь богатую серебряную раку. Прежняя же рака, сдѣланная въ 1739 году теперь хранится въ монастырской ризницѣ. Кромѣ того, отъ одной изъ прежнихъ гробницъ, хранившихъ въ себѣ св. мощи преп. Антонія уцѣлѣлъ одинъ деревянный кругъ съ вырѣзанною на немъ вязью выпуклыми славянскими буквами надписью объ открытіи св. мощей преп. Антонія Римлянина, состоявшемся въ 1597 году. Этотъ кругъ находится теперь въ монастырской ризницѣ въ числѣ монастырскихъ древностей¹⁾.

Описываемый нами соборный храмъ Рождества Пр. Богородицы былъ въ изобиліи снабженъ свѣтильниками. Предъ всеми мѣстными иконами главнаго иконостаса, и также и предъ тѣми изъ нихъ, которыя находились въ другихъ мѣстахъ храма около столбовъ, поддерживавшихъ своды и куполъ, и около раки Чудотворца были во множествѣ размѣщены и развѣшаны стоячіе подсвѣчники, лампы и паникадила разныхъ размѣровъ и съ разнымъ количествомъ шандановъ для вставки свѣчей или перьевъ, какъ они называются въ описи 1696 года, число коихъ простиралось отъ 6-ти до 16-ти. Особенность тогдашняго убранства описываемаго храма составляло то, что свѣтильники имѣлись не только предъ иконами нижняго яруса иконостаса, но и предъ образами другихъ ярусовъ. Такъ, предъ Спасовымъ образомъ, что въ большомъ Деисусѣ было мѣдное паникадило о 12 перахъ, а предъ прочими иконами Деисус-

¹⁾ Свѣдѣнія о прежнихъ ракахъ, въ которыхъ почивали св. мощи преп. Антонія Римл., а также и о мѣстахъ, на которыхъ они были поставлены см. въ Археологич. описаніи церковныхъ древностей Новгородск. арх. Макарія, ч. I, 465—466, М. 1860 г. Тамъ же описанъ и упомянутый кругъ отъ одной изъ этихъ гробницъ. Въ Новгородской Ильинской церкви, находящейся на Торговой сторонѣ, сохранился древній образъ преп. Антонія Римлянина, написанный, какъ видно изъ рѣзной надписи во кругъ него, въ 1573 г. на верхней доскѣ древней раки, стоявшей надъ мощами угодника, еще до открытія послѣднихъ, когда они лежали въ землѣ (Макар. II, стран. 82—83).

наго яруса было 11 восковыхъ свѣчей на оловянныхъ шанданахъ. Предъ праздничными же иконами главнаго иконостаса было 19 свѣчей, писанныхъ красками, на желѣзныхъ шанданахъ.

Кромѣ того по установившемуся обычаю были повѣшены паникадила, и посрединѣ храма, которыхъ въ описи 1696 года указано пять, а именно: одно большое мѣдное висѣло подъ главнымъ куполомъ. Оно имѣло 31 перо съ процвѣтами и было украшено литыми изображеніями святыхъ, большимъ яблокомъ сквозной рѣзьбы, къ которому снизу было подвѣшено «яйцо строеокалилово» (страусово). Это паникадило и до настоящаго времени виситъ на прежнемъ мѣстѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ оно было заброшено въ кладовую и замѣнено новой легонькой люстрой, но въ 1898 году, въ бытность нашу настоятелемъ Антоніева монастыря, опять восстановлено и повѣшено на прежнемъ мѣстѣ.

Въ подкупольныхъ аркахъ противъ праваго и лѣваго клиросовъ еще 2 мѣдныхъ паникадила, о 12 перахъ каждое. За правымъ клиросомъ промежъ столбовъ посреди церкви висѣло новое, большое о 16-ти шанданахъ лощатое паникадило, а у западныхъ дверей храма было еще другое о 12 перахъ.

Въ настоящее время изъ перечисленныхъ 5 паникадилъ, висѣвшихъ посрединѣ храма, осталось только 2: вышеупомянутое о 31-мъ шанданѣ и другое о 12 перахъ и съ двуглавымъ орломъ, висящее ближе къ западнымъ дверямъ церкви.

Опись 1696 г., называетъ паникадило о 12-ти шанданахъ, «дѣло римское». Нынѣ въ придѣлѣ преп. Антонія виситъ одно древнее замѣчательное по работѣ небольшое паникадило, которое по монастырскому преданію принадлежало самому преподобному Антонію и привезено имъ изъ Рима. Весьма возможно, что это и есть то самое паникадило, которое упоминается Описью подъ именемъ «римскимъ». Кромѣ того, въ настоящее время на паперти предъ камнемъ преп. Антонія виситъ еще одно замѣчательное паникадильце о 4-хъ шанданахъ, которое монастырскимъ преданіемъ тоже причисляется къ предметамъ церковной утвари чудесно вывезенной угодникомъ изъ Рима¹⁾.

Таково было убранство средней части главнаго монастырскаго храма. Оно, какъ видно изъ описи, было по тогдашнимъ временамъ довольно богатое. Напротивъ, убранство главнаго алтаря отличалось большою простотою.

На главномъ престолѣ была индитія, или верхняя одежда зеленого бархата съ крестомъ изъ серебро-позлащенныхъ дробницъ. Сверху престолъ закрывался еще отдѣльнымъ покровомъ изъ камки червчатой, на которомъ былъ нашитъ крестъ дробничный. Объ убранствѣ жертвенника въ описи ничего не сказано.

Затѣмъ, въ алтарѣ было размѣщено 37 пядницъ окладныхъ прочныхъ, да 19 пядницъ окладныхъ ветхихъ и еще 20 иконъ пядницъ, писанныхъ на золотѣ и на краскахъ и очень ветхихъ.

За престоломъ были поставлены: 1) крестъ выносный, обложенный басменнымъ золоченымъ серебромъ, и 2) образъ Пр. Богородицы Одигитріи выносный, обложен-

¹⁾ Описаніе этихъ двухъ паникадилъ см. въ Древн. Новг. Арх. Макарія, М. 1860 г., ч. II, стран. 230—231.

ный басменнымъ золоченымъ серебромъ. На обратной сторонѣ этого образа были написаны три святителя, а надъ ними въ облакахъ св. Троица. Къ этому выносному образу была подвѣшена камчатая зеленая пелена. Этотъ выносный образъ сохранился и до настоящаго времени и стоитъ за престоломъ въ Богословскомъ алтарѣ.

Вотъ и все тогдашнее скромное убранство главнаго алтаря, а въ придѣльных алтаряхъ, какъ увидимъ дальше, оно было еще скромнѣе и доходило даже до бѣдности.

Въ сѣверо-западной башнѣ, пристроенной къ монастырскому соборному храму, былъ, какъ и въ настоящее время, устроенъ придѣлъ во имя преп. Онуфрія Великаго и Петра Аѳонскаго. Туда вели желѣзныя двери и винтовая каменная лѣстница. Иконостасъ этого придѣла, существующій и доселѣ, имѣлъ слѣдующее устройство.

Въ нижнемъ ярусѣ по обычаю были царскія двери, сѣнь и столпцы, писанные на золотѣ, а какія на нихъ были изображенія, въ описи 1696 г. не указано. По правую сторону царскихъ вратъ стоялъ одинъ только храмовой образъ Онуфрія В. и Петра Аѳонскаго, писанный на золотѣ съ сребропозлащенными басменными вѣнцами и цатами. По лѣвую сторону царскихъ дверей былъ тоже образъ мѣстный Пр. Богородицы Одигитріи на краскѣ, а подъ нимъ три иконы пядницы.

О сѣверныхъ и южныхъ дверяхъ опись умалчиваетъ, вѣроятно, потому, что ихъ въ то время и не существовало, а были только простые пролеты съ занавѣсками, или даже и безъ нихъ.

Второй ярусъ иконостаса составлялъ обычный Деисусъ, въ который входили иконы Спаса на престолѣ, Пречистыя Богородицы, Предтечи, архангеловъ и апостоловъ на 11 доскахъ, при чемъ опись не указываетъ именъ тѣхъ апостоловъ, которые здѣсь были написаны. На этихъ же доскахъ надъ Деисусомъ было написано по золотому фону 17 иконъ праздниковъ, составлявшихъ третій ярусъ иконостаса. Надъ праздниками былъ поставленъ 4-й ярусъ иконостаса, среди котораго былъ образъ Пречистыя Богородицы Воплощенія (Знаменія), а по сторонамъ 14 пророковъ, писанныхъ на золотѣ, при чемъ имена послѣднихъ въ описи не указаны.

Всѣ иконы 2, 3 и 4-го ярусовъ въ этомъ иконостасѣ хорошо сохранились до настоящаго времени, хотя и подвергались нѣкоторымъ незначительнымъ исправленіямъ, при чемъ золоченный фонъ ихъ замѣненъ нынѣ синимъ; остались позолоченными только нимбы. Въ мѣстномъ же ярусѣ сохранились только царскія двери, сѣнь и столбцы, при чемъ фонъ всѣхъ ихъ тоже впоследствии, перекрашенъ въ синюю краску. На этихъ царскихъ вратахъ сохранились обычныя изображенія Благовѣщенія и четырехъ евангелистовъ, на столбцахъ тоже обычныя изображенія святителей и діаконѣвъ, а на сѣни интересное изображеніе небесной литургіи, или великаго входа, гдѣ служащими являются ангелы.

По правую сторону царскихъ вратъ вмѣсто прежняго храмоваго образа Онуфрія В. и Петра Аѳонскаго стоятъ двѣ новыя иконы: Спасителя и озна-

ченныхъ угодниковъ, которымъ посвященъ этотъ предѣлъ. По лѣвую сторону царскихъ дверей вмѣсто иконы Пр. Богородицы Одигитріи поставлены тоже новыя иконы: Богоматери и Преп. Антонія Римлянина. Сѣверныхъ и южныхъ дверей теперь нѣтъ, а вмѣсто ихъ оставлены пролеты, закрываемые занавѣсками.

Въ алтарѣ на престолѣ Онуфріевского придѣла индитія и покровъ были мухояровыя ветхіе, а завѣса у царскихъ дверей была крашевинная. О свѣтильникахъ этого придѣла опись 1696 года совсѣмъ не упоминаетъ; можетъ быть ихъ тамъ не было и они приносились туда изъ главнаго храма только на время богослуженія, которое, вѣроятно, совершалось въ этомъ придѣлѣ весьма рѣдко. По крайней мѣрѣ въ настоящее время служба тамъ бываетъ всего только одинъ разъ въ годъ — въ день храмоваго праздника.

Придѣлъ во имя Преп. Антонія Римлян. былъ вмѣстѣ съ алтаремъ расписанъ. Иконостасъ былъ слѣдующаго устройства: царскія двери съ сѣнью и столбцами рѣзныя, золоченныя сусальнымъ золотомъ, а что на нихъ было изображено, въ описи не сказано. По правую сторону помѣщались иконы: Спасителя, къ ногамъ Котораго въ моленіи принадлежатъ Святитель Никита Новгородскій Чудотв. и Преп. Антоній Римл. — Преп. Антонія Римл. храмовая и архидіак. Стефана.

По лѣвую сторону икона Благовѣщенія и сѣверныя двери, на которыхъ написанъ Рахъ разбойникъ. За сѣверными дверями стоялъ образъ Новгородскихъ Чудотворцевъ размѣромъ трехъ четвертей. Вышеупомянутыя мѣстныя иконы Спасителя, Антонія Римл. и Благовѣщенія имѣли басменные оклады и довольно богатый прикладъ. Надъ этимъ ярусомъ былъ устроенъ пядничный ярусъ, въ составъ котораго входили иконы: Знаменія Владимірска Пр. Богородицы и Одигитріи въ кіотахъ и серебряныхъ окладахъ съ различнымъ прикладомъ; Спасъ Нерукотворенный, Свят. Николай и 8 пядницъ неизвѣстныхъ святыхъ, которыя помѣщались надъ мѣстной иконой Благовѣщенія.

Надъ пядничнымъ ярусомъ былъ поставленъ Денсусный, въ составъ котораго входили иконы: Спаса на престолѣ въ силахъ, Пр. Богородицы, Іоанна Предтечи, Архангеловъ и святыхъ на 10 доскахъ. Имена этихъ святыхъ въ описи не указаны.

На тѣхъ же доскахъ надъ Денсусомъ располагался четвертый ярусъ въ составъ котораго сходили: Образъ Пр. Богородицы Воплощенія и 10 иконъ праздничныхъ.

Пятый ярусъ иконостаса составляли — Образъ Господа Саваоа и 12 пророковъ. Описанный иконостасъ Антоніевского придѣла отступаетъ отъ установленной для подобныхъ сооруженій въ XVI—XVII вв. нормы, а именно: а) въ праздничномъ ярусѣ посрединѣ былъ поставленъ образъ Знаменія Пр. Богородицы, который долженъ былъ бы занимать среднее мѣсто въ пророческомъ ярусѣ; б) въ этомъ послѣднемъ ярусѣ посрединѣ поставленъ былъ образъ Господа Саваоа, тогда какъ тутъ было мѣсто образу Богоматери (по большей части Знаменія), а икона Господа Саваоа ставилась обыкновенно въ срединѣ пророческаго яруса, если таковой имѣлся въ иконостасѣ.

Этотъ древній иконостасъ Антоніевского придѣла не сохранился до нашего времени и цѣликомъ замѣненъ новымъ обыкновенной столярной и рѣзной работы

двухъяруснымъ иконостасомъ. Во второмъ ярусѣ этого иконостаса, сдѣланнаго вѣроятно въ началѣ XIX вѣка, сохранилось нѣсколько иконъ свв. апостоловъ стариннаго (однако не ранѣе начала XVIII в.) письма.

Въ алтарѣ Антоніевского придѣла на престолѣ была индитія изъ желтаго полукамоузя, а покровъ на немъ былъ выбойчатый.

Среди храма висѣло 2 большихъ паникадила: первое ближайшее къ иконостасу имѣло 24 свѣчи,—другое, находившееся вблизи западной стѣны придѣла было «дѣло нѣмецкое» и имѣло 16 свѣчей.

Лѣвый придѣлъ соборнаго храма, посвященный имени св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова, имѣлъ тоже стѣнную роспись.

По правую сторону царскихъ дверей стояли иконы: Владимірской Богоматери и храмовой ап. Іоанна Богослова. По лѣвую Пр. Богородицы Одигитрии и свв. апостоловъ Петра и Павла. Всѣ четыре иконы мѣстнаго яруса имѣли басменные серебропозлащенные оклады, вѣнцы и цаты и приличный прикладъ.

Надъ мѣстнымъ ярусомъ помѣщался небольшой пядничный ярусъ, въ составъ котораго входилъ небольшой Деисусъ и иконы пядницы: Пр. Богородицы Печерскія и св. ап. Іоанна Богослова, по лѣвую — преподобнаго Антонія Римлянина и Софіи Премудрости Божіа. Всѣ эти пядницы имѣли басменные золоченные оклады. Надъ этимъ ярусомъ стоялъ Деисусный, составленный изъ иконъ Спасителя, Богоматери, Предтечи и апостоловъ, написанныхъ красками на трехъ доскахъ.

Иконостасъ этотъ не сохранился и въ прошломъ XIX столѣтіи замѣненъ совершенно новымъ съ образами, исполненными въ итальянскомъ стилѣ. Позволяемъ себѣ высказать наше предположеніе, что упоминаемая въ описи 1696 года мѣстные иконы въ иконостасахъ: Антоніевского придѣла — Благовѣщенія, и Богословскаго придѣла — Петра и Павла, сохранились и до нашего времени: это тѣ самыя иконы, о которыхъ было выше упомянуто при описаніи убранства главнаго храма.

Въ алтарѣ Богословскаго придѣла престолъ имѣлъ: индитію изъ струйчатой тафты одинаваго цвѣта и покровъ изъ выбойки. Изъ свѣтильниковъ опись указываетъ на лампаду мѣдную рѣзную предъ образомъ Владимірской Богоматери, большое паникадило о 14 свѣчахъ, висѣвшее среди церкви и мѣдное малое паникадило висѣвшее въ алтарѣ.

Съ западной стороны соборнаго храма вмѣсто нынѣшней обширной паперти, устроенной въ 1699 году, какъ выше было сказано, примыкалъ небольшой притворъ каменный и весь расписанный. Надъ дверями, ведущими изъ притвора въ самую церковь, былъ написанъ образъ Пр. Богородицы, предъ которымъ висѣло паникадильце мѣдное. Въ паперти были двѣ двери: одна желѣзная, рѣшетчатая, крашеная, а другая — створчатая, слюдяная, имѣвшая 4 круга, съ травянымъ орнаментомъ. Вѣроятно, послѣднія двери вели въ придѣлъ, пристроенный къ паперти.

Въ этомъ придѣлѣ хранился камень, на которомъ приплылъ преп. Антоній изъ Рима. На камнѣ было написано изображеніе Пр. Богородицы съ Превѣчнымъ Младенцемъ во облацѣ, а предъ нимъ въ моленіи преп. Антоній Римлянинъ. Эти изображенія были исполнены по золоченому фону, а самый камень и вѣнцы у Бого-

родицы и Чудотворца были обложены серебромъ басменнымъ, золоченымъ. Вокругъ камня и по стѣнамъ всего придѣла была произведена роспись. Предъ изображеніями, написанными на камнѣ, былъ придѣланъ шандаль мѣдный о двухъ свѣчахъ. Этотъ камень хранится и въ настоящее время въ теперешней паперти, устроенной въ 1699 году на мѣсто прежней. Камень вложенъ въ стѣнную нишу, а предъ нимъ стоитъ изображеніе преп. Антонія Римл., плывущаго на камнѣ съ тростникомъ въ рукахъ, писанное на деревянной доскѣ. Предъ камнемъ нынѣ висятъ: небольшое древнее мѣдное паникадильце въ 4 свѣчи, о которомъ выше было упомянуто, и небольшой древній колоколь. По преданію монастырскому это паникадильце и колоколь принадлежатъ къ числу церковныхъ вещей, которыя привезены преп. Антоніемъ изъ Рима чудесно въ бочкѣ.

Въ сѣверномъ концѣ нынѣшней паперти устроенъ небольшой придѣлъ во имя Грузинской иконы Богоматери и казнохранилище. Самая паперть, какъ и придѣлъ этотъ, расписаны стѣннымъ письмомъ на маслѣ въ XIX столѣтіи. На сводѣ паперти написаны клеевыми красками крупныя звѣзды съ изображеніями въ нихъ Новгородскихъ угодниковъ. По устному преданію, хранящемуся въ Антоніевомъ монастырѣ и въ находящейся при немъ Новгородекой Дух. семинаріи всѣ эти звѣзды принадлежатъ кисти бывшаго настоятеля монастыря и ректора Семинаріи, архимандрита Анатолія (Мартыновскаго), который впоследствии былъ архіепископомъ Могилевскимъ, который зналъ и любилъ живописное искусство.

II.

Второй изъ сохранившихся до настоящаго времени древнихъ храмовъ Антоніева монастыря посвященъ въ воспоминаніе Срѣтенія Господня. Убранство этого храма было очень скромное; даже стѣны не были расписаны. Съ западной стороны къ храму примыкала каменная трапеза. Послѣдняя, вѣроятно соединена была съ настоящею церковью какою нибудь дверью, хотя объ этомъ въ описи 1696 года ничего не сказано. Въ нынѣшнее же время Срѣтенская церковь соединяется съ трапезною частью широкою пролетною аркою, устроенною въ 1803 году¹⁾.

Иконостасъ въ Срѣтенской церкви былъ устроенъ слѣдующимъ образомъ:

Царскія двери, сѣнь и столбцы были писаны красками. По сторонамъ царскихъ вратъ стояли иконы: храмовыя Срѣтенія Господня и — Пресвятая Богородица Воплощенія съ предстоящими св. Іоанномъ Предтечею и праведн. Елисаветою; и образъ Пр. Богородицы Одигитріи съ предстоящими архангелами Михаиломъ и Гавріиломъ, писанный на краскѣ.

Надъ мѣстнымъ ярусомъ иконостаса былъ поставленъ Деисусный, составленный изъ 9 иконъ, писанныхъ на краскѣ.

До настоящаго времени этотъ иконостасъ не сохранился.

Изъ свѣтильниковъ, бывшихъ тогда въ Срѣтенской церкви, упомянуты въ описи только два: паникадильце мѣдное о шести перахъ, висѣвшее предъ Спасовымъ

¹⁾ Смотр. Древн. Новг. Архим. Макарія, I, стран. 470.

образомъ, что въ Деисусѣ, и свѣча поставная, восковая съ желѣзнымъ шандаломъ, стоявшая предъ храмовымъ образомъ Срѣтенія Господня.

Изъ алтарнаго убранства въ описи указаны только: покровъ на престолѣ и завѣса у царскихъ вратъ, сдѣланные изъ крашенины, да три пядницы, писанныя на золотѣ и, неизвѣстно, на какомъ мѣстѣ висѣвшія.

Въ трапезѣ по указанію описи были слѣдующія иконы: за столомъ — обр. Спаса на престолѣ въ силахъ, писанный на мѣди, ветхій, — обр. Іоанна Предт. съ предстоящими Космою и Даміаномъ съ басменными вѣнцами и образъ Николая Чуд., писанный на краскѣ. На лѣвой сторонѣ трапезы былъ кіотъ съ 8-ю писанными на краскѣ пядничными иконами праздниковъ Господнихъ. У столба, который находился (какъ и нынѣ) посрединѣ трапезы, стоялъ кіотъ со створцами, на которыхъ были писаны красками многіе святые, а въ самомъ кіотѣ помѣщался образъ Спаса Вседержителя. Предъ вышеупомянутымъ образомъ Спаса, что былъ написанъ на мѣди, висѣло большое мѣдное паникадило о 16 перахъ.

Въ настоящее время все это внутреннее убранство Срѣтенской церкви замѣнено новымъ, а трапезная часть ея, за перенесеніемъ трапезы въ другое мѣсто, вошла въ составъ самаго храма. Вѣроятно, Срѣтенская церковь утратила свое древнее устройство внутри во время капитальныхъ ремонтовъ, бывшихъ въ ней въ 1803 и 1846 гг.¹⁾, при чемъ, какъ нужно полагать, во время перваго изъ сихъ ремонтовъ былъ устроенъ новый иконостасъ съ образами невысокаго итальянскаго письма. Этотъ иконостасъ сильно пострадалъ во время пожара, бышаго въ Срѣтенской церкви въ 1900 году; послѣ чего Срѣтенская церковь въ продолженіи 1901—2 гг. была вновь отремонтирована съ возможнымъ соблюденіемъ уцѣлѣвшей въ ней старины; въ ней устроенъ новый иконостасъ въ русскомъ стилѣ съ образами иконописнаго письма, а съ сѣверной стороны къ ней вмѣсто прежней паперти, пристроенной въ началѣ XIX столѣтія, съ разрѣшенія мѣстнаго епархіальнаго начальства и Императорской Археологической Комиссіи сдѣлана новая двухэтажная пристройка въ томъ же стилѣ, какъ и настоящая церковь. Въ верхнемъ этажѣ устроенъ придѣлъ во имя свят. Тихона Задонскаго, а въ нижнемъ придѣлъ во имя преподобныхъ Сергія Радонежскаго и Серафима Саровскаго.

III.

Надъ святыми воротами, которыя находились на западной сторонѣ обители и вели на берегъ рѣки Волхова, была устроена каменная церковь во имя преп. Іоанна Лѣствичника съ придѣломъ Святителя и Чудотворца Николая. Въ главномъ храмѣ иконостасъ имѣлъ такое устройство: въ мѣстномъ ярусѣ царскія двери, сѣнь и столбцы были писаны на золотѣ, по сторонамъ находились иконы храмовая Іоанна Лѣствичника въ дѣяніи, писанная на золотѣ и Великомуч. Георгія тоже въ дѣяніи; Пресв. Богородицы Одигитріи, писанный на краскѣ, и Рождества Пр. Богородицы въ дѣяніи. Надъ этимъ ярусомъ былъ устроенъ Деисусный, въ которомъ

¹⁾ Объ этихъ ремонтахъ см. у Макарія, Древн. Новг., I, стран. 470.

было 12 образовъ святыхъ, написанныхъ по золотому фону; выше помѣщалось 14 праздничныхъ иконъ, писанныхъ на золотѣ.

Предъ Деисусомъ висѣло мѣдное паникадильце, рѣшетчатое. Изъ убранства алтаря опись указываетъ индитію и покровъ камкосѣйные, ветхіе.

Въ придѣлѣ свят. Николая Чудотв. иконостасъ имѣлъ царскія двери, сѣнь и столбцы писанные на золотѣ иконы Спаса Нерукотвореннаго и свят. Николая Чудотв. въ дѣяніи съ басменнымъ вѣнцомъ, и — обр. Пр. Богородицы Одигитріи, писанный красками. Надъ мѣстными иконами стоялъ обычный Деисусъ, писанный красками на 9 доскахъ, предъ которымъ висѣло паникадильце желѣзное.

Въ алтарѣ на престолѣ была индитія изъ полосатой камкосѣи, покровъ на немъ и завѣса у царскихъ вратъ изъ крашенины.

Въ настоящее время этой церкви и святыхъ воротъ совсѣмъ не существуетъ, а вмѣсто нихъ въ 1811 году построенъ большой каменный двухэтажный корпусъ съ настоятельскими и братскими кельями, который съ южной стороны соединяется со Срѣтенскою церковью.

IV.

Подъ колокольнею, которая въ XVII в. находилась вблизи юговосточнаго угла соборнаго храма и которая въ 1807 году упала и была разобрана, устроена была церковь каменная во имя преп. Антонія Великаго съ иконостасомъ украшеннымъ иконами: Троицы Живоначальной въ дѣяніи, и Преподобныхъ Антонія Великаго и Антонія Римлянина въ дѣяніи. Налѣво стоялъ образъ Похвалы Пр. Богородицы. Надъ мѣстными иконами Деисусъ, стоящій съ владычными праздниками на 7 доскахъ; надъ ними стоялъ пророческій ярусъ съ иконою Пр. Богородицы съ Превѣчнымъ Младенцемъ, и 20 иконъ пророковъ. Въ алтарѣ стояли 3 иконы пядницы. Престолъ имѣлъ индитію изъ выбойки и покровъ изъ черной камки. На колокольнѣ помѣщались часы боевые съ перечаемъ и 13 колоколовъ большихъ, малыхъ, среднихъ, зазвонныхъ и перечасныхъ.

V.

На святыхъ воротахъ, устроенныхъ съ южной стороны отъ города была поставлена каменная церковь въ память Усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи, но въ настоящее время этихъ свв. воротъ и храма не существуетъ, но устроены новыя св. ворота, съ той же стороны.

VI.

Ризница монастырская была по тогдашнему времени богатая. Въ описи 1696-го года всѣ ризничныя принадлежности перечислены непосредственно послѣ описанія убранства главнаго соборнаго алтаря, а потому можно полагать, что всѣ они хранились въ южномъ отдѣленіи главнаго алтаря, которое называется діакономъ и которое издревле предназначалось специально для храненія церковной

утвари и облачений¹⁾. Къ сожалѣнію описаніе ризницы въ описи 1696 года сохранилось до нашихъ дней не въ цѣлости, ибо въ ней утраченъ весь 9-й листъ, составлявшій какъ разъ именно ту тетрадь, въ которой исчислены стихари и покровы, описаніе каковыхъ поэтому оказалось неполнымъ. Однако и изъ этого несовсѣмъ полно сохранившагося описанія ризницы мы можемъ составить довольно обстоятельное представленіе о ней.

Описаніе это начинается перечисленіемъ напрестольныхъ и молебныхъ евангелій, которыхъ было 16. Изъ нихъ 9 рукописныхъ и 7 московской печати. Первые были, за исключеніемъ одного, всѣ «апракосъ», а вторыя — всѣ «тетръ». Всѣ евангелія имѣли бархатныя или изъ другихъ матерій переплеты съ сребропозлащенными наугольниками и другими украшеніями. На 12 евангеліяхъ были литыя серебряныя изображенія Распятія посрединѣ верхней доски и 4-хъ евангелистовъ по угламъ, на 2-хъ изображеніе Господа Вседержителя и 4-хъ евангелистовъ.

Въ настоящее время сохранилось 5 рукописныхъ богослужебныхъ евангелій, причемъ изъ нихъ 2 такихъ, время написанія которыхъ неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ они не ранѣе XVII в. Одно изъ этихъ евангелій «апракосъ», а другое — «тетръ»; остальные 3 евангелія имѣютъ надписи о времени ихъ написанія, изъ каковыхъ видно, что одно евангеліе написано въ лѣто отъ сотворенія міра 7045 (1537 г.), другое — въ лѣто 7075 (1567 г.) и третье — въ лѣто 7077 (1569 г.). Евангеліе, написанное въ 1567 г. есть «тетръ», а написанныя въ 1537 и 1569 гг. — «апракосъ». Всѣ эти евангелія писаны полууставомъ на бумагѣ. Особенно изъ нихъ замѣчательно евангеліе 1569 года по изяществу письма и по своимъ великолѣпнымъ, художественнымъ заставкамъ и заглавнымъ буквамъ, исполненнымъ по золоту разноцвѣтными нѣжными красками.

Кромѣ евангелій въ антоніевской ризницѣ сохранилось 2 печатныхъ евангелія первой половины XVII в. московскаго происхожденія въ древнихъ переплетахъ съ сребропозлащенными на верхнихъ доскахъ изображеніями Распятія и 4-хъ евангелистовъ.

Крестовъ «воздвизальныхъ», или напрестольныхъ по описи 1696 года значится: 8 серебряныхъ съ украшеніями и 6 деревянныхъ писанныхъ на золотѣ. Изъ нихъ 3 серебряныхъ креста были съ мощами. Кромѣ того, одинъ крестъ «каменной обложенъ мѣдью, римской». Этотъ крестъ по преданію привезенъ изъ Рима преп. Антоніемъ. Онъ сохранился и до настоящаго времени, хотя не въ полной сохранности, ибо мозанка, которою онъ украшенъ большею частію высыпалась.

Крестовъ напрестольныхъ сохранилось 5 древнихъ, а именно: 1 рѣзной кипарисный, обложенный сканнымъ серебромъ и украшенный фальшивыми разноцвѣтными камнями съ таковою же рукою; 1 сребропозлащенный, пожертвованный, какъ видно изъ надписи архимандритомъ Троице-Сергіевой Лавры Кирилломъ Завидовымъ, который жилъ во второй половинѣ XVI вѣка и былъ игуменомъ Антоніева монастыря; 1 крестъ сребропозлащенный, сканной работы, съ мощами, XVI вѣка;

¹⁾ Въ настоящее время за діаконикомъ главнаго алтаря находится особая пристройка для храненія ризницы устроенная вѣроятно не ранѣе XVIII вѣка.

2 креста деревянныхъ, обложенныхъ басменнымъ золоченымъ серебромъ, одинъ изъ нихъ съ небольшимъ литымъ Распятіемъ, а другой съ иконописнымъ. Повидимому все эти кресты, кромѣ кипариснаго, значатся въ описи 1696 года.

Изъ сосудовъ церковныхъ въ описи записано потировъ — серебряныхъ 5, оловянныхъ 5 и мѣдный 1. Изъ нихъ достойны особаго вниманія:

а) «Потиръ серебряной золоченъ свертной на чеканной дѣло, а на немъ вырѣзанъ Спасъ, да Пречистая Богородица, да Предтеча, а на задѣ крестъ, а по верхнему краю рѣзаны слова: ѡйте отъ нея вси..., а подольникъ (т.-е. поддонъ) у потира лошчатъ, а вѣсу въ немъ 2 фунта безъ 18 золотниковъ». Можно предположить, что въ этихъ словахъ опись 1696 года упоминаетъ о томъ потирѣ, который и донынѣ хранится въ ризницѣ, а иногда употребляется и при богослуженіи и, наконецъ, который, какъ видно изъ надписи на немъ, сдѣланъ былъ въ лѣто 7068 (1560 г.) при игуменѣ Антоніева монастыря Геласіѣ.

б) Другой потиръ, до насъ не сохранившійся, былъ по свидѣтельству описи — «серебряной, золоченъ, полское дѣло, свертной, чеканной, травы сквозные. Этотъ и вышеописанный потиры въ описи называются «свертными», вѣроятно, потому, что оба они были устроены на винтахъ и могли разбираться по частямъ, какъ и нынѣ они весьма нерѣдко устраиваются.

Дискосовъ по описи значится серебряныхъ 4, мѣдныхъ 3 и оловянныхъ 3. Все они, за исключеніемъ одного, въ описи называются «дискосными блюдами» вѣроятно потому, что не имѣли поддоновъ, что въ старину было не рѣдкость. Изъ упомянутыхъ въ описи дискосныхъ блюдъ до нашего времени сохранилось одно «блюдо серебряное, золоченое, а на немъ Іисусъ Христосъ Эммануилъ, а около диска по краямъ 16 камней: лянчики, и хрустали и червцы». Архим. Макарій ошибочно относитъ это блюдо къ простымъ антидорнымъ¹⁾ на равнѣ съ другимъ сохранившимся до насъ древнимъ серебрянымъ блюдомъ, на которомъ изображенъ Предтеча и написанъ кондакъ послѣднему, ибо на семъ дискосномъ блюдѣ выгравировано изображеніе Спаса Эммануила и написаны слова: «пріимите, ядите...» и т. д. Своимъ употребленіемъ для совершенія Евхаристіи, изображеніями Спасителя въ разныхъ видахъ и надписями, содержащими слова, относящіяся къ совершенію таинства св. Евхаристіи, дискосныя блюда и отличались отъ антидорныхъ и другихъ обыкновенныхъ блюдъ церковныхъ, будучи съ послѣдними одинаковыми по внѣшнему виду и устройству.

Звѣздицъ по описи было 4 серебряныхъ, да 5 оловянныхъ. Изъ нихъ обращаетъ на себя вниманіе одна звѣздица, не сохранившаяся до нашего времени, которая въ описи 1696 года записана такъ; «звѣзда серебряна, а на ней въ восьми мѣстахъ кресты, а посреде звѣзды плащъ круглой; у звѣзды середина золочена, край золочены жъ; подпись римская». Послѣднее обстоятельство еще не доказываетъ, что эта звѣздица непременно была сдѣлана въ Римѣ и что она принадлежала самому преп. Антонію, ибо подписи на латинскомъ языкѣ и латинскими

¹⁾ Древн. Новгор., II, стран. 253.

буквами на нѣмецкомъ языкѣ встрѣчаются не рѣдко на различныхъ церковныхъ вещахъ, принадлежащихъ Новгородскимъ церквамъ, о чемъ свидѣтельствуетъ и архим. Макарій въ своемъ «Описаніи церковныхъ древностей въ г. Новгородѣ», описавшій не мало предметовъ новгородской церковной утвари съ надписями на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ¹⁾.

Лжицъ въ описи указано 4 серебряныхъ и 5 оловянныхъ, между которыми одна называется «лжица серебряна невелика римское дѣло». Архим. Макарій, описывая одну изъ сохранившихся до нашего времени лжицъ съ датою 1234, написанною арабскими цифрами, полагаетъ, что опись 1696 года о ней и говорить въ настоящемъ случаѣ²⁾.

Кстати считаемъ долгомъ замѣтить, что въ настоящее время въ ризницѣ Антоніева монастыря среди другихъ древнихъ предметовъ хранятся 3 оловянныхъ чаши, 2 оловянныхъ дискаса, 2 оловянныхъ и 1 желѣзная звѣздицы и 1 оловянная лжица. Нѣтъ ничего удивительнаго и невозможнаго, что всѣ эти предметы были записаны въ описи 1696 года, ибо они дѣйствительно очень старинной работы и могли существовать въ то время. Кромѣ того, въ монастырской ризницѣ хранятся 3 деревянныхъ потира, 2 деревянныхъ дискаса, изъ которыхъ на одномъ сохранилось иконописное изображеніе Богомладенца Іисуса, возлежащаго на дискосѣ подъ звѣздицею, и 2 желѣзныхъ ковша для теплоты. Объ этихъ деревянныхъ сосудахъ и желѣзныхъ ковшахъ опись 1696 года не упоминаетъ, хотя эти предметы древняго происхожденія и сдѣланы несомнѣнно ранѣе написанія означенной описи.

Проскомидныхъ или антидорныхъ блюдецъ въ описи указано — 8 серебряныхъ, да 6 оловянныхъ. Въ числѣ ихъ несомнѣнно было и то блюдо серебряное съ изображеніемъ Предтечи, которое и до нынѣ сохранилось въ монастырской ризницѣ и которое описано Архим. Макаріемъ³⁾.

Изъ кадилъ серебряныхъ въ описи указано 5, да мѣдныхъ 7. Одно изъ этихъ кадилъ семиглавое сохранилось до нашего времени. Оно въ описи 1696 года описано такъ: «кадило серебряное съ кролею, а на кроли семь главъ съ крестами, и поддонъ все чеканное, по мѣстомъ золочено; цѣпи серебряные, гнутые, бѣлые; передѣлано изъ стараго кадила, что безъ кроли». Это кадило описано и у архим. Макарія⁴⁾. На немъ имѣется надпись, свидѣтельствующая, что оно сдѣлано къ 1622 г. а передѣлано и возобновлено въ 1674 г.

Изъ прочихъ принадлежностей церковной утвари, указанныхъ въ описи 1696 года и сохранившихся до настоящаго времени, мы должны отмѣтить слѣдующія:

а) Чашу серебряную водосвятную, которая въ описи описана такъ: «чаша серебряная водосвященная, въ чаши вырѣзанъ крестъ въ кругу позолоченъ, около чаши вѣнецъ и подпись золочена, а у нижняго края поддонъ, вырѣзана кайма

¹⁾ См. Древн. Новг., II, стран. 200, 201, 290, 291, 292 и др.

²⁾ См. тамъ же, стран. 200—201.

³⁾ См. II, стран. 253.

⁴⁾ См. Древн. Новг., II, стран. 221.

и позолочена двѣ рукоятки серебряныя жъ на пробоѣхъ, а у пробоевъ щипы рѣзные золочены, а вѣсу въ ней 14 фунтовъ». Эта чаша описанная и архим. Макаріемъ¹⁾ употребляется въ настоящее время при освященіи воды въ Богоявленіе и другіе большіе праздники. Сдѣланная на чашѣ надпись вязью свидѣтельствуешь, что она пожертвована въ Антоніевъ монастырь въ 1631 году княземъ Иваномъ Шуйскимъ.

б) «Фонарь слюдяной, высокой грановитой о семи верхахъ». Этотъ фонарь въ настоящее время не употребляется, а хранится въ ризницѣ. О немъ упоминаетъ и архим. Макарій²⁾.

Считаемъ долгомъ здѣсь упомянуть, что въ описи 1696 года числится между прочимъ «Хоругвь камчатъ, червчатъ, а на ней страстотерпецъ Христовъ Георгій, а надъ нимъ во облацѣ Спасъ, а на другой сторонѣ хоругви Архангелъ Михаилъ, да Иисусъ Наввинъ, шито золотомъ и серебромъ и разными шелки». Эта хоругвь не сохранилась до нашего времени. Она очевидно была единственною въ монастырѣ и часто употреблялась въ крестныхъ ходахъ. Въ древнія времена еще не было обычая снабжать храмы нѣсколькими или многими парами хоругвей и носить ихъ въ крестныхъ ходахъ въ большомъ количествѣ, какъ это принято нынѣ въ богатыхъ соборныхъ, монастырскихъ и приходскихъ церквахъ. Хоругвь, носимая въ крестномъ ходу въ единственномъ числѣ, вполне могла соответствовать воинскому знамени, а потому изображеніе св. вмч. Георгія и Арх. Михаила съ Иисусомъ Навиномъ были для нея самыми подходящими.

Между церковными облаченіями опись перечисляетъ 43 священническія фелони, Такое количество ризъ по тогдашнему времени дѣлало ризницу не только достаточною, но и богатою, особенно если принять во вниманіе, что большинство ризъ было сдѣлано изъ серебряной парчи, бархата и различныхъ шелковыхъ матерій, причемъ многія изъ нихъ были вышиты золотомъ, серебромъ шелками и низаны жемчугомъ.

Изъ перечисленныхъ въ описи 43 ризъ обращаемъ вниманіе на слѣдующія; а) «ризъ постные, изуфряны, черныя, оплечье бархатъ золотной, ветхи»; — б) «ризъ изуфряны черныя, оплечье отласъ узорчатъ, зеленъ да желтъ, подольникъ тафта червчатъ, ветхи»; — в) «ризъ постные, камка черная китайская, оплечье бархатъ черной шить золотомъ и серебромъ». Присутствіе въ ризницѣ Антоніева монастыря въ концѣ XVII в. этихъ трехъ черныхъ ризъ, изъ коихъ 2 были уже ветхими, наводитъ на мысль, что черныя облаченія вошли у насъ въ Россіи въ употребленіе раньше царствованія Петра В. и что въ этомъ обстоятельствѣ нельзя еще усматривать вліянія запада.

Кромѣ упомянутыхъ 3-хъ черныхъ ризъ мы обращаемъ вниманіе на слѣдующія ризы, описанныя въ описи 1696 года буквально такъ; «ризъ камчатые, мелко-травные брусничной цвѣтъ, оплечье камка зеленая, а на немъ шито золотомъ и серебромъ: Спасъ и Богородица и Предтеча, на другой сторонѣ Пречистая Бого-

¹⁾ См. тамъ же, II. стран. 240—241.

²⁾ Смотри. II, стран. 124.

родица съ Превѣчнымъ Младенцемъ и со апостолами, а около вѣнцовъ у Спаса и у Богородицы и у святыхъ низано жемчюгомъ крупнымъ, а около святыхъ и подписи низано жемчюгомъ мѣлкимъ, а около ердани подписи шита золотомъ лѣта 7(1)62 году (1654 г.), а кругъ оплечья шито золотомъ: союзомъ любви; подольникъ кутня полосатая, подпушка дорогильная двоеличная, подложены крашеиною; крестъ и звѣзда шиты; по мѣстомъ жемчюгъ осыпался». Эти ризы и доселѣ сохраняются въ ризницѣ Антоніева монастыря. Архимандритъ Макарій въ своемъ сочиненіи о древностяхъ Новгорода описываетъ ихъ подробно¹⁾, а потому мы здѣсь и не будемъ ихъ описывать.

Кромѣ упомянутой ризы, въ Антоніевѣ монастырѣ хранятся еще двѣ древнѣйшихъ фелони, которыя по преданіи принадлежали самому преп. Антонію Римлянину. Они тоже обстоятельно описаны архимандритомъ Макаріемъ²⁾. Но повидимому они не записаны въ описи 1696 года, или записаны не вполне точно и потому тамъ ихъ трудно найти и признать.

Въ описи 1696 года перечислено 30 діаконскихъ стихарей, 7 подризниковъ и 5 орарей, но это конечно не все, ибо перепись означенныхъ предметовъ ризницы продолжалась и въ утраченномъ 9-мъ листѣ описи. По этой же послѣдней причинѣ является не полною перепись воздуховъ, покрововъ на раку преп. Антонія, палицъ и др. предметовъ; между прочимъ, въ описи мы не находимъ записаннымъ ни одного экземпляра епитрахилей, поручей, поясовъ, набедренниковъ, какъ-будто бы ихъ и совсѣмъ не было въ монастырской ризницѣ.

Въ настоящее время въ ризницѣ Антоніева монастыря хранятся древнѣйшіе орарь, по преданію принадлежавшій самому Преп. Антонію Римлянину, съ вышитою на немъ надписью повидимому восточномъ языкѣ и древній епитрахиль съ вышитыми на немъ святителями и діаконами, который архим. Макарій относитъ къ XV—XVI вв.³⁾. Наконецъ, въ ризницѣ хранится покровъ на раку Преподобнаго Антонія съ вышитымъ на немъ изображеніемъ Его во весь ростъ, сдѣланный, какъ видно изъ надписи, въ 1633 году. Повидимому, конецъ описанія этого покрова въ описи 1696 года находится въ самомъ началѣ 10-го листа оной, т.-е. непосредственно послѣ утраченнаго 9-го листа. Архим. Макарій описалъ этотъ покровъ весьма обстоятельно⁴⁾.

Изъ воздуховъ и покровцевъ, записанныхъ въ опись до нашего времени сохранились въ монастырской ризницѣ слѣдующіе: а) три воздуха на священно-богослужебные сосуды, изъ которыхъ на большемъ изображено Положеніе Христа во гробъ, на одномъ изъ малыхъ — Христосъ-Агнецъ на дискохъ подъ звѣздицею возлежащій, а на другомъ — Знаменіе Богоматери; — б) одинъ крестообразный воздухъ съ изображеніемъ посрединѣ Распятія съ предстоящими, а по краямъ: Благовѣщенія Пр. Богородицы, Арх. Михаила, Преп. Антонія Римл. съ церковью

¹⁾ Смотр. Древн. Новг., II, стран. 323—324.

²⁾ Смотр. тамъ же, стран. 321—322.

³⁾ Ч. II, стран. 337—338 и 341.

⁴⁾ См. Древн. Новг., II, стран. 308—309.

въ рукахъ и св. Іоанна Предтечи съ крыльями; — в) одинъ воздухъ съ вышитымъ изображеніемъ Положенія Господа во гробъ по подосатой матеріи, каковъ видимо подвергался значительнымъ передѣлкамъ; г) двѣ пелены, шитыя золотомъ, серебромъ и шелками съ изображеніемъ на одной изъ нихъ Нерукотвореннаго образа Спасова, а на другой — «Не рыдай Мене, Мати».з. Архимандритъ Макарій описываетъ только первыхъ три воздуха, а объ остальныхъ трехъ упоминаетъ глухо¹⁾).

Этимъ мы и могли бы закончить описаніе устройства и убранства храмовъ Новгородскаго Антоніева монастыря въ XVII в. по сравненіи съ нынѣшнимъ ихъ состояніемъ. Но мы предъ окончаніемъ нашего труда еще хотимъ обратить вниманіе на одно обстоятельство, заключающееся въ томъ, что въ ризницѣ сего монастыря въ XVII вѣкѣ хранились между прочимъ не только церковныя вещи, деньги и книги, но и царскія грамоты, которыя могли бы заинтересовать любителей старины. Опись 1696 года насчитываетъ этихъ грамотъ 9 и всѣ они были за красными печатями:

1) Грамата Великаго Князя Василія Ивановича игумену Геронтію несудимая, тарханная, — 7032 (1524) года, 25 марта.

2) Царя Іоанна Грознаго игумену Кириллу на хлѣбную и другую безпошлинную покупку, — 7088 (1580) года.

3) Царя Θεодора Іоанновича на Чудотворцеву купленную землю, — 7100 (1592) года.

4) Царя Василія Ивановича Шуйскаго на Чудотворцеву землю противъ суднаго дѣла съ посадскими людьми, — 7144 (1606) года, 11-го Августа.

5) Того же Царя на Бронницкій перевозъ игумену Харитону, — 7119 (1611) года.

6) Того же Царя — тарханная, несудимая, дана въ томъ же году.

7) Царя Іоанна Васильевича Грознаго на Чудотворцеву землю и другія угодія, съ обидными списками, противъ Новгородцевъ; дана въ 7081 (1573) году.

8) Царя Василія Иван. Шуйскаго на 3 пустоши; дана въ 7119 (1611) году.

9) Царя Михаила Θεодоровича несудимая, тарханная и на Бронницкій перевозъ; дана въ 7120 (1612) году.

Наконецъ, тутъ же въ ризницѣ хранился и списокъ съ духовной и купчей основателя монастыря, Преподобн. Антонія Римлянина, а на зади у сего списка были «государскіе поправки за дьячими приписми».

¹⁾ См. Древн. Новг., II, стран. 313.

Опись Антоніева монастыря за 1696 годъ.

Предисловіе.

Предлагаемая благосклонному вниманію любителей русской церковной старины «Опись Новгородскаго Антоніева монастыря», составленная въ 1696 году, представляет письменный памятникъ конца XVII в., имѣющій весьма важное значеніе при изученіи внутренняго устройства и убранства старинныхъ русскихъ храмовъ.

По виѣшнему виду эта опись представляет изъ себя рукопись, написанную скорописью конца XVII столѣтія на бумагѣ въ 8-ю долю большого листа, такъ что осьмушка этой рукописи по размѣрамъ своимъ равняется почти четвертой долѣ нынѣшняго обыкновеннаго листа писчей бумаги. Счетъ въ рукописи ведется не по страницамъ, какъ нынѣ принято, а по листамъ, изъ которыхъ каждый составляетъ тетрадку въ 8 осьмушекъ. Цифры проставлены скорописными славянскими буквами и помѣчены внизу на первой осьмушкѣ каждой тетради.

Бумага, на которой написана рукопись, имѣетъ водяныя полоски на разстояніи въ $\frac{1}{2}$ вершка одна отъ другой и водяные знаки, изображающіе государственнй гербъ въ видѣ двуглаваго орла съ короной надъ послѣднимъ.

Къ сожалѣнію рукопись сохранилась не вся въ цѣлости; въ срединѣ ея не хватаетъ ровно цѣлой тетради, именно 9-й; всѣхъ же тетрадей уцѣлѣло 13. Кромѣ того, изъ содержанія изложеннаго въ описи видно, что и конецъ ея тоже утраченъ, а сколько именно недостаетъ осьмушекъ или тетрадей, опредѣлить невозможно. Вѣроятно утрачено не болѣе одной — двухъ тетрадей, въ которыхъ были переписаны всѣ вотчины и дворы крестьянскіе, земли и хлѣбъ, какъ объ этомъ предуказано въ самомъ предисловіи описи.

Внизу по осьмушкамъ по всей рукописи идетъ собственноручная скрѣпа лицъ, составлявшихъ опись и провѣрявшихъ монастырское имущество.

Изслѣдуемая рукопись переплетена недавно (не ранѣе первой половины XIX вѣка) въ обыкновенный папковый переплетъ съ корешкомъ изъ красной учебной кожи. Въ средину этой издаваемой нами описи между 3-мъ и 4-мъ листами вшита особая тетрадь немного меньшаго формата, представляющая изъ себя отрывки изъ древнѣйшихъ монастырскихъ описей, не имѣющіе ни начала, ни конца. Эта тетрадь состоитъ изъ 15 осьмушекъ, изъ которыхъ первыя 7 написаны болѣе древнимъ почеркомъ, а остальные 8 осьмушекъ — болѣе крупнымъ и новымъ почеркомъ. Очевидно, это отрывки изъ двухъ описей, составленныхъ въ разное время и, конечно, ранѣе издаваемой нами настоящей описи 1696 года.

Въ первыхъ семи осьмушкахъ вшитой тетради перечислено до 39 иконъ повидимому небольшого размѣра (пядницы) съ прикладами и украшеніями. Быть-можетъ, эти иконы составляли пядничный ярусъ главнаго иконостаса въ соборномъ храмѣ обители. По крайней мѣрѣ, на эту мысль наводитъ сравненіе списка указанныхъ въ настоящемъ отрывкѣ иконъ съ таковымъ же въ описи 1696 года, а также и упоминаніе о томъ, что эти иконы стояли подъ «первымъ большимъ деисусомъ», въ подножіи на полкѣ, которая идетъ «отъ сѣверныхъ дверей къ полуденнымъ дверемъ», при чемъ эти иконы названы «окладными пядницами».

Въ послѣднихъ 8 осьмушкахъ вшитой въ опись тетради описывается рака съ мощами Преп. Антонія Римлянина, а также иконы и паникадила, находившіяся около раки. Описаніе

это сходно съ таковымъ же въ описи 1696 года. Только тогда рака имѣла внутри не ту отдѣлку какая была въ 1696 году, а другую. Точно также и многія иконы, помѣщавшіяся на стѣнѣ воалѣ раки, упоминаются въ обоихъ описяхъ: старой и новой 1696 года. Нужно замѣтить, что рака преп. Антонія описана въ обоихъ описяхъ почти одними и тѣми же словами, какое обстоятельство даетъ намъ возможность заключать, что остальные 8 осьмушекъ вшитой тетради представляютъ изъ себя отрывокъ изъ той именно прежней описи, съ которой по провѣркѣ имущества списывалась опись 1696 года, т.-е. съ описи, составленной «на прежняго архимандрита Антонія», предшественника Архимандрита Тарасія, вступившаго въ управленіе монастыремъ въ 1696 году.

Наконецъ, въ одинъ и тотъ же переплетъ съ описью 1696 года включена въ самомъ концѣ еще особая тетрадь такого же формата, какъ и самая опись. Эта тетрадь по своему содержанію представляетъ изъ себя особую рукопись, которой дано такое заглавіе.

«Книги антоніева монастыря чернаго диякона сергія что взято изъ монастырские казны денегъ поѣдучи с архимандритомъ макариемъ к москвѣ і что на тѣ денги куплено и во всякие росходы и тому книги нынѣшняго 178 году».

Вся эта тетрадь состоитъ изъ 11 осьмушекъ. Къ описи Антоніева монастыря за 1696 годъ она рѣшительно не имѣетъ никакого отношенія, ибо написана раньше послѣдней, т.-е. въ 1670 году на подобной же бумагѣ скорописью второй половины XVII вѣка. Она включена въ одинъ переплетъ съ описью 1696 года совершенно случайно и только поэтому послѣднему обстоятельству мы упоминаемъ о ней въ настоящей своей статьѣ. Она должна имѣть свой особый интересъ для мѣстныхъ Новгородскихъ любителей старины, которые могутъ издать ее отдѣльно, а потому мы и не будемъ печатать ее съ описью 1696 года.

По содержанію своему опись 1696 года представляетъ подробное описаніе внутренняго устройства и убранства храмовъ Антоніева монастыря, перечисляетъ предметы монастырскаго хозяйства, монастырскія вотчины и количество крестьянскихъ душъ и пр. Опись составлена по плану, который указанъ въ предисловіи къ ней. Этотъ планъ слѣдующій:

- 1) Описаніе церквей монастырскихъ съ ихъ внутреннимъ убранствомъ.
- 2) Количество денегъ въ монастырской казнѣ.
- 3) Перечисленіе принадлежностей столовой, погребной, кухонной посуды и прочихъ предметовъ хозяйственнаго обихода.
- 4) Перечисленіе келій, дворовъ и другихъ монастырскихъ хозяйственныхъ построекъ.
- 5) Перечисленіе монастырскаго скота.
- 6) Перечисленіе монастырскихъ вотчинъ съ обозначеніемъ въ каждой изъ нихъ количества крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ.
- 7) Количество хлѣба въ житницахъ и посѣяннаго въ поляхъ.

Этотъ планъ и на самомъ дѣлѣ выдержанъ въ описи, только съ немногими незначительными отступленіями. Для церковной археологіи особенно важенъ и интересенъ первый отдѣлъ издаваемой нами описи, потому что въ немъ подробно описывается внутреннее убранство монастырскихъ храмовъ и перечисляется церковное имущество.

Приготовляя къ изданію опись Новгородскаго Антоніева Монастыря 1696 года, какъ церковно-археологическій письменный памятникъ конца XVII вѣка, не представляющій для филолога особенной важности и преслѣдуя цѣли вовсе не палеографическія, при возможно точномъ и вѣрномъ воспроизведеніи оригинала, мы позволили себѣ впрочемъ и нѣсколько отступить отъ него, а именно: славянскія цифры замѣняли арабскими, раскрывали титла и вездѣ, гдѣ находили удобнымъ и возможнымъ, придерживались современной пунктуаци и орфографіи, вполнѣ соблюдая древнее произношеніе. Въ этомъ отношеніи мы послѣдовали примѣру покойнаго профессора Московской Дух. Академіи Александра Голубцова, издавшаго «Чинovníкъ Новгородскаго Софійскаго Собора» по рукописи второй половины XVII вѣка¹⁾.

Димитрій Епископъ Рязанскій.

¹⁾ См. предисловіе къ «Чинovníку Новгород. Соф. Собора», изд. А. Голубцова, М. 1899 г., стр. XIX.

Лѣта 7204-го, Генваря въ д, по указу Великаго Господина, Преосвященнаго Евеимія Митрополита Великаго Нова Града и Великихъ Лукъ Деревяницкаго монастыря игуменъ Антоній, да Сооѣйскаго дому митрополита розряду подъячей Стеванъ Оеоктистовъ, пріѣхавъ Рождества Пречистые Богородицы въ Антоновъ монастырь Римлянина и въ монастырской казні възявъ прежніе переписные книги, по которымъ книгамъ тотъ монастырь описанъ былъ на прежняго архимандрита Антонія, и по тѣмъ переписнымъ книгамъ при новомъ архимандритѣ Тарасіи и при келарѣ и при казначей и при соборныхъ старцахъ пересмотрѣли церковнаго и монастырскаго всякаго строенія, а пересмотрѣвъ переписали церкви и въ церквахъ Божіе милосердіе образы, окладные и неокладные, мѣстные и пядницы, и передъ образы свѣчи поставные, и у образовъ приклады, вѣнцы и цаты золотые и серебряные, и сосуды церковные, и книги, и ризы, и паникадила, и кадила, и въ монастырской казні денги, суды серебряные, и монастырскіе погребные, и поваренные и столовые суды, и на монастырѣ кельи и за монастыремъ дворы, и на воловемъ и на конюшемъ дворѣ стоялые и стадные кони и всякой мелкой скоть, и на посадѣ слугъ, и въ вотчинахъ крестьянъ и бобылей, и въ житницахъ всякаго хлѣбу и въ земли сѣяно, и что сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ прибыло и убыло, и то писано порозну.

Монастырь Антоніевъ, а въ немъ церковь каменная Рождество Пречистыя Богородицы о трехъ верхахъ, а главы опаяны бѣлымъ желѣзомъ, а внутрѣ въ церквѣ писмо стѣнное,

Да въ церквѣ-жъ Божія милосердія:

Двери царскіе, сѣнь и столпцы рѣзные, золоченные по полименту.

Надъ царскими дверми въ верху деисусъ; Спасъ на престолѣ въ силахъ, а по сторонамъ десять святыхъ стоящіе, да по краемъ два образа узкихъ; у Спасова образа вѣнецъ рѣзной золоченъ, а въ вѣнцѣ четыре камешка плохихъ разныхъ цвѣтовъ, цата рѣзная золочена, а въ ней три камешка плохихъ, по углу тому Спасова образа четыре евангелиста, вѣнцы и цаты у евангелистовъ серебряные, басменные золочены; Спасовъ образъ и святые всѣ обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ, у святыхъ въ вѣнцахъ по три камешка плохихъ, цаты басменны; у Спасова образа понагѣя серебряная, а на ней вырѣзано: на одной сторонѣ Троица, а на другой сторонѣ Воплощеніе Пречистой Богородицы, а на сиколоѣ вырѣзано распятіе Христово, а около сиколоя стороны золочены, а въ ней пять камешковъ разныхъ цвѣтовъ, а та понагѣя на серебряной цѣпочки. У Пречистые Богородицы понагѣя сиколойная, на ней многіе святые по краемъ обложено серебромъ сканнымъ.

У архангела Михаила понагѣя сиколойная, невелика, обложена серебромъ.

У Іоанна Предтечи и у архангела Гавріила два кресты мѣдные золочены.

Передъ Спасовымъ образомъ паникадило мѣдное о двенадцати перахъ.

Передъ тѣмъ же деисусомъ одинадцать свѣчъ восковыхъ, шанданы оловяные.

Подсвѣшники деревянные золочены, на желѣзныхъ поддонахъ.

Въ другомъ тяблѣ девятнадцать праздниковъ Господскихъ, обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ, вѣнцы басмены-жъ; да передъ тѣми-жъ праздники девятнадцать свѣчъ, восковыя писаны на краскахъ, на желѣзныхъ поддонехъ, шанданы бѣлаго желѣза.

Въ третьемъ тяблѣ образъ Пречистые Богородицы Воплощеніе, по сторонамъ османадцать пророковъ, обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ, вѣнцы басменные-жъ, а тябла всѣ рѣзные золочены сусальнымъ золотомъ.

Въ четвертомъ тяблѣ девятнадцать образовъ праотцевъ, писаны на краскѣ, а оклады и вѣнцы басменные золочены.

Посредѣ церкви передъ деисусомъ паникадило мѣдное большое, тридцать одно перо, съ процвѣтками и со святыми, яблоко большое, рѣзь сквозная, по мѣстамъ репши, и лѣцо строѣокамилово.

Кисть у того паникадила серебро съ золотомъ, чашка серебряная золочена, а на паникадилѣ свѣчи восковыя.

Противъ праваго крылоса паникадило мѣдное о двенадцати перахъ и яйцо строоокамилово, кисть шелкова.

Противъ лѣваго крылоса паникадило мѣдное о двенадцати перахъ, яйцо строоокамилово кисть шелковая.

Отъ царскихъ дверей по правую сторону образъ мѣстной Премудрости Божіи; обложенъ серебромъ басменнымъ, золоченъ. У Премудрости Божіи, и у Богородицы, и у Іоанна Предтечи и въ облацѣ у Спаса вѣнцы и цаты и корона серебряныя, сканые оиниоты и съ подзоры; да у Премудрости Божіи прикладъ: понагѣя кость бѣлая, обложена серебромъ сканью золочена, а по забойцамъ шесть жемчужинъ, да во главѣ жемчужина, а въ срединѣ рѣзано Знаменіе Пречистые Богородицы: да Пресвятая Троица, да понагѣя рѣзная костяная обложена серебромъ сканымъ, а на ней двѣ жемчужины, да два червцы, да на гонтаѣ шесть пронизокъ сканныхъ, серебряныхъ; да шесть пронизокъ большихъ на вертлюгахъ серебряныя, сканныя, а въ нихъ по хрусталью, да шесть хрусталиковъ маленькихъ, во главахъ въ вѣнцѣ и въ корунѣ десять камней плохихъ, да въ цатѣ двѣ вставки червчаты, да раковина; да крестъ серебрянъ тощъ, а въ немъ мощи многихъ святыхъ; у Пречистые Богородицы и у Превѣчнаго Младенца въ вѣнцахъ и въ цатахъ двѣнадцать вставочекъ плохихъ, да раковина; во облацѣ у Спаса въ вѣнцѣ и въ цатѣ семь вставокъ; у Іоанна Предтечи понагѣя сиколойная, обложена серебромъ сканымъ, а на ней двѣнадцать праздниковъ господскихъ; да вверху у архангеловъ шесть вѣнцовъ сканныхъ, цаты серебряныя басмены; у Іоанна въ цатѣ и въ вѣнцѣ пять вставокъ, да раковина. У того образа пелена бархатъ рытой розныхъ цвѣтовъ на бѣлой земли, ветха.

А предъ образомъ Премудрости Божіи шавданъ мѣдной о семи свѣшникахъ съ поддономъ.

Да подлѣ образа Премудрости Божіи образъ Рождества Пречистые Богородицы въ дѣяніи обложенъ серебромъ басменнымъ, золоченъ. У Пречистой Богородицы и у святыхъ праведныхъ Богоотецъ Іоакима и Анны три вѣнцы серебряныя, сканныя съ оиниотью, около вѣнцовъ обнизано жемчюгомъ и у Богоотцовъ съ вѣнцовъ жемчюгъ нинѣ мѣстами осыпался: у Анны въ вѣнцы три вставки плохихъ; у Пречистые жъ Богородицы цата серебряная, кованная, золочена, около цаты низано жемчюгомъ; прикладу: три кресты аспидныхъ, красны, обложены серебромъ, въ одномъ два камешка плохихъ червцы, да девять жемчужинъ, а у другою четыре жемчужины; крестъ серебрянъ съ мощами тощъ золоченъ, а мощемъ подписи нѣтъ; понагѣя раковинная, обложена серебромъ сканью съ оиниотомъ, золочена, а на ней образъ Пречистые Богородицы, а во главѣ вставленъ камешекъ; понагѣя сиколойная обложена серебромъ сканью; понагѣя серебряная сканная, а въ ней хрусталь; у Пречистые Богородицы вѣнецъ серебрянъ невеликъ сканной золоченъ, около низано жемчюшкомъ, по мѣстамъ осыпался; да у того образа у Анны вѣнецъ серебрянъ золоченъ съ оиниотомъ, цата серебряная золочена, въ цатѣ и около цаты низано жемчюгомъ мелкимъ, по мѣстомъ осыпался. Пелена выбойчатая. А передъ тѣмъ образомъ свѣча мѣстная восковая тощая, писана краски; шавданъ оловяной; подсвѣчникъ мраморной зеленъ.

Да у того жъ образа прикладу: крестъ аспидной обложенъ серебромъ, а въ немъ два камешка простыхъ, шесть жемчужинъ, сѣрги двоенки съ сердоликами, двѣ цѣпочки серебряныя; да у Анны прикладу: крестъ аспидной обложенъ серебромъ, распятіе литое, семь жемчужинъ, пять крестовъ серебряныхъ, кошельки жемчюжныя, двой сережки серебряныя простыя.

Подлѣ того образа образъ мѣстной Антонія Римлянина въ дѣяніи, обложенъ серебромъ басменнымъ, золоченъ, средніе поля обложены серебромъ чеканнымъ; у Антонія вѣнецъ и гривна чеканныя золочены, а въ вѣнцѣ и въ цатѣ шесть камешковъ; у Спаса и у Богородицы вѣнцы сканныя съ оиниотью, цата басменная золочена, а другая цата сканная, да девять копеекъ серебряныхъ золоченыхъ, да прикладу: крестъ аспидной красной, обложенъ серебромъ гладкимъ, да въ главѣ оатиска, да въ гнѣздѣхъ четыре жемчужины, крестъ

аспидной голубь, обложенъ серебромъ, во главѣ жемчюжина, да въ дву мѣстѣхъ два камешки, да въ гнѣздѣхъ двѣ жемчюжины, въ веревочкахъ четыре жемчюжинки, крестъ аспидной червчатъ, обложенъ серебромъ гладкимъ, золоченъ, глава серебряна, въ закрѣпкахъ двѣ жемчюжины въ веревочкахъ четыре жемчюжинки, понагѣя малая серебряная, а назади понагѣи золочено. У того образа пелена камка червчатая: передъ образомъ свѣча мѣстная, восковая, писана краски, шанданъ желѣзной, луженъ.

Подлѣ того образа образъ мѣстной великого князя Александра Невского, писанъ на краскахъ; вѣнцы у Троицы и у Александра и цата серебряные, рѣзные, золочены, въ цатѣ, написано, три камени, а нынѣ по досмотру тѣхъ каменевъ нѣтъ. У того жъ образа пелена таота чевлена.

Да противъ праваго крылоса наложъ обложенъ камкою лазоревою, а на немъ образъ Антонія Римлянина стоящей, пядница осмилистовая, во облацѣ Пречистая Богородица съ Превѣчнымъ Младенцемъ, обложенъ серебромъ басменнымъ, золоченъ, у Спаса и у Пречистой Богородицы и у Преподобнаго Антонія вѣнцы и цаты серебряные, сканные, золочены съ оиниотью на подзорѣ, а въ вѣнцахъ и въ цатахъ семнадцать жемчюжинъ, да девять камешковъ плохихъ. Пелена у того образа — таота червчатая, опушена камкою желтою, а на ней крестъ дробницы серебряны золочены, а трость и копѣе и слова низано жемчюшкомъ.

Да на томъ же наложъ образъ Премудрость созда Себѣ храмъ, письмо мелкое, окладъ басменной, золоченъ, вѣнцы рѣзные малые золочены жъ, и той образъ вновь. Подъ тѣми образами пелена алтабасная, золотная, ветха а на ней крестъ вынизанъ жемчюгомъ крупнымъ.

Передъ тѣми жъ образами два шандана мѣдные.

Да подлѣ того образа и наложъ кіотъ, а въ кіотѣ образъ Пречистые Богородицы Одигитрія, обложенъ серебромъ чеканнымъ золоченымъ. У Пречистые Богородицы и у Спаса вѣнцы чеканные золочены; у Богородицы въ вѣнцѣ три вставки, два достокана лазоревы, да бирюза, да двѣ звѣзды, а въ нихъ въ гнѣздахъ достоканы зеленые, а около гнѣздъ восемь жемчюжинъ; а у Спаса въ вѣнцѣ въ гнѣздѣхъ яхонтецъ лазоревъ, да два лалика; риза у Спаса и у Пречистой серебряные, кованые, золочены, около вѣнцовъ и ризъ у Спаса и у Пречистой низано жемчюгомъ въ одну нить; у Спаса и у Пречистой Богородицы цаты серебряные, сканные съ оиниотью, золочены, а въ нихъ четыре жемчюжины, да три камешка червцы; у Пречистые жъ рясы жемчюжные, колодочки на концахъ серебряныхъ, золочены, по сторонамъ жемчюжки малые, а въ рясахъ восемь прядокъ жемчюжные, а среди ихъ восемь королечковъ, да восемь бубенчиковъ серебряныхъ золочены, а на концахъ у рясы восемь лепесточковъ серебряныхъ золочены; а прикладу понагѣя серебряная круглая кована, золочена, а на ней Спасъ на престолѣ и святые литые; у Богородицы серги лапки серебряны, золочены сканные, а въ нихъ по три камешки плохихъ, да по три жемчюжины, другіе серги невелики оатизы одинокіе, да серги серебряны золочены не велики жемчюжки, серешки малые золотые бирюза, въ подвѣскахъ по три жемчюжинки, у одной серешки жемчюжинка выпала; у Богородицы жъ три креста аспидныхъ, два жемчюжки плохими, а третей безъ жемчюжковъ, обложены серебромъ, да понагѣя серебряная сканная, а въ ней камень хрусталь, да четыре камешки плохихъ, да крестъ серебрянъ тощъ съ мощи золоченой з затворы, крестъ аспидной обложенъ серебромъ гладкимъ, во главѣ жемчюжина, да крестъ серебрянъ бѣлой, а на затворѣхъ у кіота архангели Михаилъ и Гавріилъ обложены серебромъ басменнымъ золочены, вѣнцы сканные съ подзорами, цаты серебряные басменные золочены; пелена отласъ красной золотной, крестъ нашитъ кружикомъ золотнымъ, опушена отласомъ зеленымъ, около середины и по краемъ обложена кружикомъ серебрянымъ 3 горюдами.

Да по другую сторону наложъ образъ Пречистые Богородицы Владимерскіе обложенъ серебромъ рѣзнымъ золоченымъ, на главѣ коруна серебряная золочена съ камешки, въ кіотѣ; на окладѣ того образа три святыхъ вырѣзаны, а у кіота на затворѣхъ писаны многіе святые.

На правомъ столпѣ кіотъ, а въ немъ Спасъ и Пречистая Богородица, да Николай Чюдотворецъ, обложенъ серебромъ басменнымъ; у Спаса вѣнецъ сканой, у Богородицы и у Николы басменные: пелена камчатка красная, на ней вышитъ дѣйсуъ.

Да на томъ же столпѣ кіотъ, а въ немъ образъ Знаменія Пречистые Богородицы, по полямъ четыре святыхъ, обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ; у Спаса и у Богородицы и у святыхъ вѣнцы серебряные, сканные съ оиниеты золочены; у Богородицы въ вѣнцы четыре жемчужины, да три камешки плохихъ, у Богородицы зарукавье низано жемчюгомъ мелкимъ; на затворѣхъ у кіота святые писаны на краскѣ; пелена червчатая, а на ней шиты святые, а на той пеленѣ другая пелена.

Да передъ тѣмъ же образомъ паникадило мѣдное о шти перахъ, яйцо мѣдное рѣзаное золочено, кисть шелковая золотая.

На томъ же столпѣ подлѣ того кіота кіотъ, а въ немъ образъ Пречистые Богородицы Знаменіе обложенъ серебромъ басменнымъ, по полямъ четыре святыхъ; у Спаса и у Пречистые Богородицы и у святыхъ вѣнцы серебряные, сканные съ оиниеты; у Пречистые Богородицы подпись и ожерелейцо и зарукавье низано жемчюгомъ; а на затворѣхъ четыре праздники Господскихъ писаны на краскѣ, у того жъ образа пелена таѣта зелена, крестъ шитъ золотомъ.

Да на томъ же столпѣ кіотъ, а въ немъ образъ Пречистые Богородицы Одигитріи обложенъ серебромъ басменнымъ, золоченъ; вѣнцы у Спаса и у Пречистой сканные, на подзорѣ въ оиниетомъ; у Пречистые Богородицы цѣта серебряна басмена золочена, а въ вѣнцѣ три вставки: одинъ червецъ, а двѣ раковинные, а у Спаса въ вѣнцѣ двѣ жемчужины, да два камешка червцы; у Пречистые Богородицы понагѣя раковинная обложена серебромъ сканью золочена; на затворѣхъ четыре святыхъ писаны на золотѣ; да у того жъ образа прикладу: цѣпочка серебряная, три креста серебряное; пелена камчатая, а на ней крестъ дробничной басменъ, а на нихъ вбиваны святые двадцать семь дробницъ, подпись, трость и копіе и около дробницъ низано жемчюгомъ.

Передъ тѣмъ же образомъ паникадильцо о пяти перахъ, кисть шелковая, а на ней камешекъ хрусталь.

Да надъ тѣмъ же столпомъ въ верху промежъ другою столпа два кіота съ пядницами, а на нихъ многіе святые.

За правымъ крылосомъ промежъ столбовъ посреди церкви паникадило большое новое о шеснадцати перахъ лошчатое, по мѣстамъ травки.

Да на правомъ же столпѣ поставленъ образъ Спасовъ Нерукотворенный въ кіотѣ, писанъ на краскѣ, по сторонамъ два святыхъ; покровъ кушачатой; пелена таѣтяная.

Передъ тѣмъ образомъ паникадило о шеснадцати перахъ, одно мѣсто порозжее, янцо деревянное золочено, кисть шелковая.

На томъ же столпѣ образъ Николая Чюдотворца, окладъ и вѣнецъ и цѣта басменные золочены; пелена камчатая, а по ней шиты святые золотомъ, въ срединѣ мученица Екатерина.

Да на правой же сторонѣ подлѣ церковныя стѣны мощи Преподобнаго Чюдотворца Антонія Римлянина въ ракѣ, а рака деревянная обложена серебромъ басменнымъ золоченымъ, а около тое раки по сторонамъ и въ возглавіе восьмъ круговъ серебряныхъ золочены, а на нихъ рѣзано тропарь и кондакъ Чюдотворцу Антонію, да ево жъ чюдотворцова духовная и купчая на землю, и отъ житія его, и о обрѣтеніи мощей, а по краемъ тое раки обложено серебромъ рѣзнымъ, а на нихъ рѣзанъ лѣтописецъ, а надъ ракою образъ ево Чюдотворцевъ рѣзной, въ вѣнцы шесть каменей хрустальныхъ; около раки рѣшетка желѣзная луженая.

А въ ракѣ чюдотворцевой побито бархатомъ золотнымъ, да подставка деревянная, обита бархатомъ чернымъ, на ней два яблока и по концамъ обложено серебромъ басменнымъ.

А надъ ракою чюдотворцевой паникадило большое о шеснадцати перахъ, яблоко стеклянное, кисть шелкова; другое паникадило римское о двунадцати перахъ, янцо мѣдное рѣзаное, кисть шелковая з золотомъ и серебромъ.

Да у чюдотворцевой раки лампада серебряная лосчатая, по лощкамъ подпись золочена, подъ лампадою подсвѣшникъ желѣзной лужень.

Да подъ тростию чюдотворцевою шанданъ мѣдной тройной лощчатой, а на шанданѣ трость чюдотворцова римская въ серебрѣ въ рѣзномъ въ старомъ, а на ней два яблочка серебряныхъ, золочены черезъ травы.

Надъ чюдотворцевою ракою кіотъ, а въ немъ девять пядницъ большихъ обложены, оклады и вѣнцы и цаты серебряные басмены золочены.

У чюдотворцовой жъ раки у ногъ образъ стоящей мѣстной, написанъ Антоній Римлянинъ, обложенъ серебромъ басменъ, золоченъ; вѣнецъ и цата серебряна басмена золочена; у того образа прикладу — крестъ большой мѣдной; передъ тѣмъ же образомъ свѣча поставная восковая писана краски, на желѣзномъ поддонкѣ, шанданъ желѣзной.

Надъ чюдотворцовыми жъ мощми образъ ево Антонія Чюдотворца писаны на стѣнѣ; вѣнецъ и цата басмена золочена на чеканную басму, а въ вѣнцы три вставки; прикладъ: крестъ серебрянъ съ мощми, а на немъ рѣзано распятіе Христово на кипарисѣ; понагѣя серебряная, а въ ней подъ хрусталемъ архангелъ Михаилъ, а въ ней четыре вставки раковинны, а пятая въ главѣ жемчужина; понагѣя костяная невелика обложена серебромъ сканымъ, а на ней рѣзанъ крестъ; да, крестъ сиколойной черной обложенъ серебромъ сканнымъ; крестъ аспидной а на немъ распятіе литое, по тетивкамъ четыре жемчужины, да четыре камешки, во главѣ жемчужина; два креста серебряные женскіе позолочены съ оиниетомъ, а на нихъ по четыре жемчужины; да шесть крестовъ серебряныхъ большихъ и меньшихъ позолочены; да четырнадцать крестовъ серебряныхъ бѣлыхъ большихъ и малыхъ; да восемь копеекъ серебряныхъ золочены; крестъ серебрянъ вновь на серебряной цки бѣлой.

Да подлѣ чюдотворцевой главѣ понагѣя, а на ней рѣзанъ Аноерей Великій, обложенъ мѣдью.

Надъ чюдотворцевою ракою лампада серебряная, лосчатая, золочена по лощкамъ, рѣзано слова, цѣпи у тое лампада серебряные плетеные бѣлые, а посреди цѣпей три яблочка; кисть серебро з золотомъ, чашка серебряная золочена.

Надъ чюдотворцовыми жъ мощми образъ Іліи пророка писанъ на стѣнѣ, вѣнецъ и гривна басменные золочены; прикладу: крестъ аспидной большой, а на немъ распятіе литое обложено серебромъ рѣзнымъ, позолоченъ, по тетивкамъ четыре жемчужины; крестъ аспидной красенъ обложенъ серебромъ рѣзнымъ; да семь крестовъ золоченыхъ большихъ и малыхъ; да бѣлыхъ серебряныхъ десять крестовъ; у Іліи пророка понагѣя большая костяная обложена серебромъ рѣзнымъ золоченымъ, а на ней рѣзано О Тебѣ радуется.

Да на срединѣ, на стѣнѣ образъ Пречистые Богородицы съ Превѣчнымъ Младенцемъ обложенъ серебромъ басменымъ, вѣнцы и цаты басменные жъ; прикладу: понагѣя сиколойная обложена серебромъ сканымъ, а въ ней въ гнѣздѣхъ двѣ жемчужины, да два камешка; два креста аспидныхъ, одинъ зеленъ, а другой красенъ, а на нихъ распятія литые обложены серебромъ золочены, а по тетивкамъ по четыре жемчужины; да крестъ аспидный красенъ, а на немъ распятіе литое обложено серебромъ, а въ немъ двѣ вставки раковинные, а въ трехъ гнѣздахъ вставокъ нѣтъ; серги лапкин, а въ нихъ камешки и жемчужки.

У Пречистые жъ Богородицы пелена маленькая отласная, а на ней крестъ низанъ жемчугомъ среднимъ, — да крестъ невеликъ тощъ серебрянъ золоченъ, а на немъ распятіе, — да четыре креста серебряныхъ бѣлыхъ.

Надъ Чюдотворцовыми жъ мощми на стѣнѣ образъ Пречистые Богородицы Умиленіе; Затворы, а на затворѣхъ архангели Михаилъ и Гавріилъ обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ, — вѣнцы и цаты серебряные сканные съ подзоры; пелена бархатная зеленая, крестъ шить золотомъ.

Надъ ракою чюдотворцевою въ другомъ кіотѣ образъ Успенія Пресвятые Богородицы, окладъ серебряной басменной пять вѣнчиковъ серебряныхъ золоченыхъ.

Образъ Николая Чюдотворца поясной, обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ, вѣнецъ и цата золочены.

Образъ Димитрій Селунскій на кони, обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ, вѣнцы сканные золочены жъ.

Образъ Пресвятые Богородицы Одигитрія, окладъ серебряной басменной золоченъ; вѣнецъ и коруна и цата серебряные жъ чеканные жъ золочены, въ вѣнцахъ и въ цатѣ красныхъ и зеленыхъ десять камешекъ; ожерелье и убрусецъ жемчужное.

Образъ Пресвятые Богородицы Умиленіе, окладъ серебряной басменной золоченъ; вѣнцы и коруна сканные съ оиниотью, на подзорѣ въ вѣнцы три камня, два зеленыхъ, третей красной, на корунѣ въ городкахъ и по закрѣпкамъ двѣнадцать камешковъ; убрусецъ жемчужной, да три прописки серебряныя; два кресты серебряны жъ.

Образъ Одигитрія Богородицы, окладъ басменной и цата золочены, вѣнецъ рѣзной золоченъ.

Образъ архангела Михаила обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ, вѣнецъ сканной съ оиниотью золоченъ.

Образъ Усѣкновенія Іоанна Предтечи, окладъ басменной серебряной золоченъ, три вѣнца.

Образъ Пресвятые Богородицы Владимирскіе обложенъ серебромъ золоченымъ, вѣнецъ и гривенка басменные золочены.

Образъ Зосима и Савватія Соловецкихъ обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ.

Образъ Пресвятые Богородицы Знаменіе, по полямъ написано два святыхъ, окладъ вѣнецъ и цата серебряная золочены басменными, тетивка серебряная витая.

Въ верхнемъ кіотѣ въ третьемъ пять окладныхъ пядницъ обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ.

Да надъ чюдотворцовыми жъ мощами, въ подножіи, въ верху въ кіотѣ двѣ иконы: Василей Великій, Григорей Богословъ, Іоаннъ Златоустъ; на другой иконѣ Зосима Соловецкій; иконы и кіотъ обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ.

Да вновь въ кіотѣ образъ Пресвятые Богородицы Владимирскія обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ: вѣнецъ и цата серебряные сканные золочены; подпись и ожерелье жемчужное; на затворахъ писаны многіе святые на золотѣ.

Образъ въ кіотѣ Знаменіе Пресвятые Богородицы, окладъ серебряной басменной золоченъ; вѣнцы и риза Христова и цата серебряные золочены, въ вѣнцы два камешка красныхъ третей зеленой; на затворахъ писаны многіе святые, вѣнцы серебряные золочены.

Да возлѣ Іліи пророка, что написанъ надъ чюдотворцовыми мощми пядница невелика Рождества Пречистые Богородицы обложенъ серебромъ басменнымъ золоченъ, вѣнцы сканные; да у того образа пелена таѣта черлена, а на ней крестъ дробницы золочены, около дробницъ низано жемчюгомъ мелкимъ; а около пелены кайма низана жемчюгомъ жъ — тропарь Спаси Господи люди своя.

Въ воаглавіи чюдотворцова гроба вмѣсто образа Іоанна Предтечи образъ мѣстной — Хвалите имя Господне.

Да образъ въ кіотѣ Сергія и Вакха въ дѣяніи обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ, во облацѣ Отецъ и Сынъ и Святой Духъ и Пресвятая Богородица; вѣнцы сканные; предъ обра¹⁾ образомъ свѣча восковая, а на ней шанданъ бѣлаго желѣза.

Да надъ чюдотворцовыми жъ мощми подъ первымъ дѣйисомъ на стѣнѣ трои створцы, а на нихъ писаны многіе святые на золотѣ и на краскахъ, обняты мѣдью.

Да въ томъ же ряду десятиеры складни, на нихъ писаны многіе святые на серебрѣ, обложены серебромъ басменнымъ, обняты мѣдью.

¹⁾ Здѣсь въ подлинной рукописи сдѣланъ переходъ на другую страницу, а потому недописанное слово «обра»... есть очевидная описка, допущенная переписчикомъ описи.

Да у Чюдотворца жъ въ возглавіи дѣй-⁽¹⁾-сусъ на пяти цкахъ писанъ мусією, обложенъ мѣдью, золоченъ,

Да на правой сторонѣ и на лѣвой три кіота съ пядницами, а на нихъ писаны многіе святыи на краскахъ.

На правой сторонѣ на другомъ столпѣ образъ мѣстной Единородный Сынъ писанъ на золотѣ; окладъ и вѣнцы серебряные басмены золочены; передъ тѣмъ образомъ паникадило мѣдное обь одинадцати перахъ.

Да у западныхъ дверей паникадило въ верху о двенадцати перахъ, янцо деревянное, кисть шелковая.

Да по лѣвую сторону царскихъ дверей противъ лѣваго крылоса образъ мѣстной Пресвятыя Троицы въ дѣяніи обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ; у того жъ образа пять вѣнцовъ, три цаты сканные съ онниоты и съ камешки плохими, а прикладу у того образа: три креста серебряные золочены, а на дву крестахъ по четыре жемчужины; крестъ костяной, а на немъ Спасъ на престолѣ со святыми рѣзные, обложенъ серебромъ сканью; у того жъ образа въ прикладѣ понагѣя сиколойна, по краемъ обложена серебромъ сканью золочено, а на ней шесть жемчужинокъ, а назади обложено серебромъ гладкимъ; у того жъ образа пелена опушена киндякомъ, передъ образомъ свѣча поставная тощаіа писана краски, шанданъ оловянной, подсвѣшникъ мраморной.

Образъ мѣстной Николая Чюдотворца въ дѣяніи, во облацѣ Спасъ и Пречистая Богородица, вѣнцы басменные золочены, обложенъ серебромъ басменнымъ жъ золоченымъ; да въ прикладѣ крестъ мѣдной золоченъ; да вновь понагѣя хрустальная обложена серебромъ сканнымъ; пелена выбойчатая узорчатая; свѣча писана краски, шанданъ оловянной.

Подлѣ того образа двери сѣверныи, а въ нихъ писано лѣствица на золотѣ.

Да надъ сѣверными дверми кіотъ оловянной съ подзорами, а въ немъ деисусъ да Георгій Великомученикъ обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ, вѣнцы сканные.

Подъ тѣмъ деисусъ створцы тройныи, а на нихъ писанъ деисусъ, обложенъ серебромъ басменнымъ, вѣнцы сканные.

Подлѣ сѣверныхъ дверей образъ мѣстной Іоаннъ Предтеча и Козма и Доміанъ въ дѣяніи, окладъ и вѣнцы и цаты басменные, а въ дѣяніи у святыхъ вѣнчики рѣзные; передъ тѣмъ образомъ паникадило о двенадцати перахъ съ орломъ, кисть шелкова.

Да подлѣ того образа надъ дверми кіотъ, а въ немъ восемь пядницъ окладные ветхи.

Да противъ лѣваго крылоса кіотъ, а въ немъ образъ Пречистые Богородицы Владимирскіе трехъ четвертей съ затворы, обложена серебромъ басменнымъ золоченымъ; вѣнецъ у Богородицы и у Превѣчнаго Младенца и коруна серебряные сканные золочены съ камнемъ и жемчужки; и цата серебряна жъ съ камнемъ; три серги — одна двоенка, да двѣ одинки серебряные простые. Да подлѣ того образа кіотъ, а въ немъ девять полотенецъ писаны на оба лица празники.

Да на томъ же столпѣ образъ мѣстной О Тебѣ Радуется, окладъ серебряной басменной золоченъ; у Спаса и у Богородицы вѣнцы и цаты сканные съ подзоры; одиннадцать вѣнцовъ рѣзныхъ золочены; да у того жъ образа понагѣя костяная; паникадилцо мѣдное о шти перахъ, яблоко мѣдное рѣзаное.

Да на томъ же столпѣ образъ мѣстной Спасъ въ кіотѣ стоящей, по сторонамъ архангели въ подножіи преподобніи Варлаамъ и Антоній, середина обложена серебромъ басменнымъ золочена; у Спаса вѣнецъ и цата сканные съ онниоты, въ гнѣздѣхъ двѣ раковины, да два камешка: у архангеловъ вѣнцы и цата сканные жъ, у преподобныхъ басмены: въ томъ же

¹⁾ Въ подлинной рукописи здѣсь переходъ на другую страницу и вшита тетрадь въ 15 четвертокъ меньшаго формата, писанная тоже скорописью XVII в., но другою рукою. Очевидно эта тетрадь составляетъ отрывокъ другой болѣе древней описи монастыря.

кіотѣ праздниѣ и менѣи писаны на золотѣ; пелена камчатая; да у Спаса жѣ въ прикладѣ крестѣ деревянѣ обложенѣ серебромѣ паникадило о двунадцати перахѣ, яблоко деревянное золочено.

Да въ верху у столпа на брусу кіотѣ, а въ немѣ многіе святыи.

Да образѣ Великомученицы Параскевы нарицаемѣ Пятницы въ дѣяніи на золотѣ, вѣнецъ серебряной сканой золоченѣ, а въ вѣнцѣ два камешка; паникадилцо о шти перахѣ.

Да два кіота со многими святыми, писаны на краскѣ.

Да на лѣвой же сторонѣ на другомѣ столпѣ образѣ мѣстной Пречистые Богородицы Одигитріи Корсунская, по сторонамѣ архангели Михаилъ и Гавріилъ, да апостолъ Филиппъ, обложенѣ серебромѣ басменнымѣ золоченѣ, вѣнцы у Спаса и у Пречистой и у архангеловѣ и у апостола серебряныи рѣзные; цаты у Спаса и у Богородицы басмены золочены; да у Пречистой же Богородицы въ вѣнцѣ по одиннадцатѣ вставокѣ хрустальныхѣ розныхѣ цвѣтовѣ; а у Спаса въ вѣнцѣ четыре вставки; а прикладу: двѣ понагіи, одна сиколойная, а другая хрустальная обложены серебромѣ сканымѣ, у одной понагіи въ забоѣ двѣ жемчужины; а около четыре жемчужины; да передѣ тѣмѣ же образомѣ паникадилцо мѣдное о двунадцати перахѣ у того жѣ образа у Пречистые ожерелейцо жемчужное пелена бархатная серебряная по зеленой земли, опушка желтой бархатіи.

Да на лѣвой сторонѣ за столпами на стѣнѣ образѣ Пречистые Богородицы Воплощеніе круглая писана краски; паникадилцо о пяти перахѣ, яйцо мѣдное, рѣзное золочено.

Да подѣ большимѣ дейсусомѣ въ подножіи надѣ царскими дверми вновь деисусѣ поясной три иконы; Спасовѣ образѣ, да образѣ Пречистые Богородицы, да Предтечи Іоанна; окладѣ и вѣнцы серебряныи гладкіи золочены.

Подѣ дейсусами жѣ отѣ царскихѣ дверей на правой сторонѣ, на полки иконы пядницы два образа Спасовыхѣ обложены серебромѣ басменнымѣ золоченымѣ, вѣнцы и гривенки рѣзные золочены.

Два жѣ образа Спасова, оклады серебряныи басенныи золочены, вѣнцы рѣзные.

Образѣ Спасовѣ въ дейсусѣ, окладѣ серебряной басеной золоченѣ, вѣнецъ рѣзной золоченѣ.

Два образа Спасова обложены серебромѣ басменнымѣ золоченѣ, вѣнцы сканые золочены.

Образѣ Воскресенія Христова, окладѣ басенной золоченѣ, вѣнички серебряныи жѣ сканые.

Образѣ Спасовѣ обложенѣ серебромѣ басеннымѣ золоченѣ, вѣнецъ и гривенка рѣзная золочена.

Образѣ Спасовѣ окладѣ серебряной басенной золоченѣ, вѣнецъ рѣзной золоченѣ.

Образѣ Благое Молчаніе окладѣ серебряной, и вѣнецъ и гривенка басмены жѣ золочены прикладу — четыре копейки золочены.

Образѣ Спасовѣ обложенѣ серебромѣ, окладѣ и вѣнецъ гладкой золоченѣ.

Образѣ Срѣтенія Господня обложенѣ серебромѣ басменнымѣ золоченѣ, вѣнцы сканые золочены.

Образѣ Святыи Троицы въ видѣніи Сергія Радонежскаго обложенѣ серебромѣ басеннымѣ золоченѣ, вѣнцы рѣзные золочены жѣ.

Образѣ Зосима и Саватія Соловецкихѣ, окладѣ серебряной басенной золоченѣ, вѣнцы рѣзные золочены жѣ.

Образѣ тріехѣ святителей Василя Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустого, окладѣ серебряной басенѣ, вѣнцы рѣзные золочены.

Образѣ Василя Великаго, да Василя Блаженнаго во облацѣ Спасѣ, окладѣ серебряной золоченѣ басенной, вѣнцы рѣзные золочены.

Образѣ Александра Свирскаго обложенѣ серебромѣ басеннымѣ золоченѣ, вѣнецъ рѣзной золоченѣ.

Образъ Іоанна Предтечи обложенъ серебромъ золоченъ, вѣнецъ и гривенка сканные. Образъ Никита епископа, Іоанна архіепископа обложенъ серебромъ гладкимъ золоченымъ, вѣнцы рѣзные золочены.

Образъ Дмитрія Селунскаго, поля обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ, въ срединѣ обложено серебромъ рѣзнымъ, вѣнецъ и гривенка сканные 3 жемчюгомъ и съ камнемъ.

Образъ Ростовскихъ Чюдотворцовъ Леонтія, Псаїи: да Игнатія въ моленіи Пресвятая Богородица съ Превѣчнымъ Младенцемъ обложена серебромъ гладкимъ, золоченъ, вѣнцы рѣзные.

Образъ явленіе Богородицы съ Николаемъ обложенъ серебромъ и вѣнецъ басменной золоченъ.

Образъ Михаила Клопскаго, окладъ и вѣнецъ золоченъ серебрянъ.

Образъ Николая Чюдотворца обложенъ серебромъ басменнымъ золоченъ, вѣнецъ рѣзной золоченъ.

Образъ Александръ Свирскаго, окладъ и вѣнецъ серебряной золоченъ басменъ.

Образъ пророка Іліи, окладъ и вѣнецъ серебряной золоченъ басменный ветхъ.

Два образа Николая Чюдотворца обложены серебромъ басменнымъ золочены, вѣнцы сканные золочены съ камешки.

Образъ Новгородскихъ святителей — Іоанна, Евѣмїя, Іоны, обложенъ серебромъ басменнымъ золоченъ.

Два образа Никиты, епископа Новгородскаго обложены серебромъ басменнымъ золочены; вѣнцы рѣзные золочены.

Образъ Парасковїи нарицаемые Пятницы, окладъ и вѣнецъ серебряной гладкой золоченъ.

Отъ царскихъ дверей подъ дейсусами по лѣвую сторону на полки:

Образъ Пречистые Богородицы Знаменіе въ кіотѣ обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ; вѣнецъ и цата серебряные сканные золочены, въ вѣнцы жемчюжина, да двѣ вставки плохихъ; да въ звѣздѣ вставка красная, да четыре бубенчика; убрусецъ и ожерельцо низано жемчюжкахъ; серешки жемчюжные жъ, а въ нихъ раковины; да въ прикладѣ Богородицы пять копеекъ золоченыхъ; да у Спаса въ вѣнцы жемчюжина, да двѣ вставки плохихъ; да въ цати семь камешковъ плохихъ; да три понагїи хрустальны въ серебрѣ; да три креста аспидные обложены серебромъ, въ одномъ крестѣ двѣ жемчюжины, да два камешка, да шесть жемчюжинъ малыхъ; да на дву крестахъ по четыре жемчюжины небольшихъ; на поляхъ и на затворѣхъ шеснацать святыхъ обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ.

Образъ въ кіотѣ жъ пресвятые Богородицы Владимирскіе обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ; вѣнцы и коруна рѣзные съ оиниотью золочены; въ вѣнцы у Спасителя жемчюжина, у Богородицы три камешка, да три раковины; убрусецъ и ожерельцо жемчюжное; а по угламъ надъ цкахъ серебряныхъ бѣлыхъ вырѣзаны святые; на затворѣхъ писаны святые краскамъ; цата серебряная басменная.

Образъ Знаменія Богородицы въ кіотѣ; окладъ серебряной; вѣнецъ сканной съ оиниотью золоченъ, въ вѣнцы два камешка красныхъ, да раковина, гривенка басменная золочена; на поляхъ и на затворѣхъ писаны разные святые обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ, вѣнцы сканные золочены съ оиниотью.

Образъ Знаменія Богородицы въ жестяномъ кіотѣ; окладъ серебряной басменной; вѣнцы у Спаса и у Богородицы рѣзные; убрусецъ и ожерельцо и заруковье жемчюжные; по полямъ писаны четыре святыхъ, вѣнцы серебряные золочены; серги одиночки, на нихъ четыре жемчюжины.

Образъ Пресвятые Богородицы Умиленіе обложенъ серебромъ басменнымъ золоченъ, вѣнецъ и цата серебряная сканные золочены съ оиниотью; въ вѣнцы камень хрусталь, да камень лазоревъ, да двѣ раковины; а въ цатѣ раковина, двѣ вставки плохихъ; у Богородицы и у Спаса подпись и ожерельцо низано жемчюгомъ, да серешки двоенки жемчюжные, камешки зеленые.

Образъ Пречистые Богородицы на престолѣ съ Превѣчнымъ Младенцемъ, по сторонамъ Печерскій Чюдотворцы—Антоній, Оеодосій, обложенъ серебромъ басменнымъ; вѣнцы и цаты серебряные жъ; а по полямъ три святыхъ, вѣнцы серебряные жъ; у Богородицы убрусець, а у Спаса ожерельицо низано жемчюгомъ; у Богородицы рясы; а на нихъ низано по три нити жемчюгомъ, да посреде рясы по три камешка плохихъ, да серешки одиночки серебряные золочены, да крестъ серебряной сканный тощъ, да крестъ серебряной жъ маленькой.

Образъ Пречистые Богородицы Печерскія на престолѣ съ Превѣчнымъ Младенцемъ, а по сторонамъ Антоній, Оеодосій Чюдотворцы, на поляхъ два святыхъ обложены серебромъ басменнымъ; вѣнцы у Богородицы и у Святыхъ серебряные рѣзные, золочены; у того жъ образа: ожерельицо низано жемчюжкомъ; рясы низано по двѣ нити жемчюжковыхъ; да серешки серебряные двоенки съ камешки да жемчюжки; да серги лапки съ камешки и а жемчюжки.

Образъ Пресвятые Богородицы Знаменія обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ; вѣнцы у Спаса и у Богородицы сканные; у Богородицы въ вѣнцы три вставки: жемчюжина, два камешка лазоревы; подпись и ожерельицо жемчюжное; цата серебряная сканная, а въ цатѣ три вставки: хрусталь, два червца; а по сторонамъ четыре святыхъ, вѣнцы у святыхъ сканные; у Богородицы серешки жемчюжные.

Образъ Пресвятые Богородицы Владимірскіе; коруна и вѣнецъ серебряные сканные; въ корунѣ жемчюжина, да два камешка; да въ вѣнцы камень хрусталь, да два червца, серешки жемчюжные невелики; убрусець жемчюжной.

Образъ Пресвятые Богородицы Одигитріи обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ; вѣнцы серебряные сканные съ оиниетью; у Спаса и у Богородицы ожерельица жемчюжные; на поли написанъ Симеонъ Дивногорець, вѣнецъ сканной золоченъ.

Образъ Одигитріе жъ Богородицы обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ, убрусець жемчюжной.

Образъ Пресвятые Богородицы Печерскій съ Превѣчнымъ Младенцемъ на престолѣ; по сторонамъ Антоній, Оеодосій Печерскій, а по полямъ два святыхъ.

Образъ Одигитріи Пресвятые Богородицы обложенъ серебромъ басменнымъ золоченъ; вѣнцы басмены жъ золочены.

Образъ Одигитріи Богородицы; окладъ у вѣнецъ и цата серебряная золочена.

Образъ Пресвятые Богородицы Владимірскіе; окладъ и вѣнецъ и цата серебряная золочены рѣзные; въ вѣнцы — вставки, два камешка, да раковина, да на корунѣ семь камешковъ плохихъ.

Образъ Богородицы Печерскій, въ моленіи Антоній, Оеодосій обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ; вѣнцы рѣзные золочены.

Образъ Пречистой Богородицы Успеніе; окладъ серебряной басменной золоченъ; вѣнцы рѣзные золочены.

Образъ Пречистые Одигитріи обложенъ серебромъ басменнымъ; вѣнцы рѣзные золочены жъ.

Образъ Пресвятые Богородицы Владимірскіе обложенъ серебромъ басменнымъ, вѣнцы рѣзные золочены жъ.

Образъ Знаменіе Пречистые Богородицы, окладъ серебромъ басменной, вѣнцы и цата рѣзные золочены жъ.

Образъ Знаменіе Богородицы, окладъ мѣдный, и коруна и вѣнцы мѣдные жъ.

Образъ Умиленіе Богородицы, окладъ серебрянъ басменной золоченъ, вѣнецъ басменной жъ золоченъ.

Образъ Знаменіе Богородицы. окладъ серебряной басменной золоченъ, вѣнецъ рѣзной золоченъ.

Подлѣ сѣверныхъ дверей въ углу три иконы пядницы обложены серебромъ басменнымъ, вѣнцы басмены жъ золочены.

Противъ крылосовъ передъ пядницами подлѣ фисусами два шандана мѣдныхъ допчатыхъ иѣмецкихъ.

Да въ алтарѣ у Рождества Богородицы окладныхъ тридцать семь пядницъ окладныхъ иконъ.

Въ томъ же алтарѣ девятнадцать окладныхъ разныхъ святыхъ пядницы гораздо ветхи. Двадцать иконъ пядницъ писаны на золотѣ и на краскахъ гораздо ветхи.

Да въ алтарѣ на престолѣ индитія бархатъ зеленъ, а на ней крестъ дробничной, серебрянъ золоченъ.

Въ алтарѣ жъ на престолѣ евангеліе апракосъ писмянное въ дестъ, верхняя цка обложена серебромъ басменнымъ золоченымъ, а на ней въ четырехъ мѣстѣхъ херувими серебряны басмены золочены, на срединѣ Распятіе и Пречистая Богородица съ Предтечею и евангелисты серебряны чеканные золочены, край обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ, застешки и спни серебряны золочены, на исподней цки пять жучковъ серебряныхъ бѣлые, исподняя цка обложена бархатомъ лазоревымъ.

Евангеліе апракосъ писмянное въ дестъ обложено бархатомъ лазоревымъ ветхимъ, верхняя цка обложена серебромъ на срединѣ Распятіе и евангелисты выбиваны на серебрѣ золочены, да въ гнѣздѣхъ четыре хрустали, на исподней цки пять жучковъ, застешки и спни серебряны золочены, край кругомъ исподней цки обложены серебромъ.

Евангеліе апракосъ писмянное въ дестъ камкою червчатого, а на немъ Спасъ Вседержитель, евангелисты серебряны золочены, жучки мѣдные; отослано къ Рождеству въ скудельни.

Евангеліе тетръ писмянное въ полдестъ обложено бархатомъ таусиннымъ, верхняя цка Распятіе и евангелисты обложены серебромъ басменнымъ, на верхней цки двѣ вставки лазоревы, да двѣ зелены.

Еуангеліе апракосъ писмянное обложено бархатомъ посконнымъ чернымъ безъ евангелистовъ.

Еуангеліе апракосъ писмянное въ дестъ обложено камкою зеленою куотерью, Распятіе Христово серебряное золочено басменное, застешки и спни серебряны, жучки мѣдные.

Еуангеліе тетръ писмянное въ полдестъ обложено бархатомъ золотымъ узорчатымъ на зеленой земли, а на немъ Распятіе и евангелисты золочены басмены, застешки и спни серебряны золочены, на исподней цки жучки мѣдные.

Еуангеліе тетръ печать московская въ дестъ обложено камкою червчатою, а на немъ Распятіе и евангелисты и четыре херувима серебряны золочены басмены, застешки и спни и жучки серебряны жъ золочены.

Еуангеліе тетръ въ дестъ печать московская, верхняя цка серебряна рѣзная, Распятіе и евангелисты серебряны жъ чеканные, около Распятія и евангелистовъ низано жемчугомъ въ одну нить около верхніе цки трубы рѣзные золочены, да шесть вставокъ розныхъ цвѣтовъ и исподняя цка подложена бархатомъ¹⁾ золотымъ по зеленой земли, пять жучковъ серебряныхъ, рѣзные бѣлые застешки и спни серебряны золочены, по обрѣзу золочена, прокладицы шолкъ 3 золотомъ, ворворки золотные.

Еуангеліе тетръ въ дестъ печать московская, верхняя цка Распятіе и евангелисты и трубы рѣзные золочены, нижняя цка обложена бархатомъ зеленымъ, жучки бѣлые плоскіе рѣзные, застешки рѣзные жъ золочены, да то жъ евангеліе по обрѣзу золочено.

Еуангеліе тетръ печать московская въ дестъ обложена бархатомъ зеленымъ, Распятіе и евангелисты литые мѣдные золочены

У чудотворцова Антоніева гроба еуангеліе писмянное съ полдестъ обложено бархатомъ червчатымъ, Распятіе и евангелисты серебряны чеканные золочены, застешки и жучки серебряны жъ.

Евангеліе апракосъ писмянное обложено камкою червчатою безъ евангелистовъ.

¹⁾ Вѣроятно — «бархатомъ». Здѣсь въ подлинной рукописи подскоблено.

Да вновь евангеліе печатное въ десть обложено бархатомъ зеленымъ рытымъ, Распятіе и евангелисты серебряные золочены чеканные, застешки серебряные бѣлые.

Еуангеліе печатное въ десть обложено отласомъ золотнымъ черленнымъ, Распятіе да евангелисты серебряные рѣзные золочены, застешки бѣлые на исподней цки пять жучковъ серебряныхъ.

Да вновь же евангеліе печатное въ десть на александрійской бумаги обложено бархатомъ золотнымъ, верхняя цка гладкая серебряная съ трубами золочена, на срединѣ Спасовъ образъ на престолѣ и евангелисты круглые серебряные рѣзные золочены, писаны чернью, а около средине и евангелистовъ низано жемчюгомъ въ двѣ нити, по мѣстамъ жемчюгъ осыпался, застешки серебряные рѣзные золочены, на исподней цки пять плащей серебряные рѣзные золочены, по обрѣзу золочено, по верхней цки подпись, прокладицы разныхъ шелковъ по концамъ шесть нитей шолковыхъ з золотомъ, на нихъ шесть ворворокъ низаны жемчюгомъ съ камешки; ковчегъ у того евангелія обложенъ кожею красною, а внутрѣ сукномъ краснымъ.

На престолѣ крестъ воздвизальнѣй обложенъ серебромъ басменнымъ съ обоихъ сторонъ Распятіе Христово серебряное литое невелико, во главѣ три жемчюжины, надъ главою въ гнѣздѣ раковина продолговата, по сторонамъ въ гнѣздахъ два камешки червцы.

Крестъ воздвизальнѣй обложенъ серебромъ басменнымъ золоченъ, а на немъ Распятіе тисмянное, вѣнцы серебряные сканные.

Крестъ воздвизальнѣй серебрянъ золоченъ литой, тощъ, съ мощми, а на немъ Распятіе Христово и Пречистая Богородица, Іоаннъ и евангелисты рѣзные съ чернью, въ закрѣпкахъ двѣ жемчюжины, а назадъ креста подпись мощемъ: млеко Пречистые Богородицы, Великомученика Пантелеймона, Великомученика Оеодана Новаго, мѣщи Анастасѣи Перскіе, Арсенія Сербскаго, Еорема Сирина, Козмы и Дамьяна. Мардарія; а около креста семь репывъ, а на нихъ семь жемчюжинъ на серебряныхъ забойцахъ.

Крестъ воздвизальнѣй серебрянъ сканной съ мощми, а въ немъ три вставки червцы достоканъ, Распятіе Христово литое золочено, исподняя цка кованая бѣлая серебряная, а на ней подпись:—риза Господня, бумага, а на ней кровь Христова, среди креста подписано:—древо животворящее.

Крестъ животворящей каменной обложенъ мѣдью, римской.

Шесть крестовъ воздвизальныхъ деревянныхъ писаны на золотѣ, ветхи.

За престоломъ крестъ выносной обложенъ серебромъ басменнымъ золоченымъ.

Крестъ напестолной серебряной чеканной золоченъ съ мощми, подписи мощемъ на бѣломъ серебрѣ.

Крестъ воздвизальнѣй обложенъ серебромъ чеканнымъ, Распятіе литое, надъ главою ангели, посторонъ Богородица и святые.

Крестъ воздвизальнѣй обложенъ серебромъ весь золоченымъ, распятіе и вѣнецъ литой серебряной золоченъ, четыре камешки разныхъ цвѣтовъ.

Крестъ воздвизальнѣй обложенъ серебромъ гладкимъ золоченымъ, Распятіе и Херувимы и евангелисты литые золочены.

За престоломъ образъ Пречистые Богородицы Одигитрія выносной, а на другой сторонѣ три святители: Василей Великій, Григорей Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, въ облачѣ Троица обложенъ серебромъ басменнымъ, золочена, пелена камка зеленая.

На престолѣ покровъ камка червчата, опушенъ камкою, а на немъ крестъ дробничной.

Сосудовъ церковныхъ:

Потиръ серебряной золоченъ, свертной на чеканное дѣло, а на немъ вырѣзанъ Спасъ, да Пречистая Богородица, да Предтеча, а назадъ крестъ, а по верхнему краю рѣзаны слова: пійте отъ нея вси, а подолникъ у потира дошчатъ, а вѣсу въ немъ два фунта безъ осмнадцати золотниковъ.

Звѣзда серебряна, а на ней въ восьми мѣстахъ крестъ, а посрединѣ звѣзды плащъ круглой, у звѣзды середина золочена, край золочены жъ, подпись римская.

Блюдо дисковое серебряное золочено, а на немъ Іисусъ Христосъ Еммануиль, а около диска по краемъ шестнадцать камней: ляннички, и хрустали, и червцы.

Потиръ серебрянъ, а на немъ вырѣзанъ образъ Спасъ и Пречистая Богородица да крестъ, да къ верху надъ Спасовымъ образомъ подпись: пойте отъ нея; поддонъ рѣзной черезъ траву золоченъ, на срединѣ яблоко чеканное золочено

Дискосъ, а въ немъ по краемъ золочено, серебрянъ: подпись: примите и ядите.

Два блюда жъ серебряны рѣзные, на одномъ блюдѣ крестъ, а на другомъ Пречистая Богородица Воплощеніе, внутрѣ позолочено.

Звѣзда бѣлая, на верху крестъ позолоченъ.

Третье блюдо серебряно жъ, въ срединѣ Предтеча, позолочены.

Лжица серебряная; копіе желѣзное. И вѣсу въ тѣхъ сосудахъ три оунта съ четвертью.

Да тѣхъ же сосудовъ покровъ — участокъ серебряной, травы золотные, у покровцевъ опушки камка зелена, у воздуха опушка камка лазорева, подложено таотою.

Да сверхъ тое дачи три блюда серебряны сдѣланы къ большимъ сосудамъ, а на нихъ вырѣзано: на одномъ крестъ, а на другомъ Пречистая Богородица Воплощеніе, а на третьемъ Предтеча.

Да лжица серебряна жъ невелика, римское дѣло.

Копіе желѣзное, у него чернь, камень сердоликъ, и аспидъ, и хрусталь.

Да лжица серебряная гладкая, стебло копытчатое.

Потиръ серебряной золоченъ, полское дѣло, свертной, чеканной, травы сквозные.

Потиръ серебряной золоченъ; дисковое блюдо; да два блюда служебныхъ, на одномъ крестъ, а на другомъ Воплощеніе Пречистые Богородицы; звѣзда и копіе серебряны бѣлые; поддонъ у потира штиуголенъ.

Сосуды серебряны: потиръ да дисковое блюдо, звѣзда, лошкa бѣлые рѣзные; поддонъ у потира лошчатъ.

Потиръ оловяной, писанъ съ позолотою, а на немъ по досмотру позолоты нѣтъ.

Четыре потира оловяныхъ.

Потиръ мѣдной.

Блюдо дисковое мѣдное золочено.

Два блюда дисковыхъ мѣдныхъ.

Три блюда дисковыхъ оловяныхъ.

Шесть блюдъ оловяныхъ.

Пять звѣздъ, да пять лжицъ оловяныхъ.

Четыре копія обычныхъ.

Двѣ чарки оловяныхъ.

Пять ковшовъ мѣдныхъ.

Двѣ полустопы, въ чемъ служебное вино держать.

Полустопы невелики, а держать въ ней освященное масло.

Рукомойникъ мѣдной, а низъ перенесено къ архимандриту въ келью.

Кадило серебряное чеканное лошчатое.

Кадило и поддонъ черезъ лошку золочено, на верху маковица со крестомъ чеканная золочена, цѣпи гнутые бѣлые, верхъ чеканной лошчатое золочено черезъ лошку, да два кольца бѣлые, а вѣсу въ томъ кадилѣ невступно три оунта.

Кадило серебряное чеканное золочено черезъ лошку, съ кролею, цѣпи серебряны.

Кадило серебряное съ кролею, а на кроли семь главъ съ крестами и поддонъ все чеканное по мѣстамъ золочено, цѣпи серебряны гнутые бѣлые; передѣлано изъ старого кадила, что было безъ кроли.

Кадило серебряное чеканное золочено черезъ лошку, съ кролею, цѣпи серебряные.

Чаша серебряная водоосвященная, въ чашѣ вырѣзанъ крестъ въ кругу позолоченъ, около чашѣ вѣнецъ и поднесь золочена, а у нижняго края поддонъ вырѣзана кайма и позолочена двѣ рукоятки серебряныя жъ на пробѣхъ, а у пробоевъ щипы рѣзные золочены, а вѣсу въ ней четырнадцать фунтовъ.

Два кадила мѣдные лужены лошчаты.

Четыре кадила мѣдныхъ же литыхъ.

Да вновь кадило мѣдное же въ транезѣ.

Сосудъ мѣдянь лужень круглой съ кровлею, съ петлями и крючки, держать въ немъ агницы.

Чаша мѣдная луженая.

Чаша жъ мѣдная водоосвященная лужена.

Хоругви камчатъ червчатъ, а на ней Страстотерпецъ Христовъ Георгій, а надъ нимъ во облацѣ Спасъ, а на другой сторонѣ Хоругви архангелъ Михаилъ да Исусъ Наввинъ: шито золотомъ и серебромъ и разными шелки.

Оонаръ слудяной высокій грановитой о семи верхахъ.

Да въ ризницѣ ризь:

Ризы бѣлыя камка куотерь, оплечье отласъ золотной, опушка дороги полосатая, опушка киндякъ зеленъ, горазно ветхи.

Ризы алтабасныя по желтой земли, оплечье бархатъ золотной по червчатой земли, по подолу у ризъ шиты травы золотомъ и серебромъ, и поднесь лѣта 7161 году.

Ризы алтабасны бѣлы, оплечье камчатъ таусинныя, а на немъ Спасъ и Пречистая Богородица съ Превѣчнымъ Младенцемъ на престолѣ со апостолами, шиты золотомъ и серебромъ, подольникъ бархатъ черленъ.

Ризы отласъ таусинной, а на нихъ круги золотныя съ розными шолки, оплечье отласъ золотной по червчатой земли, — на ризахъ крестъ низанъ жемчюгомъ, а на немъ четыре камешка плохихъ, — подольникъ таота чевчата съ пестредью, подложены дорогами двоеличными. — да у тѣхъ же ризъ звѣзда низана жемчюшюкомъ.

Ризы камчаты бѣлы ветхи, оплечье таота черлена, подольникъ камчатъ багровъ, а на немъ шиты травы золотомъ и серебромъ, подпушенъ таотою алою, подложены миткалемъ.

Ризы камчаты бѣлы ветхи кресчаты, оплечье бархатъ таусинной золотной, крестъ на ризахъ низанъ жемчюжкомъ мелкимъ въ одну нить, а въ немъ двѣ дробницы серебряныя золочены, подольникъ камчатъ, шитъ золотомъ и серебромъ.

Ризы камка бѣлая ветха травы мелкіе, оплечье отласъ золотной по таусинной земли, подольникъ камчатъ черленъ чешуйчатъ, подпушенъ таотою зеленою, подложенъ полотномъ.

Ризы камчаты лазоревы куотерь, оплечье отласъ золотной по червчатой земли, опушка дороги полосатыя.

Ризы камка цвѣтная кизылбашекая травы бѣлыя по червчатой земли, крестъ и звѣзда низано жемчюгомъ мелкимъ, оплечье отласъ золотной, опушка таота желта.

Ризы таота багрова, оплечье бархатъ рытой во червчатой земли, крестъ и звѣзда того жъ оплечья, опушка таота зелена, подложены крашениною.

Ризы отласъ свѣтлозеленъ, оплечье бархатъ золотной, подольникъ камка лазорева, крестъ на ризахъ дробничной около низано жемчюгомъ.

Ризы участокъ серебрянь, по немъ травы золотныя, оплечье шито золотомъ по черной землѣ, подольникъ отласъ золотной, опушка камка лазоревъ, подложены киндякомъ.

Ризы камчатъ лазоревы, оплечье бархатъ золотной кизылбашекой полосастъ, опушка дороги полосастыя жъ, подложены киндякомъ.

Ризы камка лазорева куотерь, оплечье шито золотомъ по черному бархату, подолникъ камка зелена, опушка камкою вишневою, подложены крашениною.

Ризы постные изуоряны черные, оплечье бархатъ золотной, ветхи.

Риза обьярь золотная зеленая, оплечье отласъ красной низано жемчюгомъ, да назадъ крестъ низанъ жемчюгомъ среднимъ, да другой крестъ въ кругахъ, посреда круговъ пупышки серебряны золочены обнизаны жемчюшкомъ, подолникъ огласъ травчатой по бѣлой земли, подложены киндякомъ, и тѣхъ ризъ не явилось.

А явилеся ризы ветхи камка зеленая золотная, оплечье лицевое шито золотомъ и серебромъ по красному отласу низано жемчюгомъ среднимъ и мелкимъ, крестъ назади низанъ жемчюгомъ среднимъ и мелкимъ, а въ немъ пять камешковъ обняты серебромъ, по мѣстомъ на оплечьи жемчюгъ осыпался, подолникъ обьярь золотная по красной земли, подложены киндякомъ.

Ризы участокъ бѣлъ, ветхи, а на немъ травы золотные, оплечье бархатъ золотной по черной земли, подолникъ обьярь зелена, подложены киндякомъ.

Ризы отласные зеленые, оплечье шито золотомъ и серебромъ по червчатому бархату, подолникъ камчатъ черлень куотерьной.

Ризы изуоряны черные, оплечье отласъ узорчатъ зеленъ да желтъ, подолникъ таета червчата, ветхи.

Ризы полубархатные рудожелтые, оплечье отласъ золотной по червчатой земли, ветхи.

Ризы камчаты гвоздишны, оплечье бархатъ золотной на вишневой земли, опушены дорогами полосастыми гвоздишными, подложены крашениною.

Ризы камчатые мелкотравные брусничной цвѣтъ, оплечье камка зеленая, а на немъ шито золотомъ и серебромъ Спасъ и Богородица и Предтеча, на другой сторонѣ Пречистая Богородица съ Превѣчнымъ Младенцемъ и со апостолы, а около вѣнцовъ у Спаса и у Богородицы и у святыхъ низано жемчюгомъ мелкимъ, а око¹⁾ ердани подпие шита золотомъ: лѣта 7(1)62 году..., а кругъ оплечья шито золотомъ: союзомъ любви.; подолникъ кутвя полосатая, подпушка дорогильная двоеличная, подложены крашениною, крестъ и звѣзда шиты, по мѣстомъ жемчюгъ осыпался.

Ризы обьярь серебряная, оплечье бархатъ черной шить золотомъ и серебромъ, подолникъ камка червчатая, подложены киндякомъ зеленымъ, ветхи.

Ризы отласъ бѣлой, оплечье бархатъ черной, шить золотомъ и серебромъ, подолникъ отласъ алой.

Ризы камка рудожелтая, оплечье бархатъ вишневой участокъ золотной се серебромъ, подолникъ отласъ полосастой травчатой.

Ризы зеленые отласъ мелкотравной, оплечье шито по красному бархату высокимъ швомъ золотомъ и серебромъ, подолникъ отласъ полосатой.

Ризы участокъ серебрянъ з золотомъ травы, ветхи, оплечье бархатъ вишневой шито золотомъ и серебромъ, подолникъ отласъ полосатой, подложенъ киндякомъ.

Ризы отласъ червчатъ, оплечье бархатъ вишневы золотной, около оплечъ круживо серебряное, крестъ низанъ жемчюгомъ, а въ немъ раковина и ренъи сквозные.

Ризы лутчіе бархатъ золотной, оплечье бархатъ темнозеленой, полникъ²⁾ тово жъ бархату; по оплечью дробницы большіе серебряные золочены, а на нихъ рѣзанъ дейсуетъ Спасъ и Пречистая Богородица со святыми, а надъ тѣми дробницами дробницы жъ поменши круглыя, а на нихъ рѣзаны многіе святые, около веѣхъ дробницъ низано жемчюгомъ самымъ крупнымъ въ одну нить, а около оплечья подпие низано по словамъ жемчюгомъ жъ среднимъ, а подолникъ по бархату зеленому шить золотомъ и серебромъ травы большіе; подложены тѣ ризы камкою.

¹⁾ Вѣроятно тутъ описки и нужно написать было бы «около».

²⁾ Вѣроятно тутъ описка нужно было бы написать «подолникъ».

Ризы камка бѣлая куותרь, оплечье бархатъ золотной, подолникъ камка желтая, подложены зекденю.

Ризы бѣлой камки, оплечье отласъ золотной.

Ризы обьяринные зеленые, оплечье бархатъ золотной, подолникъ отласъ травчатой.

Ризы отласъ травы разные шолкъ з золотомъ по червчатой земли, оплечье шито высокимъ швомъ золотомъ и серебромъ и блестки по зеленому бархату, опушка круживо золотное кованое широкое.

Ризы отласъ золотной, оплечье шито по черному бархату золотомъ и серебромъ, подолникъ камка китайская.

Ризы постные камка черная китайская, оплечье бархатъ черной шить золотомъ и серебромъ.

Ризы камка двоеличная, оплечье бархатъ вишневой травы шиты золотомъ и серебромъ, опушено отласомъ полосатымъ.

Ризы камка двоеличная травы желтые, оплечье бархатъ черной травы шиты золотомъ и серебромъ.

Ризы обьярь осинової цвѣтъ, оплечье шито золотомъ и серебромъ по черному бархату, опушка отласъ черлень.

Ризы обьярь черленая, оплечье шито золотомъ и серебромъ по черному бархату, подолникъ отласъ полосатой.

Да сверху переписной книги явились ризы камчатые бѣлые, оплечье бархатъ золотной вишневой, подолникъ камка червчатая.

Ризы изуоренные бѣлые, оплечье бархатъ золотной, подолникъ дорогийной ветхи¹⁾.

Да вновь при архимандритѣ Тарасѣи на прѣздѣ:

Ризы тафта рудожелтая, оплечье изарбаъ польской золотной по зеленой земли, подолникъ выбойчатой полосастой.

Да въ ризницы жъ стихарей:

Стихарь камка зелена, оплечье и зарукавъе и подолникъ камка двоеличная лазорева, подпушка таѣта червчата, подложенъ крашениною.

Стихарь участковой бѣлой ветхъ, по немъ травы золотные, оплечье отласъ двоеличной травчатой.

Ударъ того жъ оплечья, опушенъ дорогами полосатыми, подолникъ дороги полосатые жъ.

Стихарь подризной дорожки двоеличные, оплечье и зарукавъе и подолникъ отласъ зеленъ травчатой, подложенъ крашениною, ветхъ.

Стихарь подризной таѣта двоеличная, оплечье бархатейное, зарукавъе и опушка таѣта багрова.

Стихарь дороги полосатые оплечье полубархатное рѣшетчатое зелено, подолникъ камка голуба, подпушка зеденью, гораздно ветхъ.

Два стихаря: камкосѣнной, да бархатной ветхи.

Стихарь участокъ серебрянъ, ветхъ, а на немъ травы золотные.

Орарь участокъ золотной опушенъ камкою зеленою, шесть кистей шелковыхъ з золотомъ.

Стихарь камка лазорева, оплечье бархатей по червчатой земли, зарукавъе камчатое мелкотравное зеленое, подолникъ выбойчатой крашениной.

¹⁾ Въ подлинной рукописи слово «ветхи» написано не вполне ясно и подскоблено въ то время когда эта опись писалась.

Стихарь обьярь дымчата, оплечье отласъ золотной по червчатой земли, зарукавье обьярь зелена, подложень крашенинною.

Стихарь камка свѣтлозеленая, мелкотравная, оплечье бархатъ серебряной переплечкой; крестъ тово жъ бархату, подолникъ выбойка крашенинная.

Стихарь дорогильной зеленой, оплечье бархатъ вишневой травчатой, подолникъ крашенинной красной, ветхъ.

Стихарь дорогильной двоеличный, оплечье и зарукавье камка зеленая, ветхи.

Стихарь дяконской отласъ золотной, оплечье шито золотомъ и серебромъ по черному бархату и зарукавье, подолникъ шить золотомъ и серебромъ по темному зеленому бархату высокимъ швомъ, подложена опушка камкою зеленою.

Орарь дяконской товожъ бархату.

Да къ большимъ ризамъ подризникъ — стихарь отласъ зеленой, оплечье и зарукавье и опушка отласъ червчатой.

Стихарь дяконской обьярь черная, ветхъ, оплечье и зарукавье отласъ лазоревой травы золото съ серебромъ, подолникъ камка червчатая, подложень киндякомъ.

Орарь тосжъ обьяри, по концамъ шесть кистокъ шелковыхъ зъ золотомъ.

Стихарь дяконской камка червчата куотерь, оплечье и зарукавье участокъ золотной травчатой, ветхъ.

Стихарь подризной дороги двоеличные, оплечье и зарукавье и подолникъ отласъ полосатой, подложень крашенинною.

Стихарь отласъ бѣлой разной, ветхъ, оплечье бархатъ черной и зарукавье участковые, подолникъ отласъ полосатой.

Стихарь дороги бѣлые, оплечье камка червчатая, подолникъ дороги полосатые.

Стихарь подризной дороги полосатые, оплечье и зарукавье дороги желтые.

Стихарь отласъ осинової цвѣтъ, оплечье обьярь золотная съ рудожелтымъ шолкомъ травы серебряные, зарукавье тойже обьяри, опушка дороги полосатые.

Стихарь дяконской отласъ алой цвѣтъ, оплечье и зарукавье отласъ червчатой золотной, подолникъ камка рудожелтая чешуйчатая.

Орарь отласъ бѣлой, опушень отласомъ алымъ.

Стихарь дяконской отласъ червчатой, оплечье по лазореву отласу травы серебряные зъ золотомъ, подолникъ камка цвѣтная, зарукавье отласъ червчатой.

Стихарь отласъ китайской золотной мелкотравной, оплечье и зарукавье отласъ травчатой золотной, подолникъ тогожъ отласу.

Стихарь подризной властелинской обьярь абрикосовой цвѣтъ серебряная, оплечье и подолникъ обьярь серебряная, зарукавье дороги чрлены.

Стихарь камка мелкотравная рудожелтая, оплечье и зарукавье отласъ таусинной, подолникъ камка вишневая.

Орарь травчатой отласной опушень таотою желтою.

Орарь участокъ золотой по рудожелтой земли, опушень участкомъ серебрянымъ, десять кистей шолковыхъ зъ золотомъ и серебромъ, подложень таотою червчатою.

Да вновь сдѣлано при архимандритѣ Антоніи:

Стихарь бѣлой камчатой мелкотравной, оплечье шито золотомъ и серебромъ по черному бархату, зарукавье камка красная куотерь, подолникъ камкосѣя полосатая.

Стихарь подризной отласъ травчатой розныхъ шолковъ, оплечье, и зарукавье, и подолникъ таота желтая.

Стихарь изарбавной красной мелкотравной разныхъ цвѣтовъ, оплечье шито золотомъ и серебромъ ветхо по черному бархату, зарукавье бѣлой камки, подолникъ таота рудожелтая.

Стихарь таота струйчатая вишневая, оплечье шито золотомъ и серебромъ ветхо обложено круживомъ мишурнымъ, зарукавье и подолникъ осинового цвѣту таотяное.

Стихарь камка бѣлая, оплечье отласъ золотной, зарукавье камка червчатая куотерь, подолникъ дороги полосатые.

Стихарь камка бѣлая, оплечье обьярь золотная по червчатой земли, зарукавье и подолникъ изарбавъ красной мелкотравной.

Стихарь камчатой зеленой, оплечье отласъ золотной бѣлой, зарукавье камка червчатая, подолникъ выбойка бумажная.

Стихарь изарбавъ жолтой съ травами, оплечье и зарукавье отласъ золотной, подолникъ отласъ полосатой.

Стихарь дорогильной желтъ, оплечье и зарукавье дороги красные, подолникъ дороги полосатые.

Стихарь обьярь серебряная¹⁾

.

Римлянина шить розными шолками, а вѣнецъ шить золотомъ, около покрова шить лѣтописецъ желтымъ шелкомъ по червчатой таотѣ, а подлѣ словъ двѣ каймицы розными шолки, подложенъ зеденю.

Покровъ бархатъ червчатъ, а на немъ крестъ шить золотомъ, а около креста веревочка и поднись шита серебромъ, а вынѣ тотъ покровъ противъ крылоса на налоѣ,

Покровъ камка голуба куотерь, опушена отласомъ зеленымъ, а на немъ крестъ зъ дробницами серебряными басменными, обнизанъ жемчюгомъ въ двѣ нити.

Покровъ камка голуба, а на ней крестъ зъ дробницами, около креста слова низаны жемчюгомъ, а около покрова по червчатой камкѣ Антонію Римлянину тропарь и кондакъ шить серебромъ, подложенъ татою ценинною.

Покровъ бархатъ чернъ, круживо кованое бѣлое нѣмецкое, подложенъ киядякомъ темнолимоннымъ.

Покровъ камка вишневая, а крестъ на немъ круживо кованое золотное, опущенъ камкою голубою, подложенъ зеденю.

Покровъ Чюдотворцовъ бархатъ темнозеленъ, а на немъ крестъ дробничной, 39 дробницъ серебряны золочены.

Три воздуха шиты золотомъ и серебромъ и розными шолки по червчатой камки; на большомъ воздухѣ шито положеніе Господне во гробъ, — на дискоѣ: Тебе одѣющагося свѣтомъ, а *надъ гробомъ*²⁾ воздуха нашить Господь подъ звѣздою, а около по краю шито серебромъ: прїидите и ядите, се есть тѣло Мое; а на третьемъ воздухѣ образъ Пречистые Богородицы Воплощеніе, по краемъ около шито серебромъ: достойно есть; а по угломъ всѣхъ святыхъ шиты херувимы золотомъ, а вѣнцы у святыхъ на всѣхъ трехъ воздухахъ шиты золотомъ же, а около вѣнцовъ и около главъ святыхъ низано жемчюгомъ въ одну нить; подложены таотою червчатою.

Воздухъ дорожки полосаты, а на немъ положеніе во гробъ Господа нашего Иисуса Христа шито золотомъ и серебромъ и шолки, ветхъ.

¹⁾ Здѣсь въ подлинной описи перерывъ, такъ какъ нѣсколько осмушекъ утрачено, а сколько именно трудно безошибочно и съ рѣшительною точностію сказать, потому что въ рукописи нѣтъ счета страницамъ, или осмушкамъ, а есть счетъ только цѣлымъ листамъ (въ 8 осмушекъ каждый), причемъ цифры поставлены не арабскія, а скорописными славянскими буквами, что и доказываетъ, что сей счетъ листамъ сдѣланъ самими написавшими и скрѣпившими опись. Должно предполагать, что утраченъ весь цѣликомъ 9-й листъ рукописи.

²⁾ Здѣсь въ подлинной рукописи ясно читается «надъ гробомъ», но сначала тутъ было написано какое-то другое слово, которое было соскоблено и затѣмъ по подскобленному мѣсту написано означенное выраженіе, затемняющее смыслъ описанія.

Пелена, а на ней вышитъ Спасовъ образъ золотомъ и серебромъ по червчатому отласу.

Шесть покровцовъ крашенинныхъ.

Пелена камка червчата, опушена камкою желтою.

Пелена алтабасъ золотной, а на ней крестъ и копіе и трость и подпиеъ низано жемчугомъ, опушена бархатомъ чернымъ нынѣ по досмотру та пелена противъ праваго крылоса на налоѣ.

Пелена камка цвѣтная двоеличная желта, опушена камкою двоеличною.

Пелена, а на ней шито: Не рыдай Мене Мати золотомъ и серебромъ по таусинному отласу.

Пелена участокъ серебрянъ, травы золотныя, крестъ и опушка отлѣтъ золотной по червчатой земли, подложена крашениною.

Плащаница шита розными шелки и золотомъ и серебромъ по червчатымъ дорогамъ — положеніе Господне во гробъ, а по полямъ шиты слова шелкомъ.

Сударь а на немъ шито по алымъ дорогамъ явленіе Архистратига Михаила Исуу Наввину, опушенъ таотою.

Полица архимандрича, а на ней шиты Спасъ на крестѣ, Пречистая Богородица, Іоаннъ Предтеча, въ подножіи Никита епископъ да Антоній Чюдотворецъ золотомъ и серебромъ да три херувими, около полицы шиты слова: Пречистому Твоему образу золотомъ, около словъ двѣ каймы шиты серебромъ, у Пречистые и у Спаса и у Предтечу и у херувимовъ и у святыхъ около вѣнцовъ и зарукавье низано жемчужкомъ мелкимъ, подложена таотою желтою.

Полица, а на ней Благовѣщеніе Пречистые Богородицы, да три наугольника шиты золотомъ и серебромъ.

Полица, Воплощеніе Богородицы.

Полица, а на ней Никита Епископъ, да Іоаннъ Архіепископъ,

Полица, а на ней шиты многіе святые и херувими золотомъ и серебромъ.

Три покровца служебные, отласъ черной.

Покровъ шитъ золотомъ и серебромъ по червчатому отласу четверуголенъ, на срединѣ шито Распятіе Христово: а на четырехъ сторонахъ шиты святые: Іоаннъ Предтеча, да Чюдотворецъ Антоній, да два ангела.

Покровъ обьяръ серебряная по алой земли, опушка обьяръ же по зеленой земли.

Пелена бархатъ травчатой по червчатой земли, крестъ дробницы басменные.

Пять пеленъ къ мѣстнымъ образомъ камчатые опушены отласомъ зеленымъ.

Пелена камка рудожелтая, обложена отласомъ алымъ.

Въ церквѣ жъ Рождества Пречистые Богородицы предѣлъ въ столпѣ Ануерія Великого и въ столпѣ двери желѣзные.

А въ церкви Божія милосердія образовъ:

Дѣисусъ Спасъ на престолѣ, Пречистая Богородица и Предтеча, архангели и апостолы на одиннадцати цкахъ.

На тѣхъ же цкахъ надъ дейсусомъ семнадцать празниковъ писаны на золотѣ.

Надъ дейсусомъ же образъ Пречистые Богородицы Воплощеніе да 14 пророковъ писаны на золотѣ.

Двери царскіе, сѣнь и столпцы писаны на золотѣ.

По правую сторону царскихъ дверей образъ мѣстной преподобныхъ отецъ Ануерія Великого да Петра Афонскаго на золотѣ, во облацѣ Пресвятая Троица; у Преподобныхъ вѣнцы и цаты серебряны, басмены золочены.

По лѣвую сторону царскихъ дверей образъ мѣстной Пречистые Богородицы Одигитрія на краскѣ; три пядницы на краскѣ.

Въ олтарѣ на престолѣ иудитія мухорная полосата ветха.

Покровъ мухорной ветхъ.

Запона у царскихъ дверей крашенинная.

Передъ соборною церквію паперть каменная, а въ ней надъ дверьми церковными на стѣнѣ писанъ образъ Пречистые Богородицы, передъ нимъ паникадило мѣдное; и около всей тое паперти стѣнное писмо.

Да у тое жъ паперти двери рѣшечаты желѣзные, крашены ватомъ.

Да у полуденныхъ дверей двери створистые слюдяные, а на нихъ четыре круга писаны травы.

Да подлѣ каменные паперти предѣлъ, а въ немъ камень, на которомъ камени приплыль Антоній Чюдотворецъ изъ Рима въ Великій Новгородъ, а на камени писано на золотѣ образъ Пречистые Богородицы съ Превѣчнымъ Младенцемъ во облацѣ, а передъ нимъ въ моленіи Преподобный Антоній Римлянинъ.

Передъ тѣмъ образомъ, что написанъ на камени шанданъ мѣдной о дву свѣщахъ.

И тотъ камень и Пречистые Богородицы и Чюдотворца вѣнцы обложены, окладъ басменной золоченъ и кругъ камня въ предѣлѣ писано стѣннымъ писмомъ.

Въ Антоніевѣ жъ монастырѣ церковь каменная съ трпезою во имя Стрѣтенія Господня.

А въ ней Божія милосердія образовъ:

Дейсусъ стоящей девять иконъ, писаны на краскѣ.

По правую сторону царскихъ дверей образъ мѣстной Стрѣтенія Господня, писанъ на золотѣ.

Образъ Пречистые Богородицы Воплощеніе да Іоаннъ Предтеча да Елисаветъ стоящей, писаны на золотѣ.

По лѣвую сторону царскихъ дверей образъ Пречистые Богородицы Одигитрій да два архангела Михаилъ и Гавріилъ писаны на краскѣ.

Противъ Спасова образа, что въ дейсусѣ паникадило мѣдное о шти перахъ.

Передъ мѣстнымъ образомъ Стрѣтенія Господня свѣча поставная восковая, шанданъ желѣзной лужень.

Въ олтарѣ на престолѣ покровъ и у царскихъ дверей запона крашенинная.

Да три пядницы на золотѣ.

Въ трапезѣ за столомъ образъ Спасъ на престолѣ въ силахъ мѣдной, ветхъ.

Образъ Іоанна Предтеча, по сторонамъ чюдотворцы Козмы и Домьянъ; вѣнцы у нихъ серебряны, басмены, ветхи, одного нѣтъ.

Образъ Николая Чюдотворца въ дѣяніи писанъ на краскѣ.

Да въ трапезѣ жъ передъ Спасовымъ образомъ паникадило мѣдное большое о шти перахъ.

Да въ трапезѣ жъ на лѣвой сторонѣ кіотъ, а въ немъ восемь пядницъ — праздники писаны на краскѣ.

На столѣ кіотъ, а въ немъ Спасъ Вседержитель, а на затворѣхъ многіе святые писаны краски.

Церковь каменная на святыхъ воротѣхъ во имя преподобнаго Іоанна Спа- сителя лѣтвицы, а въ ней Божія милосердія образовъ.

Дейсусъ стоящей, а въ немъ двѣнадцать образовъ, писаны на золотѣ.

Предъ нимъ паникадило мѣдное рѣшатчатое.

Надъ дейсусомъ 14 праздниковъ писаны на золотѣ.

Надъ праздниѣи Пречистая Богородица Воплощенія, а по сторонамъ двѣнадцать пророковъ.

Двери царскіе, сѣнь и столбцы писаны на золотѣ.

По правую сторону царскихъ дверей образъ мѣстной Іоанна Спасителя лѣстницы въ дѣяніи, писанъ на золотѣ.

Образъ мѣстной Стратотерница Христова Георгія въ дѣяніи.

Противъ лѣваго крылоса образъ мѣстной Пречистые Богородицы Одигитрія, писанъ на краскѣ.

Образъ мѣстной Пречистые Рождества Богородицы въ дѣяніи.

Въ олтарѣ на престолѣ индитія и покровъ камкасъйна, ветха.

У тое жъ церкви предѣлѣ Николая Чюдотворца, а въ немъ Божія милосердія образовъ:

Дейсусъ гладкой девять иконъ на краскѣ; передъ нимъ паникадилцо желѣзное.

Двери царскіе, сѣнь и столбцы писаны на золотѣ.

Отъ царскихъ дверей на правой сторонѣ образъ мѣстной Спасъ Нерукотворенный.

Образъ Николая Чюдотворца въ дѣяніи; у Николы вѣнецъ серебрянъ, басмень.

По лѣвую сторону царскихъ дверей,

Образъ мѣстный Пречистые Богородицы Одигитріе на краскѣ.

Въ олтарѣ на престолѣ индитія камкасъя полосата.

Покровъ на престолѣ и у царскихъ дверей запона крашенная.

Церковь каменная Преподобнаго Антонія Великаго подѣ колокольнею, а въ ней Божія милосердія образовъ.

Дейсусъ стоящей со владычными праздниѣи на семи цкахъ, надъ цкѣ писано по два святыхъ.

А передъ дейсусомъ паникадило мѣдное о двѣнадцати перахъ.

Да надъ дейсусомъ въ тѣлѣ Пречистая Богородица съ Превѣчнымъ Младенцемъ, по сторонамъ 20 пророковъ.

Двери царскіе, и сѣнь, и столбцы писаны на краскѣ, ветхи.

По правую сторону царскихъ дверей образъ мѣстной ветхъ — Троица Живоначальная въ дѣяніи, середина и вѣнцы серебряны, басмены, золочены.

Образъ мѣстной Антонія Великаго и Антонія Римлянина въ дѣяніи.

По лѣвой сторонѣ царскихъ дверей образъ мѣстной Похвала Пречистые Богородицы въ дѣяніи, гораздо ветхъ.

Передъ Троицею и Похвалою двѣ свѣчи поставные деревяны писаны краски.

Въ олтари три пядницы на золотѣ.

Престолъ оболочень выбойкою.

Покровъ камки черная ветхъ.

Да на колоколницѣ колоколовъ.

Колоколь большой благовѣстникъ, да колоколь прибойной часовой, да среднихъ и малыхъ зазвонныхъ и перечасныхъ одиннадцать колоколовъ.

На колоколницы жъ часы боевые съ перечастьемъ, желѣзные.

Да по правую сторону соборные церкви Рождества Богородицы предѣлъ каменной Преподобнаго Антонія Римлянина, а въ немъ Божія милосердія образъ:

Двери царскіе, сѣнь и столпы рѣзные, золочены сусальнымъ золотомъ.

Надъ царскими дверми дейсуетъ — Спасъ на престолѣ въ силахъ, а по сторонамъ Пречистая Богородица, и Предтечи, и архангелы и святые на десяти цкахъ.

На тѣхъ же цкахъ надъ дейсусомъ образъ Богородицы Воплощеніе, около десять празниковъ.

Надъ праздниками образъ Господа Саваоа во облацѣ, а около двѣнадцать пророковъ, писаны веѣ на краскѣ.

По правую сторону царскихъ дверей образъ Спасителя въ стоящей, въ моленіи Никита епископъ, да Антоній Римлянинъ, у Спасова образа у главѣ два архангела; вѣнецъ у Спаса серебряной чеканной; цата чеканная жъ сквозная на подзорѣ, въ срединѣ цаты образъ Премудрости Божія, а около шесть дробницъ, а на нихъ святые чеканные жъ золочены, у архангеловъ два вѣнца рѣзные золочены жъ.

Подлѣ того образа образъ мѣстной Антонія Римлянина въ дѣяніи, во облацѣ Пречистая Богородица съ Превѣчнымъ Младенцемъ; вѣнцы у Спаса и у Богородицы цата рѣзные золочены, ожерелице жемчужное; у Чюдотворца вѣнецъ и цата басменные золочены; окладъ около образа и середина басменное жъ золочено.

Подлѣ того образа образъ архидьякона Стевана.

По лѣвую сторону царскихъ дверей образъ мѣстной Благовѣщеніе Пречистые Богородицы; вѣнцы и окладъ басменные золочены; у Богородицы прикладу понагѣя да два креста сиколойные, у Архангела понагѣя обложены серебромъ.

На сѣверныхъ дверехъ Рахъ разбойникъ писанъ краски.

Подлѣ того образа и дверей образъ Новгородскихъ Чюдотворцовъ трехъ четвертей въ кіотѣ.

Подъ дейсусомъ въ таблѣ кіоты и пядницы окладные:

На правой сторонѣ на полки образъ Знаменія Богородицы въ кіотѣ; окладъ серебряной басменной; вѣнцы у Богородицы и у святыхъ рѣзные золочены; на затворѣхъ писаны архангелы и святые на краскахъ.

Подлѣ того образа образъ Пречистые Владимирской въ кіотѣ, обложена серебромъ гладкимъ золоченымъ; вѣнецъ и коруна серебряная гладки золочены, подпись жемчужная; цата серебряная рѣзная золочена; въ вѣнцѣ и въ цатѣ шесть камешковъ; на затворѣхъ писаны святые красками, вѣнички серебряны.

Образъ Пречистые Одигитрія въ кіотѣ обложенъ серебромъ басменнымъ; у Богородицы и Превѣчнаго Младенца вѣнцы и цаты рѣзные золочены, да въ прикладѣ понагѣя серебряная рѣзная золочена.

По лѣвую сторону царскихъ дверей образъ Пречистые Богородицы Умиленіе въ кіотѣ писанъ на золотѣ, ветхъ; прикладу вѣнецъ и ожерелейце и серешки жемчужные, крестъ аспидной обложенъ серебромъ; на затворѣхъ писаны архангелы, вѣнички серебряны.

Образъ Спасовъ въ кіотѣ Нерукотворенный, окладъ и вѣнцы на затворѣхъ серебряной.

Образъ Николая Чюдотворца въ дѣяніяхъ ветхъ, обложенъ серебромъ басменнымъ золоченъ; вѣнецъ и цата серебряная, сканная золочена; ожерелейце жемчужное.

Надъ мѣстнымъ образомъ Благовѣщенія восемь образовъ пядницъ обложены серебромъ басменнымъ, вѣнцы сканные золочены.

Въ олтарѣ престолъ обоченъ полукалючемъ желтымъ; покровъ выбойка.

Церковъ и олтаръ писаны стѣннымъ писмомъ.

Труды XV Съѣзда. Т. I.

Среди церкви передъ дейсусомъ паникадило мѣдное большое двадцать четыре пера, яйцо строокамилово, кисть золотная съ шелкомъ.

Другое паникадило мѣдное жъ нѣмецкое дѣло о штинадцати перахъ, яйцо мѣдное рѣзное, кисть шелку красного.

По лѣвую сторону соборныя церкви Рождества Богородицы построены придѣлы каменной Іоанна Богослова, а въ немъ Божія милосердія образовъ:

Двери царскіе рѣзные и сѣнь золочены сусальнымъ золотомъ, столпы писаны краски.

Надъ царскими дверми дейсусъ — Господь на престолѣ, около Пречистая Богородица и Предтечи и апостоли на трехъ цкахъ писаны краски.

По правую сторону царскихъ дверей образъ Пречистые Богородицы Владимирскіе; прикладъ—вѣнецъ у Богородицы и коруна серебряные чеканные золочены, въ вѣнцѣ три звѣзды съ камешки, въ корунѣ камень хрусталь и иные камни въ гнѣздахъ, двѣ цаты серебряныя жъ, одна рѣзная бѣлая большая, другая гладкая золочена; около того образа по полямъ шесть святыхъ, у святыхъ вѣнцы рѣзные золочены, цаты рѣзные же бѣлые, окладъ басменой золоченой, середина гладкая золочена жъ; да вновь серешки з жемчюжки и съ камешки. Лампада предъ тѣмъ образомъ мѣдная рѣзная.

Подлѣ того образа образъ мѣстной Іоанна Богослова, вѣнецъ чеканной сквозной на подзорѣ золоченъ, у Спасова образа во облацѣ вѣнецъ чеканной золоченъ, около образа окладъ басменной золоченъ.

По лѣвую сторону царскихъ дверей образъ мѣстной Пречистые Богородицы Одигитріи, у Спаса и у Богородицы вѣнцы и цата и окладъ и середина басменные золочены; у Спаса и у Богородицы два креста сиколойные обложены серебромъ бѣлымъ рѣзнымъ.

Подлѣ того образа образъ мѣстной же апостоли Петръ и Павелъ, во облацѣ Спасъ; вѣнцы и цата и окладъ басменные золочены.

Въ алтарѣ престолъ обложенъ таетою струйчатою осиновою цвѣтъ; покровъ выбойка, Церковъ и алтарь писаны стѣннымъ писмомъ.

Среди церкви паникадило мѣдное о четырнадцати перахъ.

Въ алтарѣ паникадилцо мѣдное жъ малое.

Надъ царскими дверми дейсусъ — три пядницы обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ, вѣнцы сканные съ ониньтою золочены.

Подлѣ того образа образъ Пречистые Печерскіе Богородицы по сторонамъ Антоній Оеодосій Печерскіе обложены серебромъ басменнымъ золоченымъ, вѣнцы и цаты рѣзные золочены.

Образъ Іоанна Богослова обложенъ серебромъ басменнымъ золоченъ, вѣнецъ рѣзной золоченъ же.

По лѣвую сторону образъ Антонія Римлянина, а во облацѣ Богородица съ Превѣчнымъ Младенцемъ обложенъ серебромъ гладкимъ золоченымъ, вѣнцы сканные золочены.

Образъ Соіи Премудрости Божій обложенъ серебромъ басменнымъ, вѣнцы басменные жъ золочены.

Ворота святыя каменные отъ города съ калиткою.

А на тѣхъ воротѣхъ церковь каменная жъ во имя Іоанна Предтечи Усѣбновеніе, а въ ней Божія милосердія образовъ:

Двери царскіе, сѣнь и столпы писаны на краскѣ.

Надъ царскими дверми дейсусъ Спасъ на престолѣ въ силахъ, а около Богородица и Предтечи Іоаннъ и святыя на двѣнадцати цкахъ.

Да на тѣхъ же цкахъ надъ дейсусомъ писаны праздники всѣ.

По правую сторону царскихъ дверей образъ мѣстной Іоаннъ Предтеча въ дѣяніи, вѣнецъ сканной, окладъ и середина серебряной басменъ золочень.

Подлѣ того образа образъ Страшнаго суда.

По другую сторону царскихъ дверей образъ мѣстной Успеніе Богородицы на краскѣ. Образъ Николая Чюдотворца въ дѣяніи, вѣнецъ басменной золочень.

Въ олтарѣ престолъ обоченъ выбойкою; покровъ крашенинной.

И на предѣлѣхъ Чюдотворца, Іоанна Богослова и Предотечи три главы, опаяны бѣломъ желѣзомъ.

Да въ церквѣ жъ въ казнѣ Государевыхъ жаловальныхъ грамотъ девять за красными печатми, да списокъ зъ духовной и купчей грамоты Антонія Чюдотворца Римлянина.

Грамота Великого Князя Василья Ивановича всеа Росіи дана игумену Геронтію зъ братьею несудимая тарханная и на монастырскіе вотчины харатейная за красною печатью, писана лѣта 7032 году, марта 25 д.

Жаловальная грамота Государя Царя и Великого князя Ивана Васильевича всеа Росіи дана игумену Кирилу зъ братьею по городомъ и порядкомъ на хлѣбную и на рыбную и на соляную покупку и на иной запасъ и съ той купли пошлинь и въ порогѣхъ съ людей не ймать, дана лѣта 7088 году.

Жаловальная грамота Государя Царя и Великого Князя Ѳеодора Ивановича всеа Росіи харатейная зъ красною печатью за золотой на Чюдотворцову купленную землю и на лугу и на рыбнѣю ловлю, дана лѣта 7100 г., декабря въ д.

Жаловальная грамота Государя Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Росіи на Чюдотворцову купленную землю и на лугъ и на рель и на рыбные ловли противъ суднаго дѣла съ новгородцы съ посадцкими людьми за красною печатью, лѣта 7114 г., Августа въ 11 д.

Жаловальная грамота Государя Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Росіи на Бронницкой перевозъ за красною печатью, дана игумену Харитону зъ братьею, во 119-мъ году.

Жаловальная грамота Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Россіи тарханная несудимая и на все монастырскіе вотчины, за красною печатью во 119 м. году.

Жаловальная грамота Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Росіи на Чюдотворцову купленную землю на лугъ и на рель и на рыбную ловлю, какъ отняли новгородцы посадскіе люди и ободной списокъ, лѣта 7081-го, Августа въ дн.

Жаловальная грамота Царя и Великого князя Василья Ивановича всеа Росіи за красною печатью обильная на три пустоши: на Загорицы да на Слуду да на Долянку: дана во 119-мъ году, Августа въ 19 д.

Жаловальная грамота Государя Царя и Великого Михаила Ѳеодоровича всеа Росіи тарханная несудимая и на Чюдотворцову купленную землю и на лугъ и на рель и на рыбные ловли и на обильные пустоши на Загорицы на Слуду да на Долянку и на Бронницкой перевозъ, за красной печатью, во 120-мъ году.

Да Антонія Чюдотворца списокъ зъ духовные и купчей и съ ободные грамоты на пашенную землю и на лугъ и на рель и на рыбные ловли, а назади у списка Государскіе поновки за дѣяними приписми.

Да въ церквѣ жъ и въ олтарѣ книгъ печатныхъ и писмавыхъ;

Два апостола печать московская въ дѣсть.

Уставъ печать московская въ дѣсть.

Треодъ постная печатная въ дѣсть.

Прологъ печатной въ дѣсть, мартовскіе половинны.

Другой прологъ печатной жъ въ дестъ, сентябрскіе половины.

Четыре миней мѣсячныхъ печатныхъ: одна въ полдестъ, а три въ дестъ, декабрьская, январьская, февральская, апрѣльская въ доскахъ поволочены кожей красными.

Потребникъ печатной въ дестъ.

Миней мѣсяцъ августъ въ дестъ.

Да миней мѣсяцъ ноябрь въ полдестъ.

Книга бесѣды апостольскіе, печать литовская въ дестъ.

Апостоль печать литовская въ дестъ.

Четыре миней мясячныхъ печать московская въ дестъ, мѣсяцы: май, іюнь, іюль, августъ.

Книга миней общая печать московская въ дестъ.

Двѣ миней печатные: октябрь въ полдестъ, мартъ въ дестъ.

Книга потребникъ печатной въ дестъ.

Еуангліе воскресное толковое печать московская въ дестъ.

Двѣнадцать миней мѣсячныхъ московскіе печати въ дестъ.

Апостоль печатной въ дестъ.

Соборникъ печатной постной въ дестъ.

Книга — Служба и житіе Николая Чюдотворца печатная.

Книга Маргаритъ печатная въ дестъ.

Двѣ книги печатные, а въ нихъ четыре еуангелія толковые всеневные въ дестъ.

Книга Соборникъ постной печатной въ дестъ.

Книга Лѣствица печатная въ дестъ.

Книга Еорема Сирина печатная въ дестъ.

Два октаи на осмъ гласовъ московскіе печати въ дестъ отданы въ прошлые годы къ новопостроенной церкви въ Химорицкую волость.

Двѣ треоди постные печать московская въ дестъ; одна отдана въ полкъ полковнику МIRONУ Байшеву, другая отдана въ Химорицкую волость въ настоящемъ въ 204-мъ году попу Григорію Георгіеву.

Полууставъ печатное въ дестъ отдано на Волокъ на Дершковъ въ Николеской погостъ.

Да сверхъ переписныхъ книгъ явилосѣ въ церквѣ книгъ:

Книга уставъ старой печати въ дестъ.

Псалтирь съ слѣдованіемъ новой печати въ дестъ.

Два часослова въ дестъ; одинъ старой, а другой новой печати.

Миней мѣсячная — сентябрь печатная въ дестъ.

Книга тріодъ цвѣтная новой печати въ дестъ.

Книга Сергія Радонежскаго печатная.

Книга Сергія Радонежскаго и ученики ево Никона и Савы Сторожевскаго печатная въ дестъ.

Двѣ книги скрижали печатные въ полдестъ.

Псалтирь печать большіе слова старого выходу въ дестъ.

Книга патерикъ печерской печатной въ дестъ.

Книга Григорія Назіанзина мелкой печати двоуполная въ дестъ.

Двѣ книги Мечи духовные печатные въ дестъ.

Еуангеліе воскресное печатное въ дестъ.

Три книги прологи печатные весь годъ въ дестъ.

Два октаи осми гласовъ печатные въ дестъ новаго выходу.

Книга Кормчая печатная въ дестъ.

Девять служебниковъ новой печати въ полдестъ.

Два прологія новыхъ печатныхъ въ полдестъ.

Двѣ псалтири новой печати въ полдестъ.

Да вновь дачи при архимандритѣ Антоніи съ Москвы болшаго дворца подъячего Ивана Иванова сына Татаринова печатныхъ нового выхода церковныхъ книгъ:

Книга уставъ въ десть.

Двѣ книги прологъ во весь годъ въ десть.

Двѣ тріоди — постная, да цвѣтная въ десть.

Два октава на осемъ гласовъ въ десть.

Евангеліе воскресное толковое въ десть.

Апостолъ въ десть.

Псалтирь въ полдесть.

Да сверхъ жъ переписанной книгѣ явилоса старыхъ писменныхъ книгъ.

Книга Григорія Богослова въ десть.

Книга Соборникъ въ десть, въ началѣ писано житіе Варлама Хутыискаго.

Книга ключъ разумѣнія въ десть.

Книга шестодневъ пятого гласа въ десть.

Книга житіе Чюдотворца Антонія Римлянина въ десть.

Другая книга житіе жъ въ полдесть.

Книга патерикъ скитской въ десть.

Апостолъ въ десть.

Книга о воспоминаніи Пресвятыя Богородицы и святыхъ житіи въ полдесть.

Книга мѣсяца сентябрю писаны новыхъ святыхъ въ полдесть.

Книга Сергія Радонежскаго и иныхъ святыхъ въ полдесть.

Книга службы Пресвятой Рождеству Богородицы и Антонію Римлянину въ полдесть.

Книга треолоаи сентябрю мѣсяца въ полдесть.

Книга алавантъ (?) скорописная въ полдесть.

Книга тріоди постная въ полдесть.

Книга о соединеніи вѣры харатейная въ полдесть.

Книга псалтирь старая печать ветхи въ десть.

Книга псалтирь новой печати куплена при архимандритѣ Антоніи въ полдесть.

Да писменныхъ же ветхихъ книгъ всякихъ въ полдесть и во четверть по счету тридцать двѣ книги:

Въ трехъ книгахъ четыре евангелія толковые въ десть.

Евангеліе толковое воскресное въ десть.

Книга апостолъ толковой въ десть.

Два апостола тетровы въ полдесть.

Апостолъ апракосъ писмяной же въ десть.

Тріодъ цвѣтная въ полдесть отдана на Бронницу.

Треолоаи въ полдесть.

Книга Василия Великаго въ десть.

Книга правила въ десть.

Книга Креница въ десть.

Книга житіе Преподобнаго Неоонта.

Патерикъ Иеросалимской въ полдесть.

Патерикъ Печерской въ полдесть.

Книга Маргаритъ въ десть.

Патерикъ скидцкой въ десть.

Книга Іоанна Лѣтвичника въ полдесть.

Книга Исаака Сирина въ полдесть.

Книга Соборникъ въ полдесть.

Двѣ книги соборники жъ въ десть.

Соборникъ жъ въ полдестъ.

Книга Іоасаа царевича въ полдестъ.

Книга житіе и служба Сергія и Никона Радонежскихъ.

Книга Александра Свирскаго.

Книга преподобныхъ отецъ Зосима и Саватѣя Соловецкихъ Чюдотворцовъ.

Книга пророчества въ полдестъ.

Книга Просвѣтитель Іосіа Волоцкаго на Новгородцкихъ еретиковъ въ полдестъ.

Книга притчи Соломону въ полдеста.

Книга лѣтописецъ русской въ полдестъ.

Соборникъ — слово Василия Великаго.

Книга Григорія Богослова въ дестъ.

Книга Іеуса Наввина въ полдестъ.

Книга Серапіона архіепископа Новгородскаго въ полдестъ.

Да въ казиѣ монастырской у казначея старца Серапіона по скаскѣ ево налицо денегъ шесть рублей 4 д.

Четыре короба властелинскихъ.

Два стакана серебряные на поддонахъ бѣлые.

Печать серебряная, а на ней образъ Пречистые Богородицы съ Превѣчнымъ Младенцемъ, на другой сторонѣ образъ Преподобнаго Чюдотворца Антонія, позолочена.

Шесть образовъ на краскахъ.

Книга уложены писмяна въ дестъ.

Книга выпишь на монастырь и на монастырскіе вотчины и съ писцовыхъ книгъ, написано за дядею помѣтою, и новоуказные статьи въ полдестъ.

Ларчикъ съ кабалами и съ выпиши на монастырскіе вотчины и зъ записными здѣлочными.

Три коробки съ приходными и расходным денежными казенными книгами и съ всякими монастырскими писмами.

Двѣ покрывающія выбойчатые, что въ подносъ хлѣбы покрываютъ.

Да въ сушалѣ ружя:

Двадцать семь карабиновъ и пицалей.

Восемь паръ пистолетовъ.

Восемнадцать пистолейныхъ олетръ ветхихъ.

Сѣдло архимандричье съ снималникомъ суконнымъ.

Полетъ архимандричья чернаго сукна — ветхи гораздно.

Шеснадцать сѣделъ ѣзжалыхъ простыхъ новыхъ и ветхихъ съ подпругами.

Четыре потника овчарныхъ.

Муштукъ, капсунъ.

Узда архимандрича ветха.

Одинадцать уздъ ременныхъ новыхъ и ветхихъ съ удилами желѣзными.

Четыре попоны суконные ветхи.

Хомутъ архимандричій съ лисьими хвостами.

Одинадцать ѣзжалыхъ ременныхъ хомутовъ.

Три полсти овечьихъ.

Три епанчи овечьихъ.

Епанча однорядного сукна зеленая ветка.
Пять паръ желѣзныхъ стремянъ.
Трой сумы переметные.
Безмѣнъ вѣсовой.
Тринадцать новыхъ топоровъ.
Топоръ кривой.
Кирка.
Три обушника новыхъ.
Шесть косъ.
Кузнецкого запаса:
Два молотка желѣзныхъ.
Четверы крещи.
Гвоздильня.
Обушникъ.
Двой вѣски мѣдныя.
Ловецкихъ запасовъ:
Осмнадцатеры сапоги ловецкіе.
Осмнадцатеры зарукавники.
Семеры рукавницы.
Тринадцать кожановъ.
Два паруса кереводныхъ новыхъ, третей ветхой.
Три керевода.
Девять старыхъ и новыхъ сѣтей.
Кругъ желѣзный часовой, другой малый.
Подсвѣчникъ желѣзной.
Бѣлаго желѣза листового полъ бочки.
Тиски желѣзные у стула.
Три пятника, да три обруча желѣзныхъ мельничныхъ.
Пять сѣчекъ крошенныхъ.
Три пѣшинъ желѣзныхъ.
Четыре кокота желѣзныхъ.
Коромысль желѣзной вѣсовой.
Да припасовъ гиръ желѣзныхъ въ шестеромъ.

У підкеларника въ келарской судовъ:

Крестобогородичная чаша покривестая мѣдная луженая.
Звонка настольная мѣдная.
Двѣ уксусницы небольшіе оловяные.
Перешница, росолникъ оловяные.
Двѣ крышки оловяныхъ покривесты.
Двѣ мѣсы: одна оловяная, другая мѣдныя большіе.
Девять ковшовъ мѣдныхъ луженыхъ.
Двѣ торѣли оловяныхъ.
Семнадцать блювъ оловяныхъ.
Двадцать девять ставчиковъ мѣдныхъ луженыхъ.
Девять чашъ квасныхъ мѣдныхъ луженыхъ.
Братника мѣдная луженая.
Въ архимандричей кельи четыре блюда оловяныхъ.

Двѣ крушки оловяныхъ съ кривлями.
Укеусница жъ оловяная.
Два оонаря слюдяныхъ болшихъ.
Въ погребахъ квасныхъ:
Семь клоуяниниковъ болшихъ и малыхъ.
Двѣ крушки болшихъ съ носами оловяныхъ же.
Шесть полумѣрковъ мѣдныхъ луженыхъ.
Корець мѣдной луженой болшой.
Ендова мѣдная большая лужена.
Ендова небольшая мѣдная лужена.
У казначея въ кельѣ крушка оловянная къ кровелькою.

Въ ѣстемой поварни посуды мѣдной:

Четыре котла болшихъ.
Котель ведра вполтретя.
Двѣ поварни мѣдныхъ въ желѣзными стеблями.
Два замка висучихъ.
Противенекъ малый.
Двѣ сковоротки бѣлыхъ.
Заслонъ желѣзной.
Четыре сковороды желѣзныхъ.
Два тегана желѣзныхъ.
Въ хлѣбни два котлы болшихъ.
Въ квасоварни котель болшо въ четырнадцать ушатовъ ушн желѣзные.

На монастырѣ жъ двѣ кельи архимандричьи деревяныя: одна старая,
другая новая.

Семь келей братцкихъ.
Келья больничная.

Братіи въ монастырѣ черныхъ поповъ и дьяконовъ и рядовой по службамъ братіи и
больничныхъ тридцать пять человекъ.

Два погреба каменные теплые.
Два ледника съ амбарами деревянные.
Конская мельница одны жорны.
Солодовня да сушило.
Трубницкая келья уворотъ.
Да на монастырѣ жъ за кельями садъ.
Да на монастырѣ же три житницы, а въ тѣхъ житницахъ и въ монастырскомъ селѣ въ За-
горицахъ хлѣба: ржи сто пятьдесятъ четвертей, пшеницы десять четвертей съ осминою, жита
нового зяблого семь четвертей.
Да на полѣ немолоченой ржи двѣ скирды по смѣтѣ двадцать пять ригъ.
На монастырѣ жъ три житницы порожныхъ.
Сѣмени конопляного шесть четвериковъ.
Да къ нынѣшнему 204-му году сѣяно въ монастырскомъ полѣ и въ селѣ ржи пятьдесятъ
пять четвертей.

Да за монастыремъ дворъ конюшенной, а въ немъ на стойлы стоялыхъ:
Жеребецъ шерсть гнѣдъ.
Конь шерстью сѣрь.
Мѣринъ сѣрь.
Нѣмецкихъ лошадей стадныхъ:
Кобылица шерстью кокура.
Другая невелика кобыла.
Работныхъ старыхъ и молодыхъ тридцать мѣриновъ.
Жеребецъ воронъ шерстью дву лѣтъ.

За монастыремъ же дворъ коровей построенъ вновь при архимандритѣ Антоніи,
а на томъ дворѣ:

Коровъ дойныхъ двадцать осмъ.
Шесть быковъ.
Шеснацать подтелокъ и однолѣтковъ.
Да подъ монастыремъ служенъ посадъ, а въ немъ:
Служныхъ двадцать шесть дворовъ.
Бобыльскихъ шесть дворовъ.

Въ монастырскихъ вотчинахъ:

Въ Деревской пятинѣ погостъ Бронницкой, а въ немъ Введенія Пресвятыя Богородицы
деревянная.

Да церковныхъ причетниковъ цетыре двора.
Сего монастырское Загорицы, а въ немъ живутъ и служебники.

А въ томъ семь монастырскихъ припасовъ:

Въ квасной поварни котель въ шесть ушатовъ.

Котель въ шесть ведръ.

Котель въ три ведра.

Котель два ведра.

Котель въ полтора ведра.

Сковоротка малая.

Горшокъ мѣдной болшой.

Юндова мѣдная.

Два корца мѣдныхъ.

Чюмичъ мѣдной.

Ставчикъ мѣдной.

На конюшемъ дворѣ въ томъ же семь ѣзжалыхъ старыхъ и молодыхъ двадцать мѣриковъ.

Одинадцать кобылъ.

Двулѣтнихъ цетыре жеребенка.

На коровѣ дворѣ скота дватцать три коровы, да телятъ большихъ и среднихъ и малыхъ
пятнадцать.

Да въ томъ же Бронницкомъ погостѣ по переписнымъ книгамъ крестьянскихъ и бобыль-
скихъ за монастыремъ шездесять два двора.

Въ тое жъ пятинѣ въ Буховскомъ погостѣ по переписной книгѣ въ Песецкой волости
крестьянскихъ и бобыльскихъ дватцать шесть дворовъ.

Въ Демянскомъ погостѣ въ Песоцкой волости по переписной книгѣ крестьянскихъ и бо-
быльскихъ сорокъ одинъ дворъ.

Труды XV Съѣзда. Т. I.

Въ Бѣжецкой пятинѣ на Волокѣ на Дершковѣ да въ Сопинскомъ погостѣ крестьянскихъ и бобыльскихъ пятьдесятъ два двора.

За Молвотицкимъ приписнымъ монастыремъ крестьянскихъ и бобыльскихъ шесть дворовъ.

Въ Обонежской пятинѣ:

Въ Михайловскомъ Тервинскомъ погостѣ крестьянскихъ шеснадцать дворовъ. Бобыльскихъ пятнадцать дворовъ.

Въ Дмитровскомъ Капецкомъ погостѣ крестьянскихъ тринадцать дворовъ бобыльскихъ шесть дворовъ.

Въ Михайловскомъ Гедевскомъ погостѣ крестьянскихъ семь дворовъ, бобыльскихъ пять дворовъ.

Въ Никольскомъ Оштинскомъ погостѣ.
.....
.....

Настоящее состояніе Софійскаго собора въ Новгородѣ.

Архіепископъ Новгородскій Арсеній.

Настоящій нашъ рефератъ не будетъ носить научнаго характера въ собственномъ смыслѣ этого слова, съ обычною эрудиціею, теоретическими соображеніями, техническими построеніями, экскурсами въ области архитектуры, иконописи и т. п. Онъ имѣетъ реальную подкладку и исходитъ изъ наличной дѣйствительности печальнаго состоянія одного изъ замѣчательныхъ памятниковъ зодчества XI-го вѣка. Побужденіемъ къ нему является сознаніе исторической отвѣтственности, лежащей на мнѣ, какъ на Божіею милостію Архипастырѣ Великаго Ново-града, за сохранность величайшей святыни не только Новгорода, но и всей Руси, того храма, къ которому устремлялись всѣ религіозныя и политическія помыслы нашей древней народной жизни. По характеру своему нашъ рефератъ будетъ имѣть значеніе слезницы, обращенной къ просвѣщенному собранію ученыхъ изслѣдователей отечественной старины, съ просьбою придти на помощь дѣйственнымъ совѣтомъ къ охраненію этого замѣчательнаго памятника.

Вы, конечно, обратили вниманіе на внѣшній и внутренній печальный видъ Св. Софіи, несоотвѣтствующій ея высокому значенію. Стѣны облупились, фреска надъ Корсунскими воротами отвалилась и оттуда теперь зловѣще зіяетъ обнаженная кладка стѣны со слѣдами разрушенія отъ постоянной сырости. А внутри потемнѣвшая живопись и такой сквознякъ, особенно въ зимнее время, преимущественно въ алтарѣ и на солѣе, что свѣчи тухнутъ; а какъ отражается это на состояніи здоровья богомольцевъ, а особенно насъ — священно служителей, — нечего и говорить. Не спѣшите, Милостивые Государи, съ осужденіемъ насъ — меня, недавняго пришельца, и моихъ глубокопочитаемыхъ предшественниковъ; во всякомъ случаѣ не намъ приходится просить о снисхожденіи. Впрочемъ, здѣсь и мысли не можетъ быть о какомъ-нибудь судѣ, такъ какъ несомнѣнно всѣ проникнуты были въ свое время, да и теперь, — кто словомъ, кто дѣломъ, кто средствами, и искреннимъ желаніемъ придти на помощь къ сохраненію этого драгоцѣннаго памятника древности. Но бываютъ обстоятельства, когда и помощь является, такъ сказать, безпомощною, отъ существа ли самого дѣла или какихъ-нибудь другихъ условій. Выяснить этотъ вопросъ, — я прошу васъ; а я съ документальною точностію представляю вамъ настоящее состояніе Св. Софіи, въ десятилѣтній періодъ послѣ последней полумилліонной реставраціи ея.

Но предварительно представимъ краткій обзоръ состоянія храма Св. Софіи до реставраціи и общій характеръ послѣдней.

Какъ извѣстно настоящій храмъ Св. Софіи не есть первоначальный храмъ. Первая соборная церковь, построенная въ концѣ X вѣка, была деревянная, дубовая, о 13 верхахъ, знаменовавшая Спасителя съ 12-ю апостолами. Въ 1045 году она сгорѣла и тогда въ Дѣтинцѣ, на мѣстѣ первой церкви въ Новгородѣ (Іоакимовской), былъ заложенъ Св. Княземъ Владиміромъ Ярославичемъ (сыномъ Ярослава I Владиміровича и княгини Анны, внукомъ Св. равноапостольнаго Князя Владиміра Кіевского) нынѣ существующій каменный соборъ. Для построенія и украшенія его были вызваны цареградскіе художники. Черезъ семь лѣтъ, въ 1052 году, церковь сію («Устроиша вельми прекрасну и превелику») освятилъ второй епископъ Новгородскій Лука Жидята за 20 дней до смерти Св. Князя Владиміра. Храмъ этотъ по общей структурѣ былъ типа греческихъ храмовъ IX—XI столѣтій. За 8½ вѣковъ соборъ измѣняется не только вслѣдствіе постоянныхъ починокъ и разрушеній внѣшнихъ частей его, но много разъ приспособляется для практическихъ цѣлей, и такъ какъ эти измѣненія происходили въ особые періоды русскаго зодчества, то каждый разъ въ стѣнахъ собора запечатлѣвался и особый характеръ архитектурныхъ формъ. Кромѣ того, важно то обстоятельство, что Софіискій соборъ, построенный въ византийско-греческомъ стилѣ, повидимому не подошелъ по многимъ формамъ къ нашему сѣверному климату. Огромныя окна, за неимѣніемъ въ тогдашнее время стеколъ, были уменьшены, купола приняли заостренную форму, крыши повышены и т. п. Пока держались на Руси византийскія преданія церковно-строительнаго дѣла, соборъ мало измѣнялся въ основныхъ чертахъ, но когда работали формы чисто русскаго стиля, то перемѣны собора дѣлались значительныя. Наконецъ, бывали прямо невѣжественныя искаженія храма, угрожавшія, съ одной стороны, полнымъ разрушеніемъ собора, а съ другой — неправильнымъ ремонтомъ внѣшнихъ частей постепенно закрывавшія существенныя формы храма.

Послѣдняя капитальная реставрація начата была въ 1893 году и окончена въ 1900 году, по иниціativѣ блаженной памяти архіепископа Θεогноста, подъ наблюденіемъ высокочтимаго академика В. В. Сулова. Предварительно нужно было выяснитъ первоначальный видъ собора, и что за стиль формъ выражалъ онъ собою до 1893 года. До начала реставраціонныхъ работъ нельзя было этого видѣть, и живая лѣтопись собора была открыта лишь тогда, когда отбили штукатурку, сдѣлали множество развѣдокъ, произвели до полутора ста раскопокъ внутри и снаружи храма, изучили каждую деталь, разслѣдовали строительные матеріалы, проверили всѣ лѣтописныя и другія указанія о передѣлкахъ собора. Жатва научныхъ данныхъ къ возстановленію храма была обильна. Всѣ изслѣдованія собора сопровождались обмѣрами, зарисовываніемъ, фотографированіемъ, копированіемъ въ натуральную величину фресокъ и всѣхъ надписей. Этотъ матеріалъ и былъ путеводною нитью къ возстановленію собора.

Три съ половиною года велся только внутренній ремонтъ и возстановленіе архитектурныхъ формъ храма. Работало круглый годъ 100 человѣкъ ежедневно.

Работы требовали больших изощрений въ технических вопросахъ. Все это требовало множество труда, осторожности, напряженнаго вниманія, размышлений и безотлучнаго надзора при работахъ. Ремонтъ производился самымъ капитальнымъ образомъ при лучшихъ матеріалахъ на цементъ. Работы велись хозяйственнымъ способомъ, исключительно на средства казны архіерейскаго дома, которому онъ обошелся болѣе полумилліона рублей. На четвертый годъ внутренность собора преобразилась почти въ первоначальный видъ.

Слѣдующимъ важнымъ вопросомъ было — росписаніе стѣнъ храма священными изображеніями и орнаментаціей. Надо были составить г. Суслову проектъ росписанія всѣхъ стѣнъ, сводовъ, арокъ и столбовъ. Въ проектѣ требовалось, чтобы сюжеты были представлены въ той трактовкѣ, въ какой они могли быть именно въ періодъ исполненія древней живописи въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. При этомъ размѣщеніе священныхъ изображеній должно было ставить въ зависимость отъ извѣстныхъ въ то время символическихъ воззрѣній на извѣстныя части храма. Все это реставраторами исполнено съ большою тщательностью.

Реставраціи подверглись и наружныя стѣны Софійскаго собора. Первая разслѣдованія наружныхъ стѣнъ и крыши сдѣланы были осенью 1898 года; весной слѣдующаго года вся крыша съ собора была снята и повсемѣстно позднѣйшая кладка, устроенная для покрытія собора на скаты, уничтожена. Съ удаленіемъ крыши обнаружены были древніе просвѣты во 2-мъ этажѣ надъ хорами, а также возстановлена нижняя половина купольныхъ оконъ, которыя приходились прежде подъ крышею. Послѣ произведенныхъ разслѣдованій весь соборъ былъ заново оштукатуренъ, контрфорсы, приставленные съ южной стороны и много скрывавшіе красоту зданія, — уничтожены, группа фресокъ на западной стѣнѣ обновлена. Вмѣстѣ съ этимъ своды и шпицы вверху собора исправлены, главная средняя глава вызолочена черезъ огонь и весь соборъ покрытъ по-сводно (а не по скатамъ, какъ прежде), чѣмъ приданъ всему зданію первоначальный, напоминающій византійскіе храмы, видъ.

Такимъ образомъ, реставрація Софійскаго собора, стоившая громаднхъ матеріальныхъ затратъ и большихъ нравственныхъ усилій, приведена къ счастливому окончанію; 13 августа 1900 года совершилось торжество освященія собора. Снята завѣса далекихъ временъ, закрывавшая тотъ самый храмъ, къ которому устремлялись всѣ религіозные и политическіе помыслы нашей древней народной жизни.

Преимущество реставрированнаго собора находили въ его отопленіи, которое устроено было еще передъ началомъ работъ, чтобы онъ могли производиться и зимою; а по реставраціи оно, по идеѣ, должно было устранить замѣчавшуюся до сего времени сырость, неблагоприятно вліявшую на зданіе — изнутри и снаружи. Проектъ отопленія поручено было составить С.-Петербургскому Товариществу «Лукашевичъ и К^о». Это товарищество нашло возможнымъ и лучшимъ примѣнить въ соборѣ водяную систему низкаго давленія, преимущество которой предъ прочими системами заключается въ сосредоточеніи точки въ одномъ мѣстѣ, возмож-

ности помѣстить ее внѣ собора, поддержать равномерную температуру во всѣхъ частяхъ его, въ незначительности мѣста, занимаемого нагрѣвательными и вентиляционными приборами и, наконецъ, въ совершенной безопасности въ пожарномъ отношеніи. Проектъ этотъ разсмотрѣнъ Императорскою Археологическою Комиссіею и приведенъ въ исполненіе.

Казалось бы, оставалось только благодарить Господа и тѣхъ, которые привели великое и трудное дѣло реставраціи храма къ благоуспѣшному окончанію. Казалось бы, что громадныя матеріальныя затраты будутъ вознаграждены сознаніемъ того, что этотъ храмъ будетъ обезопасенъ отъ дальнѣйшаго разрушенія.

Но, увы! Упованіямъ симъ пока не суждено осуществиться. Постепенное разрушеніе храма и при новомъ устройствѣ продолжаетъ прогрессировать, въ теченіе истекшихъ 10 лѣтъ со времени его возстановленія, какъ это видно будетъ изъ нижеслѣдующихъ актовъ.

До реставраціи Софійскаго собора на внутреннихъ стѣнахъ его появлялась періодическая сырость, которая была особенно замѣтна весною, когда впервые открывались окна и проникалъ теплый весенній воздухъ; на внѣшнихъ же стѣнахъ собора никакой сырости и происходящей отсюда порчи стѣнъ, побѣлки и штукатурки не замѣчалось. Съ окончаніемъ въ 1900 года реставраціи и съ новымъ покрытіемъ (по-сводно, а не на скаты) стали появляться и на внѣшнихъ стѣнахъ, особенно западной, сѣверной и отчасти южной сторонъ собора, и не внизу, а во второмъ ярусѣ, на уровнѣ хоръ, какія-то темныя пятна, которыя все болѣе и болѣе разрастались, уничтожали побѣлку и даже кладку. На это обстоятельство было обращено особое вниманіе администраціею Архіерейскаго дома сряду же въ 1902 году, при чемъ оказалось, что пятна эти происходятъ отъ сырости, проникающей въ кладку, вслѣдствіе чего лѣтомъ 1902 года, въ мѣстахъ сырыхъ старая штукатурка была отбита, устроена новая на цементномъ растворѣ и стѣны вновь выбѣлены; но этотъ ремонтъ не принесъ существенной пользы, — пятна на другое же лѣто опять выступили и стали болѣе и болѣе увеличиваться, вслѣдствіе чего въ 1904-5 годахъ стѣны частично были отбѣлены и пятна исправлены. Къ 1907 году разрушеніе собора съ внѣшней преимущественно стороны стало прогрессировать. Образована была комиссія изъ причта соборнаго съ участіемъ Епархіальнаго архитектора. Приглашенъ былъ въ качествѣ консультанта и академикъ архитектуры П. П. Покрышкинъ, проживающій на дачѣ въ Юрьевомъ монастырѣ. Былъ произведенъ впервые болѣе или менѣе детальный осмотръ храма, о чемъ 12-го мая былъ составленъ актъ. Результаты осмотра выяснило слѣдующее: а) на наружныхъ стѣнахъ, преимущественно въ верхнихъ частяхъ окраска лупится, а мѣстами штукатурка дала трещины, а съ сѣверной стороны и въ нижнихъ частяхъ главъ у крыши даже мѣстами отпала; б) на внутреннихъ стѣнахъ обнаружена сырость, своды на хорахъ и бібліотекѣ очень сыры и мѣстами замѣтны потеки и в) при осмотрѣ крыши оказалось, что у стѣнъ мѣстами желѣзо плохо прилегаетъ и образуются затечки, мѣстами есть дырѣя въ листахъ и разъединеніе швовъ; швы на крышѣ мѣстами запаяны, а большей частью промазаны замазкой.

Поврежденія на наружныхъ стѣнахъ, по мнѣнію комиссіи, происходятъ отъ полной ихъ незащищенности отъ дѣйствія дождя и снѣга, вслѣдствіе отсутствія кирпичныхъ карнизовъ и незначительнаго, всего въ 3 вершка, свѣса кровельнаго желѣза, а также недостаточный діаметръ и наклонъ подвѣсныхъ желобовъ и малый размѣръ воронокъ, не могущихъ отвести дождевую воду при сильномъ скопленіи въ глубокихъ изгибахъ крыши. Сырость стѣнъ на хорахъ и библіотеки вызывается отсутствіемъ вентиліаціи, и въ библіотекѣ кромѣ того — неимѣніемъ отопленія. Въ виду изложеннаго и устраненія обнаруженныхъ недостатковъ комиссія признала необходимымъ произвести слѣдующія работы: 1) на наружныхъ стѣнахъ отбить мѣстами слабую штукатурку и вновь отштукатурить съ окраской, при чемъ на сѣверной сторонѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отпала штукатурка, признано часть вывѣтрившихся кирпичей замѣнить новыми, чтобы штукатурка лучше держалась; 2) передѣлать надстѣнные желоба съ воронками и сдѣлать желоба не подвѣсными, а на самой крышѣ съ уклономъ; 3) увеличить карнизные свѣсы изъ кровельнаго желѣза и сдѣлать ихъ вмѣсто 3 вершковъ въ 9 вершковъ и 4) исправить крышу въ мѣстахъ протеканія и около стѣнъ, а также залить швы цинкомъ. Все указанія комиссіи были исполнены въ томъ же году, какъ и прежде на средства архіерейскаго дома.

Но... и это не помогло. Въ виду этого въ 1909 году была образована опять мѣстная комиссія, въ составъ которой опять приглашенъ былъ и академикъ П. П. Покрышкинъ. Комиссія, осматривавшая 16-го, 17-го и 18-го іюня соборъ, установила существованіе грязныхъ пятенъ съ известковыми налетами и плесенью на сводахъ въ комнатахъ позади хоръ, на сводахъ и сѣверныхъ стѣнахъ въ библіотекѣ, отчасти въ ризницѣ, внизу сѣверныхъ стѣнъ самаго храма и жертвенника; западная стѣна надъ Кореунскими дверями снаружи съ фрескою, — вывѣтривается, фреска облупилась и кирпичъ подъ нею въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крошится. Осмотръ крыши и сводовъ опредѣлилъ въ нихъ слѣдующіе дефекты: въ разжелобкѣ къ сѣверу отъ большой западной закомары поставлена вытяжная труба, заграждающая свободный стокъ воды; стокъ этотъ устроенъ подъ трубою, въ закрытомъ каналѣ, выходное отверстіе коего прикрыто желѣзнымъ листомъ съ мелкими дырочками. Листы желѣза, прикрывающіе сей разжелобокъ, а также и разжелобокъ у башни и у юго-западнаго купола, скрѣплены съ сосѣдними неправильно: швы загнуты противъ теченія воды; желѣзные оцинкованные листы положены на своды непосредственно. Толщина свода наиболѣе сырого (къ сѣверу отъ фрески) оказалась всего $10\frac{1}{2}$ -11 верш., въ томъ числѣ обмазка известковая 1 вершокъ, новая кладка въ $1\frac{1}{2}$ кирпича на цементѣ и внутренняя штукатурка $\frac{1}{2}$ вершка. Для воды, скопляющейся подъ желѣзомъ, благодаря обычной отпоти на немъ, не сдѣлано никакого выхода. Вся крыша надъ библіотекою (и симметричная надъ ризницею) слишкомъ пологая, а плоскія части въ ней лишены сплошной обрѣшетки (желѣзные полосы отстоятъ на 7 верш. одна отъ другой). Такое устройство сводовъ и крышъ не гарантируетъ первыхъ отъ промерзанія, а вторыхъ — отъ поврежденій при скалываніи льда и сбрасываніи снѣга, и отъ течи, которая способствуетъ на-

сыщенію стѣнъ и сводовъ сыростью, что въ особенности губительно отражается на фрескѣ. Что касается сырости по низамъ сѣверныхъ стѣнъ въ самомъ храмѣ, въ жертвенникѣ и въ главномъ куполѣ, то она можетъ быть объяснена, по мнѣнію Комиссіи, недостаткомъ правильнаго провѣтриванія. Правильное провѣтриваніе заключается въ открытіи оконъ и форточекъ лишь въ сухую погоду и днемъ, но отнюдь не въ дождливое время и не ночью, а также и не въ слишкомъ знойное время. При такихъ условіяхъ избѣгается скапливаніе воды изъ воздуха.

Въ виду сего признано необходимымъ и спѣшнымъ произвести тогда слѣдующія работы въ указанныхъ мѣстахъ:

1) Для предохраненія сводовъ отъ промерзанія, покрыть ихъ слоемъ золы или древеснаго угольнаго порошка толщиною $1\frac{1}{2}$ вершка, а поверхъ сего — войлокомъ, обезопасеннымъ отъ моли.

2) Для прекращенія течи въ крышѣ: а) перекрыть крышу по стропиламъ со сплошною обрѣшеткою изъ досокъ въ $1\frac{1}{2}$ верш. толщ., б) устроить стоки для воды, накапливающейся подъ крышею, в) листы скрѣпить «въ гребень», швы же въ указанныхъ неисправныхъ мѣстахъ передѣлать, г) устроить свободный стокъ для воды въ разжелобкѣ, загороженномъ вытяжною трубой, сдѣлавъ подъ нее арку.

Необходимое поднятіе крышъ на сводахъ и разжелобкахъ Комиссія признала допустимымъ съ археологической точки зрѣнія, такъ какъ при этомъ закомары не нарушились и не заслонялись.

Помѣченные работы предполагалось произвести въ лѣто 1909 года, съ предварительнымъ составленіемъ смѣты и пояснительныхъ чертежей, что и поручено было Епархіальному Архитектору, — для представленія затѣмъ члену Императорской Археологической Комиссіи П. П. Покрышкину.

Но ни въ 1909, ни въ 1910 году не было почему-то произведено указаннаго ремонта. Со вступленіемъ моимъ на Новгородскую кафедру, при видѣ жалкаго состоянія Св. Софіи я обратилъ серьезное вниманіе на необходимость скорого и неотложнаго ремонтированія собора, западная и сѣверная стороны котораго сплошь были покрыты пятнами, свидѣтельствующими о страшной сырости, послѣдствіемъ чего и было отпаденіе фрески надъ Корсунскими воротами.

Двадцать третьяго мая, сего 1911 года, Комиссія вмѣстѣ съ П. П. Покрышкинымъ осматривала крышу собора и главную причину сырости и отпаденія фрески признала вытяжную трубу, которая почему-то поставлена была въ разжелобкѣ между западными закомарами собора, задерживая стекавшую лѣтомъ съ крыши дождевую воду, а зимою способствуя оттаиванію снѣга и проникновенію его черезъ плохо заклепанную крышу въ стѣну. Раскрывъ каналы, идущіе отъ теплой камеры въ юго-западномъ углу хоръ (спеціально устроенной для образованія тяги), по сводамъ, къ упомянутой трубѣ, нашли необходимымъ и возможнымъ перенести ее къ югу, на сводъ, для упорядоченія стока воды въ означенномъ разжелобкѣ. Съ сѣверной стороны каналовъ для вытяжки, идущихъ къ той же трубѣ, не оказалось. Труба на новомъ мѣстѣ должна быть сдѣлана изъ возможно болѣе легкаго матеріала, при непремѣнномъ, однако, условіи, чтобы сѣченіе ея было точно та-

кого же размѣра, какъ и сѣченіе существующей трубы, а стѣнки ея были предохранены отъ промерзанія.

Дальнѣйшій осмотръ крыши собора привелъ къ еще болѣе печальнымъ результатамъ.

7 іюня, Комиссія, съ участіемъ того же П. П. Покрышкина, произвела подробный осмотръ крышъ съ сѣверной стороны собора. При раскрытіи кровельнаго желѣза, подъ ногами работавшихъ кровельщиковъ стали обнаруживаться провалы; въ другихъ же мѣстахъ еще раньше этого также образовались провалы, причемъ верхняя поверхность проваливашагося слоя оказалось сырою. При тщательномъ дальнѣйшемъ осмотрѣ всей сѣверной крыши, какъ по круглымъ сводамъ, выходящимъ на сѣверный фасадъ собора, такъ и за ними по прямому покрытію съ небольшимъ уклономъ (это покрытіе также сдѣлано по сводамъ, но верхъ выровненъ по плоскости съ малымъ уклономъ) оказалось, что весь верхній цементно-бетонный слой совершенно негоденъ. Общій видъ и устройство таково: нижніе кирпичные своды толщиною въ 10 верш.; сверхъ нихъ на высоту до 11 верш. выведены кирпичныя стѣнки въ $\frac{1}{2}$ кирпича вдоль и поперекъ всѣхъ сводовъ, такъ что между стѣнками образуются глухія камеры размѣрами 1 арш. 2 верш. \times 1 арш. 4 верш. и всѣ эти камеры отъ свода до верха наполнены древесными опилками, сдѣлавшимися мѣстами совершенно черными отъ влаги и сырости. Сверхъ опилокъ сдѣлано горизонтальное покрытіе слоемъ толщиною отъ 1 дюйма до 2 дюймовъ, причемъ преобладаетъ толщина въ 1 дюймъ и $1\frac{1}{4}$ дюйма. Слой эти частію состоятъ изъ цементнаго раствора съ большою примѣсью песка, а частію изъ известковаго раствора съ небольшою примѣсью цемента; мѣстами въ растворѣ попадаетъ мелкій круглый камень, какъ примѣсь къ песку. Поверхъ этого слоя желѣзное покрытіе. Комиссія положила весь известково-цементный слой разобрать, опилки вынуть, а сверхъ сводовъ сдѣлать смазку изъ глины съ примѣсью пробки толщиною въ 2 верш., въ стѣнахъ камеръ продѣлать отверстія для циркуляціи воздуха, а сверхъ кирпичныхъ стѣнокъ сдѣлать покрытіе изъ досокъ толщиною въ 2 дюйма и затѣмъ желѣзное покрытіе. Послѣ просушки смазки, трещины залить известковымъ растворомъ. Скатъ плоскихъ крышъ увеличить съ закрытіемъ оконъ на одно стекло. У трехъ пилястръ съ сѣверной стороны замѣтныя надъ сводами трещины между стѣной и пилястрами, а также у одного окна — рѣшено пробрать и сдѣлать на цементномъ растворѣ.

25 іюня та же Комиссія произвела осмотръ крыши на южной сторонѣ. При раскрытіи кровли на трехъ нижнихъ сводахъ обнаружились тѣ же явленія, о которыхъ подробно указано въ предыдущемъ актѣ при осмотрѣ крыши съ сѣверной стороны. На сводахъ выведены кирпичныя стѣнки вдоль и поперекъ и образовавшіяся впадины между пересѣченіями стѣнокъ заполнены были древесными опилками, обратившимися въ настоящее время въ рыхлую черную массу; сверхъ опилокъ произведена была заливка цементнымъ растворомъ, который въ настоящее время, вслѣдствіе рыхлаго основанія подъ нимъ, проваливается подъ ногами. Въ виду этого, по мнѣнію Комиссіи, является необходимостью при предстоящемъ перекры-

ти крыши вынуть перегнившія опилки, просушить своды и вмѣсто опилокъ по сводамъ сдѣлать смазку глиной съ примѣсью пробки толщиною въ 2 вершка, какъ на сѣверныхъ сводахъ, а по верху кирпичныхъ стѣнокъ сдѣлать опалубку изъ досокъ, сверхъ которыхъ покрыть оцинкованнымъ желѣзомъ; въ боковыхъ стѣнкахъ сдѣлать отверстія для циркуляціи воздуха подъ деревянной палубой.

Наконецъ, 27 іюня та же Комиссія осматривала чердакъ на главномъ куполѣ Новгородскаго Софійскаго собора съ цѣлью опредѣлить причины сырости, наблюдаемой въ этомъ куполѣ. Во время осмотра шелъ дождь и дождевая вода струилась по меридіональнымъ стыкамъ мѣдныхъ листовъ покрытія, обильно капала на купольный сводъ (съ высоты до 3 сажень). Капель наблюдалась въ 30 мѣстахъ, изъ коихъ въ 10 ударами водяныхъ капель пробита известковая обмазка въ 1 дюймъ толщиною, до войлока. Съ обрѣза стѣнъ у купольнаго свода нѣтъ стоковъ для воды, поэтому настѣнный карнизъ намокаетъ и покрытъ грязными потоками.

Въ виду изложеннаго, Комиссія признала настоятельно необходимымъ защитить означенный сводъ новою обмазкою взамѣнъ отсырѣвшей и особымъ покрытіемъ, напр., изъ оцинкованнаго желѣза по сплошной обрѣшеткѣ изъ дюймовыхъ досокъ по деревяннымъ стропиламъ, съ условіемъ: 1) чтобы тяжесть этого покрытія была передана на стѣны, но отнюдь не на сводъ, 2) чтобы стокъ для воды былъ устроенъ съ должными покатостями въ 8 отверстій подъ мѣдною полицею главы, 3) чтобы, кромѣ отверстій для стока воды, были устроены отдушины для провѣтриванія пространства между сводомъ и проектируемымъ покрытіемъ, подъ свѣсомъ крыши и близъ зенита ея, съ должною защитою этихъ отдушинъ отъ проникновенія въ нихъ атмосферныхъ осадковъ, 4) чтобы были устроены удобные входы ко кресту (совнутри на чердакъ) и лазъ для осмотра свода.

Эти указанія Комиссіи частью уже выполнены нынѣшнимъ лѣтомъ, хотя и безъ непосредственнаго руководства и наблюденія академика П. П. Покрышкина, который, при всемъ своемъ желаніи, не имѣлъ возможности этого сдѣлать, такъ какъ Императорскою Археологическою Комиссіею ему даны другія порученія, быть-можетъ, по ея мнѣнію, болѣе важныя и отвѣтственныя, чѣмъ настоящее. Могу только засвидѣтельствовать, что указанныя работы производятся добросовѣстно. Разумѣется, мое свидѣтельство, хотя и основанное на непосредственномъ наблюденіи, выражавшемся въ неоднократномъ лазаніи на крышу, не можетъ служить гарантіею цѣлесообразности произведенныхъ ремонтныхъ работъ, такъ какъ я не обладаю необходимыми техническими познаніями. Для этого нужно отвѣтственное и свѣдующее лицо, — а такого намъ не даютъ, въ качествѣ постояннаго руководителя, а только въ качествѣ гостя.

На ряду съ этимъ обращено мною вниманіе и на вопросъ объ отопленіи, которое, по моему мнѣнію, является одною изъ главныхъ причинъ того печальнаго состоянія, въ какомъ нынѣ находится соборъ. По этому вопросу мы ведемъ сношеніе съ тѣмъ же товариществомъ «Лукашевичъ и К^о», которое устранило отопленіе и въ 1893 году. Въ мартѣ мѣсяцѣ посланъ былъ отъ товарищества для изслѣдованія этого вопроса архитекторъ, который производилъ термометрическія измѣренія

и нашелъ большую разность въ температурѣ въ разныхъ мѣстахъ собора. Разница между температурою алтаря и дьяконика болѣе $2^{\circ}/_0$; разница по давленіи съ температурою главнаго купола болѣе $5^{\circ}/_0$. И это въ весеннее время. А въ зимнее, по его словамъ, значительно большая разница, не говоря о такъ называемой библіотекѣ, находящейся на сѣверной сторонѣ, гдѣ постоянная сырость и холодъ. А затѣмъ въ іюнѣ явился и представитель этого товарищества профессоръ Правдзикъ, который нашелъ очень много дефектовъ въ устроенномъ имъ же отопленіи.

По нашему предложенію имъ составленъ проектъ и пояснительная записка къ проекту переустройства отопленія и вентиляціи Софійскаго собора, которую мы и предлагаемъ вашему вниманію. Тутъ указаны и причины неудовлетворительной системы отопленія и вентиляціи,—повторяю устроенной ими же самими,—и тѣ предположенія, какія нужно осуществить для исправленія ея.

Содержаніе этой записки слѣдующее.

Система отопленія и вентиляціи, устроенная въ 1893 году товариществомъ «Лукашевичъ и К^о», была ограничена лишь центральной частью собора, библіотека же, ризница и другія помѣщенія верхняго яруса, по указанію распоряжавшихся въ то время лицъ, не были отоплены и вентилированы; кромѣ того, послѣ устройства отопленія производились работы по реставраціи собора, которыя въ значительной мѣрѣ увеличили охлаждающіяся поверхности оконъ барабановъ и увеличили вслѣдствіе переустройства кровли, потери тепла черезъ сводчатые покрытія.

Вышеуказанныя обстоятельства въ связи съ наличіемъ многочисленныхъ молящихся во время богослуженій привели къ тому, что зимою происходитъ окапливаніе въ куполахъ, барабанахъ и на верхнихъ сводахъ втораго яруса, которое обусловливаетъ образованіе сырости, порчу штукатурки и росписи. Кромѣ того, вслѣдствіе чрезмѣрнаго охлажденія верхнихъ частей собора, замѣчается дутье, являющееся результатомъ образованія падающихъ токовъ охлажденнаго воздуха сверху внизъ.

Для устраненія вышеуказанныхъ недостатковъ необходимо сдѣлать слѣдующее:

1) Устроить спеціальныя приборы для обогрѣванія главнаго купола.
2) Устроить отопленіе и извлеченіе воздуха изъ библіотеки ризницъ и другихъ помѣщеній 2-го яруса.

3) Устроить извлеченіе воздуха изъ главнаго купола.

4) Устроить отопленіе круглой лѣстницы.

5) Установить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дополнительные нагрѣвательные приборы.

6) Устроить калориферы для подачи подогрѣтаго воздуха въ библіотеку и ризницу.

Такъ какъ существующая водяная система отопленія и вентиляціи не можетъ принять дополнительной нагрузки, а коренное ея переустройство крайне затруднительно, то представляется при данныхъ условіяхъ цѣлесообразнымъ устроить вспомогательную систему паровую, осуществленіе которой не вызываетъ значительныхъ работъ въ храмѣ и въ особенности въ нижней части его.

Паровая система предназначается для нагрѣванія главнаго барабана и купола, библіотеки и ризницъ 1 яруса, кромѣ того, съ нею должны быть соединены три камеры побудительной тяги, работающія теперь отъ водяной системы, что облег-

чаетъ работу послѣдней и даетъ возможность нагрузить на нее дополнительные нагрѣвательные приборы въ нижней части храма и расширить во второмъ ярусѣ двѣ приточныя камеры.

На основаніи вышеизложенныхъ соображеній въ главномъ переустройствѣ отопленія и вентиляціи будетъ состоять изъ нижеслѣдующихъ работъ:

- 1) Установки въ существующей котельной парового котла низкаго давленія.
- 2) Прокладки паровыхъ и конденсаціонныхъ трубъ отъ него.
- 3) Установки во 2-мъ ярусѣ храма паровыхъ радіаторовъ.
- 4) Устройства обогрѣванія купола.
- 5) Присоединенія камеръ побудительной тяги къ паровой системѣ.
- 6) Устройства 2-хъ водяныхъ калориферовъ во 2-мъ ярусѣ.
- 7) Устройства вытяжки изъ помѣщенія 2-го яруса.
- 8) Ремонта существующей топки водяного котла и приборовъ у калориферовъ.
- 9) Окраски всѣхъ приборовъ.

Смѣта на указанныя работы исчислена болѣе 20-и тысячъ.

Конечно, и въ данномъ случаѣ придется разчитывать щедротами казны архіерейскаго дома. Но не денегъ жаль, а жаль, что онѣ бросаются въ бездонную бочку.

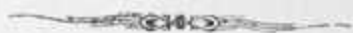
Проектъ этотъ, предварительно его исполненія, будетъ представленъ на утвержденіе Императорской Археологической Комиссіи.

Остановить ли дальнѣйшее разрушеніе этого великаго памятника новая система отопленія и произведенные наружные ремонты, — покажетъ скорое будущее. Въ настоящемъ докладѣ я не касаюсь росписи Софійскаго собора, которая, какъ, быть-можетъ, вы сами убѣдились, достойна всякой жалости. Я представилъ вамъ только архитектурный, такъ сказать, мартерологъ Софійскаго собора; вы видите, что *за десять лѣтъ онъ претерпѣлъ, быть-можетъ, болѣе чѣмъ за десять вѣковъ своего существованія.*

Я счелъ долгомъ, и какъ Архипастырь, и какъ обыватель, и какъ любитель отечественной старины подѣлиться съ вами на этомъ Археологическомъ Съѣздѣ своими скорбями по поводу разрушенія этого священнаго памятника. Нельзя дальше испытывать волю Божию, которая, какъ извѣстно часто не согласуется съ намѣреніями и дѣйствіями человеческими, и оставлять на произволъ судьбы этотъ величайшій памятникъ древняго зодчества. Я скажу даже болѣе: это преступленіе предъ Богомъ и людьми. Этотъ памятникъ, какъ достояніе всей Россіи и долженъ охраняться какъ дорогое наслѣдіе Русской Церкви и Родины. Забота объ охраненіи должна лежать не на частныхъ безотвѣтственныхъ лицахъ, а на Государствѣ, съ надлежащею отвѣтственностью подлежащихъ лицъ за сохранность его. А то мы можемъ дожидаться того, что Господь Вседержитель, чудное и знаменательное изображеніе Котораго находится на фрескѣ въ главномъ куполѣ храма, проявитъ Свой судъ надъ небрежущими о сохраненіи и погубить, какъ нѣкогда Силоамская башня Галилеянъ, и ни въ чемъ неповинныхъ смиренныхъ богомольцевъ-Новгородцевъ за грѣхи другихъ.

Dixi, sed non levavi aniamam!

Облегчить ее составляетъ обязанность вашу во имя долга любви къ церкви, родинѣ и наукѣ, которой вы служите.

Новгородско-Псковская область въ сношеніяхъ съ южными Славянами.

Архіепископъ Новгородскій Арсеній.

Своимъ церковнымъ просвѣщеніемъ древняя Русь обязана въ равной почти степени и Византіи, и Болгаріи съ Сербіей. Но пока Русь была въ роли только ученицы и въ теченіе многихъ вѣковъ черпала изъ обильной сокровищницы культурныхъ завоеваній южныхъ славянъ, — свершались грозныя событія у нашихъ православныхъ сородичей. Пали Болгарія и Сербія, — возвысилась Москва. Роли, естественно, перемѣнились, и уже въ XV вѣкѣ южные славяне являются на Русь, собираемую и укрѣпляемую послѣ сверженія ига монгольскаго, являются за милостыней, за книгами, за духовной поддержкой. Такъ на пространствѣ почти девяти вѣковъ происходитъ взаимообмѣнъ между православными славянами въ области культуры, церковной жизни и письменности, обмѣнъ, поддерживаемый сознаниемъ единства вѣры и народности.

Труды протоіерея А. Горскаго, архимандрита Леонида, академика Е. Голубинскаго, проф. Каптерева, академика А. И. Соболевскаго, проф. Н. И. Петрова, А. И. Александрова, Курганова, В. Н. Перетца, А. И. Яцимирскаго, П. А. Заболотскаго и многихъ другихъ указали и выяснили много важныхъ моментовъ въ исторіи этихъ сношеній между старой Русью, болгарами, сербами, отчасти румынами. Предстоитъ еще впереди большая работа по розысканію новыхъ матеріаловъ и приведенію ихъ въ стройное единство. Наша цѣль — ознакомить съ тѣми фактами, которые свидѣтельствуютъ о существованіи подобнаго рода сношеній между Новгородской и Псковской землями, съ одной стороны, и съ южными славянами — съ другой. Не имѣя въ виду желаемой полноты, нашъ докладъ указываетъ только отдѣльные моменты; тѣмъ не менѣе, и они говорятъ противъ мнѣнія о случайности этихъ сношеній.

Въ 1200 году совершилъ свое паломничество въ столицу Византіи новгородскій архіепископъ Антоній и обогатилъ нашу литературу драгоценнымъ памятникомъ — «Книга Паломникъ, съ Богомъ починаемъ сказаніе мѣстъ святыхъ во Царѣ градѣ». «Паломникъ» новгородскаго архіепископа, въ міру боярина Добрыни Андрейковича, сообщаетъ не только единственныя данныя о церковныхъ и иныхъ древностяхъ Константинополя до разграбленія его крестоносцами во время четвертаго ихъ похода¹⁾, или, какъ сказано въ одномъ заглавіи, «до взятія безбожныхъ Латинъ,

¹⁾ П. Митрофановъ. Извѣщеніе въ направленіи четвертаго крестоваго похода. Византійскій Временникъ, 1897 годъ, кн. III—IV. На стр. 461—463 указана литература предмета.

написано бысть на вѣдѣніе и удивленіе всеѣмъ христіанамъ». Она сообщаетъ не менѣе цѣнное свѣдѣніе о первомъ архіепископѣ Сербскомъ святителѣ Саввѣ. «Божіимъ милосердіемъ и помощію святыхъ Софій, яже глаголется Премудрость Приносущное Слово», «недостойный и многогрѣшный Антоній, архіепископъ Новгородскій» описываетъ монастырь Богородицы Евергетскій, гдѣ «во церкви стоитъ посохъ желѣзень со крестомъ святаго Андрея апостола», и сообщаетъ далѣе, что «и въ томъ же монастыри жилъ Савва, сербскій князь, егда изыде отъ Святыхъ Горъ»¹⁾. Болѣе исправный текстъ говоритъ нѣсколько иначе: «и въ томъ монастырѣ живетъ, вышедше изъ Святой Горѣ, Сава сербскій князь»²⁾.

Это не простое упоминаніе, которое, казалось бы, говорить только о хронологическомъ совпаденіи. Оно разрѣшаетъ хронологическое недоумѣніе, ибо, какъ извѣстно, святитель Савва былъ въ Царьградѣ нѣсколько разъ: въ царствованіе Алексія Ангела, т.-е. между 1195 и 1203 годами, онъ два раза приходилъ сюда, какъ простой инокъ, по дѣламъ сербскаго монастыря Хиландаря и греческаго Ватопеда³⁾. Извѣстно также, что вмѣстѣ съ царственнымъ монахомъ, отцомъ своимъ, Савва былъ однимъ изъ ктиторовъ обители Богоматери Евергетисы. Поэтому естественно, что онъ жилъ въ ней. Но сообщеніе новгородскаго архіепископа-паломника устанавливаетъ дату второй изъ этихъ поѣздокъ въ столицу Византіи, именно 1200 годъ. По мнѣнію Хр. Лопарева, «нашъ паломникъ, повидимому, видѣлъ сербскаго царственнаго инока, котораго называетъ еще княземъ»⁴⁾. И не менѣе драгоцѣнно свѣдѣніе это еще и тѣмъ, что могло дать толчокъ въ научныхъ розысканіяхъ относительно источниковъ славянскаго устава святителя Саввы, который, по вѣскому мнѣнію проф. А. А. Дмитріевскаго, заимствованъ дѣйствительно изъ Евергетидскаго греческаго устава, а не составленъ Саввой самостоятельно, какъ думали объ этомъ раньше.

Изъ южныхъ славянъ на Руси было нѣсколько архіереевъ, прославившихся своею ученостію и церковно-общественною дѣятельностію. Одно изъ первыхъ мѣстъ среди нихъ занимаетъ митрополитъ Кипріанъ, по происхожденію болгаринъ. Поставленный патриархомъ царградскимъ Филоооомъ и не принятый великимъ княземъ Дмитріемъ Іоанновичемъ Донскимъ, онъ хлопочетъ въ Новгородъ и Псковъ о своемъ признаніи, но на первыхъ порахъ безуспѣшно. Обстоятельства перемѣнились, и онъ сталъ всероссійскимъ митрополитомъ въ 1381 году. На первыхъ же порахъ своей дѣятельности онъ посѣтилъ Новгородъ, очевидно, для устройства церковныхъ дѣлъ. Вообще, Новгородъ играетъ важную роль въ дѣятельности святителя Кипріана и его предшественниковъ, особенно послѣ 1385 года, когда вольный городъ рѣшилъ больше не обращаться къ московскому митрополиту для такъ называемаго «мѣсячнаго» суда, бывавшаго разъ въ четыре года. Митрополитъ самъ

¹⁾ «Православный Палестинскій Сборникъ», 51 выпускъ. С.-Пб. 1899, стр. 26, 57. Подъ редакціей Хр. М. Лопарева.

²⁾ Тамъ же, стр. 85.

³⁾ Третья поѣздка св. Саввы въ Царьградъ, въ санѣ архіепископа сербскаго, послѣ 1221 года, не можетъ относиться къ показаніямъ Антонія.

⁴⁾ Тамъ же, стр. СХХХ.

поѣхалъ къ новгородцамъ, 11 февраля 1392 года торжественно былъ привѣтъ, говорилъ въ Софійскомъ соборѣ «велегласно во всю церковь» поученіе¹⁾, однако относительно суда ничего не достигъ. Тогда Кипріанъ запретилъ служеніе и въ слѣдующемъ году уговорилъ вселенскаго патріарха послать новгородцамъ увѣщательную грамоту. При содѣйствіи великаго князя Василя Дмитріевича, споръ былъ улаженъ, — улаженъ былъ «многую ратью», но не надолго. Въ великомъ посту 1393 года Кипріанъ снова былъ въ Новгородѣ, уладилъ споры его со Псковомъ и въ концѣ концовъ этимъ расположилъ Новгородцевъ въ свою пользу, далъ разъясненія относительно церковнаго управленія и службъ, и, уѣзжая, съ любовью благословилъ «сына своего Ивана, владыку Новгородскаго архіепископа, и весь Великій Новгородъ».

Болѣе тѣсныя связи между южными славянами и новгородо-псковскими землями начинаются въ тридцатыхъ годахъ XV вѣка и связаны съ литературною дѣятельностью Пахомія серба. Онъ получилъ книжное образованіе и іеромонашеское посвященіе на Аѳонѣ. Объ этомъ Пахомій ясно и опредѣленно говоритъ въ предисловіи къ написанному имъ житію архіепископа новгородскаго Евѣимія. И самъ онъ, и русскіе называли его «священноинокомъ Святыхъ Горы». Пришелъ онъ въ Новгородъ раньше 1429 и не позднѣе 1430 года, не прямо «изъ Сербскія земли», какъ думали раньше, а съ Аѳона, при великомъ князѣ Василя Васильевичѣ. «Смиранный таха іеромонахъ Пахомій Сербинъ» былъ хорошо «съ любовью» принятъ архіепископомъ Евѣиміемъ II. Здѣсь онъ написалъ Похвальное Слово преп. Варлааму Хутынскому и Службу ему, Службу иконѣ Знаменія, повидимому, и Похвальное Слово Знаменію «Слово похвальное бывшаго знаменія честною иконою Пречистыя Владычица нашея Богородица сущія въ Великомъ Новѣ градѣ», быть-можетъ, и житіе того же Хутынскаго чудотворца. Въ началѣ сороковыхъ годовъ онъ приглашенъ въ Троице-Сергіеву обитель, продолжаетъ неустанно работать надъ составленіемъ другихъ русскихъ Житій, Похвалъ и Службъ — во вкусѣ византійскаго высоко-художественнаго краснорѣчія, «яко цвѣтцы собравше отъ многихъ во едино слово устремляя къ повѣсти», съ риторическими украшеніями и высокопарными похвалами.

Въ 1459 или 1460 году Пахомій снова приходитъ въ Новгородъ, по порученію архіепископа Іоны, описываетъ недавнее чудо о воскрешеніи постельника Григорія Варлаамомъ Хутынскимъ. «Пахомій сербинъ, отъ Святыхъ Горы пришелецъ» и «въ книжныхъ слогахъ искусный», жилъ у архіепископа Іоны, пользуясь милостями и расположеніемъ новгородскаго владыки. По его же порученію онъ пишетъ Житіе «прежъ его бывшаго», недавно (въ 1458 году) почившаго архіепископа Евѣимія, въ свое время пріютившаго сербскаго писателя, составляетъ Слово на праздникъ Покрова Божьей Матери, Службу преподобному Антонію Печерскому, Житіе митрополита Іоны Московскаго, со Службой ему. Несмотря на подарки со стороны новгородскаго владыки, покровителя книжности, на «множество серебра,

¹⁾ Два изъ нихъ воспроизведены въ Никоновской лѣтописи, П. С. Р. Л., VI, 200—201.

кунъ же и соболей», Пахомій сербъ отказывается почему-то написать каноны преподобному Сергію Радонежскому и преподобному Михаилу Клопскому, «ему же хотяше уяснити память архіепископъ», вѣроятно, потому, что онъ снѣшилъ въ Москву. Въ Москвѣ онъ пробылъ всего годъ или два, а въ 1462 или слѣдующемъ году мы застаемъ его въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, гдѣ Пахомій собираетъ свѣдѣнія о почившемъ преподобномъ (1337—1427 гг.) отъ мѣстныхъ старцевъ. Житіе архіепископа новгородскаго Іоанна написано было Пахоміемъ уже въ эпоху покоренія вольнаго города Москвой. Повидимому, онъ прибылъ въ Новгородъ послѣ 1473 года, уже глубокимъ старикомъ, припалъ къ ракъ чудотворца, получилъ исцѣленіе, и раскаивался въ своемъ прежнемъ невѣріи, въ сомнѣніи относительно святости новгородскаго святителя Іоанна XII вѣка. Здѣсь же, немного позднѣе 1484 года, Пахомій написалъ свой послѣдній трудъ — Житіе архіепископа Новгородскаго Моисея XIV вѣка¹⁾. Не смотря на то, что стиль писаній Пахомія требовалъ какъ бы удаленія отъ реальныхъ подробностей и скрашиванія индивидуальныхъ чертъ, все же они много говорятъ о новгородскихъ обычаяхъ, о политическомъ и экономическомъ состояніи области, о трудахъ новгородскихъ архипастырей, сообщаютъ драгоцѣнныя свѣдѣнія по исторіи мѣстнаго монашества и т. д.

Другимъ писателемъ, изъ сербовъ, связавшимъ нашу литературу съ православнымъ славянскимъ югомъ, былъ черноризецъ Аникита Левъ Филологъ. Соловецкая братія послала на славянской югъ монаха Богдана съ порученіемъ найти писателя, который могъ бы составить новое Житіе основателей славной Соловецкой обители во вкусѣ зарождавшагося тогда у насъ церковно-агіологическаго краснорѣчія, съ «плетеніемъ словецъ» въ духѣ византійскихъ Житій. Это было во время управленія новгородскою церковью знаменитаго митрополита Макарія, т.-е. во второй четверти XVI вѣка²⁾. Упомянутое въ посланіи имени митрополита Макарія, такого выдающагося покровителя учености и ревнителя русской литературы, надо думать, здѣсь не случайное, и скорѣе всего самъ новгородскій владыка указалъ соловецкой братіи на необходимость подобнаго литературнаго заказа въ земляхъ, извѣстныхъ своей высокой литературой въ старое время. Порученіе увѣнилось успѣхомъ, и монахъ Богданъ привезъ съ собой на Русь два произведенія: 1) «Мѣсяца септеврія въ 27 день, Филолога черноризца Слово о преподобнѣмъ Саватіи, новемъ чюдотворцы, иже во отцѣ Соловецкомъ сущемъ, во Окіянстѣмъ понтѣ».

2) «Мѣсяца апрѣля въ 17 день, Филолога черноризца Слово о пасцѣи о преподобнѣмъ Зосимѣ, новемъ чюдотворцы, иже на Соловецкомъ островѣ, на полунощной странѣ сущемъ понта Окіяна». См. Библиологическій словарь и черновыя къ нему матеріалы П. М. Строева, стран. 274 и 275 (тамъ же и о другихъ произведеніяхъ того же сербскаго писателя).

¹⁾ Свящ. В. Яблонскій. Пахомій Сербъ и его агіографическія писанія. С.-Пб. 1908, страницы 11—20, 27—28, 80—94, 105—123, 130—136, 144—154, 169—171, 174—180.

²⁾ В. О. Ключевскій. Древне-русскія Житія святыхъ, какъ историческій источникъ. М. 1871, стран. 268—270.

Не подлежит сомнѣнію и то, что новгородско-псковскія обители имѣли и непосредственныя сношенія съ южными славянами на литературной почвѣ. Къ сожалѣнію, губительное время и частыя стихійныя бѣдствія уничтожили множество наиболѣе древнихъ книгъ. Мы имѣемъ, напримѣръ, свѣдѣнія о пожарѣ 1299 года въ Великомъ Новгородѣ, когда «загорѣлося на посадѣ на Торговой сторонѣ, на Знаменской и на Варяжской великой улицы, въ великую субботу, въ полунощи. И вержеса огнь изъ Нѣмецкаго двора въ Неревскій конецъ, на Софійскую страну, а загорѣся на Холопѣхъ улицы, а Неревляне на оной страны, а мостъ великій огнь занялъ». Поднялась буря вихремъ, сгорѣло нѣсколько людей, среди нихъ и изъ духовенства. Сгорѣло на Торговой сторонѣ 12 церквей, въ Неревскомъ концѣ 10 церквей: «иконъ и книгъ ничтоже поспѣша вынести». То же почти самое относительно книгъ и иконъ говорится въ лѣтописи при пожарѣ въ 1340 году. Судя же по одному тому, что оригиналомъ для дьякона Григорія, переписавшаго извѣстное Остромирово Евангеліе для новгородскаго посадника, была болгарская рукопись, можно полагать, какія драгоценныя южнославянскія книги были въ Новгородѣ, а затѣмъ погибали.

Въ 1489 году новгородскій архіепископъ Геннадій спрашиваетъ архіепископа ростовскаго Іоасафа (жившаго въ Терапонтскомъ монастырѣ на покоѣ), нѣтъ ли въ монастыряхъ книгъ, которыя необходимы при борьбѣ съ ересью жидовствующихъ, и въ числѣ ихъ упоминаетъ «Слово Козмы Пресвитера на новоявльшуюся ересь на богумилю» и «Посланіе Фотѣя патріарха ко князю Борису Болгарскому». Если бы такіе списки нашлись, несомнѣнно, они теперь считались бы очень древними. Такимъ образомъ, можно говорить только о болѣе поздней эпохѣ. Обращаемся къ библіотекѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, описаніе нѣсколькихъ рукописей котораго издано профессоромъ Н. К. Никольскимъ въ «Памятникахъ древней письменности», изданные Императорскимъ Обществомъ любителей древней письменности за № 113 (С.-Пб. 1897). Здѣсь находимъ сербскую рукопись XV вѣка № 32/1109, которая и въ древней описи названа «соборникомъ сербскимъ»¹⁾. Въ другой рукописи конца XV вѣка оказываются юсы, несомнѣнно, какъ отраженіе болгарскихъ оригиналовъ²⁾. Въ той же описи, составленной неизвѣстными книголюбцами въ концѣ XV вѣка, упоминаются книги съ произведеніями Климента Словенскаго, Іоанна Экзарха Болгарскаго, Пресвитера Григорія, Петра Черноризца (быть-можетъ, болгарскаго царя Петра), Григорія Цамблака, Евѣимія патріарха Тырновскаго и многихъ другихъ южнославянскихъ писателей. Часть списковъ ихъ сохранилась въ Библіотекѣ С.-Петербургской духовной академіи и до нашего времени, какъ жалкій остатокъ нѣкогда богатой литературы.

Упомянемъ еще о нѣсколькихъ фактахъ живыхъ сношеній южныхъ славянъ съ старымъ Псковомъ и его областью.

Въ сборникѣ послѣдней четверти XVII вѣка Вѣнской Придворной Библіотеки № 88 имѣется статья: «О приходѣ полскаго короля Стеана Оботура ко граду

¹⁾ Стран. 188, 315—318. По сигнатурѣ Н. Никольскаго ХLI.

²⁾ № 6/1083, 1478—1482 годовъ.

Труды XV Съѣзда. Т. I.

Пскову (л.л. 158—171). Статья начинается словами: «В лѣта 7089, августа 18 де(нь) прииде с великою гордостію Полскій король Стеванъ Оботуръ угранинъ сый»... Между прочимъ, здѣсь говорится, что съ нимъ пришли «отъ многихъ странъ воя: турки, агаряне, волохи, мутьяны, серби, угры, словяки, нѣмцы»¹⁾. Такимъ образомъ, въ 1581 году подъ Псковомъ стояли съ цѣлями ратными разные славянскіе народы, а также румыны.

Но въ большинствѣ случаевъ сношенія носили мирный характеръ. Въ церкви Успенія Богородицы въ Ицканахъ около Сочавы, древней столицы Молдавіи (нынѣ австрійская Буковина) сохранилось надгробіе «Прокопа Псковитина, иже преста-
вися къ вѣчнѣй обители въ лѣто *3318* (7033—1525)» и это надгробіе заказала жена его Маруша. Мы предполагаемъ, что Прокопій Псковитинъ былъ торговый чело-
вѣкъ и, живя въ Молдавіи, сохранилъ въ своемъ прозвищѣ память о псковскомъ происхожденіи²⁾.

Возлѣ Пскова, а можетъ-быть и въ самомъ городѣ, жилъ нѣсколько времени бывшій молдавскій господарь Стефанъ-Георгій въ 70-хъ годахъ XVII вѣка, ожидая позволенія приѣхать въ Москву и представиться царю Алексѣю Михайловичу. Жена его, государыня Стефанида, вышивала съ монахинями церковныя облаченія, которыя думала положить въ московскіе храмы³⁾.

И русскія книги попадали на югъ, къ славянамъ и румынамъ. Въ Academia Romana въ Букарештѣ подъ № 5 хранится Евангеліе XIV вѣка, Апракосъ, прекраснаго новгородскаго письма, на бѣломъ пергаментѣ, хорошей выдѣлки⁴⁾. Попало оно къ румынамъ давно, что видно изъ записи 1613 года о томъ, что при госпо-
дарѣ Стефанѣ воеводѣ оно было уже въ Молдавіи, вѣрнѣе въ Бессарабіи. Другая записъ говоритъ, что въ 1673 году рукопись была выкуплена сочавскимъ священ-
никомъ Василиемъ у одного поляка за 16 левовъ, когда поляки подошли съ вой-
сками Собѣскаго послѣ взятія Хотина, что на Днѣстрѣ въ Бессарабіи.

Въ Букарештскомъ Музеѣ древностей подъ № 327 имѣется Новгородская Миней служебная XV вѣка. Въ началѣ рукописи, по полямъ первыхъ листовъ— записъ полууставомъ: «книга глѣмаа минеа рѣтка гѣѣи бѣи антонька монастыра
келікаго новаграда»⁵⁾. Тамъ же въ сборникѣ XVII вѣка № 338 помѣщено Житіе
Нила Столбенска, служба и сказаніе о новгородской иконѣ Божьей Матери «Знаменье»⁶⁾.

Южнымъ славянамъ извѣстны были многіе русскіе святы. Памяти ихъ встрѣ-
чаются въ мѣсяцесловахъ, писанныхъ южными славянами. Пока вопросъ этотъ не
исслѣдованъ, и не собраны всѣ рѣшительно свѣдѣнія о такихъ памятяхъ новго-
родскихъ и псковскихъ святыхъ; извѣстные же въ наукѣ факты изучаемаго от-
дѣла касаются больше всего святыхъ кievскихъ. Но не можемъ не упомянуть
о томъ, что въ сербскихъ прологахъ XIV вѣка помѣщается краткое Житіе ве-

¹⁾ За сообщеніе приношу благодарность А. И. Яцимирскому.

²⁾ См. наше сообщеніе въ «Трудахъ Псковскаго Церк. ист.-археол. Комитета», томъ I, стран. 27—30.

³⁾ Н. Серебрянскій, Очерки по исторіи Псковскаго монашества. М. 1908.

⁴⁾ См. А. Яцимирскій, Славянскія и румынскія рукописи румынскихъ библиотекъ, стран. 90—92.

⁵⁾ Тамъ же стран. 410.

⁶⁾ Тамъ же стран. 492.

ликой Псковички, блаженной великой княгини Ольги. Академикъ В. И. Ламанскій еще въ 1864 году напечаталъ статью «Преставленіе ~~святыхъ~~ царицъ Раушскихъ Ольги, праматери ~~князя~~ князя Раушскихъ» изъ Синаксаря 1340 года, написаннаго въ сербской Лесновской обители св. Гавріила въ сѣверной Македоніи¹⁾. Надо полагать, что найдутся и другія рукописи съ этимъ Житіемъ, а можетъ быть и съ другими Житіями новгородскихъ и псковскихъ святыхъ.

Что о нихъ южные славяне знали, свидѣтельствомъ служатъ приписки, сдѣланныя сербомъ, на пергаменномъ Прологѣ XIV—XV вѣка Берлинской Королевской Библіотеки № 38. Драгоцѣнныя свѣдѣнія объ этихъ припискахъ опубликованы были въ 1882 году профессоромъ Московской духовной академіи Г. А. Воскресенскимъ въ «Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Акад. Наукъ»²⁾, но не полностью, и съ нѣкоторыми ошибками. Любезность директора рукописнаго отдѣла названной библіотеки д-ра Штерна дала возможность провѣрить сообщенія профессора Г. А. Воскресенскаго по фотографическимъ снимкамъ. Во-первыхъ, оказывается, что въ указанномъ трудѣ напечатаны только двѣ приписки цѣликомъ и свѣдѣнія о третьей въ краткихъ извлеченіяхъ. На самомъ же дѣлѣ въ рукописи помѣщено девять приписокъ, касающихся новгородско-псковскихъ святыхъ. Во-вторыхъ, онѣ относятъ ихъ къ XVI—XVII вѣкамъ. Судя по почерку, XVI вѣка невозможно допустить ни въ коемъ случаѣ. Какъ видно будетъ изъ обзора ихъ, онѣ даютъ любопытныя свѣдѣнія о русскихъ святыхъ, даютъ иногда новыя хронологическія даты и свидѣлствуютъ, что сербскій книжникъ XVII вѣка узнавалъ о русскихъ святыхъ не изъ краткихъ святцевъ, а изъ подлинныхъ Житій. Гдѣ дѣлалъ онѣ свои приписки? Естественнѣе всего было бы предположеніе, что сдѣлалъ онѣ это въ сѣверной Россіи, прибывъ сюда съ тѣми многочисленными болгарами и сербами, которые являлись за милостыней и за книгами послѣ паденія южнославянскихъ государствъ. Но самая рукопись, на которой сдѣланы приписки, сербскаго происхожденія. Поэтому едва ли онѣ возилъ ее съ собой въ Россію. Скорѣе всего, эти приписки о новгородскихъ и псковскихъ (а также и московскихъ) святыхъ сдѣланы имъ въ одномъ изъ сербскихъ монастырей, на основаніи русскихъ источниковъ, на основаніи тѣхъ книгъ, которыя принесены были вмѣстѣ съ церковными облаченіями, сосудами и другими вещами его сородичами изъ любвеобильной и братской Руси.

Приписки составляютъ какъ бы дополненіе къ статьямъ и памятамъ сербскаго Пролога:

І. 11 января: «въ ови дань ѿ (11) свети Михаилъ Клопски, сьроднико бѣ великихъ кнезь Московскихъ, и Христа ради и уродивъ бысть, живи въ монастыри, нарицаеми Клоп(с)ко за ѿ (15) поприщъ отъ Новограда, въ немъже прѣставше и погребень бысть въ лѣто *сѣѣ*» (6960—1452).

Дата кончины преподобнаго Михаила Клопскаго не совпадаетъ съ тѣми годами, которые устанавливаетъ для этого событія покойный профессоръ В. О. Ключ-

¹⁾ «Приложеніе къ запискамъ Императ. Акад. Наукъ», т. VI, № 1, стр. 113.

²⁾ Т. XXXI, № 1, на стр. 11—12.

чевскій, именно, съ періодомъ между 1453 и 1456 годами. Можно предполагать, что сербъ-писецъ просто не дописалъ даты, оставивъ незаполненнымъ цифру единицъ, такъ какъ она читалась неясно въ его оригиналѣ.

II. 17 января: «въ тажде днь Анеоніе Ремланинъ, иже припли на камени изъ Рима въ Велики Новоградъ въ лето $\times s\tilde{x}a1$ » (6614—1106).

Какъ извѣстно, память преподобнаго Антонія Римлянина празднуется 3-го августа — день кончины преподобнаго, а также день переложенія или открытія мощей въ 1597 году, и подъ этимъ днемъ новгородскій святой упоминается у архіепископа Сергія «Полный мѣсяцесловъ Востока (II, стран. 235). Что касается 17-го января, то здѣсь мы имѣемъ отраженіе чисто новгородскаго церковнаго обычая¹⁾. Такимъ образомъ, сербско-русскій агиографъ имѣлъ, надо полагать, или непосредственныя сношенія именно съ Новгородскими землями, или же пользовался письменными источниками не московскаго или южно-русскаго, а новгородскаго происхожденія. Не лишено значенія и то обстоятельство, что вмѣсто обычной даты при памятяхъ другихъ святыхъ, даты ихъ кончины (преподобный Антоній преставился въ 1147 году), здѣсь помѣщенъ годъ чудеснаго прибытія святого изъ Рима, и, повидимому, 17-е января есть точный день этого событія.

III. 31 января: «въ тажде ѿа днь паметь иже въ светыхъ отьца нашего Никиты Новгородскаго чюдотворца; бѣ пострижникъ Квевскихъ пещерь, пасе црьковъ Божию лѣтъ ѿи (13) и преставше отъ бытіа въ лето $\times s\tilde{x}a$ », (6609—1101).

Годъ преставленія Печерскаго затворника и новгородскаго епископа, сообщаемый сербомъ, также не обычный, принятый въ русской агиологiи (1108). Объ этомъ будемъ говорить немного ниже, когда рѣчь будетъ объ обрѣтеніи мощей святителя Никиты.

IV. 4 февраля: «въ тожде днь убіеніе светаго кнеза Георгіа Всеволодовича; убіень бысть отъ цара Батъа на рѣце Ситѣ въ лето $\times s\tilde{x}mз$ (6747—1239). Въ тожде днь преподобнаго Кѳрила Белаго Новоезерскаго чюдотворца, въ лето $\times \tilde{z}m$ » (7040—1532).

Въ данномъ случаѣ дата не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній и еще разъ опровергаетъ долго бывшее въ употребленіи у насъ мнѣніе Строева, будто скончался преподобный Кириллъ въ 1537 году.

V. 11 февраля: «въ та же днь светого кнеза Всеволода, нареченаго въ светомъ крещеніи Гаврила, и преставысе въ лето $\times s\tilde{x}ms$ » (6646—1138).

И эта дата кончины благовѣрнаго князя Псковскаго, мощи котораго обрѣтены въ 1192 году, оказывается вполне достовѣрной.

VI. 11 марта: «въ та же днь иже (въ) светыхъ отьца нашего Еуфиміа архіепископа Новгородскаго чюдотворца, преставше въ лето $\times s\tilde{u}\tilde{z}s$ » (6966—1458).

Объ Евѣиміи, архіепископѣ новгородскомъ, мы имѣли уже случай говорить выше, упоминая о составленіи Житія и службы ему сербиномъ Пахоміемъ Логоетомъ. Укажемъ еще на ошибку Строева, полагавшаго день преставленія святителя Евѣиміа 10-го марта, а не 11-го, какъ принято въ наиболѣе авторитетныхъ источникахъ.

¹⁾ Другой день мѣстнаго же празднованія — первая пятница послѣ 29-го іюня. Ср. Богосл. Энциклопедія, т. I, стран. 884.

VII. 8 апрѣля: «въ та же днь светаго и преподобнаго отьца нашего Нифонта епископа Но(в)городскаго, въ лето $\times 4713$ (1157), въ царство Мануила, а кнеза Роскога Изеслава».

Дата, сообщаемая намъ сербскимъ книжникомъ, всего на одинъ годъ моложе обычной, 1156 года¹⁾. Конечно, если бы такая разниа объяснялась тѣмъ, напримѣръ, что данное событіе имѣло мѣсто въ послѣдніе четыре мѣсяца январскаго года, когда, какъ извѣстно, изъ цифры лѣтъ отъ сотворенія міра слѣдуетъ вычитать не 5508, а 5509 лѣтъ, — то вся разниа не вызвала бы никакихъ сомнѣній, и дѣйствительно получился бы 1156 годъ. Но преподобный Нифонтъ скончался въ субботу на пасхальной недѣлѣ, 21-го апрѣля, и это — фактъ достовѣрный, въ наукѣ установленный. Другіе же дни памяти преподобнаго Нифонта — это 8-го апрѣля или 16-го іюня — опять приходятся на первую половину январскаго года. Слѣдовательно здѣсь мы встрѣчаемся скорѣе всего съ новыми историческими данными, требующими спеціальнаго разслѣдованія. Пользуемся случаемъ, чтобы исправить ошибку у профессора Г. А. Воскресенскаго, помѣстившаго разбираемую приписку подъ 9-мъ апрѣля вмѣсто 8-го.

VIII. 17 апрѣля: «въ та же днь светаго Зосима игумене Соловецкаго чюдотворца, бѣ области Великаго Новограда села, рекомаго Толвуя, озера Онѣга, отца именемъ Гаврила и матере Варвари, отиде изъ дому отьца и пострижесе близу дома отьца своего, по семь отиде на островъ Словецкій съ Германомъ и престависе отъ битія въ лето $\times sijn$ s» (6986—1478).

Какъ видно, въ данной замѣткѣ сербъ пользовался не краткой памятью святцевъ, а обнаруживаетъ знакомство съ житіемъ преподобнаго Зосимы.

IX. 30 апрѣля: «въ то же днь обретеніе мощи иже въ светихъ отьца нашего Никити епископа Новгородскаго въ лето $\times s2s$ (7066—1558) и бише въ земли мощи его $\times 453$ лета».

Сообщаемый въ припискѣ годъ — исторически извѣстный, не возбуждающій всякаго рода сомнѣній и встрѣчающійся во всѣхъ агіографическихъ трудахъ. Поэтому въ дальнѣйшихъ хронологическихъ вычисленіяхъ мы въ правѣ на него полагаться. Но онъ же указываетъ на разногласіе въ опредѣленіи времени преставленія св. Никиты. Дѣло въ томъ, что, вычитя изъ 1558 года (обрѣтеніе мощей преподобнаго Никиты) 453 (періодъ между кончиной и открытіемъ мощей), получаемъ 1105 годъ, какъ годъ преставленія новгородскаго епископа. А выше мы обратили вниманіе на несходство сообщенія серба (1101 годъ) съ обычной въ агіологии датой (1108 годъ). Вѣдь самъ сербъ могъ произвести подобное вычисленіе, и тогда онъ, навѣрное, увидѣлъ бы несоотвѣтствіе. Смѣшать цифры десятковъ и единицъ даты кончины въ датѣ отъ сотворенія міра, т.-е. $\times 6616$ съ $\times 6609$, конечно, онъ не могъ. Поэтому приходится въ датѣ отъ сотворенія міра предполагать иное. Въ древнихъ русскихъ рукописяхъ была обычная дата $\times s\chi si$ (6616—1108 годъ), и одинъ изъ переписчиковъ принялъ въ десяткахъ букву

¹⁾ Ср. Сергія, архіеп. Полный мѣсяцесловъ Востока, стран. 102.

зло за глаголь, что такъ легко, принимая во вниманіе древнѣйшую форму «зѣла», верхней своей частью обращенную въ лѣвую сторону (з), а не въ правую, какъ стали писать сравнительно позднѣе, приблизительно съ XIV вѣка. Такимъ образомъ, у одного изъ переписчиковъ получилась дата $\times S\tilde{X}zi$ (6613—1105 годъ), и изъ этой описки уже исходятъ вычисленія, которыя находимъ въ приведенной записи.

Таковы отдѣльные факты изъ исторіи взаимныхъ сношеній южныхъ славянъ съ Новгородско-Псковскою областю въ старое время. Факты случайные въ нашей письменности, сохранившей мало отъ старины. Собрано нами «отъ великаго малое», но не случайны эти факты въ общей картинѣ нѣкогда широкихъ и прочныхъ междуславянскихъ сношеній въ церковной и просвѣтительной области.

Андреевскій соборъ села „Грузино“, какъ хранилище историческихъ памятниковъ эпохи императора Александра I.

(Къ столѣтiю собора 17 апрѣля 1811—17 апрѣля 1911 г.)

Н. Лашковъ.

Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ справедливо заслужилъ ненависть своихъ современниковъ и нынѣшняго поколѣнiя людей за свою небывалую жестокость и кровожадность, но и его можно помянуть добромъ, если вспомнить о построенномъ имъ «Андреевскомъ Соборѣ» въ его имѣнiи «Грузино», нынѣ село того же имени по Тихвинскому тракту Новгородскаго уѣзда и губернiи, въ 13 верстахъ отъ станціи Николаевской желѣзной дороги «Чудово».

Соборъ этотъ замѣчателенъ красотой и оригинальностью своего внутренняго убранства и особенно тѣмъ, что въ немъ графъ Аракчеевъ всячески постарался увѣковѣчить память о своихъ «благодѣтеляхъ», Императорахъ Павлѣ I и Александрѣ I, а также и различныя событія изъ своей жизни. Разсматривая соборъ и его достопримѣчательности, восхищаешься ихъ красотой, оригинальностью и изяществомъ ихъ работы и невольно забываешь о тѣхъ грубыхъ и пошлыхъ расчетахъ, по которымъ создались нѣкоторые памятники и произведенiя искусства.

Соборъ заложенъ графомъ Аракчеевымъ 5 мая 1805 года (въ это число въ 1799 году Аракчеевъ получилъ графскій титулъ) на мѣстѣ древней деревянной церкви, построенной 6 iюня 1793 года, освященъ 20 сентября 1806 года, въ день рожденiя Императора Павла I (въ 1754 году) и названъ Андреевскимъ, въ честь апостола Андрея Первозваннаго, который, по преданiю, посѣтилъ это мѣсто, во дружилъ на немъ крестъ, отчего будто бы это мѣсто и называется «Грузино» и предсказалъ, что здѣсь будетъ христіанство процвѣтать.

Строителемъ собора былъ тотъ-же архитекторъ, какой строилъ Аракчееву въ Грузинѣ домъ («Аракчеевскій дворецъ»), Θεодоръ Ивановичъ Демерцовъ. Онъ построилъ соборъ въ видѣ продолговатаго, широкаго, одноэтажнаго зданiя простой архитектуры ранняго «empire» съ двускатной крышей, съ треугольными римскими фронтонами на всѣ стороны храма, при чемъ восточный и западный фронтоны поддерживаютъ 8 ионическихъ колоннъ (по 4 колонны на каждой сторонѣ); средняя часть храма увѣнчана массивнымъ двойнымъ куполомъ въ видѣ высокой шапки съ полукруглымъ верхомъ, заканчивающимся другимъ куполомъ, продолго-

ватымъ, меньшаго размѣра, съ крестомъ и шаромъ наверху; кромѣ того, большой куполь украшенъ 14 іоническими колоннами. Колокольня построена отдѣльно отъ храма, на западѣ.

Начнемъ свой осмотръ храма съ большого стараго креста на наружной восточной стѣнѣ храма. Крестъ восьмиконечный грубой работы съ обычными для креста надписями. На крестѣ 2 мѣдныхъ доски съ такими надписями:

1. «Сей крестъ перенесенъ въ 1806 году графомъ Алексѣемъ Андреевичемъ Аракчеевымъ и поставленъ въ наружно восточной стѣнѣ построенной новой церкви Апостола Андрея первозваннаго противъ Горнаго мѣста»¹⁾.

2. «Поставленъ бысть сей Святый и животворящій честный Крестъ Христовъ въ лѣто 58а (отъ рождества Христова въ 1693-мъ году) мѣсяца Іюля въ 6-й день, при державѣ великихъ Государей, Царей и великихъ Князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича всея великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ и при святѣйшемъ Патріархѣ Андріанѣ Московскомъ и всея Россіи, и при Митрополитѣ Корнилии великаго Ново Града и великихъ Лукъ, и при Настоятели власти тоя Святыя обители Воскресенія Христова Деревяницкаго монастыря при Игуменѣ Маркеллѣ съ братією тцаніемъ рабовъ Божіихъ Грузинскаго погоста жителей и праздновать и молебень пѣть Святому Апостолу Андрею Первозванному Іюля въ 6-й день. Чудный Крестъ Христовъ на поклоненіе вѣрнымъ всемъ православнымъ Христіанамъ. К. Т. Ч. П. Х. И. В. Т. С. что значить: «Кресту твоему честному поклоняемся Христѣ и вокресеніе Твое славимъ».

Предъ Крестомъ на желѣзныхъ цѣпяхъ виситъ большой бронзовый золоченый фонарь съ неугасимой внутреннею лампадой.

Надъ входомъ западной стѣны находится фреска позднѣйшаго времени и плохой работы: «Воскресеніе Христова». Чрезъ маленькую полутемную паперть входимъ въ соборъ. На южной и сѣверной наружныхъ стѣнахъ нѣтъ украшеній.

Внутри соборъ довольно большой, свѣтлый, четырьмя столбами, поддерживающими куполь, раздѣляется на 3 части, или придѣла, изъ которыхъ средній придѣлъ больше и шире двухъ другихъ. Въ сѣверо-западномъ углу храма находится «комната графа Аракчеева», но въ 70-хъ годахъ прошлаго (XIX) столѣтія она была уничтожена для расширенія храма въ виду большого наплыва молящихся. Одна пара столбовъ отдѣляетъ алтарь отъ остальной части храма, отъ другой пары столбовъ, стоящихъ посрединѣ храма, идутъ желѣзныя хоры на три стороны храма: на сѣверную, западную и южную. На хорахъ помѣщается ризница и бібліотека собора. Надъ иконостасомъ и между столбами купола сдѣланы полукруглыя арки, опирающіяся на широкій римскій карнизъ, идущій по всемъ стѣнамъ храма. Всѣ 3 иконостаса поставлены на одну высоту и въ одну линію, только форма солей и число ступенекъ ея разныя, солей средняго и праваго придѣловъ деревянныя и въ 3 ступени, солей лѣваго придѣла — каменная, полукруглая и въ 7 ступенекъ. Всѣ иконостасы деревянные: средній и лѣвый одноярусные,

¹⁾ Во всѣхъ надписяхъ и документа орографія подлинниковъ сохранена.

правый — двухъ-ярусный. Архитектура храма внутри, также проста, какъ и снаружи, только грубая позднѣйшая мазя мѣстныхъ богомазовъ по стѣнамъ и потолкамъ храма, его неумѣлая раскраска и позднѣйшая прибавка разныхъ украшеній въ видѣ неуклюжихъ громоздкихъ кіотовъ съ аляповатой золотой рѣзбой и иконами плохой суздальской работы нарушаютъ строгую аракчеевскую симметрію въ расположеніи храмовыхъ украшеній и портятъ общее впечатлѣніе у посѣтителя храма.

Средній придѣлъ устроенъ въ честь святого апостола Андрея Первозванного (праздникъ 30-го ноября), лѣвый — въ честь святыхъ первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла (праздникъ 29-го іюня) и правый — въ честь трехъ святыхъ, Московскихъ митрополитовъ Петра, Алексѣя и Іоны (праздникъ 5 октября). Чрезвычайно любопытно то обстоятельство, что графъ Аракчеевъ устроилъ придѣлъ въ честь только трехъ святителей Московскихъ, тогда какъ церковь православная 5 октября празднуетъ память четырехъ Московскихъ святителей: митрополитовъ Петра, Алексѣя, Іоны и Филиппа. Очевидно, Аракчеевъ не почиталъ святителя Филиппа. Неужели онъ этого святого, «истиннаго печальника земли Русской» не чтить только за то, что митрополитъ Филиппъ заступался за всѣхъ несчастныхъ и грозно обличалъ жестокаго царя за его кровожадность и пороки и, слѣдовательно, являлся царскимъ «супротивникомъ и ослушникомъ». Посвященіемъ лѣваго придѣла въ честь апостоловъ Петра и Павла, Аракчеевъ пожелалъ увѣковѣчить потомству день именинъ своего «благодѣтеля», Императора Павла I, посвященіемъ лѣваго — въ честь трехъ святителей московскихъ — день своихъ именинъ.

Средній (главный) придѣлъ.

Иконостасъ его одноярусный, столярной работы, по словамъ церковной описи «въ итальянскомъ стилѣ, колѣнчатый». Всѣ иконы въ немъ живописныя превосходной работы извѣстныхъ русскихъ художниковъ; таковы же всѣ запрестольные образа, а также и многія другія иконы, расположенныя въ разныхъ частяхъ храма, напримѣръ, Андрей Первозванный художника Егорова на западной стѣнѣ, или чудные горельефы евангелистовъ Маркоса въ парусахъ Купола; часть иконъ — хорошія копія итальянскихъ мастеровъ, какъ «*Madonna della sedia*» Рафаэля Санціо, и другія, но въ настоящемъ описаніи Андреевскаго собора будутъ разсмотрѣны только одни историческіе памятники. За престоломъ на деревянной тумбѣ стоитъ выносной восьмиконечный, кипарисный крестъ, со всѣхъ сторонъ обложенный серебряной ризой. На лицевой сторонѣ креста изображены: посрединѣ распятіе, надъ нимъ Богъ Отецъ; подъ распятіемъ апостолъ Андрей Первозванный, справа отъ распятія Богородица, слѣва — апостолъ Іоаннъ Богословъ; на обратной сторонѣ креста: посрединѣ Христосъ, идущій со крестомъ на Голгофу, надъ Нимъ икона Божіей Матери «Знаменскія», подъ Нимъ мученица Анастасія Римлянина, справа отъ Христа архангелъ Михаилъ, слѣва — Алексѣй, митрополитъ Московскій. Всѣ эти изображенія поколѣбныя, кромѣ среднихъ и воспроизведены живописно

и весьма изящно. На лицевой сторонѣ креста надпись: «Графъ Аракчеевъ вгужинской соборъ 30 ноября 1818 года въ день Святаго Апостола, Андрея Первозваннаго», на обратной: «весу серебра 15 фу 24 зо».

На сѣверной стѣнѣ алтаря въ рѣзной золоченой рамѣ виситъ икона Тихвинской Божіей Матери, принадлежавшая одной изъ родственницъ Аракчеева, Евдокии Ѳеодоровнѣ Сназиной.

На сѣверной же стѣнѣ расположена золоченая мѣдная доска съ разрѣшеніемъ петербургскаго митрополита Серафима служить въ Андреевскомъ соборѣ литургію въ праздничные и воскресные дни при открытыхъ Царскихъ Вратахъ¹⁾.

Храмовая икона апостола Андрея по недостатку мѣста въ самомъ иконостасѣ помѣщается на правомъ столбѣ предъалтарной арки. Икона большого размѣра, старинная и писана иконописно; на ней апостолъ изображенъ въ ростъ и въ «чудесѣхъ». На иконѣ серебряная риза въ 12 фунтовъ 48 золотниковъ вѣса, при чемъ вся ея середина вызолочена, а поля ея съ чудесами оставлены бѣлыми. На ризѣ надписи: «здѣлана графомъ Аракчеевымъ 1806 года месяца марта 13 числа»; на чудесахъ другая надпись: «сей окладъ на чудеса святаго апостола Андрея Первозваннаго сдѣланъ графомъ Аракчеевымъ въ память благополучнаго его возвращенія изъ похода въ 1814 году, весу 7 фу. 48 зо.»

Слѣва отъ этой иконы, на томъ же столбѣ, мѣдная золоченая доска съ надписью:

«Въ 1796 году мѣсяца Декабря 12-го дня Государь Императоръ Всероссійскій Павелъ Первый пожаловалъ въ Новгородской губерніи волость именуемую Село Грузино разныхъ Орденовъ Кавалеру Графу Алексѣю Андреевичу Аракчееву Который воздвигнулъ сей Памятникъ Церковь Святаго Апостола Андрея первозваннаго и Святую его Икону украсилъ богатою Серебреною и вызолоченною ризою съ Каменіями въ коей вѣсу пять фунтовъ а при Освященіи Храма перенесена Святая икона чино Священниками въ 1806 году мѣсяца Сентября 20-го дня въ память дня рожденія Государя Императора Павла Перваго въ присутствіи Его Сіятельства Графа Алексѣя Андреевича Аракчеева и Супруги его Графини Натальи Ѳеодоровны и всей той волости благочестивыми христіанами».

¹⁾ По уваженію онаго весьма для Святыя церкви наша достопамятнаго событія, о коемъ какъ въ слѣдованной Псалтири, такъ и въ другихъ разныхъ мѣстахъ упоминается, что Святой апостолъ Андрей Первозванный, проходя изъ полуденнаго края, былъ въ селѣ Грузинѣ и водрузилъ въ немъ жезлъ свой, отъ чего получило оно и названіе Друзино, по простонародному же реченію Грузино, и чрезъ таковое мѣсто сего посѣщеніе или паче проповѣдь свою открылъ Онъ предкамъ нашимъ, тѣмъ идолопоклонства отреченнымъ, двери къ Спасительной Вѣрѣ въ Господа Бога Спасителя Нашего Иисуса Христа, благословляемъ мы въ соборной села Грузина церкви, имени сего Святого Апостола посвященной, богатою утварью и ризницею снабженной и великолѣпно украшенной, совершать Божественную Литургію при открытыхъ Царскихъ вратахъ во все продолженіе оныя, даже до причастнаго стиха, при началѣ коего должны онѣ, исключая Святыя Пасхи, быть затворяемы, для великой Тайны Евхаристіи. Совершать же такимъ образомъ Литургію не всегда, а токмо въ одинъ Воскресные дни, въ храмовой праздникъ, и при другихъ какихъ-либо важныхъ случаяхъ. Сант. Петербургъ 26 марта 1825 года.

Рядомъ съ этой иконой въ сторону праваго придѣла находится большая живописная икона въ серебряной ризѣ и въ рамѣ подъ стекломъ. Икона эта родовая графа Аракчеева и интересна по своей композиціи съ портретомъ Императора Павла I. На иконѣ въ ростъ изображены 5 святыхъ, имена которыхъ носили члены аракчеевской семьи: посрединѣ иконы апостолъ Андрей Первозванный (отецъ графа Аракчеева), справа отъ него праведная Елизавета, мать Предтечи (мать графа), рядомъ съ ней святитель Петръ, митрополитъ Московскій (братъ графа), слѣва апостола Андрея мученица Анастасія Римлянина (Анастасія Минкина, любовница графа) и рядомъ съ ней святитель Алексѣй, митрополитъ Московскій (самъ графъ). Надъ святыми въ облакахъ виденъ по поясъ апостолъ Павелъ, правую руку простирающій надъ святыми и лѣвой рукой держащій закрытую книгу своихъ посланій, на которой нарисованъ поясной портретъ Императора Павла I. Надъ апостоломъ Павломъ въ облакахъ по поясъ изображенъ Богъ Отецъ со святымъ Духомъ, окруженный херувимами. Вся икона покрыта ризой, при внимательномъ осмотрѣ которой надъ книгой апостольскихъ посланій можно замѣтить дверку. Если эту дверку открыть, то будетъ виденъ портретъ Павла I; такимъ образомъ выходитъ, что апостолъ Павелъ держитъ въ рукахъ не свои посланія, а портретъ Павла I. Легко понять, какими расчетами руководствовался графъ Аракчеевъ, сочиняя композицію для своей родовой иконы.

Противъ храмовой иконы, на лѣвомъ столбѣ той же предъалтарной арки помѣщена большая старинная икона Покрова Божіей Матери въ серебряной ризѣ вѣсомъ въ 34 фунта 42 золотника. Подъ иконой на мѣдной золоченой доскѣ написано:

«Святая икона Покрова Божіей Матери украшена сею серебряною ризою вѣсомъ 34 фунта 42 золотника усердіемъ Графа Алексѣя Андреевича Аракчеева въ память полученнаго имъ именнаго собственно ручнаго указа изъ мѣстечка Таурочено отъ 18 іюня 1807 году сегого копія изображена на особой мѣдной у сей Иконы доски»¹⁾.

Рядомъ съ этой надписью, но ближе къ иконостасу помѣщается въ бронзовой золоченой рамѣ подъ стекломъ чудная и большая пастель «Мадонна» работы Екатерины Болотниковой 1824 года: Богородица изображена по колѣни; голова Ея склонена къ Сыну (влѣво отъ нея молящагося); глаза молитвенно устремлены вверхъ. Правой рукой Богородица поддерживаетъ Христа въ видѣ обнаженнаго курчаваго младенца съ лицомъ, обращеннымъ къ молящемуся. Младенецъ сидитъ на мягкой подушкѣ съ толстыми кистями, лежащей на граненомъ столбѣ, и правую

¹⁾ «Копія съ именнаго собственно ручнаго указа изъ мѣстечка Таургена отъ іюня 1807 года».

Господинъ Генераль лейтенантъ Графъ Аракчеевъ.

Доведенія допревосходнаго состоянія Артиллеріи и успешное дѣйствіе оной въ продолженіе войны, также и исправное снабженіе оной всемъ нужнымъ, обязываетъ меня адѣлать достойное воздаваніе заслугамъ вашимъ, почему приказомъ моимъ вчерашняго дня произведены вы въ Генералы отъ Артиллеріи, примите сіе знакомъ моей признательности и особеннаго моего благоволенія, съ коимъ пребываю вашъ благосклонный

Александръ».

руку протягиваетъ Матери, Которая поддерживаетъ Его руку лѣвой рукой. Эту Мадонну нѣкоторые считаютъ портретомъ самой Настасьи Минкиной, но для этого нѣтъ достаточныхъ основаній.

Въ февралѣ прошлаго года объ этой Мадоннѣ въ газетахъ появилось сенсационное сообщеніе подъ названіемъ «Кошунственное изображеніе», но извѣстный знатокъ портретной живописи, А. А. Гоздово-Голомбѣвскій, своей статьей «Напрасный переполохъ»¹⁾ наглядно доказалъ всю вздорность такого сообщенія.

Противъ храмовой иконы апостола Андрея Первозваннаго у соли на аналоѣ лежитъ другая его икона небольшого размѣра (около 4 вершковъ вышины и 3 ширины) XVII вѣка, превосходной иконописной работы. На этой иконѣ апостолъ изображенъ въ ростъ, въ полуоборотъ, среди гористой мѣстности. Онъ водружаетъ свой жезлъ въ землю. Надъ апостоломъ въ облакахъ новозавѣтная Троица (въ верхнемъ лѣвомъ углу иконы). Икона украшена серебряными вызолоченными вѣнчиками и такимъ же окладомъ. Вѣнчикъ апостола украшенъ драгоценными камнями, а по верхней части иконнаго оклада написано вязью: «Моленіе на горѣ ко Господу Богу Святаго Апостола Андрея Первозваннаго и водруженіе жезла мало въ землю и оттолѣ мѣсто оное прозвася Грузино». Икона вставлена въ великолѣпную массивную раму изъ золоченой бронзы, сдѣланной въ видѣ сіянія изъ лучей съ трехъ сторонъ иконы. На сіяніи 11 горельефныхъ херувимовъ въ облакахъ. Раму дѣлалъ Штрейберъ, получившій за нее 500 рублей.

Въ описи церковной этотъ образъ описанъ такъ: «Аналойный образъ святаго апостола Андрея Первозваннаго, изображающій посѣщеніе симъ апостоломъ Грузинца и водруженіе имъ своего жезла на горѣ, при устьѣ рѣки Грузинцы, впадающей въ рѣку Волховъ».

Третья икона того же святаго находится по правую сторону родовой иконы графа Аракчеева съ портретомъ Императора Павла I. Она такого же размѣра, какъ только что описанная, грубой работы, чрезвычайно бѣдная по своему убранству оклада, но интересная по композиціи и надписи на золоченой мѣдной дощечкѣ сзади иконы. Здѣсь апостолъ изображенъ тоже въ ростъ, но въ профиль; въ правой рукѣ держитъ закрытое евангеліе, а лѣвую прижимаетъ къ груди. Надъ апостоломъ въ облакахъ поясная фигура благословляющаго Спасителя (въ верхнемъ лѣвомъ углу иконы); справа отъ головы апостола, на фонѣ иконы, написано: «с. апостолъ андрѣи первозванный». На иконѣ риза изъ разноцвѣтной фольги съ набивными узорами. Эту икону Грузинскіе крестьяне поднесли Аракчееву, какъ своему помѣщику при пожалованіи вотчины, въ Петербургѣ чрезъ особую депутацію, о чемъ надпись сзади иконы гласитъ: «1796 года декабря 21 дня. Сей образъ святаго апостола Андрея Первозваннаго принесенъ Графу Алексѣю Андреевичу Аракчееву изъ села Грузина въ СПетербургѣ. При пожалованіи сей Вотчины въ Его Владѣніе Священникомъ Федоромъ Яковлевымъ и Крестьянами села Грузина Григорьемъ Семеновымъ Деревни Березовца Афанасьемъ Федоровымъ Деревни Перевода Никифоромъ Никифоровымъ и Дмитріемъ Михайловымъ Деревни Большой Любани Тимофеемъ Ивановымъ».

¹⁾ А. А. Голомбѣвскій. «Напрасный переполохъ». «Старые годы» за 1910 г.

Противъ иконы Покрова Божіей Матери, у солеи, на аналоѣ лежитъ икона «въ память дарованія митрополитомъ Серафимомъ грамоты на служеніе обѣдни въ соборѣ въ праздничные и воскресные дни при открытыхъ Царскихъ Вратахъ» (см. выше). Икона составлена изъ 8 финифтевыхъ образковъ различной формы отличной работы, вдѣланныхъ въ бронзовую золоченую доску съ такой же рамкой. Посрединѣ доски, ближе къ верхнему краю ея, помѣщенъ довольно большой и продолговатый образокъ двенадцатыхъ праздниковъ съ Воскресеніемъ Христовымъ въ срединѣ, немного ниже, по сторонамъ его, 2 столбиками расположены остальные образки круглой и эллиптической формы: 1. Происхожденіе честныхъ древъ честнаго и животворящаго Креста Господня. (По церковной описи этотъ образокъ названъ: «Торжество Креста на небеси съ изображеніемъ Господа Саваофа, Божіей Матери и небесныхъ силъ»). 2. Святая праведная Елизавета. 3. Апостоль Павелъ и Алексѣй, митрополитъ Московскій. 4. Дмитрій, митрополитъ Ростовскій. 5. Архангелъ Михаилъ. 6. Святые Іаковъ и Дмитрій. 7. Мученица Анастасія Римлянина. Подъ всеми изображеніями мраморная доска съ такой надписью золотыми буквами: «Изображеніе сихъ святыхъ оправлено въ оную доску попеченіемъ Графа Алексѣя Андреевича Аракчеева въ Грузинской соборѣ, въ память дарованной грамоты Митрополитомъ Серафимомъ Новгородскимъ и СПетербургскимъ о служеніи въ томъ соборѣ литургіи при отворенныхъ царскихъ дверяхъ 26 Марта 1825 года», «Благословеніе Графу отъ Юрьевского Архимандрита Фотія въ 1825 году. Отъ Преосвященнаго Митрополита Серафима».

На двухъ среднихъ столбахъ храма, поддерживающихъ куполъ, виситъ по золотой крестообразной кіотѣ съ небольшими иконами, изъ которыхъ нѣкоторыя въ серебряныхъ позолоченныхъ ризахъ съ надписями¹⁾.

Предъ этими кіютами виситъ по изящной серебряной вызолоченой лампадѣ работы мастера Гедлунда съ цѣпочками и надписью: «Въ Грузинской Соборѣ отъ Графа Аракчеева 1821 года 10 Апрѣля къ образамъ родительскаго благословенія²⁾».

Противъ иконостаса, но на тѣхъ же среднихъ столбахъ, поддерживающихъ куполъ храма, а также и по сторонамъ ихъ, находятся 3 большихъ, бронзовыхъ,

¹⁾ 1. На иконѣ Тихвинской Божіей Матери:

«Благословеніе Графу Аракчееву отъ родителя въ день его кончины 29 іюля 1796 г.».

2. На иконѣ Корсунской Божіей Матери:

«Благословеніе Графу Аракчееву отъ родительницы въ день ея кончины 17 іюля 1820 г.».

3. На иконѣ Тихвинской Божіей Матери въ серебряной ризѣ вѣсомъ въ 2 фунта 20¹/₂ золотниковъ и цѣною въ 245 рублей 65 копеекъ:

«Образъ Пресвятыя Богородицы Тихвинскія, обложенъ серебряною ризою Графомъ Аракчеевымъ 1819 года 28 Іюня, въ память благополучнаго осмотра Государемъ Императоромъ Александромъ I Военнаго Поселенія, въ первый разъ по заведеніи его, и поставленъ въ Грузинскій Соборъ Апостола Андрея Первозваннаго».

4. На иконѣ святителя Николая Чудотворца:

«Въ память избавленія отъ болѣзни раба Божія Графа Алексѣя Андреевича Аракчеева 1802 года Апрѣля 10 дня».

5. На иконѣ Божія Матери «Знаменіе»:

«Рабъ Божій Феодоръ Минкинъ скончался въ 31 день Марта 1809 года и преданъ землѣ у Собора Святаго Апостола Андрея Первозваннаго въ Селѣ Грузинѣ» (Феодоръ Минкинъ — отецъ графской любовницы, Анастасіи Минкиной).

²⁾ Обѣ лампадки вѣсятъ 2 фунта 45 золотниковъ и стоятъ 283 рубля 50 копѣекъ.

золоченыхъ горельефа — портрета Императоровъ Петра I, Павла I и Александра I въ роскошныхъ узорныхъ, бронзовыхъ, золоченыхъ рамахъ съ царскими регаліями и инициалами наверху. Всѣ горельефы сдѣланы въ профиль на черномъ фонѣ, и съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ и инициаломъ Императора наверху рамы, на щитѣ, сверху котораго горельефомъ расположены царскія регаліи: корона, скипетръ и держава, лежащія на подушкахъ съ кистями, и перекрещивающіяся между собою дубовыя вѣтви, такія же вѣтви, но меньшаго размѣра, надъ щитомъ съ Императорскимъ инициаломъ. Высота каждаго горельефа съ рамой 1 аршинъ 26 вершковъ, ширина 14 вершковъ.

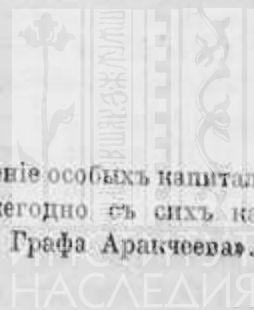
Будучи человекомъ аккуратнымъ, Аракчеевъ позаботился о сохраненіи этихъ портретовъ на вѣчныя времена, и оставилъ особый капиталъ въ 37000 рублей, изъ которыхъ одну часть завѣщалъ употреблять «на содержаніе въ нынѣшнемъ видѣ и благолѣпіи Грузинскаго Собора», а другую часть — «на находящихся въ томъ памятника въ Бозѣ почивающему Императору Павлу I и убіеннымъ Офицерамъ и солдатамъ Гренадерскаго Графа Аракчеева (что нынѣ Ростовскій) полка, а также Императорскихъ медаліоновъ съ гербами и надписями»¹⁾. Этими горельефами Аракчеевъ хотѣлъ лишній разъ подчеркнуть свою любовь и преданность своимъ «благодѣтелямъ», Императорамъ Павлу I и Александру I; горельефъ Императора Петра I помѣщенъ въ Грузинскомъ соборѣ потому, что онъ былъ первый императоръ, подарившій Грузино своему подданому, князю А. Д. Меншикову. Подъ горельефомъ Императора Петра I помѣщена золоченая бронзовая доска съ великолѣпно сдѣланнымъ горельефнымъ гербомъ перваго помѣщика Грузина, князя Александра Даниловича Меншикова, и съ такою надписью по сторонамъ герба:

Грузинская вот	чина бывшая во
владѣніи Монас	тырей пожало-
вана Государемъ	Императоромъ
Петромъ Пер	вымъ въ 1705 году
Князю Алексан	дру Даниловичу
Меньши	кову.

Точно такая же доска, но съ гербомъ послѣдняго помѣщика Грузина, графа Алексѣя Андреевича Аракчеева, и иной надписью, находится подъ горельефомъ Императора Павла I:

Грузинская	волость
въ двухъ ты	сячахъ душахъ
состоящая	пожалован-
ная Государемъ	Императоромъ
Павломъ Пер	вымъ въ вечное
потомственное	владѣніе Графу
Алексее Аракче	еву 1796 году
Декабря въ	12 день

¹⁾ См: «Росписаніе суммъ, назначенныхъ покойнымъ Аракчеевымъ на составленіе особыхъ капиталовъ съ содержанію разныхъ частей Грузинскаго имѣнія, изъ процентовъ, кои ежегодно съ сихъ капиталовъ получаемы будутъ». См. «Проектъ инструкціи для управленія имѣніемъ Графа Аракчеева». С.-Петербургъ 1834 стран. 51.

Подъ Императоромъ Алаксандромъ I находится продолговатый, бронзовый, золоченный ковчегъ со стеклянной крышкой и замкомъ, превосходно сдѣланный на бронзовой золоченой доскѣ съ надписью по сторонамъ ковчега; точно такой же ковчегъ, но съ иными украшеніями и надписями, находится на противоположной сторонѣ храма. Оба эти ковчега, а также большая, бронзовая, золоченая люстра подъ куполомъ, описаніе которой помѣщается ниже, и нѣсколько бра по стѣнамъ храма произведенія парижскаго литейщика Ла Дюра.

Первый ковчегъ сдѣланъ такъ: къ большому краю продолговатой доски, по-средины, прикрѣпленъ небольшой продолговатый ящикъ, со стекломъ и замкомъ; крышка ящика украшена орнаментомъ изъ предметовъ римскаго вооруженія и знаковъ консульской власти. Верхъ ящика украшенъ сіяніемъ изъ лучей; на сіяніи, въ облакахъ, круглый щитъ съ Императорскимъ Иниціаломъ А и короной и по сторонамъ его 6 херувимовъ. Подъ ковчегомъ 4 распущенныхъ знамени, а подъ ними военные орнаменты. Сверху знаменъ полукруглый щитъ съ двуглавымъ орломъ съ распростертыми крыльями; надъ гербомъ каска и 2 пальмовыя вѣтви. Нижніе углы ковчега поддерживаютъ 2 двуглавыя орла. По сторонамъ ковчега обозначено время посѣщеній Грузина Императоромъ Александромъ I:¹⁾

Всѣ украшенія обоихъ ковчеговъ и надписи сдѣланы горельефомъ. Въ этомъ ковчегѣ хранится собственноручный рескриптъ Императора Александра I графу Аракчееву послѣ перваго посѣщенія Имъ Грузина, и его французскій переводъ. Тотъ и другой вложены въ желтую кожаную съ золотымъ тисненіемъ и надписью папку:²⁾

На второмъ ковчегѣ вмѣсто воинскихъ доспѣховъ изображены: на крышкѣ 2 кадила и масляничныя вѣтви; верхъ ковчега такой же, какъ у перваго, только вмѣсто Императорскаго иниціала помѣщенъ херувимъ. Подъ ковчегомъ перво-священническая митра, Аароновъ жезлъ, Моисеевы скрижали, круглое блюдо и закрытая книга. Нижніе углы ковчега поддерживаютъ головой и руками ангелы,

¹⁾ 1810 году 7 іюня, 1816 года, 1819 года 8 іюня, 27 іюня, 1820 года, 1820 года марта 6 іюня.

²⁾ «Рескриптъ Императора Александра I графу Аракчееву».

Графъ Алексѣя Андреевичъ!

Устройство и порядокъ, который лично видѣлъ я въ деревняхъ вашихъ при посѣщеніи васъ на возвратномъ пути моемъ изъ Твери доставили мнѣ истинное удовольствіе. Доброе сельское хозяйство есть первое основаніе хозяйства государственнаго. Посему я всегда съ особеннымъ вниманіемъ взираю на всѣ свѣдѣнія, доходящія ко мнѣ о благоустройствѣ частнаго сельскаго управленія и всегда желаю, чтобы число добрыхъ и попечительныхъ помѣщиковъ въ отечествѣ нашемъ умножилось. Надѣяться должно, что примѣры ихъ изгладятъ постепенно слѣды тѣхъ неустройствъ, кои къ сожалѣнію всѣхъ людей благомыслящихъ необдуманная роскошь или небреженіе доселѣ въ сей части оставляли. Бывъ личнымъ свидѣтелемъ того обилія и благоустройства, которое въ короткое время безъ принужденія однимъ умѣреннымъ и правильнымъ распредѣленіемъ крестьянскихъ повинностей и тщательнымъ ко всѣмъ нуждамъ ихъ вниманіемъ успѣли вы ввести въ вашихъ селеніяхъ, я поспѣваю изъявить Вамъ истинную мою признательность за удовольствіе, которое Вы мнѣ симъ доставили. Когда съ дѣятельностью государственною службою сопрягаются примѣры частнаго добраго хозяйства, тогда и служба, и хозяйство получаютъ новую цѣну и уваженіе. Пребываю вамъ всегда благосклоннымъ

Александръ.

Въ С.-Петербургѣ 21 іюня 1810 года.

стоящіе на одномъ колѣнѣ. Имъ на одну руку перекинута тяжелая гирлянда изъ розъ и цвѣтовъ. По обѣ стороны ковчега такая надпись.¹⁾

Въ ковчегѣ хранятся печатный экземпляръ «Положенія о заемномъ Банкѣ для крестьянъ Грузинской отчины» въ желтомъ кожаномъ переплетѣ съ золотымъ украшеніемъ такимъ же Аракчеевскимъ гербомъ и заглавіемъ: «Положеніе о заемномъ Банкѣ для крестьянъ Грузинской отчины».

Подъ куполомъ храма виситъ роскошная, бронзовая, золоченая люстра, дивное произведеніе парижскаго мастера Ле Дюра, который сдѣлалъ ее въ Грузинскій соборъ, по повелѣнію Императора Александра I, о чемъ гласитъ французская надпись на люстрѣ. «Ce lustre destiné par la munificence de S. M. Alexandre I Empereur de Russie à orner dans les terres du comte Aractheeff l'église cathédrale de sa campagne de Groussine a été exécuté par ordre Suprême, par Le Dure bronzier a Paris en 1818». Люстра въ 40 свѣчей, расположенныхъ на трехъ кругахъ ярусами, при чемъ средній кругъ больше другихъ. Отъ нижняго большого круга къ вершинѣ люстры поднимается 8 гирляндъ изящныхъ древесныхъ листьевъ, заканчивающихся вверху вѣнцемъ. Отъ этого вѣнца чрезъ всю люстру въ центръ нижняго круга проходитъ толстый желѣзный пруть, который связываетъ между собой круги и гирлянды. Въ середину нижняго круга вдѣлана хрустальная чаша, по выпуклому краю которой, по черной каймѣ, идетъ выше приведенная надпись.

По доставленіи люстры въ Грузино, она 13 сентября 1819 года была распакowana, согласно указаніямъ Ле Дюра, подъ наблюденіемъ генерала майора Карбоньера и архитектора Минута, и повѣшена; а на другой день 14 сентября, по случаю пожалованія Высочайшаго дара въ Грузинскій соборъ, было народное празднество, о чемъ въ вышеназванной церковной описи передается: «Сія люстра, въ которой вѣсу 25 пудъ, поднята и повѣшена на мѣсто трудами Генерала Майора Карбоньера и архитектора Минута, 13 сентября 1819 года, а 14 числа тогоже мѣсяца, въ день Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня было въ соборѣ празднество при народномъ собраніи, какъ на сей случай, такъ и на полученіе пожалованнаго Государемъ Императоромъ Александромъ I Протоіерю Ѳеодору Малиновскому наперстнаго съ брилліантами Креста»²⁾.

Лѣвый придѣлъ.

Иконостасъ его очень оригиналенъ и красивъ: въ видѣ римскаго круглаго храма съ 10 коринѣскими колоннами и высокимъ карнизомъ, при чемъ только 2 колонны составляютъ часть иконостаса, остальные же находятся въ алтарѣ. Самый иконостасъ сдѣланъ въ видѣ распятія съ двумя предстоящими

¹⁾

Грузин
Святого Апостола
первозваннаго
Императоромъ
1811 года Апрель

ской Соборъ
стола Апостола
наго учрежденъ
Александромъ I
въ 16 день.

²⁾ «Опись» стр. 108—117.

между двухъ колоннъ находятся Царскія Врата въ видѣ большого четвероконечнаго креста съ живописнымъ распятіемъ на золотомъ узорномъ фонѣ, боковыми дверями (сѣверной и южной) являются живописныя фигуры Богородицы (справа отъ креста) и Богослова (слѣва). На двухъ колоннахъ у Царскихъ Вратъ повѣшены небольшія иконы Спасителя и Божіей Матери въ серебрянныхъ золоченыхъ ризахъ, являющіяся мѣстными иконами въ этомъ иконостасѣ. Предъ этими иконами стоятъ 2 металлическихъ подсвѣчника. Надъ Царскими Вратами, надпись «святая святымъ», а въ алтарѣ, надъ горнимъ мѣстомъ — «горѣ имѣемъ сердца». Храмовая икона апостоловъ Петра и Павла превосходно сдѣлана на фортфорѣ въ свѣтлосѣромъ тонѣ, раздѣлена на двѣ части (по одной фигурѣ въ каждой) и помѣщена по обѣ стороны предъалтарной арки. На сѣверной стѣнѣ храма, у клироса, Аракчеевъ соорудилъ красивый памятникъ своему «благодѣтелю» Императору Павлу I, у подножія котораго похоронилъ свою любовницу, Анастасію Минкину, за свою жестокость зарѣзанную дворовыми людьми села Грузина 10 сентября 1825 года. «Подлой архимандритъ Фотій, — пишетъ въ своихъ запискахъ, современникъ событія, Марченко, — въ надгробной рѣчи утѣшалъ Аракчеева, что зарѣзанная поступить въ сонмъ великомученицъ»¹⁾. Рядомъ съ могилой Минкиной Аракчеевъ при жизни своей приготовилъ и себѣ могилу съ приличной надписью на ней; на могилѣ же Минкиной положилъ чугунныя шестиугольныя листы и среди нихъ одну бронзовую съ такой надписью: «Здѣсь лежитъ 25 лѣтній другъ Анастасія, убиенная дворовыми людьми села Грузина за искреннюю ея преданность къ Графу»²⁾. Позднѣе Аракчеевъ, узнавъ объ измѣнѣ Минкиной, велѣлъ наглухо задѣлать ея могилу, такъ что теперь не осталось и слѣдовъ ея.

Памятникъ Императору Павлу I сооруженъ изъ гранита, темнаго мрамора, чугуна и золоченой бронзы: на высокомъ продолговатомъ подножіи изъ трехъ плитъ, одной гранитной и двухъ мраморныхъ, стоитъ продолговатый столбъ, на которомъ на подушкѣ съ кистями лежатъ царскія регаліи: корона, скипетръ, держава и царская мантия, однимъ концомъ спускающаяся внизъ красивыми складками. На столбѣ золотыми буквами написано:

сердце чисто
и духъ правъ
предъ тобою.

Справа отъ столба небольшой жертвенникъ съ курящимся фиміамомъ. Передъ жертвенникомъ римскій воинъ въ доспѣхахъ и плащѣ склонился на правое колѣно и въ горѣ опустилъ свою голову внизъ, поднимая вверхъ вмѣстѣ сжатые руки; съ одной стороны воина лежитъ его бронзовая каска съ высокимъ гребнемъ, съ другой такой же щитъ эллиптической формы съ горельефомъ Аракчеевскаго герба и колчанъ со стрѣлами. Сзади столба 2 распущенныхъ знамени, а посрединѣ подножія памятника 2 бронзовыхъ пылающихъ и опущенныхъ внизъ факела. Надъ

¹⁾ «Записки ст. секр. Марченко» въ «Русской Старинѣ» за 1869 г. т. 86 стр. 309.

²⁾ «Изъ воспоминаній о селѣ Грузинѣ 1821 г.» А. Языкова. «Военный Сборникъ» за 1861 г. т. I.

памятникомъ, на стѣнѣ храма, бронзовый горельефъ-бюстъ Императора Павла I въ профиль въ кругѣ изъ лучей въ видѣ звѣзды; ниже бюста по сіянію идетъ бронзовая широкая дуга съ знаками зодіака, означающими мѣсяцы важнѣйшихъ событій изъ жизни Императора. Надъ звѣздой съ бюстомъ черная металлическая доска съ надписью изъ золоченыхъ бронзовыхъ буквъ: «чувствіе облагодѣтеннаго». Подъ видомъ воина Аракчеевъ изобразилъ себя. Памятникъ сдѣланъ скульпторомъ Мартосомъ. На могилѣ Аракчеева, погребеннаго у подножія этого памятника, простая плита краснаго гранита съ надписью, самимъ Аракчеевымъ составленной:

Да
Пребудеть
и
прахъ мой
у подножія
изображенія
твоего.
На семь
мѣстѣ погребенъ

русскій новго
родскій
дворянинъ
графъ Алексѣй
андрѣевичъ
Аракчеевъ ро
дился 1769 года
сентября 23 дня
умеръ 1834 года
апреля д. ¹⁾.

Передъ могилой Аракчеева, въ ногахъ темнобронзовый, крылатый и обнаженный геній сидитъ на камнѣ и держитъ въ лѣвой рукѣ круглый щитъ, уперевъ его въ лѣвое колѣно, а въ правой передъ щитомъ серебряную лампаду, работы Шрейбера, изящную, вызолоченую, на 4 цѣпочкахъ; въ щитъ вставлена небольшая икона «Знаменія» въ серебряной вызолоченной ризѣ, а подъ ней, но уже на щитѣ, рельефный гербъ Аракчеева. Геній отлитъ Екимовымъ по модели Мартоса.

На обратной сторонѣ иконы надпись. ²⁾

До 1900 года на геніѣ висѣлъ на серебряной вызолоченной цѣпочкѣ большой финифтьевый образокъ овальной формы съ изображеніемъ святителя Алексѣя, митрополита Московскаго, и мученицы Анастасіи Римляныни въ ростъ, отличной работы и съ надписью на обратной сторонѣ ³⁾. Образокъ этотъ Аракчеевъ постоянно

¹⁾ День кончины графа, 10 апрѣля, такъ и необозначенъ до сихъ поръ.

²⁾ «Родительское благословеніе графа при вступленіи его въ 1783 году на службу. Сей образъ находился съ графомъ Алексѣемъ Андреевичемъ Аракчеевымъ въ заграничномъ походѣ въ нижеозначенныхъ городахъ и мѣстечкахъ съ 1 января 1813 года до возвращенія его въ С.Петербургъ 18 іюня 1814 года: въ 13 году въ Польшѣ мѣстечкѣ Березники, городахъ: Плоцкѣ, Калишѣ, Варшавѣ; въ Шлезіи: Бреславлѣ, въ Шведницѣ, деревнѣ Петерсвальде; въ Саксоніи: Бунцъ Лау, Бауценѣ, Дрезденѣ, Хемницѣ, Лейпцигѣ; въ Богеміи: Замкѣ, Опочнѣ, Прагѣ и Теплицѣ, Колинатау, Веймарѣ, Мейнунгенѣ, Швейн-фуртѣ, Ашафбургѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ, Дармштадтѣ, Гейдельбергѣ, Карлсруѣ, Фрейбургѣ, Швейцаріи, Шафгаузенѣ, Базелѣ, въ 1814 году во Франціи: Монбельярѣ, Везулѣ, Лангрѣ, Шомонѣ, Барсіоръ-обѣ, Барсіоръ-Сейнѣ, Труа, Понсіоръ-сейнѣ, Брессѣ, деревнѣ Пуже, Витре, Фершалеуазѣ, Трефо, Куломіе, Квенси, Кье, Бонди, Парижѣ, вступленіе въ оный 19 марта?»

³⁾ Двухъ христіанскихъ друзей дни тезоименитства:

5 октября трехъ святителей Московскихъ Петра, Алексѣя, Іоны.

29 октября мученицы Анастасіи.

Дни рожденія:

23 сентября Зачатіе Предтечи.

29 марта преподобнаго Марка.

носилъ на себѣ; послѣ его смерти повѣсили на его памятникъ; теперь же образокъ кѣмъ-то похищенъ. Кромѣ этого образка на геніи виситъ и до сихъ поръ бронзовый крестикъ въ память открытія монумента Императору Александру I въ Грузинѣ въ 1833 году. Крестикъ четвероконечный съ расширяющимися книзу концами и съ сіяніемъ въ углахъ средокрестія. На лицевой сторонѣ, въ срединѣ, бюстъ Императора Александра I въ профиль, окруженный лавровымъ вѣнкомъ; отъ бюста по срединѣ крестика въ всѣ стороны идутъ надписи: «государю императору» (ру по недостатку мѣста отброшено); «подданной послѣ кончины». На обратной сторонѣ въ срединѣ, тотъ же лавровый вѣнокъ, съ вензелемъ Императора и Императорскою короною. Въ верхней части крестика якорь, увѣнчанный лавровымъ вѣнкомъ; подъ перекладиной якоря годъ рожденія Императора, 1777; на остальныхъ частяхъ даты: «1801» (годъ вступленія на престолъ Императора), «1825» (годъ его кончины), «въ 1833 году. Грузино» (годъ открытія памятника въ Грузинѣ). Точно такой же крестикъ надѣтъ и на русскомъ воинѣ на памятникѣ Императору Александру I.

Правый придѣлъ.

Иконостасъ этого придѣла простой столярной работы, въ два яруса, и составленъ изъ иконъ прежней церкви XVII вѣка. Подзоръ и Царскія Врата обложены серебромъ и внизу имѣютъ надписи: «Иждивеніемъ благочестивыхъ крестьянъ Грузинской вотчины при владѣніи Графа Алексѣя Андреевича Аракчеева 1816 года Сентября 23 дня» (день рожденія Аракчеева). Окладъ иконостаса сдѣлалъ мастеръ Помо, употребивъ на него 1 пудъ 79 золотниковъ серебра и получивъ за свою работу съ грузинскихъ крестьянъ 4714 рублей 34¹/₂ копѣйки, что для того времени было суммой не маленькой.

Рядомъ съ мѣстной иконой Спасителя находится старинная и большая икона «Всѣхъ скорбящихъ радость» въ превосходной серебряной и вызолоченой ризѣ, украшенной филигранью¹⁾.

Справа отъ иконы Божіей Матери «Всѣхъ скорбящихъ радость» виситъ небольшая шитая икона, апостола Андрея Первозванного, Іоанна Дамаскина, преподобнаго Паисія, священномученика Власія, Іуліаніи сострадательницы и великомученицы Варвары. Икона въ серебряной вызолоченой ризѣ и въ бронзовой золоченой рамѣ. На ризѣ надпись «Образъ Святыхъ Божіихъ угодниковъ упоминаемыхъ въ ежедневной молитвѣ графа Алексѣя Андреевича Аракчеева натканъ въ Тихвинѣ въ 1831 г. и украшенъ серебряною ризою въ Санктпетербургѣ».

¹⁾ На ризѣ имѣется такая надпись:

«Образъ сей Пресвятыя Богородицы всѣхъ скорбящихъ радости Грузинскаго Собора обложенъ въ Москвѣ серебряною съ позолотою ризою Графомъ Алексѣемъ Андреевичемъ Аракчеевымъ въ память благополучнаго его возвращенія въ Грузино 30 ноября 1823 года, послѣ трехъ мѣсячнаго изъ онаго по военнымъ поселеніямъ отсутствія».

Вѣсу въ ризѣ 20 фунтовъ 70 золотниковъ, стоимость работы 4125 рублей. Этотъ образъ изъ дома графа Аракчеева «съ церковной церемоніей» перенесенъ въ соборъ во всеночное бдѣніе на храмовой праздникъ святого апостола Андрея Первозванного 29 ноября 1823 года.

У клироса, на южной стѣнѣ храма, и противъ памятника Императору Павлу I, Аракчеевъ соорудилъ другой памятникъ: офицерамъ и воинамъ полка своего имени, убитымъ въ сраженіяхъ 1812 — 1814 годовъ. На высокомъ продолговатомъ подножіи поставленъ прямоугольный продолговатый мавзолей съ двускатной крышей, римскимъ карнизомъ и трехугольнымъ фронтономъ съ двумя античными головками въ нижнихъ углахъ посрединѣ фронтона лавровый вѣнокъ, перевитый лентами. Справа отъ зрителя, у мавзолея, стоитъ высокій круглый жертвенникъ съ курящимся на немъ еиміамомъ и опускающейся внизъ вѣткою плюща. Къ жертвеннику прислоненъ круглый щитъ съ рельефнымъ двуглавымъ орломъ Александровской эпохи. Передъ мавзолеемъ, слѣва отъ жертвенника, изящная крылатая Нике, въ длинныхъ одеждахъ съ красивыми складками. Она правой рукой на мавзолѣ записываетъ имена убитыхъ воиновъ, а лѣвую руку съ лавровымъ вѣнкомъ, перевитымъ лентами, протягиваетъ къ жертвеннику. Мавзолей и его подножіе украшены распущенными знаменами, и различнымъ родомъ оружія. На средней части подножія помѣщается бронзовая золоченая доска, по обѣимъ сторонамъ которой по урнѣ и по лавровому вѣнку надъ ней. На доскѣ надпись ¹⁾).

На стѣнѣ, надъ памятникомъ, тѣ же украшенія, что и надъ памятникомъ Императору Павлу I, но съ нѣкоторыми измѣненіями въ деталяхъ: посрединѣ звѣзды помѣщено «Всевидающее Око», на бронзовой золоченой дугѣ, идущей внизъ по звѣздѣ, вмѣсто знаковъ зодіака годы сраженій полка: 1812, 1813, 1834, а на черной дугѣ надъ звѣздой бронзовыми золочеными буквами написано: «Въ память гренадерскаго графа Аракчеева полка, положившимъ жизнь свою, защищая государя и отечество въ сраженіяхъ».

Памятникъ сдѣланъ въ 1816 году изъ шоконскаго порфира, чернаго аспида, чугуна и золоченой бронзы по рисунку Томона, подъ наблюденіемъ Мартоса, и при участіи Крылова; отливальъ памятникъ Якимовъ и чеканилъ Ажи. Размѣръ памятника одинъ и тотъ же; что и у памятника Императору Павлу I. Справа отъ памятника, на стѣнѣ, бронзовая золоченая доска съ надписью:

«Въ оказаніи признательности Его Императорскаго Величества къ ревностной службѣ и неусыпной дѣятельности Военнаго Министерства графа Аракчеева повелѣваемъ Ростовскому Мушкатерскому полку носить его имя. Александръ».

¹⁾ 1812 года августа 7 дня при деревнѣ
заблотовѣ и любовѣ:
штабсъ-капитанъ саблуковъ, поручикъ усовъ
подпоручикъ Кириловъ, прапорщикъ
микулышинъ.
августа 26 дня при деревнѣ бородинѣ:
маіоръ Куличевскій, поручикъ Кондратьевъ
подпоручикъ засѣцкій; прапорщикъ
дергачъ

Се памятникъ сынамъ російскія державы,
которые пламеннымъ усердіемъ горя,

1813 года апреля 20 дня въ саксоніи при
мѣстечкѣ люцинѣ:
маіоръ древицкій прапорщикъ апыхтинъ
маіа 7 дня въ саксоніи при деревнѣ
Кенигсвартѣ:
подпоручикъ Яндоуровъ 2-й;

1814 года марта 18 дня при городѣ
парижѣ:
поручикъ Яковлевъ, подпоручикъ егоровъ.
въ бояхъ противъ враговъ на полѣ вѣчной славы
скончали жизнь свою за вѣру и царя.

Князисинъ.

Въ соборной ризницѣ до сихъ поръ еще хранится много предметовъ, интересныхъ въ историческомъ и художественномъ отношеніи, хотя многое уже и поизносилось и поистерлось отъ небрежнаго употребленія и неумѣлаго храненія, а кое что изъ предметовъ и потерялось. Въ историческомъ отношеніи особенно интересны: 1. Серебрянный вызолоченный потиръ, передѣланный изъ бокала причудливой формы съ горельефнымъ (чеканнымъ) орнаментомъ въ стилѣ рококо, витой ручкой и поддономъ, устѣяннымъ зелеными камнями. На верхнемъ гладкомъ краѣ потира 4 круглыхъ финифтьевыхъ образка: «Се человекъ» (Христосъ въ терновомъ вѣницѣ) Гвидо-Рени, Скорбящей Божіей Матери Дольчи, Іоанна Предтечи и одного архангела. Между образками надпись: «святая святымъ». Бокаль, этотъ по рассказамъ, служилъ Императору Александру I въ Парижѣ при освобожденіи Европы въ 1814 году. Въ Грузинскій соборъ, пожертвованъ женою генерала-маіора Тучковой, урожденной Нарышкиной, и передѣланъ въ потиръ мастеромъ Помо, которому за прибавку серебра и работу заплачено 576 рублей 37 копеекъ. 2. Бѣлый хрустальный граненый потиръ отличной работы съ 2 большими круглыми образками тонкой рѣзьбы на самомъ потирѣ; съ одной сторонѣ потира изображенъ Христосъ, несущій крестъ на Голгоѣ, съ другой — парящій Духъ Святой въ сіяніи. По верхнему краю потира идетъ обычная надпись: «пійте отъ нея вси, сія есть кровь моя новаго завѣта, яже за вы и за многія изливаемая во оставленіе грѣховъ». Поддонъ узорный съ граненой прямой ножкой. Преданіе гласитъ что только изъ этого потира Аракчеевъ приобщался, боясь отравленія. Потиръ пожертвованъ Аракчеевымъ ко дню освященія лѣваго придѣла 1 декабря 1807 года. 3. Напрестольный крестъ Юрьевского архимандрита Фотія. Крестъ восьмиконечный, серебрянный, вызолоченный; на лицевой сторонѣ его литое изображеніе распятаго Христа въ нимбѣ изъ прямыхъ лучей. Надъ Христомъ въ особомъ квадратномъ углубленіи съ рѣшетчатой крышкой часть подлиннаго Креста Господня. На концахъ креста 5 цированныхъ изображеній различной формы: Богъ Отецъ, Богородица, Іоаннъ Богословъ, Адамова голова и апостоль Петръ. Богъ Отецъ изображенъ въ облакахъ, со Святымъ Духомъ на груди, съ благословляющей правой рукой и съ большой державой и скипетромъ въ лѣвой; справа отъ Христа Богородица, слѣва — Богословъ; всѣ 3 изображенія поясныя и съ обычными надписями; подъ Христомъ глава и кости Адама среди гористой мѣстности, ниже этого изображенія отреченіе апостола Петра: апостоль, стоя на колѣняхъ и поднявъ вверхъ руки, молится; слѣва отъ него на высокомъ кругломъ столбѣ пѣтухъ. На обратной сторонѣ креста надпись¹⁾.

4. Напрестольное евангеліе 1815 года. Корешокъ, края обѣихъ досокъ, застѣжка и ножки на нижней доскѣ переплета изъ гладкаго серебра; обѣ доски

¹⁾ «Защитнику церкви, ревнителю правослѣрія, христілюбивому графу Алексѣю Андреевичу для церкви святаго апостола Андрея что въ селѣ Грузинѣ. Сіе знамя царя небеснаго Христа посылается въ память вѣчную 1824 года іюня 6 дня отъ архимандрита Фотія». Высота креста 8 вершковъ, ширина $4\frac{1}{2}$ вершка, ширина сторонъ креста $\frac{3}{4}$ вершка; вѣсъ 1 фунтъ 61 золотникъ. Архимандритъ Фотій былъ большимъ пріятелемъ Аракчеева.

переплета обтянуты бѣлымъ бархатомъ съ затканнымъ четырехконечными крестами изъ широкой гирлянды зеленого плюша посрединѣ доски переплета. Кресты окружены прямоугольными рамками изъ той же гирлянды. Ко кресту верхней доски переплета прикрѣплено литое серебряное изображеніе распятаго Христа со свиткомъ надъ головой¹⁾.

5. Напрестольное евангеліе 1800 года. Окладъ его серебряный, вызолоченный и изъящный: на верхней доскѣ 5 большихъ финифтьевыхъ образковъ овальной формы: средній — Воскресеніе Христово, остальные — 4 евангелиста по поясъ. Каждый образокъ окруженъ бѣлыми стразами и изъ нихъ же корона надъ каждымъ образкомъ. Между образками красивый чеканный орнаментъ; другой орнаментъ идетъ по краямъ доски. На нижней доскѣ изображеніе «Свѣше тѣ пророцы провозвѣстиша»: Богородица, окруженная пророками, провозвѣстившими міру непорочное зачатіе Сына Божія и 4 ножки. Застѣжки сдѣланы въ видѣ литыхъ изображеній апостоловъ Петра и Павла²⁾. Евангеліе это интересно еще и тѣмъ, что въ немъ подъ печатнымъ текстомъ, на правой сторонѣ листа, по страницамъ, находится собственноручная слѣдующая записъ Аракчеева о первомъ посѣщеніи села Грузина Императоромъ Александромъ I 7 іюня 1810 года:

«Грузинская церковь святого апостола андрея первозванного (тысяча восемьсотъ десятого году) іюня въ седьмой день, что было тогда во вторникъ на другой день духовна дня, всероссійскимъ Государемъ Императоромъ Александромъ первымъ въ знакъ его высочайшаго благоволенія къ подданому своему помѣщику онаго села генералу отъ артиллеріи и разныхъ орденовъ кавалеру графу Алексѣю андреевичу сыну аракчееву слѣдующимъ образомъ: Государь Императоръ возвращаясь изъ Города Твери отъ великой княгини Екатерины Павловны со станціи чудово изволилъ поворотить по Тихвинской дорогѣ, будучи въ чудовѣ встрѣченъ графомъ прибылъ въ деревню слободу ночью въ двѣнадцатомъ часу, гдѣ оставя экипажи изволилъ сестъ въ изготовленный отъ графа трешкотъ самъ третій, т. е., Его Величество, графъ Аракчеевъ и оберъ-Гофмаршалъ графъ Толстой гребцами на трешкотѣ были съ пристани емщики по переѣздѣ разлива отъ слободы до церкви николая чудотворца изволилъ государь на берегу сестъ съ графомъ во приготовленныя дрожки и графъ Толстой особо въ линейку, и такимъ образомъ

¹⁾ Высота евангелія 11 вершковъ, ширина 7. Окладъ сдѣланъ въ Парижѣ Вашеле въ 1817 году вмѣстѣ съ «парижской ризницей», сдѣланной изъ бѣлаго бархата съ затканными широкими гирляндами широкаго зеленого плюща вмѣсто часовъ и позументовъ. Вѣсъ оклада 6 фунтовъ 20 золотниковъ; стоимость оклада и всего евангелія таково: золотникъ серебра 100 рублей, подклепка тафты — 10, переплетъ 50, сама книга 20, а всего, кромѣ бархата 700 рублей 83 копейки.

²⁾ Высота евангелія 11¹/₄ вершковъ, ширина 7¹/₄. Это евангеліе пожертвовано въ соборъ 30 ноября 1807 года грузинскими крестьянами, заплатившими за него 500 рублей.

«Сіе евангеліе куплено въ Санктъ Петербургѣ ценою пятьсотъ рублей подавнѣемъ благочестивыхъ и добрыхъ крестьянъ моей грузинской вотчины 1807 года ноября 30 дня ко дню праздника грузинскаго села святого апостола андрея первозванного во время владѣнія онымъ селомъ и вотчиною генерала отъ артиллеріи и кавалера всей россійской артиллеріи графа Алексѣя андреевича сына аракчеева.

Подробнѣе объ этомъ событіи говорится въ моей замѣткѣ: «Пребываніе Имп. Александра I въ Грузинѣ 7 іюня 1810 г.» «Русская Старина» 1910 годъ, іюль.

отправились въ грузино, куда къ перевозу прѣѣхали уже по полуночи во второмъ часу по переѣздѣ волхова на плоту государь изволи^л отъ пристани въ домъ итти пѣшкомъ по входѣ въ домъ изволи^л занять въ нижнемъ этажѣ спальню и уборную, гдѣ раздѣвшись изволи^л лечь почивать выкушавъ только двѣ чашки чаю. По утру осмага числа изволи^л пробудиться въ восьмомъ часу, а въ девятомъ часу уже былъ совсѣмъ одѣтъ, и осмотра покои верхняго этажа и бельведеръ изволи^л съ графомъ пойти въ церковь, Государь изволи^л осмотрѣть всю церковь а изъ оной изволи^л съ графомъ пойтить въ садъ, гдѣ изволи^л гулять по всему саду осматривать пруды, памятникъ старика исака и деревянный домъ, а въ одиннадцатомъ часу возвратился въ каменный домъ гдѣ изволи^л въ нижнемъ этажѣ въ гостинной фриштыкать съ графомъ хозяиномъ и графомъ Толстымъ а послѣ фриштыка изволи^л съ графомъ хозяиномъ сестъ въ дрожки а графъ Толстой въ шведской одноколкѣ и поѣха^л осматривать деревни, именно Грузино, Хотитово, Модня, Новую деревню, Графскую слободку, въ концѣ коей поворотить обратно, и проѣхалъ въ Мотылье, а изъ оной въ Хотитово, возвратился въ грузино по садовой дорогѣ, къ прудамъ, гдѣ сойдя съ дрожекъ изволи^л вторично гулять въ саду и посѣщать вторично деревянный домъ, а въ два часа по полудни въ домъ каменной и изволи^л кушать за обѣденнымъ столомъ въ верхнемъ этажѣ въ залѣ съ хозяиномъ графомъ и графомъ Толстымъ. Послѣ кушанья изволи^л еще разъ осматривать покои верхняго этажа и играть одну партію въ билліардъ съ графомъ Толстымъ, послѣ онаго изволи^л сойтить въ нижній этажъ и въ своей комнатѣ изволи^л заниматься государственными дѣлами отправя въ СПетербургъ и въ Тверь курьера (фельдъегеря) въ 6-мъ часу изволи^л выйтить въ Гостинную нижняго этажа комнату, гдѣ кушать чай, а послѣ онаго изволи^л еще разъ гулять въ саду, а въ седьмомъ часу пополудни изволи^л отбыть изъ грузино, объявя хозяину весьма милостивое благоволеніе, на перевозѣ реки Волхова изволи^л съ плота сестъ въ простую тутъ бывшую лодку въ нее посадя графа хозяина и графа Толстаго изволи^л самъ грестъ веслами и перевести чрезъ всю реку, будучи весьма веселъ, по переѣздѣ волхова изволи^л поѣхать съ хозяиномъ на дрожкахъ до Николы, гдѣ изволи^л проститься съ графомъ хозяиномъ и на прежнемъ трешкотѣ съ графомъ Толстымъ переѣхавъ разливъ изволи^л въ деревнѣ слободѣ сестъ въ свой экипажъ и отправиться въ СПетербургъ. Сія лодка и весла кои удостоились перевозить монарха сохраняются въ Грузинѣ¹⁾. Государь Императоръ по возвращеніи своемъ въ СПетербургъ удостоилъ графа Аракчеева отъ 21-го іюня за собственноручнымъ подписаніемъ рескрипта, въ коимъ изволи^л

¹⁾ Къ сожалѣнію, нѣтъ теперь этой лодки и веселъ: они погибли отъ небрежнаго храненія; осталась только мѣдная доска съ надписью: «7 іюня 1810 года. Во время посѣщенія Императоромъ Александромъ Благословеннымъ графа Алексѣя Андреевича Аракчеева въ селѣ Грузино, въ означенное здѣсь время, Его Императорское Величество изволи^л въ оной лодкѣ и сими самими веслами Самъ перевозить черезъ рѣку Волховъ Оберъ Гофмаршала графа Николая Александровича Толстаго и графа Аракчеева; да сохраняются на вѣчныя времена сія драгоценныя вещи, и да будетъ проклятъ всякой тотъ, кто осмѣлится истребить оныя». Какъ ни страшна эта надпись, она все-таки не спасла лодки отъ гибели.

изъявить къ сведенію всей россійской имперіи свое высочайшее благоволеніе графу Алексѣю Андреевичу. Графъ Аракчеевъ въ знакъ благодарности апостолу Христову андрею первозванному сей рескриптъ государевъ подарилъ въ церковь божію для вечнаго храненія въ особомъ бронзовомъ ковчеге внизу портрета государя императора александра перваго. Содержаніе же рескрипта слѣдующее который списанъ съ подлиннаго въ присутствіи графа Аракчеева капельмейстеромъ (Его) Семеномъ Алексѣевымъ»: Далѣе идетъ полностью вышеприведенный рескриптъ, который здѣсь послѣ словъ рескрипта: «Пребываю вашъ всегда благосклонный Александръ». Кончается такъ: «На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою Александръ. въ Санктъ-Петербургѣ двадцать перваго іюня тысяча восемьсотъ десятаго году».

6. Напрестольное евангеліе 1833 года: Окладъ серебряный, изящный, очень оригинальный, сдѣланъ въ память кончины Императора Александра I (19 ноября 1825 года) ко дню открытія Ему памятника въ Грузинѣ въ 1833 году. Окладъ изъ бѣлаго полированного серебра съ различными чеканными украшеніями и финифтьевыми образками различной формы и величины: по бордюру надпись. По сторонамъ креста большой гербъ графа Аракчеева и надпись¹⁾.

Это евангеліе интересно еще тѣмъ, что въ немъ подъ печатнымъ текстомъ рукою Аракчеева написано его «завѣщательныя распоряженія»²⁾ о наградѣ за лучшее сочиненіе по исторіи царствованія Императора Александра I, иначе говоря, копія съ его завѣщанія о наградѣ за лучшее сочиненіе по исторіи времени Императора Александра I, копія съ Высочайшаго доклада о Новгородскомъ Аракчеевскомъ Кадетскомъ корпусѣ, копія съ Высочайшаго рескрипта Императора Николая I на имя графа Аракчеева и описанія памятника Императору Александру I въ Грузинѣ, сооруженнаго на средства графа Аракчеева.

Текстъ всѣхъ этихъ документовъ слѣдующій:

ЗАВѢЩАТЕЛЬНОЕ РАСПОРЯЖЕНІЕ

предназначенной наградѣ за лучшее сочиненіе исторіи царствованія императора всероссійскаго Александра I-го.

1. Я нижеподписавшійся генералъ отъ артиллеріи Графъ алексей андреевъ сынъ аракчеевъ Благоговѣя и за предѣлами Гроба къ незабвеннымъ подвигамъ и душевнымъ добротамъ безъ предѣльно чтимаго и любимаго Мною Государя всероссійскаго Императора Александра Павловича удостоившаго меня высочайшей своей довѣренности взношу въ нынѣшнемъ 1833 году 50000 рублей ассигнаціями въ Государственный заемный Банкъ, стѣмъ чтобы сія сумма оставалась въ ономъ 93 года неприкосновенною со всѣми прирасчаемыми на оную въ продолженіи сего времени процентами безъ малѣйшаго ущерба и изъятія.

¹⁾ Графъ Алексѣй Аракчеевъ въ Грузинской Соборѣ въ 1833 году.

²⁾ См. мою замѣтку «завѣщательныя распоряженія графа А. А. Аракчеева, собственно ручно записанныя на листахъ напрестольнаго евангелія 1833 года въ Андреевскомъ соборѣ села Грузино» въ «Русской Старинѣ» за 1910 г., за сентябрь.

2-е. Сумма сія назначается въ награду тому изъ російскихъ писателей, который чрезъ 100 лѣтъ отъ кончины въ Бозѣ почивающаго вѣиценосна т.е. къ 1925 году напишетъ на російскомъ языкѣ Исторію царствованія Императора всеросійскаго Александра I лучше всѣхъ, т.е. полнѣе, достовѣрнѣе и краснорѣчивѣе.

3-е. Достоинство сей исторіи должно быть оцѣнено и признано превосходнѣйшимъ не отъ иного кого, какъ отъ первой въ росіи Академіи словесныхъ наукъ, подъ какимъ бы сіе высшее сословіе ученыхъ названіемъ нисостоялось.

4-е. Билетъ російскаго Государственнаго Банка на вышеупомянутые 50000 рублей съ прописаніемъ въ ономъ назначеннаго времени, дня выдачи сей суммы съ процентами препровожу я нынѣже въ Императорскую Академію наукъ съ моею на томъ билетѣ подписью и испрошу въ полученіи онаго квитанцію.

5-е. По смерти моей прошу Императорскую Академію наукъ сіе завѣщательное мое распоряженіе напечатать въ газетахъ Московскихъ Санкт-Петербургскихъ, также публиковать о томъ въ Лондонѣ, Парижѣ и Берлинѣ чтобы патріотическое пожертвованіе мое въ продолженіи 100 лѣтъ не осталось въ забвеніи, и чтобы заблаговременно возвѣщенъ былъ ученымъ Будущихъ временъ трудъ для нихъ предстоящій, который не только прославить, но и обогатитъ достойнѣйшаго изъ нихъ.

6-е. Чрезъ 82 года считая отъ сего 1833 года т.е. въ началѣ 1915 года російскій Государственный Банкъ, въ которой внесена означенная для сей награды сумма, и російская Академія словесныхъ наукъ обязана вновь публиковать сіе мое завѣщательное распоряженіе во всѣхъ издаваемыхъ вто время Газетахъ, какъ російскихъ, такъ и иностранныхъ, о приближающемся времени къ занятію ученыхъ, и съ объясненіемъ уже количества назначаемаго въ награду капитала, потому что на оставшіися дѣсять лѣтъ сумма сія тогда опредѣлительно можетъ изчислена быть.

7-е. На сочиненіе исторіи Александра I дается срока десять лѣтъ, по истеченіи которыхъ сочинители обязаны прислать книгу свою къ первому января 1925 года, подъ девизами въ первенствующую російскую Академію съ запечатанными особо именами своими, Академія въ продолженіи 1925 года разсматриваетъ присланныя сочиненія, по мѣрѣ полученія ихъ съ наблюденіемъ обрядовъ, какія установлены въ настоящее время для задаваемыхъ Академіею задачъ. Она опредѣляетъ не въ другой какой день, а непременно 12 декабря, награду за удовлетворительнѣйшую исторію императора Александра I три доли Капитала съ приращеніемъ чрезъ 93 года процентами. Тогда сообщаетъ она російскому Государственному Банку о выдачѣ таковой суммы сочинителю и публикуетъ въ російскихъ и иностранныхъ газетахъ какъ объ имени его, такъ и о количествѣ полученной имъ награды.

8-е. Остальная четвертая часть поступаетъ въ распоряженіе російской Академіи словесныхъ наукъ на нижеслѣдующее употребленіе:

9-е. На изданіе оной исторіи въ самомъ лучшемъ видѣ тогдашняго времени книгопечатанія съ приложеніемъ гравированнаго Портрета Александра I и пояснительныхъ для исторіи плановъ и картъ.

10-е. На напечатаніе сей исторіи 10000 экземпляровъ, которые пустить въ продажу по той цѣнѣ, во что обойдется каждый экземпляръ, дабы и бѣднаго состоянія россиянѣ могли имѣть исторію того государя, который возвеличилъ Россію и освободилъ отъ порабощенія Европу.

11-е. Остальная же и за симъ сумма изъ четвертой части остающаяся у Академіи за напечатаніемъ 10000 російскихъ экземпляровъ, назначается въ награды. Второстепенному сочинителю исторіи, которая достоинствомъ своимъ ближе всѣхъ подходитъ будетъ къ заслужившей первую награду и двумъ переводчикамъ по равной части, которые переведутъ съ російскаго на немецкій и французскій языки удостоенную первой награды исторіи Александра I.

12-е. Вырученныя деньги отъ продажи на російскомъ языкѣ исторіи могутъ быть обращены на изданія сихъ немецкихъ и французскихъ переводовъ.

13-е. Капиталь 50000 рублей въ 1925 году считая на нихъ нынѣ производимое Банкомъ 4 на 100 процента составятъ 1918960 рублей. Слѣдовательно по сему расчету награда сочинителю за удовлетворительнѣйшую исторію состоятъ будетъ изъ 1439220 рублей, а четвертая часть 479740 рублей поступитъ въ распоряженіе Академіи словесныхъ наукъ. На означенныя въ 9-й, 10-й и 11-й статьяхъ предметы.

14-е. Сіе исчисленіе, разумѣется, съ теченіемъ временъ можетъ измѣниться по законамъ правительства въ производствѣ процентовъ, но правила въ раздѣленіи накопившагося въ 1925 году капитала должно быть исполнено въ точности по сему моему положенію, т.-е. три части изъ онаго слѣдуютъ первостепенному сочинителю, а четвертая, по 8-й статьѣ, Академіи.

15-е. Если по 6 пункту сего моего завѣщательнаго распоряженія въ назначаемые мною время не сдѣлано будетъ объявленіе въ газетахъ, то узаконенный потомокъ мой владѣющій грузинскою вотчиною, обязанъ о семъ гласно ходатайствовать у правительства.

16-е. При окончательномъ одобреніи сочинителя исторіи и назначаемой ему награды прошу російскую Академію почтить приглашеніемъ въ собраніе свое потомка моего, который въ то время будетъ владѣльцемъ грузинской отчины.

17-е. Подлинное утвержденное завѣщательное распоряженіе, собственно ручно мною писанное, хранить въ російской Академіи наукъ, а копія съ онаго, также писанная моею рукою, остается навсегда въ потомствѣ у старшаго въ родѣ владѣльца грузинскаго.

Генералъ отъ артиллеріи графъ Алексѣй Аракчеевъ 1833 года 2 апрѣля въ селѣ Грузинѣ въ день воскресенія Господа Бога Нашего.

На подлинномъ завѣщаніи хранящемся въ російской Академіи наукъ и въ копіи находящейся у моего потомка владѣющаго Грузинской отчиною: высочайшее Его Императорскаго Величества Императора Николая Павловича утвержденіе чрезъ министерство народнаго Просвѣщенія слѣдующее:

Его Императорское Величество изволилъ изъявить на сіе высочайшее свое согласіе 10 апреля 1833 года. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣ-

щенія Тайной совѣтникъ Сергѣй Норовъ. Съ подлиннымъ вѣрно: Генераль Графъ Аракчеевъ все сіе писано собственною графа Аракчеева рукою».

Далѣе чрезъ одинъ листъ, или 2 страницы, слѣдуетъ: «Высочайше Конфирмованный Докладъ и рескриптъ Императора Николая Павловича на имя графа Аракчеева о внесеніи на проценты суммы для содержанія кадетъ въ Новгородскомъ кадетскомъ корпусѣ въ 1833 году:

Ваше Императорское Величество. Всемиловитѣйшій Государь!

Внезапная кончина въ бозѣ почивающаго Императора Александра Благословеннаго опечалило не только наше отечество, но даже и целую Европу помнящую его Благодѣяніе при освобожденіи оной отъ владычества Наполеона, носивши на себѣ его отеческія милости и пользовавши полною его довѣренностью по свойству человѣческому я не предполагалъ возможнымъ пережить сего несчастнаго событія и въ тоже время сдѣлалъ распоряженіе о устройствѣ моему Благодѣтелю и Государю памятника въ селѣ моемъ Грузинѣ, какъ мѣсто, которое посѣщаемо имъ было десять лѣтъ сряду. Господу Богу угодно было продлить мою жизнь и я наслаждаюсь пріятнымъ исполненіемъ моего желанія, открывая въ нынѣшнемъ году памятникъ моему Благодѣтелю Императору Александру Благословенному. Въ благодарность за сію милость Господа Бога Моего Ко мнѣ рабу Его, Я имею желаніе призрѣть нѣсколько юныхъ Дворянъ, и посему испрашиваю вашего Императорскаго Величества соизволенія и высочайшаго утвержденія на слѣдующія мои предложенія:

1. Въ настоящемъ году въ день открытія въ Грузинѣ монумента вношу я въ Императорскую Сохранную Казну Государственными ассигнаціями 300000 рублей на вѣчныя времена неприкосновенно.

2. Ежегодныя съ онаго капитала проценты 12000 рублей я назначаю въ Новгородскій Кадѣтскій Корпусъ.

3. Испрашиваю высочайшей вашего Императорскаго величества Милости, приказать по числу всей суммы, сверхъ Казеннаго штатомъ опредѣленнаго числа Кадѣтъ содержать при ономъ Корпусѣ Кадѣтъ подъ названіемъ Грузинскихъ, что самое и внести въ издаваемый штатъ онаго Корпуса.

4. Кадѣтъ содержать во всѣхъ частяхъ наравнѣ со штатными.

5. Въ Кадеты сіи помѣщаются бѣдные дворяне Новгородской и Тверской губерніи на общихъ правилахъ, какія для Новгородскаго Корпуса предписаны будутъ.

6. При жизни моей помѣщеніе сихъ дворянъ предоставитъ мнѣ. А по смерти моей наслѣдникамъ моимъ, тому кто грузинскою отчиною владѣть будетъ.

7. Естлиже паче чаянія мною или наслѣдниками моими, не будутъ представлены въ законное время къ опредѣленію дворяне, то назначаются къ опредѣленію губернскими предводителями Новгородской и Тверской губерніи по равному числу изъ Бѣдныхъ дворянъ.

8. Естли въ которомъ году, по какому нибудь случаю будетъ остатокъ процентной суммы, а равномерно, и все проценты до открытія корпуса остающіеся присоединяются къ капиталу, дабы оной могъ увеличиться на случай возвышенія

въ ценѣ годового содержанія кадетъ или измененія въ процентахъ на отдѣльный Капиталъ.

9. Въ случае же недостатка годовыхъ съ капитала процентовъ на содержаніе назначеннаго числа пансіонеровъ кадѣтъ, то число оныхъ должно быть убавлено по числу суммы, дабы ни въ какомъ случае положенный капиталъ не убавлялся.

10. Переводъ означенныхъ пансіонеровъ кадѣтъ изъ губерній въ высшіе курсы, ежели бы таковой былъ назначенъ производиться на общихъ правилахъ, на казенный счетъ вмѣстѣ со штатными кадетами, гдѣ уже онѣ и поступаютъ на казенное содержаніе. Если въ послѣдствіи времени по распоряженію Правительства уничтоженъ будетъ Новгородскій Кадѣтскій Корпусъ, то основатель сего капитала, всеподданѣйше испрашиваетъ дабы оной капиталъ былъ на сихъ же самыхъ правилахъ переданъ въ другое военное воспитательное училище, гдѣ должны быть на проценты онаго содержимы бедные дворянѣ означенныхъ Новгородской и Тверской губерній.

Высочайшее утвержденіе сего моего желанія, я сочту себѣ новою вашего Императорскаго величества къ подданному старику милостью, и буду молить Господа Бога, дабы Благославилъ и наставилъ Его премудростью оныхъ Грузинскихъ воспитанниковъ быть безъ лести преданными слугами своему Государю. Пребуду до конца моей жизни съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и преданностію всемилостивѣйшій Государь Вашего Императорскаго Величества вѣрнѣйшій верноподданой графъ Аракчеевъ.

Село Грузино 30 Августа 1833 года въ день тезоименитства покойнаго Императора Александра Благословеннаго.

На семъ докладѣ последовала собственноручная Императора Николая Павловича слѣдующая надпись:

Быть по сему. Николай. Царское Село 30 сентября 1833 года.

Вѣрно: генералъ графъ Аракчеевъ.

При семъ докладѣ послѣдовалъ рескриптъ отъ Императора Николая Павловича на имя графа Аракчеева слѣдующаго содержанія:

Графъ Алексѣй Андреевичъ! Съ удовольствіемъ соглашаясь съ желаніемъ Вашимъ по предмету воспитанія въ Новгородскомъ Кадетскомъ Корпусѣ дѣтей дворянъ Новгородской и Тверской губерній на проценты вносимыхъ вами въ Императорскую сокращенную Казну, на вѣчныя времена 300000 рублей. Я утвердилъ всѣ предположенія ваши о семъ прошеніи ко мнѣ изъясненныя и повелѣлъ по открытіи упомянутаго корпуса привести оныя въ исполненіе, съ тѣмъ чтобы каждый изъ воспитанниковъ, на счетъ капитала сего содержимыхъ, имѣлъ на кровати надпись Грузинскій воспитанникъ и гербъ вашъ. Столь благотѣльнымъ пожертвованіемъ на пользу общую, вы приобретете право на мою признательность и мнѣ весьма пріятно изъяснить вамъ оную.

Пребывая вашъ всегда благосклонный.

На подлинномъ рескриптѣ подписано собственною Его величества рукою Николая. С.Петербургъ 4 октября 1833 года.

Вѣрно: генералъ графъ Аракчеевъ».

Черезъ листъ, или 2 страницы, отъ этого рескрипта находится описаніе памятника Императору Александру I въ селѣ Грузино:

«Памятникъ въ память въ Бозѣ почивающему покойному Государю Императору Благодарителю моему Александру Благословенному 1833 года 19 ноября.

Три фигуры: вѣра, надежда и милосердіе, поднимаютъ Бюстъ Императора, а милосердіе одною рукою коронуетъ Его небеснымъ вѣнкомъ съ сіяніемъ, каждая изъ сихъ фигуръ одною рукою поднимаетъ Бюстъ какъ бы желая передать оный небу, и другою держитъ свой отличительный признакъ, какъ то: вѣра съ таинственнымъ покрываломъ на головѣ и священнымъ именемъ Іеговы на персяхъ, правой рукою обнимаетъ Крестъ. Надежда, чистая, съ открытой грудью, и твердая, стоитъ опершись на свой якорь. Милосердіе, имѣетъ вѣнокъ изъ листьевъ гранатоваго дерева, а позади себя стоящаго подлѣ ногъ пеликану птицу, почитающуюся истиннымъ образомъ чадолубія для любви Государя къ своему народу. Милосердіе стоитъ на нѣкоторомъ возвышеніи, дабы она свободно могла возложить вѣнецъ: равносронной четырехугольной камень служа для сего, означаетъ въ тоже время правильность и неизмѣнность въ ея основанія. Вѣнецъ которымъ она коронуетъ состоитъ изъ семи звѣздъ, конхъ лучи сіяютъ на Бюстъ Благословеннаго. Внизу сихъ фигуръ на верхней части пьедестала, лежатъ на подушкѣ императорскія регалии: корона, скипетръ и доржава. Сія регалия находясь ниже фигуръ, означаютъ, что онѣ остаются здѣсь въ матеріальномъ мірѣ, а три небесныя Добродѣтели, отовсюду однимъ воздухомъ окруженныя, возносятъ Бюстъ Благословеннаго. У подножія памятника сидятъ: двѣ фигуры: російскій воинъ, и освобожденная Европа, въ печальномъ видѣ, обратя взоры свои на возносящійся бюстъ. Російскій воинъ, на правой сторонѣ бюста сидитъ на опрокинутой мортире, подлѣ коей лежатъ нѣсколько ядеръ; одежду его составляетъ національная русская рубаха, опоясанная двумя воинскими ремнями, а обувь русскіе сапоги, оружіе его шлемъ, мечъ и за спиною лукъ и колчанъ. Подлѣ него стоитъ щитъ съ Гербомъ и девизомъ подданнаго слуги покойнаго императора. По другую сторону пьедестала Европа, со скипетромъ въ рукѣ и съ городской короной на головѣ, какъ повелительница надъ другими частями земли нашей, сидятъ на двухъ рогахъ изобилія, опершись лѣвой рукою на лежащія подлѣ нея книги, глобусъ и нѣкоторые инструменты извѣстные признаки многообразнаго ея плодородія и промышленности и особенно просвѣщенія. Одѣяніе ея древнее греческое, хламида на плечахъ означаетъ воинскій духъ обитателей. Освобожденіе ея представлено переломленнымъ ярмомъ, которое она попираетъ ногой. На гранитномъ пьедесталѣ, съ передней его стороны, находится высѣченный барельефъ, на гранитѣ вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ, и всрединѣ онаго вензель императора Александра I, а подъ нимъ слѣдующая на гранитѣ высѣченная надпись:

«Государю Благодарителю
По кончинѣ Его».

На другой сторонѣ гранатнаго пьедестала слѣдующая надпись:

«Отъ подданнаго
въ 1833 году
Царствовалъ
25 лѣтъ».

По открытіи памятника надѣтъ на русскаго воина на цѣпочкѣ бронзовый крестъ, изъ тѣхъ крестовъ, которые въ оный день розданы народу, въ память сего священнаго дѣла. Размѣръ памятника; средній пьедесталь, на которомъ стоятъ 3 фигуры: Вѣра, Надежда и Милосердіе, цѣльной изъ полированного гранита величиною въ длину и шириною $2\frac{1}{2}$ аршина, высота въ 3 аршина, весу 700 пудовъ. Оный пьедесталь и съ двумя боковыми, возвышенъ со всѣхъ четырехъ сторонъ на трехъ гранитныхъ цѣльныхъ ступеняхъ. Основаніе сего памятника съ каждой стороны составляетъ 4 сажени, высота онаго съ фигурами 3 сажени. Весъ бронзовыхъ фигуръ: средній 250 пудовъ и обѣихъ боковыхъ, каждая въ 50 пудовъ, всего 350 пудовъ».

7. Ризница въ память кончины Императора Александра I 19 ноября 1825 года. Облаченія для священника и діакона: фелонь, эпитрахиль, поясъ, стихарь, орарь, 2 пары поручей и воздухи, сдѣланы изъ алаго бархата съ золотымъ шитьемъ на оплечьяхъ и воздухахъ и съ черными шелковыми полосами, затканными золотыми украшеніями и такими же двумя коймами. Ризница эта очень оригинальна по своимъ украшеніямъ и шитью: на обоихъ оплечьяхъ посрединѣ виситъ большой лавровый вѣнокъ, внутри котораго инициалъ Императора Александра I; надъ вѣнкомъ Императорская корона и 4 георгіевскихъ креста на самомъ вѣнкѣ; подъ вѣнкомъ вышита надпись: 23 февраля 1826 года.

Всѣ кресты вышиты въ видѣ георгіевскихъ съ сіяніемъ. Ажурная звѣзда фелони ромбоидальной формы съ вензелемъ Императора всрединѣ. Гасы всѣ черные, какъ и орарь съ гладкими золотыми коймами и такими же украшеніями, при чемъ гасы воротовъ и поручей, уже гасовъ оплечій и оподольевъ; на верхнемъ гасѣ оплечьевъ и фелони тотъ же вензель съ короной, и по сторонамъ ея сначала по парѣ пылающихъ факеловъ, опущенныхъ внизъ, потомъ справа отъ буквы арабская цифра 19, а слѣва римская XI, за ними по орлу съ распушенными крыльями и опять пылающіе факелы; нижній гасъ фелони украшенъ одними пылающими факелами, опущенными внизъ. На воротахъ гасы золотые и узкіе. На оподольѣ стихаря гасовъ нѣтъ. Орарь сдѣланъ изъ широкаго, чернаго шелковаго гаса съ затканными золотыми крестами, коймами и украшеніями.

Воздухи яркаго алаго бархата въ видѣ платовъ съ одинаковымъ великолѣпнымъ золотымъ шитьемъ, бахромою и кистями. Между украшеніями, по краямъ воздуховъ, надписи на большомъ: «Со святыми упокой душу усопшаго императора александра благословеннаго», на одномъ маломъ воздухѣ: «Въ четвергъ въ 10 часовъ 50 минутъ утра», на другомъ: «Въ таганрогѣ Ноября 19-го числа 1825 года».

8. Андреевское облаченіе на престолъ средняго алтаря. Облаченіе сдѣлано изъ чуднаго темнозеленаго бархата съ великолѣпнымъ золотымъ шитьемъ въ видѣ орденской андреевской цѣпи по краямъ каждой стороны престола и съ толстыми золотыми жгутомъ и кистями сверхъ андреевской цѣпи. Посрединѣ лицевой западной стороны престола вышитъ золотомъ большой андреевскій крестъ съ превосходнымъ финифтьевымъ изображеніемъ святого апостола Андрея Первозваннаго, распятаго на крестѣ. На противоположной (восточной) сторонѣ престола, посрединѣ,

золотомъ вышиты толстый андреевскій крестъ, обвитый веревками, позади его связки ликторскихъ прутьевъ съ топорами, сосудъ для питья, лукъ, колчанъ со стрѣлами, мечъ, терновникъ и камни. Это облаченіе употребляется только разъ въ годъ: въ храмовой праздникъ 30 ноября.

9. Мундиръ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, принадлежавшій Императору Александрѣ I. Мундиръ изъ чернаго сукна съ красной грудью, воротникомъ и обшлагами, шитыми золотомъ, лежитъ на красной бархатной подушкѣ, обшитой широкимъ золотымъ гасомъ подъ полукруглымъ стекляннымъ колпакомъ, теперь разбитомъ, на особомъ столикѣ, покрытомъ бѣлымъ газетомъ. На колпакѣ надпись гласящая что мундиръ пожалованъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ 23 декабря 1825 года.

Вмѣстѣ съ мундиромъ хранится собственноручная записка Императора Николая I:

«Примитѣ въ знакъ дружбы и благодарности за прошедшее и будущіе добрые совѣты присылаемый при семъ мундиръ покойнаго нашего благодѣтеля вашъ искренно доброжелатель Н. СПетербургъ 23 декабря 1825 года».

Судя потому, что на панихидномъ столикѣ находится бронзовый золоченный подсвѣчникъ 9¹/₂ вершковъ вышины, стержень и поддонъ котораго вышитъ бирюзовымъ, при чемъ на стержнѣ вышиты инициалы Императора Александра I и надпись: «Села Грузина въ Соборъ Игуменья Максимила Графу Алексѣю Андреевичу», а на поддонѣ надпись: «Къ мундиру Императора Александра Благословеннаго», нужно предполагать, что прежде мундиръ хранился въ какомъ либо придѣлѣ храма, на виду у всѣхъ, и предъ нимъ, какъ предъ иконой, или иной какой храмовой святыней, стоялъ подсвѣчникъ и возжигалась свѣча, что и сама «Опись церковная» подтверждаетъ¹⁾. Въ настоящее время мундиръ, какъ и прочіе предметы, напоминающіе объ Императорѣ Александрѣ I, въ пыли свалены на хорахъ и, конечно, большинству посѣтителей собора недоступны для обозрѣнія. Такъ теперь въ Грузинѣ чтутъ память одного изъ великихъ монарховъ, способствовавшаго къ украшенію Грузина своими щедрыми дарами: великолѣпной люстрой и Андреевской колоннадой, о которой подробно будетъ сказано ниже.

Вмѣстѣ съ мундиромъ находятся нѣсколько реликвій, напоминающія объ Императорѣ Александрѣ I: ящичекъ съ частями гроба Императора и ящичекъ изъ-подъ его рубашки. Оба ящичка продолговатые и оклеены малиновымъ сафьяномъ съ золотыми тисненіемъ и надписями на крышкахъ.

Въ первомъ ящичкѣ хранятся: «Опись частямъ гроба, въ которомъ заключалось тѣло въ Бозѣ почившаго Императора Александра I (напечатано на одномъ листѣ въ 8); золотомъ шитый двуглавый орелъ, золотой галунъ (позументъ съ гроба), шурупъ желѣзный (винтъ), четыре мѣдныхъ гвоздика и кусочекъ дерева». Двуглавый орелъ вышитъ на малиновомъ бархатѣ и наклеенъ на толстый картонъ, на обратной сторонѣ косо написано: «Государь Императоръ Александръ Павловичъ скончался

¹⁾ «Опись церковная» стран. 127.

въ Таганрогѣ 19 ноября 1825 года. Тѣло Августѣйшаго усопшаго привезено въ Санктпетербургъ 6 марта 1826 года, гдѣ и погребено въ Петропавловскомъ соборѣ 13 числа того же мѣсяца». Подъ орломъ въ четырехъ отдѣленіяхъ ящичка разложены части гроба, перечисленныя въ описи. На каждой части траурная сургучная печать графа Аракчеева. Во второмъ ящичкѣ подъ стекломъ хранилась рубашка Императора Александра I, по смерти Аракчеева надѣтая на него въ гробъ. На ящичкѣ надпись гласитъ:

«Рубашка покойнаго Государя Императора Александра Благословеннаго, пожалованная при возшествіи на престолъ Императора Павла I, графу Алексѣю Аракчееву, по неимѣнію у графа Аракчева при себѣ бѣлья по случаю экстреннаго его вытребованія изъ Гатчины. Рубашка сія по смерти графа Аракчеева должна быть надѣта на него»¹⁾).

Наглядно увѣковѣчивъ память своихъ «благодѣтелей», Императоровъ Павла I и Александра I, Аракчеевъ пожелалъ увѣковѣчить ее навсегда и молитвенно, для чего завѣщалъ въ день именинъ Императора Павла I, 29-го іюня, служить литургію и панихиду торжественно, архіерейскимъ служеніемъ, и кромѣ того, раздавать въ церкви денежныя награды мѣстнымъ крестьянамъ «за благонравіе», двумъ мѣстнымъ крестьянамъ хозяевамъ, и одной дѣвушкѣ, выходящей замужъ въ первое воскресенье послѣ Петрова дня, послѣ панихиды, при пѣніи «вѣчной памяти» Императору Павлу I. Назначая особыя суммы денегъ мѣстному архіерею за служеніе 29-го іюня и на награды мѣстнымъ крестьянамъ «за благонравіе», Аракчеевъ попросилъ на это Высочайшее согласіе Императора Александра I всеподданныйшимъ докладомъ, утвержденнымъ 27 февраля 1824 года, такого содержанія:

Ваше Императорское Величество!

Всемиловитѣйшій Государь!

<p>«Съ удовольствіемъ утверждаю. Александръ». Санктпетербургъ. Февраля 24-го 1824 года.</p>	<p>Пожалованная мнѣ въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ Павломъ Петровичемъ Грузинская отчина въ Новгородской губерніи и уѣздѣ село имени составляетъ единственное мое утѣшеніе, доставляя мнѣ покой пріятный послѣ трудовъ дѣятельныхъ и несказанное удовольствіе заниматься благосостояніемъ крестьянъ, ввѣренныхъ моему попеченію.</p>
---	---

¹⁾ Объ экстренномъ выѣздѣ Аракчеева въ Гатчину разсказывается въ воспоминаніяхъ артиллерійскаго генераль-маіора Н. Г. Смирнова такъ: «Пріѣхавъ въ Петербургъ, по смерти Екатерины, Императоръ Павелъ тотчасъ же вытребовалъ къ себѣ изъ Гатчины полковника Аракчеева. Аракчеевъ, получивъ приказаніе, немедленно прискакалъ въ Петербургъ, какъ былъ, въ одномъ мундирѣ, не взявши съ собою рѣшительно никакихъ вещей и даже теплой одежды. Павелъ принялъ его очень милостиво, тотчасъ же произвелъ въ генералы и назначилъ комендантомъ, наслѣдникъ же престола, Александръ Павловичъ, назначенъ Петербургскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ. Павелъ поставилъ ихъ рядомъ, соединилъ ихъ руки и сказалъ: «Будьте друзьями и помогайте мнѣ!» Съ этого момента началась дружба Аракчеева съ будущимъ Императоромъ. Не имѣя при себѣ даже перемѣннаго бѣлья, Аракчеевъ на слѣдующій день обратился къ своему новому другу и объяснилъ ему неудобство своего положенія. Александръ прислалъ ему собственную рубашку, которую Аракчеевъ сохранилъ всю свою жизнь и чрезъ 38 лѣтъ былъ въ ней похороненъ, согласно его завѣщанія. По смерти Александра I она лежала на столѣ въ бывшемъ кабинетѣ Александра I въ грузинскомъ домѣ графа Аракчеева въ сафьянномъ футлярѣ».

Преисполненный чувствъ благодарности къ Виновику сего благодѣянiя, я не могу ограничить себя пожизненнымъ изъясненiемъ сихъ чувствъ: я бы желалъ предать оныя вѣкамъ, сохранивъ въ сельскомъ моемъ убѣжищѣ и по смерти моей благоговѣйное воспоминанiе о Монархѣ, Благодѣтелѣ моемъ, и объ излитыхъ отъ него на меня милостяхъ. Въ семъ душевномъ расположенiи, я совѣтовался съ Преосвященнымъ Митрополитомъ и, получа его согласiе въ письмѣ, оригиналомъ подносимомъ при семъ на Высочайшее благоусмотрѣнiе, я осмѣливаюсь всеподданнѣйше испрашивать Всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества соизволенiя на слѣдующiя мои предположенiя:

1. Вношу я на вѣчныя времена десять тысячъ рублей въ Новгородскiй Приказъ Общественнаго Призрѣнiя съ правомъ получать изъ онаго ежегодно съ сей суммы по пяти указныхъ процентовъ, составляющихъ 500 рублей.

2. Проценты сiи при оказiи моей будутъ получаемы и употребляемы по моему распоряженiю.

3. По смерти моей, я представляю проценты сiи получать ежегодно Архiерей Викарiю Новгородскому, на слѣдующихъ условiяхъ:

а) Каждое лѣто 28-го числа iюня мѣсяца Архiерей сей прiѣзжаетъ въ село Грузино, съ необходимымъ числомъ его свиты.

б) 29-го числа iюня, т.-е. въ день Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, когда совершается память Благодѣтеля моего, въ Бозѣ почивающаго Государа Императора Павла I, Архiерей отправляетъ въ Грузинскомъ соборѣ, при находящемся маломъ, но съ истиннымъ усердiемъ воздвигнутомъ мною памятникѣ, за упокой, обѣдни и панихиды, съ четырьмя священниками, т.-е. сего собора, Ѳекуйской и Чудовской церковей.

в) По окончанiи служенiя, Архiерей получаетъ отъ хозяина сего селенiя или отъ управляющаго онымъ, письменное о томъ свидѣтельство по прилагаемой формѣ и возвращается въ Новгородъ.

г) Свидѣтельство сiе, Викарiй Новгородскiй препровождаетъ въ приказъ Общественнаго Призрѣнiя, и въ то же время, безъ всякаго препятствiя, получаетъ годовую сумму процентовъ, т.-е. пятьсотъ рублей, изъ коихъ триста пятьдесятъ рублей въ его собственное употребленiе, и сто пятьдесятъ рублей его свитѣ.

д) Собою разумѣется, что весь расходъ на проѣздъ Архiерея отъ Новгорода до Грузина и обратно производится на счетъ сей же суммы, а отъ хозяина села Грузино получаетъ квартиру и столъ.

4. Ежели бы въ который годъ, по ненахожденiю Архiерея въ Новгородѣ, или по болѣзни его, не могъ онъ прiѣхать въ село Грузино и отправить на мѣстѣ въ соборѣ служенiя, то сiи проценты получаютъ уже въ Грузинскiй Соборъ и употребляются: во-первыхъ на поддержанiе Архiерейской ризницы, а остатки отъ онаго на церковныя расходы.

5. При жизни моей, я обязуюсь построить полную для Архiерейскаго служенiя ризницу, состоящую изъ поднаго Архiерейскаго облаченiя, со всеми нужными

къ оному вещами и принадлежностью, четырехъ священническихъ ризъ и десяти стихарей для діаконовъ и прочаго причта.

6. Съ торжествомъ сего дня, соединяю я небольшую награду отличнѣйшимъ изъ крестьянъ моихъ, по ихъ благонавію, дѣяніе, Богу угодное и столь пріятное въ жизни сей покойнаго Императора. На сей конецъ вношу я особо десять тысячъ рублей въ учрежденной мною банкъ Грузинской отчины, для обращенія въ немъ на вѣчные проценты.

7. Проценты сіи, составляющіе также пятьсотъ рублей въ годъ, назначаю на ежегодную раздачу: а) двумъ крестьянамъ, хозяевамъ Грузинской отчины, лучшаго поведенія по образу благочестивой жизни и усердія въ хозяйствѣ, каждому по двѣсти рублей; и б) одной дѣвушкѣ, отличившейся равномѣрно своимъ благонавіемъ и поведеніемъ и выходящей въ первое послѣ сего Воскресенье замужъ въ сей отчинѣ, сто рублей.

8. Выборъ сихъ людей дѣлаетъ хозяинъ имѣнія, а въ отсутствіе его, управляющій онымъ, съ Депутатами мірскаго банка въ двойномъ числѣ, т.-е. четырехъ крестьянъ хозяевъ и двухъ дѣвушекъ, замужъ выходящихъ.

9. Списокъ симъ людямъ подписывается хозяиномъ имѣнія, а въ небытность его, управляющимъ и всѣми депутатами мірскаго банка, и представляется Архіерею въ Соборѣ, по пріѣздѣ его въ Грузино, который и оставляетъ оный въ Храмѣ Божіемъ.

10. Въ день памяти покойнаго Императора Павла I, послѣ отправленія панихиды, Архіерей въ томъ же Храмѣ Божіемъ означаетъ своею рукою въ списокѣ, по собственному его произволу, кто изъ представленныхъ кандидатовъ удостоивается получить награду и публично объявляетъ оное.

11. Хозяинъ Грузинской отчины, или управляющій оною, въ то же время, въ присутствіи Архіерея, выдаетъ сіе награжденіе при пѣніи вѣчной памяти виновнику моего благополучія, и симъ самымъ ежегодная панихида оканчивается.

12. Въ томъ же году, въ который не будетъ пріѣзда Архіерея въ Грузино, награды сіи отлагаются до слѣдующаго года, и въ такомъ случаѣ на другой годъ представляется уже къ награжденію двойное число людей.

Всемилоствѣйшій Государь! въ лестную награду службы моей, ежели она заслуживаетъ вниманія Вашего Императорскаго Величества, осмѣливаюсь всеподданнѣйше испрашивать на сіи предложенія мои утвержденія Вашего Величества Высочайшимъ Вашимъ подписаніемъ. Оно усугубитъ цѣну моихъ наслажденій и содѣлаетъ еще любезнѣе для меня мое сельское убѣжище.

Сія малая жертва, приносимая Благодѣтелю благодарностію, основана на ежегодныхъ способахъ, доставленныхъ мнѣ его благодарніями. Они довершаютъ сердечное мое желаніе сохранить по себѣ слѣды моей благодарности. Утѣшительно мыслить, что праведная душа въ Бозѣ почивающаго моего Благодѣтеля видитъ и одобряетъ чувства, меня одушевляющія.

Вашего Императорскаго Величества до конца моей жизни

Санктпетербургъ
24 февраля 1824 года.
Въ воскресенье первой
недѣли Великаго поста.

вѣрный
вѣрнопреданный
Графъ Аракчеевъ.

Получивъ Высочайшее соизволеніе на такое увѣковѣченіе 29-го іюня, Аракчеевъ уже пишетъ въ своемъ «Проектѣ инструкцій для управленія имѣніемъ», Высочайше одобренномъ 18 мая 1834 года:

«Комитетъ (хозяйственный) свято исполняетъ волю покойнаго (то-есть его самого) относительно ежегоднаго поминовенія, долженствующаго производиться при Архіерейскомъ служеніи 29 іюня, на точномъ основаніи Высочайше подтвержденнаго въ 27 день февраля 1824 года доклада, у сего въ копіи включаемаго. Равномѣрно наблюдаетъ, дабы производящееся поминовеніе въ Грузинскомъ Соборѣ, во время Божественнаго служенія дѣлалось и на будущее время заведеннымъ нынѣ порядкомъ (§ 39)».

Кромѣ того, Аракчеевъ составилъ «Росписаніе суммъ, назначенныхъ на составленіе особыхъ капиталовъ къ содержанію разныхъ частей Грузинскаго имѣнія, изъ процентовъ, кои ежегодно съ сихъ капиталовъ получаемы будутъ», приложивъ его къ своему «Проекту инструкцій для управленія имѣніемъ», и въ немъ, между прочимъ, такъ распредѣлилъ нѣкоторыя суммы:

1) На содержаніе въ нынѣшнемъ видѣ и благолѣпін Грузинскаго Собора и находящихся въ ономъ: памятника въ Бозѣ почивающему Императору Павлу I и убитымъ офицерамъ и солдатамъ Гренадерскаго графа Аракчеева (что нынѣ Ростовскій) полка, а также Императорскихъ медаліоновъ съ гербами и надписями... 37000 р. (Въ числѣ сей суммы внесены уже въ Комиссію Погашенія Долговъ на вѣчныя времена 12000 р., проценты коихъ 360 р. серебромъ, по силѣ подтвержденнаго 17 апрѣля 1811 года доклада о Грузинскомъ Соборѣ, принадлежитъ на содержаніе онаго).

2) На содержаніе въ сохранности и должной чистотѣ памятника, воздвигнутаго Императору Александру I и на жалованье инвалиду, который къ оному опредѣленъ будетъ... 10000 р.

3) Для поминовенія во время службы Божіей въ Грузинскомъ Соборѣ Императоровъ: Павла I и Александра I, а также и графа Аракчеева... 5000 р. (Капиталь сей внесенъ уже въ Грузинскій Банкъ).

4) На архіерейское служеніе, долженствующее производиться ежегодно въ Грузинскомъ Соборѣ 29-го іюня, по силѣ Высочайше подтвержденнаго 27-го февраля 1824 года доклада, дня поминовенія Императоровъ Павла I и Александра I... 12500 р. (Изъ сей суммы 10000 р. внесены уже въ Новгородскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія, а остальные 2500 р. должны еще быть внесены въ оный Приказъ).

5) Для награды крестьянамъ по тому же докладу 27-го февраля 1824 года... 10000 р. (Сумма сія должна быть внесена въ Грузинскій мірской Банкъ).

6) На раздачу бѣднымъ въ день кончины Императора Александра I 25000 р. и графа Аракчеева 25000 р., всего 50000 р.

Сооруженіемъ памятника Императору Александру I въ Грузинѣ Аракчеевъ закончилъ свое намѣреніе увѣковѣчить въ Грузинѣ память своихъ благодѣтелей, Императоровъ Павла и Александра I.

Себя поминалъ Аракчеевъ приказалъ послѣ каждой литургіи, для чего служить по немъ панихиды предъ столикомъ, покрытомъ чернымъ шелковымъ облаченіемъ съ вышитыми серебромъ 10 знаменами, отнятыми у французовъ въ 1812 году, 6 такихъ знаменъ съ французской надписью: «Garde Imperiale» и буквою N посрединѣ, 4 остальныхъ съ надписью: «2 Regiment de chevaux legers» съ одноглавымъ орломъ посрединѣ. Сверхъ этого облаченія покрывалась такая же пелена, но съ 4 флагами-штандартами, на которыхъ былъ вышитъ одноглавый орелъ съ миланской короной на груди и надписью «Guardia reale Italiana»¹⁾, но теперь этого не дѣлается, да и самыя-то панихиды по Аракчееву послѣ обѣдни не всегда служатся, но его родовой синодикъ въ потрепанномъ и загрязненномъ видѣ все же лежитъ на панихидномъ столѣ и заслуживаетъ особаго вниманія посѣтителя собора по своему содержанію и по своей виѣшности. Синодикъ напечатанъ на 8 страницахъ въ малую четвертку листа; страницы его украшены колоннами съ каннелюрами и коринѣскими капителями на продолговатомъ основаніи и перевитыя гирляндами лавровыхъ листьевъ; Надъ колоннами пятиугольный фронтонъ съ курящимися кадильницами. Посрединѣ фронтона «латинскій» четырехконечный крестъ съ сіяніемъ, а предъ нимъ 2 обнаженныхъ амура. Особенность этого синодика заключается въ томъ, что въ немъ Аракчеевъ точно и подробно расписалъ свой родъ, обозначивъ въ своей семьѣ не только день кончины какого-либо своего родственника, но даже день рожденія и мѣсто погребенія его. Кромѣ того, на 13-й страницѣ синодика Аракчеевъ помѣстилъ аллегорическое изображеніе своего рода въ видѣ снопа ржи, а 15 страницу посвятилъ памяти своей любовницы, Анастасіи Минкиной. Переплетъ синодика черный кожаный съ золотой надписью: «Грузинскаго собора».

Привыкнувъ ко всеобщему повиновенію, Аракчеевъ и въ церкви командовалъ какъ на ученіи; во время богослуженія онъ сутился по церкви: переходя съ мѣста на мѣсто, то поправлялъ пѣвчихъ, своихъ же крѣпостныхъ, то дьякона ругалъ дуракомъ, то клалъ поклоны и въ то же время изъ подъ руки смотрѣлъ на молящихся позади его; горе было тому, кто плохо молился, или былъ невнимателенъ къ службѣ²⁾. Даже всѣмъ церковнымъ имуществомъ распоряжался самъ Аракчеевъ и составилъ и утвердилъ расписаніе звона колоколовъ: когда въ какой колоколъ звонить.

Соборная колокольня построена совершенно отдѣльно отъ храма, на западъ отъ него, и другимъ архитекторомъ Васи́ліемъ Петровичемъ Стасовымъ. Состоитъ она изъ 3 ярусовъ съ длиннымъ «адмиралтейскимъ щипцомъ» и 8-конечнымъ крестомъ и шаромъ наверху. Нижний ярусъ окруженъ 24 дорическими колоннами (по 6 колоннъ на каждую сторону) съ метопами и римскимъ карнизомъ, надъ которымъ съ каждой стороны по большому полукруглому окну; верхъ нижняго яруса украшенъ желѣзной рѣшеткой. Средній ярусъ выше всѣхъ и на всѣ стороны имѣетъ по два окна. Верхній ярусъ круглый съ 8 колоннами. Съ колокольни

¹⁾ «Русская Старина» за 1869 годъ.

²⁾ «Новгородскій Сборникъ» за 1865 годъ. Выпускъ I, отдѣленіе II, стран. 37—71.

открывается чудный видъ на окрестности Грузина, и съ нея не разъ Аракчеевъ смотрѣлъ на прямую, какъ стрѣла, дорогу отъ станціи Чудова къ Грузину, когда ожидалъ къ себѣ Царственнаго Гостя.

2 мѣдныхъ колокола для храма отлиты въ Москвѣ въ 1824 году мастеромъ Богдановымъ, по особому заказу Аракчеева, и называются «Алексѣевскимъ» и «Анастасіевскимъ», первый вѣсомъ въ 208 пудовъ 8 фунтовъ, второй — въ 100 пудовъ 39 фунтовъ; на нихъ изображенія святыхъ: апостола Андрея, Алексѣя, митрополита Московскаго, архангела Михаила и мученицы Анастасіи и надписи.

Въ 1825 году графъ Аракчеевъ составилъ и утвердилъ росписаніе звона колоколовъ, приложенное къ «Описи церковной»: и заканчивающееся слѣдующими словами. «Утверждаю съ благословеніемъ Божиимъ, но кто сіе перемѣнитъ, тотъ да будетъ слыть нехорошимъ человѣкомъ, по кончинѣ же моей прошу оный день включить въ тѣ дни, въ которые употребляется Алексѣевской колоколь. 1825 года, въ день Святыя Троицы, 17-го маія, въ селѣ Грузинѣ. *Графъ Алексѣй Аракчеевъ. Грузинскаго Собора Протоіерей Николай Ильинскій*».

За алтаремъ собора красуется великолѣпная чугунная колоннада съ такой же колоссальной статуей святаго апостола Андрея Первозваннаго посрединѣ. Колоннада сдѣлана въ видѣ небольшого греческаго храма съ портикомъ на 16 іоническихъ колоннахъ съ канеллюрами. Посрединѣ колоннады на кубическомъ постаментѣ, украшенномъ бронзовыми золочеными крестами, лавровыми и терновыми вѣнками и цвѣточными гирляндами, стоитъ статуя апостола Андрея въ хитонѣ и гиматіи. Апостолъ обращенъ лицомъ на востокъ; молясь, онъ правую руку полу опустилъ внизъ, какъ бы прося Божія благословенія на то мѣсто, гдѣ стоитъ, въ лѣвой рукѣ держитъ большой крестъ на которомъ былъ распятъ. Статуя по модели знаменитаго Мартоса была отлита Екимовымъ за 12000 рублей. Колонны отлиты на Петрозаводскомъ чугунолитейномъ заводѣ, остальные части колоннады — на Петербургскомъ. На восточномъ и западномъ фризахъ надписи, на восточномъ: «Благословеніе Господне на страну сію отъ нынѣ и до вѣка»; на западномъ: «Царская награда подданному 1820 года». Съ боковыхъ сторонъ идутъ чугунные лѣстницы; полъ колоннады изъ чугунныхъ узорныхъ плитъ; чугунная балюстрада окружаетъ колоннаду со всѣхъ сторонъ. Колоннада вмѣстѣ со статуей подарена графу Аракчееву Императоромъ Александромъ I и «въ присутствіи хозяина и военныхъ чиновниковъ, освящена протоіереемъ Малиновскимъ 30 ноября 1822 года».

На сѣверной сторонѣ храма, между соборомъ и Аракчеевскимъ дворцомъ, въ 1833 году сооруженъ памятникъ Императору Александру I, согласно описанія памятника, сдѣланнаго Аракчеевымъ и приведеннаго выше. Лицевой стороной памятникъ обращенъ къ дворцу и сдѣланъ Гальбергомъ, ученикомъ Мартоса.

Черезъ годъ послѣ смерти Императора Александра I Аракчеевъ задумалъ соорудить ему памятникъ, черезъ 2 года было подписано условіе и въ 1829 году началось сооруженіе памятника, при чемъ Аракчеевъ поставилъ художнику условіемъ изобразить его (Аракчеева) на памятникѣ русскимъ воиномъ, совѣтуя Гальбергу воспользоваться его изображеніемъ на бронзовыхъ часахъ Ле Дюра во дворцѣ, но

художникъ отклонилъ это условіе и все свое вниманіе обратилъ на бюстъ Императора, сдѣлавъ его какъ можно ближе къ оригиналу. «Ваше Сіятельство», писалъ въ свое время Аракчееву Гольбергъ, «усматриваете, что я держался портрета Торвальдсена, но я счелъ за лучшее нѣсколько смягчить слишкомъ суровое выраженіе его лица. Государь могъ имѣть такой строгій взглядъ среди неудовольствія Варшавскаго сейма, когда именно г. Торвальдсенъ дѣлалъ свой портретъ, но не въ эту минуту, когда онъ возносился въ горнію. Если Ваше Сіятельство замѣтите мнѣ въ бюстѣ моемъ какіе-нибудь недостатки, то я не замедлю ихъ исправить».

Объ этомъ памятникѣ и крестикѣ въ память сооруженія монумента Смирновъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Русскій воинъ, упомянутый въ описаніи памятника Императору Александру Благословенному въ Грузинѣ, подлѣ котораго стоитъ щитъ съ гербомъ и девизомъ подданнаго слуги, есть не кто иной, какъ самъ Аракчеевъ. Бронзовыхъ крестовъ, подобныхъ надѣтому на русскаго воина, роздано народу было 3000. Для дамъ было 40 позолоченныхъ крестовъ. Кромѣ того, 3 креста были золотые, украшенные брильянтами. Одинъ изъ нихъ былъ подаренъ архіерею, освящавшему памятникъ, другой — протоіерею Грузинскаго Собора Малиновскому, 3-й въ футлярѣ былъ положенъ въ кабинетѣ Императора Александра I возлѣ его рубашки, съ золотою тисненою надписью, сообщавшею о томъ, что онъ будетъ принадлежать женѣ владѣльца Грузина, которая должна надѣвать этотъ крестъ ежегодно: 29-го іюня, 30-го августа и 30-го ноября. Столъ, на которомъ лежатъ рубашка и крестъ, былъ очень замѣчателенъ. Онъ имѣлъ въ длину аршина 3, въ ширину полтора и раздѣленъ былъ на 2 квадратные ящика подъ стеклянной крышей, открывавшейся кверху. На этой стеклянной крышѣ и лежали крестъ и рубашка, ящики же заключали въ себѣ письма Императора Александра I къ Аракчееву и важнѣйшіе документы, относящіеся къ его царствованію. Бумаги эти, уложенныя очень плотно, занимали въ вышину вершковъ 6. Говорили, что Аракчеевъ во время своего путешествія по смерти Александра I напечаталъ часть этихъ бумагъ, за что на него недовольны были въ Россіи. По смерти Аракчеева всѣ его бумаги забралъ съ собой графъ Клейнмихель. Аракчеевъ при памятникѣ хотѣлъ устроить домъ инвалидовъ, но не успѣлъ исполнить этого намѣренія¹⁾».

Вотъ сколько интереснаго заключаетъ въ себѣ Грузинскій Андреевскій Соборъ! Крайне желательно было бы, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, описать его подробно, обстоятельно изучивъ всѣ его художественные и историческіе памятники, но на это надо много времени, чего не было у автора этого бѣлаго обзора, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ.

¹⁾ «Черты изъ жизни графа Аракчеева», «Русская Старина» за 1870 годъ, стран. 275.

Игначь Крестъ и Селигерскій Путь.

Н. Мятлевъ.

Къ числу не окончательно разрѣшенныхъ до настоящаго времени вопросовъ русской исторической географіи, имѣющихъ прямое отношеніе къ прошлому новгородской области, относится, между прочимъ, вопросъ о направленіи того «Серегерского пути», слѣдуя которому, по извѣстію ряда лѣтописей¹⁾, въ 1238 году подступала къ Великому Новгороду грозная сила татарская.

Повѣствуя объ этомъ событіи, Новгородская 1-я (харатейная) лѣтопись говоритъ, что послѣ взятія и разгрома Торжка 5 Марта 1238 года «ганяшася оканьнии безбожници отъ Торжку Серегѣрьскимъ путемъ оли и до Игнача Креста, а все люди сѣкуще акы траву, за 100 вереть до Новагорода. Новъгородъ же заступи Богъ і святая великая і зборная апостольская церкви святая Софья і святѣи Кюрилъ і святыхъ правовѣрныхъ архиепископъ молитва і благовѣрныхъ князей і преподобныхъ черноризецъ іерѣйскаго сбора»²⁾. Новгородская четвертая лѣтопись дополняетъ: «безбожнии вспятишася у Игнача Креста, прогнани святымъ Кирилломъ»³⁾, очевидно отступленіе татаръ и спасеніе Великаго Новгорода было столь неожиданно, что современники могли приписать его лишь Божественному промыслу и заступничеству Святого, котораго праздновала церковь въ день радостнаго событія, и это обстоятельство съ нѣкоторою точностью датируетъ день начала отступленія татаръ изъ Новгородской области — 18, 21 или 29 Марта, ибо въ эти числа церковь наша празднуетъ память Св. Кирилла.

Названіе «Серегѣрьскій путь» одинъ только разъ и встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ — именно въ приведенномъ выше повѣствованіи ихъ о событіяхъ 1238 года, но самое упоминаніе объ этомъ пути, какъ о географическомъ названіи вполне понятномъ и не требующемъ какихъ-либо комментаріевъ для любого современника, достаточно доказываетъ намъ, что путь изъ Верхняго Поволжья въ Великій Новгородъ черезъ «Серегеръ», въ которомъ легко разгадать озеро Селигеръ нашего времени, былъ не только хорошо извѣстенъ, но и обыченъ уже въ первой половинѣ XIII столѣтія. И дѣйствительно въ той же лѣтописи мы

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. I 225 (Троицк.) IV 34, (Новг. IV Лѣт.), VII 142 (Воскрес.), X 112 (Никон.) и др.

²⁾ Новгор. Лѣтоп. по Синод. списку, С.-Пб. 1888, стр. 251.

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV 34.

находимъ извѣстіе о кончинѣ архіепископа Новгородскаго Мартирія, послѣдовавшей 24 Августа 1199 года «яко быша на озѣре Серегери» по пути во Владиміръ¹⁾, и затѣмъ извѣстіе 1216 года о походѣ Новгородцевъ подъ предводительствомъ князя Мстислава Мстиславовича Удалого на Владимірскую землю, во время коего Мстиславъ, выступивъ 1 Марта изъ Великаго Новгорода, «пойде Серегеремъ и вѣнде въ свою волость», послѣ чего новгородцы «быша вѣрху Вълзѣ и на Возузѣ, поидоша по Волзе воююще и пожьгоша Шешю и Дубну» и направились къ Переяславлю Залѣсскому²⁾. Независимо отъ этого при одномъ взглядѣ на географическую карту очевидно становится та роль, сначала въ колонизаціи, а затѣмъ и въ торговой и политической жизни Великаго Новгорода, которая должна была выпасть на долю озера Селигера, связаннаго рѣкою Селижарой съ Волгою, благодаря положенію его въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ истоками Западной Двины и верховьями рѣкъ Ильменскаго бассейна.

Приведенныя выше извѣстія лѣтописи содержатъ, какъ мы видѣли, указанія лишь на конечные пункты интересующаго насъ пути, а именно: Великій Новгородъ съ одной стороны и верхнюю Волгу съ ея притоками Вазузой, Шошей, Дубной и Тверцой съ городомъ Торжкомъ съ другой, а также на два пункта промежуточные — озеро Селигеръ и загадочный донынѣ «Игначь Крестъ», расположенный между Селигеромъ и Великимъ Новгородомъ въ стоверстномъ отъ послѣдняго разстояніи; въ точномъ опредѣленіи мѣстоположенія этого урочища — очевидно ключъ къ разрѣшенію вопроса о направленіи Селигерскаго пути въ предѣлахъ Новгородской области, по каковому вопросу нѣтъ единогласія у предыдущихъ изслѣдователей.

Такъ Ходаковский, а за нимъ и Барсовъ объясняютъ, что Селигерскій путь шелъ отъ Великаго Новгорода по озеру Ильменю, рѣкѣ Ловати, правому притоку ея Полѣ до сліянія съ Явонью, которая своими вершинами и связанными съ нею озерами Истошнымъ, Строиловымъ, Соминцевымъ, Долгимъ и *Волоцкимъ* подходитъ къ сѣверному берегу Селигера, отдѣляясь отъ него холмистымъ (не болѣе 5 верстъ) волокомъ³⁾, а Колосовъ въ своемъ изслѣдованіи о «Стерженскомъ Крестѣ», находя указанное выше мѣсто неудобнымъ для волока, высказываетъ предположеніе, что Селигерскій путь шелъ по озеру Селигеру до погоста Троицы-Переволоки и отсюда направлялся по западной вѣтви озера, такъ называемому Березовскому плёсу его, до погоста Березовскаго или «Березовца, что на Городищѣ» — старой вотчинѣ посадниковъ Борецкихъ, гдѣ былъ небольшой волокъ, до 2-хъ верстъ, къ рѣкѣ Щеберихѣ — притоку помянутой выше Полы — праваго притока Ловати, впадающей въ озеро Ильмень, и гдѣ, прибавимъ отъ себя, по переписнымъ книгамъ Деревской пятины 1495 года находились двѣ деревни съ типичнымъ названіемъ Переволока⁴⁾.

¹⁾ Нов. Лѣт. по Синод. сп. I. с. 178.

²⁾ ib. 200—201.

³⁾ Н. П. Барсовъ. Очерки Русск. Истор. Географіи. Варшава 1873, стр. 23.

⁴⁾ Колосовъ. Стерженскій и Лопастницкій кресты въ связи съ древн. водными путями въ верхн. Поволжьи. Тверь 1890 стр. 18—20. Новг. Писц. Кн. I 645. Въ Березовцѣ было «Городище», «посадъ» и монастырь, часть посадскихъ дворовъ значилась «на Щеберихѣ».

Въ противорѣчїи съ этими мнѣніями, по существу своему вѣрными и устанавливающими существованіе въ указанныхъ мѣстахъ изстари использованныхъ Новгородцами волоковъ, стоятъ мнѣнія покойныхъ проф. Никитскаго и Ильинскаго, отождествляющихъ Селигерскій путь XIII столѣтія съ тою сухопутною «Дѣмонскою дорогою», по которой въ 1478 году велъ свои войска отъ Торжка къ Великому Новгороду черезъ пригородъ Демонъ (нынѣ уѣздный городъ Демянскъ на р. Явони) князь Андрей меньшой Васильевичъ — братъ великаго князя Московскаго Ивана III Васильевича¹⁾, но съ мнѣніемъ этимъ едва ли возможно согласиться во-первыхъ потому, что самое существованіе удобной сухопутной дороги по дебрямъ лѣсистой и болотистой Деревской пятины въ столь отдаленную эпоху какъ XIII столѣтіе представляется сомнительнымъ, а во-вторыхъ потому, что въ цитированныхъ выше извѣстіяхъ лѣтописи «Селигерскій путь» рисуется какъ путь водный, ведущій по озеру Селигеру къ воднымъ урочищамъ и прирѣчнымъ селеніямъ верхняго Поволжья, и притомъ путь удобный и обычный, какъ для зимняго времени (Мартъ — въ извѣстїи о походѣ Мстислава), такъ и лѣтомъ (Августъ — въ извѣстїи о смерти архіеп. Мартирія); нельзя при этомъ не отмѣтить того обстоятельства, что Мстиславъ избралъ въ 1216 году Селигерскій путь для своего похода на Волгу отчасти потому, что Ярославъ Всеволодовичъ «зая вѣршь на Търожку... а пути отъ Новгорода все засекоша и рѣку Тъхвирцю...»²⁾. Если, кромѣ того, вспомнить, что даже въ концѣ XV столѣтія Московское правительство видимо избѣгало пользоваться тою сухопутною «Яжелбицкою» дорогою, которая въ то время уже пролегла изъ Торжка до Великаго Новгорода черезъ Яжелбицкій погостъ Деревской пятины и нѣсколько позднѣе подробно описана была Герберштейномъ³⁾, а предпочитало направлять въ обратный путь иноземныхъ пословъ на судахъ «отъ Тѣри Тѣрцою рѣкою до Торжку... а отъ Торжку до Волочка... а отъ Волочка Мстою рѣкою до Великаго Новгорода»⁴⁾, то отождествленіе Селигерскаго пути съ Демонскою дорогою станетъ еще менѣе допустимымъ.

Признавая, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ Колосовымъ и Барсовымъ Селигерскій путь путемъ воднымъ, ведущимъ изъ Великаго Новгорода по рѣкамъ Ильменскаго бассейна и цѣлой системѣ волоковъ черезъ озеро Селигеръ въ верхнее Поволжье, мы не можемъ однако согласиться съ тѣмъ, что указанные этими изслѣдователями и несомнѣнно извѣстные въ старину пути сообщенія, соединявшіе верховья Пола съ водами Волжскаго бассейна, тождественны съ тѣмъ «Серегерскимъ путемъ», по которому въ 1238 году «гоняшася» отъ Торжка «окаяньїи безбожницы», ибо какъ путь связующій Новгородъ съ Торжкомъ направленіе, указанное Барсовымъ, а особенно Колосовымъ, представляется слишкомъ кружнымъ и отдаленнымъ, а кромѣ того на протяженіи этихъ путей мы ни въ старыхъ писцовыхъ книгахъ,

¹⁾ Никитскій. Очерки исторіи эконо. быта Вел. Новгорода М. 1893 стр. 92; Ильинскій. Городец. поселенія Новгородск. обл. въ XVI в. въ Ж. М. Н. Пр. 1876. стр. 271. О дорогѣ этой см. П. С. Р. Л. т. VI 207—209.

²⁾ Новг. Лѣтоп. по Синод. списку 139.

³⁾ Герберштейнъ въ перев. Анонимова, стр. 209—210.

⁴⁾ Сб. Имп. Русск. Истор. Общ., т. XXXV, стр. 93.

Труды XV Съѣзда. Т. I.

ни въ современной географической номенклатурѣ не найдемъ ни одного мѣстнаго названія, къ которому можно было бы приурочить лѣтописный «Игначь Крестъ», опредѣлить мѣстоположеніе коего впрочемъ и не пытались ни Барсовъ, ни Колосовъ. Правда, издатели «Географическаго Указателя къ Полному Собранію Русскихъ Лѣтописей», видимо руководствуясь соображеніями Барсова о направленіи Селигерскаго пути, отождествляютъ «Игначь Крестъ» съ тѣми Игнатицами (нынѣ дер. Игнатицы Старорусскаго уѣзда) на Полѣ, гдѣ въ 1471 году на пути изъ Демона къ Руссѣ останавливался великій князь Иванъ III Васильевичъ, но, какъ увидимъ далѣе, отождествленіе это, казалось бы правоподобное, не можетъ быть принято.

Независимо отъ водныхъ путей, соединявшихъ Селигеръ съ Ильменемъ, опредѣляли мѣстоположеніе Игнача Креста наши историки Карамзинъ, Соловьевъ и другіе и, видимо склоняясь къ признанію «Серегерскаго пути» сухопутною дорогою, помѣщаютъ это урочище на мѣстѣ современнаго уѣзднаго города Крестцы, извѣстнаго съ XV вѣка подъ названіемъ Крестецкаго погоста, а позднѣе Яма, расположеннаго въ 80 верстахъ отъ Великаго Новгорода на большой Московской — въ старину Яжелбицкой ямской дорогѣ при сплавной рѣкѣ Халовѣ притокѣ судоходной Мсты, но и это географически близкое къ истинѣ указаніе должно быть отвергнуто, такъ какъ въ изданныхъ Археографическою Комиссіей вообще богатыхъ разностороннимъ историческимъ матеріаломъ Новгородскихъ писцовыхъ книгахъ имѣется прямое уже указаніе на то, гдѣ именно находился Игначь Крестъ лѣтописи.

Переписная оброчная книга Деревской пятины 1495—96 года, описывая помѣстье Московскаго служилаго человѣка Андрея Руднаго Колычева въ Яжелбицкомъ погостѣ, между прочимъ отмѣчаетъ: «а угодей у того помѣстья *озера у Игнатцова Кѣста* оба Андрею»¹⁾ и, думается, этимъ извѣстіемъ окончательно рѣшаетъ вопросъ о направленіи Селигерскаго пути въ предѣлахъ Деревской пятины, такъ какъ тождество Игнача Креста лѣтописи и Игнатцова Кѣста переписной книги не подлежитъ сомнѣнію, какъ потому, что оба урочища эти носятъ равнозначущія названія, такъ и потому, что мѣстность, гдѣ по даннымъ переписной книги находилось озеро у Игнатцова Кѣста, теперь исчезнувшее съ карты и изъ памяти народной, представляется чрезвычайно удобною для волока и дѣйствительно уже въ отдаленныя времена оживлялась бойкимъ торговымъ движеніемъ.

«Озеро у Игнатцова Кѣста», какъ выше сказано, было угодемъ, входило значитъ въ составъ помѣстья, Андрея Руднаго Колычева въ части его, расположенной въ предѣлахъ Яжелбицкаго погоста Деревской пятины, заимствовавшаго свое названіе отъ селенія Яжелбицъ, до нынѣ стоящаго при Московскомъ шоссе на берегу р. Поломети, въ 113 верстахъ отъ Новгорода на границѣ Валдайскаго и Крестецкаго уѣздовъ. Центральнымъ селеніемъ этого помѣстья, такъ сказать хозяйственною его столицею, гдѣ находился боярскій дворъ Андреевъ, было существующее и понынѣ «сельцо на Великомъ озерѣ Великій Дворъ», а вокругъ него располагались прочія входившія въ составъ помѣстья деревни, частью уцѣлѣвшія

¹⁾ Новгор. Писц. книги, изд. Археогр. Комм. I. 819.

до нашихъ дней, какъ Почепъ, Соменка, Каменка, Литвинова, частью же запустѣвшія и исчезнувшія съ карты. Указанія сельцо и деревни точно опредѣляютъ положеніе озера у Игнатцова Кѣста, ибо, принадлежа къ помѣстью Андрея Руднаго, оно естественно должно было находиться въ земляхъ, куда «изъ тѣхъ деревень коса, топоръ и соха ходили» и что «къ тѣмъ деревнямъ изъ старины потягли», а такую мѣстностью было 10-верстное пространство, отдѣляющее теченіе впадающей въ Мсту, помянутой выше сплавной рѣки Халовы отъ текущей здѣсь къ западу и впадающей затѣмъ въ Полу также сплавной рѣки Пѣломети, орошенное притокомъ Халовы — рѣчкой Островенкой и притокомъ Пѣломети — Ерыней и заключающее въ себѣ, кромѣ помянутого Великаго озера, еще озера: Ямно, Рахино, Грибно, Усторонье и другіе болѣе мелкіе, заболоченные и почти пересохшіе, одно изъ коихъ въ старину быть можетъ и называлось «озеромъ у Игнатцова Кѣста».

Яжелбицкій погостъ, въ предѣлахъ коего по даннымъ переписной книги 1495 года и современной географической карты, находилось «озеро у Игнатцова Кѣста», Игначь Крестъ лѣтописи, представлялъ собою ядро, центръ Деревской пятины, равно удаленный отъ западной и восточной границъ ея — рѣкъ Ловати и Мсты, служившихъ для Великаго Новгорода въ теченіе всей его исторіи удобнѣйшими путями сообщенія съ Подиѣпровьемъ и Приволжьемъ. Главное селеніе погостскаго округа — погостъ, а позднѣе — въ XVI столѣтіи — рядокъ и ямъ Яжелбицы принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ новгородскихъ поселеній и уже въ такъ называемомъ «уставѣ о городскихъ мостахъ», помѣщенномъ въ нѣкоторыхъ спискахъ «Русской Правды» и относящемся къ XIII или даже къ XII столѣтію, въ Великомъ Новгородѣ значится цѣлое «Яжелбицкое сто», обязанное наравнѣ съ другими обитателями города принять на себя часть заботъ о благоустройствѣ его и мостить «двои рилѣ до торгоу»¹⁾. Въ этомъ «Яжелбицкомъ стѣ», имѣя въ виду обычное для древней Руси сотенное дѣленіе общества, а въ частности торгово-промышленнаго класса его, не трудно усмотрѣть особую корпорацію купцовъ, специализировавшихся на торговыхъ сношеніяхъ съ Яжелбичами, гдѣ повидимому въ старыя годы было средоточіе общественной и торговой жизни Деревской пятины. Вещественные памятники древности, сохранившіеся въ Яжелбицахъ, вполне подтверждаютъ предположеніе о томъ, что здѣсь и въ глубокой древности было значительное поселеніе: къ сѣверо-востоку отъ села и нынѣ находятся остатки городка круглой формы длиною и шириною около 30 саж., а нѣсколько далѣе близъ рѣки Еглинки, возвышаясь надъ нею на 20—30 саж., имѣется городище четырехугольной формы, защищенное съ запада, юга и востока рѣкой и оврагами, а съ сѣвера валомъ длиною около 120 сажень, и занимающее площадь около 1 десятины, по срединѣ коего замѣтны остатки пруда и по преданію найдены были обломки колокола²⁾. Отдаленность Яжелбицъ отъ внѣшнихъ границъ Новгородской области устраняетъ

¹⁾ Дубенскій. Русск. Достопамятності т. II 27; Полн. Собр. Русск. Лит. IV, 68—69.

²⁾ Романцевъ. О курганахъ, городищахъ и жальникахъ Новгородской губ. Новгородъ 1911, стран. 32; Сообщ. Яжелбицк. Волости. Правленія 3/х 1902 г. за № 1578.

предположеніе о военно-стратегическомъ происхожденіи этихъ сооруже́ній и остается придти къ заключенію, что городища Яжелбицкія — суть памятники былого значенія Яжелбичъ, какъ административнаго, церковнаго и торговаго центра Деревской земли, куда въ опредѣленные дни, быть-можетъ храмовые или годовые праздники, съѣзжались для торга и обмѣна своихъ произведеній съ одной стороны мѣстные жители, а съ другой — гости изъ Великаго Новгорода, а если это такъ, то несомнѣнно, что уже въ періодъ составленія «устава о мостахъ» Яжелбичи должны были располагать удобнымъ, вполне установившимся, «пошлымъ», путемъ сообщенія съ Новгородомъ. Правда, находясь на берегу Поломеди — притока впадающей въ Ловать Полы, Яжелбичи были соединены непрерывною водною поверхностью съ Ильменемъ, но путь этотъ чрезвычайно длинный и кружный; правда и то, что уже въ концѣ XV вѣка черезъ Яжелбицы изъ Новгорода въ Торжокъ пролегла ямская Яжелбицкая дорога, описанная Герберштейномъ, но выше мы уже отмѣтили сомнительность существованія этого пути въ болѣе отдаленную эпоху, а изъ описанія этого пути у Герберштейна видно, что часть путешествія отъ Новгорода черезъ Бронницы до Зайцева на р. Нишѣ онъ проѣхалъ водою по льду судоходной рѣки Мсты, послѣ чего путь переходилъ на рѣку Калаху (Халову?) къ «Nagosci» (Крестцы?), а оттуда въ Oreat Rechelyuitza (рядъ Яжелбицы?) на рѣкѣ Паламитѣ¹⁾, т.-е. все время слѣдовалъ и опредѣлялся водными урочищами, почему съ большою вѣроятностью можно предположить, что сухопутная дорога эта, по крайней мѣрѣ въ первые годы своего существованія, представляла собою не болѣе какъ «зимникъ», мѣстами сокращавшій изстари существовавшій и хорошо извѣстный водный путь. Цѣлая цѣпь крупныхъ и мелкихъ озеръ, часто соединенныхъ между собою мало замѣтными уже теперь протоками, протянувшаяся отъ Поломети до Халовы въ предѣлахъ Яжелбицкаго и сосѣдняго Локотскаго погостовъ и сближающіяся въ этой мѣстности (въ районѣ помѣстья Андрея Руднаго) своими верховьями рѣчки Островенка и Ерынья вполне подтверждаютъ это предположеніе.

Высказывалось мнѣніе, что Селигерскій путь въ зависимости отъ времени года имѣлъ два различныя направленія въ предѣлахъ Новгородской области: лѣтній водный путь, направлявшійся изъ Новгорода черезъ озеро Ильмень и далѣе по рѣкамъ Ловати, Полѣ, Явони и Демянкѣ (?), а затѣмъ волокомъ въ Селигеръ, и зимній путь, шедшій отъ Новгорода сухопутьемъ на Крестцы и вдоль озера Велья къ погосту Полоновскому на Селигерѣ и проходившій такимъ образомъ черезъ Яжелбицы. Направленіе второго пути намѣчено, какъ увидимъ, совершенно правильно, но топографическія данныя о мѣстности, захватываемой имъ, и извѣстія о ней писцовыхъ книгъ XV столѣтія заставляютъ значительно расширить значеніе пути, соединявшаго Полоновскій погостъ съ Яжелбицкимъ и Крестецкимъ, и убѣждаютъ въ существованіи здѣсь пути сообщенія не только зимняго, пролегавшаго частью по льду озеръ и болотъ, частью же по сухопутью, но и лѣтняго воднаго, пересѣкавшагося незначительными волоками.

¹⁾ Герберштейнъ I. с. 209—210.

Озеро Селигеръ, простираясь длиннымъ узкимъ плёсомъ къ сѣверу, оканчивается у села Полнова, извѣстнаго уже съ XV вѣка подъ именемъ Полоновскаго погоста, позднѣе рядка, съ «посадомъ» и значительнымъ промышленнымъ населениемъ, ведущаго и донынѣ порядочную торговлю¹⁾. Если теперь отъ Полнова мы направимся прямо къ сѣверу, то на 4-й верстѣ встрѣтимъ озеро Полонецъ, имѣющее до 2-хъ верстѣ въ длину, а затѣмъ небольшія озера Городилово и Колпино, послѣднее изъ коихъ даетъ начало рѣкѣ Явони, изливающейся затѣмъ въ отстоящее отъ Полнова на разстояніи верстѣ 10, большое озеро Велье, протянувшееся къ сѣверу верстѣ на 13. На западномъ — Демянскомъ берегу этого озера стоитъ погостъ Вельевскій, извѣстный писцовымъ книгамъ XV столѣтія и видимо принадлежащій къ числу старинныхъ поселеній Новгородскихъ, на что указываютъ находящіеся близъ него сопки и остатки городища²⁾. Сѣверный край озера Велья узкимъ перешейкомъ, не болѣе 2 верстѣ шириною, отдѣляется отъ озера Уклейна, на каковомъ перешейкѣ мы и помѣщаемъ не существующую уже нынѣ, но извѣстную писцовымъ книгамъ XV вѣка деревню Пореволоку, имѣвшую участки какъ въ озерѣ Велье, такъ и въ Уклейнѣ³⁾. Въ послѣднемъ изъ этихъ озеръ имѣла участокъ и другая, нынѣ равнымъ образомъ не существующая, деревня Переволока того же Вельевского погоста, стоявшая, судя по названіямъ сосѣднихъ деревень, къ сѣверу отъ озера Уклейна и южнѣе лежащаго отъ него верстахъ въ 5 къ сѣверу озера Плотишна, соединеннаго протокомъ съ озеромъ Врускимъ уже въ предѣлахъ Городенскаго погоста, гдѣ по даннымъ писцовой книги 1495 года намъ извѣстны деревня Переволока и деревня «у Крестовъ» въ районѣ означенныхъ озеръ. Изъ озера Врускаго вытекаетъ незначительная нынѣ рѣчка, которая, пройдя черезъ нѣсколько озеръ, въ томъ числѣ озеро Моисѣевское, образуетъ рѣку Полометъ, на 25 верстѣ теченія которой находятся извѣстныя уже намъ Яжелбицы. Спустившись еще на 15—20 верстѣ внизъ по теченію Поломети, которая отъ Яжелбицъ, направляясь къ впаденію въ Полу, дѣлаетъ крутой поворотъ къ западу, мы встрѣчаемъ устье рѣчки Ерыньи, текущей въ Полометъ съ сѣвера, вдоль которой, какъ мы видѣли, расположены селенія: Каменка, Соменка, Почепъ и другіе, входившіе въ концѣ XV вѣка въ составъ помѣстья Андрея Руднаго Колычева, въ числѣ угодій коего, кромѣ существующаго и понынѣ въ междурѣчьи Ерыньи и Поломети, Великаго озера, было исчезнувшее съ карты озеро «у Игнатцова Кѣста», предположительно Игначь Крестъ лѣтописи. Теченіемъ своимъ Ерынья приближается къ притоку Меты рѣкѣ Халовѣ, отдѣляясь отъ послѣдней близъ села Старога Рахина узкою полосой земли, едва ли шире 7—8 верстѣ, по которой отъ Ерыньи до Халовы протянулись въ рядъ съ юга на сѣверъ нѣсколько озеръ, изъ коихъ озеро Ямно отстоитъ отъ села Старога Рахина на р. Халовѣ не далѣе чѣмъ на 2 версты. Это озеро заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ къ нему прекрасно

¹⁾ См. Новг. Писц. Кн. II 566—578; Неволинъ о пятинахъ и погостахъ прил. стран. 274—275. Ильинскій I. с. 234.

²⁾ Романцевъ. О курганахъ, городищахъ и жалыникахъ Новгородск. губ., стран. 35.

³⁾ Новг. Писц. Кн. I 219, 232, 269, 296.

приурочивается извѣстіе лѣтописи, сообщающей подъ 1386 годомъ о томъ, что великій князь Дмитрій Ивановичъ Московскій, «держа гнѣвъ про волжанъ на Новгородъ», приходилъ къ нему ратью и «стоялъ въ Ямнѣхъ»¹⁾, чѣмъ съ точностью устанавливается существованіе въ данной мѣстности удобнаго пути сообщенія, а 11 сопокъ, окружающихъ Старое Рахино, подтверждають древность этого поселенія, упоминаемаго уже въ писцовыхъ книгахъ XV столѣтія²⁾. Дальнѣйшее направление пути къ Великому Новгороду не представляетъ уже никакихъ затрудненій: р. Халова отъ Рахина дѣлаетъ поворотъ къ сѣверу, протекаетъ мимо извѣстнаго уже намъ Крестецкаго погоста (около него 5 сопокъ) и противъ погоста Морозовичей впадаетъ въ многоводную Мсту — притокъ озера Ильменя.

Если теперь принять въ соображеніе, что упомянутые выше Крестцы лежатъ въ 80 верстахъ отъ Новгорода и что отъ этого поселенія до той мѣстности, гдѣ въ концѣ XV столѣтія расположено было помѣстье Андрея Руднаго, слѣдуетъ считать не менѣе 20 верстъ разстоянія въ нынѣшнюю мѣру, то тождество «Игнача Креста» лѣтописи, отстоявшаго отъ Великаго Новгорода на 100 (вѣроятно, немѣренныхъ) верстъ, съ «озеркомъ у Игнатцова Кѣста» писцовыхъ книгъ XV столѣтія едва ли не слѣдуетъ признать точно установленнымъ.

Указанное выше на основаніи географическихъ данныхъ направленіе Селигерскаго пути между Новгородомъ и озеромъ Селигеромъ черезъ Деревскую пятину, которую путь этотъ пересѣкалъ по прямой линіи съ сѣвера на югъ въ самой ея серединѣ, въ мѣстности равно удаленной отъ служившихъ ей естественными границами — съ востока Мстинскаго пути въ Поволжье и на западѣ «великаго воднаго пути изъ Варягъ въ Греки» по Ловати въ Подвинье и Приднѣпровье, достаточно уясняетъ намъ, какъ то значеніе, которое путь этотъ имѣлъ для данной, въ сущности глухой, мѣстности, такъ и то, какія именно внѣшнія сношенія Великаго Новгорода онъ обслуживалъ. Озеро Селигеръ, какъ извѣстно, рѣкою Селижарою изливается въ Волгу и, слѣдуя этому пути, въ 1216 году князь Мстиславъ Мстиславовичъ уже на южномъ побережьи озера Селигера «вниде въ свою волость», т.-е. въ область Торопецкаго княженія, тянувшаго къ Смоленску. Здѣсь же «верху Волзѣ», какъ установлено изысканіями покойнаго Кіевского профессора Голубовскаго и г. Красноперова, находились упоминаемые уставною грамотою Смоленскаго князя Ростислава города Жабачевъ, Хотшинъ и Солодовичи, обложенные высокою данью и, слѣдовательно, богатые и торговые³⁾. Какъ восточное, такъ и западное побережья Селигера, гдѣ собственно Новгородскія владѣнія никогда далеко не заходили на югъ, — Жабенскій погостъ Деревской пятинны и новгородскія волости Стержъ, Березовецъ, Морева, по даннымъ договора Новгорода съ польскимъ королемъ Казиміромъ 1471 года входили въ область такъ называемаго «чернокунства»,

¹⁾ Новгородск. 1-я лѣтон., стран. 372.

²⁾ Романцевъ I. с. 54; Новг. Писц. Кн. т. II, стран. 17.

³⁾ Голубовскій. Очеркъ исторіи Смоленск. земли. Кіевъ 1895, стран. 63. Красноперовъ. Новая дань по географіи Смоленск. и Тверск. края въ Ж. М. Н. Пр. 1901 июль. Владимірскій. Буденковъ. Хрестоматія по Ист. Русск. Права I. 222.

тянувшего по старинѣ «данью и судомъ», какъ къ Господину Великому Новгороду, такъ и къ Литвѣ, явившейся съ конца XIV столѣтія естественной правопреемницей уничтоженныхъ ею Смоленскаго и Торопецкаго княженій, выставившихъ на островѣ озера Селигера въ видѣ форпоста городокъ Кличень, разоренный въ 1395 году новгородцами¹⁾. Продолжая свой походъ къ югу, Мстиславъ съ Новгородцами, какъ сообщаетъ приведенное выше лѣтописное извѣстіе, достигли устьевъ Вазузы, а по ней шель удобный путь къ Вязмѣ и Смоленску, а затѣмъ побывали на притокахъ Волжскихъ Шошѣ и Дубнѣ и направились къ Переяславлѣ-Залѣсскому. Этимъ же путемъ шель, какъ выше сказано, епископъ Мартирій во Владимірѣ, наконецъ, съ этого верхняго плёса Волги пролегалъ удобный водный путь къ отдаленной Новгородской волости Волоку Ламскому, а оттуда на Москву въ предѣлахъ Окскаго бассейна, при чемъ путь Селигерскій имѣлъ то неоспоримое преимущество передъ другимъ воднымъ путемъ, соединявшимъ Новгородъ съ верхнею Волгою, — путемъ Мстинскимъ, что всецѣло пролегалъ внѣ сферы непосредственнаго вліянія враждебнаго, какъ Новгороду, такъ и Смоленску и Москвѣ Тверскаго княженія, неоднократно ставившаго преграды сношеніямъ политическимъ и торговымъ Великаго Новгорода съ центральною Русью, пользуясь тѣмъ, что рѣка Тверца, орошающая его территорію, являлась необходимымъ звеномъ въ пути, обслуживавшимъ эти сношенія. Постройка города Зубцова и упорная борьба за этотъ городъ указываютъ, что въ Твери хорошо оцѣнили значеніе верхней Волги и Селигера, а совокупность приведенныхъ соображеній и данныхъ устанавливаетъ неизбежность существованія постояннаго удобнаго пути между Великимъ Новгородомъ и озеромъ Селигеромъ, связаннымъ къ тому же рядомъ удобныхъ волоковъ, не только съ Поволжьемъ и Окою, но и съ Западною Двиною и ея притоками. Въ XV столѣтіи верхнею Волгою, какъ путемъ въ Великій Новгородъ изъ земель Московскихъ, пользовались неоднократно, какъ свидѣтельствуютъ о томъ, напримѣръ, слѣдующія извѣстія лѣтописи: отъ 1433 года «князь Василей (Юрьевичъ) съ Москвы побеже ко Ржеве... и оттоле въ Новгородъ Велики», отъ 1440 года «князь великы ходилъ на Новгородъ и Дѣмонъ городокъ взялъ» и, наконецъ, отъ 1480 года «князь же Андрѣй... и князь Борисъ (Васильевичи) поидоста ко Ржевѣ черезъ Тверскую отчину... поидоша... вверхъ по Волзѣ къ Новгородскимъ волостямъ. Князь же великій посла за ними Ростовскаго архиепископа Васиана, онъ же наеха ихъ въ Молвятицахъ»²⁾. Послѣднія два извѣстія конечно говорятъ о путяхъ, описанныхъ Барсовымъ и Колосовымъ и связывавшихъ Великій Новгородъ съ Поволжьемъ черезъ озеро Селигеръ и р. Полу съ ея притоками Явонью и Щеберихою, на берегахъ которыхъ находились Новгородскія городки Демонъ и Молвотицы.

Извѣстіе лѣтописи о татарскомъ нашествіи 1238 года говоритъ однако о Селигерскомъ пути, какъ о такомъ пути сообщенія, который соединялъ между собою Великій Новгородъ и Торжокъ или другими словами верховья рѣки Тверцы съ побережьемъ озера Ильмена, каковое обстоятельство заставляетъ предполагать, что

¹⁾ Сборникъ Муханова. СПб. 1866, стр. 3—4; П. С. Р. Л. VIII 63.

²⁾ П. С. Р. Л. XXIII, стр. 148, 150, 180.

помимо пути по Мстѣ, пути долгаго и кружнаго, Торжокъ для своихъ сношеній съ Великимъ Новгородомъ пользовался и инымъ путемъ, пролегавшимъ черезъ Деревскую пятину и сливавшимся съ указаннымъ нами выше путемъ, связаннымъ съ водною системою озера Селигера. За отсутствіемъ какихъ-либо точныхъ лѣтописныхъ извѣстій о мѣстности, лежащей къ востоку отъ озера Селигера и отдѣляющей это озеро отъ такъ называемаго «Вышняго» Мстинско-Тверского «Волочка»¹⁾, въ разрѣшеніи возникающаго вопроса приходится исключительно руководствоваться данными географической карты этой мѣстности, которая и на этотъ разъ даетъ вполне удовлетворительныя для насъ свѣдѣнія.

Близъ Вышняго Волочка рѣка Цна, которая затѣмъ, пройдя черезъ озеро Мстино, получаетъ имя Мсты, принимаетъ въ себя впадающую въ нее съ запада сплавную рѣку Шлину, берущую начало свое въ болотахъ вблизи извѣстнаго намъ уже по описанію Селигерскаго пути озера Велья и протекающую затѣмъ черезъ значительное по своимъ размѣрамъ озеро Шлино, отстоящее отъ перваго изъ названныхъ озеръ на разстояніи не болѣе 13 верстъ, каковая близость озеръ этихъ въ настоящее время использована для нуждъ Мстинскаго судоходства путемъ соединенія ихъ шлюзованнымъ каналомъ для спуска черезъ Шлину Вельевскихъ водъ въ Цну во время мелководья, а косвенное указаніе на то, что и въ глубокую старину рѣка Шлина, близко подходящая верховьями къ одному изъ важнѣйшихъ звеньевъ Селигерскаго пути — озеру Велью, не оставлена была безъ вниманія судоходцами, даютъ, быть-можетъ, тѣ два клада арабскихъ диргемовъ, которые въ 30 годахъ минувшаго столѣтія найдены были близъ озера Шлина въ глухой, малонаселенной и нынѣ, мѣстности Деревской пятинѣ въ сторонѣ отъ извѣстныхъ путей сообщенія этой пятинѣ: Селигерскаго и Мстинскаго.

Малонаселенными были по даннымъ писцовыхъ книгъ XV столѣтія и такими же остаются теперь берега рѣки Шлины въ ея верховьяхъ, а между тѣмъ теченія ея здѣсь сопровождаетъ рядъ сопокъ, а въ одной изъ немногихъ прибрежныхъ деревень Городкѣ, извѣстной и писцовой книгѣ 1496 года, имѣется обширное окопанное рвами городище²⁾, и все это вмѣстѣ взятое приводитъ къ убѣжденію, что если не для постоянного жилья, не для занятія земледѣліемъ, то чѣмъ-то инымъ, но все же влекли къ себѣ людей болотистые берега р. Шлины и при томъ людей, не чуждыхъ общенія съ отдаленными странами, на что указываютъ помянутые выше клады. Прошлое побережій рѣки Шлины не оставило замѣтнаго слѣда на страницахъ лѣтописи, но значеніе ея, зависѣвшее отъ природныхъ ея условій — судоходности и направленія ея теченія отъ водной системы озера Селигера къ Мстѣ, станетъ вполне очевиднымъ, если принять во вниманіе, что верхнимъ теченіемъ своимъ Шлина орошаетъ территорію бывшаго Жабенскаго погоста или владычней волости Жабны, платившей черную куну Литвѣ и упоминаемой въ договорной грамотѣ 1471 года, а нижнимъ теченіемъ своимъ прорѣзаетъ земли погостовъ

¹⁾ Въ отличіе отъ другого Волочка-Держкова, начинавшагося значительно ниже по теченію Мсты и соединявшаго ее съ системою рѣки Мологи; см. Н. П. Кн. VI. 968.

²⁾ Н. П. Кн. I. 620.

Коломенскаго и Вышне-Волоцкаго, входившихъ въ старину въ составъ того Имоволожскаго погоста, подчинить который своему влиянію путемъ взиманія куны уже въ XIII вѣкѣ стремились Тверскіе и Московскіе князья, особо оговаривая это право свое въ докончальныхъ грамотахъ съ Великимъ Новгородомъ²⁶⁾. Съ большою вѣроятностію можно допустить, что такое политическое значеніе погосты эти имѣли отчасти и благодаря рѣкѣ Шлинѣ, представлявшей, какъ мы видѣли естественный и весьма удобный путь сообщенія изъ области Мстинскихъ волоковъ къ озеру Селигеру и далѣе къ водной системѣ Ловати. Къ побережью Шлины ближе всего можетъ быть приурочено и направленіе упомянутой нами выше Демонской дороги, по которой шель въ 1478 г. съ своимъ отрядомъ отъ Торжка въ Новгородъ князь Андрей меньшей Васильевичъ, и весьма вѣроятно, что именно намѣченный нами путь отъ Ловати черезъ Полу, Явонь, озеро Велье и далѣе по Шлинѣ къ верховьямъ Тверцы, имѣетъ въ виду лѣтописное извѣстіе о «хожденіи сорока каликъ изъ Новгорода во Іерусалимъ при князѣ Рустемѣ Ростиславѣ» въ 1163 году, находящееся въ одномъ рукописномъ сборникѣ Императорской Публичной Библіотеки: «Се ходиша изъ Великого Новгорода отъ святей Соеѣи 40 мужъ калицы ко граду Іерусалиму ко гробу Господню... И святой владыка Іванъ и весь соборъ священническій благословиша ихъ всѣхъ 40 мужъ. И поидоша по градомъ съ великою радостію, славящи Бога. *Придоша въ Русу* къ святому Борису и Глѣбу; аже сидитъ соборъ... И благословишася оу собора вся 40 мужъ, и поидоша по градомъ. *И придоша во градъ Торжокъ* къ святому Спасу...»²⁷⁾. Выше мы отмѣтили находку клада арабскихъ диргемовъ на озерѣ Шлинѣ; имѣется извѣстіе о такомъ же кладѣ, обнаруженномъ близъ г. Демянска²⁸⁾ и оба эти клада невольно представляются намъ вѣхами, указующими направленіе торговаго пути, соединявшаго въ старину бассейнъ Ловати съ областью Мстинско-Волжскаго волока и пересѣкавшаго Деревскую пятину въ направленіи съ запада на востокъ.

Въ заключеніе позволимъ себѣ высказать предположеніе о томъ, что именно представлялъ собою Игначь Крестъ лѣтописи. Если правильно отождествленіе этого урочища съ «озеркомъ у Игнатцова Кѣста» переписной книги XV столѣтія, то разрѣшеніе поставленнаго вопроса едва ли представитъ затрудненіе. Какъ видно изъ самого построенія названія даннаго урочища, интересующее насъ озеро само по себѣ незначительное, а потому безымянное, отличалось отъ другихъ ему подобныхъ озерковъ лишь одною для всѣхъ примѣтною особенностію: на берегу его находился «Игнатцовъ Кѣстъ» или крестъ Игнатія, и, если теперь вспомнить, что согласно извѣстіямъ той же переписной книги 1495 года рядомъ съ дер. Загороденье Лопастичкой волости, гдѣ долгіе годы на берегу пролива, соединяющаго озеро Лопастичкое съ оз. Видбинымъ, стоялъ нынѣ находящійся въ Тверскомъ музеѣ извѣстный Лопастичкій крестъ, расположена была теперь уже не существующая

²⁶⁾ Объ оз. Имоложе или Имоволожѣ въ предѣлахъ Коломенск. погоста см. Неволлинъ. О пятинахъ и погостахъ. Прил. IX, стран. 249, и Собр. Гос. Грам. и Дог. I. 4 и 27.

²⁷⁾ Отчетъ Имп. Публичн. Библіот. за 1894 г., стран. 113—115.

²⁸⁾ Марковъ. Топографія кладовъ восточн. монет., стран. 27—29.

«деревня у Креста»²⁹), то съ совершенною очевидностью выступить справедливость предположенія А. А. Спицына о томъ, что Игначь Крестъ лѣтописи относится къ числу тѣхъ намятныхъ, вродѣ знаменитаго Стерженскаго, или вѣриѣ поклонныхъ придорожныхъ крестовъ, которые такъ охотно и часто ставили древніе новгородцы при своихъ путяхъ сообщенія «на поклоненіе людемъ»³⁰).

²⁹) Н. П. Кн. II. 787.

³⁰) С. А. А. Замѣтки о каменн. крестахъ, преимущ. Новгородскихъ въ Записк. Отд. Русск. и Слав. Арх. Имп. Русск. Арх. Общ. т. V. вв. 1. С.-Пб. 1903, стран. 203—234. Аналогичн. названія въ Новгородской области по писц. книгамъ XV—XVI в. нерѣдкость, см. напр. «деревня у Княжа Креста на рѣкѣ на Городетцкой» въ Вотской пятинѣ (Врем. XII. 52) «деревня у Крестовъ» (Новг. Писц. кн. I, 269) «деревня у Каменова Креста» (id. I 209) «деревня у Трехъ Каменевъ» (id. 172) и др.

Къ легендѣ о затонувшихъ городахъ.

Хр. М. Лопаревъ.

Вопросъ о легендахъ¹⁾, о ихъ происхожденіи, о ихъ литературной жизни, о характерѣ роста ихъ содержанія — вопросъ очень трудный, доселѣ еще не изученный. Авторитеты въ этой области говорятъ, что «легенда, то-есть рассказъ или не вполне согласный съ фактами, или завѣдомо украшенный народной фантазіей, дѣйствуетъ по опредѣленнымъ законамъ, не вполне еще выясненнымъ».

Не намъ, конечно, предлагать болѣе точное опредѣленіе легенды и точнѣе выяснять законы; но мы не можемъ удержаться, чтобы не высказать здѣсь нѣсколько наблюдений, сдѣланныхъ при занятіяхъ настоящимъ вопросомъ.

Неясность опредѣленія легенды происходитъ, по нашему мнѣнію, отъ неустойчивости нашего понятія самой легенды.

И повѣсть о св. Градѣ мы называемъ легендою, и преданіе о кончинѣ Императора Александра I въ Сибири въ образѣ Федора Кузмича мы называемъ легендою. Но что общаго между этими преданіями? Легенда — терминъ средневѣковій. Съ этимъ понятіемъ въ средніе вѣка разумѣли какой-либо рассказъ о чудѣ святого, который въ виду его назидательности положено было читать (*legenda*) въ церквахъ и монастыряхъ въ извѣстные дни, въ день памяти святого.

Каждое событіе совершается естественнымъ путемъ. Огонь, охватившій одинъ домъ, охватываетъ другой и третій, съ нимъ смежный; поднявшійся столбъ воды неудержимо стремится впередъ и затопляетъ все на своемъ пути. Это — естественный ходъ явленія. Но въ агиографическихъ памятникахъ средневѣковья нерѣдко можно читать, что начавшійся пожаръ вдругъ погасъ, или столбъ воды вдругъ остановился и отступилъ обратно — благодаря молитвамъ какого-либо святого. Всякій неестественный конецъ событія, все *paradoxe*, и означаетъ словомъ чудо, рассказъ о чудѣ — легенда. Преданіе о св. Чашѣ — чудо назидательное для благочестиваго челоуѣка и потому санкціонированное церковью, это легенда; преданіе объ Александрѣ I назидательности не представляетъ, церковью не освящено, оно — не чудо и потому не можетъ и не должно называться легендою.

Если бы чудо, разъ совершенное, не повторялось болѣе, оно не стало бы предметомъ изученія. Но въ житіяхъ святыхъ подобныхъ чудесъ очень много и всѣ

¹⁾ Ср. Н. Delchaye. *Les légendes hagiographiques*. Bruxelles 1906 (2-е изд.), р. 5--13; Van Gennep. *La formation des légendes*. Paris 1911.

они изложены по одной литературной канвѣ. Это обстоятельство наводитъ на мысль, что такое чудо сдѣлалось уже ходячимъ въ литературѣ, что для него подыскана была уже и соответствующая форма.

Легенда есть рассказъ прежде всего чудесный и таинственный. Для появленія легенды необходима наличность литературнаго прецедента. Легенда не есть голая фантазія безъ всякаго отношенія къ историческому факту, напротивъ она есть только отзвукъ этого факта, есть фантастическое созданіе на его почвѣ. Не было бы легенды о провалившихся городахъ, если бы не существовало библейскаго сказанія о гибели Содома и Гоморы и другихъ древнихъ сказаній; не было бы легенды, если бы сама дѣйствительность и современность (напримѣръ о. Мартиника) не подогревала и не подкрѣпляла вѣры въ возможность провала мѣстностей. Такимъ образомъ легенда основывается на вѣрѣ въ возможность событія, котораго въ дѣйствительности могло и не быть, или могло быть лишь нѣчто похожее на него. Это нѣчто въ потомствѣ становится уже совершившимся событіемъ, изображается уже въ видѣ самого факта. Далѣе легенда зарождается въ неясныхъ очертаніяхъ, но съ теченіемъ времени она постепенно вырисовывается и фиксируется ко времени и къ мѣстности. Въ литературной исторіи легенды надобно отличать два періода, два теченія: собственно народное вѣрованіе и книжную работу по регистраціи легенды. Часто обѣ стадіи называются общимъ понятіемъ легенды, но по нашему мнѣнію регистрація не есть легенда, это только бѣглое и не всегда точное указаніе на легенду. Въ исторіи жизни легенды, какъ намъ кажется, не все можно объяснять народнымъ творчествомъ, въ иныхъ случаяхъ на измѣненіе легендарнаго содержанія вліяло не народное творчество, а сознательная или бессознательная воля отдѣльнаго книжника. Хотя народная легенда сама по себѣ, въ своемъ естественномъ развитіи, идетъ планомѣрнымъ путемъ, но иногда рѣзко измѣняетъ свое естественное направленіе, теряетъ свое основное содержаніе и даже говоритъ какъ разъ наоборотъ, о томъ, чего ранѣе не было. Объяснить подобную непоследовательность въ развитіи легенды можно иногда тѣмъ, что въ нее введенъ элементъ испорченности, недоговоренности или неточности, допущенной книжникомъ. Легенда не противится подобному вторженію искаженій, она принимаетъ въ себя новое данное, видоизмѣняя сообразно съ нимъ отдѣльные штрихи самого сказанія.

Однако спѣшимъ къ фактической сторонѣ сообщенія.

Ранне-византійскій схоластикъ Сократъ (V в.) рассказываетъ, что при Императорѣ Валентѣ (364—378), вслѣдствіе землетрясенія, послѣдовало страшное наводненіе. «Море измѣнило свои границы, ибо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ настолько разлилось, что ранѣе сухія мѣста оказались подъ водою, отъ другихъ же мѣстъ вода отошла настолько, что они очутились на сушѣ». ¹⁾ Историкъ точно не указалъ, гдѣ именно пострадали мѣстности отъ наводненія, но изъ контекста можно дога-

¹⁾ Migne, Patr. gr. LXVII col. 468 (lib. 4 cap. 3): *ἡ τε θάλασσα τοὺς οἰκείους ὄρους ἐνέλλαξεν· ἐν τισὶ μὲν γὰρ τόποις τοσοῦτον ἐπέκλυσεν, ὥς τοὺς πρώην βασίμους τόπους πλείοθαι· ἐτέρων δὲ τόπων τοσοῦτον ἀπέσκη, ὥς ἐν τῇ ξηρᾷ εὐρεθῆναι.*

даться, что здѣсь разумѣется вообще Италія. Таково историческое свидѣтельство, которому суждено было позже стать зерномъ легенды о затонувшихъ городахъ.

Громадность наводненія, повидимому, захватила гораздо большій районъ, нежели собственно Италія: какъ можно думать, затоплены были города Адриатики, города Далматинскаго побережья. Правда, безспорныхъ историческихъ свидѣтельствъ объ этомъ не имѣется, но народная легенда точно обозначила, на примѣръ городъ Епидавръ, который чуть было не погибъ отъ ярости волнъ, если бы не молитвы одного святого.

Какъ извѣстно, легенда всегда была желанною гостью въ агіографіи. Далматинскіе города были затоплены, но г. Епидавръ спасся, — вотъ вамъ канва чуда св. Иларіона. Жилъ ли святой въ это время въ Епидаврѣ, или нѣтъ, но въ житіи его, написанномъ блаженнымъ Іеронимомъ, св. Иларіонъ Великій выводится дѣйствующимъ лицомъ, отвратившимъ напоръ волнъ отъ города. Вотъ точный переводъ Іеронимова извѣстія: «Въ то время, вслѣдствіе повсемѣтнаго землетрясенія, случившагося послѣ смерти Юліана (363 г.), моря выступили изъ своихъ предѣловъ, и Богъ какъ бы угрожалъ вновь потопомъ и все возвращалось въ древній хаосъ... Жители Епидавра, видя это, то-есть, какъ несутся на берегъ шумныя волны, водяныя громады и волнующіяся горы и опасаясь — что они видѣли уже совершившимся — чтобы городъ не погибъ окончательно, вошли къ старцу (Иларіону) и, какъ бы отправляясь на битву, поставили его на берегу. Онъ начерталъ на песокъ три креста и протянулъ руки впередъ, и море, поднявшееся на невѣроятную вышину остановилось предъ нимъ, и долго шумя и какъ бы негодуя на преграду, понемногу возвратилось въ свое лоно. Это прославляетъ и донинѣ Епидавръ и вся та мѣстность, и матери рассказываютъ своимъ дѣтямъ для передачи памяти объ этомъ потомству». ¹⁾

Чтобы оцѣнить значеніе этой легенды, надо знать о личности самого Іеронима. Уроженецъ г. Стридона (на границѣ Панноніи и Далмаціи), онъ, стало-быть, былъ очень близкимъ къ Епидавру человекомъ. Далѣе онъ родился около 341 года; въ моментъ катастрофы (2 іюля 365 г.) ему было 24 года, — и это обстоятельство также заставляеть съ довѣріемъ относиться къ разсказу. Положимъ, что Іеронимъ въ 365 г. едва ли былъ уже въ Стридонѣ, всего вѣроятнѣе онъ въ это время учился въ Римѣ, но и за всѣмъ тѣмъ свидѣтельство его, какъ современника, заслуживаетъ вниманія. Къ отрицательнымъ сторонамъ его разсказа надобно поставить то, что онъ писалъ житіе Иларіона около 391 г., стало-быть спустя болѣе 25 лѣтъ: за это время вилеемскій отшельникъ, проводившій жизнь въ ученыхъ и литературныхъ занятіяхъ вдали отъ родины и совсѣмъ порвавшій связи со своимъ отечествомъ, многое позабылъ и недостатокъ памяти заполнялъ фантастичными описаніями и картинами, и дѣйствительно его житіе св. Иларіона наполнено преданіями и вымысломъ. Какъ мы видѣли, онъ самъ сознается, что слухъ о спасеніи Епидавра

¹⁾ Beati Hieronymi Vita s. Hilarionis (AA. SS. Boll., октябрь, IX, 57): hoc Epidaurus et omnis illa regio usque hodie praedicat, matresque docent liberos suos ad memoriam in posteros transmittendam. Переводъ И. В. Помядовскаго въ «Палестинскомъ Патерикѣ». С.-Пб. 1893 г., IV, 37.

матери вкореняли въ своихъ дѣтей, стало-быть, прошло цѣлыхъ 25 лѣтъ жизни легенды, прежде чѣмъ она, легенда, была, наконецъ, фиксирована въ агіографическомъ памятникѣ.

Итакъ мы имѣемъ историческое свидѣтельство Сократа и легендарный рассказъ блаж. Іеронима. Если угодно, имѣется еще историческій рассказъ о томъ же событіи, это свидѣтельство церковнаго историка Созомена, современника Сократова. Здѣсь читаются слѣдующія строки: монахъ Иларіонъ, по прибытіи въ Далмацію, сотворилъ много чудесъ, «такъ что и море, устремлявшееся залить сушу, по молитвѣ его остановилось и снова отступило отсюда». ¹⁾

Для оцѣнки этого извѣстія надобно имѣть въ виду то обстоятельство, что Созоменъ родился въ Палестинѣ, а свою исторію писалъ въ Константинополѣ. Но въ Палестинѣ и Константинополѣ Созоменъ былъ въ тѣ времена, когда тамъ былъ и Іеронимъ Стридонскій. Мы не знаемъ, были ли знакомы между собою эти писатели; но занесеніе факта о пребываніи Иларіона въ Далмаціи какъ-будто говоритъ о томъ, что извѣстіе Созомена представляетъ лишь вкратцѣ переданный ему Іеронимомъ рассказъ о чудѣ св. Иларіона. Самостоятельнаго значенія онъ, по нашему мнѣнію, не имѣетъ.

Этими древними извѣстіями можно сказать и ограничивается легенда о затонувшемъ г. Епидаврѣ (строго говоря, не затонувшемъ, а только подвергавшемся затопленію).

Латинское житіе Иларіона, благодаря имени этого святого и имени блаженнаго агіографа, получило широкую извѣстность какъ на латинскомъ западѣ, такъ и на греко-славянскомъ востокѣ.

Vita s. Hilarionis вскорѣ подверглась на западѣ пересказамъ, вошла въ народное употребленіе и много содѣйствовала развитію легенды о затонувшихъ городахъ. Въ особенности Италія является родиною этой легенды. Капри, Неаполь, Падуа, Пиза и цѣлый десятокъ другихъ имѣютъ свои легенды о погибшемъ городѣ. Легенда о Пизѣ воплощена даже въ церковной живописи: рѣка Арно грозитъ залить Пизу; но вотъ появляется св. мученица Урсула въ тогѣ и со скипетромъ, властно повелѣваетъ волнамъ и спасаетъ городъ. ²⁾

На греко-византійскомъ языкѣ имѣется нѣсколько близкихъ къ латинскому подлиннику пересказовъ, изъ которыхъ одинъ недавно напечатанъ. Здѣсь читаемъ слѣдующія строки: «сію страшную силу Господню и преподобныя молитвы раба Божія Иларіона во градѣ Епидаврѣ и во всей оной странѣ отцы донныѣ передаютъ дѣтямъ, отъ поколѣнія въ поколѣніе». ³⁾ Легенда о затонувшемъ городѣ

¹⁾ Migne, Patrol. gr. LXVII col. 1241 (lib. V cap. 10): *ὡς καὶ τὴν θάλασσαν εὐχῇ στήσαι ἐξ ὑπονοστήσεως ἐπικλύσαι τὴν ξηρὰν κατατρέχουσαν, πάλιν ἔνθεν ἀνεχώρησεν.*

²⁾ AA. SS. Boll., 21 октября IX, 157—163; ср. М. П. Соловьевъ. Письма изъ Италіи («Русское Обозрѣніе», 1896 г., августъ), стран. 495. Въ Еллинскомъ лѣтописцѣ говорится о затопленіи Атлантиды (ср. по этому вопросу изслѣдованіе А. С. Норова. Изслѣдованія объ Атлантидѣ. С.-Петербургъ, 1854 г.); въ хроникѣ Конрада Ликостена сообщается свѣдѣніе о потопленіи города Лакриса (ср. проф. В. Н. Перетцъ, въ названномъ ниже сочиненіи, стран. 76).

³⁾ *Ἀ. Παπαδόπουλος - Κερμεύς. Ἀνάλεκτα*, IV, 131, § 40: *ταύτην τὴν φοβεράν τοῦ κυρίου δύναμιν καὶ τὰς ὁσίας εὐχὰς τοῦ δούλου τοῦ θεοῦ Ἰλαρίωνος ἐν Εἰπιδάυρῳ τῇ πόλει καὶ πάσῃ τῇ χώρῃ ἐκείνῃ πατέρες τοῖς τέκνοις κατὰ γενεὰν καὶ γενεὰν μέχρι θήμερον ἀναγγέλλουσιν.*

по греческому пересказу Иеронимова житія св. Иларіона оказала свое вліяніе и на византійскую письменность — тоже агіографическую. Не будемъ говорить объ Откровеніи св. Мееодія Патарскаго, гдѣ встрѣчается извѣстіе, нѣсколько напоминающее легенду о затопленіи города. Но достаточно указать на житіе св. Георгія Амастридскаго, составленное въ IX или X столѣтіи, въ которомъ разсказывается о затопленіи г. Амастриды. «Былъ сильный дождь, способный покрыть всѣхъ когда-либо существовавшихъ множествомъ водъ и напоминающій, можно сказать, подобіе другого потока; наводнялись горы, плавали въ водѣ долины; дома, храмы были полны водою; отчасти текущая сверху черезъ крышу, отчасти проникающая снизу черезъ двери, вода наполнила все; городъ вслѣдствіе напора волнъ со всѣхъ сторонъ какъ бы плавалъ въ морѣ, колебался въ своихъ основаніяхъ и угрожалъ разрушеніемъ... Когда храмъ (съ мощами Георгія) наполнился водою, то эта вода никакъ не приближалась ко гробу святого;... и можно было видѣть, какъ влажная и жидкая стихія превратилась въ нѣчто совсѣмъ противоположное, и стала по ту и другую сторону гроба, какъ нѣкая твердая и неподвижная стѣна, такъ что гробницы не коснулась даже малѣйшая сырость»¹⁾.

Какъ Иларіонъ спасъ Епидавръ, какъ Урсула — Пизу, такъ мощи Георгія спасли его гробницу отъ затопленія.

Другой греческій пересказъ сохранился въ древне-русскомъ переводѣ и изданъ въ житіи св. Иларіона²⁾, гдѣ читаемъ: «въ Епидурьскѣ градѣ и по всей той странѣ отци чадомъ и ти своимъ и родъ родови и до днешняго (дне) повѣдають». Быть можетъ, подъ вліяніемъ этого извѣстія, этой легенды и у насъ на Руси появилась легенда о погибшемъ городѣ въ видѣ «Сказанія о невидимомъ градѣ Китежѣ».

Послѣ появленія Иеронимовой легенды и другихъ связанныхъ съ нею пересказовъ и подражаній народный путь легенды кончился, легенда пошла жить уже путемъ книжнымъ.

Легенда о затонувшихъ городахъ, приуроченная главнымъ образомъ къ Италіи, въ средніе вѣка была регистрирована. Писатели изъ агіографическихъ памятниковъ и ихъ латинскихъ пересказовъ выбирали всѣ такіе случаи подъ общею рубрикою «погибели городовъ». Къ сожалѣнію, мы сейчасъ не имѣемъ подъ рукою подлинныхъ латинскихъ перечней погибшихъ городовъ, однако до насъ дошелъ, хотя и не вполнѣ, русскій переводъ одного такого перечня, напечатанный по рукописи Кіевского Михайловскаго монастыря XV—XVI вв. проф. Перетцомъ. Здѣсь данъ слѣдующій перечень городовъ:... Любіа, Поле Свѣтлое, Алмизивусъ, Неополи, Вереа, Капиа, Арьянна, Арьянумъ, Падулосъ, Витюлянумъ, Тыязумъ (Thyasum?), Фунды, Бока, Скура, Дора и т. д. Города все итальянскіе. Русскій переводъ сдѣланъ, какъ кажется, не прямо съ латинскаго, а черезъ посредство польскаго. Мы должны особенно пожалѣть объ утратѣ начала этого разсказа. Характеръ статьи,

¹⁾ В. Васильевскій. Русско-византійскія изслѣдованія. II. С.-Пб. 1893 г., стр. 65—66 ср. наши «Греческія житія святыхъ VIII—IX столѣтій» (печатаются), стр. 248—249.

²⁾ Великія Минеи Четин митр. Макарія, изд. Археограф. Комиссіи. С.-Пб., 1870, 21 октября, стол. 1715.

близость Епидавра къ городамъ Италіи — все располагаетъ къ догадкѣ, не имѣлось ли въ началѣ этого или однороднаго съ нимъ перечня извѣстія о гибели и Епидавра.

Такой перечень, какъ работа книжника, собственно говоря, уже не входитъ въ область легенды, то-есть творчества народнаго, это есть результатъ уже книжной работы, въ которой подъ одною рубрикою «погибель городовъ» внесены извѣстія какъ о городахъ, дѣйствительно и безслѣдно исчезнувшихъ, какъ о городахъ, лишь временно затопленныхъ, такъ и о городахъ, которымъ только грозило наводненіе: для статистическаго обзора древняго книжника это не играло большой роли: погибъ ли, погибалъ, или только рисковалъ погибнуть городъ, книжникъ подводилъ подъ одну рубрику «погибель городовъ». Эта неточность могла вводить въ заблужденіе послѣдующихъ писателей, и если кто изъ нихъ хотѣлъ осмыслить эту неточность, впадалъ въ неточность еще бѣльшую.

Очень кстати по данному вопросу коснуться одного стараго русскаго свидѣтельства о затонувшемъ городѣ. Мы имѣемъ въ виду извѣстіе владимірскаго епископа Серапіона, XIII вѣка.

Въ своемъ послѣднемъ (по распредѣленію проф. Пѣтухова) словѣ «о мало-вѣріи», говоря о казняхъ Божіихъ за грѣхи людей, Серапіонъ между прочимъ писалъ: «Драчь градъ 4000 лѣтъ стоялъ отъ моря потопленъ бысть і нынѣ в мори есть»¹⁾.

Спѣшимъ замѣтить, что древнѣйшій Епидамнъ, позднѣйшій Епидавръ, средне-вѣковый Dugachium, итальянскій Durazzo, современная Ragusa Vecchia, городъ этотъ у южныхъ славянъ средне-вѣковья носилъ названіе града Драча.

Русскіе изслѣдователи уже довольно давно обратили вниманіе на это мѣсто. Проф. Ф. Терновскій²⁾, Аристовъ³⁾, Е. Пѣтуховъ⁴⁾, Н. Сумцовъ⁵⁾, В. Перетцъ⁶⁾ и другіе касались этого вопроса или въ цѣляхъ историческихъ, или литературныхъ, одни устанавливали дату наводненія города, другіе — время произнесенія этого слова Серапіономъ.

Но прежде чѣмъ оцѣнивать высказанныя при этомъ сужденія и догадки, необходимо было, по нашему мнѣнію, сначала разсмотрѣть этотъ текстъ самъ въ себѣ, ибо на нашъ взглядъ вышеприведенная фраза Серапіона не особенно ясна, на что ученые не обратили вниманія, или, видя неясность и отсюда явную нелѣпость, относили ее на долю устной народной молвы.

Но говорить объ устной народной молвѣ у нашего проповѣдника, это значитъ опредѣлять одно неизвѣстное путемъ другого неизвѣстнаго, то-есть оставаться

¹⁾ Е. Пѣтуховъ. Серапіонъ Владимірскій. Спб. 1888 стран. 14 Приложенія.

²⁾ Ф. А. Терновскій. Изученіе византійской исторіи, II, 120.

³⁾ Аристовъ, въ Трудахъ 3-го Археологич. Съѣзда, II, 47.

⁴⁾ Е. В. Пѣтуховъ. Серапіонъ Владимірскій, стран. 23—24, 33—37.

⁵⁾ Н. О. Сумцовъ. Сказаніе о провалившихся городахъ (изъ «Харьк. сборника Ист.-Филологическаго общества» 1895). Харьковъ 1896, стран. 9.

⁶⁾ В. Н. Перетцъ. Нѣсколько данныхъ къ объясненію сказаній о провалившихся городахъ (Изборникъ Кіевскій въ честь Т. Д. Флоринскаго). Кіевъ 1904, стр. 75—82.

въ смыслѣ выясненія дѣла на мертвой точкѣ. Говоря вообще, мы противъ литературнаго заимствованія Серапіономъ слуховъ и думаемъ, что старый русскій чело-вѣкъ, если, быть-можетъ, и вѣрилъ слухамъ и вообще устному мірскому слову, то не давалъ имъ вѣры настолько, чтобы опираться на нихъ какъ на доказательства. Устное слово не имѣло для него убѣдительности, напротивъ только старое книжное слово, лѣтописное, церковное и душеспасительное, читаемое и перечитываемое, имѣло для него всю свою силу и весь свой авторитетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько мыслей высказано Серапіономъ въ вышеприведенной выпискѣ? Проф. Пѣтуховъ, печатая текстъ въ такомъ видѣ: «Драчъ градъ 4000 лѣтъ стоялъ, отъ моря потопленъ бысть і нынѣ в морѣ есть» (стран. 33), очевидно видитъ здѣсь три главныхъ мысли: о времени возникновенія Драча, о наводненіи его и о современномъ его положеніи. Но если здѣсь три главныхъ мысли, то неясною является первая. Драчъ градъ 4000 лѣтъ стоялъ. Что это значитъ? По Пѣтухову, это значитъ: Драчъ со времени своего основанія 4000 лѣтъ стоялъ *невередимо*, и со-образно съ этимъ юрьевскій ученый вычисляетъ, что Драчъ, по этой легендѣ, основанъ былъ за 2700 лѣтъ до Р. Хр.—совершенно сказочная древность этого города, ибо, прибавляетъ уважаемый профессоръ, изъ исторіи извѣстно, что Драчъ возникъ только въ VII в. до Р. Хр. Видя въ словахъ Серапіона указаніе на древность города, Пѣтуховъ находитъ ихъ неточными, видитъ здѣсь выраженіе дошедшаго до него фантастическаго слуха.

Но такъ ли все это? Эту ли мысль Серапіонъ хотѣлъ провести въ словѣ о казняхъ Божіихъ? Онъ говоритъ: «*Потопъ бысть* при Нои і инны казни бещи-сленныя; въ Лясѣхъ 600 людій *потопло*, а іниі в Перемышлі градъ 200 *потопоща*». Вы видите, что проповѣдникъ говоритъ только о потопѣ, что ему и нужно было говорить при разсужденіи о казняхъ. Почему же въ извѣстїи о Драчѣ Серапіонъ вдругъ отступилъ въ своей послѣдовательности и, прежде чѣмъ говорить о потопленіи города, коснулся его исторической древности? Этотъ вопросъ такъ и оста-нется безъ отвѣта, если мы будемъ стоять на точкѣ зрѣнія проф. Пѣтухова. Но если мы упомянутую фразу будемъ читать безъ запятой послѣ слова *стоялъ*, или наоборотъ съ двумя запятыми — послѣ *стоялъ* и послѣ *бысть*—, тогда, по нашему мнѣнію, явится возможность иного толкованія загадочнаго мѣста, которое къ тому же будетъ въ полномъ соотвѣтствіи со всѣми другими примѣрами проповѣдника, то-есть оно также будетъ говорить о затопленіи Драча, безъ всякаго указанія на древность города.

Изъ перечня объ утонувшихъ мы съ очевидностью заключаемъ, что въ упомянутомъ мѣстѣ Серапіонъ приводитъ не три, а только двѣ главныхъ мысли — о по-топленіи и о современномъ положеніи Драча. Предложеніе «отъ моря потопленъ бысть», хотя по формѣ и главное, должно быть предложеніемъ въ сущности при-даточнымъ, относящимся къ слову «Драчъ». То-есть этою фразою проповѣдникъ хотѣлъ только сказать, что Драчъ градъ 4000 лѣтъ стоялъ отъ моря потопленнымъ. Въ этомъ случаѣ цифра 4000 уже означаетъ не время основанія города, а дату его затопленія. Въ переводѣ на современный, точный по выразительности, языкъ это

значить: Драчь градъ стоялъ отъ моря потопленнымъ 4000 лѣтъ *тому назадъ*. И дѣйствительно, старый человекъ, говоря о прошломъ времени отмѣчалъ не *годъ* совершенія событія, а *число лѣтъ*, протекшихъ со времени событія до настоящаго, проповѣдника, времени, отмѣчалъ не хронологически («въ такомъ-то году»), а болѣе понятно («столько-то лѣтъ *тому назадъ*»). Какъ извѣстно, нашъ простой народъ и доселѣ пользуется этимъ вторымъ приѣмомъ опредѣленія.

Конечно, цифра 4000, это страшилище, стоявшее на дорогѣ проф. Пѣтухову, мѣшаетъ и намъ идти далѣе. Но юрьевскій ученый смирился съ нимъ, признавъ въ цифрѣ отголосокъ устной народной молвы. Но мы не расположены вѣрить невѣроятному и ищемъ новыхъ путей въ объясненіи этой цифры.

Мы думаемъ, что Серапіонъ написалъ правильную цифру, но она подъ перомъ переписчиковъ была искажена. Не забудемъ, что цифры въ старину изображались буквами славянскаго алфавита. Поставить одну букву вмѣсто болѣе или менѣе сходной графически или фонетически другой, это значило иногда до чрезвычайности иамѣнить самое ея качество. Писцы напр. вм. Ѣ (8) иногда ставили И (50), вмѣсто Ѣ (9) — Ф (500) и т. д. Что-нибудь подобное могло случиться и съ цифрою *Ѣ*, которая у переписчиковъ могла явиться на мѣсто другой цифры. Мы уже видѣли, что Драчь чуть не затонулъ въ 365 году. Такъ какъ несомнѣнно, что Серапіонъ разумѣлъ этотъ именно годъ и это именно событіе съ точки зрѣнія второй половины XIII вѣка, становится яснымъ, что Драчь былъ затопленъ (или чуть было не былъ затопленъ) 900 (Ѣ) лѣтъ тому назадъ. Обѣ буквы Ѣ и *Ѣ* вовсе ужъ не такъ отличны между собою графически, чтобы первая при неясности ея написанія не могла быть прочтена и переписана въ видѣ второй. Но чтобы вполне успокоиться на этой догадкѣ, надо отыскать подлинникъ, который можетъ дать ключъ къ правильному уразумѣнію фантастической цифры; если же этотъ подлинникъ не окажетъ помощи, то надо будетъ признать, что цифра испорчена уже на славянской почвѣ. А пока мы можемъ сказать, что легкою буквенною конъектурою можетъ быть устранена цѣлая легенда.

Повторяемъ, что мы не усматриваемъ вліянія народной молвы на нашего проповѣдника и думаемъ, что источникъ свѣдѣній у него былъ письменный, книжный. Мы уже указывали на существованіе въ западной латинской литературѣ индексъ о погибшихъ городахъ. Въ такомъ индексѣ и могло быть извѣстіе о томъ, что Епидавръ-Драчь затонулъ девятьсотъ лѣтъ тому назадъ. Серапіонъ только переписалъ это книжное извѣстіе, но не прямо съ латинскаго (Epidaurus), а черезъ посредство польскаго, какъ было выше сказано, или юго-славянскаго, на что указываетъ юго-славянское названіе города.

Наконецъ, позволимъ себѣ остановить ваше вниманіе на послѣдней фразѣ Серапіона о современномъ состояніи Драча.

Перечни обобщали событія однимъ общимъ понятіемъ катастрофы, не касаясь вопроса о современномъ положеніи этихъ городовъ. Серапіонъ, читая въ перечнѣ о гибели Драча и не видя извѣстія о его появленіи на сушѣ, естественно могъ быть того мнѣнія, что и Драчь градъ доселѣ находится подъ водою. Эту мысль

онъ и выразилъ словами: «і нынѣ в мори есть». Впрочемъ тутъ возможна другого рода догадка. Быть-можетъ Серапіонъ зналъ географическое положеніе этого города, зналъ, что онъ стоитъ на берегу моря, и выразился правильно, то-есть, что Драчъ и нынѣ «у мори есть», но переписчики словъ Серапіона Владимірскаго, зная о его южноруссизмѣ, при перепискѣ могли въ «у мори» неправильно усмотрѣть южноруссизмъ и неудачно перевести его въ великоруссизмъ «в мори». Во всякомъ случаѣ повторимъ здѣсь пожеланіе найти подлинникъ Серапіоновскаго извѣстія, могущій оказаться полезнымъ и въ данномъ вопросѣ.

Если предыдущая фраза можетъ имѣть основаніемъ какой-нибудь index, то эта послѣдняя, по нашему мнѣнію, есть вѣроятно или плодъ домысла нашего проповѣдника, или еще вѣрнѣе результатъ мудрствованія писца, а не опять вліяніе смутной народной молвы, которою изслѣдователи склонны были объяснять Серапіоново извѣстіе.

Такимъ образомъ изучаемое извѣстіе могло быть написано авторомъ въ слѣдующемъ видѣ: «Драчъ градъ стоялъ отъ моря потопленъ ѿ лѣтъ і нынѣ у моря есть». Во всякомъ случаѣ это не легенда, это только указаніе на извѣстную уже намъ легенду.

Но маленькая фраза Серапіона даетъ намъ основаніе и къ болѣе правильному взгляду на вопросъ чисто литературный, на вопросъ, когда это пятое и послѣднее слово было произнесено проповѣдникомъ.

Проф. Пѣтуховъ съ большою эрудиціею рѣшилъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что слово было произнесено Серапіономъ ок. 273 г., когда витія былъ на кафедрѣ владимірской церкви.

Основаніе къ такой догадкѣ у него, какъ и у другихъ изслѣдователей, было однако неправильное.

Проф. Аристовъ полагалъ, что Серапіонъ могъ слышать о катастрофѣ Драча отъ Сарайскаго еп. Θεογνόστα, который въ 1271 г.¹⁾ былъ на Константинопольскомъ соборѣ, могъ слышать о ней отъ прибывшихъ тамошнихъ епископовъ и могъ по возвращеніи на Русь сообщить эту новость Серапіону. Самую неточность разсказа проф. Пѣтуховъ объяснялъ именно тѣмъ обстоятельствомъ, что «слухъ о Драчѣ градѣ дошелъ до Серапіона не черезъ первыя руки и уже довольно искаженнымъ и уклонившимся отъ истины»²⁾.

Но уже довольно давно дата Константинопольскаго собора установлена прочно, именно 1276 годъ. Какъ же Θεογνόстъ могъ въ 1276 г. сообщить Серапіону, умершему еще въ 1275 году? Исходя изъ этой невозможности, проф. Пѣтуховъ говорить, что «имѣющіяся данныя о путешествіяхъ Θεογνόστα не даютъ намъ права, хотя бы и предположительно, приводить съ ними въ связь полученіе Серапіономъ извѣстіе о гибели Драчъ-града». Отрицая въ этомъ вопросѣ связь между обоими лицами, проф. Пѣтуховъ говоритъ, что и помимо этого сношенія русскихъ съ греками были довольно живыя во все XIII столѣтіе, а съ 1262 г. стали особенно

¹⁾ Такой даты держались въ его время всѣ ученые.

²⁾ Пѣтуховъ, стран. 34.

частыми; «следовательно, вѣсть о гибели Драчъ града могла быть занесена весьма многими и сдѣлаться общимъ достояніемъ народной молвы; наконецъ, самая неточность сообщеннаго Серапіономъ извѣстія говорить за то, что оно сдѣлалось извѣстнымъ нашему проповѣднику болѣе изъ народной молвы, нежели отъ опредѣленнаго лица, бывшаго недалеко отъ мѣста совершенія самаго событія»¹⁾).

Изъ всѣхъ изслѣдователей, касавшихся вопроса о катастрофѣ Драча, только одинъ проф. Пѣтуховъ точно опредѣлилъ время землетрясенія города, именно 1273 годъ. Отсюда и вытекъ очевидный выводъ юрьевского ученаго, что свое пятое слово Серапіонъ произнесъ уже въ концѣ своей жизни.

Но такъ ли это?

Ошибкою проф. Пѣтухова, какъ и всѣхъ другихъ ученыхъ, было разсужденіе не на тему и отсюда ложность умозаключенія. Серапіонъ ясно говорилъ о *потоплении* Драча, а новые ученые, не зная такого случая, стали говорить о *землетрясеніи* города, какъ будто бы это было одно и то же. Можетъ-быть, въ области литературы такой пріемъ съ грѣхомъ пополамъ и возможенъ, особенно при полномъ недостаткѣ или незнаніи *прямыхъ* свидѣтельствъ; но исторически этотъ пріемъ несостоятеленъ. Историкъ скажетъ, что и Пахимерьъ, и Серапіонъ говорили о разныхъ случаяхъ въ жизни Драча, одинъ о землетрясеніи, другой о затопленіи его, и то и другое обстоятельство смѣшивать и отождествлять ни въ какомъ случаѣ нельзя.

Серапіонъ, говоря о затопленіи Драча, разумѣлъ именно *наводненіе 365 года*; а новые ученые, не знаяшіе этого факта, стали разсуждать на тему о *землетрясеніи города 1273 года*. Исходя изъ этой ошибки и имѣя въ виду, что Серапіонъ умеръ ок. 1275 г. въ санѣ епископа Владимірскаго, изслѣдователи и заключили, что слово о казняхъ Божіихъ произнесено было проповѣдникомъ въ концѣ его жизни.

Но теперь мы уже знаемъ, что Серапіонъ касался событія не новѣйшаго, а весьма отдаленнаго, поэтому мы иначе и должны разсматривать *terminus quo* пятаго слова. Если вм. 4000 мы допустимъ 900 лѣтъ, тогда время произнесенія проповѣдникомъ пятаго слова опредѣлится въ $365 + 900 = 1265$ годомъ, когда витія былъ еще инокомъ кіево-печерскаго монастыря²⁾).

Разсматривая пятое слово съ этой точки зрѣнія, мы должны сознаться, что пріуроченіе его къ 1265 или 1266 г. имѣетъ подъ собою болѣе прочную основу, нежели 1273—1274 г. Серапіонъ, упомянувъ о Драчѣ, говоритъ также, сколько людей утонуло въ Ляхахъ и въ Перемышлѣ. Что говорили эти примѣры владимірской паствѣ? — ровно ничего; но для Кіева они были примѣрами близкими, понятными и — вразумительными.

Доселѣ изучали легенду о затонувшихъ городахъ вширь, мы сдѣлали попытку идти въ другомъ направленіи, именно въ глубину, и думаемъ, что для серьезнаго и глубокаго знанія того или другого вопроса оба пути одинаково необходимы, оба метода взаимно дополняютъ другъ друга, позволяя приходить къ болѣе точнымъ выводамъ.

¹⁾ Пѣтуховъ, стр. 36.

²⁾ Конечно, комбинація $(365 + 900 =)$ 1265 родилась въ головѣ латинскаго эпитоматора и говорить о томъ, что составитель индекса писалъ въ 1265 г., что Серапіонъ только перевелъ или списалъ дату изъ славянскаго перевода индекса 1265 г., но и за всѣмъ тѣмъ между подлинникомъ и выпискою Серапіона не могло пройти большого времени.

Происхождение и значение имени „Русь“.

Л. В. Падалка.

Намѣченный вопросъ по существу своему тѣсно связанъ съ огромнымъ и чрезвычайно загроможденнымъ разнообразными разысканіями вопросомъ о началѣ Руси, т.-е. съ вопросомъ о происхожденіи и началѣ Русской земли, Русскаго народа и Русскаго государства. Въ силу того, что даже самое упрощенное обследованіе этого вопроса, или точнѣе, длиннаго ряда вопросовъ, обычнымъ исторіографическимъ и литературно-критическимъ способомъ является задачей, почти невыполнимой по своимъ необъятнымъ размѣрамъ, представлялось цѣлесообразнымъ выдѣлить лишь зерно вопроса съ тѣмъ, чтобы подойти къ его разъясненію путемъ предварительнаго разслѣдованія о происхожденіи и значеніи имени «Русь».

Основнымъ матеріаломъ для настоящаго сообщенія послужила Начальная Лѣтопись по Ипатскому списку, текстомъ которой, какъ самымъ полнымъ изъ всѣхъ существующихъ лѣтописныхъ списковъ пришлось и ограничиться въ соображеніи, что значеніе имени «Русь» достаточно исчерпывается однимъ этимъ спискомъ. И въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ другихъ спискахъ Начальной Лѣтописи, такъ или иначе повторяющихъ основной ея списокъ, или дополняющихъ его въ частностяхъ, имя «Русь» не можетъ употребляться съ инымъ значеніемъ, помимо тѣхъ значеній, въ какихъ оно нашло мѣсто въ Ипатскомъ спискѣ Лѣтописнаго свода. Соотвѣтственно принятому упрощенію задачи и относящіяся къ древней Руси иноземные источники вошли въ настоящее разслѣдованіе лишь въ объемѣ использованія ихъ въ наиболѣе крупныхъ ученыхъ трудахъ по древнему періоду Русской исторіи и въ такомъ видѣ вполне достаточные для разысканій въ предѣлахъ намѣченнаго вопроса.

На ряду съ опредѣленіемъ задачи настоящаго сообщенія надлежитъ отмѣтить, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, и тотъ методъ, какой представлялось цѣлесообразнымъ примѣнить въ соотвѣтствіи какъ съ задачей изслѣдованія, такъ и съ матеріаломъ, подлежащимъ обзорѣ. Данное изслѣдованіе отразилось прежде всего прослѣживаніемъ значенія имени «Русь», употребляемаго не въ одинаковомъ смыслѣ въ нашей Начальной Лѣтописи; выяснились затѣмъ составные элементы изслѣдуемаго явленія въ послѣдовательности его измѣненій во времени и въ связи съ обстановкой, въ которой наблюдались эти измѣненія. Наблюдаемыя формы явленія,

въ заключеніе, согласованы по основному элементу, наличность котораго обнаружена въ разнообразныхъ формахъ изслѣдуемаго явленія.

Независимо отъ этого въ части настоящаго разслѣдованія касающейся вопроса о происхожденіи имени «Русь», получилъ по возможности широкое примѣненіе территоріальный принципъ изслѣдованія планомѣрнымъ проведеніемъ котораго достигается установленіе опредѣленныхъ пространственныхъ соотношеній между различными формами явленія и наибольшее конкретизированіе сложныхъ сочетаній его элементовъ.

Такимъ образомъ, въ настоящемъ сообщеніи не ставится задачей изслѣдовать происхожденіе Руси въ полномъ объемѣ этого вопроса; въ данномъ сообщеніи просвѣщенному вниманію гг. членовъ Археологическаго Съѣзда представляется попытка подойти къ этому чрезвычайно усложненному вопросу путемъ предварительнаго разысканія о значеніи и происхожденіи имени «Русь».

Имя, какъ звуковая форма явленія, неразрывно связано съ самой сущностью этого послѣдняго. А посему выясненіе имени непосредственно приводитъ и къ тому понятію, какое облекается именемъ. Въ особенности примѣнимо это положеніе по отношенію къ крупнымъ явленіямъ историческаго значенія, останавливающимъ на себѣ вниманіе людскихъ поколѣній въ теченіе вѣковъ. Не можетъ имя, которое прошло черезъ вѣка, выражать собою случайное, поверхностное значеніе.

Въ задачу настоящаго сообщенія входитъ прослѣдить: 1) значеніе имени «Русь», 2) происхожденіе этого имени, 3) формированіе Руси, 4) славянство Руси и 5) территорію распространенія имени «Русь».

1. Значеніе имени «Русь».

Тщетно было бы искать этимологической основы, а слѣдовательно и значенія имени «Русь» за гранями этническихъ элементовъ, образовавшихъ Русь, какъ историческое явленіе. Всякая попытка выводить это имя изъ чужеродныхъ элементовъ явилась бы безплодной уже въ силу неестественности такого положенія, чтобы имя этническаго организма, жизнеспособнаго въ мѣру развернувшейся затѣмъ его мощи, пришло бы со стороны и въ послѣдующемъ было бы усвоено имъ, какъ имя страны, народа и государства. Такое имя могло выйти изъ нѣдръ страны и народа, образовавшихъ русское государство. Послѣ попытокъ А. А. Куника, выводившаго имя «Русь» изъ Скандинавіи черезъ финскую переработку (впослѣдствіи впрочемъ отказавшагося отъ своей гипотезы) и А. С. Будиловича, пытавшагося вывести имя «Русь» изъ языка готовъ, — послѣ этихъ попытокъ пути въ направленіи инородческой основы имени «Русь» являются окончательно прерванными. Нужно признать рѣшительно необходимымъ искать языковую основу имени «Русь» прежде всего въ исторической традиціи объекта этого имени, а затѣмъ въ памятникахъ языка, которое въ наибольшей мѣрѣ отъ временъ наиболѣе давнихъ сохранила географическая номенклатура страны.

Сокровищницей исторической традиции, касающейся главнѣйшихъ этническихъ элементовъ, образовавшихъ Русь, является наша Начальная Лѣтопись, при всѣхъ ея частичныхъ дефектахъ, высоко стоящая въ исторической наукѣ, какъ источникъ свѣдѣній о Руси. Разысканія, соотвѣтственно задачѣ и плану настоящаго сообщенія, должны быть направлены на выясненіе лѣтописнымъ текстомъ значенія имени «Русь», — по соотношенію имени, какъ формы, и обозначаемаго именемъ понятія, какъ содержанія этого имени.

Составитель Начальной Лѣтописи въ XI вѣкѣ повидимому уже недостаточно ясно представлялъ содержаніе «Русь», (а быть-можетъ, по недостаточному развитію литературной техники въ ту пору, не сумѣлъ отчетливо опредѣлить содержаніе этого имени). Послѣ многократныхъ этническихъ бурь, пронесившихся на восточно-европейской равнинѣ съ первыхъ вѣковъ нашей эры и особенно сильныхъ въ ту пору нашествія гунновъ въ IV вѣкѣ, послѣ совершившихся переворотовъ въ соотношеніяхъ этническихъ элементовъ на великой равнинѣ должно было видоизмѣниться и то первоначально простое, искомое въ настоящемъ разысканіи понятіе, для обозначенія котораго возникло слово «Русь». Такое понятіе, перерабатываемое организующейся жизнью въ теченіе ряда столѣтій, въ XI вѣкѣ представлялось уже въ значительной мѣрѣ усложненнымъ, и обозначавшее его слово, при составленіи «Повѣсти временныхъ лѣтъ», для ясности лѣтописнаго текста уже требовало сближеній, сопоставленій и поясненій, какъ это увидимъ изъ послѣдующаго анализа этого текста въ мѣстахъ употребленія имени «Русь».

Составитель перваго лѣтописнаго свода не находилъ традицій имени «Русь» въ предѣлахъ ни своей земли, ни земель близкихъ. Для разъясненія вопроса, къ каковому времени относится появленіе именного обозначенія «Русской земли» лѣтописцу пришлось обратиться къ иноземному — греческому источнику, въ которомъ («Лѣтописецъ вскорѣ» патр. Никифора) самое раннее упоминаніе имени «Русь» онъ нашелъ подъ 852 годомъ (по настоящему подъ 842 г., какъ это установлено акад. Шахматовымъ). Первое упоминаніе имени «Русь» въ названномъ источникѣ составитель Лѣтописнаго свода условно принялъ за начало Руси (...«начася прозывати Русская земля»...) съ тѣмъ, чтобы годъ, къ которому относится первое упоминаніе о Руси положить въ основу для хронологіи послѣдующихъ событій. Условность отправного пункта лѣтописнаго повѣствованія очевидна изъ того, что Русь, прежде чѣмъ появиться въ Царьградѣ, пребывала неопредѣленно долгое время у себя дома. Очевидно, къ данному вопросу лѣтописецъ отнесся формально, жертвуя точностью изложенія, лишь бы найти безспорный отправной пунктъ для своего послѣдующаго повѣствованія.

Въ послѣдующемъ текстѣ Лѣтописнаго свода видимъ отмѣтку о происхожденіи Руси по ея существу. Рѣчь идетъ о такъ называемомъ «призваніи Варяговъ» (...«Идоша за море къ Варягамъ, къ Руси»... и оканчивая словами: «и отъ тѣхъ Варягъ прозвася Русская земля».) Выраженіе «и отъ тѣхъ Варягъ прозвася Русская земля», какъ это установлено исторической критикой, вовсе не вяжется съ предыдущимъ текстомъ лѣтописи и представляетъ собою домыселъ самого составителя лѣтописнаго свода.

Если вникнуть пристально въ этотъ текстъ, оставляя въ сторонѣ тенденцію лѣтописца и сосредоточивая вниманіе лишь на самомъ имени «Русь», то по совокупности элементовъ, дѣйствующихъ въ событіи, ясно обнаружатся слѣдующія три обстоятельства: 1) слово «Русь» въ значеніи предикативнаго имени отнесено и къ призываемымъ Варягамъ и къ сторонѣ, призывающей; 2) въ призваніи Варяговъ на ряду съ Ильменскими Словенами и родственными имъ Кривичами принимаютъ участіе элементы иноплеменные — Чудь и Весь, — при чемъ вся эта разноплеменная группа призывающихъ, съ Чудью на первомъ мѣстѣ, получила общее предикативное обозначеніе «Русь» слѣдуетъ читать: «Русь» (двоеточіе): Чудь, Словене, Кривичи, Въ-сь; и 3) названіе народовъ: Свее, Урмани (Норманы), Англыне, приведенныя въ этомъ текстѣ противопологаются не Руси, а Варягамъ.

Имя «Русь», какъ видно, употреблено здѣсь въ смыслѣ не племенного термина, а термина предикативнаго, опредѣлительнаго значенія: повторное упоминаніе «Русь» въ дальнѣйшемъ лѣтописномъ текстѣ приближаетъ къ раскрытію содержанія этого имени: «и избращася тріе брата съ роды своими и пояша по собѣ всю Русь...» здѣсь имя «Русь» можетъ относиться лишь къ части народа, различаемой точно такъ же по опредѣлительному признаку, разъясненіе коего займетъ насъ послѣ по возможности исчерпывающаго разсмотрѣнія употребленія имени «Русь» въ лѣтописномъ текстѣ.

Особенно важнымъ представляется употребленіе имени «Русь» во вступительной части Лѣтописнаго свода. Терминъ «Русь» здѣсь строго различается отъ терминовъ «языкъ словенскъ», «родъ словенскъ». Такъ, здѣсь читаемъ (стран. 6): «се бо токмо словенскъ языкъ въ Руси и далѣе слѣдуетъ перечень племенъ, входящихъ въ составъ словенска языка (собственно восточной его группы) въ XII вѣкѣ.

Эти племена словенска языка въ Руси составитель лѣтописнаго свода съ подчеркиваніемъ различаетъ отъ иноплеменныхъ элементовъ въ составѣ Руси, перечисляя 14 инородческихъ племенъ и замѣчая: «се суть» «инніи языцѣ, иже дань даютъ Руси». Имя «Русь» въ этомъ мѣстѣ лѣтописнаго текста опредѣленно выступаетъ съ значеніемъ термина политическаго порядка, въ смыслѣ имени господствующаго элемента. Въ такомъ же смыслѣ, но съ другимъ оттѣнкомъ терминъ этотъ употребляется и въ другихъ мѣстахъ лѣтописи. Напримѣръ, читаемъ: «Тѣмъ же изъ Руси можетъ ити по Волзѣ въ Болгары и въ Хвалисы» и т. д. Въ этомъ случаѣ терминъ «Русь» обозначаетъ и господствующій этнической элементъ, и страну, имъ занимаемую.

Въ дальнѣйшемъ погодномъ лѣтописномъ повѣствованіи встрѣчаемъ замѣтку, что въ составѣ рати Олега были Славяне и Варяги и «*прочіи прозвашася Русью*», въ каковомъ выраженіи заключается опредѣленное указаніе на собирательное значеніе имени «Русь», а въ послѣдующемъ текстѣ имя «Русь» суживается до обозначенія племени Полянъ (...«Поляне, яже нынѣ зовомая «Русь»...») Имя Русь въ этомъ неточномъ выраженіи лѣтописца относится, строго говоря не къ Полянамъ, а къ Кіеву и кіевлянамъ, какъ увидимъ это въ послѣдующемъ изложеніи. Здѣсь же

отмѣтимъ, что данное выраженіе является произвольной вставкой въ лѣтописный текстъ, включенной тенденціозно и въ противорѣчіе съ обычнымъ употребленіемъ имени «Русь», быть-можетъ, для того, чтобы придать Полянамъ преимущество передъ прочими восточно-славянскими племенами. Развитие мысли о собирательномъ значеніи имени «Русь» заключается и въ ставшемъ поговоркою выраженіи о Кіевѣ: «Се буди матъ городомъ «Руськимъ»... Воспроизводится здѣсь традиція быстрого возрастанія Кіева, по устраненіи Олегомъ предпримчивыхъ своихъ земляковъ Аскольда и Дира, послѣ чего наступило объединеніе восточно-славянскихъ племенъ, начатое Олегомъ еще по пути изъ Новгорода въ Кіевъ. Неоднократно повторяющееся и разъясняемое въ начальной лѣтописи сближеніе «языка» славянскаго и «Руси», какъ собственнаго имени, находимъ и въ томъ мѣстѣ лѣтописи (стр. 15), гдѣ послѣ замѣчанія, что существуетъ *одинъ славянский языкъ*, говорится:... «прозвася грамота Славянская, яже грамота есть въ *Руси*, и въ Болгарехъ Дунайскихъ».

Болѣе яркое сближеніе параллельныхъ по своему объему собирательныхъ именъ — «Руси» и «языка Словенскаго» видимъ въ слѣдующемъ текстѣ Начальной лѣтописи, характеризующемъ довольно серіозную для своего времени эрудицію лѣтописца.

...«Апостолъ Павелъ училъ въ Иллиріи, гдѣ прежде были Славяне. Стало-быть и славянству учитель Павелъ. А мы — Русь тоже Славяне, стало-быть Павелъ и нашъ — Руси учитель. А славянское племя и русское — одно племя. Отъ Варяговъ прозвались Русью, а изначала были Славяне, только звались Полянами, а говорили по-славянски; звались Полянами, потому что въ полѣ сидѣли, а языкъ у нихъ одинъ съ другими Славянами». Повѣствователь, сообщая, что *отъ варяговъ прозвались Русью, а изначала были славяне*, озабоченъ разъясненіемъ имени «Русь», которое онъ многократно сближаетъ съ «Словенскимъ» языкомъ (слав. племенемъ). Повѣствователь старательно, можно сказать, напряженно разъясняетъ не то сбивчивое, не то неясное, не то спорное въ его время имя «Русь»:

...«Русь отъ языка словенска, а словенскъ языкъ и русскій — одинъ».

Повѣствователь какъ бы предупреждаетъ сбивчивость именныхъ обозначеній: «словенскъ языкъ», «Русь», «поляне», но вмѣстѣ съ тѣмъ въ вопросѣ о возникновеніи имени «Русь» обнаруживаетъ или недостаточную освѣдомленность, или быть-можетъ и тенденцію. Послѣдній вопросъ въ виду центрального его значенія переносимъ въ слѣдующее изложеніе.

При всей обремененности настоящаго сообщенія выписками изъ Лѣтописи необходимо продолжить эти выписки въ виду краеугольнаго значенія этого источника для разъясненія вопроса о происхожденіи Руси.

Возможныя и притомъ новыя стороны выясняемаго явленія видимъ въ договорахъ Кіевскихъ князей съ Греками, въ этихъ первостепенной важности источникахъ изученія нашего прошлаго, гдѣ взвѣшено каждое слово и каждое выраженіе передано съ точностью юридическихъ актовъ. Важное значеніе имѣетъ также обстановка походовъ Руси на Царьградъ, возстановленная въ нашемъ источникѣ не по

далеки́мъ отъ мѣста дѣйствія греческимъ источникамъ, а по записямъ очевидцевъ, а можетъ-быть и участниковъ этихъ походовъ.

Въ первомъ договорѣ Олега съ Греками (907 г.) имя «Русь» примѣняется къ воинамъ и торговымъ людямъ — купцамъ: «да приходитъ Русь, хлѣбное емлютъ, елико хотятъ»...; «и пойдутъ же Русь домови»...; «аще придутъ Русь безъ купли, да не взимають мѣсяшны»... и т. д.

Существенно важно указаніе перваго Олегова договора на то, что Русь въ эту пору представляется обособленною отъ Славянъ въ составѣ Олегова войска. «Ишїте прѣ паволочити (паруса шелковые) Руси, а Словеномъ — крошїйныя (пеньковыя)»... Русь, очевидно, занимала въ войскѣ господствующее положеніе. Она противопоставляется остальной части войска, обозначенной племеннымъ признакомъ — Славянамъ, которыхъ предоставлялось достаточнымъ снабдить болѣе простыми — пеньковыми парусами. Такъ было дѣло въ пору перваго похода Олега на Царьградъ. Обозначеніе обстановки этого похода въ Лѣтописи заключаетъ въ себѣ очень значительныя указанія: «...поя же множество Варягъ, Словенъ и Чюди, и Кривичи, и Мерю, и Поляне, и Сѣверу, и Деревляне, и Радимичи, и Хорвати, и Дулебы и Тиверци, яже суть толковины: *си вси звахуться Великая Скуфь*». Заслуживаетъ вниманія въ этой обстановкѣ, какъ обозначеніе племенного состава Олеговой рати, такъ и территоріальные предѣлы подвластныхъ или союзныхъ Кіевскому князю племенъ.

Существенная черта обстановки договора та, что Олегъ и его воины «по русскому закону «кляшася оружьемъ своимъ и Перуномъ-Богомъ своимъ». Еще важнѣе для характеристики внутренняго строенія Руси той поры указанія на обязательство для Грековъ давать оброки на русскіе города, — прежде всего на Кіевъ, также и на Черниговъ, и на Переяславъ, и на Полтежъ (Полоцкъ), и на Ростовъ, и на Любечъ, и на прочіе города: по тѣмъ бо городамъ сидятъ князья (очевидно племенные) подъ Ольгомъ суще». Самая же важная подробность лѣтописнаго повѣствованія о первомъ походѣ Олега на Царьградъ — это замѣтка лѣтописца послѣ перечня племенъ, входившихъ въ составъ войска Олега: «си вси звахуться Великая Скуфь».

Въ такой же мѣрѣ характерны черты Руси и во второмъ договорѣ Олега съ греками (912 г.) Здѣсь видимъ, что къ роду русскому» отнесены 14 варяжскихъ именъ, очевидно, или предводителей части Олеговой рати, или, быть-можетъ, предводителей съ участіемъ самыхъ знатныхъ купцовъ и искусныхъ дипломатовъ изъ Руссовъ той поры, такъ какъ договоръ былъ мирный, не сопровождавшійся на этотъ разъ ратнымъ походомъ. По Лѣтописи, это послы, получившіе полномочія отъ Олега, великаго князя Русскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ послы заключающіе договоръ «по хотѣнїямъ князь нашихъ» (очевидно правившихъ областными территоріями) и по повелѣнію, и отъ всѣхъ, «ниже суть подъ рукою его, сущихъ Руси». И въ этомъ другомъ договорѣ на ряду съ Олегомъ выступаютъ областные князья и Русь въ качествѣ правящаго, дававшаго полномочія посламъ общественнаго элемента.

Комплексъ тѣхъ же понятій, въ другихъ лишь сочетаніяхъ, находимъ и въ послѣдующемъ текстѣ договора, обязывающаго грековъ «хранить такую же

любовь къ свѣтлымъ князьямъ Русскимъ, и ко всѣмъ подвластнымъ свѣтлому князю». Определеннаго именного обозначенія для пестраго состава подвластныхъ великому Кіевскому князю не нашлось у составителей договора.

Характерно въ пунктахъ этого второго договора обозначеніе одной договаривающейся стороны «Русинами» и «Русью», на ряду съ другой стороной, именуемой «Христьянами» и «Греками». Терминъ «Рус-ин-и» по характеру суффикса, равнозначущъ — относящійся къ Руси, а терминъ «Русь», противопологаемый термину «Греки», является терминомъ этническаго порядка и имѣетъ значеніе собирательнаго имени, какъ и та Русь, которая по лѣтописной традиціи призывала Варяговъ въ 862 году.

Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что во второмъ Олеговомъ договорѣ имя «Русь» употребляется и въ значеніи термина географическаго: «...отъ коея убо страны пришедшимъ въ Русь»..., «...да жалуютъ Русь христіанскому царству, и ять будетъ таковой и возвращенъ будетъ нехотѣй въ Русь»; и еще ... «урядъ положиша межю Грѣцкою землею и Русскою».

И въ Игоревомъ договорѣ съ греками (945 г.) видимъ разнообразное употребленіе имени «Русь» и различное содержаніе этого имени. Но эволюція термина, какъ формы для облакаемаго имъ понятія, уже замѣтна: здѣсь дается обязательство «хранить договоръ отъ Игоря и отъ всѣхъ бояръ, и отъ всѣхъ людей, и отъ страны Русскыя». Эволюція проявляетъ себя и въ другомъ направленіи. Участниками похода, предшествовавшаго этому договору, является менѣе пестрый составъ племенной: участниками Игорева похода на Царь-градъ являются Варяги, Русь, Поляне, Словене и Кривичи съ нанятыми печенѣгами, уже безъ сѣверо-восточныхъ сосѣдей чуди и мери. По отношенію къ этому составу выступавшаго въ походъ войска не случайнымъ является выраженіе лѣтописца: «Се идутъ Русь, покрыли суть море корабли»; (вѣсть корсунцевъ), точно такъ же, какъ и другое выраженіе объ этомъ же походѣ: «идутъ Русь и печенѣги наjali къ собѣ» (вѣсть болгаръ).

Въ составѣ «Русскаго рода», пословъ и гостей Игоря (общимъ числомъ 70 именъ), находимъ уже и имена явно славянскія — правда меньше десятка именъ, помѣщенныхъ, главнымъ образомъ, въ концѣ именного списка пословъ и гостей. И еще перемѣна, по сравненію съ прежнимъ порядкомъ вещей, просвѣчивавшимъ въ договорахъ Олега: послы и гости теперь выступаютъ отъ имени великаго князя Русскаго и отъ «всея княжыя», (уже не свѣтлыхъ князей, а въ собирательномъ видѣ), и «всѣхъ людей Русское земли».

Произошли, такимъ образомъ, за 33 года послѣ второго Олегова договора, значительныя перемѣны въ положеніи Руси и въ эволюціи ея имени.

Миная употребленіе въ лѣтописномъ текстѣ имени «Русь» для выраженія уже прослѣженныхъ понятій, надлежитъ отмѣтить, далѣе, текстъ, относящійся къ Святославному договору съ греками (971 г.), кореннымъ образомъ разъясняющій вопросъ о значеніи имени «Русь». «Хочю, говорится здѣсь отъ имени Святослава, имѣти миръ... и съ богодухновенными цари, и съ всѣми людьми нашими, иже суть подо мною: (слѣдуетъ затѣмъ перечисленіе) Русь, Бояре и прочіи до конца вѣка».

Въ приведенномъ лѣтописномъ текстѣ рѣчь идетъ о Руси, о боярахъ и иныхъ людяхъ (т.-е. общественныхъ классахъ) *греческихъ*.

Въ имени «Русь» здѣсь опредѣленно выраженъ сословный характеръ Руси. «Русь» здѣсь *господствующій классъ, знать*.

Съ такимъ же значеніемъ употреблено имя «Русь» и въ лѣтописномъ примѣненіи его какъ къ Варягамъ въ пору призванія князей изъ-за моря, такъ и къ призывающей сторонѣ — группѣ славянскихъ и неславянскихъ племенъ, представляемыхъ своею Русью.

Имя «Русь», такимъ образомъ, относится къ *высшему сословію, къ знати, въ иныхъ случаяхъ къ воинамъ или къ купцамъ-воинамъ, — вообще къ господствующему, правящему въ своихъ земляхъ, общественному классу*.

При такомъ содержаніи, имя «Русь» получило съ теченіемъ времени распространенное примѣненіе, перейдя отъ правящей части населенія на всѣхъ управляемыхъ: войско въ походѣ, караваны на торговыхъ путяхъ, жителей, управляемыхъ Русью областей и, наконецъ, на всю страну, подвластную Руси.

Въ такой разновидности содержанія, т.-е. съ значеніемъ термина соціального, затѣмъ географическаго и, наконецъ, политическаго имя «Русь» укладывается въ текстъ всей нашей Начальной лѣтописи.

«Идоша за море къ Варягамъ, къ Руси»... т.-е. «Отправились къ варягамъ, господствующимъ въ своей землѣ, потому что такъ именно Русью именуются шведы, норманы, англичане, готы»...

...«Рекоша Русь: Чудь, словены, кривичи, Веси»... т.-е. «Сказали господствующіе чуди, словенъ, кривичей, веси и т. д.

...«И избрашася три брата съ роды своими и пояша по себѣ всю Русь» ...т.-е. «И собрались три брата съ своими родами и взяли съ собой всѣхъ господствующихъ, (свободныхъ, независимыхъ) и пришли»...

Къ таковому чтенію лѣтописнаго текста приводитъ анализъ содержанія имени «Русь», различно, но вполнѣ опредѣленно и послѣдовательно примѣняемаго въ нашей Начальной Лѣтописи, за исключеніемъ двухъ мѣстъ, тенденціозно вставленныхъ въ Начальную Лѣтопись въ позднѣйшее время (какъ это отмѣчено будетъ въ своемъ мѣстѣ), — однимъ словомъ, въ источникѣ первостепенной важности для познанія нашего прошлаго и правильнаго самоопредѣленія.

Идущее отъ лѣтописнаго текста значеніе имени «Русь» представляетъ собою весьма существенный пунктъ для разъясненія разнообразныхъ вопросовъ, относящихся къ сложному вопросу о началѣ Руси, какъ исторической категоріи. Если имя «Русь» обозначаетъ не отдѣльное племя, а соціальныя верхи племенъ, по своему корню частью родственныхъ, частью чуждыхъ между собою, то пунктъ этотъ получаетъ значеніе отправного для разысканій о началѣ Руси.

Опредѣленіе значенія имени «Русь» важно и въ другомъ отношеніи: оно освѣщаетъ путь при разысканіяхъ и той территоріи, гдѣ возникла Русь, какъ историческая категорія. Значеніе имени «Русь», относящагося съ предикативнымъ содержаніемъ къ группѣ связанныхъ общими интересами жизнеспособныхъ

этнических элементов на восточно-европейской равнинѣ, совершенно устраняя разысканія Руси внѣ предѣловъ этой равнины, даетъ косвенное указаніе на то, что и въ предѣлахъ великой равнины Русь (категорія) — не обособленная область, не какой-либо «закутокъ» равнины, а обширные, не поддающіеся точному опредѣленію ея предѣлы.

По принятому въ настоящемъ сообщеніи методу разслѣдованія надлежитъ за симъ обратиться къ раскрытію первоначальнаго понятія, выраженнаго въ имени «Русь», что приведетъ и къ разъясненію происхожденія этого имени.

II. Происхожденіе имени «Русь».

Отправной пунктъ для разысканій о происхожденіи имени «Русь» даютъ новѣйшіе труды по древнему періоду Русской исторіи¹⁾. Тожественное по содержанію съ этимъ именемъ понятіе видимъ въ предикативной приставкѣ къ имени одного изъ огромнѣйшихъ этническихъ конгломератовъ, занимавшаго въ началѣ нашей эры огромное пространство восточно-европейской равнины отъ предгорій Кавказа до рѣки Днѣстра, а именно этническаго конгломерата, извѣстнаго въ исторической традиціи подъ именемъ Рокс-Алановъ (Роксолановъ). Въ именномъ обозначеніи названной этнической массы лингвисты видятъ двѣ составныя части: 1) имя народности Аланъ, покрывшее собою цѣлый рядъ племенъ скифо-сарматской группы въ придонскихъ и приднѣпровскихъ степяхъ и 2) предикативную приставку «Рокс-Урсъ-Русъ», языковая основа которой, выражающая понятіе *близны* и донинѣ сохранилась въ языкѣ осетиновъ, древняго этническаго осколка, задержавшагося въ ущельяхъ предгорій Кавказа. Сложное имя Рокс-Аланы=Бѣлые Аланы.

Нужно остановиться на понятіи *близны*, выраженномъ въ этомъ имени. Понятіе бѣлизны, равно какъ и противоположное понятіе черноты, черного цвѣта, получили широкое и характерное примѣненіе въ предѣлахъ расселенія народностей иранскаго корня. Такъ, понятіе бѣлизны звучитъ въ именномъ обозначеніи «Бѣлоруссія», гдѣ въ предикативной, представляющей тавтологію, части имени выражено понятіе о недоступной черезъ свои топи для иноплеменныхъ вторженій странѣ, и потому неизоброченной, свободной, «*Бѣлой*». То же понятіе видимъ въ имени *Бѣлыхъ* угровъ, не выдѣлявшихся, насколько извѣстно, бѣлизною, въ смыслѣ цвѣта. То же понятіе, есть основанія догадываться, скрыто въ широко распространенныхъ именныхъ обозначеніяхъ древнихъ огражденій, каковы Бѣлгородка вблизи Кіева, Бѣлая Церковь Кіевской губерніи, Бѣлградъ — столица Сербіи, — всѣ эти именныя обозначенія не имѣютъ никакого отношенія къ чему-либо «бѣлому» въ современномъ, прямомъ смыслѣ этого слова. Таковы же именныя обозначенія *Бѣлаго* моря, многихъ *Бѣлыхъ* озеръ, *Бѣлыхъ* рѣкъ и т. д.

¹⁾ Для данной главы настоящаго сообщенія пришлось пользоваться, главнымъ образомъ, трудами: М. Грушевскій, «Кіевская Русь», изд. 1910 г., его же «Исторія України-Руси», т. I, 1898 г., В. Ключевскій, «Курсъ Русской исторіи», изд. 1904 г.

Въ дальнѣйшей эволюціи предикативнаго термина «Рокс-Урс-Рус-Рос» — понятіе о бѣлизнѣ въ смыслѣ независимости, свободы — естественнымъ ходомъ историческаго процесса расширилось до обозначенія силы, господства въ отвлеченномъ смыслѣ, а въ конкретномъ видѣ — до обозначенія правящаго сословія, знати.

Съ такимъ же, явно древнимъ происхожденіемъ звучитъ сказывающееся въ народномъ выраженіи представленіе о «Русскомъ Бѣломъ Царѣ».

Характерно, что въ богатомъ архаизмами народномъ украинскомъ языкѣ слово «обілити» въ сферѣ юридическихъ отношеній означаетъ — снять нареканія, оправдать, освободить отъ подозрѣнія.

Длинный рядъ иллюстрацій широкой распространенности и противоположнаго понятія въ разнообразныхъ, но однородныхъ смыслахъ о черномъ цвѣтѣ было бы возможно привести здѣсь, (наприм. «очернить», «черный городъ», «черный шляхъ», «чорный ліс», «Черное море», «Черная Русь» и т. д.); но это не имѣло бы непосредственнаго отношенія къ темѣ настоящаго сообщенія.

Итакъ, реченіе «Рокс-Урс-Рус-Рос» въ имени Роксоланы не обозначаетъ бѣлизны племени Аланъ въ прямомъ смыслѣ этого слова, равно какъ не заключаетъ въ себѣ понятія и о существѣ этого имени, — реченіе это выражаетъ понятіе о качествѣ, о положеніи Аланъ въ ряду другихъ племенъ, составляющихъ общій этнический конгломератъ.

Подобно этому и имя «Русь» выражаетъ понятіе о качествѣ, о господствующемъ положеніи не отдѣльнаго племени, а отдѣльныхъ элементовъ въ формирующемся социальномъ строѣ того времени. Для племенной основы имени «Русь» нѣтъ мѣста въ странѣ непрерывныхъ передвиженій, — разнообразныхъ сочетаній племенныхъ элементовъ, такъ какъ длившееся въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, трудно вообразимое смѣшеніе племенныхъ элементовъ, прослѣживать которое представляется возможнымъ только въ сравнительно позднюю пору, неизбежно вело къ сглаженію племенныхъ чертъ въ составѣ социально-политическаго цѣлаго, формировавшагося изъ сложнаго племенного сплава.

Уже доказано, что имя Скивовъ относилось къ самымъ разнообразнымъ племеннымъ элементамъ, объединяемымъ общими условіями быта на великой равнинѣ, какъ и имя наслѣдовавшихъ Скивамъ Сарматовъ и Аланъ, какъ и послѣдовавшее за Аланами, Антами и Венетами имя Славянъ, выступившихъ съ своимъ именемъ въ Скиво-Сарматскихъ предѣлахъ въ иноземныхъ извѣстіяхъ въ концѣ V вѣка. Если это такъ, то и въ послѣдующей смѣнѣ народностей, тѣмъ болѣе не можетъ быть мѣста для первенствующей роли ослабленнаго, въ большой мѣрѣ нейтрализованнаго чрезвычайно разнообразными сочетаніями племенного признака.

Возникаетъ устойчивое имя народа послѣ болѣе или менѣе продолжительной жизнедеятельности его составныхъ частей, послѣ длиннаго ряда самопроявленія ихъ. Возникновенію имени историческаго народа должны предшествовать какія-либо крупныя событія въ жизни аморфныхъ, разрозненныхъ племенныхъ элементовъ, — событія, въ которыхъ приняли бы участіе всѣ элементы, соприкоснувшіеся съ этимъ событіемъ, и чрезъ это участіе опредѣлили бы себя, какъ однородное цѣлое.

Именно такія событія совершались въ изслѣдуемыхъ предѣлахъ восточно-европейской равнины. Таково, прежде всего, продолжавшееся около двухъ столѣтій пребываніе воинственныхъ Готовъ на Подніпровьи и въ Черноморскихъ степяхъ, соприкосновеніе съ которыми не могло не оставить рѣзкихъ слѣдовъ въ памяти подчинившихся Готамъ предшественниковъ восточныхъ Славянъ по племенному признаку — Анто́въ. Участіемъ въ готскихъ походахъ сухопутныхъ и морскихъ, въ которыхъ, по характернымъ изысканіямъ источниковъ, Готы пользовались чужими, вѣроятно, антскими кораблями, гребцами и мастерами, — такимъ участіемъ не ограничились сосѣднія отношенія Анто́въ съ Готами, какъ не ограничились они и разнообразными позаимствованіями общественнаго быта и матеріальной культуры, слѣды какового вліянія древнихъ нѣмецкихъ элементовъ, скорѣе всего готскихъ, можно и до сей поры наблюдать въ предѣлахъ современной Украины.

Другимъ еще болѣе грознымъ для восточныхъ Славянъ событіемъ было послѣдовавшее въ третьей четверти IV вѣка нашествіе Гунновъ, пронесшихся разрушительнымъ ураганомъ съ востока на западъ черезъ всю восточно-европейскую равнину и покорившихъ на своемъ пути всѣ племена до предѣловъ средне-дунайской равнины включительно. Это всколыхнувшее почти всю Европу нашествіе страшныхъ и своими обликами и своими дѣйствіями Гунновъ не могло не произвести глубокаго потрясенія среди всѣхъ племенъ, обитавшихъ какъ въ степной полосѣ восточно-европейской равнины, такъ и въ подстепныхъ ея областяхъ. Это самое грозное изъ всѣхъ иноплеменныхъ нашествій, до и послѣ этой поры, не могло не вызвать передвиженій туземныхъ этническихъ элементовъ въ отдѣльныхъ случаяхъ на очень далекія разстоянія и вмѣстѣ съ тѣмъ не пробудить стремленія къ объединенію до этой поры раздѣльно существовавшихъ племенъ, а также стремленія къ перестройкѣ общественнаго быта на новыхъ основаніяхъ послѣ того, какъ непригодность прежняго изжившаго себя къ этой порѣ общественнаго быта племенными ордами-коммунами, проявилась въ полной мѣрѣ.

Имя «Русь», олицетворяемое въ массовомъ сознаніи этническаго сплава понятіемъ «бѣлизны», и знаменуетъ собою смѣну въ историческомъ процессѣ родового быта новымъ порядкомъ общественно-политическаго строя въ предѣлахъ великой равнины.

Державшійся вѣка родовой бытъ разложился, разумѣется, не вдругъ, и Русь организовалась не скоро.

Слѣды организаціоннаго процесса Руси разсѣяны по великой равнинѣ. Таковы племенные обозначенія «Русское» море и «Сурожское» (т.-е. смежное съ Русскимъ) море, приурочиваемыя арабскими писателями IX и X вѣковъ къ Черному и Азовскому морямъ. Фактомъ того же порядка является существованіе надъ Азовскимъ моремъ все еще остающейся загадочною Тмутараканской Руси, которая съ незапамятныхъ временъ и до XII вѣка, до поры упадка Кіева, поддерживала связь съ Днѣпровской Русью, въ частности съ Черниговской областью. Слѣды древнихъ русскихъ элементовъ видимъ, далѣе въ Итилѣ, столицѣ Хозарскаго царства, при устьѣ Волги, гдѣ, по свидѣтельству арабскихъ писателей, имѣла прочное пребываніе Русь,

обитавшая въ особой части города и управлявшаяся своимъ самостоятельнымъ судомъ.

Передъ нами, такимъ образомъ, безспорные факты независимаго, свободного существованія и широкаго движенія древне-русскихъ элементовъ на обширныхъ пространствахъ суши и моря въ ту пору, когда Кіевская Русь лишь начинала организовываться.

Выдающимся фактомъ бытія и широкой дѣятельности древнихъ русскихъ элементовъ являются морскіе походы Руси въ византійскіе предѣлы. Первые безвѣстные морскіе походы Руси, очевидно, задолго предшествовали шумнымъ походамъ и мирнымъ договорамъ съ Греками кіевскихъ князей Олега, Игоря и Святослава. Русское имя связано съ Чернымъ моремъ, очевидно, послѣ продолжительнаго обладанія этимъ моремъ, что не можетъ быть отнесено къ Руси Кіевского періода уже по одному тому, что Кіевская Русь постепенно расширявшаяся, со времени Олега, свои рубежи, устранилась вдали отъ этого моря. Къ такому заключенію приводитъ и то соображеніе, что связь Днѣпровской Руси съ Чернымъ, или Русскимъ, моремъ въ X вѣкѣ была уже слабою. Лѣтописныя замѣтки сохранили воспоминаніе объ Аскольдѣ и Дирѣ, а традиція русскаго имени для Чернаго моря составителю лѣтописнаго свода совсѣмъ невѣдома. Что мѣста обитанія древнѣйшей Руси не совпадаютъ съ кіевскими предѣлами, подтверждаютъ указанія ряда источниковъ, внимательно обследованныхъ исторической критикой въ отношеніи ихъ достовѣрности.

Такъ, мѣстонахожденіе древнѣйшей Руси источники отмѣчаютъ въ непосредственной близости къ «Русскому» морю, этимъ своимъ названіемъ указывающему на обладаніе его древнѣйшей Русью.

Русь Тмутараканская, поддерживавшая связь почти до конца XII вѣка съ Днѣпровскою Русью, несмотря ни на огромное раздѣлявшее эти двѣ Руси разстояніе, ни на затруднявшія ихъ сношенія полчища кочевниковъ, — правдоподобно, эта Русь и относилась къ древнѣйшей Черноморско-Азовской Руси (Танія, или Артанія, арабскихъ писателей, гдѣ, между прочимъ, существовалъ и приморскій портъ *Rwāia*¹⁾).

Докіевскую, древнѣйшую Русь знаютъ и греческіе источники: житіе св. Георгія Амоатридскаго и житіе св. Стефана Сурожскаго заключаетъ въ себѣ опредѣленные указанія на Русь, дѣйствовавшую на черноморско-азовскомъ побережьи въ первой половинѣ IX вѣка.

На существованіе древней Руси въ предѣлахъ Тавріи или въ близкомъ со-сѣдствѣ съ нею есть указанія въ Паннонскомъ житіи свв. Кирилла и Мееодія, свидѣтельствующемъ, что въ Херсонесѣ Таврическомъ свв. братья нашли Евангеліе и Псалтырь, написанныя «русскими письменами». О сущности этихъ письменъ — вопросъ особый, — въ настоящемъ же случаѣ важно, что составитель житія связалъ ихъ съ русскимъ именемъ.

¹⁾ «Історія Русі-України», М. Грушевскаго, т. I, стран. 114.

Въ ряду фактовъ, указывающихъ на древнѣйшую Русь, источники отмѣчаютъ неудачный походъ Руси на Царьградъ въ 860 году, и другой походъ Руси въ IX же вѣкѣ на южный берегъ Каспійскаго моря (Табористанъ).

Не о Кіевской, а о какой-то древнѣйшей Руси повѣствуется и въ Бертинскихъ анналахъ, гдѣ рѣчь идетъ о посольствѣ въ Царьградъ *русскаго* правителя «Хакана» въ 839 году.

Отмѣченные факты неопровержимо указываютъ на существованіе организованной древнѣйшей Руси внѣ кіевскихъ предѣловъ, въ сосѣдствѣ съ Русскимъ и Сурожскимъ морями. При настоящемъ уровнѣ историческихъ знаній, не представляется, однако, возможнымъ ни обозначить опредѣленно мѣстности обитанія этой древнѣйшей Руси, ни опредѣлить точно пору ея существованія.

Уловить связь древнѣйшей Руси съ территоріей крайне затруднительно уже потому, что эта Русь, по согласному свидѣтельству греческихъ и арабскихъ источниковъ, находилась въ постоянномъ движеніи. *Русь*, по названнымъ источникамъ, — это — *воины или купцы-воины, которые не имѣли ни земель ни городовъ ни полей, «они жили только тѣмъ, что брали у Славянъ: наѣзжая они забирали невольниковъ и везли ихъ продавать въ Хазеранъ (Итилъ) и Болгаръ на Волгѣ, на ряду съ этимъ они торговали соболями, бѣлками и иными мѣхами».* По роду своей дѣятельности воины и купцы-воины часто удалялись за предѣлы своей земли, гдѣ очень часто и встрѣчали ихъ составители дошедшихъ до насъ историческихъ источниковъ. Такова отмѣченная выше Русь, пребывавшая въ Итилѣ хозарскомъ, одномъ изъ крупнѣйшихъ торговыхъ центровъ восточной Европы въ VIII—IX вѣкахъ; таковъ знатный руссъ, погребеніе котораго въ Болгарѣ на р. Волгѣ, другомъ крупномъ торговомъ центрѣ той поры, классически описалъ арабскій писатель-путешественникъ Ибнъ-Фодланъ. Все это руссы-гости въ чужихъ краяхъ, какъ и та Русь, которую видѣлъ въ Багдадѣ другой арабскій писатель-путешественникъ Массуди (серед. X в.). Особого вниманія заслуживаетъ свидѣтельство третьяго арабскаго писателя-путешественника, начала X вѣка, Ибнъ-Фодлана, видѣвшаго въ Итилѣ и Болгарѣ русскихъ купцовъ, пріѣзжавшихъ на лодкахъ съ невольниками и мѣхами. Эти Руссы, «причаливъ къ берегу, строили бараки, гдѣ ихъ собиралось 10—20».

Вышеизложенное приводитъ къ заключенію, что древніе Руссы и древнѣйшая Русь появляются въ исторіи *не отдѣльнымъ народомъ, не особымъ племенемъ, а наиболѣе дѣятельнымъ, и въ силу этого самымъ вліятельнымъ общественнымъ элементомъ въ обширной странѣ восточныхъ Славянъ, — элементомъ, осуществлявшимъ свое назначеніе въ историческомъ процессѣ до Кіевской поры наиболѣе замѣтно въ азовско-черноморскихъ предѣлахъ, гдѣ въ свое время обитали и бѣлые Аланы.*

Въ виду того обстоятельства, что имя «Русь», по всѣмъ видимостямъ, вышло изъ Аланскихъ нѣдръ, а также и въ виду того общепризнаннаго крупнаго значенія, какое имѣли иранскіе элементы въ древне-русской культурѣ, продолжающіе существовать и до нашихъ дней (въ области народнаго искусства), представляется необходимымъ привести здѣсь самыя характерныя черты быта Аланъ по римскимъ

и другимъ источникамъ въ передачѣ, черпаемой изъ монографіи проф. М. Грушевскаго «Кіевская Русь».

Аланы, по свидѣтельству Марцелла Амміана (IV в.), занимали безграничныя степныя пространства («Скифскія пустыни») за Дономъ. Постепенно ослабивъ со-сѣдніе народы частыми побѣдами, они передали имъ свое имя. Аланы — кочевники, не знающіе ни домовъ, ни земледѣлія, питающіеся мясомъ и молокомъ; жили они на телѣгахъ, располагаясь кочевьями въ мѣстахъ пригодныхъ для выпаса стадъ скота и конскихъ табуновъ и устраивая лагери изъ устанавливаемыхъ въ кругъ телѣгъ. Они были красивы на видъ, свѣтловолосы, имѣли легкое вооруженіе, были очень воинственны и свободолюбивы. У нихъ всѣ въ равной степени благородны, и въ судьи они выбирали наиболѣе прославившихся воиновъ. У Аланъ не было большей славы, какъ убить врага; кожу убитыхъ на войнѣ употребляли они на конскія украшенія. — Храмовъ не имѣли, но втыкали въ землю голый мечъ и почитали его, какъ Марса, покровителя страны; гадали они при помощи палочекъ.

Лукіанъ, Римскій писатель II в. сообщаетъ, что Аланы имѣли одинаковый со Скифами языкъ, одинаково одѣвались, только иначе стригли волосы.

Имя Аланъ знаютъ и Китайскія лѣтописи. По этому источнику «Аланы — кочевой народъ Antsai, жившій по обѣимъ сторонамъ Каспійскаго моря, при чемъ въ Западномъ направленіи земли ихъ распространялись до границъ Римской имперіи. Въ періодъ династіи Ганъ (отъ 163 г. до Р. Хр. и до 196 по Р. Хр.) они зависѣли отъ кочевниковъ Согдіана, а впослѣдствіи освободились отъ этой зависимости.

Изъ этой Аланской среды выдѣлилось съ теченіемъ времени племя «Роксолановъ» или что то же «Бѣлыхъ Алановъ», которые по Римскимъ извѣстіямъ, составляли главную и самую многочисленную народность въ Приднѣпровскихъ степяхъ и далѣе на западъ. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что въ первой половинѣ второго вѣка имя Роксолановъ Римскими извѣстіями приурочивается къ Поднѣпровью, а во второй половинѣ того же вѣка уже къ Подунавью. Констатируется этимъ два характерныхъ по своей устойчивости явленія въ жизни Черноморско-Азовской степи, а именно:

- 1) продолженіе движенія Иранскихъ ордъ по направленію къ западнымъ странамъ, привлекательнымъ своими богатствами и болѣе культурнымъ бытомъ, и
- 2) распространеніе имени главнаго племени на всѣ другія подвластныя разнообразныя племена.

Прослѣжена по источникамъ и дальнѣйшая судьба этническихъ элементовъ, носившихъ имя Аланъ и Роксолановъ. Съ Гунскимъ нашествіемъ Аланская группа племенъ разбилась: часть ихъ присоединилась къ полчищамъ Вандаловъ и Свевовъ, двинувшихся на западъ въ самомъ началѣ V вѣка и вмѣстѣ съ ними дошла до сѣверной Африки; другая часть, съ упадкомъ Гунской державы, перешла границы Византіи и поселилась въ нижней Мизіи. Въ видѣ догадки можно намѣтить и третью часть Аланскаго этническаго конгломерата, ту часть, которая, оставивъ Придонскія степи и совершивъ долгій безвѣстный путь, расположилась

въ предѣлахъ озера Ильменя, положивъ основаніе для образованія племени Славянъ Ильменскихъ.

Незначительное племя Аланской группы осталось въ Прикавказскихъ степяхъ и загнанное въ горы сбереглось донинѣ въ лицѣ немногочисленнаго горскаго племени Осетиновъ, въ языкѣ которыхъ находимъ корень слова: «Рокс-Урс-Урус-Рус».

III. Формированіе Руси.

Для провѣрки вышеизложеннаго о происхожденіи и значеніи имени «Русь» представляется необходимымъ прослѣдить процессъ формированія древней Руси, хотя бы въ отношеніи отдѣльныхъ сторонъ этого процесса. Такой коренной процессъ, какъ постепенное и длительное разложеніе родового быта и смѣна его новымъ порядкомъ общественно-политическихъ отношеній къ странѣ, долженъ былъ оставить послѣ себя какіе-либо слѣды. Такіе слѣды, дѣйствительно, остались. На нихъ наводятъ скандинавскіе источники.

Фактъ тотъ, что земли восточныхъ Славянъ на Поднѣпровьи скандинавскіе источники называютъ «Gardariki», т.-е. страню городковъ. Глухое указаніе получаетъ значеніе путеводной нити въ разслѣдуемомъ вопросѣ, благодаря нѣкоторому накопленію объективныхъ историческихъ матеріаловъ въ видѣ вещественныхъ памятниковъ старины, путемъ плодотворнаго въ методологическомъ отношеніи обследованія малыхъ территорій. Матеріалы необильны, но показанія ихъ, благодаря типичности памятниковъ, выразительны. Памятники эти древнія земляныя огражденія, такъ называемыя городища.

Въ предѣлахъ Полтавской губерніи такихъ городищъ путемъ мѣстнаго изслѣдованія описано и наблюдено около 90, въ Черниговской около 150, въ предѣлахъ Кіевской губерніи 435, Волынской — около 350 городищъ. Разумѣется, не всѣ городки — суть древнія огражденія; не всѣ древнія огражденія — одинаково древни; и прямая связь хотя бы нѣкоторыхъ городковъ съ порой плаванія Скандинавовъ по рѣчному пути «изъ Варягъ въ Греки» точно не установлена. Тѣмъ не менѣе Скандинавская традиція о «Gardariki» и наличность въ названныхъ предѣлахъ массы древнихъ огражденій не могутъ не ввязаться между собою. Дѣло въ томъ, что часть изслѣдованныхъ древнихъ городковъ, между прочимъ, въ Полтавской губерніи обращаетъ вниманіе прежде всего незначительностью огражденной площади и расположеніемъ вблизи рѣкъ на защищенныхъ природою мѣстахъ (надъ обрывами). Преобладающая площадь такихъ городковъ 1—2 дес., иногда нѣсколько сотъ кв. саж., и даже нѣсколько десятковъ кв. саж. Слѣдуетъ замѣтить, что по народной традиціи, городками на Украинѣ называютъ и нѣкоторыя раскопанія, такъ называемыя «Робленіи могили» съ совсѣмъ уже незначительною огражденною площадью. При разысканіи территорій, съ которой можетъ быть связана страна «Gardariki», останавливается вниманіе, главнымъ образомъ, на томъ обстоятельстве, что городки названнаго района расположены по главнымъ судоходнымъ въ былую пору рѣкамъ, каковы современные въ Лѣвобережной Украинѣ, на ряду

сь Дніпромъ, Сула, Удай, Пселъ, Ворскла и нѣкоторыя другія: а городки-могилы обычно расположены по линіямъ водораздѣловъ, т.-е. въ направленіяхъ, наиболѣе пригодныхъ для сухопутныхъ каравановъ.

Обозрѣніе городковъ въ натурѣ, въ ихъ природной обстановкѣ приводитъ къ заключенію о непригодности значительнаго большинства древнихъ городковъ не только для постояннаго осѣдлаго обитанія, но и для временнаго укрывательства за ихъ огражденіями при непріятельскихъ вторженіяхъ въ страну. Большинство древнихъ городковъ, нынѣ городищъ такъ незначительны по своей площади, что едва ли бы стоило и соорудать ихъ для цѣлей защиты, такъ какъ очень ужъ мало обитателей мѣстности и ихъ имущества (скота) помѣстилось бы въ такихъ городищахъ.

Старый народный бытъ точно также даетъ показанія противъ назначенія маломѣрныхъ городковъ для обитанія. — На Украинѣ широко распространена народная дѣтская игра «въ городокъ». Играющіе дѣлятся на двѣ партіи: задачи одной — охранять городокъ, задачи другой — нападать на него, разорить валы и разграбить его содержимое... Не чувствуется ли здѣсь отзвукъ далекой старины, когда огражденія сооружались для храненія цѣнностей?

Въ такомъ именно освѣщеніи и выступаетъ назначеніе значительной части древнихъ городковъ (маломѣрныхъ) Подніпровья въ проникающихъ до корней изслѣдованіяхъ нашего прошлаго.

Возникновеніе древнѣйшихъ городковъ Подніпровья въ изслѣдованіяхъ покойнаго В. О. Ключевского связывается съ разложеніемъ родового быта нашихъ предковъ задолго до Кіевского періода Русской исторіи. Эта догадка по отношенію къ значительной части древнихъ земляныхъ огражденій заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія изслѣдователей вещественныхъ памятниковъ нашей сѣдой старины.

Проявлявшій себя непрестанными столкновеніями и вмѣстѣ съ тѣмъ косный и инертный въ отношеніи формъ жизни, вызываемыхъ требованіями времени, родовый бытъ являлся анахронизмомъ и у Восточныхъ Славянъ въ ту пору, когда у Славянъ Западныхъ шла коренная перестройка бытового уклада, выразившаяся образованіемъ въ VIII вѣкѣ политическихъ организацій у Чеховъ, Хорватовъ и Болгаръ. Ставшее на очередь въ историческомъ процессѣ упорядоченіе соціальныхъ и экономическихъ отношеній у Восточныхъ Славянъ требовало дѣятельнаго товарообмѣна и необходимыхъ для него приспособленій, между прочимъ и для охраны товаровъ. Съ этой цѣлью и сооружались городки, служившіе, главнымъ образомъ, цѣлямъ экономического порядка. Они были помѣщеніями и складами для товаровъ различнаго вида: скота, кожъ, мѣховъ, продуктовъ пчеловодства, рыболовства и т. д., которые добывались смѣнившими неподвижные роды дворами и состояли въ завѣдываніи главъ сложныхъ семействъ. Въ товаро-обмѣнѣ той поры, какъ извѣстно, важной статьёй входили и невольники. Съ такимъ именно освѣщеніемъ выступаетъ по источникамъ и предъисторическое прошлое матери городовъ русскихъ — Кіева.

Общественный классъ, занимавшійся этимъ важнѣйшимъ, по ходу вещей для страны дѣломъ и была Русь, т.-е. «Бѣлые», независимые, различаемые отъ

подневольной «черни», люди, — господствующий, правящий классъ. Классъ этотъ первоначально представлялъ собою большіе или меньшіе по своему составу союзы воеводъ-купцовъ, эволюціонировавшіе затѣмъ въ болѣе сложныя общественныя группы. Изъ этихъ группъ наиболѣе ярко явилась впоследствии княжеская дружина.

Съ такой точки зрѣнія Русь представляется явленіемъ, возникшимъ спорадически, наполнявшимъ области Восточныхъ Славянъ постепенно. Понятнымъ, при такой точкѣ зрѣнія, становится и послѣдовавшее политическое устройство русскихъ областей (областей, управляемыхъ «Русью»), съ политическими ихъ центрами на большихъ судоходныхъ рѣкахъ, соединявшихъ съ помощью волоковъ бассейны Балтійскаго, Чернаго и Каспійскаго морей для широкаго товаро-обмѣна самыхъ отдаленныхъ странъ, Варяжскаго сѣвера, Греческаго юга, Арабскаго востока. На значительность товаро-обмѣна указываетъ и обстоятельное знакомство съ рѣчными системами составителя Начальной лѣтописи.

Отмѣченные въ лѣтописи большіе города, дѣйствительно, могли устроиться лишь послѣ длительного процесса, продолженіе котораго видимъ и въ предлѣтописную пору, когда кн. Ольга по пути въ Новгородъ не только устанавливала «дани и оброки», но и устраивала погосты, очевидно, раньше образовавшіеся, но неупорядоченные. Крупные торговые центры лѣтописной поры, длинной цѣпью расположенныя по главному рѣчному пути «изъ Варягъ въ Греки», нужно полагать, образовывались не безъ участія большого числа болѣе раннихъ мелкихъ городковъ въ странѣ.

Было бы излишней осторожностью не относить часть этихъ городковъ къ порѣ первоначальнаго неосвѣщеннаго историческими данными формировація Руси.

Въ VII и VIII вв. процессъ формировація Руси уже обозначился въ южныхъ предѣлахъ Восточно-европейской равнины. Во второй четверти IX вѣка, по свидѣтельству Византійскихъ источниковъ, Русь «все хорошо знаютъ». Это, какъ отмѣчено въ главѣ о происхожденіи имени «Русь» — Русь Черноморско-Азовскаго побережья. Нѣсколько позже такое же положеніе вещей наблюдается и въ областяхъ Днѣпровскихъ въ обстановкѣ рѣчного похода Олега изъ Новгорода на Кіевъ въ 882 г. съ участіемъ Варяговъ, Чуди, Словенъ, Мери, Веси и Кривичей. Двигаясь съ этой, преимущественно неславянской, ратью, Олегъ безпрепятственно посадилъ своихъ мужей для управленія въ областныхъ центрахъ верхняго Днѣпра — Смоленскѣ и Любечѣ. Потребность въ образованіи Руси, какъ видно, назрѣла.

Утвержденіе Олега въ Кіевѣ и послѣдовавшія затѣмъ правительственныя его мѣры отмѣчены въ Начальной лѣтописи черезчуръ кратко: «Исѣде Олегъ, княжа въ Кіевѣ, и рече Олегъ: «се буди мати городомъ Русскимъ»! Вотъ и все. А между тѣмъ подъ этимъ лѣтописнымъ текстомъ скрывается длительный процессъ объединенія русскихъ областей своими плѣнными князьями подъ верховнымъ управленіемъ великаго князя Кіевского.

Кіевъ выдѣлился предъ этимъ, какъ самый значительный торговый центръ, благодаря своему положенію на Днѣпрѣ, ниже впаденія самыхъ значительныхъ его притоковъ. Густая сѣть многоводныхъ рѣкъ съ ихъ притоками всей странѣ

облегчала сообщеніе съ Кіевомъ, ставшимъ не только торгово-промышленнымъ, но и культурнымъ центромъ для областей, входившихъ въ Днѣпровскую систему и примыкавшихъ къ ней. Политическое верховенство Кіевского князя подготовлялось естественнымъ порядкомъ вещей. Торговый центръ, центръ экономическихъ интересовъ, сталъ и политическимъ центромъ, главнымъ стольнымъ городомъ Русскихъ земель. Въ составѣ дружины великаго князя видимъ не только Варяговъ и мѣстныхъ Полянъ, но представителей всѣхъ другихъ племенъ и областей Русскихъ. Первоначально Кіевъ собиралъ воиновъ-купцовъ, какъ это очень живописно изобразилъ Константинъ Багрянородный, греческій Императоръ-писатель X вѣка въ своемъ замѣчательномъ трудѣ «Объ управленіи имперіей», удѣливъ много вниманія интересовавшей его Руси.

Въ послѣдующемъ Кіевъ привлекаетъ къ себѣ изъ областей самые дѣятельные общественные элементы. Создалось положеніе вещей, при которомъ богатый и культурный Кіевъ не только стягиваетъ добровольцевъ въ княжескую дружину, но и выпускаетъ изъ своихъ стѣнъ дружинниковъ съ князьями, получавшими полномочія великаго князя для управленія областями по мѣрѣ того, какъ потомки «свѣтлыхъ» племенныхъ князей, «иже подъ Олегомъ суще» стали въ положеніе дружиннаго контингента. Пріобщеніе къ Кіеву областей въ пору формированія Днѣпровской Руси въ Кіевскую державу достаточно подробно изображаетъ Начальная лѣтопись. Утвердившись въ Кіевѣ, Олегъ предпринимаетъ рядъ походовъ въ сопредѣльныя области: въ 883 — на Древлянъ, въ 884 — на Сѣверанъ и Радимичей. Области этихъ племенъ подчинились Кіевскому князю безъ сопротивленія, обязавшись давать возложенныя на нихъ дани. Съ южными же степными племенами — Угличами и Тиверцами — пришлось Олегу рать имѣть, по свидѣтельству лѣтописца. Отдѣленно же широкимъ поясомъ лѣсовъ племя Вятичей пріобщено было въ Кіевской Руси значительно позже, уже воинственнымъ Святославомъ, совершившимъ на Вятичей два похода: въ 964 и 966 гг.

По ходу историческаго процесса въ приведенныхъ фактахъ походовъ Кіевскихъ князей слѣдуетъ видѣть не факты завоеванія русскихъ областей Кіевскими князьями, а факты естественнаго объединенія ихъ изъ Кіевского центра. Такой взглядъ устанавливаетъ не только добровольное подчиненіе ближайшихъ къ Кіеву областей Древлянъ и Сѣверянъ съ Радимичами, но и непродолжительность, легкость сопротивленія болѣе пестрыхъ по своему составу (въ силу географическаго ихъ положенія) племенъ Угличей и Тиверцевъ, въ скоромъ времени разложившихся.

Княжескіе походы, за которыми слѣдовали дани и оброки, а часто и добыча, главнымъ образомъ въ видѣ челяди, о чемъ неоднократно свидѣлствуютъ источники, — походы эти вызывались, очевидно, и экономическими интересами; такими же интересами объясняется и то общее слѣдовавшее за ратными походами явленіе, что области безъ особыхъ треній примыкають къ новому политическому центру.

Въ центральномъ, господствующемъ значеніи Кіева слѣдуетъ искать основанія и для двойкаго употребленія имени «Русь» въ текстѣ Начальной Лѣтописи. Имя

«Русь» употребляется и въ общемъ значеніи для всей страны, и въ частномъ значеніи для Кіева и его области въ тѣсномъ смыслѣ. Частное значеніе имени «Русь» многіе изслѣдователи древняго періода русской исторіи относятъ къ области Полянъ, и Русью въ частномъ значеніи этого имени, вслѣдъ за Начальной Лѣтописью признаютъ племя Полянъ (...«Поляне яже нынѣ зовомая Русь»). Но здѣсь очевидно недоразумѣніе. Кіевъ и его ближайшая область именовались «Русью» не потому, что племя Полянъ признавалось Русью по преимуществу, а потому, что въ Кіевѣ и его области пребывали представители Руси изъ всѣхъ Русскихъ областей, и Кіевъ, въ лицѣ господствующаго общественнаго класса своего рода коллективной Руси стольнаго города, представлялъ собою всѣ области Руси, — всю Русь.

Такимъ образомъ, Русь Кіевского періода Русской исторіи — это вызванный прежде всего экономическими интересами союзъ связанныхъ Днѣпровскою рѣчною системою племенъ и областей при главенствующей роли Руси первоначально въ образѣ воиновъ и купцовъ. Изъ среды этой Руси выдѣлились сперва племенные князья (поры Олега и болѣе ранней), а затѣмъ князья изъ одного княжескаго, по традиціи лѣтописи, Рюрикова рода, утвердившагося въ Кіевѣ.

Требуется здѣсь же установить соотношеніе Руси и Варяговъ, какъ историческихъ категорій. Эти элементы, сближенные, а въ ранній періодъ Русской исторіи отождествляемые многими историками-норманистами, слѣдуетъ признать, хотя и параллельными въ извѣстномъ смыслѣ, но совершенно различными элементами историческаго процесса древней Руси. — Русь на великой равнинѣ, какъ прослѣжено предъ этимъ, есть искони туземный элементъ; Варяги же являются элементомъ, во всѣхъ отношеніяхъ стороннимъ для Руси. Варяги — гости древней Руси.

Случилось такъ, что путаницу въ «Варяжскомъ вопросѣ» вызвалъ важнѣйшій и драгоцѣнный источникъ для древняго періода Русской исторіи — Начальная Лѣтопись, давшая поводъ связывать Русь съ Варягами и этимъ повлекшая за собою глубокія и донинѣ окончательно еще неразсѣянные недоразумѣнія по вопросу о происхожденіи Руси. Такую тяжелую службу сослужили два мѣста лѣтописнаго текста, въ которыхъ опредѣленно говорится о Варяжскомъ происхожденіи Руси¹⁾. Но эти мѣста въ Лѣтописи, какъ это уже достаточно разъяснено исторической критикой, представляютъ собою позднѣйшія тенденціозныя вставки въ текстъ Начальной Лѣтописи, быть-можетъ, даже составителемъ лѣтописнаго свода (въ XII в. при Владимірѣ Мономахѣ) по мотивамъ, по всей вѣроятности, династическаго свойства подобно тому, какъ такіе же мотивы нашли мѣсто и въ «Степенной книгѣ», памятникѣ XVI вѣка, въ которомъ происхожденіе царя Іоанна Грознаго выводится отъ Римскаго Императора Августа. Прочитированныя два мѣста лѣтописнаго свода почти на два столѣтія запутали русскую историческую науку въ вопросѣ о происхожденіи Руси, давъ вмѣстѣ съ тѣмъ ложное освѣщеніе и многимъ другимъ вопросамъ крупнаго значенія. И хотя начавшаяся съ проф. Коченовскаго

¹⁾ 1) «И отъ тѣхъ Варягъ прозвася Русская земля» и 2) «Отъ Варягъ бо прозвашася Русью».

скептическая школа русских историков довольно дѣятельно доказывала тенденціозное происхожденіе въ лѣтописномъ текстѣ цитированныхъ мѣстъ, тѣмъ не менѣе защитники Варяжскаго происхожденія Руси все еще не оставили всѣхъ своихъ позицій.

Между тѣмъ въ самой Начальной Лѣтописи Русь неоднократно различается отъ Варяговъ, а тѣ лѣтописныя свѣдѣнія, въ которыхъ повѣствуется о многочисленности и высокомъ положеніи Варяговъ при дворѣ Кіевского князя, нисколько не колеблютъ доводовъ о туземномъ, славянскомъ происхожденіи Руси. Исключительно Варяжскія имена пословъ въ Олеговомъ договорѣ съ Греками, равно какъ и большое преобладаніе такихъ именъ въ договорѣ Игоря, говорятъ лишь о томъ, что все Варяжское пользовалось вліяніемъ и почетомъ при Кіевскихъ князьяхъ и въ Русскихъ земляхъ. И кто знаетъ, не скрываются ли здѣсь подъ Варяжскими именами принявшіе варяжскій видъ русскіе элементы, подобно тому, какъ это было во всѣ времена и наблюдается въ наше время, и не только у насъ, что широкіе общественные круги до поры проясненія самосознанія, стремятся усвоить обликъ тѣхъ, кого они считаютъ высшими, лучшими, даже до искаженія собственныхъ именъ! А Варяги той поры составляли высшій общественный классъ не только въ формирующейся Руси, но и въ дряхлѣющей Византіи.

Таково въ общихъ чертахъ соотношеніе Руси и Варяговъ, какъ категорій древне-русской исторіи.

IV. Славянство Руси.

Къ концу IX вѣка уже закончился сложный процессъ формировація Руси какъ руководящаго общественнаго класса всему подначальному разноплеменному по географическимъ условіямъ страны населенію, въ главной же массѣ населенію славянскому. Яснѣе представить этотъ сложный, пережитый Русью, процессъ поможетъ обращеніе къ первоначальнымъ судьбамъ славянства — для краткости изложенія — въ предѣлахъ традицій Начальной Лѣтописи.

Минуя иноземныя извѣстія о Славянахъ, анализъ которыхъ не даетъ направленія данному изысканію; минуя Венетовъ, именное обозначеніе которыхъ, вѣроятно, Римскаго происхожденія (ven-i-ge приходитъ), и въ такомъ случаѣ это имя означало бы «пришельцы», «перехожіе», а, можетъ-быть, и «бродяги», такъ какъ имя это прочно усвоено, повидимому, въ видѣ прозвища, германскими племенами, къ Славянамъ не расположеннымъ; минуя параллельныя по времени извѣстія о Славянахъ византійскихъ источниковъ, въ которыхъ вмѣсто Венетовъ до конца V вѣка находимъ для тѣхъ территоріальныхъ предѣловъ, именныя обозначенія многочисленныхъ племенъ скиео-сарматскаго происхожденія, — минуя все это, обратимся къ центральному моменту первоначальной исторіи Славянъ, — къ ихъ *разселенію*, представленному въ Начальной Лѣтописи съ полнотой и обстоятельностью, достигнутыми лишь при наличности существовавшихъ при составленіи Начальной Лѣтописи и не дошедшихъ до насъ первоисточниковъ.

Трактуя объ этомъ разселеніи («По многѣхъ же временѣхъ сѣли суть Словени по Дунаеву...»), нашъ лѣтописецъ отмѣчаетъ предѣлы разселенія изъ Подунавья прежде всего западной группы Славянъ, въ которой имя Словенъ относилось ближайшимъ образомъ, по иноземнымъ извѣстіямъ, въ отличіе отъ Антовъ, за которыми утвердилось впоследствии названіе Русскихъ Славянъ. Дунайское происхождение отдѣльныхъ племенъ восточно-славянской группы лѣтописецъ опредѣленно отмѣчаетъ для Полянъ, Древлянъ, Дреговичей и той части Кривичей, которые расположились по рѣкамъ Западной Двинѣ и Полотѣ: «Такожде и тѣ же Словене, пришедши сѣдоша по Днѣпру»... Что же касается Славянъ Ильменскихъ, а также Сѣверянъ, то лѣтописный текстъ позволяетъ видѣть въ тѣхъ и другихъ особую группу Славянъ, которые не были на Дунаѣ, а пребывали въ своихъ исконныхъ предѣлахъ. О нихъ лѣтописецъ не говоритъ «такожде и тѣ же Словене», а отмѣчаетъ «Словене же сѣдоша около озера Ильмера и прозвашася своимъ именемъ» и т. д., точно также, какъ относительно цѣлой группы Славянъ Дунайскаго этапа онъ замѣтилъ: «сѣли суть Словени по Дунаеву имены своими, кде сѣдше, на которомъ мѣстѣ».

Выходитъ такъ, что Полочанами, сѣвшими на рѣкѣ Полотѣ, и заканчивается группа восточныхъ Славянъ Дунайскаго этапа; «Словене» же Ильменскіе точно такъ же, какъ и племя Севера являются въ лѣтописи со старинными, повидимому, именами, не связанными съ мѣстами ихъ разселенія («кде сѣдше, на которомъ мѣстѣ»), безымянными въ смыслѣ именъ собственныхъ, что въ свою очередь даетъ основаніе для выдѣленія этихъ племенъ въ особую группу на ряду съ группой Славянъ Дунайскаго этапа.

Непрерывность обитанія одной части славянскихъ племенъ, — крайнихъ восточныхъ (Севера) и сѣверо-восточныхъ (Ильменскіе Славяне), — и участіе въ племенныхъ потокахъ, двигавшихся въ Придунайскія страны, другой части славянскихъ племенъ (Полянъ, Древлянъ и проч.), — эта непрерывность обитанія однихъ и это передвиженіе на Дунай съ послѣдовавшимъ обратнымъ возвращеніемъ другихъ славянскихъ племенъ, получившихъ имена по характеру мѣстъ своего размѣщенія, на ряду съ единствомъ славянскаго «языка» (рѣчи и народности) обѣихъ группъ племенъ (дома остававшихся и путешествовавшихъ), — представлялось бы явленіемъ значительной исторической важности. Если бы прослѣженная предъ этимъ традиція начальной лѣтописи о разселеніи Славянъ нашла подтвержденіе другихъ достоверныхъ источниковъ, то занимающее насъ явленіе означало бы, во-1-хъ, что потоками передвиженій въ западныя страны были увлечены лишь тѣ племена великой равнины, мѣста обитанія коихъ были ближе къ этимъ странамъ; во-2-хъ, что потомство увлеченныхъ этническими потоками племенъ великой равнины, по истеченіи ряда вѣковъ, возвратилось въ старожитные, пражовскіе предѣлы и, въ-3-хъ, что окончательное размѣщеніе славянскихъ племенъ, не только восточныхъ, но, повидимому, и племенъ западной и юго-западной группъ Славянъ, въ предъисторическую пору опредѣлилось, главнымъ образомъ, природнымъ тяготѣніемъ ихъ къ территоріямъ съ тѣми или иными природными условіями, такъ какъ вольное

заселеніе мѣстъ, по крайней мѣрѣ, для Славянъ восточныхъ, послѣ ухода Готовъ и разброда Гуновъ изъ предѣловъ южной части великой равнины, могло быть безпрепятственнымъ.

Въ чемъ же заключается славянство возникшей и распространившейся на великой равнинѣ Руси, — славянство, оправдываемое всѣмъ послѣдующимъ процессомъ соціального и политическаго быта великой страны, не случайно и не скоро-течно удержавшей однородную основу туземныхъ нарѣчій «словенска» языка.

Чрезвычайная трудность разслѣдованій по этому послѣднему вопросу по даннымъ источниковъ приводитъ къ необходимости въ настоящемъ сообщеніи ограничиться приведеніемъ лишь нѣкоторыхъ относящихся къ вопросу соображеній, подтверждаемыхъ данными обширной литературы вопроса.

Восточные Славяне не могутъ быть отождествляемы съ какимъ-либо или какими-либо отдѣльными этническими элементами позднѣйшаго иранскаго происхожденія, наполнившими степную часть восточно-европейской равнины въ теченіе ряда вѣковъ до и послѣ нашей эры. Но широкое распространеніе «Словенска» языка, наблюдаемое вслѣдъ за появленіемъ имени Славянъ въ иноземныхъ извѣстіяхъ съ конца V вѣка, — распространеніе, ярко отразившееся и въ нашей Начальной Лѣтописи, приводитъ къ заключенію о взаимной близости, какъ этнической, такъ и культурно-бытовой, Славянъ и Иранцевъ позднѣйшей скиео-сарматской волны. Какъ извѣстно, воинственныя орды скиео-сарматской поры въ послѣдовательной смѣнѣ распространяли свои имена на подвластныя имъ въ политическомъ отношеніи племена, получившія впослѣдствіи имя Славянъ. Но въ общей массѣ племенъ, подвластныхъ позднѣйшимъ иранцамъ, очевидно, были племена хотя и того же иранскаго, но старшаго происхожденія (волны неопредѣлимо далекаго времени), съ болѣе развитой культурой (осѣдлой земледѣльческой) и болѣе прочнымъ общественнымъ бытомъ. Имени (или именъ) такихъ племенъ исторія не знаетъ, если не принимать въ расчетъ геродотовскихъ «Скиеоу-пахарей». Однако, у безвѣстныхъ племенъ ранней иранской волны, слабыхъ въ битвахъ, было, очевидно, могучее культурное орудіе въ видѣ языка, которымъ они подчинили всѣ соприкасавшіяся съ ними на великой восточно-европейской равнинѣ племена. Носители этого языка, по условіямъ чрезвычайной пестроты и смѣшенія этническихъ элементовъ равнины въ результатѣ вѣками длившагося культурно-бытового общенія, не представляли собою какого-либо отдѣльнаго племени, занимающаго обособленную территорію. Разысканія въ этомъ направленіи, какъ это видно изъ многочисленныхъ безуспѣшныхъ попытокъ обозначить «Европейскую прародину» Славянъ, не обѣщаютъ успѣха и въ дальнѣйшемъ.

И по теоріи покойнаго слависта А. А. Котляревскаго, возникновеніе имени Славянъ («Словянъ») сопровождалось объединеніемъ племенъ не на племенной основѣ, а на основѣ психическаго порядка — рѣчи, слова. Жители, полагалъ А. А. Котляревскій, территорій занятыхъ болѣе или менѣе родственными, но не однородными племенами, говорившіе на понятномъ другъ для друга языкѣ, назвались «Словенами» въ отличіе отъ всѣхъ другихъ людей съ языкомъ непонятнымъ, названныхъ «Нѣмцами».

Все это говорить за то, что Славяне, какъ и Русь, представляютъ собою не отдѣльную этническую разновидность, а этнической сплавъ изъ разнообразныхъ, болѣе или менѣе близкихъ по своему происхожденію и культурному быту племенъ. Имя Славянъ является, такимъ образомъ, исторической категоріей, параллельной и притомъ непосредственно близкой категоріи, представленной именемъ «Русь».

Имя «Русь», исходящее лингвистически отъ представленія о «бѣломъ» (образъ господства, свободы) относится къ социальнымъ верхамъ этническаго сплава, а имя Славянъ относится къ толщѣ этого же сплава, къ менѣе яркой его массѣ, облекшейся, въ цѣляхъ различенія составныхъ частей цѣлаго, въ представленіе о «черномъ» (образъ подчиненія, рабства) въ понятіе, эволюционирующее въ разнообразномъ, не измѣняющемъ своей сущности примѣненіи въ народной и отчасти въ литературной рѣчи даже до настоящаго времени.

Понятнымъ становится и варіантъ имени Славянъ, неизмѣнно употреблявшійся въ древнихъ иноземныхъ источникахъ — «*Sklaveni*», т.-е. не свободные, невольники, рабы. Имя Славянъ въ такой формѣ греческіе и римскіе писатели заимствовали у нѣмцевъ, примѣнявшихъ его къ Славянамъ не по одному недоброжелательству къ нимъ, но имѣя для этого и объективныя основанія: широкое распространеніе въ славянскихъ земляхъ черни, несвободной челяди, — каковое явленіе отъ временъ доисторическаго родового быта перешло и въ историческій періодъ весьма замѣтнымъ элементомъ бытового уклада страны.

Глухой по внѣшнимъ проявленіямъ въ жизни восточныхъ Славянъ, и потому безмолвный въ отношеніи извѣстій о нихъ иноземныхъ писателей, — этотъ длящийся около 200 лѣтъ промежутокъ (со второй половины VII вѣка и до 2-й четверти IX вѣка) и можетъ быть признанъ порой внутренняго формированія восточныхъ Славянъ вообще и Славянской Руси въ частности. Этотъ періодъ бытія восточныхъ Славянъ наполнила неотвлекаемая внѣшними выступленіями внутренняя работа, протекавшая, повидимому, съ значительными треніями. Въ южныхъ областяхъ восточныхъ Славянъ могло происходить то же, что и въ сѣверныхъ ихъ предѣлахъ. А тамъ имѣли мѣсто крупныя замѣшательства, отзвукъ которыхъ слышенъ въ извѣстномъ признаніи Славянъ балтійскаго района, по легендѣ о призваніи Варяговъ: «Земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ»...

Такимъ образомъ, въ предѣлахъ всего расселенія восточныхъ Славянъ болѣе или менѣе одновременно опредѣлился сложный процессъ формированія новаго общественнаго устройства, въ которомъ на развалинахъ родового быта были заложены основы новаго порядка общественныхъ отношеній, нормируемыхъ уже не родовымъ бытомъ и не добычничествомъ на сторонѣ, а принципами экономического интереса и вызываемой требованіями времени культурной работы, соотвѣтственно проходимой стадіи историческаго развитія.

V. Территорія распространія имени «Русь».

Процессъ формировація Руси остается прослѣдить на территоріи страны, съ нѣкоторымъ повтореніемъ отдѣльныхъ частныхъ, уже отмѣченныхъ въ предыдущемъ изложеніи.

Имя «Русь» въ иноземныхъ источникахъ впервые встрѣчаемъ въ Черноморскихъ предѣлахъ второй четверти IX вѣка. Это — Русь Черноморско-Азовскаго побережья, съ которой связано имя Бравлина, русскаго вождя, плѣнившаго передъ 842 годомъ страну отъ Корсуна (Херсонеса Таврическаго) до Керчи. Возникла эта Русь, разумѣется, значительно раньше второй четверти IX вѣка, такъ какъ въ эту пору, по сказанію житія Георгія Амастридскаго, ее уже «всѣ хорошо знали». Однимъ изъ звеньевъ, повидимому, заключительнымъ, этой древнѣйшей Руси, явилась Тмутараканская Русь, какими-то неясными связями вязавшаяся съ областью «Сивера» и въ частности съ Черниговскою областью, старѣйшимъ послѣ Кіева княжествомъ Кіевского періода Русской исторіи.

Другой предѣлъ до-Кіевской Руси — крайнія юго-западные области современной Россіи и нѣсколько дальше за австрійскимъ рубежомъ, — эта страна «Валинана» по традиціи въ сказаніяхъ арабскихъ писателей-путешественниковъ, сближаемая по имени съ Галицко-Волынскою областью послѣдующей поры. Это одинъ изъ предѣловъ той мѣстности, въ которой, по заключеніямъ профессора Ключевскаго, имѣли продолжительную остановку восточно-славянскія племена, двинувшіяся послѣ натиска Римлянъ (Волоховъ Начальной лѣтописи) изъ Дунайскихъ предѣловъ въ области Поднѣпровья. Въ этой странѣ, по свидѣтельству арабскаго писателя первой половины X вѣка, Массуди (въ его географическомъ трактатѣ «Золотые луга») приблизительно въ ту же пору, когда у западныхъ Славянъ сѣорганизовалось нѣсколько государствъ (VII—VIII вѣка), у Славянъ восточныхъ также возникла политическая организація, преданія о которой дошли до названнаго писателя путешественника.

Массуди обстоятельно отмѣтилъ существованіе у славянскаго племени «Велинана», обитавшаго восточнѣе предѣловъ расселенія западныхъ Славянъ, особой политической организаціи, отдѣльнаго царства, съ особымъ царемъ, которому повиновались всѣ прочіе цари этой страны (цари филархи-князья — примѣненіе того или другого термина не имѣетъ значенія).

На страну «Велинана», при розысканіяхъ древнѣйшей Руси направляется вниманіе еще и потому, что въ позднѣйшемъ Галицко-Волынскомъ княжествѣ на этой же территоріи въ Кіевскій періодъ Русской исторіи существовалъ особенно многочисленный высшій классъ общества — боярь, игравшихъ тамъ значительную политическую роль. Многочисленность этого класса можетъ приниматься, какъ послѣдствіе болѣе ранней политической организаціи, въ видѣ племенного союза, съ особыми племенными правителями, которыхъ арабъ Массуди называлъ царями.

Направляетъ сюда розысканіе первоначальной Руси и то обстоятельство, что на этой Галицко-Волынской территоріи получило самое широкое распространеніе

именное обозначеніе «Русинъ», ставшее собственнымъ именемъ всего туземнаго населенія въ современной Галиціи.

Наконецъ, послѣдующая участь племени и земли «Валинана» какъ бы подсказываетъ послѣдовавшее переформированіе ея въ Русь. Дѣло въ томъ, что политическій союзъ Валинана, сложившійся, вѣроятно, по типу прежнихъ, недолговѣчныхъ державъ Скифо-Сарматскаго періода, оказался непрочнымъ. Въ «Валинана», по Массуди, пошли междуплеменные раздоры; союзъ племенъ разрушился; они разбились на отдѣльныя колѣна, и каждое племя выбрало себѣ отдѣльнаго царя (князя). Описанный арабскимъ писателемъ моментъ представляетъ именно то положеніе вещей, съ какого наша Начальная Лѣтопись, составляемая въ XI вѣкѣ, начинается болѣе или менѣе ясное повѣствованіе.

Утвержденіе прочнаго политическаго строя у восточныхъ Славянъ, по причинамъ прежде всего географическимъ, оказалось дѣломъ болѣе труднымъ, чѣмъ для Славянъ западныхъ. Представляющая огромнѣйшую равнину, незащищенная природою страна являлась нѣкоторымъ образомъ, котломъ, для котораго, при его обширности, долго долженъ былъ разгораться огонь, достаточно сильный для того, чтобы здѣсь скристаллизовались чрезвычайно разнообразныя сплетенія племенныхъ элементовъ, скрывающихъ за собою столь важныя въ дѣлѣ общественнаго и государственнаго устройства элементы психозническаго порядка.

Обращаютъ вниманіе при разысканіяхъ территоріи распространенія древнѣйшей Руси и отдѣльные пункты на территоріяхъ позднѣйшаго ея распространенія. Таковъ, напримѣръ, г. Суражъ, Черниговской губерніи, на р. Ипути, лѣвомъ притоцѣ рѣки Сожь, впадающей въ Днѣпръ. Названіе Суража — однокоренное и тождественное, по выражаемому имъ понятію, съ названіемъ Суражскаго (Азовскаго) моря, выражаетъ, какъ и имя этого моря, сопредѣльность съ Русью.

Другой такой пунктъ, сближаемый профессоромъ М. С. Грушевскимъ съ именемъ Русь — рѣка Рось, правый притокъ рѣки Днѣпра въ южной части Кіевской губерніи, звучащій, какъ одинъ изъ предѣловъ распространенія древнѣйшей Руси.

Близкими хронологически къ порѣ формированія Руси въ южныхъ предѣлахъ великой равнины являются и сѣверныя ея предѣлы — районъ истоковъ главныхъ русскихъ рѣкъ. Это, повидимому, связанные въ этническомъ отношеніи съ Придонскими степями Ильменскіе предѣлы Славянской Руси, призывавшей Русь Варяжскую, по традиціи нашей Начальной Лѣтописи. Однимъ изъ болѣе раннихъ этаповъ этой Руси является правдоподобно, старая Русса, нынѣ уѣздный городъ Новгородской губерніи при впаденіи въ оз. Ильмень р. Полисти, гдѣ, въ центральной части города, и донинѣ сохранились едва замѣтныя слѣды прежнихъ огражденій (между незначительнымъ притокомъ-рукавомъ Полисти, Перерытицей, и р. Порусью, представляющей чуть замѣтный водоемъ искусственнаго происхожденія, какъ, вѣроятно, и большая рѣчка Перерытица («Копань»). Видимъ здѣсь подкрѣпляемую именемъ «Старая Русса» обстановку, наводящую на мысль, что здѣсь первоначально пребывала древнѣйшая Русь, перенесшая затѣмъ свой укрѣпленный центръ въ *Новгородъ* на многоводной рѣкѣ Волховѣ.

Такимъ образомъ, прослѣживаніе распространенія имени «Русь» на территоріи приводитъ къ заключенію, что Русь, какъ явленіе соціальнаго порядка, приблизительно одновременно возникла какъ среди той части восточныхъ Славянъ, которая была увлечена въ началѣ нашей эры племенными потоками въ Придунайскія страны (юго-западные предѣлы Руси), такъ и среди восточно-славянскихъ племенъ, не принимавшихъ участія въ этомъ круговращательномъ движеніи племенъ (Русь Черноморско-Азовскаго побережья).

Вышеизложенное сводится къ нижеслѣдующимъ положеніямъ:

- 1) Имя «Русь» произошло, вѣроятно, отъ языковой основы того же слова, какое и до настоящаго времени сохранилось въ языкѣ Осетиновъ: «урс-рус-рос» для выраженія понятія «бѣлый», свободный, независимый, господствующій, правящій.
- 2) Территорія, съ которой прежде всего было связано имя «Русь», это южные и юго-западные предѣлы Восточно-Европейской равнины.
- 3) Первоначальное расселеніе Славянъ является отправнымъ пунктомъ исторической поры въ жизни страны.

Такъ какъ данныя историческихъ источниковъ не достаточны для разъясненія этого явленія, а данныя археологій накапливаются слишкомъ медленно, представляется необходимымъ обратиться къ всестороннему и систематическому изученію *географической номенклатуры* страны.

- и 5) Вопросъ о степени племенного родства славянской Руси съ иранскими племенами позднѣйшей волны остается открытымъ.

Два взгляда на язычество древне-русской проповѣди.

Е. Д. Аничковъ.

При возстановленіи древнихъ языческихъ вѣрованій когда-то было принято обращаться, главнымъ образомъ, къ памятникамъ поэзіи, т.-е. прежде всего къ народной словесности: къ сказкамъ, былинамъ, обрядовымъ пѣснямъ и т. п. Но рядомъ съ поэзіей самыя вѣскія свѣдѣнія даетъ вѣдь дѣловая литература тѣхъ временъ, когда воспринимали наши предки Христово ученіе. Таковы — проповѣди, направленныя противъ пережитковъ язычества. Миеологи относились къ нимъ съ недовѣріемъ; они спрашивали себя, не толковали ли проповѣдники язычество по своему, а отсюда не извращали ли они смыслъ того, что видѣли или слышали. Однако, стоитъ лишь постараться осмыслить взглядъ древней проповѣди на язычество, чтобы стало легко пользоваться проповѣдями для цѣлей миеологическихъ изысканій. Въ самомъ дѣлѣ, если мы будемъ знать, что въ такое-то время въ церковной средѣ принято было именно такое толкованіе языческихъ боговъ, мы сознательно отнесемся къ словамъ текста и различимъ фактическія данныя отъ домысловъ, либо отъ полемическихъ толкованій. Вотъ этой цѣли и послужить предлагаемое тутъ небольшое изслѣдованіе.

Высказанные въ нашихъ проповѣдяхъ взгляды на язычество могутъ быть сгруппированы по двумъ основнымъ типамъ.

Изъ священнаго писанія самое опредѣленное указаніе получалъ русскій книжникъ о томъ, какъ относиться къ язычеству, когда, въ самый острый моментъ борьбы, надо было дѣйствовать. Пока стоятъ еще на своихъ мѣстахъ языческіе идолы и имъ приносятся жертвы, иногда человѣческія, что дѣлать и какъ поступить съ ними, — совершенно ясно. «Второзаконіе» не оставляетъ тутъ мѣста ни для малѣйшаго сомнѣнія. Оно говоритъ: «жертвенники ихъ разрушьте, столбы ихъ сокрушите, и рощи ихъ вырубите, и истуканы боговъ ихъ сожгите огнемъ» (7, 3). Тамъ же Моисей напоминаетъ о томъ, что онъ сдѣлалъ съ тельцомъ, которому стали поклоняться люди: «я взялъ сжегъ его въ огнѣ, разбилъ его и всего истеръ до того, что онъ сталъ мелокъ, какъ прахъ, и я бросилъ прахъ сей въ потокъ, текущій съ горы» (11, 21). Точно такъ же искоренялось язычество и въ Греціи, начиная съ IV вѣка. Библейская традиція сохранилась, и въ житіяхъ святыхъ рассказывалось часто о томъ, какъ святители уничтожали капища. Не такъ ли описываетъ и наша лѣтопись, какъ было поступлено съ идолами при крещеніи?

Не стану приводить этихъ извѣстныхъ всякому текстовъ, по свидѣтельству которыхъ было велѣно жечь и изсѣчь кумиры. А идолъ Перуна былъ именно сброшенъ въ Беричевъ и сташенъ внизъ по теперешнему Крещатику и Подольскому спуску на Ручай и потомъ въ Днѣпръ¹⁾. То же сдѣлано было и съ Волосомъ²⁾. И радуются «новые люди», какъ называютъ себя христіане при Ярославлѣ Мудромъ, тому, что, гдѣ прежде стояли кумиры, тамъ воздвигнуты теперь кресты и церкви³⁾. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ первый годъ своего княженія, на горѣ, рядомъ съ Теремнымъ дворомъ Владиміръ поставилъ цѣлый пантеонъ языческихъ боговъ, была воздвигнута церковь⁴⁾. Владиміръ представляется новымъ Константиномъ⁵⁾. Памятники наши, сообщающіе о крещеніи Руси, изображаютъ событія именно, какъ совершенно вещественное уничтоженіе язычества. «Сожжены» и «посѣчены» боги и это самое главное. Затѣмъ слѣдуетъ крещеніе, и тогда сразу же начинается совсемъ другая эра, новая пора, уже христіанская. Такъ характерно въ этомъ случаѣ обращеніе къ слушателямъ одной изъ древнихъ проповѣдей: «Братніе. Первое — примыше святое крещеніе правы вѣры, потомъ наоучимся боятись Бога и творити волю Его»⁶⁾.

Въ самый моментъ крещенія случилось наиболѣе важное; тогда съ язычествомъ сразу покончено. Не долженъ ли былъ тогда русскій книжникъ всего болѣе вдохновляться словами Псалма «не упомяну имени ихъ устами моими» (15, 4). Умерли, исчезли эти боги. Надо твердо помнить, что еще Іисусъ Навинъ училъ: «не вспоминайте имени боговъ ихъ» (Ис. Нав. 23, 7). И не упоминали. Такъ объясняется умолчаніе объ языческихъ богахъ въ древнѣйшемъ сводѣ лѣтописи, какъ онъ возстановленъ А. А. Шахматовымъ. Въ этомъ памятникѣ не названы были боги, которымъ установилъ капища Владиміръ; лишь послѣ, и не въ редакціи преп. Никона, возникшей въ Печерской обители, а уже въ слѣдующей, были вставлены имена боговъ⁷⁾. Памятники наши даже усвоили себѣ особую формулу, по своему, передающую предписаніе Іисуса Навина и псалма. Въ одной проповѣди Ефрема Сирина, противъ вновь выпадающихъ въ язычество, очень рано переведенной по-славянски и находимой еще въ глаголической письменности, сказано: «дѣла безбожныхъ странъ... и словеса яже срамъ іестъ и открыти и по средѣ извести»⁸⁾. Это выраженіе: о язычествѣ срамъ говорить, мы и находимъ въ памятникахъ на-

¹⁾ Лейбовичъ. Сводная Лѣтопись. С.-Пб. 1876 г., стр. 86—87. Древнѣйшее извѣстіе объ этомъ, см. у А. А. Шахматова. Корсунская легенда. С.-Пб., въ честь Ламанскаго, т. II, стр. 1143.

²⁾ Тамъ же и ср. стр. 1057 и 1124.

³⁾ А. А. Шахматовъ. Предисловіе къ Начальному Кіевскому Своду. Текстъ стр. 52, отд. отт. Изв. 2-го отд. А. Н. 1908 г.

⁴⁾ Лейбовичъ. Сводная лѣтопись, стр. 87; ср. у Шахматова. Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописяхъ. С.-Пб. 1908 г., стр. 556.

⁵⁾ Житіе бл. Владиміра, особ. сост., см. напр. у Голубинскаго. Ист. Р. Ц. 1—2, стр. 236.

⁶⁾ Поученіе правыхъ вѣр. Пон. Нам., III, стр. 23.

⁷⁾ Шахматовъ. Разыск. текстъ стр. 555 и 561; А. А. однако, не останавливается подробно на томъ, почему онъ считаетъ нужнымъ не включать и именъ боговъ въ возстановленный имъ текстъ Древнѣйшаго Свода; онъ говоритъ лишь: «думаю, что Древн. Св. ограничивался словами: «и постави кумиры на холмѣ вѣхъ двора теремнаго».

⁸⁾ Срезневскій. Свѣд. и Зам., т. I, вып. I, стр. 31. Сборникъ Академіи Наукъ, т. I.

шихъ множество разъ. Въ Древнѣйшемъ Сводѣ Лѣтописи подѣ 986 годомъ сказано: «много лѣтъ ея же нѣ лѣтъ писати срама ради»¹⁾. То же и подѣ 1065 годомъ: «не лѣтъ казати срама ради»²⁾ хотя въ данномъ случаѣ самое постыдное сообщено. Но такъ принято выражаться. То же и въ «Словѣ отъ св. Евангелія», одномъ изъ сообщенныхъ еще Тихонравовымъ поученій о язычествѣ. «Всего нужно писати», «нужа велика писати»³⁾, — читаемъ мы здѣсь. Выраженіе это будетъ повторяться еще долго. «Много неподобная творя, ихъ же нѣсть лѣтъ излагати здѣ», сказано въ «Словѣ св. отецъ, како жити христьяномъ»⁴⁾. Въ этой повторности нельзя не видѣть слѣдствія упорной традиціи.

Для такого умолчанія имени древнихъ боговъ было основаніе и помимо за-
прещенія Іисуса Навина или мотива, приведеннаго Ефремомъ Сириномъ. Языческіе боги — бѣсы. Такой взглядъ присущъ нашей лѣтописи съ древнѣйшихъ изводовъ. Я разумѣю стenanія дьявола изъ проложной статьи о варягахъ-мученикахъ, приведенное въ Древнѣйшемъ Сводѣ непосредственно вслѣдъ за рассказомъ о крещеніи: «увѣ мнѣ яко отсюда прогонимъ есмь! сѣ бо мнѣхъ жилище имѣти, яко сѣде не суть учения апостольска, ни суть вѣдуще Бога, нѣ веселяхся ѿ службѣ ихъ, юже служаху мнѣ; и се уже побѣжденъ есмь»⁵⁾... Строго говоря, этого мнѣнія нельзя считать воззрѣніемъ ни апостольскимъ, ни библейскимъ⁶⁾. Во Второзаконіи языческіе боги, правда, названы бѣсами (82, 16—17). То же и въ Псалмахъ (105, 37). Но уже пророкъ Самуиль называетъ ихъ «ничто» (1-я Царствъ 12, 21) и такъ именно училъ и ап. Павелъ. Слова апостола, однако, можно понять и какъ подтвержденіе теоріи, что языческіе боги — бѣсы. Современный богословъ поэтому справедливо назвалъ мысль апостола «тонкой» и подвергъ ее подробному толкованію⁷⁾. Апостолъ не считаетъ, чтобы идолъ былъ «что-нибудь», но все-таки говорить: «язычники принося жертвы, приносятъ бѣсамъ, а не Богу» (1-е Коринѣ. 10, 20). Какъ же было тутъ разобратъ древнему книжнику? Къ тому же въ житіяхъ святыхъ онъ находилъ совершенно отчетливо выраженное отождествленіе языческихъ боговъ и бѣсовъ⁸⁾. Оттого, въ сознаніи древняго книжника «тонкая мысль» апостола должна была принять самую грубую форму: боги — бѣсы. Это и есть одинъ изъ взглядовъ, который мы должны осмыслить.

Тутъ и еще одна причина и, можетъ-быть, самая важная, почему не надо называть именъ древнихъ боговъ. Въ называніи боговъ-бѣсовъ увидѣли не только нарушеніе этого правила: «не назову именъ ихъ», но прямую опасность. А не значить ли тогда, что тѣмъ менѣе можно вписывать имена боговъ въ книги, имѣющія

¹⁾ Шахматовъ. Разысканія, стран. 557, 21.

²⁾ Тамъ же, стран. 598, 16.

³⁾ Пон. Пам., III, стран. 236.

⁴⁾ Тамъ же, стран. 38.

⁵⁾ Шахматовъ. Разысканіе, стран. 562, 1—5; ср. стран. 146.

⁶⁾ См. объ этомъ въ книгѣ проф. А. Введенскаго. Религіозное сознаніе язычества. Москва, 1902 г., стран. 225—228.

⁷⁾ Тамъ же, стран. 227.

⁸⁾ Напр. въ житіи св. Николая при описаніи его столкновенія съ бѣсомъ Артемиды. См. мою статью, св. Николай и Артемиды Эфесская. Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. 1895 г.

Труды XV Съѣзда. Т. I.

цѣлью наставленіе вѣрующихъ. Если мы получаемъ такъ мало указаній о язычествѣ особенно на первыхъ порахъ — причина этому тутъ, въ этомъ взглядѣ христіанскихъ книжниковъ на языческія божества. Названіе «игры бѣсовскія» выродилось въ простое ругательство, но первоначально оно несомнѣнно основано на прочно укоренившейся въ сознаніи особой теоріи.

Не надо забывать, что самое это распространеннѣйшее названіе злого духа: Веельзевулъ — имя бога одного изъ народовъ, съ которыми сталкивались древніе іудеи (4-я Царствъ 1, 2 и 6). Въ признаніи бѣсами древне-славянскихъ боговъ въ моментъ распространенія христіанства сказалось, такимъ образомъ, нѣчто закономерное. И достаточно вдуматься въ положеніе вещей, чтобы увидѣть, насколько былъ необходимъ такой взглядъ на язычество. Современнаго читателя коробитъ, когда онъ встрѣчаетъ въ лѣтописи рассказы о томъ, что сказалъ Перунъ, сброшенный въ Волховъ при крещеніи Новгорода¹⁾. Но книжникъ того времени, и именно книжникъ русскій, не могъ иначе понимать великаго событія пріятія новой, истинной вѣры. Эти рассказы о Перунѣ, какъ о живомъ существѣ, были неизбежны. Вѣрованія легче пріобрѣтаются, чѣмъ исчезаютъ изъ сознанія. Оттого, при встрѣчѣ двухъ многобожныхъ религій, онѣ просто-напросто заимствуютъ другъ у друга. Множественный принципъ растяжимъ. Когда боговъ нѣсколько, современемъ непременно явится еще больше. Но вотъ столкнулся принципъ единства съ принципомъ множественности. Тутъ была большая трудность; ниспроверженіе кумировъ было необходимо. Поверженный кумиръ уже тѣмъ самымъ перестаетъ быть богомъ, вѣра въ него гибнетъ вмѣстѣ съ его поруганіемъ. Но остается вѣра въ сверхъестественное особаго порядка, и съ нею борьба уже труднѣе. Древне-русскіе книжники отдавали себѣ отчетъ очень ясно въ томъ, что идолы, выражаясь словами апостола — «ничто». Это ясно изъ лѣтописнаго рассказа объ уничтоженіи Перуна, восходящаго, по соображеніямъ А. А. Шахматова, къ Древнему житію св. Владимира. Въ немъ ясно сказано, что, когда Перуна тянули привязаннаго за хвостъ лошади внизъ, по Борищеву, и били палками, это дѣлали «не яко древоу чююще, но на пороуганіе бѣсоу, иже прельщаше симъ образъмъ чловѣки»²⁾. Итакъ, Перунъ-бѣсъ — одно, а Перунъ-идолъ — другое. Искоренить вѣру не въ идола, а во всю силу древнихъ религіозныхъ представленій было не такъ легко, и это видно изъ словъ, какъ того Древнѣйшаго свода лѣтописи, который былъ заново проредактированъ, по мнѣнію А. А. Шахматова, преп. Никономъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ³⁾, такъ и «другого» древняго житія св. Владимира. И тутъ и тамъ находимъ это характерное разъясненіе: «сиде бо чюдеса и волсви створиша бѣсовьскымъ мечтаніемъ»⁴⁾. Если такъ думали книжники подобные преп. Никону, то не ясно ли, что простымъ людямъ необходимо было говорить о томъ, что древніе боги ихъ злы, коварны, что сила ихъ сила скверная, т.-е. что они исчадія и прелесть злого духа.

¹⁾ Лейбовичъ. Сводная лѣтопись, 92—93.

²⁾ Шахматовъ. Корс. легенда. С.-Пб., Л. П., стран. 1143—44.

³⁾ Его же. Разыск., стран. 604—605.

⁴⁾ Соболевскій. Пам. др. р. л. посв. св. Владимиру. Чт. Общ. Н. Л., стран. 15, отд. отт.

Насколько распространенъ былъ этотъ взглядъ и насколько онъ укоренился, показываетъ то, что славянская демонологія будетъ долго помнить имена древнихъ боговъ именно въ видѣ бѣсовъ: бѣсъ-Перунъ, бѣсъ-Хорсъ встрѣчаются въ позднихъ памятникахъ¹⁾, а Дагобъ-Дажьбогъ оказался въ современномъ пересказѣ дуалистической богомильской сказки у южныхъ Славянъ²⁾. И вѣрнѣе всего, только благодаря этому переходу въ демонологию и встрѣчаются имена древнихъ боговъ Руси у прочихъ Славянъ³⁾.

Таковъ одинъ изъ взглядовъ на язычество, распространенный среди нашихъ книжниковъ и проповѣдниковъ. Другой несравненно сложнѣе.

«Уставъ Бѣличевскій» объявляетъ: «Иже всея твари видимыя же и невидимыя не мнить Богомъ створены, да будетъ проклятъ»⁴⁾. Тутъ не просто требованіе признанія всемогущества Божія. Уставъ имѣетъ въ виду языческое міросозерцаніе, которому присваивается иное міропониманіе. Какое, это видно изъ той вставки въ «Хожденіе Богородицы по мукамъ», гдѣ названы славянскіе языческіе боги; здѣсь сказано: «забыша Бога и вѣроваша юже бѣ тварь Богъ на работу створилъ»⁵⁾. Въ своемъ знаменитомъ «Словѣ на Ѳомину недѣлю» Кириллъ Туровскій восклицаетъ: «Обновися тварь: уже бо не нарекутся Богомъ стихіи, ни солнце, ни огонь, ни источницы, ни дресеса»⁶⁾. Итакъ, язычество представлялось вѣрой не въ Творца, создателя всего видимаго и невидимаго, а въ тварь. Это и есть второй взглядъ.

Главное отличіе его отъ перваго заключается въ томъ, что происхожденіе язычества, согласно этому взгляду, можетъ и не быть сверхъестественнымъ. Даже — напротивъ. Удержаніе перваго т.-е. того, по которому въ язычество увлекаетъ дьяволъ, составить лишь осложненіе этого. Теперь язычество оказывается совершенно такъ же, какъ и для современнаго богослова религіей *естественной*⁷⁾. Всякая вѣра, предидируемая этимъ опредѣленіемъ; — ложная вѣра, какъ для древняго христіанина-книжника, такъ и для современнаго богослова, и она не можетъ быть ничѣмъ инымъ кромѣ *отпаденія* отъ истины. Ни тотъ ни другой не могутъ ни на минуту допустить, чтобы истина изначала не была бы дана вовсе⁸⁾. Оттого, если и позволительно представить себѣ, что отпаденіе отъ истины или во всякомъ случаѣ лучшіе изъ опавшихъ отъ истины *томятся* о ней и этимъ оказываются какъ бы предтечами того момента, когда она явится вновь, то совершенно неприемлемо, чтобы ложныя религіи развивались какъ бы изъ ничего, изъ полного безбожія и постепенно стремясь къ истинѣ все ближе настигали ее⁹⁾. Ложная вѣра остается ложной, и изъ джи ея выходъ лишь одинъ: отвергнуть ложь. Но въ чемъ ложь? Гдѣ

¹⁾ См. у L. Léger. *Mythologie slave*. Paris, 1902 pp. 111 sg.

²⁾ Yagić. *Mythologische skizzen*. Arch. f. sl. Phil. IV. s. 11—13.

³⁾ См. мою статью «Old Russian pagan Cults», въ Transactions of 20, Intern. Congress for the Hist. of Religion. Oxford. 1908, II, p. 257.

⁴⁾ Прив. у Голубинскаго. Ист. р. у. 12, стран. 2.

⁵⁾ Срезневскій. Древн. Пам. Изв. Ак. Н. X, 40, стран. 553—554.

⁶⁾ Пон. Пам., I, стран. 136.

⁷⁾ Проф. А. Введенскій. Религіозн. созн. язич., стран. 6 и 9; ср. 226 и пр.

⁸⁾ Тамъ же, стран. 32, 37, 96—99.

⁹⁾ Тамъ же, стран. 160, 165, 206 и 222—229.

заблужденіе? Чѣмъ оно опредѣляется? — Вотъ вопросы, какіе должны были возникнуть передъ сознаніемъ, чтобы получился отвѣтъ: язычество обоготвореніе твари вмѣсто Творца. Намъ всего важнѣе въ данномъ случаѣ то, что данный взглядъ на язычество не можетъ уже сосуществовать съ отсутствіемъ интереса къ его явленіямъ. Онъ требуетъ уже дальнѣйшаго предикцірованія язычества, основаннаго на томъ или иномъ его пониманіи. Мы уже стоимъ въ преддверіи къ изученію язычества.

Представленіе о язычествѣ, какъ объ обоготвореніи твари вмѣсто Творца — представленіе апостольское; мы находимъ его въ посланіи къ Римлянамъ (I, 21—32¹). Значитъ оба взгляда, какъ первый такъ и второй наши книжники лишь усвоили себѣ. Они только повторяли то, что вычитали изъ книгъ. Но самое воспріятіе этого второго взгляда, самый интересъ къ нему объясняются не только начитанностью. Явилась потребность сдѣлать шагъ впередъ, всмотрѣться попристальнѣе въ заблужденія язычниковъ и уяснить себѣ, что такое на самомъ дѣлѣ ихъ странное нечестіе, гдѣ смыслъ его и какъ опредѣлить основную черту, проходящую красною нитью черезъ всѣ ихъ обряды и вѣрованія. Оттого и получаетъ у насъ вторая, болѣе сложная теорія распространеніе не въ моментъ острой борьбы, не въ самые первые годы столкновенія двухъ вѣръ, а уже тогда, когда ниспровергнуты кумиры, и Русь считаетъ себя Русью христіанской.

Но что это значитъ: обоготворять тварь вмѣсто Творца? Когда Кириллъ Туровскій говорилъ: «уже не нарекутся Богомъ стихіи, ни солнце, ни огонь, ни источники, ни деревья», онъ разумѣетъ *обоготвореніе силъ природы*. Огонь и деревья, правда, не совсѣмъ подходятъ подъ это опредѣленіе. Но разъ названо солнце, сомнѣній какъ-будто бы не можетъ быть.

Надо ли напоминать, что подобное пониманіе сущности язычества до сихъ поръ распространено среди миеологовъ? Языческія религіи вѣдь оттого и называются: природными религіями²). Только это самое послѣднее время, въ 80-хъ годахъ, поколеблено это положеніе, и историки религій начинаютъ приходить къ тому выводу, что нѣтъ, языческіе боги вовсе не обоготворенныя силы природы, а нѣчто совершенно другое. И какъ только было выражено подобное сомнѣніе, такъ тотчасъ же и явился вопросъ: откуда пошло такое пониманіе язычества? На него, правда, еще нѣтъ отвѣта вполне опредѣленнаго³). И не можетъ быть. Вѣдь для этого нужна даже не исторія миеологій, какъ отрасли научныхъ знаній, съ древнѣйшихъ временъ, а новое изученіе прежде всего самаго античнаго язычества, которое было бы задумано совершенно иначе, т.-е. не какъ комментарий къ этой теоріи и — что все сложнѣе — доведена до самаго того момента, когда язычеству суждено было встрѣтиться съ юдаизмомъ и христіанствомъ. Однако, уже теперь извѣстно, что это мнѣніе принадлежитъ только философамъ и никогда не было ни народнымъ ни жреческимъ⁴). Такъ стали осмысливать свою національную религію философы

¹) Совр. толкованіе см. тамъ же, стр. 220.

²) См. напр. у Шантеппи-де-ла-Соссей. Исторія религій р. пер. 1899, стр. 8—18.

³) Farnell. Cults of greek states, v. I, p. 3—8.

⁴) Ibid pp. 9—10.

послѣ Сократа. Въ III в. по Р. Хр., какъ это видно изъ сочиненій Блаженнаго Августина, это воззрѣніе составляетъ основу школьнаго языческаго богословія¹⁾. Отсюда оно переходитъ къ отцамъ церкви. На вопросъ, что такое язычество, съ самаго момента перенесенія апостольской проповѣди на западъ, in gentiles, стали отвѣчать такъ, какъ учили въ школахъ понимать воспѣваемыхъ поэтами боговъ: боги — силы природы.

Не буду, разумѣется, останавливаться на томъ, насколько подобный взглядъ широко былъ распространенъ среди отцовъ церкви и чрезъ чье посредничество онъ пришелъ на Русь. Пристальное изученіе текста «Слова о твари и днѣ, рекомомъ недѣля» заставляеть предположить существованіе спеціальнаго поученія, проводившаго этотъ взглядъ и предостерегавшаго новообращенныхъ христіанъ не впадать вновь въ поклоненіе твари. Это поученіе начиналось основнымъ въ этомъ отношеніи текстомъ ап. Павла (Римл. 1,25) и развивало дальше то же самое положеніе при помощи библейскихъ текстовъ. Оно предполагало существованіе солярнаго культа и для этого разбивалось въ томъ, что такое свѣтъ²⁾. Примитивность этого Слова какъ-будто бы указываетъ на его русское происхожденіе. Непосредственно русское язычество названо обоготвореніемъ твари въ «Словѣ въ память св. Леонтія Ростовскаго». «Служили твари бездушной яко богу³⁾» — читаемъ мы здѣсь о строптивыхъ язычникахъ Ростовской земли, не поддававшейся христіанизации. Въ «Словѣ о ведрѣ и казняхъ божіихъ» этотъ взглядъ уже вполне усвоенъ. На этомъ поученіи намъ и надо остановиться подробно.

«Слово о ведрѣ и казняхъ Божіихъ» извѣстно въ трехъ версіяхъ: 1-я находится въ Златоструѣ XII в. и нап. Срезневскимъ съ дополненіями по списку 1474 г. (Свѣд. и Зам. XXIV. стран. 36 и слѣд.), 2-я — та, что вписана въ Лѣтопись, и 3-я — въ Торжественникѣ Румянц. Музея № 435 л. 940—344, изданная пр. Макаріемъ (Ученыя Зап. 2-го Отд. Ак. Наукъ (1856) II, 2 стран. 193 и слѣд.). Последняя названа поученіемъ бл. Θεодосія, игумена Печерскаго, и вызвала по этому особый интересъ. Это поученіе Θεодосію Печерскому однако не принадлежитъ, и версія Торжественника наиболѣе молодая⁴⁾. Равнымъ образомъ трудно сомнѣваться и въ томъ, что лѣтописная версія моложе находящейся въ Златоструѣ⁵⁾. Значить, общій источникъ 2-й и 3-й версій составляетъ первая. Надо ли считать это поученіе оригинальнымъ русскимъ произведеніемъ или нѣтъ? Если же это произведеніе русское, то въ какой мѣрѣ оно оригинально? Последний вопросъ и подведетъ насъ къ темѣ этого настоящаго изслѣдованія.

Подробно изслѣдовавшій «Слово о казняхъ Божіихъ» В. А. Чаговецъ уже раньше меня указалъ на зависимость этого поученія отъ проповѣди Григорія Богослова объ избіеніи градомъ⁶⁾. Приведа отсюда двѣ, казавшіяся ему особенно убѣдитель-

1) Творенія Блаж. Августина. I², Кіевъ 1901. Исповѣдь, VII, 5 и X, 6.

2) См. выше, стр. 99.

3) Прав. соб. 1858 г. I, стр. 429.

4) В. А. Чаговецъ Преп. Θεодосій Печерскій, его жизнь и сочиненія, Кіевъ 1901. (Изъ Университетскихъ Извѣстій) стран. 100—101.

5) Тамъ же ср. стран. 102—103.

6) В. А. Чаговецъ, I. с. стр. 122.

ными выписками, В. А. Чаговецъ пишетъ: «Несомнѣнно, что авторъ поученія «о ведрѣ и казняхъ Божіихъ», вошедшаго въ составъ Симеоновскаго (?) Златоструя, былъ знакомъ съ этимъ сочиненіемъ Григорія Богослова, которое, такимъ образомъ, было однимъ изъ его источниковъ. Это положеніе еще болѣе доказываетъ греческое происхожденіе Слова — мнѣніе высказанное *И. Срезневскимъ* въ формѣ догадки». Я постараюсь обосновать зависимости «Слова о ведрѣ и казняхъ Божіихъ» отъ «Слова объ избіеніи градомъ» нѣсколько иначе, и тогда окажется, что едва ли можетъ быть и тѣмъ сомнѣнія въ томъ, что «Слово о ведрѣ и казняхъ Божіихъ» произведеніе русское.

В. А. Чаговецъ опредѣлилъ восемь цитатъ изъ слова Божія, встрѣчающихся въ «Словѣ о ведрѣ и казняхъ Божіихъ». Эти цитаты слѣдующія: Іоиль 2, 12; Ис. 48, 4; Амосъ, 4, 7—8; то же 4, 9; то же 4, 10; Малахія 3, 5—7, 10—14; Кн. Притчей 1, 28—29; Іоиль 2, 23—25¹⁾. Но *г. Чаговецъ* не замѣтилъ, что первыя три цитаты встрѣчаются и у Григорія Богослова въ проповѣди о градобитіи. Приведу ея гегардъ соотвѣтственные мѣста изъ древне-славянскаго перевода проповѣди Григорія Богослова²⁾ и изъ «Слова о ведрѣ и казняхъ Божіихъ». Приведу тутъ же и самыя тексты по переводу св. Синода.

Слово Гр. Бог. объ изб. града.

Плачеться блаженѣи
Іоиль, истѣлѣнія земли.

Б у д. XIII. Сл. стр. 231, л. 307, р.

(Подлинныхъ словъ пр. нѣтъ).

Разоумѣю яко жестоко
еси, и жила желѣзна вы
твоя; си речеть къ мнѣ.

Тамъ же, стр. 235 л. 312, а.

И оудръжахъ отъ васъ
дѣждь; дѣлъ единъ одъ
жденъ бысть; и дѣлъ его
же не одѣждихъ, и съше.

Тамъ же, немного выше.

Слово о ведрѣ и казняхъ Божіихъ.

Глаголетъ бо самъ про
рокъмъ къ намъ: «обрати
теся къ мнѣ всѣмъ сердцемъ
вашимъ, постымъ и плачемъ
и въплемъ».

Срезн. Свѣд. и зам. XXII,
стр. 36—37.

Богъ пророкъмъ намъ
глаголетъ: «розоумѣхъ, ре
че, яко жестоко еси, и шия
желѣзна вы твоя».

Тамъ же, стр. 37.

Того ради оудръжахъ отъ
васъ дѣждь дѣлъ же единъ
отдѣждихъ и другаго не
отѣждихъ и и съше.

Тамъ же, ниже.

Св. Писаніе.

«Но и нынѣ говоритъ еще
Господь: обратитесь ко Мнѣ
всѣмъ сердцемъ своимъ въ
постѣ, плачѣ и рыданіи».

Іоиль 2, 12.

«Я зналъ, что ты упо
ренъ, и что въ шеѣ твоей
жила желѣзная, и лобъ
твой — мѣдный».

Ис. 48, 4.

«И удержалъ отъ васъ
дождь за три мѣсяца до
жатвы; проливалъ дождь
на одинъ городъ, а на дру
гой городъ не проливалъ
дождя; одинъ участокъ на
поаемъ былъ дождемъ, а
другой не окропленный дож
демъ, засыхалъ».

Амосъ 4, 7.

¹⁾ Тамъ же, стран. 107—109.

²⁾ Будиловичъ, XIII. Слово Григорія Богослова въ древнеславянскомъ переводѣ. С.-Пб. 1875.

Поразихъ вы иктеремъ, и раждѣніемъ, и ослабленіемъ, и ничто же боле бысть. Извѣноубеждадѣствовахъ вы оружиимъ, и нитакже обратитесь къ мнѣ — глаголетъ Господь.

Тамъ же, стр. 236 л. 313, р.

Поразихъ вы зноимъ и различными язами, то и такнеобратитесь къ мнѣ.. сего ради винограды ваша и смокви ваша и нивы и доубравы истрохъ, глаголетъ Господь, а зѣлобъ вашихъ немогохъ истърти. Посылахъ на вы розличныя болѣзни и смърти тяжкы и на скотѣхъ казнь свою показахъ, то и тако не обратитесь...

Тамъ же, стр. 37—38.

Я поражахъ васъ ржою и блеклостью хлѣба; множество садовъ вашихъ и виноградниковъ вашихъ, и смоковницъ вашихъ и маслинъ вашихъ пожирала гусеница — и при всемъ томъ вы не обратились ко Мнѣ, говорить Господь. Посылалъ Я на васъ моровую язву, подобную Египетской, убивалъ мечемъ юношей вашихъ, отводя коней въ плѣнъ, такъ что смрадъ отъ стоновъ вашихъ поднимался въ ноздри ваши, — и при всемъ томъ вы не обратились ко Мнѣ, говорить Господь.

Амосъ 4, 9—10.

Далѣе въ «Словѣ о ведрѣ и казняхъ Божіихъ» слѣдуетъ, однако, длинная цитата изъ Малахіи, которой нѣтъ въ «Словѣ Григорія Богослова», и можно было бы считать, что всѣ сдѣланныя сближенія случайны, если бы еще дальше не нашлось того наибольшаго совпаденія между обоими словами.

Сл. Григ. Бог. о градобитіи.

Сихъ бо ради приходитъ гнѣвъъ божи на сыны противныя; сихъ ради, ли затворяется небо, ли зѣлъ отъврзается небо,... (овогда ведро творя, овогда сланою оубивая, овогда градъ въ дѣжда мѣсто поуца, нынѣшнюю нашу казнь).

Буд. XII сл. Гр. Б. стр. 243—244.

Овъ пожре неводоу своему имѣшю мѣного... (Овъ трѣбоу створи на стоуудиньци, дѣжда иски отъ него.

Тамъ же, стр. 243.

Слово о ведрѣ и казняхъ Божіихъ.

Да того затворяется небо, ово ли зѣлъ отъврзается, градъ въ дѣжда мѣсто поуца, ово ли сланою плоды оузнабля и землю ведръ томя нашихъ ради зѣлобъ.

Ср. в. свѣд. и зм. XXII, стр. 40.

Рекосте створимъ зѣлая да придутъ на ны добрая: пожрѣмъ стоуденьцемъ и рѣкамъ и сѣтѣмъ, да оулоучимъ прошенія своя.

Тамъ же, стр. 37.

Г. Чаговецъ приводитъ два другихъ отрывка, схожихъ въ обоихъ поученіяхъ. Но первое, какъ это показалъ самъ Г. Чаговецъ цитата изъ прор. Амоса 4, 7. (Л. 312, а Буд. стран. 325), а другое еще дальнѣйшіе отрывки приведеннаго мною мѣста. (Л. 321 а—321 а Буд. стран. 242—243).

Остановимся, покаместъ, на сдѣланныхъ только-что сопоставленіяхъ и постараемся вдуматься въ то, какіе отсюда слѣдуютъ выводы для работы надъ составомъ «Слова о ведрѣ и казняхъ Божіихъ».

Зависимость отъ Слова Григорія Богослова по случаю избіенія градомъ не подлежитъ сомнѣнію. В. А. Чаповецъ первый высказавшій это предположеніе, совершенно правъ. Но онъ однако не правъ, когда вслѣдъ за Срезневскимъ думаетъ о греческомъ происхожденіи Слова о казняхъ Божіихъ. Нѣтъ, это поученіе русское. Авторъ его имѣлъ передъ глазами не подлинникъ проповѣди Григорія Богослова, а его славянскій переводъ и именно тотъ, что въ числѣ другихъ переводныхъ проповѣдей Григорія Богослова изданъ проф. Будиловичемъ по рук. XI в. Заключаю это изъ того, что вся тирада начинающаяся со словъ: «овогда ведро твоя», стоящая въ скобкахъ, — славянская, вѣрнѣе даже русская вставка¹⁾, а она использована въ Словѣ о казняхъ Божіихъ. Тоже самое и замѣчаніе о требохъ у источниковъ²⁾. Это первый выводъ. Авторъ этого Слова компилировалъ. Но развѣ не видно изъ сопоставленія библейскихъ цитатъ въ обѣихъ Словахъ, что русскій авторъ не просто взялъ ихъ у своего протографа? Это особенно ясно изъ цитаты Іоила. Григорій Богословъ лишь упомянулъ его, сослался на него; подлинныхъ словъ Іоила онъ не привелъ. Что же дѣлаетъ русскій авторъ? Онъ обращается къ самой Библии, находитъ подходящее мѣсто у Іоила и приводитъ его. Онъ, значить, составлялъ свое поученіе, пользуясь проповѣдью Григорія Богослова; она служила ему образцомъ; но работаетъ онъ самостоятельно и съ книжками въ рукахъ. Онъ цитируетъ не по памяти.

Мало этого. Авторъ «Слова о ведрѣ и казняхъ Божіихъ» уже совершенно самостоятельно, безъ указанія на него въ проповѣди Григорія Богослова, вводитъ длинное разсужденіе, основанное на прор. Малахій. Это обстоятельство требуетъ оговорки. Оно опредѣляетъ совершенно особую черту разбираемаго Слова. Авторъ его руководствовался не одной проповѣдью Григорія Богослова. Всѣ тѣ двѣ страницы (по изданію Срезневскаго), которыя начинаются съ цитаты изъ Малахій до того мѣста, гдѣ авторъ привелъ почти подстрочно выдержку изъ самага текста проповѣди Григорія Богослова, составлена подъ вліяніемъ какого-то другого произведенія проповѣднической литературы. Какого, я не буду стараться опредѣлить. Оно схоже съ тѣми поученіями, что бичуютъ воскресныя народныя забавы и игры и зовутъ вмѣсто нихъ идти на молитву въ храмы Божіи. Намъ важнѣе всего самый фактъ отступленія отъ основнаго прототипа. Прототипъ у этой проповѣди не одинъ. Ихъ было нѣсколько. Въ этомъ отношеніи «Слово о ведрѣ и казняхъ Божіихъ» и должно быть признано произведеніемъ компилятивнымъ.

Слѣдя далѣе за текстомъ Слова и стараясь угадать, какія еще поученія имѣлъ передъ глазами авторъ, когда составлялъ свое знаменитое произведеніе, мы и наталкиваемся еще и на Слово нѣкоего Христолюбца, два раза использованное и процитированное.

¹⁾ Буд. XIII пр. Гр. Бог. стран. 243, прим. 5-е къ третьему столбцу.

²⁾ Тамъ же, прим. 5-е къ второму столбцу.

Слово нѣкоего Христолюбца.

Сеже оученье намъ вписася на конецъ вѣка, да не во лжю будемъ рекли, крещающесе: отрицаемъся сотоны и всѣхъ дѣлъ его, и всѣхъ ангелъ его, і всего студа его, да общахомъся Христови. Да аще ся общахомъ Христови, то чему ему не служимъ, но бѣсомъ служим і вся оугодья імъ творимъ на пагубу душамъ своимъ. Самъ бо Господь рече: «не всякъ внидетъ во царствие мое, рекъ ми: Господи, Господи, но творяі волю отца моего» (Мате. 7,21).

Слово о ведрѣ и казняхъ Божіихъ.

Не всякъ бо, рече, глаголай мнѣ: Господи, Господи въ нидеть въ царство небесное, нѣ творяі волю отца моего. Се же есть воля отца небеснаго чистота, въздержаніе отъ всего, пощение, милостыни, покаяніе.

Срезн. Свѣд. и зам. XXII, стр. 41.

Якоже ся общахомъ на святѣмъ крещеніи, рекоуще: отрицаемъ ся сотоны и всѣхъ дѣлъ его, и всѣхъ слоужбъ его, и всѣхъ злобъ его, яже выше слышасте, и общаемъся Единому Богу и т. д.

Тамъ же, стран. 42.

Настоящее изслѣдованіе обнаружило, такимъ образомъ, относительно состава «Слова о ведрѣ и казняхъ Божіихъ» слѣдующее: Во 1-хъ это произведеніе русское, но не вполнѣ оригинальное, а, по самому замыслу своему, компилятивное. Его авторъ прежде всего использовалъ славянскій переводъ Слова Григорія Богослова по случаю избіенія градомъ, взявъ оттуда сначала сноски на Священное Писаніе, при чемъ эти сноски дополнилъ, а послѣ привелъ и одинъ доподлинный отрывокъ Григорія Богослова, тоже пересказывающій текстъ Священнаго Писанія. Во 2-хъ, между текстами почерпнутыми изъ этого Слова Григорія Богослова авторъ разбираемаго нами поученія использовалъ еще какую-то проповѣдь, говорившую о праздничныхъ народныхъ забавахъ и призывавшую ходить по воскресеньямъ въ церковь. Въ 3-хъ, нашъ авторъ воспользовался и Словомъ Нѣкоего Христолюбца. Если я правъ, предположивъ, что именно у Григорія Богослова нашъ авторъ заимствовалъ ссылки на Іоіля, Исаяю, и Амоса, нѣтъ основаній сомнѣваться въ томъ, что ссылки на Апостола явились подъ вліяніемъ знакомства со Словомъ нѣкоего Христолюбца, и отсюда же взята и фраза напоминающая крещенымъ, что они общались служить Богу и отрелись отъ Сатаны.

«Слово о ведрѣ и казняхъ Божіихъ» уже существовало, когда возникалъ Начальный Кіевскій Сводъ. Можетъ быть это поученіе было составлено и раньше¹⁾. Особенно если мы примемъ въ соображеніе, что въ лѣтописи оно вписано въ уже измѣненномъ видѣ, примѣненное не къ «скудости», а къ другому бѣдствію: нашествію иноплемениковъ, составленіе этой проповѣди можно отнести назадъ на нѣсколько лѣтъ. Отсюда мы получаемъ хронологическую дату для второго взгляда на язычество. Онъ усвоенъ въ серединѣ XI в., но нѣсколько моложе перваго.

¹⁾ Шахм. Раз. стран. 168, § 1145. На стран. 675 въ прим., нѣ стран. 520 строк. 17 и свѣд. А. А. Шахматовъ высказываетъ предположеніе, что Слово это было извѣстно уже въ 1050 году.

Въ немъ сказалось такое состояніе умовъ, которое свойственно христіанамъ уже завершившимъ борьбу съ язычествомъ; теперь идетъ рѣчь о томъ, чтобы все еще языческое міропониманіе исправить и христіанизировать.

То, что наши древніе книжники прежде всего извлекли изъ подобнаго взгляда, что казалось имъ наиболѣе важнымъ, это настоятельное требованіе отъ христіанина строго проведеннаго эгоцентрическаго взгляда на вселенную и при томъ глубоко оптимистическаго въ своей основѣ. Творецъ создалъ всю тварь «на работу» человѣку. Тварь должна служить. Она не сама по себѣ. Этимъ она подчиняется волѣ Творца. Никогда не выходитъ она изъ Его воли. Она послушнѣе человѣка. Завися всецѣло отъ своего Творца тварь, такимъ образомъ, лишь какъ бы отраженіе Его. Оттого человѣкъ долженъ думать только о Творцѣ, угождать только Ему и тогда благо ему будетъ, и на всякое благо послужить ему тварь. Въ трогательныхъ выраженіяхъ представлена эта метафизическая теорія въ «Словѣ св. отецъ о постахъ»:

«Како ны было не бояться Господа своего и не трепетали словесъ Его и не творити волю Его. А тотъ есть створилъ небо и землю, и море, и вся яже суть въ нихъ, и возма отъ земля створилъ ны есть тѣло, не токмож тѣло, и душу вдохнулъ и живыхъ ны створилъ есть. И видимыя створилъ, такожъ створилъ ангелы и архангелы, хѣрувими и сѣрафими и престоли господствія, слнце и мѣсяцъ, звѣзды, езера и рѣки, источники, вся горы и холмы, вѣтры и снѣзи, дожди, скоти и звѣри, и птица, и гады, и всяко древо земное. И то все Бога боиться и трепещетъ и не преступаетъ повелѣнія его, но все то в уставѣ своемъ стоитъ, работая человѣчеству, не преступая повелѣнія Его: земля даетъ плоды своя наслѣдъ человѣкомъ, жита и траву, древа, цвѣты, плоды всякаго овоща земного, на потребу намъ и на снѣдъ скотамъ, и звѣремъ, птицамъ, и гадамъ, всему земному дыханію. Свѣтъ же, освѣщая землю, творя повелѣнія Божія; слнце, осияя и грѣя вся отъ земля, восходя и заходя и работая человѣкомъ, все творя повеланія Божия и не преступая заповѣди Его; также луна и звѣзды, стражюще всю ночь, восходя и заходя и свѣтъ для человѣкомъ, показующе всѣмъ шествующимъ путь (по) морю, по рѣкамъ, по озерамъ... Такожъ и море творить и озера, и рѣки, и источники, работающе человѣкомъ: овѣхъ взяще въ кораблѣхъ вѣтры повелѣніемъ Божиимъ изъ града въ градъ, пути творяще черезъ море, носяще в лодьхъ, въ челихъ лѣте, а зимѣ на возѣхъ; напоюще водами, кормяще рыбами всякими, омывающе насъ; тако намъ работаютъ, боящися Творца своего; такожъ и огонь творить, повинуюся Господеву, работая человѣкомъ: грѣя и варя, пека, зноя, суша, суша; все творя на потребу намъ. Аще ли не повелитъ Господь чего творити, то все стоитъ во уставѣ своемъ, не смѣя ничтожъ сотворити. Аще ли чему повелитъ Господь, что створити, то створитъ, но по Божию повелѣнію и по суду Его, а себѣ ничтоже не смѣетъ створити, ни земля, ни море, ни озера, ни рѣки, ни источники, ни кладези, ни горы, ни пропасти, ни огонь, ни звѣрь, ни гады, ни рыбы, ни мрази, ни снѣзи, ни вѣтры, и никакая тварь»¹⁾.

¹⁾ «Слово св. отецъ о постахъ»; см. Пономарева. Пам. древне-русской учительной литературы. С.-Пб. 1894—98 гг. III, стран. 59—60; все это мѣсто принадлежит какой-то вставкѣ, а не первоначальному тексту.

Всю эту выдержку я привелъ цѣликомъ, чтобы показать какъ тщательно перечислялъ древне-русскій книжникъ явленія природы. Ничего нельзя было забыть. Малѣйшее отступленіе могло быть истолковано такъ, что, значить, не все «въ уставѣ своемъ стоитъ» и не все «боится Творца», а отсюда на эти независимыя, не подчиненныя великому единству, отдѣльныя явленія возможно воздѣйствіе помимо Бога. Христіанинъ же долженъ помнить, что и на вѣшнюю природу, чтобы она дѣйствительно «работала на пользу», можно вліять лишь благочестіемъ. «А на ино ни на что же не надѣется — говорить «Поученіе правыя вѣры» — но только на добрыя дѣла»¹⁾.

Для полноты пониманія обоихъ взглядовъ древне-русскихъ книжниковъ на язычество необходимо имѣть въ виду, что оба они тѣсно связаны съ метафизическими системами, боровшимися между собою въ предѣлахъ самого христіанства среднихъ вѣковъ. Манихейскій дуализмъ еще живъ. Онъ возрождается въ ученіи богомиловъ, тоже склонныхъ считать Сатану создателемъ части видимаго міра, т.-е. части природы. И вотъ первый изъ очерченныхъ взглядовъ на язычество, поскольку въ немъ содержится также дуалистическій принципъ, т.-е. борьба съ язычествомъ представляется борьбою противъ злого духа, носителя злого начала, какъ будто ближе стоитъ къ манихейскому дуализму, чѣмъ къ православному единству. Напротивъ признаніе того, что служеніе твари, а не Творцу — главный признакъ язычества исходитъ изъ представленія вполне православнаго; когда Уставъ Бѣличевскій проклинаетъ всякаго, кто «всея твари видимыя и не видимыя не мнитъ Богомъ сотворена», онъ, конечно, имѣлъ въ виду и богомиловъ и, можетъ быть, даже больше ихъ, чѣмъ язычниковъ.

Намъ всего важнѣе то, что при этомъ обѣ точки зрѣнія должны были быть сохранены. Ни одна изъ нихъ отнюдь не могла быть отброшена всецѣло и въ то же время каждая возбуждала по своему тревогу ума, такъ какъ обѣ онѣ вызвали трудности и помимо отношенія къ богомильству. Наши памятники отражаютъ сильное умственное волненіе. Мысль напряжена. Умъ мятется. Обойти молчаніемъ эти затрудненія и сомнѣнія нашихъ древнихъ книжниковъ значило бы отклонить отъ себя попытку вдуматься въ смыслъ и значеніе тѣхъ препятствій, какія стояли передъ ними въ дѣлѣ христіанскаго воспитанія Руси.

Если встать цѣликомъ на точку зрѣнія язычества, какъ служенія бѣсамъ и помимо того, что этимъ вызывается представленіе дуалистическое, въ такомъ признаніи заключается какое-то оправданіе язычества. Вѣдь тогда какъ бы устанавливается какая-то таинственная сила, нечестивая и ужасная, но все-таки сила. Согласно манихейскимъ представленіямъ она даже создала изъ ничего часть природы. Тотъ, кто служитъ бѣсамъ, готовитъ себѣ гибель вѣчную. Проповѣдникъ могъ угрожать ему всѣми казнями преисподней. Онъ могъ говорить, что злой духъ коваренъ и поюгая здѣсь на землѣ, послѣ смерти возмѣщаетъ сторицею все, что дано имъ, и того, кто отдался ему, ждетъ вѣчная мука. Но для людей еще не укрѣпившихся въ вѣрѣ

¹⁾ «Поученіе правыя вѣры». Пономарева. Пам. III, стран. 24.

въ вѣчную жизнь этого мало. Имъ надо было показать гибельность ихъ нечестія въ посюсторонней юдоли. Надо было отстаивать, что служеніе бѣсу невыгодно, что совершенно тщетно возлагать на бѣсовъ надежду. Вотъ такія мысли мы и находимъ разсѣянными въ нашей лѣтописи. Онѣ вовсе не размышленія, вошедшія туда случайно. Чтобы понять взгляды нашихъ книжниковъ на отживавшее язычество, ихъ надо не только отмѣтить, но и осмыслить. Такъ очень важнымъ проливающимъ свѣтъ и на интересующій насъ въ этомъ изслѣдованіи вопросъ, представляется мнѣ замѣчаніе лѣтописца, вставленное въ статью 1015 года послѣ перечисленія слугъ Святослава, убившихъ князя Бориса. «Сици бо слугы бѣси бывають — говоритъ Лѣтопись — бѣси бо на зѣлое посылаеми бывають, а ангели на благое. Ангель бо чловѣку зѣла не сѣтворяетъ, нѣ благое мыслить ему всьгда, паче же хрѣстіаномъ помогаетъ и заступаеъ отъ супротивнаго діавола; а бѣси на зѣлое всьгда лоятъ, завидяще ему, понеже видятъ чловѣка Богѣмъ польщена, и завидяще ему на зѣло сълеми скорі суть»¹⁾. Безумень, стало-быть, тотъ, кто надѣется угодить дьяволу. Дьяволъ ничего не можетъ дать чловѣку, кромѣ злого. И не надо бояться діавола. Безсиленъ онъ передъ хрѣстіанскимъ Богомъ. Въ одной изъ статей о волхвахъ разсказывается о томъ, какъ какой-то новгородецъ обратился къ чюдскимъ волхвамъ, но они ничего не могли сдѣлать для него: онъ не снялъ съ себя креста²⁾. Значить, хрѣстіанину бѣсѣ не страшень. Крестъ спасаетъ. Надо было также унижить и освѣдомленность бѣса. Язычество воспитываетъ въ людяхъ вѣру въ прозрѣніе волхвовъ, которымъ сообщаютъ о будущемъ ихъ боги. Но лѣтописецъ замѣчаетъ: «Богъ единъ сѣвъѣсть помышления чловѣчская, бѣси же не сѣвъѣдають ничтъ-тоже; суть бо немощни и худі възорѣмъ»³⁾.

Но убѣдительнѣе всего показывало ничтожество бѣса и равныхъ имъ языческихъ боговъ ученіе о Творцѣ, Создателѣ всего видимаго и невидимаго. Православіе именно тутъ было гораздо категоричнѣе по отношенію къ язычеству, чѣмъ богомилство. И богомилство не признавало поклоненія твари, не допускало обоготворенія силъ природы. Приписывая въ своихъ сказаніяхъ о Мірозданіи совершеніе всего вещественнаго Сатанилу, или по другимъ, болѣе умѣреннымъ версіямъ того же сказанія, объявляя происхожденіе отъ него всего злого, противнаго чловѣку въ природѣ и не служащаго ему на пользу, оно представляло земное существованіе, какъ постоянную борьбу и звало побѣждать и преодолевать скверну и отца ея діавола⁴⁾. Мы, собственно, не знаемъ, какъ оно относилось къ язычеству. Прямыхъ свидѣтельствъ тутъ нѣтъ. Но трудно сомнѣваться въ томъ, что именно оно могло способствовать мнѣнію о язычествѣ, какъ о служеніи бѣсу. И бѣсѣ этотъ представлялся страшнымъ, неукротимымъ. Онъ подстерегалъ свои жертвы и неустанно губилъ ихъ. Оттого жизнь являлась какъ бы подвигомъ, и звалъ на него

¹⁾ Привожу текстъ по Шах. Раз. стран. 574.

²⁾ Тамъ же, стран. 602—603.

³⁾ Тамъ же, стран. 602.

⁴⁾ Богомилскія сказанія о мірозданіи, на основаніи трудовъ А. Н. Веселовскаго, разобраны мною въ Исторіи русской литературы. Москва, 1908 г., въ т. , «Народная словесность», подъ моей редакціей.

образъ героя, убившаго дракона, этотъ старинный образъ, болѣе древній, чѣмъ первыя слова христіанской проповѣди, воплотившійся въ легендѣ о Георгіи Побѣдоносцѣ, также болѣе старинной, чѣмъ Христово ученіе¹⁾. Господствующей церкви были ненавистны, какъ апокризъ, замѣняющій библейское ученіе о сотвореніи міра, такъ и эта мистическая напряженность, безпокойная и мрачная. Церковь не хотѣла трагедіи и не прекращающейся борьбы. Борьба должна быть кончена. Отцы церкви приучали къ свѣтлому взгляду на жизнь. Какъ ни бичевала проповѣдь грѣхи, она давала не только надежду, но утѣшительное и законченное ученіе. Зло искоренено съ крещеніемъ, настало время свѣтлое. Этотъ-то оптимизмъ и долженъ былъ унижить діавола и представить его ничтожнымъ, даже не подражателемъ Бога, какъ учило умѣренное богомилство, а испуганнымъ грѣшникомъ, падшимъ и жалкимъ, лишь исподтишка соблазняющимъ людей на злое.

Оптимистическій принципъ единства, однако, заключалъ въ себѣ еще большія трудности, и съ ними было не такъ легко справиться, какъ съ опредѣленіемъ языческихъ боговъ бѣсами.

Откуда зло? Какъ объяснить бѣдствія? Если въ мірѣ царить и властвуетъ лишь одно начало это — Добро, Благость, Милосердіе, то какъ объяснить себѣ, что не всегда тварь работаетъ на пользу человѣку, а зачастую оказывается источникомъ страданія и гибели. На эти вопросы отвѣчало какъ-будто бы вполне опредѣленно библейское ученіе о казняхъ Божіихъ. (Второзаконіе II, 13—12). Ученіе это, какъ мы видѣли, и легло въ основу «Слова о ведрѣ и казняхъ Божіихъ», которое мы находимъ приведеннымъ и въ лѣтописи. Тутъ самыя бѣдствія обращены на проповѣдь противъ игръ бѣсовскихъ и всего, что считалось переживаніемъ языческаго нечестія, по слову Исаи: «въ бѣдствіяхъ онъ искалъ Тебя; изливаль тихія моленія, когда наказаніе Твое постигало его». (26, 9). Слово говоритъ:

«Глаголетъ Господь... възницють мене зъли и не обрящють, всхотѣша бо ходити путемъ моимъ, нъ оуклонишася въ слѣдъ соуетныхъ бѣсъ и поклонишася тварьмъ роуку своею. До того ради затворяется небо, оволи зълѣ отвѣрзается, градомъ въ дѣжда мѣсто поушая, оволи сланою плоды оузнабляя и землю ведрѣмъ томя нашихъ ради зълѣбъ. Но аще ся прѣдѣреченныхъ всѣхъ зълѣбъ отвѣржемъ, то яко чадомъ своимъ подасть намъ вся прошенія и одаждитъ на ны дѣждь ранъ и позднѣ и напѣлнятся гоумна пшенице и прѣлѣются точила винная и елѣина и въздамы вамъ, рече, за лѣта яже поаша проузи и хроустове, сѣрне и оусѣница, сила бо моя великая»²⁾).

Этимъ библейскимъ наставленіемъ, фактъ существованія стихійныхъ бѣдствій получалъ объясненіе, не противорѣча оптимистическому единству мірозданія. Но уже въ тѣ отдаленныя времена положеніе: «а не ино ни на что же не надѣй-теся, но толико на добрыя дѣла», лежащее въ основѣ и «Слова о ведрѣ и казняхъ божіихъ» смущало сердца. «Слово о постахъ», изъ котораго выше была приведена длинная выдержка полная такого оптимистическаго воодушевленія, два раза повто-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Срезневскій. Свѣд. и зам., т. I, XXIV, стран. 39—40.

ряетъ эту фразу, «все то въ уставѣ своемъ стоитъ, работая человѣчу (естеству¹⁾)». Нѣтъ ли здѣсь въ этой фразѣ представленія о законахъ природы? Да, все могущество Божіе дѣлаетъ одного счастливымъ и другого посѣщаетъ бѣдствіемъ и печалью, но какъ объяснить то, что по самимъ законамъ природы неизмѣнно и для всѣхъ несетъ съ собою страданія и гибель.

Мы имѣемъ положительные свидѣтельства, что подобное сомнѣніе вкрадывалось и въ сердца тѣхъ, кто не давалъ увлечь себя болгарской сектой. Это сомнѣніе высказано въ одномъ изъ классическихъ, центральныхъ памятниковъ древне-русской духовной литературы. Что особенно важно, оно связываетъ наступленіе стихійныхъ бѣдствій съ возникновеніемъ сомнѣній у «нетвердыхъ вѣрою». Приписываемое митрополиту Иллариону «Слово о законѣ и благодати» восклицаетъ: «Не попускай на ны скорби и глади и напрасныхъ смертей, огня, потопленія, да не отпадутъ отъ вѣры нетвердія вѣрою»²⁾. Нетвердые въ вѣрѣ, конечно, новообращенные изъ язычества. Это подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что приблизительно въ то самое время, когда и это поученіе было вписано въ Лѣтопись, та же Лѣтопись сообщаетъ о возвратѣ къ язычеству подъ руководствомъ волхвовъ цѣлыхъ областей, что случается какъ разъ въ моментъ неурожая и голода³⁾. Другой памятникъ, гдѣ находится такое же сомнѣніе въ оптимистическомъ единствѣ, какъ основномъ принципѣ мірозданія, — славянской переводъ уже знакомой намъ проповѣди Григорія Богослова. Тутъ и находится разрѣшеніе трудной задачи, единственно возможное и не уклоняющееся для этого въ ересь. Не значить ли слишкомъ отступать отъ христіанскаго смиренія, ожидать чудесной заботливости Творца, Григорій Богословъ помнитъ это, говоря «избиеніи града». Это поученіе начинается такими словами: «Что есть о мнѣ великая ся тайна. Како по образу божію, бывъ, събъреніемъ растворенъ есть. Како же тварь си вся, видимая, въ работу ми бывъши да слоужитъ яко господоу своему, на мя вѣстаетъ. Покоушуся оубо въ малѣ съказати, аще възмогу что розоумѣти отъ непостижнѣхъ божіихъ судъ». Проф. Будиловичъ, издавшій древній переводъ поученій Григорія Великаго предполагаетъ по большей ясности языка этого мѣста, что это русская вставка. Во всякомъ случаѣ въ подлинникѣ такого начала Слова нѣтъ⁴⁾.

Представленіе о тайнѣ и непостижимости, вотъ, что, разрѣшаетъ, стало-быть, сомнѣніе о великомъ единствѣ дѣла Творца.

Различно, сообразно каждому изъ этихъ двухъ взглядовъ должно быть понято и то, что собственно имѣлъ предъ собою древне-русскій проповѣдникъ. Я разумѣю *двоествіе*. Вѣдь вовсе не съ язычествомъ вели борьбу наши проповѣдники. Приведенная выше формула: сначала принять крещеніе, а послѣ научиться творить волю Отца, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ этомъ. Если бы оно

¹⁾ Пон. Пам. III, стран. 60.

²⁾ Пономаревъ. Пам. I, стран. 78; объ этомъ произведеніи см. у проф. Голубинскаго, Ист. р. у. 12, стран. 841 и слѣд.

³⁾ Я разумѣю статьи о возстаніи волхвовъ. Шахматовъ. Разысканія, стран. 598—604 и 621; о времени записи этихъ событій, ст. стран. 424 и особенно 455—456.

⁴⁾ Будиловичъ. XIII, сл. Гр. Бог., стран. 229.

возникло, во всякомъ случаѣ, оно должно было немедленно исчезнуть при чтеніи нашихъ памятниковъ. Они все въ совершенно ясныхъ выраженіяхъ обращаются къ христіанамъ, и только къ христіанамъ. Значить, язычество упоминается лишь какъ какое-то возвращеніе назадъ. И я сознательно употребляю это выраженіе потому, что мы именно его и находимъ въ наиболѣе древнихъ памятникахъ, опредѣляющихъ смыслъ двоевѣрія. Выраженіе это принадлежитъ Ефрему Сирину. Онъ говоритъ: *ἐπιστρέφει εἰς τὰ πάλιν*, а его славянскіе переводчики: «возвращаться вспять»¹⁾ Вотъ, что такое по существу поведеніе тѣхъ, кто по слову «Хожденія Богородицы по мукамъ»: «крестьяне ся творяще словѣмъ тѣчию»²⁾. Таково — *двоевѣріе*, какого бы взгляда на язычество ни придерживаться.

Однако, если признать язычество служеніемъ бѣсамъ, то представленіе о двоевѣрїи окажется значительно шире. Оно обниметъ тогда рѣшительно все человѣческіе недостатки, потому что вѣдь всякій грѣхъ — наважденіе врага человѣческаго, а христіанство и есть освобожденіе отъ грѣховности и жизнь въ Богѣ. Но разъ основа язычества опредѣлена и категорически сказано, что язычество есть поклоненіе обоготворяемымъ силамъ природы, то какимъ образомъ, напримѣръ, запрещаемыя христіанамъ кровояденіе, употребленіе въ пищу удавлины «въ племени поятіе», т.-е. женитьбу съ состоящими въ родствѣ, и т. д. мы сочтемъ за двоевѣріе? Это также «возвращеніе вспять», потому что христіанство запрещаетъ все это, но это возвращеніе къ извѣстнымъ правамъ, а не къ самому язычеству, какъ къ формѣ религіознаго сознанія. Теорія, по которой язычество есть поклоненіе твари вмѣсто Творца, такимъ образомъ, не могла охватить всехъ фактовъ двоевѣрія безъ особенныхъ натяжекъ. Особенно огромный отдѣлъ двоевѣрія, что напряженно преслѣдуетъ проповѣдь въ глубокой древности и будетъ преслѣдовать до самыхъ временъ Петра Великаго: «народныя пѣсни и забавы, — ни въ коемъ случаѣ не подходятъ подъ опредѣленіе язычества, какъ служенія твари. Оттого такъ укоренилось это названіе «игры бѣсовскія», «пѣсни бѣсовскія». Если само по себѣ это названіе не даетъ права заключать о томъ, что именно бѣсовскимъ наважденіемъ представляется язычество, то теперь, разъ существованіе подобной теоріи въ сознаніи древнихъ книжниковъ удостовѣрено, этотъ терминъ «игры бѣсовскія» получаетъ смыслъ уже не только обще-ругательный; рядомъ съ другими указаніями, онъ можетъ-быть принять въ соображеніе. Выраженіе это извратилось, но позади его стоитъ цѣлая любопытная страничка литературно-церковной исторіи.

Преслѣдованіе игръ и пѣсенъ тамъ, въ Греціи, откуда пришло къ намъ христіанство, имѣло совершенно другой смыслъ. Христіанство объявило войну театральнымъ зрѣлищамъ, потому что они занимали слишкомъ большое мѣсто въ языческомъ міросозерцаніи и все еще, по далекой и угасавшей, но твердо укоренившейся традиціи, имѣли опредѣленное религіозное значеніе. Оттого ихъ было логично называть бѣсовскими игрищами, исходя изъ положенія: Діонисъ — бѣсъ. Такое отношеніе къ народнымъ игрищамъ было усвоено и славянскими книжниками, усвоено,

¹⁾ Срезневскій. Свѣдѣнія и Зам., т. I, I—V, стран. 30—31.

²⁾ Срезневскій. Древніе пам., «Изв. Ак. Н.», X, 4°, стран. 575.

не взирая на то, что у насъ никакой театральной традиціи не было. Когда въ нашихъ древнихъ проповѣдяхъ встрѣчаешь такія выраженія, какъ: «на позоры и игры упражняться», «дѣтя съ собою на позоры ведущи», «оу поганьскыя щюди ходити» и т. д., нельзя съ увѣренностью сказать, что это просто переводъ¹⁾. Но древніе проповѣдники наши, чтобы ихъ поняли, должны были представлять отношенія знакомыя. И вотъ они говорятъ о «бесѣдѣ», объ «улицѣ»²⁾, о пѣсняхъ, о плясаніи, о бубнахъ, свирѣляхъ, сопѣляхъ, гудцахъ, о скоморохахъ, гусяхъ и т. п. Все это уже понятно. Это народныя забавы. Связаны ли онѣ были съ язычествомъ такъ, какъ въ древней Греціи? Какое было ихъ отношеніе къ культу? На это у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ. Но еще у Ефрема Сирина наши книжники читали, что «дьяволъ зоветъ гуслими и плясци и пѣснями неприязнинами». И вотъ возникаетъ это представленіе объ искушеніи діаволомъ путемъ пѣсенъ и плясокъ, какое находится въ лѣтописномъ разсказѣ объ инокѣ Печерской лавры Исаакіи, замученномъ бѣсами, которые заставили его плясать подъ бубны, и сопѣли, и гусли³⁾.

¹⁾ См. выше, стран. 83—84.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Шахматовъ. Разысканія, стран. 594—595.

Къ исторіи Тмutorаканскаго камня.

Г. Н. Прозрителевъ.

Въ виду историческаго значенія извѣстнаго «Тмutorаканскаго камня» будетъ не лишнимъ еще разъ привести обстоятельства, при которыхъ онъ былъ найденъ, и мѣсто, гдѣ онъ впервые находился.

Исторія Тмutorаканскаго княжества, къ сожалѣнію, остается до сихъ поръ мало разработанной и даже самое мѣсто его нахожденія многими оспаривается, какъ и самое существованіе княжества.

Когда былъ найденъ «Тмutorаканскій камень», то онъ послужилъ неопровержимымъ доказательствомъ, какъ самаго существованія Тмutorакани, такъ и указаніемъ на мѣсто, гдѣ было расположено это княжество.

Извѣстно, что княжество это лежало на берегу Азовскаго моря въ предѣлахъ нынѣшней Кубанской области и, главнымъ образомъ, бывшаго Войска Черноморскаго.

Только путемъ раскопокъ можно бы установить топографію этого княжества, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ на мѣстѣ не было сдѣлано подобныхъ изслѣдованій.

Даже не обследованъ и архивный матеріалъ, и возможно, что въ дѣлахъ бывшаго Таврическаго губернатора и Екатеринославскаго Намѣстничества, въ городахъ Керчи, Еникале и Феодосіи и въ дѣлахъ, относящихся ко времени поселенія Черноморскаго Войска (бывшихъ Запорожцевъ), найдутся какія-либо свѣдѣнія о разныхъ находкахъ вблизи Тамани, въ Фанагоріи и окрестностяхъ, могущія дать указанія на прошлую жизнь этого края.

Судя по нѣкоторымъ даннымъ въ этой мѣстности было много предметовъ древности, но къ сожалѣнію ихъ постигла обыкновенная участь такихъ находокъ: ихъ разбивали или употребляли на постройки.

Такая судьба могла постигнуть и «Тмutorаканскій камень», если бы не случайность, которой и обязаны мы сохраненіемъ этого высокой важности нѣмого свидѣтеля прошлаго.

Цѣнность камня этого,—который представляетъ мраморную плиту или вѣрнѣе небольшой мраморный столбъ,—заключается въ двухстрочной надписи, высѣченной на немъ славянскими буквами: въ лѣто 6576 ині 6 Глѣбъ князь мѣрилъ мо(ре) по леду отъ Тмutorакана до Кърчева 10000 и 4000 сяже(нь)¹⁾.

¹⁾ Годъ 6576 соотвѣтствуетъ 1068 году. Надпись воспроизводится по транскрипціи Срезневскаго «Славяно-русская палеографія», стран. 132.

Надпись эта являлась подтвержденіемъ указаній лѣтописи на княжившихъ въ Тмутаракани, князей, одинъ изъ которыхъ послѣ Мстислава и былъ Глѣбъ Святославичъ.

Въ началѣ XII вѣка Тмутаракань падаетъ и имя ея уже не встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ.

Мы не останавливаемся на подробностяхъ исторіи Тмутараканскаго княжества, такъ какъ въ настоящемъ сообщеніи имѣемъ намѣреніе познакомить только съ обстоятельствами находки камня.

Въ Ставропольскомъ Губернскомъ Архивѣ имѣется дѣло 1793 года, озаглавленное: «По предписанію Его Превосходительства Таврическаго губернатора и кавалера Семена Семеновича Жегулина о огражденіи извѣстнаго на островѣ Фанагоріи найденнаго и оттуда было бригадиромъ Пустошкинымъ взятаго камня¹⁾».

Изъ письма Таврическаго Губернатора Семена Семеновича Жегулина отъ 4 Іюля 1793 года къ вице-губернатору Карлу Ивановичу Габлицу видно, что камень этотъ найденъ былъ на островѣ Фанагоріи служителями I баталіона Таврическаго егерскаго корпуса при работахъ.

Оказавшаяся на камнѣ надпись обратила на себя вниманіе бригадира Пустошкина и онъ взялъ его съ мѣста находженія къ себѣ.

Когда было доложено объ этой находкѣ Екатеринѣ II, то послѣдовало Высочайшее повелѣніе немедленно перевезти камень на прежнее мѣсто, на то самое мѣсто, откуда онъ былъ взятъ, и оставить тамъ «впредь до указа».

Вокругъ камня повелѣно было сдѣлать приличное огражденіе, снять его мѣру и болѣе всего слова, на немъ находящіяся, въ точной ихъ величинѣ и почеркѣ, и рисунокъ этотъ доставить Государынѣ.

Предусмотрительная заботливость Императрицы спасла драгоценную находку и имѣвшуюся на ней надпись.

Объ этомъ Высочайшемъ повелѣніи Жегулинъ сообщаетъ Габлицу и проситъ его командировать въ Тамань кого-либо изъ чиновъ, а кошевого атамана Войска Черноморскаго арміи господина бригадира и кавалера Чепигу проситъ прислать рабочихъ людей и для охраны караулъ. Письмо помѣчено: Петербургъ, 4 Іюля 1793 года.

Чернового донесенія Екатеринѣ II и подлиннаго Указа, послѣдовавшаго вслѣдствіе этого донесенія, въ дѣлѣ нѣтъ, и дѣло начинается этимъ письмомъ Жегулина. Несомнѣнно, что эти бумаги хранятся въ Таврическомъ Архивѣ.

Во исполненіе этой Высочайшей воли «ради огражденія извѣстнаго камня, найденнаго на островѣ Фанагоріи», Габлицъ командируетъ архитекторскаго помощника Баженова, и даетъ ордеръ Войска Черноморскаго г. полковнику арміи премьеръ-майору Бѣлому и предписываетъ немедленно отправить на мѣсто, согласно изчисленія Баженова, 3¹/₂ куб. сажня камня, 75 возовъ глины и 15 возовъ песку. Въмѣстѣ

¹⁾ Дѣло 1793 года Августа 10 дня № 35 (прежніе №№ 76, 164, 16). Въ дѣлѣ 36 листовъ, нумерація которыхъ не измѣнялась, хотя дѣло расшито, но перенумерованныхъ листовъ именно 36, какъ и значится на обложкѣ.

съ этимъ дано было предписаніе Θεодосійскому городничему Лаушеву и земскому исправнику заготовить извести, желѣза и петель и сдѣлано распоряженіе объ отпускѣ на расходы 50 руб.

Обо всемъ этомъ подробно говорится въ ордерѣ Бажену и ему же предписывается снять рисунокъ съ камня и надпись «въ самовѣрнѣйшей точности и быть тамъ до окончанія огражденія».

Во время переписки, очевидно, явилась мысль какъ можно тщательнѣе сберечь камень и потому мы видимъ, что дается предписаніе Θεодосійскому городничему Лаушеву дополнительно доставить туда 1500 черепиць для устройства крыши Командируется еще землемѣръ Самбуловъ для точнаго снятія рисунка.

28 Августа того же года, какъ доноситъ городничій Лаушевъ, весь матеріалъ былъ отправленъ.

Между прочимъ представлена была слѣдующая смѣта:

«Смѣта примѣрная для постройки шатра надъ монументнымъ камнемъ, къ оному принадлежить съ полна матеріаловъ, именно: камня кубическихъ $3\frac{1}{2}$ сажня, глины 75 возовъ, песку 15 возовъ, на обѣлку стѣнъ извести $1\frac{1}{2}$ четверти, брусевъ вдоль стѣнъ и подъ крышу 4, длиной 6 аршинъ, толщиной 5 верш., брусевъ на стропилы 12, длиной 5 арш., толщиной 5 верш., брусевъ на поперечны и подпоры 8, длиной 3 арш., толщиной 4 арш., для кладки стѣнъ вмѣсто связей и на крышу рѣшетинъ 25, длиной 6 арш., толщиной $2\frac{1}{2}$ верш., досокъ для дверки 4, длиной 6 арш., шириной 6 верш., толщиной $1\frac{1}{2}$ вер., на крючья, петли, скобы, задвижки, желѣза 1 пудъ, гвоздей двутесныхъ 300 и черепицы 1500».

Интереснымъ документомъ является въ дѣлѣ рапортъ кошевого атамана Чепиги Жегулену. Въ немъ Чепига весьма характерно излагаетъ положеніе только что переселившихся въ новый край казаковъ, и говорить, что «хотя и слѣдовало исполнить бы предписаніе Ваше во исполненіе Высочайшей воли Ея Императорскаго Величества, ради построения ограды вокругъ камня, найденнаго на островѣ Фанаторіи, командировать рабочихъ и казаковъ для караула, но, какъ не безызвѣстно Вашему Превосходительству, ихъ новое переселеніе въ пустыя мѣста и позднее пришествіе сего лѣта отъ рѣки Днѣстра, такъ что едва ли успѣютъ для женъ и дѣтей на зиму землянки построить; многіе разѣхались по разнымъ мѣстамъ для покупки и прокормленія своихъ семействъ и состоящихъ на пограничной стражѣ казаковъ хлѣба. За Екатеринославскаго Намѣстничества и по сіе время не возвращены съ числа зимовавшихъ прошлую зиму; тутъ двѣ тысячи состоятъ при рѣкѣ Кубану отъ Лабынской линіи даже до Чернаго моря на бдительной стражѣ отъ набѣговъ закубанскихъ народовъ».

Небольшая часть остается для сбереженія казенной флотилии; а послѣдніе распущены для выводу своихъ семействъ на сію землю, пока еще не возвращались».

Дальше Чепига не забываетъ указать и на то, что казаки должны заработать себѣ на слѣдующую зиму одѣяніе и хлѣба, «ибо по Высочайшей грамотѣ сего Сентября по первое число дача указному провіанту приостановилась; по таковымъ обстоятельствамъ командировать крайне нѣтъ кого».

Въ заключеніе атаманъ просить освободить казаковъ отъ такихъ нарядовъ, «покудова они не исправятся всѣмъ нужнымъ, ибо и такъ казаки черезъ понесенные въ минувшую съ Портой войну подвиги и частію переселеніе до крайности разорились».

Рапортъ Чепиги подѣйствовалъ и приказъ о нарядѣ казаковъ былъ отмѣненъ, и, какъ видно изъ рапорта премьеръ-маіоръ Розенберга отъ 9 октября 1793 года, въ постройкѣ по огражденію принимали участіе мастеровые и рабочіе люди I Егерскаго баталіона съ 27 сентября по 6 октября, когда и была окончена работа по огражденію камня.

Приложена слѣдующая вѣдомость:

«Вѣдомость, учиненная Таврическаго егерскаго корпуса въ первомъ баталіонѣ о числѣ находившихся для построенія огражденія найденнаго на островѣ Фанаторіи камня мастеровыхъ и рабочихъ людей.

Октября 9 дня 1793 года.

Мѣсяцы числа	ч и с л о л ю д е й:			
	Каменщики.	Плотники.	Рабочіе.	Итого
27	5	3	8	16
28	6	3	7	16
29	6	3	7	16
30	6	3	7	16
3	6	2	8	16
5	6	3	7	16
Всего	35	17	44	96

Премьеръ-маіоръ Розенбергъ.

Въ уплату мастеровымъ денегъ за работу приложена росписка слѣдующаго содержанія: «Перваго егерскаго баталіона егери 17 человекъ работали домику 6¹/₂ дней, каждому въ день по 15 коп.—всего за всѣ дни слѣдуетъ всѣмъ на уплату денегъ 16 руб. 50 коп.

Приняты матеріалы отъ Баженова; гвоздей одностесныхъ — 50, пара петель съ крючками, доска четырехсаженная».

Такимъ образомъ была закончена установка ограды вокругъ камня и онъ поставленъ на мѣстѣ, гдѣ былъ впервые найденъ.

29 Марта 1795 года за № 128 войсковою судья арміи полковникъ и кавалеръ Антонъ Головатый доноситъ Жегулину: «Сдѣланный надъ мраморнымъ камнемъ съ надписью дѣяній князя Глѣба монументъ поставленъ отъ Тамани, безъ малаго на версту, близъ разрушеннаго фонтана, а потому между частными песчаными курганами и на самомъ низменномъ мѣстѣ, такъ что въ разсужденіи очень несквататаго туда растоянія, рѣдко кто и любопытствовать къ нему приходитъ, а по симъ обстоятельствамъ сузу я за способнѣе перенести оной монументъ къ выстроенной въ Таманѣ въ прекрасному саду каменной церкви и при оной выстроить тотъ монументъ не таковымъ планомъ, каковъ нынѣ есть тѣсенъ и внутри темной, но такъ, чтобы оной камень лежалъ по срединѣ онаго монумента на четырехъ столбахъ,

какъ бы на эшафотѣ, съ порядочною крышею откровенно, дабы всѣ надписи дѣяній князя Глѣба безтрудности любопытствовавшими видны были, при томъ же для его и ради церкви, единомѣстной карауль существовать можетъ, и такъ ежели сіе покажется пріятнымъ способомъ волѣ Вашего Превосходительства, покорно прошу резолюціей не оставить. «Войсковой Судья арміи полковникъ Антонъ Головатый.

8 Апрѣля Жегулинъ въ письмѣ къ Головатому изъяснилъ согласіе на переносъ камня и постройку новаго монумента и поручаетъ составить новый планъ земле-мѣру Самбулову.

17 Апрѣля 1795 года за № 215 тотъ же Головатый пишетъ Жегулину, «что для постановленія подъ оный камень столбовъ есть въ Еникале по берегу и другихъ мѣстахъ воинскими командами съ Тамани перевезенные разные *мраморные столбы и фигуры*, соотвѣтствующие древности, находящіеся безъ употребленія. Ежели для такого достопамятнаго дѣла возможно ихъ получить», то просить разрѣшеніе употребить ихъ на дѣло и прибавляетъ, что «онъ составилъ довлѣемый планъ для этого».

Какое послѣдовало распоряженіе Жегулина относительно этихъ «фигуръ» свѣдѣній въ дѣлѣ нѣтъ, хотя листы всѣ цѣлы.

По имѣющимся документамъ мы можемъ съ точностью установить, что камень былъ найденъ въ 1793 году внизу около разрушеннаго древняго фонтана въ одной верстѣ отъ Тамани, затѣмъ былъ перенесенъ къ церкви и надъ нимъ была сдѣлана ограда съ крышей подъ черепицей.

Затѣмъ камень этотъ, по свидѣтельству Ашика, былъ перенесенъ въ Керченскій музей, гдѣ онъ и былъ въ 1848 году, а нынѣ онъ хранится въ Петербургѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ нижнемъ этажѣ, въ комнатѣ вправо отъ входа и стоитъ у стѣны едва замѣтнымъ, благодаря плохому освѣщенію.

„Камень съ надписью дѣяній князя Глѣба“.

Л. Апостоловъ¹⁾.

Въ Ставропольскомъ архивѣ имѣется дѣло, относящееся къ 1793—1795 годамъ и заключающее въ себѣ чрезвычайно интересную подлинную переписку между таврическимъ губернаторомъ С. С. Жегулинымъ и войсковымъ судьей войска Черноморскаго (нынѣ Кубанскаго) Антономъ Головатымъ относительно найденнаго около Тамани камня, «который въ перепискѣ называется «камень съ надписью дѣяній князя Глѣба», а нынѣ онъ болѣе извѣстенъ подъ именемъ «Тмутараканскаго камня».

Переписка эта, помимо своего бытового интереса, имѣетъ большое значеніе въ смыслѣ рѣшенія вопроса о подлинности камня. Дѣло это устанавливаетъ съ несомнѣнностью слѣдующія данныя.

Камень былъ найденъ между 25 августа 1792 года²⁾ и началомъ 1793 года служителями 1-го баталіона Таврическаго егерскаго корпуса. Камень этотъ, повидимому, вскорѣ послѣ его нахождения былъ взятъ бригадиромъ Пустошкинымъ, жившимъ въ Тамани.

Объ этой находкѣ тотчасъ же было донесено въ С.-Петербургъ, и доложено Императрицѣ Екатеринѣ II, которая повелѣла немедленно взять камень отъ Пустошкина и перевести его на прежнее мѣсто назадъ, устроить надъ нимъ огражденіе снять съ него мѣру, и самое главное срисовать находящіеся на немъ слова «въ точной ихъ величинѣ и почеркѣ». 4 іюня 1793 года С. С. Жегулинъ дѣлаетъ распоряженіе о точномъ исполненіи воли Императрицы, при чемъ называетъ камень «извѣстнымъ камнемъ, найденнымъ на островѣ Фанагоріи»; отсюда видно, что надпись не была еще прочитана.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1793 года камень былъ взятъ обратно отъ Пустошкина, положенъ на прежнее мѣстѣ и около него сдѣлано приличное огражденіе, но надпись все еще была не прочитана, такъ какъ въ письмѣ Розенберга «онъ носитъ прежнее названіе извѣстнаго камня». Въ мартѣ 1795 года А. Головатый въ письмѣ къ Жегулину называетъ его уже «камнемъ съ надписью дѣяній князя Глѣба»; при чемъ, какъ видно изъ письма Головатаго, значеніе его было оцѣнено, и камень стараются сохранить (приставленіемъ къ нему караула), помѣстивъ его возможно ближе

¹⁾ Въ дополненіе къ докладу Г. Н. Прозрителева помѣщаемъ нижеслѣдующее сообщеніе Л. Апостола, присланное въ январѣ 1913 года, съ приложеніемъ копій съ дѣла о «каменѣ съ надписью дѣяній князя Глѣба».

²⁾ 25 августа 1792 года передовой отрядъ черноморцевъ подъ командою войскаго полковника Саввы Бѣлаго и въ сопровожденіи бригадира Пустошкина прибыли въ Тамань.

Редакторъ.

ИНСТИТУТЪ
НАСЛЕДІЯ

и удобнѣе, «дабы всѣ надписи дѣяній князя Глѣба безтрудности любопытствующимъ видны были», обставить его возможно красивѣе на «столбахъ и фигурахъ, соответствующихъ древности».

Изъ дѣла не видно, зачѣмъ бригадиръ Пустошкинъ взялъ камень? Но это обстоятельство объясняется очень просто и естественно. Бригадиръ Пустошкинъ былъ главнымъ начальникомъ мѣстнаго гарнизона. Отъ войскового начальства онъ не зависѣлъ, наоборотъ, онъ сопровождалъ первую партію черноморцевъ, значить былъ въ нѣкоторомъ родѣ начальникомъ надъ ними.

Камень нашли егеря, его непосредственные подчиненные, слѣдовательно вполне естественно, что Пустошкинъ взялъ камень для сохраненія, тѣмъ болѣе, что, какъ видно изъ дальнѣйшей переписки, процессъ расхищенія драгоценныхъ древнихъ памятниковъ шелъ очень усиленно, а караула поставить было нельзя вслѣдствіе малочисленности населенія.

Подлинная эта переписка, хотя и найдена въ Ставропольскомъ архивѣ, но повидимому принадлежитъ Кубанскому войсковому архиву, и до начала восьмидесятыхъ годовъ была тамъ, какъ объ этомъ можно заключить изъ сочиненія г. Короленка «Черноморцы», гдѣ (на стран. 43) приводится, хотя и не вполне точно, содержаніе прилагаемыхъ при семъ писемъ Л. Головатаго 1795 года.

Въ Ставропольскомъ архивѣ дѣло это было найдено г. предсѣдателемъ Ставропольской ученой архивной комиссіи Г. Н. Прозрителевымъ, который и написалъ о немъ выше приведенный докладъ. Теперь этотъ докладъ дополняется коніями съ подлиннаго дѣла.

По описи № 16.

№ 76.

Дѣло

№ 35.

По предписанію его превосходительства таврическаго губернатора и кавалера Семена Семеновича Жегулина о огражденіи извѣстнаго на островѣ Фанагоріи найденнаго и оттуда было бригадиромъ Пустошкинымъ взятого камня.

Августа 10 дня 1793 года.

На 36 листахъ.

Августа 10.

Предписать примеръ манору Бѣлому, землемеръ прапорщику Самбулову, архитекторскому помощнику Баженову. Дать ордеръ казначею Генбичеву и сообщить г-ну бригадиру и ковалеру Ченигѣ, равномерно предписать Феодосійскому городничему Лаушеву и феодосинскому исправнику
и Его превосходительству
Семену Семеновичу
писать.

Милостивый Государь мой

Карлъ Ивановичъ;

Ея Императорское Величество Высочайше Повелѣть Соизволила, чтобы извѣстной камень найденной на островѣ Фанагоріи и взятой оттуда господиномъ бригадиромъ

Пустошкинымъ перевезенъ былъ на прежнее мѣсто откуда взятъ и оставленъ тутъ былъ впредъ до указа, съ устройствомъ приличнаго въ округъ его огражденія и чтобы снята была его мѣра а боліе всего слова на немъ находящіяся въ точной ихъ величинѣ и почеркѣ; и рисунокъ сей дабы поднесенъ былъ Ея Императорскому Величеству. А поелику камень сей найденъ Таврическаго Егерскаго Корпуса 1-го баталіона служителями, то чтобы оной 1: подоставленіи его господиномъ бригадиромъ Пустошкинымъ которой о семъ уже предувѣдомленъ положенъ былъ и паки на томъ самомъ мѣстѣ, откуда взятъ. Писано отъ меня воинскому въ Тавридѣ начальнику господину генералъ порутчику и кавалеру Андрею Григорьевичу Розенбергу. Вашежъ высокородіе покорнѣйше прошу для здѣланія камню тому рисунка и огражденія командировать въ Тамань изъ чиновъ вштатѣ состоящихъ кого вы за благоразсудите предписавъ ему оточномъ исполненіи Высочайшаго Ея Величества Повелѣнія выше сего изображеннаго. Насей конецъ не оставте снабдить ево и потребною суммою денегъ; дабысть припостроеніи того огражденія, воиска черноморскаго кошевой атаманъ арміи господинъ брегадиръ и ковалеръ Чепига приказалъ отрядить потребованію посланного отвашего высокородія рабочихъ людей, атакже и для храненія камня караульныхъ. Сообщеніе мое къ нему г-ну бригадиру Чепигѣ, авнебытность его полковнику, арміи примеръ манору Бѣлому ордеръ присемъ препровождаю.

Имѣю честь быть съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію

Милостивый Государь мой
вашего высокородія
всепокорный слуга
Семень Жегулинъ.

Въ С.-Петербургѣ,
июля 4-го дня
1793 году.
г-ну вице Губерн. Габлицу.

Высокородному и Высокопочтенному Господину коллежскому Совѣтнику Таврической области вицѣ губернатору и ковалеру Карлу Ивановичу Габлицу.

Преміеръ маіора Розенберха.

Р а п о р т ъ.

На сообщеніе Вашего Высокородія отъ 13-го числа минувшаго сентября подъ № 811 покорнѣйшѣ симъ имею честь донести; надъ найденнымъ на островѣ Фанаторіи камнемъ, и взятымъ было Господиномъ Бригадиромъ Пустошкѣнымъ, по силѣ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества повеленія, приличное огражденіе, присланнымъ отъ вашего высокородія архитекторскимъ помощникомъ Бажановымъ построено; сколькоже изъ вѣвереннаго мне перваго егерскаго баталіона находилось для построенія онаго мастеровыхъ и рабочихъ людей минувшаго сентября

съ 27 по 6 число сего мѣсяца, учиненную ведомость при семъ вашему высокородію имею честь представить.

Преміеръ Маіоръ Христофоръ Розенберхъ.

№ 447.
Сентября 9-го дня
1793 года
бл: Тамань

Высокородному и превосходительному Господину Генералъ маіору Таврическому губернатору и кавалеру Семену Семеновичу Жегулину

Рапортъ.

Повелѣніе Вашего Превосходительства отъ 8-го за № 406 послѣдовавшее, і дозволяющее перенести монументъ надмрамурнымъ камнемъ снабженъ дѣяній князя Глѣба состоящиі нынѣ прифантажъ, къ новоооруженной въ Тамань церквѣ 16-го числа сего апреля получа; докладываю вашему превосходительству Что для постановленія подоной камень столбовъ есть въ Ениколѣ при берегу, идругихъ мѣстахъ, воинскими командами стамана перевезенные разные мрамурные столбы и фигуры соотвѣтствующіе древности, находящіеся безъ употребленія. Ежели бѣ для такова достопамятнаго дѣла возможно ихъ получить покорно Вашего превосходительства прошу отдать кому надлѣжитъ писать, и о послѣдующемъ меня резолюціею не оставить.

Адабы откомандированный Вашимъ Превосходительствомъ Господинъ Землемѣръ Санбуловъ вотъсудствіе мое по мнѣнію моему построение прицерквѣ въ сѣверныхъ воротахъ монумента здѣлалъ препроводилъ я фанаторійскому полковнику Господину секундъ маіору Бурносу довлѣемый тому мѣсту планъ.

Воісковій судія арміи Полковникъ и кавалеръ Антонъ Головат.

№ 215.
Апреля 17 дня
1795 года.
Екатеринодаръ.

Высокородному и превосходительному Господину Генералъ маіору, Таврическому Губернатору, и кавалѣру Семену Семеновичу Жегулину.

Рапортъ.

Вашему Превосходительству Честь имѣю доложить, что сдѣланной надмрамурнымъ камнемъ съ надписію дѣяній князя Глѣба монументъ, поставленъ отъ Тамани безъ малого на версту, близъ разрушеннаго фонтала, актому между частыми пѣщаными курганами, инасамомъ низменномъ мѣстѣ, такъ что вразсужденіи очень пѣсковатого туды разстоянія, рѣдко кто и любопытствовать к нему приходитъ;

Труды XV Съѣзда. Т. I.

а посимъ обстоятельствамъ сужу я заспособиѣ перенести оной монументъ къ выстроенной втаманѣ въ прекрасномъ саду каменной церкви, и при оной выстроить тотъ монументъ нѣтакимъ планомъ, каковъ нынѣ есть тѣсенъ, ивнутри темной; но такъ чтобы оной камень лежалъ по срединѣ онаго монумента на четырехъ столбахъ, какъ бы на ашафотѣ, съ порядочною крышею отъ кровено; дабы всѣ надписѣ дѣяній князя Глѣба безтрудности любопытствующимъ видны былѣ, притомже для его, и ради церкви, единомѣстной караулъ существовать можетъ, и такъ ежели сіе покажется пріятнымъ способомъ волѣ Вашего Превосходительства, покорно прошу резолюціею не оставить.

Воісковій судія арміи Полковникъ и кавалеръ Антонъ Головат.

№ 128.
Марта 29 дня
1795 года.
Тамань.

Тихвинскіе курганы.

А. Колмогоровъ.

Настоящій докладъ представляетъ краткій отчетъ о моихъ раскопкахъ кургановъ Тихвинскаго уѣзда Новгородской губерніи, произведенныхъ мной по порученію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества въ лѣтніе мѣсяцы 1910 и 1911 годовъ.

Поручая мнѣ это изслѣдованіе, Археологическое Общество имѣло въ виду хотя бы частично отвѣтить на поставленный XV Съѣзду вопросъ объ изученіи кургановъ Новгородской области. Отсюда нельзя дѣлать вывода, что курганы этой области, до этого, совсѣмъ не изучались. Наоборотъ, начиная съ пастора Толле, который еще въ 1710 году раскопалъ нѣсколько кургановъ около Старой Ладogi, мы можемъ назвать цѣлый рядъ изслѣдователей, которые посвятили не мало труда и времени изученію кургановъ Приладожья. Стоитъ только назвать имена Ходковскаго, Ушакова, Прохорова, Европеуса, графа Уварова, Бранденбурга, Спицына, Глазова и др. болѣе молодыхъ изслѣдователей. Но всѣ эти работы почти не коснулись Тихвинскаго уѣзда. Наиболѣе близко къ мѣсту моихъ раскопокъ подходятъ изслѣдованія Бранденбурга — на западѣ и Европеуса — на сѣверѣ.

Курганы, изслѣдованные мной, находятся въ сѣверной части Тихвинскаго уѣзда и всѣ не выходятъ за предѣлы Обонежской пятины Великаго Новгорода. Всего мной нанесено на карту 138 кургановъ, изъ которыхъ удалось раскопать 64 кургана: 26 — лѣтомъ 1910 года и 38 — лѣтомъ 1911 года. Остальные курганы были частью распаханы, частью испорчены кладоискателями. Курганы тянутся, главнымъ образомъ, по теченію рѣкъ: Тихвинки, Паши, Сяси, также по берегамъ нѣкоторыхъ озеръ. Рѣдко курганы встрѣчаются въ видѣ одиночныхъ сопокъ, чаще они собраны въ небольшія группы отъ 3 до 13 кургановъ. О происхожденіи кургановъ или, по-мѣстному, «сопокъ» среди мѣстнаго населенія не сохранилось никакихъ преданій. Только кой-гдѣ можно услышать, что здѣсь «паны проходили», или «литва хоронилась», хотя очень часто представленіе о курганахъ связано съ представленіемъ о кладяхъ. Для примѣра можно взять курганъ на берегу озера Тутока. Кладъ этотъ, по преданію, зарытъ отдѣльно отъ кургана. Чтобы отыскать его, нужно найти бродъ черезъ р. Тутока, дойти до камня въ видѣ лошадинаго сѣдла и взять «три поприща» въ полуденную сторону. Иногда съ курганами связывается какое-то

смутное религиозное представление. Такъ, около дер. Овино Сугоровской волости курганы чтутся очень высоко; они стоятъ между двумя святынями; съ одной стороны часовенка (рисункъ 38), а съ другой — огромная сосна «троеручица» съ крестомъ, очень чтимымъ окрестными крестьянами (рис. 39). Иногда, какъ, на примѣръ, въ Мелегежскомъ погостѣ, увѣряютъ, что видѣли, какъ на курганахъ ночью появляются огоньки и даже, бываетъ слышенъ тихій звонъ.

Рис. 38. Часовня близъ д. Овино.

озера «Тутока» расположены два кургана, одинъ — расплывчатой полушаровидной

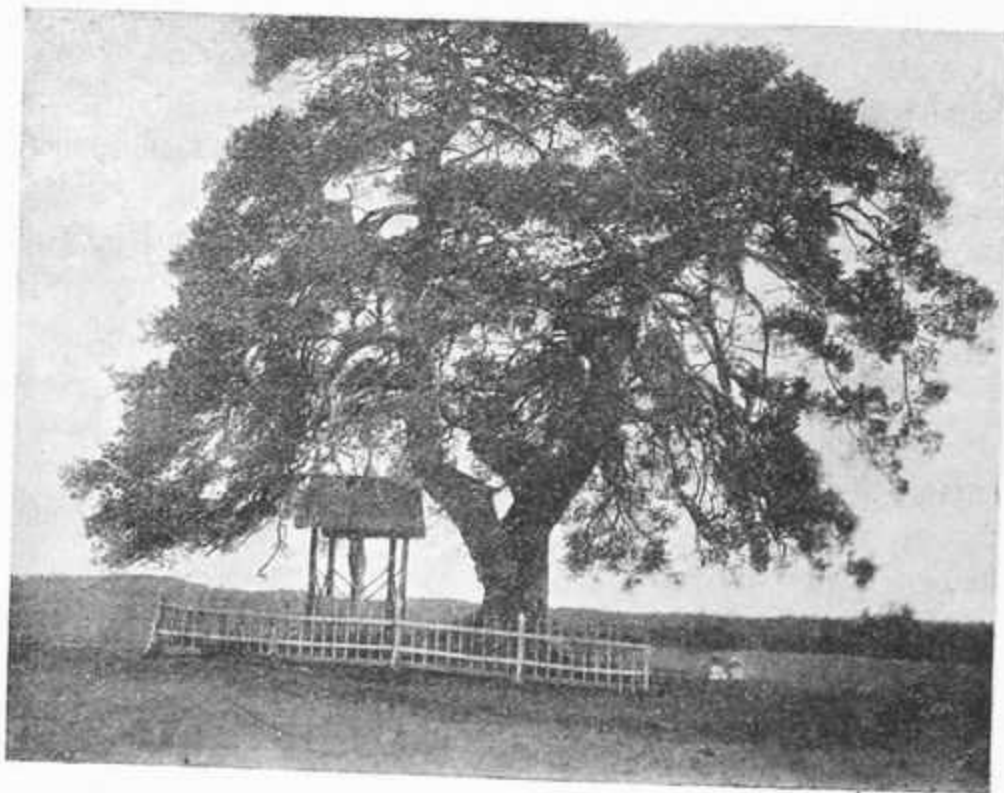

Рис. 39. Древняя сосна «троеручица».

формы въ 4 метра высоты и 82 метра въ окружности, заросшій густо листовымъ лѣсомъ. Сложенъ изъ темнаго песка. Раскопки обнаружили, что въ основаніи кургана, почти въ центрѣ его, на материкѣ, на тонкомъ слой песка и угля, разбросаны безъ всякаго видимаго порядка обожженные человѣческія кости. Среди нихъ — обломки глиняной посуды. Вещей никакихъ не обнаружено. Съ этимъ курганомъ связано у жителей, какъ говорилось

Обзоръ кургановъ мы начнемъ съ сѣвера. Въ 2 верстахъ отъ деревни Татаровой Борисовщинской волости на берегу

формы въ 4 метра высоты и 82 метра въ окружности, заросшій густо листовымъ лѣсомъ. Сложенъ изъ темнаго песка. Раскопки обнаружили, что въ основаніи кургана, почти въ центрѣ его, на материкѣ, на тонкомъ слой песка и угля, разбросаны безъ всякаго видимаго порядка обожженные человѣческія кости. Среди нихъ — обломки глиняной посуды. Вещей

выше, преданіе объ огромномъ кладѣ. Другой курганъ на разстояніи 6 метровъ, высотой — въ 2,5 метра, 56 метровъ въ окружности, — блюдцеобразной формы изъ темно-желтаго песка, слегка срезанъ съ восточной стороны, бывшей здѣсь повидимому, раскопкой. Въ основаніи кургана, на грунту, усѣяномъ крупными кусками угля, ближе къ южной сторонѣ, обнаруженъ костякъ, плохой сохранности, судя по челюсти — стараго субъекта, при чемъ голова его была покрыта берестой. Вещей никакихъ.

Въ 9 верстахъ отсюда, на берегу озера Кургалово, среди прекраснаго сосноваго лѣса, обнаружена группа кургановъ, числомъ семь, полушаровидной расплывчатой формы, съ легкими слѣдами ровиковъ по краямъ. Высота кургановъ колеблется отъ 1,5 до 2,5 метра, окружности отъ 19 до 42 метровъ. Сложены изъ темно-желтаго песка. Курганы все покрыты соснами значительныхъ размѣровъ (до 27 см. въ поперечникѣ). На грунту, на слоѣ затемненнаго песка обнаружены костяки, крайне плохой сохранности, разрушенные, повидимому, корнями сосенъ. Судя по фрагментамъ череповъ — два дѣтскихъ и одинъ стараго субъекта. Непосредственно надъ костяками слой песка имѣлъ примѣсь угля. Въ той же Борисовщинской волости, на берегу оз. Валгозеро раскопана группа кургановъ — числомъ 4, расположенные въ одну линію, параллельно берегу, съ промежутками около метра. Курганы отъ 0,5 до 1,5 метра высоты, по формѣ напоминали перевернутое блюдце, окружностью отъ 18 до 24 метровъ. У трехъ кургановъ плоскія вершины были выложены довольно значительными валунами и густо покрыты зарослями иванъ-чая. Во всехъ 4 курганахъ, на материкѣ, на грунтѣ, слегка зачерненномъ мелкимъ углемъ, обнаружено труположеніе, съ головами, обращенными на югъ. Первый костякъ, хорошей сохранности, длина 1652 мм., лежалъ съ руками, вытянутыми вдоль туловища. Около правой руки на уровнѣ тазовыхъ костей, лежалъ топоръ. Черепъ овальной формы съ замѣтной ассиметріей, съ сильно выдающейся затылочной областью. Зубы значительно стерты. Съ правой стороны въ височной области два отверстія: одно — маленькое, округлое, другое — побольше, овальное. Правая скуловая кость и наружный край глазницъ сломаны.

Второй костякъ, длиной въ 1626 мм., лежалъ въ томъ же положеніи, только голова была свернута на бокъ, и правая рука нѣсколько согнута. Около костяка — ножъ, который, повидимому, былъ вставленъ въ деревянную рукоятку. Длина лезвия — 9,5 см. Около головы довольно много крупнаго угля. Черепъ удлинненно-овальной формы, съ сильно развитыми подбровными дугами и мѣстомъ прикрѣпленія затылочныхъ мышцъ. Лѣвая сторона лица — повреждена.

Третій костякъ, длиной въ 1560 мм., лежалъ на мощномъ прочномъ слоѣ, головой на югъ; руки сложены на локтѣ. Черепъ округлой формы.

Четвертый костякъ болѣе нѣжнаго сложенія, длиной въ 1462 мм., съ черепомъ очень плохой сохранности, напоминающій дѣтскій или женскій.

Нѣсколько группъ кургановъ было встрѣчено въ Большедворской волости. Такъ, въ 6 верстахъ отъ деревни «Большой дворъ», въ 200 — 300 саж. отъ р. Тихвинки, на большой всхолмленной полянѣ, вблизи усадьбы лѣсопромышленника

Грамошинскаго, мной вскопано два кургана: одинъ — полушаровидной, крайне расплывчатой формы въ 136 метра въ окружности и 4,5 метра высотой, съ ясными слѣдами заплывшаго рва по основанію. Насыпанъ изъ темно-желтаго песка и плотно задернованъ. На глубинѣ 2 метровъ обнаруженъ толстый слой угля и въ немъ черепъ и др. кости лошади и обломки глиняной посуды. Въ основаніи сопки на материкѣ, на насыпномъ слоѣ бѣлаго песка, толщиной до 3 стм., обнаруженъ костякъ, лежащій въ вытянутомъ положеніи съ головой, обращенной на востокъ. Лѣвая рука лежала вдоль туловища, а правая — откинута въ сторону. Вещей никакихъ не было. Длина костяка — 1660 мм. Черепъ поврежденъ: сломано основаніе и скуловые кости; онъ удлинненно-овальной формы, съ заостренной затылочной областью, съ сильно развитыми надбровными дугами и покатымъ назадъ лбомъ.

Сосѣдній курганъ былъ на разстояніи 8 метровъ и имѣлъ болѣе округлую форму (окружность 89 метровъ, высота 3 метра), сложенъ также изъ темно-желтаго песка. На материкѣ, въ слоѣ пепла, лежалъ костякъ, длиною 1638 мм., головой на югъ, руки обѣ были вытянуты вдоль туловища; около головы лежалъ бронзовый подвѣсокъ въ видѣ маленькой уточки, длиной 2,5 стм. Черепъ шестиугольной формы, съ сильно развитыми теменными буграми и крайне низкимъ лбомъ. Основаніе черепа и лицевой части сломаны.

Въ 5 верстахъ отсюда, вблизи р. Рядани, среди топкой, болотистой мѣстности, заросшей еловымъ лѣсомъ, были вскрыты три сопки: одна — густо покрытая лѣсомъ, двѣ другія — только задернованы; всѣ по основанію были выложены камнемъ (мелкими валунами).

Первый курганъ, высотой въ 5 метровъ и 92 метра въ окружности, имѣлъ почти правильную форму перевернутаго колокола; въ основаніи кургана, на материкѣ, на толстомъ пепельномъ слоѣ, среди крупныхъ кусковъ угля, лежало нѣсколько кучекъ обожженныхъ костей, топоръ въ видѣ сѣкиры, съ золотой инкрустацией и подвѣски въ видѣ баранчика. Второй курганъ высотой — въ 3,5 метра, а въ окружности — 116 метровъ. Сложенъ онъ былъ изъ свѣтло-желтаго песку. При раскопкахъ, на глубинѣ 1,5 метра, обнаружена была сковорода и пряжка, на крупныхъ кускахъ угля, а на затемненномъ слоѣ почвы лежало нѣсколько кучекъ обожженныхъ костей, безъ всякаго видимаго порядка. Среди нихъ подвѣсокъ-уточка. Третій курганъ высотой 1,5 метра, расплывчатой, полушаровидной формы, 86 метровъ въ окружности. На грунтѣ, среди пепла и угля, обнаружено двѣ кучки обожженныхъ костей. Вещей никакихъ.

Дальнѣйшія раскопки были произведены около деревни Овино Сугоровской волости, недалеко отъ впаденія р. Тихвинки въ р. Сясь. Здѣсь находятся нѣсколько группъ кургановъ: около самаго селенія — 4 кургана, въ «Заручевѣ» (такъ называются мѣстности по правую сторону ручья, дѣлящаго селеніе на двѣ части) — 8 кургановъ. Въ 2¹/₂ верстахъ отъ деревни въ мѣстности «Сладкій боръ» — 13 кургановъ; въ 7 верстахъ отъ селенія въ мѣстности, называемой «Горбиничи» — 7 кургановъ и по другую сторону Овина, въ мѣстности «Высокая нива» — 9 кургановъ. Прежде всего обследованы были 4 кургана, расположенные за деревней, вблизи проѣзжей

дороги. Они имѣли видъ расплывчатыхъ, полушарообразныхъ сопокъ, высотой отъ 1,5 до 2,5 метровъ, задернованы, и на одномъ росли двѣ небольшія березки. Во всѣхъ курганахъ на материкѣ среди щепа и крупнаго угля, обнаружены костяки очень плохой сохранности, такъ что трудно было возстановить ихъ размѣры. Вещей при костякахъ никакихъ не было, только обломки глиняной посуды. По другую сторону деревни Овино, по берегу небольшого ручья, впадающаго въ р. Тихвинку, тянется рядъ сопокъ (всего 9), которыя, къ сожалѣнiю, почти всѣ испорчены кладочисателями. Нетронутымъ оказался одинъ курганъ, который и былъ раскопанъ. Онъ представляетъ огромную сопку, полушарообразной формы въ 8 метровъ высоты и 178 метровъ въ окружности. На нѣсколько осѣвшей вершинѣ росла одинокая полусохшая береза. На глубинѣ 3 метровъ обнаруженъ былъ костякъ, головой на югъ, руки были сложены у лобка, голова повернута на бокъ; длина скелета — 1580 мм. Никакихъ вещей, никакихъ слѣдовъ угля при костякѣ не было. На материкѣ, въ основанiи кургана много крупнаго угля и щепа и среди нихъ глиняные черепки и топоръ.

Въ 7 верстахъ отъ Овино, недалеко отъ впаденiя р. Тихвинки въ Сясь, повидимому, на берегу заросшаго теперь озера, среди довольно густаго смѣшаннаго лѣса, въ мѣстности, называемой «Горбиничи» обнаружено было 7 кургановъ. Одинъ, большой въ видѣ значительной конической сопки, высотой въ 8 метровъ и 98 метровъ въ окружности, былъ выложенъ по основанiю крупными камнями (валунами), приблизительно, высотой до 1 метра. Насыпанъ изъ темно-желтаго песка; на глубинѣ 2 метра отъ поверхности (вершины) появился слой, содержащiй значительные куски угля, и вскорѣ на этомъ же уровнѣ, занимая центральное положенiе, обнаруженъ былъ горшокъ, обложенный по бокамъ крупными камнями и содержащiй какiе-то органическiе остатки, смѣшанные съ пескомъ, и сожженныя человѣческiя кости. Въ основанiи кургана лежалъ значительный слой щепа, кусочки угля и масса обломковъ камня, значительно законченныхъ, и среди угля топоръ, ножъ и остатокъ коня, — все со слѣдами дѣйствiя огня. На разстоянiи 10 метровъ находится другой курганъ, низкiй, полушаровидной формы, всего 1,5 метра высоты и 86 метровъ въ окружности. По основанiю онъ также былъ выложенъ валунами. До уровня этой каменной обкладки кургана былъ снятъ весь, но ничего обнаружено не было. При дальнѣйшей раскопкѣ обнаружено, что и внутри кургана, по матерiku, идетъ каменная грядка, пересѣкающая курганъ почти на два правильныхъ четырехугольника. Въ каждомъ четырехугольникѣ оказалось по костяку. Оба въ одинаковыхъ позахъ, головами на югъ; одна рука, правая, лежала на груди, а лѣвая была поднята до уровня головы. На рукахъ — браслеты; на одномъ костякѣ узкiй браслетъ на лѣвой рукѣ и широкий — на правой; на второмъ скелетѣ только одинъ широкий браслетъ, на правой рукѣ. Въ ушахъ серьги. У одного костяка лежало нѣсколько колецъ около шеи.

Длина одного костяка — 1450 мм. По зубамъ, толщинѣ костей и общей конфигурациѣ черепъ принадлежалъ молодому субъекту и, вѣрнѣе всего, женщинѣ. На тазовыхъ костяхъ, снаружи, плотно къ нимъ прижатымъ, лежалъ наконечникъ

желѣзнаго копья. Другой костякъ, длиной 1485 мм. Голова была повернута на юго-востокъ. Черепъ сильно вытянутый и сжатый съ боковъ, очень плохой сохранности. Въ височной части значительный проломъ. Около шеи нѣсколько стекловидныхъ бусинокъ.

Въ 50 шагахъ отъ этого кургана расположенъ второй овальной формы въ 2,5 метра высоты. По основанію, мѣстами, выложенъ небольшими известняковыми камнями. Раскопки обнаружили трупосожженіе. При чемъ въ подошвѣ кургана, на затемненномъ слоѣ, стоялъ маленькій горшечекъ съ пережженными костями и однимъ зубомъ (кореннымъ). Около лежала маленькая бронзовая ложечка со слѣдами золотой инкрустации, а нѣсколько поодоль, — одинъ бубенчикъ на короткой цѣпочкѣ.

Слѣдующій курганъ, въ 128 метровъ въ окружности и 5 метровъ высоты, былъ густо покрытъ хвойнымъ лѣсомъ и плотно обложенъ плитами по основанію. На глубинѣ 2 метровъ отъ поверхности, среди крупнаго угля, обнаружено три костяка, лежащихъ рядомъ съ головами, обращенными на сѣверо-востокъ; руки были вытянуты вдоль туловища; судя по черепамъ, костяки принадлежали молодымъ субъектамъ или, можетъ-быть, молодымъ женщинамъ; при нихъ найдены бусы и браслеты. Дальнѣйшія раскопки обнаружили на грунтѣ еще костякъ довольно хорошей сохранности 1654 мм. длиной; голова была обращена на югъ. Руки сложены у лобка. Судя по черепу и топору, лежащему въ головахъ, — костякъ мужской.

Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ курганѣ этой мѣстности, стоящемъ особнякомъ. Лежитъ онъ среди густого еловаго лѣса, окруженъ ясно выраженнымъ ровикомъ и обложенъ каменной окладкой по основанію. Костякъ, обнаруженный въ основаніи кургана, имѣлъ своеобразное положеніе. Онъ лежалъ на лѣвомъ боку, съ согнутыми ногами. Голова обращена на юго-западъ. Лѣвая рука вытянута вдоль туловища и покрыта имъ, а правая — отведена въ сторону.

Нѣсколько группъ кургановъ было встрѣчено по теченію р. Сяси. Раскопано изъ нихъ 24. Именно: въ предѣлахъ Сугаровской волости въ усадьбѣ М. Н. Буткевича три кургана, на берегу Сяси, вблизи Ильинскаго погоста, 9 кургановъ и въ 2 верстахъ отсюда небольшая группа въ 4 кургана. Затѣмъ въ предѣлахъ Костринской волости вблизи усадьбы г-жи Лесницкой раскопано было 4 кургана и въ 3 верстахъ отсюда, противъ деревни Овинцево, еще 4 кургана.

Первыя три группы кургановъ расположены вблизи самаго берега рѣки и даже отчасти (въ имѣніи Буткевича) размыты весенними водами. Всѣ они небольшихъ размѣровъ съ максимальной высотой въ 4,5 метра, насыпаны изъ мелкаго желтаго песка и слабо задернованы. Нѣкоторые покрыты незначительнымъ лѣсомъ. Всѣ курганы съ трупосожженіемъ. Слѣдуетъ выдѣлить только одинъ (около Ильинскаго погоста), гдѣ обнаружено было два слоя угля. Одинъ, какъ и у всѣхъ остальныхъ, въ подошвѣ кургана, а другой на глубинѣ 1,5 метра съ поверхности; при чемъ на этомъ угольномъ слоѣ найдены были разбросанныя въ безпорядкѣ желѣзныя скрѣпы для лодокъ и значительное количество костей различныхъ животныхъ.

Курганы около усадьбы Лесницкой, наоборотъ, оказались довольно разнообразными по типу погребеній. Такъ, въ первомъ курганѣ отъ усадьбы было обна-

ружено трупосожженіе. Курганъ этотъ былъ не совсѣмъ обычнаго типа: форма его была конусообразная, съ закругленной вершиной; окружность въ 138 метровъ. Высота 5,5 метра. Насыпанъ изъ темно-желтаго песка съ большою примѣсью угля, большіе куски котораго встрѣчаются уже на глубинѣ нѣсколькихъ сантиметровъ съ поверхности. На глубинѣ 1,5 метра обнаруженъ былъ горшокъ, а въ немъ среди темной органической массы, смѣшанной съ углемъ, лежало нѣсколько распавшихся костей.

Второй курганъ этой группы былъ блюдцеобразный, расплывчатой формы въ 3,5 метра высоты. Сложенъ изъ свѣтло-желтаго песка и окруженъ замѣтнымъ ровикомъ по основанію. На вершинѣ лежалъ небольшой известковый камень. На глубинѣ 1,5 метра съ поверхности обнаружено было трупосожженіе, судя по остаткамъ черепа и зуба молодого субъекта, лежавшимъ на слоѣ крупнаго угля. А въ основаніи кургана на грунтѣ лежалъ костякъ женщины, богато одѣтый и хорошо сохранившійся. Лежалъ онъ на пепельномъ слоѣ, на спинѣ, съ нѣсколько приподнятой головой, обращенной на югъ; руки вытянуты вдоль туловища. Ноги плотно сдвинуты пяточными костями. На шеѣ надѣта бронзовая шейная гривна, въ ушахъ серьги, на правой рукѣ змѣвидный, въ три кольца, браслетъ изъ бронзовой проволоки, а на груди около праваго плеча большая бронзовая пряжка. Въ ногахъ скелета стоялъ маленькій изящный горшечекъ.

Вторая группа кургановъ этой мѣстности расположилась на высокомъ берегу Сяси, противъ деревни Овинцево. Здѣсь расположились дугообразной цѣпью 6 кургановъ. Самый малый имѣлъ 96 метровъ въ окружности и 2,5 метра высоты; самый большой (въ центрѣ) — 168 метровъ въ окружности и 5 метровъ высоты. Въ первомъ курганѣ, на грунтѣ, на угольно-пепельномъ слоѣ, лежалъ костякъ, плохой сохранности, съ головой, обращенной на югъ, которая покоилась на подстилкѣ изъ древесной коры, положенной поперекъ кургана и слегка обожженной. Въ ногахъ, на полметра выше костяка, обнаруженъ горшокъ, обложенный крупнымъ углемъ. Во второмъ курганѣ, на грунтѣ, костякъ, головой на югъ; плохая сохранность мѣшала опредѣленію роста и пола скелета, но судя по зубамъ, онъ принадлежалъ старому субъекту. Скелетъ лежалъ на спинѣ; правая рука покоилась у лобка, а лѣвая — была вытянута вдоль туловища, и у этой руки, около тазовыхъ костей, лежали двѣ пряжки и браслетъ, покрытые корою.

Третій курганъ былъ нѣсколько поврежденъ съ сѣверной стороны незначительной выемкой, но, къ счастью, не глубокой. Сложенъ онъ изъ мелкаго свѣтло-желтаго песка, слабо задернованъ и съ ясными слѣдами ровика по основанію. На глубинѣ 2 метровъ отъ поверхности, на слоѣ крупнаго угля, смѣшаннаго съ золой, обнаружено два дѣтскихъ костяка (1360 (?) и 1240 (?) мм.) плохой сохранности, лежащихъ на спинѣ, съ руками, вытянутыми вдоль туловища, съ головами, обращенными на юго-западъ. Въ ногахъ у каждаго стояло по горшку, наполненному какой-то угольно-песочной массой. Дальнѣйшая раскопка обнаружила на грунтѣ еще три дѣтскихъ скелета, въ томъ же положеніи, лежащихъ на слоѣ очень крупнаго угля. У средняго костяка въ ногахъ былъ не одинъ, какъ у всѣхъ, а два горшка, и на немъ были одѣты синія мелкія бусы. Около крайняго скелета

(восточнаго) лежали ухвертка и два колокольчика. Слой угля продолжался на глубинѣ около 18 см., и въ немъ обнаружена сковородка и желѣзная лопатка. Остальные курганы не представляютъ большого интереса, и мы на нихъ не будемъ останавливаться.

Группа Мелегежскихъ кургановъ, поражающихъ своей величиной, оказалась очень бѣдной по культурѣ. Въ 8 курганахъ обнаружено трупосожженіе, а въ девятомъ не обнаружено никакихъ слѣдовъ погребенія, если не считать незначительной примѣси угля.

Остальныя группы кургановъ, раскопанныя мной, менѣе значительны, и потому мы не будемъ сейчасъ останавливаться на подробномъ ихъ описаніи. Мы поста-

Рис. 40. Курганъ около Мелегежскаго погоста.

раемся подвести итоги собранному матеріалу и сдѣлать изъ него соотвѣтствующіе выводы. При чемъ здѣсь мы будемъ имѣть возможность коснуться культуры и всѣхъ особенностей отдѣльныхъ кургановъ.

По внѣшнему своему виду изслѣдованные мной курганы довольно однообразны. Это, по большей части, небольшія полушаровидныя насыпи изъ песка, задернованныя и частью покрыты деревьями, окруженныя ровиками, почти всегда заплывшими. Высота кургановъ разнообразна; отъ 0,5 до 12 метровъ. Самые малые были встрѣчены около оз. Вялгозеро и по Сяси, около Ильинскаго погоста. Самые большіе — тоже по Сяси около Мелегежскаго погоста (рис. 40). Здѣсь всѣ курганы гигантскихъ размѣровъ. Особенно одинъ, имѣющій 127 метровъ въ окружности и 12 метровъ высоты. Нѣкоторые курганы выложены по основанію крупными валунами и известковыми плитами, какъ, напр., курганы на оз. Вялгозеро и въ Гербиничахъ. Иногда валуны располагаются и на вершинахъ кургановъ, что особенно замѣчено на

оз. Вялгозеро и на курганахъ на берегу оз. Тутока около деревни Татаровой Борисовщинской волости. Расположены курганы и на самомъ берегу рѣки, какъ на Сяси, около Ильинскаго погоста, или отступая отъ воды сажень на 200—300; иногда среди густого лѣса и сами покрыты прекрасной растительностью.

Въ отношеніи обрядовъ погребенія изслѣдованные мной курганы обнаружили существованіе двухъ формъ: трупоположеніе и трупосожженіе. Эти двѣ формы погребенія распространены неодинаково: трупоположеніе встрѣчено мной въ 42 случаяхъ, а трупосожженіе — въ 22.

Чѣмъ обуславливалось примѣненіе той или другой формы погребенія, сказать трудно. Видѣть въ трупосожженіи форму, какъ болѣе сложную, примѣняющуюся къ лицамъ, чѣмъ-либо выдающимся, не приходится, такъ какъ при трупоположеніи одинаково встрѣчаются могилы, какъ богатныя, такъ и бѣдныя, и даже съ полнымъ отсутствіемъ какихъ-либо предметовъ обихода или украшеній. Нѣтъ, повидимому, тутъ различій и по возрастамъ, такъ какъ находились одинаково костяки и взрослыхъ и дѣтей; едва ли были различія и по поламъ, хотя женскія погребенія чаще встрѣчаются при трупоположеніи. Трудно допустить и разновременность этихъ двухъ обычаевъ, такъ какъ культуры ихъ поразительно сходны, а также и потому, что среди одной группы кургановъ рядомъ можно встрѣтить обѣ эти формы, и даже въ одномъ курганѣ (въ двухъ случаяхъ) наблюдались и трупосожженія и трупоположенія. Въ верхней части кургана, на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ метра отъ поверхности лежали горѣлыя кости, а на грунтѣ было трупоположеніе.

Если и есть тутъ какая-нибудь разница, то, во всякомъ случаѣ, на основаніи моего матеріала установить ее трудно.

Обрядовая сторона трупосожженія въ изслѣдованныхъ мной курганахъ далеко не одинакова.

Общимъ для всѣхъ кургановъ можемъ считать присутствіе въ подошвѣ кургана характернаго пепельнаго слоя, иногда со значительной примѣсью угля. Равномѣрность этого слоя, его значительная мощность указываетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ опредѣленнымъ обычаемъ, широко распространеннымъ и строго выполняемымъ. Что касается остатковъ кострища, всегда сопровождающихъ трупосожженіе изъ крупнаго угля, а иногда и цѣлыхъ головень, присутствіе которыхъ связывается съ идеей о тризнѣ, то въ моихъ курганахъ они встрѣчаются чаще не на грунтѣ, а на значительномъ разстояніи отъ него, на глубинѣ 1—2 метровъ отъ поверхности; только въ двухъ случаяхъ кострища были на подошвѣ кургана, и два раза въ слое крупнаго угля были найдены сковородки и лопатки, сильно поврежденные огнемъ. На очагахъ, устроенныхъ на извѣстномъ уровнѣ отъ подошвы, были находимы, кромѣ того, горшки, чаще открытые, и въ двухъ случаяхъ закрытые сковородкой. Кострища чаще расположены въ центрѣ кургана и находятся въ единственномъ числѣ; но въ двухъ курганахъ въ Горбиничахъ и на Сяси, около усадьбы Лѣсеницкой было по два кострища: одинъ — въ центрѣ на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ метра отъ поверхности, а другой — въ юго-западной сторонѣ и на глубинѣ $2\frac{1}{2}$ метровъ, при чемъ на верхнемъ кострищѣ въ обоихъ случаяхъ было по два

горшка рядомъ (рис. 41). Въ 5 случаяхъ кострища были отдѣлены отъ окружающаго грунта слоемъ мелкаго гравія. Мало опредѣленнаго и въ положеніи остатковъ трупосожженія. Кости встрѣчаются въ различныхъ сторонахъ насыпи, иногда одной большой кучей, иногда нѣсколькими. Кости, по большей части, въ видѣ мелкихъ обломковъ, что ясно указываетъ, что онѣ сжигались не здѣсь, а перенесены сюда уже послѣ сожженія. Могила, по большей части, одиночная. Вмѣстѣ съ костями находятся различные предметы вооруженія, горшки, различные украшения, — все это съ ясными слѣдами дѣйствія огня, иногда даже въ полурасплавленномъ видѣ. Въ трехъ случаяхъ можно было выяснитъ положеніе сожженныхъ костей въ горшкахъ: одинъ — на Сяси, около имѣнія Лѣсницкой, гдѣ въ горшкѣ, поставленномъ на глубинѣ 1½ метра отъ поверхности, лежало нѣсколько мелко распавшихся ко-

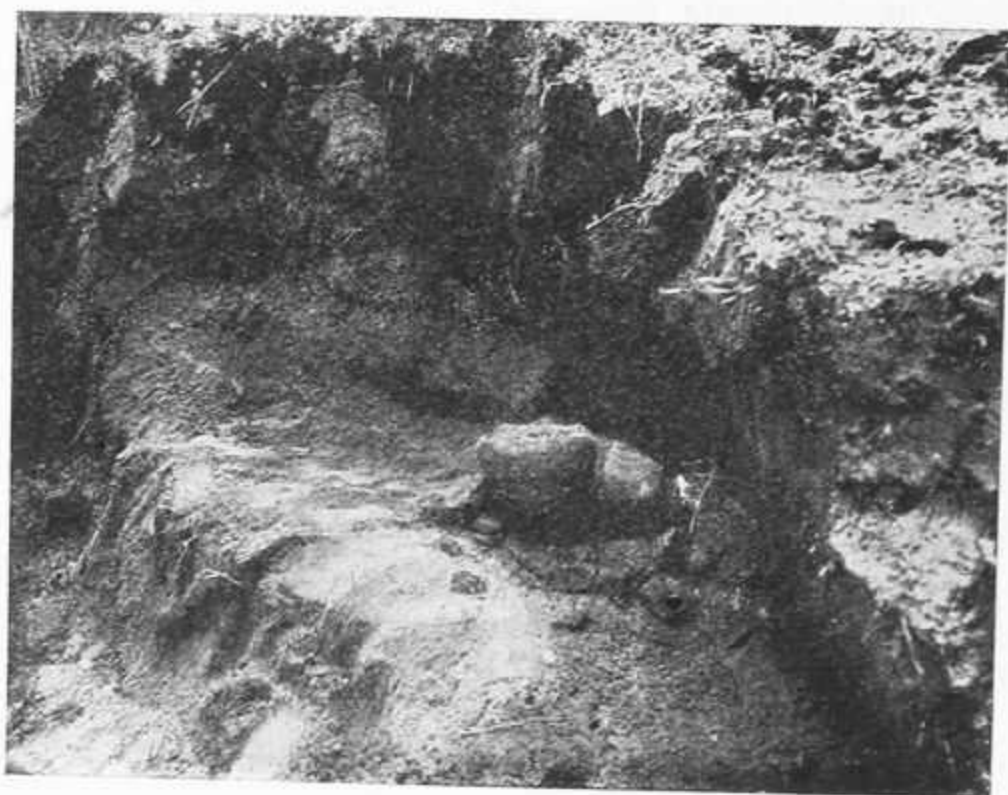

Рис. 41. Кострище близъ дер. Овино.

стей; и другой — въ Горбиничахъ, около Овина, на берегу заросшаго почти сейчасъ озера, имѣвшаго когда-то стокъ въ р. Тихвинку. Здѣсь, какъ выше уже упоминалось, въ подошвѣ кургана, на пепельномъ слоѣ, стоялъ маленькій горшечекъ съ остаткомъ костей и однимъ зубомъ (кореннымъ), около горшка лежала маленькая ложечка со слѣдами золотой инкрустаціи и одинъ бубенчикъ на короткой цѣпочкѣ. И третій — тамъ же; въ центрѣ этого кургана, на уровнѣ 1 метра съ поверхности, стоялъ горшокъ, обложенный валунами, какъ бы въ нишѣ, съ ясными слѣдами дѣйствія огня, и въ горшкѣ мелко распавшіяся кости.

По находкамъ различныхъ вещей можно, хотя только предположительно, говорить, что сжигались одинаково мужчины и женщины; трудно сказать только, примѣнялся ли этотъ обрядъ къ дѣтямъ. Вмѣстѣ съ костями человѣка, почти во

всѣхъ курганахъ съ трупосожженіемъ были найдены и пережженные кости животныхъ: лошади, коровы, собаки, зайца и, рѣже, кости птицъ.

Въ этомъ можно видѣть слѣды жертвоприношеній, куда, повидимому, слѣдуетъ отнести и нѣкоторые предметы украшеній, находившихся въ подобныхъ могилахъ: коней, птицъ, собакъ, а также человѣческія кости, съ ясными слѣдами отверстій, напр. части бедренныхъ костей найдены въ двухъ курганахъ, среди другихъ костей. Состояніе сожженныхъ костей заставляетъ предполагать, что сожженіе требовало болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Трупъ, повидимому, помѣщали на какую-нибудь подставку, иначе всѣ бронзовыя вещи расплавились бы. Затѣмъ кости полагали на предварительно выжженную площадку, усыпанную пепломъ. Здѣсь совершались тризны, для чего устраивалось кострище, а затѣмъ насыпался курганъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что тризны могли происходить чаще послѣ возведенія кургана и, можетъ-быть, возобновлялись нѣсколько разъ, такъ какъ кострище, сковороды, горшки находились часто на различныхъ уровняхъ, а въ нѣкоторыхъ курганахъ даже на нѣсколькихъ уровняхъ.

Труположеніе было встрѣчено, какъ сказано мной, въ 42 случаяхъ, т.-е. почти вдвое чаще, чѣмъ трупосожженіе. Въ общемъ, между этими двумя формами существуетъ извѣстное сходство. При труположеніи въ подошвѣ также угольный слой который въ двухъ случаяхъ только — около «Большого двора» и около «Овина», замѣненъ былъ слоемъ бѣлаго песка въ 6 см. Встрѣчаются и огневища, почти такого же устройства, что и при трупосожженіи, съ различными предметами домашней обстановки и украшеній, а также со слѣдами животныхъ.

Въ этомъ отношеніи особенно любопытный курганъ былъ встрѣченъ около Овино, въ «Заручевѣ». Здѣсь, въ подошвѣ, какъ упоминалось, былъ насыпанъ слой бѣлаго песка, на которомъ лежалъ костякъ, имѣя около руки топоръ, а надъ нимъ сверху на разстояніи $1\frac{1}{2}$ метра располагалось кострище изъ крупнаго угля, а на немъ пережженные кости лошади и обломки сковородника; въ другомъ случаѣ — на оз. Вязгозеро — на кострищѣ лежали кости коровы.

Вообще слѣдуетъ сказать, что при труположеніи кострища чаще всего устроены не на грунтѣ, а въ верхней части кургановъ, приблизительно на уровнѣ $1\frac{1}{2}$ метра съ поверхности.

Располагаются костяки всегда на грунтѣ, и только въ двухъ случаяхъ были исключенія, когда костяки лежали на высотѣ 2 метровъ отъ подошвы. Преобладающее направленіе головы на югъ, юго-западъ; но есть и исключеніе; такъ, въ упомянутомъ уже курганѣ около Овино костяки лежали головой на сѣверъ. И въ одномъ курганѣ въ Горбиничахъ, гдѣ было найдено 4 скелета, одинъ лежащій на грунтѣ (мужской) былъ головой положенъ на югъ, а три другіе, лежавшіе надъ нимъ, на высотѣ 2 метровъ отъ поверхности имѣли всѣ положеніе на сѣверо-востокъ. Въ большинствѣ случаевъ, скелеты были плохой сохранности, но положеніе ихъ почти всегда удавалось установить. Преобладающее положеніе: на спинѣ, руки вытянуты вдоль туловища. Иногда руки скрещены на животѣ, иногда — у лобка, иногда одна рука на животѣ, а другая — поднята до уровня плеча. Одинъ

скелетъ въ Горбиничахъ имѣлъ довольно своеобразное положеніе: онъ лежалъ на лѣвомъ боку, съ согнутыми ногами, при чемъ правая рука была отброшена. При покойникахъ клались разные предметы вооруженія и украшеній, а также почти вездѣ костякъ сопровождается горшокъ, а иногда и нѣсколько горшковъ. Въ нѣсколькихъ случаяхъ горшки оказались въ ногахъ костяка, но чаще они попадаютъ надъ костякомъ, вблизи поверхности на глубинѣ 0,5—1 метра. Горшки чаще пустые и иногда съ какими-то органическими остатками, и потому трудно сказать, ставились ли они съ пищей и питьемъ, или, просто, какъ необходимая домашняя утварь. Костяки, по большей части, лежали прямо на грунтѣ, на пепельномъ слоѣ, иногда усыпаны бѣлымъ пескомъ. Никакихъ деревянныхъ подставокъ, напоминающихъ гробъ, не найдено, хотя нѣкоторый намекъ на подстилку для головы былъ однажды встрѣченъ въ курганѣ; такъ на Сяси, противъ деревни Овинцево, голова костяка покоилась на перекладинѣ изъ древесной коры, положенной поперекъ кургана, и слегка обожженной; въ другомъ случаѣ въ курганѣ на берегу оз. Тутока голова была прикрыта берестой. Кромѣ того, разъ отмѣчено было также около Овинцево на Сяси, что двѣ пряжки и браслетъ, лежащіе около тазовыхъ костей трупa, были покрыты корой. Вещи находились не только на костякахъ, но и клались, повидимому, отдѣльно и иногда на разныхъ уровняхъ. Можно предполагать, что они бросались при насыпаніи кургановъ безъ видимаго порядка. Вещи были находимы въ самыхъ различныхъ мѣстахъ кургановъ и на разныхъ уровняхъ.

Большинство изслѣдованныхъ мной кургановъ содержало по одному костяку и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ было по нѣсколько. Такъ, въ курганѣ въ Горбиничахъ, о которомъ уже приходилось говорить, было 4 костяка: одинъ — на грунтѣ (съ нимъ топоръ и копье) и 3 — надъ нимъ (съ бусами и браслетами), повидимому, женскихъ. Лежали они на слоѣ крупнаго угля. Надъ скелетами были горшки. Повидимому, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ одновременнымъ погребеніемъ, можетъ-быть, и убіеніемъ на могилѣ. Около Овинцево на Сяси былъ вскрытъ курганъ, гдѣ было найдено 5 дѣтскихъ костяковъ разнаго возраста: 3 — на грунтѣ, на толстомъ слоѣ крупнаго угля, и 2 — надъ ними, на высотѣ 2 метровъ отъ поверхности. Всѣ костяки имѣли положеніе головами на юго-западъ, и при каждомъ въ ногахъ стоялъ горшокъ, а при одномъ даже 2 горшка. На одномъ скелетѣ найдены были бусы, а около другого ухвертка и колокольчики. Такимъ образомъ, мы видимъ, что погребались и женщины, и мужчины, и дѣти. Можно только прибавить, что при совмѣстномъ погребеніи костяки разнополы (кромѣ дѣтскихъ), при чемъ костяки лежали или рядомъ, или женскіе костяки сверху. Можетъ-быть, повторяю еще разъ, здѣсь мы имѣемъ слѣды опредѣленнаго культа. Слѣдуетъ упомянуть и еще объ одномъ любопытномъ фактѣ: однажды былъ найденъ скелетъ безъ черепа и дважды костяки, повидимому женскіе, лишены были правыхъ рукъ, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что скелеты были хорошей сохранности. При костякахъ, особенно тамъ, гдѣ ясны слѣды кострищъ, всегда были кости различныхъ животныхъ, слѣдовательно жертвоприношеніе существовало такъ же, какъ и при трупосожженіи.

Встрѣчены были курганы и со смѣшаннымъ погребеніемъ. Ихъ было не много, — всего 6. Всегда при этомъ труположеніе было на грунтѣ, а трупосожженіе — надъ нимъ. Особенно въ этомъ отношеніи любопытенъ курганъ на Сяси, около усадьбы Лѣвницкой, Костринской волости. На глубинѣ $1\frac{1}{2}$ метра отъ поверхности, какъ описано выше, обнаруженъ былъ трупъ, судя по остаткамъ черепа и зуба — молодого субъекта, а на грунтѣ лежалъ костякъ женщины очень богато одѣтой и хорошо сохранный. Въ ногахъ стоялъ маленькій изящный горшечекъ. Интересенъ одинъ дальній курганъ въ Горбиничахъ: имѣлъ онъ 65 метровъ въ окружности и 5 метровъ высоты, обложенъ по основанію бѣлыми известковыми плитами, а рядомъ съ нимъ находимъ небольшой курганчикъ въ 1,5 метра высоты, который соединялся съ большимъ дорожкой изъ камней въ 3 метра длиной.

Въ большомъ оказалось типичное трупосожженіе, съ костями въ горшкѣ, поставленномъ въ нишѣ, а на кострищѣ топоръ, ножъ, остатокъ копы — все принадлежности мужской могилы. Въ маленькомъ курганѣ, ясно связанномъ съ большимъ, на грунтѣ обнаружены хорошо сохранившіеся скелеты женщинъ, судя по украшеніямъ и черепамъ, при чемъ у одной въ тазовыхъ костяхъ обнаруженъ застрявшій наконечникъ копы, а у другой — глубокій шрамъ на головѣ. Связь этихъ кургановъ не подлежитъ сомнѣнію, и очевидно, они одновременны. Это заставляетъ думать, что здѣсь мы, можетъ-быть, имѣемъ примѣръ жертвоприношенія женщинъ на могилѣ ихъ господина.

Переходя къ описанію культуры, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что въ ней нѣтъ особенной разницы въ зависимости отъ положенія или сожженія покойника, хотя нельзя не отмѣтить, что всѣ сковороды и лопаты, а также и горшки, покрытые сковородой, сопровождали обрядъ трупосожженія.

Матеріаломъ всѣхъ предметовъ служатъ желѣзо и бронза, рѣже серебро, а золото встрѣчается только въ видѣ инкрустацій. Въ техникѣ наблюдается склепленіе, хотя было извѣстно и паяніе. Ткань шерстяная довольно тонкой работы. сохранилась въ очень рѣдкихъ случаяхъ и въ ничтожномъ количествѣ. Слѣдовъ обуви нѣтъ, но лаптеплетеніе было, повидимому, извѣстно, судя по найденному желѣзному кочедыку. Для опредѣленія пола весьма важно опредѣленіе предметовъ, которые надо отнести къ мужскимъ и женскимъ костякамъ. Хотя тутъ же слѣдуетъ отмѣтить, что вещи часто встрѣчаются смѣшанно, съ ясно мужскими часто встрѣчаются женскія, а кромѣ того многія украшенія, повидимому, носились одинаково мужчинами и женщинами, напр. браслеты и серьги. Часто при мужскомъ оружіи встрѣчаются бусы, правда всегда бѣлыхъ размѣровъ, чѣмъ на женскихъ скелетахъ, что, повидимому, является даромъ покойнику отъ женщины. Все это иногда затрудняетъ опредѣленіе могилы, особенно при трупосожженіи, когда отсутствіе черепа лишаетъ антропометрическихъ указаній.

Разсмотримъ сначала кратко предметы одежды и украшеній. Сюда относятся различнаго вида пряжки, кольца, привѣски, серьги, браслеты, различныя бусы, цѣпи и прочее. Употребленіе пряжекъ было, повидимому, широко распространено въ Тихвинскихъ курганахъ. Онѣ найдены въ могилахъ обоихъ типовъ

(рис. 42). Пряжки почти всё бронзовые, — серебряная одна. По величинѣ разнообразны. Большинство пряжек литыя; форма чаще всего кольцообразная но въ деталяхъ есть разница, и можно намѣтить три группы: 1) конусообразныя, разомкнутыя съ завиткомъ на концахъ; 2) подковообразныя, съ четырехугольными

Рис. 42.

расширеніями, на разомкнутыхъ концахъ; 3) прямоугольныя пряжки. Последнія, повидимому, относятся къ разряду поясныхъ. Сюда же можно отнести и нѣсколько экземпляровъ пуговицъ изъ бронзы, съ ушками — литыхъ и дутыхъ. Онѣ по виду напоминаютъ бубенчики. Далѣе идутъ шейныя гривны — металлическіе шейные обручи. Встрѣчены онѣ были въ двухъ случаяхъ: одинъ — бронзовый, другой — серебряный. Первый состоитъ изъ нѣсколькихъ соединенныхъ посредствомъ склепокъ кусковъ. По верхнему краю идетъ наколотый орнаментъ, и замѣтны слѣды

какой-то синей краски; другой — серебряный въ видѣ тонкой пластинки безъ орнамента (оба при погребеніи). Браслетъ найдено 8 штукъ, всё они бронзовые, примитивной работы: три — изъ листовой бронзы съ колотымъ орнаментомъ, два — литые, а остальные — загнутые изъ проволоки, при чемъ одинъ закрученъ изъ двухъ проволокъ и имѣетъ характерные узлы на концахъ. Нѣкоторые браслеты настолько небольшого размѣра, что годятся только развѣ дѣтямъ. Височныя кольца встрѣчены одинаково и при труположеніи; величина ихъ различна. Они всё изъ бронзы. Ручныхъ колецъ найдено значительное число и довольно разнообразной работы. Есть, просто, изъ согнутой бронзовой проволоки, есть пластинчатые съ интереснымъ литымъ орнаментомъ; есть рядъ перстней, при чемъ у нѣкоторыхъ верхняя часть состоитъ изъ затѣйливо завитыхъ изъ очень тонкой проволоки трехъ узловъ. Кольца найдены при труположеніи и только два — при трупосожженіи. Серьги встрѣчаются, по большей части, по одной въ каждомъ

Рис. 43.

ухѣ, въ двухъ случаяхъ на лѣвомъ была одна, а на правомъ — двѣ; встрѣчаются также только на одномъ лѣвомъ ухѣ. Среди украшеній видное мѣсто занимаютъ различныя подвѣски изъ бронзы и рѣдко изъ серебра. Ихъ можно раздѣлить на три группы: 1) изображенія животныхъ и птицъ; 2) украшения безъ всякаго символа; 3) привѣски, имѣющія практическое примѣненіе.

Первыя выражаютъ, повидимому, извѣстный культъ, въ которомъ большую роль играютъ гусь, утка, собака, лошадь, баранъ, все это встрѣчается какъ при трупосожженіи, такъ и при труположеніи. Даже у подвѣсковъ, не имѣющихъ характера животныхъ, есть изображеніе гусиныхъ лапокъ. Наиболѣе простой формой являются изображенія гуськовъ, вырѣзанныхъ внутри довольно грубо. Есть и литые гуськи, полые. Есть изображеніе курочекъ, пѣтуховъ, съ подвѣскомъ изъ гусиныхъ лапокъ. Есть изображеніе коней, также плоскіе, рѣзные, и изображеніе баранчиковъ (рис. 43—46).

Простыя украшенія имѣютъ видъ сложныхъ полукруглыхъ подвѣсокъ съ колокольчиками, на короткихъ массивныхъ цѣпочкахъ; они найдены при труположеніи. По матеріалу они серебряныя и бронзовыя.

Подвѣски въ видѣ креста найдены были однажды и носились, повидимому, на поясѣ вмѣстѣ съ игольникомъ, такъ какъ найдены были у пояса, вмѣстѣ съ остатками матеріи. Встрѣчены были привѣски бутылкообразной формы. Подвѣски со спеціальнымъ назначеніемъ были немногочисленны. Уховертка въ видѣ вытянутыхъ пластинокъ съ отверстіемъ на одномъ концѣ для подвѣшивания и маленькой овальной ложечкой на другомъ, изъ бронзы найдена при труположеніи. Игольникъ съ большимъ плоскимъ придаткомъ по верхнему краю, найденъ одинъ разъ при

Рис. 44.

Рис. 45.

Рис. 46.

труположеніи, и одинъ разъ при трупосоженіи, при чемъ въ первомъ случаѣ онъ, повидимому, вмѣстѣ съ крестомъ висѣлъ на поясѣ, и при немъ сохранились кусочки шерстяной матеріи. Бронзовая ложечка, круглая, съ короткой ручкой, на концѣ которой было маленькое отверстіе; на ручкѣ были слѣды золотой инкрустаціи. Найдена ложечка при трупосоженіи, на грунтѣ, у основанія небольшого горшка.

Изъ металлическихъ наборовъ слѣдуетъ упомянуть бронзовыя спирали, которыя, повидимому, нанизывались на шнуръ, но найдены онѣ были порванными. Бусы найдены въ значительномъ числѣ какъ при труположеніи, такъ и трупосоженіи въ видѣ ожерелья и отдѣльныхъ экземпляровъ; формы ихъ разнообразныя. По матеріалу стекловидныя и изъ композиціи. Чаще всего подвѣски подвѣшиваются на цѣпочкахъ изъ мелкихъ колецъ, согнутыхъ изъ тонкой проволоки въ видѣ спирали. Одна изъ цѣпочекъ была собрана, повидимому, на конскій волосъ и заканчивалась на концѣ двумя колокольчиками.

Предметы вооруженія найдены; топоры — разнообразныя по величинѣ и формѣ. Наиболѣе распространеннымъ будетъ типъ: съ прямымъ переднимъ срѣзомъ и полукруглой выемкой на внутреннемъ краѣ. Есть топоры совершенно маленькіе, повидимому, значенія символическаго. Другую группу составляютъ топоры съ придатками на обухѣ; одинъ изъ нихъ типа скандинавскихъ сѣкиръ имѣлъ довольно характерную инкрустацію изъ золота, — былъ, повидимому, символомъ власти. Довольно много найдено наконечниковъ копій и стрѣлъ изъ желѣза чаще при трупосоженіи. Есть ножи, иногда, съ рукоятками изъ кости и дерева. Есть желѣзныя вещи неизвѣстныхъ назначеній въ видѣ крючка, а также найденъ желѣзный кочедыкъ.

Домашняя утварь: желѣзныя сковороды, блюдцеобразной формы отъ 21 до 28 см. въ діаметрѣ, найдены на кострищахъ и въ видѣ покрывшекъ на горшкахъ.

Рис. 47.

Глиняные горшки разныхъ размѣровъ, формъ и орнаментовъ найдены въ значительномъ числѣ. Изъ нихъ, нѣкоторые были покрыты сковородами (рис. 47), одни имѣли желѣзные обручи, дно плоское, закраины иногда очень глубоки и часто носятъ слѣды бывшихъ обручей. Выдѣланы, повидимому, все на гончарномъ кругѣ, нѣкоторые прекрасно обожжены, но только съ поверхности, такъ какъ на изломѣ — чернаго цвѣта и съ примѣсью крупнаго песка. Орнаментированы, по большей части, въ видѣ горизонтальныхъ волнистыхъ дорожекъ, раз-

ныхъ размѣровъ. Встрѣчены были желѣзныя скрѣпы, въ видѣ крѣпкой заклёпы, съ шляпкой на одномъ концѣ и съ бляхой на другомъ. Сюда же слѣдуетъ отнести точильный брусокъ съ круглымъ отверстіемъ на одномъ концѣ, для подвѣшиванія.

Въ литературѣ нѣтъ опредѣленнаго взгляда на Приладожскіе курганы. Ихъ приписываютъ тремъ народностямъ: Норманнамъ, Финнамъ и Славянамъ. И нѣтъ сомнѣнія, что все эти народности прямо или косвенно участвовали въ созданіи кургановъ различныхъ частей Приладожья. Но кому же приписать курганы изслѣдованной мной области? Трупосожженіе и труположеніе существовало у многихъ и совершенно чуждыхъ другъ другу народностей; съ другой стороны, и у родственныхъ народовъ встрѣчается не рѣдко большее разнообразіе въ похоронныхъ обрядахъ. Хотя въ нашихъ курганахъ есть нѣчто характерное. Присутствіе же пепельнаго слоя въ основаніи кургановъ, положеніе покойника непосредственно на материкъ, съ головой, обращенной на югъ и рѣже на юго-западъ, а также обложеніе кургановъ по основанію плитами; нѣтъ никакихъ слѣдовъ погребальныхъ урнъ, уже нѣтъ каменныхъ кладокъ и деревянныхъ сооружений для покойниковъ. Все это даетъ нѣкоторое право отнести мои курганы по ихъ строенію къ финскимъ. Обзоръ культуры еще болѣе утверждаетъ въ этомъ. Мои находки не стоятъ особнякомъ и болѣе всего подходятъ къ культурѣ Финновъ, и, пожалуй, болѣе всего къ культурѣ Мери и западныхъ Финновъ. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Мной найдено довольно много пряжекъ подковообразной формы; ихъ много, и точно такой же формы, въ находкахъ Мери (гр. Уваровъ), Финляндіи (Аспелинъ) и Балтійскаго края (Баллодъ и Кунфереръ). О пряжкахъ часто говорится и въ миеологій Финновъ. Браслеты, кольца и серьги, найденные мной, повторяютъ находки въ Финляндіи, Швеціи и Даніи (Ворсо), а также въ раскопкахъ у восточныхъ Финновъ (Нефедовъ). Образцы колець есть и близкіе къ славянскимъ, но этому нельзя приписывать рѣшающаго значенія. Особенно слѣдуетъ остановить вниманіе на привѣскахъ символическаго характера — форма гуся или утки. Онѣ широко распространены по всей территоріи, нѣкогда занимаемой финно-угорскими народами, отъ

береговъ Балтійскаго моря до Урала и даже въ Сибири. «Уточка» — обычный ласкательный эпитетъ финской мифологіи. Въ Калевалѣ утка приписывается огромная роль: изъ ея яйца былъ созданъ міръ.

«Не погибли яйца изъ тинѣ,	Изъ яйца, изъ верхней части —
И куски во влагѣ моря,	Сталъ высокій сводъ небесный;
Но прекрасно измѣнились,	Изъ желтка, изъ верхней части
Превратились все обломки:	Солнце свѣтлое явилось, —
Изъ яйца, изъ нижней части	Изъ бѣлка, изъ верхней части,
Вышла мать-земля сырая;	Звѣзды сдѣлались на небѣ» ¹⁾ .

То же можно сказать и объ изображеніи баранчиковъ и коней. Кони, правда, болѣе распространены въ мифологіи Славянъ, Германцевъ и Скандинавовъ, но и въ мифологіи Финновъ имъ отводится значительное мѣсто (символь душъ усопшихъ). Стоитъ только указать на поясные украшенія Мерянъ (гр. Уваровъ) и находки на финскомъ востокѣ. Топоры не особенно типичны, но все виды ихъ повторяются въ находкахъ Финляндіи, Швеціи и Даніи. Особенно интересенъ въ этомъ отношеніи одинъ — типа древне-датскихъ сѣкиръ. Менѣе всего характерны находки горшковъ. Орнаментъ ихъ близокъ и даже повторяетъ славянскіе образцы. Но мы и не думаемъ отрицать ни славянской примѣси, ни славянскаго вліянія. Мы только пытаемся подчеркнуть, что большинство культурныхъ находокъ говоритъ о принадлежности ихъ къ Финнамъ и можетъ быть связано со скандинавскимъ сѣверомъ и финскимъ востокомъ. Для того, чтобы прійти относительно культуры Тихвинскихъ кургановъ къ опредѣленному выводу, необходимо подробно изучить находки всехъ изслѣдователей Новгородской области. Къ сожалѣнію, сдѣлать это очень трудно, такъ какъ находки эти разбросаны по различнымъ мѣстамъ. Мы старались сдѣлать все возможное въ этомъ направленіи. Мы внимательно изучили находки Европеуса, отчасти въ Гельсингфорсѣ, отчасти въ Парижѣ; находки Бранденбурга, въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ и въ Военно-историческомъ музеѣ въ Петербургѣ. Просмотрѣли отдѣльныя находки въ музеѣ Археологическаго института въ Петербургѣ, находки г. Целепи въ Новгородскомъ музеѣ, а также изучили вещи, пріобрѣтенныя г. Башиловымъ въ деревнѣ Новинка Тихвинскаго уѣзда, и нѣсколько коллекцій частныхъ лицъ въ Новгородѣ и Тихвинѣ. Послѣ анализа всехъ этихъ находокъ мы старались сравнивать культуру Тихвинскихъ кургановъ съ находками въ предѣлахъ областей, населенныхъ другими финскими народами, и пришли къ выводу объ общности культуры. Повторяемъ, мы не отрицаемъ примѣси славянскаго элемента, но считаемъ его настолько незначительнымъ, что для насъ онъ не маскируетъ общей картины.

Кромѣ того, необходимо еще разъ оговориться, что мы отнюдь не думаемъ въ нашихъ выводахъ базировать только на данныхъ культуры.

Мы считаемъ Тихвинскіе курганы финскими, основываясь на совокупности всехъ данныхъ: на виѣшнемъ видѣ кургановъ, на положеніи покойника (на грунтѣ

¹⁾ «Калевала», Руна первая, пер. А. П. Бѣльскаго.

безъ всякихъ сооружений), на ориентировкѣ головы (на югъ, рѣже же — на юго западъ), на преобладающемъ характерѣ культуры, на кранио-метрическихъ данныхъ, и находимъ поддержку въ историческихъ фактахъ и топографической номенклатурѣ.

Еще труднѣе, чѣмъ опредѣленіе народности, является вопросъ, къ какому времени отнести изслѣдованные курганы. По аналогіи съ находками другихъ авторовъ и особенно Браденбурга, которому посчастливилось найти очень много монетъ, мы относимъ ихъ ко времени между IX и XI вѣками, не рѣшаясь, пока, датировать ихъ болѣе опредѣленно.

Этотъ выводъ вполне совпадаетъ съ данными финскихъ и шведскихъ ученыхъ, которые культуру, сходную съ культурой Тихвинскихъ кургановъ относятъ къ новому желѣзному вѣку, т.-е. ко времени съ VIII по IX вѣкъ.

Что касается физическаго типа, то о немъ можно составить довольно полное представленіе по собранному археологическому матеріалу. Не имѣя возможности останавливаться на немъ здѣсь подробно, приведу только среднія цифры, полученные изъ измѣренія 32, болѣе или менѣе хорошо сохранившихся, скелетовъ.

Средній ростъ мужчины — 1622 мм.; средній ростъ женщины (?) — 1502 мм., Головной указатель — 79,8; лицевой указатель — 53,6; носовой указатель — 47,2.

Или, говоря иначе, передъ нами среднерослый мезоцефезъ (съ тенденціей къ долихоцефаліи), лептопрозопъ и лепторинъ. Такими же чертами, приблизительно, характеризуетъ антропологическая литература и современныхъ Финновъ.

Въ дополненіе къ изложенному здѣсь матеріалу я считаю не безполезнымъ присоединить и результаты моихъ новыхъ раскопокъ, произведенныхъ лѣтомъ 1912 года, также по порученію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Цѣлью раскопокъ 1912 года было закончить мои изслѣдованія на сѣверо-западѣ Тихвинскаго уѣзда, связать ихъ съ раскопками г. Браденбурга и такимъ образомъ прослѣдить измѣненіе курганной культуры отъ рѣки Ояти до Волхова; кромѣ того, я считалъ необходимымъ заняться изученіемъ жальниковъ, которыми такъ богатъ Тихвинскій уѣздъ и изученіе которыхъ, собственно говоря, еще не началось.

Мною было раскопано 21 курганъ и 18 жальниковъ: 12 кургановъ въ Сугоровской волости (при дер. Бѣсова Харчевня — 2, Лепша — 1, Рябово — 2, Овино — 1, Бѣсовка — 2, Валя — 1, Городище — 3), въ Новинской волости — 9 (Горка — 2, Залѣвщикъ — 2, Крючково — 1, Новинка — 1, Пяхта — 1, Заборовье — 2). Жальники въ Большедворской волости — 6 (Бурково — 1, Падихино — 1, Павловскіе концы — 1, Мулево — 1, Рыбешка — 1, Селище — 1); въ Новинской волости — 5 (Залѣвщикъ — 1, Рандога — 1, Пяхта — 1, Сарожа — 1, Заборовье — 1); въ Большегорской волости — 5 (Боръ — 1, Максимова гора — 1, Рудная горка — 1, Мозалево — 1, Крутикъ — 1); въ Анисимовской волости — 3 (Гагрино — 1, Чекасова Гора — 1, Заозерье — 1).

Всѣ изслѣдованные мною въ этомъ году курганы лежали въ сѣверо-западной части Тихвинскаго уѣзда, и какъ курганы, раскопанные въ прошломъ году, расположены по теченію рѣкъ Тихвинки, Паши и Сяси. Встрѣчены они и въ видѣ одиночныхъ сопокъ, и небольшими группами. Многіе курганы этой области попорчены кладонскателями. По рассказамъ мѣстныхъ жителей клады стали искать осо-

бенно послѣ того, какъ поблизости были произведены раскопки г. Бранденбургомъ, а также послѣ того, какъ случайно найденныя однимъ крестьяниномъ вещи были куплены Б. В. Башиловымъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что порча кургановъ кладоискателями возрастаетъ по направленію съ востока къ западу, — отъ Ояти къ Волхову.

По внѣшнему своему виду курганы однообразны и не дали ничего новаго. Это — полушарообразныя насыпи изъ песка, задернованныя, иногда со слѣдами замѣтнаго ровика по основанію; иногда встрѣчались и густо заросшія лѣсомъ. Каменныхъ обкладокъ по периферіи кургановъ не было встрѣчено. Размѣры варьируютъ очень значительно: отъ кургановъ 0,5 метра высоты и 32 метровъ въ окруж-

Рис. 48. Курганъ на р. Пашѣ.

ности до кургановъ въ 6,5 метра высоты и 165 метровъ въ окружности. Встрѣчены были курганы, на которыхъ теперь воздвигнуты часовенки (рис. 48).

Въ отношеніи обрядовъ погребенія изслѣдованные мною курганы обнаруживаютъ также существованіе двухъ формъ: трупосожженія и трупоположенія, при чемъ трупосожженіе было встрѣчено чаще — 16 разъ, а трупоположеніе — 5 разъ; всего, какъ указано выше, 21 курганъ (прежде картина нѣсколько другая: 42 трупоположенія и 22 трупосожженія).

Обрядовая сторона трупосожженія въ общихъ чертахъ та же, что и въ остальныхъ курганахъ: присутствіе въ подошвѣ кургана характернаго пепельнаго слоя, иногда со значительной примѣсью угля. Кострище, всегда изъ крупныхъ головень, располагалась неодинаково: 4 раза — въ подошвѣ кургана, 8 разъ — на различныхъ уровняхъ и чаще — вблизи поверхности кургана (на глубинѣ отъ 0,5 до 1,5 метра). Одинъ разъ встрѣчены были въ курганѣ два кострища, и три раза никакихъ слѣдовъ кострища обнаружено не было. На кострищѣ одинъ разъ была обнаружена

сковорода, и часто находимы были черепки горшковъ. Цѣлые горшки находимы были чаще на грунтѣ, а также вблизи самихъ остатковъ трупосожженія.

Положеніе этихъ остатковъ мало опредѣленно. Сожжены кости далеко не одинаково, лежатъ въ различныхъ сторонахъ насыпи и на различныхъ глубинахъ.

Чаще кости лежатъ одной кучкой изъ мелкихъ обломковъ, иногда такихъ кучекъ нѣсколько. Одинъ разъ, на Сяси, обнаружены кромѣ костей человѣка, довольно мелко пережженныхъ (а на костяхъ — согнутый наконечникъ копьѣ, топоръ, ножъ и расплавленный янтарь), еще одна кучка костей болѣе крупныхъ (сохранился цѣльный позвонокъ) лошадиныхъ, а на нихъ удила, остатокъ какого-то желѣзнаго прута, бронзовое украшеніе, повидимому, отъ сѣдла довольно хорошей работы, съ изображеніемъ двухъ лисьихъ головъ (рис. 49).

Рис. 49.

Чаще сожженные кости лежали недалеко отъ поверхности кургана и только одинъ разъ (въ Городищѣ) — почти на самомъ грунтѣ. Горшки часто сопровождали кости, но ни одного раза не было обнаружено положенія костей въ горшокъ; одинъ разъ кости были обложены камнями.

Кости животныхъ: лошади, коровы, собаки, зайца, кости птицъ встрѣчены почти во всѣхъ курганахъ.

Во всѣхъ курганахъ, на различныхъ уровняхъ, находимы были предметы украшеній: браслеты, кольца, пряжки, цѣпи съ монетками, подвѣски вотивнаго характера, бусы, одинъ разъ — расплавленный янтарь, наконечники стрѣлъ, ножи, долота, огнива.

Трупоположеніе было встрѣчено всего пять разъ. Обрядовая сторона и здѣсь не представляла ничего новаго. Въ подошвѣ тотъ же угольный слой (одинъ разъ — въ Овино — замѣненный слоемъ бѣлаго песка). На этомъ слоѣ и положены покойникъ. Въ трехъ случаяхъ костяки лежали на спинѣ, руки сложены были у лобка, голова на югъ, два раза — Валя и Пяхта — костяки лежали на боку, съ согнутыми въ колѣняхъ ногами, голова была обращена на юго-западъ. Въ большинствѣ случаевъ, костяки были очень плохой сохранности. Костяки всегда сопровождались различными предметами оружія и украшеній, но все это не отличалось ни качествомъ ни количествомъ. Въ каждомъ курганѣ было по нѣсколько горшковъ. Они стояли или въ ногахъ костяка (въ двухъ случаяхъ), или около кострищъ, которыя располагаются значительно выше костяка, почти у поверхности кургана (курганы въ этихъ мѣстахъ очень понижены сдуваніемъ). Въ горшкахъ всегда слѣды какой-то органической массы. Одинъ горшокъ имѣлъ желѣзный обручъ. Орнаментировка горшковъ разнообразна. Различаются они по матеріалу: многіе сдѣланы съ большой

примѣсю къ глиня талька — повидимому, приготовлены со спеціальной цѣлью для похороннаго обряда. Бикакихъ подстилокъ костяки не имѣли. Вещи находились въ этихъ курганахъ также на различныхъ уровняхъ и, повидимому, бросались въ могилу безъ всякаго видимаго порядка. На кострищахъ всегда остатки костей животныхъ. Слѣдовательно, культура кургановъ обоихъ типовъ въ общихъ чертахъ одинакова.

Не останавливаясь на описаніи отдѣльных предметовъ, найденныхъ въ курганахъ минувшимъ лѣтомъ, потому что въ главномъ эта культура та же, что была обнаружена мною и въ двѣ предыдущія мои поѣздки. Можно отмѣтить только нѣкоторыя пряжки съ характернымъ окончаніемъ и затѣмъ — сѣдельное украшеніе

Рис. 50. Жальникъ у дер. Рыбенки.

съ лисьей головой, дублета которому мнѣ не приходилось видѣть. Обращаетъ вниманіе на себя и орнаментировка нѣкоторыхъ горшковъ.

Раскопки минувшаго лѣта не дали ни одного факта, который заставилъ бы меня усомниться въ правильности отнесенія этихъ кургановъ къ народности финской и ко времени между IX и XI вѣками, и потому на этомъ я и теперь настаиваю, не отрицая, какъ и раньше, значительной примѣси славянскаго элемента.

Желаніе выяснить, какая связь существуетъ между древними похоронными обрядами Славянъ и Финновъ, а также увѣренность, что древне-славянскія погребенія, безусловно, должны были существовать, если не одновременно съ финскими, то тотчасъ послѣ нихъ, заставило меня заняться изученіемъ жальниковъ, которые разбросаны по всему Тихвинскому уѣзду. Работая въ этомъ уѣздѣ уже восемь лѣтъ — по лимнологіи края и надъ изученіемъ финскаго племени Кайвановъ (Вепсовъ), я изъѣздила уѣздъ во всевозможныхъ направленіяхъ, и никогда не пропускала случая посѣтить жальники и поговорить о нихъ съ мѣстными старожилами. Собранными свѣдѣніями я и воспользовался въ этомъ году.

«Жальниками» въ Новгородской области называютъ старыя кладбища, заброшенныя среди густыхъ рощицъ хвойнаго, а иногда и лиственнаго лѣса. Кладбища эти почти всегда удалены отъ деревни, расположены на наиболѣе возвышенныхъ мѣстностяхъ, иногда даже на островахъ, среди озера. Благодаря вѣковымъ деревьямъ, жальники эти далеко видны при приближеніи къ деревнѣ и служатъ ей лучшимъ украшеніемъ (рис. 50). Отношеніе современнаго населенія къ жальникамъ довольно разнообразное: въ одномъ мѣстѣ — эти рощи почитаются священными, тутъ строятъ часовни, и совершаютъ сюда крестные ходы; въ другихъ — наоборотъ, эти мѣста нечистыя, куда запрещаютъ ходить дѣтямъ, и гдѣ хоронятъ самоубійцъ и мертворожденныхъ дѣтей. Но вездѣ ихъ чтутъ какъ мѣста особенныя, заповѣдныя, вырубать деревья въ которыхъ нельзя, — развѣ только для нуждъ мѣстной церкви или на постройку придорожнаго креста (рис. 51). Иногда однакожъ, особенно тогда, когда жальникъ оказывается среди владѣній частнаго лица, его используютъ и для хозяйственныхъ нуждъ, именно — могильные холмы утилизируются какъ картофельныя ямы (Галицкая, Болшедворской волости).

Рис. 51. Крестъ по дорогѣ къ р. Рагушѣ.

Размѣры жальниковъ разнообразны. Самый большой я видѣлъ на оз. Нурмозеро, гдѣ онъ занимаетъ цѣлый островъ десятины въ пять. Тамъ я насчиталъ болѣе 200 могилъ, — это было шесть лѣтъ тому назадъ — раскопокъ я тогда не производилъ.

Изслѣдованные мною минуvinимъ лѣтомъ жальники меньшихъ размѣровъ, но все же нѣкоторые, напр. жальникъ въ Павловскихъ концахъ, достигаютъ цѣлой десятины. Могилы тоже разнообразны по размѣрамъ, и чаще едва приподнимаются надъ поверхностью почвы, и только на Сяси могилы были больше, до 2,5 метра; число могилъ тоже различно — отъ пяти до сорока двухъ (Павловскіе Концы).

Не описывая отдѣльно каждый жальникъ, я намѣчу тѣ типы ихъ, которые выяснились изъ моихъ раскопокъ, но прежде всего ихъ главное отличіе отъ курганныхъ погребеній и ихъ общія черты. Въ жальникахъ могилы грунтовыя, покойника клали въ грунтовую яму, до 2,5 метра глубиной, засыпали и надъ могилой насыпали небольшой курганъ, или, просто, оставляли небольшой могильный бугорокъ; этотъ поверхностный слой могилы всегда содержитъ слой золы съ примѣсью крупнаго угля и глиняныхъ черепковъ. И только разъ — именно въ Бору — можно было думать, что костякъ лежитъ на грунтѣ (всего 1,5 метра глубины съ поверхности).

Положеніе костьковъ, въ общихъ чертахъ, одинаковое во всѣхъ жальникахъ: лежать на спинѣ, руки вытянуты вдоль туловища, головой на западъ. Въ двухъ случаяхъ (Рандога и Пяхта) наблюдалась подстилка деревянная — родъ гроба; два раза (Селище и Рыбешка): костьки имѣли почти сидячее положеніе.

Костьки поразительно плохой сохранности, они разсыпались отъ одного прикосновенія — повидимому, это слѣды дѣятельности поверхностныхъ водъ. Могила лишена какихъ бы то ни было предметовъ; только разъ, въ Чекасовой Горѣ, около

Рис. 52. Могила жальника въ Рандогѣ.

костька (у плеча) найденъ былъ крестъ. Горшки, всегда поломанные, были почти во всѣхъ могилахъ.

Мною наблюдалось четыре типа жальниковъ: первый, представителемъ котораго является жальникъ въ Павловскихъ Концахъ, характеризуется тѣмъ, что весь жальникъ, въ формѣ большого овала выложенъ по периферіи небольшими валунами, а внутри этого круга расположены групповыя могилы, слегка приподнимающіяся надъ поверхностью. На нѣкоторыхъ могилахъ — ихъ всего было въ этомъ жальникѣ 42, лежало по одному, — по два небольшихъ валуновъ.

Второй типъ — это жальники (Рандога, Пяхта и Мулево), гдѣ общій валъ отсутствуетъ, а каждая могила обложена по основанію мелкими валунами. Иногда вся могила изъ камней (рис. 52).

Третій типъ — жальники (Боръ, Рыбешка, Сарожа, Крутикъ), гдѣ могилы — не болѣе 0,5 метра вышиной, — не имѣетъ каймы изъ валуновъ, а у которыхъ съ западной стороны вставлена одна плита, или плита двѣ — съ западной и восточной стороны по одной.

Четвертый типъ — послѣдній — это жальники съ каменными крестами, примѣры которыхъ можно видѣть въ жальникахъ Рудной Горки, Гагрина и Чекасовой Горы (рис. 53).

Трудно на моемъ небольшомъ матеріалѣ рѣшать, какой изъ первыхъ двухъ типовъ наиболѣе древній. Повидимому — первый. Остальные идутъ такъ, какъ я расположилъ ихъ. Трудно опредѣлить и время. Вѣрнѣе всего ихъ приурочить ко времени отъ XI до XIII вѣка.

Рис. 53. Камень. Крестъ жальниковъ.

Есть указаніе, что на одномъ Гдовскомъ жальникѣ найденъ каменный крестъ съ датой XVIII вѣка. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жальники непосредственно переходятъ въ современные кладбища — это жальники послѣдняго типа.

Жальники — несомнѣнно могилы славянскія и, повидимому, мѣстнаго происхожденія. За это говорятъ и положеніе покойника головой на западъ, и деревянныя сооруженія въ видѣ гроба, и, наконецъ, непосредственный переходъ ихъ въ христіанскія кладбища современнаго населенія.

Сравненіе жальниковъ съ каменными могилами, обнаруженными въ бассейнѣ рѣкъ Буга и Нѣмана, едва ли приемлемо.

Но, приписывая жальники Славянамъ, я не хочу сказать, что у нихъ не было и курганныхъ погребеній, только ихъ нужно искать въ болѣе южныхъ частяхъ Озерной области, а когда Славяне пришли въ бассейнъ Сяси и Чагодоши, они хоронили своихъ покойниковъ уже въ жальникахъ.

Но, само собой разумѣется, что для окончательныхъ выводовъ необходимъ болѣе обширный матеріалъ, чѣмъ тотъ, который находится въ моихъ рукахъ. И потому мнѣ остается только пожелать, чтобы жальники, которыхъ много не только въ Новгородской области, но и въ сосѣднихъ областяхъ, поскорѣе дождались своихъ изслѣдователей.

Въ заключеніе позволю сдѣлать нѣкоторые итоги моихъ трехлѣтнихъ работъ; нанесено мною на карту 178 кургановъ и 32 жальника. Изслѣдованіе 85 кургановъ (26—1-й годъ + 38—2-ой годъ + 21—3-й годъ) и 18 жальниковъ.

Характеризуя на основаніи собраннаго матеріала Тихвинскіе курганы, я еще разъ оговариваюсь, что на основаніи своихъ раскопокъ не собирался сказать о нихъ послѣдняго слова. Для этого необходимы болѣе обширныя и болѣе детальныя изслѣдованія и не только южнаго Приладожья, но и всѣхъ сопредѣльныхъ съ нимъ областей. Необходимо подробное описаніе всего собраннаго матеріала и подробное сравнительное его изученіе. И съ работой этой надо спѣшить, такъ какъ число кургановъ съ каждымъ годомъ уменьшается: они распаиваются, размываются и портятся кладоискателями.

Памятники хозарской культуры на югѣ Россіи.

В. А. Бабенко.

Историческія свѣдѣнія о происхожденіи Хозаръ, ихъ бытѣ и распространеніи предѣловъ могущественнаго хозарскаго царства крайне кратки, противорѣчивы и неточны, такъ какъ историки и лингвисты искали ихъ въ краткихъ лѣтописныхъ данныхъ и въ различныхъ языкахъ.

Свѣдѣнія о бытѣ хозарскаго народа позаимствованы преимущественно у древнихъ арабскихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ юго-востокъ и востокъ Россіи въ періодѣ VIII—X вѣковъ по Р. Хр. съ торговыми цѣлями. Въ русской лѣтописи имѣются очень краткія свѣдѣнія о Хозарахъ: «Придоша отъ Скиѣвъ, рекше отъ Козаръ, рекоміи Болгоре, сѣдоша по Дунаеви, населници Словѣномъ быша».

Поляне «быша обидимы Древлями, инѣми околними, и найдоша я Козарѣ сѣдящая на горахъ сихъ въ лѣсахъ, и рѣша Козари: «Платите намъ дань»; съдумавше Поляне, и вдаша отъ дыма мечъ». Когда Козары принесли эту новую дань своимъ старшинамъ, то тѣ крѣпко подумали и сказали своему князю: «Княже, дань недобрая... Ее доискали мы одной стороною оружія (саблями), а у этихъ оружіе остро съ обѣихъ сторонъ (мечи). Будутъ они брать дань и на насъ, и на другихъ странахъ».

«Въ лѣто 6392 иде Олегъ на Сѣверяны, и взложи наъ дань легъку, и не дасть имъ козаромъ дани платити, рекъ: азъ имъ противенъ, а вамъ нечему».

«Въ лѣто 6393 посла Олегъ къ Радимичемъ, рѣка: кому дань даете? Они же рѣша: Козарамъ; и рече имъ Олегъ: не дайте Козарамъ, но мнѣ дайте, и въдаша Ольгови по шлягу, якоже Козаромъ даху».

Святославъ «въ лѣто 6472 иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе Вятичи, и рече Вятичемъ: кому дань даете? Они же рѣша: Козаромъ по шлягу отъ рала даемъ».

«Въ лѣто 6473 иде Святославъ на Козары; слышавше же Козари, придоша противу съ княземъ своимъ Каганомъ, и съступишася бити, и бывши брани, одолѣ Святославъ Козаромъ и градъ ихъ Бѣлувѣжю взя, Ясы побѣди и Косогы¹⁾».

Согласно этихъ лѣтописныхъ данныхъ русскіе историки говорятъ, что Козары были скиѣскаго происхожденія, родственны Болгарамъ, овладѣвшіе всѣми областями

¹⁾ П. С. Р. л. I 5 7, 10, 27, 63.

южной Россіи отъ Каспійскаго моря и сѣвернаго Кавказа до Дуная и собиравшіе дань съ русскихъ племенъ до времени политическаго ихъ объединенія подъ властью князей Рюриковичей, сломившихъ Козарскую политическую силу, овладѣвшихъ Козарскимъ царствомъ и обратившихъ его въ русское Тмутараканское княжество.

По ученію нѣмецкихъ историковъ Беера и Шлецера, Скифы, Хозары и Турки были одного происхожденія а языкъ хозарскій тождественъ съ турецкимъ. На этомъ основаніи и Карамзинъ говоритъ, что «Козары или Хозары, единоплеменные съ турками, издревле обитали на западной сторонѣ Каспійскаго моря, называемаго хозарскимъ въ географіяхъ восточныхъ... Въ VII вѣкѣ они являются въ исторіи византійской съ великимъ блескомъ и могуществомъ... Покоряютъ всю землю отъ устья Волги до морей Азовскаго и Чернаго... Разсѣянные племена славянскія не могли противиться такому непріятелю, когда онъ въ силу оружія своего въ исходѣ VII вѣка, или уже въ VIII вѣкѣ, обратилъ къ берегамъ Днѣпра и самой Оки»...

Все другіе историки искали происхожденіе Хозаръ въ тѣхъ же самыхъ источникахъ, но никто не искалъ самыхъ памятниковъ хозарской культуры въ древнихъ ихъ жилищахъ, могильникахъ и городищахъ, бывшихъ хозарскихъ владѣній, содержащихъ въ себѣ точныя данныя о степени культурнаго развитія Хозаръ, ихъ происхожденія и значенія ихъ въ исторіи народовъ южной Россіи. Только съ открытіемъ въ 1900 году въ сл. Верхнемъ Салтовѣ Волчанскаго уѣзда Харьковской губерніи катакомбныхъ могильниковъ, имѣющихъ большое тождество съ такими же могильниками сѣвернаго Кавказа, на XII Харьковскомъ Археологическомъ Съѣздѣ была выяснена необходимость изысканія и изученія хозарскихъ могильниковъ и городищъ для научнаго познанія начальныхъ періодовъ исторіи русскаго народа.

На сходство Салтовскихъ могильниковъ и сѣвернаго Кавказа первая указала председатель Московскаго Императорскаго Общества графиня П. С. Уварова, затѣмъ аналогію погребеній и инвентаря отмѣтили: А. М. Покровскій въ своемъ докладѣ «о Верхне-Салтовскомъ могильникѣ», проф. Д. Я. Самоквасовъ въ своемъ трудѣ «Могины русской земли», и болѣе детальное соотношеніе древностей сѣвернаго Кавказа съ Верхне-Салтовскими выяснено мною на XIV Археологическомъ Съѣздѣ въ гор. Черниговѣ, при чемъ оказалось, что Верхне-Салтовскіе могильники по типу погребеній, по предметамъ, сопровождавшимъ погребенія, устройству могилъ и по эпохѣ времени совершенно аналогичны съ погребеніями въ катакомбахъ сѣвернаго Кавказа позднѣйшаго періода, т.-е. VII—IX в.

Проф. Самоквасовъ, сравнивая мои находки въ Салтовѣ съ открытымъ имъ катакомбнымъ могильникомъ близъ аула Чми въ Тагаурскомъ ущельи, указалъ, что открытыя имъ 36 катакомбъ, совершенно сходны и по характеру и по археологическому матеріалу съ Верхне-Салтовскимъ могильникомъ и что сходство археологическихъ предметовъ могильника Харьковской губерніи и Тагаурскаго ущелья, а также могильниковъ въ Галиата и Комуны равно какъ и сопоставленіе монетныхъ находокъ позволяетъ ихъ датировать эпохой VI—IX вѣковъ по Рождествѣ Христовѣ.

А. М. Покровскій тогда же сообщилъ, что онъ сравнивалъ антропологическій матеріалъ Салтовскаго могильника съ такимъ же матеріаломъ могильниковъ

Славянъ, и пришелъ къ выводу, что длиноголовіе череповъ Салтовскаго могильника значительно отличается отъ череповъ могилъ волынскихъ и кievскихъ.

Еще болѣе интересенъ вопросъ, выясненный тѣми же учеными о народности, которой принадлежали эти могильники.

Д. Я. Самоквасовъ высказался, что могильники эти принадлежали Хозарамъ, которые господствовали надъ Славянами въ вышеуказанный періодъ и только впоследствии были оттѣснены русскими князьями.

Древнѣйшими могилами русской эпохи, по мнѣнію проф. Самоквасова, являются катакомбы сѣвернаго Кавказа, имѣющія чрезвычайно важное значеніе для научнаго познанія начального періода исторіи русскаго народа. Онѣ, по его мнѣнію, являются памятниками быта Хозаръ VII—IX столѣтій, — того народа, завоевательный натискъ котораго имѣлъ своимъ послѣдствіемъ движеніе Славянъ въ лѣсныя области центральныхъ княженій, объединенныхъ въ X вѣкѣ завоеваніями Олега и его преемниковъ въ одну Русскую землю и въ одинъ русскій народъ.

Проф. Д. И. Багалъй и В. И. Сизовъ обратили также вниманіе на интересъ, возбуждаемый находками въ Салтовскомъ могильникѣ, сблизившаго древности Харьковской губ. съ древностями Сѣвернаго Кавказа и даващаго возможность освѣтить вопросъ о хозарской культурѣ. Для большаго успѣха и окончательнаго рѣшенія вопроса высказано было пожеланіе продолженія раскопокъ не только могильника, но и городища въ сл. Верхнемъ Салтовѣ.

Мнѣнія, высказанныя учеными о важности для науки моихъ открытій въ Верхнемъ Салтовѣ и пожеланіе продолженія изученія той же мѣстности заставили меня принять на себя трудъ продолженія изслѣдованія всего района Верхне-Салтовской мѣстности, прилегающей къ Сѣверному Донцу, чтобы такимъ путемъ уяснить болѣе обстоятельно вопросы о принадлежности Верхне-Салтовскихъ могильниковъ и городищъ Хозарамъ и о степени культурнаго развитія послѣднихъ.

Съ этой цѣлью со времени открытія могильниковъ мною въ Верхнемъ Салтовѣ въ теченіе 10 лѣтъ непрерывно ведутся систематическія раскопки и изслѣдованія, при чемъ мнѣ удалось добыть столько археологическаго матеріала, что въ настоящее время можно свободно судить о высокой степени развитія хозарской культуры въ связи съ другими совершенно аналогичными находками на югѣ Россіи.

О степени культурнаго развитія древне-Салтовскихъ насельниковъ.

При обстоятельномъ изученіи добытаго въ Верхнемъ Салтовѣ археологическаго матеріала, приходится прійти къ убѣжденію, что древніе насельники салтовскихъ земель находились по своему времени на высокой степени культурнаго развитія.

Если мы обратимъ вниманіе напр. на распланировку могильныхъ проходовъ и катакомбъ, а также и на технику устройства могилъ, то не можемъ не прійти къ заключенію, что оставившій въ Салтовѣ могильники народъ былъ хорошо знакомъ съ правильными техническими приѣмами земляныхъ работъ: строители придерживались извѣстнаго плана, при которомъ катакомбы распределялись правильными

рядами почти на равномъ разстояніи другъ отъ друга и съ довольно правильно ориентированными проходами по отношенію странъ свѣта. Проходы дѣлались правильныхъ размѣровъ съ вертикальными стѣнками и поломъ, покато спускавшимся по направленію къ катакомбѣ, или же нѣсколькими уступами, совершенно одинаковыхъ размѣровъ. Катакомбы, въ свою очередь, имѣли совершенно правильные размѣры и формы съ гладкимъ горизонтальнымъ поломъ и со сводчатыми стѣнами. Полъ катакомбъ имѣлъ, обыкновенно, видъ квадрата, прямоугольника или же овальную форму. Своды выводились арочные или куполообразные, совершенно правильной формы. Отверстіе, ведущее въ катакомбу, устраивалось незначительныхъ размѣровъ для прочности катакомбы. Очевидно, что строители при точности вертикальныхъ и горизонтальныхъ стѣнъ пользовались какими-либо приборами въ родѣ отвѣса и уровня; для правильности формъ употреблялись точныя измѣренія. Самый способъ устройства катакомбъ и проходовъ чрезвычайно остроумный, сложный и довольно трудный. Для прочности сооруженія, сдѣланнаго въ твердомъ грунтѣ, узкіе проходы, начинаясь съ поверхности земли, постепенно удлинялись и углублялись въ материкъ въ видѣ открытаго сверху коридора, оканчивавшагося высокой и узкой вертикальной стѣнкой, въ низу которой продѣлывалось небольшое отверстіе, за которымъ выдалбливалась и самая катакомба. По совершеніи погребенія отверстіе катакомбы закладывалось каменными плитами или деревянными плахами, а открытый коридоръ на всемъ протяженіи засыпался землей. Такимъ образомъ оставалась пустой только катакомба, которая, находясь на довольно значительной глубинѣ подъ твердымъ грунтомъ, могла на долго сохраняться въ цѣлости и, если бы туда не проникала по прорытымъ грызунами норкамъ вода, катакомбы совершенно сохранились въ цѣлости и до настоящаго времени.

Ритуаль погребеній отличался большою сложностью. Полъ катакомбы устилался слоемъ древеснаго угля или же берестовой корой. Смысль и значеніе употребленія угля и коры можетъ быть двоякій: или вещества эти являлись результатомъ вѣры въ очистительную силу огня, или же скорѣе — уголь и береста подкладывались, какъ неподдающіеся тлѣнію вещества и предохраняющія отъ гніенія погребенія.

Покойники вносились по проходу и чрезъ входное отверстіе въ катакомбу и полагались въ правильно вытянутомъ положеніи по длинѣ катакомбы съ вытянутыми по сторонамъ руками. Относительно странъ свѣта правильно ориентировались и въ положеніи погребеній, смотря по тому, куда ориентированы длиною катакомбы или съ Е на W головами, или же съ S на N.

Въ катакомбахъ одновременно хоронились какъ взрослые, такъ и дѣти самаго юнаго возраста по одиночкѣ или коллективно, въ послѣднемъ случаѣ, обыкновенно, полагались мужчина съ одной или двумя женщинами, мужчина, женщина и дѣти, женщина и дѣти и, наконецъ, одни дѣти. Одиночныя погребенія были преимущественно мужскія и изрѣдка женскія и дѣтскія.

Вопросъ же — одновременно ли полагались коллективныя погребенія, или же въ разное время — можно рѣшить двояко, такъ какъ замѣчалось въ нѣкоторыхъ случаяхъ вкладываніе рукъ главнаго въ руки сосѣднихъ погребеній при троичности

костяковъ, при чемъ мужской полагался посрединѣ, но въ то же время встрѣчались катакомбы со сдвинутыми съ мѣста каменными закладками и нарушенными костяками.

Мужскія погребенія сопровождались предметами отъ набора поясовъ, оружіемъ и наборами конской сбруи, женскія и дѣтскія — различными украшеніями, состоявшими изъ бусъ, бубенчиковъ, серегъ, браслетовъ, фибулъ, перстеней, туалетныхъ наборовъ — зеркалъ, металлическихъ коробочекъ, ухвертокъ, зубочистокъ, кисточекъ и различныхъ амулетовъ — звѣриныхъ костей, зубовъ и мелкихъ костей со сверлинами.

Наиболѣе интересными среди бытовыхъ предметовъ являются глиняные сосуды, имѣющіе не только ритуальное значеніе, но и указывающіе на степень развитія керамического искусства. Около сосудовъ находились кости домашнихъ животныхъ — быка или барана, а также скорлупа отъ куриныхъ яицъ, что указываетъ на скотоводство и разведеніе домашней птицы.

При погребеніяхъ иногда находились игральныя кости, часть которыхъ отмѣчались рисунками или же влитымъ въ отверстія свинцомъ.

Обращая вниманіе на различіе погребеній по богатству и обилію бытовыхъ предметовъ, по величинѣ и глубинѣ проходовъ катакомбъ, нельзя не прійти къ мысли о существованіи среди народа, оставившаго эти могильники, богатыхъ и бѣдныхъ классовъ, а по обилію оружія и конской сбруи — существованіе военного класса. Погребенія съ особенно богатыми наборами золоченой конской сбруи, съ саблями въ серебряной оправѣ лежали, по всей вѣроятности, знатнымъ военнымъ особамъ или военачальникамъ, а отдѣльныя погребенія коня въ полномъ убранствѣ указываютъ, вѣроятно, на почитаніе любимыхъ лошадей.

Сопровожденіе погребеній всеми бытовыми предметами и сосудами съ остатками яствъ объясняется вѣрой въ загробную жизнь, при которой покойники продолжаютъ жить и питаться.

Степень развитія керамического искусства.

Изящество по формѣ и по выдѣлкѣ Салтовскихъ сосудовъ указываетъ на знакомство народа съ керамическимъ искусствомъ.

На первое время кажется, что остатки керамики не могли быть характерными для научныхъ опредѣленій ни времени, ни культуры, а тѣмъ болѣе расы или племени ихъ владѣльцевъ; но при болѣе серьезномъ и глубокомъ изслѣдованіи предметовъ приходишь къ совершенно иному заключенію.

Обиліе керамическихъ издѣлій, ихъ большая способность противостоять разрушительнымъ причинамъ времени дѣлаютъ ихъ даже болѣе цѣнными, сравнительно со многими памятниками древностей, не исключая металлическихъ, изъ которыхъ большинство, при одинаковыхъ условіяхъ, скорѣе теряютъ свою форму, а иногда и исчезаютъ совсѣмъ.

Если мы обратимъ вниманіе на форму салтовскихъ сосудовъ, то замѣтимъ, что таковая позаимствована у различныхъ народовъ и отличается особымъ изяществомъ

и тонкостью работы. Преобладающая форма ихъ — кубастые кувшины съ узкими и высокими шейками восточнаго образца. На ряду съ кувшинами изрѣдка встрѣчаются горшки и низкія кружки формы позаимствованной, очевидно, у славянскихъ племенъ, имѣвшихъ сношеніе съ салтовскими обитателями. Находимыя внѣ могильниковъ огромныхъ размѣровъ амфоры древне-греческой формы могли быть, позаимствованы у византійскихъ мастеровъ, имѣвшихъ быть-можетъ, даже свои мастерскія въ Салтовѣ.

Матеріаломъ для выработки сосудовъ служила хорошо отмученная глина. По степени обжига сосуды дѣлятся на обожженные въ горнѣ, печи и на кострѣ. Обожженные въ горнѣ имѣютъ красный или желтоватый цвѣтъ, печной обжигъ — сѣроватый, а на кострѣ — темный и задымленный.

Иные сосуды покрывались черной лакировкой. Орнаментировка наружныхъ стѣнокъ не отличалась сложностью рисунка. Орнаментъ, преимущественно, былъ геометрической — въ видѣ ломаныхъ и кривыхъ линий, концентрическихъ кружковъ и просто прямыхъ полосъ, идущихъ параллельно или продольно вокругъ корпуса сосуда. Днища сосудовъ часто клеймились разнообразными фигурами — кружками съ перекрестными линиями, въ видѣ рогатинъ и даже лука съ натянутой стрѣлой.

Орнаментъ вычеркивался на выглаженной поверхности тупыми деревянными орудіями, смоченными въ жидкости, отчего получались блестящія линіи. Стѣнки сосудовъ выводились при помощи однихъ рукъ такъ, что очень ясно выражались отдѣльныя части сосуда — корпусъ, шейка, горлышко и носокъ. Корпусъ у днища очень расширялся, а вверху къ шейкѣ постепенно суживался; шейка удлинялась, суживаясь посрединѣ и расширяясь кверху, переходила въ горлышко съ загибами по краямъ и съ вытянутымъ изящнымъ носкомъ. Съ боку сосудовъ отъ горлышка къ корпусу прикрѣплялась дугообразная, а иногда и фигурная ручка. Днище срѣзалось совершенно плоско. Для выдѣлки сосудовъ устраивались мастерскія, вырытыя въ землѣ и обложенныя каменной кладкой, тутъ же устраивалась и гончарная печь, въ свою очередь, выложенная камнемъ. Обжиганіе производилось при помощи горящаго дерева весьма различной породы — дуба, липы и проч.

Степень развитія другихъ отраслей промышленности.

Сопоставляя тѣ многочисленныя данныя, какія удалось добыть въ изслѣдованныхъ Салтовскихъ могильникахъ и городищѣ, можно отмѣтить много различныхъ чертъ культуры населенія Салтовскаго «каменнаго города». Такъ, на примѣръ, могильники и городище не даютъ почти матеріала, по которому можно было бы судить о состояніи земледѣлія, хотя извѣстно, что этотъ промыселъ былъ весьма развитъ среди древнихъ племенъ южной Россіи. Нѣсколько больше встрѣчаемъ предметовъ, свидѣтельствующихъ о занятіи скотоводствомъ: въ могильникахъ часто встрѣчаются отдѣльныя кости домашнихъ животныхъ — быка, барана, свиньи и цѣлыя остовы лошадей, погребенныхъ на ряду съ человѣческими погребеніями, а также остатки ихъ кожи, употреблявшейся для обуви, нѣкоторыхъ принадлежностей костюма — поясовъ, ремешковъ и принадлежностей конской сбруи.

По многочисленнымъ находкамъ въ могильникахъ возможно установить существованіе важнѣйшихъ ремеслъ. Больше всего встрѣчаемъ указанія на занятіе обработкой металловъ — желѣза, мѣди, бронзы, свинца, олова, серебра и золота.

Ковка желѣза стояла на должной высотѣ какъ по изяществу, такъ и по правильности формъ выдѣлываемыхъ предметовъ. Изъ числа этихъ издѣлій отмѣтимъ различнаго рода оружіе — сабли, копья, кинжалы, боевые топоры, наконечники стрѣлъ и затѣмы орудія — лопатки, ножи, наборы конской сбруи — стремяна, удила, пряжки, кольца, скрѣпы, скобки и прочее.

Сабли ковались почти прямыми, довольно значительной длины, съ одной рѣзущей стороной. Копья имѣли удлиненную трехгранную форму съ трубкой для насадки на древко. Боевые топоры двойной формы: или съ двумя рѣзущими краями, или же съ одной молоточной частью. По срединѣ топора продѣлывалось отверстіе для насадки на рукоять. Кинжалы выдѣлывались незначительныхъ размѣровъ въ 15—20 см. длины и въ 3—4 см. ширины и имѣли совершенно прямую форму. Наконечники стрѣлъ ковались трехгранной формы съ круглыми удлиненными концами для прикрѣпленія къ древку.

Стремяна имѣли дугообразную форму съ расширенной подножкой, удила дѣлались съ высокими трещелевыми частями. Пряжки ковались двухъ родовъ — однопарныя и двойныя. Иногда кузнечнымъ способомъ обрабатывались и другіе металлы. Кромѣковки древніе обитатели каменнаго города знали и другія подѣлки по металлу — литье, штамповку, серебрение, золочение и проч.

Литье производилось изъ различныхъ сплавовъ — бронзы, низкопробнаго серебра и особаго бѣловатаго сплава. Изъ бронзы отливались всевозможные бубенцы, ажурныя привѣски, кольца, перстни, пряжки и наборы поясовъ; изъ серебра — бубенцы и другія украшенія, изъ бѣловатаго сплава — металлическія зеркала Комунтскаго типа. Отливались также и фигурные предметы — привѣски въ видѣ птицъ, коньковъ, быковъ, человѣческихъ фигуръ и прочее. Иные предметы имѣютъ слѣды отпечатковъ различныхъ узоровъ въ видѣ точекъ, кружковъ, кривыхъ и ломаныхъ линій и змѣекъ.

Штамповка металлическихъ предметовъ производилась при помощи узорныхъ штамповъ. Штамповались различнаго рода украшенія — бляжки, пряжки, наконечники поясовъ и наборы конской сбруи. Штамповались предметы и изъ накладного серебра. Изъ кованыхъ металлическихъ листовъ вырѣзались фигурныя пластинки для набора конской сбруи, для обдѣлки ноженъ для кинжаловъ и сабель. Изъ вырѣзныхъ же пластинокъ выдѣлывались металлическія коробочки и урючки для туалетныхъ приборовъ, при чемъ стѣнки скрѣплялись не спайкой, а заклепками и кольцами. Нашивка металлическихъ наборовъ на ремни производилась тоже при помощи металлическихъ заклепокъ и закрѣпокъ.

Особымъ изяществомъ по обдѣлкѣ и по формѣ отличались серебряныя и золотыя серьги. Для изготовленія серегъ дѣлались овальныя кольца съ свободными концами, на которыхъ укрѣплялись на подвижныхъ шарнирахъ стержни для насадки

кованных шариковъ и цилиндровъ, унизанныхъ мелкою зернью. Изъ металлической проволоки выдѣлывались браслеты, перстни, цѣпочки и спирали.

Если большинство металлическихъ предметовъ, несомнѣнно, составляли продуктъ мѣстнаго изготовленія, то нѣкоторыя украшенія, отличавшіяся особымъ изяществомъ и тонкостью работы, могли быть и чужеземнаго производства, какъ, напр., золотыя серьги и серебряная обдѣлка ноженъ одной изъ найденныхъ сабель, очевидно византійскаго происхожденія. (Рукоять этой сабли украшена рельефнымъ изображеніемъ женской фигуры). Что же касается изготовленія предметовъ изъ другихъ матеріаловъ, какъ, напр., изъ кости, раковинъ, янтаря, извести и другихъ камней, то таковыя не отличаются особой тщательностью въ обдѣлкѣ. Изъ кости приготавливались орудія въ видѣ ножей, шилъ и пр., а также украшенія сѣделъ, игральныя кости, бусы и т. п. предметы. Нѣкоторые изъ этихъ предметовъ носили слѣды рѣзного простѣйшаго орнамента. Изъ раковинъ дѣлались круглыя запонки со сверлинами, бусы, привѣски къ серьгамъ и пр. Изъ перламутра изготовлялись мелкія украшенія. Выдѣлывались также украшенія изъ сердолика, горнаго хрустала, известняка и др. слоистыхъ камней, преимущественно же различныхъ формъ бусы, которыя не отличались особой тщательностью шлифовки. Изрѣдка встрѣчаются жемчужныя и кораловыя украшенія.

Отливка украшеній изъ стекла была простѣйшаго вида; такъ изъ одноцвѣтной синей, голубой, желтой и зеленой смалты приготавливались разнообразной формы бусы и привѣски. Форма такихъ бусъ преобладала плоская, цилиндрическая, шарообразная и боченочная. Привѣски дѣлались лунообразныя, когтеобразныя и другія.

Что же касается многочисленныхъ бусъ изъ разноцвѣтнаго узорнаго стекловиднаго сплава, сложныхъ съ внутренней позолотой, шишкообразныхъ, съ цвѣтными глазками и пр., то таковыя по своей сложности въ изготовленіи и по своему типу совершенно аналогичны съ ольвійскими и пантикапейскими бусами. Слѣдовательно, можно полагать, что подобнаго рода бусы могли ити путемъ торговыхъ сношеній, какъ съ указанныхъ древнихъ мѣстностей, такъ и изъ Византіи или же съ востока по Волжскому торговому пути.

Изъ мѣстныхъ промысловъ можно еще отмѣтить довольно развитое ткацкое ремесло; указаніемъ на него служатъ небольшіе остатки пеньковыхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ матерій разной толщины, иногда довольно тонкихъ, вытканыхъ просто или въ узоръ. Остатки матерій уцѣлѣли благодаря окиси металлическихъ предметовъ, лежавшихъ на нихъ. Отдѣльныя пеньковыя нити хорошо сохранились въ нанизанныхъ на нихъ спираляхъ.

Выдѣлка кожи въ свою очередь представляла изъ себя особое ремесло. Кожа выдѣлывалась тщательно различной толщины и употреблялась, какъ уже упомянуто выше, на изготовленіе поясовъ, портупей къ оружію, для обуви и конской сбруи. Пояса украшались металлическими наборами, обувь имѣла видъ сандалій съ перекрещивающимися сверху ремешками, унизанными блестками и бляжками. Конская сбруя дѣлалась изъ толстой неокрашенной кожи и въ свою очередь украшалась обильными металлическими наборами, зачастую со слѣдами прочной позолоты.

Кожей же покрывались и ножны оружія. Особыхъ подѣлокъ изъ дерева, за исключеніемъ истлѣвшихъ древковъ и ноженъ отъ оружія, не замѣчалось.

Степень развитія гражданской жизни и военного искусства. Къ характеристикѣ культуры даннаго племени можетъ служить также знакомство съ организаціей гражданского положенія и военного искусства.

На основаніи богатства находокъ бытовыхъ предметовъ въ иныхъ катакомбахъ и совершенное ихъ отсутствіе въ другихъ приходимъ, какъ указывалось и выше, къ убѣжденію, что мѣстное населеніе дѣлилось на классы. Несомнѣнно, что коллективныя погребенія съ богатымъ и многочисленнымъ инвентаремъ, а также съ очень сложными и большими катакомбами могли принадлежать знатному классу. Погребенія же съ болѣе ничтожнымъ инвентаремъ принадлежали обыкновенному рабочему классу. Погребенія же безъ всякой обстановкѣ, костяки которыхъ отличались огромнымъ ростомъ, и положенные въ несоотвѣтствующемъ ихъ росту катакомбахъ, въ небрежномъ видѣ, скорченномъ положеніи, указываютъ на существованіе класса рабовъ.

Изъ предметовъ украшеній богатыхъ могилъ преобладающее количество по обыкновенію принадлежитъ женскимъ погребеніямъ. Украшенія эти состояли изъ бляшекъ, бубенцовъ и бусъ. Изъ бусъ же составлялись роскошныя ожерелья, на рукахъ носились браслеты и перстни, въ ушахъ изящныя серьги. Женщины любили и знали различныя косметическія средства, которыя носили при себѣ въ особыхъ баночкахъ, урnochкахъ и коробочкахъ. Къ коробочкамъ привѣшивались на цѣпочкахъ другіе туалетные наборы, состоявшіе изъ ухвертокъ, зубочистокъ, иглъ для чистки ногтей и кисточекъ для намазыванія и подкрашиванія волосъ на головѣ и бровей или же для накрашиванія лица румянами. Къ туалетнымъ же принадлежностямъ слѣдуетъ отнести и металлическія зеркала, носившіяся женщинами при себѣ на цѣпочкахъ или же въ особыхъ кожаныхъ футлярахъ.

Добытый изъ могильниковъ археологическій матеріалъ обращаетъ на себя вниманіе обиліемъ разнаго рода оружія, состоящаго изъ прямыхъ сабель, кинжаловъ, удлинненныхъ копій, боевыхъ топоришковъ, наконечниковъ стрѣлъ и пр. Военскіе доспѣхи эти дозволяютъ предположеніе, что владѣтели ихъ раздѣлялись по роду оружія — на легковооруженныхъ пѣшихъ, имѣвшихъ топоры и кинжалы, конныхъ, имѣвшихъ длинныя сабли, копья и стрѣлы и военачальниковъ, оставившихъ въ могилахъ богато украшенныя сабли и роскошную конскую сбрую.

Что касается духовной культуры и религіозныхъ воззрѣній салтовскаго племени, то могильники почти не даютъ намъ матеріала для характеристики; никакихъ предметовъ религіознаго культа мы не находимъ въ могилахъ. Только старое представленіе о загробной жизни, какъ продолженіе земного существованія со всѣми его нужными потребностями, наиболѣе подходитъ къ языческой религіи. Тщательность сооруженія катакомбъ свидѣтельствуетъ о стремленіи сохранить, по возможности, останки покойниковъ для ихъ загробной жизни: имъ даютъ на тотъ свѣтъ все то, въ чемъ нуждались въ повседневной жизни: запасъ пищи, оружіе, орудія домашнего труда, украшенія, одежды и принадлежности туалета.

Принадлежность открытых памятниковъ къ Хозарской культурѣ.

Раскопки этого года могильниковъ и городища, равно какъ и находка на послѣднемъ керамической мастерской и сосудовъ, аналогичныхъ по своему составу и выработкѣ съ сосудами могильниковъ, вполне устанавливають связь городища съ могильниками, и одну и ту же эпоху по времени ихъ существованія. Подтвердились также и документальныя свѣдѣнія о существованіи на прежнемъ старомъ Салтовскомъ городищѣ «каменнаго города»: открыта была каменная кладка отъ фундамента обширныхъ по своимъ размѣрамъ стѣнъ толщиной въ $5\frac{1}{2}$ аршинъ. Если вспомнить историческія свѣдѣнія о Хозарахъ, имѣвшихъ сношенія съ византіяцами и получавшихъ отсюда искусныхъ мастеровъ для постройки каменныхъ городовъ въ Хозаріи, то можно предположить, что и въ Верхнемъ Салтовѣ каменный городъ могъ быть отстроенъ греческими инженерами. Проф. Д. И. Багалъй въ своихъ трудахъ по «Русской исторіи» о существованіи въ Верхнемъ Салтовѣ «каменнаго города» полагаетъ, что если пойти въ область предположеній, если сдѣлать попытку установить, къ какому народу могъ принадлежать Салтовскій могильникъ, то является мысль о той Хозаріи, которой Сѣверяне, Поляне и Древляне уплачивали дань, и которая имѣла могущественный городъ Саркель. Населеніе ея было полуосѣдлое и полукочевое; у Хозаръ были города, была уже городская жизнь; но съ другой стороны, даже населеніе столицы уходило на кочевья. Такимъ образомъ, можно предполагать, что и тотъ городъ, который былъ у Салтовскаго могильника, представляетъ изъ себя одинъ изъ городовъ старой Хозаріи. Это предположеніе тѣмъ основательнѣе что въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, удалось найти документъ XVII вѣка о поселеніи въ этой мѣстности «Черкасъ», которые по словамъ московскаго воеводы, поселились на старомъ Салтовскомъ городищѣ, «гдѣ былъ прежде сего каменный городъ».

Извѣстно также что Владимиръ Мономахъ встрѣчалъ, города въ половецкихъ степяхъ, а эти-то степи и были территоріей Хозаріи. Онъ встрѣчалъ въ этихъ городахъ полу-половецкое, полу-русское населеніе; можетъ-быть, и городъ Салтовъ представляетъ одинъ изъ такихъ пограничныхъ хозарскихъ городовъ.

При этой гипотезѣ понятно, почему, культура Салтовскаго городища отличается болѣе высокимъ характеромъ, чѣмъ та бѣдная культура, которая характеризуетъ собой настоящихъ насельниковъ степей — Печенѣговъ, Торковъ, Половцевъ.

Могильникъ, подобный Верхне-Салтовскому, былъ обнаруженъ г. Городцовымъ въ предѣлахъ той же Харьковской губерніи въ Изюмскомъ уѣздѣ, около хутора Зливки, на берегахъ двухъ озеръ. Погребеніе здѣсь совершалось въ грунтовыхъ ямахъ, гдѣ покойники лежали на спинѣ съ вытянутыми ногами. Глиняные сосуды, этого могильника со слѣдами гончарнаго круга снабжены клеймами, одинаковыми съ Салтовскими. Остальной инвентарь хотя бѣднѣе Салтовскаго но совершенно съ нимъ тождественъ¹⁾.

Такимъ образомъ мнѣніе проф. Д. И. Багалъя о принадлежности «каменнаго города» одному народу и одной эпохѣ съ Салтовскими могильниками вполне подтвердилось вышеупомянутыми моими находками въ городищѣ.

¹⁾ «Русская исторія» Д. И. Багалъя, часть I, стран. 66.

Обративъ вниманіе на особенности нѣкоторыхъ формъ предметовъ вооруженія, добытаго въ Салтовскихъ катакомбахъ, мы замѣчаемъ полнѣйшее отсутствіе мечей, замѣненныхъ саблями, притомъ существенно отличающихся отъ сабель позднѣйшихъ половецкихъ и татарскихъ могилъ, имѣвшихъ до семи четвертей длины, изогнутыхъ и съ утолщенными штыкообразными концами.

Салтовскія же сабли со слабой кривизной, не превышаютъ одного метра длины, и заострены съ одной стороны. Это различіе очень важно, въ виду лѣтописнаго свидѣтельства, по которому оружіе Хозаръ отличалось отъ оружія Россовъ тѣмъ, что Хозары не имѣли обоюдоострыхъ мечей, а имѣли только сабли, отличавшіяся заостренностью съ одной стороны.

Отсюда дѣлается яснымъ, что и по формѣ оружія и по существованію военнаго класса древніе обитатели «каменнаго города» Верхне-Салтовскаго городища наиболѣе подходятъ къ Хозарамъ.

Населеніе городовъ хозарскаго царства, по историческимъ даннымъ, занималось торговлей, различными мастерствами и имѣло особый военный классъ, знакомый съ военнымъ искусствомъ. Торговля велась, главнымъ образомъ, съ восточными народами, напр. съ Арабами.

Въ Салтовскихъ же катакомбахъ очень часто встрѣчаются арабскія серебряныя диргеми, датирующіе могильники и городище VII—IX вѣковъ по Р. Хр., т.-е. эпохой сильнаго развитія хозарскаго царства, предѣлы котораго въ это время простирались далеко на сѣверъ теперешней южной Россіи.

Самый ритуаль погребеній Салтовскихъ могильниковъ по своей сложности и богатству могъ существовать только у высоко-культурныхъ по своему времени народовъ, коими могли быть въ указанную эпоху времени исключительно хозары.

Слѣдовательно, мнѣнія ученыхъ о принадлежности Салтовскихъ могильниковъ хозарской культурѣ послѣдними изслѣдованіями вполне подтверждаются, и устанавливается несомнѣнная связь городища съ могильниками. Въ то же время Салтовскіе могильники, какъ мы видимъ, имѣютъ громадное сходство съ Кавказскими, а также и съ Зливкинскимъ Изюмскаго уѣзда Харьковской губерніи и съ Маяцкимъ могильникомъ Воронежской губерніи.

Въ этнографическомъ отношеніи Хозарія IX и X вѣковъ представляла удивительную смѣсь народностей, которыя мирно уживались другъ съ другомъ. Такимъ же разнообразіемъ отличалось населеніе Хозаріи и въ религіозномъ отношеніи что очевидно, зависѣло отъ самаго состава населенія Хозаріи.

Въ настоящее время благодаря производимымъ археологическимъ розысканіямъ территорія Хозарскаго царства расширяется и выясняется что Хозары обитали какъ на сѣверномъ Кавказѣ, такъ и по всему югу теперешней Россіи — по р. сѣверному Донцу и дальше на сѣверъ, включая Воронежскую и др. губерніи. При болѣе же обстоятельномъ изученіи открываемыхъ памятниковъ удастся все болѣе и болѣе пополнить пробѣлы какъ исторіи Хозаръ, такъ и первоначальной исторіи Руси.

Дневники раскопок 1911 года.

Верхне-Салтовскій катакомбный 1-й могильникъ занимаетъ огромную площадь въ нѣсколько десятковъ десятинъ, такъ что на такомъ большомъ пространствѣ по ограниченности средствъ приходится вести раскопки могильника въ теченіе свыше 10 лѣтъ на небольшихъ сравнительно его участкахъ, преимущественно, по окраинамъ могильника, такъ какъ внутренняя часть его всегда занята посѣвами. Производившіяся до сихъ поръ раскопки велись, преимущественно, съ восточной, юго-восточной и южной стороны могильника; въ настоящемъ же году явилась возможность изслѣдовать юго-западную и отчасти западную его часть.

Въ юго-западной части могильника были прорыты двѣ параллельныхъ траншей, идущихъ по направленію съ запада на востокъ; первая на протяженіи 42 саж., а вторая на протяженіи 10 саж., глубина ихъ и ширина по $\frac{1}{2}$ саж. Въ материковомъ грунтѣ «леса» замѣтны были продолговатыя пятна отъ засыпанныхъ катакомбныхъ проходовъ. По раскопкѣ, такихъ проходовъ въ этихъ траншеяхъ оказалось 17. Кромѣ того, прорыты были 2 траншеи по направленію къ югу отъ первыхъ, въ которыхъ оказалось еще два прохода и 7 проходовъ открыто было въ оврагахъ.

Съ западной стороны могильника, въ свою очередь, прорыты были двѣ траншеи: одна въ направленіи съ N на S., другая — въ направленіи отъ первой съ запада на востокъ. Въ первой траншеѣ оказалось четыре могильныхъ прохода, во второй — два, а всѣхъ вмѣстѣ найдено 32 катакомбы.

Всѣ катакомбы въ этой части могильника ориентированы длиной прохода, главнымъ образомъ, съ юга на сѣверъ съ нѣкоторыми отклоненіями по компасу къ NE или къ NW. Катакомбы своей длиной располагались поперекъ прохода, т.-е. съ E. на W.

Разстояніе между рядами могильныхъ проходовъ около 8 саж. Разстояніе между самими проходами колеблется между 2—3 саж. Длина и глубина проходовъ весьма разнообразна, такъ же какъ и размѣры катакомбъ. Проходы тянутся своей длиной подъ повышеніе горы.

Грунтовый пластъ юго-западной части могильника состоитъ изъ плотнаго слоя глины — «леса», а въ западной части песчаный грунтъ.

Почвенный слой, прикрывающій проходы, — неглубокій черноземъ толщиной около 1 аршина.

Погребенія въ катакомбахъ одиночныя и коллективныя. На ряду съ катакомбами найдены въ двухъ случаяхъ погребенія лошадей въ узкихъ ямныхъ могилахъ.

Погребенія въ катакомбахъ ориентированы по длинѣ катакомбы, главнымъ образомъ, съ E на W головами и изрѣдка съ N на S головами.

Полъ катакомбы расположенъ нѣсколько ниже пола прохода почти на 25 см.; размеры его, $2,20 \times 2$ метра. Боковыя стѣнки имѣютъ сводчатый видъ, высота котораго 1,80 метра. Своей длиною катакомба ориентированна съ Е на W., т.-е. поперекъ прохода.

На полу катакомбы на слоѣ угля, толщиною въ 3 см., расположено было два погребенія, ориентированныхъ по длинѣ катакомбы, т.-е. съ Е. на W. головой. Костяки погребеній положены были въ правильно вытянутомъ положеніи.

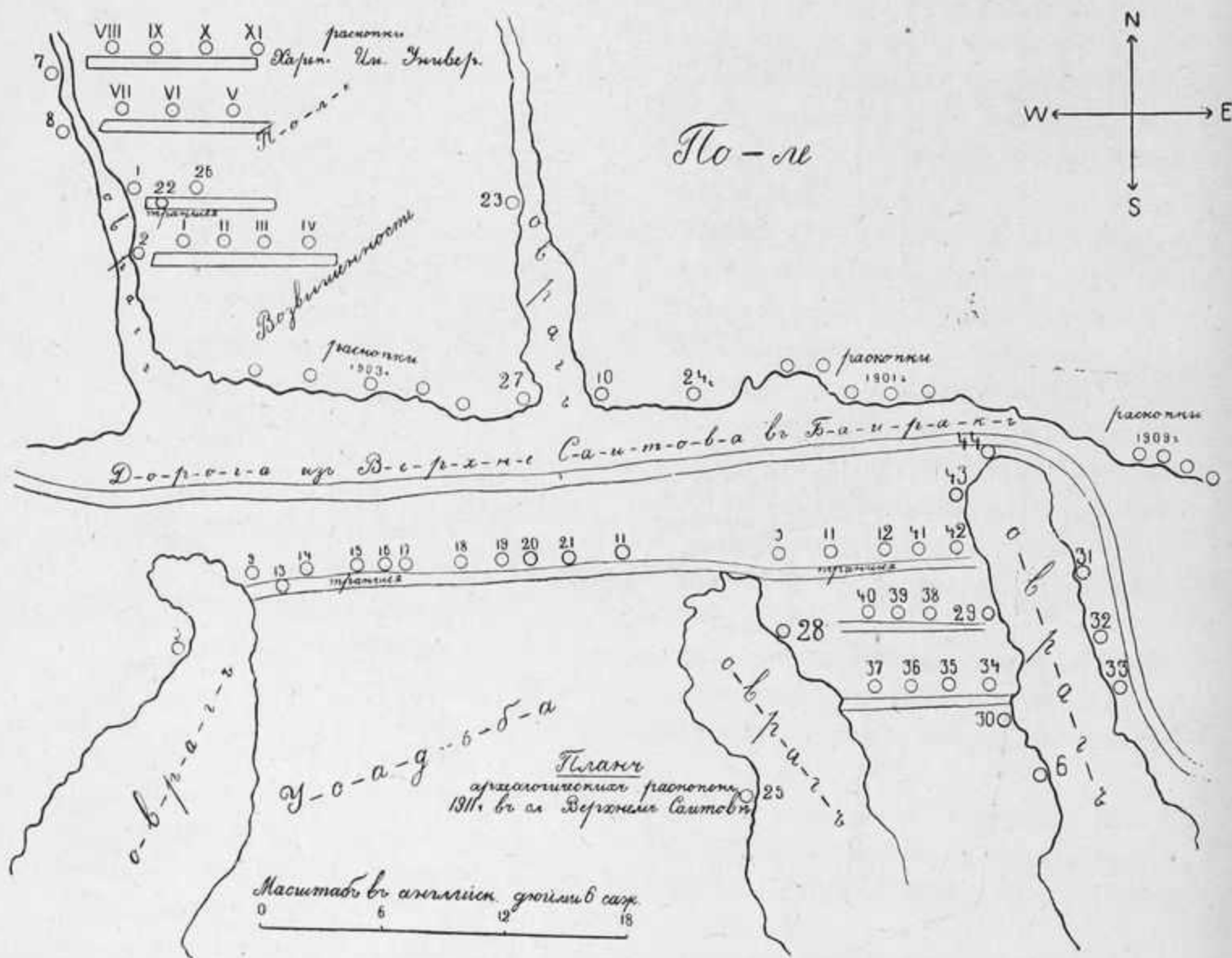

Рис. 55.

Костякъ перваго погребенія 1,62 метра длины, около него въ головахъ стоялъ большой глиняный сосудъ въ видѣ кувшина съ очень расширеннымъ корпусомъ и сильно суженнымъ горлышкомъ. На внѣшней сторонѣ сосуда замѣтенъ буроваго цвѣта налетъ, быть-можетъ, отъ истлѣвшей крови. Около тазовыхъ костей лежали куски истлѣвшихъ ремней и около нихъ серебряный наборъ пояса; на ногахъ такой же наборъ обуви.

Около втораго погребенія, костякъ котораго отличался своей величиной, достигавшей 1,95 метра; съ лѣваго боку, около руки лежала длинная прямая сабля

въ 1 метръ длины съ богатой серебряной обдѣлкой ноженъ съ рельефнымъ орнаментомъ. По срединѣ ноженъ и на концѣ тоже серебряныя оковки и серебряныя орнаментированныя дужки для подвѣшиванія сабли. Рукоять сабли украшена серебряными орнаментированными скобками; навершень рукоятки отлить изъ серебра, имѣлъ грушевидную форму и украшенъ рельефнымъ орнаментомъ и изображеніемъ женщины. Около сабли, въ поясной части костяка, лежали куски толстаго ремня съ металлическими двойными пряжками и съ серебрянымъ наборомъ состоявшимъ изъ многочисленныхъ треугольныхъ бляшекъ и круглыхъ пластинокъ. Съ правой стороны костяка находились три желѣзныхъ ножа. Около ногъ остатки истлѣвшихъ ремней отъ обуви. Около черепа желѣзный полушарообразный шлемъ. Погребеніе съ такой богатой саблей встрѣчается впервые за всѣ бывшія до сихъ поръ раскопки. Судя по величинѣ костяка и по оружію, можно полагать, что въ этой катакомбѣ былъ погребенъ знатный воинъ или, военачальникъ.

Катакомба 2-я. (2—4 іюля)

Проходъ въ катакомбу вскрытъ былъ у задней вертикальной стѣны на глубинѣ 4 метровъ, шириною въ 60 см. и длиною въ 4,50 метра.

Въ двухъ метрахъ отъ входнаго отверстія на полу прохода стояла ребромъ около стѣнки каменная плита въ $80 \times 60 \times 20$ см., и около нея находились кости человѣческихъ ногъ до колѣнъ.

Находка отдѣльныхъ частей костяка представляетъ изъ себя интересную загадку.

Катакомба 1,80 метра длины, 1,50 метра ширины и 1,40 метра высоты, при чемъ полъ ея ниже пола прохода на 20 см.

Погребеній три, костяки плохой сохранности и найдены въ безпорядкѣ. При первомъ погребеніи, въ грудной части костяка, лежали ряды бусъ отъ ожерелья. Бусы, преимущественно, сердоликовыя, известковыя, сложныя и мозаичныя различной формы и рисунка. Около второго погребенія въ головахъ лежало металлическое зеркало съ рельефными кружками на оборотѣ.

Въ грудной части костяка найдены мелкія бусы изъ синей смальты, круглая раковина со сверлиной, пара круглыхъ металлическихъ пластинокъ и проч.

Третье погребеніе имѣло справа около таза желѣзный узкій небольшой кинжалъ 17 см. длины съ серебряной оковкой на ножнахъ и обломки желѣзныхъ ножей. Около ногъ литые бубенцы со звономъ, одинъ изъ которыхъ прикрѣпленъ къ широкой проволоочной спирали.

Катакомба 3-я. (4 іюля.)

Проходъ въ катакомбу, длиной 4,30 метра, глубиною въ 3 метра и шириною въ 50 см. кончался отверстіемъ въ самую катакомбу въ 75 см. высоты и 50 см. ширины; самая катакомба 1,80 метра длины, 1,50 метра ширины и 1,70 метра высоты. Полъ ея ниже пола прохода на 15 см. Длина катакомбы ориентирована съ Е. на W.,

входъ на S. Стѣны катакомбы обрушились. Послѣ очистки земли слѣва отъ входа найденъ сосудъ, черно-сѣрой глины, въ формѣ рѣпы; высота его 10 см., діаметръ корпуса 13 см. Края горлышка отбиты.

Погребеній три. При женскомъ два дѣтскихъ, изъ послѣднихъ одно съ боку главнаго, а другое — въ ногахъ.

Въ головахъ перваго дѣтскаго погребенія лежало металлическое зеркало въ 8,5 см. въ діаметрѣ съ рельефнымъ орнаментомъ въ видѣ змѣекъ головастиковъ, точекъ и кружковъ на обратной сторонѣ и съ ушкомъ для привѣшиванія. Около зеркала лежали спирали изъ бронзовой проволоки и масса разнообразныхъ бусъ — сердоликовыхъ, мозаичныхъ и изъ синей смальты. Тутъ же найдена пара круглыхъ пластинокъ одного состава и работы, что и зеркало, очевидно дѣтскія зеркальца.

Около черепа взрослого женскаго погребенія, костякъ котораго имѣлъ 1,68 метра длины, лежала серебряная серьга съ привѣшенной на шарнирѣ подвѣской; въ грудной части бусы отъ ожерелья, на рукахъ по 2 бронзовыхъ браслета и на пальцахъ бронзовые перстни. Около таза истлѣвшій желѣзный ножъ и около него куски проволочной спирали съ круглой ажурной привѣской и двумя привѣсками въ видѣ голубя и бѣгущаго быка. Съ боку погребенія треугольная ажурная пряжка съ отвалившейся желѣзной перекладной. Около ногъ обломки металлическихъ шариковъ и литые бубенцы.

Катакомба 4-я. (5—6 іюля 1911 г.)

Проходъ углублялся по направленію къ катакомбѣ двумя глубокими уступами на протяженіи 3,50 метра, шириною въ 60 см.

Катакомба оказалась на глубинѣ 3 метровъ отъ поверхности почвы. Длина ея 2 метра, ширина 1,80 метра и высота 1,60 метра.

Погребеній два, ориентированы съ E. на W. головами по длинѣ катакомбы, имѣвшей съ S. стороны входъ. Костякъ перваго погребенія 1,60 метра длины, имѣлъ обломки желѣзнаго ножа, бронзовую шарообразную пуговицу, бубенчики и обломки штампованныхъ шариковъ. Второе погребеніе, костякъ котораго 1,70 метра длины, имѣлъ ряды разнообразныхъ бусъ, перламутровыя круглыя пластинки со сверлинами, спиральки и простое металлическое зеркало. Слева при входѣ глиняный сосудъ въ видѣ кувшина съ узкимъ горлышкомъ и около него берцовая кость быка.

Катакомба 5-я. (5—7 іюня.)

Проходъ и катакомба вскрыты сверху. Проходъ 65 см. ширины и 2 метра длины. Катакомба оказалась на глубинѣ 1,50 метра отъ поверхности почвы, но прежде глубина была значительно больше, такъ какъ прикрывающій ее слой былъ наполовину смытъ водою. Длина катакомбы 1,75 метра, ширина 1,10 метра.

Погребеній два, ориентированы съ E. на W. головами. Длина перваго костяка 1,68 метра, второго — 1,60 метра. Въ головахъ между погребеніями глиняный сосудъ въ видѣ кружки. Около перваго погребенія возлѣ правой руки три желѣзныхъ ножа

въ истлѣвшихъ ножнахъ и бубенцы. Около второго — ряды разнообразныхъ бусъ отъ роскошнаго ожерелья мозаичныхъ, известковыхъ, шарообразныхъ изъ синей смальты и такіе же лунеобразныя привѣски.

Катакомба 6-я. (6—9 іюля.)

Могильный проходъ 2 метра длины и 6 см. ширины. Катакомба оказалась на глубинѣ 4,20 метра отъ поверхности почвы и вся была обрушена и завалена землей, почему размѣры неопредѣленны.

Погребеній два, костяки плохой сохранности и нарушены обваломъ. Возлѣ нихъ; разбитое металлическое зеркало, орнаментированное на оборотѣ, большая серьга съ подвижной привѣской и обломки другой, пара особенно крупныхъ литыхъ бубенцовъ и нѣсколько мелкихъ, пара проволочныхъ браслетовъ, обломки желѣзнаго ножа и серебряный наборъ обуви. Въ переднемъ лѣвомъ углу катакомбы глиняный сосудъ въ видѣ кувшина съ расширеннымъ корпусомъ и узкимъ горлышкомъ, и около него бычачья кость. Высота кувшина 22 см., діаметръ корпуса 17 см.

Катакомба 7-я. (7—10 іюля.)

Проходъ тянулся на протяженіи 3 метровъ, шириною въ 65 см. Катакомба оказалась на глубинѣ 2,50 метра отъ почвенной поверхности, имѣла 1,60 метра длины, 1,50 метра ширины и 1,20 метра высоты.

Погребеніе одиночное, костякъ котораго своею длиною далеко превосходитъ величину катакомбы, почему положенъ былъ съ сильно подогнутыми ногами и ориентированъ съ Е. на W. головой. Длина костяка въ вытянутомъ видѣ достигала 1,85 метра, и при немъ никакихъ предметовъ не оказалось; очевидно, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ погребеніемъ раба, положеннаго съ небрежностью въ тѣсную катакомбу. Подобныя погребенія встрѣчались и прежде.

Катакомба 8-я. (8—9 іюня)

Проходъ имѣлъ 5 метровъ длины, 55 см. ширины; ориентированъ съ SE. на NW. Катакомба имѣла 2,20 метра длины, 1,80 метра ширины и 80 см. высоты, длиною ориентирована съ NE. на SW., такъ же какъ и положенное къ задней стѣнкѣ погребеніе, костякъ котораго отличался выдающейся длиною, доходившей до 2,05 метра (2 арш. 14 вершк.). При погребеніи, кромѣ небольшого желѣзнаго ножа и глинянаго сосуда, ничего другого не оказалось. Около сосуда лежала берцовая кость барана.

Огромный ростъ костяка и отсутствіе бытовыхъ предметовъ, опять наводитъ на мысль о погребеніи въ этомъ случаѣ раба-великана.

Катакомба 9-я. (11—13 іюня)

Проходъ шелъ уступами, сильно углубляясь въ материкъ, такъ что при входѣ въ катакомбу имѣлъ 6 метровъ глубины; ширина его 65 см. Входное отверстіе за-

ложено было камнями. Полъ катакомбы понижался на 20 см., размѣры ея — 2 метра длины, столько же ширины и высота около 2,50 метра.

На полу, на слое древеснаго угля, толщиною въ 2 см., расположено было въ вытянутомъ положеніи четыре погребенія, изъ коихъ два ориентированы на W. третье — на E. и четвертое поперекъ первыхъ на N. головой, при чемъ послѣднее положено было сверху первыхъ трехъ. Костяки плохой сохранности, изъ нихъ одинъ дѣтскій. Около дѣтскаго погребенія найдены синяго цвѣта мелкія бусы.

Второе погребеніе имѣло ряды бусъ — известковыхъ и мозаичныхъ, на пальцахъ — перстни, а около таза — желѣзный кинжалъ съ металлической оковкой отъ поженъ; тутъ же лежали бронзовыя спиральки и туалетный наборъ, состоявшій изъ раскрывающихся металлической коробки съ подвѣшенными на цѣпочкахъ ажурными привѣсками.

Третье погребеніе имѣло металлическое зеркало съ геометрическимъ орнаментомъ на оборотѣ, серьги и бусы.

Четвертое погребеніе — обломки ножа, наборъ пояса и пять игральныхъ костей. Около черепа находился глиняный сосудъ въ видѣ кувшина съ узкимъ горлышкомъ. Около сосуда берцовая кость бычка.

Катакомба 10-я. (13—14 іюля)

Проходъ тянулся съ S. на N. на протяженіи 3,50 метра, шириною въ 65 см. Катакомба оказалась на глубинѣ 2 метровъ, при чемъ полъ ея понижался на 15 см. отъ пола прохода. Размѣры катакомбы — 1,85 метра длины, 1,60 метра ширины и 1,55 метра высоты. Погребеніе ориентировано на W. и при немъ обломки желѣзнаго ножа, куски спирали, пара перстней, браслетъ, треугольная ажурная пряжка, ухвертка, крупная пластинка и бубенцы.

Катакомба 11-я. (16—18 іюля.)

Проходъ въ катакомбу шелъ съ S. на N. на протяженіи 3,50 метра шириною въ 60 см. Катакомба находилась на глубинѣ 3 метровъ, длина ея 1,80 метра, ширина 1,60 метра и высота 90 см. Погребеній два женскихъ съ плохо сохранившимися костяками и разрушенными черепами. Ориентированы съ E. на W. то-есть поперекъ прохода и по длинѣ катакомбы. Возлѣ перваго погребенія въ головахъ лежало металлическое зеркало, орнаментированное на оборотѣ; въ грудной части костяка въ нѣсколько рядовъ разнообразной формы, величины и состава бусы: сердоликовыя, известковыя, изъ синей и разноцвѣтной смальты. На пальцахъ правой руки были перстни, около таза лежали обломки желѣзнаго ножа, на ногахъ бронзовыя пластинки отъ набора обуви.

Около второго погребенія на мѣстѣ разрушеннаго черепа лежали подвѣски отъ бронзовой серьги, въ грудной части ряды плоскихъ бусъ изъ синей смальты, литые бронзовые бубенцы, ухвертки и обломки кинжала въ истлѣвшихъ ножнахъ съ металлической оковкой; на ногахъ куски ремня и металлическія бляшки отъ

набора обуви. Между погребеніями найденъ туалетный наборъ, состоящій изъ обломковъ металлической коробки съ подвѣшенными на цѣпочкахъ бубенцами и привѣской въ видѣ кинжала, а также пара раковинъ со сверлинами. Въ переднемъ лѣвомъ углу стоялъ глиняный сосудъ темно-сѣраго цвѣта въ видѣ кувшина съ расширеннымъ корпусомъ и суженнымъ горлышкомъ, переходящимъ въ изящный носокъ, высота сосуда 23 см., діаметръ корпуса 22 см. На наружныхъ стѣнкахъ сосуда замѣтенъ красно-бурый налетъ, очевидно, отъ истлѣвшей крови. Около сосуда лежала берцовая кость быка.

Катакомба 12-я. (18—20 іюля.)

Проходъ углублялся большими уступами на протяженіи 3 метровъ, въ 65 см. шириною, ориентированъ съ SE. на NW. Катакомба своею длиною примыкаетъ къ проходу; размѣры ея: 2,30 метра длины, 2,20 метра ширины и 2,50 метра высоты, полъ ея ниже прохода на 30 см. устланъ слоемъ древеснаго угля въ 3 см. толщины, поверхность прикрытымъ берестой.

Погребеній два — мужское и женское, ориентированы головами на юго-западъ.

Передняя часть катакомбы была ничѣмъ не занята, но съ лѣвой ея стороны лежалъ богатый наборъ конской сбруи, состоявшій изъ многочисленныхъ круглыхъ бронзовыхъ пластинокъ, покрытыхъ позолотой, листовидныхъ такихъ же пластинокъ меньшаго размѣра и нѣсколько ажурныхъ отъ головного убора лошади, а также нѣсколько крупныхъ кованыхъ бубенцовъ и металлическихъ стержней отъ мохровъ. Тутъ же пара желѣзныхъ стремянъ съ плоскими подножками, удила съ высокими трензелевыми частями, кольца и пряжки и мелкія треугольныя бляшки съ рельефнымъ орнаментомъ, очевидно отъ набора уздечки.

При первомъ женскомъ погребеніи, костякъ котораго имѣлъ 1,68 метра длины, около черепа лежало металлическое зеркало и рядъ разнообразныхъ бусъ отъ богатаго ожерелья. На лѣвой рукѣ бронзовый проволочный браслетъ и на пальцахъ серебряный перстень съ камнемъ. Около таза — рядъ крупныхъ бусъ и бубенцы.

Около второго мужского погребенія, костякъ котораго 1,80 метра длины, въ головахъ лежалъ желѣзный боевой топоръ, плоская лопатка и съ праваго боку желѣзная сабля со слабой кривизной съ желѣзной перекладиной около рукоятки; длина сабли 86 см. Съ лѣваго боку желѣзный кинжалъ со слѣдами серебряной оковки отъ ноженъ и нѣсколько желѣзныхъ ножей.

Въ переднемъ лѣвомъ углу стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ невысокой кружки и около него бычачья кость.

Катакомба 13-я. (21—23 іюля.)

(Погребеніе лошади.)

Могила (на ряду съ предыдущими) имѣла видъ длинной и узкой траншеи глубиною въ 2 метра, длиною 3 метра и шириною 65 см., при чемъ нижняя часть, гдѣ находилось погребеніе лошади, постепенно суженна, почти до 20 см. ширины.

Въ этой сѣуженной части могилы лошадь, судя по положенію костяка, была силой втиснута, такъ что ребра и задняя часть костяка были сильно сдавлены, голова приподнята кверху въ расширенную часть могилы. Какъ могила своей длинной, такъ и скелетъ лошади ориентированы съ S. на N. т.-е. по длинѣ другихъ катакомбныхъ проходовъ.

Лошадь погребена съ полнымъ наборомъ сбруи. Около черепа лежали серебряныя круглыя пластинки 7 см. въ діаметрѣ, и мелкія листовидной формы бляшки, а также серебряный головной уборъ въ видѣ умбъ съ трубкой для насадки султана. Съ боку костяка стояло желѣзное удлиненное копьѣ 29 см. длины съ трубкой для насадки на дерево, слѣды отъ истлѣвшаго дерева были замѣтны до самаго пола могилы. Сзади костяка на особомъ уступѣ лежали желѣзныя стремяна, удила съ высокими трензелевыми частями, пряжки и кольца отъ упряжки. Костякъ лошади имѣлъ 2,20 метра длины.

Катакомба 14-я. (24—25 іюля.)

Проходъ въ катакомбу длиною 1,50 метра, шириною 65 см. Катакомба находилась на глубинѣ 1,50 метра, длина ея 90 см., ширина 70 см. и высота 50 см. и своей длинной стороной примыкала къ проходу, ориентированному съ S. на N. На полу катакомбы расположено два дѣтскихъ погребенія, ориентированныхъ первое съ W. на E., а второе, наоборотъ, съ E. на W. головой. Костякъ перваго погребенія 72 см. длины, второго — 68 см. У тазовыхъ костей второго костяка лежало нѣсколько литыхъ бронзовыхъ бубенцовъ, куски бронзовой спирали; сбоку игральныя кости, изъ коихъ главная имѣла влитой въ отверстіе свинецъ, и бронзовая шарообразная пуговица.

Катакомба 15-я. (25—27 іюля.)

Проходъ въ катакомбу ориентировъ съ S. на N., имѣлъ 3 метра длины и 62 см. ширины, углублялся по направленію къ катакомбѣ нѣсколькими уступами. Самая катакомба находилась на глубинѣ 3,50 метра, длина и ширина ея по 2 метра, высота 2 метра 30 см. На полу на слоѣ берестовой подстилки расположены въ 2 ряда шесть дѣтскихъ погребеній, отдѣльно ориентированныхъ въ каждомъ ряду; въ первомъ на W. головами, во второмъ, наоборотъ, на востокъ. Костяки незначительныхъ размѣровъ отъ 55 см. до 75 см.

При погребеніяхъ оказались: половинки отъ битыхъ изъ металлическихъ пластинокъ шариковъ, бубенцы, спиральки, серебряная дѣтская серьга съ неподвижной подвѣской, дѣтскій браслетъ и шейный бронзовый обручъ. При каждомъ костякѣ лежали рядами просверленные кости мелкихъ животныхъ, имѣвшихъ значеніе амулетовъ. У задней стѣнкѣ стоялъ большой глиняный сосудъ въ видѣ кувшина съ очень расширеннымъ корпусомъ и сѣуженнымъ горлышкомъ. Около сосуда лежала берцовая кость быка. Высота сосуда 24 см., діаметръ корпуса 18 см. Сбоку сосуда имѣлъ высокую ручку.

Катакомба 16-я. (27—28 июля.)

Проходъ имѣлъ 1,70 метра глубины, тянулся на протяженіи 2 метровъ, шириною въ 70 см., при чемъ полъ имѣлъ горизонтальное направленіе къ катакомбѣ. Оріентированъ съ S. на N. Катакомба расположена на одномъ уровнѣ съ проходомъ и имѣла 1,80 метра длины, 1,20 метра ширины и столько же высоты. На полу оказалось два погребенія. Первое взрослое, костякъ 1,70 метра длины, оріентировано на W. головой. Около черепа желѣзный боевой топоръ и небольшая лопатка съ загибами для насадки на древко; около таза обломки желѣзныхъ ножей и литые бронзовые бубенцы.

Второе погребеніе — дѣтское, въ ногахъ перваго на E. головой; длины 65 см. при немъ куски бронзовой спирали и ажурныя круглыя привѣски.

Катакомба 17-я. (28—30 июля.)

Проходъ оріентированъ съ S. на N., тянулся на разстояніи 7 метровъ, ширина его въ 56 см. Катакомба 2 метровъ длины, 1,70 метра ширины и 2,20 метра высоты, примыкала своей узкой частью къ проходу.

Погребеній четыре, оріентированы съ S. на N. головами, т.-е. по длинѣ прохода и катакомбы. Изъ нихъ три погребенія лежали рядомъ, а четвертое положено было сверху третьяго погребенія. Костякъ этого погребенія отличался отъ другихъ своей величиной, длина его 1,80 метра.

При первомъ погребеніи лежали обломки желѣзнаго ножа, желѣзная лопатка, наборъ пояса и бубенцы, изъ которыхъ одинъ особенно крупный. Около второго очевидно женскаго, въ грудной части ряды разнообразныхъ бусъ отъ ожерелья, на пальцахъ перстни и около черепа пара крупныхъ серебряныхъ серегъ съ подвижными привѣсками на шарнирахъ. Около третьяго — масса жемчужныхъ бусъ, лежавшихъ въ 3 ряда, соединявшихся плоскими бусами изъ синей смальты; на рукахъ браслеты и перстни; сбоку обломки металлическаго зеркала; на ногахъ куски отъ обуви.

Возлѣ западной стѣны катакомбы стоялъ кувшинъ съ расширеннымъ у дна корпусомъ и около него пара берцовыхъ костей быка. Высота сосуда 24 см., диаметръ корпуса 23 см. Наружныя стѣнки сосуда исчерчены вокругъ линіями; точно такъ же и ручка имѣетъ блестящія поперечныя черточки.

Катакомба 18-я. (30—31 июля.)

Проходъ тянулся съ SE. на NW. на протяженіи 4 метровъ, шириною 60 см. Катакомба находилась на глубинѣ 2,50 метра; длина ея 1,90 метра, ширина 1,70 метра и высота 1,50 метра. Погребеній два. Оріентированы съ NE. на SN. т.-е. по длинѣ катакомбы, примыкавшей своей длинной частью къ проходу. Первое погребеніе мужское; костякъ его 1,72 метра длины. Около правой руки костяка желѣзный боевой топоръ съ молоточной частью, желѣзная лопатка съ загибами для насадки, 2 желѣзныхъ ножа и наборъ пояса. Второе погребеніе женское, костякъ 1,67 метра длины; около черепа

пара серегъ съ неподвижными подвѣсками, на рукѣ массивный бронзовый браслетъ, въ грудной части костяка ряды сердоликовыхъ бусъ разной величины и формы; около тазовыхъ костей туалетный наборъ, состоящій изъ металлической открывающейся коробочки съ подвѣшенными на цѣпочкахъ круглыми ажурными подвѣсками; тутъ же металлическое зеркало, орнаментированное на оборотѣ, и треугольной формы ажурная пряжка безъ булавки.

Въ головахъ между погребеніями стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ низкой кружечки, покрытой снаружи черной блестящей лакировкой. Около сосуда бычачья кость.

Катакомба 19-я. (2—3 августа.)

Проходъ въ катакомбу ориентированъ съ S. на N., длина его 3 метра, ширина 65 см. Катакомба длиной своей ориентирована также, размѣръ ея: 1,80 метра длины, 1,70 метра ширины и 1,30 метра высоты.

Погребеній три, ориентированы по длинѣ катакомбы. Костяки плохой сохранности. Около перваго погребенія обломки желѣзнаго ножа, масса литыхъ бронзовыхъ бубенцовъ, куски бронзовой спирали, серебряный наборъ пояса. Возлѣ втораго погребенія бусы — сердоликовыя, плоскія изъ синей смальты и др.; ажурная треугольная пряжка и нѣсколько круглыхъ привѣсокъ съ соколиными головами. При третьемъ погребеніи такія же бусы отъ ожерелья, литые бронзовые бубенцы, на ногахъ наборъ обуви, состоявшій изъ бляшекъ и пряжекъ. Съ боку погребенія металлическое зеркало, орнаментированное на оборотѣ, бронзовая перекладина къ цѣпочкѣ, круглая небольшая пластинка изъ такого же сплава, какъ и зеркало.

Въ заднемъ лѣвомъ углу небольшой сосудъ въ видѣ кружки, и около него берцовая кость быка.

Могила 20-я. (4—5 августа.)

(Погребеніе лошади.)

Могила эта имѣла какъ и первая видъ узкой траншеи длиною 2,80 метра, въ которой лошадь была похоронена въ одномъ и томъ же положеніи какъ выше-описанная.

Катакомба 21-я. (7—8 августа.)

Проходъ въ катакомбу тянулся съ S. на N., углубляясь нѣсколькими уступами на протяженіи 5 метровъ шириною въ 70 см. Катакомба находилась на глубинѣ 4 метровъ и имѣла 2,20 метра длины, 2 метра ширины и 2,50 метра высоты. Полъ ея понижался на 25 см. противъ пола прохода. Погребеній три, ориентированы съ E. на W. головами. Костяки плохой сохранности. При первомъ погребеніи, костякъ котораго 1,72 метра длины, около таза лежалъ желѣзный кинжалъ въ 70 см. длины въ истлѣвшихъ ножнахъ, бубенцы и спиральки. Въ головахъ стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ кувшина съ расширеннымъ корпусомъ; около него бычачья кость. Второе погребеніе женское, костякъ 1,67 метра длины; при немъ, начиная отъ черепа и до тазовыхъ костей, лежали разнообразныя бусы изъ

синей смальты и сложныя столбиками изъ шариковъ золотистыя бусы, на рукахъ металлическій перстень и проволочный браслетъ. Третье погребеніе тоже женское, костякъ 1,58 метра длины; при немъ, въ свою очередь, лежали ряды бусъ, половинки отбитыхъ изъ пластинокъ шариковъ, на рукахъ браслеты и перстни, около таза — литые бронзовые бубенцы. Подъ погребеніями замѣтны остатки отъ берестовой подстилки.

Катакомба 22-я. (8—9 августа.)

Проходъ въ катакомбу вскрытъ былъ у задней вертикальной стѣны при самомъ входѣ въ катакомбу на протяженіи 2 метровъ, шириною въ 75 см. Полъ катакомбы находился на глубинѣ 3 метровъ; длина катакомбы 1,80 метра, ширина 1,60 метра и высота 1,10 метра; полъ ея ниже пола прохода на 20 см. Погребеній четыре: одно взрослое, костякъ котораго 1,70 метра, второе — подростка, костякъ 1,50 метра, и два дѣтскихъ; костяки послѣднихъ 1,30 метра и 50 см. длины. Около перваго подростка найдены разнообразныя бусы отъ ожерелья, на пальцахъ серебряныя перстни и бронзовые массивныя браслеты. Возлѣ второго — взрослого — ряды сердоликовыхъ бусъ, известковыхъ и мозаичныхъ; изъ нихъ многія отличались большой величиной, обломки крупной серьги съ подвѣской въ видѣ насаженнаго на столбикъ шарика; на рукахъ по нѣсколько браслетовъ, на ногахъ — куски ремня и бронзовыя бляшки отъ набора обуви. Съ боку погребенія желѣзный ножъ, въ головахъ небольшой глиняный горшечекъ, и около него бычачья кость.

Около дѣтскихъ костяковъ — пара серебряныхъ диргемовъ, мелкія бусы, просверленные звѣриныя когти и суставъ пальца, очевидно отъ амулетовъ, круглая металлическая пластинка и серьга съ подвѣшенной раковиной.

Катакомба 23-я. (9—10 августа.)

Проходъ въ катакомбу тянулся на протяженіи 4 метровъ, шириною въ 65 см., ориентированъ съ S. на W. Оказалась она на глубинѣ 2,10 метра, длина ея 2,10 метра, ширина 2,10 метра и высота 1,80 метра.

Погребеніе одно, положено было къ задней сѣверной стѣнкѣ головой на западъ. Костякъ почти весь истлѣлъ. Около него сбоку лежалъ желѣзный кинжалъ 18 см. длины, бубенцы, на ногахъ металлическія бляшки и куски ремней отъ обуви. У западной стѣнки стоялъ раздавленный сосудъ въ видѣ кувшина съ узкимъ горлышкомъ, переходящимъ въ изящный носокъ.

Катакомба 24-я. (10—11 августа.)

Проходъ въ катакомбу тянулся на протяженіи 4 метровъ, шириною въ 70 см., ориентированъ на N. Оказалась она на глубинѣ 3 метровъ; длина 1,90 метра, ширина 1,60 метра и высота 1,30 метра.

Погребеній два. Костяки плохой сохранности, ориентированы на W. головой.

При первомъ погребеніи, около разрушеннаго черепа, лежали ряды разнообразныхъ бусъ, металлическая серьга, съ неподвижной подвѣской, на рукахъ проволочный бронзовый браслетъ и перстень, около таза обломки желѣзнаго ножа.

Около второго погребенія, лежали ряды мозаичныхъ бусъ, литые бронзовые бубенцы, круглая пластинка и куски спирали.

Катакомба 25-я. (10—12 августа.)

Катакомба эта оказалась ниже предыдущей въ южномъ направленіи, при чемъ проходъ ея имѣлъ 5,50 метра длины и 62 см. ширины, ориентированъ на западъ.

Катакомба находилась на глубинѣ 3,50 метра, длина ея 2 метра, ширина 1,80 метра и высота 1,70 метра.

Погребеній два, ориентированы на W. головами; костяки плохой сохранности.

У первого погребенія около таза желѣзный ножъ и металлическій наборъ пояса, состоявшій изъ пряжки и треугольныхъ бляшекъ съ колечками, на ногахъ — куски ремней и металлическій наборъ обуви. Около второго погребенія рядами мелкія бусы изъ синей смальты, около черепа — небольшая бронзовая серьга. Въ переднемъ лѣвомъ углу стоялъ большой глиняный сосудъ въ видѣ кувшина съ очень расширеннымъ корпусомъ и суженнымъ горлышкомъ, и около него берцовая кость быка. Высота сосуда 21 см., діаметръ корпуса 20 см.

Катакомба 26-я. (12—14 августа 1911 г.)

Проходъ 3,50 метра длины и 55 см. ширины, ориентированъ съ S. на N.

Катакомба на глубинѣ 2,50 метра длиною, ориентирована по проходу съ S. на N., размѣры ея: 2 метра длины, 1,50 метра ширины и 1,0 метра высоты.

На полу расположено было два погребенія, изъ коихъ одноженское и другое дѣтское.

Костякъ первого — 1,68 метра длины, второго — 65 см., ориентированы костяки на N. головами по длинѣ катакомбы. При дѣтскомъ погребеніи мелкія бусы и на рукахъ пара дѣтскихъ браслетовъ. Около взрослого погребенія найдены плоскія бусы изъ синей смальты и цилиндрической формы известковыя бусы, а также круглая раковина со сверлиной, круглая перламутровая пластинка съ отверстіемъ, литые бронзовые бубенцы со звономъ и лунеобразныя привѣски изъ синей смальты. Сосуда при погребеніяхъ не оказалось.

Катакомба настолько хорошо сохранилась, что на сводчатыхъ ея стѣнкахъ замѣтны были слѣды отъ желобчатой лопатки, которой обдѣлывалась катакомба.

Катакомба 27-я. (16—17 августа.)

Катакомба вскрыта просто сверху и находилась на глубинѣ 3,50 метра отъ поверхности почвы, длина ея и ширина по 2 метра.

Костяки плохой сохранности и притомъ нарушены обвалившейся землей. Судя по остаткамъ отъ череповъ и длинныхъ костей, погребеній было четыре, ориентированы три на W. головами и четвертое, наоборотъ, на востокъ.

Первое погребение лежало къ западной стѣнкѣ катакомбы, костякъ его 1,72 метра длины, около него у черепа пара большихъ бронзовыхъ серегъ, ряды разнообразныхъ бусъ, металлическое зеркало, орнаментированное на оборотѣ, на лѣвой рукѣ нѣсколько бронзовыхъ проволочныхъ браслетовъ, на пальцахъ правой руки — перстень съ камнемъ, на ногахъ металлическій наборъ обуви. Около второго погребения сбоку лежалъ желѣзный кинжалъ въ истлѣвшихъ ножнахъ съ металлической оковкой, плоская и узкая желѣзная лопатка. Около остальныхъ погребений найдены литые бронзовые бубенцы, перстни, браслеты, куски бронзовой спирали, металлическая раскрывающаяся урночка и обломки желѣзныхъ ножей.

Въ переднемъ лѣвомъ отъ входа углу стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ низкой цилиндрической формы кружки съ фигурной ручкой въ видѣ звѣря, и около сосуда лежала бычачья кость.

Катакомба 28-я. (17—18 августа.)

Проходъ длиною 2,50 метра, шириною 55 см. Катакомба 1,80 метра длины, 1,20 метра ширины и 1 метра высоты.

На полу расположено одно погребение, костякъ котораго совершенно истлѣлъ и разрушился. Около него мелкія бусы, перстень, металлическое зеркало, бубенцы, обломки бронзовой спирали, браслеты серьги въ видѣ кольца съ надѣтой раковиной, обломки желѣзнаго ножа желѣзная лопатка. Въ головахъ сосудъ въ видѣ высокаго горшка изъ плохоотмученной глины, грубой работы и слабаго обжига. Снаружи онъ сильно задымленъ и имѣетъ 15 см. высоты и 12 см. въ діаметрѣ корпуса. По своей Technikъ и формѣ онъ рѣзко отличается отъ другихъ салтовскихъ сосудовъ. Около лежали конечности молодого бычка.

Катакомба 29-я. (18—19 августа.)

Въ проходѣ, длина котораго 4 метра и ширина 65 см., найдено нѣсколько бляшекъ отъ набора пояса. Сама катакомба 1,95 метра длины, 1,85 метра ширины и 90 см. высоты.

По срединѣ лежалъ опрокинутый сосудъ въ видѣ кувшина съ отбитой ручкой. Въ виду совершенно разрушившихся отъ времени костяковъ, число погребений установить не представлялось возможнымъ; при нихъ наборъ пояса, бубенцы, обломки желѣзныхъ ножей, полуразрушенные серьги, металлическое зеркало, браслетъ, круглая привѣска, раковина, спиральки и металлическій наборъ обуви.

Катакомба 30-я.

Въ проходѣ на протяженіи 5,90 метра отъ начала его стояла поперекъ каменная плита $60 \times 50 \times 10$ см. Весь проходъ имѣлъ 6,80 метра длины и 56 см. ширины. Катакомба 2,25 метра длины, 2,10 метра ширины и столько же высоты.

Полъ катакомбы устланъ слоемъ древеснаго угля, толщиной въ 2 см. и на немъ лежали остатки костяковъ, число которыхъ точно установить было невозможно.

Въ большей сохранности былъ лишь одинъ крайній отъ входа. Около него оказалось нѣсколько желѣзныхъ ножей, бляшки отъ набора пояса, бубенцы, круглая привѣска и сбоку желѣзный топорикъ съ двумя рѣжущими концами. У другихъ костей лежали — плохой сохранности серебряныя серьги, разнообразныя бусы, браслетъ, ухвертка и куски бронзовой спирали. Въ головахъ перваго погребенія стоялъ большой сосудъ въ видѣ кувшина съ очень расширеннымъ корпусомъ и большой дугообразной ручкой. Горлышко сосуда нѣсколько отбито, высота сосуда 17 см., діаметръ корпуса 19 см.

Около сосуда поставлена кость быка.

Катакомба 31-я. (19—20 августа.)

Проходъ въ катакомбу тянулся отъ сѣвера къ югу на протяженіи 3,50 метра, шириною въ 50 см. Катакомба оказалась на незначительной глубинѣ, всего 1,80 метра. Размѣры ея незначительны и далеко не соответствовали величинѣ погребенія, длина ея 70 см., ширина 60 см. и высота 50 см. Въ ней положень въ сильно скороченномъ видѣ костякъ взрослого человѣка, такъ что ноги его были положены на грудь въ два раза изогнутыми. Длина костяка приблизительно 1,85 метра.

По отсутствію предметовъ и по небрежности въ совершеніи ритуала погребенія можно полагать, что мы имѣемъ дѣло съ погребеніемъ раба.

Могила 32-я. (21 августа.)

Могила эта не имѣла прохода, и погребеніе положено было въ неглубокой ямѣ въ 1,80 метра длины, 1,20 метра ширины и 1,50 метра глубины.

Погребеніе ориентировано съ S. на N. головой, длина костяка 1,75 метра; никакихъ предметовъ при немъ не оказалось.

Очевидно, погребеніе это позднѣйшаго происхожденія и къ катакомбному могильнику никакого отношенія не имѣетъ.

Катакомба 33-я. (22—23 августа.)

Проходъ въ катакомбу длиной 6 метровъ и 50 см. ширины, входъ 80 см. высоты; ориентированъ проходъ на S. Длина катакомбы по оси прохода 2,20 метра, ширина 1,80 метра, высота 1,30 метра. Стѣнки ея хорошо обдѣланы какимъ-то скоблящимъ инструментомъ и заканчивались сводомъ.

Погребеній оказалось два; въ головахъ глиняный сосудъ сѣрой глины въ формѣ шарообразнаго кувшина съ длиннымъ и узкимъ горлышкомъ, расширяющимся кверху и изогнутый въ носокъ. Костяки хорошей сохранности, одинъ мужской 1,70 метра длины и другой женскій 1,65 метра. Лежали костяки на спинѣ съ вытянутыми руками и ногами, ориентированы на W. головами. Около головы перваго костяка перламутровая круглая пластинка со сверлиной; около правой плечевой кости — желѣзный боевой топоръ съ вытянутой молоточной частью; съ боку таза обломки

желѣзнаго прямого кинжала съ серебряной обдѣлкой отъ ноженъ и много бронзовыхъ, покрытыхъ позлотой, бляшекъ съ колечками и безъ нихъ, такая же пряжка отъ набора пояса. Около второго въ грудной части сердоликовыя, мозаичныя, сложныя и изъ синей смальты бусы отъ ожерелья, а также круглая металлическая пластинка.

Катакомба 34-я. (23—24 августа.)

Проходъ очень длинный, 7 метровъ длины и 50 см. ширины, ориентированъ къ югу. Длина катакомбы 2,40 метра и ширина 2 метра, высота 1,50 метра; въ ней открыто два погребенія. У перваго костяка сохранилось первоначальное положеніе на спинѣ, второй же былъ отодвинутъ къ задней стѣнкѣ, и кости его находились въ безпорядкѣ. Въ головахъ перваго погребенія найденъ сосудъ въ формѣ небольшого кувшинчика, сильно расширеннаго при основаніи и съ горлышкомъ переходящимъ въ изящный носокъ. Сосудъ отъ сырости полуразрушенъ; около него кость молодого бычка. Трудно установить, какому погребенію слѣдуетъ отнести предметы, найденныя въ катакомбѣ: бусы известковыя, мозаичныя, янтарныя, между которыми выдѣлялись двѣ крупныя бусы, изъ коихъ одна шарообразная и другая особенно большая удлинненно-яйцевидной формы изъ слонстаго дымчатаго сердолика, двѣ раковины со сверлинами, пара бронзовыхъ браслетовъ, серебряный перстень съ камнемъ, ажурныя привѣски — одна въ видѣ птицы въ кругѣ и другая въ видѣ лошади; куски бронзовой спирали, небольшія бронзовыя неопредѣленной формы фигурки и серебряная круглая ложечка съ отверстіями для процѣживанія и съ плоской ручкой, покрытой орнаментомъ, и съ придѣланнымъ на концѣ колечкомъ.

Катакомба 35-я. (24—26 августа.)

Проходъ длиною 1,20 метра и 55 см. ширины. Катакомба 2 метра длины, 1,70 ширины и 1,50 метра высоты, и въ ней оказался только одинъ костякъ, лежавшій на спинѣ, но руки сдвинуты, ориентированъ на W. головой. Входъ въ катакомбу почти на югъ. Въ головахъ лежалъ раздавленный сосудъ въ видѣ кружки. Около костяка ряды сердоликовыхъ, мозаичныхъ и плоскихъ изъ синей смальты бусъ, одна въ видѣ полулунія, куски бронзовой спирали и литые бронзовые бубенцы.

Катакомба 36-я. (27 августа.)

Катакомба ориентирована почти на югъ, длина по оси прохода 1,75 метра, ширина 1,70 метра. Погребенія сильно разрушены, и кости спутаны.

Въ лѣвомъ переднемъ углу стоялъ глиняный сосудъ въ формѣ кружки съ шарообразнымъ корпусомъ и кольцеобразной ручкой. Снаружи сосудъ покрытъ около шейки глубокими параллельными бороздами; около сосуда найдена берцовая кость быка. По длиннымъ костямъ можно было прослѣдить два скелета. Около перваго лежали три ножа и металлическій наборъ пояса, около второго — круглая ажурная привѣска съ цѣпочкой, металлическая ухвертка, куски бронзовой спирали и на лѣвой рукѣ бронзовый проволочный браслетъ.

Катакомба 37-я. (28—29 августа.)

Катакомба небольшая, длина по оси прохода 1,40 метра, ширина 1,80 метра, высота 1,10 метра; проходъ въ 2 метра длины и 60 см. ширины, ориентированъ на SE. Погребеніе одно, костякъ лежалъ на спинѣ, но позвонки и берцовая кость были сдвинуты съ мѣста. Около головы — фаланговые кости барана, на одной изъ которыхъ начерчена четырехугольная фигура, раздѣленная на шесть квадратовъ; очевидно, кости эти представляютъ какую-то игру съ отмѣченной главной костью; съ боку погребенія лежала морская раковина со сверлиной и другая круглая, полуистлѣвшая, а также черепокъ красного обжого. Въ грудной части костяка лежали сердоликовые и мелкія бусы изъ синей смальты. На правой рукѣ три бронзовыхъ браслета. Около тазовыхъ костей ряды крупныхъ бусы изъ стекловидной массы съ цвѣтными глазками и пара круглыхъ металлическихъ пластинокъ, шарообразныя пуговицы и прочее. Въ углу фрагменты сосуда изъ темной глины.

Катакомба 38-я. (29—30 августа.)

Начинается длиннымъ проходомъ 5,20 метра длины и 50 см. ширины, входъ ориентированъ на SE. Длина катакомбы 2,20 метра, ширина 1,75 метра и высота 1,40 метра. Погребеніе оказалось только одно около задней стѣнки; костякъ лежалъ на спинѣ съ вытянутыми руками и ногами. Справа лежали обломки желѣзныхъ ножей, въ грудной части — мозаичныя и мелкія бусы, металлическая пуговица, бронзовые бубенцы, около рукъ — обломки бронзового перстня.

Въ лѣвомъ углу при входѣ лежалъ разбитый сосудъ въ видѣ кувшина съ широкимъ горлышкомъ.

Катакомба 39-я. (30 августа.)

Катакомба открыта ямой сверху около дороги; входъ, по всей вѣроятности, долженъ былъ быть подъ дорогой; стѣнки и потолокъ обрушены, почему нельзя было сдѣлать точныхъ измѣреній. Погребеній одно, костякъ плохо сохранился, ориентированъ, обычно, на западъ головой. Въ головахъ стоялъ разбитый глиняный сосудъ. Въ грудной части костяка рядомъ мелкія бусы; около черепа — бронзовая серьга съ подвижной подвѣской, куски бронзовой спирали и металлическая пластинка; на правой рукѣ надѣтъ бронзовый проволочный браслетъ; на ногахъ куски ремней съ металлическимъ наборомъ отъ обуви.

Катакомба 40-я. (31 августа.)

Проходъ длиной 8 метровъ и шириною 45 см., сама катакомба длиной 2 метра и шириною 1,60 метра, высота 1,50 метра. Въ ней оказалось два погребенія, изъ коихъ одно дѣтское.

При взросломъ погребеніи, костяхъ котораго 1,70 метра длины, въ различныхъ мѣстахъ лежали литые бронзовые бубенцы, обломки желѣзнаго ножа, амулеты изъ звѣриныхъ костей, обдѣланныя костяныя пластинки. Погребенія положены были

на берестовой подстилке. Около дѣтскаго погребенія нашлись 8 фаланговыхъ костей барана, одна изъ которыхъ отмѣчена влитымъ въ просверленное отверстіе свинцомъ; очевидно, кости служили игрой съ главной косточкой. На рукахъ были надѣты два браслета.

Сосудъ раздавленъ обваломъ земли, и около него лежала бычачья кость.

Катакомба 41-я. (1—2 сентября.)

Проходъ въ катакомбу 7,50 метра, длины и 70 см. ширины; катакомба ориентирована почти правильно съ очень небольшимъ отклоненіемъ къ югу, ширина 2 метра, длина по оси коридора 1,75 метра, высота 1,40 метра. Погребенія сильно потревожены, въ особенности женскій скелетъ.

Первый костякъ мужской лежалъ по ширинѣ катакомбы, головой на сѣверъ, на спинѣ съ вытянутыми руками и ногами. Въ головахъ у него стоялъ глиняный сосудъ чернаго цвѣта въ видѣ кувшина съ очень расширеннымъ корпусомъ, диаметръ котораго 20 см., высота 18 см.; ручка плоская, дугообразная; горлышко отдѣлено вдавленными полосками. Около кувшина лежала берцовая кость молодого быка. Въ поясной части костяка лежалъ серебряный наборъ пояса, состоявшій изъ треугольных бляшекъ съ колечками, пряжки и наконечника пояса; на ногахъ куски ремней съ серебрянымъ наборомъ обуви. Около костяка женскаго лежали разнообразныя бусы отъ ожерелья, обломки серьги, спиральки, бронзовая пуговица и литые бронзовые бубенцы.

Катакомба 42-я. (3—4 сентября.)

Проходъ къ катакомбѣ 4,70 метра длины, шириною 55 см.; катакомба 2,20 метра длины и 1,70 метра ширины, высотой 1,10 метра. Ориентирована выходомъ на югъ.

Въ катакомбѣ найденъ одинъ костякъ женщины, лежавшей по длинѣ катакомбы на W головой. Около него найдены бусы изъ сердолика и синей смальты, пара круглыхъ пластинокъ, спиральки, бубенцы, привѣски въ видѣ кривого кинжала и на рукѣ бронзовый проволочный браслетъ. Въ переднемъ лѣвомъ углу лежала бычачья кость и около нея фрагменты разбитаго глиняного сосуда темнаго цвѣта.

Катакомба 43-я. (4—5 сентября.)

Катакомба вскрыта случайно въ оврагѣ не съ прохода, а сбоку, размѣры ея: 1,80 метра длины, 1,20 метра ширины и 1,40 метра высоты.

На полу на подстилкѣ изъ слоя древеснаго угля толщиной въ 2 см. расположено было два погребенія — женское и дѣтское. Костякъ перваго 1,68 метра длины ориентированъ на N головой; съ боку его лежало полуистлѣвшее погребеніе ребенка нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ головахъ у женщины лежало металлическое зеркало, орнаментированное на оборотѣ съ прикрѣпленнымъ колечкомъ; на зеркалѣ сохранились остатки кожи отъ ременнаго футляра, ажурной работы; тутъ же

небольшой металлическій флакончикъ съ узкимъ горлышкомъ и со вставленной въ послѣднее металлической пластинкой. Въ грудной части костяка лежали въ различныхъ направленіяхъ спиральки и бубенцы, а также привѣска въ видѣ печати.

Около дѣтскаго погребенія лежала фигурка лошади.

Въ переднемъ лѣвомъ углу стоялъ раздавленный обваломъ потолка глиняный сосудъ изъ темно-сѣрой глины, и около него лежала бычачья кость.

Катакомба 44-я. (6 сентября.)

Катакомба вскрыта сверху и оказалась на незначительной глубинѣ отъ поверхности почвы — 2,80 метра; размѣры ея небольшіе — 90 см. длины, 60 см. ширины, и въ ней расположено было головой на западъ одно дѣтское погребеніе, костякъ котораго 72 см. длины. Съ боку лежали игральныя кости, и въ различныхъ частяхъ литые бронзовые бубенцы, спиральки, металлическое полушаріе отъ урночки и цѣпочки изъ круглыхъ колецъ, а также круглая пластинка въ видѣ небольшого дѣтскаго зеркала; около ногъ лежали обломки желѣзнаго предмета; въ головахъ же глиняный сосудъ въ видѣ кружки съ отбитой ручкой и около него — берцовая кость молодого бычка.

Катакомба 45-я. (7 сентября.)

Проходъ вскрытъ со стороны оврага и имѣлъ 3,50 метра длины, 60 см. ширины. Катакомба оказалась совершенно разрушенной, почему размѣры ея невозможно было установить. По очисткѣ ея оказалось одно взрослое погребеніе, костякъ котораго, въ свою очередь, былъ нарушенъ; при немъ масса литыхъ серебряныхъ и бронзовыхъ бубенцовъ, серебряный наборъ пояса и желѣзная лопатка. Сосудъ въ видѣ небольшой кружки разбитъ обваломъ, около сосуда скорлупа отъ куриныхъ яицъ, куски древеснаго угля и небольшая берцовая кость быка.

Каменный городъ.

Въ слободѣ Верхнемъ Салтовѣ, кромѣ извѣстныхъ древнихъ катакомбныхъ могильниковъ, имѣющихъ большое сходство съ такими же могильниками Сѣвернаго Кавказа и по своему содержанію напоминающихъ болѣе всего хозарскую культуру, имѣется очень интересное большое древнее городище находится оно къ юго-востоку отъ главнаго катакомбнаго могильника въ разстояніи $1\frac{1}{2}$ версты на обрывистой возвышенности, упирающейся въ правый берегъ р. С. Донца (рис. 56).

Возвышенность эта съ восточной стороны, подмытая весенними водами, сильно обрушена и въ настоящее время отдѣлена отъ рѣки насыпной земской дорогой, ведущей изъ Верхняго Салтова въ Нижній Салтовъ. По крутому обрыву ясно замѣтны подпочвенныя наслоенія, состоящія внизу изъ толстаго пласта мѣлу; затѣмъ идетъ тонкій прослойкъ слабоокаменѣлаго песчаника, покрытаго сверху толстымъ слоемъ бѣлаго чистаго песка; затѣмъ незначительное наслоеніе глины и, наконецъ,

культурный слой чернозема. Высота этой возвышенности надъ уровнемъ рѣки достигаетъ до 20 сажень.

Съ сѣверной стороны городище упирается въ глубокий оврагъ, промытый, очевидно, горными потоками шириною сажень въ 30; съ запада оно примыкаетъ къ большой ложбинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ покатыми возвышенностями. На югѣ же отдѣляется только валами и расползшимися отъ времени рвами. Восточная часть городища, большею частью, мало сохранилась и обрушилась

Рис. 56.

въ р. Донецъ, при чемъ на осыпавшейся внизу землѣ и проложена упомянутая дорога; очевидно, раньше въ этомъ мѣстѣ городище занимало большее пространство, чѣмъ теперь, почему съ этой стороны не сохранилось никакихъ древнихъ земляныхъ сооружений. Вокругъ другихъ сторонъ городища ясно замѣтны расположенные вала въ 12—14 арш. ширины, идущіе въ два ряда на довольно значительномъ разстояніи другъ отъ друга. Между валами сохранились углубленія отъ широкихъ рвовъ аршинъ 15 въ поперечинѣ. Внутренній валъ имѣетъ довольно правильную форму и съ южной стороны тянется по направленію отъ Е. къ W.

по прямой на разстояніи 73 саж., затѣмъ поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ къ сѣверу и, дойдя до половины, на протяженіи 39 саж. окаймляетъ дугой сѣверо-западную и сѣверную стороны городища на протяженіи 61 сажени. По восточной обрывистой сторонѣ городище имѣетъ 85 сажени.

При раскопкахъ во многихъ мѣстахъ внутренняго вала попадаетъ въ изобиліи мелкій камень, перемѣшанный со щебнемъ, очевидно, отъ каменной кладки стѣнъ. Кладка эта настолько перерыта и расхищена мѣстными жителями, что возстановить ее нѣтъ никакой возможности. Въ юго-западномъ углу вала замѣтно углубленіе, перерѣзывающее поперекъ валъ, очевидно, отъ входа въ городище. Внутренняя площадь городища имѣетъ котлообразную поверхность съ нѣсколькими отдѣльными углубленіями отъ какихъ-то древнихъ сооружений. Наружный валъ окаймляетъ внутренний, въ различномъ разстояніи, и имѣетъ неправильную форму. Валъ этотъ тянется по склонамъ возвышенности и едва замѣтенъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и съ южной стороны удаленъ отъ городища на довольно значительномъ разстояніи, направляясь къ р. Донцу въ SE. направленіи.

Согласно документальнымъ даннымъ, существованіе Верхне-Салтовскаго городища дѣлится на двѣ эпохи. О послѣднемъ періодѣ его существованія сохранилось много документовъ, изъ которыхъ видно, что здѣсь при Алексѣѣ Михайловичѣ былъ основанъ крѣпостной городъ Салтовъ съ деревянными стѣнами и бойницами съ цѣлью огражденія пограничной линіи отъ татарскихъ набѣговъ¹⁾ и что городъ этотъ былъ построенъ на старомъ салтовскомъ городищѣ, гдѣ прежде былъ «Каменный городъ».

Въ своей челобитной салтовскіе черкасы о постройкѣ пограничнаго крѣпостного города на старомъ городищѣ писали:

«Царю Государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу бѣютъ челомъ твои черкасы Салтова городища атаманъ Ивашка Семеновъ сынъ Андрейка съ товарищами 670 человекъ: въ прошломъ, Гос. во 167 (1659) году пришли мы, холопи твои, изъ разныхъ черкасскихъ городовъ, отдались на твою вел. Гос. пресвѣтлую милость и поселились по твоему Гос. указу на сыромъ корени, на рѣкѣ на Сѣверскомъ Донцу, на Салтовскомъ городищѣ, что бывалъ Каменный городъ на татарскомъ броду, и намъ бѣднымъ Бѣлгорода быть не мочно потому, Государь, что мы бѣдные поселились отъ Бѣлгорода далече и отъ Чугуева, а мѣста Гос. поля дикія и отъ прохожихъ Гос. воинскихъ людей съ женами и съ дѣтьми намъ такимъ степоватымъ мѣстамъ бѣгать ко Бѣлгороду и къ Чугуеву далеча, а воеводы Гос. у насъ нѣтъ, а городу Гос. быть мочно на Салтовскомъ городищу, гдѣ былъ Каменный городъ прежь сево. Милосердный Государь Царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ, пожалуй насъ холопѣй своихъ бѣдныхъ; вели Гос. свой Государевъ городъ построить на прежнемъ на Салтовскомъ городищу, гдѣ былъ прежь сего Каменный городъ, потому Гос., что мы бѣдные

¹⁾ В. А. Бабенко, Древній Салтовъ («Труды XII Арх. Съѣзда», т. I, стр. 434).

построились отъ Бѣлгорода и отъ Чугуева далече, а городу Гос. на Салтовскомъ городищѣ быть мочно, чтобы Гос. намъ бѣднымъ съ женишками и дѣтишками отъ приходу военныхъ людей крымскихъ и нагайскихъ татаръ и всякихъ военныхъ людей безъ города повоеваннымъ и въ полонъ пойманнымъ или расхищеннымъ не быть и до конца не погибнуть; и вел. Гос. къ намъ бѣднымъ дать своево Гос. воеводу, ково ты вел. Гос. укажешь. Царь Государь, смилуйся — пожалуй». (Архивъ Мин. Юстиціи. Столбецъ Бѣлг. стола, № 4324.) ¹⁾

Этотъ «Каменный городъ», представляющій собою остатокъ сильно насиженного мѣста, не можетъ быть отнесенъ къ колонизаціи второго русскаго періода, такъ какъ до поселенія здѣсь черкасъ этотъ край былъ въ совершенномъ запустеніи. Существованіе этого каменнаго города только и можетъ быть отнесено къ домонгольскому періоду, такъ какъ то обстоятельство, что этотъ городъ не могъ возникнуть въ періодъ татарскаго владычества на томъ основаніи, что татары не были строителями города. Съ цѣлью болѣе точнаго разрѣшенія вопроса, къ какому періоду отнести существованіе каменнаго города и чтобы уяснить связь городища съ могильниками, мною настоящимъ лѣтомъ произведены раскопки городища въ важнѣйшихъ его пунктахъ.

Прежнія изслѣдованія городища въ верхнемъ культурномъ слоѣ дали матеріаль, главнымъ образомъ, для опредѣленія существованія города русскаго періода, и только незначительная часть находокъ указывала на существованіе его въ болѣе ранній періодъ. Раскопки же этого года были произведены въ болѣе широкихъ размѣрахъ и дали весьма обильный и очень интересный археологическій матеріаль. Раскопки производились какъ на валахъ городища такъ и во внутренней площади. Прорѣзанными широкими параллелями южнаго вала на глубинѣ 3 арш. открыта была сохранившаяся кладка изъ дикаго камня, обдѣланнаго большими плитами, отъ фундамента стѣны, при чемъ кладка эта состояла какъ бы изъ отдѣльных трехъ параллельныхъ стѣнъ въ 1 арш. толщины каждая и въ промежуткахъ, тоже около 1 арш. ширины, забита была мелкимъ щебнемъ отъ камня. Каменные плиты были скрѣплены сыроватымъ крѣпкимъ цементомъ. Интересно при этомъ замѣтить, что при разборкѣ такой же кладки крестьянами на нѣкоторыхъ изъ каменныхъ плитъ замѣтны были какіе-то вычерченные знаки. Такія плиты, по рассказамъ крестьянъ, вынимались, преимущественно, по угламъ городища. Открытая каменная кладка состояла изъ разнообразнаго цвѣта песчаника — сѣраго, краснаго, желтаго, лиловаго и темнаго. Подобнаго цвѣтнаго камня вблизи Верхняго Салтова не оказывалось, хотя здѣсь имѣются каменоломни, въ которыхъ добывается, исключительно, сѣрый песчаникъ. Слѣдовательно, камень этотъ привозился со стороны. Кладка фундамента производилась изъ каменныхъ плоскихъ плитъ въ каждомъ отдѣльномъ ряду въ одинъ камень и скрѣплялась плотнымъ цементомъ, промежутки между отдѣльными рядами туго забивались мелкимъ камнемъ и въ свою очередь заливались цементомъ. По правильности кладки и по точнымъ ея размѣрамъ можно судить, что сооруженіе

¹⁾ Проф. Д. И. Багалъй, Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьковской губерніи. 59*

стѣнъ производилось искусными мастерами, знакомыми съ техническими приемами каменныхъ работъ. Къ сожалѣнію, открытая каменная кладка сохранилась на незначительномъ разстояніи вышиною всего $\frac{3}{4}$ арш. Тогда какъ верхняя ея часть совершенно перерыта и представляетъ собою одинъ лишь мелкій щебень отъ камней и цемента.

Говорятъ, что не такъ давно вокругъ всего городища виднѣлся въ полной сохранности фундаментъ отъ громаднхъ стѣнъ, при чемъ въ углахъ фундаментъ этотъ очень расширялся. Впослѣдствіи сооруженіе это было разрушено и вывезено въ города для мостовыхъ и для другихъ надобностей.

Около каменной кладки вскрыта была яма въ 10 арш. длины и 6 арш. ширины, при чемъ въ верхнихъ культурныхъ слояхъ на различной глубинѣ попадались въ изобиліи черепки темнаго цвѣта глины, куски древеснаго угля, масса золы, куски истлѣвшаго дерева, кости животныхъ и прочее. На глубинѣ 2 арш. открыта каменная обрушившаяся кладка отъ потолка какого-то сооруженія. Подъ каменными плитами оказалась масса пережженной глины, обожженныхъ камней, крупные куски углей дубоваго и липоваго дерева. По очисткѣ отъ мусора оказалась вполнѣ оборудованная керамическая мастерская, имѣвшая видъ землянки въ 5 арш. длины и 4 арш. ширины; стѣнки которой выложены были каменными плитами. Внутри мастерской оказалась цѣлая масса фрагментовъ отъ различной формы и величины посуды, совершенно аналогичныхъ съ посудой могильниковъ. Многіе фрагменты были покрыты разнообразнымъ орнаментомъ и лакировкой. Здѣсь же лежали слоями приготовленная отмученная бѣловатая глина, куски мазовъ со слѣдами пальцевъ, куски обожженной глины, масса древеснаго угля и золы.

Самая же важная и интересная находка оказалась въ наполненной углями, золой, обожженными камнями и задымленной глиной гончарной печи, наполовину обрушенной. Печь эта углублялась ниже пола мастерской на $1\frac{1}{2}$ арш. въ западной ея сторонѣ.

Полъ мастерской находился на глубинѣ $2\frac{1}{2}$ арш., а дно печи на глубинѣ 4 арш. отъ поверхности почвы. Послѣ очистки печной ямы въ ней на днѣ оказались семь огромныхъ размѣровъ амфоръ древнегреческой формы: изъ нихъ многія были раздавлены обваломъ, нѣкоторыя въ болѣе или менѣе хорошей сохранности и одна совершенно цѣлая. Вышина этой амфоры 85 см. и 40 см. въ діаметрѣ корпуса, другая 65 см. высоты и 37 см. въ діаметрѣ, и третья безъ дна 70 см. высоты и 34 см. въ діаметрѣ. Отъ остальныхъ лежали груды фрагментовъ отъ днищъ, боковъ, шеекъ и ручекъ. Изъ разбитыхъ одна отличалась замѣчательно тонкой работой съ выглаженными какъ снаружи, такъ и внутри стѣнками, при чемъ и самая ея форма рѣзко отличалась отъ другихъ (рис. 57).

Амфоры имѣютъ удлиненную яйцевидную форму, съ выпуклымъ наружу днищемъ и суженнымъ высокимъ горлышкомъ, по сторонамъ котораго укрѣплены высокія дугообразныя ручки. Онѣ видимо не были въ употребленіи, а только что сработаны и обожжены въ печи. Сдѣланы амфоры при помощи гончарнаго круга; на наружныхъ стѣнкахъ замѣтны правильные круги отъ слѣдовъ инструмента,

употреблявшагося при выглаживаніи стѣнокъ. На ручкахъ, въ свою очередь, замѣтны продольныя полосы отъ обдѣлки. Внутреннія поверхности стѣнокъ тоже тщательно выглажены, при чемъ толщина стѣнокъ почти равномерна и только нѣсколько утолщена на днищахъ.

Въ могильникахъ встрѣчались совершенно одинаковой работы и обжига небольшіе кувшины краснаго цвѣта.

Раскопки второй ямы, находящейся въ восточной сторонѣ городища, также дали массу фрагментовъ и черепковъ отъ посуды аналогичной съ сосудами могильниковъ, и, кромѣ того, найденъ былъ разбитый сосудъ изъ крѣпкой сѣроватаго цвѣта глины, тождественной съ найденной раньше въ близости могильника амфорой¹⁾.

Открытіе столь интересной керамической мастерской въ городищѣ и изысканъ въ ней амфоръ не только устанавливаетъ связь городища съ могильниками, но въ то же время, указываетъ на высокую степень развитія керамическаго искусства у древнихъ обитателей Каменнаго города.

Сопоставивъ документальныя данныя съ открытіемъ каменной кладки грандіозныхъ стѣнъ, вполне можно установить, что кладка эта и есть остатокъ упоминаемаго въ челобитной черкасѣ Каменнаго города.

Мы знаемъ, что Владимиръ Мономахъ встрѣчалъ города въ половецкихъ стѣнахъ, а эти-то стѣны и были территоріей хозарскаго царства. Онъ встрѣчалъ въ этихъ городахъ полу-половецкое, полу-русское населеніе. Городъ Салтовъ могъ быть однимъ изъ такихъ пограничныхъ хозарскихъ городовъ, въ которомъ было значительное населеніе. Поэтому дѣлается понятнымъ, почему, именно, культура населенія «Каменнаго города» отличается болѣе высокимъ характеромъ, чѣмъ та бѣдная культура, которая характеризуетъ собою настоящихъ насельниковъ степей — печенѣговъ, торковъ и половцевъ. Если же припомнить историческія свѣдѣнія о Хозарахъ, имѣ-

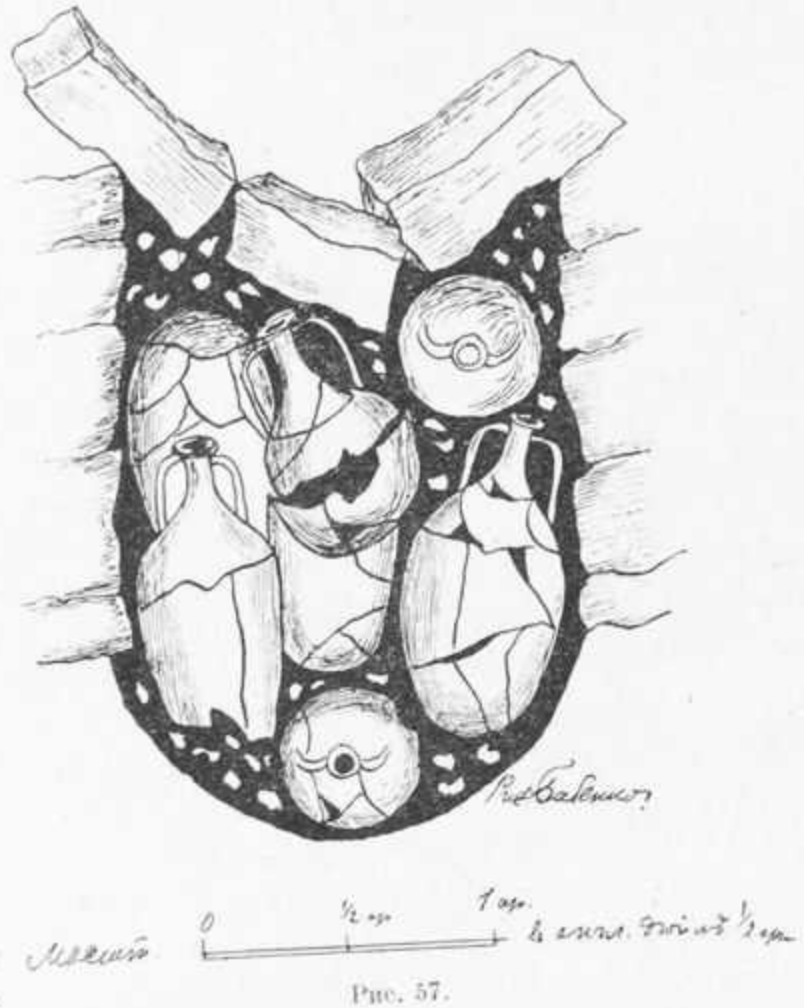

Рис. 57.

¹⁾ См. В. А. Бабенко. «Исследование Салтовской мѣстности». («Труды XIII Арх. Съѣзда», стран. 396, рис. 111, т. I.)

ших сношенія съ византіяцами и получавшихъ оттуда мастеровъ и инженеровъ для постройки каменныхъ укрѣпленій и городовъ Хозаріи, то можно предположить, что и въ Верхнемъ Салтовѣ Каменный городъ могъ быть отстроенъ греческими инженерами по приглашенію хозарь.

Греческая форма амфоръ и изящная ихъ обработка, въ свою очередь, могла быть позаимствована отъ греческихъ мастеровъ, сооружавшихъ городъ, или работавшихъ въ керамическихъ мастерскихъ. Слѣдовательно, мнѣнія ученыхъ о принадлежности салтовскихъ могильниковъ хозарской культурѣ послѣдними раскопками городища вполне подтверждается, а также установлено, что могильникъ и городище имѣли несомнѣнную связь и существовали въ одинъ и тотъ же періодъ времени, а именно въ VII—IX вѣкахъ по Рождествѣ Христовѣ.

Катакомбный могильникъ около „Каменнаго города“.

По изслѣдованіи городища «Каменный городъ» археологическія изысканія были направлены на неизслѣдованную западную часть главнаго катакомбнаго могильника, находящагося въ сѣверо-западномъ направленіи отъ городища; раскопки произведены, главнымъ образомъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кончаются ряды катакомбъ съ западной стороны могильника, причемъ установлено, что площадь, занятая всѣмъ могильникомъ, заключаетъ въ себѣ свыше 30 десятинъ. Всѣхъ катакомбъ въ текущемъ году вскрыто 32, большинство которыхъ оказалось очень интересными, какъ по содержанію, такъ и по своему устройству. Проходы этой группы могилъ всѣ ориентированы съ S. на N. и углублялись ступеньками или большими уступами на довольно значительномъ протяженіи отъ 4 до 8 метровъ длины, шириною 50—60 см.

Катакомбы находились на большой глубинѣ, достигавшей 4—7 метровъ отъ поверхности почвы. Погребенія въ ориентированы, главнымъ образомъ, съ E. на W. головами. По своему содержанію оказались особенно интересными катакомбы, въ которыхъ входы были заложены каменными плитами, совершенно аналогичными съ плитами, найденными въ городищѣ. Одна изъ такихъ могилъ имѣла погребеніе воина въ желѣзномъ шлемѣ, костякъ котораго отличался огромной величиной, достигавшей 1 сажени длины. При погребеніи слѣва лежала желѣзная сабля въ 1 метръ длины въ ножнахъ съ богатой серебряной отдѣлкой, съ такимъ же наконечникомъ въ 30 см. длины и серебрянымъ личнымъ навершиемъ на рукояткѣ. Навершень имѣлъ грушевидную форму съ рельефнымъ изображеніемъ нимфы. Около сабли лежалъ серебряный наборъ портупей и куски ремней отъ нея.

Другая катакомба заключала въ себѣ погребеніе втораго воина, слѣва котораго лежало женское погребеніе. При первомъ костякѣ лежала желѣзная сабля въ 80 см. длины и богатый золоченый наборъ конской сбруи, состоявшій изъ многочисленныхъ большихъ и малыхъ круглыхъ пластинокъ, пряжекъ, колець, наконечниковъ отъ мохровъ, желѣзныхъ удилъ и стремянъ. При женскомъ погребеніи найдены богатые украшения, состоявшія изъ роскошныхъ ожерельевъ, серегъ, перстней и браслетовъ.

Въ нѣкоторыхъ катакомбахъ найдены интересные туалетные наборы, состоявшіе изъ металлическихъ коробочекъ, различныхъ ажурныхъ привѣсахъ, подвѣшенныхъ на изящныхъ цѣпочкахъ (рис. 58).

Рис. 58.

Кромѣ сабель, во многихъ могилахъ изъ предметовъ вооруженія найдены желѣзные боевые топорики, кинжалы въ ножнахъ съ серебряной оковкой, желѣзное

удлиненное копьё и прочее. Въ каждой катакомбѣ стоялъ, обыкновенно, глиняный сосудъ въ видѣ кувшина съ расширеннымъ корпусомъ и суженнымъ горлышкомъ, или же низкой кружки. Сосуды эти имѣли разнообразную форму и величину, но по technikѣ обработки и по своему матеріалу совершенно аналогичны съ сосудами и фрагментами, найденными въ городищѣ. Въ двухъ катакомбахъ погребенія оказались безъ всякихъ вещей, при чемъ костяки отличались значительной величиной. Одно изъ этихъ погребеній положено было въ очень маленькой катакомбѣ, не соответствовавшей величинѣ костяка; костякъ былъ сильно скорченъ, такъ что ноги лежали изогнутыми въ два раза на груди. Отсутствие предметовъ и небрежность въ совершеніи ритуала погребенія даетъ поводъ думать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ погребеніями рабовъ. Въ одномъ изъ могильныхъ проходовъ оказались хорошо сохранившіеся кости ногъ до колѣнъ. Въ катакомбѣ же костяки были въ полномъ порядкѣ. Отдѣльно найденныя ноги представляютъ изъ себя интересную загадку.

Въ ряду могилъ съ человѣческими погребеніями найдены были двѣ могилы съ погребеніями коней, положенными въ очень узкихъ траншеяхъ съ подогнутыми подъ туловище ногами. Погребенія коней сопровождались полными наборами конской сбруи, состоявшей изъ многочисленныхъ серебряныхъ крупныхъ и мелкихъ бляшекъ, серебряныхъ головныхъ уборовъ въ видѣ умбъ съ навершнями для насадки султана; тутъ же лежали желѣзные удила, стремяна, пряжки, кольца и орнаментированныя костяныя обдѣлки отъ сѣдла. Съ боку костяка одной лошади поставлено было желѣзное копьё съ совершенно истлѣвшимся древкомъ. Могилы съ погребеніями коней никакихъ сообщеній съ соседними катакомбами не имѣли, хотя ихъ можно относить къ ближайшимъ катакомбамъ.

Археологическія раскопки и изысканія этого года произведены были, главнымъ образомъ, съ цѣлью уясненія вопроса, къ какому періоду относится существованіе «Каменнаго города», и отношенія къ нему могильниковъ. Въ общемъ, результатъ археологическихъ работъ оказался блестящій: находка на городищѣ керамической мастерской и сосудовъ вполне устанавливаетъ какъ связь городища съ могильниками, такъ и одну и ту же эпоху времени существованія. Кромѣ того, содержаніе вновь открытыхъ могилъ еще болѣе освѣщаетъ вопросъ о степени культурнаго развитія народа, оставившаго въ Верхнемъ Салтовѣ могильники и городище «Каменный городъ». Добытый изъ могильника археологическій матеріалъ обращаетъ на себя вниманіе обиліемъ оружія, состоящаго изъ прямыхъ сабель, короткихъ кинжаловъ, удлиненнаго копья, боевыхъ топориковъ и пр. По разнообразію оружія можно думать, что древніе обитатели «Каменнаго города» имѣли особый военный классъ и знакомы были съ военнымъ искусствомъ. Воины раздѣлялись по роду оружія — на легковооруженныхъ пѣшихъ, имѣвшихъ только топорики и кинжалы, конныхъ, имѣвшихъ длинныя сабли, копьё и стрѣлы, и военачальниковъ съ богато украшенными и роскошной конской сбруей. Если обратить вниманіе на особенности нѣкоторыхъ формъ предметовъ вооруженія, добытаго въ салтовскихъ катакомбахъ, мы замѣчаемъ, что здѣсь не встрѣчаются мечи, а только

сабли, притомъ существенно отличающіяся отъ сабель позднѣйшихъ половецкихъ и татарскихъ могилъ, имѣвшихъ до семи четвертей длины, изогнутыхъ и съ утолщенными штыкообразными концами. Салтовскія же сабли со слабой кривизной, почти прямыя, не превышаютъ 1 метра длины, и заострены съ одной стороны. Это различіе очень важно, въ виду лѣтописнаго свидѣтельства, по которому оружіе Хозаръ отличалось отъ оружія руссовъ тѣмъ, что Хозары не имѣли обоюдоострыхъ мечей, а имѣли только сабли, отличавшіяся заостренностью съ одной стороны.

По свѣдѣніямъ арабскихъ путешественниковъ, современныхъ Хозарамъ, Хозары хорошо знакомы были съ военнымъ искусствомъ и имѣли особый военный классъ, строили укрѣпленія, съ какою цѣлью приглашали византійскихъ инженеровъ для сооруженія каменныхъ крѣпостей.

На основаніи многочисленныхъ находокъ бытовыхъ предметовъ, приходится прийти къ заключенію, что населеніе «Каменнаго города» хорошо знакомо было съ различными отраслями технического искусства — ковкой, литьями, штамповкой, золоченіемъ, серебреніемъ металловъ, выдѣлкой предметовъ изъ кости, кожи, раковинъ и пр., а также и съ керамическимъ искусствомъ.

Населеніе городовъ хозарскаго царства, по историческимъ даннымъ, занималось торговлей и различными производствами. Торговля велась, главнымъ образомъ, съ восточными народами, напр. съ арабами. Въ Салтовскихъ могильникахъ очень часто встрѣчаются арабскія монеты, датирующія могильники VII—IX вѣковъ по Р. Хр., т.-е. эпохой сильнаго развитія хозарскаго царства, предѣлы котораго въ то время простирались далеко на сѣверъ теперешней южной Россіи.

Самый ритуаль погребеній салтовскихъ могильниковъ по своей сложности и богатству могъ существовать только у высоко культурныхъ по своему времени народовъ, коими могли быть въ ту же эпоху времени исключительно Хозары.

Дневникъ раскопокъ 1912 года.

Раскопки настоящаго года служатъ продолженіемъ раскопокъ прошлаго года и производились въ той же самой западной части главного катакомбнаго могильника.

Для раскопокъ въ этомъ году взята была площадь могильника, находящагося въ углу между западными и южными предыдущими раскопками 1911 года, при чемъ выше южной части раскопокъ прорѣзано было 2 параллельныхъ траншеи, каждая въ 20 саж. длины, $1\frac{1}{2}$ арш. ширины и глубины въ разстояніи 12 метровъ отъ прошлогодней траншеи. Въ первой траншеѣ открыто пять проходовъ, во второй тоже пять. Одна же могила изъ этой группы оказалась отдѣльно при дорогѣ, ведущей изъ Салтова въ Байранъ, южнѣе на 7 метровъ отъ предыдущихъ. Другая группа катакомбъ разрыта была по третьей траншеѣ, начинавшейся на 15 метровъ западнѣе первой группы. Траншея эта шла въ одномъ направленіи съ первой, и въ ней оказалось тоже пять катакомбъ и одна сѣвернѣе отъ этого ряда отдѣльно.

Могильные проходы во всѣхъ катакомбахъ имѣли направленіе съ юга на сѣверъ по склону возвышенности, катакомбы своей длиной ориентированы преимущественно съ востока на западъ, погребенія въ катакомбахъ, въ свою очередь, распредѣлялись за нѣкоторыми исключеніями по длинѣ катакомбъ, т.-е. тоже съ Е. на W. головами. Только въ одномъ случаѣ погребеніе было ориентировано съ юга на сѣверъ головой (катакомба 9-я). Всѣ проходы и катакомбы находились на различной глубинѣ отъ поверхности почвы отъ 1,50 метра до 4 метровъ. Размѣры ихъ, въ свою очередь, были разнообразны. Проходы шли покато въ глубину по направленію къ катакомбамъ или же углублялись большими уступами.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ подошвы катакомбъ и проходовъ находились на одномъ уровнѣ, а въ нѣсколькихъ полъ катакомбъ были ниже подошвы прохода. Изъ проходовъ въ катакомбы возможно было проникнуть чрезъ небольшое входное отверстіе. Стѣнки катакомбъ во всѣхъ случаяхъ были обрушены. Число погребеній въ каждой изъ катакомбъ различно — отъ одного до четырехъ, хотя преобладали одиночныя и парныя. Одиночныя — мужскія, парныя — при мужскомъ — женскія или при женскомъ — дѣтскія. Коллективныя погребенія состояли изъ мужского, женскаго и дѣтскаго или же при женскомъ нѣсколько дѣтскихъ. При мужскихъ погребеніяхъ находились желѣзные предметы вооруженія — топоры, кинжалы и ножи, а также металлическіе наборы поясовъ. При женскихъ и дѣтскихъ — предметы украшеній — бусы, серьги, привѣски, браслеты, перстни, бубенцы, спирали и металлическія зеркала. Особенности отличались три катакомбы: 1-я богатствомъ и разнообразіемъ предметовъ украшеній и роскошнымъ наборомъ золоченой конской сбруи, 14-я отдѣльнымъ погребеніемъ человѣческой головы и 15-я — скорченнымъ погребеніемъ.

Катакомба № 1-й. (10—13 іюня.)

Катакомба эта оказалась у самой дороги, ведущей изъ Верхне-Салтова въ Байранъ, при чемъ поверхность земли надъ ней въ силу обвала стѣнокъ катакомбы, обрушившись, образовала глубокую яму. Послѣ очистки земли на глубинѣ 5 метровъ отъ поверхности почвы открыты были три погребенія, ориентированныя съ востока на западъ головами. Площадь пола катакомбы равнялась 2×2 метра.

Первое погребеніе — мужское, костякъ его 1,85 метра длины, лежало къ сѣверной сторонѣ катакомбы въ правильно вытянутомъ положеніи. При погребеніи около таза лежали рядами сердцевидныя бронзовыя бляшки со слѣдами позолоты, бронзовая пряжка и куски ремней отъ пояса. Справа лежали истлѣвшіе желѣзный кинжалъ и ножъ со слѣдами дерева отъ разрушившихся ноженъ; тутъ же литые бронзовые бубенцы со звономъ; на ногахъ найдены серебряныя продолговатыя и сердцевидныя бляшки отъ набора обуви вмѣстѣ съ кусками ремней.

Самая же интересная находка оказалась въ головахъ этого погребенія и представляла изъ себя полный наборъ богатой золоченой конской сбруи, состоявшей изъ головного убора лошади въ видѣ умбъ съ трубчатымъ навершиемъ для насадки султана. Подъ этимъ уборомъ лежали одна на другой 17 большихъ круг-

ныхъ и листовидныхъ бронзовыхъ золоченыхъ пластинокъ и 4 малыхъ, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ были подвѣшены тонкими ремешками къ толстымъ ремнямъ сбруи. Тутъ же найдены 5 крупныхъ литыхъ изъ бронзы бубенцовъ съ поперечными прорѣзами и съ шариками внутри для звона, а также много треугольной формы бляшекъ съ рельефнымъ орнаментомъ. Нѣкоторыя изъ бляшекъ, въ свою очередь, прикрѣплены были къ сохранившимся кускамъ ремней. Нѣсколько поодаль лежали — пара желѣзныхъ стремень съ плоскими подножками и удлиненными четырехгранными дугами, заканчивающимися плоскими расширениями съ узкими прорѣзами для продѣванія ремней, и пара желѣзныхъ четырехугольных пряжекъ.

Второе погребеніе — женское, костякъ 1,68 метра длины. Кости рукъ были сдвинуты со своихъ первоначальныхъ мѣстъ обваломъ земли. Около черепа и въ грудной части костяка, нашли рядами сердоликовыя, разноцвѣтнаго стекла, какъ бы мозаичной работы бусы и бусы изъ свѣтлой стекловидной массы у лѣваго бока бронзовая урночка, состоящая изъ двухъ полушарообразныхъ половинокъ, оканчивающихся удлиненными съ расширениями верхушками.

Третье погребеніе — дѣтское, костякъ плохой сохранности; при немъ серебряная серьга съ неподвижной подвѣской и другая съ навѣшенной плоской кольцеобразной бусой. Въ разныхъ мѣстахъ костяка найдены кусочки бронзовой проволочной спирали и литые бронзовые бубенцы со звономъ. Въ головахъ черепки отъ раздавленнаго глинянаго сосуда, подъ ними кусочки скорлупы отъ куриныхъ яицъ и берцовая кость быка.

По богатству и разнообразію найденныхъ при погребеніяхъ предметовъ украшеній и набору золоченой конской сбруи, катакомба эта оказалась самой интересной изъ всѣхъ другихъ настоящаго года.

Катакомба № 2-й. (12—13 іюня.)

Катакомба вторая оказалась съ восточной стороны первой траншеи. Узкій проходъ первоначально углублялся на 3 метра, а затѣмъ шелъ покато къ сѣверу на протяженіи 2,50 метра, шириною 58 см. Отверстіе, ведущее въ катакомбу 55 см. ширины и 65 см. высоты. Полъ катакомбы ниже пола прохода на 12 см. Размеры катакомбы: 1,95 метра длины, 1,62 метра ширины и 1,80 метра высоты. Погребеній одно мужское, костякъ его 1,78 метра длины, ориентированъ съ востока на западъ головой. Въ головахъ раздавленный обваломъ земли глиняный сосудъ въ видѣ кувшина съ узкимъ горлышкомъ, и бычачья кость.

Ниже обломки желѣзнаго ножа.

Костякъ положенъ къ сѣверной стѣнкѣ катакомбы, такъ что передняя часть оставалась совершенно свободной.

Катакомба № 3-й. (13—15 іюня.)

Третья катакомба находилась рядомъ съ предыдущей на разстояніи 4 метра къ западу. Проходъ этой катакомбы тоже сразу углублялся на 3,50 метровъ, полъ

шелъ глубокими двумя уступами на протяженіи 3,50 метра. Ширина прохода 62 см. Полъ катакомбы тоже былъ ниже пола прохода на 10 см. Входное отверстіе въ катакомбу 65 × 58 см. Размѣры ея — 2 метра длины, 1,70 метра ширины и 1,90 метра высоты. На полу расположено въ правильно вытянутомъ положеніи одно мужское погребеніе, костякъ въ 1,80 метра длины, ориентированъ тоже съ Е. на W. головой. Въ переднемъ углу къ западной стѣнкѣ катакомбы черепки отъ глинянаго горшка съ ручкой, и около нихъ небольшая кость отъ конечностей барана. Кромѣ того, въ проходѣ на глубинѣ 1 метра найденъ скелетъ молодого барана, но безъ черепа. Около погребенія литые бронзовые бубенцы со звономъ, бронзовыя проволочныя спирали и нѣсколько желѣзныхъ ножей, лежавшихъ съ правой стороны тазовыхъ костей.

Катакомба № 4-й. (15—17 іюня.)

На разстояніи 8 метровъ отъ прохода катакомбы № 3-й найденъ проходъ въ катакомбу № 4-й. Проходъ этотъ, въ свою очередь, имѣлъ направленіе отъ S. къ N., полъ шелъ покату въ глубину по направленію къ катакомбѣ на протяженіи 5 метровъ. Ширина прохода 65 см. Катакомба имѣла 1,85 метра длины, 1,52 метра ширины и 1,60 метра высоты. Погребеніе мужское, ориентировано по длинѣ катакомбы съ Е. на W. головой, костякъ 1,79 метра длины. Около погребенія лежали половинки битыхъ изъ бронзовыхъ пластинокъ шариковъ, пара литыхъ бронзовыхъ бубенчиковъ, а около тазовыхъ костей истлѣвшій желѣзный ножъ. Полъ катакомбы, находился на глубинѣ 5 метровъ отъ поверхности почвы.

Катакомба № 5-й. (16—18 іюня.)

Еще западнѣе въ той же траншеѣ на разстояніи 3 метровъ отъ предыдущей катакомбы вскрытъ былъ проходъ катакомбы № 5-й, имѣвшій 4,50 метра длины и 55 см. ширины; находилась она на глубинѣ 4 метровъ отъ поверхности почвы и имѣла 1,95 метра длины, 1,70 метра ширины и 2 метра высоты. Стѣнки ея оказались сильно обрушенными, и по очисткѣ отъ завалившей ее земли на полу въ безпорядкѣ лежали костяки двухъ погребеній, размѣры которыхъ было трудно установить. Около черепа перваго погребенія лежали рядами сложныя бусы, одна сердоликовая, нѣсколько плоскихъ изъ синей смальты и бѣловатой стекловидной массы. Тутъ же круглыя металлическія пластинки съ ушками для прикрѣпленія. Второе погребеніе около таза имѣло рядъ сердоликовыхъ бляшекъ отъ набора пояса и сбоку нѣсколько истлѣвшихъ желѣзныхъ ножей. Въ головахъ стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ кувшина съ узкимъ горлышкомъ и расширеннымъ корпусомъ, но настолько разложившимся отъ сырости, что не было никакой возможности его извлечь цѣлымъ.

Катакомба № 6-й. (17—19 іюня.)

Проходъ имѣлъ 4,20 метра длины, 65 см. ширины. Катакомба 1,85 метра длины, 1,65 метра ширины и 1,50 метра высоты. Погребеніе ориентировано съ Е. на W. головой, костякъ плохой сохранности; при немъ литые бронзовые бубенцы со

звономъ, два желѣзныхъ ножа съ остатками отъ истлѣвшихъ деревянныхъ ноженъ, кусочки дерева и бронзовая пластинка. Въ головахъ черепки отъ разрушеннаго глинянаго сосуда и около него 5 игральныхъ костей.

Катакомба № 7-й.

Катакомба седьмая оказалась во второй траншеѣ, находящейся сѣвернѣе предыдущей на разстояніи 6 метровъ. Проходъ сразу углублялся большими уступами на протяженіи 4,50 метра, ширина его 58 см. Входное отверстіе 55 см. ширины и 60 см. высоты. Катакомба оказалась на глубинѣ 4 метровъ. Полъ нѣсколько ниже пола прохода. Размѣры 2 метра длины, 1,70 метра ширины и 1,65 метра высоты. На полу два погребенія, ориентированныя съ Е. на W. головами.

Первое погребеніе — мужское, костякъ его 1,83 метра длины, около праваго плеча желѣзный топоръ. Около таза 4 литыхъ бронзовыхъ бубенца со звономъ. Второе погребеніе — женское, костякъ 1,70 метра длины. Около черепа и въ грудной части лежали рядами разноцвѣтнаго стекла шарообразныя бусы отъ ожерелья. Въ головахъ большое металлическое зеркало, покрытое интереснымъ орнаментомъ на оборотѣ: вокругъ ушка линіи, изображающія сіяніе, окруженное четырьмя неполными человѣческими фигурами съ распростертыми руками и четырьмя меньшими полными такими же фигурами. Тутъ же лежала желѣзная лопатка съ загнутыми краями для насадки на древко. И около нея глиняный сосудъ въ видѣ горшка съ двумя ручками (одна изъ нихъ отбита). Высота сосуда 14 см., діаметръ корпуса 16 см. Около него бычачья кость.

Катакомба № 8-й. (18—20 іюня.)

Къ западу отъ предыдущей катакомбы, на разстояніи 7 метровъ открытъ входъ: длина прохода 7 метровъ, ширина 62 см. Катакомба 2 метра длины и ширины и 1,60 метра высоты. Полъ ея находился на глубинѣ 3,80 метра отъ поверхности почвы. Погребеній четыре, изъ коихъ одно женское и три дѣтскихъ. Костяки плохой сохранности. Судя по остаткамъ отъ полуистлѣвшихъ череповъ, женское и два дѣтскихъ ориентированы съ Е. на W. головами, а четвертое дѣтское, наоборотъ, съ W. на Е. головой. Около женскаго погребенія найдены бусы, бронзовая серьга съ подвижной подвѣской, желѣзный ножъ и куски бронзовой спирали. Около дѣтскихъ — дѣтская бронзовая серьга, бронзовые бубенцы, проволоочный браслетъ, металлическое зеркальце, стеклянныя молочнаго цвѣта бусы, а также мозаичнаго стекла мелкія бусы.

Катакомба № 9-й. (20—21 іюня.)

Проходъ этой катакомбы вскрытъ у самаго входнаго отверстія, размѣры котораго 50×60 см. Самая катакомба находилась на незначительной глубинѣ отъ поверхности почвы, всего 1,80 метра. Размѣры ея 1,80 метра длины, 1,20 метра ширины и 1,10 метра высоты. Проходъ шелъ въ направленіи съ S. на N., точно

такъ же и катакомба своей длинной расположена была въ томъ же направленіи. Погребеніе одно — мужское, ориентировано по длинѣ катакомбы съ S. на N. головой. Костякъ 1,79 метра длины; около него обломки желѣзнаго ножа.

Катакомба № 10-й. (21—23 іюня.)

Проходъ въ катакомбу находился на разстояніи 4 метровъ отъ предыдущей. Длина его 4,50 метра, ширина 55 см. Катакомба оказалась на глубинѣ 3,50 метра; полъ ея $1,85 \times 1,62$ метра; стѣнки же сильно обрушены.

Погребеній два, ориентированы съ E. на W. головами. Костяки плохой сохранности и сдвинуты обваломъ земли со своихъ первоначальныхъ мѣстъ. Первое погребеніе, очевидно, мужское; около тазовыхъ костей три желѣзныхъ ножа со слѣдами истлѣвшаго дерева отъ ноженъ, желѣзная и бронзовая пряжки отъ набора пояса. На ногахъ тонкія серебряныя пряжки отъ набора обуви. Второе погребеніе, повидимому женское, имѣло около разрушеннаго черепа пару небольшихъ серебряныхъ серегъ съ неподвижными подвѣсками, кусочки бронзовой спирали, плоскія бусы изъ синей смальты съ нѣсколькими отверстіями для нанизыванія на нити, пару сердоликовыхъ и лиловаго стекла шарообразныхъ бусъ. На ногахъ мелкія серебряныя бляшки отъ набора обуви. Между погребеніями въ головахъ найденъ раздавленный глиняный сосудъ въ видѣ небольшой кружки, и около него кость барана; подъ сосудомъ скорлупа отъ куриныхъ яицъ. Подъ погребеніями замѣчался тонкій слой въ 1 см. толщины, угля.

Катакомба № 11-й. (22—24 іюня.)

На разстояніи 3,80 метра отъ прохода катакомбы № 10-й открытъ проходъ катакомбы № 11-й. Проходъ этотъ, постепенно углубляясь, тянулся на протяженіи 7 метровъ, шириною въ 60 см. Катакомба оказалась на глубинѣ 4 метровъ отъ поверхности почвы и имѣла 1,90 метра длины, 1,50 метра ширины и столько же высоты. Проходъ шелъ по направленію съ S. на N. съ нѣкоторымъ отклоненіемъ къ E; своей длинной катакомба располагалась поперекъ прохода съ E. на W.

Погребеній два — женское и дѣтское. Костяки плохой сохранности, ориентированы были съ E. на W. головами. Около перваго погребенія въ грудной части костяка лежали въ 3 ряда сложныя бусы, какъ бы изъ жемчуга, при чемъ ряды, какъ видно по плоскимъ бусамъ съ тремя отверстіями, соединялись въ одно ожерелье. На лѣвой рукѣ 2 бронзовыхъ проволочныхъ браслета. Около дѣтскаго погребенія мелкія бусы изъ синей смальты, куски бронзовой спирали и двѣ привѣски — одна въ видѣ кривого кинжала, другая въ видѣ печати. Въ головахъ стоялъ небольшой глиняный горшечекъ, который настолько отсырѣлъ, что трудно было взять его цѣлымъ. Подъ погребеніями замѣтны были остатки берестовой подстилки и куски древеснаго угля.

Катакомба № 12-й. (23—25 іюня.)

Проходъ въ эту катакомбу оказался отдѣльно въ оврагѣ въ разстояніи 15 метровъ къ западу отъ предыдущей катакомбы почти на одной линіи со второй траншеей.

Полъ прохода постепенно понижался къ входному отверстію катакомбы на протяженіи 8 метровъ; ширина 62 см. Катакомба оказалась на глубинѣ 4 метровъ отъ поверхности почвы, длина ея 2 метра, ширина 1,80 метра и высота 1,65 метра. Полъ на 20 см. ниже пола прохода, стѣнки ея съ западной стороны совершенно обрушены и только съ противоположной стороны частью сохранились. На полу расположены два погребенія, костяки которыхъ сдвинуты со своихъ первоначальныхъ мѣстъ. Первое погребеніе мужское, костякъ его 1,82 метра длины, ориентированъ съ Е. на W. головой. При немъ въ головахъ лежала желѣзная лопатка и 3 игральныхъ кости, около таза обломки нѣсколькихъ желѣзныхъ ножей и трехъ угольных бронзовыхъ бляшки отъ набора пояса нѣсколько литыхъ бронзовыхъ бубенчиковъ. Второе погребеніе — женское, костякъ 1,68 метра длины, ориентировано также; въ грудной части костяка располагались рядами мелкія шарообразныя бусы изъ синей смальты, и привѣски въ видѣ двухъ верблюжьихъ головъ. На лѣвой рукѣ проволоочный браслетъ и бронзовый перстень. По вѣтмъ направленіямъ костяка лежали куски бронзовой спирали, на ногахъ нѣсколько серебряныхъ бляшекъ отъ набора обуви. Въ лѣвомъ углу отъ входа берцовая кость быка.

Катакомба № 13-й. (20—22 августа.)

Проходъ въ эту катакомбу оказался первымъ въ третьей траншеѣ, сдѣланной на одной линіи съ первой въ разстояніи 15 метровъ къ западу отъ нея и отличался особенно большой длиной, доходившей до 6 метровъ, шириною въ 55 см. Катакомба находилась на глубинѣ 3,50 метра отъ поверхности почвы и была вырыта не въ глиняномъ, а въ песчаномъ грунтѣ, отчего стѣнки ея оказались сильно обрушенными, почему первоначальные размѣры ея невозможно было установить. Послѣ же очистки катакомбы размѣры ея оказались значительными: по 3 метра длины и ширины и 2 метра высоты. Костяки совершенно истлѣли, такъ что не представлялось никакой возможности установить ни числа ихъ, ни размѣровъ. Изъ предметовъ найдены 4 бляшки отъ набора пояса и куски истлѣвшаго желѣзнаго ножа.

Катакомба № 14-й. (21—23 августа.)

Рядомъ съ предыдущей катакомбой въ разстояніи 2,50 метра оказался проходъ катакомбы № 14-й; шелъ онъ на протяженіи всего 2 метровъ, шириною въ 50 см. Входное отверстіе 30×40 см. Катакомба находилась на глубинѣ 1,80 метра и отличалась особенно малыми размѣрами; длина ея 60 см., ширина 40 см. и высота 50 см. Интересна она потому, что въ ней найдена только одна человѣческая голова, положенная посрединѣ катакомбы кверху теменемъ.

Отдѣльныя части костяковъ встрѣчаются въ салтовскихъ раскопкахъ только вторично. Въ первый разъ въ 1911 году найдены были въ проходѣ человѣческія ноги до колѣнъ. По внѣшнему же устройству катакомба съ погребеніемъ головы совершенно тождественна съ другими, даже ориентировка прохода и катакомбы въ отношеніи странъ свѣта такая же самая.

Катакомба № 15-й. (22—24 августа.)

На разстояніи 7 метровъ къ западу отъ катакомбы № 14-й вскрытъ проходъ въ катакомбу № 15-й; длина его 3 метра, ширина 55 см.; оказалась она на глубинѣ 2,50 метра отъ почвенной поверхности, размѣры ея 1,60 метра длины, 1,10 метра ширины и 90 см. высоты. Погребеніе одно — мужское; костякъ 1,79 метра длины, ориентированъ съ W.E. на E. головой. Въ силу незначительныхъ размѣровъ катакомбы костякъ положенъ въ скорченномъ видѣ съ подогнутыми къ туловищу костями ногъ и рукъ; при немъ никакихъ предметовъ не оказалось. Подобныя погребенія въ скорченномъ видѣ безъ всякихъ вещей въ салтовскихъ катакомбахъ встрѣчаются не впервые.

Катакомба № 16-й. (2—3 октября.)

Проходъ въ эту катакомбу открытъ съ западнаго конца 3-й траншеи рядомъ со слѣдующей катакомбой № 17-й въ разстояніи 2 метровъ отъ послѣдней и отличался какъ незначительными размѣрами, такъ и глубиной, имѣвшей всего 1,50 метра. Катакомба, въ свою очередь, оказалась неглубоко и имѣла небольшіе размѣры — 80 см. длины, 60 см. ширины и столько же высоты. На полу располагалась пара дѣтскихъ погребеній съ сильно поистлѣвшими костяками, ориентированныхъ съ S. на N. головами; никакихъ предметовъ не найдено.

Катакомба № 17-й. (3—4 октября.)

Проходъ въ катакомбу сразу углублялся на 2,50 метра и тянулся на разстояніи 4 метровъ, шириною въ 60 см., направленіе его съ S. на N. Катакомба находилась на глубинѣ 3,50 метра отъ почвенной поверхности, ина ея 2 метра, ширина 1,70 метра и высота 1,80 метра. Стѣнки обрушены.

Погребеній четыре, изъ нихъ одно женское и три дѣтскихъ различныхъ возрастовъ. Ориентированы погребенія съ E. на W. головами. Костяки очень плохой сохранности, и сдвинуты со своихъ первоначальныхъ мѣстъ. При женскомъ погребеніи около черепа найдены пара серебряныхъ серегъ съ подвижными подвѣсками и масса разнохарактерныхъ бусъ отъ ожерелья. Среди бусъ особенно выдѣлялись бусы, отлитыя изъ разноцвѣтной стеклянной массы разнообразныхъ рисунковъ и типовъ — цилиндрической, плоской, когтеобразной и др. формъ. На лѣвой рукѣ проволочный бронзовый браслетъ, сбоку лежало разбитое металлическое зеркало въ кожаномъ футлярѣ. Около правой руки у таза рядомъ крупныя шарообразныя бусы со вкрапленными цвѣтными глазками. Около дѣтскихъ погребеній найдены мелкія сложныя бусы и обломки металлическихъ шариковъ. Въ головахъ глиняный сосудъ въ видѣ кувшина съ расширеннымъ корпусомъ и узкимъ горлышкомъ съ ручкой. Высота сосуда 16 см., діаметръ корпуса 13 см. Стѣнки сосуда покрыты линейнымъ орнаментомъ; около него двѣ берцовыя кости быка и барана. Подъ погребеніями замѣчался тонкій слой древеснаго угля въ 2 см. толщины.

Основные черты скифо-пермского орнаментального стиля.

Яльмарь Аннелыренг-Кивало.

Всѣмъ извѣстны причудливыя антропоморфныя и зооморфныя бронзовыя бляхи, финляндскими учеными обыкновенно называемыя пермскими, которыя добываются по обѣ стороны Уральскихъ горъ. Довольно значительная часть таковыхъ впервые была опубликована въ 1876 году профессоромъ I. Р. Аспелцномъ въ изданномъ имъ подъ названіемъ *Antiquités du Nord finno-ougrien* трудѣ; 30 же лѣтъ спустя, по открытіи новыхъ находокъ, г. А. Спицынъ, членъ Императорской Археологической Комиссіи въ С.-Петербургѣ, опубликовалъ большое количество таковыхъ изображеній въ VIII томѣ Записокъ Русскаго Археологическаго Общества.

Эти изображенія долгое время считались необъяснимыми курьёзами и ученые потратили немало времени и остроумія на объясненіе ихъ. Нѣкоторые пытались опредѣлить породу изображенныхъ на этихъ бляхахъ животныхъ, другіе полагали, что ряды человѣческихъ фигуръ изображаютъ торжественную процессію, между тѣмъ какъ инымъ казалось, будто на нѣкоторыхъ бляхахъ изображены извѣстные національные костюмы финскихъ племенъ. Вообще господствовало мнѣніе, что эти изображенія представляютъ изъ себя идоловъ или амулеты, употребляемые при шаманскихъ заклинаніяхъ и церемоніяхъ и что онѣ потому для этой цѣли изготовлены прежнимъ «чуждымъ» или финно-венгерскимъ населеніемъ этихъ мѣстностей.

Я не отрицаю, что часть этихъ подѣлокъ, въ особенности простыя фигуры животныхъ, въ болѣе отдаленный періодъ времени могли служить указанной цѣли, какъ это продѣлывается и нынѣ Вогулами и Остяками надъ таковыми же фигурами, но сложныя сопоставленія фантастическихъ человѣческихъ и животныхъ фигуръ обязательно другого происхожденія. Уже общій характеръ ихъ доказываетъ, что они представляютъ изъ себя искаженные и неправильно понятыя копія чужихъ предметовъ, изъ коихъ нѣкоторые въ странѣ своего происхожденія несомнѣнно имѣли мифологическое значеніе, каковыя копія однако исключительно имѣютъ цѣль украшать тотъ предметъ, на которомъ онѣ прикрѣплены или наръзаны. Большая часть этихъ прорѣзныхъ бляхъ, очевидно, просто-напросто, служила оправомъ разнородныхъ предметовъ.

Въ виду сего и были сдѣланы болѣе или менѣе удачныя сравненія съ декоративными явленіями изъ другихъ странъ. Такъ напр. было указано на сходство

между украшенными семью стоящими въ рядъ человѣкообразными фигурами (рис. 68 и 71) и ассирійскими и египетскими изображеніями процессій съ рядами идущихъ людей, каковое сравненіе, какъ мы скоро увидимъ, однако, не можетъ быть поддержано. На болѣе прочныхъ основаніяхъ проф. Д. Н. Анучинъ¹⁾ сопоставилъ фигуры стоящихъ птицъ съ распростертыми крыльями и съ человѣческой фигурой на груди съ индійскими изображеніями птицы Гаруды.

Несмотря, однако, на то, что удалось доказать сходство того или другого мотива, съ чужими мотивами, большинство фантастическихъ фигуръ все же осталось неразъясненнымъ.

Единственной прочной опорой этихъ изслѣдованій можетъ служить примѣненіе сравнительнаго типологичнаго метода, принятаго археологіею по примѣру естественныхъ наукъ. Имѣющійся налицо матеріалъ, иными словами, слѣдуетъ распределить такъ, чтобы всѣ, принадлежащія къ одному и тому же типу, *варианты* образовали одну систематическую серію, въ началѣ коей стояли бы наиболѣе реалистично исполненные и наиболѣе приближающіеся къ прототипу варианты, затѣмъ слѣдовали бы отдаляющіеся отъ него въ болѣе значительной степени, хотя бы и еще жизненно сильные и находящіеся въ состояніи развитія или уже выродившіеся, а наконецъ окончательно выродившіеся виды вариантовъ. Если серія типовъ выработана правильно, то она дастъ намъ сравнительную хронологію различныхъ ступеней развитія, такъ какъ ближайшій прототипу видъ долженъ быть на нѣсколько десятилѣтій или столѣтій старше послѣдняго вида серіи.

Примѣнивъ этотъ методъ къ пермскому и т. н. скиѣскому матеріалу, я установилъ существованіе цѣлаго стиля, господствовавшего когда-то въ краѣ, расположенномъ между Чернымъ моремъ, Уральскими горами и Байкальскимъ озеромъ, и развившагося затѣмъ далѣе въ западносибирскихъ и особенно въ пермскихъ краяхъ, гдѣ этотъ стиль въ желѣзномъ вѣкѣ проявилъ самыя сложныя и изящныя формы, но также зачатки сильнаго разложенія. Этотъ, свидѣтельствующій о сильной фантазійности стиль, составляетъ плавильную печь, въ которой всѣ вступившіе въ кругъ его вліянія мотивы, буде они были греческаго, персидскаго или индійскаго происхожденія, преобразовывались въ своеобразныя, первоначальнымъ формамъ чуждыя явленія.

Ныне задача моя состоитъ въ томъ чтобы въ послѣдующихъ страницахъ изложить законы этого стиля.

Уже въ бронзовомъ вѣкѣ и въ началѣ желѣзнаго вѣка существовалъ обычай украшать концы рукоятокъ кинжаловъ и ножей, а также топоровъ и молотовъ изображеніями головъ птицъ и животныхъ²⁾.

Этотъ способъ украшеній затѣмъ былъ перенесенъ на цѣлыя фигуры животныхъ, а именно такимъ образомъ, что всѣ выдающіеся концы, какъ-то: рога (Рис. 59, 60)³⁾, челюсти (Рис. 65, 66), ноги (Рис. 61) и хвостъ (Рис. 59, 62, 64) снабжаются подобною же

¹⁾ Матеріалы по археол. вост. губ. Т. III, стран. 151.

²⁾ Сравни H. J. Appelgren-Kivolo, Vogelkopf und Hirsch als Ornament Motive in der Vorzeit Sibiriens. Finnisch-ugrische Forschungen Bd. XII. 1912.

³⁾ Означенные рисунки, если то иначе не указано, позаимствованы изъ упомянутого сочиненія Спицына.

головую птицы или животного, которая затѣмъ умножается, а также разнообразно измѣняются и соединяются (Рис. 65, 66). Иногда само животное умножается (Рис. 66), или по крайней мѣрѣ его голова (Рис. 60, 66). Задняя часть животного часто снабжается головою (Рис. 67), которая умножается. И почва, на которой животное стоитъ, а также обнимающая изображение рама (Рис. 65, 66) образуется изъ головъ птицъ и другихъ животныхъ. Соединеніемъ удлинненныхъ и снабженныхъ шеями птичьихъ

Рис. 59. Золотая бляха изъ Сибири. Куплена въ 1844 г. въ Верхне-Удинскѣ (Забайкальскій край). (По Кондакову-Толстому-Рейнау.)

Рис. 60. Дер. Пѣшкова, Соликамскаго уѣзда. 1/2.

головъ между собою воображеніе творить путаницу новыхъ человѣческихъ и звѣриныхъ фигуръ, при чемъ создатели ихъ отнюдь не намѣревались придать имъ малѣйшей правдоподобности. Такимъ образомъ преобразуются разные мотивы, которые

Рис. 61. Дер. Кишертъ, Кунгурскаго уѣзда. 1/2.

Рис. 62¹). Дер. Пѣшкова, Соликамскаго уѣзда. 1/2.

Рис. 63. Пермь. (Согл. Аспелину.)

первоначально въ болѣе южныхъ странахъ, откуда они ввезены, изображали предметы природы или же имѣли мифологическій характеръ.

¹) Рис. 62. На нижнемъ краю бляхи лежитъ звѣрь, о четырехъ ногахъ, обращенный направо, хвостъ его, имѣющій также видъ шеи, завершается обращенною также направо головою звѣря съ длиною мордою, глазомъ и ухомъ. Надъ этой головою находятся 6 другихъ такихъ же головъ. Другія, многократно повторяющіяся головы, видны направо.

Дабы на нѣкоторыхъ примѣрахъ показать какимъ образомъ разные мотивы были преобразованы, я въ слѣдующемъ укажу на нѣкоторыя изъ самыхъ интересныхъ серій типовъ.

Обыкновенный, простой мотивъ изъ бронзоваго вѣка состоитъ изъ соответствующаго дѣйствительности изображенія лежащаго оленя (*Cervus Elephas*), съ сильно

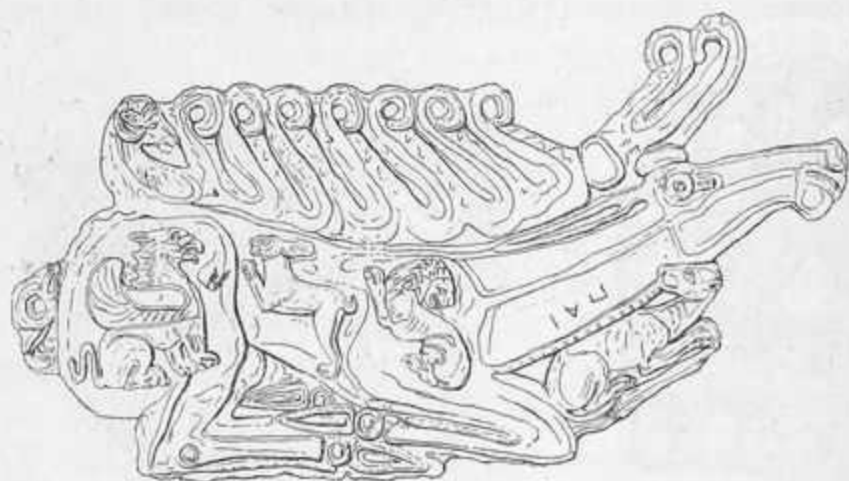

Рис. 64. Золотая бляха изъ кургана Куль-Оба, Керчь. (По Кондакову-Толстому-Рейнаку.)

развѣтвленными рогами (Рис. 63), каковой мотивъ встрѣчается въ большинствѣ пермскихъ изображеній. Этотъ мотивъ развивается слѣдующимъ образомъ: концы роговъ снабжаются, какъ это

явствуетъ изъ сравненія рисунка 64 съ рисунками 59 и 60¹⁾, своею собственною звѣриною головою, а самъ рогъ уподобляется шеѣ. Шей и головы удли-

няются неестественнымъ образомъ (Рис. 65), а иногда (Рис. 66) растягиваются параллельно другъ къ другу полукругами.

Рис. 65. Д. Нырғында: Саран. у. Вит. губ. 1/2.

Что касается до упомянутого рис. 65, то я желалъ бы обратить вниманіе на зачатки человѣческаго лица, на-

ходящагося надъ спиною оленя между обѣими горизонтальными шеями, имѣющими влѣдствіе сего также видъ рукъ, при чемъ стволъ роговъ вдоль спины получаетъ видъ согнувшагося впередъ туловища. Эта человѣкоподобная голова къ верху соединена посредствомъ новой короткой шеи съ снабженною ухомъ

растянутою звѣриною головою. Изъ трехъ, стоящихъ одна за другою звѣриныхъ

¹⁾ Изъ концовъ роговъ въ рис. 64 лишь послѣдній снабженъ головою звѣря. Впредь до времени не имѣется налицо варианта подобнаго изображенія лежащаго оленя съ одною головою на каждомъ концѣ роговъ.

Рис. 65. Нижняя челюсть звѣря поднимается дугою къ верхнему углу бляхи и превращается тамъ въ троекратную голову. На лѣвомъ краю поверхъ хвоста 4 маленькихъ звѣриныхъ головы образуютъ рамку.

Рис. 66. Само туловище здѣсь двоекратно повторено. Кверху голова троекратно повторена, а на нижнемъ краю находится не вполне законченная голова, и такъ всего 6 головъ въ вертикальномъ направленіи. Стволъ рога, наравнѣ съ рис. 60., исчезъ, а снабженные звѣринными головами 9 концовъ роговъ вырастаютъ якобы изъ спины и хвоста. На краю находятся налѣво 2, внизу 4, направо 4 и наверху для выполненія промежутковъ 2 головы. Изъ нижней челюсти крайней головы налѣво вырастаетъ новая голова косо кверху.

головъ, исходятъ кверху шей, снабженны каждая своею головою и эти головы, съ своей стороны, соединены между собою шеями. Этотъ верхній рядъ орнаментовъ напоминаетъ трехъ растянутыхъ птичьихъ фигуръ.

По достиженіи стилемъ этой ступени развитія, рога первоначального оленя съ ихъ безчисленными вариантами становятся главнымъ предметомъ изображенія и занимаютъ большую часть бляхи, между тѣмъ какъ само туловище отходитъ на второй планъ и сохраняетъ видъ однообразной массы на нижнемъ краю бляхи, обыкновенно изображающей неопредѣляемое животное съ обращенною кверху мордою (Рис. 65, 67, 86). Въ предлагаемой здѣсь серіи ноги совсѣмъ исчезаютъ, а очертанія головы изглаживаются, такъ что тѣло является лишь суживающею лентою, въ концѣ коей лишь остался глазъ (Рис. 69), который въ концѣ концовъ также совершенно исчезаетъ (Рис. 70).

Рис. 66. Р. Ухта (пр. Печоры) Архангельской губ. 1/2.

Рога на рис. 65 однакоже дали поводъ къ разнымъ серіямъ развитія настоящаго типа. Хотя нѣкоторые переходные типы еще не розысканы, все же уже можно установить общій характеръ этихъ серій.

Рис. 67. Д. Кишерть.
Кунг. у. 1/2.

Рис. 68. Д. Пышково.
Солин. у. 1/2.

Рис. 69. Печора, Соплесъ.
1/2 (согл. Аспелину).

Развитіе роговъ въ вышеупомянутой серіи произошло слѣдующимъ образомъ. Исходная точка шей, т.-е. точка опоры первоначальныхъ роговъ отдѣляется отъ головы оленя, а затѣмъ весь комплектъ роговъ разсматривается какъ самостоятельный мотивъ. Довольно долго, однакоже, изображается, въ видѣ остатка роговъ, длинный или короткій, исходящій изъ головы звѣря зубецъ (Рис. 67 и 68), который, слѣдовательно, обозначаетъ послѣдній остатокъ связи между тѣломъ оленя и его рогами. Исходящая изъ головы и задней части туловища согнутая шея (Рис. 65) снабжается сперва человѣческими профилями, а затѣмъ эти фигуры получаютъ ступни (Рис. 67) и, наконецъ, двѣ ноги (Рис. 68, 69, 70); кромѣ того звѣринныя туловища нижняго ряда (Рис. 65) непосредственно соединяются съ своею

человѣческой головою (Рис. 67—71) и тѣмъ самымъ получаютъ нѣкоторое сходство съ человѣческимъ головнымъ уборомъ.

Число человѣческихъ фигуръ первоначально составляетъ три или четыре (сравни рис. 67), при чемъ эти фигуры изображены въ почти сидячемъ положеніи; затѣмъ число ихъ возрастаетъ до 7 (Рис. 68, 69, 70), при чемъ они нѣсколько выпрямляются, наклоняясь впередъ, что указываетъ на ихъ происхожденіе отъ вѣтвистыхъ роговъ первоначальнаго оленя (Рис. 65 и 67).

Рис. 70. Пышковое. Солик. у. 1/2. (По фот. въ Гельсингф. музеѣ.)

7 человѣческихъ фигуръ, ибо со своими тремя фигурами она, очевидно, составляетъ лишь часть болѣе значительной бляхи. Туловище оленя и здѣсь превратилось въ узкую ленту, а хвостъ его, на который указываютъ два загнутыхъ кверху шипа, до того развѣтвленъ, что подобные шипы поднимаются между каждымъ двумя человѣческими фигурами. Во-вторыхъ, эти человѣческія фигуры изображены одѣтыми въ юбки или кафтаны, каковая подробность, по моему мнѣнію, также развилась типологическимъ образомъ изъ предыдущихъ фигуръ. Уже на бляхѣ (Рис. 68) мы видимъ на передней части бедеръ полу, а на рис. 70 мы видимъ полу какъ на передней такъ и на задней части тѣла.

Рис. 71. Пермь. Калиновка. (Согл. Аспелину.)

Вѣроятно изготовители бляхъ намѣревались изобразить нѣчто въ родѣ одежды, что одному изъ подражателей дало поводъ удлинить эти полы такъ, что получился кафтанъ.

Но въ изображеніи этой части одежды не можетъ быть рѣчи объ этнографическомъ реализмѣ, ибо ряды точекъ вдоль спины суть, очевидно, ничто иное, какъ самый обыкновенный требуемый стилемъ орнаментъ; (Ср. рис. 67, 68, 75 и др.), не говоря уже о головномъ уборѣ, наклоненномъ впередъ туловищѣ и проч., каковыя моменты соединяютъ этотъ предметъ съ упомянутою орнаментною группою.

Въ этой серіи изображеній мы, съ одной стороны, можемъ шагъ за шагомъ слѣдить за постепеннымъ искаженіемъ оленьяго тѣла до окончательнаго исчезновенія его, а съ другой стороны мы видимъ, какъ оленьи рога все болѣе развиваются изъ ряда снабженныхъ звѣринными головами шиповъ и превращаются въ подобныя же ряды человѣческихъ фигуръ, изъ коихъ каждая кверху завершается звѣриною головою, при чемъ эта композиція, постепенно устранивъ и вытѣснивъ оленье тѣло, въ концѣ концовъ заполняетъ всю бляху.

Другой основной мотивъ, а именно мифологическаго характера, составляетъ извѣстное изображеніе орла Зевса, съ распростертыми крыльями, держащаго Ганимеда въ своихъ когтяхъ (Рис. 72), или родственное съ нимъ изображеніе индійской птицы Гаруды, держащей въ своихъ когтяхъ женскую «пага» (Рис. 73),

каковыя изображенія были очень популярны и распространены. Отчетливыя, хотя испорченныя копии ихъ составляютъ часто упоминаемыя въ литературѣ пермскія

Рис. 72. Изъ принадлежащаго къ золотому сокровищу въ Nagy-Szent-Miklós въ Венгрии кубка.
(По I. Гампелю.)

Рис. 73. Рельефъ изъ одного монастыря близъ Sanghào.
(По Грюнвелелю.)

птичьи фигуры съ распростертыми крыльями и съ человѣческой фигурою en face на груди.

Распростёртыя руки этой фигуры ясно указываютъ на то, что она составляетъ подражаніе Ганимеда, подносящаго одной рукою кубокъ къ клюву орла и держащаго въ другой рукѣ букетъ цвѣтовъ, каковыя подробности подражатели, не понимая ихъ значенія, обыкновенно оставляли въ сторонѣ (Рис. 74, 76).

Рис. 74. Спасскій у. Казанск. губ. 1/2.
(По фотогр. въ Гельсингф. музей.)

Рис. 75. Д. Спасское. Каннского уѣзда. Сибирь. 1/2.

Рис. 76. Д. Данилова. Чердынского у.

Эту группу пермскій стиль, согласно своимъ законамъ, преобразовалъ разнымъ образомъ. Въ одной изъ этихъ серій мы видимъ орла сперва съ одною головою (Рис. 74, 75), затѣмъ съ двумя (Рис. 76) и, наконецъ, съ тремя, стоящими рядомъ

головами (Рис. 77), въ рельефѣ и ея face, при чемъ изображеніе Ганимеда превращается въ человѣческую голову, по обѣ стороны коей еще изображены когти орла (Рис. 77), но и эти, наконецъ, совсѣмъ исчезаютъ, такъ что только человѣческое лицо заполняетъ орлиную грудь. И одноголовыя орлиныя фигуры держались

Рис. 77. Ганисек. волости. Чердынского у. 1/2.

Рис. 78 и 79. Д. Пѣшкова. Солик. у. 1/2.

долго, при чемъ голова Ганимеда въ нихъ часто до того искажена, что остались лишь глаза и ротъ.

Мотивъ, орелъ съ Ганимедомъ, въ послѣдствіи былъ смѣшанъ съ вышеупомянутымъ мотивомъ оленя, а именно тогда, когда этотъ мотивъ находился на той точкѣ развитія, въ періодъ времени коего на спинѣ звѣря изображались три стоящихъ человѣка (Рис. 78, срав. 67). Соединеніе этихъ мотивовъ, вѣроятно,

Рис. 80, 81. Р. Ухта (п. Печоры) Арх. г. 1/2.

Рис. 82, 83. Д. Пѣшкова. Соликам. у. 1/2.

Рис. 84. Чердынск. у. 1/2.

произошло одновременно въ разныхъ мѣстахъ и нѣсколько неодинаковымъ образомъ. Иногда преобладаютъ упомянутыя три человѣческія фигуры (Рис. 79), иногда мотивъ орла съ своими крыльями (Рис. 80, 81); Ганимедъ изображенъ то въ профиль, то ея face. Но всѣ эти смѣшанные виды имѣютъ слѣдующіе общіе черты: 1) средняя человѣческая фигура въ мотивѣ оленьихъ рогъ со своею удвоенною, изображенною въ профиль (звѣриною) головою совпадаетъ съ фигурою Ганимеда и съ находящеюся надъ ней, часто изображенною въ профиль головою

орла; 2) каждая, стоящая направо и налево въ мотивѣ оленьихъ рогъ человѣческая фигура совпадаетъ съ соответствующими орлиными крыльями, остатки коихъ иногда видны на внѣшней сторонѣ человѣческихъ фигуръ (Рис. 79, 82, 85); и 3) лежащій на нижней части бляхи олень постоянно изображенъ въ неизмѣнномъ видѣ. (Рис. 79,—86).

Въ доказательство того, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ мотивомъ Ганимеда, еще можно привести то обстоятельство, что по сторонамъ средней человѣческой фигуры иногда еще изображаются орлиные когти, либо въ видѣ обращенныхъ внутрь продолженій крыльевъ (Рис. 81) или инымъ образомъ.

Эти смѣшанные мотивы, наконецъ, стали до того запутанными, что оказалось невозможнымъ развить ихъ далѣе. Поэтому ясно, что этотъ стиль скоро сталъ вырождаться. Рис 82—86 показываютъ одну изъ этихъ серій вырожденія стиля. Сперва обращенныя другъ къ другу звѣриныя головы побочныхъ фигуръ поднимаются кверху, такъ что морды ихъ соприкасаются и вмѣстѣ съ тѣмъ голова Ганимедова орла спускается во внутрь образуемаго этими головами круга (Рис. 82) и въ концѣ концовъ совсѣмъ исчезаетъ (Рис. 83—86). Затѣмъ распадается туловище Ганимеда и сростается съ руками и ногами соседнихъ фигуръ (Рис. 83) и, наконецъ, пропадаетъ совсѣмъ (Рис. 84, 85). Руки и ноги побочныхъ фигуръ въ рис. 83 соединяются и являются четырьмя попарно соединенными руками (рис. 84), а ноги на внутренней сторонѣ получаютъ новыя колѣни. Затѣмъ (какъ видно изъ рис. 85), исчезаетъ нижняя пара рукъ, а человѣческія головы побочныхъ фигуръ болѣе явно не выступаютъ: завершающія ихъ кверху звѣриныя головы непосредственно соединяются съ остальной частью человѣческихъ фигуръ и это такимъ образомъ, что нижніе челюсти обѣихъ звѣринныхъ мордъ образуютъ съ соединенными руками рамку вокругъ головы Ганимеда. — Наконецъ пропадаетъ и послѣдній остатокъ орлиныхъ крыльевъ; тѣла побочныхъ фигуръ такъ сильно стягиваются, что по обѣимъ сторонамъ двѣ ноги изображены лишь въ видѣ короткихъ, выпуклыхъ черточекъ ниже глазъ звѣриной головы, между тѣмъ какъ упомянутая рамка, отдѣлившись отъ прочихъ частей головы и тѣла, тѣсно обнимаетъ голову Ганимеда (Рис. 86). Но неопровергаемымъ доказательствомъ того, что и это крайне искаженное изображеніе происходитъ отъ двухъ основныхъ мотивовъ, служить находящееся подъ головою Ганимеда типичное тѣло оленя.

Приведенными выше примѣрами мнѣ, кажется, удалось доказать, что изготовители, повторяя старыя, плохія копіи этихъ предметовъ, не понимая однако значенія позаимствованныхъ извнѣ мотивовъ, или же не обращая на нихъ вниманія, частью нечаянно, частью нарочно измѣняли эти мотивы или же соединяли ихъ, соблюдая лишь общіе законы орнаментнаго стиля, предписываемые имъ собственнымъ индивидуальнымъ художественнымъ чутьемъ. При такихъ обстоятельствахъ здѣсь и не можетъ быть рѣчи о намѣренной попыткѣ реально изобразить

Рис. 85. Д. Левина. Черд. у. 3/4.

Рис. 86. Д. Опуята. Солик. у. 3/4.

явленія изъ міра животныхъ и людей. По одному или другому изображенію звѣрей, правда, можно предполагать, что одно или нѣсколько извѣстныхъ животныхъ занимали воображеніе художника; такъ напр. можно бы сказать, что большее животное на рис. 59 въ отношеніи формы головы и копытъ нѣсколько похоже на лошадь, зато хвостъ напоминаетъ льва, а развѣтвленные рога очевидно указываютъ на животное изъ породы оленей. Равно можно думать, что форма троекратной головы на рис. 60, а также головы на рис. 61, похожи на головы лосей, но видъ роговъ на рис. 60 скорѣе напоминаетъ оленя, чѣмъ какую-либо иную породу животныхъ. Что касается до животныхъ на рис. 62, 65, 66 и 67, а также на 78—86, то таковыя похожи на четвероногихъ животныхъ вообще. Поэтому едва ли можно утверждать, что хотя бы одна изъ упомянутыхъ, стилизованныхъ фигуръ изображаетъ напр. лося, пресмыкающееся, или вообще какое-либо въ дѣйствительности существующее животное; нѣтъ—эти фигуры просто-напросто плоды воображенія воспроизводившаго ихъ мастера, орнаментныя животныя, объяснимыя лишь посредствомъ типологической связи, въ коей они стоятъ со своими прототипами. То же самое можно сказать о большинствѣ человѣческихъ изображеній на этихъ бляхахъ. Именно въ виду способа возникновенія ихъ эти предметы не могутъ считаться выраженіемъ какихъ-либо понятій, выработанныхъ народною религіею, или, иными словами, изготовленными для шаманскихъ цѣлей. На этихъ основаніяхъ упомянутымъ фигурнымъ бляхамъ, по моему мнѣнію,¹⁾ можетъ быть приписано лишь орнаментальное значеніе.

Я здѣсь не могу подробнѣе рассмотреть эти серіи типовъ, число коихъ съ легкостью могло бы быть увеличено, но желаю все же сообщить, что мнѣ удалось прослѣдить нѣкоторые изъ нихъ до ранняго желѣзнаго вѣка, хотя, какъ выше указано, за неимѣніемъ важныхъ переходныхъ типовъ на многихъ мѣстахъ все еще имѣются пробѣлы. Равнымъ образомъ я принужденъ здѣсь оставить безъ вниманія множество подробностей, изъ которыхъ многія очень важны, а также ихъ техническое исполненіе.

Вообще я убѣдился въ томъ, что въ стилѣ такъ называемыхъ скиео-пермскихъ орнаментовъ можно различать три разныхъ ступеней развитія. Первая и старшая ступень, приближающаяся болѣе всего къ формамъ бронзоваго вѣка, характеризуется замѣчательнымъ реализмомъ въ изображеніи фигуръ животныхъ, при чемъ также проявляется начинающаяся стилизація, а также тѣмъ, что каждая выдающаяся оконечность снабжена лишь *одною*, вполне естественно исполненною птичьею головою. Эта голова весьма похожа на головы изъ эпохи Ананьино — прибл. III вѣкъ до Р. Х. —украшающія бронзовыя или желѣзныя рукоятки кинжаловъ (Срав. рис. 59, (60?), 64). На этой ступени развитія встрѣчаются также оправы съ эмалью или камнями¹⁾.

¹⁾ Борющихся животныхъ съ рогами изъ птичьихъ головъ и украшенныхъ оправами мы видимъ на рис. 345, 349 и 350 въ трудѣ Кондакова-Толстого-Рейнака *Antiquités de la Russie méridionale*. Ср. также рис. 363.

Во второмъ періодѣ развитія упомянутаго стиля воображеніе мастера появляется въ самомъ необузданномъ видѣ и головы и тѣла значительно размножаются. Такъ какъ въ это время появляется мотивъ Ганимеда, то мы тѣмъ самымъ получаемъ известную исходную точку по крайней мѣрѣ для сравнительнаго опредѣленія періодовъ времени. Мотивъ Ганимеда могъ проникнуть въ Пермь двумя путями: либо путемъ посредничества сассанидомъ изъ Индіи отъ произведений искусства греко-индійской школы Гандары, группа Гаруды — Naga, коей считается подраженіемъ группы орла съ Ганимедомъ греческаго ваятеля Леохареса (съ 370 года д. Р. X.)¹⁾ и вліяніе коей — какъ предполагаютъ — продолжается отъ II по IV вѣкъ н. Р. X. или же изъ греческихъ колоній на сѣверномъ берегу Чернаго моря, въ сферѣ вліянія коихъ вѣроятно и возникъ мотивъ Ганимеда, изображенный на рис. 72. Этотъ мотивъ вырѣзанъ на кубкѣ, принадлежащемъ къ коллекціи золотыхъ предметовъ въ Nagy-Szent-Miklós въ Венгріи, каковой кубокъ свидѣтельствуетъ частью о сассанидо-персидскомъ, частью же о греческомъ искусствѣ. Относительно времени возникновенія этихъ золотыхъ предметовъ ученые еще не достигли единогласія: нѣкоторые полагаютъ, что они были изготовлены въ первыхъ вѣкахъ христіанской эры, другіе же приписываютъ ихъ VII или VIII вѣку и нѣкоторые ученые даже полагаютъ, что этотъ кладъ, быть-можетъ, возникъ въ IX столѣтіи²⁾. Во всякомъ случаѣ онъ доказываетъ, что мотивъ Ганимеда былъ весьма распространенъ по крайней мѣрѣ во время первой половины перваго тысячелѣтія христіанской эры въ странахъ около Чернаго и Каспійскаго моря; въ виду сего весьма вѣроятно, что этотъ мотивъ былъ известенъ въ Перми.

Къ этому времени мы, слѣдовательно, можемъ отнести не только пермскія одно- и дву- (быть можетъ и трехъ-) главныя изображенія орла (рис. 74—76), Ганимедова фигура коихъ еще не искажена до полной неузнаваемости, но и, по крайней мѣрѣ, самыя первобытныя комбинаціи Ганимедова — и оленьева мотивовъ (рис. 79—82), между тѣмъ какъ форма упадка ихъ, конечно, сравнительно моложе. Къ моменту перваго принятія мотива орла и Ганимеда я долженъ отнести также формы упадка оленьева мотива, которыя моложе ступени развитія (рис. 67 и 78) или, иными словами, тѣ формы этого мотива, въ коихъ рога оленя превратились въ рядъ идущихъ людей (рис. 68—71). На нѣкоторыхъ изъ этихъ бляхъ мы видимъ на спинѣ cadaго челоѣка зачатки маленькихъ крыльевъ (рис. 70), которыя указываютъ на то, что и эти фигуры испытали на себѣ вліяніе орлинаго мотива; почти подобныя же крылья мы иногда находимъ въ формахъ соединенія мотивовъ Ганимеда и оленя (рис. 79). — Немного старше вліянія Ганимедова мотива, кажется, слѣдуетъ считать тѣ изображенія оленя, которыя въ типологическомъ смыслѣ являются предшественниками бляхъ рис. 67 и 78, т.-е. такіа, какъ рис. 60, 65 и 66. Проявляющаяся здѣсь техника свидѣтельствуетъ о болѣе усовершенствованномъ

¹⁾ Alb. Grünwedel, *Buddhistische Kunst in Indien*. Berlin 1900. S. 102.

²⁾ Jos. Hampel, *Der Goldfund von Nagy-Szent-Miklós*. Budapest 1886. — N. Kondakoff, *Geschichte u. Denkmäler des Byzantinischen Emails*. Frankfurt a. M. 1892, p. 39. — J. Strzygowski, *Zur Datierung des Goldfundes von Nagy-Szent-Miklós*. *Byzantinische Zeitschr.* 1897.

искусствѣ и изяществѣ, а обработка мотива выказываетъ болѣе самостоятельной творческой силы и болѣе вкуса, чѣмъ работы слѣдующаго за тѣмъ времени.

На третьей и послѣдней ступени развитія стили, совпадающей по существу съ младшимъ періодомъ желѣзнаго вѣка, дѣятельность фантазіи ослабѣваетъ и создаетъ лишь неуклюжія изображенія, въ коихъ можно замѣтить стремленіе къ пластикѣ, какъ это доказываютъ многіе пермскіе металлическіе предметы въ видѣ птицъ, четвероногихъ и людей.

Эта орнаментика, конечно, на первомъ планѣ продуктъ культурной жизни той географической среды, въ которой она возникла, жила и развилась. Но вліяніе ея въ разныя времена ощущалось далеко за предѣлами ея родины. Орнаментика птичьихъ головъ, которая держалась долго на берегахъ Чернаго моря, была во время переселенія народовъ, вмѣстѣ съ другими пермскими мотивами, перенесена далѣе на западъ и, вошедши въ составъ древне-германской орнаментики, перешла даже въ Сѣверную Европу. Наравнѣ съ этимъ пермскіе мотивы, хотя и не въ значительномъ количествѣ, проникли, частью сухимъ путемъ, вѣроятно, черезъ области Черемисовъ и Мерянъ, частью же водными путями, отъ береговъ Бѣлаго моря въ балтійскія страны, а также въ Финляндію, Швецію, Норвегію и т. д.

Лишь тогда, когда будутъ открыты недостающія еще переходныя формы и освѣщающія эти вопросы, вполне достовѣрныя курганныя раскопки въ болѣе значительныхъ размѣрахъ, удастся съ большимъ успѣхомъ изучить развитіе скифо-пермской культуры и установить абсолютную хронологію.

Bronzezeitliche Beziehungen Ostpreussens zum Kaukasus.

A. Bezzenberger.

Im Jahre 1885 wurde von J. Heydeck im Bezirk Dammwalde der Fritzenschen Forst, nicht weit von Königsberg ein Hügel aufgedeckt, der sich durch seinen Bau und mehreres, was er enthielt, als ein Grab der jüngsten Bronze-(beginnenden Eisen-) Zeit Ostpreussens auswies. Einen eingehenden, mit Abbildungen ausgestatteten Bericht über ihn bieten die Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia für 1885—86 S. 4 ff. Das letzte, was sich auf ihn bezieht, steht in Reineckes Beiträgen zur Kenntnis der frühen Bronzezeit Mitteleuropas (Mitteilungen der Anthropol. Gesellschaft in Wien XXXII, 1902) S. 116, in meinen Analysen vorgeschichtlicher Bronzen Ostpreussens (1904) S. 50 und in Lissauers I. Bericht über die Tätigkeit der von der Deutschen Anthropol. Gesellschaft gewählten Kommission für prähistor. Typenkarten (Zeitschrift für Ethnologie XXXVI, 1904) S. 580.

Das bemerkenswerteste Stück, welches dies Hügelgrab geliefert hat, ist die bronzene «Rudernadel mit spatenförmiger Kopfplatte» Fig. 87. Sie fand alsbald die Beachtung Virchows, der sie für «ganz analog denjenigen» erklärte, die er in seiner «Abhandlung über das Gräberfeld von Koban S. 34 Fig. 14—15 abgebildet habe» (Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie 1886 S. 383).

Diese Analogien versagen zwar, allein Virchow hat sich doch nicht getäuscht, indem er hier den Blick auf den Kaukasus richtete, und so setzte denn auch O. Tischler diese Nadel in Beziehung zu kaukasischen Formen. Schriften der physikalisch-ökonom. Gesellschaft XXIX S. 115 sagt er: «Es finden sich hier [in Koban] sowohl einfachere Nadeln mit kurzer, schmaler Platte (Virchow II 6, 7), ferner solche, wo die Platte sehr lang wird, manchmal im grössten Teile des Verlaufs gleich breit, im Verhältnis zur Länge aber noch schmal bleibt (IV 14, X 11 von langdreieckiger Form), eine Varietät, die Bayern als ruderförmig bezeichnet. Endlich finden sich sehr grosse Nadeln, deren Platte verhältnismässig kürzer, aber sehr breit ist (Virchow pag. 32, Taf. V 2, VI 1, 2, VII 3, 4 bis zu 100 mm Länge, 80 Breite: Scheibennadeln bei Virchow, spatuliformes bei Chantre). Die Platte ist ungefähr die Hälfte einer ogivalen Scheibe, und man könnte die Nadeln daher auch Schaufel-Nadeln nennen. Die Schaufel ist bei Virchow immer glatt, während Chantre auch solche mit getriebenen Buckeln in der Mitte erwähnt. Diese Rollen-Schaukel-Nadeln stehen nun der Nadel von Dammwalde

[Fig. 87] ziemlich nahe, besonders in der Form, nur ist letztere bedeutend kleiner, und die Dekoration durch getriebene Buckel ist bei ihr reichlicher verwendet, als im Kaukasus. Die Analogie wird noch auffallender, wenn man die Schleifen-Gürtelhaken von Koban (wie VI 8 [hierunter Fig. 88; identisch Материалы по археол. Кавказа VIII табл. XXII 2], XI 10) ansieht, die mit denen aus Ostpreussen (Grabhügel I [=Schriften der physikal.-ökon. Gesellschaft XXVII S. 113 ff.] Taf. VI (IV) 8 [hierunter Fig. 89]) und jenen aus dem Lac du Bourget grosse Verwandtschaft zeigen. Es findet also hier jedenfalls eine innere Verwandtschaft statt, doch sind die Kaukasus-Formen viel mächtiger als in Ostpreussen und müssen auch als älter betrachtet werden, da sie ziemlich

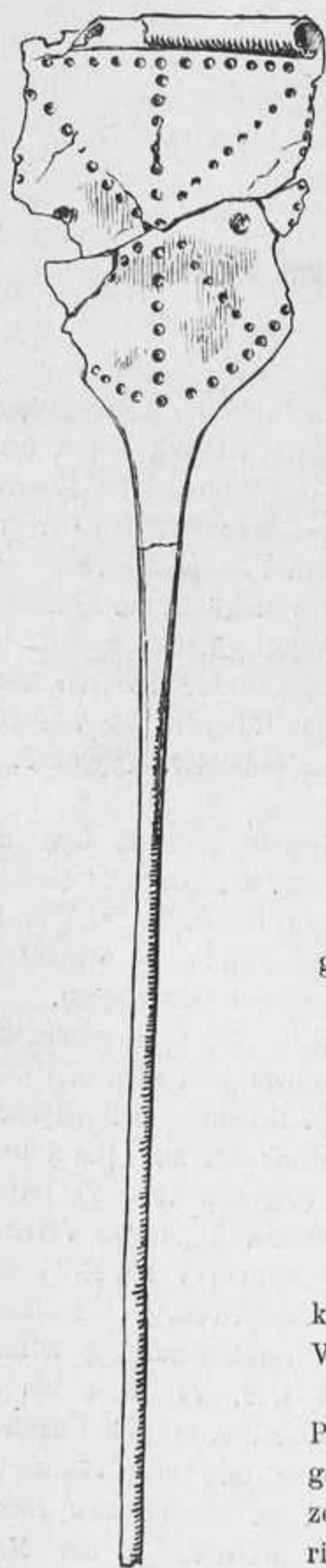

Fig. 87. 1:1.

Fig. 88. 1:2.

mit dem Beginn der italienischen Nekropolen des Eisenalters korrespondieren, während man jene ostpreussischen Gräber ins V. Jahrhundert v. Chr. setzen muss. Wie daher diese Verwandtschaft zustande gekommen, und wo die zeitlichen und örtlichen Verbindungsglieder liegen, ist noch näher aufzuklären».

Die Folgezeit hat diese Aufklärung bis heute nicht gebracht, hat aber einen ostpreussischen Bronze-Schatz ans Licht treten lassen, der wiederum, zum Teil so augenfällig auf den Kaukasus hinweist und zugleich den von Tischler betonten Grösse-Unterschied in einer Weise ausgleicht, dass schon deshalb von «einem Falle von reiner Konvergenz» (Lissauer a. a. O.) bei der Dammwalder Nadel nicht mehr die Rede sein kann. Vortrefflich bekräftigt er dagegen die von Tischler behauptete «innere Verwandtschaft».

Fig. 89. 4:9.

Der erwähnte Bronzeschatz ist im J. 1908 oder 1909 beim Pflügen eines Ackers bei Domnicksrub (Kreis Heiligenbeil) gefunden. Er besteht in den im Folgenden unter 1—3 verzeichneten und beschriebenen Stücken. Glaubwürdigem Berichte zufolge hatten sie zerstreut in einer Fläche von etwa 60 □ m im Geviert gelegen.

1) Zwei Rollen-Schaufel-Nadeln: a) = Fig. 90, b) = Fig. 91.—b ist unvollständig, aber vermutlich unversehrt und ohne Krümmung des Stiels gefunden, denn dessen Bruchfläche ist nicht patiniert und die Patina an der gekrümmten Stelle abgeblättert. Die Rolle (5, 9 cm breit) ist am linken Ende unverletzt, am rechten beschädigt.

a besteht aus zwei Teilen: einer schaufelförmigen Blechscheibe (der «Platte») und der oben sich verbreiternden und trapezoidal auslaufenden Nadel (dem «Stiel»). Da dieser Auslauf anders (flammig) ornamentiert und dicker ist als die Platte, kann über die Grenze beider Teile in der Abbildung kein Zweifel bestehen. — Die Herstellung des Stückes scheint so erfolgt zu sein, dass zunächst die Platte aus dünnem Bronzeblech (1 mm dick) hergetellt und alsdann mit der Gussform des Stiels so vereinigt wurde, dass beim Guss des letzteren etwas überschüssiges Metall das untere Ende der Platte einhüllte und also umklammerte. Dieser klammerartige Teil (der trapezförmige Auslauf, wie ich oben sagte) ist hierauf mit einem stumpfen Meissel sorglos ornamentiert. Seine Dicke beträgt 3 mm. Dass er die Platte scheidenartig umklammert, dass sie also in ihm steckt, sieht man deutlich, während Hammerschläge, oder Nieten oder Lötspuren nicht zu erkennen sind. Im Einklang mit der angenommenen Herstellung der Nadel steht die merkliche materielle Verschiedenheit von Platte und Stiel. Beide sind gut patiniert, aber dort hebt sich eine goldfarbige Stelle ab, während die Bronze hier beim Ankratzen weisslich erscheint. Als Beweis mache ich dies aber nicht geltend.

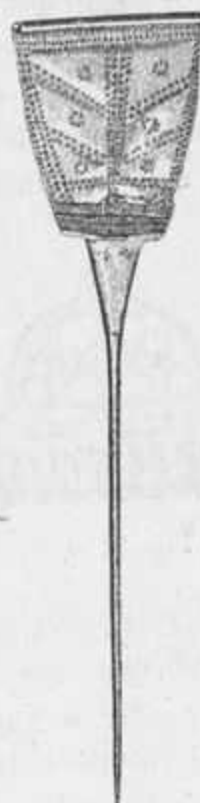

Fig. 90. 1:4.

Das Ornament der Platte von a ist aus eingeschlagenen Punkten zusammengesetzt; auf der Rückseite lässt es gleichmässige Schärfe vermissen. Da die Rolle die oberste Punktreihe fast verdeckt, rechts normal und unbeschädigt ist, das Ornament längs des rechten Plattenrandes aber oben diesen Rand trifft, so unterliegt es keinem Zweifel, dass die Platte aus einem grösseren Blechstück nach Herstellung des Ornaments ausgeschnitten und alsdann die Rolle gebildet ist.

Die Reste der Nadel b ergeben ihre Herstellung in einem Stück, und ein in der Abbildung bemerkbarer Sprung im rechten Rande der Platte legt die Vermutung nahe, dass diese mit dem Hammer getrieben ist, bevor sie ornamentiert wurde. Auch ihr Ornament — welches dem der Nadel von Dammwalde sehr nahe steht — ist durch eingeschlagene Vertiefungen gebildet, die hier aber ausgesprochene Grübchen sind. Die ihnen entsprechenden Buckel der Rückseite sind von verschiedener Schärfe. Die Platte, ganz dünn, ist vorne nicht völlig, hinten fast gar nicht patiniert, und auch die Rolle ist beinahe patinafrei. Die nicht oxydierten Flächen sind braungelb.

Fig. 91. 1:3.

Der Stiel sowohl von a, wie von b ist oben platt, sonst rund.

2) Die beiden Stücke a) = Fig. 92, b) = Fig. 93. Beide sind unvollendet, aber b ist mehr bearbeitet als a, das eine noch kaum angegriffene Gussnaht zeigt. Diese Naht lehrt, dass die Stücke in einer zweiteiligen Form gegossen sind, und empfiehlt hierdurch, sie als Fremdlinge anzusehen, da noch keine vorchristliche Gussform in Ostpreussen gefunden ist. — Ihre Dicke ist gleich (3 mm); äusserlich auch ihr Material: scheinbar oxydiertes Weissmetall.

3) Zwölf platte, kreisförmige geöste Anhängsel (von einem ist die Öse abgebrochen und fehlt), die durchweg gegossen (nicht aus Bronzeblech ausgeschnitten) zu sein scheinen, aber dann je eine besondere Gussform voraussetzen.

Fig. 92. 4:9.

Fig. 93. 4:9.

Fig. 94. 4:9.

Fig. 95. 4:9.

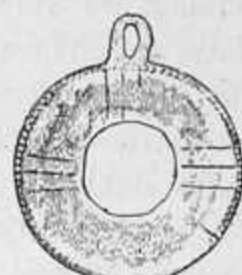

Fig. 96. 4:9.

Das Stück ohne Öse, neuerdings abgeputzt, zeigt messingfarbiges Metall. Von den elf übrigen scheinen sieben aus Weissmetall zu bestehen; der Rest besteht aus mehr oder weniger guter Bronze. Auffallenderweise sind mehrere Stücke an den Rändern, besonders am äusseren Rande teils beiderseits, teils nur auf einer Seite und bald mehr, bald weniger patinafrei — ob in Folge des Gebrauchs, oder der Lagerung in der Erde, weiss ich nicht zu entscheiden.

Die Richtung der Ösen ist bei allen Stücken dieselbe. Sie zerfallen in drei Gruppen:

a) 2 radförmig durchbrochene von gleicher Art. Eins ist mangelhaft abgeputzt, das andere = Fig. 94. Der äussere Durchmesser beträgt 5,2 bzw. 5,9 cm.

b) 2 ornamentierte = Fig. 95, 96. Durchmesser wie unter a. — Das kleinere Stück (Fig. 95) zeigt auf der Rückseite keine Spur des Ornaments, das also entweder im Guss hergestellt, oder auf sehr harter Unterlage eingeschlagen ist. Seine Schärfe macht letzteres wahrscheinlich. In jedem Falle verrät es einen sorglosen Arbeiter.

Das grössere Stück enthält auf der gut erhaltenen Rückseite längs der inneren und der äusseren Peripherie gleichmässig kräftig eingeschlagene Punkte, welchen auf der Vorderseite an der äusseren Peripherie mit Ausnahme ihres unteren Drittels flache Auftreibungen entsprechen, im übrigen aber sich heute vorne nicht abspiegeln. Die starke Abnutzung des unteren Teils der Vorderseite, welche dies Verhältnis voraussetzt, hat hier aber noch eine andere Wirkung gehabt: annähernd in Richtung des Höhen- und Breiten-Durchmessers erscheinen nämlich oben und beiderseits in der Mitte drei flache Parallel-Linien in Tremolierstich zwischen äusserer und innerer Peripherie, und dies Ornament ist zweifelsohne auch unten vorhanden gewesen, denn es wird hier nicht nur durch die Symmetrie, sondern auch durch die

Analogie der Scheibe Fig. 97¹⁾ und den klaren Sinn ihrer Verzierung (die Speichen eines Rades) gefordert.

c) 8 unverzierte von der Form Fig. 95, 96. Von einem ist, wie bemerkt, die Öse abgebrochen; an einem anderen ist sie beschädigt; eins hat unten an der äusseren Peripherie, gegenüber der Öse eine Lücke, die ein Gussfehler zu sein scheint. Die Durchmesser der Stücke sind in Centimetern bezw. 4, 7; 4, 8; 5, 1; 5, 4 (zwei); 5, 8; 5, 9; 6.

Die unter 3) behandelten Anhängsel sind für Ostpreussen nichts Neues, und ich habe mich mit ihnen bereits in meinen Analysen vorgeschichtlicher Bronzen S. 40 beschäftigt. Sie sind dort, welcher der obigen Gruppen sie auch angehören mögen, gleichaltrig und aus derselben Zeit auf uns gekommen, wie die Nadel Fig. 87. Zugleich aber ergeben sie unverkennbar eine Entwicklungsreihe: aus der plastischen Darstellung des vierspeichigen Rades (Fig. 94) entstand die lineare (Fig. 96, 97) und hieraus durch Aufgeben ihrer ornamentalen Speichen die völlig glatte Form (Gruppe c), welche der Kunsttrieb dann bisweilen mit beliebigen Ornamenten schmückte (Fig. 95). Nur durch diese Annahme wird das äusserliche Verhältnis dieser verschiedenen Stücke verständlich, indem sich dadurch zugleich, wie mir scheint, ihr Sinn erschliesst: sie alle gehen zurück auf das Sonnenrad (Montelius Mannus I S. 53, 169) und sind je in ihrer Art Sinnbilder verschiedener Phasen einer religiösen Entwicklung.

Ist dies richtig, so verbietet es sich von selbst, dem Ursprunge dieser Amulet- Art hier nachzugehen. Wohl aber ist zu erwägen, woher die keineswegs nur ostpreussischen Formen Fig. 94—97 stammen mögen, und hier kommt zunächst in Betracht, was Naue Bronzezeit in Oberbayern S. 134 f. zusammengestellt hat. Es lenkt unseren Blick vom Norden ab und richtet ihn vornehmlich nach Nord-Italien, Ost-Frankreich, der West-Schweiz, und sicherlich sind die vierspeichigen geösten und ungeösten Räder Antiquités lacustres Pl. XXX 8, 9, 31, Gross Protohelvétès Pl. XXIII 8, 28, 44, 55 und die geösten runden Bronzescheiben mit kreisförmiger Durchbrechung der Mitte Gross ebenda Pl. XVI 6—8 (Fig. 7 mit ausgetriebenen Buckeln), XXIII Fig. 39, 45 mit unseren Fig. 94—97 in Verbindung zu setzen. Ebenso gewiss waren dort Miniatur-Räder Schmuckstücke, deren Gebrauch fest in der Volksüberlieferung haftete. Das lehrt ihr Auftreten in der Mittel-Latène-Zeit, worüber ich Déchelette im Bericht über den Kongress von Macon S. 165 zu vergleichen bitte, indem ich zugleich nach ihm Pl. IV 7 ein Rädchen aus Stradonic abbilde (Fig. 98). Vielleicht trug der Umstand zu ihrer Volkstümlichkeit bei, dass sie den Kelten an seinen Wagen erinnerten.

Fig. 97. 4:9.

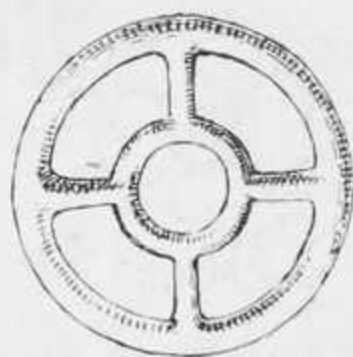

Fig. 98. 1:1.

¹⁾ Figur 97 gibt die Vorderseite desselben Stückes, das in meinen Bronze-Analysen S. 40 Fig. 35 gemäss seiner Rückseite abgebildet ist. Der Fehler ist von H. Kemke bemerkt und bereits korrigiert (Katalog des Prussia-Museums I, 1906, S. 39 Fig. 46).

Allein nicht nur der Südwesten, sondern auch der Südosten und in Sonderheit der Kaukasus bietet Bronzerädchen und radförmige Anhängsel mit vier Speichen zum Vergleich. Ich verweise auf Chantre «Recherches anthropologiques dans le Caucase» II Pl. XIbis 5, auf Taf. LIV 5 (Fig. 99) und LXXII 3 (Fig. 100) im VIII. Bande des grossen Werkes der Gräfin Uwaroff «Материалы по археол. Кавказа» und auf mehrere Originale in der Sammlung des Herrn Apuchtin, die sich in

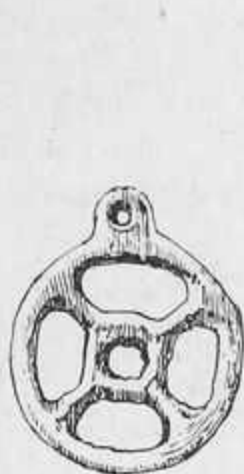

Fig. 99. 1:1.

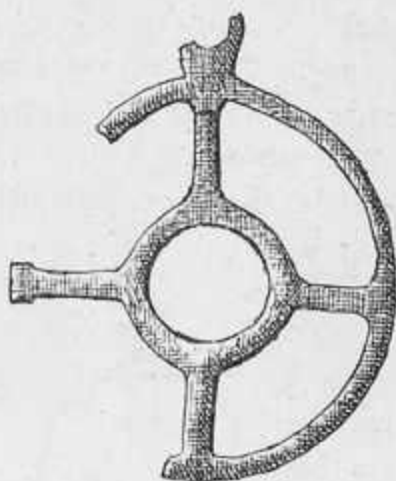

Fig. 100. 1:1.

Fig. 101. 1:1.

Fig. 102. 4:9.

der Ausstellung unseres Kongresses befindet. Eins von ihnen entspricht genau der obigen Fig. 99. — Des weiteren sei hingewiesen auf Hampel Altertümer der Bronzezeit in Ungarn Taf. LIV 2 (Fig. 101), 3 und Sacken Hallstatt Taf. XV 3, XVIII 19 (Fig. 102), 21, XXIV 5. Böhmische «kleine Zierscheiben mit einfachem, durchlochten Innenkreuz», die Naue a. a. O. erwähnt, habe ich nicht nachprüfen können.

Ähnlich bestellt ist es um die Verbreitung der «Schleifen-Gürtelhaken» (vgl. oben S. 494). Mit Tischler Schriften der physikal.-ökon. Gesellschaft XXVII S. 152 sehe ich ihre einfachste Form in Fig. 89, die ich mit Typus A bezeichne. Durch Einrollen der Enden entstand aus ihr der in Fig. 88 erscheinende Typus (B), und an beide Typen reihten sich zahlreiche Weiterbildungen, die teils frei erfolgten, teils aber unter dem Einfluss der schlichten Hallstatt-Form Fig. 103 (Sacken Taf. XI 11), die auf dreieckige Haken aus Bronzeblech zurückgeht (vgl. Voss Verhandlungen der Berlin. Gesellschaft f. Anthropologie 1880 S. 105 ff.). Unmittelbar aus ihr erwuchs der unvollständige Gürtelhaken Undset Eisen Taf. XX 12 (Fig. 104), während Fig. 105¹⁾ eine Zwischenstellung zwischen ihr und Typus B einnimmt. Wahrscheinlich²⁾ war diese Mischform die Unterlage von Gürtelhaken wie Fig. 106 (Undset Taf. XXVI 15; sehr ähnlich Estorf Altertümer von Uelzen Taf. XI 11, Götze-Höfer-Zschesche Altertümer Thüringens Taf. XVII 253), wie Pič Urnengräber Böhmens S. 151 Fig. 60 und wie Fig. 107 (Jahrbuch des Leipziger Museums f. Völkerkunde II Taf. XI 66, vgl. Taf. X 60, XVI 98, XVII 106, sämtlich aus La Tène-Gräbern).

¹⁾ Schwantes Prähistor. Zeitschrift I S. 141 Fig. 4 b. Das Stück ist rekonstruiert. Vermutlich ist es gleichartig mit unserer Fig. 87.

²⁾ Auf eine andere Beurteilung führt Reinecke in der am Schluss dieser Arbeit zitierten Abhandlung S. 92 f. Ich kann ihm aber nur eine stylistische Beeinflussung einer Typenreihe zugeben.

Typus A ist von Tischler a. a. O. belegt für die Provinz Posen (Undset Eisen Taf. XII 8), Savoyen und Bologna (Arnoaldi). Entwicklungen von ihm sehe ich in Fig. 108 (Jahrbuch des Leipzig. Museums f. Völkerkunde II Taf. XIII 84, vgl. ebenda

Fig. 103.

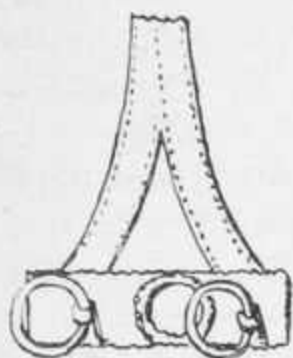

Fig. 104.

Fig. 105. 1:3.

Fig. 106.

Fig. 107. 1:3.

Fig. 108. 1:3.

Fig. 82; auch diese aus La Tène-Gräbern), Fig. 109 (Jahrbuch des schlesischen Museums für Kunstgewerbe u. s. w. II S. 41 Fig. 48, gehörig zu einer Mittel-La Tène-Fibel) und Fig. 110 (Voss u. Stimming Vorgeschichtl. Altertümer der Mark Brandenburg Abt. IV^a Taf. XIII 4 a. Jüngere La Tène-Periode).

Zu Typus B gehören zunächst die von Tischler a. a. O. erwähnten Haken aus Nadziejewo (Posen, Undset Eisen Taf. XII 9¹), Station Grésine (Savoyen), Domahida (Ungarn; ein anderer Arch. Értésitö XII S. 343), Hagenau (Elsass) und von Loppönnen in Ostpreussen. Der letzte (Fig. 111; vgl. Undset Eisen S. 154 f.) ist ein Einzelstück, aber zweifellos gleichartig mit der Nadel Fig. 87. Aus seiner Form entstanden die eisernen Gürtelhaken wie Fig. 112, die in der ältesten Abteilung der Bornholmer

Fig. 109. 1:3.

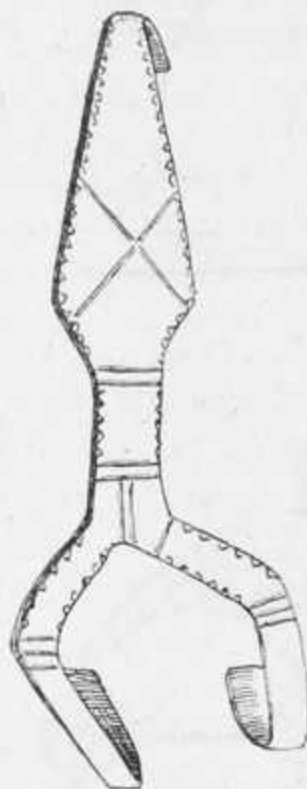

Fig. 110. 1:1.

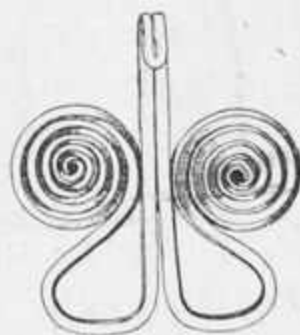

Fig. 111. 4:9.

Fig. 112. 1:3.

Brandpletter gefunden sind, also in Gräbern, deren Fibeln eine Mittel-La Tène-Form zu haben pflegen. Eine andere Variante des Typus B ist Undset Eisen Taf. XXIII 4, ein brandenburgischer Haken aus einem La Tène-Milieu (man beachte

¹) Anders im Posener Album II Taf. XXXIII 13. Sein Text bemerkt dazu: «Der ganze Gürtelhaken hat nunmehr durch Rost sehr gelitten. Die Ringe existieren nicht mehr».

die zugehörigen Stücke Taf. XXII 9, die vielleicht das Radsymbol abspiegeln). Endlich scheinen Stücke wie S. Müller Ordnung I, Bronzealteren Fig. 326 (hierunter Fig. 113) von solchen wie Fig. 111 nicht getrennt werden zu können und als ihnen entsprechende Ösen aufgefasst werden zu müssen (vgl. Pulszky Kupferzeit in Ungarn S. 33).

Fig. 113. 4:9.

Auch die Gürtelhaken ergeben also Beziehungen Ostpreussens einerseits nach Ungarn und dem Kaukasus, anderseits nach Südwesten und im besondern zu dem Verbreitungsgebiet der La Tène-Kultur. Wie dies Verhältnis zu erklären ist, werde ich am Schluss berühren.

Die unter 2) angegebenen Stücke Fig. 92 und 93 erinnern sehr an die «Plaques agrafes demi-circulaires» Chantre a. a. O. II Pl. XIbis Fig. 2, Pl. XII Fig. 1, 2, 5 (hierunter Fig. 114), Pl. XIIIbis Fig. 1, Gräfin Uwaroff a. a. O. VIII Taf. XXIII 2, XXV 5, XL 13.

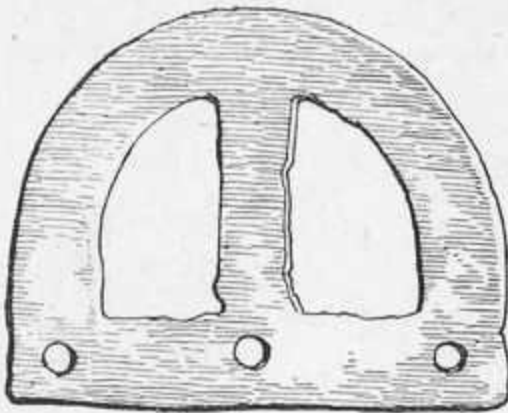

Fig. 114. 1:1.

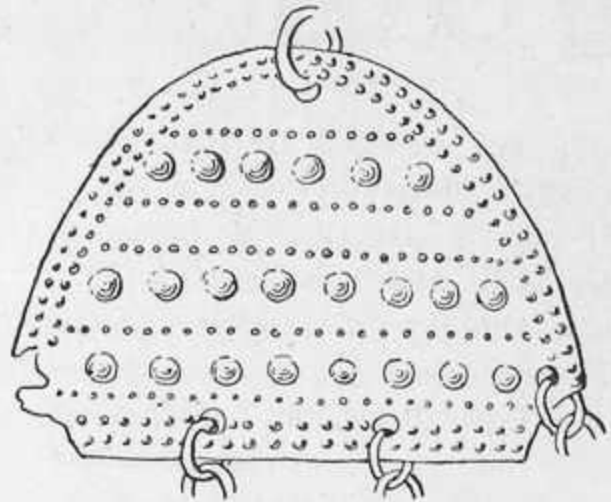

Fig. 115. 1:1.

Nach Chantre waren solche Platten «fixées à des ceintures», und dies lässt sich auch von den unsrigen annehmen; vielleicht wurde durch ihre Öse ein schnurartig verlaufendes

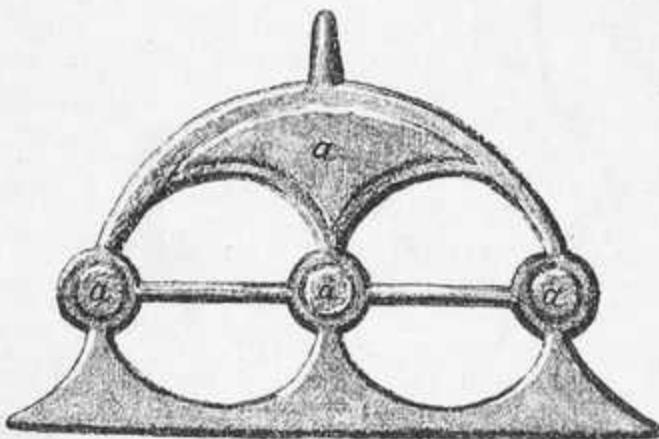

Fig. 116. 1:1.

Riemenende gezogen, oder zu ihnen passende Gürtelhaken fehlen nur zufällig. Es ist aber auch denkbar, dass die Bronzen Fig. 92, 93 eine Bestimmung hatten, wie die ihnen formell gleichfalls nahe stehende Bronzescheibe Fig. 115, die zu einem reichen, mit einer Kahnfibel (mit sehr verlängertem Bügel) vereinigten Brustschmuck aus Zwetsch bei Watsch gehört (Mitteilungen der Wiener anthropolog. Gesell-

schaft XIII Taf. XIV) und durch die Art ihrer Dekoration zu mehreren in diesem Vortrag hervorgehobenen Stücken stimmt. Zeitlich passt dieser Vergleich so gut, wie jener, und sachlich schliesst der eine den anderen nicht gerade aus. — Das letzte Stück, das ich hier zu vergleichen habe, ist die Bronze Fig. 116, die ich

in der Ausstellung des Kiewer Kongresses sah. Gleich anderen dort ausgelegten Bronzen stammt sie aus Romaški, Gouvernem. Kiew, und hat mit diesen, oder doch mehreren von ihnen auch das gemein, dass sie blutrotes Email champlevé enthält (an den mit a bezeichneten Stellen). Über ihr Alter wage ich kein bestimmtes Urteil, bezweifle aber, dass es sich auch nur annähernd mit dem der vorher verglichenen Stücke messen kann, da zu den ebenso emaillierten Bronzen aus Romaški Fibeln gehören wie Uwaroff *Кавказъ* VIII S. 320 und Taf. CXXVI 21, Katalog der Rigaer Ausstellung Taf. VII 2, Schriften der physikal.-ökonom. Gesellschaft XIX Taf. XI 1. Im Norden sind dieselben nicht älter als etwa das dritte Jahrhundert n. Chr., und so möchte ich in dem Stück Fig. 116 einen späten Nachläufer älterer Kaukasus-Formen sehen, vielleicht solcher, die auch emailliert waren. Nachgewiesen scheinen derartige alte Stücke freilich nicht zu sein, aber es ist unbedenklich, sie zu vermuten, da Email champlevé in Koban gefunden ist (vgl. Tischler a. a. O. XXIV, Sitzungsberichte S. 25 und die dortigen Verweise), und so ist es auch nicht gewagt, mit ihm bei Fig. 92, 93 zu rechnen.

Fig. 92 enthält unten eine Reihe rechteckiger Vertiefungen, Fig. 93 an ihrer Stelle Durchbrechungen, die aber früher ebenso geschlossen waren, wie jene; einen Rest des früheren Zustandes zeigt Fig. 93 in dem äussersten Rechteck zur Linken. Ferner enthält Fig. 92 in der Mitte vier annähernd hufeisenförmige Durchbrechungen mit Resten ihres früheren Fonds, über ihnen zwei runde, unvollständig ausgebohrte Löcher neben einer ihnen entsprechenden geschlossenen Vertiefung und oben links eine Durchbrechung, welche von der Form der korrespondierenden zur Rechten unverkennbar nur deshalb abweicht, weil eine mit dieser konforme Vertiefung ungenau ausgeschnitten ist. Da sich nicht annehmen lässt, dass man im Guss Vertiefungen mit der Absicht hergestellt habe, sie auszuschneiden, weil Öffnungen im Guss selbst sich leicht und gut herstellen liessen, so ist zu vermuten, dass die Durchbrechung der früheren Vertiefungen von jemandem vorgenommen ist, der ihren Zweck nicht begriff, oder verwarf, also etwa durch einen ostpreussischen Bronzegiesser, welchem der Zwischenhandel Stücke aus weiter Ferne zugeführt hatte. Was aber den Zweck der Vertiefungen betrifft, so steht nichts im Wege in ihnen Email-Gruben zu sehen (vgl. Virchow Koban S. 70 f.), und solche vermute ich auch in den kleinen Dreiecken am unteren Rande von Fig. 92, indem ich mich dabei darauf berufe, dass die erhaltenen Vertiefungen durchweg mit einer Nachlässigkeit hergestellt sind, welche am besten durch die Absicht entschuldigt werden kann, sie durch Email zu schliessen. Allerdings zeigt Fig. 92 seine Vertiefungen auf der Vorder- und Rückseite, allein dies braucht weiter nichts zu besagen, als dass man die Möglichkeit offen halten wollte, beide Seiten zu emaillieren.

Wenden wir uns nun zurück zu den unter 1) beschriebenen Nadeln, so wies ich schon darauf hin, dass sie den Unterschied zwischen den Dimensionen der Dammwalder Nadel Fig. 87 und verwandter kaukasischer Nadeln ausgleichen. Zugleich aber geschieht dies dadurch, dass im Kaukasus auch Rollenschaufelnadeln vorkommen, welche durch die ostpreussischen an Länge und teilweise auch an Breite be-

deutend übertroffen werden. Ich verweise auf Fig. 117=Chantre a. a. O. Taf. XIX 2 und die noch kleinere Nadel Uwaroff a. a. O. Taf. XXVIII 2 (beide aus Koban), deren gewaltige Nebenform ebenda Taf. XXVII 1 vollends lehrt, dass im Kaukasus solche Nadeln in sehr verschiedenen Grössen zu erwarten sind.

Auch die getriebenen Buckel der ostpreussischen Nadeln bringen diese in keinen wesentlichen Gegensatz zu den vergleichbaren des Kaukasus, denn diese Dekorationsweise begegnet auch hier, wie schon von anderer Seite bemerkt ist (oben S. 493). Vgl. Fig. 118=Uwaroff a. a. O. Taf. XXVIII 1 (Koban) und ebenda Taf. LXIV 2 (Rachta), Taf. LXXXVI 1, 2, LXXXVII 5, 6 (Kumbulta). Dass aber die ostpreussischen Nadeln die bislang bekannten buckelverzierten kaukasischen durch Reichtum und Bedachtheit der Dekoration im allgemeinen übertreffen, kann örtliche oder zeitliche Gründe haben.

Nicht zu übersehen ist endlich, dass auch bei einigen der angeführten kaukasischen Nadeln der Rand der Platte ausgetriebene Buckel durchschneidet. Da sie je aus einem Stücke bestehen, so ist hier die Platte freilich nicht aus einem losen Bronzeblech ausgeschnitten, sondern als Teil der Nadel ausgetrieben, verziert und dann zurechtgeschnitten (vgl. S. 504).

Rollenschaufelnadeln oder «Rudernadeln mit spatenförmiger Kopfplatte» sind abgesehen vom Kaukasus und Ostpreussen sehr selten. Lissauer a. a. O. S. 579 verzeichnet nur noch:

a) 1 Exemplar aus Andrásfalva in Ungarn. Hierüber wird unten ausführlich gehandelt werden.

b) 2 Exemplare aus Alt-Bydžow in Böhmen. Sie gehören zu einem geschlossenen Fund der frühen Bronzezeit (I—II Periode von Montelius). Die eine (Fig. 119) ist 16,7 cm lang und steht also z. B. der kaukasischen Nadel Fig. 117 an Grösse nicht nach. Die andere dagegen ist nur 8 cm lang.

c) 1 Exemplar aus Griesheim in Hessen-Darmstadt, «sehr klein, als Anhänger benutzt». Vermutlich frühe Bronzezeit.

d) «viele Exemplare, 6,2—7,2 cm lang» aus Dexheim, Rheinhessen. Nach L. Lindenschmit Westdeutsche Zeitschrift XX S. 352 gehören sie zu einem Funde, den er der frühen Bronzezeit zuweist, und sind von verschiedenem Typus; ihre Zahl beläuft sich nach ihm auf 14, und sechs von ihnen hat er a. a. O. Taf. XIII 5—10 abgebildet. Eine dieser Abbildungen (10) habe ich auf das natürliche Maass gebracht und gebe sie so hierneben (Fig. 120).

Das ist alles.

Aus dieser Übersicht folgt, dass die Rudernadeln mit spatenförmiger Kopfplatte im westlichen Mitteleuropa früher aufzutreten scheinen und kleiner sind als im Kaukasus, und dies legt den weiteren Schluss nahe, dass ihr zweifellos einheitlicher Ursprung dort zu suchen ist. Wahrscheinlich ist mir dies aber nicht, weil sie ausserhalb des Kaukasus verstreut auftreten, hier aber einen landestüblichen Eindruck machen. Ich neige daher zu der Annahme, dass sie auch der Kaukasus in kleinen Exemplaren besessen hat, und dass diese frühzeitig hin und wieder westwärts

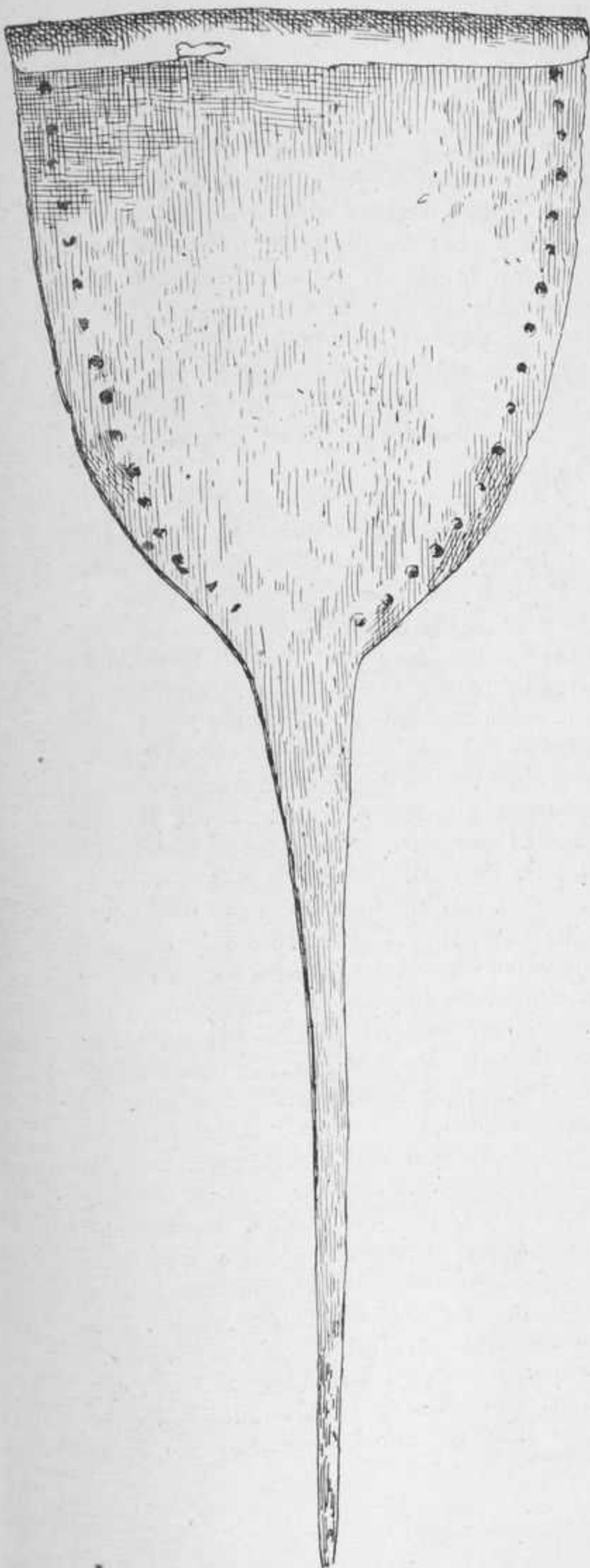

Fig. 118. 1:1.

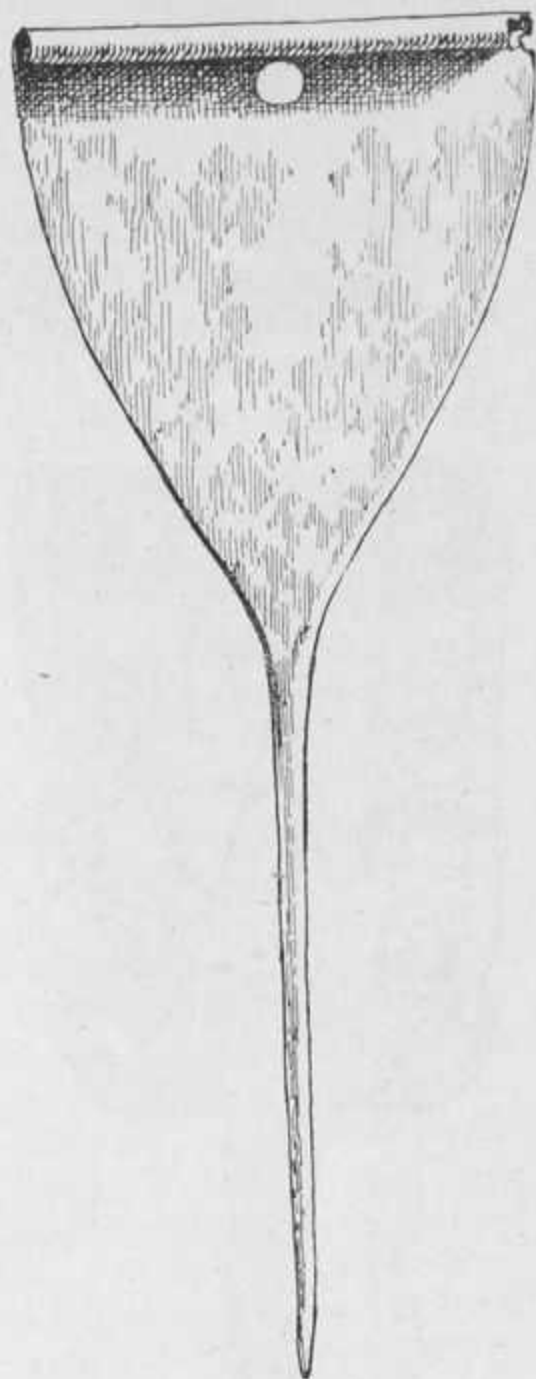

Fig. 117. 1:1.

Fig. 119.

Fig. 120.

wanderten, während sie sich in ihrem Stammlande zu immer grösseren Formen auswuchsen. Daneben vermute ich, dass sie zunächst auf den «Rudernadeln mit langer, schmaler Kopfplatte» (Lissauer a. a. O. S. 579) beruhen, und dass aus eingewanderten Nadeln wie Fig. 119, 120 die norddeutschen Scheibennadeln (Lissauer S. 580 f.) hervorgegangen sind, indem ich mich hierfür auf die in dem Dexheimer Funde

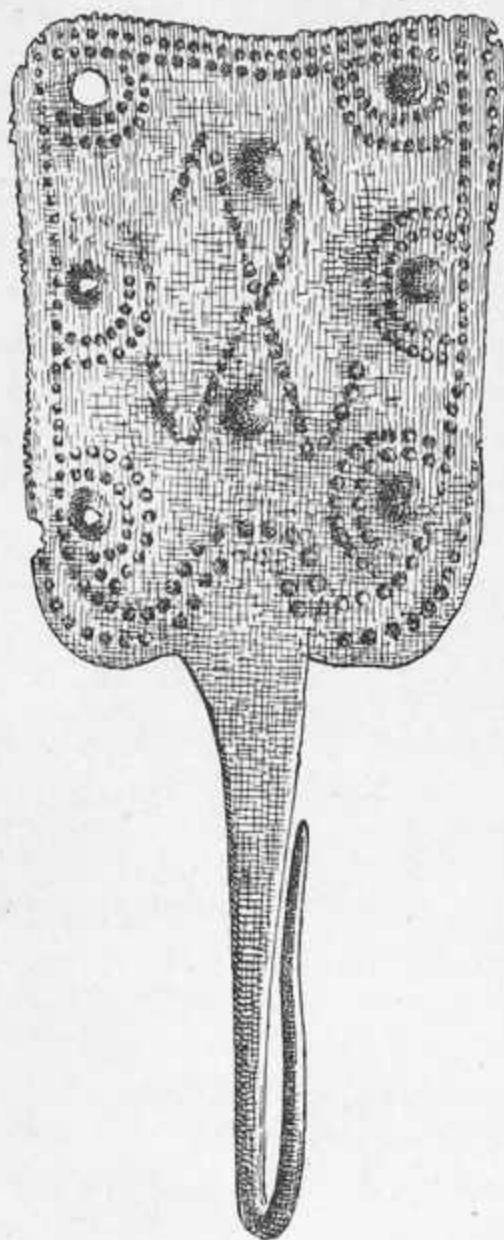

Fig. 121. 1:1.

vorliegende Vereinigung von Nadeltypen berufe. Beiläufig verweise ich zugleich auf die Berührung der «ostbaltischen Scheibennadeln mit plattem bandförmigem Spiralkopf» (Lissauer S. 577, 584) mit der doppelköpfigen Nadel Uwaroff a. a. O. Taf. LXXXVI 1.

Allein noch etwas anderes ergibt sich aus der obigen Umschau, nämlich dass die Herkunft der Nadeln von Domnicksruh und Dammwalde nicht im Westen oder Südwesten zu suchen ist, und wenn es nun richtig ist, dass ihre Ungewöhnlichkeit in die Ferne weist, dass sie hinsichtlich der Art und Form, der Dimensionen, der Dekoration und technischen Behandlung kaukasischen Nadeln nahe stehen, so stellen sie mich nur noch vor die Aufgabe, ihren zeitlichen und räumlichen Abstand von diesen annehmbar zu erklären. In räumlicher Hinsicht geschieht dies durch die Nadel von Andrásfalva (Liptauer Komitat), von der eine Abbildung zu geben (Fig. 121) ich durch die grosse Güte Götzes in der angenehmen Lage bin. Sie ist in das Kgl. Museum für Völkerkunde in Berlin mit einer Anzahl von Stücken der ältern Bronzezeit gekommen, doch sind, wie mir Götze schreibt, die Fundangaben zu zweifelhaft, als dass man das Alter dieser Stücke zur Datierung der Nadel verwenden könnte. Die Dekoration ihrer Platte (dünnes Blech) ist durch grosse und kleine Austreibungen bewirkt, die zum Teil durchgescheuert sind. Ihr Stiel ist oben von rechteckigem, unten von rundem Durchschnitt.

«An den beiden Seitenrändern läuft die äussere Ornamentlinie», wie mir Götze schreibt, «aus dem Rande stellenweise heraus; man sieht deutlich und unzweifelhaft, dass erst das Ornament hergestellt und dann der Rand beschnitten wurde». Eine Rolle fehlt. Aber auf meine Frage, ob sie nicht ursprünglich vorhanden gewesen sein könnte, teilt mir Götze mit: «Der jetzige Oberrand wird begrenzt durch eine gezahnte Kontur, die den übrigen gepunzten Ornamentlinien vollkommen entspricht, oder mit anderen Worten: hier war eine dritte gepunzte Ornamentlinie, die natür-

lich nur in einer Fläche, nicht an der Kante sitzen konnte. Also muss ursprünglich die «Ruderfläche» noch weiter gegangen sein, und somit ist auch die Möglichkeit vorhanden, dass an dem jetzt fehlenden Teil auch eine Rolle gesessen hat. Dass dieser Teil zufällig abgebrochen wäre, scheint mir nicht der Fall zu sein. Nach der Art der Abrundung der Ecken möchte ich annehmen, dass man den oberen Teil absichtlich weggeschnitten hat.... Es hat also eine sekundäre Benutzung mit veränderter Form (ohne Rolle) stattgefunden und zwar bereits im Altertum, denn die Wundränder sind oxydiert. Indem ich das Fehlen der Rolle ebenso auffasse, sehe ich in Ungarn das Durchzugsland kaukasischer Rollenschaufelnadeln nach Ostpreussen, denn die Berührungen der ostpreussischen mit der Nadel von Andrásfalva sind, wie der Augenschein zeigt, viel zu eng, um auf Zufall beruhen zu können, und ebendiese Nadel steht nicht nur gleichfalls in unverkennbarem, engem Zusammenhang mit kaukasischen, sondern ist auch das einzige bekannte, unmittelbar vergleichbare Verbindungsglied zwischen ihnen und den unsrigen.

Während so der räumliche Abstand einigermaßen befriedigend überbrückt wird, lässt sich der zeitliche nur vermutungsweise ausgleichen — vorausgesetzt natürlich, dass die Datierung der Kaukasus-Formen einwandfrei ist. Die Vermutung jedoch, welche in solchen Fällen am nächsten liegt, dass nämlich alte Stücke von einem Händler oder Bronzegiesser irgendwo aufgestöbert und verschleppt sind, möchte ich hier unterdrücken, denn die Nadel von Dammwalde gibt, als Grabfund des 5. oder 4. Jahrhunderts v. Chr., den ostpreussischen Rollenschaufelnadeln das Gepräge der Mode jener Zeit. Unbedenklich erscheint mir dagegen die Annahme, dass Nadeln wie Fig. 121, entstanden unter kaukasischem Einfluss, an irgend einer, noch unbekannten Stelle langlebig geworden und demnächst in Ostpreussen eingebürgert sind. Für einen solchen Gang, ein solches Erscheinen, Verbergen und Wiederauftreten lassen sich zahlreiche Beispiele anführen. So begegnet die Rollennadel in einem frühbronzezeitlichen Grabe Ostpreussens (Kossinna Zeitschrift für Ethnologie XXXIV S. 204), taucht hier von neuem auf in den Gräbern der jüngsten Bronzezeit und findet sich nach abermaligem Verschwinden zahlreich in unserer Periode B (1—2. Jahrhundert n. Chr.), ohne dass ein geschichtlicher Zusammenhang dieser verschiedenen und verschieden gestalteten Nadeln zu bezweifeln wäre (vgl. Prussia-Berichte XX S. 56). Oder um andere mir naheliegende Beispiele geltend zu machen, so verweise ich an das Aufleben der grossen Nadeln mit Spiralkopf (Lissauer a. a. O. S. 577, oben S. 504) und erinnere an meine Ausführungen über die Schläfenringe (Mannus I. Ergänzungsband S. 74). Auch hier fand ich einen Faden, der Ostpreussen mit dem Kaukasus verbindet.

Auch die Bronzen Fig. 92, 93 können aus einer Gegend gekommen sein, in der sich Kaukasus-Formen in eine spätere Zeit retteten. Das Stück Fig. 116 gibt diese Möglichkeit an die Hand. Wenn sie aber zur Emaillierung bestimmt waren, würde ich vielmehr annehmen, dass sie aus dem Kaukasus selbst auf Umwegen an ihren Fundort gelangt sind. Uralte Beziehungen Ostpreussens nach Südosten werden durch die Scherner Bronzestatuetten (Prussia-Berichte XXII S. 424) annehmbar gemacht.

Was dagegen die unter 3 (S. 496) verzeichneten Anhängsel betrifft, so zeugt für ihre Herkunft nicht aus Osten oder Süden, sondern aus dem Westen oder Südwesten der Umstand, dass kreisförmig durchbrochene wie Fig. 95—97 dort zu fehlen scheinen, hier aber, in der Schweiz und im Moselgebiet (Westdeutsche Zeitschrift IX S. 302, Taf. XVII 2) vorkommen.

In derselben Richtung suche ich das Herkunftland des Gürtelhakens Fig. 111, denn seine Zeitstellung weist ihn ebendorthin, und es hiesse nutzlos Schwierigkeiten schaffen, wenn man ihn unmittelbar aus Ungarn (Domahida) oder dem Kaukasus herleiten würde. Dass er aber in Beziehung zu diesen Ländern steht, bleibt trotzdem wahr.

Wiederholt musste ich in diesem Vortrage den Blick sowohl nach dem Kaukasus, wie nach dem Südwesten richten. Wenn aber hier und dort ein und dasselbe Stück einen Anschluss fand, so setzt dies mit Notwendigkeit vorgeschichtliche Beziehungen der Pontusländer zum westlichen Mittelmeergebiet voraus, und diese Voraussetzung wird gestützt durch die vergleichende Betrachtung der kaukasischen Fibeln, ist auf geschichtlichen Grund gerückt durch Reinecke (Zur Kenntniss der La Tène-Denkmäler der Zone nordwärts der Alpen in: Festschrift zur Feier des fünfzigjährigen Bestehens des röm.-german. Centralmuseums zu Mainz) und steht in Einklang mit der Argonautensage, insofern sie Jason und Medeia durch Ister und Eridanus in die Rhone gelangen lässt.

Неизвѣстный крупный художественный центръ въ глубинѣ Азіи.

Проф. Вѣнскаго Университета І. Стржыговскаго.

(Перевела съ нѣмецкаго и прочла на XV Археологическомъ Сѣздѣ въ Новгородѣ Фанни Галле.)

Предисловіе отъ переводчицы.

Находка загадочнаго лѣтняго дворца первыхъ дамасскихъ халифовъ въ Моавитской пустынѣ, сдѣланная чешскимъ ориенталистомъ Музилемъ и изданная затѣмъ Вѣнской Академіей Наукъ, возбудивъ всеобщее вниманіе специалистовъ по византійскому и восточному искусству, побудила и моего учителя, профессора Стржыговскаго, заняться вопросомъ о тѣхъ художественныхъ источникахъ, откуда черпали свои идеи и композиціи живописцы, расписывавшіе этотъ лѣтній замокъ халифовъ. Въ своей рецензіи на вѣнское изданіе «Kuseir-Amra» онъ указывалъ на два источника: на коптскій Египетъ и христіанскую Сирію. — Теперь же въ присланномъ имъ на настоящій Сѣздъ сообщеніи, которое я буду имѣть честь прочесть Вамъ, проф. Стржыговскій указываетъ на интересныя аналогіи раскопокъ Ксейръ-Амры съ буддійской живописью, обнаруженной англо-индійской экспедиціей Стетна въ далекомъ Хатанѣ, т.-е. на южной окраинѣ той великой центрально-азіатской пустыни, сѣверная окраина которой давно уже привлекала вниманіе путешественниковъ Русскихъ и куда были уже снаряжаемы спеціальныя археологическія экспедиціи, какъ берлинскими музеями, такъ и теперь же русскимъ комитетомъ по изслѣдованію Центральной Азіи, въ виду чего проф. Стржыговскій полагалъ, что присутствующимъ будетъ небезынтересно выслушать новую, еще не появившуюся въ печати его замѣтку по поводу одного памятника этой еще открывающейся для исторіи мірового искусства области.

Искусство Азіи знакомо намъ только съ ея окраинъ. Тамъ, по-нашему представленію, лежитъ сперва страна между Евфратомъ и Тигромъ, гдѣ, какъ въ оранжереѣ, цвѣтетъ великое вавилонско-ассирійское искусство. Постепенно рядомъ съ нимъ вырастаетъ хеттійская разновидность, которая является посредницей въ передачѣ его по направленію къ Средиземному морю, а еще позднѣе появляется искусство персидское. Со временъ Александра Великаго вся эта область подпадаетъ вліянію Грековъ, и мы склонны всю Азію цѣликомъ подчинить этому вліянію и широкій расцвѣтъ искусства Индіи и Китая также захлестнуть той же эллинистической

волной. Искусство Гондхарское и все то, что выросло въ Азіи изъ греческаго зерна, является теперь предметомъ особаго интереса. И всѣ отличительные признаки этого искусства мы охотно относимъ на долю вліяній со стороны Средиземнаго моря, а позже на счетъ Рима и Константинополя, и съ особымъ пристрастіемъ ищемъ тѣхъ путей, которые вели отсюда на востокъ. Наиболѣе яркій примѣръ подобнаго образа изслѣдованія представляетъ собою 1-й томъ Исторіи китайскаго искусства, Мюнстерберга.

А между тѣмъ, та картина, которую мы себѣ такую рисуемъ, не совсѣмъ похожа на истину. Мы не будемъ касаться того, что во времена поздне-античныя, какъ и во времена ранне-христіанскія, Сирія, Антиохія и Александрія въ историко-археологическомъ отношеніи играютъ гораздо болѣшую роль, чѣмъ Римъ и Византія¹⁾. Не намѣренъ я также распространяться здѣсь ни о крупномъ значеніи сѣверной Месопотаміи съ ея центромъ Эдессой, ни объ Арменіи, ни о Центральной Малой Азіи, которымъ въ первыя времена христіанства принадлежитъ руководящая роль, и которыя указали дорогу къ дальнѣйшему развитію искусства христіанскаго запада²⁾.

Все то, что на востокѣ вмѣстѣ съ распространеніемъ ислама въ античное время и въ первыя времена христіанства являлось скрытымъ для европейскаго взгляда, прорывается наружу до такой степени очевидно, что у всякаго, кто только видѣть хочетъ, должны наконецъ открыться глаза на ту крупную художественную силу, которая жила по ту сторону черты, ограничивавшей доселѣ неизвѣстную область археологическаго вѣдѣнія.

Въ развитіи искусства ислама мы различаемъ главнымъ образомъ три ступени. Первая идетъ до тѣхъ поръ, пока первенствовали еще арабы и черпали главныя силы свои какъ въ области Средиземнаго моря, такъ и со стороны востока. Вторая ступень, Багдадская, это — та, на которой искусство Месопотаміи и Ирана послужило основой возрожденію искусства, центромъ котораго былъ исламъ. Наконецъ, третья стадія, доходящая до нашего времени, это — то по сей день живущее искусство ислама, которое вмѣстѣ съ Турками пробилось на западъ и имѣло свои первоисточники не въ области Средиземнаго моря и не въ Персіи, а далеко за оксомъ Трансаксаніи, лежащей отъ нихъ къ востоку, и въ древней Бактріи. Мы можемъ пока заключить это только изъ построекъ турецкихъ зодчихъ приблизительно послѣ 1100 года въ Малой Азіи, Египтѣ и Персіи. Эти постройки по сравненію съ болѣе старыми и болѣе западными зданіями Месопотаміи и фатимирскаго Египта по своему характеру запечатлѣны такою оригинальностью, что мы ясно чувствуемъ вѣяніе совершенно новаго духа, который не могъ, конечно, появиться сразу, неожиданно въ художественныхъ областяхъ ислама, въ Сиріи и Иранѣ, — а напротивъ того, является результатомъ долгаго развитія гдѣ-то, въ иныхъ областяхъ.

¹⁾ См. объ этомъ мою книгу «Египетскія шелковыя ткани, взаимодѣйствія между Китаемъ, Персіей и Сиріей» (Jahrb. d. preuss. Kunstsammlungen 1909) и недавно вышедшую книгу Friedrich'a Hirth'a, The mystery of Fulin (Китайскій фениксъ). Journal of the american oriental society, XXX.

²⁾ См. мои труды: Kleinasien, Mschatta u. Amida.

Это развитие обусловлено было художественными течениями въ глубинѣ Азіи, которыя не могли возникнуть въ зависимости отъ Рима или Византіи, а существовали, вѣроятно, совершенно самостоятельно на ряду съ ними. При этомъ однако сѣверныя области Азіи сильно отличаются отъ южныхъ. Въ то время, какъ на сѣверѣ Азіи царить народное искусство, которое находитъ выраженіе въ орнаментѣ и вмѣстѣ съ переселеніемъ народовъ пробивается на западъ, теперь по раскопкамъ въ Турфанѣ и Хатанѣ, мы, какъ уже раньше въ искусствѣ Гондхары, знакомимся съ южной областью, гдѣ преобладаютъ фигуры, и корни этого направленія лежатъ несомнѣнно въ эллинистическомъ искусствѣ. — Если мы хотимъ подойти ближе къ этимъ новымъ задачамъ, вырастающимъ передъ нами къ изученію центрально-азиатскаго искусства, то намъ пора уже обратиться въ поиски за центромъ этихъ художественныхъ областей. Расцвѣтъ китайскаго искусства въ такой же степени зависитъ отъ нихъ, какъ позже и вторженіе фигурнаго элемента въ искусство ислама.

Мы уже теперь въ состояніи указать на нѣкоторые мотивы, составляющіе отличительные признаки этой художественной области, явившейся сильнымъ конкурентомъ эллинистическому искусству, даже въ областяхъ Средиземнаго моря. Прежде всего сюда относится широкая фигура, сидящая со скрещенными ногами прямо на землѣ, и то усердное пользованіе побѣгами виноградной лозы, о которомъ я подробно распространился въ моей работѣ о Мшаттѣ. Въ настоящей статьѣ я не столько намѣревался приводить еще дальнѣйшія доказательства сказанному, уже тамъ, сколько желаю указать на то, какъ своеобразно отпрыски отъ этого художественнаго корня въ сравненіи съ западомъ дифференцируютъ одни и тѣ же мотивы. Мнѣ хочется также выяснитъ вопросъ, насколько это особое искусство внутренней Азіи, даже еще въ поздній VIII вѣкъ послѣ Р.Хр., является болѣе способнымъ къ созданію новыхъ формъ, нежели искусство той же поры на западѣ Азіи.

Среди фресокъ Ксейръ-Амры наибольшею извѣстностью среди ученыхъ всѣхъ направлений пользуется фреска западной стѣны главнаго помѣщенія, на которой изображены стоящіе рядомъ византійскій Кесарь, персидскій Хозрой, абиссинскій Негусъ и Родерикъ сицилійскій. Рис. 122 и 123 даютъ только часть изображенія по атласу Вѣнской Академіи (табл. XXVI), такъ какъ мнѣ въ этихъ фигурахъ важенъ главнымъ образомъ способъ ихъ постановки. Особенно важна сцена, которую Коробачекъ, издатель атласа, описываетъ (стр. 230), какъ женскую фигуру, выходящую изъ купальни, на которую съ задняго плана смотрятъ любопытныя дѣвушки (рис. 122). Внизу прямоугольный бассейнъ, а на переднемъ краю его, en face, стоитъ эта нагая фигура. На шеѣ и рукахъ ея надѣты драгоцѣнные украшения; правой, опущенной, рукой она какъ бы стыдливо прикрываетъ наготу, а лѣвая рука ея поднята надъ плечомъ, какъ бы держа покрывало, — такъ именно и объясняетъ художникъ Miclich стертую часть рисунка. Фигура очерчена немногими рѣдкими контурами. Приходится сожалѣть, что къ литографической таблицѣ, воспроизводящей акварель Miclich'a, не добавлено фотографическаго снимка, который пере-

давалъ бы точно всѣ детали и по которому можно было бы судить о стилѣ этого художественнаго произведенія. Эта женская фигура и бассейнъ помѣщены на фонѣ архитектурной композиціи, состоящей изъ колоннъ и арокъ, соединенныхъ другъ съ другомъ въ живописномъ безпорядкѣ. Лѣвая колонна поставлена наземь, а правая — на высокій постаментъ. Съ лѣвой стороны, въ широкихъ пролетахъ, видна баллюстрада изъ колоннъ, связанныхъ полуциркульными арками, а поверхъ нея стоитъ еще рѣшетка, въ родѣ мушарабій Каира, надъ которой виднѣются головы зрителей. Справа между колоннами виситъ завѣса переливающегося цвѣта. Передъ нею стоитъ служанка, закутанная въ плащъ, которая смотритъ прямо на зрителя, и какъ бы удивленно приподнимаетъ правую руку. Къ этой средней разсматриваемой композиціи примыкаетъ справа еще одна сцена, которую Корабачекъ

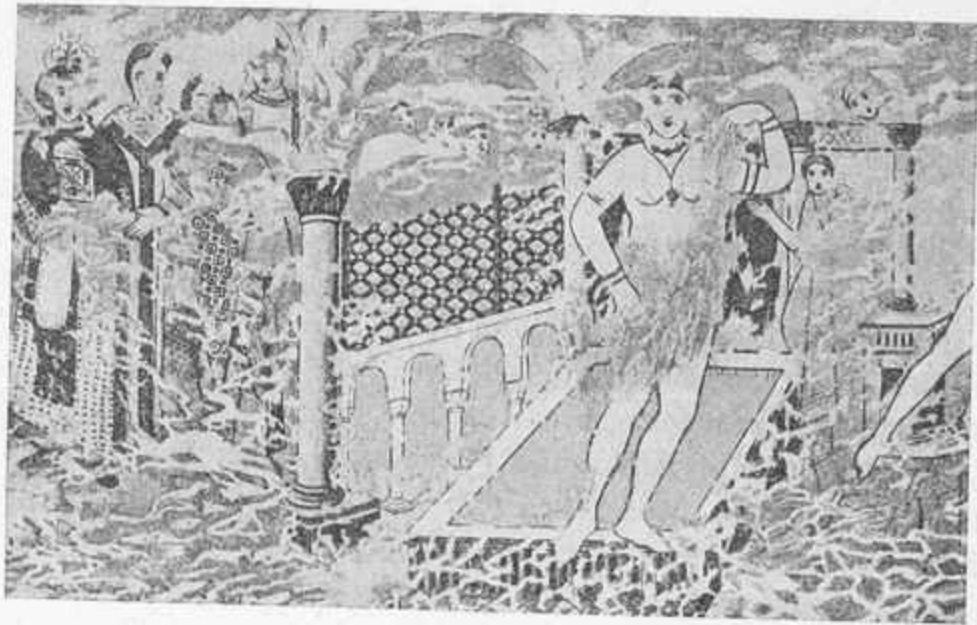

Рис. 122.

(стр. 229) считаетъ особенно типичнымъ, изъ антика взятымъ изображеніемъ физическихъ упражненій и параллель къ которой онъ находитъ въ мозаикахъ термъ Каракаллы въ Римѣ. И если, такимъ образомъ, косвенно намѣчена связь съ Римомъ, то въ остальномъ трудъ Корабачека сводится къ тому, чтобъ доказать, что Византія главнымъ образомъ является тѣмъ первоисточникомъ, откуда происходятъ фрески Ксейръ-Амры.

Уже въ моей рецензіи на изданіе Корабачека въ *Zeitschrift für bildende Kunst, Neue Folge* XVIII, S. 213, я указывалъ, что для фресокъ этого дворца въ маовитской пустыни мы должны предполагать исключительно туземныя, сирійскія и главнымъ образомъ, антиохійскія основанія, и рядомъ съ ними — восточные, пришедшіе изъ Ирана и Месопотаміи элементы. На сей разъ я иду еще дальше и путемъ сравненія хочу отбѣнить еще болѣе предполагаемая мною связи съ далекимъ эллинистическимъ центромъ на Востокѣ. — Рисунокъ 123 представляетъ фреску, открытую англичаниномъ М. А. Стейномъ при раскопкахъ небольшого буддійскаго храма въ мѣстности Dandan Uiligt, въ области Хотана. Она находится

на восточной сторонѣ огромнаго зданія, на южной сторонѣ котораго стоитъ подножіе исчезнувшей громадной статуи болѣе человѣческаго роста. Львы по угламъ этого подножія свидѣтельствуютъ, что это было изображеніе такъ называемой «Simhāson'ya». На юго-западномъ углу зданія, по направленію къ фрескѣ, находились рельефы изъ штукатурки, изображавшіе Буддѣ и Бадисановѣ, снимки которыхъ Стейнъ даетъ на таблицахъ LIV и LV его изданія *Ancient Khotan*. Тамъ же (рисункъ I) данъ и общій видъ всего помѣщенія. Сюда относились еще алтарныя изображенія (Stein, LXVI—VII), представлявшія буддійскія торжества и танцовщицъ. Въ углу восточной стѣны слѣдуетъ вооруженная фигура, подпирающая другую, распростертую на землѣ. Полагаютъ, что это одни изъ четырехъ Sokopal'as, а именно

Рис. 123.

Visravana. Немного дальше къ этому воинѣ примыкаетъ наша небольшая фреска (Stein, II, табл. II). Точно такъ же, какъ на фрескѣ изъ Ксейръ-Амры, мы видимъ тутъ справа стоящую нагую женскую фигуру, а рядомъ слѣва нѣсколько мужчинъ, — но они изображены не стоящими въ рядъ, а въ излюбленной въ средне-азиатскомъ искусствѣ для человѣческихъ фигуръ позѣ сидящихъ съ скрещенными ногами. Нагая женская фигура носитъ индійскій головной уборъ и характеризуется тонкой таліей. Верхняя часть тѣла изображена en face, нижняя повернута въ $\frac{3}{4}$ направо, а голова — налѣво. Шея и руки покрыты украшеніями, вокругъ бедеръ надѣты цѣпочки съ бубенчиками, нагота прикрыта винограднымъ листомъ. Фигура немного наклонилась впередъ, правой рукой она касается груди, лѣвой — живота и, какъ бы тоскуя, смотритъ передъ собой какимъ-то томнымъ взглядомъ. У ногъ ея съ лѣвой стороны виденъ мальчикъ, простирающій къ ней руки, и еще одна меньшая фигура, позади осѣдланной лошади. Съ обѣихъ сторонъ — цвѣтки лотоса. Въ глубинѣ, справа, изображенъ Будда. Стейнъ пробовалъ искать объясненія этой сцены въ легендѣ о вдовѣ Нага, но не настаиваетъ на такомъ толко-

ваніи, при которомъ фигуры, сидящія слѣва, остались бы безъ всякаго отношенія къ остальному изображенію.

Однако по аналогіи расположенія съ фигурами Ксейръ-Амры я склоненъ допустить, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ какимъ-нибудь родственнымъ сюжетомъ. Очевидно, что изображены тутъ послѣдователи, ученики Будды. Одинъ изъ нихъ, поучая, подымаетъ правую руку, а въ лѣвой (у второго въ правой) открытой рукѣ онъ держитъ листья, такъ называемые *Pothi*. При этомъ правая фигура опирается второй рукой о колѣна. Фигуры драпированы въ плащи съ красиво падающими складками, между ними виднѣется какая-то рыба, а внизу, въ водѣ, видны лебеди и еще одна, повидимому плавающая, фигура.

При разсмотрѣніи этихъ двухъ родственныхъ, но равныхъ по формамъ композицій наше вниманіе обращено будетъ не на вещественныя детали, которымъ я и безъ того не въ состояніи дать объясненія, а главнымъ образомъ на чисто художественные вопросы, вопросы, касающіеся формы и духовнаго содержанія, при чемъ для Ксейръ-Амры я долженъ предполагать, что *Mielich* стилистически вѣрно скопировалъ оригиналъ.

О художественныхъ противоположностяхъ въ разработкѣ фигуръ между стоящими, какъ манекены, закутанными въ одежды фигурами Ксейръ-Амры и элегантными, оживленными, сидящими скрестивъ ноги, носителями мантий съ оголенными руками и ногами, объ этой разницѣ двухъ фресокъ, гдѣ каждая группа по композиціи соотвѣтствуетъ особенности ея художественной области, говорилось уже выше, равно какъ и объ индійской переработкѣ женской фигуры въ Хотанѣ. Обратимъ теперь наше вниманіе на самый рисунокъ. Манера пользованія контурами въ обѣихъ художественныхъ областяхъ одинаковая. Но какъ неуклюже и грубо выглядитъ купальщица Амры и какъ глубоко прочувствованно работаетъ рядомъ съ этимъ рука художника въ Хотанѣ! Къ этому слѣдуетъ еще прибавить эту не то заботливо-тонкую, не то импрессионистически-смѣлую моделировку одѣяній на обѣихъ сидящихъ фигурахъ въ Хотанѣ. Потомъ еще эту прямо нервно-чувствительную отдѣлку рукъ и этотъ удивительно выразительный рисунокъ головъ! Затѣмъ эта робкая чувственность чертъ и движенія женской головки и благоговѣйная поза проповѣдника слѣва, который закрылъ глаза, слегка пріоткрылъ ротъ и немного откинулъ голову назадъ!

Рядомъ со всѣмъ этимъ фреска Амры производитъ впечатлѣніе банальной, несмотря на то, что она своею архитектурой кажется гораздо болѣе пышно задуманной.

Мы полагаемъ, что, исходя изъ подобныхъ наблюденій, мы придемъ къ заключенію, что представитель внутренне-азиатской художественной области стоитъ несравненно выше художника сирійской окраины. Можетъ быть, намъ возразятъ, что тутъ можетъ быть разниа во времени, — такъ это невѣрно. Обѣ картины возникли почти одновременно: фреска Амры, какъ извѣстно, въ первой половинѣ VIII столѣтія, фреска Хотана, по Стейну (стр. 255), — въ послѣдней четверти того же столѣтія. Этотъ фактъ, по-моему, достаточно краснорѣчиво говоритъ самъ за себя.

Художественная сила кроется на востокѣ, а не на западѣ. Гдѣ тамъ чувствуется тонкое художественное чутье, тутъ царить грубо-чувственный эффектъ.

То, что въ общепринятомъ смыслѣ, безъ болѣе глубокаго опредѣленія, именуется «Византіей», тутъ, въ своихъ хорошихъ качествахъ, является скорѣе берушей, нежели дающей стороной. Мы тогда только поймемъ, что собственно происходитъ въ переходное время отъ древности къ среднимъ вѣкамъ въ развитіи художествъ, когда откроемъ эту крупную, неизвѣстную, коренящуюся въ эллинизмъ область въ глубинѣ Азіи, по отношенію къ которой памятники Бандхары и расцвѣтъ искусства въ Китаѣ являются только отраженіями и отблесками, внѣ зависимости отъ Рима и Византіи. Это — первая путеводная нить для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Другая — должна обратиться къ открытію внутренне-азіатскаго народнаго искусства сѣвера, съ которымъ связано болѣе раннее искусство Китая и орнаменты переселяющихся на западъ германцевъ. Вторгнувшіеся въ Европу народы всадниковъ приносятъ съ собой только *Nachhub* (т.-е. жалкіе остатки).

Мы ясно видимъ отсюда, что историкъ искусства имѣетъ въ своихъ рукахъ средства для выясненія задачъ наибольшей важности какъ разъ въ той области, гдѣ, какъ намъ казалось ранѣе, не имѣлось никакихъ слѣдовъ какой-либо крупной, имѣющей свои мѣстныя особенности культуры на сѣверѣ или югѣ внутренней Азіи.

Raum für Monogramme.

Откуда происходит слово „обыденный?“

Г. А. Ильянский.

Господствующее въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ значеніе этого слова «повседневный, обиходный, заурядный» не можетъ считаться первоначальнымъ, но развилось изъ болѣе древняго «однодневный», «суточный», «объ одинъ день сдѣланный», «однѣ сутки длящійся» (Даль³, II, 1034). Это доказываетъ и старый русскій языкъ, въ которомъ прилагательное обыденный (Срезневскій, Мат. II, 572) имѣетъ значеніе *исключительно* однодневный, и современная живая народная рѣчь, въ которой совсѣмъ не рѣдкость представляютъ такіа, напр., выраженія: это путь обыденный «въ сутки сходить или съѣздить»; обыденное сѣно «скошенное сѣно и пробѣгавшее къ вечеру»; обыденный мотылекъ или обыденка «эфемера, живущій не долѣе сутокъ»; обыденки «сутки», обыденё «что можно сдѣлать въ одинъ день» и др. (ср. Даль, *ib.*). Съ идеей *обыденности*, т.-е. *однодневности*, связаны два весьма интересныхъ обычая, которыми русскіе люди издавна пытались отгонять отъ своихъ селеній моръ или чуму. Это, во-первыхъ, обычай строить въ одинъ день церкви, извѣстный по памятникамъ въ Московской и Новгородской Руси уже съ XIV в. и нынѣ уже вышедшій изъ употребленія, и, во-вторыхъ, обычай ткать въ одинъ день полотенца, — обычай, и теперь еще бытующій во многихъ бѣлорусскихъ селахъ. (Ср. новѣйшее изслѣдованіе объ этомъ Зеленина въ статьѣ «Обыденныя» полотенца и «обыденные» храмы» въ Жив. Ст., XX т., 1, 1—20).

Такимъ образомъ, первоначальное значеніе нашего прилагательнаго можно считать вполне установленнымъ. Но отсюда еще далеко до выясненія его морфологическаго строенія. Загадочное само по себѣ, оно еще болѣе затемняется тѣмъ обстоятельствомъ, что во многихъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ названіе обѣденный чередуется съ другимъ — овѣденный, съ неожиданнымъ и страннымъ *в* вмѣсто *б*. То же чередованіе согласныхъ повторяется затѣмъ въ нарѣчіяхъ обѣденъ «въ одинъ день» и овѣденъ, изъ которыхъ первое, напр., извѣстно въ новгородскихъ говорахъ, а второе — въ пермскихъ. Въ архангельскомъ нарѣчій къ нимъ присоединяется еще третья форма — *выденъ* «будень, рабочій день, рабочее время или срокъ въ суткахъ» (Даль³, I, 700; Подвысоцкій, Словарь Арх. нар. 25), и вотъ это имя существительное и является, по нашему мнѣнію, ключемъ ко всѣмъ остальнымъ образованіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, законы русской фонетики позволяютъ

вывести форму *выдень* изъ синтаксического сочетанія въ *инъ день* «въ одинъ день», гдѣ *з* предлога въ слился съ послѣдующимъ звукомъ *и* въ звукъ *ы* (ср. дцсл. *кѣниж* «всегда» изъ *кѣ ниж*), а *и* въ числ. *инъ* исчезло въ силу диссимиляціи со вторымъ *и* въ словѣ *день*. Ср. подобное расподобленіе тѣхъ же звуковъ въ др.-русск. *Костантинъ*, а также въ серб. и болг. *Костадин*¹⁾. Послѣ того, какъ составные элементы сращенія *вындень* > *выдень* срослись между собой настолько, что стали чувствоваться вполне самостоятельнымъ морфологическимъ цѣлымъ, т.-е. словомъ, со строго опредѣленнымъ значеніемъ «одного дня», то оно, т.-е. это слово, могло легко вступить въ соединеніе съ предлогомъ *о* или же *объ*. Въ первомъ случаѣ получилась форма *о-выдень*, а во второмъ — *об-выдень*, изъ которой уже чисто-фонетически возникла далѣе форма *объдень*. Отъ этихъ именъ (которыя впоследствии окаменѣли въ упомянутыя нарѣчія *овыдень* и *объдень*) и образованы прилагательныя *овыденный* и *объденный*. Болѣе наглядно процессъ образованія обоихъ прилагательныхъ можно представить въ видѣ слѣдующей таблицы:

Синтаксическое сочетаніе		въ инъ день.
Обще-сѣверно-великор. <i>вындень</i>		«въ одинъ день»
арх. <i>выдень</i>		«въ одинъ день»
перм. <i>о-выдень</i> id.		новг. <i>об-выдень</i> id.
свѣр. <i>о-выденный</i> «однодневный»	новг. <i>объдень</i>	
		свѣр. <i>объденный</i> «однодневный».

Такимъ образомъ, благодаря показаніямъ діалектологів, происхожденіе *объденный* и *овыденный* можно прослѣдить какъ на ладони. Какъ видятъ читатель, оба слова представляютъ *сложныя слова*, первую частью которыхъ является предлогъ *о*, герс. *объ*, вторую — предлогъ *въ*, третьей — числительное *инъ*, а четвертой — существительное *день*. Но иногда, впрочемъ, предлогъ *объ* соединялся съ именемъ *день* и безъ посредства числительнаго *инъ*, но это не мѣшало продукту ихъ сочетанія обозначать то же понятіе, что и *объдень*. По крайней мѣрѣ, олон. *ободѣнка* Куликовскій не напрасно считаетъ синонимомъ *овыдень* «въ одинъ день».

Говоря о происхожденіи прилагательнаго *объденный*, нельзя не коснуться вопроса объ отношеніи его ко все еще загадочному слову *бѣдни*. Дѣло въ томъ, что въ великорусскихъ говорахъ встрѣчается существительное *объдни*, которое,

¹⁾ Другіе примѣры подобной диссимиляціи въ славянскихъ языкахъ, и особенно въ чешскомъ, см. въ прекрасной работѣ Hujer'a *Dissimilace souhlasek v češtině* (Vyt. zpr. с. н. gym. v Praze, 18—19).

будучи формой им. п. мн. ч. отъ обѣдѣнь, въ то же время представляетъ точнѣйшій синонимъ столь сходнаго съ нимъ по звукамъ слова будни «простѣе — рабочіе дни». Уже это заставляетъ насъ догадываться, что между словами обѣдѣнь и будни есть какая-то связь. Въ чемъ же она заключается? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ олон. *о-будень*, которое, по свидѣтельству Куликовского (см. его Словарь), употребляется бокъ-о-бокъ съ однозначнымъ *о-выдень*. Трудно сомнѣваться, что *о-будень* возникло изъ *обѣдѣнь*, вслѣдствіе народно-этимологическаго сближенія съ корнемъ буд — «бодрствовать», герм. *быд* — *id.* (ср. цсл. **бззбьдати**). Благодаря такому сближенію, звукъ *б* въ имени обѣдѣнь сталъ чувствоваться принадлежностью не префикса (какъ слѣдовало бы съ точки зрѣнія его этимологін), а корня, начальное же *о* удержало значеніе предлога. Еще одинъ шагъ дальше — и этотъ предлогъ былъ выброшенъ изъ слова, какъ своего рода лишній балластъ: вѣдь онъ нисколько не усиливалъ ясности представленія обудня, какъ «дня, въ продолженіи котораго бодрствуютъ». Такъ возникло наше литературное имя будень. Процессъ его происхожденія очень напоминаетъ подобную же эволюцію и нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ словъ, каковы, напр., блр. *болоки* «облака» изъ *об-волоки*, млр. *бада* «препятствіе» изъ *ob-vada* (Zokl, ASPh. XXIX, 29), пл. *baczuć*, млр. *бачити* изъ *ob-aćiti* Berneker EW 23 — 24, блг. *бани*, влж. *bahnic'*, пл. *bagnic'* изъ *ob-agniti* (Berneker, ib. 25), чш. *badati*, пл. *badac'* изъ *ob-adari* (Berneker 25), русск. *буженина* «копченая свинина» изъ *об-уженина*, ср. гал.-русс. *вуженина* и чш. *úženina*¹⁾, слв. *tvesti* «связывать» изъ *ot-vezti*, слв. *dreisti* «развязывать» изъ *od-rešiti*, слвц. *byskati* «искать» и слв. *biskati* «искать вшей» изъ *ob-iskati* (Štrekelj, ASPh. XXVII, 70), слв. *báratí* «обваривать» изъ *ob-varati* (Jokl ASPh XXVIII, 8), срб.-хрв. *biknuti se* «быть въ извѣстномъ положеніи» изъ *ob-vyknoti*, блг. *бѣсилка* «вѣслица» изъ *об-вѣсилка*, блг. *Битоль* «назв. города Монастырь» изъ *Ob-vitely* и др. Во всякомъ случаѣ, такой способъ объясненія имени заключаетъ въ себѣ менѣе фонетическихъ, морфологическихъ и семасіологическихъ трудностей, чѣмъ принятая Berneker'омъ этимологія Грота Фил. разысканія 891 изъ *буд-день* «Wecktag», или этимологія Преображенскаго ЭС. 50 изъ *будній (день)*, съ народно-этимологическимъ сближеніемъ съ именемъ *день*, или этимологія Miklosich'a EW 27 изъ *будь-день* (гдѣ *будь* = 2 л. Imp. *bōdi*) «какой бы то ни было день», или этимологія Schrader'a Sprachvergleichung und Urgeschichte³ II 162 изъ *bodo-dny* «настоящій день», или этимологія Jagić'a ASPh. VII, 496 изъ *бог-день*.

¹⁾ Поэтому неправы были Потебня (Къ исторіи звуковъ, III, 99) и Карскій (Сборникъ въ честь Фортунатова, 486), считая имя *буженина* заимствованіемъ изъ лит. яз.: лит. *būdi* «коптить» само заимствовано изъ русск. *будить* изъ *об-удить* ср. чш. *uđiti* «коптить». Ближе къ истинѣ подошелъ Горева, ЭС. 32.

Русскія древнехранилища и разобщенность их дѣятельности.

Д. Струковъ.

Мысли, излагаемыя мною въ настоящемъ докладѣ, не новы для специалистовъ дѣла, хорошо знакомыхъ съ неустройствомъ отечественныхъ древнехранилищъ нашихъ. Памятны онѣ и для меня послѣ 24-лѣтней службы въ Артиллерійскомъ Историческомъ Музеѣ и незабвенны при воспоминаніяхъ о сѣтованіяхъ и указаніяхъ глубокочтимого предшественника моего и учителя, хорошо извѣстнаго многимъ участникамъ настоящаго Съѣзда, покойнаго генералъ-лейтенанта Н. Е. Бранденбурга. Состоя помощникомъ при Николаѣ Евфимовичѣ въ теченіи 15 лѣтъ, мнѣ неоднократно приходилось видѣть его отчаяніе при обнаруженіи того или другаго пробѣла въ составѣ имѣющихся въ Музеѣ группъ памятниковъ и слышать его неизмѣнное, горькое: «А вѣдь этотъ недостающій, такъ понижающій цѣну исторической группы памятникъ, я увѣренъ, имѣется гдѣ-либо на Родинѣ, можетъ-быть и заброшенный, забытый, но гдѣ искать его, въ какомъ музеѣ или складѣ, гдѣ можно найти хотя бы дубликатъ или копію съ него? Здѣсь всѣ мы музейные труженики, въ полномъ безсиліи. Эдипъ — разрѣши!» Дѣйствительно, всѣ наши Музеи и древнехранилища раздѣлены между собою какъ бы китайскою стѣною, разобщающей всякое единеніе между ними.

Въ 1903 году генералъ Бранденбургъ, по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію, въ интересахъ собранія матеріаловъ для устройства Россійскаго Военно-Историческаго Музея, былъ командированъ за границу. Взявъ отпускъ, я присоединился къ нему и мы осмотрѣли 28 иностранныхъ военныхъ музеевъ въ городахъ: Австріи, Италіи, Испаніи, Франціи, Швейцаріи и Германіи. Покидая каждый изъ музеевъ Западныхъ государствъ, мы выносили неизмѣнное впечатлѣніе исчерпывающей полноты памятниковъ каждаго изъ нихъ. Казалось собраны всѣ представители ихъ до мелочей и не думалось, что еще гдѣ-нибудь, въ какой-либо мѣстности государства могло бы быть найдено еще что-либо; возможность въ этомъ отношеніи оставалась лишь для частныхъ, но хорошо извѣстныхъ населенію музеевъ. То ли у насъ на Руси? Какое у насъ еще обиліе памятниковъ славной старины, остающихся не только доселѣ неизвѣстными, или забытыми, но и обреченными на безславную судьбу. Генералъ Бранденбургъ рассказывалъ типичнѣйшій случай, подтверждающій всю горькую истину этихъ предположеній. Въ 1872 году, ставъ во главѣ Артилле-

рійскаго Музея, онъ по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію былъ командированъ во всѣ мѣстности Россіи, и главное по монастырямъ, для розыска тамъ памятниковъ древняго вооруженія, съ цѣлью пополненія ими коллекцій Музея. Посѣтилъ онъ, между прочимъ, и знаменитый Соловецкій монастырь. «Отдохнувъ послѣ монастырской трапезы — говоримъ словами Николая Евфимовича — я вышелъ на монастырскій дворъ и первое, что мнѣ бросилось на глаза, это — нѣсколько повозокъ, лошади которыхъ были привязаны къ какой-то своеобразной по формѣ желѣзной коновязи. Подойдя ближе, я былъ пораженъ неожиданностью и счастьемъ рѣдкой находки. Коновязь представляла собою артиллерійское орудіе, древнюю XVI вѣка желѣзную пицаль, заряжающуюся съ казенной части и имѣющую по наружному своему виду изображеніе нѣсколькихъ аспидовъ, держащихъ одинъ за хвостъ другого раскрытою пастью. При діаметрѣ канала въ 1,8 дм., орудіе это было длиною почти въ 200 калибровъ; словомъ былъ розысканъ памятникъ рѣдчайшій и по старинѣ и по своимъ конструктивнымъ даннымъ. Каково же было удивленіе монаховъ, когда я разъяснилъ имъ это, забравъ затѣмъ, конечно, этотъ исключительный памятникъ въ Музей». Разсказывалъ покойный генералъ Бранденбургъ и про другіе случаи подобныхъ находокъ древнихъ памятниковъ, но, думаю, что это характерное на Руси отношеніе къ судьбѣ ея старины хорошо знакомо всѣмъ почтеннымъ участникамъ Сѣзда. Можно лишь утвердиться въ несомнѣнности предположенія о томъ обиліи скрытыхъ и забытыхъ памятниковъ, которыми, по собраніи ихъ, явилась бы счастливая возможность пополнить всѣ наши древнехранилища и создать богатую сѣть новыхъ.

Во всякомъ случаѣ, въ послѣдніе годы въ Россіи вопросъ объ организаціи музеевъ разростается въ количествѣ вновь устраиваемыхъ древнехранилищъ. Особенный ростъ замѣтенъ въ этомъ направленіи по отношенію къ храненію церковныхъ древностей и мѣстныхъ памятниковъ, главнымъ же образомъ по отношенію къ устройству цѣлымъ рядомъ воинскихъ частей своихъ «ПОЛКОВЫХЪ» музеевъ. Нарастаетъ также и составъ музеевъ частныхъ лицъ. Въ общемъ наша Родина имѣетъ уже богатѣй по составу перечень музеевъ: правительственныхъ и центральныхъ, городскихъ и мѣстныхъ, отдѣльныхъ учреждений, церковныхъ ризницъ и частныхъ. Общее количество древнехранилищъ насчитывается уже сотнями, но все это національное богатство у насъ въ Россіи не получило еще того благосостоянія и той необходимой въ интересахъ дѣла высоты благоустройства, которое обуславливается современными запросами науки и жизни. Если правительственные и центральные музеи, а равно и очень небольшая часть музеевъ иныхъ видовъ, болѣе или менѣе благоустроены и освѣщены для научнаго пользованія ими, то того же далеко нельзя сказать о громадномъ большинствѣ нашихъ древнехранилищъ, въ особенности же о Музеяхъ мѣстныхъ, отдѣльныхъ учреждений и частныхъ. Организація всѣхъ этихъ Музеевъ — совершенно случайна и подборъ памятниковъ въ нихъ, по самому характеру собранія, едва ли можетъ быть преднамѣченъ какою-либо научною системою. Въ эти Музеи берется все, что случайно находится и предлагается въ нихъ, нерѣдко и совершенно не имѣющее никакой связи Музея

съ поступающимъ памятникомъ. Все это размѣщается, развѣшивается почти исключительно по личному усмотрѣнію хранителя и нерѣдко все собраніе памятниковъ, иногда крайне цѣнное въ историческомъ значеніи, пріобрѣтаетъ характеръ чего-то похожего на извѣстное *bris à bras*. Не оспариваемъ доводовъ о соотвѣтственности помѣщенія въ мѣстныхъ Музеяхъ всякаго рода памятниковъ, связанныхъ съ исторіею и жизнью данной мѣстности или учрежденія, но не можемъ не отмѣтить все-же необходимости и въ этомъ вопросѣ руководствоваться соображеніями научно-историческими, тѣмъ болѣе, что послѣднія могли бы повести къ взаимному обогащенію древнехранилищъ. Мы имѣемъ въ этомъ случаѣ, главнымъ образомъ, въ виду вопросъ о дубликатахъ памятниковъ, обменъ которыми могъ бы оказать несомнѣнную услугу дѣлу. При существующемъ положеніи дѣла, даже и при лучшемъ желаніи того или другого Музея войти въ соглашеніе по обмѣнѣ дубликатовъ, наши древнехранилища поставлены въ полную несостоятельность. Въ ихъ распоряженіи не имѣется даже простого перечня всѣхъ существующихъ на Руси Музеевъ, они лишены даже свѣдѣній, куда направить свои поиски за дубликатами для пополненія коллекцій. До сихъ поръ въ нашемъ распоряженіи имѣется только одинъ трудъ профессора В. С. Иконникова «ОПЫТЪ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФІИ», но данныя этого почтеннаго труда, несомнѣнно, случайныя и не полныя, добавочныя къ основной задачѣ его и уже устарѣлыя. Трудъ изданъ еще въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Къ сожалѣнію, у насъ до сихъ поръ полная обособленность и замкнутость каждаго изъ музеевъ, едва ли терпимая въ такомъ высокомъ дѣлѣ, какъ общее служеніе всѣхъ древнехранилищъ достойному храненію свѣдѣній славнаго прошлаго Родины во всѣхъ отрасляхъ ея жизни. Всѣ Музеи призваны къ обслуживанію лишь этой знаменательной въ жизни государства задачи и здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо, въ виду особаго высокаго воспитательнаго значенія, необходимо вполне тѣсное объединеніе интересовъ и дѣятельности каждаго изъ хранилищъ памятниковъ.

Попытаемся еще рѣшительнѣе подкрѣпить всю насущность этихъ требованій рядомъ слѣдующихъ примѣровъ.

Передъ прибытіемъ на Съѣздъ, мы имѣли служебную командировку въ Москву, направленную къ разрѣшенію вопроса о выводѣ изъ Московскаго Кремлевскаго арсенала артиллерійскаго склада и о помѣщеніи въ немъ собранныхъ памятниковъ Музея Отечественной войны. При обзорѣ коллекцій послѣдняго, сосредоточенныхъ пока въ Потѣшномъ Дворцѣ Кремля, мы были удивлены отсутствіемъ въ нихъ оружія какъ русскаго, такъ и французскаго эпохи войны 1812 года, и въ то же время были поражены наличіемъ, неимѣющаго никакой связи съ задачами Музея, оружія и вооруженія XIII—XVIII вѣковъ, пожертвованныхъ ему извѣстнымъ московскимъ коммерсантомъ Перловымъ. Артиллерійскій Историческій Музей богатъ запасомъ ружей и прочаго оружія 1812 года и, между прочимъ, трофейнаго и, конечно, готовъ бы былъ подѣлиться своими дубликатами съ Музеемъ Отечественной войны, но въ то же время въ собраніяхъ его встрѣчаются пробѣлы

именно въ коллекціяхъ образцовъ древняго вооруженія. Казалось бы для пользы обоихъ Музеевъ надлежало бы обмѣняться дубликатами и внѣпрограммными памятниками, но къ мысли объ этомъ пришлось притти, какъ мы видимъ, лишь при чисто случайныхъ обстоятельствахъ.

Укажемъ на другой примѣръ. Совершая, въ составѣ членовъ ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Военно-Историческаго Общества, экскурсію въ находящейся въ Петербургѣ Интендантскій Музей (именуемый почему-то официально «МАГАЗИНОМЪ ГОТОВЫХЪ ОБРАЗЦОВЪ ТЕХНИЧЕСКАГО КОМИТЕТА»), мы въ ряду богатыхъ историческихъ коллекцій Музея натолкнулись на цѣннѣйшіе въ художественномъ и историческомъ отношеніяхъ два акварельныхъ альбома 1837 года, заполненныхъ великолѣпными изображеніями всѣхъ наиболѣе важныхъ памятниковъ и знаменъ Музея Артиллерійскаго Историческаго. На нашъ вопросъ — какимъ образомъ эти альбомы, составляющіе безспорную принадлежность послѣдняго, могли попасть въ Интендантскій Музей — наше удивленіе не могъ удовлетворить ни одинъ чинъ администраціи и намъ пришлось доискиваться рѣшенія этого вопроса въ артиллерійскомъ архивѣ. Тамъ мы узнали, что альбомы эти были изготовлены по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію, средствами артиллерійскаго вѣдомства и предназначались для храненія при Достопамятномъ Залѣ, нынѣшнемъ Артиллерійскомъ Музеѣ, гдѣ и пребывали до конца 1860-хъ годовъ. Конечно, съ этими данными мы немедленно возбудили ходатайство о возвращеніи нашему Музею его цѣнности, особенно важной, какъ точное изображеніе всѣхъ древнихъ его памятниковъ и намъ удалось, къ счастью, добиться нынѣ вполне благопріятнаго рѣшенія. Но является вопросъ — какъ могло пропасть это историческое имущество изъ собраній Артиллерійскаго Музея. Здѣсь придется ознакомить почтенное Собраніе съ исключительнымъ по варварству, въ жизни нашего Музея, не послѣднимъ при настоящемъ положеніи дѣла и для другихъ древнехранилищъ, событіемъ, совпавшимъ, къ сожалѣнію, съ актомъ установленія на Руси великой судебной реформы. Новымъ Судебнымъ Установленіямъ потребовалось зданіе и ими облюбованъ былъ для этой цѣли историческій домъ бывшаго въ царствованіи Екатерины Великой генералъ-фельдцейхмейстера князя Григорія Орлова, на Литейномъ проспектѣ, подареннымъ имъ «на вѣчныя времена» артиллеріи. Артиллерійское вѣдомство выбора этого не оспаривало и въ 1869 году громадное зданіе нынѣшняго Окружнаго Суда пришлось очистить отъ хранившагося въ немъ имущества. Имущество это, главною частью, составляли богатые собранія историческихъ памятниковъ упомянутого уже Достопамятнаго Зала. Вынося, однако, эти рѣдчайшія коллекціи изъ одного зданія, необходимо было подумать и о размѣщеніи ихъ въ какомъ-либо другомъ, но таковаго соотвѣтствующаго по величинѣ найдено не было. Явилась, такимъ образомъ, варварская мысль о сокращеніи собранія памятниковъ, дабы подогнать составъ ихъ къ ограниченному размѣрамъ вновь отведенному помѣщенію въ нижнемъ этажѣ зданія, нынѣ занимаемаго Главнымъ Артиллерійскимъ Управленіемъ. Для этой цѣли была образована печальной памяти особая комиссія подъ предсѣдательствомъ генерала Рота, которая и развила съ усердіемъ, достойнымъ

лучшей участи, свои дѣйствія по «сокращенію». Рѣдкія по исполненію точныя инженерныя модели крѣпостей: Баку, Дербента, Св. Анны и др. были по распоряженію комиссіи разрублены на дрова; учрежденія всѣхъ вѣдомствъ были запрошены о желаніи получить изъ состава историческихъ коллекцій Достопамятнаго Зала интересующіе ихъ памятники; комиссія добралась даже до бутафорской части ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ, предложивъ ей принять въ свое имущество собственные протазаны Царя МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА и другое оружіе, словомъ, всѣ дѣйствія комиссіи были направлены какъ бы къ полному разгрому столь цѣннаго, собиравшагося въ теченіи полутора вѣка, историческаго богатства. Но къ счастью, личное вмѣшательство покойнаго ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II положило предѣлъ варварству. Посѣтивъ Достопамятный Залъ, покойный Государь былъ разгнѣванъ докладомъ ему о приѣмахъ сокращенія историческаго имущества и приказалъ прекратить всю дальнѣйшую въ этомъ направленіи дѣятельность комиссіи.

Въ эту то пору «РАЗРУХИ», несомнѣнно, упомянутые альбомы и были переданы въ интендантское вѣдомство и, вѣроятно, по тѣмъ мотивамъ, что въ виду небольшого наличія въ нихъ рисунковъ хранившихся въ Достопамятномъ Залѣ древнихъ стрѣлецкихъ знаменъ, дальнѣйшее храненіе альбомовъ найдено было наилучшимъ передать въ вѣдомство, вѣдающее вопросъ о заготовкѣ знаменъ для войсковыхъ частей.

Важною стороною благоустройства древнехранилища является вопросъ о вполнѣ правильномъ и точномъ датированіи сосредоточенныхъ въ немъ памятниковъ. А возможно ли это, при существующемъ разобщеніи Музеевъ между собою, когда завыдающій каждымъ изъ нихъ, главнымъ образомъ, изъ разрядовъ мѣстныхъ и частныхъ, имѣя для опредѣленія массы самыхъ разнородныхъ памятниковъ и, естественно, не обладая универсальнымъ знаніемъ всѣхъ специальностей исторіи, лишенъ возможности провѣрить ихъ сношеніями съ соответствующими древнехранилищами. Приведемъ въ подтвержденіе этой мысли случайный примѣръ, сопутствующій настоящему почтенному Съѣзду. Получивъ, какъ участникъ послѣдняго, экземпляръ прекрасно изданнаго «ПУТЕВОДИТЕЛЯ ПО НОВГОРОДУ», я, конечно, по своей специальности обратился къ описанію военно-историческихъ памятниковъ, хранящихся въ мѣстномъ городскомъ Музеѣ. Въ путеводителѣ, въ ряду нѣкоторыхъ другихъ неточностей въ датированіи упомянутыхъ памятниковъ, намъ пришлось, между прочимъ, натолкнуться и на слѣдующую, разрушающую всю цѣльность и точность исторіи артиллеріи, запись на стр. 96. Здѣсь указано: «Пищаль стрѣлцкая времени Алексѣя Михайловича, на станкѣ, во очію доказывающая (не безъ гордости комментируетъ авторъ), что заряженіе орудій съ казенной (задней) части было извѣстно еще въ XVII вѣкѣ, тогда какъ оно считается изобрѣтеніемъ новѣйшаго времени (Армстронгъ). Затворъ на орудіи самый примитивный». Въ этой, вводящей непосвященнаго посѣтителя Музея въ кругъ совершенно искажающихъ истину знаній, справедлива только одна дата, что это орудіе времени Царя Алексѣя Михайловича. Если бы авторъ этого путеводителя имѣлъ возможность, ранѣе

отпечатанія его, обратиться въ спеціальный Артиллерійскій Музей за указаніями, то онъ бы узналъ, что зарядженіе съ казенной части было извѣстно не только въ XVII вѣкѣ, но оно сопутствовало и первому появленію артиллерійскихъ орудій въ концѣ вѣка XIV, что никто не могъ считать Армстронга изобрѣтателемъ настоящей системы заряджанія, такъ какъ извѣстенъ онъ лишь изобрѣтеніемъ особой конструкции орудія, служившаго на вооруженіи Англіи въ началѣ XIX столѣтія и, наконецъ, что затворъ пищали, осложненный цѣлою системою зубчатыхъ колесъ, едва ли можно назвать примитивнымъ, тѣмъ болѣе, что по рассказамъ генерала Бранденбурга, авторъ извѣстнаго въ артиллеріи затвора заводчикъ Круппъ, при посѣщеніи Артиллерійскаго Музея въ 1880 годахъ, просидѣлъ у затвора этой пищали, имѣющей и въ послѣднемъ, болѣе часа, удивляясь предвосхищенію его идеи еще за два вѣка.

Отмѣчаемъ эти грубыя ошибки только по нашей спеціальности, но кто будетъ оспаривать возможность наличія ихъ и въ другихъ отрасляхъ, если полнымъ разборомъ путеводителя займутся спеціалисты. Конечно, мы не винимъ составителя его, всѣмъ знаніямъ — есть предѣлъ, но не можемъ не высказать горькой истины о томъ вредѣ, который, благодаря разобщенности нашихъ спеціальныхъ Музеевъ, наносится подобнаго рода указаніями путеводителей и каталоговъ, мало освѣдомленнымъ, но ищущимъ знаній посѣтителемъ.

Не менѣе важнымъ въ раціональномъ благоустройствѣ Музеевъ является также вопросъ и о систематизаціи и научной группировкѣ отдѣльных памятниковъ, равно какъ и объ установленіи приѣмовъ по храненію и учету ихъ. Къ сожалѣнію и эти вопросы не подчинены у насъ никакому единству. Обычный тому примѣръ приведемъ также изъ жизни нашей на Съѣздѣ. Третьяго дня намъ переслали изъ Петербурга бумагу Саратовской ученой Архивной Комиссіи, въ которой послѣдняя, указывая на предполагаемый ею переводъ всѣхъ историческихъ коллекцій своего Музея въ новое помѣщеніе, проситъ сообщить о формахъ отчетности музея и каталоговъ его, равно какъ и указать приѣмы устройства самаго музея. Мы порадовались такому запросу и, пользуясь пребываніемъ на Съѣздѣ представителя Саратовской ученой архивной комиссіи, обратились вчера къ почтенному А. А. Герасимову съ вопросомъ — чему Артиллерійскій Историческій Музей обязанъ столь лестному обращенію къ нему. — «Да, вѣдь, мы запросили не однихъ Васъ — послѣдовалъ отвѣтъ, — а цѣлый рядъ и другихъ извѣстныхъ намъ Музеевъ». Представьте же теперь положеніе хранителей Саратовскаго Музея при разборѣ, несомнѣнно, громаднаго запаса самыхъ своеобразныхъ и разнородныхъ указаній и совѣтовъ, которыми не замедлятъ снабдить ихъ запрошенные Музеи. При отсутствіи какихъ-либо нормъ въ столь важномъ вопросѣ, несомнѣнно, предвидятся со стороны почтенныхъ хранителей невѣроятныя затрудненія въ разборѣ собраннаго матеріала, и весьма вѣроятно совершенно случайное использованіе его, а возможно и ошибочное.

Наконецъ, каждый Музей, въ особенности же многіе изъ мѣстныхъ и частныхъ, безусловно нуждаются въ содѣйствіи и поддержкѣ ихъ со стороны какой-либо

объединенной организаціи, радѣющей о нуждахъ и защитѣ интересовъ древнехранилищъ, хотя бы и въ вопросахъ, связанныхъ съ приведеннымъ нами примѣромъ варварской разрухи Достопамятнаго Зала.

Вотъ тѣ только немногіе проблески той ужасающей картины нестройства нашей національной гордости, древнехранилищъ памятниковъ славнаго прошлаго нашей Родины, но намъ думается, что и ихъ достаточно, чтобы непоколебимо остановиться на мысли о неотложной и настоятельной необходимости вывести этотъ вопросъ на лучший и достойный его свѣтлый путь. Не сомнѣваемся, что этимъ вопросомъ болѣетъ сердце каждаго хранителя музея, но что можетъ разрѣшить его отдѣльная воля. Здѣсь мощны только совмѣстныя усилія и единеніе трудовъ какъ въ полномъ выясненіи всѣхъ ужасающихъ недочетовъ существующаго донынѣ, свыше двухъ вѣковъ, нестройства Отечественныхъ Музеевъ, такъ и въ на рожденіи лучшихъ мѣропріятій къ борьбѣ съ ними. Ближайшими средствами къ тому намъ предвидится необходимость неотложнаго обмѣна мнѣніями по настоящему вопросу всѣхъ представителей отмѣченныхъ музеевъ. Неотложно и на- сущно необходимо — Съѣздъ ихъ.

Судьба благоприятствуетъ блестящему осуществленію этого неотложнаго дѣла. Мы собрались здѣсь подѣ просвѣщенной и гостепріимною сѣнью почтеннаго ИМПЕ- РАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества, успѣваго своею высоко- полезною дѣятельностью въ пятнадцатый разъ собрать многочисленныхъ предста- вителей исторической науки съ разныхъ концовъ Родины для обмѣна научными знаніями. Среди участниковъ настоящаго Съѣзда имѣется немало представителей дѣятельности нашихъ древнехранилищъ. Взываю же къ Вамъ, почтенные коллеги, присоединитесь къ моему земному челобитію Московскому Археологическому Обще- ству и глубоко чтимому Предсѣдателю его графинѣ Прасковѣ Сергѣевнѣ съ усерд- ною просьбою взять въ свои руки и наше дѣло и подѣ своимъ высокопросвѣщен- нымъ руководствомъ созвать и насъ, представителей всѣхъ видовъ Отечественныхъ музеевъ на спеціальныи, по нашимъ нуждамъ и запросамъ жизни, Съѣздъ.

Будемъ же вѣрить, что Общество не отринетъ нашего челобитія, а будущее, свѣтлое будущее нашихъ думъ и заботъ — въ нашихъ любви, преданности и зна- ніяхъ дѣла...

Въ добрый путь!

О памятникахъ живой старины.

Э. Дамбергъ.

I.

Вселенная богатствомъ содержанія, идей и формъ давно влечетъ къ себѣ пытливый умъ человѣка. Сколько потрачено труда и энергій, чтобы разгадать хотя бы первыя строки великой книги мірозданія! Не далеко мы отошли отъ альфы, а природа уже строчить дальше, дальше съ быстротою гораздо большею, чѣмъ мы разгадываемъ... Не успѣли мы понять одного іероглифа, какъ природа уже ихъ начертала пять, десять, а то и больше. А до омеги-то, до омеги еще далеко намъ!

Пусть такъ, пусть мы въ книгѣ жизни природы и вселенной читаемъ только первыя строки первой страницы, все же наша задача идти дальше, читать дальше, а прочитанное и разгаданное сохранять какъ святыню, какъ ключъ для дальнѣйшаго пониманія. Вотъ именно въ сохраненіи того матеріала, который дастъ пищу для пониманія, не только будущаго, но и прошедшаго, и заключается, полагаю, главная задача археологій. Когда я перелистываю «Бориса Годунова» Пушкина, мнѣ каждый разъ вспоминается археологъ при чтеніи слѣдующихъ строкъ:

Еще одно, послѣднее сказанье—
И лѣтопись окончена моя,
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ, грѣшному. Не даромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безымянный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою ломпаду,
И пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,—
*Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу...*

Да все, что даетъ возможность понять «земли родной минувшую судьбу», все то должно быть изслѣдовано и *сохранено археологами*. Каждый предметъ, могущій пролить свѣтъ въ темное прошлое, долженъ быть увѣковѣченъ, долженъ быть предметомъ изученія.

Археологія отъ исторіи разнится лишь тѣмъ, что первая интересуется объектами (предметами) прошлаго, а вторая — явленіями прошедшаго.

Понимая такимъ образомъ задачи археологін, я осмѣливаюсь высказать слѣдующія мои соображенія о сохраненіи *памятниковъ живой старины*.

II.

Вездѣ и всюду въ природѣ замѣчается смѣна состояній и явленій. Постоянно видимъ чередованіе жизни и смерти. Все, что до начала жизни — намъ не извѣстно и вѣчно, все, что послѣ смерти — намъ также не извѣстно и также вѣчно. Нашъ умъ и наши чувства созданы такимъ образомъ, что они улавливаютъ только то, что находится между этими двумя вѣчностями, что, какъ мы выражаемся, живетъ.

Когда наступаетъ смерть отдѣльныхъ экземпляровъ или отдѣльныхъ индивидуумовъ — человѣкъ, говоря вообще, не смущается, онъ мирится съ этимъ, хотя бы какъ съ неизбѣжнымъ зломъ. Но какъ только начинаютъ вымирать отдѣльные виды, люди науки начинаютъ бить тревогу. Чѣмъ культурнѣе страна и чѣмъ больше ея научныя силы — тѣмъ сильнѣе слышенъ гулъ набата. Мобилизуются силы, чтобы исчезающій видъ сохранить, сохранить вообще или сохранить его тамъ, гдѣ онъ находится. Тѣмъ болѣе это необходимо, что жизнь человѣка находится въ тѣсной связи съ природой и подчасъ по отдѣльнымъ экземплярамъ какого-нибудь вымирающаго или вымершаго растенія или животнаго можно судить не только о культурномъ состояніи прежнихъ обитателей страны, но и о «земли родной минувшей судьбѣ». Вотъ почему, я полагаю, задача археологін интересоваться именно такими исчезающими видами.

Укажу нѣсколько примѣровъ. Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ по сіе время сохранились въ небольшомъ количествѣ тиссъ, грабъ, плющъ и омела. Всѣ эти растенія, имѣвшія когда-то здѣсь большое распространеніе, находятся въ періодѣ полного вымиранія. Если не будутъ приняты особыя мѣры, то черезъ нѣсколько десятилѣтій ихъ можетъ въ этихъ губерніяхъ вовсе не стать. Тѣмъ болѣе, что мѣстное населеніе цѣну имъ совершенно не знаетъ: не балуетъ ихъ судьба въ настоящемъ, но еще мрачнѣе перспектива будущаго. Такъ, тиссъ¹⁾, не одинъ разъ въ теченіе года подвергается обламыванію до послѣдней вѣточки со стороны мѣстнаго населенія, имѣющаго обыкновеніе украшать этой вѣчно зеленой породой свои комнаты, совершенно не подозрѣвая того, что изъ пустой прихоти своей оно посягаетъ на жизнь столь рѣдкаго дерева. И можно только удивляться неимоверной жизнеспособности этихъ сѣдыхъ великановъ, столь упорно борющихся съ грубой силой человѣка и сумѣвшихъ достигнуть настоящей своей глубокой старости. Правда, не могутъ они уже похвастаться густолиственнымъ своимъ зеленымъ шлемомъ, бодрымъ видомъ, здоровой древесиной и т. д., но тѣмъ не менѣе одна-другая зеленая хвоинка свидѣлствуютъ о томъ, что они еще живы, что они вле-

¹⁾ Хр. Мельдеръ «Судьба тисса въ прибалтійскихъ губерніяхъ».

кутъ еще свое жалкое существованіе на зло всѣмъ невгодамъ и неумолимой силѣ всеокрушающаго времени.

Не лучше отношеніе и къ омель. «Чтобы¹⁾ показать своему знакомому рѣдкую омелу, лѣсникъ, напримѣръ, пускаетъ нѣсколько зарядовъ изъ ружья въ кустикъ послѣдней, сидящей высоко на деревѣ, чтобы этимъ варварскимъ способомъ достать себѣ нѣсколько вѣточекъ этого оригинальнаго растенія».

На Кавказѣ также неуклонно вездѣ идетъ уничтоженіе рѣдкихъ и подчасъ очень цѣнныхъ лѣсныхъ породъ и замѣна ихъ въ лучшемъ случаѣ породами мало-цѣнными и сорными. На краю гибели находятся, напримѣръ, Эльдарская сосна (*Pinus Eldarica* Medw) и Пицундская сосна (*Pinus Pithyusa* Strang); онѣ растутъ: первая на правомъ берегу рѣки Іоры въ наиболѣе малодоступныхъ частяхъ сѣвернаго склона горнаго хребта Эйляръ Оуги (1954 футовъ надъ уровнемъ моря), вторая по побережью Чернаго моря отъ Анапы до Пицунды, при чемъ Эльдарская сосна уцѣлѣла пока лишь на пространствѣ около 30 десятинъ въ количествѣ отъ 1500 до 2000 штукъ. Главнымъ врагомъ этихъ древесныхъ породъ является домашній скотъ сосѣднихъ деревень, оголяющій склоны горъ отъ почвы и способствующій тѣмъ вымиранію сосны, а также полному уничтоженію всходовъ.

Года два-три тому назадъ В. Хитрово²⁾ найденъ въ Орловской губерніи новый видъ ильма, который по сходству листьями съ каркасомъ названъ *Ulmus Celtidea* Litw.; онъ близокъ къ *Ulmus pedunculata* Soug., но сохраняетъ печать глубокой древности своего происхожденія. Къ сожалѣнію единственное извѣстное дерево этого ильма возлѣ Орѣховаго озера не избѣгло топора и мы должны быть благодарны г. Хитрово, который успѣлъ собрать достаточное количество сѣмянъ и разослать въ разныя учрежденія.

Въ той же Орловской губерніи въ Брянскомъ лѣсномъ массивѣ не такъ давно установлено островное распространеніе сибирской ели и ея гибридовъ, что весьма загадочно въ виду оторванности этого массива отъ извѣстной до сихъ поръ границы распространенія *Picea obovata* этой; ели также грозитъ опасность вымиранія.

Много можно бы еще привести подобныхъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ о полномъ отсутствіи фактической охраны памятниковъ *живой старины* въ нашей обширной и интересной Россіи. Но, я полагаю, и приведенныхъ достаточно. Прежде чѣмъ сдѣлать какіе-либо выводы, мнѣ все-таки еще хотѣлось бы указать на памятники живой старины другого рода, судьба которыхъ не лучше указанныхъ. Намъ цѣнны не только вымирающіе виды и расы — мы должны сохранять также такія растенія и сообщества или группы ихъ, съ которыми связаны какія-либо воспоминанія. Я имѣю въ виду памятники въ родѣ рощи Петра Великаго, могилы Льва Толстого, его «деревя бѣдныхъ» въ Ясной Полянѣ или, чтобы поближе держаться къ Новгороду, въ образѣ усадьбы Некрасова близъ станціи Чудово³⁾. Русская апатія по отношенію къ памяти великихъ людей прямо-таки поразительна. Если благодарные

¹⁾ Хр. Мельдеръ «Судьба тисса въ прибалтійскихъ губерніяхъ».

²⁾ «Извѣстія Общества для изслѣдованія природы Орловской губерніи». Орель — Кіевъ, 1910.

³⁾ Слѣдовало бы прибавить и «усадьбы Грузино съ ея храмомъ и памятниками». Отъ редакціи.

наслѣдники сохранили отъ Пушкина едва ли не одни четыре билліардныхъ шара да кѣй, то мы, Новгородцы, хотимъ по отношенію къ нашему Некрасову сдѣлать еще нѣчто болѣе варварское. Старыя барскія усадьбы, гдѣ рождались и умирали наши корифеи, за немногими исключеніями, пошли уже на сломъ: что же дѣлается съ усадьбою Некрасова, расположенной въ предѣлахъ Новгородскаго уѣзда? Когда-то здѣсь была устроена сельскохозяиственная школа имени поэта, но, настоящая или мнимая «крамола» была виною тому, что школу обратили въ холерную больницу. «Въ настоящее же время¹⁾» всѣ постройки, находящіяся въ саду и самый домикъ Некрасова земство отдало въ арендное пользованіе рабочей артели близлежащей плитной ломки. И вотъ домъ, въ которомъ жилъ и писалъ Некрасовъ, нынѣ занятъ подрядчикомъ артели, а та дорожка вдоль красиваго крутого берега рѣки, по которой такъ любилъ прогуливаться поэтъ, прежде чѣмъ приняться за писаніе, обращена въ аллею отхожихъ мѣстъ для рабочихъ.

Когда видишь или узнаешь все это, то невольно хочется крикнуть: «если люди будутъ молчать — камни заговорятъ!»

Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ нѣмецкій поэтъ относительно астронома Кеплера сказалъ:

So hoch war Kein Sterblicher gestiegen
Als Kepler stieg — und starb in Hungersnoth.
Er wusste nur die Geister zu vergnügen,
Dum liessen ihn die Körper ohne Brot!

И все-таки все осталось по-старому: и теперь, какъ и раньше, лучшіе люди часто ходятъ въ рубищахъ и голодаютъ. Но еще ужаснѣе, когда память лучшихъ нашихъ людей чтится такъ, какъ Новгородцами память Некрасова.

Перейдемъ теперь къ слѣдующей группѣ памятниковъ; а именно къ такимъ, которые имѣютъ историческое прошлое, историко-археологическое значеніе. Ихъ

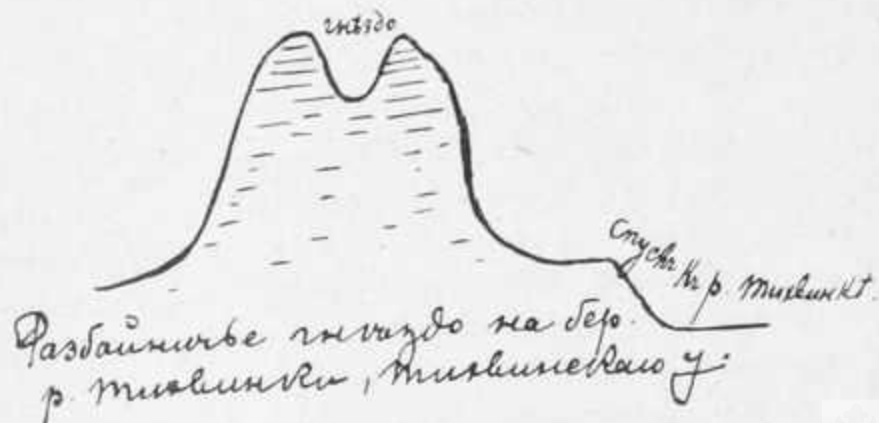

Рис. 124.

въ Новгородской губерніи, этой колыбели русскаго государства, очень много. Не буду приводить примѣровъ общезвѣстныхъ, остановлюсь только на памятникахъ мною лично обследованныхъ и, можетъ быть, еще не ставшихъ достояніемъ архео-

¹⁾ «Биржевыя Вѣдомости». II изданіе. № 143—1911 года.

логін. Не знаю, извѣстно ли Вамъ, Милостивые Государи, про существованіе такъ называемыхъ «разбойничьихъ гнѣздъ или сопокъ» на берегу рѣки Тихвинки. Это особые курганы, расположенные по высокому берегу рѣки, съ воронкою посрединѣ (рис. 124). Сопки эти имѣютъ высоту 2—3 и больше сажень, при чемъ расположены обыкновенно въ началѣ и концѣ изгибовъ (петель) Тихвинки. Съ высоты этихъ искусственно нарытыхъ кургановъ легко было обстрѣливать суда идущія внизъ по рѣкѣ, тѣмъ болѣе, что воронки, въ которыхъ помѣщались разбойники, давали надежную защиту отъ контръ-атаки. То же обстоятельство, что гнѣзда эти помѣщались въ началѣ и концѣ изгибовъ, давало разбойникамъ возможность при неудачѣ въ началѣ петли мобилизовать всѣ силы въ концѣ ея, сообразуясь съ качествомъ, численностью и особенностью плывущихъ по рѣкѣ каравановъ, особенно если принять во вниманіе, что изгибы рѣки Тихвинки подчасъ весьма сильныя, разстояніе же между сопками поэтому весьма незначительныя. Вблизи такихъ гнѣздъ иногда встрѣчаются еще обыкновенныя ямы, въ которыхъ, очевидно, помѣщались награбленные товары, припасы или даже резервъ или плѣнные. Что эти ямы имѣли именно такое значеніе, подтверждается тѣмъ, что онѣ находятся не впереди «гнѣздъ», а позади ихъ въ нѣсколькихъ саженьяхъ (рис. 125).

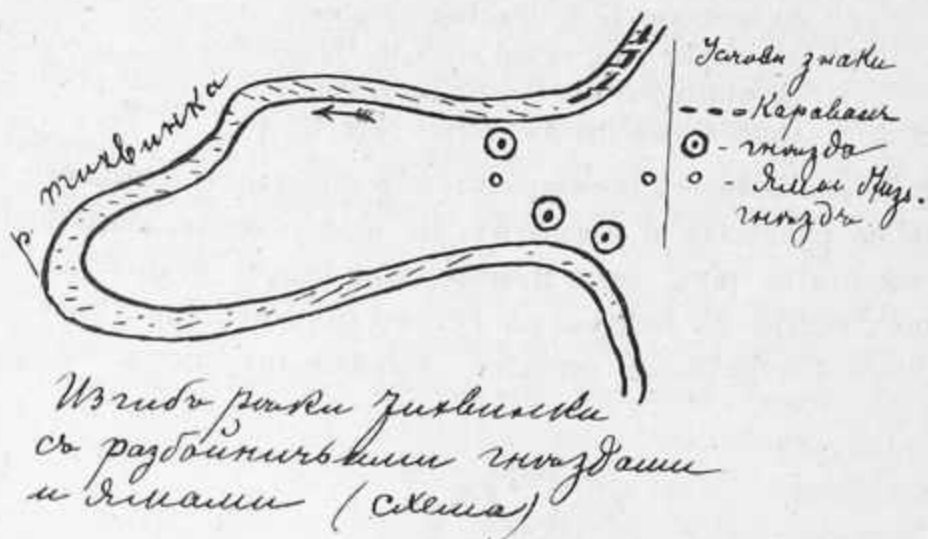

Рис. 125.

Въ настоящее время эти курганы обросли лѣсомъ, кустарникомъ и травою. Хотя они и чисто песчаные, но растительность мѣшаетъ разрушенію ихъ. Въ случаѣ же вырубки лѣса, а таковая предвидится, отъ воронокъ и ямъ не останется и слѣда, а сопки, можетъ быть, будутъ превращены въ землянки для рабочихъ или картофельныя ямы. Гибель этихъ гнѣздъ, дающихъ ясную картину эпохи прошлаго страны, предвидится въ скоромъ будущемъ, какъ только обострится нужда въ лѣсѣ; не говоря уже о томъ, что много такихъ сопокъ, вѣроятно, уже стерто съ лица земли всеразрушающимъ и всесозидающимъ временемъ.

Еще хочу обратить вниманіе на Тихвинскіе «жалыники», представляющіе изъ себя также курганы, но только безъ воронокъ, и покрытые вѣковыми деревьями, главнымъ образомъ соснами. Они также въ большинствѣ случаевъ находятся вблизи

рѣкъ и озеръ. По преданію, въ жальникахъ зарыты предки, сражавшіеся съ чудью бѣлоглазой и прочей иноплеменщиной, посѣщавшей этотъ край. Рѣки въ то время служили главными путями сообщенія, близъ нихъ же происходили битвы, по со-сѣдству съ ними и выросли братскія могилы-жальники. Эти курганы, хранящіе костяки не только коренного населенія, но и иноплеменныхъ, засаживались де-ревьями, здѣсь же ставились кресты, вытесанные изъ камня. Такихъ жальниковъ много въ Деревской волости: они видны уже издалика, чернѣя хвоей вѣковыхъ сосенъ. Крестовъ же сохранилось очень немного; въ Деревской волости мнѣ из-вѣстенъ только одинъ въ жальникѣ, близъ дер. Михалево, недалеко отъ озера Еглино. Другой такой крестъ я видѣлъ въ Большегорской волости, близъ дер. Бе-резина, у р. Рагуши. Пока еще Тихвинскій уѣздъ имѣетъ достаточное количество

Рис. 126. Жальникъ близъ дер. Михалева ¹⁾

лѣса, а потому жальники оберегаются населеніемъ какъ святины. Но наступитъ время, обезлѣсится край и падутъ отъ топора высокіе жальники. Впрочемъ, это замѣтно уже и теперь: такъ жальникъ близъ дер. Чудцы, Деревской волости, по-гибъ на моихъ глазахъ въ послѣдніе 2—3 года: отъ гордой рощи остались только 3—4 небольшихъ сосны. Къ тому же почти всѣ эти курганы страдаютъ оттого, что въ нихъ мѣстнымъ населеніемъ выкапываются картофельныя ямы: корни де-ревьевъ подкапываются, обрубаются, оголяются, а сами деревья начинаютъ постепенно засыхать. Безсознательно, но неуклонно населеніе губитъ такимъ образомъ эти чудныя рощи. А вмѣстѣ съ ними Кресты въ этихъ жальникахъ служатъ до настоящаго времени какъ бы часовней (рис. 127): передъ ними зажигаются восковыя свѣчи, передъ ними же преклоняютъ колѣни мѣстные крестьяне и крестьянки, съ горящими свѣчами въ рукахъ; матери, потерявшія дѣтей, на эти каменные кресты одѣваютъ рубашки умершихъ, кресты украшаются полотенцами, ковриками изъ тряпокъ и т. д. Ни-когда мнѣ не забыть темнаго лѣтняго вечера, когда въ жальникѣ передъ такимъ крестомъ молился на колѣняхъ убитый горемъ крестьянинъ, съ горящею свѣчой

¹⁾ Сфотографированъ авторомъ лѣтомъ 1911 г.
Труды XV Съѣзда. Т. I.

въ рукахъ; звѣзды ярко свѣтились, а вѣковые сосны таинственно шумѣли. Чѣмъ-то божественно-красивымъ вѣяло отъ этой картины (рис. 128). Такіе жалыники, обращен-

Рис. 127. Каменный крест²⁾, подъ деревяннымъ навѣсомъ въ жалыникѣ близъ дер. Михалева, Деревской вол., Тихвинскаго у., Новгородской г.

ные въ церковь, гдѣ потомки молятся на прахѣ предковъ, развѣ это не гордость страны? Развѣ ихъ не надо охранять? ¹⁾).

Я полагаю, что охранѣ подлежатъ также всѣ деревья и рощи, достигшія очень значительнаго возраста³⁾; при видѣ такихъ патріарховъ лѣсовъ чувствуешь какой-то невольный трепетъ, какое-то преклоненіе, не говоря уже о большомъ ихъ научномъ значеніи. Когда срубаются такія деревья, то одни годичныя наслоенія на дискѣ ихъ говорятъ опытному глазу много-много интереснаго, по этимъ кругамъ читаются всѣ переживанія многовѣкового исполина, они говорятъ, что чувствовало дерево ежегодно на протяженіи одного или нѣсколькихъ столѣтій. На нихъ, какъ на кругахъ граммофонной пластинки, выливается пѣсня души зеленого царства. Для человѣка науки все цѣнно въ такомъ гигантѣ, — и корень, и стволъ, и вѣтки и листья, даже каждая чешуйка отъ коры и та говоритъ любопытное.

Жизнь же природы подчасъ такъ тѣсно связана съ жизнью ея царя — человѣка! Нерѣдко поэтому, изучая такихъ патріарховъ лѣсовъ, мы проникаемъ и въ тайники «земли родной минувшей судьбы».

¹⁾ Подобныя же памятники имѣются также, напримѣръ, на Ладожскомъ озерѣ, гдѣ живъ до сихъ поръ одинъ огромный каменный истуканъ, давшій свое имя и свою популярность небольшому островку и построенному на немъ монастырю, это конь-камень. И до сихъ поръ торговцы лошадьми, ѣдущіе на конскую ярмарку въ Сердоболь, считают своимъ священнымъ долгомъ побывать въ Коневцѣ и поставить свѣчку камню-коню, для успѣха въ дѣлахъ покупки-продажи лошадей. Древнеязыческій «коновой богъ», такимъ образомъ, живъ до сихъ поръ и плѣненъ на Ладожскомъ озерѣ. И исторію этого плѣна яркими, жуткими словами древности рассказываетъ доска въ часовнѣ, сооруженной на самомъ хребтѣ полоненнаго бога. Спокойнымъ и торжественнымъ слогомъ рисуетъ славянская вязь исторію самобытнаго «идолобѣсія», происходившаго на этомъ камнѣ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ коня-камня стоитъ старый деревянный крестъ, сооруженный не позже XIII вѣка, съ Распятіемъ на немъ. Этотъ крестъ долженъ обладать таинственной силой исцѣленія зубной боли, а потому исцѣпанъ и исцѣпывается зубами и ножиками богомольцевъ.

²⁾ Сфотографированы авторомъ лѣтомъ 1911 г.

³⁾ Не слѣдовало ли къ числу такихъ деревъ причесть напр. «Сосну троеручицу», упоминаемой выше въ статьѣ Колмогорова стр. 412, рис. 59? Отъ редакціи.

Между тѣмъ лѣсныя богатства Россіи расхищаются съ неимоверной быстротой, гибнуть отъ топора и эти зеленые сторожилы.

Рис. 128. Тотъ же каменный крестъ ¹⁾, съ окружающими его соснами.

Изъ всего только что сказаннаго мы приходимъ къ слѣдующему заключенію.

Къ памятникамъ живой старины, подлежащимъ охранѣ, относятся: 1) виды и расы вымирающіе, 2) растенія или группы ихъ, связанныя съ воспоминаніями о выдающихся личностяхъ, 3) сообщества, группы и отдѣльныя растенія, имѣющія историко-археологическое значеніе, и 4) деревья и рощи, отличающіяся своимъ древнимъ возрастомъ.

III.

Всегда и всюду мы видѣли и видимъ, какъ исчезаютъ или обезцѣниваются памятники живой природы; но спрашивается: дѣлается ли что-нибудь для сохраненія этихъ памятниковъ? Неужели и впредь должно быть такъ?

Насколько мнѣ извѣстно, общеперскаго законоположенія объ охранѣ памятниковъ природы не имѣется. Если есть, то только нѣкоторыя попытки охраненія мѣстнаго характера. Такъ, я знаю два такихъ случая. Лѣтъ 7—8 тому назадъ, по ходатайству Академіи Наукъ, Лѣснымъ Департаментомъ дано циркулярное предписаніе Прибалтійскому Управленію Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ о принятіи мѣръ къ сохраненію въ Прибалтійскихъ губерніяхъ тисса, омелы, плюща и граба. Этотъ циркуляръ, какъ мы видѣли, никакихъ ощутительныхъ результатовъ пока не далъ, и едва ли какого-либо значенія по отношенію къ не-казеннымъ лѣсамъ Прибалтійскихъ губерній имѣть можетъ.

Другая подобная попытка сдѣлана на Кавказѣ по ходатайству Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества его Намѣстникомъ, Гр. И. И. Ворвыцовымъ-Дашковымъ, объявившимъ участокъ Эльдарской сосны, о которой я говорилъ выше заповѣднымъ, т.-е. не подлежащимъ рубкѣ и общаетъ Обществу принять мѣры къ сохраненію и Пицундской рощи.

¹⁾ Сфотографированы авторомъ лѣтомъ 1911 г.

Можетъ-быть, когда-нибудь и гдѣ-нибудь еще дѣлались подобнаго рода попытки, но всѣ онѣ не имѣли и не имѣютъ серьезнаго значенія и служатъ только утѣшительнымъ симптомомъ, что общество начинаетъ интересоваться такими живыми памятниками.

Короче говоря, намъ крайне нуженъ общеимперскій законъ, охраняющій памятники природы, иначе будетъ царить тотъ же хаосъ и то же расхищеніе памятниковъ живой старины.

Наравнѣ съ закономъ, необходимо приступить къ составленію списковъ такихъ памятниковъ живой старины. Вѣдь до сихъ поръ, правду говоря, они мало изслѣдованы и мѣстонахожденіе многихъ неизвѣстно. Когда будетъ на рукахъ списокъ памятниковъ, съ указаніемъ ихъ расположенія, возможно будетъ приступить къ составленію картъ, на которыхъ будутъ они нанесены. Безъ картъ и безъ списковъ надежная охрана немыслима.

Считаясь съ малокультурностью населенія Россіи, необходимо на памятникахъ или близъ нихъ прикрѣплять особые знаки, свидѣтельствующіе о томъ, что это именно памятники, при чемъ послѣдніе должны быть по возможности обнесены оградой. Условнымъ знакомъ можетъ служить дощечка изъ жести съ обозначеніемъ на ней законоположенія, карающаго поврежденія памятниковъ и другихъ свѣдѣній; оградой — простая деревянная изгородь.

Конечно, необходимо также организовать самую охрану и привлечь къ розыску памятниковъ живой природы лицъ, живущихъ въ деревнѣ (землевладѣльцевъ, лѣсничихъ и т. д.).

Кончу я настоящій докладъ словами поэта:

«Хоть умъ людей и смѣлъ, лишь первую страницу
Едва прочелъ онъ въ книгѣ мірозданья».

А потому, господа, есть надъ чѣмъ потрудиться!

Новгородъ во время Шведскаго владычества по Балтійскому Поморью (1611—1617 гг.).

Проф. Арне (Стокгольмъ).

Въ Королевскомъ Военномъ Архивѣ, въ Стокгольмѣ, сохраняются три старыхъ плана, которыя имѣютъ большое значеніе для топографіи Новгорода XVII и XVIII столѣтія. Самый старый изъ нихъ имѣетъ въ нижнемъ лѣвомъ углу надпись слѣдующаго содержанія: Планъ города Новгорода въ Россіи съ описаніемъ, какъ Его Превосходительство графъ Jacob de la Gardie обложилъ его и взялъ 16 іюля 1611 года. Планъ можетъ быть датированъ этимъ же временемъ. Онъ показываетъ расположеніе шведскихъ войскъ на западѣ отъ рѣки на Софійской сторонѣ, затѣмъ ходъ штурма на среднюю часть стѣны и въ концѣ, какъ войска обложили Кремль. Имена командующихъ находятся около ихъ частей. Многочисленныя башни, которыя теперь болѣе не существуютъ, кромѣ Бѣлой башни, все на планѣ, равно какъ и верхнія укрѣпленія Кремля, гдѣ теперь Лѣтній садъ. Въ Кремлѣ видно много построекъ, которыя теперь исчезли, между ними арсеналъ и нѣсколько церквей. На торговой сторонѣ длинная улица, называемая Купеческой, идущая съ южнаго конца, огибающая рынокъ, гдѣ теперь Гостиный дворъ. Вся система улицъ совершенно измѣнилась. На сѣверѣ отъ города видно нѣсколько сгорѣвшихъ монастырей, между ними монастырь Св. Антонія, сожженный Новгородцами». Въ города замѣтны другіе монастыри (табл. XXVI).

Вторая позднѣйшая копія этого плана съ французскимъ текстомъ безъ именъ командующихъ и чертежей построекъ. Видны только укрѣпленія и линіи улицъ (табл. XXVII).

Третій планъ Королевскаго Архива «расположенія Новгорода», сильно отличается отъ предыдущихъ. Видны двѣ круглыя башни наружной стѣны. Въ Кремлѣ виденъ арсеналъ, но многого другого нѣтъ въ южной части. На торговой сторонѣ виденъ Гостиный дворъ, четырехугольная постройка и древняя Купеческая улица съ добавленіемъ значительнаго количества новыхъ улицъ. На планѣ замѣчается много новгородскихъ церквей. Текстъ нѣмецкій, и планъ датированъ второю половиною XVIII столѣтія (табл. XXVIII).

Фотографическіе снимки съ этихъ трехъ плановъ переданы Съѣзду для приобщенія ихъ къ коллекціямъ Новгородскаго Общества Любителей Древностей.

Надписи на планѣ Новгорода

отъ 6 іюля 1611 года

изъ Стокгольмскаго Королевскаго Военнаго Архива¹⁾.

I столбецъ слѣва.

Wäghne från Musckow

Eschelle de 600 Pass (франц.)

Quarter Hans Exll.

A. Generalens Feltherrens

I ett Clöster

B. Beckenberger medh sitt Regiment

C. Cavaleriedt

D. Cobron medh sitt Regiment

E. Englische Compagniet Ur (?) som
meadh Cavaleryedt i ett Clöster lo-
gered.

Дорога изъ Москвы.

Масштабъ въ 600 шаговъ.

Квартира Его Превосходительства.

A. Генерала главнокомандующаго
въ одномъ монастырѣ.

B. Рекенбергеръ съ его полкомъ.

C. Кавалерія.

D. Кобронъ съ его полкомъ.

E. Англійская рота... которая съ кавалеріей стояла въ одномъ монастырѣ.

(NB Бивачное расположеніе Шведовъ до атаки).

Ниже боевой порядокъ до начала атаки:

Räkenberger

Feltherr

Daniel Swisen

Petarde

Poppeler

Cobron

Ewert Horn

Рекенбергеръ (резервъ).

Главнокомандующій.

Даніель Швейцарецъ.

Петарды (артиллерія).

Поппелеръ (см. Арсен. бумаги вып.
стр. 15).

Кобронъ (см. Арсен. бумаги вып. V,
стр. 45, 58, 60).

Эвертъ Горнъ (впослѣдствіе фельд-
маршалъ).

Боевая часть.

¹⁾ Переводъ, сдѣланный въ Новгородѣ А. Полторацкимъ, любезно сообщенъ Имп. М. А. Общ. Новгородскимъ Обществомъ Любителей Древности.

II столбецъ слѣва.

St. Anthonj Clöster som af dhe
Noúgordshe blef afrendt

Afrende Klöster
Båterne som till súns attackere

Butterlins Quarter
Afbrende Klöster och förstadt
Dette Quarten af Stad blef alltt Nybrendt

Wägen från Caporia

Монастырь св. Антонія, который Нов-
городцами былъ сожженъ.

Сожженные монастыри.
Лодки, которыя для виду атако-
вали.

Квартира (бивакъ?) Бутурлина.
Сожженный монастырь и форштатъ.
Эта часть города вся была недавно
сожжена.

Дорога изъ Копорья.

1-й моментъ атаки (въ то время какъ лодки демонстрируютъ противъ Бутурлина).

У стѣнъ Новгорода:

Poppeler
Petardr (Petarder)

Cobron

За ними:
Swisser Danyel

За ними:
Feltr (Feltherr)

Поппелеръ.
Петарды (артиллерія, пробивающая
брешь).
Кобронъ.

Швейцарцы Даниеля.

Главнокомандующій.

Ворвались въ городъ:

Poppeler
Daniel Swisen
Cavalerij

Cobron

Поппелеръ.
Даниель Швейцарецъ.
Кавалерія (идетъ двумя эшелонами
по улицѣ).
Кобронъ.

III столбецъ на верху справа:

La où Lon fam lo-brignond (là où l' on
pend les brigands?) (на франц. яз.)
Korpmannegattun
Torgs Platz
Quarnor

Мѣсто, гдѣ вѣшаютъ разбойниковъ.

Купеческая улица.
Торговая площадь.
Мельницы.

Вокругъ Кремля (послѣдній моментъ атаки передъ сдачей Кремля).

Poppeler
Feltherr
Ewert Horn
Cobron
Daniel Swisen
Hans Boÿ
Wägen frën Plesckow

Поппелеръ.
Главнокомандующій.
Эвертъ Горнъ.
Кобронъ.
Ганіель Швейцарець.
Дансъ Бой.
Дорога изъ Пскова.

IV столбецъ.

Pais marscageux (франц.) (pays maré-
cageux)

Болотистыя мѣста.

Подпись въ лѣвомъ углу плана.

Planta aff Staden Nowgarodt
i Rÿssland med beskrifning
huruledes Hans Exell. Feltherren
Grefwe Iacob De la Gardie belegrede
och med Stormande Hand Imthronhtedt (плохо разобрано)
honon den 16 Iuly Anno 16**.

Планъ города Новгорода въ Россіи,
съ описаніемъ, какъ Его Превосходительство
Главнокомандующій графъ Якобъ Делагарди осадилъ
и взялъ его штурмомъ 16 Іюля 1611 года.

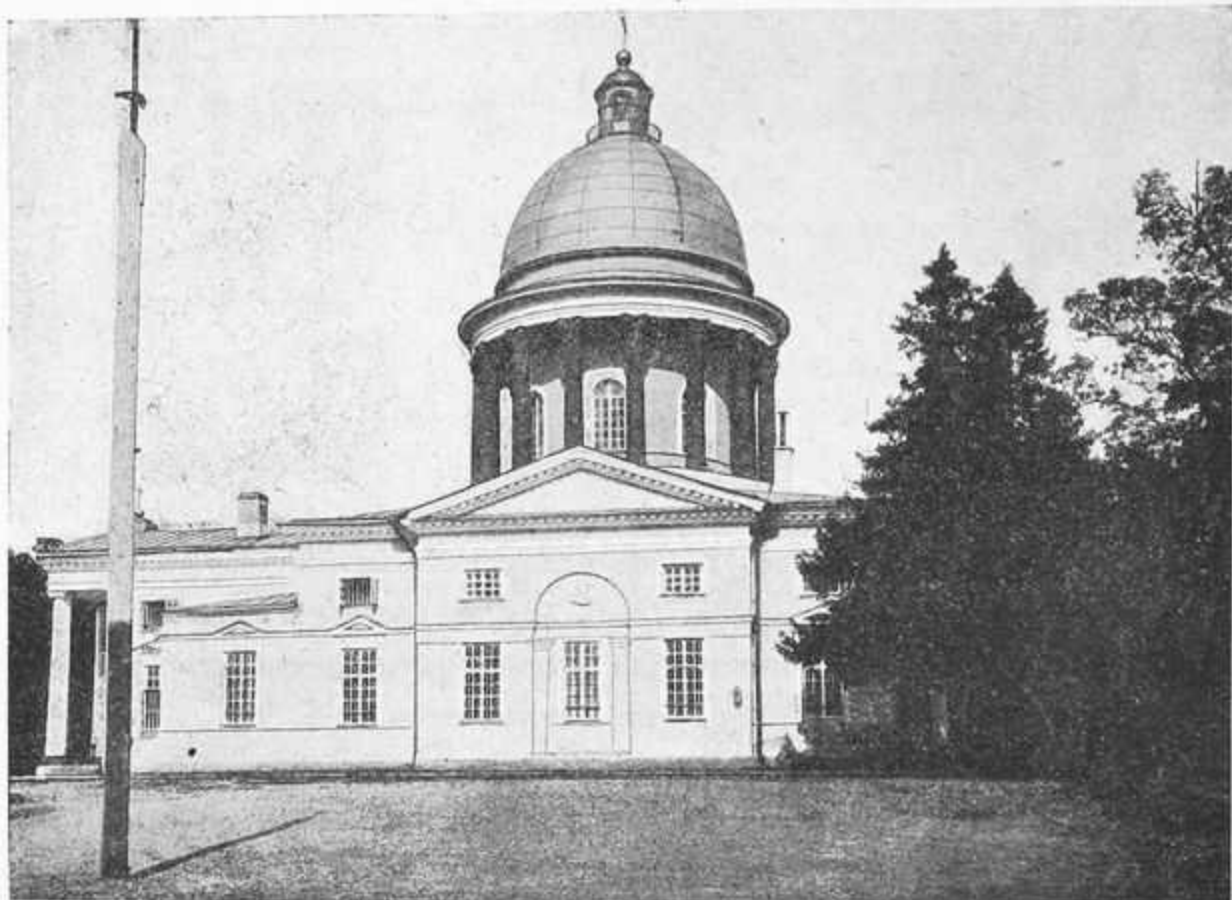
Отъ Редакціи.

Издаваемыя при семъ Описъ вещей, принадлежащихъ Собору, и Описъ Каменнаго Дома села Грузина сохраняются въ Архивѣ Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія, которымъ и были любезно предоставлены Императорскому Московскому Археологическому Обществу для напечатанія, за что Общество приносить Архиву и всему Управленію выраженіе глубокой своей благодарности.

Описъ Собора написана круглымъ четкимъ почеркомъ на толстой синей бумагѣ въ листъ, безъ какихъ-либо водяныхъ знаковъ, и переплетена въ старинный солидный кожаный переплетъ. Состоитъ она изъ 193 листовъ, частью незаписанныхъ (л. 1 и 2; обор. л. 3 и 5; л. 12; обор. 17; л. 25; обор. 28 и 33; л. 37; обор. 40; л. 41; обор. 45 и 49; л. 55; обор. 66; л. 67, 76, 77, 93, 108, 109; обор. 119; л. 123; обор. 137; л. 145, 147, 152, 153, 158, 159; обор. 161; л. 168—170; обор. 184; л. 185—198).

Составлена она, какъ видно по заглавію, въ 1829 году и скрѣплена на первой и послѣдней страницахъ подписью Графа Алексѣя Андреевича Аракчеева. При печатаніи сохранено своеобразное правописаніе оригинала, но опущены по неразборчивости почерка имѣющіяся на поляхъ незначительныя карандашныя помѣтки Графа, еще разъ доказывающія, съ какой любовью и вниманіемъ онъ относился къ Грузину.

Описъ же Каменнаго Дома составлена только въ 1893 г. и состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ тетрадей простой писчей бумаги.

Соборъ въ с. Грузинѣ.

Колокольная Собора.

О П И С Ъ
ВСЕХЪ ЦЕРКОВНЫХЪ ВЕЩЕЙ
ЗДЕЛАННЫХЪ
ГРАФОМЪ А.А.АРАКЧЕЕВЫМЪ
ВЪ ГРУЗИНСКОЙ СОБОРЪ
СВЯТАГО АПОСТОЛА АНДРЕЯ
ПЕРВОЗВАННАГО
ВНОВЬ СОСТАВЛЕНА
ГРАФОМЪ
И ПОВЕРЕНА ВЪ НОЯБРЬ
1829ГО ГОДУ.

ЗАПИСАНА ВЪ КАНЦЕЛЯРІИ ГРУЗИНСКОЙ
ПО ОПИСИ ОНОЯ № 19 МАРТА 31 ДНЯ 1800 Г.

(ПОСЛѢДНІЯ ДВѢ СТРОКИ РУКОЙ ГРАФА).

Драгоценныя Вѣщи Грузинскаго Собора.

1-е.

Число вѣщей.

Рескриптъ вечно-блаженной памяти Государя Императора Александра Благословеннаго за собственноручнымъ Его подписаніемъ къ Графу Аракчееву, пожалованной послѣ перваго Его посещенія Грузинское Именіе въ 1810 году 21 іюня, слѣдующаго содержанія: 1.

«Графъ Алексей Андрѣевичъ, устройство и порядокъ, который лично видѣлъ Я въ деревняхъ вашихъ при посещеніи васъ, навозвратномъ пути моемъ изъ Твери, доставили мнѣ истинное удовольствіе.

Доброе сельское хозяйство есть первое основаніе хозяйства Государственнаго. Посему я всегда съ особеннымъ вниманіемъ взираю на всѣ свѣденія, доходящія ко мнѣ о благоустройствѣ частнаго сельскаго управленія, и всегда желаю, чтобы число добрыхъ и попечительныхъ помѣщиковъ въ Отецествѣ нашемъ умножалось. Надѣяться должно, что примѣры ихъ изъ грядутъ постепенно слѣды тѣхъ не устройствъ, которыя, къ сожалѣнію всѣхъ людей благомыслящихъ необдуманная роскошь или небреженіе до сей въ сей части оставляли.

Бывъ личнымъ свидѣлемъ того обилія и благоустройства, которое въ краткое время безъ принужденія, однимъ умѣреннымъ и правильнымъ распредѣленіемъ крестьянскихъ повинностей и тщательнымъ ко всѣмъ нуждамъ ихъ вниманіемъ успѣли ввести въ вашихъ селеніяхъ, я позволю изъяснить вамъ истинную мою признательность за удовольствіе, которое вы мнѣ симъ доставили.

Когда съ дѣятельною Государственною службою сопрягается примѣръ частнаго добраго хозяйства, тогда и служба и хозяйство получаютъ новую цѣну и уваженіе.

Пребываю вамъ всегда благосклонный.

Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Александръ.

С.-Петербургъ, 21 іюня 1810 года.
Въ сафьянномъ красномъ переплетѣ.

2-е.

Собственный Его Величества блаженной памяти покойнаго Государя Императора Александра Благословеннаго, употреблявшей имъ Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка мундиръ. 1.

Пожалованный послѣ кончины царствующимъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ Гр. А. А. Аракчееву при слѣдующемъ рескриптъ.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДІЯ

3-е.

Число вещей.

Собственно-ручной рескриптъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Павловича 23 декабря 1825 года къ Графу Аракчееву слѣдующаго содержания: 1.

Примитѣ въ знакъ дружбы и благодарности, за прошедшіе и будущіе добрые со-
вѣты, присылаемый при семъ мундиръ покойнаго нашего благодѣтеля.

Вамъ искренно доброжелательный

Николай.

С.-Петербургъ, 23 декабря 1825 года.
Въ сафьянномъ красномъ переплетѣ.

4-е.

Знамя древнее Св. Князя Владиміра, находящееся въ Грузинскомъ Соборѣ съ пе-
репискою объ ономъ Ф. П. Ключарева, А. Н. Оленина и генерала Писарева. 1
(Оное хранится въ простомъ ящикѣ, оклеенномъ въ красный барканъ).

5-е.

Ящикъ оклеенъ краснымъ сафьяномъ съ золотыми каемками, въ коемъ хранилась
покойнаго Государя Императора Александра Благословеннаго рубашка, пожалованная
графу Аракчееву и по кончинѣ на него надѣтая 1

6-е.

Ящикъ оклеенъ краснымъ сафьяномъ съ золотыми каемками, въ коемъ хранятся
части Гроба покойнаго Государя Императора Александра I, а опись частью находится
въ ономъ ящикѣ 1.

Андрѣевская Ризница.

Симъ именемъ называется какъ по Главному храму Св. Апостола Андрея
такъ и потому что на ризахъ и стихаряхъ оплечья, накладки и подольники около одеждъ
напрестольныхъ и наложныхъ изъ зеленого бархата, вышитого золотомъ, изъ каковаго
бархату бывають Епанчи Андреевскихъ Кавалеровъ.

З в а н і е в е щ е й.

- 1) Священническихъ ризъ злато-серебряной парчи, съ оплечьями изъ зеленого
бархату, вышитыми золотомъ французскаго шитья, кресты и звѣзды зеленого бархату,
вышитые золотомъ 4.
- 2) Стихарей злато-серебряной парчи съ оплечьями зеленого бархату, вышитыми
золотомъ французскаго шитья, у одного стихаря наподольникъ зеленого бархату, обши-
тый золотымъ Галуномъ 6.
- 3) Епитрахиль зеленого бархату, вышитая золотомъ съ крестами, вышитыми же
золотомъ, а внизу золотая бахрома 1.
- 4) Епитрахилей злато-серебряной парчи, каждая съ тремя крестами и тремя
поперечниками золотого широкаго гасу, внизу обложенныхъ золотою бахромою 2.

- 5) Набедренникъ зеленого бархату, вышитыхъ золотомъ съ вышитыми же крестами, а внизу съ золотою бахромой 2.
- 6) Палица зеленого бархату вышитая золотомъ, кругомъ обложена золотою бахромой, а по угламъ три золотыя кисти 1.
- 7) Поручей зеленого бархату 1 пара.
- Поручей парчевыхъ, обложенныхъ золотыми крестами 3 пары.
- 8) Священническихъ поясовъ зеленого бархату, на одномъ посрединѣ вышито золотомъ, а на двухъ кресты золотого балетика 3.
- 9) Орарей Діаконскихъ зеленого бархату, съ крестами, шитыми золотомъ, а на концахъ бахрама золотая 2.
- 10) Орарь изъ Кавалерской Андреевской ленты, съ вышитыми на ономъ, вмѣсто обыкновенныхъ крестовъ, знаками сего ордена золотомъ съ фольгою, по концамъ съ золотою бахромой 1.
- 11) Подризниковъ французской бѣлой полосатой съ цвѣточками матеріи, а у одного бархатный зеленый наподольникъ, вышитой золотомъ 3.
- 12) На Андрѣвской престолѣ одежда зеленого бархату, вышитая золотомъ, спереди Андрѣвская цѣпь, а въ серединѣ финифтвое изображеніе Андрея Апостола на крестѣ, съ боковъ шитье золотомъ; у сей одежды находится 16 золотыхъ большихъ кистей со шнурами, вся оная одежда подложена 1.
- 13) На Андрѣвской престолѣ одежда злато-серебряной парчи, внизу съ каймой зеленого бархату, вышитою золотомъ, съ крестомъ, вышитымъ же золотомъ, съ изображеніемъ посрединѣ чаши 1.
- 14) На Петропавловской престолѣ одежда злато-серебряной парчи внизу съ каймой зеленого бархату, вышитою золотомъ, съ крестомъ такимъ же, вышитымъ золотомъ, изображающимъ съ четырехъ сторонъ вензель П. 1.
- 15) На Трехсвятительской престолѣ одежда злато-серебряной парчи, внизу съ каймой зеленого бархату, вышитою золотомъ, съ крестомъ бархатнымъ же, вышитымъ же золотомъ на подобіе четырехконечной звѣзды, изображающей со всѣхъ сторонъ литеру А 1.
- 16) Одежда на Андрѣвской жертвенникъ съ двухъ сторонъ злато-серебряной парчи, внизу съ каймою зеленого бархату, вышитою золотомъ, и съ крестомъ такого же бархату, вышитымъ по краямъ золотомъ, а съ двухъ сторонъ бѣлая крашенина 1.
- 17) Одежда на Трехсвятительской жертвенникъ съ двухъ сторонъ злато-серебряной парчи съ бархатнымъ зеленымъ наподольникомъ, вышитымъ золотомъ, и съ крестомъ такимъ же, вышитымъ золотомъ, (а съ двухъ сторонъ бѣлая крашенина) 1.
- 18) Одежда на онойнаго зеленого бархату вышитая золотомъ, спереди Андрѣвская цѣпь, а въ серединѣ финифтвое изображеніе Андрея Апостола на крестѣ, а съ боковъ шитье золотомъ Андрѣвскія звѣзды, подложена сія одежда 1.
- 19) Одежда на оныхъ злато-серебряной парчи внизу съ каймою зеленого бархату, вышитою золотомъ, съ крестами такого же бархату, вышитыми же золотомъ 4.
- 20) Пелены на оныхъ; середина оныхъ зеленого бархату, а кругомъ золотая широкая сетка, на которой находятся четыре Ангела съ распростертыми крыльями на углахъ, на золотыхъ шнурахъ, по одной золотой, большой кисти 2.
- 21) Пелена на онойнаго зеленого бархату, вышитая вся золотомъ, и кресты шитые золотомъ, вокругъ обложена золотой бахромой, а по угламъ золотыя же кисти для Евангелія 1.
- 22) Пеленъ на оныхъ злато-серебряной парчи съ каймами изъ зеленого бархату, вышитыми золотомъ, съ крестами бархатными же, шитыми золотомъ, а по угламъ золотыя кисти 3.

- 23) Одежда на столикъ для водо освященія, злато-серебряной парчи внизу съ каймою зеленого бархату, вышитою золотомъ, съ бархатнымъ крестомъ, вышитымъ золотомъ. 1.
- 24) На сей же столикъ пелена злато-серебряной парчи съ каймою зеленого бархату, шитою золотомъ, съ бархатнымъ крестомъ, а по угламъ золотыя кисти 1.
- 25) Воздухъ и два покрыва зеленого бархату вышиты золотомъ, все съ вышитыми же крестами, вокругъ обложена золотой бахромой съ золотыми кистями, подложены зеленою тафтою 3.
- Для оныхъ воздуховъ ящикъ ольховой подъ лакомъ, внутри оклеенъ тонкою холстиною съ замкомъ и ключемъ.
- 26) Воздухъ и два покрыва зеленого бархату съ золотою сѣткой въ серединѣ, съ вышитыми золотомъ по зеленому бархату изображеніемъ Спасителя, а по угламъ Херувимы, съ золотыми кистями шитые въ Арзамасѣ въ Алексѣевскомъ монастырѣ ценою 1,088 рублей 3.
- Для оныхъ воздуховъ ящикъ ольховый крашеный съ замкомъ, внутри оклеенъ фламскимъ полотномъ 1.
- 27) Занавѣсы къ царскимъ дверямъ изъ зеленого Левантину, съ крестомъ узкаго золотого балетика, которая занавѣсь употребляется и съ военною ризницей 1.
- По сей Описи вѣрно Церковный Староста: Василей Гаерилловъ. Старшій Священникъ Антоній Гимзровскій. Діаконъ Иванъ Благовѣщенскій.

Александровская Ризница.

Симъ именемъ называется потому, что оплечья на ризахъ и стихаряхъ, одежды на престольныя и на лойныя и прочее изъ малиноваго бархату, вышитаго золотомъ; изъ такого бархату бывають Епанчи Александровскихъ Кавалеровъ.

З в а н і е в е щ е й.

- 1) Священническихъ ризъ золотой парчи съ бархатными малиновыми оплечьями, вышитыми золотомъ, около ворота обложенныхъ золотымъ балетикомъ и въ два ряда обложенныхъ широкимъ золотымъ гасомъ съ крестами и звѣздами такого же гасу, изъ коихъ у одной шитой золотомъ наподольникъ (воскраіе) малиноваго бархату, вышитою золотомъ. 3
- 2) Стихареи золотой парчи съ бархатными малиновыми оплечьями, вышитыми золотомъ, около ворота обложены золотымъ балетикомъ.
- 1-й шитой въ Москвѣ въ 1818 году съ наподольникомъ и зарукавьями малиноваго бархату, вышитыми золотомъ и въ одинъ рядъ около оплечья и подолу обложены золотымъ широкимъ гасомъ, а также и на рукавахъ, съ такимъ же крестомъ на спинѣ. 2-й шитой въ Москвѣ 1818 году, обложена около оплечья золотымъ широкимъ гасомъ. 3-й обложена около оплечья и на рукавахъ золотымъ широкимъ гасомъ, 4-й и 5-й изъ двухъ на лойныхъ одеждъ и пелень и изъ двухъ воздуховъ обложены около оплечья и на рукавахъ широкимъ золотымъ гасомъ. 5.
- 3) Епитрахиль малиноваго бархату, вышита золотомъ, съ такими же крестами, внизу обложенная золотой бахромой 1.
- 4) Епитрахиль такого же бархату, обложенныхъ вокругъ золотымъ широкимъ гасомъ съ поперечникомъ и крестами изъ такого же гасу, а на подолѣ обложены золотой бахромой 2.
- 5) Набедренникъ малиноваго бархату, вышитый золотомъ, съ такимъ же крестомъ, а внизу золотая бахрома 1.

- 6) Набедренник малиноваго бархату обложенъ вокругъ золотымъ широкимъ гасомъ съ двумя поперечниками изъ такого же гасу и крестомъ, внизу обложенъ золотой бахромой 1.
- 7) Палица малиноваго бархату, вышитая золотомъ, съ такимъ же крестомъ, вокругъ обложена золотой бахромой, а по угламъ три золотыя кисти 1.
- 8) Палица малиноваго бархату, обложенная вокругъ золотымъ широкимъ гасомъ, въ серединѣ съ крестомъ, а по угламъ золотыя кисти 1.
- 9) Поручей парчевыхъ, обложенныхъ золотымъ узенькимъ гасомъ, съ такими же крестами. 4.
- 10) Поясовъ священническихъ золотой парчи, обложенъ вокругъ золотымъ узкимъ гасомъ, съ крестомъ изъ такого же гасу 2.
- 11) Орарь діаконскій малиноваго бархату, весь вышитый золотомъ съ битью 1.
- 12) Орарь изъ Кавалерской Александровской ленты, съ вышитыми на ономъ вмѣсто обыкновенныхъ крестовъ знаками этого ордена золотомъ съ фольгою, по концамъ съ золотой бахромою 1.
- 13) Подризниковъ малиноваго Гранитуру, по подолу обложенныхъ широкимъ серебрянымъ гасомъ, съ такими же крестами, сдѣланы въ 1817 году 2.
- 14) Подризниковъ бѣлой матеріи съ наподольниками малиноваго бархату, вышитыми золотомъ, новые 3.
- 15) Одежда на Андреевской престолъ малиноваго бархату, съ трехъ сторонъ вышитая золотомъ съ битью, съ такимъ же крестомъ 1.
- 16) Одежда на Андреевскій же престолъ, золотой парчи съ малиновымъ бархатнымъ вышитымъ золотомъ бордюромъ, положеннымъ по двумъ сторонамъ на передней части престола и внизу и съ вышитымъ спереди крестомъ въ сіяніи, съ боковыхъ и задней стороны безъ бордюра 1.
- 17) Одежда на Петропавловской престолъ парчевая, съ переди обложена золотымъ шитьемъ по бархату съ вышитымъ крестомъ на такомъ же бархатѣ 1.
- 18) Одежда на Андреевской жертвенникъ золотой парчи, а внизу съ малиновымъ бархатнымъ вышитымъ золотомъ бордюромъ 1.
- 19) Одеждъ наложныхъ малиноваго бархату, вышитыхъ по подолу золотомъ съ битью, и каждая съ двумя вышитыми крестами 4.
- 20) Пелена наложная малиноваго бархату, вышитая золотомъ съ битью, съ такими же крестами, вокругъ обложена золотой бахромою, по угламъ золотыя кисти для Евангелія, длинное 1.
- 21) Пеленъ наложныхъ бархатныхъ малиновыхъ, вышитыхъ золотомъ съ битью, съ такими же крестами, вокругъ обложены золотой бахромою а на углахъ золотыя кисти 4.
- 22) Одежда на столикъ для водоосвященія малиноваго бархата, вышитая золотомъ 1.
- 23) На сей же столикъ пелена малиноваго бархату, вышитая золотомъ, съ бахромою и золотыми кистями 1.
- 24) Воздухъ и два покрыва малиноваго бархату, вышиты золотомъ и серебромъ съ серебряными сѣтками, испещренными золотомъ, вокругъ съ золотою бахромою и по угламъ золотыя кисточки, у воздуха же по угламъ нашиты звѣзды серебряныя съ золотою битью, подарены въ Грузинскій Соборъ Евгеніей Михайловной Твараговой 3.
- Для оныхъ футляръ, оклеенный краснымъ сафьяномъ, а въ срединѣ зеленымъ левантиномъ, съ бронзовыми ручками и замочками 1.
- 25) Занавѣсь къ Царскимъ Дверямъ въ Андреевскій предѣлъ, Гранитуру малиновая. По сей описи верно церковный староста василей гавриловъ. Старшій священникъ Антоній Гиляровский. Діаконъ Івазъ Благовѣщенскій. 1.

Новгородская Ризница.

Малиноваго бумажнаго бархата.

Число вещей.

Симъ именемъ называется потому, что оной бархатъ находился въ Новгородѣ на катафалкѣ въ Соборѣ при провозѣ тѣла въ 1826 году Блаженной памяти покойнаго Государя Императора Александра Благословеннаго.

Въ память этого на всей ризницѣ находятся Его вензеля и то число и мѣсяцъ, въ который тѣло находилось на семъ Бархатѣ.

Званіе вещей.

- 1) Ризъ священническихъ малиноваго бархату, на оплечьяхъ вышиты золотые вензеля Императора Александра и надпись 23 февраля, а на спинѣ на черномъ бархатѣ шитые золотомъ кресты и камни съ вензелямъ, а около ворота золотой балетикъ, обложены же около оплечья и на подолѣ чернымъ гасомъ съ золотыми фигурами, подъ ними подкладка малиноваго калинкора 2.
- 2) Стихарь Діаконской малиноваго бархату, на оплечьяхъ вышиты золотой такой же вензель и надпись, а на спинѣ на черномъ бархатѣ шитой золотомъ крестъ, а около ворота золотой балетикъ обложенъ около оплечья, на рукавахъ и по подолу такимъ же чернымъ гасомъ, съ золотыми фигурами, подъ нимъ подкладка бѣлой крашенины 1.
- 3) Стихарей малиноваго бархату, на оплечьяхъ вышиты золотые такіе же вензеля съ надписями, а на спинѣ такіе же кресты и около ворота такіе же золотые балетики обложены же около оплечья и на рукавахъ такимъ же чернымъ Гасомъ съ золотыми фигурами, подъ ними подкладка бѣлой крашенины 4.
- 4) Епитрахиль малиноваго бархату, вокругъ обложены чернымъ гасомъ съ золотыми фигурами, а внизу съ золотою бахромой, на нихъ по три шитыхъ на черномъ бархату золотыхъ креста, подъ ними подкладка бѣлаго атласа 2.
- 5) Поручей малиноваго бархату, съ одной стороны нашитъ черный гасъ съ золотыми факелами, а посерединѣ черной тесьмы крестикъ 3 пары.
- 6) Поясовъ священническихъ малиноваго бархату, по срединѣ выложены чернымъ гасомъ съ золотыми факелами, подъ ними подкладка изъ бѣлаго атласу 2.
- 7) Опарь Діаконской изъ чернаго шелка съ золотыми вензелями и фигурами, по краямъ съ золотою бахромой, подъ нимъ подкладка изъ бѣлаго атласу 1.
- 8) Подризниковъ бѣлаго атласу, на подолѣ въ одинъ рядъ обложены чернымъ гасомъ съ золотыми факелами, подъ ними подкладка изъ бѣлаго равендуку 2.
- 9) Одежда на Андреевской престолъ малиноваго бархату, на передней онаго сторонѣ большого вида золотой крестъ въ сіяніи, а сверху онаго надпись: «Со Святыми упокой, Христѣ душу Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Благословеннаго». А по двумъ боковымъ сторонамъ шитые золотомъ вензеля Императора Александра съ надписями. На одной сторонѣ: «въ Таганрогъ 19 ноября 1825 года», а на другой: «въ четвергъ въ 10 часовъ 50 минутъ утра».

Передніе два угла одеждъ въ два ряда обшиты золотой широкой бахромой и имѣютъ по 4 большихъ золотыхъ съ чернымъ шелкомъ кисти, а всего 8 кистей. Съ трехъ сторонъ и внизу обложены чернымъ гасомъ съ золотыми фигурами, подкладка подъ этой одеждой бѣлаго атласа 1.

- 10) Перекиды на Алексѣевской и Петропавловской престолы малиноваго бархату съ золотыми крестами въ сіяніи, обложены спереди стороны, внизу и по бокамъ чернымъ Гасомъ съ золотыми фигурами, подъ ними подкладка бѣлаго атласу 2.
- 11) Одежда на Андреевской жертвенникъ малиноваго бархату по двумъ угламъ и внизу обложены чернымъ гасомъ съ золотыми фигурами, а спереди нашить большой золотой крестъ въ сіяніи, подкладка изъ бѣлаго равендуку 1.
- 12) Одеждъ наложныхъ малиноваго бархату съ широкими золотыми крестами въ сіяніи, а внизу обложены чернымъ гасомъ съ золотыми фигурами 4.
- 13) Пеленъ наложныхъ малиноваго бархату, обложены вокругъ чернымъ гасомъ съ золотыми фигурами и золотою, съ чернымъ шелкомъ бахромой, по угламъ золотыми большими кисточками, подъ ними подкладка зеленого калинкору 4.
- 14) Одеждъ на столикъ для водо освященія малиноваго бархату, по угламъ и внизу обложены чернымъ гасомъ съ золотыми фигурами, а спереди большіе золотые Кресты въ Сіяніи 2.
- 15) Пеленъ на столикъ для водо освященія малиноваго бархату на ней золотой крестъ, а вокругъ обложена чернымъ гасомъ съ золотыми фигурами и съ золотою, чернымъ шелкомъ бахромой. По угламъ четыре большіе золотыхъ съ чернымъ шелкомъ кисти, подкладка калинкору малиноваго 2.
- 16) Воздухъ и два покрыва малиноваго венеціанскаго Шелковаго бархата съ бѣлою Атласною подкладкою, обложенные вокругъ золотою съ чернымъ шелкомъ бахромой, и на всѣхъ углахъ по золотой кисти, вышитые золотомъ слѣдующимъ образомъ: Воздухъ и оба покрыва имѣютъ каждый на серединѣ шитые кресты, на двухъ углахъ вензеля Императора Александра, а на другихъ двухъ горящіе два факела. Между вензелями и факелами по краямъ вышита слѣдующая надпись: На одномъ покрывѣ: «въ Таганрогѣ 19-го ноября 1825 года». На другомъ покрывѣ: «въ четвергъ въ 10 часовъ 50 минутъ утра». На воздухѣ: «Со Святими упокой душу усопшаго Императора Александра Благословеннаго» 3.
- Подклатка подъ всѣми бѣлаго атласа 1.
- Футляръ для оныхъ воздухъ березовый подъ лакомъ съ замкомъ и ключомъ 1.
- 17) Занавесъ къ Царскимъ Дверямъ къ Андреевскому предѣлу бѣлаго атласу, на коемъ на серединѣ выложено дугою чернымъ гасомъ и золотыми фигурами и крестомъ 1.
- 18) Занавесъ къ Царскимъ Дверямъ къ Петропавловскому предѣлу, бѣлаго атласу, на коемъ на серединѣ выложено прямой линіей чернымъ гасомъ съ золотыми фигурами 1.
- 19) Занавесъ къ Царскимъ Дверямъ къ Алексеевскому предѣлу бѣлаго атласу 1.
- 20) Пеленъ подъ мѣстными образами Покрова Божіей Матери и Андрея Первозваннаго, малиноваго бархату, вышитыми въ срединѣ золотыми вензелями и золотыми факелами; а сверху оныхъ въ два ряда вышиты золотыми словами: «Со Святими упокой, Христе, душу Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Благословеннаго»; вокругъ обложены чернымъ гасомъ съ золотыми фигурами, а съ боковъ обшиты золотой широкой бахромой, подкладка бѣлаго атласа 2.
- 21) Одежда на столикъ, на коемъ сохраняются на вѣчные времена покойнаго Государя Императора Александра Благословеннаго употреблявшей имъ Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка мундиръ, пожалованный послѣ кончины Его Графу Аракчееву отъ Государя Императора Николая Павловича, малиноваго бархату, по угламъ и внизу обложена чернымъ гасомъ съ золотыми фигурами, а на передней сторонѣ въ вензѣ вензель покойнаго Императора Александра 1-го, золотомъ вышитой 1.
- 22) Одежда для наложъ подъ образъ Святого Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, празднуемаго 30-го августа, которое число былъ день Ангела покой-

наго Государя Императора Александра Благословеннаго, малиноваго ба хату, по бокамъ съ трехъ сторонъ, и въ верху и внизу обложена чернымъ гасомъ съ золотыми фигурами; на передней сторонѣ въ верху вышитъ золотомъ годъ кончины: 1825-й г. Таганрогъ, подъ нимъ крестъ золотого позументу

1.

По сей Описи верно Церковной Староста: василей гавриловъ.

Полотенцо для наложъ къ престолу, колникоровое, вышитое по концамъ чернымъ шелкомъ съ орлами и вензелями Императора Александра Павловича, вкладъ дѣвицы Анны Макаріусовой для троурной и Новгородской ризницы

1.

Одежда на столикъ, на коемъ сохраняется въ вѣчныя времена покойнаго Государя Императора Александра Благословеннаго употреблявшей имъ Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка Мундиръ, пожалованной послѣ кончины его Графу А. А. Аракчееву, отъ Государя Императора Николая Павловича изъ парчевой клеенки, на коей спереди изображенъ крестъ по угламъ и поверху обшитъ узкимъ серебрянымъ гасомъ

1.

Одежда для наложъ подъ Образъ Свят: Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невского, празднуемаго 30-го Августа которое число былъ день Ангела покойнаго Государя Императора Александра Благословеннаго, изъ парчевой клеенки, на коей съ передней стороны крестъ и подпись: «Въ Таганрогѣ 1825 года»; на лѣвой стоорнѣ: «Въ четвергъ 19-го ноября», а на правой: «Утромъ въ 10 ч. 50 минутъ утра», по угламъ и наверху обшита узкимъ серебрянымъ гасомъ

1.

Видель: Староста василей гавриловъ. По сей Описи вѣрно: Старшій Свящ. Антоній Гиляровскій. Діаконъ Иванъ Благовѣщенскій.

Парижская Ризница.

Называется такъ потому, что она сдѣлана въ Парижѣ на фабрикѣ г-на Вошеле въ 1817 году. Она вся состоитъ изъ бѣлаго бархату, испещренная по приличію накладокъ, и воскраія ризъ, тисненными цвѣтами розанами.

З в а н і е в е щ е й.

1) Священническая риза бѣлаго бархату съ бордюромъ изъ розановъ на оплечьяхъ и наподольнику (воскраію:), съ крестомъ и звѣздой, подложена бѣлою тафтою

1.

2) Стихарей бѣлаго бархату съ бордюромъ изъ розановъ, около оплечьей, въ одинъ рядъ, а по подолу и по рукавамъ въ два, подложенныхъ миткалемъ

3.

3) Епитрахиль бѣлаго бархату съ бордюромъ изъ розановъ, двумя поперечниками и тремя крестами, внизу съ серебряной бахромой, подложена бѣлой тарфою

1.

4) Набедренникъ бѣлаго бархату съ бордюромъ изъ розановъ съ тремя поперечниками и крестомъ внизу съ серебряной бахромой, подложенъ бѣлой тарфою

1.

5) Палица бѣлаго бархату вокругъ съ бордюромъ изъ розановъ, въ срединѣ съ крестомъ, обложенная вокругъ серебряной бахромой, а по угламъ три серебряныя кисти, подложенная бѣлой тарфою

1.

6) Поручей бѣлыхъ бархатныхъ съ бордюрами и крестиками, подложенныхъ бѣлою тафтою

2 пары

7) Поясъ священнической бѣлаго бархату весь изъ бордюру изъ розановъ съ крестомъ, подложенъ бѣлою тафтою

1.

8) Орать Діаконской бѣлаго бархату весь изъ бордюра изъ розановъ съ тремя крестами, подложенъ бѣлою тафтою

1.

- 9) Подризникъ бѣлой левантиновой, внизу съ бордюромъ изъ розановъ на бѣломъ бархатѣ 1.
- 10) Одежда на Андрѣевской престолѣ бѣлаго бархату съ бордюрами изъ розановъ, внизу и въ верху и по бокамъ, и со всѣхъ четырехъ сторонъ по кресту подложенная миткалемъ 1.
- 11) Одежда на Петропавловской престолѣ бѣлаго бархату, съ бордюромъ изъ розановъ въ верху и по бокамъ на передней сторонѣ, а крестъ съ одной передней стороны, подложенная холстомъ 1.
- 12) Одежда на Андрѣевской жертвенникѣ съ двухъ сторонъ бѣлая бархатная съ бордюрами изъ розановъ, а съ двухъ сторонъ миткалевая 1.
- 13) Одежды на лойныхъ бѣлаго бархату съ бордюрами изъ розановъ и со всѣхъ четырехъ сторонъ съ крестами, подложенныхъ крашениной 2.
- 14) Пелень на лойныхъ бѣлаго бархату вокругъ съ бордюрами изъ розановъ, въ срединѣ съ крестами, во кругъ обложенныхъ серебряной бахромой, а на углахъ кисти серебряныя, подложенныхъ бѣлою тарфою 2.
- 15) Воздухъ и два покроя бѣлаго бархату, вокругъ съ бордюрами изъ розановъ, въ срединѣ съ крестами, во кругъ обложенныхъ серебряной бахромой, а на углахъ кисти, серебряныя, подложены бѣлою тарфою 3.
- 16) Занавесъ бѣлой тафты, на которой крестикъ изъ золотого балетика.

Военная Ризница.

Изъ Зеленой Шелковой матеріи съ желтыми крестами, употребляемая въ Россійской Арміи.

Званіе вещей.

Особое облаченіе съ золотыми крестами.

- 1) Риза священническая съ золотыми крестами съ оплечьемъ глазетовымъ, золотымъ съ шелковой подкладкой обложена около ворота и оплечья въ одинъ рядъ, а на подолѣ въ два ряда широкимъ золотымъ прозументомъ 1.
- 2) Къ оной ризѣ подризникъ глазетовой серебряной, подложенный бѣлымъ миткалемъ, на подолѣ обложенъ широкимъ золотымъ прозументомъ 1.
- 3) Епитрахиль малиноваго бархату подложенная зеленою тафтою съ бахромой золотою, обложена вокругъ узкимъ золотымъ прозументомъ, а по срединѣ вдоль широкимъ прозументомъ и семь такихъ же крестовъ 1.
- 4) Набедренникъ малиноваго бархату, подложенной зеленою тафтою съ бахромой. Обложенъ кругомъ широкимъ золотымъ прозументомъ, а по срединѣ крестъ 1.
- 5) Поясъ малиноваго бархату подложенный зеленою тафтою 1.
- 6) Стихарь діаконской съ золотыми крестами, съ оплечьемъ золотымъ глазетовымъ съ каленкоровою подкладкою. Около оплечья и ворота по рукавамъ и на подолѣ обложенъ широкимъ золотымъ прозументомъ 1.
- 7) Опарь діаконской пунцоваго шелковаго бархату, обложенной золотымъ узкимъ гасомъ и на концахъ съ бахромой, съ шелковою зеленою подкладкою 1.
- 8) Пелены на налои съ зеленою шелковою подкладкою, съ 4 большими золотыми кистями, обложены кругомъ широкимъ золотымъ прозументомъ, а посрединѣ такой же крестъ 3.

Съ Шелковыми крестами.

Число вѣщей.

- 1) Ризъ священническихъ, цвѣту зеленого съ желтыми шелковыми крестами, съ оплечьями изъ желтой матеріи, обложены около оплечья и на подолѣ широкимъ золотымъ гасомъ и съ золотыми крестами 2.
- 2) Стихареи, матеріи цвѣту зеленого съ желтыми шелковыми крестами, съ оплечьями изъ желтой матеріи, обложены около оплечья, по рукавамъ и на подолѣ широкимъ золотымъ гасомъ и съ золотыми крестами 5.
- 3) Епитрахиль пунцоваго бархату, обложенныхъ вокругъ широкимъ золотымъ гасомъ съ крестами 2.
- 4) Набедренниковъ пунцоваго бархату, обложенныхъ вокругъ золотымъ гасомъ понизу у одного въ два ряда, у другаго въ одинъ, съ золотыми крестами 2.
- 5) Палица пунцоваго бархату, обложенная вокругъ золотымъ широкимъ гасомъ съ крестами, а по угламъ три золотые малыя кисточки 1.
- 6) Поручей пунцоваго бархату, обложенныхъ во кругъ узкимъ золотымъ гасомъ и съ такими же крестами 3 пары.
- 7) Поясовъ священническихъ пунцоваго бумажнаго бархату съ крестами узкими, золотого гасу 2.
- 8) Орарь діаконской малиноваго бархату съ золотыми крестами, подложенъ зеленымъ коленкоромъ 1.
- 9) Подризниковъ бѣлаго камлоту, обложенныхъ понизу золотымъ широкимъ гасомъ 2.
- 10) Одежда на Андреевской престолѣ, матеріи цвѣту зеленого съ желтыми золотыми крестами цѣльная, обложена спереди понизу золотымъ широкимъ гасомъ, съ крестами такого же гасу 1.
- 11) Одежда на Петропавловской престолѣ, матеріи цвѣту зеленого съ желтыми шелковыми крестами, обложены понизу кругомъ золотымъ широкимъ гасомъ 1.
- 12) Одежда на Алексеевской престолѣ, матеріи цвѣту зеленого съ желтыми шелковыми крестами, обложена понизу кругомъ золотымъ широкимъ гасомъ 1.
- 13) Одежда на Андреевской жертвенникѣ, матеріи зеленого цвѣту съ желтыми шелковыми крестами, съ двухъ сторонъ обложена, по подолу широкимъ золотымъ гасомъ и съ крестомъ такого же гасу 1.
- 14) Одежды наложныхъ матеріи цвѣту зеленого, съ желтыми шелковыми крестами, обложенныхъ понизу кругомъ золотымъ широкимъ гасомъ 4.
- 15) Пеленъ наложныхъ, матеріи цвѣту зеленого съ желтыми шелковыми крестами, обложенныхъ вокругъ золотымъ широкимъ гасомъ съ золотыми кистями 4.
- 16) Одежда на столѣ для водоосвященія, матеріи цвѣту зеленого, съ желтыми шелковыми крестами, обложена вокругъ широкимъ золотымъ гасомъ 1.
- 17) На сей столѣ пелена матеріи зеленого цвѣту, съ желтыми шелковыми крестами, обложена во кругъ широкимъ гасомъ съ золотыми кистями 1.
- 18) Воздухъ и два покрыва золотого гласету, обложенныхъ золотымъ широкимъ гасомъ съ крестами золотого узкаго гасу и по угламъ съ золотыми кистями, подложены зеленою тафтою 3.
- 19) Занавесь къ Царскимъ Дверямъ изъ зеленого левантину, съ крестами узкаго золотого балетнику, которой завесь употребляется и съ Андрѣевскою ризницею 1.
- Оная занавесь одна и та же, которая внесена съ Андрѣевскою ризницею.
- 20) Одежда на налои для водоосвященія на вечерніи Крещенія, зеленой шелковой матеріи съ желтыми шелковыми крестами, подложена холстомъ, а матеріи сверху подъ пеленой не имѣется 1.

- 21) Одежда на два маленьких столика къ оному же водо священія, зеленой шелковой матеріи съ желтыми крестами на подкладѣ холстинной 2.
- 22) Покровъ для усопшихъ изъ зеленой шелковой матеріи, съ золотыми крестами въ четырьѣ Полотнища, подложены темно-зеленымъ колникоромъ длиною 3 арш. 6¹/₂ вер. Обложенъ кругомъ со всѣхъ четырехъ сторонъ по краямъ золотымъ широкимъ одно-стороннимъ прозументомъ, а на серединѣ его такимъ же прозументомъ выложенъ крестъ большой въ 1 арш. наподножій 1.

Алексеевская Ризница.

Этимъ именемъ называется по предѣлу, имѣющемуся въ Соборѣ въ честь Св. Алексея Митрополита Московскаго и всея Россіи Чудотворца.

З в а н і е в ѣ щ е й.

- 1) Священническихъ ризъ ранжеваго штофу съ оплечьями голубаго бархату, обложенныхъ около ворота узкимъ серебрянымъ гасомъ, а около оплечья широкимъ серебрянымъ гасомъ съ крестами и звѣздами такого же гасу 3.
- 2) Стихареи ранжеваго штофу съ голубыми бархатными оплечьями, обложенныхъ около ворота узкимъ серебрянымъ гасомъ, а около оплечья и по рукавамъ широкимъ серебрянымъ гасомъ съ крестами такого же гасу 5.
- 3) Епитархия голубаго бархату, обложенная во кругъ широкимъ серебрянымъ гасомъ съ крестами такого же гасу 1.
- 4) Епитрахиль ранжеваго штофу обложенныхъ во кругъ широкимъ серебрянымъ гасомъ съ крестами такого же гасу 2.
- 5) Набедренниковъ голубаго бархату, обложенныхъ во кругъ широкимъ серебрянымъ гасомъ 2.
- 6) Палица голубаго бархату, обложенная во кругъ широкимъ серебрянымъ гасомъ, по серединѣ съ крестомъ, а по угламъ три серебряныя кисти 1.
- 7) Поручей голубаго бархату одинъ, оранжеваго штофа четыре 5.
- 8) Священническихъ поясовъ голубаго бархату съ крестами узкаго гасу 3.
- 9) Орарей Діаконскихъ голубаго бархату съ крестами узкаго гаса, одинъ обложенъ вокругъ узкимъ гасомъ, а другой не обложенъ 2.
- 10) Подризниковъ гарнитуровыхъ съ наподольниками алаго бархату и съ крестами узкаго серебрянаго гасу 2.
- 11) Одежда на Андрѣевской престолъ ранжеваго штофу, внизу съ каймою голубаго бархату, съ крестомъ широкаго серебрянаго гасу, а понизу съ 3-хъ сторонъ, обложена такимъ же гасомъ 1.
- 12) Одежда на Петропавловской престолъ ранжеваго штофу съ каймой голубаго бархату, съ крестомъ широкаго серебрянаго гасу и понизу съ трехъ сторонъ обложена такимъ же гасомъ 1.
- 13) Одежда на трехъ-святительской престолъ, такая же какъ и обозначенныя двѣ одежды 1.
- 14) Одежда на Андрѣевской жертвенникъ ранжеваго штофу съ двухъ сторонъ, внизу съ каймой голубаго бархату съ крестомъ широкаго серебрянаго гасу и внизу съ 2-хъ сторонъ обложена такимъ же гасомъ 1.
- 15) Одежда на трехъ-святительской жертвенникъ съ двухъ сторонъ французской бѣлой полосатой съ цвѣточками матеріи, съ бархатнымъ зеленымъ вышитымъ золотомъ крестомъ, а съ двухъ сторонъ бѣлая крашенина 1.

- 16) Одежда наложных ранжевого штофу внизу съ каймой голубаго бархату съ крестами широкаго серебрянаго гасу и понизу обложены такимъ же гасомъ 4.
- 17) Пелень наложныхъ ранжеваго штофу съ каймой голубаго бархату съ крестами широкаго серебрянаго гасу и 4-мя кистями вокругъ обложены широкимъ серебрянымъ гасомъ 3.
- 18) Пелена наложная для чтенія Евангелія голубаго бархату, обложенная вокругъ широкимъ серебрянымъ гасомъ по угламъ съ кисточками. 1.
- 19) Одежда на столикъ для водо освященія ранжеваго штофу внизу съ каймой голубаго бархату съ крестомъ широкаго серебрянаго гасу и понизу кругомъ обложена такимъ же гасомъ 1.
- 20) На сей же столикъ пелена ранжеваго штофу съ каймой голубаго бархату съ крестомъ широкаго серебрянаго гасу, а на углахъ четыре кисти и кругомъ обложена широкимъ серебрянымъ гасомъ 1.
- 21) Воздухъ и два покрова, серебряные съткою въ серединѣ съ вышитыми серебромъ по голубому бархату изображеніями Спасителя, а по угламъ Херувимовъ съ серебряными кистями. Подарены Надеждой Сергѣевной Житковой 3.
- Для оныхъ воздуховъ футляръ ольховой подъ лакомъ, внутри оклеенъ фламскимъ полотномъ съ внутреннимъ замкомъ и ключомъ и три листа политуры 1.
- 22) Занавесъ къ Царскимъ Дверямъ Голубаго Левантину 1.

Фиолетовая Штофная ризница.

Званіе вещей.

- 1) Ризъ священническихъ фиолетоваго штофу, около ворота обложенныхъ узкимъ серебрянымъ гасомъ, а около оплечья широкимъ серебрянымъ гасомъ съ крестами и звѣздами 3.
- 2) Стихареи такого же штофу, обложены около ворота узкимъ серебрянымъ гасомъ, а около оплечья и по рукавамъ широкимъ серебрянымъ гасомъ съ такими же крестами 5.
- 3) Епитрахилии такого же штофу, вокругъ обложенныхъ широкимъ серебрянымъ гасомъ съ такими же крестами 3.
- 4) Набедренники такого же штофу съ тремя поперечниками широкаго серебрянаго гасу и крестами 2.
- 5) Палица такого же штофу, вокругъ обложена широкимъ серебрянымъ гасомъ съ такимъ же крестомъ, а по угламъ 3 серебряныя кисти 1.
- 6) Поручей такого же штофу съ крестиками узкаго серебрянаго гасу 3 пары.
- 7) Поясовъ такого же штофу съ крестиками узкаго серебрянаго гасу 2.
- 8) Орарь Діаконскій такого же штофу съ крестами узкаго гасу 1.
- 9) Одежда на Андреевской престолъ такого же штофу съ восьмиугольнымъ крестомъ широкаго серебрянаго гасу и съ передней стороны внизу обложена такимъ же гасомъ 1.
- 10) Перекидовъ на престолы въ Алексѣевской и Петропавловской предѣлы, фиолетоваго штофу, при нихъ кресты серебрянаго широкаго позументу, съ переди ниже креста на одномъ концѣ обшиты такимъ же позументомъ, подложены чернымъ каленкоромъ 2.
- 11) Одежда на Андреевской жертвенникъ такого же штофу съ крестомъ широкаго серебрянаго гасу; штофъ съ двухъ сторонъ, а съ другихъ двухъ выбойка 1.

- 12) Одежда наложныхъ такого же штофу, обложенныхъ внизу широкимъ серебрянымъ гасомъ, съ такими же крестами. 4.
- 13) Пелень наложныхъ такого же штофу, обложенныхъ вокругъ широкимъ серебрянымъ гасомъ съ крестами и съ такими же кистями. 4.
- 14) Одежда на столникъ для водо священія такого же штофу съ крестомъ широкаго серебрянаго гасу и понизу обложена такимъ же гасомъ 1.
- 15) На оный же столникъ пелена, обложенная широкимъ серебрянымъ гасомъ, а по угламъ кисти 1.
- 16) Воздухъ и два покрыва такого же штофу, вокругъ обложенные широкимъ серебрянымъ гасомъ, а по угламъ кисти съ такими же крестами; подложены голубою тафтою 3.
- 17) Занавесь къ Царскимъ Дверямъ фіолетоваго Левантина 1.
- Подризники къ оной ризницѣ употребляются отъ Бѣлокосовой ризницы.

Бѣлокосовая Ризница.

Званіе вещей.

- 1) Ризъ священническихъ Бѣлокосовой матеріи съ оплечьями золотой парчи. Одна обложена около ворота серебрянымъ балетникомъ, около оплечья и на подолѣ широкимъ серебрянымъ гасомъ, а двѣ другія обложены около оплечья широкимъ серебрянымъ гасомъ и на всѣхъ трехъ кресты и звезды такого же гасу 3.
- 2) Стихарей такой же матеріи съ оплечьями золотой парчи, обложенные около оплечья широкимъ серебрянымъ гасомъ съ крестами такого же гасу 5.
- (Въ числѣ оныхъ три стихаря около ворота обложены серебрянымъ балетникомъ, а на рукавахъ имѣютъ широкій серебряный гасъ, а одинъ и по подолу обложенъ такимъ же широкимъ гасомъ.)
- Стихарь діаконскій бѣлокосовой матеріи, съ оплечьями золотой парчи, около оплечья и по рукавамъ обложенъ широкимъ серебрянымъ гасомъ, съ крестомъ такого же гасу для бѣлокосовой ризницы 1.
- 3) Епитрахилей бѣлокосовой матеріи съ серебряными крестами; двѣ обложены кругомъ узкимъ серебрянымъ гасомъ съ одними поперечниками и одна только понизу обложена широкимъ серебрянымъ гасомъ. 3.
- 4) Набедренникъ бѣлокосовой матеріи, обложенъ кругомъ серебрянымъ гасомъ съ поперечниками и крестомъ такого же гасу. 1.
- 5) Палица золотой парчи, вокругъ обложена широкимъ серебрянымъ гасомъ съ такимъ же крестомъ и по угламъ три серебряныя кисти. 1.
- 6) Поручей бѣлокосовой матеріи съ серебряными крестами 1 пара.
- Поручей золотой парчи съ крестиками узкаго серебрянаго гасу 1 пара.
- Такой же парчи поручей съ крестиками узкаго золотого гасу. 1 пара.
- 7) Поясовъ бѣлокосовой матеріи 3.
- 8) Орарь Діаконской золотой парчи, обложенъ вокругъ серебрянымъ балетникомъ съ такими же крестами. 1.
- 9) Подризниковъ бѣлаго камлота, обложенныхъ по подолу серебрянымъ гасомъ. Оные подризники употребляются и съ фіолетовою ризницею 3.
- 10) Одежда на Андрѣевской престолѣ бѣлокосовой матеріи съ крестомъ широкаго серебрянаго гасу, а внизу съ каймою парчевою. 1.
- Труды XV Сѣзда. Т. I.

- 11) Одежда на Петропавловской престолъ бѣлокосовой матеріи съ крестомъ широкаго серебрянаго гасу, а внизу съ передней стороны кайма парчевая 1.
- 12) Перекидь на Андрѣевской престолъ бѣлокосовой матеріи, а спереди обложенъ парчею съ крестомъ широкаго серебрянаго гасу. 1.
- Оной же употребляется и на трехсвятительской престолъ.
- 13) Одежда на Андреевской жертвенникъ бѣлокосовой матеріи, обложена спереди понизу съ двухъ сторонъ золотой парчею 1.
- 14) Таковая же одежда на Алексеевскій жертвенникъ 1.
- 15) Одеждъ наложныхъ бѣлокосовой матеріи съ крестами широкаго серебрянаго гасу, а внизу съ каймою парчевою 5.
- 16) Пелѣнь наложныхъ бѣлаго неразрезнаго бархату, вышитыхъ вокругъ шелками съ золотомъ и битью и съ такими же крестами, обложенныхъ золотой бахромой и по угламъ золотыя кисти, подложены бѣлой тафтой. 4.
- Пеленъ наложныхъ бѣлокосовой матеріи, обложенныхъ вокругъ широкимъ серебрянымъ гасомъ, съ такимъ же крестомъ и по угламъ кисточками 4.
- 17) Одеждъ на столикъ для водоосвященія бѣлокосовой матеріи у каждой крестъ широкаго гасу, а внизу кайма парчевая 2.
- 18) Пелена на оной же столикъ такой же матеріи съ крестомъ широкаго нитянаго гасу, а кругомъ кайма парчевая съ кисточками. 2.
- 19) Воздухъ и два покрова бѣлаго неразрезнаго бархату, вышитые вокругъ шелками съ золотомъ и битью и съ такими же крестами, обложенные золотою бахромой и по угламъ золотыя кисти, подложены бѣлою тафтою. 3.
- 20) Занавесъ къ Царскимъ Дверямъ въ Андреевской предѣль, гранитуру малиноваго. 1.
- Оная употребляется во всеневномъ служеніи.
- 21) Перекидь на Андрѣевской престолъ бѣлаго неразрезнаго бархату, вышитой шелкомъ съ золотомъ и битью, а передняя сторона обложена и золотою узенькою бахромою 1.

Траурная Ризница.

Званіе вещей.

- 1) Ризъ священническихъ разрезнаго бархату, обложенныхъ около оплечья и по подолу широкимъ серебрянымъ гладкимъ гасомъ и веѣ съ такими же крестами и звездами. 3.
- 2) Стихарей чернаго разрезнаго бархату, обложенныхъ около оплечья рукавовъ и по подолу широкимъ серебрянымъ гасомъ и у одного около ворота обложено узенькимъ балетикомъ 5.
- 3) Епитрахилей чернаго разрезнаго бархату, обложенныхъ вокругъ широкимъ серебрянымъ гасомъ съ крестами 3.
- 4) Набедренниковъ такого же бархату съ поперечниками изъ широкаго серебрянаго гасу и съ трехъ сторонъ обложены такимъ же гасомъ. 2.
- 5) Палица такого же бархату, обложена кругомъ серебрянымъ, гладкимъ гасомъ, посерединѣ съ крестомъ, а по угламъ серебряныя кисти. 1.
- 6) Поручей черныхъ бархатныхъ съ крестиками 5 паръ.
- 7) Поясовъ священническихъ черныхъ китайчатыхъ съ крестами. 2.
- 8) Орарь Діаконскій черныи бархатный, обложенъ вокругъ серебрянымъ узкимъ гасомъ съ крестами. 1.
- 9) Подризникъ чернаго камлота, обложенъ по подолу серебрянымъ гасомъ 1.

Подризниковъ черныхъ китайчатыхъ съ крестиками по подолу, обложены бѣлой широкой тесьмой.	2.
10) Одежда на Андреевской престолъ чернаго бархата съ крестомъ широкаго серебрянаго гасу.	1.
11) Покровъ на Андреевской престолъ черный бархатный съ крестомъ изъ узенькаго серебрянаго гасу.	1.
12) Одежда на Петропавловской престолъ чернаго бархата съ крестомъ узенькаго серебрянаго гасу.	1.
13) Покровъ на Петропавловской престолъ черный бархатный, обшитый кругомъ серебрянымъ широкимъ гасомъ съ такимъ же крестомъ.	1.
14) Одежда на Андреевской жертвенникъ, черная бархатная съ двухъ сторонъ, а другія изъ крашенины, съ крестомъ широкаго серебрянаго гасу.	1.
15) Одежда на лойныхъ черныхъ бархатныхъ съ крестами широкаго серебрянаго гасу, а понизу обложены узкимъ серебрянымъ гасомъ.	4.
16) Пеленъ на лойныхъ черныхъ бархатныхъ, обложенныхъ широкимъ серебрянымъ гасомъ и по угламъ съ серебряными кистями.	4.
17) Одежда на панихидный столикъ черная бархатная, обложенная по подолу широкимъ серебрянымъ гасомъ съ крестомъ такого же гасу.	1.
18) Пелена на этотъ же столикъ черная бархатная, обшита широкимъ серебрянымъ гасомъ съ крестомъ изъ такого же гасу, а по угламъ съ серебряными кистями.	1.
19) Одежда на столикъ панихидный, черная бархатная, обложена на подолѣ серебрянымъ гасомъ съ крестомъ такого же гасу, праздничная.	1.
20) Пелѣна на панихидной столикъ, черная бархатная, обшита широкимъ серебрянымъ гасомъ съ крестомъ изъ такого же гасу, а по угламъ съ большими серебряными кистями.	1.
21) Одежда на панихидной столикъ къ памятнику на брани убитыхъ воиновъ, чернаго гарнитуру, со всѣхъ сторонъ съ нашитыми штандартами французской гвардіи голубого Гранитуру, вышитыми золотомъ, а по подолу во кругъ обложена широкимъ серебрянымъ гладкимъ гасомъ съ золотой бахромой.	1.
22) Пелена на оный же столикъ черная Гранитуровая съ нашитыми штандартами французской, итальянской гвардіи, малиноваго Гранитура, вышитый серебромъ и по краямъ у оной серебряная бахрома, а по угламъ кисти серебряныя же.	1.
23) Воздухъ и два покрыва чернаго разрезного бархату съ серебряной бахромой и съ кисточками, подложена черною тафтою.	3.
24) Занавесъ къ Царскимъ дверямъ черной тафты.	1.
Занавесъ черной полосатой шелковой матеріи старой.	1.

Воздухи не принадлежащіе къ облаченіямъ.

Званіе вещей.

- 1) Воздухъ и два покрыва изъ серебряной канвы, вышитые въ Грузинѣ въ 1818 году шелками вокругъ гирляндами изъ розановъ и посерединѣ съ крестами изъ таковыхъ Гирляндъ, обложены вокругъ широкою серебряною бахромой, а по угламъ серебряныя кисточки. 3.
- 2) Воздухъ и два покрыва бѣлаго Атласу съ вышитымъ бисеромъ цвѣтами, посерединѣ съ крестами, вышитыми золотомъ, и вокругъ обложены золотымъ шнуркомъ и таковою же бахромой, подложены бѣлымъ атласомъ, а у воздуха четыре золотыя кисти. 3.

- 3) Воздухъ и два покрыва по бѣлому бархату, рисованные съ изображеніемъ: на первомъ положеніе во гробъ Господа Іисуса Христа, на 2-мъ Спасителя съ чашей, а на 3-мъ Святого Духа въ видѣ Голубя; обложены вокругъ золотымъ гасомъ и золотою бахромою, по угламъ съ золотыми кистями, подложены бѣлымъ атласомъ 3.
- 4) Воздухъ и два покрыва желтой шелковой матеріи, обложенные золотымъ широкимъ позументомъ, а кресты узкимъ, и обшитые золотою узенькою бахромою съ золотыми малыми кистями, подложены темно-зеленымъ коленкоромъ. 3.
- 5) Воздухъ и два покрыва желтой шелковой матеріи съ серебряными крестами, обложены серебряною бахромою и у каждого по четыре кисти, подложены палевымъ коленкоромъ. 3.
- 6) Воздухъ и два покрыва золотой парчи, вокругъ обложены золотою широкою сѣткою съ кисточками 3.
- Оныя употребляются въ служеніи съ хрустальнымъ потиромъ.
- 7) Воздухъ бѣлой бархатной, на которомъ вышиты цвѣты синелю, а крестъ золотомъ съ бахромою и кистями, присланный отъ Н. Н. Надаржинской 1.
- Оной воздухъ употребляется въ праздники, въ которые священникъ выносить крестъ на головѣ.

Ризница состоящая изъ разныхъ вещей.

Званіе вещей.

- 1) Одежда на Плащаницу зеленой матеріи съ шелковыми желтыми крестами 1.
- 2) Пеленъ малиновой тафты, обшитыхъ золотою бахромой, употребляемыхъ у креста на Пасху 4.
- 3) Литоновъ тафтяныхъ алыхъ для жертвенниковъ, изъ которыхъ одинъ съ подкладкой бѣлаго атласу. 4.
- Литонъ черный тафтяной. 1.
- 4) Платковъ тафтяныхъ алыхъ для причастія священникамъ. 5.
- 5) Срачицы для жертвенниковъ бѣлаго крученого полотна, запасные. 2.
- 6) Занавѣсъ бѣлаго атласа для Петропавловскаго придѣла. 1.
- 7) Пелена золотой парчи съ двумя крестами, золотого широкаго гасу, обложена внизу кругомъ такимъ же гасомъ, по угламъ четыре золотыя кисти для причастниковъ (Графская) 1.
- 8) Пелена Левантиновая фіолетоваго цвѣту, по краямъ обложена атласомъ такого же цвѣту съ двумя крестами золотого широкаго гасу, для причастниковъ 1.
- 9) Одежда на низенькой наложникъ, парчевая, надѣвается въ Троицынъ день, внизу обшита широкимъ золотымъ гасомъ 1.
- 10) Подризниковъ малиновыхъ, одинъ Гранитуровой, а другой Объ яринной, у перваго наподольникъ обшитъ серебрянымъ гасомъ, а у другаго обшито серебрянымъ узинькимъ гасомъ 2.
- 11) Подризниковъ Голубыхъ Гранитуровыхъ съ наподольниками изъ красной съ серебромъ парчи. 2.
- 12) Подризниковъ нанковыхъ, цвѣтомъ зелено-изжелта съ золотыми маленькими крестами 3.
- 13) Епитрахиль золотой парчи, вокругъ обложена широкимъ серебрянымъ гасомъ съ такими же крестами, а внизу золотая бахрома. 1.

- 14) Набедренникъ парчевой, обложенной вокругъ широкимъ серебрянымъ гасомъ, оставшей отъ Никольской ризницы. 1.
- 15) Орарь діаконскій бархатной, малиновой, обложенной золотымъ балятикомъ, оставшей отъ Никольской ризницы. 1.
- 16) Одежда на столикъ изъ лиловой съ серебромъ парчи, а внизу обложена зеленымъ бархатомъ 1.
- 17) Одежда наложная малиноваго штофу, при ней крестъ широкаго серебрянаго гасу, по подолу во кругъ обложено такимъ же гасомъ, подложена тонкой холстиной, для наложнаго образа, въ случающіеся праздники. 1
- 18) Пелена, къ ней такого же штофу, по краямъ вокругъ обложена широкимъ серебрянымъ гасомъ, подложена бѣлымъ атласомъ; для праздниковъ подъ образъ . . . 1.
- 19) Занавесь къ Царскимъ Дверямъ въ Алексеевской предѣль, фіолетовая Левантинская 1.
- 20) Занавесь къ Царскимъ Дверямъ въ Петропавловской предѣль, изъ черной шелковой полосатой матеріи 1.
- 21) Пелена Алая Левантинская круглая, въ 1 арш. 14 вершк. безъ подкладки . . . 1.
- Оная пелена употребляется для покрыванія престоловъ.
- 22) На престолъ Андрѣевской, одежда изъ Московскаго двуличнаго Граденая, которая остается всегда на престолѣ. 1.

Ризница Вседневная.

Алая Камплетная штофу въ маѣ мѣсяцѣ 1829 года.

Званіе вещей.

- 1) Одежда на Андреевской престолѣ, крестъ большаго серебрянаго гасу, подкладка бѣлаго равендуку 1.
- 2) Покровъ на Андреевской престолѣ. Крестъ узкаго серебрянаго гасу, а вокругъ обложенъ бѣлой тесьмой, подъ нимъ подкладка малиноваго коленкору. 1.
- 3) Одежда на Андреевской жертвенникъ полная со всехъ сторонъ, а съ двухъ сторонъ кресты широкаго серебрянаго гасу 1.
- 4) Одежда на Алексѣевской престолѣ. Крестъ большаго широкаго серебрянаго гасу, подкладка бѣлаго равендуку 1.
- 5) Покровъ на Алексѣевской престолѣ, крестъ узкаго серебрянаго гасу, а вокругъ обложенъ бѣлой тесьмой, подъ нимъ подкладка малиноваго коленкора 1.
- 6) Одежда на Алексеевской жертвенникъ, полная со всехъ сторонъ, а съ двухъ сторонъ кресты широкаго серебрянаго гасу. 1.
- 7) Одежда на Петропавловской престолѣ. Крестъ большаго широкаго серебрянаго гасу, подкладка бѣлаго равендуку. 1.
- 8) Покровъ на Петропавловской престолѣ; крестъ и вокругъ обложенъ бѣлой тесьмой, подкладка подъ нимъ малиноваго коленкору. 1.
- 9) Одежда на Петропавловской жертвенникъ, полная со всехъ сторонъ крестъ бѣлой тесьмы. 1.
- 10) Одежда наложныхъ, внизу, вокругъ обшита широкимъ серебрянымъ гасомъ, кресты таковаго же серебрянаго гасу. 4.
- 11) Пелень наложныхъ, на нихъ кресты узкаго серебрянаго гасу, а всѣ они во кругъ обложены серебрянымъ широкимъ гасомъ, а по угламъ серебряныя кисти, подкладка малиноваго коленкору 4.

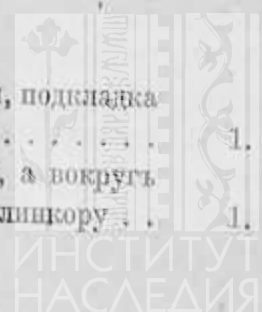
- 12) Одежда на столикъ для водо освященія, понизу вокругъ обложены широкимъ серебрянымъ гасомъ и крестъ такого же гасу 2.
- 13) Пелена на оной столикъ вокругъ обшита широкимъ серебрянымъ гасомъ, а крестъ узкаго серебрянаго гасу, по угламъ серебряныя кисти, подкладка малиноваго коленику 1.
- 14) Ризъ священническихъ, обложенныхъ по оплечью и по подолу широкимъ серебрянымъ гасомъ, а около ворота узкимъ серебрянымъ гасомъ; кресты и звезды широкаго серебрянаго гасу съ надписью по оплечью: «Боже, Боже Мой, призри на мя грѣшнаго». Подкладка подъ ними краснаго коленику 2.
- 15) Стихарь для діакона, обложенной около оплечья, по подолу и поручавамъ широкимъ серебрянымъ гасомъ, съ крестомъ такого же гасу, а около ворота обложены узкимъ серебрянымъ гасомъ, съ надписью по оплечью: «Услыши мя Тебѣ молящагося»; подкладка подъ нимъ синей крашенины 1.
- 16) Стихареи для дьячковъ, обложенныхъ около оплечья и поручавамъ широкимъ серебрянымъ гасомъ, съ крестами такого же гасу, а около ворота обложены узкимъ серебрянымъ гасомъ съ надписями по оплечью:
на 1-мъ: «Приклони ухо Твое»,
на 2-мъ: «Вразуми въ страхъ Твоемъ»,
на 3-мъ: «Исправи молитву устъ моихъ»,
на 4-мъ: «Умильно волю, укрѣпи мя». 4.
Подкладка подъ ними синей крашенины 2.
- 17) Епитрахиль обложенныхъ вокругъ широкимъ серебрянымъ гасомъ, съ крестами узкаго серебрянаго гасу, подкладка подъ ними краснаго коленику 2.
- 18) Поручей, обложенныхъ узкимъ серебрянымъ гасомъ съ крестами такого же гасу, подкладка краснаго коленику 3 пары.
- 19) Поясовъ священническихъ съ крестами узкаго серебрянаго гасу, подкладка краснаго коленику 2.
- 20) Орарь діаконской съ крестами узкаго серебрянаго гасу, подкладка подъ нимъ краснаго коленику 1.
- 21) Одежда на налои, употребляемой при всенощномъ служеніи, съ крестомъ широкаго серебрянаго гасу, подкладка белой холстины 1.
- 22) Одежда на маленькій столикъ, употребляемый въ Троицынъ день, съ крестами узкаго серебрянаго гасу подкладка бѣлой холстины 1.
- 23) Пелена на оной же столикъ, съ крестомъ узкаго серебрянаго гасу, подкладка краснаго коленику 1.
- 24) Воздухъ и два покроя, выкрашенные белокосовой матеріи въ алой цвѣтъ, обложены во кругъ серебрянымъ широкимъ прозументомъ и серебряною бахромою съ 4 серебряными кистями у каждаго, а кресты серебрянаго съ золотомъ прозументомъ подложены малиновой тафтой 3.

Великопостная Всѣдневная Ризница.

Коричневаго камлота, сдѣлана въ январѣ мѣсяцѣ 1830 года

Званіе вещей.

- 1) Одежда на Андрѣвской престолъ, крестъ широкой бѣлой тесьмы, подкладка бѣлаго равендуку 1.
- 2) Покровъ на Андрѣвской престолъ, крестъ узкой бѣлой тесьмы, а вокругъ обложенъ широкою бѣлою тесьмою, подкладка подъ нимъ темно-зеленаго коленику 1.

- 3) Одежда на Андрѣевской жертвенникъ, полная со всѣхъ сторонъ, а съ двухъ сторонъ кресты широкой бѣлой тесьмы, подкладка холстинная. 1.
- 4) Одежда на Алексѣевской престолъ, крестъ широкой бѣлой тесьмы, подкладка бѣлаго равендуку. 1.
- 5) Покровъ на Алексѣевской престолъ, крестъ узкой бѣлой тесьмы, а вокругъ обложенъ широкой бѣлой тесьмой, подкладка темно-зеленаго колникору. 1.
- 6) Одежда на Алексѣевской жертвенникъ полная со всѣхъ сторонъ, а съ двухъ сторонъ кресты широкой бѣлой тесьмы, подкладка холстинная. 1.
- 7) Одежда на Петропавловской престолъ, крестъ широкой белой тесьмы, подкладка белой холстины 1.
- 8) Покровъ на Петропавловской престолъ, крестъ узкой бѣлой тесьмы, а вокругъ обложенъ широкою бѣлою тесьмою, подкладка поднимъ темно-зеленаго колникору. 1.
- 9) Одежда на Петропавловской жертвенникъ, полная со всѣхъ сторонъ и съ одной стороны крестъ широкой бѣлой тесьмы, подкладка подъ оной холстинная. 1.
- 10) Одежды налойныхъ, понизу обложены широкой бѣлой тесьмой, съ таковыми же крестами, подкладка подъ ними холстинная 4.
- 11) Пеленъ налойныхъ, на нихъ кресты узкой бѣлой тесьмы, а во кругъ обложены широкою бѣлою тесьмою, подкладка темно-зеленаго колникору 4.
- 12) Одежда на столикъ для водоосвященія, понизу обложена вокругъ широкою бѣлою тесьмою и крестъ такой же тесьмы, подкладка холстинная. 1.
- 13) Пелена на этотъ столикъ, вокругъ обшита широкою бѣлою тесьмою, а крестъ узкой белой тесьмы, подкладка темно-зеленаго колникору. 1.
- 14) Одежда налойная для низенькаго налоя съ такой же тесьмою и холстинною подкладкою 1.
- 15) Къ оному налою пелена такая же съ холстинною подкладкою. 1.
- 16) Воздухъ и два покроя Белокосовой матеріи, окрашенные въ темную краску, вокругъ обложены серебрянымъ широкимъ гасомъ и въ серединѣ кресты такого же гасу, а по угламъ по 4 серебряныхъ кисти 3.

Старинныя вещи.

Званіе вещей.

1-е.

- Потиръ деревянный съ дѣисусомъ¹⁾ и надписью на немъ: «Шите отъ нея вси, се есть Кровь Моя Новаго Завѣта, яже за вы и за многи 1.

2-е.

- Потиръ, дискосъ, звѣзда и лжица оловянные. Потиръ съ дѣисусомъ и съ надписью: «Шите отъ нея вси, сія і есть кровь Моя Новаго Завѣта, яже за вы и за многія изливаемая во оставленіи греховъ. 4.

3-е.

- Потиръ оловянный съ надписью: «Чашу спасенія прииму и имя Господне призову». 1.

¹⁾ Дѣисусомъ называется изображенія Сазсителя нашего и посторонамъ оного изображенія Богоматери и Іоанна Крестителя.

4-е.

Число вещей.

Потиръ, дискосъ, звѣзда и лжица, оловянные, поступившіе изъ упраздненной Лятецкой церкви.	4.
Блюдечко оловянное.	1.
Ковчегъ оловянный изъ двухъ штукъ.	1.

5-е.

Потиръ старинный мѣдный, вызолоченный, поступившій изъ церкви военного поселенія Гренадерскаго Графа Аракчеева полка	1.
Къ оному потиру дискосъ мѣдный вызолоченный	1.
Звѣзда мѣдная.	1.

6-е.

Евангеліе въ четвертку писанное въ 1608 году съ образами на ономъ; распятія Господня съ предстоящими и четырехъ Евангелистовъ медныхъ вызолоченныхъ старинной работы и поступившее изъ Оскунской церкви.	1.
--	----

7-е.

Евангеліе въ листъ, Іосифское печатанное въ 1651 году, обложенное алымъ трикомъ съ мѣдною оправою	1.
---	----

8-е.

Евангеліе въ малый листъ печатанное въ Москвѣ при царѣ Петрѣ Великомъ между патриаршествомъ въ 1701 году, обложенное малиновымъ бархатомъ съ образами на немъ распятія Господня, и предстоящими и четырехъ Евангелистовъ и двухъ-Шести Крылатыхъ Ангеловъ, всѣ оное медное, вызолоченное, работы старинной	1.
--	----

9-е.

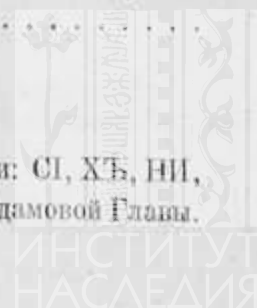
Крестъ медной въ футлярѣ краснаго сафьяну. На верхней крышкѣ футляра слѣдующія надписи, на первой сторонѣ: «Подаренъ Михайломъ Леонтьевичемъ Магницкимъ въ нов городѣ 22 ноября 1825 года въ Грузинской Соборѣ», а на второй, т.-е. внутри футляра: «Богоспасаемому Крестоносцу, благотворителю, облегчавшему тяжкій крестъ мой, подносится мною въ нов городѣ 22 ноября 1825 года. Крестъ сей, въ развалинахъ болгаръ найденный, относимый къ XII столѣтію»	1.
--	----

10-е.

Цепочка серебряная, на ней крестъ оловянный, старинные найденные въ деревнѣ Островѣ въ сопкахъ.	1.
---	----

11-е.

Крестъ каменной четвероконечной съ высѣченными на немъ буквами: СІ, ХЪ, НІ, и среди ихъ шестиконечнымъ крестомъ съ подножіемъ и изображеніемъ Адамовой Главы.	1.
---	----

12-е.

Число вещей.

Отломокъ правой ручки креста съ высѣченными словами: «И помилуй насъ». Найденъ на откосѣ горы глубиной въ сажень насыпной земли, каковыя кресты закладены были въ стѣнахъ древнія каменная церкви и бывшія разоренною въ 16-мъ столѣтіи и потомъ въ 17-мъ возобновленная при преосвящ. Новгородскомъ Митроп. Никонѣ, бывшемъ наконецъ Патріархомъ всероссійскимъ. Сія церковь разобрана до основанія въ 1806 году

1.

13-е.

Знамя Великаго князя Владимира Кіевскаго. Знамя сіе состоитъ изъ убруса или лоскута бѣлой тонкой бумажной ткани склеенной вдвое, имѣетъ въ длину $1\frac{3}{4}$, въ ширину $\frac{3}{4}$ аршина
Для онаго футляръ деревянный, оклеенный краснымъ сафьяномъ

1.

1.

14-е.

Братина мѣдная старинная, найденная въ землѣ при рытіи фундамента къ Собору, съ изображеніями на ней различныхъ фигуръ и надписью: «Братина добраго челоѡѡка».

1.

15-е.

Бакаль серебряный снаружи и внутри вызолоченный съ крышкой, старинный наподобіи съ выпуклостями съ стоящею челоѡѡческою фигурою, поддерживающею верхнюю чашу, на которой мѡѡлогическія изображенія, во внутренности крышки надпись: «Johan Georg Weixler» 1666 года. Въсѣ въ ономъ 1 фунтъ 46 зол., клада въ Грузинскій Соборъ отъ графа Петра Степановича Толстоѡѡ 6-го апреля 1824 года

1.

16-е.

Крестовъ на престольныхъ деревянныхъ, одинъ обложенъ басменнымъ серебромъ, а другой тонкой мѣдью.
Для оныхъ ящикъ яснеѡѡа дерева

2.

1.

17-е.

Блюдо для водоосвященія медное чеканное, на которомъ представленъ Ангелъ, держащій гербы двухъ фамилій, еще до сихъ поръ существующихъ въ Лифляндіи, а именно Розень и Медемъ. Около сего ангела съ гербами вычеканена слѣдующая готическая надпись въ двухъ кругахъ; въ 1-мъ: и во 2-мъ: смыслъ ихъ до сихъ поръ неизѡѡстенъ.

1.

18-е.

Старинное паникадило, мѣдное на подобіе полусарія съ прорѣзью на немъ различныхъ фигуръ съ изображеніемъ по верхнему поясу во кругъ спасителя съ предстоящими святыми и съ полунзломанной надписью: «Въ кладъ за себя и за своего сына, за Ивана лѣта 7034 года (1526 г.). «При Игуменѣ при Германѣ и при всѣхъ старцахъ по милости живоначальной троицы и святаго чудотворца никола и преподобнаго Чудотворца варлаама, наапортновъ монастырь поставилъ крестъ, серебромъ обложенъ съ муромъ съниколиннымъ на икону на никола чудот. . . Грузинскаго Собора. Паникадило поновлено 1824 года мая 1, и весится на площадныхъ прорѣзныхъ цѣвяхъ . . .

1.

Повешено въ Алексеевскомъ Придѣлѣ.

Труды XV Съѡѡда. Т. I.

71

Разные старинные священническіе одежды.

	Число вещей.
Одежда на престолъ тиковая	1.
Одежда на престолъ изъ красносельской набойки полосатой	1.
Священническая риза изъ бѣлаго холста, на которой оплечья, наподольникъ, крестъ и звѣзда красносельской набойки	1.
Епитрахиль тиковая вышитая гарусомъ вокругъ обложена краснымъ кумачомъ съ такими же крестами.	1.
Поясовъ съ кистями крещатыхъ два, одинъ изъ нихъ шелковой, другой нитяной тканые	2.
Поручей Алаго трина обшитые желтой тесемкой	2 пары.
Воздуховъ камчатныхъ разнаго цвету.	3.
Два покрывца, одинъ камчатный, другой крашенъ въ ольховой корѣ, а третьей выбойчетой	3.
Стихарей красносельской набойки	1.
Орарь пукетовой	1.
Крестъ бронзовой, въ срединѣ котораго частица мощей Св. великомученика Георгія побѣдоносца, въ ложенной въ кипарисной рѣзной образъ. Онъ доставленъ въ сей соборъ Вологодскаго Арсеньева монастыря отъ игумена Флавіана въ 1815 году въ октябрѣ месяцѣ.	1.
Для него деревянный подъ лакомъ ящикъ.	
Потиръ серебряной внутри вызолоченной старинной работы, на которомъ находятся слѣдующія надписи: «Гѣло Христова пріимите, Источника безсмертнаго вкусите, аллилуія». 2. Внизу около подножія: «Повелѣніемъ Великаго Государя Царя и великаго князя Алексея Михайловича всея руси, Самодержца и Его Благовѣрныхъ Царицы и великіе Княгини Маріи Ильиничны, сдѣланы эти сосуды въ великій Новградъ въ церковь Преп. Маріи Египетской рѣно года», т.-е. отъ сотворенія міра въ 7159 году, а отъ Рождества Христова въ 1651 году. Въсѣ въ немъ 53 зол.	1.
Тарелочекъ серебряныхъ маленькихъ въ діаметрѣ въ 2¼ верш., употребляемыя на проскомидіи. На одной гравированъ крестъ, а на другой образъ Знаменія Богоматери. Подписи на первой: «Кресту Твоему поклоняемся Владыко», а на другой: «Достойно есть яко воистину».	2.
Ящикъ, въ которомъ находятся старинные оклады съ образовъ, а именнно: венецъ большой 1; венчиковъ маленькихъ 3; подвесочковъ 2; со стариннаго Евангелія Распятіе 1; 4 евангелиста 5 шт.; рамокъ съ образовъ тисненныхъ большихъ 4 шт.; палосокъ съ образовъ тонкихъ маленькихъ 8 шт.; всего	23 шт.

Разные святые образа.

Званіе вещей.

Плащаница живописная на бѣломъ атласѣ, кругомъ надписи: «Тропарь Благообразнаго Іосифа», обшита кругомъ золотымъ широкимъ гасомъ и золотой бахромой. Къ оной пелена бѣлая, атласная обшита золотымъ узенькимъ балетикомъ въ ставковомъ же крестомъ	1.
Футляръ на оной Плащанице кругомъ съ одиннадцатью стеклами	1.
Хорурговъ живописныхъ обложенныхъ золотою бахромою у каждой по двѣ золотыя кисти, на древкахъ простаго дерева, выкрашенныхъ бѣлой краской	2.

Налойцыя образа писанные на простомъ деревѣ въ 1828 г. въ С.-Петербургѣ иконописцемъ Мануиломъ Андрѣевымъ.

Число иѣщей.

Образъ Богоявленія Господня.

- » рождества Христова.
- » въ ходъ въ Іерусалимъ.
- » вознесенія Господня.
- » Троицы.
- » Благовещенія Господня.
- » Преображенія Господня.
- » Срѣтенія Господня.
- » Рождества пресвятыя богородицы.
- » Успенія пресвятыя богородицы.

Всего налойныхъ образовъ десять, одной величины, у нихъ доски внизу и съ боковъ
выкрашены синей масляною краскою 10.

Для оныхъ образовъ рама рѣзная вызолоченная 1.

Для рамы футляръ ольховаго дерева съ надписью «Грузинскаго Собора».

На стенахъ образа.

Образъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго, написанный академикомъ Егоровымъ, въ рѣзной золоченой рамѣ.

Образъ Св. Апостола андрея Первозваннаго, писанный въ Италіи, въ рамѣ рѣзной, вызолоченной; клада Графа Орлова.

Образъ Спасителя, несущаго нарамѣ крестъ, въ клада Анны Демидовны Мякининой, собственной ея работы, въ рѣзной вызолоченной рамѣ.

Образъ воскресенія Христова, собранной изъ разноцветныхъ рудъ или камней, въ рѣзной золоченой рамѣ, за стекломъ. въ клада Маріи Яковлевны Неклюдовой.

На стенѣ блись образа Ап. Павла.

Образъ Божіей Матери съ предвечнымъ младенцемъ и съ Іоанномъ Крестителемъ, величиной въ $2\frac{1}{2}$ арш. шириной $1\frac{3}{4}$ арш. въ рѣзной золоченой рамѣ.

Надъ симъ образомъ.

Образъ Божіей Матери съ предвечнымъ Младенцемъ въ рѣзной золоченой рамѣ квадратной въ $1\frac{1}{2}$ арш. (Оные два образа въ клада покойнаго друга настаніи федоровны).

Въ Графеской комнатѣ.

Образъ Божіей Матери съ предвечнымъ Младенцемъ и Іоанномъ Крестителемъ, въ рѣзной золоченой рамѣ, въ клада покойнаго друга настаніи федоровны.

Образъ Спасителя, несущаго на рамѣ крестъ, въ рѣзной золоченой рамѣ, въ клада покойной настаніи федоровны.

Образъ Божіей Матери, держащей на лонѣ Своемъ Спасителя, въ рѣзной золоченой рамѣ, за стекломъ. Отъ дочери сенатора Болотникова Екатерины Алексѣевны Болотниковой.

Образъ Варламія Хутынскаго Чудотворца, въ рѣзной, золоченой рамѣ.

Образъ Антонія римлянина, въ рѣзной золоченой рамѣ.

На стенахъ противу Крѣлосовъ.

Число вещей.

Образъ Св. новгородскихъ угодниковъ Божіихъ, Ефрема перекольского, Саввы вишерскаго, варлаама Хутынскаго, Михаила Клопскаго; — находится на стѣнѣ противъ праваго крѣлоса, въ бронзовой полированной рамѣ, съ двумя бронзовыми подвешниками съ подписью внизу: «Грузинской Соборъ 1833 г.», на которомъ риза серебряная, съ вызолоченными вѣнцами съ слѣдующей внизу ризы надписью: «Образъ Св. Угодниковъ Божіихъ, новгородскихъ избавившихъ Грузинскую вотчину отъ заразительной на скотъ болезни; написанъ въ Тихвинѣ 1832 г.». вѣсу въ серебряной ризѣ 2 ф. 83 зол. Здѣлана мастеромъ верховцовымъ. Заплачено за ризу 326 руб.; за бронзовую раму мастеру Шрейберу 200 руб. За писаніе образа на кипарисной доскѣ въ тихвинѣ 25 руб. Всего 551 руб.

Образъ Св. Угодниковъ Божіихъ: Священномученика Власія; преподобнаго Паисія; Апостола Андрея Первозваннаго; преподобнаго Іоанна Дамаскина; Св. Велико-мученицы Варвары и Сострадательницы ея Ульянины — находится на стѣнѣ противъ леваго крѣлоса; въ бронзовой полированной рамѣ съ двумя бронзовыми подвешниками, съ подписью внизу: «Грузинскаго Собора 1833 года». На которомъ риза серебряная съ вызолоченными венцами съ слѣдующей внизу ризы надписью: «Образъ святыхъ божіихъ угодниковъ упоминаемыхъ въ ежедневной молитвѣ Гр. Ал. Анд. Аракчеева», написанъ въ Тихвинѣ 1831 года и украшен: сереб: риз: въ Спѣтербургѣ. Вѣсу въ серебряной ризѣ 3 ф. 27 зол. Здѣлана мастеромъ верховцовымъ. Заплачено за ризу 364 руб. 70 коп.; за бронзовую раму 200 руб. За написаніе образа на кипарисовой доскѣ 35 руб. Всего 599 руб. 70 коп.

Кресты напрестольныя.

Званіе вещей.

1-е.

Крестъ напрестольной серебряной вызолоченной съ частью древа животворящаго креста Господня съ надписью подъ частью древа: «Древо честнаго и животворящаго креста Господня, защитнику церкви, ревнителю правосвѣрія, Христолюбивому графу Алексѣю Андреевичу для церкви св. апостола андрея первозваннаго, что въ селѣ Грузинѣ». Сіе знамя Царя Небеснаго Христа посылается въ память вѣчную 1824 года іюля 6 дня отъ Архимандрита Фотія

1.

Для онаго креста футляръ краснаго сафьяна, середина коего возвышена и оклеена зеленымъ бархатомъ, а по краямъ онаго золотая бахромочка, во кругъ креста мѣсто, гдѣ вложены искусственные французскіе цвѣты; футляръ этотъ вкладывается въ бумажную кордонку

1.

Этотъ футляръ съ крестомъ и цвѣтами употребляется въ церковныхъ праздникахъ съ цвѣтами бываемыхъ.

2-е.

Крестъ напрестольной, серебряной, вызолоченной съ образами, писанными на финифтѣ распятія Господня. По сторонамъ Богоматерь, Іоаннъ богословъ; сверху бого-Отецъ, а внизу моленіе о чаше; все оныя образа украшены вокругъ камнями, а съ другой стороны, изображены на золотѣ резьбой, Страсти Господни съ надписью: «Защитнику православной церкви и вѣры христовой, христолюбивому Графу Алексѣю Андреевичу Аракчееву, для церкви его во имя Св. Ап. Андрея Первозваннаго, что въ селѣ Грузинѣ

ИСТОЧНИК
НАСЛЕДИЯ

1824 года 6 августа, отъ Архимандрита Фотія». въ футлярѣ краснаго сафьяна, внутри оклеенъ голубымъ бархатомъ 1.

3-е.

Крестъ напрестольной серебряной, литой, вокругъ вызолоченной въ 1652 году сентября въ 1 день, подаренъ въ сію церковь Грузинскимъ уроженцемъ преосвященнѣйшимъ Мисаиломъ, архіепископомъ Рязанскимъ и Муромскимъ, убиеннымъ 1655 года въ Мордвѣ, за проповѣданіе Христіанской вѣры. На семь крестѣ вырѣзаны Образа: съ передней стороны ниже распятія Господня Св. Ап. Андрея, а съ задней стороны Архангела Михаила. Подъ симъ изображеніемъ надпись: «Дать сій Святый и Животворящій крестъ Христовъ по своему обѣщанію и по своихъ родителей, въ вѣчную память преосвященнѣйшаго Мисаилъ, Архіепископъ Рязанскій и Муромскій, въ церковь Св. Ап. Андрея Первозваннаго, на погостъ Грузино» лѣта 7161 (1653) года сентемвріа въ 6 (1) день». 1.
Для онаго креста футляръ краснаго сафьяна, а въ серединѣ оклеенъ замшею. 1.

4-е.

Крестъ напрестольной, серебряной, вызолоченной, тисменой, большой, на коемъ клеймо 1798 года, подаренъ грузинскимъ крестьяниномъ Агафономъ Панкратьевымъ, вновь вызолоченной Графомъ въ 1829 году. Оной употребляется въ воскресномъ служеніи 1.
Для него футляръ краснаго сафьяна, а въ серединѣ оклеенъ чернымъ плисомъ 1.

5-е.

Крестъ напрестольной серебряно-вызолоченной, работы тисменой, малой, на коемъ клеймо 84-ой пробы 1798 года 1.
Оной употребляется въ ежедневномъ служеніи.

6-е.

Крестъ напрестольной дѣревянной, рѣзной, съ изображеніемъ на немъ съ одной стороны распятія Господня, четырехъ предстоящихъ и двухъ Евангелистовъ; а съ другой богоявленіе Господня, благовѣщенія богородицы, Св. Ап. Петра и Павла и двухъ Евангелистовъ. На него въ 1811 году сдѣлана серебряная оправа, въ которую употреблено серебра 57 зол., заплачено 63 руб. 45 коп., на коемъ надпись «Грузинскаго Собора. 1811». 1.
Оной употребляется въ ежедневномъ служеніи.

7-е.

Крестъ серебряной, вокругъ вызолоченной, подаренъ въ Соборъ отъ Графа Аракчеева, коему достался отъ его родителей, внутри его въ кипарисѣ помѣщены слѣдующія частицы:

Часть дерева креста Господня. Св. мощей: (1) Ап. Матвѣя; (2) Ап. Луки; (3) ап. Марка; (4) ап. Андрея Первозваннаго; (5) ап. Филиппа; (6) ап. Лессона; (7) ап. Варооломея; (8) ап. Тимофея; (9) ап. Тита; (10) ап. Архидіакона Стефана; (11) ап. Іакова; (12) ап. Варнавы; (13) ап. Фадея; (14) Равноапостольнаго царя Константина; (15) Св. Богоотцовъ Іоакима; (16) Анны; (17) Св. пророка Даниїла; (18) Игнатія Богоносца; (19) Святителей Василия Великаго; (20) Григорія Богослова; (21) Іоанна Златоустаго; (22) Григорія неокесарійскаго; (23) Св. Николая чудотворца; (24) Іоанна милостиваго; (25) Гурія; (26) Германа;

- (27) варсонофія казанскихъ чудотворцевъ; (28) Харлампія великомучениковъ; (29) Георгія побѣдоносца; (30) Димитрія солунскаго; (31) Димитрія царевича; (32) Адриана; (33) Христофора; (34) Миши; (35) Гермогена; (36) Евстратія; (37) Преп. сергія чудотворца; (38) Саввы Освященнаго; (39) Александра свирскаго; (40) Александра невскаго; (41) Лазаря праведнаго; (42) Маріи магдалины; (43) Анастасіи римляныни; (44) Благовѣрныхъ князей Θεодора и (47) Давыда Ярославскихъ 1.

8-е.

Крестовъ, розданныхъ при открытіи памятника 19 ноября 1833 года съ бронзовыми цепочками:

- Золотой повѣшенъ, на местномъ образѣ Св. ап. Андрея Первозваннаго. 1.
Бронзовой повѣшенъ на Ангелѣ бронзовомъ у Гробового Графскаго камня 1.

Евангеліи и Апостолы въ служеніи употребляемые.

Званіе книгъ.

Е в а н г е л і и.

1-е.

Евангеліе въ доскахъ безъ оправы, печатанное въ Москвѣ 1759 года на Александрійской бумагѣ, самаго большаго листа; подарено преосвященнѣйшимъ Августинѣмъ Архіепископомъ Дмитровскимъ и Св.-Троицкой Сергіевой Лавры свящ. архимандритомъ Графу Алексею Андреевичу въ Москвѣ 1816 года 1.

2-е.

Евангеліе въ листъ, на Александрійской бумагѣ, мерою въ 11¹/₂ вершк. съ коваными серебряными и вызолоченными досками; на немъ съ передней стороны по срединѣ образъ воскресенія Христова, а по угламъ четырехъ Евангелистовъ, писаны на финифте. Окружность всѣхъ пяти этихъ образовъ и сверхъ короны унизаны камнями. Съ задней стороны вычеканенъ образъ Пресв. Богородицы съ предстоящимъ ей Лицомъ Святыхъ праотцовъ и пророковъ, на коронѣ вычеканены разныя изъ Ветхаго Заветъа прообразованія изъясняющія отъ Непорочнаго Девы Зачатіе Сына Божія. На застѣшкахъ же отлиты изображенія Св. Ап. Петра и Павла въ клада Графа Аракчеева, ко дню освященія предѣла святыхъ ап. Петра и Павла, декабря 1 дня 1807 года. Заплачено 500 руб. Печатано при Императорѣ Павлѣ I въ Москвѣ 1800 года 1.

Оное употребляется съ Андреевской, Александровской и Новгородской ризницами.

Для него футляръ красной, сафьянной, оклеенной въ срединѣ чернымъ плюсомъ съ замкомъ и ключомъ 1.

3-е.

Евангеліе въ большой листъ, мѣрою въ 11 вершк. печатанное въ Москвѣ въ 1815 году, обложенное бѣлымъ бархатомъ съ рисованными Гирляндами изъ розановъ и крестами, съ одной стороны на таковомъ крестѣ Образъ распятаго Спасителя, литой, серебряной и надъ онымъ крестная надпись таковая же, а съ другой стороны по угламъ четыре ножки

серебряныя и вокругъ всего Евангелія, края и корѣнь обложены серебромъ съ чеканкой серебра всего вѣсомъ 6 ф. 20 зол. ценою каждый фунтъ по 100 руб., а всѣ 620 руб. 83 коп. заплачено за тафту на подклейку 10 руб. Переплетчику 50 руб. и за книгу 20 руб. Всего кромѣ бархата 700 руб. 83 коп. 1.

Оное употребляется съ Парижской ризницей.

Для онаго Евангелія футляръ краснаго сафьяна, внутри оклеенный замшей, окованный мѣдью, заскобками и замкомъ снадписью: «Евангеліе Грузинскаго Собора. Заплачено 60 руб.» 1.

4-е.

Евангеліе въ листъ, мерою $7\frac{1}{2}$ вершк., обложенное зеленою матеріею съ золотыми крестами и съ серебряною вызолоченною оправою въ срединѣ Господь вседержитель и 4 евангелиста, а снизу крестъ и 4 наугольника. Печатано въ Москвѣ при Императорѣ Павлѣ I въ 1798 году 1.

Оное употребляется съ военной ризницею.

Для онаго ящикъ, оклеенный внутри холстомъ 1.

5-е.

Евангеліе въ большой листъ, мѣрою въ 10 вершк. обложенное Голубымъ бархатомъ, въ срединѣ Воскресеніе Христово, а на углахъ 4 Евангелиста, а снизу крестъ съ 4 наугольниками серебряные вѣсомъ 1 ф. 52 зол. Цѣна 347 руб. 25 коп. Печатано въ Москвѣ 1763 году 1.

Оное употребляется съ Алексеевской ризницей.

Для онаго ящикъ, выкрашенной красной краской 1.

6-е.

Евангеліе въ малой листъ, мѣрою $6\frac{1}{2}$ вершк., обложенное фіолетовымъ бархатомъ въ срединѣ Воскресеніе Христово и 4 евангелиста, а снизу крестъ съ 4 наугольниками серебряные. Печатано въ Москвѣ 1679 года при Петрѣ Великомъ 1.

Оное употребляется съ фіолетовой ризницею.

Для онаго ящикъ ясный, оклеенный внутри холстомъ 1.

7-е.

Евангеліе въ листъ, мѣрою въ $8\frac{1}{2}$ вершк., обложенное малиновымъ бархатомъ съ ли-
тими на ономъ Образами распятія Господня съ предстоящими и четырехъ Евангелистовъ
серебряные вызолоченные, старинной работы съ серебряно вызолоченною же оправой
и на другой сторонѣ; печатанное въ Москвѣ 1821 года 1.

Оное употребляется при белокосовой ризницѣ. Для него ящикъ ясной съ крыш-
кою оклеенной внутри холстомъ 1.

8-е.

Евангеліе въ листъ, мѣрою 10 вершк., обложенное чернымъ бархатомъ съ серебря-
ной съ обѣихъ сторонъ оправой, вѣсомъ 73 зол., заплачено за оное 175 руб. февраля
6 дня 1812 года; печатанное въ Москвѣ 1805 года 1.

Оное употребляется съ траурной ризницей.

Для онаго ящикъ простого дерева внутри оклеенный холстомъ 1.

Евангеліе малое, обложенное со всѣхъ сторонъ серебромъ съ чеканкою, мѣрою въ 5 вершк., на коемъ съ передней стороны изображено барельефомъ Воскресеніе Господа Іисуса Христа съ Ангеломъ и стерегущими воинами, а на задней сторонѣ изображено на Голгофѣ крестъ со всѣми принадлежностями, а на корнѣ изображеніе стараго и новаго Заветъ. Гладкіе мѣста серебряныхъ досокъ вызолочены, вѣсу въ оной оправѣ 2 ф. серебра 58 зол. Сдѣлано серебряныхъ дѣлъ мастеромъ верховцовымъ и вырезана слѣдующая подпись: «Графъ Аракчеевъ въ Грузинскомъ Соборѣ 1832 года».

1.

Заплачено за оправку серебра по 135 руб. за фунтъ, 351½ руб. да за позолоту 45 руб. Всего 396½ руб.

Оное Евангеліе обдѣлано серебромъ, хорошою работою, почему и должно осторожно его употреблять.

Къ оному Евангелію колпакъ хрустальный, цельной, оправленной бронзой. Заплачено 10 руб.

1.

Апостолы.

Апостолъ, печатанный въ Москвѣ 1797 года въ сафьянномъ зеленомъ переплетѣ съ золотомъ, въ клада Гр. Аракчеева 25 маіа 1820 года.

1.

Для употребленія во время служенія съ ризницами Андрѣевской и военной (въ бумажномъ футлярѣ).

Переплетъ на немъ сдѣланъ переплетчикомъ Библейскаго Общества англичаниномъ, коему заплачено за работу 60 руб.

Апостолъ обложенной краснымъ сафьяномъ съ серебряною съ обѣихъ сторонъ, по срединѣ и по угламъ оправой, въ клада Графа Аракчеева въ 1810 году.

1.

Въ бумажномъ футлярѣ. Оное употребляется съ Александровской ризницею.

Апостолъ, печатанный въ Москвѣ въ 1809 году, обложенный бѣлымъ бархатомъ съ рисованными Гирляндами изъ розановъ и крестами, въ портфелѣ красного сафьяна; внутри подъ битый голубою тафтою, на корнѣ съ надписью: «Грузино 1820 годъ января 1 дня»

1.

Оной употребляется съ Парижской ризницей.

Для оваго футляръ красного сафьяну.

1.

Апостолъ обложенный чернымъ бархатомъ съ серебряною съ обѣихъ сторонъ, по срединѣ и по угламъ оправой. Сдѣланъ въ Москвѣ отъ Графа Аракчеева, въ даръ сему Собору августа 30 дня 1816 года. Заплачено за серебро 75 руб.

1.

Въ бумажномъ футлярѣ. Оное употребляется съ траурною ризницею.

Евангеліе въ большой листъ величиной въ длину 12 вершк., въ ширину 8¾ вершка; оправленное кругомъ досками толстыми изъ серебра, въ которомъ вѣсъ серебра 20 фунтовъ 36 зол.; на верхней сплошной доскѣ серебряной находятся пять образовъ на финифтѣ Амаліею писанныя, изъ коихъ средній представляетъ Тайную Вечеръ Господа Нашего Іисуса Христа, апрочіе образа представляютъ четырехъ Евангелистовъ: сверху Іоанна и Матфея, а внизу Луки и Марка, оные образа оправлены рѣзными серебряными рамками. Бордюръ верхней доски составляетъ въ четырехъ углахъ четыре Россійскіе двухъглавыя орлы съ вѣнзелемъ покойнаго Императора Александра І. На боковыхъ сторонахъ этого бордюра между орлами на каждой сторонѣ находится сверху римское одиннадцатое число, означающее ноябрь мѣсяцъ, въ срединѣ факелы, а внизу

19 число, день кончины Императора; все оные знаки сдѣланы барельефомъ, а вся доска вызолочена. Корень Евангелія есть литой, серебряной, вызолоченной, на коемъ находятся два орла съ вѣнцемъ, два всевидящія ока, два креста, римское одиннадцатое число, факелы и 19 число, все оное сдѣланы барельефомъ. На нижней сплошной серебряной доскѣ означенъ крестъ, въ коемъ находится пять круглыхъ образовъ на финифтѣ Амаліею писанные, означающіе лики св. Божіихъ угодниковъ, 12 декабря Спиридона Епископа Тримифійскаго, 12 марта Феофана исповедника Сиргійскаго, 30 августа Благословеннаго Князя Александра Невскаго, 19 ноября Пророка Авдія, 23 сентября Зачатіе предтечи и Крестителя Господня Іоанна, а внизу оставлено для шестого образа мѣсто, въ которое долженъ быть написанъ и вставленъ образъ того угодника, въ который день скончался строитель Грузинскаго Собора. Внизу этого креста съ одной стороны вырѣзанъ гербъ Г. А. а съ другой стороны вырѣзана слѣдующая надпись: «Графъ Алексѣй Аракчеевъ въ Грузинскій Соборъ 1833 года». Евангеліе сіе сдѣлано 1833 года ко дню открытія въ Грузинѣ памятника покойному Императору Александру Благословенному, серебр. дѣлѣ мастеромъ верховцевымъ. Заплачено за каждый фунтъ въ дѣлѣ серебра съ работой по 135 руб. всего 2750 руб. За позолоту всего евангелія, т.е. серебряныхъ досокъ заплачено 350 руб. За писаніе образовъ на финифтѣ писанныхъ въ Ростовѣ 200 руб. Всего обошлось это евангеліе 3300 руб. Въ этомъ Евангеліи сдѣланы собственной Г. А. рукой надписи, касающіяся до открытія поставленнаго въ Грузинѣ памятника Его благодѣтелю Покойному Императору Александру Благословенному.

1.

Священныя серебряныя сосуды и вещи къ утвари принадлежащія.

Званіе вещей:

1-е.

Ковчегъ серебряной, вызолоченной, въ нижней части котораго, съ передней стороны изображено чернедью положеніе во Гробъ Господа Іисуса Христа, въ верхней части распятіе Господи съ предстоящими, на углахъ два вышитыхъ Ангела съ рипидами, съ верху же Главы Іс. Хр. въ сіяніи. Въ немъ для храненія святыхъ даровъ два ящичка серебряные, въсѣ въ немъ 3 ф. 3 $\frac{1}{2}$ зол.

1.

2-е.

Дороносица серебряная наподобіе книги въ которой два хрустальныя и серебромъ оправленные сосудца и две трубочки серебряныя съ кисточками для помазыванія Крещаемыхъ святымъ миромъ Іелеемъ и маленькіе ножницы; сдѣлана 1807 года мая 12 дня Графомъ Аракчеевымъ. Въсѣ въ ней 1 ф. 76 зол.

1.

3-е.

Кисточка круглая серебряная, длиною 2 $\frac{1}{2}$ вершк. для миропомазанія. Въсѣ 6 зол. Подпись на оной Г. А. въ Грузинскій Соборъ 1829 года.

1.

4-е.

Потиръ серебряный внутри вызолоченный для всенеднежнаго служенія, старинной работы. Въсѣ 1 ф. 39 зол.

1.

Труды XV Съѣзда. Т. I.

5-е.

Число вещей.

- Для всенѣвнаго служенія къ оному потиру, слѣдующія, священныя вещи.
Лжица серебряныхъ вызолоченныхъ, снабженъ на одной: «Грузинской Церкви»,
а на другой клеймо «1803 года». 2.

6-е.

- Потиръ серебряной, вызолоченной съ восемью на финифть писанными образами,
и съ камнями для воскреснаго служенія, купленъ въ С.-Петербургѣ за 200 руб.
въ 1803 году 10 марта. Вѣсъ немъ 3 ф. 18 зол. 1.

7-е.

- Для всенѣвнаго и воскреснаго служенія:
Дискосъ серебряной, мѣстами вызолоченной. Вѣсъ 1 ф. 12 зол. 1.
Звѣзда серебряная мѣстами вызолочена. Вѣсъ 31 зол. 1.
Тарелочекъ серебряныхъ въ діаметрѣ 4¹/₂ вершк. по серединѣ вычеканенъ крестъ.
Въ 1-й вѣсу 48 зол.; во 2-й 42 зол. На нихъ надписъ: «Г. А. въ Грузинскій Соборъ
1829 года». 2.
Копьевъ серебряныхъ, вѣсомъ большое копье 10¹/₂ зол.; малое 7 зол. Надписъ
на каждомъ: «Г. А. въ Грузинскій Соборъ 1829 года». 2.
Кисточка плоская, а ручка круглая, длиною 2 вершка для проскомидіи; вѣсомъ
6 зол. На ней надписъ: «Г. А. въ Грузинскій Соборъ 1829 года». 1.
Для копьевъ и кисточекъ черный, сафьянный футляръ. 1.

Праздничные сосуды.

8-е.

- Потиръ серебряной, внутри вызолоченной, по верху вокругъ съ латинской над-
писью: «Soli Deo Gloria», а на подножій: «Въ Грузинскій Соборъ, отъ Гр. Аракчеева, изъ
Франкфурта-на-Майнѣ 1813 года».
Заплачено за него 20 червонцевъ по 12 руб. каждый, составитъ на ассигнаціи 240 руб.
Вѣсъ въ немъ 1 ф. 74 зол. 1.
Для онаго футляръ, оклеенный черной кожей, а внутри замшей. 1.

9-е.

- Лжица серебряная, вызолоченная, сдѣланная на старинный манеръ, данная Гра-
фомъ Аракчеевымъ въ Грузійскій Соборъ, для употребленія съ серебрянымъ сосудомъ,
вызолоченнымъ, сдѣланнымъ изъ стариннаго бокала съ надписью: «1822 г. 23 сен-
тября Г. А. А.». 1.

10-е.

- Потиръ серебряной, внутри вызолоченной, искусной работы съ надписью на верху:
«Святая Святыхъ», а внизу «1824-го года 29 марта изъ Парижа въ Грузинскій Соборъ,
Графъ Аракчеевъ». Вѣсъ въ немъ 1 ф. 90 зол. Заплачено 457 руб. 1.
Для него футляръ зеленой сафьянной, внутри оклеенъ красной лайкой съ зам-
комъ. 1.

11-е.

Число вещей.

Потиръ серебряной, весь вызолоченной, передѣланной серебряникомъ помо, изъ бакала старинной работы, положеннаго въ клада Соборъ г-жей генераль-маіоршей Тюцковой, урожденной Нарышкиной вънутри по поверхности края снаружы вновь оправлены, на воскраін помѣщены 4 маленькіе образа, писанные на финифть снадѣсью между ними: «Святая святыхъ», а поподножію украшенъ зелеными камешками. Въ бакалѣ было вѣсу 2 ф. 86 зол., а въ передѣлку прибавлено 1 ф. 82 зол. Итого 4 фунта 72 зол. 1.
Для онаго красный, сафьянный футляръ. 1.

12-е.

Для праздничнаго служенія, къ обозначеннымъ потирамъ слѣдующія священныя вещи: 1.
Дискосъ серебряной весь вызолоченной. 1.
Звѣзда серебряная, вся вызолоченная 1.
Лжица серебряная, вызолоченная 1.
На этихъ трехъ вещахъ надписи: «Графъ Аракчеевъ въ Грузинскій Соборъ 1814 г.». Въ нихъ вѣсъ 1 ф. 10 зол. За которые и заплачено 201 руб. 25 коп. 1.
Для нихъ футляръ, зеленого сафьяна, внутри оклеенъ замшей съ замочкомъ. 1.

13-е.

Тарелочекъ серебряныхъ вызолоченныхъ въ діаметрѣ $4\frac{1}{4}$ верш. по серединѣ вычеканенъ крестъ. Въ 1-й вѣсъ — 52 зол.; во 2-й — 48 з. надписи на оныхъ: «Г. А. въ Грузинскій Соборъ 1829 г.». 2

14-е.

Копьевъ серебряныхъ вызолоченныхъ; большое вѣсомъ $10\frac{1}{2}$ зол. малое 7 зол. 2.
Для нихъ красный сафьянный футляръ 1.

Серебряныя вещи, къ утвари принадлежація.

15-е.

Блюдо овальное для употребленія при водоосвященіи, старинной работы серебряное, мѣстами вызолоченное, куплено въ Москвѣ Графомъ Аракчеевымъ въ 1806 г. за 175 р. въ которомъ вѣсу 3 ф. 11 зол. 1.
Для онаго ящикъ простаго дерева обитый внутри зеленымъ сукномъ 1.

16-е.

Чарочекъ серебряныхъ, внутри вызолоченныхъ, съ крышками, которыя употребляются на всенощномъ бдѣніи для вина и іелея въ клада отъ графа Аракчеева въ 1806 г. Вѣсъ въ нихъ 91 зол. 2.

17-е.

Ковшичекъ серебряной вызолоченной, данъ въ Грузинскій Соборъ отъ бывшаго въ Кавказской области г-на Вице-губернатора Целова, вѣсъ $8\frac{1}{2}$ зол. употребляется также у всеночнаго, для пшеницы. 1.
72*

18-е.

Число вещей.

Блюдо круглое серебряное, по краямъ съ отлитыми бусами, подарено отъ графа Аракчеева для собиранія денегъ въ Соборѣ, вокругъ него надпись изъ пророка Аггея, главы 2-ой, стихъ 10-й. «Глаголетъ Господь Вседержитель и миръ души въ снабдѣніе всякому зияющему еже воставити церковь сію».

Сдѣлано 1807 года 12 мая. Вѣсъ въ немъ 1 ф. 94¹/₂ зол. 1.

19-е.

Тарелочка антидорная, круглая, старинной работы, серебряная, мѣстами вызолоченная, на ней надпись «отъ Гр. Аракчеева въ Грузинскую Церковь 1807 г. Цѣна 75 р.» 1.

20-е.

Тарелочка антидорная, круглая подобная первой, подарена въ Соборъ, въ январе, мѣѣ 1818 г. съ сею надписью на оной: «въ клада въ Грузинскій Соборъ Св. Андрея Первозваннаго отъ Прасковьи Ивановны Ильиной, урожденной Санбуровой, въ ней вѣсъ 74 зол. 1.

21-е.

Тарелочка антидорная серебряная, вызолоченная со звѣздочками, подарена отъ Графа Аракчеева 1807 года 12 мая. Вѣсъ 42 зол. 1.

22-е.

Ковшичекъ серебряной съ надписью: «Грузинской Церкви отъ Гр. Аракчеева въ 1806 году. Вѣсомъ 27 зол.» Употребляется съ потиромъ всеневнымъ 1.

23-е.

Ковшичекъ серебряной съ надписью: «Грузинской Церкви». Подаренъ отъ Гр. Аракчеева въ 1807 году. Вѣсомъ 45 зол. Употребляется съ потиромъ воскреснымъ. . . 1.

24-е.

Ковшичковъ серебряныхъ внутри вызолоченныхъ, подаренныхъ отъ Гр. Аракчеева 1802 года. Вѣсъ въ одномъ 21 зол. Въ другомъ 17 зол. 2.
Оныя ковшечки запасныя.

25-е.

Ковшичекъ старинной работы, серебряно-вызолоченной съ двумя камнями голубой бирюзы съ слѣдующей надписью: «Лѣта 7138 (отъ Р. Хр. 1630 г.) на праздникъ входа во Иерусалимъ Господа Нашего Иисуса Христа преосвященный Матвей митрополитъ Казанскій и Свѣяжскій симъ ковшемъ благословилъ Царскаго Величества воеводу Тимла¹⁾ Юдича Луговскаго, какъ подъ нимъ на тотъ Господень праздникъ велъ осла въ Казани». Привезено графомъ Аракчеевымъ изъ Москвы 1816 года къ 30 ноябрю дню Храмоваго праздника Св. Ап. Андрея Первозваннаго въ кладъ генерала-маіора Ильина, вѣсомъ 47 зол. Оной употребляется съ потирами праздничными 1.

¹⁾ Тимолая.

26-е.

Число вещей.

Бакаль серебряной малой чешуей съ надписью: «Грузинской Церкви 1809 г. Вѣсомъ 49 зол.», Употребляется при бракахъ, безъ крышки. 1.
Для онаго футляръ краснаго дерева оклеенной внутри байкою 1.

27-е.

Финикъ для кропленія святой водой въ серебряной оправѣ сдѣланъ въ 1809 г. 1.
Графомъ Аракчеевымъ за 26 руб. 84 коп. Вѣсу 58 зол.

28-е.

Ладоница серебряная сдѣлана въ 1812 г. за 75 руб. Вѣсу 75 зол. 1.

29-е.

Кадило серебряное, вызолоченное съ надписью на немъ: «Въ Грузинской Соборъ отъ Гр. Аракчеева 1816 г.». Оно внесено Графомъ въ Соборъ на праздникъ Св. Пасхи апрѣля 9-го. На позолоту кадила употреблено 6 червонцевъ. Вѣсъ 1 ф. 51½ зол. Заплачено 242 р. 44 к. 1.
Для этого кадила ящикъ корельской березы, внутри оклеенной зеленымъ бархатомъ, съ замочкомъ. 1.

30-е.

Кадило серебряное съ прорѣзью, на которомъ вырѣзано слѣдующія слова: «Въ кладѣ въ Грузинской Соборъ изъ Москвы, Гр. Ал. Андр. Аракчеева 30 ноября 1823 года». 1.
При немъ футляръ обложенный краснымъ сафьяномъ 1.

31-е.

Кадило серебряное, въ кладѣ Графа, прислано изъ Москвы 1817 г. на праздникъ Св. Ап. Андрея Первозваннаго, съ надписью на немъ: «Въ Грузинскій Соборъ отъ Гр. Аракчеева 1817 г. ноября 30 дня. Вѣсомъ 1 ф. 25 з. 1.
Для онаго ящикъ простаго дерева, внутри оклеенный зеленымъ сукномъ.

32-е.

Кадило серебряное, въ кладѣ Грузинскаго крестьянина Агафона Панкратьева въ 1799 году. Вѣсу 1 ф. 25 зол. 1.

33-е.

Кадило новое серебряное короткое, сдѣланное графомъ для употребленія при служе- ній, гдѣ не позволяеть мѣсто употреблять обыкновенное кадило. Вѣсомъ 1 ф. 5 зол. Подпись на ономъ: «Гр. Аракчеева 1829 года 1.

34-е.

Въ предѣлѣ Трехъ Святителей предъ мѣстными образами, лампадочекъ серебряныхъ прорѣзныхъ, которые куплены Гр. Аракчеевымъ въ Москвѣ 1816 г. за 162 руб. 40 коп. Вѣсомъ 1 ф. 20 зол. 2.

35-е.

Число вещей.

Въ томъ же придѣлѣ надъ Царскими Дверями въ верхнемъ ярусѣ, предъ образомъ Гихвинской Богоматери, лампада серебряная съ таковыми же цѣпочками. На сей лампадѣ надписи: «Въ Грузинскій Соборъ, Графъ Аракчеевъ 1817 г. марта 25-го дня, въ день св. Пасхи и Благовѣщенія Богоматери». Вѣсъ 4 ф. 30 зол. 1.

36-е.

Лампада серебряная сдѣланная мастеромъ Гетлундомъ, съ цѣпочкой и съ надписью: «Въ Грузинскій Соборъ, отъ Графа Аракчеева 1821 г. 10 апрѣля, къ образамъ родительскаго благословенія». Вѣсъ 2 ф. 45 зол. Цѣна 283 руб. 50 коп. 1.

37-е.

Лампада серебряная, сдѣланная мастеромъ Гетлундомъ, съ цепочкой и надписью: «Въ Грузинскій Соборъ, Св. Ап. Андрея Первозваннаго, отъ гр. Аракчеева въ день Христовой Пасхи 2-го апрѣля 1822 года». Къ образамъ пріятелями графскими принесенные въ даръ сего собора; вѣсомъ 2 ф. 64 зол. 1.

38-е.

Лампадъ серебряныхъ къ образу Пресвятой Богородицы всѣхъ скорбящихъ радости, каждая для 7 свечей и о трехъ цепяхъ, съ надписью: «въ клада въ Грузинскій Соборъ С.-Петербургскаго полицмейстера полковника Чихачева 25 декабря 1823 г.». Вѣсомъ въ 1-я 2 ф. 49 зол., а 2-я 2 ф. 47 зол. 2.

39-е.

Подсвѣчники для употребленія во время служенія въ светлое Христово Воскресеніе одинъ серебряной вызолоченной вѣсомъ 1 ф. 81 зол., а другой серебряной безъ позолоты, вѣсомъ 2 ф. $\frac{1}{2}$ зол., съ вырѣзанной на ручкахъ слѣдующею надписью: «въ клада Графа А. А. Аракчеева въ Грузинской Соборъ, въ день Воскресенія Христова 29 марта 1825 года»; въ футлярахъ, обитыхъ краснымъ сафьяномъ съ бронзовымъ приборомъ, съ таковою же, какъ и на подсвѣчникахъ надписью. 2.

Ложка серебряная столовая, употребляемая для поминовѣнія, вѣсомъ 15 зол. Чеканка на оной Грузинскаго Собора. 1.

Для Вседневнаго служенія.

Потиръ серебряной внутри вызолоченной, съ надписью на немъ: «Въ Грузинской Соборъ, гр. Аракчеевъ 1829 года, для вседневной службы весу 2 фунта. 1.

Дискосъ серебряной съ надписью: «Въ Грузинской Соборъ Гр. Аракчеевъ 1829 года, для вседневной службы. Вѣсъ 1 ф. $30\frac{1}{2}$ зол. 1.

Звѣзда серебряная. Вѣсу 38 зол. 1.

Тарелочекъ серебряныхъ въ діаметрѣ $3\frac{1}{4}$ верш.; по серединѣ вычеканенъ крестъ: въ 1-й вѣсу $18\frac{1}{2}$ зол., во второй $18\frac{1}{2}$ зол., на оныхъ надписи: «Въ Грузинскій Соборъ Гр. Аракчеевъ для вседневной службы 1829 года» 2.

Серебряный гробикъ для содержанія свѣтъ на панихидномъ столѣ, вѣсомъ 5 ф. $27\frac{1}{2}$ зол. ценою по 120 руб. фунтъ, сдѣланной въ 1831 г. мастеромъ берелѣмъ, на коемъ надпись на днѣ: «Гр. Аракчеевъ, въ Грузинской Соборъ 1831 г.» 1.

Лжица серебряная вызолоченная съ надписью: «Грузинскій Соборъ Гр. Аракчеевъ 1829 года, для вседневной службы». Вѣсу $5\frac{1}{2}$ зол. 1.

Ризы и оклады серебряныя на Святыхъ иконахъ

Званіе вещей.

Въ главномъ предѣлѣ Св. Ап. Андрея.

1-е.

На мѣстномъ образѣ Св. Ап. Андрея Первозваннаго, риза серебряная, вызолоченная на ней венець такой же съ камнями, въ нихъ вѣсу 5 фун., которые сдѣланы гр. Аракчеевымъ 1806 г. марта 13 дня. Заплачено за серебро и работу 417 р. 40 к.

На семь же образѣ вокругъ житія Апостола, окладъ серебряный, сдѣланъ въ память благополучнаго возвращенія графа изъ похода въ 1814 году. Въ немъ 12½ фунт. Заплачено за серебро и работу 1500 руб. Вся риза стоитъ 1917 руб. 40 к. Между ризой и окладомъ на этомъ образѣ, поле покрыто стариннымъ басемнымъ окладомъ.

2-е.

На мѣстномъ образѣ Покрова Пресвятой Богородицы, риза серебряная, мѣстами вызолоченная, а именно: на Спасителѣ, Богоматери и четырехъ Евангелистахъ — ризы, а на прочихъ Святыхъ вѣнцы вызолочены.

Сія риза сдѣлана гр. Ал. Ан. Аракчеевымъ въ память, полученнаго имъ собственноручнаго указа Государя Императора Александра Перваго изъ мѣстечка Таурогена отъ 18-го іюня 1807 г. о пожалованіи Графа Генераломъ-отъ-Артиллеріи. Вѣсу въ ней 34 фун. 42 зол. Заплачено за серебро и работу 1457 руб.

Онаго же предѣла во Святомъ Олтарѣ.

3-е.

Крестъ запрестольный выносный, кипарисной съ изображеніемъ на немъ съ правой стороны распятія Господня и въ четырехъ кругахъ Господа Саваоа, Богоматери и Св. Ап. Іоанна Евангелиста и Андрея Первозваннаго, а съ левой стороны въ пяти кругахъ Спасителя, несущаго крестъ, Знаменія Богоматери, Святителя Алексея митрополита Московскаго, Архангела Михаила и мученицы Анастасіи. Кругомъ обложенъ серебромъ, посрединѣ съ двойнымъ сіяніемъ, а внизу онаго съ правой стороны подписано: «Гр. Аракчевъ въ Грузинской Соборъ 30 ноября 1818 года въ день Св. Ап. Андрея Первозваннаго», а съ левой: «вѣсу серебра 15 фун. и 24 зол.»

4-е.

Образъ Тихвинской Богоматери, которой мѣрой и подобіемъ противъ чудотворнаго ея образа, риза серебряная, вѣсомъ 7 фун., сдѣлана въ 1772 г. дѣвицей Евдокіей Θεодоровной Сназиной, а образъ писанъ въ 1745 г.

Въ предѣлѣ Трехъ Святителей Петра, Алексѣя и Іоны
Московскихъ чудотворцевъ.

5-е.

Въ самомъ верхнемъ ярусѣ подъ Царскими Дверями, на образѣ Тихвинской Богоматери мѣрой и подобіемъ противъ чудотворнаго, поднесеннаго Графу Аракчеву при пожалованіи Грузинской вотчины отъ крестьянъ ево; риза серебряная вѣсомъ 11 ф. и 56 зол. Она риза на образъ сдѣлана Графомъ въ 1808 г. За серебро и работу заплачено 530 руб. 24 к.

6-е.

Во 2-мъ ярусѣ подь образомъ Тихвинской Богоматери, на двухъ образахъ Воскресенія Христова и Рождества Христова, ризы серебряныя съ вызолоченными венчиками. Въсу на первомъ 2 ф. 46 зол., а на второмъ 2 ф. 64 зол., а всего 5 ф. 14 зол., сдѣланы эти ризы Графомъ Аракчеевымъ въ іюнѣ 1816 г. Заплачено за серебро и работу 624 руб. 82 коп.

7-е.

Надъ Царскими дверями сіяніе серебряное вызолоченное съ тремя серебряными Ангелами, съ надписью изъ бронзовыхъ буквъ: «Состоящею» — «Благодаримъ Господа», и карнизъ по обѣ стороны Царскихъ дверей, на два аршина внизъ простирающійся серебряный, сдѣланъ Графомъ въ Іюнѣ мѣсѣ 1816 г. Въсу въ нихъ 7 ф. 77 зол. Заплачено за серебро и работу 944 руб. 63½ коп.

8-е.

Подъ Сіяніемъ Образъ Тайныя Вечери, на которой Иисусъ Христосъ изображается преподающимъ тѣло и кровь свою ученикамъ, на обѣ стороны. А между этими изображеніями образъ Св. Троицы, на немъ риза серебряная, съ вызолоченными вѣнчиками. На всѣхъ Царскихъ дверяхъ ризы серебряныя съ вызолоченными вѣнчиками.

Въ сихъ ризахъ на Царскихъ дверяхъ и на образѣ Тайной Вечери еѣсь 1 пудъ 79 зол., которые сдѣланы гр. Аракчеевымъ въ іюнѣ 1816 г. Заплачено за серебро и работу 4,714 руб. 34½ коп. Внизу оныхъ Царскихъ дверей находится слѣдующая надпись: «Иждивеніемъ благочестивыхъ крестьянъ Грузинской вотчины при владѣніи Гр. Ал. А. Аракчеева 1816 г. сентября 23 дня». Вся оная работа мастера серебряныхъ дѣлъ Г. Помо.

9-е.

По правую сторону Царскихъ дверей на мѣстномъ образѣ Господа Вседержителя венецъ серебряной вызолоченной, старинной работы.

10-е.

По лѣвую сторону Царскихъ дверей на мѣстномъ образѣ Пресв. Богородицы Тихвинской вѣнецъ серебряный съ вызолоченнымъ сіяніемъ. Въсу въ немъ 6 ф. 6 зол. Сдѣланъ Гр. Аракчеевымъ въ іюлѣ 1816 г.

На семъ же образѣ на предвѣчномъ Младенцѣ вѣнецъ серебряной вызолоченной, старинной работы.

11-е.

Мѣстный образъ противъ праваго крылоса Пресвятой Богородицы Всѣхъ Скорбящихъ Радости.

Риза серебряная и позлащенная, съ слѣдующею понизу оная ризы на бѣлой эмели подписью: «Образъ сей Пресв. Богородицы Всѣхъ Скорбящихъ Радости, Грузинскаго Собора, обложенъ въ Москвѣ серебряною съ позолотою ризою, Графомъ Ал. Ан. Аракчеевымъ въ память благополучнаго его возвращенія въ Грузино 30 ноября 1823 г., послѣ трехмѣсячнаго отпуска изъ Грузина по военнымъ поселеніямъ».

Въ оной ризѣ 20 ф. и 75 зол. Золота употреблено на позолоту ризы 74 зол. Заплачено за работу 4125 руб.

Образъ изъ дому Графа перенесенъ въ Соборъ съ Церковной Церемоніей 30 ноября 1823 г. ко всенощному бдѣнію на Храмовой праздникъ Св. Ап. Андрея Первозваннаго.

Образа съ боку северныхъ и южныхъ дверей въ стѣнѣ.

Съ правой стороны.

12-е, вверху.

Образъ Казанскія Богоматери, риза, шитая золотомъ и серебромъ. Этотъ образъ подаренъ генераль-майоршей Евгеніей Михайловной Твороговой.

13-е въ срединѣ.

На трехъ маленькихъ образахъ въ одной рамѣ, поставленныхъ. 1-го, Богоматери Всѣхъ Скорбящихъ Радости.

2-го Ап. Андрея Первозваннаго и преподобнаго Саввы Вишерскаго.

3. Св. мученика Іоанна Воинна; ризы серебряныя. Сими иконами родители въ разные времена благословляли Гр. Аракчеева.

4. Резной кипарисный Алексѣя Митрополита Московскаго Чудотворца.

14-е внизу.

Образъ Благов. Кн. Александра Невскаго, риза шитая золотомъ и серебромъ, на вѣнцѣ коего находится восемь разныхъ камней.

Съ Левой стороны.

15-е въ срединѣ.

Резной кипарисный образъ, кievской работы, Успенія Пресв. Богородицы, подложенъ фольгой, на верху коего находится въ одной же рамѣ два креста: въ одномъ распятіе Господа нашего Іс. Хр., а въ другомъ значится Божія Матерь.

16-е Въ верху.

Костяной образъ, резной, распятія Господа нашего Іс. Хр. съ предстоящими по правую руку Божіей Матери, а по лѣвую Св. Ап. Евангелиста Іоанна Богослова. Архангельской работы.

17-е Въ низу.

На образѣ Св. Ап. Андрея Первозваннаго Гр. Аракчееву, поднесенномъ отъ Грузинской вотчины при пожалованіи ему оныя въ 1796 г.; риза, шитая золотомъ.

Онаго же придѣла во святомъ олтарѣ.

18-е.

На выносномъ образѣ, Смоленской Богородицы, а съ другой онаго стороны святителя Іоанна Златоуста венцы старинной работы, серебряныя и вызолоченныя, а окладъ съ обѣихъ сторонъ во кругъ серебряной новой, сдѣланъ на оной образъ Графомъ Аракчеевымъ въ ноябрѣ 1814 г. Вѣсу 4 ф. 18 зол. Заплачено за серебро и работу 668 руб. 10 коп.

19-е.

На образѣ Казанскія Богородицы риза серебряная, въ которой вѣсу 49 зол., сдѣлана изъ стараго серебра, заплачено за работу оныя 12 руб. въ 1811 г. Оной образъ находится въ старинномъ складнѣ.

Труды XV Съѣзда. Т. 1.

20-е.

На образѣ святителя и чудотворца Николая, поставленномъ въ особенномъ изъ краснаго дерева, оправленномъ бронзой кіотѣ, риза серебряная съ вызолоченнымъ вѣнцомъ. Вѣсъ вней 4 ф. 46 зол. Сей образъ и кіотъ далъ въ кладомъ Грузинскій крестьянинъ Агафонъ Панкратьевъ въ 1798 году.

Въ Придѣлѣ св. Апостоловъ Петра и Павла.

21-е.

На двухъ колоннахъ по обѣ стороны Царскихъ Дверей повешаны два образа, по правую Спаситель, а левую Знаменіе Богородицы. Благословеніе отъ родителей Гр. Ал. Ан. Аракчееву, на нихъ ризы серебряныя и вызолоченныя. Вѣсомъ обѣ 2 ф. 2 зол.

22-е.

На Царскихъ Дверяхъ два маленькіе образа Спасителя и Богоматери, на нихъ ризы серебряныя.

Въ Придѣлѣ Трехъ-Святителей.

23-е.

Ковчегъ кипарисной съ верхней стороны покрытъ серебряной и позлащенной ризой, а съ нижней обложенъ темно-зеленымъ бархатомъ. Въ немъ хранятся 29 частицъ мощей святыхъ Отецъ пещеры Преподобнаго Оеодосія и именно:

1. Преподоб. Лаврентія Затворника.	15. Преподоб. Арсенія Трудолюбиваго.
2. » Ефимія Схимника.	16. » Оеодора, кн. Острожскаго.
3. » Меркурія Постника.	17. » Пимена Постника.
4. » Смысоа Схимника.	18. » Игнатія Целебника.
5. » Іосифа Многоболѣзнаго.	19. » Захарія Постника.
6. » Зинова Постника.	20. » Веніамина Постника.
7. » Игнатія архимандрита Печерскаго.	21. » Священномученика Лукіана.
8. » Мартирія Діакона.	22. » Иларіона Схимника.
9. » Силуана Схимника.	23. » Агафона Чудотворца.
10. » Макарія Діакона.	24. » Павла Послушливаго.
11. » Нестора Некнижнаго.	25. » Григорія Чудотворца.
12. » Оеодора Молчаливаго.	26. » Ефросиніи.
13. » Пансіа Постника.	27. » Моисея Чудотворца.
14. » Акилы Діакона.	28. » Тита воина.
	29. » Логина, вратаря Печерскаго.

На нижней части онаго ковчега начертаны слѣдующія слова:

«Св. мощи Угодниковъ Божіихъ, почивающихъ въ Кіевскихъ пещерахъ, преподоб. Оеодосія, отъ Серапіона митрополита Кіевскаго и Галицкаго и Кіево-Печерской Лавры архимандрита, Гр. Ал. Ан. Аракчееву, на благословеніе въ Грузинскій Соборъ Св. Ап. Андрея Первозваннаго 1819 года».

Сей ковчегъ съ частицами св. мощей по доставленію его изъ Кіева въ Грузино, изъ дома Графа Ал. Ал. Аракчеева, перенесенъ въ Соборъ Св. Ап. Андрея Первозваннаго, того собора протоіереемъ съ братіей предъ литургіей 8 ноября 1823 г. При многочисленномъ собраніи народа и поставленъ на особомъ налоѣ въ предѣлѣ Трехъ-Святителей.

24-е.

Столъ деревянной для ковчега съ частицами мощей Св. отецъ Кіево-Печерскихъ, съ замкомъ и стекломъ, вызолоченной червоннымъ золотомъ, мастеромъ Келлеромъ. При ономъ ковчегѣ вырѣзанъ къ ножкамъ рѣзной, вызолоченный ковчежецъ съ 16-ю хрустальными графинчиками для святыхъ маслъ, іорданской воды. Внутри обдѣланъ зеленымъ бархатомъ.

25-е.

Налойный образъ, въ дѣланный въ доску бѣлаго стекла, и образа писаны на финифтѣ, обдѣланы бронзой, мастеромъ Шрейберомъ, на срединѣ два большихъ четырехугольных 1-ый Воскресенія Христова съ двенадцатыми праздниками, благословеніе Графу, отъ отца архимандрита Ѳотія въ 1825 г. 2-ой Торжество креста на небеси съ Господомъ Савваоомъ и Іс. Христомъ и изображеніе Божіей Матери, окруженной Херувимами и Серафимами и всѣми небѣсными силами. Оной образъ благословеніе Графу митрополита Серафима въ 1825 г.

По сторонамъ шесть овальныхъ: изъ нихъ два среднихъ:

1. Св. Ап. Павла и св. Алексея, митрополита Московскаго. 2. Св. Іакова, епископа Ростовскаго, и св. Дмитрія, митрополита Ростовскаго и Малыхъ четыре:

1. Св. Праведной Елизаветы. 2. Дмитрія Ростовскаго Чудотворца. 3. Архангела Михаила. 4. Св. Великомуч. Анастасіи.

Какъ сін образа, такъ равно и доска въ оправѣ бронзовой вызолоченной, внизу, на такомъ же бѣломъ стеклѣ, надписъ золотыми литерами: «Изображеніе сихъ святыхъ оправлено въ эту доску попеченіемъ Графа Ал. Ан. Аракчеева въ Грузинскій Соборъ, въ память дарованной грамоты митрополитомъ Серафимомъ Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ, о служеніи въ ономъ Соборѣ литургіи, при открытыхъ Царскихъ вратахъ 26 марта 1825 г.

Другая сторона доски оклеена малиновымъ бархатомъ, восемь образовъ, составляютъ одинъ налойный. (Изъ числа образовъ съ правой стороны, два верхнія — овальныя, средній и малый треснувши).

26-е.

На образѣ налойномъ Воскресенія Христова риза серебряная. Вѣсомъ 1 ф. 20 зол.

27-е.

На образѣ Воскресенія Христова съ двенадцатыми праздниками въ два ряда окладъ серебряной съ серебрянымъ и вызолоченнымъ вѣнцемъ.

28-е.

На образѣ Св. Ап. Андрея Первозваннаго, изображающемъ отъ сего Апостола посещеніе Грузина и водруженіе имъ своего жезла на горѣ при устьѣ рѣчки Грузинца, выпадающія въ рѣку Волховъ. Окладъ, полѣ и венецъ серебряныя и вызолоченныя, старинной работы, вѣнецъ же притомъ унизанъ камнями. По верхней части оклада слѣдующая надпись:

«Моленіе на горѣ ко Господу Богу, Св. Ап. Андрея Первозваннаго и водруженіе жезла мало въ землю, и отолѣ мѣсто оное прозвася Грузино».

29-е.

Налойной образъ Св. Ап. Петра и Павла, писанной на стеклѣ, въ бронзовой рамѣ.

30-е.

Образъ знаменія Божія Матери при гробовомъ камнѣ; у бронзоваго ангела риза серебряная и вызолоченная. Родительское благословеніе Гр. Ал. Ан. Аракчееву при вступленіи его въ 1783 г. на службу; А снизу серебряная доска вызолоченная, на коей вырезанъ весь маршрутъ 1813 г. покойнаго Государя Императора Александра Благословеннаго, отъ Вильны до Парижа съ Россійскою Арміею, въ ономъ походѣ находился и Гр. Ал. Ан. Аракчеевъ, воевъ оное время.

31-е.

Овальной образъ оправленъ въ обручикъ, съ кольцомъ чистаго золота, съ серебряною цепочкой, писанной на финифтѣ, повешенной на бронзовомъ Ангелѣ, держащемъ вышеописанный образъ, изображающій съ одной стороны Св. Алексея Митрополита и Св. Велико-мученицу Анастасію, а съ другой написана золотомъ слѣдующая надпись:

«Двухъ христіанскихъ друзей, дни тезоимства 5-го октября Трехъ-Святителей Московскихъ Петра, Алексѣя и Іоны, 29-го октября мученицы Анастасіи».

«Дни рожденія 23 сентября Зачатіе Предтечи; 29 марта Преподобнаго Марка».

На стенахъ привходѣ въ церковь.

32-е съ Левою стороны.

Кіота крестообразная для пяти образовъ, резная, и вызолоченная мастеромъ Келлеромъ за 350 руб.

33-е Въ верху.

Образъ Пресв. Богородицы Знаменія Курскія (празднуется 8 Сентября), въ серебряной ризѣ съ надписью: «Рабъ Божій Федоръ Минкинъ скончался въ 31 дѣнь марта 1809 г. и преданъ землѣ у Собора Св. Ап. Андрея Первозваннаго въ селѣ Грузинѣ».

34-е. въ низу.

Образъ Св. Сергія Чудотворца (празднуется 5 Іюля) въ серебряной вызолоченной ризѣ съ надписью: «1822 г. приложилъ сію икону въ село Грузино въ соборную Церковь Св. Ап. Андрея Первозваннаго, Новгородскій помѣщикъ и прихожанинъ онаго Грузинскаго Собора Сергій Федоровъ сынъ вындомской».

35-е съ левою стороны.

Образъ Св. Василія великаго (празднуется 1 Генваря) въ серебряной вызолоченной ризѣ съ надписью: «Приношеніе въ Грузинскій Соборъ Св. Ап. Андрея Первозваннаго отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гурьева, предполагающаго быть погребену при ономъ Соборѣ».

36-е съ правой стороны.

Образъ Св. Благовѣрнаго кн. Михаила Тверскаго въ серебряной и вызолоченной ризѣ съ надписью: «Приношеніе въ Грузинскій Соборъ отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Михайловича волинскаго 1822 г. 2-го апрѣля».

37-е.

Посерединѣ онаго креста образъ Пресв. Богородицы Тихвинской (празднуется 26 Іюня), риза серебряная, вѣсомъ 2 ф. 20½ зол. съ надписью: «Образъ Пресв. Богородицы Тихвинской, обложенъ серебряной ризой, графомъ Аракчеевымъ 1819 г. 28 іюня, въ память благополучнаго въ 1-ый разъ въ этомъ году осмотра Государемъ Императоромъ Александромъ Первымъ, военного поселенія, и поставленъ въ Грузинскій Соборъ Св. Ап. Андрея Первозваннаго».

38-е съ правой стороны.

Киота рѣзная вызолоченная, крестообразная для пяти образовъ мастеромъ Келлеромъ за которую заплачено 400 руб.

39-е съ лѣвой стороны.

Образъ Иверской Богоматери (празднуется 12 Генваря), оложенъ сотканною серебряною ризою сдѣланною въ Москвѣ купцомъ Алексѣемъ Савостьяновымъ. Вѣсъ 2 ф. 26 зол.; каждый золотникъ по 1 руб. 60 коп. Всего 348 руб. 80 коп. Съ надписью въ верху: «Изображеніе и мѣра съ чудотворной иконы Пресв. Богородицы Иверскія язѣ, обрѣтается въ Софронтовой Моменской пустынѣ», а внизу: «Благословеніе Епископа Павла курскаго и бѣлогородскаго Графу Аракчееву въ 30 день августа 1819 г., во время его поѣздки въ городъ Чугуевъ». Приношеніе Графа въ Грузинскій Соборъ за окончаніе дѣла въ Чугуевѣ».

40-е съ правой стороны.

Образъ Вадимірской Божіей Матери (празднуется 26 Августа), въ серебряной вызолоченной ризѣ, убрусъ и подбородокъ жемчужные съ надписью: «Благословеніе отъ родителя, сыну Гр. Аракчееву при кончинѣ его 1796 г. 29 іюля».

41-е на верху.

Образъ Скорбящей Божіей Матери (празднуется 24 Октября), въ серебряной вызолоченной ризѣ съ надписью: «Благословеніе гвардіи прапорщику Михаилу Шумскому въ дѣнь производства его въ Афицеры 1821 г. марта 26 дня».

42-е внизу.

Образъ Святителя и Чудотворца Николая, риза серебряная вызолоченная съ такимъ же венцемъ, съ камнями, на которой ризѣ внизу подписано: «Въ память избавленія отъ болѣзни раба Божія Гр. Ал. Ан. Аракчеева 1802 г. 10 апрѣля».

Заплачено за серебро съ позолотою и работу 142 руб. Сей образъ изъ вышеволоцкой, деревни Щеберина, принадлежащей старинной фамиліи Аракчеевыхъ.

43-е.

Образъ въ срединѣ креста Корсунской Божіей Матери (празднуется 9 октября) въ серебряной ризѣ снадписью: «Благословеніе отъ матери сыну Гр. Ал. Ан. Аракчееву при кончинѣ ея 1820 г. 17 іюля».

44-е.

Налойной образъ Св. Благовѣрнаго кн. Александра невскаго въ серебряной и вызолоченной ризѣ. Благословѣніе отца іеромонаха Гр. Аракчееву въ день Пасхи 18-го апрѣля

1826 г. послѣ причастія Св. Таинъ. Находится на налоѣ у мундира покойнаго Государя Императора Александра Благословеннаго.

45-е.

Образъ всеѣмъ скорбящимъ радость, писанный на кипарисной дскѣ, обложенъ всеѣмъ серебряною ризою съ позолоченными 13-ю венцами. Серебра въ оной ризѣ 4 ф. 19 зол. Надпись на ономъ внизу: «Образъ Пресв. Богородицы всеѣмъ скорбящій радость». Сей образъ въ ризѣ серебряной посвященъ Гр. Аракчеевымъ въ больницу Грузинской вотчины. Праздновать ежегодно 24-го октября. Находится въ Грузинской больницѣ въ особомъ кѣлтѣ. Приносится въ Соборъ съ церемоніей 23-го октября ко всенощному.

46-е.

На Мѣстныхъ образахъ Св. Ап. Андрея Первозваннаго и Покрова Пресв. Богородицы, имѣются зеркальные, толстые, полированные стекла, мѣрою въ длину 1 арш. 13 верш., шириною 1 арш. 6½ вер. въ бронзовыхъ рамахъ, которые отворяются на шалнерахъ, а за-
пираются замками. Стекла каждое заплачено 200 руб., а бронзовые рамы 180 руб. А всего на два стекла и двѣ рамы 760 руб.

Бронзовыя и мѣдныя вѣщи и Памятники въ Соборѣ находящіеся.

Званіе вещей.

1-е.

Число вѣщей.

Рама бронзовая, вызолоченная, вверху которой въ сіяніи Херувимы, къ старинному налоюному образу Св. Ап. Анд. Первозваннаго, сдѣлана мастеромъ Шрейберомъ. Заплачено оную за раму 500 р.

1.

2-е.

Ковчегъ бронзовой вызолоченной, работы Ажиса, для храненія рескрипта Государя Императора Александра I къ Графу Аракчееву, за благоустройство его вотчины, изъявляющаго признательность и благоволеніе; на ономъ ковчегѣ надпись: «1810 г. 7 іюня; 1816 г. 9 іюля; 1819 г. 27 іюня; 1820 г. 4 марта; 1820 г. 26 іюня; 1821 г. 22, 23 и 24 іюня; 1822 г. 15 іюня; 1823 г. 15, 16, 17 марта и іюля 3 и 4 числѣ 1824 г. 24 и 25 іюня; 1825 г. 26 и 27 іюня». Означающая дни посѣщенія Грузина сего монарха. .

1.

3-е.

Ковчегъ бронзовой, вызолоченной, сдѣланной въ память дня учрежденія Грузинскаго Собора; на ономъ ковчегѣ въ верху вызолоченныя изображенія Херувимовъ въ сіяніи; съ боковъ щитъ поддерживаютъ два ангела; на щитѣ изображеніе скрижалей, Архіерейской шапки и др. принадлежностей церкви съ надписью: «Грузинскій Соборъ Св. Ан. Андрея Первозваннаго, учрежденъ Императоромъ Александромъ I 1811 г. Апрѣля въ 16 день».

1.

Въ ономъ ковчегѣ хранится подлинное положеніе о заемномъ банкѣ для крестьянъ Грузинской вотчины, учрежденное 13 іюня 1820 года и подписанное всеѣми крестьянами, знающими грамоту.

4-е.

Число вещей.

Медальоны Государей Императоров Петра I, Павла I, Александра I, бронзовых, вызолоченных, въ чугунныхъ вызолоченныхъ рамахъ

3.

5-е.

Подъ рамою съ медальономъ Императора Александра Благословеннаго, медалей, сдѣланныхъ изъ латуни, вызолоченныхъ одноличныхъ, одна съ портретомъ покойнаго Государя Императора Александра I, а на другой изображеніе всѣхъ видящее Око съ надписью: «Нашъ ангелъ въ небесахъ 1812 года».

2.

Оныя медали придѣланы къ чугунной доскѣ, на которой обозначено время посещенія покойнаго Государя Императора Александра I въ Грузинѣ Графа Аракчеева.

6-е.

Памятникъ въ память блаженной памяти Императора Павла I, воздвигнутой Графомъ Аракчеевымъ послѣ его смерти бронзовой на гранитовомъ пьедесталѣ

1.

7-е.

При ономъ памятникѣ гранитной надгробной камень, приготовленной къ покоищу графскому съ бронзовой надписью: «Да будетъ и прахъ мой у подноженія изображенія твоего. На семь мѣстѣхъ погребенъ русскій Новгородской дворянинъ Графъ Ал. Ан. Аракчеевъ, родился 1769 года сентября 23 дня умеръ».

1.

8-е.

Бронзовая фигура, представляющая Ангела, отлитая по модели дѣйствительнаго Статскаго совѣтника Мартоса Г-мъ Екимовымъ, къ Надгробному камню Графа Аракчеева въ Петропавловскомъ предѣлѣ, съ образомъ знаменія Божіей Матери, на которомъ слѣдующая надпись: «Сей образъ находился съ Графомъ Аракчеевымъ въ заграничномъ походѣ въ нижеобозначенныхъ городахъ и мѣстечкахъ съ 1 января 1813 года до возвращенія въ Петербургъ 18 июля 1814 года. Въ 1813 году въ *Польшѣ*: мѣстечкѣ Березники, въ городахъ: Полоцкѣ, Калишѣ, Варшавѣ; въ *Шлезіи*: Бреславлѣ, Швейдницѣ, деревнѣ Петерсвальдѣ; въ *Саксоніи*, Бунцлау; Бауцынѣ, Дрезденѣ, Хемницѣ, Лейпцигѣ; въ *Богеміи*: Замкѣ Опочинѣ, Прагѣ, Теплицѣ, Каммотау, Веймарѣ, Мейнуингѣ, Швейн-Фуртѣ, Лисафобургѣ, Франкфуртѣ на майнѣ, Дармштадтѣ, Гейдельбергѣ, Карлсруѣ, Фрейбургѣ; въ *Швейцаріи*: Шафгаузенѣ и Базелѣ. Въ 1814 году во *Франціи*: Момбельярѣ, Везулѣ, Лангрѣ, Шомонѣ, Баръ-Сюръ-Обѣ, Баръ-Сюръ-Сейнѣ, Труа, Понъ-Сюръ-Сейнѣ, Бриенѣ, въ деревнѣ Пужѣ, Витри, Фершампенуазѣ, Трафо, Куломѣ, Квенси, Бонди, Парижѣ, вступленіе въ оный 19 марта».

Изъ лампадкою бронзовою, вызолоченною, сдѣланною мастеромъ Шрейберомъ,

1.

9-е.

Памятникъ бронзовой въ память убитыхъ офицеровъ Гренадерскаго полка Графа Аракчеева, во время французской кампаніи въ 1812 году и 1813—1814 году и при ономъ памятникѣ шесть знаменъ этого полка, пожалованныхъ Государемъ Императоромъ Александромъ Благословеннымъ въ оный Соборъ, о чемъ данъ былъ указъ управляющему военнымъ министромъ Генер.-Лейтен. Князю Горчакову 24 декабря 1813 года слѣ-

дующаго содержанія: «Его Императорскому Величеству угодно, чтобы когда Гренадерскій полкъ Графа Аракчеева получить пожалованныя ему новыя знамена, то состоящія въ ономъ нынѣ шесть знаменъ, не отдавая въ арсеналь по примѣру прочихъ полковъ, поставить Новгородской губерніи и уѣзда въ Соборной Церкви Андрея Первозваннаго, состоящей въ селѣ Грузинѣ, которое принадлежитъ Графу Аракчееву»

1.

10-е.

При ономъ памятникѣ на сторонѣ выгравированъ намѣдной доскѣ Высочайшій приказъ 30 августа 1808 года, отданный при парадѣ, слѣдующаго содержанія:

«Въ доказательство признательности Его Императорскаго Величества къ ревностной службѣ и неуспынной дѣятельности военнаго министерства Графа Аракчеева, повелѣваемъ Ростовскому Мушкатерскому полку носить его имя».

11-е.

Люстра большая бронзовая, снаружи и внутри вся вызолоченная, о 40 свѣчахъ, расположенныхъ въ трехъ ярусахъ, у коей листы въ видѣ цѣпи, въ верхъ простирающіяся, соединены на подобіе вѣнца, въ срединѣ чаша, а внизу на выпукломъ кругѣ, на краю онаго по черной каймѣ надписи: «Ce Lustre destiné par sa munificence de S. M. Alexandre I-er Empereur de Russie, a orner dans les Terres, de comte Aractcheeff, l'église Cathedral de sa campagne de Grousine a été execute par ordre supreme par Ledure bronsier a paris en 1818». что значить: «Люстра эта, назначенная отъ щедротъ Его Величества Александра I, Императора Всероссійскаго, для украшенія въ помѣстьяхъ Графа Аракчеева соборной церкви села Грузина сдѣлана по Высочайшему повелѣнію мастеромъ Ледюромъ въ парижѣ 1818 года».

1.

12-е.

Лампадъ большихъ мѣдныхъ, вызолоченныхъ червоннымъ золотомъ, предъ мѣстными образами въ Андреевскомъ предѣлѣ

4.

13-е.

Лампадъ малыхъ мѣдныхъ, вызолоченныхъ червоннымъ золотомъ, въ Андреевскомъ алтарѣ. предъ мѣстными образами

2.

Крючковъ бронзовыхъ, на которыхъ повѣшены лампы.

19.

14-е.

Подсвѣчниковъ мѣдныхъ большихъ, вызолоченныхъ червоннымъ золотомъ, стоящія въ Петропавловскомъ предѣлѣ, по обѣ стороны Царскихъ Дверей.

2.

15-е.

Подсвѣчниковъ выносныхъ, большихъ, мѣдныхъ, вызолоченныхъ червоннымъ золотомъ, на нихъ надписи: «Въ Грузинскую Церковь отъ Графа Аракчеева», на двухъ: «1807 годъ», а на двухъ: «1808 годъ», и на двухъ: «Село Грузино, Графъ Аракчеевъ»

6.

16-е.

Число вещей.

Выносной бронзовой фонарь съ украшеніями наверху, о 6 стеклахъ, у котораго ручка изъ краснаго дерева. Въ кладѣ Г-на дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Михайловича волинскаго. Оный фонарь сдѣланъ въ Петербургскомъ казенномъ чугуномъ заводѣ у Кларка и обошелся въ 1540 рублей 1.

17-е.

Подсвѣчниковъ мѣдныхъ выносныхъ, большихъ, стоящіе въ Трехъ-Святительскомъ алтарѣ у престола 2.

18-е.

Подсвѣчникъ бронзовой стоячей и на немъ придѣланная бронзовая лампада, у коей прозрачной писанной образъ Тайныя Вечери, сдѣланъ мастеромъ бронзовымъ Гипперомъ. Заплачено за одинъ подсвѣчникъ рублей, на ономъ надписъ: «Въ Грузинской Соборѣ Графъ Аракчеевъ 1829 году». 1.

19-е.

Для освѣщенія въ Соборѣ. на стенахъ, подсвѣчниковъ бронзовыхъ вызолоченныхъ, каждый о 6 свѣчахъ. Цѣна веѣмъ 1200 рублей, сдѣланы въ Парижѣ. 10.

20-е.

Подсвѣчниковъ стѣнныхъ бронзовыхъ Англійскихъ старинныхъ, безъ позолоты, но покрытые лакомъ о трехъ свечахъ въ Андреевскомъ алтарѣ. 2.

21-е.

Подсвѣчниковъ стѣнныхъ бронзовыхъ вызолоченныхъ, каждой о трехъ свѣчахъ, въ Петропавловскомъ алтарѣ 2.

22-е.

Подсвѣчниковъ бронзовыхъ стѣнныхъ круглыхъ, черныхъ мѣстами съ позолотой, въ Графской комнатѣ 2.

23-е.

Подсвѣчниковъ на престоальныхъ, Апликѣ посеребренныхъ, о трехъ свѣчахъ, въ Петропавловскомъ предѣлѣ 2.

24-е.

Подсвѣчниковъ на столъныхъ бронзовыхъ, одинакихъ, на столикъ 4.

25-е.

Подсвѣчниковъ на престоальныхъ оловянныхъ, на ножкахъ, съ надписью: «Въ Грузинскій Соборъ 1812 года Графъ Аракчеевъ изъ Вильны» 2.

26-е.

Число вещей.

Подсвѣчникъ настольныхъ одинаковыхъ Аплике, одинъ для собора, а другой для моденской церкви. Цѣна 30 рублей. 2.

27-е.

Подсвѣчникъ большой, предъ образомъ Св. Ап. Андрея Первозваннаго, мѣдной, посеребрянной, съ лампадкою для масла. 1.

28-е.

Подсвѣчникъ большихъ мѣдныхъ, предъ иконами, каждой на 32 свѣчи 2.

29-е.

Лампады мѣдныхъ посеребренныхъ, предъ образами. 6.

30-е.

Кружекъ зеленой мѣди для сбора денежнаго, съ крышками 2.

31-е.

Подсвѣчникъ на столикъ у мундира покойнаго Государя Императора Александра Благословеннаго, бронзовой, съ бисеромъ, съ вырѣзанною надписью по бронзѣ «къ мундиру покойнаго Императора Александра благословеннаго». 1.

32-е.

Памятникъ воздвигнутой Графомъ внѣ собора, съ северной стороны онаго въ память въ Бозѣ почивающему покойному Государю Императору Александру Благословенному — 1833 года 19 ноября, считается принадлежащій къ Грузинскому Собору. Описаніе онаго памятника есть слѣдующее: «Три фигуры, Вѣра, Надежда и Милосердіе, поднимаютъ Бюстъ Императора, а Милосердіе одной рукой коронуетъ его небеснымъ венкомъ съ сіяніемъ. Каждая изъ сихъ фигуръ одною рукою поднимаетъ Бюстъ, какъ бы желая передать оный небу, а другою держитъ свой отличительный признакъ какъ-то: Вѣра съ таинственнымъ покрываломъ на головѣ и священнымъ именемъ Іеговы на персяхъ, правою рукою обнимаетъ крестъ. Надежда, чистая, съ открытой грудью и твердая, стоитъ, опершись на свой якорь. Милосердіе имѣетъ вѣнокъ изъ листьевъ гранатоваго дерева, а позади себя стоящаго подлѣ ногъ пеликана — птицу, почитающуюся истиннымъ образомъ чадолубія, или любви Государя къ своему народу. Милосердіе стоитъ на нѣкоторомъ возвышеніи, дабы она свободно могла возлагать вѣнецъ: равносторонній четырехугольный камень, служа для сего, означаетъ въ то же время правильность и неизмѣнность въ ея основаніи. Вѣнецъ которымъ она коронуется, состоитъ изъ семи звѣздъ, коихъ лучи сіяютъ на бюстъ благословеннаго. Внизу этихъ фигуръ на верхней части пьедестала лѣжатъ на подушкѣ Императорскія регаліи: корона, скипетръ и держава. Сии регаліи, находясь ниже фигуръ, означаютъ, что они остаются здѣсь, въ матеріальномъ мірѣ, а три небесныя добродѣтели, отсюду однимъ воздухомъ окруженныя, возносятъ Бюстъ благословеннаго. У подножія памятника сидятъ двѣ фигуры: Россійскій воинъ и освобожденная Европа, въ печальномъ видѣ, обратя вооруженныя на возносящійся Бюстъ.

Россійскій воинъ, на правой сторонѣ Бюста, сидитъ на опрокинутой мортирѣ, подлѣ коей лежитъ несколько ядеръ; одежду его составляетъ національная русская рубаха, опоясанная двумя воинскими ремнями, а обувь — короткія тѣсно переплетенныя сандалии, оружіе его — шлемъ, мечъ и за спиной лукъ и колчанъ. Подлѣ него стоитъ щитъ съ гербомъ и девизомъ подданнаго слуги покойнаго Императора. По другую сторону пьедестала — Европа, со скипетромъ въ рукѣ и съ гороховою короною на головѣ, какъ повелительница надъ другими частями земли нашей сидитъ на двухъ рогахъ изобилія, опершись лѣвою рукою на лежащія подлѣ нея книги, глобусъ и въкоторыя инструменты — извѣстные признаки многообразнаго ея плодородія и промышленности и особенно просвѣщенія. Одѣяніе ея древнее греческое, хламида на плечахъ означаетъ воинскій духъ обитателей. Освобожденіе ея представлено переломленнымъ ярмомъ, которое она подпираетъ ногой. На гранитномъ пьедесталѣ съ передней его стороны, находится высѣченный барельефомъ въ гранитѣ вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ, а въ серединѣ его вензель Императора Александра I, а подъ нимъ слѣдующая высѣченная на гранитѣ надпись:

«Государю Благодарителю ко кончинѣ его».

На другой сторонѣ гранитнаго пьедестала слѣдующая надпись:

«Отъ подданнаго 1833 года. Царствовалъ 25 лѣтъ».

По открытіи памятника, надѣтъ на русскаго воина на цепочкѣ бронзовый крестъ, изъ тѣхъ крестовъ, которые въ этотъ день розданы народу въ память сего священнаго дѣла.

Средній пьедесталъ, на коемъ стоятъ 3 фигуры: Вѣра, Надежда и Милосердіе, цѣльный изъ полированного гранита. Величиной въ длину $2\frac{1}{2}$ арш., вышиной 3 арш. Вѣсъ 700 пудовъ.

Оный пьедесталъ съ двумя такими же боковыми, возвышенъ со всѣхъ четырехъ сторонъ на 3 гранитныхъ цѣльныхъ ступеняхъ.

Основаніе этого памятника съ каждой стороны 4 саж. Высота его съ фигурами 3 саж.

Вѣсъ бронзовыхъ фигуръ, среднихъ 250 пуд. и обѣихъ боковыхъ, каждая въ 50 пуд. Всего 350 пудовъ.

Хрустальные вещи.

Званіе вещей.

Потиръ хрустальный граненый, шипообразный, съ одной стороны на немъ вырезано изображеніе Спасителя Нашего, несущаго крестъ, а съ другой Св. Духа въ видѣ Голубинѣ въ сіяніи, вокругъ онаго по верху сіи слова: «Шите отъ нея вси, сія есть кровь моя Новаго Завета, яже за вы и за многія изливаемая во оставленіе грѣховъ». Подаренъ 1 декабря 1807 года при освѣщеніи Петропавловскаго придѣла

1.

2-е.

Колпакъ стеклянный съ бронзой для покрытія сосудовъ на жертвенникѣ. Цѣна 25 р.

1.

3-е.

Сосудъ хрустальной шарообразной, на возвышенномъ подножіи, употребляемой на всѣхъ бдѣніяхъ для благословенія въ ономъ елея и помазанія изъ онаго въ великіе церковные праздники. Оправленъ бронзою съ изображеніемъ Херувимовъ
При немъ стручекъ въ серебряной оправѣ для помазанія елеємъ

1.

1.

4-е.

Число вещей.

Подсвѣчниковъ настольныхъ хрустальныхъ на бронзовыхъ пьедесталахъ съ бронзовыми Херувимами съ надписью: «Собору въ Грузино для памяти 24 января 1818 года отъ А. Ш. въ клада бронзовыхъ дѣлъ мастеромъ Андрея Шрейбера 2.

Подъ оныя подсвѣчники пьедесталовъ хрустальныхъ, сдѣланныхъ въ 1821 году за 30 рублей. 2.

5-е.

Въ Главномъ Олтарѣ на Горномъ мѣстѣ предъ образомъ распятія Господня, Лампа хрустальная, съ косою рѣзбой, оправленная бронзой, въ срединѣ съ подсвѣчникомъ о 3 свѣчахъ. Подарена графомъ Аракчеевымъ 1.

6-е.

Въ придѣлѣ Петропавловскомъ предъ мѣстными образами Лампадъ хрустальныхъ граненыхъ пишиками, на бронзовыхъ цепяхъ съ таковыми же въ верху сіяніями . . . 2.
Оныя Лампады поступили въ Грузинскій Соборъ 1808 года.

7-е.

Блюдо хрустальное граненое для куты 1.

8-е.

На оное блюдо стеклянный колпакъ 1

9-е.

Люстръ хрустальныхъ съ бронзовою оправою о 8 свѣчахъ каждая, въ Петропавловскомъ и Алексеевскомъ придѣлахъ 2.

10-е.

Колпакъ стеклянный, оправленной бронзою, для накрытія мундира блаженной памяти Императора Александра Благословеннаго, съ надписью золотой 1.

11-е.

Накладочекъ хрустальныхъ вмѣсто бумажекъ для лампадъ, подсвѣчниковъ и люстръ, разной величины, большихъ 67, обыкновенныхъ 118. Всего 185 185.

12-е.

Чернильница хрустальная, состоящая изъ одного лотка и 3-хъ банокъ 1.

13-е.

Накладочекъ хрустальныхъ резныхъ, граненыхъ, для хрустальныхъ, напѣрестольныхъ подсвѣчниковъ, большихъ внизу свѣчи двѣ, каждая цѣной 4 рубля, малыхъ сверхъ большихъ двѣ, каждая цѣною 2¹/₂ рубля 4.

Графиновъ хрустальныхъ, съ вызолоченными церковными изображеніями и надписями: «Грузинскаго Собора Г. А. 1829 года», у которыхъ горлышки обдѣланы бронзою съ позолотою 2.

Оныя графины употребляются для вина при служеніи.

Священная библіотека Грузинскаго Собора.

Званіе книгъ.

Книги употребляемые въ служеніи.

Число книгъ.

Вновь переплетенныя въ 1820 и 1821 году съ вытиснутыми на оныхъ Графа Аракчеева Гербами и съ надписями на корняхъ Грузинскаго Собора и названіе книги.

Въ листъ.

Апостолъ или дѣяніе святыхъ Апостолъ, печат. въ Петербургѣ 1797 года	1.
Псалтирь, следованная печатана въ Москвѣ 1785 года и 1795 года	2.
Требниковъ, печат. въ Москвѣ 1796 и 1808 года	2.
Месячныхъ миней на весь годъ; печатаны въ Москвѣ 1705 года	12.
Миней праздничная; печат. въ Москвѣ 1780 года	1.
Миней общая; печат. въ Москвѣ 1802 года	1.
Тріодъ постная, печат. въ Москвѣ 1791 года	1.
Тріодъ цветная или пентикостаріонъ; печат. въ Москвѣ 1752 и 1801 года	2.
Октоихъ или осмогласниковъ въ 2 частяхъ, два экземпляра, двѣ книги, печат. въ Москвѣ 1753 и 1780 годовъ; на двухъ же не означены годы	4.
Молитвы, чтомыя въ на вечеріи пятидесятницы, печат. въ Москвѣ 1821 года	1.
Евангеліе, чтомоя во святой и великій Четвертогъ на литургіи на умовеніи и поумовеніи ногъ и во Святой Великій Пятокъ на утрени 12 св. страстей Іс. Христа; въ бумажномъ переплетѣ печатано въ Москвѣ 1801 года	1.

Въ 4-ю долю листа.

Пеніе при священнослуженіи въ большіе праздники, воскресные дни, праздники святыхъ и во всю страстную недѣлю печат. 1820 года	18.
Молитвы и церковное пеніе на Господскіе и Богородичные праздники при совершеніи различныхъ церковныхъ службъ. Печатаны въ Москвѣ 1825 года	1.
Акафисты и каноны, печат. въ Кіево-Печерской Лаврѣ 1813 года	1.
Псалтирь, печат. въ Кіево-Печерской Лаврѣ 1811 года	1.
Служба съ акафистомъ Успенію Пр. Богородицы, печат. въ Кіевѣ 1822 года	1.
Акафисты и каноны, печатаны въ Кіевской Лаврѣ 1754 года. (Оныя книги вразныхъ переплѣтахъ).	1.
Служебникъ, печат. въ Москвѣ 1789 года	1.
Ирмологъ, печат. въ Москвѣ 1770 и 1794 года	2.
Послѣдованіе молебныхъ пѣній, печат. въ Москвѣ 1814 года	4.
Послѣдованіе благодарственнаго молебнаго пенія въ день Рождества Христова съ вѣчной памятью покойнаго Императора Александра Благословеннаго, напечат.	

въ Петербургѣ 1826 года при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, во французскомъ переплетѣ	1.
Последованіе благодарственнаго и молебнаго пѣнія въ день Рождества Христова, за избавленіе отъ нашествія Галловъ, печат. въ Петербургѣ 1815 года при Императорѣ Александрѣ I	3.
Молебныя пѣнія, печат. одинъ въ С.Петербургѣ 1801 года, а другой въ Москвѣ 1814 года	2.
Служба на первую недѣлю Великаго поста	6.
Служба на страстную недѣлю	6.
Служба Св. Александру Невскому, Захарію и Елизаветѣ, Дмитрію Ростовскому и Феодору Тотемскому, печат. въ Москвѣ 1806 года	1.
Служба Явленію иконы Тихвинской Богоматери, печат. въ Москвѣ 1777 года . . .	1.
Служба Преп. Нилу и благодарственные моленія апрѣля 5, іюня 27 и ноября 6; печат. въ Москвѣ 1797 года	1.

Книгъ нотныхъ пѣній.

Ирмологовъ въ 2 частяхъ, печат. въ Москвѣ 1772 года	2.
Большой обиходъ въ 2 частяхъ, печат. въ Москвѣ, два 1772 года, а два 1816 года.	4.
Малой обиходъ или сокращенной; печат. въ Москвѣ 1778 года	1.
Октоихъ нотнаго пѣнія, печат. въ Москвѣ 1772 года и 1824 года	2.
Праздники нотнаго пѣнія, печат. въ Москвѣ 1800 и 1806 года	2.

Въ 8-ю долю листа.

Служебниковъ, печат. въ Москвѣ, одинъ 1797 года, три 1803 года и одинъ 1824 года.	5.
Служба на Святую недѣлю	6.
Служба на Вознесеніе Господне	1.
Служба въ недѣлю Св. Пентикостѣи или на пятидесятницу, печат. въ С.Петербургѣ 1765 года	1.
Служба на день Богоявленія Господня.	1.
Служба на день Рождества Іоанна Предтечи	1.
Часословъ, печат. въ Петербургѣ 1786 года	1.
Святцы, печат. въ Москвѣ 1788 года	1.
Миней общихъ съ Графскими Гербами въ футлярѣхъ для употребленія по приходу, въ особомъ переплетѣ, печат. въ Москвѣ 1769 года	2.
Канонникъ, печат. въ Москвѣ 1786 года	1.
Чинъ поминовенія о православныхъ воинахъ, печат. въ Москвѣ 1795 года	4.
Псалтирь въ футлярѣ, печат. въ Кіево-Печерской Лаврѣ 1806 года	1.
Канонникъ малый, въ футлярѣ, печат. въ Кіево-Печерской Лаврѣ 1784 года	1.
Кругъ нотнаго церковнаго пѣнія въ бумаж. простомъ переплетѣ	1.
Православное исповѣданіе Католической и Апостольской Церкви Восточной, въ бумажномъ простомъ переплетѣ	1.
Царская и патріаршія Грамоты о учрежденіи св. Синода въ бумажномъ переплетѣ.	1.
Увѣщаніе въ утвержденіи истины и въ надеждѣ дѣйствія любви евангельской, въ бумажномъ переплетѣ	1.

Книга церковной библиотеки.

Въ листъ.

Число книгъ.

Библия на славянскомъ языкѣ, большая, печат. въ Москвѣ 1810 года	1.
Патерикъ печерскій, печат. въ Кіевѣ 1818 году	1.
Житіе святыхъ отцовъ, т.-е. Минея-Четьи, на весь годъ, печат. въ Москвѣ 1796 года.	4.
Поученіе Ефрема Сирина, печат. въ Москвѣ 1785 года	1.
Собраніе разныхъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни въ 3 частяхъ, печат. въ Москвѣ 1775 года	3.
Поученія краткія, печатаны въ Москвѣ 1781 года	1.
Проповѣди Минятіевы, печат. въ Москвѣ 1781 года	1.
Маргаритъ богоугодныхъ трудовъ вселенскаго великаго учителя Св. Отца нашего Іоанна Златоустаго, печат. въ Москвѣ 1773 года	1.
Пращица противъ вопросовъ раскольниковъ, печат. въ Москвѣ 1752 года	1.
Типиконъ или церковный уставъ, печат. въ Москвѣ 1755 года	1.
Розыскъ о вѣрѣ раскольниковъ, печат. въ Москвѣ 1762 года	1.
Отвѣты преосвященнаго Никифора Старо-обрядцамъ, печат. въ Москвѣ 1801 года.	1.
Евангеліе учительное, воскресное, печат. въ Москвѣ 1759 года	1.
Чинovníкъ Архіерейскій или Архіерейскаго священнослуженія, печат. въ Москвѣ 1798 года.	1.
Чинопослѣдованіе О присоединеніи изъ иновѣрныхъ къ православной Кафолической восточной церкви, печат. въ Москвѣ 1803 года	1.
Прологовъ, печатаны въ Москвѣ 1779 года	4.
Камень вѣры православно-кафолической восточной Церкви, печат. въ Москвѣ 1729 года	1.
Кормчій въ 2 частяхъ. 1 содержитъ въ себѣ правило св. апостоловъ вселенскихъ и помѣстныхъ Соборовъ и св. отцовъ; 2-я правило св. Отцовъ Греческихъ царей узаконеній, печат. въ Москвѣ 1787 года	2.
Библия, изданія Россійскаго Библейскаго Общества, Стереотипнаго дѣла, печат. въ Петербургѣ 1818 года.	1.
Благовѣстникъ, или священное Евангеліе, во всѣ дни читаемое, печат. въ Москвѣ 1803 года	1.
Новая скрижаль или дополнительное объясненіе о церкви, печат. въ Москвѣ 1803 г.	1.
Толкованіе на псалтирь въ 2 частяхъ, печатаны въ Москвѣ 1806 года	2.

Въ 4-ю и 8-ю долю листа.

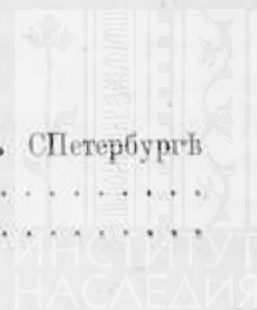
Родъ Графа Алексея Аракчеева.	1.
Поминовеніе за упокой усопшихъ рабовъ Божіихъ, православныхъ воиновъ, Гренадерскаго полка Гр. Аракчеева, за вѣру и отечество на брани въ 1812, 1813 и 1814 годахъ убиенныхъ.	1.
Молитвы и церковное пѣніе на господскіе и богородичные праздники и при совершеніи различныхъ церковныхъ службъ для церквей военнаго поселенія, печатаны въ Петербургѣ 1825 г., вчерномъ сафьянномъ съ золотомъ переплетѣ	1.
Правила къ преподаванію пастырской богословій, печатаны въ Петербургѣ 1803 г.	1.
Поучительныя слова Симона, Епископа Костромскаго, печатаны въ Петербургѣ 1773 г.	1.
Апостоль, или дѣяніе Св. Апостоль, печат. въ Кіевѣ 1780 г., въ переплетѣ	1.
Евангеліе, или книга Новаго Завѣта, печат. въ Кіевѣ 1780 г., кievскаго переплетѣ.	1.

Наставленія о должности христіанина, печат. въ Москвѣ 1788 г.	1.
О должности пресвитеровъ приходскихъ, печат. въ Петербургѣ 1776 и 1789 г. . . .	2.
Псалтирь съ толкованіемъ на неудобовразумительныя мѣста, печат. въ Петербургѣ 1783 г.	1.
Православное ученіе, или сокращенное христіанское богословіе, соч: Платона, печат. въ Петербургѣ 1791 года	1.
Служба въ день Андрея Первозваннаго, въ зеленомъ сафьянномъ переплетѣ, рукописная	1.
Житіе св. отцовъ Харлампія, Власія и Андрея Первозваннаго, рукописная	1.
Древній помянникъ, рукописный	1.
Слова Макарія Египетскаго, печат. въ Петербургѣ 1798 г.	1.
Летописецъ Новгородскій отъ 1017 по 1352 годъ, печат. въ Москвѣ 1781 г.	1.
О Церкви и Таинствахъ, служащая ко увѣщанію старообрядцевъ, печат. въ Петербургѣ 1795 г.	1.
Исторія гор. Курска о явленіи Чудотвор. Знаменій Пресв. Богородицы иконы, называемыя Курскія; о Курскомъ Знаменскомъ монастыре и его настоятеляхъ, печат. въ Курскѣ 1790 г.	1.
Докладъ О усовершенствованіи духовныхъ училищъ, печат. въ СПетербургѣ 1808 г.	1.
Огласительныя и тайноводственныя поученія Св. Отца нашего Кирилла, Архіепископа Іерусалимскаго, печат. въ С.Петербургѣ 1822 г.	1.
Библія на славянскомъ языкѣ въ пяти томахъ, печат. въ Москвѣ 1778 г.	5.
Краткое руководство къ чтенію книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, печат. въ Москвѣ 1803 г.	1.
Поучительныя слова преосвящ. Амвросія, митрополита Новгородскаго, печат. въ Москвѣ 1810 г.	3.
Слова къ Московской паствѣ и житіе Преп. Сергія радонежскаго, сочиненіе Преосвящ. Филарета, Архіепископа Московскаго, печат. въ Петербургѣ 1822 г.	1.
Пастырское наставленіе О превосходствѣ религіи, печат. въ Москвѣ 1805 г.	1.
Духовный регламентъ, печат. въ Москвѣ 1804 г.	1.
Христіанское богословіе іеромонаха Ювеналія, печат. въ Москвѣ 1806 г.	1.
Изъясненіе молитвы Господней, печат. въ Петербургѣ 1817 г.	1.
Историческое описаніе села Грузина, печат. въ Москвѣ 1816 г., въ бумажномъ переплетѣ	1.
Краткое историческое описаніе Кіево-Печерской Лавры, печат. въ Кіевѣ 1817 г. . . .	1.
Исторія о флорентинскомъ соборѣ, печат. въ Петербургѣ 1805 г.	1.
Сокращенный Катихизисъ	1.
Увѣщаніе въ утвержденіи истины, печат. въ Петербургѣ 1765 г.	1.
Знаменіе пришествія Антихриста и кончины вѣка, печат. въ Москвѣ 1782 г.	1.
Алфавитъ духовный, печат. въ Петербургѣ 1792 г.	1.
Молитвы при божественной литургіи, въ 16-ю долю листа, печат. въ Кіевѣ 1813 г. . .	1.

Въ разныхъ переплетахъ.

въ 4-ю долю листа.

Наставленіе правильно состязаться съ раскольниками, печат. въ СПетербургѣ 1825 г. въ бумажномъ переплетѣ	1.
Исторія Россійской Іерархіи въ 7 томахъ, печат. въ Москвѣ 1807 г.	7.

Чинъ освященія храма отъ архіерея творимаго, печат. въ Москвѣ 1814 г. 6 въ кожаномъ переплетѣ и 6 въ бумажномъ переплетѣ	12.
Мѣста избранныя для пѣнія въ большіе праздники употребляемаго при священнослуженіи, печат. 1816 г.	6.
Историческое разсужденіе О чинахъ Грекороссійской Церкви, печат. при Святѣйшемъ Синодѣ 1805 г. въ бумажномъ переплетѣ	1.
Правило Пасхальнаго круга или краткое наставленіе, какъ разумѣть и употреблять церковную нашу Пасхалию, печат. въ Москвѣ 1806 г. въ бумажномъ переплетѣ	1.
Печатная опись церковной утвари, имѣющейся въ Грузинскомъ Соборѣ Св. Ап. Андрея Первозваннаго, печат. въ 1821 г., въ бумажномъ переплетѣ	1.
Историческое описаніе села Грузина, печат. въ Москвѣ 1816 г.	1.
Разные акты и положенія, принадлежащіе сему Грузину, печат. въ Петербургѣ 1824, 1825 и 1826 г. въ черномъ футлярѣ. Находится на подножій ангела у Гробового камня	1.
Біографія штабъ и оберъ офицеровъ Гренадерскаго полка Гр. Аракчеева, положившихъ жизнь свою, защищая Государа и Отечество, въ сраженіяхъ 1812, 1813 и 1814 г. въ футлярѣ краснаго сафьяна	1.
Такая же біографія на французскомъ языкѣ, въ футлярѣ краснаго сафьяна	1.
Формулярные Списки О службѣ нижнихъ чиновъ, Гренадерскаго полка Гр. Аракчеева, умершихъ отъ ранъ и убитыхъ въ сраженіяхъ въ бывшую съ французами войну 1812, 1813 и 1814 г. въ футлярѣ краснаго сафьяна	1.
Оныя книги находятся у памятника убитыхъ офицеровъ, Графскаго полка.	
Послѣдованіе на день св. Пасхи и на всю светлую Седмицу	5.
Мѣста избранныя для пѣнія въ большіе праздники.	11.
Евангеліе и Апостолъ, съ подписью Графа, собственныя Графскіе, купленные въ Кіевѣ 1827 г. въ четверть листа, въ красномъ сафьянномъ переплетѣ съ позолотой	2.

Книги бывшаго библейскаго Общества.

Библія или книги Ветхаго и Новаго Заѣта, печат. въ Петербургѣ 1816 г.	1.
Новый Заѣтъ на славянскомъ языкѣ и русскомъ 2-го изданія въ черномъ сафьянномъ съ золотомъ переплетѣ, печат. въ СПетербургѣ 1822 г.	1.
Евангеліе на славянскомъ и русскомъ нарѣчій въ черномъ сафьянномъ переплетѣ, печат. въ СПетербургѣ 1819 г.	1.
Дѣяній св. апостоловъ, въ черномъ, сафьянномъ переплетѣ, печат. въ СПетербургѣ 1820 г.	1.

На иностранныхъ языкахъ.

Новый Заѣтъ на грузинскомъ языкѣ	1.
Евангеліе на калмыцкомъ языкѣ	1.
Новый Заѣтъ на персидскомъ языкѣ.	1.
» » на французскомъ языкѣ	1.
» » на финскомъ языкѣ	1.
» » на латышскомъ языкѣ	1.
» » на польскомъ языкѣ	1.
Библія на немецкомъ языкѣ	75

Письменные дѣла Грузинскаго Собора.

1-я.

Число книгъ.

Тетрадь содержитъ въ себѣ:

1, 2. Переписку Митрополита Новгородскаго Амвросія, объ освященіи Грузинскаго Собора и придѣловъ 1806 и 1807 г.

3, 4, 5. Высочайшій докладъ, письмо митрополита Амвросія и указъ Новгородской духовной консисторіи о возведеніи Грузинской церкви Соборомъ и о внесенной въ комиссію погашенія долговъ, въ суммѣ 12000 руб. на вѣчныя времена, на содержаніе Собора.

6, 7. Указы изъ новгородской духовной консисторіи о переименованіи придѣла Алексѣя Митрополита на имя Трехъ Святителей: Петра, Алексія и Іоны, празднуемыхъ 5-го октября въ день Ангела строителя Грузинскаго Собора и о употребленіи Грузинскому протопопу при служеніи палицы.

8. Письмо Игумена Флавіана о присылкѣ въ Грузинскій Соборъ бронзоваго креста съ частью мощей Георгія Побѣдоносца.

9. Указъ изъ новгородской духовной консисторіи, въ которомъ объявлено Высочайшее благословеніе Грузинскаго Собора церковному причту за найденный порядокъ и исправность въ служеніи Грузинскаго Собора, во время Высочайшаго присутствія Императора Александра 1-го.

10, 11, 12, 13., Дѣло содержащее переписку о внесенной гр. Аракчеевымъ на вѣчныя времена суммы 3000 руб. въ комиссію погашенія долговъ, для производства этой суммы процентовъ 180 руб. ежегодно протопопу Грузинскаго Собора, или старшему священнику.

14. Грамота Серафима Митрополита 1825 г. № 67 о позволеніи служить литургію въ Грузинскомъ Соборѣ съ открытыми Царскими Дверями.

15. Церемоніаль, наблюдаемый въ Грузинскомъ Соборѣ, во время праздника Креста дня 6-го іюля.

16, 17. Указъ изъ Новгородской духовной консисторіи и рапортъ протоіерея Малиновскаго къ Митрополиту Михаилу о позволеніи при служеніи литургіи въ Грузинскомъ Соборѣ каждый годъ 29-го іюня присоединять благодарственное молитвословіе, съ колѣнопреклоненіемъ въ память въ этотъ день слушанія литургіи объявленія Императоромъ Александромъ 1-мъ Высочайшаго благоволенія за найденный порядокъ въ Соборѣ.

II.

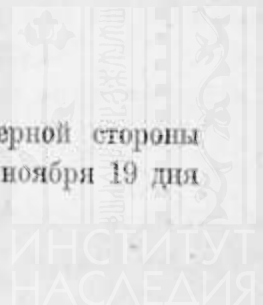
Тетрадь содержитъ въ себѣ:

Дѣло переписку Гр. Аракчеева съ Преосв. Митрополитомъ Амвросіемъ Новгородскимъ 1813 г. изъ-за границы присланной отъ Графа въ Грузинскій Соборъ, серебряномъ потирѣ, здѣланномъ въ г. Франкфуртѣ-на-Майнѣ на границѣ французской.

III.

Тетрадь содержитъ въ себѣ:

Дѣло объ открытіи въ Грузинѣ памятника, воздвигнутаго съ сѣверной стороны Собора, покойному въ бозѣ почивающему Императору Александру I ноября 19 дня 1833 г.

IV.

Число вещей.

Тетрадь содержитъ въ себѣ:

Переписку и описаніе О знаме Св. Кн. Владиміра Кіевскаго, находящееся въ Грузинскомъ Соборѣ, съ печатаннымъ онаго рисункомъ.

О с о б о.

По Грузинскому Собору указы и акты съ 1801 по 1818 г. 1.

Разныя вещи.

З в а н і е В ѣ щ е й.

1-е.

Портретъ, писанный на холстѣ, Кіевскаго монастыря схимника слѣпного Вассіана, въ вызолоченной, рѣзной рамѣ, въ Графской комнатѣ. 1.

2-е.

Купель желѣзная съ тремя Херувимами, покрашенная красною краскою, по краю съ надписью: «Аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ войти въ Царство небесное». 1.

3-е.

Чаша для водоосвященія, желѣзная съ тремя Херувимами, покрашена красною краскою 1.

4-е.

Рукомойникъ стеной стазомъ зеленой мѣди 1 пара.

5-е.

Подсвѣчники деревянные рѣзныхъ, покрашенныхъ бѣлою краскою, съ вызолоченными Херувимами и Гирляндами, къ плащаницѣ большихъ

6-е.

Фонарь жестяной вызолоченный, съ 4-мя евангелистами и съ стеклами, въ срединѣ онаго лампадка; поставленъ позади Андреевскаго престола, противъ креста 1.
Для онаго фонаря подножіе чугуное.

7-е.

Фонарь выносной, жестяной, со стеклами 1.

8-е.

Фонарей жестяныхъ стеной со стеклами, покрашенныхъ зеленою краскою 7.
Щипцовъ стальныхъ для сниманія со свечъ 2.

9-е.

Число вещей.

Два фонаря для новой колокольни, 1-й ручной, весь жестяной, безъ стеколъ, 2-й жестяной же со стеклами, шестиугольной, который ставится на площадкѣ у коло- коловъ	2.
---	----

10-е.

Вѣнцовъ для свадьбы съ позолотой	2.
--	----

11-е.

Станокъ желѣзный для вѣшанія кадила	1.
---	----

12-е.

Станокъ желѣзный на 3-хъ ножкахъ съ поддоникомъ, для вѣшанія кадила, для употребленія во время службы въ Графскомъ домѣ	1.
--	----

13-е.

Мѣхи для угольника	1.
Щипцовъ желѣзныхъ для углей	2.
Жестянка для углей	1.

14-е.

Зеркало стенное въ рамкѣ красного дерева	1.
--	----

15-е.

Гребенокъ костеныхъ для употребленія священнослужителей	2.
---	----

16-е.

Подушекъ, употребляемыхъ въ колѣнопреклоненіи священниками и діакономъ, набитыхъ паклей, большая вся изъ канвы вышитой	1.
Подушекъ малыхъ, сверху шитая канва, а снизу сукно	2.

17-е.

Часы стѣнные англійскіе въ футлярѣ красного дерева	1.
--	----

18-е.

Аршинъ мѣдный съ надписью: «Грузинскій Соборъ».

19-е.

Мѣхи ручные, для пыли, сафьяные тисненные, англійскіе	1.
Щетокъ ручныхъ для обмѣтанія пыли съ иконостаса	2.

20-е.

Термометровъ, на мѣдныхъ доскахъ въ жестяныхъ футлярахъ	2.
---	----

Мебѣль Церковная.

1-е.

Число вещей.

Для церковной библіотеки шкаповъ краснаго дерева, съ филенчатыми о 4-хъ стек-
лахъ съ дверями 3.

Изъ нихъ два куплены у мастера Гимбса за 500 р., а третій сдѣланъ въ Грузинѣ
мастеровыми сей вотчины, въ кладѣ Гр. Аракчеева.

2-е.

Кресла складныя для Архіерея, ясеневаго дерева, къ онымъ чехоль и подушка
волосыная, обшита кругомъ оранжевымъ шерстянымъ бархатомъ 1

3-е.

Табуретовъ дубовыхъ, обитыхъ желтой полосатой матеріей, для священниковъ,
въ олтарѣ 3.

4-е.

Налоевъ, краснаго дерева, шкафиками, на крылосахъ 2.

5-е.

Налой складной березоваго дерева, обитый зеленымъ сафьяномъ, для чтѣнія двухъ
церковныхъ вмѣстѣ книгъ, во время всенощной 1.

6-е.

Налой складной, обтянутой коврикомъ, для чтенія книгъ простаго дерева, выкра-
шенъ зеленою краскою 1.

7-е.

Налой простаго дерева со шкафикомъ, выкрашенъ бѣлою краскою, на клиросѣ
трехъ святителей 1.

8-е.

Налоевъ для образовъ, простаго дерева 7.

9-е.

Налой ясеневаго дерева, для чтенія книгъ, въ комнатѣ Его Сіятельства, съ двумя
полками высокой 1.

10-е.

Налой простаго дерева, съ одной полкой, въ оной же комнатѣ, низкой 1.

11-е.

Столъ для мундира покойнаго Императора Александра 1-го, простаго дерева 1.

12-е.		Число вещей.
Столовъ простаго дерева, выкрашенныхъ дикою краскою		2.
13-е.		
Столъ простаго дерева мѣрою противу Андреевскаго престола		1.
14-е.		
Столъ письменный березовый съ черной кожей съ боковъ глухо задѣланный надъ банковымъ сундукомъ		1.
15-е.		
Стульевъ простаго дерева, выкрашенныхъ подъ бронзу, переплетенныхъ камышемъ.		7.
16-е.		
Ящикъ для песку простаго дерева, выкрашенъ красной краскою		1.
17-е.		
Стремянка простаго дерева, о 7-ми ступеняхъ		1.
18-е.		
Штора зеленого Левантину, подшитые бѣлымъ коленкоромъ, въ окошкахъ.		4.
Шторы живописныя на коленкорѣ		1.
Ширмы, обтянутыя парусиною, выкрашенные, кажде о 5 штукаxъ		2.
19-е.		
Шкаповъ простаго дерева со стеклами на двухъ малыхъ хорахъ для ризницы, разной величины		5.
20-е.		
Тумбъ простаго дерева въ Олтаряхъ Андрѣевскомъ и Алексеевскомъ, для выноснаго большаго креста и запрестольной Богоматери, выкрашенныхъ бѣлою краскою.		2.
21-е.		
Тумбъ простаго дерева, крашенныхъ, для водоосвященія на волхове подъ крестъ, образъ и фонарь		3.
22-е.		
Налоевъ простаго дерева, на которыхъ содержатся наложныя одежды		4.
23-е.		
Столовъ простаго дерева, на которыхъ содержатся престольныя одежды		2.

24-е.

Число вещей.

Столовъ простаго дерева, въ которыхъ хранятся одежды съ жертвенниковъ и со стола для водоосвященія 2.

25-е.

Столовъ простаго дерева, панихидныхъ, они же и для водоосвященія, подъ одежды. 4.

26-е.

Табуретъ простаго дерева, на которомъ хранится Андреевской ризницы челены съ херувимами 1.

27-е.

Жестянокъ съ пружинами бѣлыхъ съ золотомъ къ мѣстнымъ образамъ въ Петропавловскомъ предѣлѣ 2.

28-е.

Такихъ же жестянокъ къ выноснымъ бронзовымъ подсвѣчникамъ 2.

29-е.

Такихъ же жестянокъ для столовыхъ, бронзовыхъ подсвѣчниковъ, на столикъ. 4.

30-е.

Пыжевниковъ желѣзныхъ для чищенія въ оныхъ трубкахъ воскъ 2.

31-е.

Столикъ для содержанія свечъ, съ ящиками, обитой въ серединѣ въ верхнихъ ящикахъ англійскою жестью, съ замкомъ и ключомъ 1.

32-е.

Стремянокъ.

Большая простаго дерева для люстры о 14-ти ступеняхъ 1.
Простаго дерева о 4-хъ ступеняхъ 2.
Ясеневаго дерева о 3-хъ ступеняхъ 1.
Дубовая складная съ железными 10-ю ступенями 1.

33-е.

Вѣшелокъ простаго дерева.

Для обыкновеннаго служенія.

Для двухъ священническихъ ризъ 1.
Для одного діаконскаго стихаря, съ одной стороны съ пялой и съ кольцомъ. 1.
Для четырехъ стихарей на обѣ стороны спялами и железными крючками 2.

34-е.

Вѣшелокъ для Христовской службы.

	Число вѣщей.
Для одной ризы и одного стихаря	1.
Вѣшелокъ на обѣ стороны снѣлами, крючками и кольцами	2.
Такая же вѣшалка безъ пѣль, на обѣ стороны съ крючками и кольцами	1.
Вѣшелокъ на одну сторону безъ пѣль, съ крючками и кольцами	4.

35-е.

Для свѣчъ, трубокъ жестяныхъ съ пружинами, бѣлыхъ лакированныхъ съ позолотой, для водоосвященія, бѣлаго желѣза, чаши 4.

36-е.

На большомъ подсвечникѣ, который стоитъ передъ образами св. Ап. Андрея Первозваннаго, жестяная трубка, росписана золотомъ 1.
Къ оной трубкѣ шкаликъ, жестяной 1.

37-е.

На подсвечникъ бронзовой съ бисеромъ, стоящей на столикѣ съ мундиромъ покойнаго Императора Александра I, трубка съ пружиною, расписанная золотомъ 1.

38-е.

Портретъ, писанной на холстѣ Юрьевского Новгородскаго монастыря Архимандрита Фотія въ вызолоченной рѣзной рамѣ, въ Графской комнатѣ подаренной Графу Камеръ-фрейлиной Гр. А. А. Орловой-Чесмынской 1.

Вѣщи для водосвященія въ навечеріи Крещенія Господа Іисуса Христа.

Чаша бѣлаго желѣза для водосвященія на праздникъ Крещенія Господня, съ мѣднымъ придѣланными къ ней снаружи Херувимами, крестами и по краю трубками для свечъ. 1.

Оная здѣлана мастеромъ Нейманомъ 1832 г. Заплачено 200 руб., да за 4 большихъ трубки для свечъ 50 руб. Всего 250 руб.

Ковшъ большой мѣдной, внутри вылуженной для разливанія изъ оной чаши воды, съ мѣдными придѣланными снаружи Херувимами, ручкою и крестами. Заплачено 40 руб. 1.

Воронка бѣлаго желѣза, съ такими же крестами снаружи 1.

Амвонъ деревянной для водоосвященія въ навечеріи означеннаго праздника, на коемъ становится означенная чаша, съ одной ступенью выкрашенная зеленою краскою и съ двумя железными крючками. 1.

Коверъ Англіинской, подложенной холстомъ, коими покрывается означенный Амвонъ, мерою въ длину 2 арш. 14 вер., ширину 2 арш. 12 вер. 1.

Налоевъ деревянныхъ простыхъ подъ одежду, на коихъ на среднемъ кладутъ крестъ и евангеліе, а два боковыхъ; на одномъ полагають блюдо съ финикомъ, а на другомъ ковши для разливанія воды 3.

Одежды на эти налои записаны въ военной ризницѣ.

Колокола.

Старинныя.

	Число.
Первой вседневной 47 пуд. 2 фун.	1.
Второй 25 пуд.	1.
Третьей отъ 4 до 5-ти пуд.	1.
Четвертой отъ 3-хъ до 4-хъ пуд.	1.
Пятой 2 пуд. 20 фун.	1.

Новыя вылитыя Гр. Аракчеевымъ въ 1824 г. въ Москвѣ.

Первой подъ названіемъ Анастасіевской, въ косяхъ вѣсу 100 пуд. 39 ф., а языкъ къ нему 3 пуд. 12 фун.	1.
Второй подъ названіемъ Алексѣевской, въ косяхъ вѣсу 208 пуд. 8 фун., а языкъ къ нему 6 пуд. 1 фун.	

Ковры и сукна на полъ.

1-е.

Число вещей.

Коверъ синяго цвѣту съ краснымъ, для въ стрѣчи въ Соборъ Архіереевъ, и постигается отъ решетки чрезъ всю церковь на крыльцо оной по ступенямъ до земли, длиною 18 арш., шириной 2 арш. 7 вер., цѣной 500 руб. Сдѣланъ въ Харьковѣ, «въ кладѣ Гр. Аракчеева».	1.
--	----

2-е.

Коверъ въ Андрѣевскій предѣлъ, постигаются предъ Царскими и Северными дверьми, цвѣтныхъ, сдѣланныхъ на фабрикѣ князя Девлеткильдѣева	3.
--	----

3-е.

Коверъ, по бѣлой землѣ черные кресты изъ 5-ти штукъ, постигается въ Андрѣевскомъ Олтарѣ и предъ Северными и Южными дверьми; сдѣланъ на фабрикѣ Слободско-Украинской, помѣщицы Настасіи Николаевны Надаржинской, для употребленія съ траурною и фіолетовою ризницами	1.
---	----

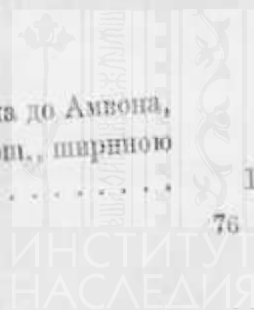
4-е.

Коверъ большой, по дикой землѣ бѣлые и черные цветы изъ 5 штукъ, подшитой равендукомъ, постигается въ Андрѣевскомъ олтарѣ и предъ сѣверными и южными дверьми, сдѣланный на фабрикѣ Слободской-Украинской, помѣщицы Настасіи Надаржинской.	1.
---	----

5-е.

Коверъ Россійской фабрики, въ Андрѣевскомъ предѣлѣ, отъ престола до Амвона, по темной землѣ съ цвѣтами, подшитою холстиною; мѣрою длиною $5\frac{3}{4}$ арш., шириною $1\frac{3}{4}$ арш.	1.
---	----

Труды XV Съѣзда. Т. I.

6-е.

Число вещей.

Коверъ Англинской, въ Андрѣевскій предѣлъ, постигается предъ ступенями отъ одного клироса до другого, по голубой землѣ цвѣты; обложенъ съ трехъ сторонъ бордюромъ съ алагрекомъ, подшитой холстиною, въ два полотнища; мѣрою длиною 6 арш., а шириною $2\frac{1}{2}$ арш. 1.

7-е.

Коверъ Англинской съ желтыми цвѣтами и разетами по Голубой землѣ, подшитый холстомъ. Длинною 5 арш., шириною 4 арш.: въ клада Гр. Аракчеева. 1.
Сей коверъ употребляется въ большіе праздники для молебновъ.

8-е.

Коверъ, подикой землѣ бѣлые цветы съ бордюромъ бѣлые розаны, подшитъ холстомъ. Длинною 9 арш., шириною $2\frac{1}{4}$ арш. въ клада Слободской-Украинской помѣщицы Настасіи Николаевны Надаржинской; сдѣланъ въ Харьковской губерніи, на собственной ея фабрицѣ. 1.

Оной употребляется при Архіерейскомъ служеніи, въ Петропавловскомъ предѣлѣ, по ступенямъ отъ Царскихъ дверей.

9-е.

Коверъ чернаго цвѣта, съ бѣлыми мушками; длиною $5\frac{1}{4}$ арш., ширина $4\frac{1}{4}$ арш. Сдѣланъ въ Харьковѣ для служенія панихидъ за упокой въ клада Гр. Аракчеева 1.
Этотъ коверъ подшитъ тонкимъ бѣлымъ холстомъ, употреблено холста 41 арш..

10-е.

Коверъ французской, по зеленой землѣ разбросанные цвѣты, въ Петропавловской предѣлѣ, постигается между верхними ступенями, на площадкѣ у амвона, а въ длину отъ стѣны до стѣны $7\frac{1}{2}$ арш., подшитой холстиною. 1.

11-е.

Коверъ, по зеленой землѣ бѣлые розаны, вырезной, постигается предъ престоломъ въ Царскихъ Дверяхъ, въ Петропавловскомъ предѣлѣ, подшитъ равендукомъ. 1.

12-е.

Чехолъ на Амвонъ изъ разноцветнаго Англинскаго ковра, по бланжевой землѣ, употребляется во время св. Пасхи, для чтенія Евангелія. 1.

13-е.

Коверъ Англинскій, голубой съ цвѣтами и бѣлыми мушечками. Постигается ежедневно въ Царскихъ Дверяхъ, въ предѣлѣ трехъ святителей мѣрою: въ длину его $5\frac{1}{2}$ арш., а въ ширину 2 арш. Цѣна 109 рублей. 1.

14-е.

Коверъ Англинскій ранжевый съ цвѣтами, подшитой равендукомъ, праздничной, постигается въ Алексѣевскомъ предѣлѣ, предъ Царскими Дверьми въ длину 5 арш. 8 верш. 1.

15-е.

Число вещей.

Коверъ желтой, съ бордюромъ, витая ленточка, въ серединѣ въ кругѣ розетъ.
Длиною 3 арш., шириною $2\frac{1}{2}$ арш., въ Графской комнатѣ. 1.

16-е.

Коверъ клетчатый, плетеной изъ гаруса, длиною 2 арш. въ клада Новгородской
помѣщицы Елизаветы Григорьевны Путятиной, постигается на среднихъ хорахъ 1.

17-е.

Коверъ, у коего середина по голубой землѣ клеточками, кругомъ съ бордюромъ.
Длиною 4 арш. 2 верш., шириною 2 арш. $11\frac{1}{2}$ верш., подшитъ тонкимъ бѣлымъ холстомъ.
Холста на оной употреблено 18 арш. Оной для всенеднаго употребленія. 1.

18-е.

Коверъ, по желтой землѣ цветной, съ бордюромъ и бахромою длиною 2 арш.
7 верш., шириною 1 арш. 9 верш., подшитъ по краямъ чернымъ коленкоромъ, а середина
бѣлымъ холстомъ въ клада Елизаветы Григорьевны Путятиной, подъ напой и столикъ,
на коемъ хранится мундиръ въ бозѣ почивающаго Императора Александра благосло-
веннаго 1.

19-е.

Сукна краснаго, подшитаго парусиной, въ Андрѣвскій предѣлъ въ Олтарь, кругомъ
престола три штуки 1-й длиною $7\frac{1}{2}$ арш. въ одно полотнище, 2-й и 3-й по полтора
полотнища, длиной $3\frac{1}{4}$ арш. 3 шт.

20-е.

Сукна, чернаго, подшитаго холстомъ, шесть штукъ постигается въ Андрѣвскомъ
придѣлѣ, въ олтарь и предѣ северными и южными дверьми 6 шт.

21-е.

Войлоковъ, обшитыхъ зеленымъ сукномъ: 1-й длиною 2 арш. 5 верш., шириной
1 арш. 6 верш.; 2-й и 3-й длиною 1 арш. $10\frac{1}{2}$ верш., шириной 1 арш. $4\frac{1}{2}$ верш.; 4-й дли-
ной 2 арш. 8 верш., шириной 2 арш. 4 верш.; съ вырѣзаннымъ угломъ. 4 шт.

22-е.

Коверъ, краснаго сукна, длиной $3\frac{1}{2}$ арш., шириной $2\frac{1}{4}$ арш. 1.
Постигается на ступени подъ плащаницу въ Страстную Пятницу.

Чехлы, покрывалы, простыни и Полотенца.

Чехлы тонкой бѣлой холстины.

Для напестольной Андрѣвской и Александровской одежды. 1.
Для напестольной Новгородской одежды. 2.
Для жертвенниковъ. 1.

	Число вещей.
Для Андреевских налоевъ	2.
Для Александровских налоевъ.	1.
Для Новгородских налоевъ.	1.
Для Парижских налоевъ изъ коленкора.	2.
Для Андрѣевских налойныхъ съ Херувимами пелень	2.
Для столиковъ къ водо освященію	1.
Для бронзового подсвѣчника, находящагося у мощей	1.
Для большой бронзовой люстры, кисейной бѣлой	1.

Покрываловъ холстинныхъ тонкихъ для покрытія ризъ и стихарей.

Андрѣевской ризницы изъ вѣтоши	10.
Александровской ризницы изъ вѣтоши	10.
Новгородской ризницы.	7.
Алексѣевской ризницы изъ вѣтоши	4.
Военной ризницы изъ вѣтоши	4.

Простыни русской тонкой холстины.

Для покрыванія мундира покойнаго Государя Александра I и наложъ въ четыре полотнища съ надписью: «на каждой № 6-й и 10-й 1820 г. № Ф.»	2.
--	----

Въ шкапахъ на полкахъ.

Для покрытія Андрѣевской ризницы. Длинною 3 арш. 4 верш., шириною $3\frac{1}{2}$ полотнища.	1.
Для покрытія Александровской ризницы. Длинною 1 арш. 13 верш., шириною $3\frac{1}{2}$ полотнища.	1.
Для покрытія Новгородской ризницы, длинвою 1 арш. 15 верш., шириною $3\frac{1}{2}$ полотнища.	1.
Для покрытія военной ризницы, длиною 1 арш. 15 верш., шириною 3 полотнища	1.
Для покрытія Алексѣевской ризницы, длиною 1 арш. 15 верш., шириною 4 полотнища.	1.
Для Белокосовой ризницы, длиною 3 арш., шириною въ 3 полотнища, съ надписью: Грузинскаго Собора, для ризницы 1824 г. № 1-й и 4-й»	2.
Для покрытія траурной ризницы, длиною 2 арш. 8 верш., шириною $3\frac{1}{2}$ полотнища.	1.
Для покрытія ризницы, состоящей изъ разныхъ вещей, длиною 1 арш. 13 верш., шириною $3\frac{1}{2}$ полотнища	1.
Для ношенія ризницы, длиною 3 арш., шириною въ $2\frac{1}{4}$ арш.	1.

Простыни для разнаго употребленія.

Длинною 3 арш., шириною въ 3 полотнища съ надписью: «Грузинскій Соборъ, для ризницы 1824 г. № 2 и 3».	2.
Длинною 3 арш., шириною 4 полотнища	2.
Холстина для постиланія на коврахъ, фламскаго полотна, длиною 5 арш. 7 верш., шириной $1\frac{1}{2}$ арш.	1.

Полотенецъ коленкоровыхъ бѣлыхъ.

Для покрытія воздуховъ.

	Число штукъ.
Андрѣевскихъ богатыхъ	3.
Андрѣевскихъ вторыхъ	3.
Александровскихъ	3.
Новгородскихъ коленкоровыхъ	1.
» атласныхъ бѣлыхъ	2.
Алексеѣвскихъ	3.

Для разныхъ лежащихъ воздуховъ, въ бумажномъ кардонѣ.

Длиною 1 арш. 3 верш., шириною 1 арш. 1 вер. — 9.	
» » 1 верш. » 1 арш. 1 верш. — 7.	
» » 13 верш., » 13 арш. 1 верш. — 22.	Всего 38.

Для покрытія Андрѣевскихъ наложныхъ съ Херувимами пеленъ, длиною 2 арш. 11 верш. шириною 2 арш. 14 верш. каждое.	2.
--	----

Для перекладки пеленъ Александровской ризницы.

Длиною 1 арш. 8 $\frac{1}{2}$ верш., шириною 1 арш. 15 вер. — 3 шт.	
» 2 арш. 8 $\frac{1}{2}$ верш., » 1 арш. 15 вер. — 1 шт.	
» 2 арш. 1 верш., » 1 арш. 1 вер. — 1 шт.	Всего 5.
Кисейное для покрытія креста, съ цвѣтами въ бумажномъ футлярѣ.	1.
Коленкоровое для покрытія орарей, въ бумажномъ футлярѣ.	1.

Полотенецъ для разнаго употребленія.

На столикъ къ престолу Ленобатистовое шитое разными шелками, обложено съ трехъ сторонъ Пикиетомъ.	1.
---	----

Сіе полотенецъ изъ гардероба Великой Княгини Анны Федоровны.

Для наложъ къ престолу Кисейное, шитое бѣлой бумагой, на подкладкѣ ранжеваго Левантину, въ кладѣ Слободско-Украинской помѣщицы Настасіи Николаевны Надаржинской 1821 г. въ Ноябрьѣ.	1.
---	----

Изъ Кіева 3 полотенецъ, два русской холстины, шитые бумагой, а 3-е ткацкой холстины, шитой бумагой въ танбуръ съ кружевомъ въ Мартѣ 1827 г.	3.
---	----

Изъ оныхъ два для столика къ престолу, а 3-е для умовенія рукъ, при Архіерейской службѣ.	2.
--	----

Холстинныхъ на столикъ къ престолу, шитые шелкомъ съ золотой бахромой. . . .	1.
--	----

Кисейное шитое разными шелками на столикъ къ престолу.	1.
--	----

Холстинныхъ вышитыхъ по концамъ шелками, для причастниковъ, одинъ съ серебромъ, а другой съ золотомъ и бахромой.	2.
--	----

Полотенецъ къ зеркалу, для умовенія рукъ священникамъ, съ бѣлой каймой, на которыхъ клеймо Н. Ф. 1823 г.	6.
--	----

Полотенецъ тонкой холстины съ широкимъ кружевомъ на обѣихъ сторонахъ, къ Архіерейскому служенію	1.
---	----

Полотенецъ пылевыхъ съ надписью: «Грузинскій Соборъ 1825 г.»	12.
--	-----

Фартукъ полотняный	1.
------------------------------	----

Маты пеньковые на полъ.

Въ главномъ придѣлѣ подъ хорами.

Число вещей.

Гладкихъ, длиной 3 арш. 9 верш., шириною 2 арш. 4 верш. 6.

У среднихъ дверей.

Длиной 2 арш. 11 верш., шириною 11 верш. 1.

У дверей боковыхъ изъ паперти.

Длиной 1 арш. $12\frac{1}{2}$ вер., шириною 1 арш. 1.

У круглой лѣстницы на хоры.

Мохнатая, длиной 1 арш. $2\frac{1}{2}$ вер., шириною 11 вер. 1.

Въ верху на оной.

Гладкая, длиной 1 арш. $1\frac{1}{2}$ вер., шириною 14 вер. 1.

На хорахъ.

Кружковъ пеньковыхъ. 3.

На клиросахъ.

Матовъ гладкихъ, длиной 2 арш. 7 вер., шириною 1 арш. 13 вер. 4.

Въ Трехъ-Святит. придѣлѣ между клиросами.

Мата пеньковая, длиной 4 арш., шириною 4 арш. Цѣна 80 руб. 1.

Въ томъ же придѣлѣ подъ хорами.

Мать 1 длиной 4 арш. 5 вер., шириною 2 арш.

» 2	» 3	» $13\frac{1}{2}$	» 1	» $14\frac{1}{2}$	вер.	
» 3	» 3	» $13\frac{1}{2}$	» 3	» $1\frac{1}{2}$	»	
» 4	» 3	»	1	» $7\frac{1}{2}$	»	4.

Въ паперти съ прихода.

Мать длиной 3 арш. 11 вер., шириною 2 арш. $9\frac{1}{2}$ вер. 1.

» » 1 арш. 12 вер., » $13\frac{1}{2}$ вер. 1.

На крыльцѣ.

Мата хохлатая, длиной 1 арш. 8 вер., шириною 11 вер. 1.

» гладкая, длиной 1 арш. $7\frac{1}{2}$ вер., шириною 1 арш. 1.

У чугунаго храма.

Мата гладкая, длиной $1\frac{1}{2}$ арш., шириною $1\frac{1}{4}$ арш. 1.

Вѣщи Моденской церкви.

Званіе вѣщей.

Число вѣщей.

Риза Священническая, золотой парчи съ такими же оплечьями.	1.
Стихареъ Діаконскій, золотой парчи, съ наподольникомъ розоваго атласу.	1.
Епитархиль шелковой матеріи.	1.
Набедренникъ парчевой, кругомъ обложенъ узкимъ серебрянымъ гасомъ.	1.
Палица изъ Англійскаго коврика, съ крестомъ золотого гаса и съ золотыми кисточками.	1.
Поручей шелковой матеріи съ крестами узкаго серебрянаго балетику.	2 пары.
Поясъ священническій розовой Гарнитуровой.	1.
Орареъ Діаконскій, шелковой матеріи.	1.
Подризникъ, камчатной, красной, съ наподольникомъ розоваго атласа, шитый шелками.	1.
Одежда на престолъ, чернаго плису, обложена кругомъ широкимъ серебрянымъ гасомъ, а спереди крестъ узкаго серебрянаго гасу.	1.
Покровъ на престолъ чернаго плису, обложенъ серебрянымъ широкимъ гасомъ, съ крестомъ узкаго серебрянаго гасу, съ 4-мя золотыми кисточками на углахъ.	1.
Одежда на жертвенникъ чернаго плису, съ двухъ сторонъ, обложена широкимъ серебрянымъ гасомъ.	1.
Одежда на лойныхъ, чернаго плису, съ трехъ сторонъ обложены широкимъ серебрянымъ гасомъ, а кресты узинькаго гасу.	2.
Пелень на лойныхъ такого же плису, съ крестами узинькаго серебрянаго гасу и обложены широкимъ серебрянымъ гасомъ, а на углахъ по четыре золотыя кисточки.	2.
Пелена черная плисовая съ 4-мя золотыми крестами подъ Евангеліе.	1.
Воздуховъ парчевыхъ съ золотыми узинькаго гасу крестами.	3.
Занавесь у Царскихъ дверей, малиновой шелковой матеріи.	1.
Одежда на столикъ къ водо освященію, штофная лиловаго цвѣта, кругомъ обложена бѣлой тесьмой, съ крестомъ такой же тесьмы, на подкладкѣ пестрой выбойки.	1.
Пелена на этотъ же столикъ, штофная такого же цвѣта, обложена кругомъ бѣлой тесьмой съ крестомъ такой же тесьмы, на подкладкѣ пестрой выбойки, на углахъ 4 бумажныя кисточки.	1.
Одежда на панихидный столикъ, черной китайки, по подолу обшита бѣлой тесьмой съ такимъ же крестомъ.	1.
Пелена на оный же столикъ, черной шелковой матеріи, обложена вокругъ широкимъ серебрянымъ гасомъ.	1.
Клеенка на этотъ же столикъ съ крестомъ бѣлой тесьмы.	1.
Покровъ на катафалке для усопшихъ чернаго казмиру, обшить вокругъ бѣлой тесьмой, съ крестомъ и поперечниками, такой же тесьмы, а на углахъ 4 кисти бѣлыя.	1.
Клеенка на этотъ же катафалкъ, подложена тикомъ и обшита черными ленточками, Мѣрой въ длину 3 ¹ / ₄ арш. въ одно полотнище.	1.

Для налая у катафалка.

Одежда налая, черной шелковой матеріи, по подолу обложена широкимъ серебрянымъ гасомъ, съ такимъ же крестомъ.	1.
Пелена налая черной шелковой матеріи, обложена вокругъ широкимъ серебрянымъ гасомъ, съ крестомъ такого же гаса.	1.

Ризы и Оклады серебряныя на Св. Иконахъ.

Число вещей.

На образѣ Николая Чудотворца, риза серебряная, въ рамѣ, корельской березы въ кладе вологодскаго купца Ягодникова	1.
На налойномъ образѣ Николая Чудотворца, риза шитая серебромъ и золотомъ, на фольгѣ, въ ясневой рамѣ	1.
На образѣ Θεодосія Тотемскаго, риза шитая на фольгѣ съ бисеромъ и камнями, въ рамѣ корельской березы	1.
Лампадка серебряная, съ цѣпочкой у образа Николая Чудотворца.	1.
Крестъ напрестольный, посеребренный, съ финифтью, купленной Графомъ въ селѣ Курганахъ	1.

Медныя вещи.

Подсвѣшникъ большой мѣдной о 33 свѣчахъ у налойнаго образа Николая Чудотворца.	1.
Подсвѣшниковъ, выносныхъ, мѣдныхъ.	2.
Подсвѣчниковъ, мѣдныхъ, бѣлыхъ, полированныхъ, на панихидный столъ.	4.
Лампады большихъ мѣдныхъ, посеребренныхъ у мѣстныхъ образовъ.	2.
Лампада небольшая мѣдная, посеребренная въ олтарѣ передъ образомъ Спасителя.	1.
Кадиль мѣдныхъ.	2.
Ладоница мѣдная съ ручками и съ надписью: «на кладбищѣ въ Моденскую церковь 1816 г.	1.
Чаша медная, луженая для водоосвященія.	1.
Ковшикъ мѣдной, луженой	1.
Чайникъ мѣдной	1.
Рукомойникъ стѣнной съ тазомъ, зеленой мѣди.	1.

Желѣзныя.

Щипцовъ стальныхъ, для сниманія со свечъ	1.
Щипцы желѣзные для углей.	1.
Кружка желѣзная, для сбора денегъ, окрашена бѣлой краской.	1.

Хрустальныя вещи.

Люстра хрустальная о 4 подсвѣчникахъ	1.
Накладочекъ хрустальныхъ на настольныхъ подсвѣчникахъ.	4.

Мебѣль и разныя деревянныя вещи.

Подсвѣшниковъ деревянныхъ съ жестяными верхами, выкрашены бѣлой краской, противъ мѣстныхъ образовъ.	4.
Подсвѣшниковъ, выкрашенныхъ черной краской у катафалка	5.
Фонарь выносной о 6 стеклахъ	1.
Столикъ для водо освященія, простаго дерева, складной	1.
Налой складной, обтянутый чернымъ сукномъ, для чтенія книгъ	1.
Налоевъ для чтенія Евангелія и у образовъ	3.
Столъ простаго дерева, подъ кружку къ сбору денегъ.	1.
Стульевъ простаго дерева, плетенныхъ камышемъ, выкрашенныхъ бѣлой краской.	2.
Мѣхи для углей каменные	1.

Разныя Вѣщи.

Число вѣщей.

Портретъ, писанный карандашомъ на стеклѣ Императора Павла I, въ золоченой резной рамѣ	1.
Тарелокъ жестяныхъ, разной величины	4.
Скатертей холстинныхъ, шитыхъ красной бумагой, каждая въ 2 полотнища	2.
Полотенецъ холстинныхъ, шитыхъ красной бумагой	6.

Книги употребляемыя въ служеніи.

Апостоль, или дѣяніе Св. Апостоль, въ переплетѣ, печат. въ Москвѣ 1789 г. . . .	1.
---	----

Въ черномъ переплетѣ съ золотомъ.

Минея общая, печат. въ Москвѣ 1811 г.	1.
Требникъ, печат. въ Москвѣ 1819 г.	1.
Часословъ, печат. въ Москвѣ 1811 г.	1.
Псалтирь, печат. въ Москвѣ 1810 г.	1.
Служебникъ, печат. въ Москвѣ 1817 г.	1.
Служба въ день Николая Чудотворца, печат. въ Москвѣ 1808 г.	1.

Колокола старинные.

Первый отъ 8 до 9 пудовъ	1.
Второй отъ 3 до 4 пудовъ	1.
Третій 2 пуда 37 фун.	1.
Четвертый 23 фунта	1.

Вновь.

Вылить въ Москвѣ на заводѣ купца Самгина 1828 г. съ изображеніемъ лика Николая Чудотворца, съ надписью: «За упокой усопшихъ рабовъ Божіихъ Грузинской вотчины Гр. Аракчеевъ въ церковь Грузинскаго кладбища». Вѣсъ 20 пуд. 25 фун., къ нему языкъ 26 фунтовъ	1.
--	----

О надписи находящейся въ Грузинскомъ Соборѣ.

Въ Андрѣевскомъ предѣлѣ.

На мѣдныхъ доскахъ, вдѣланныхъ въ стѣну, выгравировано:

1.

У канастаса съ правой стороны.

«Въ 1796 г. месяца декабря 12 дня, Государь Императоръ Всероссійскій Павелъ I, пожаловалъ, въ Новгородской губерніи, волость, имянуемую село Грузино, разныхъ орденовъ кавалеру, Графу Алексею Андрѣевичу Аракчееву, которой воздвигнуть сей памятникъ церковь, Святаго Апостола Андрея Первозваннаго и Святую его икону украсить богатою серебряною и вызолоченною ризою съ камнями, въ коей вѣсу 5 фун. А при освященіи храма перенесена св. икона чино-священниками въ 1806 г. мѣсяца сентября 20 дня, въ память дня рожденія Государя Императора Павла I, въ присутствіи его Сіятельства Графа Алексея Андрѣевича Аракчеева и всей той волости благочестивыми христіанами»

2.

У канастаса съ лѣвой стороны.

«Копія съ собственноручнаго указа изъ мѣстечка Таурогена отъ 18 іюня 1807 г. О пожалованіи Графа въ полные генералы, слѣдующаго содержанія:

Господинъ Генераль-Лейтенантъ Гр. Аракчеевъ. Доведѣніе до превосходнаго состоянія Артиллеріи и успѣшное дѣйствіе оной въ продолженіи сей войны, такъ же и исправное снабженіе оной всѣмъ нужнымъ обязываетъ меня сдѣлать достойное воздаяніе заслугамъ вашимъ, почему приказомъ моимъ вчерашняго дня произведены вы въ Генералы отъ Артиллеріи. Примите Сіе знакомъ моей признательности и особеннаго моего благоволенія, съ коимъ пребываю Вашъ благосклонный»

Александръ.

3.

Подъ медальономъ Императора Петра I

Находится бронзовый гербъ кн. Меншикова.

На сторонахъ онаго Герба, слѣдующая надпись бронзовыми накладными литерами:

«Грузинская вотчина, бывшая во владѣніи монастырей, пожалована Государемъ Императоромъ Петромъ I въ 1705 г. кн. Александру Даниловичу Меншикову.

4.

Подъ медальономъ Императора Павла I

Находится бронзовый Гербъ Гр. Аракчеева съ девизомъ, «Безъ лести преданъ». На сторонахъ онаго герба слѣдующая надпись бронзовыми, накладными литерами:

«Грузинская волость, въ 2-хъ тысячахъ душахъ состоящая, пожалованная Государемъ Императоромъ Павломъ I, вѣчное потомственное владѣніе Гр. Ал. Аракчееву 1796 г. декабря 12 дня».

5.

Подъ медальономъ Императора Александра I

Находится бронзовый ковчегъ для храненія рескрипта, описаннаго въ описи драгоценныхъ вещей.

По сторонамъ онаго ковчега слѣдующая надпись, означающая, въ какое время Государь Императоръ Александръ I изволилъ посѣщать сей соборъ.

«1810 г. 7 іюня; 1816 г. 8 іюня; 1819 г. 27 іюня; 1820 г. 4 марта и 26 іюня». Продолженіе этого Высочайшаго посѣщенія находится на особой бронзовой доскѣ, съ боку вышеозначеннаго ковчега со слѣдующею надписью:

«1821 г. 22, 23, 24 іюня; 1822 г. 15 іюня; 1823 г. 15, 16, 17 марта и 3, 4 іюля; 1824 г. 24 и 25 іюня; 1825 г. 26 и 27 іюня».

Внизу этой надписи находятся двѣ бронзовыя медали.

Одна съ медальономъ Императора Александра I и съ надписью: «Александръ I Благословенный, скончался въ Таганрогѣ 19 ноября 1825 г.».

А другая со всѣвидящимъ окомъ и надписью: «Нашъ Ангелъ въ Небѣсахъ».

6.

Подъ картиной Ап. Ан. Первозваннаго

Находится: бронзовый ковчегъ, въ которомъ хранится подлинное письменное положеніе о Грузинскомъ заемномъ банкѣ подписанной всеми крестьянами Грузинской вотчины, которые въ то время умѣли писать и утвержденное Гр. Аракчеевымъ. По сторонамъ онаго слѣдующая надпись: «Грузинскій Соборъ Св. Ап. Ан. Первозваннаго, учрежденъ Императоромъ Александромъ I 1811 г. апрѣля въ 16 день».

7.

Снаружи собора, на восточной сторонѣ на колонадѣ въ дѣланъ въ каменную стѣну деревянный большой 8-конечный крестъ, на коемъ находится слѣдующія надписи, которые вырѣзаны для лучшей ясности желающимъ читать оныя на мѣдныхъ вызолоченныхъ доскахъ двухъ:

На верхней доскѣ:

Сей крестъ перенесенъ 1806 г. Графомъ Алексѣемъ Андрѣевичемъ Аракчеевымъ, и поставленъ внаружно-восточной стѣнѣ построенной новой церкви, ап. Ан. Первозваннаго, противъ горняго мѣста.»

На нижней доскѣ:

«Поставленъ сей святой и животворящій честной крестъ Христовъ, въ лѣто **ЗСА** (отъ Рождества Христова 1693 г.) мѣа іюля въ 6 день, при державѣ Вел. Государей Царей и Вел. князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи, Самодержавцевъ и при Святѣйшемъ патріархѣ Адріанѣ Московскомъ и всея Россіи, и при митрополитѣ Корниліи В. Новгорода и В. Лукъ, при настоятелѣ власти тоя св. обители Воскресенія Христова, деревни Тцкаго монастыря, при Игуменѣ Маркелѣ съ братією тѣпаніемъ рабовъ Божіихъ, Грузинскаго погоста жителей и праздновать и молебны пѣть св. Ап. Ан. Первозванному іюля. въ 6 день.

Чудный крестъ Христовъ, на поклоненіе вѣрнымъ всемъ православнымъ христіанамъ К. Т. Ч. П. Х. и В. Т. С., что значить: Кресту Твоему честному поклоняемся Христе и Воскресеніе Твое славимъ».

Въ Алексеевскомъ предѣлѣ.

8.

Выше Царскихъ дверей на карнизѣ «Благодаримъ Господа».

Подъ онымъ карнизомъ на образѣ Тайной Вечери: «Примитѣ и ядитѣ сіе есть Тѣло Мое, еже за вы ломимое во оставленіе греховъ. — Питѣ отъ нея всі, сія есть Кровь Моя новаго завѣта, еже за вы и за многіи изливаемая, во оставленіе греховъ».

Внизу Царскихъ дверей.

«Иждивеніемъ благочестивыхъ крестьянъ Грузинской вотчины. При владѣніи Гр. Ал. Ан. Аракчеева 1816 г. сентябрю 23 дня».

На образѣ Пресв. Богородицы всѣхъ Скорбящихъ,
противъ праваго клироса.

«Избавительница крѣпкая, на тя надѣющимся настави мя Богородицѣ матернимъ Твоимъ Дерзновеніемъ Сыну Твоему, богоневѣстная, Спаси отъ бѣдъ рабъ Твоихъ, къ тебѣ прибѣгающіи упованіе въ скорбѣхъ на Тя возлагаемъ, сія васъ одѣтъ и вмрази сущихъ согрѣтъ. О Пресв. Дево небѣсная Царица одѣй ризой наготу нашу, Заступнице призри убо Маріе на скорбныхъ и грѣшныхъ. О Пресв. Дево явися намъ Мати, вдѣнь и внощъ не престанемъ припадати, благодаримъ Тя дѣво, яко насытила во Алчбѣ и Жаждѣ, сущихъ насъ удволила, подаждь утѣшеніе о Дѣво намъ далечѣ отстоящимъ, утѣши насъ странныхъ, вси покровъ бѣха. Не имѣемъ гдѣ нашихъ главъ подклонити отъ глада, колена ти приклонити. Сильна бо еси Маріе Радость».

А внизу онаго образа слѣдующая надпись:

Образъ сей Пресв. Богородицы, всѣхъ Скорбящихъ радости, Грузинскаго Собора, обложенъ въ Москвѣ серебряной съ позолотой ризою Гр. А. А. Аракчеевымъ, въ память благополучнаго Его возвращенія въ Грузино 30 ноября 1823 г., послѣ 3-мѣсячнаго изъ онаго по военнымъ поселеніямъ отсутствія. Въ оной ризѣ 20 фун. 75 зол. серебра. Золота употреблено на позолоту 74 зол.»

Въ особомъ столѣ рѣзномъ вызолоченномъ, за стекломъ находится ковчегъ съ частями св. мощей Кіевскихъ Чудотворцевъ, на которыхъ находится слѣдующая надпись:

«Святыя мощи угодниковъ Божіихъ, почивающихъ въ Кіевскихъ пещерахъ, преподобнаго Θεодосія, отъ Серапіона Митрополита Кіевского и Галицкаго и Кіево-Печерской Лавры Архимандрита, Гр. Ал. Ан. Аракчееву на благословеніе въ Грузинскій Соборъ Св. Ап. Ан. Первозваннаго 1819 г. Оной ковчегъ съ мощами подробно записанъ на 60 стр.

На Воздвигнутыхъ въ Соборѣ памятникахъ.

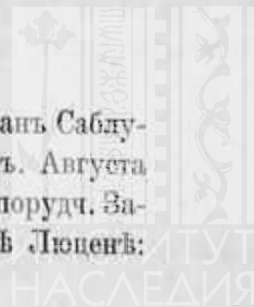
Въ Алексѣевскомъ предѣлѣ.

У памятника Гренадерскаго полка гр. Аракчеева.

Наверху въ полукруглѣ на щекатуркѣ надъ памятникомъ: «Въ память Гренадерскаго полка Гр. Аракчеева, офицерамъ, положившимъ жизнь свою защищая Государя и Отечество въ сраженіяхъ».

Въ Серединѣ этого памятника на
бронзовой доскѣ.

«1812 г. августа 7-го дня при деревнѣ Заблотьѣ и Любовѣ: Штабъ-капитанъ Саблуковъ, поручикъ Усовъ, подпоручикъ Кирилловъ, прапорщикъ Микульшинъ. Августа 26 дня при деревнѣ Бородинѣ, майоръ Куличевскій, поруч. Кондратьевъ, подпоруч. Засецкій, прапорщ. Дергачъ. 1813 г. апрѣля 20 дня въ Саксоніи, при мѣстечкѣ Люценѣ:

маіоръ Древецкій, прапорщикъ Аныхтинъ. мая 7 дня въ Саксоніи при дер. Кенигс-
вартѣ, подпорудчикъ Яндоуровъ 2-й. 1814 г. 18 марта при городѣ Парижѣ поруч. Яков-
левъ, подпоруч. Егоровъ».

Внизу оныхъ имянъ слѣдующія стихи:

1) «Се памятникъ сынамъ россійскія державы которы пламеннымъ усердіемъ горя;
въ бояхъ противъ враговъ на полѣ вѣчной славы скончали жизнь за вѣру и Царя».

(Сии стихи сочинены бывшимъ полковымъ командиромъ, что нынѣ Генераль-Лей-
тенантомъ, Борисомъ Яковлевичемъ Княжнинимъ).

Съ праваго бока сего памятника, на мѣдной доскѣ, выгравировано высочайшій
приказъ, отданный августа 30 дня 1808 г. слѣдующаго содержанія:

«Въ доказаніи признательности Его Императорскаго Величества, къ ревностной
службѣ и неусыпной дѣятельности, военного Министра Гр. Аракчеева, повелѣваемъ Ро-
стовскому полку носить Его имя».

Александръ.

Въ Петропавловскомъ предѣлѣ.

12.

У памятника воздвигнутаго въ память въ бозѣ почивающему Государю Императору
Павлу I.

Выше медаліона Императора Павла I.

На щекатурки въ полукружій.

«Чувствіе благодѣянаго».

На красномъ мраморѣ слова представленнаго воина.

«Сердце чисто и духъ правъ предъ Тобой».

13.

У подножія этого памятника на Гробномъ камнѣ:

«Да пребудетъ и прахъ мой у подножія изображенія Твоего».

«На семъ мѣстѣ погребенъ русскій Новгородскій дворянинъ Графъ Алексей Андрѣ-
вичъ Аракчеевъ; родился 1769 г. сентября 23 дня. Умеръ.

14.

У сего камня находится бронзовый литой Ангелъ, который одной рукой держитъ
щитъ Гр. Аракчеева, въ коемъ находится въ бронзовой рамѣ образъ Знаменія Божія
Матери въ серебряно-вызолоченной ризѣ, на задней сторонѣ коего находится вырезной
маршрутъ похода Государя Императора Александра I въ 1813 и 1814 г. отъ Вильны
до Парижа, что означено въ оной описи на 112 листѣ. А на Ангелѣ надѣтъ на цепочкѣ
образъ финифтевой съ надписью показанной на оборотѣ 103 листа. На ономъ же Ангелѣ
надѣтъ на цепочкѣ крестъ бронзовый, розданный при открытіи въ Грузинѣ памятника
покойному Императору Александру благословенному. На ономъ крестѣ обозначеніе
годовъ:

1777—	означаетъ	годъ	рождѣнія.
1801—	»	»	вступленія на престолъ.
1825—	»	»	кончины.
1833—	»	»	открытія памятника.

На другой сторонѣ креста слѣдующая надпись «Государю Императору, подданный постѣ кончины».

На надгробномъ камнѣ Генерала гр. Аракчеева, поставленъ серебряный подѣ-свѣшникъ по рисунку, помѣченному покойнымъ Графомъ, а здѣланный по Высочайшему повелѣнію Государя Императора Николая Павловича 1834 г. въ октябрѣ мѣсѣ. Высотою $9\frac{1}{2}$ верш., въ основаніи коего плинтъ въ одну сторону $3\frac{3}{4}$ верш., а въ другую сторону $2\frac{1}{2}$ верш. Вѣсомъ 5 фун. 72 зол.

Представляющій снизу на плинтѣ установленные песочные часы (съ хрустальной серединой).

На подножій подѣ часами съ одной стороны выгравированъ вензель покойнаго графа съ Эмблемой Вѣчности. Сверхъ песочныхъ часовъ стоитъ наклоненная на одну сторону Урна съ дубовымъ вѣнкомъ и съ Графской короной надъ урной. У Урны съ одной стороны выгравирована слѣд. надпись: «Скончался въ 5 час. утра 21 апрѣля 1834 г.». А съ другой стороны сдѣланъ накладной барельефный Гербъ покойнаго Графа.

Архіерейская ризница.

Число вѣщей.

Симъ именемъ называется потому, что къ оной ризницы здѣлана одежда для Архіерейскаго служенія.

Оная ризница состоитъ изъ желтой шелковой матеріи съ серебряными крестами. Здѣлана 1832 года въ іюне мѣсяцѣ, обновлена 26 дня, въ день Тихвинской Б. М.

З в а н і е в ѣ щ е й.

1. Ризъ священническихъ, матерія съ серебряными крестами, а оплечья серебрянаго глазета, съ колнкоровой желтой подкладкой, обложенныхъ около ворота, оплечья и на подолу въ одинъ рядъ широкимъ серебрянымъ гасомъ и съ такими же крестами и звездами. 2.
2. Подризниковъ 2.
3. Епитрахилей Глазетовыхъ Серебряныхъ, подложенныхъ колнкоровой желтой подкладкой и обложенныхъ вокругъ широкимъ серебрянымъ гасомъ и съ 3 такими же крестами 2.
4. Поясовъ желтой шелковой матеріи съ крестами, подкладкой желтаго колнкора и съ крестами узкаго серебрянаго гасу. 2.
5. Стихарь діаконской такой-же съ крестами, оплечья глазетовыя серебряныя, съ подкладкой фламскаго полотна, обложень около ворота узкимъ, а около оплечья по подолу и по рукавамъ широкимъ серебрянымъ гасомъ, съ такимъ же крестомъ 1.
6. Орарь діаконской, такой же матеріи, съ подкладкой желтаго французскаго Гранитуру и обложень кругомъ узкимъ серебрянымъ прозументомъ 1.
7. Стихарей, такой же съ крестами матеріи, а оплечье глазетовое серебр., съ подкладкой фламскаго полотна, обложенныхъ около ворота узкимъ серебрянымъ прозументомъ, а около оплечья и по рукавамъ широкимъ серебрянымъ гасомъ, и съ такими же крестами 4.
8. Поручей, такой же матеріи, на подкладкѣ желтаго колнкора и облож. въ одинъ рядъ узкимъ серебрянымъ прозументомъ 3 пары.
9. Одежда на Андрѣевской престолѣ, желтой шелковой матеріи съ крестами, на подкладкѣ желтаго колнкора, обложена вокругъ по низу глазетомъ серебр. и широкимъ серебрянымъ гасомъ, съ такимъ же съ переди крестомъ, а передніе углы имѣютъ серебряную бахромѣ, у передней и боковыхъ сторонъ престола 1.

10. Одежда на Андрѣевской жертвенникъ, желтой, шелковой матеріи, съ крестами, на подкладкѣ желтаго колникора, обложена по низу съ 2 сторонъ серебрянымъ газетомъ и широкимъ серебрянымъ гасомъ, съ 2 таковыми же крестами, а съ 2 сторонъ по низу желтымъ колникоромъ 1.
11. Одежда на лойныхъ, желтой шелковой матеріи съ крестами; по низу обложена серебрянымъ газетомъ на подкладкѣ фламскаго полотна; обложенные кругомъ по низу широкимъ серебрянымъ гасомъ 5.
12. Пелень на лойныхъ желтой шелковой матеріи съ крестами, на подкладкѣ желтаго колникора, обложены кругомъ серебрянымъ газетомъ и широкимъ серебрянымъ гасомъ, обшиты серебряной бахромой, а по угламъ 4 серебряныя кисти 5.
13. Одежда на столики для водосвященія желтой шелковой матеріи съ крестами, по низу обложены серебрянымъ газетомъ, на подкладкѣ фламскаго полотна, обложены кругомъ по низу широкимъ серебрянымъ гасомъ 2.
14. Пелень на оныя столики желтой шелковой матеріи съ крестами, на подкладкѣ желт. колникора, обложены кругомъ серебрянымъ газетомъ и широкимъ серебрянымъ гасомъ и обшиты кругомъ серебряной бахромой 2.
15. Воздухъ и два покроя желтой шелковой матеріи съ крестами, на подкладкѣ французскаго желтаго Гранитуру, обложенныхъ кругомъ серебряной бахромой, а по угламъ серебряными кистями 3.
16. Занавесъ къ Царскимъ дверямъ, желтаго французскаго гранитура съ крестомъ узкаго серебрянаго прозумента, длиной 4 арш. 8 верш., шириной $3\frac{1}{2}$ полотнища. 1.
17. Палица, серебрянаго газета, на подкладкѣ желтаго колникора, обшита кругомъ серебряной бахромой и съ 3 кистями и на серединѣ крестъ серебр. широкаго гасу. 1.
18. Набедренникъ серебрянаго газета, на подкладкѣ желтаго колникора, обложенъ кругомъ широкимъ серебрянымъ гасомъ и съ такимъ же крестомъ 1.

Траурная ризница (построена 1837 г.).

Званіе вещей.

1. Ризъ священническихъ, чернаго бархату, обложенныхъ около оплечья и по подолу широкимъ серебрянымъ гасомъ, съ такими же крестами и звѣздами, на черной коленкоровой подкладкѣ 2.
2. Стихареи, чернаго бархату, обложенныхъ около оплечья, рукавахъ и на подолѣ широкимъ серебрянымъ гасомъ, на крашенинной подкладкѣ 5.
3. Епитрахили, чернаго бархату, обложенныхъ вокругъ широкимъ серебрянымъ гасомъ и съ такими же крестами, на черной коленкоровой подкладкѣ. 2.
4. Поручей черныхъ бархатныхъ съ крестами 1 пара.
5. Поясовъ священническихъ черныхъ бархатныхъ съ крестами, подшиты чернымъ коленкоромъ 2.
6. Орарь діаконскій, черный бархатный, обложенъ вокругъ серебрянымъ узкимъ гасомъ съ крестами, подшитый чернымъ коленкоромъ 1.
7. Подризникъ, чернаго камлота, обложенъ по подолу серебрянымъ гасомъ, подшитъ крашениной 1.
8. Одежда на панихидный столикъ, черная бархатная, обложена по подолу широкимъ серебрянымъ гасомъ, съ такимъ же крестомъ, на крашенинной подкладкѣ 1.
9. Пелена на оный столикъ, черная бархатная, обшита широкимъ серебрянымъ гасомъ съ крестомъ изъ такого же гасу и по угламъ съ серебряными кистями, на черной коленкоровой подкладкѣ 1.

Ежегодная Выборка Гр. Аракчеева на Грузинскій Соборъ съ 1801 г.

Денежнымъ расходамъ.

Въ 1801 году	773 руб.	Въ 1817 году	9.235 Руб.
» 1802 »	1.212 »	» 1818 »	10.258 »
» 1803 »	574 »	» 1819 »	7.458 »
» 1804 »	316 »	» 1820 »	4.835 »
» 1805 »		» 1821 »	8.413 »
» 1806 »	4.118 »	» 1822 »	7.335 »
» 1807 »	1.624 »	» 1823 »	12.276 »
» 1808 »	4.923 »	» 1824 »	15.011 »
» 1809 »	127 »	» 1825 »	9.339 »
» 1810 »	2.983 »	» 1826 »	524 »
» 1811 »	5.074 »	» 1827 »	1.241 »
» 1812 »	3.952 »	» 1828 »	8.757 »
» 1813 »	154 »	» 1829 »	6.818 »
» 1814 »	4.031 »	» 1830 »	4.369 »
» 1815 »	17.895 »	» 1831 »	9.595 »
» 1816 »	17.641 »	» 1832 »	2.974 ¹ / ₄ »

Оглавление церковной описи.

	Стран. по рукописи.	По напечат. тексту.
Драгоценныя Вѣщи Ризницы	6	540
Андрѣевская	8	541
Александровская	13	543
Новгородская	18	545
Парижская	26	547
Военная	29	548
Алексеевская	34	550
Фиолетовая	38	551
Белокошова	42	552
Троурная	46	553
Воздухи, не принадлежащія къ облаченіямъ	50	554
Ризница, состоящая изъ разныхъ вѣщей	52	555
Ризницы всеневныя	56	556
Старинныя вѣщи	60	558
Разныя святыя Образа	68	561
Кресты на престольныя	72	563
Евангеліи и Апостолы въ служеніи употребляемые	78	566
Священныя серебряныя сосуды и вѣщи, къ утвари принадлежащія	84	569
II книга.	94	575
Ризы и оклады серебр. на св. иконахъ	110	582
Бронзовыя и мѣдныя вѣщи и памятники	120	587
Хрустальныя вѣщи	124	589
Свѣщ. библиотека Грузинскаго Собора	138	595
Разныя вещи	146	601
Колокола	148	601
Ковры и сукна на полъ	154	603
Чехлы, покрывала, простыни и полотенца	160	606
Маты пенъковыя на полъ	162	607
Вѣщи Моденской церкви	171	609
Надписи въ Грузинскомъ Соборѣ		
III книга.	180	614
Архіерейская ризница	195	616
Ежегодная выборка расходовъ гр. Аракчеева на Грузинскій Соборъ съ 1801-го года		

Дворецъ Гр. А. А. Аракчеева.

ОПИСЬ

Каменного дворца, бывшего Графа Аракчеева въ Грузинѣ.

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
<p>Каменный трехъ этажный домъ на цоколѣ, снаружи оштукатуренъ и выкрашенъ клеевой краской, всѣ этажи раздѣланы рустикомъ, имѣющимъ два пояса, покрытыхъ листовымъ желѣзомъ, окрашеннымъ масляною сѣрою краскою.</p> <p>Подъ крышею оштукатуренный карнизъ. Крыша покрыта листовымъ желѣзомъ и окрашена масляною сѣрою краскою. На крышѣ 6 дымовыхъ трубъ съ 32 дымовыми ходами и 32-мя чугунными крышками. Отъ крыши идутъ 4 водосточныхъ трубы, окрашенные масляною сѣрою краскою. На верху дома устроенъ деревянный обшитый желѣзомъ бельведеръ, окрашенный сѣрою краскою съ чугунною терассою и рѣшетками.</p> <p>При входѣ въ домъ на парадномъ крыльцѣ три каменные ступени, сверху оныхъ площадка-терасса шириною 4 арш. 7 вершк., выстланная лощадною плитою. Отъ дома обѣ стороны къ флигелямъ полуциркулярныя, на сторонахъ по терассѣ 14 трубъ изъ тесанаго гранитаго камня съ 5-ю свинцовыми вазами. Терасса обнесена чугунною рѣшеткою длиною въ 44¹/₂ сажени. На терассѣ 4 чугунныхъ вазы на ножкахъ, 2 большія чугунныя корзины и 8 чугунныхъ горшковъ.</p> <p>По сторонамъ терассы 7 чугунныхъ скамеекъ со вставными рѣшетчатыми чугунными сидѣніями. Съ боковъ терассы устроены 3 каменные схода съ двумя каменными выбѣленными львами. На терассѣ порталъ изъ 4-хъ рустиковыхъ столбовъ, которые соединены полуциркулярными арками и крестовыми сводами; сверхъ онаго балконъ</p>		<p>мѣстами штукатурка и фундаментъ требуютъ ремонта</p> <p>у 4-хъ крышекъ отбиты ручки</p> <p>Каменные ступени на всей терассѣ требуютъ замазки цементомъ, а цоколь терассы капитальнаго ремонта тумбы мѣстами обломаны, свинцовыя вазы поломаны и двѣ негодны, рѣшетка мѣстами поломана, разшатана и связана желѣзною лентой и нѣкоторыхъ частей нѣтъ</p> <p>у праваго льва отбитъ носъ у лѣваго отбитъ хвостъ</p>

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
<p>верхняго этажа съ 4 Ионическими колоннами, поддерживающими фронтонъ, на которомъ золоченое вензелевое изображение БП съ короною и архитектурная черная доска съ золоченой надписью «Безъ лести преданъ». Балконъ верхняго этажа цементный, между колоннами перила съ балюстрадой окрашены сѣрою масляною краскою. Фронтонъ покрытъ листовымъ желѣзомъ и окрашенъ сѣрою масляною краскою.</p> <p>Съ сѣверной стороны дома отъ сада: Порталь съ полуциркульною террасою изъ гранитнаго камня, вышиною $1\frac{1}{4}$ аршина съ двумя въ оной отверстіями, въ коихъ чугунныя рѣшетки двѣ. Поверхность террасы устлана лещадною плитою съ двумя по сторонамъ сходами, изъ коихъ въ одномъ семь, а въ другомъ три ступени. Терраса обнесена чугунною рѣшеткою съ шестью, круглыми чугунными колонками съ мѣдными шарами. При входѣ въ домъ поставлены на террасѣ четыре рустиковыхъ столба, которые соединены между собою полуциркульными арками, на которыхъ балконъ верхняго этажа съ четырьмя колоннами, поддерживающими фронтонъ. Балконъ верхняго этажа выстланъ лещадною плитою, окрашенною сѣрою масляною краскою. Между колоннами на балконѣ чугунныя рѣшетки, состоящія изъ пяти звеньевъ, окрашенныя сѣрою масляною окраскою. Фронтонъ покрытъ листовымъ желѣзомъ, который окрашенъ сѣрою масляною краскою. При входѣ въ нижній этажъ съ южной стороны дома, отъ собора деревянный тамбуръ, устроенный между каменными столбами и окрашенъ бѣлою масляною краскою.</p>		<p>Терраса требуетъ перестилки, лѣвы гранитной кладки мѣстами расшатались</p> <p>нѣтъ двухъ мѣдныхъ шаровъ.</p>
Въ немъ: Дверей филенчатыхъ глухихъ о 6 стеклахъ .	2	два стекла битыя
Двери филенчатая створчатая о 6 стеклахъ	1	
при нихъ петель мѣдныхъ	2 п.	
задвижекъ мѣдныхъ врѣзныхъ	1 п.	
замокъ мѣдный коробчатый съ ручкой и ключемъ	1	ветхій
Изъ тамбура въ парадныя сѣни двери створчатая филенчатая о 6-ти стеклахъ	1	
при нихъ: петель мѣдныхъ врѣзныхъ	3 п.	
задвижекъ мѣдныхъ	1 п.	
замокъ мѣдный коробчатый съ ручкой и ключемъ	1	замокъ ветхій, ключа нѣтъ
Изъ сѣней на террасу двери филенчатая створчатая дубовыя о 6-ти стеклахъ лѣтнія и зимнія	2	

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
при нихъ: петель мѣдныхъ	2 п.	
желѣзныхъ	2 п.	
задвижекъ мѣдныхъ	2 п.	
замокъ коробчатый мѣдный съ ручками	1	ключа нѣтъ
Въ переднихъ сѣняхъ печь штучная голландская съ лѣпными украшеніями	1	требуетъ ремонта
при ней: дверцы чугуныя створчатыя топочныя	1	
дверцы чугуныя одиночныя топочныя	1	
дверцы трубныя чугуныя	1	
вьюшка съ приборомъ	1	
Стѣны и потолокъ расписаны въ видѣ помпеевской живописи, полъ паркетный		штукатурка въ трещинахъ полъ требуетъ ремонта
При входѣ на парадную лѣстницу крыльцо о 4-хъ ступеняхъ съ двумя по сторонамъ дорическими колоннами		
При крыльцѣ большія створныя двери, окрашенныя бѣлою масляною краскою о 16-ти стеклахъ	1	
При нихъ: петель желѣзныхъ	2 п.	
задвижекъ	1 п.	
щеколда мѣдная врѣзная съ костыльками	1	
Офиціантская.		
Изъ сѣней дверь створчатая филеичатая, окрашенная бѣлою масляною краскою	1	
при ней петель мѣдныхъ	2 п.	
задвижекъ	1 п.	
замокъ мѣдный коробчатый съ мѣдной ручкой и ключемъ	1	ключа нѣтъ
Окно	1	замокъ ветхій
въ немъ переплетовъ дубовыхъ о 6-ти бѣлыхъ стеклахъ	2	переплеты требуютъ
при нихъ петель мѣдныхъ	2 п.	исправленія
задвижекъ	1 п.	одна сломана
кольцо мѣдное	1	
Печь голландская израсцовая бѣлая	1	
при ней: дверцы топочныя чугуныя	1	сломана и безъ
дверцы трубныя	1	ручекъ
вьюшка съ приборомъ	1	нѣтъ
Въ стѣнкѣ боровъ, идущій съ подвального этажа въ немъ дверцы чугуныя трубныя	1	
вьюшка съ приборомъ	1	
душникъ мѣдный для освѣженія воздуха	1	

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
Подъоконники изъ плитъ бѣлаго мрамора	3	два подоконника лопнувшіе
Откосы у оконъ изъ краснаго сѣраго искусственнаго мрамора	3	въ трещинахъ
Печь голландская изразцовая бѣлая съ украшеніями и тремя вазами	1	Изразцы мѣстами новыбиты, одна ваза разбита
При ней: дверцы топочныя мѣдныя створчатыя	1	
дверцы топочныя желѣзныя створчатыя	1	
дверцы трубины мѣдныя съ ручкой и полкой	1	
вьюшка чугунная съ приборомъ	1	
душникъ мѣдный съ ручкой	1	
Полъ настанъ паркетными узорчатыми плитами, стѣны оклеены малиноваго цвѣта французскими обоями съ золочеными звѣздочками и бордюромъ потолокъ по штукатуркѣ выбѣленъ и росписанъ живописью и цвѣточнымъ оваломъ.		Обои выцѣбли, потолокъ и карнизъ въ трещинахъ и закомѣбли, бордюръ золоченый попорченъ
Государева спальня.		
Изъ гостиной дверь филеичатая створчатая съ одной стороны дубовая, съ другой окрашенная масляною бѣлою краскою	1	
при ней: петель мѣдныхъ	2 п.	
задвижекъ врѣзныхъ	1 п.	
замокъ врѣзной съ мѣдными костылями и ключемъ	1	ключа нѣтъ
Оконъ	3	
въ нихъ: переплетовъ дубовыхъ о 6 стеклахъ лѣтнихъ зимнихъ	3	
при нихъ: петель мѣдныхъ	6 п.	
задвижекъ мѣдныхъ	3 п.	
колець мѣдныхъ	6	5-ти нѣтъ
внутреннихъ складныхъ дубовыхъ ставней	3	
при нихъ: петель мѣдныхъ	6 п.	
завертокъ съ мѣдными ручками	6 шт.	одна сломана одна ваза битая
Печь штучная съ украшеніями и тремя вазами	1	
при ней: дверцы топочныя створныя мѣдныя	1	
дверцы топочныя желѣзныя	1	
дверцы трубины мѣдныя одинокія	1	
вьюшка чугунная съ приборомъ	1	
Душникъ мѣдный для освѣженія воздуха	1	

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
<p>Полъ настланъ паркетными узорчатыми щитами, стѣны оклеены синяго цвѣта французскими обоями съ золотыми звѣздочками и бордюромъ, потолокъ по штукатуркѣ широкой каймой росписанъ живописью</p> <p>Мраморная комната.</p> <p>Изъ Государевой спальни дверь створная филенчатая съ одной стороны дубовая, а съ другой окрашена бѣлою масляною краскою</p> <p>при ней: петель желѣзныхъ</p> <p>завдвижекъ врѣзныхъ мѣдныхъ</p> <p>замокъ врѣзной съ мѣдными ручками и ключемъ</p> <p>Оконъ</p> <p>въ нихъ: переплетовъ лѣтнихъ дубовыхъ съ 1 стекломъ зеркальнымъ каждое</p> <p>переплетовъ зимнихъ дубовыхъ о 4-хъ простыхъ бѣлыхъ стеклахъ каждое</p> <p>изъ нихъ съ форточками</p> <p>при форточкахъ петель мѣдныхъ</p> <p>завертокъ</p> <p>Подоконники и откосы съ боковъ и сверху зеркальные въ мѣдныхъ рамахъ, всѣхъ зеркалъ</p> <p>На серединѣ комнаты Іоническихъ деревянныхъ колоннъ, облицованныхъ свѣтло-сѣрымъ искусственнымъ мраморомъ съ лѣпными капителями и деревянными окрашенными бѣлою масляною краскою базами</p> <p>У стѣнъ таковыхъ же пилястръ</p> <p>Каминъ съ лица изъ бѣлаго мрамора</p> <p>Надъ каминомъ въ стѣнѣ вдѣлано большое зеркало въ стеклянной съ мѣдной отдѣлкой рамѣ</p> <p>Въ стѣнѣ дущниковъ мѣдныхъ</p> <p>Стѣны выполированы подъ бѣлый мраморъ, полъ паркетный настланъ узорчатыми щитами, потолокъ росписанъ живописью съ цвѣточною гирляндой и середина окрашена зеленою краскою</p>	<p>1</p> <p>2 п.</p> <p>1 п.</p> <p>1</p> <p>3</p> <p>3</p> <p>3</p> <p>2</p> <p>2 п.</p> <p>2</p> <p>9</p> <p>2</p> <p>2</p> <p>1</p> <p>1</p> <p>2</p>	<p>Обои и потолокъ около печи сильно закопчены, что заставляетъ предполагать, что въ печи есть трещины, штукатурка на потолкѣ въ трещинахъ.</p> <p>1 стекло разбито</p> <p>2 зеркала разбиты и во всѣхъ амальгама попорчена</p> <p>по мрамору трещины</p> <p>амальгама попорчена</p> <p>штукатурка на стѣнахъ и потолкѣ вся въ трещинахъ, надъ окнами перемычками въ трещинахъ, а одна осыпалась, что зеркало изогнулось</p>

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
Столовая.		
Изъ мраморной комнаты дверь створная филеичатая окрашена бѣлою масляною краскою	1	
при ней: петель	2 п.	
задвижекъ вѣзныхъ мѣдныхъ	1 п.	
замокъ вѣзной съ мѣдными костылями и ключемъ	1	
Другая дверь полуовальная створная окрашенная бѣлою масляною краскою	1	
при ней: петель желѣзныхъ	2 п.	
задвижекъ вѣзныхъ мѣдныхъ	1 п.	
замокъ вѣзной съ мѣдными костылями и ключемъ	1	
Оконъ	2	
Переплетовъ створныхъ дубовыхъ о 6-ти стеклахъ лѣтнихъ	2	
изъ нихъ съ форточкою	1	
Переплетовъ глухихъ дубовыхъ о 6-ти стеклахъ зимнихъ изъ нихъ съ форточкою	2	
при нихъ петель оконныхъ	4 п.	
петель форточныхъ	2 п.	
задвижекъ мѣдныхъ	2 п.	
завертокъ форточныхъ мѣдныхъ	2 шт.	
колець мѣдныхъ	2	
Дверь створная дубовая на терассу о 6-ти стеклахъ и двухъ филеичкахъ	1	два стекла битыхъ и филеичка повреждена
при ней: петель желѣзныхъ	2 п.	
задвижекъ мѣдныхъ	1 п.	
разетъ мѣдныхъ	2 шт.	
замокъ коробчатый мѣдный съ ключемъ	1	очень плохъ съ трещиною испорчена
Печь голландская кирпичная подъ штукатурку	1	
при ней: дверцы топочныя мѣдныя	1	
дверцы трубныя чугунныя	1	
вьюшка чугунная съ приборомъ	1	
Въ стѣнѣхъ дверецъ трубныхъ мѣдныхъ	2 шт.	
дверецъ трубныхъ желѣзныхъ	1	
вьюшекъ трубныхъ съ приборомъ	2	нѣтъ
Душникъ мѣдный для освѣженія воздуха	1	
Полъ настланъ паркетными дубовыми щитами, стѣны окрашены колеромъ, потолокъ по штукатуркѣ выбѣленъ.		штукатурка на стѣнахъ мѣстами обита, потолокъ въ трещинахъ

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
Кабинетъ.		
Изъ чайной въ кабинетъ дверь створная филеичатая съ двумя матовыми стеклами и шелковой занавѣской, окрашенная бѣлою масляною краскою	1	
при ней: петель желѣзныхъ	2 п.	
задвижекъ врѣзныхъ мѣдныхъ	1 п.	
задвижка поперечная	1 шт.	
замокъ желѣзный накладной съ мѣдными ручками и ключемъ	1	испорченъ
въ нихъ переплетовъ дубовыхъ лѣтнихъ о 3-хъ стеклахъ	3	
переплетовъ дубовыхъ зимнихъ о 3-хъ стеклахъ	2	
переплетовъ дубовыхъ зимнихъ о 6-ти стеклахъ съ форточкой	1	3 стекла битыя
при нихъ петель желѣзныхъ	4 п.	
задвижекъ мѣдныхъ	2 п.	
костылевъ	1	
Ставней внутреннихъ у оконъ, окрашенныхъ бѣлою масляною краскою	3	
при нихъ петель желѣзныхъ	6 п.	
завертокъ мѣдныхъ	3 шт.	
Печь голландская изъ глазурованныхъ бѣлыхъ одинакихъ изразцовъ	1	
при ней: дверцы топочныя желѣзныя	1	проржавлены и ветхи.
дверцы трубныя мѣдныя	1	
дверцы трубныя желѣзныя	1	проржавлены и ветхи
вьюшки чугуныя съ приборомъ	1	
душникъ мѣдный	1	
Полъ настланъ паркетными ясеваго дерева щитами, стѣны оклеены обоями, а потолокъ по штукатуркѣ росписанъ живописью средній же, прямоугольныхъ забѣленъ		полъ требуетъ исправленія, обои потрескавшіяся требуютъ замѣны новыми, а потолокъ въ трещинахъ.
На лѣстницѣ къ ванной.		
Изъ кабинета дверь филеичатая створная, окрашенная масляною бѣлою краскою	1	
при ней: петель желѣзныхъ	2 п.	
задвижекъ врѣзныхъ мѣдныхъ	1 п.	
задвижка поперечная	1	
замокъ врѣзной съ мѣдными ручками и ключемъ	1	

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
Оконъ	2	
въ нихъ переплетовъ зимнихъ о 4-хъ стеклахъ	1	переплеты очень ветхи,
переплетовъ лѣтнихъ о 4-хъ стеклахъ	2	4 стекла разбиты, остальные
при нихъ петель форточныхъ	2 п.	выгорѣли.
завертокъ форточныхъ желѣзныхъ	2 шт.	
Дверь въ чуланчикъ фонарная гладкая, окрашенная		
масляною, бѣлою краскою	1	
при ней: петель желѣзныхъ	1 п.	
задвижка поперечная	1	
Полъ насланъ изъ досокъ окрашенъ желтою масляною		въ одномъ мѣстѣ штукатурка
краскою, стѣны и потолокъ по штукатуркѣ выбѣлены. .		отстала и грозитъ паденіемъ
Лѣстница о 3-хъ поворотахъ изъ 16 ступеней съ по-		и вся потрескавшаяся
ручными изъ красного дерева	1	
при ней окно	1	
переплетовъ о 2-хъ стеклахъ лѣтн. и зимній	2	переплеты и подоконники
при нихъ петель желѣзныхъ	2 п.	очень ветхи, 3 стекла би-
завертка мѣдная	1	тыхъ
Сѣни.		
Окно	1	
въ немъ переплетъ крашенный о 6-ти стеклахъ	1	переплетъ очень плохъ
при нихъ петель желѣзныхъ	2 п.	3 стекла битыхъ
задвижка желѣзная	1 шт.	
Полъ насланъ изъ досокъ и окрашенъ желтою масля-		полъ совершенно ветхій, обои
ною краскою, стѣны оклеены обоями, потолокъ по штука-		очень плохи
туркѣ выбѣленъ		штукатурка на потолокъ
Изъ сѣней лѣстница тесаной плиты изъ 18 ступеней		въ трещинахъ
ведущая на антресоли	1	
при ней окно	1	
въ немъ переплетовъ о 4-хъ стеклахъ глухихъ лѣтній		
и зимній	2	переплеты очень ветхи
Полъ на площадкѣ насланъ изъ досокъ и выкрашенъ		2 стекла битыхъ, полъ со-
желтою масляною краскою, стѣны и потолокъ по штука-		вершено сгнилъ, стѣны и
туркѣ выбѣлены.		потолокъ въ трещинѣ
Окно	1	
въ немъ переплетъ створный лѣтній о 6 стеклахъ	1	переплетъ совсѣмъ ветхъ,
при немъ: петель желѣзныхъ	2 п.	3 стекла битыхъ
задвижка желѣзная	1 шт.	

Наименованіе предметовъ.	Коли- чество.	Примѣчаніе.
Антресоли.		
Передняя канцелярія.		
При входѣ дверь ординарная филеичатая окрашенная масляною бѣлою краскою	1	дверная рама требуетъ испра- вленія
при ней петель желѣзныхъ	1 п.	
замокъ желѣзный коробчатый съ костьюлами и ключемъ	1	
Окно	1	
въ немъ: переплетъ дубовый о 4-хъ стеклахъ лѣтній створный съ форточкою	1	
переплетъ дубовый о 4-хъ стеклахъ зимній глухой съ форточкою	1	
при нихъ: петель оконныхъ	2 п.	сломаны
петель форточныхъ	2 п.	
задвижка оконная	1	
завертокъ форточныхъ	2 шт.	
Печь голландская изразцовая бѣлая	1	изразцы растрескавшіеся. проржавлены
при ней: дверцы топочныя желѣзныя	1	
дверцы трубныя желѣзныя	1	
вьюшки чугуныя съ приборомъ	1	
Полъ насланъ изъ досокъ и окрашенъ масляною краскою потолокъ и стѣны по штукатуркѣ выбѣлены		штукатурка на потолокъ и стѣнахъ въ трещинахъ пере- мычка надъ дверьми съ тре- щиною
Канцелярія.		
Дверь филеичатая ординарная окрашена бѣлою масля- ною краскою	1	
при ней: петель желѣзныхъ	1 п.	
замокъ желѣзный коробчатый съ мѣдными руч- ками и ключемъ	1	одной ручки нѣтъ
Оконъ	3	
при нихъ: переплетовъ дубовыхъ глухихъ объ 1 стеклѣ лѣтній и зимній всего	2	
переплетовъ дубовыхъ о 4-хъ стеклахъ лѣт- нихъ створчатыхъ	2	
Переплетовъ дубовыхъ о 4-хъ стеклахъ глухихъ зим- нихъ	2	

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
при нихъ: форточекъ	2	
петель оконныхъ желѣзныхъ	4 п.	
петель форточныхъ желѣзныхъ	2 п.	
кольцо мѣдное	1 шт.	
завертокъ форточныхъ	2 шт.	
задвижекъ оконныхъ	2	одна ломана
Въ стѣнѣ шкафъ о двухъ гладкихъ полотнахъ	1	
При двери петель желѣзныхъ	2 п.	
замокъ привертный съ ключемъ	1	ключей нѣтъ
Печь голландская бѣлая изразцовая	1	растрескалась, требуетъ ремонта.
при ней: дверцы топочныя чугунныя	1	
дверцы трубныя чугунныя	1	
вьюшка чугунная съ приборомъ	1	
Полъ насланъ изъ досокъ и окрашенъ масляною желтою краскою, стѣны по штукатуркѣ окрашены розовою клеевою краскою, потолокъ по штукатуркѣ выбѣленъ		Окраска совершенно почернѣла, штукатурка на потолкѣ и стѣнахъ дала трещины, а надъ печью видна осадка потолка.
1-я комната библіотеки:		
Изъ передней дверь филенчатая ordinaria, окрашенная масляною бѣлою краскою	1	
при ней: петель желѣзныхъ	1 п.	
замокъ коробчатый съ мѣдными ручками и ключемъ	1	замокъ испорченъ, ручки нѣтъ.
Окно:	1	
въ немъ: переплетъ дубовый створчатый о 4-хъ стеклахъ лѣтній	1	
переплетъ глухой о 4-хъ стеклахъ зимній	1	
при нихъ петель желѣзныхъ	2 п.	
задвижекъ желѣзныхъ	1 п.	
кольцо мѣдное	1	
Печь голландская изъ бѣлыхъ изразцовъ	1	печь дымитъ, требуетъ перекладки
при ней: дверцы топочныя чугунныя	1	
дверцы трубныя чугунныя	1	
вьюшка чугунная съ приборомъ	1	блинка нѣтъ
Полъ насланъ изъ досокъ и окрашенъ желтою масляною краскою, стѣны и потолокъ по штукатуркѣ выбѣлены		краска на полу сошла, штукатурка на потолкѣ и стѣнахъ въ трещинахъ

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
2-я комната библіотеки.		
Дверь ordinaria филанчатая, окрашенная масляною бѣлою краскою	1	двери скоились и требуютъ перекраски.
при ней: петель желѣзныхъ	1 п.	
замокъ коробчатый съ ручками и ключемъ	1	
Окно	1	двери скоились и требуютъ перекраски. ключа нѣтъ блинка нѣтъ окраска совершенно почернѣла, штукатурка на стѣнахъ и потолокъ въ трещинахъ.
въ немъ переплетовъ дубовыхъ глухихъ лѣтнее и зимнее обѣ одномъ стеклѣ	2	
Въ стѣнѣ шкафъ о двухъ гладкихъ полотнахъ	1	
при немъ: петель желѣзныхъ	2 п.	
замокъ привертной съ ключемъ	1	
Въ стѣнѣ трубныя чугунныя дверцы	1	
выюшка чугунная съ приборомъ	1	
Полъ досчатый выкрашенъ желтою масляною краскою, стѣны окрашены палеваго цвѣта колеромъ, потомъ выбѣлены		
Корридоръ.		
Изъ прихожей дверь ordinaria съ просвѣтомъ о 6-ти стеклахъ филанчатая, окрашенная масляною бѣлою краскою	1	растрескалась нѣтъ тарелки
при ней петель желѣзныхъ	1 п.	
замокъ желѣзный коробчатый съ ручкой и ключемъ	1	
Печь голландская изъ бѣлыхъ изразцовъ	1	
при ней: дверцы топчныя желѣзныя	1	
дверцы трубныя желѣзныя	1	
выюшка чугунная съ приборомъ	1	
Къ лѣстницѣ въ нижній этажъ филанчатая съ просвѣтомъ перегородка, окрашенная бѣлою масляной краскою	1	
въ ней дверь ordinaria о 4-хъ стеклахъ	1	
при ней петель желѣзныхъ	1 п.	
замокъ съ мѣдными ручками	1	совершенно испорченъ. полъ требуетъ новой окраски, а штукатурка потолка протирки
Полъ досчатый окрашенъ желтою масляною краскою, стѣны и потолокъ по штукатуркѣ выбѣлены		
Комната для прислуги.		
Изъ корридора дверь, филанчатая ordinaria окрашенная бѣлою масляною краскою	1	

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
при ней: петель желѣзныхъ	1 п.	
замокъ коробчатый съ ключемъ	1	замка нѣтъ
Окно полуциркульное, выходящее въ парадныя стѣны нижняго этажа	1	
въ немъ переплетъ глухой полуциркульный о восьми стек- лахъ съ форточкою	1	одно стекло битое
при форточкѣ: петель желѣзныхъ	1 п.	
завертка желѣзная	1	
Въ стѣнѣ шкафъ въ видѣ двери	1	
при немъ петель желѣзныхъ	1 п.	
Полъ досчатый окрашенъ масляною желтою краскою, потолокъ и полъ по штукатуркѣ выбѣлены		Полъ требуетъ окраски, по- толокъ и стѣны протирки и побѣлки
1-я комната для пріѣзжающихъ.		
Изъ корридора дверь филенчатая ordinaria о 6-ти стеклахъ, окрашенная масляною бѣлою краскою	1	одно стекло битое
при ней: петель желѣзныхъ	1 п.	
замокъ коробчатый мѣдный	1	совершенно негодный
съ ручками и ключемъ	1	
Окно	1	
въ немъ: переплетъ створчатый лѣтній о 4-хъ стеклахъ	1	четыре стекла битыхъ, рамы по ветхости негодны
переплетъ зимній глухой о 4-хъ стеклахъ	1	
при нихъ: петель желѣзныхъ	1 п.	
задвижекъ мѣдныхъ	1 п.	
кольцо мѣдное	1	
Печь голландская изъ бѣлыхъ изразцовъ	1	проржавлены
при ней: дверцы топочныя желѣзныя	1	
дверцы трубныя желѣзныя	1	
вьюшка чугунная съ приборомъ	1	
Потолокъ выбѣленъ, стѣны окрашены палевымъ коле- ромъ, полъ досчатый, окрашенъ желтою масляною краскою		Потолокъ и стѣны требуютъ протирки и окраски, полъ — окраски.
2-я комната для пріѣзжающихъ.		
При входѣ дверь филенчатая ordinaria, окрашенная масляною бѣлою краскою	1	
при ней: петель желѣзныхъ	1 п.	
замокъ коробчатый съ ручками и ключемъ	1	

Наименованіе предметовъ.	Коли- чество.	Примѣчаніе.
Оконъ	2	} переплеты совершенно ветхіе
въ нихъ: переплетовъ створчатыхъ о 4-хъ стеклахъ лѣт- нихъ	2	
переплетовъ глухихъ о 4-хъ стеклахъ зимнихъ	2	
при нихъ: петель желѣзныхъ	4 п.	
петель форточныхъ	2 п.	
задвижекъ мѣдныхъ	2 п.	
завертокъ форточныхъ	2 шт.	
Печь голландская изъ бѣлаго изразца, при ней: дверцы топочныя чугуныя. Полъ досчатый окрашенъ желтою масляною краскою, стѣны окрашены сиреневаго цвѣта колеромъ, потолокъ выбѣленъ.		Полъ требуетъ окраски, по- толокъ и стѣны протирки и окраски.
Лѣстница.		
Изъ корридора на лѣстницу въ верхній этажъ дверь филеичатая ординарная о 6-ти стеклахъ, окрашенная бѣлою масляною краскою	1	
при ней: петель желѣзныхъ	1 п.	
Кладовая 1-ая.		
При входѣ стеклянный просвѣтъ съ дверью, окрашенною бѣлою масляною краскою	1	Два стекла битыхъ
при ней: петель желѣзныхъ	1 п.	
задвижка поперечная желѣзная, щеколда желѣз- ная съ костылями	1 шт. 1 шт.	
Окно	1	
въ немъ переплетовъ глухихъ о 4-хъ стеклахъ, лѣтній и зимній	2	2 стекла битыхъ, переплеты ветхи.
Въ стѣнѣ душникъ мѣдный	1	
Кладовая 2-ая.		
Дверь ординарная досчатая	1	
при ней: петель желѣзныхъ	1 п.	
задвижка желѣзная	1 шт.	
скоба желѣзная	1 шт.	

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
Оконъ	2	
въ нихъ: переплетовъ глухихъ о 4-хъ стеклахъ лѣтнихъ		
и зимнихъ	4	Четыре стекла битыхъ
изъ нихъ съ форточками	2	
при нихъ петель форточныхъ желѣзныхъ	2 п.	
завертокъ форточныхъ желѣзныхъ	1 шт.	
въ стѣнѣ дверецъ трубныхъ чугуновыхъ	2	
выюшекъ чугуновыхъ съ приборомъ	2	нѣтъ 2-хъ блинковъ, потолокъ и стѣны требуютъ протирки и побѣлки.
Полы досчатые некрашенные, потолокъ и стѣны по штукатуркѣ выбѣлены		
Лѣстница деревянная о 9-ти ступеняхъ съ площадкою, балясины и поручни окрашены масляною желтою краскою.		
Верхній этажъ.		
Изъ парадныхъ сѣней въ верхній этажъ парадная лѣстница каменная о пяти поворотахъ съ пятью площадками, съ чугуною рѣшеткою, окрашенною черною масляною краскою, и поручнями изъ краснаго дерева, на поворотныхъ столбикахъ находится шесть мѣдныхъ шаровъ		мѣдные шары поматы
Оконъ	3	
въ нихъ: переплетовъ створчатыхъ дубовыхъ лѣтнихъ о 6-ти стеклахъ съ форточкою	1	битыхъ стеколъ четыре, остальные всѣ стекла выцѣвшія, оконные переплеты и подоконники огнили, требуютъ замѣны новыми.
переплетъ створчатый дубовый зимній о 6-ти стеклахъ съ форточкою	1	
переплетовъ дубовыхъ глухихъ о 6-ти стеклахъ лѣтнихъ и зимнихъ	4	
при нихъ: петель мѣдныхъ	4 п.	
задвижекъ мѣдныхъ	2 п.	одна пара ломаная
ручекъ мѣдныхъ	2	одной нѣтъ
Стѣны расписаны живописными ландшафтами, потолокъ росписанъ видомъ хоръ съ балюстрадой		штукатурка на потолокъ и стѣнахъ въ трещинахъ по живописи.
Внизу въ полу душникъ мѣдный, проведенный отъ борова съ погребного этажа		
Пріемная.		
Съ лѣстницы въ пріемную дверь филеичатая дубовая створная полированная		

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
при ней петель мѣдныхъ	2 п.	
замокъ врѣзной съ мѣдными ручками, ключемъ и личинками	1	ключа нѣтъ
задвижекъ мѣдныхъ	1 п.	
особыхъ мѣдныхъ личинокъ	2 шт.	
Оконъ	3	
въ нихъ переплетовъ дубовыхъ о 6-ти стеклахъ лѣтнихъ створныхъ (одинъ съ форточкой).	2	переплеты и подоконники со- всѣмъ ветхи, стекла выго- рѣвшія
переплетъ дубовый о 3-хъ стеклахъ, лѣтній глухой . . .	1	
переплетовъ дубовыхъ о 6-ти стеклахъ зимнихъ створныхъ (одинъ съ форточкой)	2	одно стекло битое, осталь- ныя выгорѣли
переплетъ дубовый о 6-ти стеклахъ зимній глухой . . .	1	
при нихъ: петель оконныхъ мѣдныхъ	8 п.	
задвижекъ мѣдныхъ	4 п.	
ручекъ мѣдныхъ	4 шт.	
петель форточныхъ	2 п.	
ручекъ форточныхъ	2 шт.	одной нѣтъ
Печей голландскихъ изъ бѣлаго изразца	2	
при нихъ: дверецъ топочныхъ мѣдныхъ	2	
дверецъ топочныхъ желѣзныхъ	2	прогорѣли
дверецъ трубныхъ мѣдныхъ	2	
дверецъ трубныхъ желѣзныхъ	2	
вьюшекъ чугунныхъ съ приборомъ	2	нѣтъ 1 блинка и тарелки штукатурка на потолокъ и стѣнахъ въ трещинахъ, полъ требуетъ ремонта
Стѣны окрашены зеленымъ колеромъ, потолокъ выбѣ- лень, полъ настланъ дубовыми паркетными щитами . . .		
На черную лѣстницу дверь створная филенчатая дубо- вая полированная	1	
дверь простая окрашенная бѣлою масляною краскою . .	1	
при полированныхъ дверяхъ петель мѣдныхъ	2	
задвижекъ мѣдныхъ	1	
замокъ врѣзной съ ручками, мѣдной личинкой и клю- чемъ	1	
при простыхъ дверяхъ петель желѣзныхъ	2 п.	
задвижекъ желѣзныхъ	1 п.	
замокъ врѣзной съ мѣдными ручками	1	ручекъ нѣтъ
Залъ.		
Изъ пріемной дверь филенчатая дубовая створная, полированная съ одной стороны, оклеена филенкою крас- наго дерева и отполирована	1	

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
при ней: петель мѣдныхъ	2 п.	
замокъ съ мѣдными ручками, личинками и ключемъ	1	ключа нѣтъ
задвижекъ мѣдныхъ	1 п.	
Оконъ	2	
при нихъ дубовыхъ переплетовъ створныхъ о 6 стеклахъ лѣтнихъ и зимнихъ (два переплета съ форточкой)	4	переплеты совершенно ветхи, одно стекло битое, прочіе выгорѣли
при нихъ петель мѣдныхъ	8 п.	
задвижекъ мѣдныхъ	4 п.	
ручекъ	4 шт.	
Подъоконники мраморные, откосы искусственнаго цвѣтнаго мрамора		одинъ подъоконникъ расколотъ, шесть откосовъ треснуты, оконная перемычка дала трещину, въ зимней двери одно стекло выбито, остальные все выгорѣли.
Изъ зала на балконъ большое венеціанское окно съ лѣтними и зимними створными филеичатыми дубовыми со стеклами дверьми	1	
при двери: петель мѣдныхъ	2 п.	
задвижекъ вѣзныхъ	1 п.	
замокъ вѣзной съ мѣдными ручками, личинками и ключемъ	1	
Сверху дверей полуциркульное большое окно	1	
въ немъ: переплетовъ дубовыхъ глухихъ лѣтнихъ и зимнихъ	2	
Печей изъ бѣлыхъ штучныхъ изразцовъ съ украшеніями и вазами	2	Украшенія попорчены, изразцы съ трещинами карнизы побиты, прогорѣли.
при нихъ дверецъ топочныхъ мѣдныхъ	2 шт.	
дверецъ топочныхъ желѣзныхъ	2 шт.	
дверецъ трубныхъ мѣдныхъ	2 шт.	
дверецъ трубныхъ желѣзныхъ	2	
вьюшекъ чугунныхъ съ приборомъ	2	одной тарелки нѣтъ.
На стѣнѣ большое зеркало въ деревянной окрашенной бѣлою масляною краской рамѣ	1	амальгама мѣстами попорчена и сошла
Стѣны по штукатуркѣ окрашены свѣтло желтымъ колеромъ съ искусственнаго мрамора коринфскими 12-ю пилястрами съ капителями и базами, у потолка карнизъ съ лѣпными украшеніями. Полъ настланъ дубовыми паркетными щитами		штукатурка на потолкѣ и стѣнахъ въ трещинахъ, карнизъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ треснулъ
Буфетъ.		
Изъ зала дверь створная филеичатая полированная дубовая, съ одной стороны оклеена красного дерева фанеркой и отполированная	1	

Наименованіе предметовъ.	Колп- чество.	Примѣчаніе.
при ней: петель мѣдныхъ	2 п.	
задвижекъ вѣзныхъ	1 п.	
замокъ съ мѣдными ручками, личинками и ключемъ	1	
Окно	1	
въ немъ: переплетовъ лѣтнихъ и зимнихъ створныхъ дубовыхъ съ форточкою	2	переплеты и подьоконники ветхи. Одно стекло битое.
при немъ петель желѣзныхъ оконныхъ	4 п.	
петель форточныхъ	2 п.	
задвижекъ желѣзныхъ оконныхъ	2 п.	
завертокъ мѣдныхъ форточныхъ		
Печь голландская изъ бѣлыхъ изразцовъ съ лежанкою	1	изразцы потрескались
при ней дверцы чугуныя топочныя	1	
дверцы чугуныя трубныя	1	
выюшка чугуная съ приборомъ	1	блинка нѣтъ
На черную лѣстницу дверь филенчатая створная окрашенная		
бѣлою масляною краскою	1	
при ней: петель желѣзныхъ	2 п.	
замокъ желѣзный коробчатый съ ключемъ	1	очень плохъ
Полъ досчатый окрашенъ масляною желтою краскою, стѣны и потолокъ по штукатуркѣ выбѣлены.		штукатурка на потолокъ отстала и грозитъ паденіемъ
Гостиная.		
Изъ зала дверь створная филенчатая съ одной стороны оклеена краснаго дерева фанеркою и отполирована, съ другой — съ двумя вставленными зеркалами.	1	амальгама на зеркалѣ попорчена
Въ стѣнѣ два фальшивыхъ оконныхъ переплета съ двумя зеркалами	2	амальгама на зеркалѣ попорчена.
Оконъ	2	
въ нихъ переплетовъ глухихъ дубовыхъ лѣтнихъ о 2-хъ стеклахъ	2	переплеты ветхи
переплетовъ глухихъ дубовыхъ		
зимнихъ о 3-хъ стеклахъ	2	
Дверь на балконъ дубовая о 2-хъ зеркальныхъ стеклахъ створная съ фрамугою	1	Дверь очень ветхая, одно зеркальное стекло разбито.
при нихъ: петель мѣдныхъ	2 п.	
задвижекъ вѣзныхъ	1 п.	
Подьоконники мраморные, откосы искусственнаго цвѣт-		откосы мѣстами съ трещинами облицовка стѣнъ въ трещи-

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
<p>ного мрамора, стѣны полированы подъ бѣлый мраморъ съ четырьмя искусвеннаго мрамора пилястрами съ позолоченными капителями и деревянными базами, карнизъ у потолокъ вызолоченъ, потолокъ выбѣленъ. На одной стѣнѣ между двумя пилястрами гипсовый памятникъ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ ПАВЛУ I на искусвеннаго мрамора подножій. Полъ настланъ дубовыми паркетными щитами.</p>		<p>нахъ, памятникъ имѣеть нѣсколько продольныхъ и поперечныхъ трещинъ, вызолоченный карнизъ мѣстами отвалился. На потолокъ большое пятно отъ протечки, полъ требуетъ малаго исправленія.</p>
Спальная.		
<p>Изъ гостиной дверь створная дубовая филеичатая съ одной стороны склеена фанеркой краснаго дерева и отполирована при ней: петель мѣдныхъ при ней задвижекъ вѣзныхъ замокъ вѣзной съ мѣдными ручками, личинками и ключемъ</p>	<p>1 2 п. 1 п. 1</p>	
<p>Оконъ въ нихъ переплетовъ глухихъ лѣтнихъ дубовыхъ о двухъ зеркальныхъ стеклахъ переплетовъ глухихъ зимнихъ о 6-ти стеклахъ переплетъ створный зимній о 3-хъ стеклахъ при немъ петель завертка мѣдная</p>	<p>3 3 2 1 1 п. 1</p>	<p>одно стекло разбито</p>
<p>Подъоконники мраморные, откосы искусвеннаго цвѣтнаго мрамора</p>		<p>откосы въ трещинахъ.</p>
<p>Каминъ искусвеннаго цвѣтнаго мрамора, съ вдѣланнымъ на ономъ зеркаломъ въ деревянной окрашенной бѣлою масляною краскою рамѣ</p>	<p>1 1</p>	<p>амальгама въ зеркалѣ попорчена</p>
<p>Печь голландская бѣлая изразцовая</p>		
<p>Стѣны окрашены свѣтло-зеленымъ колеромъ, потолокъ выбѣленъ, полъ настланъ изъ дубоваго паркета</p>		<p>штукатурка на стѣнахъ и потолокъ въ трещинахъ.</p>
Дѣтская.		
<p>Изъ спальни дверь створная филеичатая оклеена краснаго дерева фанерой съ шестью зеркалами дверь створная дубовая, оклееная съ одной стороны краснаго дерева фанерой</p>	<p>1</p>	<p>амальгама на зеркалѣ попорчена.</p>

Наименованіе предметовъ.	Коли- чество.	Примѣчаніе.
при нихъ: петель мѣдныхъ	5 п.	
задвижекъ вѣзныхъ	2 п.	
замковъ вѣзныхъ съ мѣдными ручками и ключами	2	
Оконъ	3	
въ нихъ переплетовъ лѣтнихъ створныхъ и зимнихъ глухихъ дубовыхъ о 6-ти стеклахъ, изъ коихъ одно лѣтнее и одно зимнее съ форточками	4	переплеты и закладки рамъ ветхія, одно стекло битое и все выгорѣли
переплетъ лѣтній створный о 3-хъ стеклахъ	1	
переплетъ зимній створный о 6-ти стеклахъ	1	
при нихъ: петель мѣдныхъ	8 п.	
задвижекъ мѣдныхъ	4 п.	
ручекъ мѣдныхъ	3 шт.	
петель форточныхъ	2 п.	
ручекъ мѣдныхъ	2 шт.	
Стѣны окрашены палевымъ колеромъ, потолокъ выбѣленъ, полъ настанъ дубовыми паркетными щитами. У одной стѣны сдѣланъ красного дерева полированный шкафъ	1	штукатурка на стѣнахъ и потолокъ въ трещинахъ.
Дверь филеичатая створная, ведущая въ чуланъ подъ лѣстницу о 6-ти стеклахъ	1	
при ней: петель мѣдныхъ	3 п.	
задвижекъ вѣзныхъ	1 п.	
замокъ съ мѣдными ручками и ключемъ	1	ручекъ и ключа нѣтъ
въ чуланчикѣ печь лежанка изъ бѣлыхъ изразцовъ	1	изразцы потрескались
при ней: дверецъ топочныхъ чугунныхъ	2 шт.	
выюшекъ чугунныхъ съ приборомъ	2	двухъ блиновъ нѣтъ
дверецъ трубныхъ чугунныхъ	2 шт.	
Полъ досчатый окрашенъ желтою масляною краскою. стѣны и потолокъ выбѣлены		
Коридоръ съ лѣстницей на бельведеръ.		
Изъ дѣтской дверь створная филеичатая о 6-ти стеклахъ	1	
при ней: петель мѣдныхъ	4 п.	
задвижекъ вѣзныхъ	1 п.	
замокъ мѣдный съ ручками и ключемъ	1	
въ стѣнѣ: дверцы топочныя мѣдныя	1	
дверцы трубныя	1	
выюшка чугунная съ приборомъ	1	

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
Полъ досчатый окрашенъ желтою масляною краскою, потолокъ и стѣны выбѣлены.		
Кабинетъ.		
Изъ дѣтской дверей филеичатыхъ створныхъ	2	
изъ нихъ одинъ оклеены краснаго дерева фанеркою, другія дубовыя полированныя съ 6 зеркалами.		въ зеркалахъ амальгама порчена
при нихъ: петель мѣдныхъ	5 п.	
задвижекъ вѣзныхъ	2 п.	одна задвижка сломана
замковъ вѣзныхъ съ мѣдными ручками личинками и ключами	2	
Печь голландская штучная, окрашенная масляною зеленою краскою съ лѣпными украшеніями	1	
при ней: душникъ мѣдный	1	
Оконъ	3	
въ нихъ: переплетъ дубовый глухой о двухъ зеркальных стеклахъ	1	переплеты всѣ очень ветхи
переплетъ дубовый створной о 2-хъ стеклахъ, лѣтній	1	
переплетъ дубовый створной о 6-ти стеклахъ съ форточкою, лѣтній	1	
переплетъ дубовый глухой о 3-хъ стеклахъ, зимній	1	
переплетъ дубовый глухой о 6-ти стеклахъ, зимній съ форточкою	1	
переплетъ дубовый створной о 6-ти стеклахъ, зимній	1	
при нихъ: петель мѣдныхъ	5 п.	
задвижекъ мѣдныхъ	2 п.	
ручекъ мѣдныхъ	2 шт.	
петель форточныхъ	2 п.	
завертокъ форточныхъ	2 шт.	
Подъоконники мраморные, откосы свѣтлаго искусственнаго мрамора, стѣны изъ искусственнаго мрамора съ трафаретами и каймою, во фризѣ карниза лѣпные барельефы на желтомъ фонѣ, потолокъ выбѣленъ. Полъ настланъ паркетными дубовыми щитами.		подъоконники мраморные всѣ треснутые, облицовка стѣнъ и потолокъ въ трещинахъ. На наружной стѣнѣ, обращенной въ садъ, замѣтно продолженіе чрезъ всѣ этажи трещины
Изъ кабинета въ залу дверь створная филеичатая оклеена съ обѣихъ сторонъ краснаго дерева фанеркою и отполированная	1	

Наименованіе предметовъ.	Кош- чество.	Примѣчаніе.
при ней: петель мѣдныхъ	2 п.	
задвижекъ вѣзныхъ	1 п.	
замокъ вѣзной съ мѣдными ручками личинками и ключемъ	1	
Изъ корридора между дѣтской и заломъ лѣстница въ бельведеръ, состоящая изъ деревянныхъ ступеней въ четыре поворота съ перилами изъ точеныхъ балясинъ съ поручнями, окрашенныхъ масляною желтою краскою, при которыхъ крюкъ желѣзный	1	
Дверь ordinaria о 6-ти стеклахъ, окрашенная бѣлою масляною краскою	1	четыре стекла битыхъ
при ней: петель желѣзныхъ	1 п.	
щеколда желѣзная	1 шт.	
При входѣ на чердакъ дверь ordinaria гладкая, окрашенная масляною бѣлою краскою	1	
при ней: петель желѣзныхъ	1 п.	
задвижка поперечная	1 шт.	
крючекъ желѣзный	1 шт.	
Окно	1	
въ немъ переплетъ глухой о 4-хъ стеклахъ	1	
Бельведеръ.		
Деревянный квадратный обшитый съ наружной стороны листовымъ желѣзомъ и окрашенъ сѣрою масляною крас- кою. Куполь снаружи покрытъ листовымъ желѣзомъ и окрашенъ сѣрою масляною краскою		
Въ бельведерѣ переплетовъ дубовыхъ полуциркульныхъ лѣтнихъ глухихъ	4	стекла битыхъ 18
Дверей створныхъ дубовыхъ зимнихъ	2	двери совершенно ветхи, требуютъ замѣны новыми
Дверей створныхъ, окрашенныхъ бѣлою краскою зим- нихъ	2	
при нихъ: петель желѣзныхъ	8 п.	
задвижекъ желѣзныхъ	4 п.	
Внутри бельведера полъ досчатый окрашенъ масляною желтою краскою, стѣны окрашены свѣтло-голубого цвѣта колеромъ, куполь выбѣленъ		штукатурка мѣстами на стѣ- нахъ и потолокъ въ трещинахъ на потолокъ пятно отъ про- течки
Вокругъ бельведера терасса, настиланная чугунными плитами, вокругъ терассы чугунная изъ 12-ти звеньевъ рѣшетка, окрашенная масляною краскою, на бельведерѣ находится чугунныхъ угловыхъ дивановъ	4	одинъ диванъ сломанъ

Наименованіе предметовъ.	Коли- чество.	Примѣчаніе.
Черная лѣстница.		
Отъ площадки изъ буфета верхняго этажа на чердакъ лѣстница каменная въ 15-ть ступеней	1	вся штукатурка по лѣстницѣ отвалилась
Оконъ	2	
при нихъ: переплеть лѣтній створной	1	} всѣ переплеты ветхи восемь стеколъ битыхъ
переплеть лѣтній глухой	1	
переплетовъ зимнихъ глухихъ	2	
петель желѣзныхъ	2 п.	
задвижекъ желѣзныхъ	1 п.	
При входѣ на площадку филеичатая ordinaria дверь крашеная	1	ключи нѣтъ
при ней: петель желѣзныхъ	1 п.	
замокъ коробчатый желѣзный	1	
Въ чуланѣ подъ лѣстницу дверь ordinaria гладкая крашеная	1	ветхая
при ней: петель желѣзныхъ	1 п.	
Чердакъ.		
Дверь гладкая ordinaria	1	проржавѣли
при ней: петель желѣзныхъ	1 п.	
накладка съ пробоємъ желѣзная	1 шт.	стекла всѣ выбиты
Лѣстница деревянная въ одиннадцать ступеней	1	
На чердакѣ въ боровахъ для очистки трубъ дверецъ въ боровахъ для очистки трубъ дверецъ трубныхъ же- лѣзныхъ	2 шт.	
Въ крышѣ слуховыхъ оконъ съ переплетами о четырехъ стеклахъ	8	
Подъ бельведеромъ чугунныя упорныя полосы въ видѣ стропиль	2	
Деревянная галлерей.		
При входѣ со двора каменныхъ плитныхъ ступеней . .	4	совершенно истертыя совершенно ветхыя
Дверь створная съ просвѣтомъ о 8 стеклахъ, крашеная.	1	
при ней: петель желѣзныхъ	2 п.	стекла выбитыя, негодныя
щеколда желѣзная	1	
задвижка желѣзная продольная	1 шт.	
задвижка желѣзная поперечная	1 шт.	
При входѣ въ погребной этажъ пристроена изъ пере-		

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
плетныхъ рамъ со стеклами галлерей на плитномъ цоколѣ. при створныхъ переплетахъ:		битыхъ двадцать пять стеколъ
петель желѣзныхъ	2 п.	
задвижекъ желѣзныхъ	2 п.	одной задвижки нѣтъ
Полъ галлерей по срединѣ выстланъ въ одинъ рядъ каменной плитой, крыша на одинъ скатъ покрыта листовымъ желѣзомъ и окрашена масляною дикаго цвѣта краскою		
Корридоръ погребного этажа.		
Дверь створная окрашенная масляною дикаго цвѣта краскою съ просвѣтомъ о 8 стеклахъ	1	стекла все выбиты
при ней петель желѣзныхъ	2 п.	
замокъ коробчатый желѣзный съ мѣдными ручками и ключемъ	1	испорченъ
задвижекъ желѣзныхъ	1 п.	
Полъ настланъ плитой, стѣны и потолокъ по штукатуркѣ выбѣлены.		стѣны и потолокъ совершенно закоптѣли.
Черная лѣстница.		
При входѣ окно	1	
въ немъ переплетъ крашеный о 8-ми стеклахъ	1	стекла выбиты
Подъ лѣстницею въ чуланѣ дверь ordinaria крашеная съ проволочною рѣшеткою	1	переплетъ ветхій
при ней петель желѣзныхъ	1 п.	
замокъ желѣзный врѣзной съ рукою и ключемъ.	1	испорченъ
Полъ передъ лѣстницей изъ каменной плиты, стѣны по штукатуркѣ выбѣлены.		штукатурка обвалилась
При входѣ на лѣстницу въ верхній этажъ дверь ordinaria гладкая крашеная	1	
при ней: петель желѣзныхъ	1 п.	
щеколда желѣзная съ мѣдными ручками	1	ручекъ нѣтъ
Лѣстница каменная изъ плиты въ 14 ступеней	1	
Окно	1	
при немъ: переплетовъ глухихъ лѣтнихъ изимныхъ о 8 стеклахъ	2	стекла выбиты, переплеты ветхи
Возлѣ лѣстницы комната для прислуги.		
Дверь ordinaria простая крашеная	1	
при ней петель желѣзныхъ	1 п.	

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
Окно.	1	
въ немъ переплеть глухой крашеный о 8 стеклахъ. . .	1	одно стекло битое, переплеть ветхій
Печь голландская кирпичная, оштукатурена и выбѣ- лена.	1	треснула пополамъ негодна
при ней: дверцы топочныя, желѣзныя.	1	негодны
дверцы трубныя желѣзныя.	1	
вьюшка чугунная съ приборомъ.	1	нѣтъ блинка
Полъ досчатый, стѣны и потолокъ по штукатуркѣ вы- бѣлены.		полъ ветхій, штукатурка мѣстами обвалилась.
Винный подвалъ.		
Изъ комнаты для прислуги дверь ordinaria гладкая крашеная.	1	
при ней: петель желѣзныхъ.	1 п.	
Оконъ.	3	
въ нихъ: переплетовъ о 8-ми стеклахъ глухихъ.	3	нѣтъ
Полъ выстланъ кирпичемъ въ елку, стѣны и сводъ по штукатуркѣ выбѣлены.		штукатурка обвалилась
Изъ подвала въ коридоръ дверь ordinaria гладкая. . .	1	
при ней петель желѣзныхъ.	1 п.	
замокъ желѣзный коробчатый.	1	замокъ негодный, ручекъ нѣтъ
Корридоръ.		
Печей кирпичныхъ.	2	
при нихъ: дверецъ топочныхъ желѣзныхъ.	2	совершенно негодны
Полъ выстланъ кирпичемъ въ елку, стѣны и потолокъ по штукатуркѣ выбѣлены.		штукатурка обвалилась
Первая комната для писарей.		
Изъ корридора дверь ordinaria гладкая.	1	
при ней: петель желѣзныхъ.	1 п.	
скоба желѣзная.	1	нѣтъ
Оконъ.	3	одно заделано кирпичомъ
въ нихъ: переплетовъ зимнихъ и лѣтнихъ о 2-хъ стеклахъ.	4	нѣтъ
Печь кирпичная.	1	

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
при ней: дверцы топочныя желѣзныя	1	негодны
дверецъ трубныхъ желѣзныхъ	1	негодны
вьюшекъ чугуновыхъ съ приборомъ	1	нѣтъ
Полъ досчатый, стѣны и потолокъ по штукатуркѣ выбѣлены.		полъ совершенно сгнилъ штукатурка вся обвалилась.
Вторая комната для писарей.		
Изъ 1-й комнаты дверь ordinaria гладкая	1	
при ней: петель желѣзныхъ	1 п.	
замокъ желѣзный коробчатый	1	замокъ негодный
Оконъ	2	ручекъ нѣтъ
въ нихъ переплетовъ глухихъ зимнихъ и лѣтнихъ о 2-хъ стеклахъ.	4	двухъ зимнихъ нѣтъ, стекла выбиты
Печь кирпичная оштукатурена и выбѣлена	1	штукатурка обвалилась.
при ней: дверцы топочныя желѣзныя	1	негодны
дверцы трубныя желѣзныя	1	негодны
вьюшка чугуновая съ приборомъ	1	нѣтъ
Полъ досчатый, стѣны и потолокъ по штукатуркѣ выбѣлены.		полъ сгнилъ, штукатурка, а мѣстами и кирпичи, вывалились
Темный подвалъ.		
Дверей ordinary гладкихъ	2	нѣтъ
дверцы желѣзныя трубныя	1	нѣтъ
вьюшка чугуновая съ приборомъ	1	нѣтъ
Комната для прислуги.		
Изъ корридора дверь створная филеичатая и крашеная.	1	
при ней петель желѣзныхъ	2 п.	
задвижекъ желѣзныхъ	1 п.	
замокъ желѣзный коробчатый съ мѣдными ручками и ключемъ	1	
Оконъ	2	
въ нихъ переплетовъ лѣтнихъ и зимнихъ глухихъ о 8 стеклахъ	4	пять стеколъ битыхъ
вентиляторъ въ окнѣ	1	
Печь голландская бѣлая изразцовая	1	

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
при ней: дверцы топочныя желѣзныя	1	
дверцы трубныя чугуныя	1	
вьюшка чугуныя съ приборомъ	1	нѣтъ
Полъ досчатый, стѣны и потолокъ состоятъ изъ двухъ стрѣльчатыхъ арокъ изъ бѣлаго изразца.		
Котель для ванны изъ бѣлаго листового желѣза съ двумя трубами	1	
при немъ: крановъ мѣдныхъ	3	
топка подъ водогрѣйный котель изъ бѣлаго изразца .	1	
при ней: дверцы чугуныя топочныя	1	
дверцы чугуныя трубныя	1	нѣтъ
вьюшка чугуныя съ приборомъ	1	нѣтъ
Водогрѣйня.		
Изъ комнаты для прислуги дверей ординарныхъ гладкихъ окрашенныхъ	2	
при нихъ: петель желѣзныхъ	2 п.	
замокъ коробчатый желѣзный съ мѣдными ручками и ключемъ	1	нѣтъ
щеколда съ мѣдными ручками	1	нѣтъ
задвигекъ желѣзныхъ поперечныхъ	1 п.	нѣтъ
Печь изразцовая бѣлая	1	изразцы попорчены и обсыпались
при ней дверцы топочныя чугуныя	1	
дверцы трубныя чугуныя	1	
вьюшка чугуныя съ приборомъ	1	нѣтъ
Очагъ для нагрѣванія воды изъ бѣлыхъ изразцовъ . .	1	изразцы попорчены обсыпались
При немъ дверцы топочныя желѣзныя	1	
Котель мѣдный съ крышкой въ 14 вершковъ діаметромъ	1	
Кранъ мѣдный	1	
Душникъ желѣзный паровой	1	
Полъ настанъ лошадиною плитою, стѣны и сводъ выбѣлены.		
Комната съ лѣстницею.		
При входѣ дверь ординарная филеичатая съ зеркальнымъ матовымъ стекломъ	1	
при ней петель желѣзныхъ	1 п.	
замокъ врѣзной съ щеколдой, мѣдными ручками и ключемъ	1	

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
Стѣны и потолокъ подъ лѣстницею филенчатые окрашенные бѣлою масляною краскою, полъ досчатый выкрашенъ желтою масляною краскою		Филенка требуетъ ремонта и окраски
Раздѣвальная.		
При входѣ дверь ординарная съ зеркаломъ	1	зеркала нѣтъ, вынуто
при ней: петель желѣзныхъ	1 п.	
замокъ врѣзной съ щеколдою, мѣдными ручками и ключемъ	1	
Окно	1	
въ немъ: переплеть глухой лѣтній объ одномъ матовомъ стеклѣ.	1	матоваго стекла, нѣтъ
переплеть глухой зимній о 4-хъ стеклахъ	1	два стекла битыхъ зеркальных
Подъоконная доска изъ ясеняго дерева, а откосы зеркальные. Полъ досчатый окрашенъ желтою масляною краскою, стѣны и сводъ по штукатуркѣ выполнированы подъ бѣлый мраморъ.		откосовъ нѣтъ, полъ совершенно сгнилъ, а облицовка свода и стѣнъ обсыпалась.
Ванная комната.		
Изъ раздѣвальной полуциркульная арка съ двернымъ просвѣтомъ		
Въ стѣнѣ каминъ чугунный	1	
мѣдный кранъ	1	нѣтъ
Дверцы желѣзныя	1	проржавлены
Душникъ мѣдный съ колпакомъ	1	
Полъ настланъ изъ плитки а стѣны и сводъ по штукатуркѣ отполированы подъ мраморъ.		штукатурка потрескалась и обсыпалась
Кухня при домѣ.		
Кухня находится частью подъ терассой, большей же частью подъ флигелемъ (Настасьинъ домъ). Входъ подъ терассу съ площадки отъ сада въ крыльцо, состоящее изъ 7-ми каменныхъ ступеней. Съ крыльца въ корридоръ		
Съ крыльца въ корридоръ подъ терасу дверь ординарная гладкая	1	

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
при ней: петель желѣзныхъ	1 п.	
замокъ желѣзный коробчатый	1	нѣтъ.
Въ корридорѣ оконъ	2	
въ нихъ: переплетовъ глухихъ о 2-хъ стеклахъ	2	стеколь нѣтъ, переплеты
Изъ корридора въ прихожую передъ кухней дверь		ветхи
ординарная гладкая	1	нѣтъ
Въ прихожей окно	1	
Въ немъ переплетъ лѣтній глухой о 4-хъ стеклахъ	1	нѣтъ.
Изъ прихожей въ чуланчикъ дверь ординарная гладкая.	1	совершенно ветхая
при ней: петель желѣзныхъ	1 п.	
задвижка желѣзная поперечная	1	нѣтъ
Изъ прихожей въ кухню дверь ординарная гладкая	1	
при ней: петель желѣзныхъ	1 п.	
скоба желѣзная	1	
въ кухнѣ оконъ	3	
въ нихъ: переплетовъ лѣтнихъ о 4-хъ стеклахъ глухихъ	1	} два стекла биты, переплеты очень ветхи
переплетовъ лѣтнихъ створныхъ о 4-хъ стеклахъ	1	
переплетовъ лѣтнихъ глухихъ о 2-хъ стеклахъ	1	
переплетовъ зимнихъ глухихъ о 4-хъ стеклахъ	2	
переплетовъ зимнихъ глухихъ о 2-хъ стеклахъ	1	нѣтъ
при нихъ: петель желѣзныхъ	2 п.	нѣтъ
задвижекъ желѣзныхъ	1 п.	
Въ окнахъ вдѣлано рѣшетокъ проволочныхъ	3	
Очагъ большой изъ бѣлыхъ изразцовъ съ котломъ чугу- ннымъ и плитою	1	плита 14-вершковая изъ чугунныхъ полосъ съ одной камфоркой.
Дверцы топочныя желѣзныя	1	
Дверцы желѣзныя для очистки сажн	1	
Дверцы паровыя желѣзныя	1	
задвижка чугунная трубная	1	
рѣшетка чугунная подъ плитою	1	
дверцы чугунины надъ плитою	1	
задвижекъ при плитѣ чугунныхъ	2	
Надъ очагомъ желѣзная труба съ дырками для вытя- гиванія пару	1	
Печь бѣлая изъ русскихъ изразцовъ	1	
при ней: заслонка желѣзная	1	нѣтъ
дверцы трубныя желѣзныя	1	
выюшка чугунная съ приборомъ	1	нѣтъ
Во вторую комнату дверь ординарная гладкая	1 п.	
при ней: петель желѣзныхъ	1	
ручка деревянная точеная	1	

Наименованіе предметовъ.	Кол- чество.	Примѣчаніе.
Во второй комнатѣ окно	1	
въ немъ: переплеть лѣтній глухой съ форточкою о 2-хъ стеклахъ.	1	1 стекло битое
переплеть зимній глухой о 2-хъ стеклахъ . . .	1	форточки нѣтъ нѣтъ
Въ прихожей, кухнѣ и комнатѣ за кухней стѣны и своды оштукатурены и выбѣлены, полы каменные изъ лощадной плиты.		Штукатурка вездѣ отвалилась а въ прихожей и комнатѣ за кухней выкрошились въ сводахъ и стѣнахъ кирпичи.

По сей описи сдать: Причисленный къ Министерству
Государственныхъ Имуществъ Статскій Совѣтникъ:

По сей описи приняли:

Предсѣдатель комиссіи
88-го пѣхотного Петровскаго полка

Члены: { Подполковникъ
Штабсъ-Капитанъ
Поручикъ

При сдачѣ присутствовали

Военный Инженеръ:

Подписи неясны.

ОПИСЬ

Движимаго имущества, находящагося въ большомъ каменномъ домѣ Графа Аракчеева.

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
Въ кабинетѣ Графа.		
Въ дверяхъ шкафъ створный съ двумя зеркальными стеклами.	1	
Въ немъ:		
Образъ Покрова Богородицы въ серебряной ризѣ . .	1	
Столъ письменный ясеняго дерева съ двумя полками, изъ которыхъ верхняя обтянута зеленымъ сукномъ, и съ 2-мя выдвижными ящиками	1	Сукно полиняло, оборвано и мѣстами закапано
На столѣ: Подсвѣчникъ бронзовый на 2 свѣчи съ зонтикомъ.	1	
Подсвѣчникъ маленькій жестяной, окрашенный лакомъ.	1	
Чернильница хрустальная съ лоткомъ	1	
Подъ чернильницею цвѣтная клеенка	1	ветхая
Линейка-треугольникъ чернаго дерева	1	конецъ острый, сломанъ
Свитокъ восковой свѣчи	1	распуцень и поломанъ
Бронзовый колокольчикъ	1	по сей
Бисерный коврикъ подъ колокольчикъ	1	бисеръ мѣстами обсыпался
Термометръ стоячій	1	
Молитвенникъ	1	
Послѣдователь церковнаго пѣнія въ сафьяновомъ футлярѣ.	1	
Разныхъ книжечекъ	5	изорваны
Щеточка пылевая	1	истерта
Прессъ-папье каменныхъ съ фруктами	3	
Столъ письменный краснаго дерева оклеенъ сверху цвѣтной клеенкой	1	по бокамъ фанерка обломана, клеенка совсѣмъ истерта

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
Столикъ ясеневаго дерева съ аспидною доской на мѣдныхъ колесикахъ съ ящикомъ и ключемъ	1	ключа нѣтъ, аспидная доска треснувшая
Столикъ маленькій круглый ясеневаго дерева на одной ножкѣ съ клеенкою	1	доска расклеилась
Ширма ясеневаго дерева изъ четырехъ рамъ обтянута зеленымъ камлотомъ	1	комлотъ выцвѣтши
Диванъ краснаго дерева, обитый зеленымъ трипомъ.	1	трить потерть
Подушка изъ такого же трипа	1	
Подушка изъ кашемира подбита сафьяномъ	1	сафьянъ совершенно изорванъ — подушка ветха
Кресло корельской березы съ высокой спинкой на мѣдныхъ колечкахъ обито зеленымъ моаре	1	обивка разорвана, мѣстами совсѣмъ нѣтъ
Кресель краснаго дерева, обитыхъ зеленымъ трипомъ	2	обивка попорчена
Кресло краснаго дерева обито зеленымъ трипомъ . . .	1	
Стульевъ краснаго дерева со сквозными спинками, обитыхъ зеленымъ трипомъ	6	обивка ветха
Стуль краснаго дерева на мѣдныхъ колесикахъ обтянутъ зеленымъ трипомъ	1	
Кровать ясеневаго дерева въ изголовьи и ногахъ обита зеленымъ трипомъ	1	
Перина пуховая	1	
Зеркаль въ рамкахъ краснаго дерева	2	Амальгама попорчена
Календарь стѣнной передвижной	1	
Матрасъ волосяной	1	
Медальонъ круглый мѣдный съ портретомъ Графа Аракчеева	1	
Миніатюрныхъ портретовъ Графа Аракчеева и матери его въ мѣдныхъ позолоченныхъ рамкахъ	2	
Песочница овальная, краснаго дерева	1	поломана
Подсвѣчниковъ-бра на стѣнахъ бронзовыхъ вызолоченныхъ, каждый на три свѣчи съ хрустальными розетками	2	
Скамеечка березоваго дерева	1	
Гипсовыхъ медальоновъ Графа Аракчеева въ рамкахъ ясеневаго дерева	2	
Портретъ масляный Графа Аракчеева въ золоченой рамѣ	1	рама ветха выгорѣли и ветхи
Занавѣсокъ пунцоваго ситцу, подложенныхъ миткалемъ	3	
Термометръ воздушный, мѣдный въ деревянной рамкѣ .	1	
Барометръ съ термометромъ	1	
Щипцы съ лоткомъ для сальныхъ свѣчъ	1	
Пенельницъ круглыхъ мѣдныхъ	2	

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
Тарелочка маленькая синенькая съ 2-мя восковыми огарками въ шкафу	1	
Портретъ Графа Аракчеева, гравированный въ золоченой рамкѣ съ подписью: «Усердѣйшее поднесеніе Евстафія Чуксина»	1	
Въ дверномъ шкафѣ:		
Образъ Спасителя въ ризѣ аплике	1	
Мѣдная вызолоченная черезъ огонь доска съ надписью: «Любимое мѣсто блаженной памяти Императора Александра Благословеннаго»	1	доска эта снята съ террасы у Лѣтняго дворца Графа Аракчеева
На столикѣ китайская фарфоровая бесѣдка подѣ стекляннымъ колпакомъ въ деревянныхъ рамкахъ и на деревянномъ пьедесталѣ	1	бесѣдка зѣбетами поломана
Костяной бѣлый ларецъ съ игральными костяными марками, въ неполномъ количествѣ, въ четырехъ рѣзныхъ костяныхъ коробочкахъ, частью поломанныхъ.	1	
Чайный ящикъ, оклеенный корельской березою, съ замочкомъ ключемъ и мѣдной ручкой	1	
Китайскій деревянный ящичекъ съ 2-мя стеклянными чернильницами	1	Петли у крышки оторваны
Въ чайной комнатѣ.		
Шкафъ красного дерева съ филеичатыми дверцами	1	
Шкафъ красного дерева съ створными дверьми о шести бѣлыхъ стеклахъ	1	
Столиковъ простого дерева, выкрашенныхъ, у коихъ верхнія доски обшиты мѣдью	2	
Столикъ съ откидными полками красного дерева	1	
Самоваровъ красной мѣди	2	краны желтой мѣди и 1 крышки нѣтъ ключа нѣтъ
Комодъ ясеняго дерева съ четырьмя выдвижными ящиками, замками и ключемъ	1	
Диванъ красного дерева съ 2-мя выдвижными ящиками обить черною кожею	1	кожа изорвана
На диванѣ подушка черной кожи	1	Совершенно ветхая
Столовая.		
Образъ Св. Дмитрія въ серебряной ризѣ	1	на ризѣ пробы нѣтъ
Образъ Св. Нила Столбенскаго безъ ризы	1	

Описи

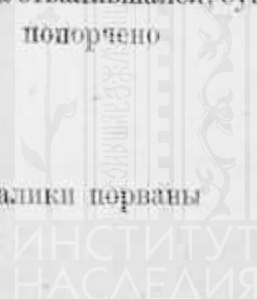
Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
Въ стѣнѣ шкафъ зеркальный открытый съ шестью зеркальнаго стекла полками, обдѣланный краснымъ деревомъ	1	Амальгама попорчена
Въ шкафу находится:		
Чайныхъ чашекъ съ блюдечками съ гербомъ Графа Аракчеева	12	одна чашка разбита и склеена и три чашки съ трещинами и негодны къ употребленію
Чайныхъ чашекъ съ блюдечками съ золочеными ободками и цвѣточками	6	Одно блюдо разбито и склеено въ одномъ выбить край
Чайныхъ чашекъ съ блюдечками съ рисункомъ	6	Одна съ трещиной
Большія чайныя чашки съ блюдечками, съ цвѣточками	2	
Чайниковъ съ рисунками и позолотою	2	въ одномъ чайникѣ носикъ разбитъ, въ другомъ въ двухъ мѣстахъ трещины, у крышки край отбить
Кофейникъ съ рисункомъ и позолотою	1	ручка и носикъ отбиты
Молочниковъ съ позолотою	2	ручки отбиты
Масленка съ позолотою	1	
Масленка съ рисункомъ	1	
Чайникъ для кипятку съ цвѣтами	1	
Полоскательная чашка бѣлая съ розами	1	
Чайникъ для чаю простой	1	чайникъ треснуть, ручки отбиты, крышка отбита
Полоскательная чашка желтой глины	1	
Молочникъ маленькій желтой глины	1	
Сливочникъ черный съ крышкой, небольшой	1	треснувшій
Горшочковъ черненькихъ, маленькихъ	2	
Графинчикъ хрустальный съ позолотою	1	
» » безъ позолоты	1	
Рюмочекъ старинныхъ маленькихъ	6	
Молочникъ хрустальный маленькій	1	
Корзинка фарфоровая, овальная, маленькая	1	
Корзинокъ ажурныхъ, накладнаго серебра	3	
Часы стѣнные, круглые	1	
Подсвѣчниковъ мѣдныхъ, разныхъ	7	
Столъ ясеневаго дерева, раздвижной на 12 ножкахъ, оклеенъ темнозеленымъ сукномъ	1	сукно потерто
Столиковъ краснаго дерева круглыхъ съ откидными полками	2	
Стульевъ березовыхъ съ плетенымъ сидѣньемъ	18	у двухъ сидѣнія прорваны, у 4-хъ спинки отломаны, 1-го нѣтъ

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
Термометръ мѣдный въ футлярѣ краснаго дерева . . .	1	
Ящикъ для песку	1	
Подсвѣчники-бра стѣнныхъ бронзовыхъ отъ свѣчахъ	2	
Фамильныхъ масляныхъ портретовъ въ золоченыхъ рамахъ	5	рамы мѣстами попорчены
Въ Мраморной комнатѣ.		
Образъ Спасителя въ серебряной вызолоченной ризѣ на голубой лентѣ	1	
Диванъ корельской березы подѣ краснымъ лакомъ на золоченыхъ ножкахъ, изображающихъ морскихъ звѣрей съ вышитымъ Аракчеевскимъ гербомъ на сидѣніи	1	одна ножка сломана
Кресель корельской березы на золоченыхъ ножкахъ, обитыхъ синей матеріею съ цвѣтами	2	обивка выгорѣла
Кресло краснаго дерева, обитое бѣлымъ бархатомъ, съ вышивкой шелками цвѣтной корзинки	1	обивка изорвана
Стульевъ подѣ черное дерево, обитыхъ вышитою оранжевою матеріею	2	
Стульевъ краснаго дерева съ вышивками на 1-мъ корзинѣ съ цвѣтами, на 2-мъ вазѣ съ цвѣтами	2	обивка изорвана
Стульевъ краснаго дерева, обитыхъ зеленымъ трипомъ	2	обивка выцвѣла
Столикъ маленькій круглый корельской березы на одной ножкѣ и съ бисернымъ коврикомъ	1	коврикъ ветхій, бисеръ высыпался
Столикъ краснаго дерева, круглый на одной ножкѣ, на немъ синее сукно съ оранжевою каймою	1	сукно изношено, выцвѣло
Бронзовый колокольчикъ съ костяной бѣлой ручкой	1	ручка не держится
Бисерный коврикъ подѣ колокольчикъ	1	изношенъ, бисеръ мѣстами высыпался
Вазъ бѣлаго мрамора на пьедесталѣ искусственнаго мрамора	2	рѣзьба поломана
Подушка вышитая 11 птичекъ	1	ветхая
Подушка шитая шерстью изображающая женщину и охотника	1	изѣдена молью
Дамская подушка подѣ ноги, вышитая шелкомъ и подшита зеленымъ сафьяномъ	1	испорчена молью и истерта
На мраморномъ каминѣ столовыя часы бронзовыя съ фигурами женщины и мальчика подѣ стекляннымъ колпакомъ	1	задняя стѣнка колпака треснута
Бронзовыхъ подсвѣчниковъ о 2-хъ свѣчахъ съ бронзовыми фигурами на краснаго мрамора пьедесталѣ	2	одинъ пьедесталъ испорченъ
Бронзовыхъ подсвѣчниковъ круглыхъ съ хрустальными розетками	2	

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
Въ каминѣ бронзовыхъ тагановъ	2	
У камина рѣшетка бронзовая	1	
Мѣхъ маленький	1	порванъ
Щипцы желѣзные для угольевъ	1	
Колотушка желѣзная	1	
Лопатка желѣзная	1	
Экранъ красного дерева съ зеркальнымъ стекломъ . .	1	
Ящикъ для песку красного дерева	1	
Зеркало въ простѣнкѣ изъ 2-хъ штукъ, въ золоченой рамѣ	1	рама попорчена, позолота сошла, амальгама мѣстами попорчена
Стѣнныхъ бронзовыхъ, вызолоченныхъ бра въ 3 свѣчи съ розетками	2	три розетки разбиты
Занавѣска простая каленкоровая	1	
Часы бронзовые, вызолоченныя, Парижской работы, съ бюстомъ Императора Александра I, съ музыкой подъ стекляннымъ футляромъ	1	Верхняго стекла нѣтъ, замѣнено картономъ и весь футляръ разптанъ. Въ боковомъ стеклѣ уголь треснутъ, заднее стекло составлено
Книжечъ описанія часовъ	2	
Реомюръ мѣдный стоячій маленький	1	разбить
Голубая комната.		
Государева спальня.		
Маленькій образъ Божіей Матери въ серебряной ризѣ .	1	
Портретъ масляными красками Императора Александра I въ рѣзной, золоченой, съ короной рамѣ съ подписью на бронзовомъ золоченомъ щитѣ	1	
Пунцовая бархатная драпировка, обложенная золотыми кистями, повѣшенная на 2-хъ бронзовыхъ розетахъ подъ портретомъ	1	бархатъ выцвѣтшій
Столъ письменный, красного дерева съ 2-мя выдвижными ящиками и замками, оклеенъ зеленымъ сафьяномъ	1	ключей нѣтъ
На столѣ: бронзовый черный бюстъ Императора Александра I съ пьедесталомъ Сердобольскаго камня. . . .	1	
Прессъ папье красного камня съ бронзовой ручкой . .	1	
Портфель красного сафьяна съ замочкомъ съ надписью тѣсеннымъ золотомъ	1	
Хрустальная граненая чернильница, состоящая изъ 3 банокъ и лотка	1	одна банка разбита

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
Перочинный складной двойной ножичекъ, съ костянымъ бѣлымъ черенкомъ	1	
Циркуль мѣдный складной	1	
Французскихъ живописныхъ шпирмочекъ	2	
Стальныхъ подсвѣчниковъ съ хрустальными розетками	2	розетки разбиты
Карта путешествія Императора Александра I въ сафьяновомъ футлярѣ	1	
Чугунныя пули въ сафьяновомъ футлярѣ	4	
Колокольчикъ бронзовый съ костяною ручкою и бисернымъ коврикомъ	1	коврикъ извѣтшалъ, бисеръ высыпался
Столикъ круглый красного дерева на точеной ножкѣ съ клеенкою	1	
Столъ четырехъ-угольный зеленый съ двумя по бокамъ ручками на 1-й ножкѣ	1	
На столикѣ бронзовый подсвѣчникъ о 2-хъ свѣчахъ съ розетками	1	
Диванъ красного дерева съ 2-мя подушками, обитый желтымъ полосатымъ плюшемъ	1	обивка ветха
Кресель красного дерева обитыхъ желтымъ, полосатымъ плюшемъ	6	обивка ветха
Стульевъ красного дерева, обитыхъ желтымъ, полосатымъ плюшемъ	2	обивка ветха
Стуль Государевъ съ подъемной машинкой для ноги.	1	поломанъ
Ящикъ для песку красного дерева	1	
Зеркаль въ простѣнкахъ между окнами, въ конхъ вѣдано по одному бронзовому подсвѣчнику съ розетками .	2	Амальгама мѣстами попорчена, 5 розетокъ нѣтъ
Подушка бархатная на бѣломъ фонѣ букетъ цвѣтовъ, подшитая сафьяномъ	1	ветхая
На подоконникахъ клеенокъ цвѣтныхъ	3	негодны
Бронзовое золоченое кольцо, сонетное	1	
Люстра граненая, хрустальная въ бронзовой оправѣ въ 6 свѣчей	1	нѣтъ трехъ украшеній.
Фарфоровыя вазы съ видами Берлина на 3-хъ деревянныхъ лакированныхъ тумбахъ, подаренныя Графу Аракчееву Королемъ Прусскимъ.	3	на одной вазѣ подножка въ трехъ мѣстахъ выщерблена
Бюстъ Императора Александра I бѣлаго мрамора	1	перенесенъ изъ колонады Андрея Первозваннаго.
Гостинная.		
Маленькій образъ Божьей Матери въ серебряной ризѣ.	1	
Масленный портретъ Графа Аракчеева въ золоченой рамѣ	1	рама мѣстами попорчена
Военнаго вѣдомства		

Наименованіе предметовъ.	Колп- чество.	Примѣчаніе.
Столъ овальный, корельской березы на 4-хъ ножкахъ съ мѣдными колесиками	1	
На столъ гарусный коврикъ съ красными, голубыми и желтыми полосками	1	ветхій
Бронзовый колокольчикъ	1	
Бисерный коврикъ подъ колокольчикъ	1	бисеръ обсыпался
Диванъ корельской березы обитый малиновымъ плюшемъ	1	обивка попорчена молю
Кресель корельской березы обитыхъ малиновымъ плюшемъ	6	обивка попорчена молю
Стульевъ корельской березы обитыхъ малиновымъ плюшемъ	8	обивка попорчена молю
Скамейка красного дерева подъ ноги обита краснымъ сафьяномъ	1	
Плевательница карельской березы съ жестянкой въ срединѣ	1	поломана
Зеркало состоящее изъ 2-хъ стеколъ въ рѣзной золоченой рамѣ	1	Амальгама попорчена
По бокамъ зеркала стѣнныхъ бра бронзовыхъ съ розетками	2	три розетки разбиты
Люстра бронзовая золоченая съ чернью, съ часами въ срединѣ о 6-ти свѣчахъ стиль Empire	1	
Подушка подъ ноги шитая по канвѣ шерстью, подбитая зеленымъ сафьяномъ	1	ветхая
Бѣлаго мрамора бюстъ Императора Александра I въ натуральную величину на серебрянной тумбѣ вѣсомъ 3 пуда 4 ¹ / ₂ фунта	1	
На трехъ подоконникахъ клеенокъ цвѣтныхъ, подложенныхъ сукномъ	3	очень ветхія
Фуражка Императора Александра I на бѣлой деревянной лакированной колоннѣ подъ стекляннымъ колпакомъ	1	
Коленкорovýchъ бѣлыхъ шторъ	3	
Реомюръ мѣдный въ футлярѣ	1	
Офиціантская комната.		
Столиковъ ломберныхъ красного дерева обложенныхъ бронзою	2	обложка отвалившаяся, сукно попорчено
Столикъ круглый, красного дерева съ двумя откидными полками	1	
Диванъ красного дерева, обить краснымъ сафьяномъ съ двумя валиками	1	валики порваны

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
Стульевъ краснаго дерева, обитыхъ краснымъ сафьяномъ	7	сафьянъ потертъ мѣстами изорванъ
Экранъ краснаго дерева съ вышитой по атласу шелками картиною	1	картина истлѣла
Гравюръ въ рамкахъ краснаго дерева, изображающихъ разные Московскіе и Полтавскіе виды	22	
Фонарь бѣлаго стекла съ мѣдными цѣпочками и шандаломъ въ 2 свѣчи	1	
Подсвѣчникъ бронзовый съ жестиною трубкою и бумажной ширмочкою	1	
Буфетъ.		
Буфетъ яснаго дерева съ тремя филленчатыми дверцами, съ тремя выдвижными ящиками и 6-ю стеклянными дверцами съ замками	1	шкафъ ветхъ 7 стеколъ битыхъ ключей нѣтъ
Въ дверяхъ шкафъ простаго дерева выкрашенъ бѣлою краскою съ 2 створными дверьми и замкомъ	1	дверь ветха, замка нѣтъ
Столикъ 4-хъ угольный яснаго дерева	1	очень ветхъ
Стульевъ простаго дерева, окрашенныхъ зеленою краскою, со спинками, съ камышевымъ сидѣніемъ	3	
У лѣстницѣ на антресоли.		
Ночной столикъ краснаго дерева съ бѣлою мраморною доскою и выдвижнымъ ящикомъ на 4-хъ ножкахъ съ мѣдными колесиками	1	мраморъ весь разбитъ въ куски, фанерка обломана.
Фонарь стѣнной съ 3 зеркальными стеклами	1	
Надванная комната.		
Ширмы составныя изъ трехъ рамъ, холстяныя, окрашенныя бѣлою краскою	1	
Судно кресло яснаго дерева, обитое кожею съ подушкою	1	подушка и обивки ветхи
Клеенка подъ стуломъ	1	совсѣмъ плоха
Комодъ яснаго дерева о 3-хъ выдвижныхъ ящикахъ съ замками	1	ключей нѣтъ

причисленный къ Министерству

Труды XV Съѣзда. Т. I.

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
На немъ цвѣтная клеенка	1	ветхая
Зеркальце на ножкѣ	1	амальгама попорчена
Шкафикъ угловой маленькій съ мраморной доской объ одной полочкѣ съ замкомъ	1	поломанъ, ключа нѣтъ
Ванная комната.		
Ванна жестяная	1	негодная
Парадная передняя или швейцарская.		
Диванъ простой	1	
Диванчиковъ краснаго дерева, обитыхъ коврикомъ.	2	обивка ветхая
Зеркало въ рамѣ яснаго дерева	1	амальгама попорчена
Вѣшалка простая, крашеная	1	
Плевательница	1	
Лампа съ рефлекторомъ	1	лампа испорчена
Чугунныхъ диванчиковъ	2	
Чугунныхъ кресель	2	
Чугунныхъ стульевъ	4	
Чугунный кругленькій столикъ	1	
Верхній этажъ.		
Въ пріемной.		
Образъ Спасителя въ ризѣ апплике	1	
Образъ Божіей Матери въ кіотѣ подъ стекломъ	1	
Медальоновъ Св. Евангелистовъ, металлическихъ въ де- ревянныхъ рамкахъ съ позолотою	4	
Въ залѣ.		
Портретъ солдата во весь ростъ въ золоченой рамѣ.	1	рама мѣстами испорчена.
Люстра хрустальная на 8 свѣчей	1	
Столъ обѣденный раздвижной	1	досокъ нѣтъ
Стульевъ вѣскихъ гнутыхъ съ плетенымъ сидѣньемъ.	36	

Наименованіе предметовъ.	Коли- чество.	Примѣчаніе.
Въ гостиной.		
Стульевъ бѣлыхъ крашеныхъ	12	пять сломанныхъ
Въ библіотекѣ.		
Образъ Божіей Матери въ ризѣ аплике	1	
Библіотечный шкафъ	1	
Угловая комната.		
Столъ ясневый съ мраморной доскою, на которой сдѣ- ланъ рисунокъ китайской бесѣдки	1	
Диванъ турецкій, покрытый шелковымъ покрываломъ, съ 4 подушками	1	шелковое покрывало истлѣло
Диванчикъ безъ обивки	1	
Стульевъ мягкихъ	4	обивка истлѣла.
Полукресель мягкихъ	4	обивка истлѣла
Простѣбное зеркало въ деревянной рамѣ	1	амальгама мѣстами попорчена
Масляный портретъ Генерала Мелисина	1	
Акварельный портретъ Генерала Мелисина, маленькій.	1	
Каминные желѣзные щипцы	1	
Желѣзная ворошилка	1	
Бронзовыхъ таганчиковъ	2	у одного таганчика ручка отломана
Мѣдная рѣшетка	1	
Образъ Спасителя въ ризѣ аплике	1	
Столикъ березовый ночной съ выдвижнымъ ящикомъ и задвижною дверцею	1	очень ветхій и рѣшетка поло- мана
Овальный маленькій столикъ краснаго дерева съ 3 вы- движными ящиками и мѣдною рѣшеткою	1	
Плевательница шестигранная	1	
Въ бельведерѣ.		
Дивановъ угловыхъ мягкихъ съ волосяными матрацами съ тиковыми полосатыми чехлами	2	чехлы совершенно изорваны.
Подушекъ волосяныхъ въ тиковыхъ полосатыхъ чех- лахъ	10	чехлы совершенно изорваны
Государственныхъ Имуществъ		

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
Кресель простыхъ	2	поломаны
Стульевъ простыхъ	4	поломаны
Столикъ круглый простой	1	
Картинъ въ деревянныхъ рамкахъ разныхъ	21	
Въ разныхъ комнатахъ средняго этажа.		
Образокъ Апостола Іуды и Св. Мефодія	1	
Портретъ маленькій, гравированный, Графа Аракчеева.	1	
Деревянный диванчикъ	1	безъ матраца и обивка совершенно ветха
Кушетка деревянная, березовая	1	поломана, нѣтъ подушекъ
Кресель простыхъ	4	изломаны
Стульевъ простыхъ	12	11 поломано.
Кровать деревянная съ выдвижнымъ ящикомъ	1	совершенно изломана ящика нѣтъ
Умывальникъ цинковый	1	ведра нѣтъ
Умывальникъ съ мраморной доской	1	
Кроватей желѣзныхъ фигурныхъ съ пружинными и волосяными матрасами	2	
Кроватей желѣзныхъ безъ матрасовъ	6	
Матрасовъ мочальныхъ	7	
Клозетъ ясневаго дерева	1	
Ведро для клозета	1	
Умывальныхъ тазовъ глиняныхъ	3	
Ночныхъ горшковъ	3	
Серебро состоящее при домѣ.		
Ложекъ столовыхъ съ надписью «Грузино» и вензелями «А. А.»	12	4—84 пробы
Десертныхъ 84 пробы съ буквами «Г. А.»	12	8— безъ пробы
Чайныхъ съ надписью: «Грузино»	17	1— вызубрена
съ буквами «А. А.»	2	
Разливныхъ безъ пробы съ надписью «Грузино» А. А.	2	
Суповая 84 пробы съ надписью «Грузино 30—65».	1	помята
Рыбная 84 пробы съ вензелемъ «А. А.»	1	
Горчицная 84 пробы съ надписью «Грузино А. А.» . . .	1	
Заварныхъ чайныхъ 84 пробы съ надписью: «Грузино».	2	
Ножъ для масла безъ пробы съ надписью «Грузино А. А.»	1	
Щипцы для сахара безъ пробы	1	

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
Сахарница безъ пробы	1	
Чайныхъ ситочекъ 84 пробы съ надписью: «Грузино А. А»	2	
Мельхиоровыхъ столовыхъ ложекъ	12	сильно потерты
Бѣлье.		
Скатертей большихъ	2	
малыхъ	2	одна рваная
Скатерть чайная цвѣтная	1	
Салфетокъ	54	рваныхъ негодныхъ 16
Простынь	18	рваныхъ негодныхъ 6
Полотенецъ личныхъ	16	1 рваное
посудныхъ	10	3 рваныхъ
Наволочекъ подушечныхъ	31	рваныхъ 17
Одѣяль пикейныхъ бѣлыхъ	4	2 ветхи
цвѣтныхъ	2	
Одѣяль ситцевыхъ	4	1 рваное
байковыхъ	4	2 рваны
Подушекъ	15	
Ковриковъ къ постелямъ	3	
Флаговъ большихъ	1	} рваные
маленькихъ	2	
Посуда въ буфетѣ.		
Мисокъ	2	
Блюдь круглыхъ	2	
Блюдь овальныхъ малыхъ	2	
Блюдь овальныхъ среднихъ	2	
Блюдь овальныхъ большихъ для рыбы	2	
Тарелокъ мелкихъ	47	
Тарелокъ глубокихъ	24	
Тарелокъ десертныхъ	24	
* для пирожковъ	23	
Салатниковъ съ крышкою	2	
Соусниковъ	2	
Тарелочекъ селедочныхъ	2	
Блюдь съ крышкою	2	
Стакановъ	30	

Статскій совѣтникъ

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
Рюмокъ простыхъ разныхъ	57	
Графиновъ большихъ	3	
» малыхъ	2	
Судакъ	1	
Солонокъ стеклянныхъ	9	
Подставокъ для ножей	11	1 разбита.
Ножей	24	
Виллокъ	24	
Подносовъ разной мѣры	4	
Чайникъ	1	у крышки разбита ручка
Сахарница	1	
Полоскательная чашка	1	
Молочникъ	1	
Чашекъ бѣлыхъ	12	
Блюдечекъ къ нимъ	12	
Блюдечекъ простыхъ	23	
Полоскательницъ	6	
Рюмокъ хрустальныхъ	15	
Бокаловъ	17	
Чайниковъ фарфоровыхъ	2	треснувшіе
Кухонная посуда.		
Кастрюль съ крышками красной мѣди	8	
Формъ для пудинга	2	
Кастрюльныхъ крышекъ	3	
Кастрюля для варенья желтой мѣди съ ручкою	1	
Протвень красной мѣди	1	
Котель красной мѣди	1	
Лоханокъ красной мѣди	4	
Кофейникъ	1	
Рыбный котель	1	
Листъ	1	
Ночникъ	1	
Ступка съ пестикомъ	1	
Тазъ желтой мѣди	1	
Тазъ маленькій, красной мѣди	1	
Курительная кастрюлька	1	
Разливная ложка	1	
Подсвѣчниковъ мѣдныхъ разныхъ	7	

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Примѣчаніе.
Кувшиновъ желтой мѣди	2	
Безмѣнь	1	
Кофейникъ маленькій	1	сломанъ
Подсвѣчниковъ оловянныхъ	2	помяты
Подставокъ для бутылокъ	10	
Корзиночекъ для фруктовъ	4	
Деревянныхъ чайныхъ ящиковъ	2	безъ крышекъ
Фаянсовыхъ вазъ	5	изъ нихъ 3 треснувшія
Ступка фарфоровая съ пестикомъ	1	
Соусникъ	1	битый
Судковъ	2	ломаные и битые
Кондитерская ложка желтой мѣди	1	
Мороженыхъ формъ оловянныхъ	2	
Формочекъ маленькихъ для желе фигурныхъ оловя- нныхъ	12	
Формочекъ маленькихъ жестяныхъ для желе	13	
Формъ среднихъ, жестяныхъ	3	
Ящикъ кухонный жестяной съ перегородками	1	
Шуловка красной мѣди	1	
Ковшикъ красной мѣди	1	изломанъ
Курительныхъ желѣзныхъ плитокъ съ ручками	2	
Жестяныхъ ящиковъ маленькихъ	3	негодны
Друшлякъ мѣдный	1	
Друшлякъ желѣзный	1	негодный
Тазъ желтой мѣди	1	
Противень желѣзный	1	
Вафельныхъ формъ чугунныхъ	4	
Таганъ проволочный	1	сломанъ
Походный сессеръ для серебра	1	
Въ подвалѣ.		
Чугунныхъ вазъ для цвѣтовъ	8	три съ поломками
Свинцовыхъ вазъ	2	испорчены
Чугунныхъ круговъ аршиннаго діаметра, сплошь по- крытыхъ чугунными фруктами съ широкимъ кантомъ	2	
Чугунныхъ круговъ такой же величины для подставокъ	2	
Мѣдная полукруглая рѣшетка къ камину	1	
Чугунныхъ колонокъ отъ периль	7	
Чугунныхъ корзинъ для цвѣтовъ	24	

Наименованіе предметовъ.	Коли- чество.	Примѣчаніе.
Чугунныхъ подставокъ къ нимъ	22	
Большой мѣдный циферблатъ отъ солнечныхъ часовъ .	1	
Полукруглой чугунной рѣшетки около 40 аршинъ кусковъ	7	
Чугунныя дверцы отъ ограды	1	
Чугунная ломаная скамейка	1	

По сей описи сдать: Причисленный къ Министерству
Государственныхъ Имуществъ Статскій Совѣтникъ:

По сей описи приняли:

Предсѣдатель комисіи
88-го пѣхотнаго Петровскаго полка
Подполковникъ

Члены: { Штабсъ-Капитанъ:
Поручикъ:

При сдачѣ присутствовалъ
Военный Инженеръ Капитанъ

Подписи неразборчивы.

23 Мая 1893 года.

ПРОТОКОЛЫ.

Raum für Stenogramme.

Засѣданіе Московскаго Предварительнаго комитета XV Археологическаго Съѣзда.

1.

Первое засѣданіе Предварительнаго Комитета по устройству въ 1911 году XV Археологическаго Съѣзда, въ Москвѣ, 3 января 1909 г., въ д. Предсѣдателя Графини Уваровой, подъ предсѣдательствомъ Графини П. С. Уваровой (деп. отъ Московскаго Археологическаго Общества), въ присутствіи 95 депутатовъ: Д. Н. Анучина (Москов. Университета, Москов. Археологическаго Общества, Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи при Москов. Университетѣ), Д. В. Айналова (Москов. Археологическаго Общества и Русскаго Археол. Общества), Н. В. Аничкова (Оренбургской и Новгородской Архивныхъ Комиссій), А. И. Аниимова (Новгородскаго Общества Любителей Древности), В. Р. Анухтина (Воронежской и Костромской Архивныхъ Комиссій), Н. Н. Ардашева (Москов. Археологическаго Общества, Москов. Археологическаго Института), Д. И. Багалъя (Харьковскаго Университета, Истор. Филологич. Общества при Харьков. Универс.), Р. Ф. Брандта (Москов. Университета, Москов. Археологич. Общества, Москов. Археологич. Института), С. А. Бѣлокурова (Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Московскаго Главнаго Архива Минист. Иностр. Дѣлъ), С. К. Богоявленскаго (Московскаго Главнаго Архива Минист. Иностр. Дѣлъ), П. П. Башилова (Новгородскаго Статист. Комит. и Новгородской Архивной Комиссій), И. Н. Бороздина (Историко-Родословнаго Общества), В. В. Богданова (Общества Любителей Естеств., Антропологии и Этнографіи и Румянцев. и Публичнаго Музеевъ), Н. И. Веселовскаго (Импер. Русскаго Археологическаго Общества), Ѳ. Ѳ. Горностаева (Московского Археологич. Общества), В. А. Городцова (Историческаго Музея, Москов. Археологическаго Общества), Н. К. Горталова (Общества Археол., Истор. и Этнографіи въ Казани), А. Д. Григорьева (Москов. Археол. Общества, Комиссій для составленія діалектологической карты русскаго языка), П. М. Добровольскаго (Черниговской Архивной Комиссій), М. В. Довнаръ-Запольскаго (Историч. Общества Нестора Лѣтописца), С. О. Долгова (Москов. Археологич. Общества и Румянц. и Публичн. Музеевъ), Н. Н. Дурново (Комиссій по составленію діалектологической карты русскаго языка), Н. И. Злотаверховникова (Курской Архив. Комиссій

и Курскаго Статистич. Комитета), Д. И. Иловайскаго (Москов. Археологическаго Общества и Общества Истор. и Древностей Россійскихъ), З. И. Иванова (Московского Археологич. Общества), Н. Н. Горданскаго (Нижегородской Архивной Комиссiи), В. В. Каллаша (Общества Любителей Россійской Словесности), С. И. Кедрова (Саратовской Арх. Ком.), А. Н. Кобылина (Курской Архивной Комиссiи), Н. Н. Кононова (Историческаго Музея), Ф. В. Кораллова (Холмскаго Православнаго Братства), Ѳ. Е. Корша (Комиссiи для составленiя діалектологической карты русскаго языка), Е. Ф. Корша (Историческаго Музея), С. К. Кузнецова (Московского Археологич. Общества, Москов. Археологич. Института, Общества Любителей Естеств., Антроп. и Этнографiи), К. С. Кузьминскаго (Историческаго Музея), Н. С. Курдюкова (Москов. Археологич. Общества), Х. И. Кучукъ-Іоаннесова (Москов. Археологич. Общества), А. С. Лебедева (Харьковскаго Университета и Истор.-Филол. Общ. при Харьков. Университетѣ), И. И. Лебедева (Орловской Архивной Ком.), А. А. Левиттъ (города Новгорода), И. А. Линниченко (Новороссійскаго Университета и Одесскаго Общества Исторiи Древностей), А. В. Лопухина (Москов. Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ), М. К. Любавскаго (Общества Исторiи и Древностей Россійскихъ), А. И. Маркевича (Таврической Архивной Ком.), А. В. Маркова (Комиссiи для составленiя діалектологич. карты русскаго языка), И. П. Машкова (Москов. Архитектурнаго Общ. и Москов. Археологическаго Общ.), А. Ф. Мейснера (Москов. Археологич. Общества), В. Ф. Миллера (Московского Археологич. Общества и Общества Любителей Естеств., Антропологии и Этнографiи), М. В. Муравьева (Новгородскаго Общества Любителей Древности, Новгородской Архивной Комиссiи и Новгородской Уѣздной Земской Управы), Н. В. Мятлева (Историко-Родословнаго Общества), П. А. Незнамова (Оренбургской Архивн. Ком.), Н. В. Никитина (Москов. Археологич. Общества), А. П. Новицкаго (Москов. Архитектурнаго Общества), А. В. Орѣшникова (Московского Археологич. Общества и Историческаго Музея), А. А. Павловскаго (Новороссійскаго Университета, Истор.-Филол. Общества при Новороссійск. Универ., Одесскаго Общ. Исторiи и Древностей), Г. Г. Павлуцкаго (Университета Св. Владимира, Историч. Общества Нестора Лѣтописца), В. А. Пархоменко (Полтавской Архивной Ком. и Полтавскаго Церковнаго Историко-Археологич. Комитета), С. Ф. Платонова (Петербургскаго Университета, Императ. Археографич. Комиссiи), В. А. Подобѣдова (Новгородской Архив. Ком. и Новгородскаго Губ. Стат. Комитета), Н. В. Покровскаго (Петербург. Духовной Академіи, Петербург. Археологическаго Института), В. А. Попова (Москов. Археологич. Общества), Х. И. Попова (Донскаго Музея), Е. В. Пѣтухова (Юрьевскаго Университета), А. С. Раевскаго (Комиссiи по изученiю и описанiю стараго Петербурга, Русскаго Археологическаго Общества), Н. В. Рождественскаго (Москов. Главнаго Архива Мин. Ин. Дѣлъ), Е. Р. Романова (Виленской Комиссiи для разбора и описанiя древнихъ актовъ), И. С. Романцева (Новгородской Арх. Ком. и Новгородскаго Общества Любителей Древности), В. Н. Рогожина (Москов. Археологич. Общества), Л. М. Савелова (Московского Археол. Общества, Историко-Родословнаго Общества, Москов. Археологич. Института

и Москов. Отдѣленія Общаго Архива Мин. Импер. Двора), Д. Я. Самоквасова (Москов. Археологич. Общества, Москов. Университета), А. А. Соловьева (Новгородской Городской Думы), С. У. Соловьева (Москов. Археол. Общества, Академіи Художествъ), М. Н. Сперанскаго (Москов. Археологич. Общества), А. И. Станкевича (Москов. Археологич. Общества и Историческаго Музея), В. Н. Сторожева (Нижегородской и Рязанской Архив. Ком.), Н. Ѳ. Сумцова (Харьков. Университета и Истор.-Филол. Общества при Харьков. Университетѣ), А. И. Соболевскаго (Императорской Академіи Наукъ), Д. П. Сухова (Москов. Археологическаго Общества), И. М. Тарабрина (Москов. Археологическаго Общества и Историческаго Музея), А. А. Титова (Псковскаго Археологич. Общества), Н. И. Троицкаго (Тульской Палаты Древностей), В. К. Трутовскаго (Москов. Археологич. Общества и Оружейной Палаты), В. М. Турчанинова (Орловской Архивной Ком.), Д. Н. Ушакова (Комисіи для составленія діалектологической карты русскаго языка), А. Н. Филиппова (Москов. Университета), Г. А. Халатьянца (Москов. Археологическаго Общества и Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ), А. С. Хаханова (Московскаго Археологич. Общества и Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ), Д. В. Цвѣтаева (Импер. Москов. Коммерческаго Училища), Л. Н. Целепи (Новгородскаго Общества Древностей, Новгородской Архив. Ком. и Уѣздной Земской Управы), В. Н. Щепкина (Москов. Археологич. Общества и Историческаго Музея), В. О. Эйнгорна (Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ), С. Д. Яхонтова (Рязанской Архивной Комисіи), Э. Р. Фонъ-Штернъ (Новороссійскаго Университета, Одесскаго Общества Исторіи Древностей и Историко-Филологическ. Общества при Новор. Университетѣ), А. П. Шумейко (Новгородской Городской Думы).

Открывая засѣданіе на основаніи постановленія Совѣта XIV Археологическаго Съѣзда въ Черниговѣ 12 августа 1908 года и разрѣшенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 14 октября 1908 года за № 27064, Гр. Уварова обратилась къ Собранію съ слѣдующими словами: «Сегодня, какъ вамъ извѣстно, мы прощались съ незабвеннымъ сотоварищемъ и учителемъ нашимъ Иваномъ Егоровичемъ Забѣлинымъ. Недолго хворалъ онъ, тихо и спокойно сошелъ въ могилу, оставляя за собой огромное и важное наслѣдіе ученыхъ трудовъ, которые пока служатъ намъ всѣмъ необходимымъ настольнымъ руководствомъ какъ при изученіи исторіи, такъ и при изслѣдованіяхъ по русскому искусству.

«Питомецъ 40-хъ годовъ, современникъ тѣхъ богатырей мысли и слова, которыхъ выдвинулъ XIX вѣкъ и среди которыхъ находимъ имена: Грановскаго, М. П. Погодина, С. М. Соловьева, Бодянскаго, Буслаева, В. И. Григоровича, Котляревскаго, И. И. Срезневскаго, Тихонравова, Стасова, Гр. Уварова, — Иванъ Егоровичъ подъ конецъ жизни пережилъ всѣхъ и остался среди чуждаго ему поколѣнія какъ великолѣпный столбъ, служащій основаніемъ и поддержкой истинно-русскаго искусства какъ величавый дубъ, оставшійся цѣлымъ и невредимымъ послѣ жестокой бури, подкосившей его современниковъ. Настала година скорби и печали; содрогнулась Русь; поднялась смута небывалая; многіе измѣнили наукъ; но нашъ патріархъ остался при своемъ Музеѣ и подобно древнему лѣтописцу продолжалъ свою кропотливую

работу по бытовой исторіи Руси и по описанію дорогой ему Москвы. Вѣчная же память многопотрудившемуся дорогому намъ всѣмъ Ивану Егоровичу и да позволено мнѣ будетъ, какъ вдовѣ Графа Уварова, преемникомъ котораго по Историческому Музею состоялъ Иванъ Егоровичъ въ продолженіе 24 лѣтъ, выразить надежду, что Историческій Музей и послѣ его кончины останется вѣренъ предназначенному ему плану и будетъ продолжать развиваться и устраиваться въ томъ направленіи, въ которомъ работалъ какъ основатель его Гр. Уваровъ, такъ и продолжатель его Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ, память котораго прошу почтить вставаніемъ».

По окончаніи рѣчи графини память почившаго была единодушно почтена всѣми присутствовавшими вставаніемъ.

Засимъ предложено произвести выборы Предсѣдателя и Секретаря, но всѣ присутствующіе просили единогласно Гр. П. С. Уварову принять на себя званіе Предсѣдателя.

Доложены официальные увѣдомленія отъ ученыхъ Учрежденій и Обществъ о назначеніи депутатовъ въ Комитетъ. Оказались назначенными отъ:

1. Императорской Академіи Наукъ: Академики А. И. Соболевскій и В. М. Истринъ.
2. Императорскаго Московскаго Университета: Профессора: Д. Н. Анучинъ, Д. Н. Зерновъ, Д. Я. Самоквасовъ, Р. Ф. Брандтъ, В. К. Мальмбергъ, А. П. Павловъ, А. Н. Филипповъ и И. Ф. Огневъ.
3. Императорскаго Петербургскаго Университета: Профессоръ С. Ф. Платоновъ.
4. Императорскаго Университета св. Владимира: Профессоръ Г. Г. Павлуцкій.
5. Императорскаго Харьковскаго Университета: Профессора: Д. И. Багалъй, А. С. Лебедевъ и Н. Ф. Сумцовъ.
6. Императорскаго Юрьевскаго Университета: Профессора: В. Е. Пѣтуховъ, и И. И. Лаппо.
7. Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи Древностей: Профессора: Э. Р. Фонъ-Штернъ, А. А. Павловскій и И. А. Линниченко.
8. Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества: Д. В. Айналовъ, Н. Н. Веселовскій и А. С. Раевскій.
9. Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества: Графиня П. С. Уварова, Д. Н. Анучинъ, В. Ф. Миллеръ, А. Е. Крымскій, В. К. Трутовскій, Э. В. Готье, Ю. В. Готье, С. О. Долговъ, А. С. Орловъ, Л. М. Савеловъ, Н. Н. Ардашевъ, С. К. Кузнецовъ, Н. В. Никитинъ, И. П. Машковъ, Ф. Ф. Горностаевъ, З. И. Ивановъ, Н. С. Курдюковъ, А. Ф. Мейснеръ, С. Д. Милорадовичъ, Д. П. Суховъ, В. А. Поповъ, В. В. Шейманъ, А. М. Гуржіенко, Д. В. Айналовъ, Р. Ф. Брандтъ, В. А. Городцовъ, Д. И. Иловайскій, Н. П. Кондаковъ, А. В. Орѣшниковъ, Д. Я. Самоквасовъ, С. У. Соловьевъ, И. М. Тарабринъ, Г. А. Халатъянцъ, А. С. Хахановъ, И. В. Цвѣтаевъ, В. В. Щепкинъ, Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ, В. Н. Рогожинъ, М. Н. Сперанскій, А. И. Станкевичъ и А. Д. Григорьевъ.
10. Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ: Профессоръ А. И. Александровъ и преподаватель Н. К. Горталовъ.

11. Импер. Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографии при Московскомъ Университетѣ: Д. Н. Анучинъ, В. В. Богдановъ, В. Ф. Миллеръ, П. А. Минаковъ, А. А. Ивановскій, Н. Ю. Зографъ, А. П. Павловъ, А. Н. Максимовъ и С. К. Кузнецовъ.
12. Общества Любителей Россійской Словесности при Импер. Московскомъ Университетѣ: В. В. Каллашъ.
13. Историческаго Общества Нестора Лѣтописца при Импер. Университетѣ св. Владиміра: Профессора: Г. Г. Павлуцкій, М. Н. Ясинскій и М. В. Довнаръ-Запольскій.
14. Новгородскаго Общества Любителей Древностей: М. В. Муравьевъ, Л. Н. Целени, И. С. Романцевъ и А. И. Анисимовъ.
15. Историко-Родословнаго Общества въ Москвѣ: Л. М. Савеловъ, Н. В. Мятлевъ, В. Н. Смольяниновъ, Н. П. Чулковъ и И. Н. Бороздинъ.
16. Императорскаго Археологическаго Института: Н. В. Покровскій.
17. Московскаго Археологическаго Института: А. И. Успенскій, Р. Ф. Брандтъ, Н. И. Новосадскій, Н. Н. Ардашевъ, Ю. В. Арсеньевъ, С. К. Кузнецовъ, Н. А. Марксъ, Л. М. Савеловъ, М. И. Успенскій и Н. Г. Высотскій.
18. Полтавскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета: В. А. Пархоменко.
19. Комиссiи для составленія діалектологической карты русскаго языка: Ф. Е. Коршъ, А. Д. Григорьевъ, Н. Н. Дурново, А. В. Марковъ и Д. Н. Ушаковъ.
20. Московской Духовной Академіи: А. П. Голубцовъ.
21. Императорской Археографической Комиссiи: С. Ф. Платоновъ.
22. Императорской Академіи Художествъ: С. У. Соловьевъ.
23. Виленской Комиссiи для разбора и изданія древнихъ актовъ: Е. Р. Романовъ.
24. Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея въ Москвѣ: Н. Е. Забѣлинъ, князь Н. С. Щербатовъ, П. И. Щукинъ, А. В. Орѣшниковъ, В. Н. Щепкинъ, В. А. Городцовъ, А. И. Станкевичъ, К. С. Кузьминскій, Н. Н. Кононовъ, Е. Ф. Коршъ и И. М. Тарабринъ.
25. Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: С. А. Бѣлокуровъ, С. К. Богоявленскій, В. П. Вульфiусъ, А. В. Лопухинъ, Н. В. Рождественскій и К. В. Покровскій.
26. Московскаго Отдѣленія Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора: Л. М. Савеловъ и С. Н. Кологривовъ.
27. Тверской Ученой Архивной Комиссiи: И. А. Ивановъ, В. В. Ливотовъ и А. Н. Полтевъ.
28. Рязанской Ученой Архивной Комиссiи: А. В. Селивановъ, С. Д. Яхонтовъ и В. Н. Сторожевъ.
29. Оренбургской Ученой Архивной Комиссiи: П. А. Незнамовъ и П. В. Авичковъ.
30. Таврической Ученой Архивной Комиссiи: А. И. Маркевичъ.
31. Орловской Ученой Архивной Комиссiи: В. М. Турчаниновъ и И. И. Лебедевъ.
32. Черниговской Ученой Архивной Комиссiи: П. М. Добровольскій.
33. Полтавской Ученой Архивной Комиссiи: В. А. Пархоменко.

34. Курской Ученой Архивной Комиссiи: А. Н. Кобылинъ, Н. И. Златоверховниковъ и А. А. Кандауровъ.
 35. Воронежской Ученой Архивной Комиссiи: С. Е. Звѣревъ, В. Д. Языковъ, А. И. Мартиновичъ и В. Р. Апухтинъ.
 36. Екатеринославской Ученой Архивной Комиссiи: А. С. Синявскій.
 37. Костромской Ученой Архивной Комиссiи: В. И. Строевъ и В. Р. Апухтинъ.
 38. Нижегородской Ученой Архивной Комиссiи: В. Н. Сторожевъ и Н. Н. Иорданскій.
 39. Новгородской Ученой Архивной Комиссiи: М. В. Муравьевъ, В. А. Подобѣдовъ, Л. Н. Целени, И. С. Романцевъ и И. В. Аничковъ.
 40. Воронежскаго Статистическаго Комитета: С. Е. Звѣревъ и В. Д. Языковъ.
 41. Курскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Н. И. Златоверховниковъ.
 42. Новгородскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: В. А. Подобѣдовъ и П. П. Башиловъ.
 43. Новгородской Городской Думы: А. А. Соловьевъ, М. И. Банхоткинъ, А. П. Шумейко, М. Д. Кольцовъ, К. М. Матвѣевъ и А. А. Левитовъ.
 44. Петербургской Духовной Академiи: Проф. Н. В. Покровскій.
 45. Новороссійскаго Университета Профессора: Э. Р. Фонъ-Штернъ, А. А. Павловскій и И. А. Линниченко.
 46. Историко-Филологическаго Общества при Новороссійскомъ Университетѣ: Профессора: Э. Р. Фонъ-Штернъ и А. А. Павловскій.
 47. Историко-Филологическаго Общества при Харьковскомъ Университетѣ: Профессора: Д. И. Багалъй, А. С. Лебедевъ и Н. Ф. Сумцовъ.
 48. Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ: С. О. Долговъ, В. В. Богдановъ, Н. А. Янчукъ, А. А. Борзовъ и А. И. Яковлевъ.
 49. Тульской Палаты Древностей: Н. И. Троицкій.
 50. Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ: Г. А. Халатьянцъ и А. С. Хахановъ.
 51. Императорскаго Коммерческаго Училища: Д. В. Цвѣтаевъ.
 52. Новгородской Уѣздной Земской Управы: М. В. Муравьевъ и Л. Н. Целени.
 53. Императорскаго Общества Исторiи и Древностей Россiйскихъ: Д. И. Иловайскій, В. О. Эйнгорнъ, С. Б. Веселовскій, М. К. Любавскій и С. А. Бѣлокуровъ.
 54. Комиссiи по изученiю и описанiю стараго Петербурга: А. С. Раевскій.
 55. Псковскаго Археологическаго Общества: А. А. Титовъ.
 56. Комиссiи по устройству Донскаго Музея: Х. И. Поповъ.
 57. Петербургскаго Общества Архитекторовъ: А. В. Ивановъ.
 58. Совѣта Холмскаго Православнаго Братства: Ф. В. Коралловъ.
 59. Саратовской Ученой Архивной Комиссiи: С. И. Кедровъ.
 60. Отъ города Новгорода: А. А. Левиттъ.
2. Доложены отношенiя Церковно-Историческаго Общества при Кiевской Духовной Академiи, Ученаго Эстонскаго Общества, Общества Любителей изученiя Кубанской Области и Симбирской Ученой Архивной Комиссiи съ выраженiемъ

сожалѣнія о невозможности прислать своихъ представителей на засѣданія Предварительнаго Комитета.

3. По предложенію Предсѣдателя Секретарями Предварительнаго Комитета приглашены депутаты В. Н. Рогожинъ, Ю. В. Готье и И. М. Тарабринъ, которые и изъявили любезно свое согласіе на это избраніе.

4. Предсѣдатель Графиня Уварова, указавъ, что на Черниговскомъ Съѣздѣ были намѣчены для будущаго XV Археологическаго Съѣзда слѣдующіе пункты: Крымъ (Севастополь и Симферополь), Новгородъ и Холмъ, Люблинской губерніи (послѣдній по предложенію Н. В. Покровскаго), доложила о ходѣ переписки съ указанными пунктами, при чемъ, согласно отзыва Совѣта Холмскаго Православнаго Братства, созывъ въ 1911 г. въ г. Холмѣ Археологическаго Съѣзда признается Братствомъ невозможнымъ, въ виду недостатка научныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ, что же касается Крыма и Новгорода, то изъ этихъ пунктовъ получены вполне благопріятные отзывы, почему на разрѣшеніе Собранія и были предложены означенные пункты, какъ мѣсто для будущаго XV Археологическаго Съѣзда. Изъ сношеній Предсѣдателя Общества, Гр. Уваровой, съ мѣстными властями и учеными учрежденіями Крыма выяснилось, что Севастопольскій Городской Голова, Предсѣдатель Комиссіи Музея Севастопольской обороны и завѣдывающій Херсонесскимъ Музеемъ г. Ленперъ высказались за устройство Съѣзда въ Севастополѣ; Таврическій же Губернаторъ, Таврическая Ученая Архивная Комиссія и Симферопольскій Городской Голова за Симферополь. За устройство Съѣзда въ Крыму высказались также Императорская Археологическая Комиссія и извѣстный знатокъ Крыма А. Л. Бертъ-Делагардъ. Въ дополненіе къ сообщеннымъ Графиней даннымъ, И. А. Линниченко, высказавшійся за Севастополь, отмѣтилъ, что, въ случаѣ созыва Съѣзда въ Крыму, предполагается не ограничиваться изученіемъ специально Херсонеса, но обратить особое вниманіе на древности и памятники генуезскіе и крымско-татарскіе; вмѣстѣ съ тѣмъ по указанію И. А. Линниченко Выставка Съѣзда могла бы составиться изъ громаднаго Музея Татарскихъ древностей собранія А. Л. Бертъ-Делагардъ и изъ коллекціи Бахчисарайскаго Музея и можетъ быть коллекціей другихъ частныхъ лицъ.

За устройство Съѣзда въ Новгородѣ высказались специально пріѣхавшіе на Предварительный Комитетъ Представители Новгородскаго края во главѣ съ Новгородскимъ Губернаторомъ П. П. Башиловымъ, Предсѣдателемъ Новгород. Общества Любит. Древности М. В. Муравьевымъ и Новгородскимъ Городскимъ Головой А. А. Соловьевымъ. Отмѣчая огромное значеніе обследованія Новгородскаго края въ историческомъ и археологическомъ отношеніи для русской науки, Представители Новгорода указали, что ими будутъ приложены всѣ силы къ обезпеченію успѣха Съѣзда: уже составленъ археологическій путеводитель по Новгороду г. Ласковскимъ, готовится составленіе историко-археологической карты Новгородской земли, городомъ назначенъ кредитъ въ 1000 р. въ распоряженіе Съѣзда. Въ защиту избранія мѣстомъ будущаго Съѣзда г. Новгорода высказались также: Гр. Гр. Павлуцкій, Алѣй Андр. Павловскій, Д. Я. Самоквасовъ, Н. В. Покровскій,

В. Ф. Миллеръ, Ник. Вл. Мятлевъ, Дм. Ник. Ушаковъ, В. А. Городцовъ, В. К. Трутовскій, Н. И. Троицкій, Д. И. Иловайскій и другіе. Г. Г. Павлуцкій отмѣтилъ между прочимъ, что до сего времени совершенно не изучено Новгородское искусство. Д. Я. Самоквасовъ указалъ, что не было совершенно раскопокъ въ окрестностяхъ озера Ильменя и Ловати, что раскопки эти представляютъ большой интересъ для уясненія трехъ этнографическихъ типовъ: славяно-русскаго, литовскаго и финскаго, что въ Новгородской области очень много и архивнаго матеріала. Н. В. Покровский обратилъ вниманіе на особую цѣнность громадной ризницы (первой послѣ Московской Патріаршей) Новгородскаго Софійскаго Собора — имѣются первоклассные памятники искусства, уники, все это не издано и не обследовано. В. Θ. Миллеръ указалъ, что не слѣдуетъ ограничиваться древностями одного лишь Новгорода; обследование должно быть распространено на весь районъ вліянія Новгородской культуры. Какъ изслѣдователь народнаго эпоса, Вс. Θед. обратилъ вниманіе, что памятники народнаго творчества быстро исчезаютъ, а между тѣмъ, судя по имѣющимся указаніямъ, таковыя далеко еще не записаны въ предѣлахъ Новгородской, Вологодской и Пермской губерній. Дм. Ник. Ушаковъ отмѣтилъ, что въ настоящее время очень важно разрѣшить вопросъ о взаимномъ соотношеніи сѣверо-великорусскихъ городовъ, Новгородскаго и Владимірскаго, въ смыслѣ установленія взаимнаго вліянія двухъ культуръ: Новгородской и Владимірской. В. А. Городцовъ указалъ, что въ случаѣ устройства Съѣзда въ Новгородъ, въ трудахъ его обѣщали принять участіе и ученые финскіе. В. К. Трутовскій добавилъ, что въ Новгородскомъ Съѣздѣ приметъ участіе и Общество Исторіи и Древностей Прибалтійскихъ губ. и вообще все ученыя Общества этого края, равно какъ и ученые Кенигсберга, Данцига и др. Н. И. Троицкій отмѣтилъ, что изученіе Новгородскихъ древностей представляетъ между прочимъ особый интересъ въ виду того, что на Новгородскихъ памятникахъ отразилось вліяніе различныхъ культуръ.

5. Послѣ перерыва мѣстомъ будущаго XV Археологическаго Съѣзда былъ единогласно избранъ городъ Новгородъ.

6. По предложенію Предсѣдателя Гр. Уваровой были заслушаны Правила послѣдняго XIV Съѣзда, каковыя и были приняты Собраніемъ въ той же редакціи.

7. Время созыва и занятій XV Археологическаго Съѣзда назначено съ 22 іюля по 5 августа 1911 г.

2.

Второе засѣданіе Предварительнаго Комитета, 4 января 1909 г. подъ Предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой въ 2 ч. дня.

1. Предсѣдатель графиня П. С. Уварова доложила телеграмму отъ гласныхъ Новгородской Городской Думы Бархоткина и Кольцова слѣд. содержанія: «Избранники Городской Думы гласные Бархоткинъ и Кольцовъ, глубоко сожалѣя о невозможности быть лично на засѣданіяхъ Предварительнаго Комитета постановили сильнѣйше привѣтствовать Ваше Сіятельство и всехъ членовъ Комитета, выражая

горячее желаніе, чтобы древній Великій Новгородъ, колыбель Россіи, не былъ обойденъ высокою честью быть мѣстомъ слѣдующаго Археологическаго Съѣзда».

2. Доложено отношеніе Новгородской Уѣздной Земской Управы объ избраніи въ Предварительный Комитетъ гласныхъ Земскаго Собранія М. В. Муравьева и Л. Н. Целепи и о внесеніи кредита на 1909 г. въ 50 р. на устройство Съѣзда въ 1911 году.

3. И. Н. Ардашевъ внесъ слѣдующее предложеніе:

«Сегодня мы присутствовали всѣ, если не лично, то душой на погребеніи тѣла Ивана Егоровича Забѣлина. Предсѣдатель нашего Собранія графиня Прасковья Сергѣевна Уварова, открывая засѣданіе, въ теплыхъ, прочувствованныхъ словахъ оплакала горькую утрату. Всѣ присутствующіе почтили благоговѣнно память почившаго безмолвнымъ вставаніемъ. Были благодарно помянуты нашимъ Предсѣдателемъ славныя имена сподвижниковъ Забѣлина, ранѣе, чѣмъ онъ, отошедшихъ въ прошлое. Теперь встаетъ передъ нами наша задача, современниковъ: увѣковѣчить достойнымъ образомъ память великаго археолога среди потомства.

Умеръ Забѣлинъ, но живы и будутъ жить вѣчно его дѣла и труды на славу русской археологіи. Въ этомъ отношеніи онъ не нуждается въ нашихъ услугахъ: онъ уже достаточно обезсмертилъ себя самъ. Скорбно, все же, то, что умеръ человекъ, сошелъ со сцены дѣятель науки, такой человекъ, какъ И. Е. Забѣлинъ. Придетъ со временемъ другой на мѣсто его, новый Забѣлинъ,— и пусть это совершится скорѣй,— но и онъ умретъ...

Прискорбнѣе всего то, что со смертью человека, дѣятеля науки, съ кончиною Забѣлина, прерывается творческая работа духа въ возсозданіи нашего прошлаго, воскрешеніи родной старины. Сюда-то, слѣдовательно, въ эту сторону и должны быть направлены наши усилія, чтобы возмѣстить, по возможности, огромную потерю для археологіи и сдѣлать впредь такъ, чтобы менѣе тяжело ощущались подобныя жестокія утраты. Для достиженія этого надо работу, завѣщанную намъ покойнымъ, сдѣлать преемственной, непрерывною, не зависящею отъ существованія одного человека. Такому требованію ничто не можетъ отвѣчать лучше, проще и вѣрнѣе, чѣмъ особая, специально учрежденная кафедра, непрерывно дѣйствующая, установленная на вѣчныя времена, кафедра, съ которой бы раздавалась проповѣдь родной русской старины, идущая неумолкаемо изъ поколѣнія въ поколѣніе, вокругъ которой бы, въ то же время, совершалась коллективная работа научнаго возсозданія нашего прошлаго. Такая кафедра имени археолога И. Е. Забѣлина естественнѣе, ближе и удобнѣе всего могла бы быть устроена при Московскомъ Археологическомъ Институтѣ, этомъ новомъ высшемъ учено-учебномъ учрежденіи, возникшемъ въ Москвѣ два года тому назадъ, по частной инициативѣ, соединенными усиліями ученыхъ специалистовъ по всѣмъ отраслямъ археологіи археографіи и сразу же встрѣтившемъ сильную общественную поддержку. Не одни мы озабочены сейчасъ мыслью о достойномъ увѣковѣченіи памяти И. Е. Забѣлина. Сегодня въ университетской церкви, послѣ отпѣванія тѣла покойнаго, я имѣлъ разговоръ съ присутствовавшимъ тамъ, въ качествѣ представителя Московскаго Городскаго Упра-

вления, членомъ Городской Управы Г. А. Пузыревскимъ. Послѣдній заявилъ, что мысль объ увѣковѣченіи памяти Забѣлина, какъ археолога-бытописателя г. Москвы, уже поднята гласными Городской Думы, и Московское Городское Управление будетъ радо всякой, предложенной кѣмъ-либо въ этомъ направленіи, идеѣ. Затѣмъ, вечеромъ онъ сообщилъ мнѣ по телефону, что состоялось постановленіе Городской Думы о томъ, чтобы поручить разработку этого вопроса Комиссіи о пользахъ и нуждахъ общественныхъ. Съ своей стороны онъ предложилъ высказаться относительно всякаго, имѣющагося заявленія о способѣ увѣковѣченія памяти И. Е. Забѣлина, и рекомендовалъ незамедлительную подачу докладной записки на имя городского головы Н. И. Гучкова.

Изъ такого совмѣстнаго, согласнаго стремленія насъ, представителей различныхъ отраслей науки, глубоко преданныхъ памяти покойнаго, какъ широкаго археолога, и Московскаго Городскаго Управленія, горячо признательнаго памяти трудолюбиваго, талантливаго бытописателя Москвы, могла бы родиться въ Москвѣ новая учено-учебная каѳедра археологіи и топографіи города Москвы имени Ивана Егоровича Забѣлина — при Московскомъ Археологическомъ Институтѣ, подобно тому, какъ въ Римѣ при одномъ изъ ученыхъ учреждений существуетъ каѳедра топографіи Рима».

М. В. Довнаръ-Запольскій предполагалъ необходимымъ въ память Ив. Егор. создать каѳедру, вполне обеспечивающую успѣхъ продолженія дѣла, начатаго Ив. Егор.; долженъ возникнуть какъ бы *институтъ имени И. Е. Забѣлина*; подъ руководствомъ преподавателя собирался бы матеріалъ по исторіи и археологіи Москвы и могъ бы быть изданъ.

Д. И. Багал'й, вполне присоединяясь къ мысли объ учрежденіи каѳедры, находилъ бы, что увѣковѣченіе памяти Ив. Егор. должно опредѣляться размѣромъ тяжелой потери, понесенной Обществомъ и русской наукой и потому должна быть основана *каѳедра исторіи и археологіи Москвы*; на обязанности Комитета лежитъ выяснить условія основанія каѳедры съ практической стороны, для чего слѣдуетъ избрать особую Комиссію.

Д. Н. Анучинъ высказалъ ту мысль, что, когда рѣчь идетъ о памяти И. Е. Забѣлина, то въ виду его многосторонней дѣятельности учрежденіемъ какой-нибудь одной *каѳедры при Москов. Археологич. Институтѣ* ограничиться невозможно.

І. К. Линдеманъ предложилъ открыть при Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ особую Комиссію въ память Ив. Егор. по изученію г. Москвы и ея древностей наподобіе уже существующихъ Комиссій при Обществѣ.

В. Н. Сторожевъ, указывая что И. Е. Забѣлинъ былъ блестящимъ археологомъ и неподражаемымъ историкомъ русскаго быта, полагалъ бы, что Комитету слѣдуетъ принять мысль объ увѣковѣченіи памяти Ив. Егор., связавъ такое увѣковѣченіе съ характеромъ работъ Ив. Егор. по археологіи и исторіи Москвы

и разработку вопроса объ его увѣковѣченіи возложить на Импер. Московск. Археологич. Общество.

И. А. Линниченко высказалъ, что въ память Ив. Егор. слѣдовало бы собрать фондъ, который назывался бы Забѣлинскимъ фондомъ и средства котораго шли бы на обследованіе древностей Москвы.

Г. Г. Павлуцкій полагалъ вполне возможнымъ образовать кафедру по типографіи г. Москвы при Императорск. Московск. Университетѣ.

П. П. Башиловъ предложилъ просить Московское Археологическое Общество возбудить въ Московской Городской Думѣ вопросъ о ежегодномъ ассигнованіи на продолженіе изслѣдованій И. Е. Забѣлина по исторіи Москвы такой суммы, которая соотвѣтствовала бы, по мнѣнію самой Думы, какъ незабвенному имени почившаго историка, такъ и важности для Москвы продолженія неоконченнаго имъ труда. При этомъ дабавить, что въ случаѣ, если на изданіе послѣдующихъ томовъ исторіи Москвы у Археологическаго Общества средствъ въ достаточномъ количествѣ не окажется, то о единовременномъ пособіи возбуждено будетъ отдѣльное ходатайство.

Послѣ оживленныхъ преній, Д. Н. Анучинъ предложилъ Комитету принять постановленіе, которое, съ поправками Д. И. Багалѣя и Н. Н. Ардашева, принято въ слѣдующей редакціи: «Собраніе, признавая необходимымъ почтить въ Москвѣ память Ив. Е. Забѣлина, предлагаетъ заняться этимъ дѣломъ Импер. Московскому Археологич. Обществу и войти въ сношенія по этому дѣлу съ Моск. Городской Думой, Историческимъ Музеемъ и Московск. Археологическимъ Институтомъ, принявъ при этомъ во вниманіе предложенія, высказанныя въ Собраніи Предв. Комитета Н. Н. Ардашевымъ («объ учрежденіи кафедры археологіи и топографіи Москвы»), М. В. Довнаръ-Запольскимъ, Д. И. Багалѣемъ, И. А. Линниченко и другими».

4. Приступлено къ обсужденію вопроса о задачахъ будущаго Съѣзда.

П. П. Башиловъ высказался, что при осуществленіи Съѣзда возникаютъ три вопроса: хозяйственный (помѣщеніе, продовольствіе и пр.), научный и экскурсіонный (изученіе древностей, раскопки и пр.). Заботу о хозяйственной части Съѣзда принимаютъ на себя Губернаторъ и Городская Дума, а для успѣха съ научной стороны слѣдуетъ открыть три филиальныхъ предварительныхъ отдѣленія — одно въ Москвѣ, въ Новгородѣ и въ Петербургѣ.

М. В. Муравьевъ сообщилъ, что Новгородскій Предварительный Комитетъ предполагаетъ съ своей стороны — а) командировать въ Шведскіе архивы специальныхъ лицъ для извлеченія нужныхъ матеріаловъ, б) обратить особенное вниманіе при изученіи исторіи Новгорода на первый періодъ его жизни удѣльно-вѣчевой и смутную эпоху и в) подготовить по возможности составленіе историко-археологической карты.

Д. И. Багалѣй указалъ, что успѣхъ будущаго Съѣзда находится въ прямой зависимости отъ сочетанія двухъ элементовъ — мѣстнаго областного и общерусскаго; на Съѣздѣ должно быть обращено вниманіе на очередные вопросы

русской археологіи и должны быть произведены раскопки въ самой области, которыя бы выяснили бытъ Ильменскихъ Славянъ; продолжить дѣло, начатое Костомаровымъ, Никитскимъ и др. въ уясненіи исторіи колонизаціи Вел. Новгорода и Пскова. Должны быть изслѣдованы мѣстные волоки, на что было указано между прочимъ и М. В. Муравьевымъ.

М. В. Довнаръ-Запольскій указалъ, что должно обследовать архивы въ Архангельскѣ и Вяткѣ.

5. Э. Р. Штернъ предложилъ для успѣха Съѣзда намѣтить Комитету особыхъ лицъ, на коихъ возложить руководство по веденію подготовительныхъ работъ Отдѣлений Съѣзда, что дало бы возможность работамъ Съѣзда не носить случайнаго характера.

Д. Н. Анучинъ, сочувствуя мысли, высказанной Э. Р. Штерномъ, считалъ бы желательнымъ, чтобы указанныя лица въ своемъ вступительномъ словѣ предъ началомъ занятій Отдѣлений сообщали бы состояніе въ данный моментъ науки по извѣстному вопросу.

Начатыя пренія не были закончены, и разрѣшеніе вопроса отложено до слѣдующаго засѣданія.

6. Вечеромъ въ тотъ же день по прочтеніи и утвержденіи протокола перваго засѣданія Комитета Н. Н. Ардашевымъ было внесено въ дополненіе къ сдѣланному имъ на денномъ засѣданіи Комитета слѣдующее предложеніе:

«Сегодня ученое собраніе намѣтило въ числѣ вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію XV Археологическаго Съѣзда въ Новгородѣ, вопросы первой степени — мѣстные, частные, касающіеся Новгорода и вообще Новгородскаго края, и вопросы второй степени — общіе, относящіеся ко всей Россіи. Нельзя ли подняться еще ступенью выше, возвыситься до возбужденія и обсужденія вопросовъ третьей степени — теоретическихъ, уже философскаго характера.

Что такое Археологія сама по себѣ? Какое имѣетъ она отношеніе къ Исторіи? Есть ли между ними строго разграничительная черта? Въ чемъ именно заключается особенный предметъ науки Археологіи? Обладаетъ ли она собственнымъ методомъ? И другіе тому подобные вопросы, напримѣръ, вопросъ о классификаціи археологическихъ знаній. Существуесть ли, наконецъ, въ Археологіи какой-нибудь основной принципъ, къ которому бы сводились все эти вопросы, которымъ бы объединялось рѣшеніе ихъ?

Поднимая эти вопросы, я исхожу не изъ какихъ-либо праздныхъ фантазій, а изъ дѣйствительныхъ потребностей и осязательныхъ побужденій.

Прежде всего, я припоминаю раздавшееся здѣсь сѣтованіе на рознь, раздѣляющую, бываетъ, многочисленную семью археологовъ. Никому, конечно, никакая рознь не доставляетъ удовольствія. И если, тѣмъ не менѣе, она можетъ существовать, вопреки внутреннему желанію каждаго, то, стало-быть, есть тому какая-то вѣншая причина. Послѣднюю можно, и даже должно, усматривать именно въ преобладаніи личныхъ взглядовъ въ области Археологіи вслѣдствіе неустановленности общихъ понятій, отсутствія твердыхъ принциповъ.

Мало того. Я бы прибавилъ къ этому еще одну слабую сторону, кроющуюся въ отношеніяхъ между археологами и историками. Это — наблюдающееся иногда, вмѣсто желаннаго единенія, нежелательное отчужденіе, взаимное недоверіе, даже отрицательное отношеніе — со стороны послѣднихъ. Такъ, въ печатномъ курсѣ одного профессора съ громкимъ именемъ ученыя попытки разыскать, какого были происхожденія народы, населявшія въ древности Русскую равнину, объявлены, якобы, «безплодными», названы упражненіемъ въ критическомъ остроуміи или попыткой рѣшить уравненіе съ тремя неизвѣстными... А тутъ, вѣдь, именно — главные усилія и работы Археологическихъ Обществъ и Съѣздовъ послѣднихъ десятилѣтій! Другой университетскій преподаватель изъ числа приватъ-доцентовъ, на мой вопросъ о причинѣ страннаго уклоненія отъ участія въ дѣятельности Археологическихъ Обществъ и Съѣздовъ, отвѣчалъ такъ: «Тамъ, якобы, мало науки»... Все это зависитъ, опять-таки, не отъ отдѣльныхъ личностей среди историковъ и археологовъ, а отъ общаго ненормальнаго положенія, вызывается неопредѣленностью въ отношеніяхъ между Исторіей и Археологіей, которыя до сихъ поръ не разграничились строго, точно и безспорно, и потому не езнали истинную цѣну одной науки для другой.

Въ сдѣланномъ наблюденіи надъ дѣйствительностью заключается одно, и притомъ существенное, побужденіе для того, чтобы обратиться къ теоретическимъ вопросамъ Археологіи, попытаться поставить на мѣсто личныхъ взглядовъ, случайныхъ опредѣленій, общепризнанныя положенія, основные принципы, о которыхъ бы разбивались строптивыя волны розни.

Другое побужденіе вытекаетъ изъ требованія настоящаго момента. Почему было раньше на предыдущемъ XIV Археологическомъ Съѣздѣ не возбудить этихъ вопросовъ? Почему не отложить ихъ до слѣдующаго за симъ XVI Съѣзда? Здѣсь я обращаюсь къ тому же крупному печальному событію въ археологическомъ мірѣ, совпавшему съ начинаніями XV Съѣзда, — смерти Забѣлина.

Вотъ человѣкъ, который въ теченіе всей своей долгой, едва не вѣковой, и необычайно плодотворной жизни, не только «дѣлалъ» Археологію, но и «мудрствовалъ» о ней! Вамъ или многимъ изъ васъ, присутствовавшимъ на III Археологическомъ Съѣздѣ 1874 года въ Кіевѣ, носившемъ, въ отличіе отъ прочихъ Съѣздовъ, нѣкоторый философскій оттѣнокъ, памятно, какъ на этомъ Съѣздѣ впервые выдвинуты были эти теоретическіе вопросы. Что такое собственно Археологія? Гдѣ разграничительная у нея черта отъ Исторіи? Въ чемъ заключаются основныя задачи Археологіи? Имѣется ли у нея свой особый методъ и какой именно? Какъ должна быть построена система археологическихъ знаній? По этимъ вопросамъ скрестили тогда ученое оружіе два великана Археологіи — И. Е. Забѣлинъ и графъ А. С. Уваровъ, а также приняли участіе въ ихъ разработкѣ и историки, какъ профессоръ А. Г. Брикнеръ и другіе. На первый разъ, какъ это и не диво, вопросы эти въ большинствѣ остались открытыми. Касавшійся, затѣмъ, въ лекціяхъ и въ печати (Сборникъ Археологическаго Института, кн. 4. 1880 года) профессоръ, нынѣ присутствующій здѣсь, Директоръ Императорскаго С.-Петербургскаго

бургскаго Археологическаго Института Н. В. Покровскій свидѣтельствовалъ, съ сожалѣніемъ, что послѣ того вопросы эти «были сданы въ архивъ» неразрѣшенными. При такомъ положеніи дѣла ученая редакція «Энциклопедическаго Словаря» Брокгауза вынуждена была предложить широкой публикѣ въ этомъ направленіи, большею частью отрицательные выводы, утѣшаясь тою надеждою, что «немногіе общіе выводы служатъ предвѣстниками широкой научной постановки археологическихъ вопросовъ въ наступающемъ, — нынѣ уже наступившемъ, — XX столѣтіи».

Вновь поднять и, можетъ-быть, подвинуть впередъ эти вопросы, требующіе разрѣшенія и ожидающіе его отъ нашего времени, мнѣ кажется, было бы однимъ изъ лучшихъ способовъ почтить намъ память скончавшагося дѣятеля и печальника Археологіи, столь сокрушавшагося при жизни «неустроеннымъ», поистинѣ, «хаотическимъ», «смутнымъ» состояніемъ страстно любимой имъ археологической отрасли знанія. Возможно ли съ такимъ состояніемъ помириться? Очевидно нѣтъ.

Другія отрасли научнаго знанія, болѣе благоустроенныя, ясному построенію которыхъ такъ завидовалъ Н. Е. Забѣлинъ, отнюдь не отметали отъ себя общіе теоретическіе вопросы философскаго характера и создали даже въ этомъ направленіи особо посвященныя тому науки. Такъ во главѣ историческихъ знаній стоитъ наука Философіи Исторіи. Въ кругѣ юридическихъ знаній сложились Энциклопедія Права и Философія Права. Тамъ считается, что, безъ твердаго отчетливаго знанія основныхъ положеній, обстоятельнаго знакомства съ общими всѣмъ юридическимъ наукамъ вопросами, безъ яснаго представленія всей системы юридическихъ наукъ, безъ методологическихъ свѣдѣній — невозможно плодотворное изученіе спеціальныхъ наукъ. Такимъ образомъ, и это уже въ-третьихъ, примѣръ другихъ наукъ, ушедшихъ впередъ Археологіи, служить для насъ рѣшительнымъ побужденіемъ обратиться вновь къ постановкѣ и разрѣшенію теоретическихъ вопросовъ въ области Археологической науки, если нежелательно, чтобы она оставалась навсегда позади другихъ наукъ.

Почему бы, наконецъ, и для Археологической отрасли знаній, въ наше время такъ широко развѣтвившихся и вмѣстѣ съ тѣмъ далеко ушедшихъ вглубь, отчего бы такъ же не почувствовать необходимость, отчего бы не пожелать созданія *Энциклопедіи Археологіи*, какъ особой науки? И, конечно, не только пожелать, но и потрудиться посильно на ея пользу, чтобы положить ей основаніе — разсмотрѣніемъ общихъ теоретическихъ вопросовъ соединенными усиліями всѣхъ специалистовъ, которые бы высказались каждый съ точки зрѣнія своей специальности, принося на общее дѣло свой опытъ и проницательность, съ тѣмъ, чтобы поискать и, быть-можетъ, найти наилучшее рѣшеніе, такое, которое бы могло стать болѣе или менѣе признаннымъ, еще бы лучше — общепризнаннымъ, по крайней мѣрѣ, для своего времени, а еще лучше — утвердиться окончательно.

Вотъ тѣ вопросы и интересы третьей степени, къ которымъ особенно было бы желательно, по вышеизложеннымъ основаніямъ, привлечь ученое вниманіе предстоящаго XV Всероссийскаго Археологическаго Съѣзда».

Третье засѣданіе Предварительнаго Комитета, 5-го января подъ Предсѣдательствомъ Д. Н. Анучина въ 1 часть дня.

1) По Предложенію Предсѣдательствующаго предложень къ обсужденію вопросъ о выборѣ особыхъ лицъ, на коихъ было бы возложено руководство по веденію подготовительныхъ работъ отдѣльныхъ секцій.

Н. В. Покровский предложилъ, чтобы таковыя лица были намѣчены Предварительными Комитетами Московскимъ и Новгородскимъ.

Э. Р. Штернъ высказалъ желаніе, чтобы темы докладовъ, предназначаемыхъ къ Съѣзду, были выяснены и опубликованы заранее, что дало бы возможность привлечь специалистовъ на Съѣздъ.

И. А. Линниченко указалъ на затруднительность организаціи Предварительнаго Комитета изъ лицъ, живущихъ въ разныхъ городахъ.

По предложенію Д. Н. Анучина собраніе дѣла постановило принять во вниманіе всѣ выраженные пожеланія и поручить дальнѣйшую организацію Московскому Предварительному Комитету.

2) И. А. Линниченко указалъ на желательность:

а) чтобы *профессора русской исторіи* на практическихъ занятіяхъ удѣляли особое вниманіе Новгородской исторіи и тѣмъ усилили бы интересъ къ ней;

б) чтобы въ числѣ экскурсій важнѣйшей была бы въ Швецію, а, если позволить время, то и въ нѣкоторые ганзейскіе города, имѣвшие отношеніе къ Новгороду;

в) составить общую программу изученія области, въ которой будетъ работать Съѣздъ и представить слѣдующую по этому вопросу программу:

Типы славянскихъ и инородческихъ погребеній и древнихъ укрѣпленій въ Новгородской области.

Эпоха появленія Славянъ въ при-Ильменской области. Граница расселенія Славянъ Ильменскихъ (по даннымъ археологическимъ и лингвистическимъ).

Распространеніе колонизаціи Новг. Славянъ и обратно — колонизація инородцами при Ильменской области. (Пересмотръ теорій Геденова и Котляровскаго о генетической связи населенія Новг. области съ прибалтійскими Славянами).

Культурное взаимодействіе Славянъ и инородцевъ на территоріи владѣній Новгорода.

Культурныя сношенія съ Западомъ — Швеціей, Ганзейскими городами, нѣмецкими колоніями.

Правовое положеніе иностранцевъ въ Новгородѣ.

Юридическая и историческая сторона международныхъ договоровъ Новгорода. Новгородская Конституція.

Труды XV Съѣзда. Т. I.

Формы землевладѣній въ Новг. области и отличіе ихъ отъ формъ землевладѣній въ другихъ русскихъ областяхъ.

Исторія сословій въ Новгородѣ.

Духовенство въ Новгородѣ и причины его столь доминирующаго значенія въ нѣкоторыхъ частяхъ Новгородскихъ владѣній.

Зачатки Новг. письменности (въ частности лѣтописное дѣло).

Литературныя теченія въ Новгородѣ и ихъ культурное вліяніе на другія русскія области.

Характеристическія особенности Новгородскаго архитектурнаго стиля. Черты самобытности и заимствованія.

Библіографія исторіи изученія Новгородской области.

Описаніе и мѣстонахожденіе письменныхъ памятниковъ Новгородскаго происхожденія или имѣющихъ непосредственное отношеніе къ исторіи Новгорода (въ частности — вопросъ о времени происхожденія Новгородскихъ легендъ; былинный циклъ Новгородскій).

Новгородская торговля — ея приемы, распространеніе. Мѣстные вѣсь, мѣры. Юридическія формы купеческихъ товариществъ.

Д. И. Иловайскій указалъ на достаточность одной экскурсіи на островъ Готландъ.

3. В. В. Богдановъ высказалъ пожеланіе, чтобы гг. профессора подготовили публику лекціями о Новгородѣ и его значеніи въ русской исторіи и предприняли поѣздки по Новгородской области и сосѣднимъ для ознакомленія публики съ вопросами археологій.

4) Д. И. Иловайскій предложилъ просить мѣстныхъ дѣятелей озаботиться выясненіемъ Новгородскихъ говоровъ и подробной записью архаизмовъ для выясненія вопроса о племени Ильменскихъ Славянъ.

А. Д. Григорьевъ указалъ на желательность привлеченія Діалектологической Комиссіи къ этому дѣлу.

5. Д. Я. Самоквасовъ высказалъ пожеланіе произвести обширныя археологическія раскопки съ цѣлью опредѣленія типовъ могилъ по народностямъ и эпохамъ и выразилъ готовность пожертвовать на этотъ предметъ до 6.000 рублей и личный трудъ и пригласилъ присутствовавшихъ, если они пожелаютъ, быть на раскопкахъ, которыя начнутся въ 1909 году въ Полтавской губерніи, затѣмъ перейдутъ въ Донскую область и въ 1911 году въ Новгородской губерніи.

Собраніе горячо благодарило Д. Я. Самоквасова.

6. Заслушали и утвердили протоколъ второго засѣданія Предварительнаго Комитета.

7. Е. Р. Романовъ представилъ записку слѣдующаго содержанія касательно желательности изданія Каталоговъ Генеральнаго Межеванія 1783 г.

«Въ Архивахъ губернскихъ чертежныхъ у насъ имѣются такъ называемые «Каталоги къ генеральному плану», дающіе драгоцѣнныя свѣдѣнія по исторической

географіи. Рукописи эти составлены во время генеральнаго межеванія въ 1788 году и дѣлятся обыкновенно на три части.

Въ первой части содержится «описаніе употребленныхъ на целомъ генеральномъ плане померовъ, со изъясненіемъ сколько каждая дача имеетъ земли десятинъ, по ревизіи мужеска и женска полу головъ, также и кому оныя принадлежать». Это, такъ сказать, краткій списокъ селеній (по Гомельскому у. онъ занимаетъ 8 полулистовъ).

Вторая часть содержитъ «описаніе размежеваннымъ землямъ», съ перечисленіемъ всѣхъ населенныхъ пунктовъ, съ указаніемъ числа дворовъ въ каждомъ, «мужеска и женска полу головъ, удобной и неудобной земли, и со изъясненіемъ экономическихъ примѣчаній, собранныхъ въ силу межевой инструкцы». (Эта часть по тому же уѣзду занимаетъ 97 полулистовъ).

Третья часть (8 полул.) представляетъ сводъ данныхъ, приведенныхъ въ первыхъ двухъ частяхъ: количество населенныхъ пунктовъ, число церквей, дворовъ, головъ, количество земли и, наконецъ, описаніе рѣкъ, рѣчекъ и озеръ, находящихся въ уѣздѣ.

Въ общемъ «Каталогъ» даетъ множество самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній за конецъ XVIII в. Здѣсь находимъ данныя по исторіи землевладѣнія, топографіи и хорографіи мѣстности, по исторіи церковныхъ приходовъ, по экономическому и торгово-промышленному состоянію края, иногда съ перечнемъ даже торговыхъ путей того времени; находимъ описаніе лѣсовъ, рыбъ, птицъ, звѣрей и т. д.

Въ виду такого содержанія «Каталоговъ» съ одной стороны и бѣдности имѣющихся у насъ данныхъ по исторической географіи — съ другой, нельзя не признать крайне желательнымъ извлеченіе этихъ документовъ изъ-подъ спуда, пока они еще цѣлы. Почти мертвый доселѣ «языкъ земли» съ изданіемъ «Каталоговъ» также ожилъ бы и русская историческая наука получила бы твердыя основанія для рѣшенія вопроса о населеніи территоріи Россіи въ ея предъ историческій періодъ.

Изданіе каталоговъ и практически легко осуществимо, такъ какъ ихъ могутъ издать Губернскіе Статистическіе Комитеты въ видѣ приложеній къ печатающимся ежегодно «Памятнымъ книжкамъ». Возможность эта настолько достижима, что если Предварительному Комитету угодно будетъ обратиться теперь же съ соответствующими приглашеніями къ губернаторамъ, то съ увѣренностью можно сказать, что почти всѣ «Каталоги» были бы напечатаны уже къ 1911 году».

8. В. А. Городцовъ и С. К. Кузнецовъ сдѣлали заявленіе слѣдующаго содержанія: въ виду значительнаго количества вопросовъ и запросовъ о связи приладожской и ильменской курганной культуры съ таковою культурой Помераніи и острова Рюгена, а также юга Скандинавіи, желательно избрать уполномоченныхъ въ Стокгольмѣ, Кёнигсбергѣ и Данцигѣ, которые подготовили бы почву для рѣшенія этихъ вопросовъ.

9. Заявлены «вопросы» и «запросы» къ Съѣзду.

10. Предъ закрытіемъ засѣданія Н. Н. Ардашевъ обратился къ Собранію съ слѣдующими словами:

«Вчера я звалъ ученое собраніе въ заманчивую область отвлеченныхъ принциповъ Археологіи. Сегодня скажу, что среди насъ находится прекрасный принципъ, живой, одаренный свѣтлымъ умомъ, любящимъ сердцемъ, желѣзной волею. Пусть же долго, долго бьется, на благо науки, это любящее сердце, ясный умъ освѣщаетъ дебри Русской Археологіи до самыхъ глубокихъ и темныхъ пропастей, сильная воля сокрушаетъ всѣ препятствія на пути. Да здравствуетъ Предсѣдатель Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, Ея Сіятельство Графиня Прасковья Сергѣевна!»

Затѣмъ засѣданіе было закрыто, и всѣ дѣла переданы для дальнѣйшаго движенія въ постоянный Московскій Комитетъ.

СОСТАВЪ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА.

Предсѣдатель комитета:

Графиня Прасковія Сергѣевна Уварова, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества.

Секретари комитета:

Готье, Юрій Владиміровичъ, депутатъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ и Импер. Московскаго Археологическаго Общества.

Рогожинъ, Владиміръ Николаевичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества.

Тарабринъ, Иванъ Мемноновичъ, депутатъ Историческаго Музея и Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества

Ч л е н ы :

Айналовъ, Дмитрій Власьевичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества и Импер. Русскаго Археологическаго Общества.

Анисимовъ, Александръ Ивановичъ, депутатъ Новгородскаго Общества Любителей Древности.

Аничковъ, Иванъ Васильевичъ, депутатъ Оренбургской и Новгородской Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Комиссій.

Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ, депутатъ Импер. Московскаго Университета, Импер. Московскаго Археологическаго Общества, Импер. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Апухтинъ, Всеволодъ Ростиславовичъ, депутатъ Воронежской и Костромской Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Комиссій.

Ардашевъ, Николай Николаевичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества и Московскаго Археологическаго Института.

Багалъй, Дмитрій Ивановичъ, депутатъ Импер. Харьковскаго Университета и Историко-Филологическаго Общества при Харьковскомъ Университетѣ.

Башиловъ, Петръ Петровичъ, депутатъ Новгородскаго Губернскаго Статистическаго Комитета и Новгородской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

- Богдановъ, Владиміръ Владиміровичъ, депутатъ Импер. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи и Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ.
- Богоявленскій, Сергѣй Константиновичъ, депутатъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.
- Бороздинъ, Ильѣ Николаевичъ, депутатъ Историко-Родословнаго Общества въ Москвѣ.
- Брандтъ, Романъ Ѳеодоровичъ, депутатъ Импер. Московскаго Университета, Импер. Московскаго Археологическаго Общества, Московскаго Археологическаго Института.
- Бѣлокуровъ, Сергѣй Алексѣевичъ, депутатъ Импер. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ и Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.
- Веселовскій, Николай Ивановичъ, депутатъ Импер. Русскаго Археологическаго Общества.
- Горностаевъ, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества.
- Городцовъ, Василій Алексѣевичъ, депутатъ Импер. Россійскаго Историческаго Музея и Импер. Московскаго Археологическаго Общества.
- Горталовъ, Николай Константиновичъ, депутатъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Импер. Казанскомъ Университетѣ.
- Григорьевъ, Александръ Дмитріевичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества и Комиссіи для составленія діалектологической карты русскаго языка.
- Добровольскій, Петръ Михайловичъ, депутатъ Черниговской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.
- Довнаръ-Запольскій, Митрофанъ Викторовичъ, депутатъ Историческаго Общества Нестора Лѣтописца.
- Долговъ, Семенъ Осиповичъ, депутатъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ и Импер. Московскаго Археологическаго Общества.
- Дурново, Николай Николаевичъ, депутатъ Комиссіи для составленія діалектологической карты русскаго языка.
- Златоверховниковъ, Николай Ивановичъ, депутатъ Курской Губернской Ученой Архивной Комиссіи и Курскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.
- Ивановъ, Зиновій Ивановичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества.
- Иловайскій, Дмитрій Ивановичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества и Импер. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.
- Горданскій, Николай Николаевичъ, депутатъ Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.
- Каллашъ, Владиміръ Владиміровичъ, депутатъ Общества Любителей Россійской словесности.

- Кедровъ, Сергѣй Ивановичъ, депутатъ Саратовской Ученой Архивной Комиссiи.
- Кобылинъ, Александръ Николаевичъ, депутатъ Курской Губернской Ученой Архивной Комиссiи.
- Кононовъ, Николай Николаевичъ, депутатъ Импер. Россiйскаго Историческаго Музея.
- Коралловъ, Ѳеодоръ Васильевичъ, депутатъ Холмскаго Православнаго Свято-Богородицкаго Братства.
- Коршъ, Ѳеодоръ Евгеньевичъ, депутатъ Комиссiи для составленiя діалектологической карты русскаго языка.
- Коршъ, Евгенийъ Ѳеодоровичъ, депутатъ Импер. Россiйскаго Историческаго Музея.
- Кузнецовъ, Степанъ Кировичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества, Московскаго Археологическаго Института, Импер. Общества Любителей Естествознанiя, Антропологiи и Этнографiи.
- Кузьминскiй, Константинъ Станиславовичъ, депутатъ Импер. Россiйскаго Историческаго Музея.
- Курдюковъ, Николай Селиверстовичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества и Московскаго Архитектурнаго Общества.
- Кучукъ-Іоаннесовъ, Христофоръ Ивановичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества.
- Лебедевъ, Амфіанъ Степановичъ, депутатъ Импер. Харьковскаго Университета и Историко-Филологическаго Общества при Харьковскомъ Университетѣ.
- Лебедевъ, Иванъ Ивановичъ, депутатъ Орловской Ученой Архивной Комиссiи.
- Левиттъ, Александръ Александровичъ, депутатъ города Новгорода.
- Линниченко, Иванъ Андреевичъ, депутатъ Импер. Новороссiйскаго Университета и Импер. Одесскаго Общества Исторiи и Древностей.
- Лопухинъ, Алексѣй Викторовичъ, депутатъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностраннхъ Дѣлъ.
- Любавскiй, Матвѣй Кузьмичъ, депутатъ Импер. Общества Исторiи и Древностей Россiйскихъ.
- Маркевичъ, Арсеній Ивановичъ, депутатъ Таврической Ученой Архивной Комиссiи.
- Марковъ, Алексѣй Владиміровичъ, депутатъ Комиссiи для составленiя діалектологической карты русскаго языка.
- Машковъ, Иванъ Павловичъ, депутатъ Московскаго Архитектурнаго Общества и Импер. Московскаго Археологическаго Общества.
- Мейснеръ, Александръ Фелиціановичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества и Московскаго Архитектурнаго Общества.
- Миллеръ, Всеволодъ Ѳеодоровичъ, депутатъ Импер. Общества Любителей Естествознанiя, Антропологiи и Этнографiи и Импер. Московскаго Археологическаго Общества.
- Муравьевъ, Михайлъ Валеріановичъ, депутатъ Новгородскаго Общества Любителей Древности, Новгородской Губернской Ученой Архивной Комиссiи и Новгородской Уѣздной Земской Управы.
- Мятлевъ, Николай Владиміровичъ, депутатъ Историко-Родословнаго Общества въ Москвѣ.

- Незнамовъ, Петръ Александровичъ, депутатъ Оренбургской Ученой Архивной Комиссiи.
- Никитинъ, Николай Васильевичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества и Московскаго Архитектурнаго Общества.
- Новицкiй, Алексѣй Петровичъ, депутатъ Московскаго Архитектурнаго Общества.
- Орѣшниковъ, Алексѣй Васильевичъ, депутатъ Импер. Россiйскаго Историческаго Музея и Импер. Московскаго Археологическаго Общества.
- Павловскiй, Алексѣй Андреевичъ, депутатъ Импер. Новороссiйскаго Университета, Историко-Филологическаго Общества при Импер. Новороссiйскомъ Университетѣ и Импер. Одесскаго Общества Исторiи и Древностей.
- Павлуцкiй, Григорiй Григорьевичъ, депутатъ Импер. Университета Св. Владимира и Историческаго Общества Нестора Лѣтописца.
- Пархоменко, Владимiръ Александровичъ, депутатъ Полтавской Губернской Ученой Архивной Комиссiи и Полтавскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета.
- Платоновъ, Сергѣй Θεодоровичъ, депутатъ Импер. Петербургскаго Университета и Импер. Археографической Комиссiи.
- Подобѣдовъ, Валерiанъ Александровичъ, депутатъ Новгородской Губернской Ученой Архивной Комиссiи и Новгородскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.
- Покровскiй, Николай Васильевичъ, депутатъ Петербургской Духовной Академiи и Импер. Археологическаго Института.
- Поповъ, Владимiръ Александровичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества.
- Поповъ, Харитонъ Ивановичъ, депутатъ Донскаго Музея.
- Пѣтуховъ, Евгений Вячеславовичъ, депутатъ Импер. Юрьевскаго Университета.
- Раевскiй, Александръ Сергѣевичъ, депутатъ Комиссiи по изученiю и описанiю стараго Петербурга при Обществѣ Архитекторовъ-Художниковъ и Импер. Русскаго Археологическаго Общества.
- Рогожинъ, Владимiръ Николаевичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества.
- Рождественскiй, Николай Викторовичъ, депутатъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.
- Романовъ, Евдокимъ Романовичъ, депутатъ Виленской Комиссiи для разбора и изданiя древнихъ актовъ и Витебскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.
- Романцевъ, Иванъ Степановичъ, депутатъ Новгородской Губернской Ученой Архивной Комиссiи и Новгородскаго Общества Любителей Древности.
- Савеловъ, Леонидъ Михайловичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества, Историко-Родословнаго Общества въ Москвѣ Московскаго Археологическаго Института и Московскаго Отдѣленiя Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора.
- Самоковасовъ, Дмитрiй Яковлевичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества и Импер. Московскаго Университета.
- Соболевскiй, Алексѣй Ивановичъ, депутатъ Импер. Академiи Наукъ.

- Соловьевъ, Александръ Александровичъ, депутатъ Новгородской Городской Думы.
- Соловьевъ, Сергѣй Устиновичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества, Импер. Академіи Художествъ и Московскаго Архитектурнаго Общества.
- Сперанскій, Михаилъ Несторовичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества.
- Станкевичъ, Алексѣй Ивановичъ, депутатъ Импер. Россійскаго Историческаго Музея и Импер. Московскаго Археологическаго Общества.
- Сторожевъ, Василій Николаевичъ, депутатъ Нижегородской и Рязанской Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Комиссій.
- Сумцовъ, Николай Ѳеодоровичъ, депутатъ Импер. Харьковскаго Университета и Историко-Филологическаго Общества при Импер. Харьковскомъ Университетѣ.
- Суховъ, Дмитрій Петровичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества.
- Тарабринъ, Иванъ Мемноновичъ, депутатъ Импер. Россійскаго Историческаго Музея и Импер. Московскаго Археологическаго Общества.
- Титовъ, Андрей Александровичъ, депутатъ Псковскаго Археологическаго Общества.
- Троицкій, Николай Ивановичъ, депутатъ Тульской Епархіальной Палаты Древностей.
- Трутовскій, Владиміръ Константиновичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества и Московской Оружейной Палаты.
- Турчаниновъ, Владиміръ Михайловичъ, депутатъ Орловской Ученой Архивной Комиссій.
- Ушаковъ, Дмитрій Николаевичъ, депутатъ Комиссій для составленія діалектологической карты русскаго языка.
- Филипповъ, Александръ Никитичъ, депутатъ Импер. Московскаго Университета.
- Халатьянцъ, Георгій Абрамовичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества и Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ.
- Хахановъ, Александръ Соломоновичъ, депутатъ Импер. Московскаго Археологическаго Общества и Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ.
- Цвѣтаевъ, Дмитрій Владиміровичъ, депутатъ Импер. Московскаго Коммерческаго Училища.
- Целени, Леонидъ Николаевичъ, депутатъ Новгородскаго Общества Любителей Древности, Новгородской Губернской Ученой Архивной Комиссій и Новгородской Уѣздной Земской Управы.
- Штернь-Фонъ, Эрнестъ Романовичъ, депутатъ Импер. Новороссійскаго Университета, Историко-Филологическаго Общества при Импер. Новороссійскомъ Университетѣ и Импер. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.
- Шумейко, Александръ Павловичъ, депутатъ Новгородской Городской Думы.
- Щепкинъ, Вячеславъ Николаевичъ, депутатъ Импер. Россійскаго Историческаго Музея и Импер. Московскаго Археологическаго Общества.
- Эйнгорнъ, Виталій Осиповичъ, депутатъ Импер. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.
- Яхонтовъ, Степанъ Дмитриевичъ, депутатъ Рязанской Губернской Ученой Архивной Комиссій.

СОСТАВЪ

НОВГОРОДСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА.

Предсѣдатель.

На первыхъ порахъ: Петръ Петровичъ Башиловъ, впослѣдствіи Михаилъ Валеріановичъ Муравьевъ.

Секретарь.

На первыхъ порахъ: Валеріанъ Александровичъ Подобѣдъ, впослѣдствіи Леонъ Владиславовичъ Вильконскій.

Казначей.

Петръ Ивановичъ Дворянскій.

Члены Комитета.

И. В. Аничковъ, А. И. Анисимовъ, Н. В. Волковъ, С. Н. Диринъ, И. И. Дорреръ, князь П. П. Голицинъ, княгиня А. Н. Голицина, П. Л. Гусевъ, А. П. Кучинскій, В. П. Куроѣдова, В. А. Лопухинъ, Е. Е. Лебедевъ, З. С. Слезкинская, проф. Н. В. Покровскій, И. С. Романцевъ, А. П. Шушейко, прот. А. Конкординъ, Л. Н. Целепи.

СОСТАВЪ

ПСКОВСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА.

Предсѣдатель.

Николай Ѳомичъ Окулачъ-Казариновъ.

Члены Комитета.

А. П. Мельниковъ, свящ. А. Ляпустинъ, О. И. Парли, П. И. Квѣсинъ, С. С. Покровскій, А. С. Хвоанскій.

Правила XV Археологического Съезда.

1. Археологическій Съездъ открывается въ Новгородѣ съ 22 іюля по 5 августа 1911 года.

2. Всѣ подготовительныя работы для Съезда возлагаются на Московскій Предварительный Комитетъ, съ предоставленіемъ ему права открыть, по мѣрѣ необходимости, другіе мѣстные Комитеты. Комитетъ входитъ въ сношеніе съ мѣстными учеными и приглашаетъ ихъ для совмѣстныхъ работъ подъ своимъ наблюденіемъ и руководствомъ.

3. За день до открытія Съезда, т.-е. 21 іюля, открываетъ свои дѣйствія Совѣтъ Съезда въ Новгородѣ.

4. Совѣтъ Съезда составляютъ: а) всѣ прибывшіе къ Съезду члены Предварительнаго Комитета и б) присланные на Съездъ депутаты отъ тѣхъ высшихъ ученыхъ Учрежденій и ученыхъ Обществъ, коихъ представителей не было на Предварительномъ Комитетѣ.

5. Членами Съезда могутъ быть всѣ лица, изъявившія желаніе принять участіе въ занятіяхъ Съезда и заплатившія 5 рублей. Этимъ лицамъ выдается членскій билетъ и особый знакъ, который предоставляетъ имъ право посѣщать засѣданія Съезда и принимать участіе въ оныхъ. Но въ экскурсіяхъ Съезда могутъ принимать участіе только тѣ лица, которыя получаютъ на это особое приглашеніе со стороны Распорядительнаго Комитета.

Примѣчаніе. Членами Съезда признаются также ученые Учрежденія и Общества по взносу ими 5 руб.; но учащіеся не могутъ быть членами Съезда.

6. Предварительный Комитетъ имѣетъ право пригласить и иностранныхъ ученыхъ.

7. Члены Совѣта не освобождаются отъ членскихъ взносовъ.

8. Записаться въ члены Съезда, внести установленную плату и получить членскій билетъ можно заблаговременно въ Московскомъ и Петербургскомъ Археологическихъ Обществахъ и въ Отдѣленіяхъ Предварительнаго Комитета XV Съезда.

9. Съездъ раздѣляется на девять отдѣленій: I. Древности первобытныя. II. Древности историко-географическія и этнографическія. III. Памятники искусствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики. IV. Древности юридическія; бытъ

хозяйственный, домашній и военный. V. Древности церковныя. VI. Памятники языка и письма. VII. Древности классическія, византійскія, восточныя и западно-европейскія. VIII. Древности славянскія. IX. Археографія и архивовѣдѣніе. Совѣтъ Съѣзда въ правѣ, если признаетъ необходимымъ, увеличить число Отдѣленій или нѣкоторыя изъ нихъ слить вмѣстѣ.

10. При Съѣздѣ предполагается устроить Выставки по предметамъ Съѣзда.

11. Въ секретари Съѣзда приглашаются заблаговременно Совѣтомъ нѣсколько лицъ изъ членовъ Съѣзда. Секретари признаются членами Совѣта Съѣзда.

12. Всякій членъ Съѣзда можетъ, по своему желанію, приписаться къ одному или нѣсколькимъ Отдѣленіямъ.

13. Совѣтъ Съѣзда въ первомъ своемъ засѣданіи избираетъ изъ среды своей Предсѣдателя Совѣта и шесть членовъ въ Распорядительный Комитетъ на все время Съѣзда. Предсѣдатель Совѣта признается Предсѣдателемъ Съѣзда. Независимо отъ сего Совѣтъ, въ томъ же засѣданіи, раздѣляется, по числу отдѣленій Съѣзда, на Комиссіи, впредь до открытія Отдѣленій, которыя немедленно избираютъ своихъ особыхъ Предсѣдателей, при чемъ послѣдніе, съ своей стороны, приглашаютъ секретарей.

14. Распорядительный Комитетъ завѣдуетъ всей хозяйственной частью и всѣмъ внутреннимъ и внѣшнимъ порядкомъ Съѣзда.

15. Въ составъ Распорядительнаго Комитета, кромѣ шести членовъ, избранныхъ Съѣздомъ, входитъ казначей Съѣзда.

16. Предсѣдатели и секретари Отдѣленій Съѣзда составляютъ Ученый Комитетъ Съѣзда.

17. Предсѣдателямъ Отдѣленій вмѣняется въ обязанность допускать къ докладу только тѣ изъ рефератовъ, которые будутъ предварительно одобрены Ученымъ Комитетомъ Съѣзда. Словесныя сообщенія допускаются Комитетомъ по разсмотрѣніи тезисовъ.

Примѣчаніе. Референты приглашаются присылать свои доклады, по мѣрѣ возможности, заблаговременно въ Предварительный Комитетъ Съѣзда.

18. Ученый комитетъ руководитъ всей ученой частью Съѣзда и наблюдаетъ за правильнымъ ходомъ его ученыхъ работъ.

19. Комитеты Ученый и Распорядительный сами избираютъ своихъ Предсѣдателей и секретарей. Они засѣдаютъ ежедневно во все продолженіе Съѣзда.

20. Совѣтъ Съѣзда и Отдѣленія созываются ихъ Предсѣдателями. Каждое Отдѣленіе въ правѣ избирать въ свои члены изъ среды Съѣзда ученыхъ, коихъ постоянное содѣйствіе оно признаетъ для себя необходимымъ. О такихъ выборахъ Предсѣдатели Отдѣленій доводятъ до свѣдѣнія Предсѣдателя Совѣта Съѣзда.

21. Засѣданія какъ Совѣта, такъ и Комитетовъ Ученаго и Распорядительнаго происходятъ при закрытыхъ дверяхъ.

22. Засѣданія Съѣзда бываютъ общія и частныя по Отдѣленіямъ. На общихъ засѣданіяхъ обсуждаются всѣ вопросы общаго характера. На засѣданіяхъ Отдѣ-

лений обсуждаются специальные вопросы, входящие въ кругъ занятій того или другого Отдѣленія.

23. Засѣданія Съѣзда публичны.

Примѣчаніе. Корреспонденты журналовъ и газетъ обращаются въ Распорядительный Комитетъ за полученіемъ особыхъ мѣстъ.

24. Почетные Предсѣдатели какъ Общихъ Собраній Съѣзда, такъ и Отдѣлений назначаются на каждое засѣданіе особо Ученымъ Комитетомъ Съѣзда изъ среды членовъ Съѣзда. Наблюденіе за порядкомъ засѣданій лежитъ на Предсѣдателяхъ. Предсѣдатель Отдѣленія обязанъ остановить каждаго члена Съѣзда, который въ своей рѣчи удалится отъ предмета обсужденія или уклонится отъ научной цѣли.

Примѣчаніе. Ученый Комитетъ Съѣзда избираетъ Почетныхъ Предсѣдателей засѣданій преимущественно изъ лицъ, которыя по своимъ занятіямъ соотвѣтствуютъ характеру назначенныхъ засѣданій.

25. Программы каждаго засѣданія Съѣзда какъ Общихъ Собраній, такъ и Отдѣлений опредѣляются заблаговременно на каждый разъ особо Ученымъ Комитетомъ Съѣзда. Программы засѣданій, заключающія въ себѣ названіе рефератовъ и ихъ главные тезисы, раздаются членамъ Съѣзда и вывѣшиваются наканунѣ засѣданій у дверей зала. Ни одинъ новый вопросъ не можетъ быть возбужденъ въ засѣданіяхъ Съѣзда безъ предварительнаго заявленія Ученому Комитету.

26. Во время продолженія Съѣзда издаются отдѣльными выпусками по окончаніи засѣданій, краткіе о нихъ отчеты, которые выдаются членамъ Съѣзда бесплатно.

Примѣчаніе. Въ этихъ отчетахъ помѣщается содержаніе лишь тѣхъ докладовъ, авторы которыхъ представили секретарю Отдѣленія въ тотъ же день краткое изложеніе своего реферата. Изложеніе это не должно превышать 40 печатныхъ строкъ. Лица, принимавшія участіе въ преніяхъ, приглашаются доставлять краткое изложеніе своихъ замѣчаній въ тотъ же день для помѣщенія въ тѣхъ же отчетахъ. Въ противномъ случаѣ отчеты могутъ быть выпущены въ свѣтъ безъ изложенія доклада и сущности возраженій и редакторъ отчетовъ не отвѣчаетъ за непомѣщеніе сущности доклада и преній.

27. Время каждаго засѣданія какъ общихъ собраній Съѣзда, такъ и Отдѣлений, назначается Ученымъ Комитетомъ.

28. На засѣданіяхъ Съѣзда допускаются какъ словесныя, такъ и письменныя сообщенія. Но ни одинъ членъ не въ правѣ говорить или читать болѣе полупочаса, не испросивъ на то разрѣшенія Ученаго Комитета и присутствующихъ предсѣдателей.

Примѣчаніе. Работы, не подходящія, по мнѣнію Предсѣдателей Отдѣлений, подъ рубрику рефератовъ, выдѣляются въ особую группу и докладываются въ извлеченіяхъ.

29. Всѣ разсужденія и пренія въ засѣданіяхъ Съѣзда какъ общихъ, такъ и частныхъ, по Отдѣленіямъ, происходятъ на русскомъ языкѣ, но Ученый Комитетъ можетъ назначать засѣданія или допускать чтенія докладовъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, равно какъ и на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ.

30. Изслѣдованія и сообщенія, присланныя на Съѣздъ въ отвѣтъ на предложенные вопросы, поступаютъ въ Ученый Комитетъ, разсматриваются въ Отдѣленіяхъ Совѣта и докладываются кѣмъ-либо изъ членовъ въ одномъ изъ засѣданій Съѣзда.

31. Каждый членъ, при входѣ въ засѣданіе, долженъ предъявить свой членскій билетъ и знакъ.

32. Напечатаніе «Трудовъ Съѣзда» возлагается на Императорское Московское Археологическое Общество.

33. Рѣшеніе вопроса объ избраніи мѣста слѣдующаго очередного Всероссийскаго Археологическаго Съѣзда возлагается на Предварительный Комитетъ, созываемый Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ послѣ окончанія занятій предыдущаго Съѣзда.

Вопросы, предлагаемые на обсужденіе XV Археологическаго Съѣзда.

ВОПРОСЫ ОБЩЕ.

1. Н. Н. Ардашевъ. Основной принципъ Археологін.
2. Его же. Вопросъ о наукѣ Энциклопедіи Археологін.
3. Е. В. Барсовъ. Андрей Денисовъ, какъ первый археологъ въ Россіи.

I. Древности первобытныя.

1. I. К. Линдеманъ. Эволюція курганныхъ вещей, какъ руководство при датированіи древне-славянскихъ погребеній.
2. Д. Я. Самоєвасовъ. Удлиненные и длинные курганы въ областяхъ съ финскимъ населеніемъ.

II. Древности историко-географическія и этнографическія.

1. Д. Н. Анучинъ. Новгородъ и Новгородская земля по старымъ иностраннымъ картамъ.
2. А. М. Андріящевъ. Историко-географическія карты Шелонской и Деревской пятинъ въ началѣ XVI в.
3. Д. И. Багалъй. Краткій указатель историческихъ и картографическихъ матеріаловъ, относящихся къ Новгородскому краю и хранящихся въ Архивахъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ и Министерства Юстиціи въ Москвѣ и Главнаго Штаба въ Петербургѣ.
4. Е. В. Барсовъ. Не дошло ли до насъ какихъ-нибудь слѣдовъ того, что христіанство проникло въ Новгородскую область не изъ Кіева только по Днѣпру, но и съ Кавказа по Волгѣ и ея притокамъ.
5. В. В. Богдановъ. Этнографическая карта Русскаго Сѣвера между Скандинавскими государствами и Ураломъ.
6. И. А. Линниченко. Новгородская Конституція.
7. В. Θ. Миллеръ. Значеніе XVI вѣка въ исторіи былевого эпоса.
8. Его же. Слѣды Новгородскаго творчества въ народной лирицѣ.
9. А. И. Станкевичъ. Новгородъ Великій въ сказаніяхъ иностранцевъ путешественниковъ по Россіи, по XVII в. включительно.

10. Его же. I. Вундереръ и его рассказы о древностяхъ Пскова (1590 г.).

11. А. А. Титовъ. Извѣстны ли грамоты царя Ивана Грознаго съ приказомъ собрать изъ Новгородскихъ пятинъ боярскихъ дѣтей, дворянъ и земцевъ на царскую службу въ Иванъ-городъ съ пречисленіемъ именъ призываемыхъ.

III. Памятники искусствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики.

1. Н. И. Веселовскій. Одно изъ вліяній западно-европейскаго искусства на русское въ памятникахъ сѣверной Россіи и источникъ онаго.

2. А. П. Новицкій. Слѣды южно-русскаго искусства въ произведеніяхъ Сѣверной Руси.

3. Г. Г. Павлуцкій. Московскіе храмы Нарышкинскаго стиля.

4. Е. Р. Романовъ. Стѣнная живопись въ храмѣ, построенномъ Петромъ I въ 1708 году на мѣстѣ побѣды надъ Левенгауптомъ при д. Лѣсной.

5. Н. И. Троицкій. Когда построенъ древнѣйшій храмъ Каневского монастыря.

IV. Древности юридическія, бытъ хозяйственный, домашній и военный.

1. В. Р. Апухтинъ. Потомства новгородскихъ дворянъ помѣщиковъ, поселенныхъ въ Московскомъ краѣ (поновооткрытымъ Архива Мин. Юстиціи и другимъ даннымъ).

2. В. В. Богдановъ. Перевозочныя средства, бытующія у разныхъ племенъ русскаго сѣвера.

3. Н. И. Веселовскій. Колонизація съ сѣвера верхняго Дона.

4. С. К. Кузнецовъ. Восточно-финскіе элементы въ хорографическихъ названіяхъ Новгородской области.

5. Н. В. Муравьевъ. Новгородскій Дѣтинецъ.

6. Его же. Распространеніе грамотности въ области Великаго Новгорода по былинамъ, лѣтописямъ и другимъ источникамъ.

7. П. В. Мятлевъ. Св. Варлаамъ Важскій и его потомство — Своеземцевы и Еденскіе въ Важскомъ краѣ.

8. Е. Р. Романовъ. Гомельское староство въ половинѣ XVII в. (по инвентарю 1640 года).

9. Его же. Городъ Могилевъ въ концѣ XVI и первой половинѣ XVII в. (по инвентарю 1637 г. Варкалабовской лѣтописи и прихода-расходнымъ книгамъ магдебургіи).

10. Яхонтовъ. Судьбы Новгородцевъ, поселенныхъ Московскимъ правительствомъ въ Рязанскую область въ XV—XVI вв.

V. Древности церковныя.

1. Н. В. Покровскій. Софійская (старая) ризница въ Новгородѣ.

2. Е. Р. Романовъ. Гдѣ находились несуществующіе нынѣ монастыри Могилевской губерніи: Друцкой, Копыескій, Костюковичскій жен., Головинскій муж., Церковищенскій жен., Квюсовскій муж., Горецкій муж., Селецкій жен., Глядовскій, Печерскій, Высоковскій и Буйническій-Пречистенскій.

Запросы, на которые желательно получить разъясненіе на XV Археологическомъ Сѣздѣ.

I. Древности первобытныя.

1. А. Д. Григорьевъ. Изслѣдованіе кургановъ Шенкурскаго уѣзда Архангельской губерніи.

2. Его же. Городища по р. Пинегѣ и преданія о нихъ.

3. I. К. Линдеманъ. Изслѣдованіе Рюрикова городища около Новгорода противъ Юрьевского монастыря.

4. Е. Р. Романовъ. Установить западныя границы славянскихъ могилъ на территоріи Витебской, Псковской и Новгородской губерній и опредѣлить ихъ погребальныя типы.

5. Его же. Собрать топографическія наименованія западнѣе рѣкъ Синеи и Великой и съ ихъ помощью установить предѣлы расселенія славянъ въ этой мѣстности.

6. Д. Я. Самоквасовъ. Опредѣлить результатами археологическихъ раскопокъ различія устройствъ и содержанія могильниковъ скотскихъ и сарматскихъ въ южной Россіи.

7. Его же. Опредѣлить результатами археологическихъ раскопокъ различія устройства и содержанія могильниковъ козарскихъ и славянорусскихъ.

8. Его же. Опредѣлить результатами археологическихъ раскопокъ различія устройства и содержанія могильниковъ славянорусскихъ, литовскихъ, финскихъ и варяжскихъ въ областяхъ Днѣпра, Западной Двины, озера Ильменя и Волги.

9. А. С. Раевскій. Финскіе могильники въ верхнемъ Поволжѣ.

II. Древности историко-географическія и этнографическія.

1. А. М. Андріяшевъ. Историко-географическія карты Бежецкой и Обо-неской пятинь въ началѣ XVI вѣка.

2. Е. В. Барсовъ. Изслѣдовать волости, бывшія достояніемъ Марен Посадинцы.

3. П. П. Башиловъ. Изслѣдованіе вопроса о ссылкѣ Никона въ Новгородскую губернію по письменнымъ и археологическимъ даннымъ.

4. А. Д. Григорьевъ. Географическія названія (финскія) на Сѣверѣ.

Труды XV Сѣзда. Т. I.

5. Его же. Духовные стихи Сѣверо-Европейской Россіи.
6. В. А. Городцовъ. Откуда пришли Ильменскіе Славяне?
7. Его же. Въ какомъ отношеніи стоятъ дохристіанскія древности Рюгена, Помераніи и другихъ славянскихъ областей Сѣверной Германіи къ дохристіанскимъ древностямъ Ильменскихъ Славянъ?
8. Его же. Не существовало ли славянскихъ колоній въ юго-восточныхъ областяхъ Скандинавскаго полуострова и, если таковыя существовали, то въ какомъ отношеніи онѣ состоятъ къ Ильменскимъ Славянамъ?
9. І. К. Линдеманъ. Собраніе, изученіе, изданіе древнихъ плановъ Новгорода и его пригородовъ.
10. А. В. Марковъ. Вопросъ о Новгородскихъ былинахъ Кіевского цикла.
11. М. В. Муравьевъ. Гдѣ погребенъ пятый Новгородскій епископъ св. Германъ (90 года XI вѣка) — въ Кіевѣ или Новгородской Софіи?
12. Его же. Гдѣ погребенъ скончавшійся въ 1484 г. въ Москвѣ (въ заточеніи въ Чудовъ монастырѣ) блаженный Теофилъ, послѣдній архіепископъ Новгородскій, избранный вѣчемъ.
13. Его же. Изученіе переговоровъ Новгорода со Швеціей и Москвой съ 1613 года по день заключенія Столбовскаго мира.
14. Его же. Подробныя изслѣдованія въ мѣстѣ нахожденія нынѣ уже не существующихъ городовъ земли Новгородской по картѣ пятины Неволіна (напр., Курскъ Деревской пятины).
15. Н. В. Мятлевъ. Копорскіе (князи?) князья, упоминаемые въ лѣтописяхъ, не являются ли туземными князьками финскихъ племенъ Водской пятины?
16. А. С. Раевскій. Славянскіе волокы около Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря.
17. Его же. Опограничныхъ камняхъ между Новгородской областью и Швеціей.
18. Е. Р. Романовъ. Установить ходъ колонизаціи псковско-новгородской земли полоцкими и смоленскими Славянами на основаніи археологическихъ памятниковъ и данныхъ языка.
19. Его же. Провѣрить волокы отъ рѣкъ Великой и Ловати къ Двинѣ, указанные въ «Матеріалахъ по историч. топографіи Витебской губерніи».
20. Д. Я. Самоквасовъ. Выяснить историческими свидѣтельствами и результатами археологическихъ раскопокъ значеніе ассирійскихъ древностей эпохи Ассурбанапала въ опредѣленіи киммерійскихъ и сколотскихъ могильниковъ областей Кубани, Дона и Днѣпра.
21. Его же. Выяснить лѣтописными свидѣтельствами и архивными матеріалами составъ волостей Новгородской земли въ моментъ присоединенія Новгорода къ Москвѣ.

III. Памятники искусствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики.

1. Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ. Было ли когда-нибудь вліяніе Кавказа на церковное зодчество Новгорода?
2. Г. Г. Павлукій. Черты самобытности въ древне-деревянномъ зодествѣ Новгородской области.

3. Его же. Стиль Барокко въ Украинской архитектурѣ XVII и XVIII вѣковъ.
4. Н. В. Покровский. Внутреннее убранство Софійскаго собора въ Новгородѣ.
5. Его же. Византійскія черты въ Новгородскомъ церковномъ зодествѣ.
6. Его же. Новгородская церковная архитектура въ XIV—XVI в.
7. Его же. Псковская церковная архитектура.
8. Его же. Примѣненіе поливы или ценины въ зодествѣ Новгородскомъ и Псковскомъ.

9. Его же. Фрески Спасо-Нередицкой церкви.
10. Его же. Древніе иконостасы въ Новгородскихъ и Псковскихъ храмахъ.
11. Его же. Предметы древняго металлическаго производства въ Новгородскихъ храмахъ.
12. Его же. Стѣнописи Успенской церкви въ с. Волотовѣ.
13. Его же. Собрать свѣдѣнія о древнихъ мастерахъ иконописи и металлическаго производства въ Новгородѣ.
14. А. С. Раевскій. О каменныхъ крѣпостныхъ и монастырскихъ стѣнахъ Пскова, Изборска, Ивангорода и Копорья.
15. Его же. О деревянныхъ крѣпостныхъ стѣнахъ, частоколахъ и плетняхъ сѣвера Россіи.
16. Его же. Деревянные рубленныя главки.
17. Л. Н. Целени. Изслѣдовать въ мѣстечкѣ «Гостино Поле» въ соборѣ, не сохранилось ли тамъ остатковъ фресковой живописи, которою нѣкогда онъ былъ украшенъ.

IV. Древности юридическія, бытъ хозяйственный, домашній и военный.

1. В. В. Богдановъ. Древнѣйшіе пути изъ Европы въ Азію черезъ сѣверный Уралъ и ихъ позднѣйшія изслѣдованія.
2. Его же. Перевозочныя средства, бытовавшія на русскомъ сѣверѣ, — по свѣдѣніямъ историческимъ и археологическимъ.
3. Его же. Земледѣльческія орудія въ предѣлахъ древней Новгородской области.
4. Его же. Домашняя утварь у населенія сѣвера.
5. Его же. Сѣверная агіографія и подвижничество у сѣверныхъ старообрядцевъ и сектантовъ.
6. Д. И. Иловайскій. Новгородскіе говоры и подробная записъ архаизмовъ для выясненія вопроса о племени Ильменскихъ Славянъ.
7. И. А. Линниченко. Составить списокъ, на основаніи древнихъ литературныхъ памятниковъ, Новгородскихъ личныхъ именъ.
8. А. В. Марковъ. Откуда шло закамское серебро въ Новгородъ въ XIV в. (Новгород. лѣтописъ по Синод. списку, подъ 1329 г.)?
9. Его же. Откуда шелъ въ Новгородскую область красный янтарь?
10. Его же. Мѣстныя преданія о ручныхъ жерновахъ, принадлежавшихъ монахамъ Соловецкаго монастыря, въ связи съ вопросомъ объ области, принадлежавшей монастырю.
11. Его же. Причина популярности еврейскихъ библейскихъ именъ въ Новгородской области.

12. Х. И. Поповъ. Не сохранилось ли въ новгородскихъ архивахъ и въ архивахъ другихъ областей, входившихъ въ районъ новгородской колонизаціи, точныхъ указаній на участіе Новгородцевъ и въ колонизаціи Донского края?

Примѣчаніе. Извѣстный архивистъ П. М. Строевъ въ перепискѣ съ донскимъ историкомъ В. Д. Сухоруковымъ, послѣ разысканій въ новгородскихъ и другихъ монастырскихъ книгохранилищахъ и архивахъ, между прочимъ, сообщалъ, что Новгородцы были въ средѣ Донскихъ казаковъ при первомъ появленіи ихъ, съ чѣмъ вполне соглашался и Сухоруковъ.

Въ говорѣ Донскихъ казаковъ отбѣнковъ новгородскаго говора не замѣчается. Но на Дону почти въ каждой станицѣ, начиная съ крайнихъ на сѣверѣ до Константиновской включительно на югѣ, до сихъ поръ удержалось названіе многихъ озеръ «ильменями», а такіа названія встрѣчаются только въ низовьяхъ Волги и кое-гдѣ выше по Волгѣ (наприм., въ Казанской губ.). Поэтому самъ собою возникаетъ вопросъ, не служатъ ли эти названія доказательствомъ того, что они даны Новгородцами.

13. А. С. Раевскій. Литовскіе гривны въ Новгородѣ.

14. Его же. Реформа въ вѣсѣ Новгородскихъ гривенъ.

15. Его же. Взаимное отношеніе вѣса Новгородскихъ и Приволжскихъ гривенъ.

16. Е. Р. Романовъ. Точно опредѣлить границы такъ-называемаго уокающаго говора, который отъ Смоленска тянется къ С.-З., прорѣзываетъ восточную часть Витебской губерніи и заполняетъ Псковскую.

17. Н. И. Троицкій. Славянскій элементъ въ географическихъ Новгородскихъ названіяхъ.

18. Л. Н. Целени. Изслѣдованіе мѣстечка «Гостино Поле» на правомъ берегу р. Волхова, какъ складочнаго мѣста товаровъ, привозимыхъ изъ Ганзейскихъ городовъ.

19. Его же. Изслѣдованіе около Новгорода мѣстности «Устья», гдѣ находятъ довольно много пломбъ.

У. Древности церковныя.

1. Е. В. Барсовъ. Собрать историческія данныя объ упраздненныхъ монастыряхъ Новгородскаго края.

2. Н. В. Мятлевъ. Псковско-Печерскій монастырь и его пещеры.

3. Н. В. Покровскій. Древности Антоніева монастыря.

4. Его же. Древности Хутынскаго и Юрьева монастыря.

ІХ. Археографія и Архивовѣдѣніе.

1. Н. Н. Ардашевъ. Архивныя матеріалы по Ингерманландіи.

2. Н. В. Муравьевъ. Гдѣ находится архивъ архіепископа Воронежскаго Макарія, автора «Новгородскихъ церковныхъ древностей»?

3. Л. Н. Целени. Соловецкій архивъ по отношенію къ Новгороду.

4. Его же. Ревельскій архивъ, гдѣ имѣются грамоты, имѣющія отношеніе къ Новгороду.

ЗАСѢДАНІЕ СОВѢТА СЪѢЗДА

21 іюля вечеромъ.

21-го іюля 1911 г. въ помѣщеніи Дворянскаго Собранія въ 8 час. вечера состоялось первое организационное засѣданіе XV Археологическаго Съѣзда подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Московскаго Предварительнаго Комитета Графини П. С. Уваровой, при Секретарѣ Комитета В. К. Трутовскомъ и въ составѣ депутатовъ, прибывшихъ на Съѣздъ: Анисимова А. Н. (отъ Новгородскаго Общ. любит. Древностей), Аничкова И. В. (отъ Новгор. Общ. Любит. Древностей, Оренбургск. Ученой Архив. Комиссіи, Новгород. Губерн. Земской Управы), Апухтина В. Р. (отъ Орловскаго Церковно-Археол. Общества), Арбузова Л. Л. (отъ Общ. Исторіи и Древн. Прибалт. края), Баженова И. В. (отъ Костромской Учен. Архивн. Комиссіи), Беккеръ Р. Р. (отъ Имп. С.-Пб. Общ. Архитекторовъ), Боранбоима К. Н. (отъ Московскаго Отд. Имп. Военно-Истор. Общества), проф. Богословскаго М. М. (отъ Имп. Московскаго Универс.), Богоявленскаго С. К. (отъ Московск. Гл. Архива Иностран. Дѣлъ), Богородскаго Н. Н. (отъ Витебской Архивной Комиссіи и Витебскаго Епарх. Братства), профессора Бродовича І. А. (отъ Истор.-Филол. Факультета Имп. Харьковскаго Унив. и Истор.-Филол. Общества при Имп. Харьк. Унив.), Вохомскаго И. П. (отъ Истор.-Филол. Общ. при Имп. Харьк. Унив.), Вильконскаго Л. В. (отъ Новгородскаго Общ. Любит. Древн.), Виноградова И. А. (отъ Тверской Учен. Архивн. Ком.), Виноградова Ѳ. А. (отъ Тверской Ученой Архивной Комиссіи), проф. Р. Гаусмана (отъ Ученаго Эстонскаго Общества), Гераклитова А. А. (отъ Саратовской Ученой Архивной Комиссіи), Гилейнъ фонъ-Гембицъ С. П. (отъ Псковскаго Археолог. Общ.), Гинце Э. Г. (отъ Истор.-Филол. Общ. при Имп. Харьков. Универс.), Горталова Н. К. (отъ Общ. Археол., Истор. и Этн. при Имп. Казанск. Унив., Казанск. Отд. Имп. Военно-Истор. Общ.), Грекова Б. Д. (отъ Петербургск. Высшихъ Курсовъ), Гусева П. Л. (отъ Новгород. Общ. Любит. Древностей), проф. Данилевича В. Е. (отъ Общ. Нестора Лѣтописца, Кіевскаго Художеств.-Промышл. и Научн. Музея, Имп. Кіевскаго Универс.), Демени М. Г. (отъ Имп. Русскаго Археол. Общ.), пр.-д. Деннике Б. П. (отъ Имп. Казанскаго Унив.), Дворянскаго П. И. (отъ Новгородской Археолог. Комиссіи), проф. Доброклонскаго А. П. (отъ Имп. Новороссійскаго Универс.), проф. Довнаръ-Запольскаго М. В. (отъ Имп. Кіевск. Унив., Общ. Нестора Лѣтописца, Кіевскаго Общ. Охраны памят. стар. и искусствъ), Дольскаго А. Л. (отъ Воронежскаго Губ. Стат.

Комитета), Дурново Н. Н. (отъ Имп. Харьковск. Унив., Діалектолог. Комиссіи), проф. Евсѣева И. Е. (отъ Орловскаго Церковно-Истор. Археол. Общ.), Кабанова А. К. (отъ Нижегородской Ученой Архив. Комиссіи), Карабинова И. А. (отъ Петербургск. Духовной Академіи), Кашина Н. П. (отъ Діалектолог. Комиссіи), проф. Козловскаго И. П. (отъ Имп. Варшавскаго Унив.), Колмогорова А. И. (отъ Калужскаго Общества изученія природы), прот. І. Н. Королькова (отъ Кіевской Духовной Академіи, Кіевскаго Общества Древностей и Искусствъ), Крылова Л. И. (отъ Твер. Учен. Арх. Комис.), акад. Лаппо-Данилевскаго А. С. (отъ Имп. Акад. Наукъ), Левиттъ А. А. (отъ Новгородскаго Общ. любит. Древн.), Линдеманъ І. К. (отъ Моск. Нумизм. Общ., Имп. Московск. Археол. Общ.), Лопарева Х. М. (Имп. Публ. Библ.), Лукомскаго Ѳ. К. (отъ Деп. Герол. Прав. Сен.), проф. Ляскоронскаго В. Г. (отъ Инст. Кн. Безбор.), Малинина Д. И. (отъ Калужск. Ученой Архив. Ком.), Муравьева М. В. (отъ Новгор. Губ. Земск. Управы, Новгор. Общ. Любит. Древн., Новгород. Уѣздн. Земск. Управы), Некрасова А. И. (отъ Моск. Иконописн. Палаты), Ниневе Ф. Ад. (отъ Имп. Русск. Воен. Общ.), Олейникова Т. М. (отъ Воронежск. Учен. Архивн. Комис., отъ Воронеж. Церковн.-Истор. Арх. Комитета), барона Фонъ-дербъ-Остенъ-Сакенъ П. Ю. (отъ Эстл.-Лит. Общ.), Падалка Л. В. (отъ Полтавск. Губ. Учен. Архивн. Комиссіи), Пархоменко В. А. (отъ Полтавск. Церков. Истор. Ком.), Печенкина Н. М. (отъ Имп. Рус. Воен.-Ист. Общ.), Платонова А. Г. (отъ Твер. Учен. Архивн. Ком.), Подобѣдова В. А. (отъ Новгор. Общ. любит. Древн.), проф. Покровскаго Н. В. (отъ Имп. Русск. Арх. Общ., Имп. Археол. Института, С.-Пб. Духовн. Акад.), Преображенскаго А. В. (отъ Общ. Любит. Др. Писъм.), Прилуцкаго В. Д. (отъ Церковн.-Истор. и Арх. Общ. при Кіевской Дух. Акад., Кіевск. Духовн. Акад.), Приселкова М. Д. (отъ С.-Пб. Унив.), Ржига Ѳ. В. (отъ Нижегородск. Учен. Архивн. Комис.), Романцева И. С. (отъ Новгор. Общ. Любит. Древн., Новгородской Городской Думы), Рудакова В. Е. (отъ Правит. Сената), Симсона П. Ѳ. (отъ Тв. Уч. Арх. Ком.), Соколовскаго М. К. (отъ Тверск. Учен. Архивн. Ком., Имп. Русск. Воен.-Ист. Общ.), Соколовской Т. О. (отъ Тверск. Учен. Архивн. Ком.), Соколова Н. Н. (отъ Діалект. Ком.), Суслова В. В. (отъ Технич. Строит. Комит. М. В. Д., Академіи Художествъ), Тарабрина И. М. (отъ Истор. Муз.), Титова Ѳ. И. (отъ Кіевск. Духовн. Акад., Церк.-Истор. и Археолог. Общ. при Кіевской Духовной Академіи, Кіевскаго Общ. охран. памят. стар. и искусс.), Троицкаго Н. И. (отъ Тульск. Палат. Древн.), Трутовскаго В. К. (отъ Имп. Моск. Арх. Общ., Моск. Нумизм. Общ., Оружейн. Палаты, Моск. Отд. Имп. Военно-Истор. Общ.), Ушакова Н. Н. (отъ Владим. Ученой Архивн. Ком.), Халаева В. Н. (отъ Калуж. Учен. Архивн. Ком.), Хвоинскаго А. С. (отъ Псковск. Археолог. Общ.), Хомякова М. М. (отъ Казан. Отд. Имп. Военно-Истор. Общ.), Цвѣткова И. Ѳ. (отъ Калуж. Церк.-Истор. Арх. Общ.), Целепи Л. Н. (отъ Новгор. Общ. любит. Древн., Новгор. Уѣздн. Земск. Управы), проф. Шляпкина И. А. (отъ Псковск. Археол. Общ., Имп. Археол. Инст.), Шумейко А. П. (отъ Новгор. Общ. Любит. Древн.), Фейерейзена А. И. (отъ Общ. Истор. и Древн. Прибал. Края, Рижскаго Город. Архива и Курлянд. Общ. Литер. и Худож.), Яшуржинскаго Х. П. (отъ Истор.-Фил. Общ. при Имп. Новоросс. Унив., Имп. Одес. Общ. Истор. и Древн., Таврич. Учен. Арх. Ком.).

1. Открывая засѣданіе, гр. П. С. Уварова доложила отношеніе за Министра Народнаго Просвѣщенія Товарища Министра г. Ульянова отъ 12 марта 1909 г., № 6237 о разрѣшеніи созвать въ Новгородѣ съ 22 іюля по 5 августа 1911 г. XV-й Археологическій Съѣздъ и прочитала телеграмму г. Министра Народнаго Просвѣщенія о порученіи открыть Съѣздъ Управляющему С.-Петербургскимъ Учебнымъ Округомъ д. с. с. Остроумову.

2. Доложены и провѣрены списки депутатовъ и прочтены Правила XV Археологическаго Съѣзда.

3. Произведены выборы должностныхъ лицъ Съѣзда.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ СЪѢЗДА.

Предсѣдатель Съѣзда.

Графиня Прасковья Сергѣевна Уварова.

Секретарь Съѣзда.

Владиміръ Константиновичъ Трутовскій.

Предсѣдатель Ученаго Комитета.

Николай Васильевичъ Покровскій.

Секретари Ученаго Комитета.

Николай Ивановичъ Троицкій и Владиміръ Александровичъ Пархоменко.

Распорядительный Комитетъ.

Предсѣдатель: Михаилъ Валеріановичъ Муравьевъ.

Члены: И. В. Аничковъ, А. Н. Целепи, А. И. Анисимовъ, Л. В. Вильконскій.

Казначей Совѣта.

Петръ Ивановичъ Дворянскій.

Предсѣдатель и Секретари Отдѣленій.

I. Древности первобытныя.

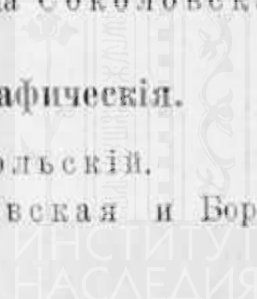
Предсѣдатель: Василій Ефимовичъ Данилевичъ.

Секретари: Іосифъ Карловичъ Линдеманъ и Тира Оттовна Соколовская.

II. Древности Историко-Географическія и Этнографическія.

Предсѣдатель: Митрофанъ Викторовичъ Довнаръ-Запольскій.

Секретари: И. П. Вохомскій, Тира Оттовна Соколовская и Борисъ Григорьевичъ Курцъ.

III. Памятники Искусствъ и Художествъ.

Предсѣдатель: Григорій Григорьевичъ Павлуцкій и Владиміръ Константиновичъ Трутовскій.

Секретари: Борисъ Петровичъ Денике, Алексѣй Ивановичъ Некрасовъ и Валентинъ Андреевичъ Шугаевскій.

IV. Древности юридическія, бытъ хозяйственный, домашній и военный.

Предсѣдатель: Александръ Сергѣевичъ Лапко-Данилевскій.

Секретари: Василій Григорьевичъ Ляскоронскій и Иванъ Васильевичъ Аничковъ.

V. Древности церковныя.

Предсѣдатель: Николай Васильевичъ Покровскій.

Секретари: Иванъ Александровичъ Карабиновъ и Свящ. Василій Дмитріевичъ Прилуцкій.

VI. Памятники языка и письма.

Предсѣдатель: Илья Александровичъ Шляпкинъ.

Секретари: Иванъ Мемноновичъ Тарабринъ и Владиміръ Александровичъ Пархоменко.

VII. Древности Классическія, Византійскія, Восточныя и Западно-Европейскія.

Предсѣдатель: Эрнестъ Романовичъ Штернъ.

Секретарь: Илья Николаевичъ Бороздинъ.

VIII. Древности славянскія.

Предсѣдатель: Иванъ Евсѣевичъ Евсѣевъ.

Секретари: Николай Николаевичъ Дурново и Иванъ Мемноновичъ Тарабринъ.

IX. Археографія и Архивовѣдѣніе.

Предсѣдатель: Леонидъ Михайловичъ Савеловъ.

Секретари: Петръ Александровичъ Незнамовъ и Александръ Александровичъ Мироновъ.

Депутаты Ученых Обществъ и Учрежденій.

1. Императорской Академіи Наукъ — Акад. Александръ Сергѣевичъ Лаппо-Данилевскій.
2. Императорскаго Московскаго Университета — проф. Влад. Конст. Мальбергъ, Ром. Ѳед. Брандтъ, Мих. Нест. Сперанскій, Вяч. Ник. Щепкинъ, Мих. Мих. Богословскій, Дм. Ник. Анучинъ, Алексѣй Петр. Павловъ, Ал-дръ Никит. Филипповъ, Дм. Ник. Зерновъ, Ив. Фл. Огневъ, и Мих. Юр. Лахтинъ.
3. Императорскаго С.-Петербургскаго Университета — профессоръ Серг. Ѳеод. Платоновъ, профессоръ Дм. Влас. Айналовъ и приватъ-доцентъ М. Д. Приселковъ.
4. Императорскаго Университета Св. Владиміра — профессора: Юл. Андр. Кулаковский, С. Т. Голубевъ, Гр. Гр. Павлуцкій, Влад. Ник. Перетцъ, Митр. Викт. Довнаръ-Запольскій, М. Н. Ясинскій, П. П. Соколовъ и приватъ-доцентъ Вас. Ефим. Данилевичъ.
5. Императорскаго Новороссійскаго Университета — профессора: А. А. Павловскій, А. П. Доброклонскій, М. Г. Попруженко, С. Г. Вилинскій и И. А. Линниченко.
6. Историко-Филологическаго Факультета Императорскаго Харьковскаго Университета — профессора: Дм. Ив. Багалъй, Ник. Ѳеод. Сумцовъ, Іос. Алекс. Бродовичъ, Арс. Петр. Кадлубовскій, В. П. Бузескулъ, приватъ-доценты: Вл. Ив. Савва, Михаилъ Алекс. Масловъ, Н. Н. Дурново и В. И. Веретенниковъ.
7. С.-Петербургской Духовной Академіи — профессоръ Ник. Вас. Покровскій и доцентъ Ив. Алекс. Карабиновъ.
8. Московской Духовной Академіи — профессора: Ал-ръ Петр. Голубцовъ и Серг. Ив. Смирновъ.
9. Кіевской Духовной Академіи — профессора: Ник. Ив. Петровъ, протоіерей Ѳеод. Ив. Титовъ, протоіерей Іоаннъ Ник. Корольковъ, Петръ Павл. Кудрявцевъ и доцентъ священникъ В. Дм. Прилуцкій.
10. Императорскаго Археологическаго Института — профессоръ, директоръ Ник. Вас. Покровскій и преподаватели: профессоръ Ил. Ал-дровичъ Шляпкинъ, Ник. Мих. Каринскій, Влад. Влад. Майковъ и Андр. Петр. Вороновъ.
11. Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ въ Москвѣ — С. Н. Шульгинъ и Христ. Ив. Кучукъ-Іоаннесовъ.
12. Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко — профессора: Василій Григ. Ляскоронскій, В. И. Рѣзановъ и Г. А. Ильинскій.
13. Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей — проф. Эрнестъ Ром. фонъ-Штернъ, проф. А. А. Павловскій, проф. М. Г. Попруженко, А. В. Лонгиновъ, Хрис. Петр. Ящуржинскій и В. И. Василенко.
14. Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ — проф. М. М. Богословскій, Ал-ръ Дм. Григорьевъ и Дм. Ив. Иловайскій.
15. Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества — проф. Н. В. Покровскій, М. Г. Деммени и проф. А. А. Дмитріевскій.

16. Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества — Предсѣдатель Графиня Прасковья Сергѣевна Уварова, секретарь Влад. Конст. Трутовскій, Дм. Ив. Иловайскій, Леон. Мих. Савеловъ, Ал-ръ Солом. Хахановъ, Хр. Ив. Кучукъ-Юаннесовъ, Вас. Ал. Городцовъ, Ал. Ал. Покровскій, Ал-ръ Дм. Григорьевъ, Іос. Карл. Линдеманъ, Фр. Вл. Баллодъ, Ил. Ник. Бороздинъ, Бор. Ив. Дунаевъ, Игн. Як. Стелецкій, Сем. Дм. Щербакъ.

17. Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ — проф. Д. И. Багал'ѣй, Н. Θ. Сумцовъ, А. П. Кадлубовскій, В. П. Бузескулъ, І. А. Бродовичъ, В. И. Савва, М. А. Масловъ, В. И. Веретенниковъ, Г. Ю. Ирмеръ, И. П. Вахомскій, В. А. Барвинскій, Э. Г. Гинце, Д. П. Миллеръ, Н. Н. Кноррингъ, Е. М. Ивановъ, Н. Г. Плесскій и А. И. Бѣлецкій.

18. Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ — предсѣдатель проф. Серг. Гр. Вилинскій, Вл. Ив. Василенко, Хр. Петр. Янцуржинскій.

19. Историческаго Общества Нестора-Лѣтописца при Императорскомъ Университетѣ Св. Владиміра — проф. Митр. Викт. Довнаръ-Запольскій, проф. Вас. Еф. Данилевичъ, Н. П. Василенко, Дм. Вас. Туткевичъ, Н. И. Корневскій, проф. Ю. А. Кулаковский и проф. Г. Г. Павлуцкій.

20. Общества Археологін, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ — Ник. Конст. Горталовъ и Мих. Мих. Хомяковъ.

21. Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества — проф. Алексѣй Афан. Дмитріевскій.

22. Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ Кн. Безбородко — Г. А. Максимовичъ и Секретарь общества П. А. Заболотскій.

23. Сѣверо-Западнаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества — Дмитрій Ивановичъ Довгялло.

24. Общества Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ — Владиміръ Владиміровичъ Каллашъ.

25. Императорскаго Общества любителей Древней Письменности — Владиміръ Владиміровичъ Майковъ и Антонъ Викторовичъ Преображенскій.

26. Эстляндскаго Литературнаго Общества — Д-ръ философіи Баронъ Пав. Юл. фонъ-деръ Остенъ-Сакенъ.

27. Новгородскаго Общества любителей Древности — Ал-ръ Ив. Анисимовъ, Ив. Вас. Аничковъ, А. А. Левитъ, Мих. Вал. Муравьевъ, Вал. Ал. Подобѣдовъ, И. С. Романцевъ, Леон. Ник. Целепи, А. П. Шумейко, Петр. Льв. Гусевъ и Леонъ Владисл. Вильконскій.

28. Общества Земледѣлія при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ — Ник. Θεод. Ареньевъ.

29. Кіевскаго Общества Охраны Памятниковъ Старинны и Искусства — проф. Митр. Викт. Довнаръ-Запольскій, проф. прот. Θεод. Ив. Титовъ и подполковникъ Стеллецкій.

30. Псковскаго Археологическаго Общества — Предсѣдатель Общества и Предводитель Дворянства Ник. Павл. Лавриновскій, Отто-Ив. Парли, Соф. Петр. Гилейнъ

фонъ-Гембицъ, Серг. Ив. Зубчаниновъ, Арт. Генр. Готлибъ, Ал-дръ Сем. Хвоинскій и профессоръ Ил. Ал-др. Шляпкинъ.

31. Историко-Родословнаго Общества въ Москвѣ — Леон. Мих. Савеловъ, Кн. Мар. Ник. Щербатова, Гр. Нат. Мих. Соллогубъ, Гр. Ел. Θεод. Соллогубъ, Мих. Як. Баляснй, Бар. Соф. Мих. Энгельгардтъ, Ил. Ник. Бороздинъ, Ник. Петр. Чулковъ.

32. Московскаго Нумизматическаго Общества — Влад. Конст. Трутовскій, Сергѣй Ив. Чижевъ и Иос. Карл. Линдеманъ.

33. Ученаго Эстонскаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ — Д-ръ Шлютеръ и проф. Р. Гаусманъ.

34. Церковно-Историческаго и Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи — профессора: Ник. Ив. Петровъ, прот. Θεод. Ив. Титовъ и доц. Вас. Дм. Прилуцкій.

35. Кіевскаго Общества Древностей и искусствъ — проф. прот. Іоаннъ Корольковъ.

36. Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества — профессоръ Ник. Ив. Веселовскій, Петръ Ив. Бѣлавенецъ, Андр. Георг. Елчаниновъ, Георг. Эдуард. Кудлингъ, Фр. Ад. Ниневе, Ник. Мих. Печенкинъ, Ник. Конст. Рерихъ, Конст. Конст. Романовъ, Мих. Конст. Соколовскій, Ал. Вл. Шварцъ, Серг. Раф. Языковъ.

37. Калужскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Общества — старшина Общества Ив. Θεод. Цвѣтковъ, Бор. Андр. Бѣляевъ.

38. Орловскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Общества — профессоръ Ив. Евс. Евсѣевъ и Вс. Рост. Апухтинъ.

39. Подольскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Общества — прот. Евф. Иос. Сѣцинскій и Ник. Ив. Бычковскій.

40. Холмскаго Православнаго Свято-Богородицкаго Братства — Θεод. Вас. Каралловъ.

41. Калужскаго Общества изученія Природы мѣстнаго края — Ал-дръ Ив. Колмогоровъ.

42. Комиссіи для составленія Діалектологической карты Русскаго языка, состоящей при отдѣленіи Русскаго языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ — Ник. Ник. Дурново, Ал-дръ Дм. Григорьевъ, Ник. Павл. Кашинъ, Арк. Ст. Мадуевъ, Ник. Ник. Соколовъ и Дм. Ник. Ушаковъ.

43. Иконописной Палаты Донскаго Монастыря имени Н. Д. Селезнева — Алексѣй Ив. Некрасовъ.

44. Полтавскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета — Вл. Ал-др. Пархоменко.

45. Воронежскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета — Серг. Ник. Введенскій, Тих. Митр. Олейниковъ.

46. Императорской Академіи Художествъ — Влад. Вас. Сусловъ.

47. Московскаго Археологическаго Института — Леон. Мих. Савеловъ.

48. С.-Петербургскихъ Высшихъ женскихъ Курсовъ — Бор. Дм. Грековъ.

49. С.-Петербургскаго Главнаго Артиллерійскаго Управленія — полковникъ Д. П. Струковъ.

50. Императорскаго Россійскаго Музея имени Императора Александра III — Князь Ник. Серг. Щербатовъ, Петръ Ив. Щукинъ, Алек. Вас. Орѣшниковъ, Вяч. Ник. Щепкинъ, Вас. Ал. Городцовъ, Конст. Ст. Кузьминскій, Ник. Ник. Кононовъ, Евг. Ѳед. Коршъ и Ив. Мемн. Тарабринъ.
51. Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ — Юр. Вл. Готье, Сем. Осип. Долговъ, Ник. Андр. Янчукъ и В. В. Богдановъ.
52. Музея Стараго Петербурга — Ал-др. Серг. Раевскій.
53. Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей — Андр. Ал-др. Титовъ и Д. А. Ивановъ.
54. Екатеринославскаго Областнаго Музея имени Н. А. Поля — Директоръ Дм. Ив. Эварницкій.
55. Кіевскаго Художественно-Промышленнаго и Научнаго Музея имени Государя Императора Николая Александровича — проф. Вас. Еф. Данилевичъ.
56. Тверскаго Историко-Археологическаго Музея — Вл. Ив. Колосовъ.
57. Комитета Угличскаго Музея Древностей — священникъ Ник. Ал. Воскресенскій.
58. Тульской Епархіальной Палаты Древностей — Ник. Ив. Троицкій и Вл. Дм. Сорокоумовскій.
59. Департамента Герольдіи — Вас. Егор. Рудаковъ и Владсл. Кресц. Лукомскій.
60. Московскаго Архитектурнаго Общества — Ник. Вас. Никитинъ, Ив. Павл. Машковъ, Ал-др. Фелиц. Мейснеръ, Серг. Устин. Соловьевъ, Ник. Селив. Курдюковъ, Ал. Петр. Новицкій.
61. Императорскаго С.-Петербургскаго Общества Архитекторовъ — Роб. Руд. Бекеръ.
62. Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ — С. А. Бѣлокуровъ, С. К. Богоявленскій и Н. В. Рождественскій.
63. Московскаго Архива Министерства Юстиціи — Игн. Яков. Стеллецкій.
64. Московскаго Отдѣленія Общаго архива Министерства Императорскаго Двора — Леон. Мих. Савеловъ, С. Н. Кологривовъ и Б. С. Пушкинъ.
65. Императорской Археографической Комиссіи — Н. М. Каринскій и А. Е. Прѣсняковъ.
66. Витебской Ученой Архивной Комиссіи — Вас. Сер. Арсеньевъ, Вяч. Петр. Ѳедоровичъ, Ник. Ник. Богородскій, Ник. Дм. Заринъ, Влад. Павл. Цѣхановецкій и Ол. Ал-др. Арсеньева.
67. Владимірскаго Губернскаго Ученой Архивной Комиссіи — Ник. Ник. Ушаковъ.
68. Воронежскаго Ученой Архивной Комиссіи — священникъ Ст. Ег. Звѣревъ, Вл. Дм. Языковъ, Мих. Кл. Паренаго, Ал-др. Ив. Мартиновичъ, Мих. Ник. Цисаревъ, Тих. Митр. Олейниковъ, Над. Петр. Юргенсонъ, Марг. Петр. Юргенсонъ.
69. Екатеринославской Ученой Архивной Комиссіи — Д. И. Дорошенко, В. В. Даниловъ и А. С. Синяевскій.
70. Калужскаго Ученой Архивной Комиссіи — Д. И. Малининъ, В. И. Халаевъ, П. А. Незнамовъ и М. П. Носковскій.

71. Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссіи — Священникъ П. А. Алмазовъ, И. В. Баженовъ, Д. Н. Сизовъ и И. А. Рязановскій.
72. Курской Губернской Ученой Архивной Комиссіи — Ал-др. Ник. Кобылинъ, Георг. Ил. Булгаковъ, Серг. Вас. Быковъ, Княгиня Нина Феод. Енгальчева, Ник. Ив. Златоверховниковъ, Ал-др. Ал-др. Кандауровъ, Вик. Павл. Каншинъ, Конст. Ник. Родионовъ, Конст. Петр. Сосновскій, Ник. Конст. Чепуринъ и Петр. Григ. Поповъ.
73. Нижегородской Ученой Архивной Комиссіи — В. Н. Сторожевъ, Н. Н. Иорданскій, Андр. Кипр. Кабановъ. Фед. Вяч. Ржига и Серг. Вас. Рождественскій.
74. Полтавской Губернской Ученой Архивной Комиссіи — Лев. Вас. Падалка и Ив. Фр. Павловскій.
75. Рязанской Губернской Ученой Архивной Комиссіи — А. В. Селивановъ, Ст. Д. Яхонтовъ и И. И. Проходцовъ.
76. Саратовской Губернской Ученой Архивной Комиссіи — Ал-др. Ал-др. Гераклитовъ.
77. Таврической Ученой Архивной Комиссіи — Хр. П. Ящуржинскій, Ив. Андр. Линниченко и П. В. Масловъ.
78. Тверской Ученой Архивной Комиссіи — Ив. Ал-др. Ивановъ, Ив. Ал-др. Виноградовъ, Тира От. Соколовская, Мих. Конст. Соколовскій, Андр. Ал-др. Титовъ, Ал-др. Фед. Селивановъ, Фед. Ал-др. Виноградовъ, Ал-др. Георг. Платоновъ, Дм. Ив. Скворцовъ, Серг. Ник. Введенскій, Вл. Вас. Ливотовъ, Еф. Вас. Ливотовъ и Пав. Фед. Симсонъ.
79. Черниговской Губернской Ученой Архивной Комиссіи — Ал-др. Конст. Рачинскій и Вал. Андр. Шугаевскій.
80. Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета — Дм. Гер. Тюменевъ.
81. Новгородскаго Городскаго Общественнаго Управленія — Городской Голова Ал-др. Ал-др. Соловьевъ и Гласный Думы Ив. Ст. Романцевъ.
82. Новгородской Губернской Земской Управы — М. А. Прокофьевъ, И. В. Аничковъ, М. В. Муравьевъ.
83. Новгородской Уѣздной Земской Управы — Мих. Вал. Муравьевъ и Леонидъ Ник. Целепи.

Члены Съѣзда.

- Айлію, Юлій Ивановичъ. (Гельсингфорсъ).
- Александровъ, Александръ Николаевичъ. (Черкасы, Кіевской губ.).
- Алексѣева, Марія Кузминична. (Новгородъ).
- Альмгренъ, Оскаръ Оскаровичъ. (Стокгольмъ).
- Анастасій, Игуменъ. (Новгородъ).
- Андреевъ, Алексѣй Ильичъ. (Новгородъ).
- Андріашевъ, Александръ Михайловичъ. (Петербургъ).
- Анисимовъ, Александръ Ивановичъ. (Новгородъ).
- Анисимовъ, Иванъ Никифоровичъ. (Новгородъ).

Аничкова, Анна Митрофановна. (Петербургъ).
Аничковъ, Евгений Васильевичъ. (Петербургъ).
Аничковъ, Иванъ Васильевичъ. (Новгородъ).
Апостоловъ, Леонидъ Яковлевичъ. (Ставрополь губ.),
Аппельгрень-Кивало, Яльмеръ Васильевичъ. (Гельсингфорсъ).
Апухтинъ, Всеволодъ Ростиславовичъ. (Москва).
Аралова, Марія Николаевна. (С.-Пб. Павловскъ).
Арбузовъ, Леонидъ Леонидовичъ. (Рига).
Арепьевъ, Николай Ѳедоровичъ. (Петербургъ).
Арне, Туръ Ивановичъ. (Стокгольмъ).
Арсеній, Архіепископъ Новгородскій и Старорусскій.
Архангельскій, Сергій Николаевичъ. (Новгородъ).
Афанасьевъ, Петръ Васильевичъ. (Новгородъ).
Бабкинъ, Николай Алексѣевичъ, священникъ. (Новгородъ).
Багалъй, Дмитрій Ивановичъ, профессоръ. (Харьковъ).
Баженовъ, Иванъ Васильевичъ. (Кострома).
Базанкуръ, Ольга Георгіевна. (Петербургъ).
Балицкій, Григорій Васильевичъ. (Москва).
Баранбоимъ, Константинъ Николаевичъ. (Москва).
Барвинскій, Викторъ Александровичъ. (Харьковъ).
Бархоткинъ, Михаилъ Ивановичъ. (Новгородъ).
Беккеръ, Робертъ Рудольфовичъ. (Петербургъ).
Беклемишевъ, Николай Николаевичъ. (Петербургъ).
Бережковъ, Михаилъ Николаевичъ. (Нѣжинъ).
Беценбергеръ, Адальбертъ, профессоръ. (Кенигсбергъ).
Беценбергеръ, Елена. (Кенигсбергъ).
Билинскій, Витольдъ Венедиктовичъ. (Новгородъ).
Благовѣщенскій, Николай Михайловичъ. (Новгородъ).
Богородскій, Николай Николаевичъ. (Витебскъ).
Богословскій, Михаилъ Михайловичъ. (Москва).
Богоявленскій, Сергій Константиновичъ. (Москва).
Бодовскій, Никита Петровичъ. (Новгородъ).
Бороздинъ, Илья Николаевичъ. (Москва).
Бродовичъ, Іосифъ Александровичъ, профессоръ. (Харьковъ).
Брониковъ, Николай Александровичъ. (Рыбинскъ).
Бузескуль, Владиславъ Петровичъ, профессоръ. (Харьковъ).
Бузескуль, Екатерина Гавриловна. (Харьковъ).
Булгаковъ, Николай Александровичъ. (Петербургъ).
Булгакова, Елизавета Каллистратовна. (Петербургъ).
Булычевъ, Петръ Васильевичъ. (Петербургъ).
Бурнашевъ, Михаилъ Николаевичъ. (Логойскъ).
Бурылинъ, Дмитрій Геннадіевичъ. (Новгородъ).

Быстровъ, Алексѣй Павловичъ. (Новгородъ).
Бѣдновъ, Василій Алексѣевичъ. (Екатеринославъ).
Бѣлавенецъ, Петръ Ивановичъ. (Петербургъ).
Бѣлавинъ, Алексѣй Михайловичъ, протоіерей. (Гатчина).
Варикъ, Ларіонъ Алексѣевичъ. (Новгородъ).
Варсонофій, архимандритъ. (Новгородъ).
Василенко, Владимиръ Ивановичъ. (Одесса).
Ваучскій, Александръ Николаевичъ, священникъ. (Новгородъ).
Вахомскій, Иванъ Павловичъ. (Харьковъ).
Введенскій, Сергѣй Николаевичъ. (Задонскъ).
Весгумскій, Василій Ивановичъ. (Новгородъ).
Вейнеръ, Петръ Петровичъ. (Петербургъ).
Веревкинъ, Иванъ Павловичъ. (Гатчина).
Веретенниковъ, Василій Ивановичъ. (Харьковъ).
Вертоградскій, Василій Ивановичъ. (Новгородъ).
Вилинскій, Сергѣй Григорьевичъ, профессоръ. (Одесса).
Вильконскій, Леонъ Владиславовичъ. (Новгородъ).
Виноградовъ, Иванъ Александровичъ. (Тверь).
Виноградовъ, Ѳеодоръ Александровичъ. (Петербургъ).
Виталь, Алексѣй Алексѣевичъ. (Егорьевскъ).
Витебская Ученая Архивная Комиссія. (Витебскъ).
де-Виттъ, Анна Михайловна. (Юрьевъ).
Владиміровъ, Петръ Владимировичъ.
Воейковъ, Павелъ Дмитріевичъ. (Петербургъ).
Войкъ, Михаилъ Васильевичъ, священникъ. (Новгородъ).
Воронова, Прасковія Васильевна. (Новгородъ).
Вороновъ, Андрей Петровичъ. (Петербургъ).
Воронцовъ-Вельяминовъ, Владимиръ Ивановичъ. (Новгородъ).
Воскресенскій, Николай Алексѣевичъ, священникъ. (Угличъ).
Воскресенскій, Павелъ Михайловичъ, священникъ. (Новгородъ).
Галле, Фанни. (Вѣна).
Гальнбекъ, Иванъ Андреевичъ. (Левашово, бл. С.-Пб.).
Гальштрёмъ, Густавъ Августовичъ, профессоръ. (Стокгольмъ).
Гаусманъ, Рихардъ Францевичъ, профессоръ. (Юрьевъ).
Гедевскій, Андрей Васильевичъ. (Новгородъ).
Гейнике, Николай Александровичъ. (Москва).
Гераклитовъ, Александръ Александровичъ. (Саратовъ).
Герасимовъ, Викторъ Ѳеодоровичъ. (Новгородъ).
Гилейнъ-фонъ-Гембицъ, Софія Петровна. (Псковъ).
Гинтовтъ, Александръ Іосифовичъ. (Новгородъ).
Гинце, Генрихъ Эдуардовичъ. (Харьковъ).
Гиѣвушевъ, Андрей Михайловичъ. (Кіевъ).

Гоголь, Леонъ Семеновичъ. (Новгородъ).
Голицынъ, князь Павелъ Павловичъ. (Новгородъ).
Головановъ, Иванъ Андреевичъ. (Новгородъ).
Голубевъ, Степанъ Тимоѣевичъ, профессоръ. (Кіевъ).
Горлицынъ, Владимиръ Николаевичъ. (Новгородъ).
Горлицына, Фелица Васильевна. (Новгородъ).
Горталовъ, Николай Константиновичъ. (Казань).
Готцъ, Отто, профессоръ. (Позенъ).
Грековъ, Борисъ Дмитриевичъ. (Петербургъ).
Григорьевъ, Никита Григорьевичъ. (Новгородъ).
Громцевъ, Николай Викторовичъ. (Новгородъ).
Грешищевъ, Николай Евгеньевичъ. (Новгородъ).
Гусевъ, Петръ Львовичъ. (Петербургъ).
Гутцейтъ, Владимиръ Ѳедоровичъ. (Новгородъ).
Дамбергъ, Эрнестъ Ѳедоровичъ.
Дампель, Евгенийъ Христофоровичъ. (Перновъ).
Данилевичъ, Василий Ефимовичъ, прив.-доц. (Кіевъ).
Дворянскій, Петръ Ивановичъ. (Новгородъ).
Деммени, Михаилъ Гуговичъ. (Петербургъ).
Деммени, Нина Александровна. (Петербургъ).
Денике, Борисъ Петровичъ, прив.-доц. (Казань).
Дмитрій, епископъ Рязанскій. (Рязань).
Дмитріевскій, Алексѣй Афанасевичъ, профессоръ. (Петербургъ).
Добродинъ, Павелъ Алексѣевичъ. (Новгородъ).
Доброва, Нина Ивановна. (Новгородъ).
Доброклонскій, Александръ Павловичъ. (Одесса).
Довгялло, Дмитрій Ивановичъ. (Вильна).
Довнаръ-Запольскій, Митрофанъ Викторовичъ, профессоръ. (Кіевъ).
Долговъ, Семенъ Осиповичъ. (Москва).
Дольскій, Александръ Львовичъ. (Воронежъ).
Дореръ, Иванъ Ивановичъ. (Новгородъ).
Драницынъ, Константинъ Павловичъ. (Новгородъ).
Дударева, Валентина Александровна. (Москва).
Дурново, Николай Николаевичъ, прив.-доц. (Харьковъ).
Евсѣевъ, Иванъ Евсѣевичъ, профессоръ. (Петербургъ).
Елагинъ, Николай Сергѣевичъ. (Бѣлевъ).
Ефимовъ, Иванъ Васильевичъ. (Новгородъ).
Жиглевичъ, Иванъ Ивановичъ.
Заболотскій, Петръ Александровичъ, профессоръ. (Нѣжинъ).
Завьяловъ Іоаннъ Іоанновичъ, священникъ. (Кашинъ).
Залѣсскій, Константинъ Гавриловичъ. (Новгородъ).
Звѣржковская, Надежда Бернардовна. (Петербургъ).
Труды XV Съезда. Т. I.

- Здравомысловъ, Константинъ Яковлевичъ. (Петербургъ).
Земмель, Гуго Георгіевичъ. (Венденъ).
Зигель, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, профессоръ. (Варшава).
Знаменская, Елизавета Алексѣевна. (Новгородъ).
Ивановъ, Андрей Венедиктовичъ. (Новгородъ).
Ивановъ, Владимиръ Апполоновичъ. (Новгородъ).
Ивановъ, Владимиръ Дмитріевичъ. (Псковъ).
Изюмовъ, Александръ Филаретовичъ. (с. Озерки, Костр. губ.).
Иконниковъ, Владимиръ Степановичъ, профессоръ. (Кіевъ).
Иловайскій, Дмитрій Ивановичъ. (Москва).
Ильинскій, Григорій Андреевичъ, профессоръ. (Нѣжинъ).
Ильинскій, Михаилъ Петровичъ, священникъ. (ст. Окуловка, Ник. ж. д.).
Ингорскій-Ленкевичъ, Петръ Михайловичъ. (Новгородъ).
Іовъ, Марина Еммануиловна. (Либава).
Іодковскій, Іосифъ Іосифовичъ. (Москва).
Іувеналій, архимандритъ. (Новгородъ).
Кабановъ, Андрей Кирсановичъ. (Нижній-Новгородъ).
Кабановъ, Макарій Дмитріевичъ. (Москва).
Кавунъ, Иванъ Никитичъ. (Петербургъ).
Кадлубовскій, Арсеній Петровичъ, профессоръ. (Харьковъ).
Казаковъ, Георгій Михайловичъ. (Псковъ).
Казанскій Музей отечествовѣдѣнія. (Казань).
Калачевъ.
Калужское Общество изученія природы мѣстнаго края. (Калуга).
Калужская Ученая Архивная Комиссія. (Калуга).
Катеръ, Александръ Ивановичъ. (Новгородъ).
Катеръ, Вѣра Александровна. (Новгородъ).
Карабиновъ, Иванъ Александровичъ. (Петербургъ).
Карге, Павелъ. (Кенигсбергъ).
Карповъ, Ростиславъ Александровичъ.
Карташевъ, Михаилъ Степановичъ. (Чугуевъ, Харьковской губ.).
Касухинъ, Махаилъ Семеновичъ. (Новгородъ).
Кашинъ, Николай Павловичъ. (Москва).
Квашонкинъ, Василій Александровичъ. (Новгородъ).
Кедринскій, Михаилъ Антоновичъ. (Новгородъ).
Климковскій, Николай Наркизовичъ. (Петербургъ).
Кобылинъ, Александръ Николаевичъ. (Курскъ).
Коваленскій, Михаилъ Николаевичъ. (Либава).
Козловскій, Иванъ Павловичъ, профессоръ. (Варшава).
Колмогоровъ, Александръ Ивановичъ. (Москва).
Колоколова, В. П. (Новгородъ).
Кондрашевъ, Александръ Савичъ. (Новгородъ).

- Конкординъ, Анатолій Ивановичъ, прот. (Новгородъ).
Константиновъ, А. А. (Великіе Луки).
Коралловъ, Ѳеодоръ Васильевичъ. (Сѣдлецъ).
Корольковъ, Иванъ Николаевичъ, протоіерей. (Кіевъ).
Костянская, Варвара Александровна. (Полтава).
Крамаревъ, Александръ Яковлевичъ. (Новгородъ).
Красновскій, Петръ Ивановичъ. (Петербургъ).
Кржимтоловичъ, Николай Ивановичъ. (Новгородъ).
Крижановская, Наталья Витольевна. (Петербургъ).
Круазе-ванъ-деръ-Копъ, Анна Арнольдовна. (Петербургъ).
Крыловъ, Левъ Ивановичъ, священникъ. (Тверь).
Курцъ, Борисъ Григорьевичъ. (Кіевъ).
Кутейниковъ, Василій Артемьевичъ. (Подберезье, Новгор. губ.).
Кучинскій, Андрей Прокофьевичъ. (Новгородъ).
Лапшо-Данилевскій, Алекс. Серг., академикъ. (Петербургъ).
Лахтинъ, Михаилъ Юрьевичъ. (Москва).
Лебедевъ, Евгений Евгеньевичъ. (Порховъ).
Лебедевъ, Иванъ Ивановичъ. (Орелъ).
Левитъ, Александръ Александровичъ. (Новгородъ).
Левицкій, С. А.
Лерхе Елизавета Владимировна. (Петербургъ).
Лерхе, Софія Эдуардовна. (Петербургъ).
Либбергъ, Гергардтъ Ивановичъ. (Новгородъ).
Лихотовъ, Ефремъ Васильевичъ. (Холмъ).
Лимонтъ-Иванова, Наталья Владимировна. (Парижъ).
Линдеманъ, Іосифъ Карловичъ. (Москва).
Линниченко, Иванъ Андреевичъ, профессоръ. (Одесса).
Линьковъ, Николай Дмитріевичъ. (Петербургъ).
Лихарева, Наталья Ивановна. (Петербургъ).
Лопаревъ, Хрисанфъ Меводьевичъ. (Петербургъ).
Лопухина, Нина Сидоровна. (Новгородъ).
Лопухинъ, Викторъ Александровичъ. (Новгородъ).
Лоскутовъ, Василій Евстигнѣевичъ. (Псковъ).
Лукомскій, Владиславъ Кресцентьевичъ. (Петербургъ).
Лучинскій, Дмитрій Лаврентьевичъ. (Петербургъ).
Ляпустинъ, Александръ Сергѣевичъ, священникъ. (Псковъ).
Ляскоронскій, Василій Григорьевичъ, профессоръ. (Нѣжинъ).
Магула, Герасимъ Афанасьевичъ. (Петербургъ).
Магула, Пинна Константиновна. (Петербургъ).
Мадуевъ, Аркадій Степановичъ.
Майковъ, Владимиръ Владимировичъ. (Петербургъ).
Майкова, Марія Степановна. (Петербургъ).

Максютенко, Борисъ Михайловичъ. (Петрозаводскъ).
Макшеева, Наталья Алексѣевна. (Петербургъ).
Малининъ, Дмитрій Ивановичъ. (Калуга).
Маловъ, Алексѣй Ѳеодоровичъ. (Петербургъ).
Малюковскій, Иванъ Афремовичъ. (Новгородъ).
Манинъ, Марій Ипполитовичъ. (Петербургъ).
Марксъ, Никандръ Александровичъ. (Москва).
Масловскій, Константинъ Ѳеодоровичъ. (Новгородъ).
Матѣевскій, Сергѣй Константиновичъ. (Новгородъ).
Фонъ-Мейеръ, Георгій Карловичъ. (Новгородъ).
Мельникова, Марья Андреевна. (Витебскъ).
Миллеръ, Дмитрій Петровичъ. (Харьковъ).
Мироновъ, Александръ Александровичъ. (Петербургъ).
Мисѣвичъ, Владимиръ Іосифовичъ. (Новгородъ).
Михайловъ, Александръ Васильевичъ. (Варшава).
Михальскій, Андрей Григорьевичъ. (Полтукъ).
Мозовскій, Константинъ Петровичъ. (Новгородъ).
Моисеевъ, Иванъ Александровичъ. (Курскъ).
Мордвиновъ, И. П. (Тихвинъ).
Морозовъ, Ѳеодоръ Михайловичъ. (Петербургъ).
Муравьевъ, Михаилъ Валерьяновичъ. (Новгородъ).
Муравьева, Людмила Анатольевна. (Новгородъ).
Мятлевъ, Николай Владимировичъ. (Орель).
Незнамовъ, Петръ Александровичъ. (Ярославль).
Некрасовъ, Сергѣй Семеновичъ. (Петербургъ).
Некрасовъ, Алексѣй Ивановичъ. (Москва).
Никифоровскій, Анатолій Васильевичъ. (Новгородъ).
Ниневе, Фридрихъ Адольфовичъ. (Петербургъ).
Нарбековъ, Василій Андреевичъ, профессоръ. (Казань).
Носковскій, Михаилъ Павловичъ. (Медынь).
Окуневъ, Александръ Николаевичъ. (Петербургъ).
Олейниковъ, Тихонъ Митрофановичъ. (Воронежъ).
Оренбургская Ученая Архивная Комиссія. (Оренбургъ).
Остенъ-Сакенъ, баронъ Павелъ Юльевичъ. (Ревель).
Павловскій, Александръ Александровичъ, профессоръ. (Одесса).
Павлуцкій, Григорій Григорьевичъ, профессоръ. (Кіевъ).
Падалка, Левъ Васильевичъ. (Полтава).
Пархоменко, Владимиръ Александровичъ. (Полтава).
Петрова, Прасковья Степановна. (Петербургъ).
Петровъ, Степанъ Ивановичъ. (Новгородъ).
Писаревскій, Григорій Григорьевичъ. (Варшава).
Платоновъ, Александръ Георгіевичъ. (Тверь).

- Погожева, Лидія Николаевна, (Сергіевъ-Посадъ).
Подольское Историко-Археологическое Общество. (К.-Подольскъ).
Покровский, Аркадій Михайловичъ. (Новгородъ).
Покровский, Арсений Васильевичъ, священникъ. (Вышній-Волочокъ).
Покровский, Николай Васильевичъ, профессоръ. (Петербургъ).
Половцева, Софья Александровна. (Петербургъ).
Полонская, Наталья Дмитровна. (Кіевъ).
Полянскій, Маркъ Ивановичъ. (Ковровъ).
Пономаревъ, Василій Ивановичъ. (Казань).
Поповъ, Александръ Петровичъ. (Кронштадтъ).
Преображенскій, Антонинъ Викторовичъ. (Петербургъ).
Прилуцкій, Василій Дмитриевичъ. (Кіевъ).
Приселковъ, Михаилъ Дмитриевичъ. (Петербургъ).
Пришвинъ, Михаилъ Михайловичъ. (Петербургъ).
Проскурниковъ, Тимофей Васильевичъ. (Короча).
Прудентовъ, Петръ Михайловичъ. (Новгородъ).
Псковитиновъ, Евгенийъ Константиновичъ. (Петербургъ).
Псковское Археологическое Общество. (Псковъ).
Раевскій, Александръ Сергѣевичъ. (Петербургъ).
Ржига, Ѳедоръ Вячеславовичъ. (Москва).
Рождественскій, Алексѣй Ефимовичъ, протоіерей. (Новгородъ).
Романцева, Александра Григорьевна. (Новгородъ).
Романцевъ, Иванъ Степановичъ. (Новгородъ).
Ростовъ, Николай Николаевичъ. (Новгородъ).
Рубакинъ, Михаилъ Александровичъ (Новгородъ).
Рудаковъ, Василій Егоровичъ. (Петербургъ).
Рязановскій, Иванъ Александровичъ. (Кострома).
Рыльскій, Иванъ Васильевичъ. (Москва).
Савва, Владимиръ Ивановичъ, профессоръ. (Харьковъ).
Савеловъ, Леонидъ Михайловичъ. (Москва).
Садовниковъ, Павелъ Ивановичъ. (Новгородъ).
Самбурскій, Константинъ Ивановичъ. (Ичня, Борзенск. у., Черниговской губ.).
Семеновскій, Іоаннъ Іоанновичъ, протоіерей. (Новгородъ).
Сидорова, Вѣра Владимировна. (Петербургъ).
Симони, Павелъ Константиновичъ. (Петербургъ).
Симсонъ, Павелъ Ѳедоровичъ. (Ржевъ).
Синяевскій, Антонъ Степановичъ. (Екатеринославъ).
Скобѣевъ, Василій Васильевичъ. (Новгородъ).
Слезкинская, Зинаида Аркадьевна. (Новгородъ).
Смирнова, Фаина Михайловна. (Новгородъ).
Смирновъ, Сергѣй Ивановичъ. (Сергіевъ-Посадъ).
Смирновъ, Сергѣй Николаевичъ. (Петербургъ).

Смирновъ, Яковъ Ивановичъ. (Петербургъ).
Сметанина, Ольга Аѳанасьевна. (Новгородъ).
Соболевскій, Алексѣй Ивановичъ, академикъ. (Петербургъ).
Соболевъ, Дмитрій Платоновичъ. (Новгородъ).
Соболевъ, Сергѣй Павловичъ. (Новгородъ).
Сойкелли, Карлъ. (Гельсингфорсъ).
Соколова, Зоя Семеновна. (Москва).
Соколовская, Тира Оттовна. (Петербургъ).
Соколовскій, Владимиръ Яковлевичъ. (Новгородъ).
Соколовскій, Михаилъ Константиновичъ. (Петербургъ).
Соколовъ, Борисъ Матвѣевичъ. (Москва).
Соколовъ, Платонъ Петровичъ. (Кіевъ).
Соколовъ, Николай Николаевичъ. (Москва).
Соколовъ, Юрій Матвѣевичъ. (Москва).
Соловова, Зинаида Павловна. (Новгородъ).
Соловьевъ, Александръ Александровичъ. (Новгородъ).
Солодовъ, Дмитрій Васильевичъ. (Бѣлгородъ).
Сорокоумовскій, Владимиръ Дмитріевичъ. (Тула).
Сосновскій, Константинъ Петровичъ. (Курскъ).
Спасскій, Петръ Никитичъ. (Новгородъ).
Стальновъ, Леонидъ Іоакимовичъ. (Новгородъ).
Сташевскій, Евгенийъ Дмитріевичъ. (Кіевъ).
Стеллецкій, Игнатій Яковлевичъ. (Москва).
Струковъ, Дмитрій Петровичъ. (Петербургъ).
Стяговъ, Николай Гавриловичъ. (Новгородъ).
Сусловъ, Владимиръ Васильевичъ. (Петербургъ).
Сѣверо-Западный Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.
Талызина, Елизавета Николаевна. (Новгородъ).
Талызинъ, Николай Андреевичъ. (Новгородъ).
Тарабринъ, Иванъ Мемноновичъ. (Москва).
Твердынскій, Александръ Павловичъ. (Новгородъ).
Твердынскій, Михаилъ Александровичъ. (Новгородъ).
Терлецкій, Игнатій Андреевичъ. (Керчь).
Титовъ, Андрей Александровичъ. (Ростовъ).
Тищенко, Андрей Вячеславовичъ. (Петербургъ).
Титовъ, Оедоръ Ивановичъ, профессоръ. (Кіевъ).
Толмачевъ, Владимиръ Яковлевичъ. (Петербургъ).
Томановская, Вѣра Леонидовна. (Новгородъ).
Томановскій, Дмитрій Петровичъ. (Новгородъ).
Триросовъ, Григорій Владимировичъ. (Новгородъ).
Трифилевъ, Евгенийъ Парфеновичъ. (Харьковъ).
Тройницкій, Сергѣй Николаевичъ. (Петербургъ).

Троицкій, Николай Ивановичъ. (Тула).
Троицкій, Сергѣй Николаевичъ. (Тула).
Трутовскій, Владимиръ Константиновичъ. (Москва).
Трусевичъ, Яковъ Ивановичъ. (Петербургъ).
Трухановъ, Александръ Андреевичъ. (Петербургъ).
Туренскій, Іона Дмитриевичъ. (Гатчина).
Турчаниновъ, Владимиръ Михайловичъ. (Орелъ).
Туткевичъ, Дмитрій Васильевичъ. (Кіевъ).
Тюменевъ, Дмитрій Герасимовичъ. (Воронежъ).
Тыркова, Наталья Викторовна. (Новгородъ).
Тырковъ, Алексѣй Сергѣевичъ. (Новгородъ).
Тырковъ, Владимиръ Алексѣевичъ. (Ст. Волхово, Ник. ж. д.).
Уварова, графиня Екатерина Алексѣевна. (Москва).
Уварова, графиня Прасковья Алексѣевна. (Москва).
Уварова, графиня Прасковья Сергѣевна. (Москва).
Ушаковъ, Дмитрій Николаевичъ.
Угличскій Музей Древностей. (Угличъ).
Ушаковъ, Николай Ильичъ. (Новгородъ).
Ушаковъ, Николай Николаевичъ. (Владиміръ губ.).
Фаддѣевъ, Александръ Дмитриевичъ. (Воронежъ).
Фатѣевъ, Аркадій Николаевичъ. (Харьковъ).
Федоровъ, Владимиръ Семеновичъ. (Новгородъ).
Федотовъ, Александръ Александровичъ. (Новгородъ).
Фейерейзенъ, Анна Карповна. (Рига).
Фейерейзенъ, Арнольдъ Ивановичъ. (Рига).
Фельдманъ, Юліанъ Іоанновичъ, пасторъ. (Новгородъ).
Финиковъ, Владимиръ Николаевичъ. (Новгородъ).
Флоридовъ, Александръ Алексѣевичъ.
Фонъ-Фрикенъ, Аркадій Александровичъ. (Колмово).
Фонъ-Фрикенъ, Наталья Георгіевна. (Колмово).
Халаевъ, Владимиръ Николаевичъ. (Калуга).
Хвойко, Викторъ Вячеславовичъ. (Кіевъ).
Хвоинскій, Александръ Семеновичъ. (Псковъ).
Холмское Свято-Богородское Братство. (Холмъ).
Хоцевичъ, Серафима Антоновна. (Новгородъ).
Цвѣтковъ, Александръ Ивановичъ. (Новгородъ).
Цвѣтковъ, Иванъ Ѳедоровичъ. (Калуга).
Целепи, Леонидъ Николаевичъ. (Петербургъ).
Чокалева, Клавдія Степановна. (Новгородъ).
Чокалевъ, Николай Григорьевичъ. (Новгородъ).
Чепуринъ, Николай Викторовичъ. (Новгородъ).
Чепурковскій, Ефимъ Михайловичъ. (Москва).

- Чижевъ, Сергѣй Ивановичъ. (Москва).
Чулковъ, Николай Петровичъ. (Москва).
Шамонинъ, Николай Николаевичъ. (Кострома).
Шляпкинъ, Илья Александровичъ, профессоръ. (Петербургъ).
Шнеевейсъ, Эдмундъ Францевичъ. (Австрія, Брюнъ).
Шоттъ, Александра Петровна. (Черниговъ).
Шрейберъ, Владимиръ Николаевичъ. (Новгородъ).
Фонъ-Штернъ, Эрнестъ Романовичъ, профессоръ. (Галле).
Штида, Людвигъ Христіановичъ, профессоръ. (Кенигсбергъ).
Шугаевскій, Валентинъ Андреевичъ. (Петербургъ).
Шумейко, Александръ Павловичъ. (Новгородъ).
Щербатова, княжна Марія Борисовна. (Петербургъ).
Щербатовъ, князь Николай Сергѣевичъ. (Москва).
Щусевъ, Алексѣй Викторовичъ. (Петербургъ).
Элкинъ, Алексѣй Ефимовичъ. (Петербургъ).
Экблосъ, Рихардъ Андреевичъ. (Стокгольмъ).
Эргле, Рихардъ Робертовичъ. (Новгородъ).
Эренбергъ, Алексѣй Георгіевичъ. (Новгородъ).
Языковъ, Сергѣй Рафаиловичъ. (Петербургъ).
Яниковскій, Иванъ Игнатъевичъ. (Новгородъ).
Яхонтовъ, Степанъ Дмитріевичъ. (Рязань).
Ящуржинскій, Хрисанфъ Петровичъ. (Умань).

Открытие XV Археологического Съезда.

22-го іюля въ 2 часа дня состоялось открытіе XV Археологическаго Съезда въ актовомъ залѣ мужской гимназіи.

Передъ открытіемъ въ гимназической церкви былъ отслуженъ соборно молебенъ Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Новгород. и старорусскимъ съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому, Святѣйшему Синоду, архіепископу Арсенію и членамъ Съезда. Передъ началомъ богослуженія Высокопреосвященнѣйшій Владыко Арсеній обратился къ присутствовавшимъ со слѣдующей рѣчью:

«Привѣтъ вамъ, мужи науки, любители отечественной старины. Любовь эта и собрала васъ сюда, въ старинный нашъ градъ, со всѣхъ концовъ обширной нашей родины и изъ другихъ странъ, чтобы, по слову псалмопѣвца, — «помянуть дни древніе и поучиться». Не сомнѣваюсь что эта любовь найдетъ здѣсь полное удовлетвореніе, а любознательность — богатую пищу для ума и сердца. Есть на Руси города, при одномъ имени которыхъ чувствуется вѣяніе какого-то особеннаго духа, которые окружаетъ отличная отъ другихъ городовъ атмосфера. Это — старинные наши города и это духъ русской старины, особенно же — древней русской святыни. Словомъ, — это родной духъ нашей Руси. Таковы: Кіевъ — мать городовъ русскихъ, Москва — сердце Россіи, господинъ Псковъ, Ростовъ, Смоленскъ и другіе; таковъ по преимуществу и Новгородъ — дѣдъ Русской земли. Болѣ 1000 лѣтъ онъ существуетъ. Онъ — колыбель русской государственности. Много событій, много разнообразныхъ судебъ и бурь пронеслось надъ нимъ, отъ времени перваго заселенія его грубыми язычниками, потомъ отъ утвержденія здѣсь христіанства, чрезъ весь періодъ русскихъ усобицъ. Благодаря историческимъ условіямъ Новгородъ вознесенъ былъ на высоту великой политической и церковной жизни. Характеръ этого величія сказанъ въ древнемъ духѣ Руси православной. Духъ этотъ называемъ «древнимъ» потому, что онъ изначала жилъ въ Руси и самобытно въ ней развивался, преимущественно въ древнія времена. Этотъ духъ самородный, независимый отъ преходящихъ условій времени, всегда вѣрный самому себѣ, неизмѣнный въ своихъ коренныхъ началахъ вѣры и народности, воспитанъ и утвердился силою и вліяніемъ православной Церкви, которая здѣсь, какъ и повсюду въ Россіи, дала всю нравственную и гражданскую мощь небольшому сначала народу и направляла событія его исторіи къ его росту и единству. Выразителями

этого духа въ Новгородѣ и его области были молитвенники и заступники земли русской — Св. благовѣрные Князья, Княгини и Святители, прославленные въ исторіи отечества нашего высотой и святостью подвижнической жизни своей и самоотверженными своими подвигами ради св. вѣры православной и блага дорогой нашей родины. Нетлѣнные мощи ихъ хранятся какъ здѣсь, — въ этомъ святомъ храмѣ, такъ и въ другихъ храмахъ древней Новгородской области. Памятниками этого древняго духа являются исконные храмы, возглавляемые Св. Софіею, вокругъ которыхъ сосредоточилась религіозная и общественная жизнь. Во главѣ ихъ была Св. Софія, которая была фокусомъ народной жизни и все тянулось къ ней. Одинъ и тотъ же колоколъ созывалъ народъ въ храмъ на молитву и вмѣстѣ съ тѣмъ — и на вѣче, для совмѣстнаго обсужденія общественныхъ и государственныхъ дѣлъ. Св. Софія была самою высшею и дорогою святынею и ея имя постоянно было у всѣхъ на устахъ. Съ мыслью о ней приступалъ древній Новгородецъ къ всякому болѣе или менѣе важному дѣлу, ею вдохновлялся и ободрялъ себя въ различныхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ и случаяхъ жизни, трудился и проливалъ за нее кровь и, наконецъ, съ ея же священнымъ именемъ на устахъ встрѣчалъ смерть. «Постоимъ за святую Софію!» говорили Новгородцы, разумѣя свой Софійскій соборъ, поднимаясь на враговъ. На всемъ протяженіи исторіи Новгородской земли, Св. Софія всегда почиталась, да почитается и донинѣй верховною хранительницею и покровительницею Новгорода, и самая окончательная судьба его, — послѣдній конецъ, еще издревле поставлены въ связь и соотношеніе съ однимъ изъ священныхъ изображеній, хранящихся въ ней.

«Благодаря тѣмъ же историческимъ обстоятельствамъ, Новгородъ потерялъ свое величіе, уступивъ его другимъ центрамъ. Онъ, по выраженію поэта, «тихо опочилъ». Теперь онъ — Святыня Руси, священная реликвія, предметъ поклоненія и изученія. Съ этою цѣлью и вы собрались сюда. Поклонитесь же ему и съ благоговѣніемъ изучайте его, сами поучаясь и насъ поучая. Старина — это то волшебное зеркало, въ которомъ въ перспективѣ вѣковъ мы видимъ себя, своихъ предковъ и каждую грань церковной, общественной и государственной жизни. Мы — новые поселенцы земли, связаны съ своими прародичами и съ ихъ идеалами, національными и религіозными, и, вообще, со всею ихъ жизнью, хотя и незримыми, но такими прочными нитями, порвать которыя не въ силахъ тотъ или другой народъ. Такая связь является непремѣннымъ условіемъ культуры, которая растетъ только на почвѣ ранѣе собранныхъ умственныхъ и нравственныхъ сокровищъ народа. Презрѣніе къ старинѣ — это именно признакъ некультурности извѣстнаго народа или лица и самый вѣрный показатель его паденія, а затѣмъ и уничтоженія. Изученіе старины показываютъ намъ на ряду со свѣтлыми сторонами много и темныхъ сторонъ прошлаго; на ряду съ правильными путями нашего совершенства — и ложные пути. Чтобы многому поучиться, чтобы избѣжать новыхъ ошибокъ, которыя дѣлали наши предки, нужно бережно собирать и хранить осколки этого волшебнаго зеркала времени, подбирая кусокъ за кускомъ, составляя одно общее цѣлое, — исторію нашего края, великой родины и цѣлаго міра. Сквозь сумракъ вѣковъ смот-

рять на васъ Великій Новгородъ, въ которомъ отобразилось лицо древней святой Руси. Вамъ предстоить задача открыть передъ нашими глазами и сердцами историческія черты этого серьезнаго лица, съ его мощнымъ духомъ и поучительнымъ голосомъ.

Богъ вамъ въ помощь, объ этомъ помолимся».

Послѣ Богослуженія всѣ присутствовавшіе направились въ актовъ залъ, гдѣ въ присутствіи Владыки Архіепископа Арсенія, епископа Сухумскаго Димитрія, г. Губернатора В. А. Лопухина, управляющаго С.-Петербургскимъ Учебнымъ Округомъ д. с. с. Остроумова, г. Вице-Губернатора д. с. с. С. Н. Дирина, Городскаго Головы А. А. Соловьева, Предсѣдателей и Секретарей Съѣзда, его Отдѣленій, Распорядительнаго Комитета, Предварительнаго Комитета, членовъ Съѣзда и многочисленной публики состоялось торжественное Засѣданіе открытія.

Управляющій С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ д. с. с. Остроумовъ, объявивъ, по порученію г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Съѣздъ открытымъ, привѣтствовалъ Съѣздъ отъ себя слѣдующими словами:

«На мою долю выпала высокая честь исполнить порученіе г. Министра Народнаго Просвѣщенія—присутствовать на открытіи XV Археологическаго Съѣзда.

Мѣстомъ для Съѣзда на этотъ разъ избранъ Новгородъ, Новгородъ Великій... Конечно, если разсматривать Новгородъ съ современной точки зрѣнія, съ той точки, съ которой оцѣнивается современное значеніе, процвѣтаніе и благосостояніе городовъ, если припомнить, что въ XIV столѣтіи Новгородъ имѣлъ до 400 тысячъ жителей, а теперь онъ не имѣетъ и десятой доли того, то Новгородъ, казалось-бы, не имѣетъ права на титулъ «великаго». Это бывшее величіе, былую славу Новгорода такъ трогательно оплакалъ поэтъ, сказавъ, что слава эта прожита, вѣче онѣмѣло, вольница отшумѣла, замолкъ вѣчевой колоколь... Но для васъ, господа, посвятившихъ свой досугъ археологін, и особенно для тѣхъ изъ васъ, кто подобно многоуважаемой графинѣ П. С. Уваровой, посвятилъ этому дѣлу всю свою жизнь, для васъ... нѣтъ и не для васъ только, а для всѣхъ насъ, для каждаго русскаго человѣка, любящаго свою родину, Новгородъ остается «великимъ». Отсюда пошла русская земля, здѣсь начало русскаго государства, здѣсь занялась заря исторической жизни, здѣсь мы видимъ первые проблески русской гражданственности, здѣсь, именно здѣсь, и только здѣсь, нѣмой свидѣтель всего этого — памятникъ тысячелѣтія Россіи. Умолкъ вѣчевой колоколь, но мы слышимъ здѣсь и сегодня слышали «звонъ Святой Софіи».

Новгородъ и Новгородская земля представляютъ такъ много интереснаго, поучительнаго, оригинальнаго, такъ много до-историческаго и историческаго, языческаго и христіанскаго, гражданскаго и церковнаго, что трудно все это въ немногихъ словахъ высказать и перечислить. Трудно указать другой городъ, который такъ соотвѣтствовалъ бы задачамъ и цѣлямъ Съѣзда. Это такой городъ, который создаетъ особый подъемъ духа, особое настроеніе... И я представляю, съ какимъ удовольствіемъ, обвѣянные сѣдою стариной, приступите вы къ вашимъ занятіямъ... Это такая старина, изученіе которой увлекаетъ, молодить...

Отъ всего сердца, отъ всей души желаю вамъ успѣха, полного успѣха въ вашихъ трудахъ и, исполняя порученіе г. Министра, имѣю честь объявить XV Всероссійскій Археологическій Сѣздъ открытымъ».

Послѣ сего онъ же прочелъ телеграмму г. Министра слѣдующаго содержанія: «Привѣтствуя открытіе XV Археологическаго Сѣзда, прошу передать Сѣзду пожеланія полного успѣха въ его работахъ. Министръ Народнаго Просвѣщенія Кассо».

Г. Губернаторъ привѣтствовалъ Сѣздъ слѣдующею рѣчью:

«Пользуясь предоставленной мнѣ возможностью высказаться въ настоящую минуту, я не буду утруждать многословной рѣчью почтенное собраніе; я лишь выражу то, въ чемъ ощущаю потребность и скажу всѣмъ пожаловавшимъ на XV Археологическій Сѣздъ русское радушное «добро пожаловать, гости дорогіе».

«Великій Новгородъ давно, по справедливости, ждалъ особливаго къ себѣ вашего вниманія. Здѣсь вы найдете благодатную почву для трудовъ своихъ; все здѣсь полно завѣтами старины... есть надъ чѣмъ усидчиво поработать...

Быть можетъ, вы услышите мнѣніе, что Новгородъ и весь край Новгородскій особенно богаты только церковной стариной... Что жъ, такое мнѣніе въ значительной степени вѣрно, но изслѣдованіе этой области не будетъ односторонне; вѣдь православными церквами и монастырями, этими разсадниками духовнаго и нравственнаго просвѣщенія, крѣпла Святая Русь и поэтому, изучая старину церковную, вы, тѣмъ самымъ, будете изучать исторію Россіи.

Я глубоко увѣренъ, что труды ваши, одухотворяемые руководствомъ глубокоуважаемой графини Прасковьи Сергѣевны Уваровой, имя которой извѣстно всему ученому міру, будутъ плодотворны... Но не посѣтуйте на меня, господа, если я предскажу вамъ, что, по сравненію съ предстоящей громадной здѣсь работой, — результаты будутъ невелики. Я горячо надѣюсь поэтому, что настоящій Сѣздъ будетъ лишь преддверіемъ къ будущему Археологическому Сѣзду, который и явится особенно богатымъ по своимъ послѣдствіямъ.

Я не могу не высказать пожеланія, чтобы, рѣшая вопросъ, гдѣ быть будущему Сѣзду, вы остановились вновь на Великомъ Новгородѣ и вспомнили мой искренній призывъ: «милости просимъ къ намъ, дорогіе гости».

Городской Голова А. А. Соловьевъ произнесъ слѣдующее привѣтствіе отъ имени города:

«На меня, какъ на представителя древняго Великаго Новгорода, выпала честь привѣтствовать отъ лица городского общественнаго управленія всѣхъ почтившихъ своимъ присутствіемъ XV Всероссійскій Археологическій Сѣздъ и пожелать успѣха въ его научныхъ трудахъ.

Если велики и многотрудны будутъ Ваши занятія, то не менѣе драгоценны будутъ и плоды совокупной работы, какъ по родиновѣдѣнію такъ и по описанію и изслѣдованію памятниковъ нашей сѣдой старины, пока они не изгладились подъ молотомъ всеразрушающаго безпощаднаго времени.

Да благословитъ Господь труды Сѣзда во славу и гордость нашего дорогого отечества и да оживетъ нашъ древній городъ въ глазахъ культурнаго и про-

свѣщеннаго міра подъ живительными брызгами забившаго въ немъ ключа русской археологической науки, подъ руководствомъ современныхъ ей корифеевъ, съ графиней П. С. Уваровою во главѣ.

Долго забытая колыбель русской государственности, благодаря Археологическому Съѣзду, пусть напомнимъ Россіи о прародителѣ ея древности и подниметъ его на подобающую высоту.

Привѣтствуя открытый сегодня Съѣздъ, я имѣю честь покорнѣйше просить, именемъ города, гг. членовъ Съѣзда пожаловать въ этотъ залъ 24 сего іюля, въ 9 часовъ вечера, на чашку чая».

Предсѣдатель Новгородскаго Общества Любителей Древностей М. В. Муравьевъ въ привѣтствовалъ слѣдующей рѣчью:

«Ваши Преосвященства, Милостивыя Государыни и Милостивые Государя!»

«На мою долю выпала лестная честь привѣтствовать отъ имени Новгородскаго Общества Любителей Древностей васъ, участниковъ давножданнаго Великимъ Новгородомъ Археологическаго Съѣзда.

Многочисленные памятники старины Новгородской неоднократно подвергались изслѣдованію ученыхъ, но, къ сожалѣнію, еще не всѣ въ достаточной мѣрѣ объяснены, между тѣмъ многіе изъ нихъ подвергаются разрушенію — отчасти естественному, но, къ сожалѣнію, иногда и искусственному, когда къ нимъ прикасается рука неумѣлаго или небрежнаго реставратора, и этой участи не избѣгла даже Святая Софія.

Мы, Новгородскіе археологи, ждемъ, что авторитетный голосъ Всероссійскаго Археологическаго Съѣзда присоединится къ голосу нашихъ предковъ, которые въ 1649 г., когда митрополитъ Никонъ предпринялъ какія-то передѣлки въ Св. Софіи, не допустили этого, говоря: «прежде многія власти были, и старины не портили, мы тебѣ стараго ничего въ соборной церкви передѣлывать не дадимъ».

«Въ 1831 г. Императоръ Николай Павловичъ, будучи проездомъ въ Новгородѣ, зашелъ поклониться Софійской святынѣ, увидѣлъ тамъ подмостки и живописцевъ, росписывавшихъ церковныя стѣны: «остановитесь, гнѣвно сказалъ Государь, и не смѣйте болѣе прикасаться къ древностямъ».

Но забыта и народная воля, забыто и Высочайшее повелѣніе — въ Св. Софіи уцѣлѣла только древняя роспись трибуны и даже имена почивающихъ подъ ея стѣною молитвенниковъ и посадниковъ Новгородскихъ 21 годъ тому назадъ стерты кощунственной рукою.

Но мы вѣримъ, что наука станетъ на защиту нашей старины.

Вѣдь памятники наши достойны изученія и самаго тщательнаго охраненія; не говоря уже о выходящихъ изъ ряда Св. Софіи и Нередицы, большинство ихъ относится къ XIV в. — ко времени расцвѣта жизни Господина Великаго Новгорода, когда остальная Русь не оправилась еще отъ злой татарщины.

Далекое прошлое Господина Великаго Новгорода представляетъ также особый интересъ, въ немъ мы видимъ полное развитіе удѣльно-вѣчевого перада, въ другихъ частяхъ земли Русской, сперва задержанное татарскимъ игомъ, а затѣмъ, отчасти подъ его вліяніемъ, пошедшее по другому руслу.

Удѣльно-вѣчевой порядокъ въ Новгородѣ получилъ полное развитіе и существовалъ до того времени, когда, ставъ, по словамъ Костомарова, историческимъ анахронизмомъ, долженъ былъ уступить идеѣ высшаго порядка — единой русской земли.

Труды Съѣзда въ изученіи прошлаго земли Новгородской составляютъ эру въ русской исторической наукѣ. Новгородскій Съѣздъ привлекъ къ Новгороду научную мысль не только отечественныхъ, но и иностранныхъ ученыхъ.

Не могу въ моемъ привѣтственномъ словѣ не упомянуть о юбилейномъ значеніи 1911 года.

1000 лѣтъ тому назадъ Русь заключила съ греками свой первый договоръ, то-есть вошла въ кругооборотъ культурной жизни того времени.

300 лѣтъ тому назадъ наше Отечество переживало послѣдніе моменты смутнаго времени, можетъ быть, самые тяжкіе изъ всего періода лихолѣтія. Смоленскъ былъ взятъ Поляками, Новгородъ Шведами, и тутъ и тамъ геройски гибли защитники русскихъ твердынь, и 17-го іюля мы, Новгородцы, молитвенно вспоминали геройски и мученически погибшихъ на укрѣпленіяхъ Новгородскихъ: протопопа Аммоса, стрѣleckаго голову Василия Голютина, дьяка Афиногена Голенищева, Василия Орлова и казачьяго атамана Тимофея Шарова «съ товарищи». Россія стояла на краю гибели, но пробудившееся національное чувство и здравый смыслъ земскихъ людей спасли Россію: въ томъ же 1611 году Москва была очищена отъ враговъ.

Въ сборникѣ Новгородскаго Общества Любителей Древности, посвященному XV Археологическому Съѣзду, приведенъ рядъ рядъ документовъ, проливающихъ новый свѣтъ на эти памятные для Россіи событія.

Нынѣ же истекаетъ 300 лѣтъ съ години смерти молитвенника Новгородскаго преподобнаго Антонія Леохновскаго, и въ I отдѣлѣ нашей Выставки Вашему просвѣщенному вниманію представлены вещественные памятники его подвижнической жизни.

Въ старину, приходя въ Новгородъ, говаривали: «кланяюсь св. Софьи и мужемъ Новгородцемъ», позвольте же и мнѣ, придерживаясь этого древняго привѣтствія, сказать: «Кланяюсь научной мудрости и ея представителямъ».

Полковникъ Н. М. Печенкинъ привѣтствовалъ Съѣздъ отъ имени Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества въ слѣдующихъ словахъ: «Молодое Императорское Русское Военно-Историческое Общество шлетъ свой искренній привѣтъ Великому Новгороду и членамъ XV Археологическаго Съѣзда и высказываетъ пожеланія всякаго успѣха Съѣзду. Военно-Историческое Общество твердо вѣрить въ будущую продуктивную совмѣстную дѣятельность, направленную на изученіе и сохраненіе древнихъ памятниковъ нашей родины».

Представитель Императорскаго С.-Петербургскаго Общества Архитекторовъ, Р. Р. Беккеръ, привѣтствовалъ Съѣздъ отъ имени сего Общества, выразивъ лучшія пожеланія всякаго успѣха дѣятельности Съѣзда.

Послѣ сего Секретарь Съѣзда В. К. Трутовскій доложилъ результаты выборовъ, произведенныхъ наканунѣ въ вечернемъ засѣданіи Съѣзда, и прочиталъ

привѣтственные телеграммы, полученныя Съѣздомъ, на имя гр. П. С. Уваровой, отъ слѣдующихъ лицъ и учреждений: отъ бывшаго губернатора Новгородской губ., Петра Петровича Башилова — «Лишенный возможности воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ, я, въ лицѣ Вашего Сіятельства, приношу XV Всероссійскому Археологическому Съѣзду горячія поздравленія съ приступомъ къ занятіямъ по изслѣдованію родной старины, тамъ, гдѣ возникла Матушка Святая Русь; низко кланяюсь Господину Великому Новгороду, дождавшемуся, наконецъ, этихъ дорогихъ гостей, которымъ желаю здоровья, неутомимости въ трудахъ и полного успѣха подѣ славнымъ вашимъ руководствомъ»; отъ епископа Андроника — «Привѣтствую Съѣздъ любителей родной святой старины. Ихъ трудами да изыдетъ могуче свѣтъ въ современномъ поколѣніи, чтобы святыя завѣты древнихъ создателей Россіи свято сіяли въ нашей отечественной жизни, чтобы родное — не иноземное творчество и нынѣ строило наше любезное отечество подѣ свѣтлымъ покровомъ Св. церкви — этого источника просвѣщенія, силы и славы Великой Россіи»; отъ профессора Д. А. Корсакова — «Искренне сожалею, что не могу принять участія въ трудахъ XV Съѣзда. Привѣтствую сердечно Васъ и Съѣздъ, заранѣе увѣренный въ его успѣхѣ»; отъ профессора И. Ф. Сумцова — «Харьковское Историко-Филологическое Общество привѣтствуетъ XV Археологическій Съѣздъ и желаетъ блестящаго успѣха подѣ опытнымъ руководствомъ графини Уваровой»; отъ А. С. Снявскаго — «Поздравляю съ открытіемъ Съѣзда, шлю низкій поклонъ собравшимся, братскій привѣтъ сотоварищамъ по изученію родной старины, глубоко скорблю, что не буду среди Васъ и питаю надежду, что быть можетъ XVI Съѣздъ соберется у Старога Корсуня»; отъ Трифильева — «Поздравляю съ открытіемъ Съѣзда, прошу передать горячія пожеланія плодотворной работы въ славу родной науки»; отъ Музея Тарновскаго, директора Модзалевскаго, хранителя Шелухина — «Имѣемъ честь привѣтствовать Васъ и членовъ Археологическаго Съѣзда съ открытіемъ его работъ, искренне желаемъ успѣха»; отъ Общества преподавателей графическихъ искусствъ — «Состоящее подѣ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Павловны, Общество преподавателей въ Москвѣ имѣетъ честь привѣтствовать открывающійся сегодня въ Великомъ Новгородѣ XV Археологическій Съѣздъ. Въ числѣ многихъ важныхъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію, вопросы, касающіеся художествъ, занимаютъ видное мѣсто и наше Общество, задачей котораго является проведеніе въ жизнь искусства, можетъ только радоваться и горячо желать успѣха дѣятельности Съѣзда».

Секретарь Новгородскаго Предварительнаго Комитета Л. В. Вильконскій представилъ слѣдующій краткій отчетъ о дѣятельности Комитета:

«Ваше Высокопреосвященство, Милостивыя Государыни и Милостивые Государи. На первомъ засѣданіи Московскаго Предварительнаго Комитета по созыву XV Всероссійскаго Археологическаго Съѣзда единогласно было постановлено избрать мѣстомъ Съѣзда городъ Новгородъ Великій. Новгородскій Предварительный Комитетъ съ мая 1909 года открылъ свои дѣйствія подѣ председательствомъ Новгородскаго губернатора Петра Петровича Башилова, Товарища Предсѣдателя

Михаила Валеріановича Муравьева, Секретаря Валеріана Александровича Подобѣдова, Депутатовъ Новгородскаго Общества Любителей Древности, Членовъ Новгородскаго Статистическаго Комитета, Новгородской Ученой Архивной Комиссіи, Представителей Земства и Города.

За все время дѣятельности Комитетъ собирался 32 раза для научно-подготовительныхъ и организационныхъ по Съѣзду работъ; имъ выработаны программы по церковной и гражданской археологіи. Въ 1910 году Комитетомъ были командированы по губерніи, съ цѣлью обслѣдованія на мѣстахъ церковной и гражданской старины въ уѣзды Кирилловскій, Бѣлозерскій, Череповецкій, Устюженскій и Боровичскій: Александръ Ивановичъ Анисимовъ, который въ нынѣшнемъ году повторилъ свою поѣздку, въ общемъ посѣтивъ 347 церквей, направляя, изъ немногаго разрѣшеннаго, все заслуживающее вниманія на Выставку Съѣзда, Петръ Ивановичъ Дворянскій, обслѣдовавшій церкви Демянскаго уѣзда, Леонидъ Николаевичъ Целепи — Старорусскаго, и представившій очень цѣнный матеріалъ по Курскому городищу. Михаилу Валеріановичу Муравьеву поручено было обслѣдовать Новгородскій уѣздъ; Иванъ Васильевичъ Аничковъ объѣзжалъ Тихвинскій и Боровичскій уѣзды, обслѣдуя церкви и помѣщичьи усадьбы.

Въ началѣ нынѣшняго года, вмѣсто переведеннаго въ городъ Уфу Петра Петровича Башилова, и Секретаря Валеріана Александровича Подобѣдова, Предсѣдателемъ избранъ Михаилъ Валеріановичъ Муравьевъ и Секретаремъ Леонъ Владиславовичъ Вильконскій.

На Выставку Съѣзда прибыло отъ монастырей и церквей, а также владѣльцевъ усадебъ, 281 ящикъ съ 1640 предметами и непосредственно отъ разныхъ лицъ и учреждений до 300 №№, которые размѣщены на выставкахъ въ Церковномъ Отдѣлѣ (Запасные покои Архіерейскаго дома) и Гражданскомъ (Дворянское Собраніе).

Средства Комитета составляли слѣдующія суммы:

Отъ Земства Новгородской губерніи	1100 р. — к.
» Новгородскаго Городскаго Обществ. Управленія	700 » — »
» Тихвинскаго Городскаго Обществ. Управленія	10 » — »
» Новгородскаго Дворянства	500 » — »
Суммъ Московскаго Предварительнаго Комитета	1600 » — »
За продажу 44 Членскихъ билетовъ	220 » — »

Всего 4130 р. — к.

Израсходовано Комитетомъ на поѣздки по обслѣдованію церквей и помѣщичьихъ усадебъ	810 р. 82 к.
На типографскіе расходы по изданію и составленію Археологической карты губерніи	568 » 13 »
Расходы по пересылкѣ предметовъ на выставки, организацію и устройство таковыхъ	1914 » 36 »

Всего 3353 р. 31 к.

Послѣ этого доклада Предсѣдатель Московскаго Предварительнаго Комитета, *Графиня Н. С. Уварова*, доложила слѣдующій

Отчетъ Предварительнаго Комитета.

Обязанная, какъ Предсѣдатель Предварит. Комитета по устройству нынѣ открываемаго XV Всероссийскаго Археол. Съѣзда, представить почтенному собранію Отчетъ въ его дѣйствіяхъ, начну съ того, что было постановлено Совѣтомъ послѣдняго, т.-е. Черниговскаго Съѣзда, скажу, какъ исполнялись эти постановленія, и перейду потомъ къ занятіямъ Предварит. Комитета, такъ и его Псковскаго Отдѣленія. *Совѣтомъ Черниговскаго Съѣзда*, состоявшагося 9 августа 1908 года, было постановлено:

1. *Поручить выработку* новыхъ положеній и правилъ для лицъ, приступающихъ къ производству раскопокъ, дополнивъ существующія уже Правила подробными указаніями на разные типы раскопокъ, съ приложеніемъ соответствующихъ дѣлу рисунковъ, поручить это дѣло Проф. Дм. Як. Самохвасову и Василю Алекс. Городцову и представить ихъ работу въ оконченномъ видѣ XV Археол. Съѣзду.

Работа эта исполнена и будетъ предложена Съѣзду въ одномъ изъ его засѣданій.

2. *Просить Минист. Внутр. Дѣлъ* привлечь къ обсужденію и выработкѣ новаго Законоположенія по охранѣ и сохраненію древнихъ памятниковъ представителей Ученыхъ Обществъ, какъ то предполагалось во время разработки этого вопроса Комиссіей подъ предсѣдательствомъ академика архитектуры, Ник. Вас. Султанова, предложившаго Ученому Комитету Черниговскаго Съѣзда обсужденіе разрабатываемаго законоположенія.

Но Ник. Вас. Султанова не стало весьма скоро послѣ Черниговскаго Съѣзда; съ перемѣной лицъ измѣнились взгляды и трудоспособность ихъ, и дальнѣйшая разработка законоположенія ведется въ тайнѣ и безъ всякаго желанія привлечь къ дѣлу кого-либо изъ представителей Ученыхъ Обществъ.

3. *Въ виду важности находокъ Вик. Вячесл. Хвойко около Десятинной церкви, въ усадьбѣ доктора Покровскаго, въ Кіевѣ, ходатайствовать* предъ Его Величествомъ Государемъ Императоромъ о приобрѣтеніи на счетъ Правительства названной усадьбы и о порученіи продолженія раскопокъ Хвойко.

Ходатайство это не имѣло пока никакихъ послѣдствій.

4. *Обратить вниманіе Импер. Археол. Комиссіи на усадьбу Кн. Трубецкаго въ Кіевѣ*, расположенную также вблизи Десятинной церкви и на которой, по мнѣнію Кіевлянъ, возможны также важныя открытія.

Ходатайство это осталось безъ вниманія.

Кромѣ этихъ ходатайствъ, на обязанности Импер. Моск. Археол. Общества осталось послѣ Черниговск. Съѣзда изданіе его Трудовъ, печатаніе которыхъ на этотъ разъ, благодаря неисправности нашихъ ученыхъ, представило неимоверныя трудности, которыя затянули печатаніе и не дозволяютъ представить Труды въ той полнотѣ, которая желалась бы при богатствѣ матеріаловъ, собранныхъ, не въ при-

мѣръ остальнымъ Сѣздамъ, для Черниговскаго, благодаря богатству и красотѣ мѣстныхъ памятниковъ старины, которые вызвали и особое къ нимъ вниманіе и особыя частныя денежныя пожертвованія (Дм. Як. Самоквасовъ, Гр. Уваровой, Кн-и М. Б. Долгоруковой и Гр-и Клейнмихель) на ихъ обслѣдованіе, изученіе и изданіе.

Несмотря, однакожъ, на представившіяся задержки, Труды эти составляютъ три объемистыхъ тома, изъ которыхъ *первый* состоитъ изъ крупнаго изслѣдованія *Ив. Тим. Савенкова* объ изобразительномъ искусствѣ на Енисеѣ; *второй* посвященъ памятникамъ искусства въ предѣлахъ Полтавской и Черниговской губ., и *третій* составилъ изъ изслѣдованій по первобытной археологій, статей по исторіи, филологій и пр.

Второй томъ посвященъ памяти Кн. Ник. Дмит. Долгорукова, бывшаго Черниговскаго Губерн. Предводителя Дворянства, много повліявшаго на приуроченіе Сѣзда именно къ Чернигову, и печатался на средства вдовы Князя, Кн-и Мар. Павл. Долгорукой. Въ нынѣ изданномъ томѣ недостаетъ многихъ, весьма важныхъ, изъ обѣщанныхъ рефератовъ, которые придали бы немаловажную цѣнность изданію, но высказываемъ надежду, что нѣкоторые изъ этихъ рефератовъ будутъ намъ все-таки доставлены еще этой осенью, и найдутся средства для ихъ изданія въ дополненіе къ нынѣ изданному тому.

Переходя теперь къ подготовительнымъ работамъ по подготовкѣ нынѣ открытаго Сѣзда, напомнимъ, что *Предварительный Комитетъ*, который долженъ былъ рѣшить вопросъ, въ какой мѣстности Россіи созвать очередной XV Археологическій Сѣздъ, былъ созданъ въ Москвѣ съ 3 по 6 января 1909 года. По настоянію тогдашняго Г-на Новгородскаго Губернатора, Петра Петр. Башилова, приѣхавшаго лично въ Москву, Городскаго Головы и остальныхъ представителей Великаго Новгорода, Сѣздъ былъ назначенъ въ Новгородѣ. 12-го марта того же года получено отъ Г-на Министра Народнаго Просвѣщенія утвержденіе Правилъ Сѣзда и разрѣшеніе созвать Сѣздъ въ намѣченный Предварительнымъ Комитетомъ срокъ отъ 22 іюля по 5 авг. 1911 года.

Немедленно послѣ этого Импер. Моск. Археол. Общество обратилось съ просьбой объ устройствѣ Отдѣленій Комитета, сочувствія и работы для Сѣзда, въ Петербургское Арх. Общество, Император. Арх. Комиссію, въ Новгородъ, Псковъ, въ Общество Исторіи и Древностей Прибалтійскаго Края, въ Курляндскія и Эстонскія Ученныя Общества, въ Финское и Финно-Угорское Ученныя Общества и Юрьевскій Университетъ, т.-е. въ тѣ Общества и Учрежденія, которыя расположены въ мѣстностяхъ сосѣднихъ съ Новгородомъ и связанныхъ съ нимъ историческими воспоминаніями или сохранившихъ съ нимъ болѣе тѣсныя сношенія.

Но большая часть этихъ Обществъ и Учрежденій отказались, другія промолчали, и Отдѣленія Предв. Комитета образовались только въ Новгородѣ и Псковѣ; при чемъ не могу, однако же, умолчать о томъ радушномъ отношеніи къ цѣлямъ и работамъ Моск. Арх. Общества по устройству Сѣзда, которое проявили Ученныя Общества Прибалтійскихъ губ.; всѣ они: Общество Исторіи и Древностей Прибал-

тійскаго края въ Ригѣ, Курл. Общество Литературы и Художествъ въ Митавѣ, Ученое Эстонское Общество при Юрьевскомъ Университетѣ, Эстляндское Литературное Общ. въ Ревелѣ, Общество для изученія острова Эзеля въ Аренсбургѣ, Феллинское Литер. Общество въ Феллинѣ, Генеалогическое Общество Прибалт. края въ Митавѣ, Археол. Общество въ Перновѣ, Общество для сохраненія Древностей Вейсенштейнскаго уѣзда, Эстляндской губ., и Общество отечественныхъ свѣдѣній въ Венденѣ — все слились во-едино, чтобы поработать для Съезда въ Новгородѣ и тѣхъ общихъ вопросовъ, которые связывали древній Великій Новгородъ съ Прибалтійскими губ.

Общая единоподушная работа эта, къ которой мы, къ несчастью, не привыкли въ Россіи, очень помогла Москвѣ указаніями на иностранныхъ ученыхъ, статьями о цѣляхъ Съезда въ иностранныхъ журналахъ, развѣдкамъ въ Архивахъ Риги, Ревеля и др., и заявлена нынѣ собравшемуся Съезду тѣми драгоценными для науки изданіями, которыя посвящены Съезду, и принесшему ему въ даръ въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, — изданія эти: Новгородская Скра, обработанная въ 7-ми редакціяхъ, отъ XIII до XVII вѣка, докторомъ Шлютеромъ по документамъ, находящимся въ арх. Любека, Штокгольма, Копенгагена, Риги и Ревеля, Могильникъ въ Курналѣ, Эстляндской губ., — докт. Фридентала и, наконецъ, Собраніе оттисковъ съ древнѣйшихъ русскихъ печатей Рижскаго городского Архива, которыя сохранились и сохраняются въ Ригѣ.

Обратилось Общество и къ нашимъ ученымъ, прося содѣйствія и работы, разработки историческихъ данныхъ, обследованія архивовъ, обследованія Новгородско-Псковскихъ церквей и ризницъ и, по возможности, разработки этихъ драгоценныхъ остатковъ древнѣйшаго періода исторіи нашего искусства.

На призывъ этотъ отозвались: первымъ — многоуважаемый Предсѣдатель Ученаго Комитета Съезда, *Ник. Вас. Покровский*, обѣщавшій заняться описаніемъ ризницы Софійскаго Собора и съ тѣхъ поръ не разъ побывавшій въ Новгородѣ, съ цѣлью возбудить въ жителяхъ Новгорода интересъ къ родной старинѣ и помочь имъ въ ихъ разработкѣ; *Ив. Ев. Езевъ* — по вопросу о документахъ и грамотахъ Новгородскаго Софійскаго Дома; *Всев. Θεод. Миллеръ*, представившій программу собиранія этнографическаго матеріала, какъ по внѣшнему быту, такъ и по памятникамъ народной словесности того обширнаго раіона (Олонецкой, Вологодской, Архангельской, Пермской, Вятской и др. губ.), который исторически входилъ въ область культурнаго вліянія Господина Великаго Новгорода; *Ник. Вас. Никитинъ*, представившій записку о трудахъ, имѣющихся по вопросу о художественной дѣятельности древняго Новгорода, и, наконецъ, *Влад. Вас. Суловъ*, согласившійся отдать Моск. Арх. Обществу для напечатанія въ Трудахъ Предварительнаго Комитета уже много лѣтъ тому назадъ составленное имъ по порученію Академіи Художествъ Описаніе древней Волотовской церкви.

Обращалось Общество съ просьбами къ Военно-Историческому Обществу и его отдѣленіямъ въ Москвѣ и Кіевѣ, прося обратить особое вниманіе на гибнушіе и всеми забытые Кремни русскіе, на поля битвы, на памятники, поставленные нашимъ героямъ.

Обратилось Общество и къ представителямъ нашихъ миссій въ Стокгольмѣ, Копенгагенѣ, Гамбургѣ, Любекѣ, Бременѣ, Кенигсбергѣ и Данцигѣ и получило отъ нихъ весьма любезныя обѣщанія поработать въ мѣстныхъ Архивахъ, равно какъ и указанія на то, что уже сдѣлано для освѣщенія той роли, которую сыгралъ Великій Новгородъ въ исторіи сношенія древней Руси съ западными государствами.

Надѣялось Общество расшевелить и наши дремлющія силы по губерніямъ, сосѣднимъ съ Новгородомъ, съ затаенною надеждой хоть на этотъ разъ заставить обратить вниманіе на гибнущіе или растаскиваемые Архивы въ Смоленскѣ, Гдовѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ и др. городахъ, но — и на этотъ разъ, къ сожалѣнію, по этому вопросу ничего не достигнуто. Болѣе подробно, толково и обстоятельно отвѣчалъ Минскій Церковный Историко-Археологическій Комитетъ, который предпринималъ нѣсколько поѣздокъ по губерніямъ и далъ интересныя свѣдѣнія по древностямъ края.

Велась обширная переписка съ отдѣльными учеными въ Швеціи, Норвегii и Германіи съ цѣлью заинтересовать ихъ вопросами Съѣзда и такимъ образомъ еще разъ подогрѣть интересъ къ трудамъ русскихъ ученыхъ, которые съ каждымъ годомъ завоевываютъ себѣ болѣе почетное мѣсто среди обще-европейской ученой среды. Впрочемъ, одного имени древняго вольнаго Господина Великаго Новгорода было достаточно, чтобы ученые Стокгольма, Упсалы и побережья Балтійскаго моря всколыхнулись и захотѣли раздѣлить работы своихъ русскихъ собратій кто по части исторіи Новгорода и его происхожденія, кто по его древнѣйшимъ сношеніямъ съ западною Европой, кто даже по вопросу о первобытныхъ насельникахъ края.

Подготавливая работы къ Съѣзду, Московскій Предварительный Комитетъ желалъ также выяснитъ возможность исполненія нѣкоторыхъ пожеланій, высказанныхъ представителями Общаго Собранія Предварительнаго Комитета, собравшагося въ Москвѣ для назначенія мѣста Съѣзда и выработки Правилъ, которыми онъ долженъ руководиться. Были высказаны пожеланія

1) Объ *Изданіи Каталоговъ генеральнаго межеванія 1783 г.*, при чемъ заявившій это пожеланіе, представитель Виленской комиссіи по разбору и изданію древнихъ актовъ, Евдокимъ Романовичъ Романовъ, находилъ, что «изданіе каталоговъ этихъ практически легко осуществить, такъ какъ ихъ могутъ издать Губернскіе Статистическіе Комитеты въ издаваемыхъ «Памятныхъ Книжкахъ». Возможность эта настолько достижима, говорилъ Романовъ, что если Предварительному Комитету угодно будетъ обратиться съ соответствующими приглашеніями къ Губернаторамъ, то съ увѣренностью можно сказать, что почти всѣ «Каталоги» были бы напечатаны къ 1911 году», т.-е. къ нынѣ открытому Съѣзду.

На дѣлѣ, однакоже, исполненіе пожеланія Евдокима Романовича оказалось вовсе не такъ легко, ибо, какъ видно изъ подробнаго и обстоятельнаго отвѣта Г-на Псковскаго Губернатора, Гр. Адлерберга, не отрицающаго интереса и важности названныхъ матеріаловъ, что «Каталоги», о которыхъ идетъ рѣчь, «составлены на бланкахъ, размѣромъ большихъ обыкновеннаго листа бумаги, и заключаютъ въ себѣ 3825 стр. стариннаго письма, почему напечатаніе этого матеріала въ изда-

гаемыхъ ежегодно Памятныхъ Книжкахъ признано невозможнымъ; издать же матеріаль отдѣльнымъ изданіемъ также нахожу невозможнымъ по недостатку средствъ».

2) Пожеланіе Предварительнаго Комитета, чтобы къ Съѣзду былъ изданъ *альбомъ рисунковъ*, относящихся къ археологическому путешествію по Россіи *Бороздина и Ермолова* и хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ, не могло быть также исполнено и по той же почти причинѣ, какъ и изданіе Каталоговъ генеральнаго межеванія, такъ какъ Альбомъ состоитъ изъ 4-хъ томовъ, заключаетъ въ себѣ 96 табл. въ большой листъ, воспроизведеніе которыхъ потребовало бы огромныхъ издержекъ.

3) Третье пожеланіе Комитета также не удалось осуществить. Дѣло шло о поѣздкѣ послѣ Новгородскаго Съѣзда на островъ Готландъ, какъ одного изъ древнѣйшихъ складовъ товаровъ новгородскихъ купцовъ, но, несмотря ни на какія хлопоты, ни въ Морскомъ, ни въ Финансовомъ министерствѣ, ни въ Рижскомъ, ни въ Либавскомъ портѣ не удалось найти судно, могущее оказать эту услугу Съѣзду.

Главныя же работы къ Съѣзду Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и Его Предварительнаго Комитета были направлены къ обследованію какъ самой Новгородской, такъ и сосѣднихъ съ ней губерній. Тяжелою утратой въ этомъ дѣлѣ слѣдуетъ считать серьезную болѣзнь Дм. Яковл. Самоквасова, который, какъ, вѣроятно, помнятъ наши сочлены, обѣщалъ произвести обширныя археологическія раскопки съ цѣлью опредѣленія типовъ могилъ по народностямъ и эпохамъ и выразилъ готовность пожертвовать на этотъ предметъ какъ личный трудъ, такъ и денежныя средства до 6000 р. Къ несчастію, тяжелый недугъ лишилъ науку уже болѣе года содѣйствія этого неутомимаго и ревностнаго ученаго, всѣмъ сердцемъ преданнаго и любящаго свою родину, ея исторію и ея древности. Нездоровье Дмитрія Яковлевича тѣмъ болѣе чувствительно, что за послѣднее время много старыхъ настоящихъ ученыхъ — въ истинномъ смыслѣ этого слова — сошло въ могилу, а притокъ новыхъ силъ теперь, такъ серьезныхъ весьма незначителенъ по количеству и весьма слабъ по силѣ, волѣ и знаніямъ.

Поработали отъ Москвы:

1. Два сына умершаго проф. Матв. Иванов. Соколова, Юрій и Борисъ, студенты Моск. Университета, которымъ поручено было а) собрать свѣдѣнія о былинномъ творествѣ въ мѣстностяхъ болѣе близкихъ къ Новгороду и болѣе южныхъ, чѣмъ главныя хранительницы былиннаго эпического богатства — Олонецкая и Архангельская губ.; б) собрать матеріаль по сѣверно-русскому фольклору и этнографіи вообще, и в) попутно снимать и описывать древнія церкви и остальные встрѣчаемые памятники старины.

2. Францъ Влад. Баллодъ, преподаватель въ средне-учебныхъ заведеніяхъ Москвы, работалъ надъ изученіемъ городищъ въ Прибалтійскихъ губ. съ цѣлью сравненія ихъ съ городищами сосѣднихъ губерній и выясненія ихъ принадлежности къ той или другой народности.

3. Борисъ Иван. Дунаевъ командированъ въ Костромскую, Вологодскую, Олонецкую и Архангельскую губ. для собранія этнографическихъ и археологическихъ данныхъ и снятія фотографій съ древнѣйшихъ памятниковъ зодчества.

4. Алекс. Иван. Колмогорову поручены раскопки въ Тихвинскомъ уѣздѣ Новгородской губ.

5. Григорію Мих. Казакову — изученіе и снятіе фотографій съ иконъ въ церквахъ гор. Пскова и его окрестностей.

6. Ник. Ник. Соболеву поручено изученіе нѣкоторыхъ памятниковъ Новгорода.

7. Ивану Вас. Рыльскому — обмѣръ и изученіе гражданскихъ построекъ, сохранившихся въ Псковѣ, и также обмѣръ двухъ церквей: Георгія на взводѣ и Іоакима и Анны.

8. Влад. Алекс. Попову и Иванову-Терентьеву — обследованіе и снятіе церквей Новгорода, Пскова и Изборска.

9. Даны средства Членамъ Новгородскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета на объѣздъ и осмотръ древнихъ памятниковъ края.

9. Фотографу Павлову — на снятія фотографіи со всѣхъ предметовъ Софійской ризницы и объѣздъ Боровиченскаго, Устюжскаго и Череповецкаго уѣздовъ Новгородской губ. съ цѣлью фотографированія всѣхъ тѣхъ церквей и предметовъ древности, на которыя должны были указать Члены Новгородскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета.

Импер. Московское Археологическое Общество намѣревалось дать средства фотографу объѣхать всю Новгородскую губ., но Новгородское Отдѣленіе Предварительнаго Комитета такъ запаздало съ присылкой указаній для поѣздки и списка желаемыхъ для снятія предметовъ, что фотографу пришлось выѣхать только въ самую весеннюю распутицу текущаго года и, несмотря на то, что онъ пробылъ въ отъѣздѣ съ первой недѣли великаго поста до половины Іюня, онъ успѣлъ исполнить работы только въ названныхъ выше трехъ уѣздахъ и привезти всего 395 фотографій. Насколько поименованныя работы удовлетворяютъ Членовъ Съѣздовъ и дадутъ возможность расширить свѣдѣнія объ остаткахъ старины, имѣющихся въ Новгородской и сопредѣльныхъ съ ней губерніяхъ, покажутъ намъ Выставка и тѣ доклады, которые будутъ сдѣланы на Съѣздѣ или изданы въ Трудахъ Московскаго Предварительнаго Комитета.

Московское Археологическое Общество предполагало кромѣ того заняться совмѣстно съ Новгородскимъ Отдѣленіемъ Предварительнаго Комитета систематическими раскопками въ Новгородскомъ Дѣтинцѣ и на Рюриковомъ городищѣ, но, въ виду того, что раскопками этими пожелали заняться петербургскіе любители старины, Московское Общество не нашло возможнымъ лишить ихъ этого удовольствія и отказалось отъ своего намѣренія.

Съ дѣятельностью Новгородскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета познакомили васъ секретарь онаго, но кромѣ Новгорода къ Съѣзду поработалъ и Псковъ, и въ Псковѣ образовалось также *Псковское Отдѣленіе Предварительнаго Комитета*,

который образовался изъ 6 лицъ: трехъ представителей отъ Псковскаго Археологическаго Общества и трехъ отъ Церковнаго Комитета и состояло до перевода губернатора Гр. Адлерберга подъ его предсѣдательствомъ, при главномъ неутомимомъ работникѣ, Секретарѣ Псковскаго Археологическаго Общества Генералѣ Ник. Ѳом. Окуличъ-Казариновѣ.

Состоя изъ малаго числа лицъ, занятыхъ своими обыденными служебными занятіями и мало подготовленныхъ къ археологическимъ изысканіямъ, Отдѣленіе рѣшило заняться только: собираніемъ матеріала для описанія древнѣйшихъ церквей Псковской епархіи, составленіемъ «Спутника по древнему Пскову», описаніемъ и снятіемъ фотографій со старинныхъ иконъ Пскова и его окрестностей, разслѣдованіемъ тайниковъ, находящихся въ древнихъ стѣнахъ города, и составить предположительное описаніе и смѣту по исправленію и сохраненію этихъ стѣнъ и башенъ.

Но, готовя матеріалъ къ «Спутнику по Пскову», объѣзжая и изучая съ этою цѣлью древніе храмы города, тщательно осматривая иконы и ризницы, производя раскопки вокругъ стѣнъ и обходя всѣ ихъ тайники, ведя съ Военнымъ Историческимъ Обществомъ настойчивую переписку касательно обмѣра и поддержки древнихъ стѣнъ, Члены Предварительнаго Комитета и въ особенности Ник. Ѳом. Окуличъ-Казариновъ, невольно заразились любовью къ археологіи, и изучаемые памятники стали все болѣе говорить ихъ воображенію, привлекать ихъ вниманіе, и нынѣ изданный Ник. Ѳом. «Спутникъ» доказываетъ, какъ широко онъ понялъ свою задачу и какъ серіозно къ ней отнесся.

Обратилъ Псковскій Комитетъ вниманіе и на мѣстныя архивы, но при изученіи ихъ не нашлось древнихъ документовъ, а только документы XVIII и XIX ст.

Доставилъ Комитетъ и свои запросы, которые предлагаетъ на разрѣшеніе Сѣзда и которые еще разъ доказываютъ о вдумчивости, съ которой Члены его отнеслись къ разработкѣ родной старины. Представятъ Члены и нѣсколько докладовъ: Очеркъ дѣятельности Псковскаго Археологическаго Общества — Окуличъ-Казариновъ; О народномъ знахарствѣ въ Псковскомъ уѣздѣ — докторъ Зеленскій; О походахъ Стефана Баторія — П. А. Орловъ; О новонайденной рукописи XVII в. со свѣдѣніями по исторіи и топографіи Пскова — А. Я. Лихтерманъ; Описаніе древнихъ иконъ Пскова — Г. М. Казаковъ. Доклады эти будутъ доложены въ Псковѣ, во время пріѣзда туда Членовъ Сѣзда.

Кромѣ того Псковское Отдѣленіе Комитета представляетъ Сѣзду подробный отчетъ по осмотру древнихъ стѣнъ города, подробные чертежи и смѣту по ихъ ремонту и сохраненію и проситъ Сѣздъ, и въ особенности специалистовъ, внимательно отнестись къ необходимости сохранить хотя бы часть этого драгоцѣннаго памятника старины и сказать свое мнѣніе о томъ способѣ, который предлагается для ремонта стѣнъ и башенъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Псковъ шлетъ свой привѣтъ Новгородскому Сѣзду и выражаетъ надежду, что нѣкоторое число Членовъ Сѣзда не откажутся послѣ закрытія Сѣзда посѣтить Псковъ и провести въ городѣ 3 дня, времяпровожденіе которыхъ предполагается провести слѣдующимъ образомъ: 6-го августа: Пріѣздъ — рано утромъ.

Въ 1 ч. — торжественное засѣданіе въ Дворянскомъ домѣ. Въ 4 ч. — обѣденный завтракъ въ Дворянскомъ клубѣ. 7 ч. вечера — осмотръ Паганкиныхъ палатъ до 11 ч. вечера.

7-го авг.: Въ 9 ч. у. поѣздка на пароходѣ на Снятную гору. Литургія. Прогулка въ Устьѣ, во время коей завтракъ. По возвращенію осмотръ Собора, Дѣтинца, нѣкоторыхъ храмовъ и Музея церковнаго Историко-археологическаго Комитета. Въ 7 ч. вечера обѣдъ въ Дворянскомъ клубѣ.

8 авг.: Утромъ — поѣздка въ Мирожскій и Пантелеймоновъ монастыри. Завтракъ въ Коростовѣ. Осмотръ Покровской башни, подземныхъ ходовъ и нѣкоторыхъ древнихъ храмовъ. Отѣздъ.

Оканчивая обзоръ дѣятельности Предварительнаго Комитета, позволяю себѣ еще одно послѣднее слово, посвященное памяти тѣхъ лицъ, которыхъ, къ сожалѣнію, мы не досчитываемъ среди насъ на XV Сѣздѣ, но благодарная память о которыхъ должна жить на Сѣздахъ еще много, много лѣтъ.

Одни изъ нихъ, какъ, напр., Ник. Иван. Петровъ, Влад. Степ. Иконниковъ и Завитневичъ, задержаны, вѣроятно, въ Кіевѣ преклонными годами, другіе, какъ Дм. Як. Самоквасовъ, отсутствуютъ по болѣзни, что не мѣшаетъ имъ всѣми своими помыслами эти дни быть съ нами въ Великомъ Новгородѣ; прошу же позволеніе послать имъ вѣсточку отъ Сѣзда и привѣтствовать ихъ привѣтомъ дружбы и любви за ихъ работы и труды на пользу русской науки и предыдущихъ Сѣздовъ.

Прошу позволенія также привѣтствовать недавнюю гостью Великаго Новгорода, Ея Императорское Высочество Великую Княгиню Елисавету Θεодоровну, Августѣйшій Супругъ которой такъ много сдѣлалъ для прежнихъ Сѣздовъ, такъ глубоко былъ преданъ родному краю, родной старинѣ.

Слѣдовало бы также послать привѣтъ Его Высокопреосвященству Архіепископу Гурію и Петру Петр. Башилову, порадѣвшихъ объ успѣхѣ Новгородскаго Сѣзда и поработавшихъ въ его пользу за истекшіе два года.

Но, господа, вспомнивъ о живыхъ, съ которыми съ Божьею помощью намъ, вѣроятно, еще придется встрѣтиться и, надо надѣяться, даже поработать, не забудемъ тѣхъ, которые покинули насъ навсегда, отошедши въ вѣчность со времени послѣдняго Сѣзда: въ 1909 году скончался Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, виновникъ и покровитель V, т.-е. Тифлискаго, Сѣзда; покинули насъ славные ученые, какъ Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ, Ник. Влад. Султановъ, Васил. Осипов. Ключевскій, проф. Голубцовъ, Маріанъ Соколовскій въ Краковѣ; покинули насъ и болѣе скромные труженики, какъ Юлія Густафовна Гендуне и Петръ Мих. Добровольскій, изъ которыхъ послѣдній вынесъ на своихъ плечахъ Черниговскій Сѣздъ и можетъ служить примѣромъ того, что можно сдѣлать въ глухой провинціи, при любви къ труду и наукѣ. Помянемъ же память ихъ добрымъ словомъ и почтимъ вставаніемъ.

Этимъ закрываю Засѣданіе и предлагаю отправиться на осмотръ Выставки.

Протоколы засѣданій XV Археологическаго Съѣзда.

23 іюля 11 час. утра.

V. Церковныя древности.

Почетный Предсѣдатель: Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, архіепископъ Новгородскій и Старорусскій.

Предсѣдатель Отдѣленія: проф. Н. В. Покровскій.

Секретари: И. Я. Карабиновъ и свящ. В. Д. Прилуцкій.

Засѣданіе открылось рѣчью почетнаго Предсѣдателя, посвященной памяти проф. Московской Духовной Академіи А. П. Голубцова († 4 іюля 1911 г.). Въ этой рѣчи Высокопреосвященнѣйшій Арсеній охарактеризовалъ покойнаго, какъ человѣка рѣдкихъ душевныхъ качествъ, всецѣло преданнаго наукѣ. Владыка отмѣтилъ горячее участіе, какое принималъ А. П. въ Археологическихъ Съѣздахъ, а также — его ученые труды, по изданію и обслѣдованію «Чинovníка Софійскаго собора». Въ заключеніе Предсѣдатель предложилъ присутствующимъ почтить память почившаго вставаніемъ и молитвой.

Предсѣдателемъ Съѣзда, графиней П. С. Уваровой, были доложены собранію вновь полученныя привѣтственные телеграммы Съѣзду — отъ епископа Якутскаго Иннокентія, епископа Кирилловскаго Іоаннікія, Уфимскаго (бывшаго Новгородскаго) губернатора Башилова, г. Подобѣдова, проф. Павлова, отъ хранителя Донскаго музея Х. И. Попова (съ выраженіемъ надежды, что будущій Съѣздъ состоится въ Новочеркасскѣ), отъ правленія Ганзейскаго Историческаго Общества въ Любекѣ и отъ проф. Бережкова.

Затѣмъ Предсѣдатель отдѣленія проф. Н. В. Покровскій произнесъ вступительную рѣчь о томъ, что сдѣлано археологіей для изслѣдованія Новгородской церковной старины (архитектуры, иконъ, церковныхъ росписей и металлическихъ издѣлій) и что остается еще ей здѣсь сдѣлать. Очертивъ кратко ходъ развитія христіанскаго искусства въ Новгородѣ (X—XV в.) и отмѣтивъ черты самостоятельности въ этомъ искусствѣ (особенно замѣтныя въ архитектурѣ) Н. В. затѣмъ далъ критическій обзоръ трудовъ, посвященныхъ Новгородскимъ церковнымъ древностямъ, — митр. Евгенія, Амвросія Орнатскаго, Солнцева, Аделунга, архим. Ма-

карія, Прохорова, Филимонова, Суслова, Забѣлина, Голубцова и др. Задачи археологін въ отношеніи къ церковнымъ древностямъ Новгорода Н. В. Покровскій свелъ къ слѣдующему: разрѣшеніе вопроса о вліяніи на новгородскую архитектуру западной, изданіе и объясненіе Новгородскихъ фресокъ, обслѣдованіе металлическихъ предметовъ, описаніе всѣхъ рукописей и особенно описаніе и обслѣдованіе Софійской ризницы.

1. Преосвящ. Дмитріемъ (Сперовскимъ), епископомъ Сухумскимъ: «О внутреннемъ устройствѣ и убранствѣ храмовъ Новгородскаго Антоніева монастыря въ концѣ XVII вѣка (по издаваемой докладчикомъ описи сего монастыря за 1696 г.) по сравненію съ современнымъ ихъ состояніемъ». (Труды Съѣзда, т. I, стран. 230).

2. М. Д. Приселковъ: «Нифонтъ, епископъ Новгородскій». Основное содержаніе доклада г. Приселкова сводится къ слѣдующему:

Изученіе исторіи лѣтописныхъ сводовъ (труды акад. А. А. Шахматова) даетъ возможность думать, что особыя цензурныя условія заставляли излагать многіе вопросы въ прикровенномъ видѣ, иногда въ формѣ намека. Къ числу такихъ вопросовъ, главнымъ образомъ, относится вопросъ о событіяхъ, связанныхъ съ Митрополитами Греками. Можно думать, что создатели Печерскаго монастыря мечтали сдѣлать изъ него разсадникъ епископовъ русскихъ и по происхожденію и по направленію. Мысль эта, поддержанная князьями, имѣла успѣхъ (епископъ Симонъ въ посланіи къ Поликарпу). Противъ монастыря и постановленій епископовъ изъ Русскихъ, несомнѣнно, не разъ подымалась Кіевская митрополія. Однимъ изъ такихъ эпизодовъ было пребываніе на каѳедрѣ митр. Михаила, добивавшагося замѣщеній Греками смоленской, владимірской, можетъ быть полоцкой каѳедръ и даже игуменства въ Печерской обители (грекъ Θεодосій). Разгромъ монастыря поднялъ протестъ главнымъ образомъ среди епископовъ и нѣкоторыхъ князей. Протестъ вылился въ формѣ разрыва (уходъ митр. Михаила въ Грецію) съ цѣлью добиться отъ патріархата ставленія на Кіевскую митрополію лицъ, избираемыхъ соборомъ русскихъ епископовъ. Отсюда — избраніе Климента Смолятича въ 1147 году, признаннаго, однако, не всѣми епископами, такъ какъ Смоленскій и Новгородскій епископы соглашались подчиниться ему только послѣ улаженія всего дѣла въ Константинополѣ. Возникаетъ вопросъ о происхожденіи Новгородскаго епископа Нифонта, такъ какъ естественно думать, что недовольными противъ избранія Климента могли быть только Греки. Перечисленіе всѣхъ извѣстій о Нифонтѣ дало бы право говорить о его греческомъ происхожденіи, если бы не указаніе его житія и повѣсти Печерскаго Патерика, гдѣ говорится, что Нифонтъ — постриженникъ Печерской обители, — съ одной стороны, предсмертное видѣніе Нифонту о. Θεодосія, игумена Печерской обители, понимаемое, какъ видѣніе создателя Печерской обители преподобнаго Θεодосія — съ другой. Но первое основано по догадкѣ на второмъ, а здѣсь неправильно понять игумена Θεодосія Грекъ, скончавшійся незадолго до прихода Нифонта въ Кіевъ, за Θεодосія Печерскаго (въ текстѣ постоянно «о. Θεодосія», — а не «препод.» и не «отца нашего Θεодосія»). Возможность этого предположенія отнимаетъ послѣдній шансъ за то, что Нифонтъ — Русскій.

Проф. П. П. Соколовъ сдѣлалъ обширныя замѣчанія на докладъ, въ которыхъ подвергъ критикѣ многія частныя его положенія и далъ иное толкованіе фактамъ и лѣтописнымъ извѣстіямъ, использованнымъ докладчикомъ въ его сообщеніи. По поводу основаній, выставленныхъ докладчикомъ въ защиту его главнаго тезиса о греческомъ происхожденіи еписк. Нифонта, П. П. Соколовъ указалъ, что явившійся Нифонту во снѣ Θεодосій былъ несомнѣнно, преп. Θεодосій, ибо онъ обращается къ Нифонту со словами—«брату чадо», совершенно невозможными для скончавшагося незадолго передъ этимъ игумена Θεодосія. Лѣтописное извѣстіе объ ограбленіи Нифонтомъ св. Софіи, якобы свидѣтельствующее, по мнѣнію М. Д. Приселкова, о греческой національности Нифонта, П. П. Соколовъ нашелъ возможнымъ объяснить въ томъ смыслѣ, что Нифонтъ сразу вывезъ, накопившуюся годами за отсутствіемъ поставленнаго Константинопольскимъ патріархомъ митрополита, причитающуюся ему съ Новгородской епископіи дань.

Проф. И. С. Смирновъ указалъ, что докладчикъ не освѣтилъ полно личности епископа Нифонта,—не охватилъ ее со всѣхъ сторонъ и не привлекъ всѣхъ нужныхъ для этого источниковъ (Вопросы Кирика и отвѣты Нифонта). Выставленные докладчикомъ основанія въ защиту греческой національности Нифонта не тверды. Первымъ доказательствомъ у него служитъ—поставленіе Нифонта во епископы митрополитомъ—Грекомъ, а также—сопоставленіе съ печерскимъ игуменомъ Θεодосіемъ: первое обстоятельство само по себѣ недостаточно убѣдительно, а греческое происхожденіе Θεодосія даже и не фактъ, а—лишь догадка акад. А. А. Шахматова, который сближаетъ печерскаго игумена Θεодосія съ Θεодосіемъ Грекомъ, писателемъ XII вѣка. Затѣмъ, докладчикъ отвергаетъ постриженіе Нифонта въ Печерскомъ монастырѣ на томъ только основаніи, что извѣстіе объ этомъ находится въ сравнительно позднемъ (XV—XVI в.) житіи Нифонта, наблюденія же надъ другими аналогичными памятниками (напримѣръ, житіемъ XV в.) архіепископа Іоанна Новгородскаго, предполагаемымъ произведеніемъ Пахомія Сербска (гдѣ указаны даже имена родителей Іоанна) показываютъ, что въ такихъ произведеніяхъ могутъ заключаться очень древнія и точныя извѣстія. За русское происхожденіе Нифонта говорятъ симпатіи южнаго и сѣвернаго лѣтописцевъ къ Нифонту, невозможныя въ отношеніи къ Греку. «Вопросы Кирика» даютъ право только заключить, что Нифонтъ зналъ греческіе порядки и законы,—вѣроятно, онъ много путешествовалъ и жилъ въ Константинополѣ. Подробности разсказа о видѣніи говорятъ за то, что явившійся Нифонту былъ, несомнѣнно, св. Θεодосій: на хартіи у него открываются написанными слова—«се азъ и дѣти, яже ми далъ есть Богъ»; онъ обѣщаетъ молиться за всѣхъ погребенныхъ въ монастырѣ, другими словами, обѣщаетъ имъ спасеніе.—Это понятно относительно св. Θεодосія и совсѣмъ не идетъ къ рядовому, только что умершему, игумену. Основаніе въ пользу греческаго происхожденія Нифонта, заключающееся въ наблюденіи, что въ лѣтописи при его имени нѣтъ термина—«епископъ» (такъ же, какъ при имени Мануила смоленскаго, Грека) не сильно: въ «Вопросахъ Кирика», памятникѣ, написанномъ его подчиненнымъ—духовникомъ, Нифонтъ иногда не называется епископомъ или владыкой,

точно такъ же, какъ и митрополитъ Климентъ (просто — Климъ). Надлежащее выясненіе личности Нифонта можно сдѣлать только на основаніи детальнаго и полнаго изученія «Вопросовъ Кирика».

Въ заключеніе проф. И. Шляпкинъ просилъ референта разъяснить одинъ частный вопросъ, связанный съ именемъ епископа Нифонта и имѣющій значеніе для уясненія главнаго положенія доклада, а именно — вопросъ о древнѣйшемъ Новгородскомъ антиминосѣ (1144), на которомъ имѣется надпись Нифонта, по повелѣнію ростовскаго епископа Нестора.

23 іюля 3 час. дня.

VI. Памятники языка и письма.

Почетный Предсѣдатель: Профессоръ И. Е. Евсѣевъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: Профессоръ И. А. Шляпкинъ.

Секретари: В. А. Пархоменко и И. М. Тарабринъ.

Засѣданіе было открыто рѣчью Почетнаго Предсѣдателя проф. И. Е. Евсѣева, указавшаго, что при изученіи древней русской письменности до сихъ поръ обращали вниманіе почти исключительно на явленія интересныя съ общерусской точки зрѣнія... Мѣстная Новгородская письменность — въ противоположность письменности южно-русской, кievской — съ мѣстной, Новгородской точки зрѣнія доселѣ не изучалась. Новгородъ, какъ фокусъ древней письменности, забытъ, только немногіе памятники подвергнуты изученію съ специально Новгородской точки зрѣнія (житія святыхъ, сказанія), да и то весьма недостаточно. Между тѣмъ извѣстны такіе крупные памятники, какъ Новгородскіе лѣтописные своды, сводъ библейскихъ книгъ Геннадія, ставшій нынѣ извѣстнымъ сводъ богослужебныхъ книгъ: въ Новгородѣ же начаты и Великія Четы-Миней митроп. Макарія. Судьба Псковской письменности еще болѣе печальна. Древняя и старинная письменность его не только не затронута изученіемъ, но едва намѣчается въ трудахъ изслѣдователей Н. М. Каринскаго, Н. И. Серебрянскаго, акад. А. И. Соболевскаго, А. А. Шахматова и др. Если имѣютъ основанія уже высказываемыя пожеланія, чтобы слѣдующій Сѣздъ былъ снова въ Новгородѣ, то еще справедливѣе было бы устройство его въ Псковѣ.

Рѣчь Предсѣдателя секціи профессора И. А. Шляпкина — «О насущныхъ вопросахъ разработки Новгородскаго фольклора и письменности». Въ настоящій моментъ общей переоцѣнки цѣнностей такую же работу нужно произвести по отношенію къ русской словесности, въ которой Новгородская область занимаетъ съ древнѣйшей поры первое мѣсто. Въ народной словесности поднять вопросъ о Новгородскомъ одѣяніи дошедшихъ до насъ былинъ до-Кіевского цикла (теорія профессора В. Ө. Миллера). Къ изученію русской діалектологіи, рѣшавшей вопросы памятниковъ и историко-топографическіе вопросы о передвиженіи племенъ на основаніи изслѣдованія провинціальныхъ говоровъ, въ настоящее время ребромъ поставленъ

коренной вопрос о происхождении великорусского племени, разрешеніе котораго ближайшимъ образомъ примыкаетъ къ вопросу о сѣверныхъ говорахъ былой Новгородской области. Къ изученію письменности въ полномъ смыслѣ слова назрѣваютъ вопросы вещевой палеографіи, разрѣшаемые преимущественно Новгородскими памятниками. Переходя къ литературѣ, нужно отмѣтить, что древнѣйшія явленія русской литературы тѣсно связаны съ Новгородомъ и особенно нуждаются въ переработкѣ. Древняя лѣтописная литература не соответствуетъ современнымъ требованіямъ реальности и носитъ идеалистическій характеръ во имя высшихъ принциповъ воспитательнаго характера. Подъ этимъ покровомъ нужно найти основанія былой дѣйствительности; съ другой стороны, въ литературѣ водворился рядъ нежелательныхъ трюизмовъ, предвзятыхъ сужденій.

Кому неизвѣстны избитія мнѣнія изслѣдователей о томъ, что въ древней Руси запрещались разсужденія: «всѣмъ бѣдамъ мати мнѣніе». А между тѣмъ даже оказывается, что «мнѣніемъ ангели падоша» — ангелы пали оттого, что возомнили о себѣ, — «мнѣніе, — самомнѣніе, гордость». Названіе философи лица, спорившихъ въ XV столѣтіи о выраженіяхъ «Господи помилуй» и «о Господи помилуй» вовсе не странно, если послѣднее выраженіе понимать падежомъ отношенія: въ первомъ случаѣ («Господи») падежъ звательный, это обращеніе къ Спасителю, а во второмъ («о Господи» = современному о Господѣ) обращеніе къ Богу Отцу во имя Спасителя (какъ мѣстный падежъ); очевидно, философи названы были богословы того времени. Выраженіе Геннадія о невѣжествѣ Новгородцевъ объясняется его Московскимъ ставленничествомъ, выборнымъ началомъ духовенства, при чемъ главное вниманіе обращалось не на степень грамотности, а на ихъ нравственный уровень, да и самъ Геннадій прибавляетъ: «ино всю землю излаяли, яко не найти грамотнаго человѣка». Ересь жидовствующихъ, возможно сводится только къ вольнодумнымъ разговорамъ Новгородскихъ священниковъ, близкихъ къ Западу; требуется и болѣе внимательное изученіе вѣроученія іудейства XV вѣка. Самый Домострой является передовымъ памятникомъ своего времени: били костью и ногою въ животь безъ всякаго разсужденія; Домострой предлагаетъ бить плеткой «вѣжливенько», т.-е. зная мѣру и на единѣ, во избѣжаніе позора тѣлеснаго наказанія; мы не додумались до эмеритальныхъ касокъ для прислуги, а Домострой обязывалъ хозяевъ содержать потерявшихъ силу слугъ «во всякомъ покоѣ» до ихъ смерти. По мѣрѣ силъ и средствъ и наше отдѣленіе, благодаря представленнымъ рефератамъ, принесъ свою лепту разрѣшенія подобныхъ же, давно назрѣвшихъ вопросовъ.

1. В. В. Сидорова: «Новгородское сказаніе о чудѣ отъ иконы Знаменія Пресвятой Богородицы»:

а) Новгородское сказаніе о чудѣ отъ иконы Знаменія Пресвятой Богородицы основано на дѣйствительномъ историческомъ событіи — отраженіи отъ стѣнъ Новгорода ополченія Андрея Боголюбскаго, 25 февраля 1170 года.

б) Новгородская I лѣтопись объ этомъ отраженіи говоритъ только слѣдующими словами: «побѣди я князь Романъ силою крестною и святою Богородицею и молитвами благовѣрнаго владыки Иліе».

в) Древнѣйшая суздальская лѣтопись сообщаетъ о трехъ Новгородскихъ иконахъ, источающихъ слезы — подобнаго сказанія Новгородскія лѣтописи не знаютъ.

г) Въ виду отсутствія болѣе раннихъ письменныхъ данныхъ возможно предположить, что сказаніе о чудесномъ заступленіи Богоматери во время похода 72 князей до XIV вѣка сохранилось въ устномъ народномъ преданіи.

д) Въ XIV вѣкѣ, благодаря извѣстнымъ историческимъ обстоятельствамъ и возможному участию Новгородскаго архіепископа Моисея, преданіе это облеклось въ письменную форму — это первая редакція сказанія.

е) Послѣдующія 5 редакцій возникли въ XV—XVII вѣкахъ, при чемъ изъ нихъ первыя три связаны съ именемъ серба Пахомія Логофета, а шестая — съ именемъ нѣкоего Ивана Тарасевича Грамотина, очевидно, извѣстнаго дьяка Посольскаго приказа начала XVII вѣка.

2. П. В. Булычевъ представляетъ отвѣтъ на присланный въ Съѣздъ запросъ С. К. Кузнецова. «О говорѣ жителей рѣки Сити». Г. Булычевъ былъ въ нынѣшнемъ году командированъ Академіей Наукъ въ указанную мѣстность и познакомилъ слушателей съ результатомъ своихъ наблюдений.

Говоръ Сицкарей вызывалъ издавна интересъ ученыхъ, среди нихъ академика Изм. И. Срезневскаго. Въ говорѣ Сицкарей предполагались какія-то особенности, позволяющія выдѣлить сицкарскій говоръ въ совершенно своеобразную группу, чуть не съ татарскими элементами. Но ознакомленіе съ говоромъ Покровско-Ситской волости, произведенное этимъ лѣтомъ г. референтомъ, привело его къ выводу, что такого рѣзкаго своеобразія въ говорѣ нѣтъ. Въ немъ наблюдается строго выдержанное оканье, спорадическій переходъ *e* въ *o*, отсутствіе замѣны *n* черезъ *и*, рѣдкіе случаи перехода *a* въ *e*, отсутствіе замѣны *в* и *л* черезъ *у*. Цоканье, теперь исчезающее у грамотнаго населенія, въ недавнее время строго соблюдалось, при чемъ звукъ *ч* совершенно отсутствовалъ. Дзеканье у Сицкарей очень мягкое съ фриктивнымъ отгѣнкомъ. Сверхъ дзеканья есть еще одна черта бѣлорусскаго характера: двойное *л* вмѣсто *лј*, но удвоенное *и* и *т*, свойственное бѣлорусскимъ говорамъ, у Сицкарей не наблюдается. На основаніи перечисленныхъ и ряда другихъ особенностей говора, референтъ пришелъ къ выводу, что различными чертами своими сицкарскій говоръ *тѣсно связанъ съ соседними говорами* какъ Новгородскаго (цоканье и др.), такъ и Владимірскаго типовъ (отсутствіе замѣны *n* черезъ *и*), а присутствіе дзеканья тянетъ сицкарскій говоръ немного къ Бѣлоруссамъ.

Оппонентами выступили І. К. Линдеманъ и прив.-доц. Н. Н. Дурново.

По мнѣнію І. К. Линдемана, болѣе существенной особенностью Сицкаго говора является цоканье, подтверждающее кривичское происхожденіе Сицкарей.

Въ доказательство того, что Кривичи цокали, г. Линдеманъ привелъ свидетельства эпиграфическаго характера. Въ Тверскомъ Музеѣ есть такъ называемый Стерженскій крестъ, взятый съ верховьевъ Волги и относящійся къ XII вѣку. Въ надписи этого камня есть элементъ цоканья (Се яз Иванко Павловиць почахъ рыти рѣку сю). Въ западной и юго-западной частяхъ Тверской губерніи — курганы Кривичей.

Н. Н. Дурново высказалъ удивленіе по поводу послѣдняго замѣчанія, считая его совершенно излишнимъ, такъ какъ въ современной наукѣ Кривичское или родственное ему происхожденіе всѣхъ сѣверныхъ говоровъ считается уже почти общепризнательнымъ фактомъ; цоканье отличаетъ почти всѣ древніе сѣверно-русскіе памятники; большинство сѣверно-великорусскихъ говоровъ теперь цокаетъ, какъ и Ситскій, или цокало раньше, что, впрочемъ, не всегда доказываетъ кривичское происхожденіе самаго населенія, которое могло усваивать новгородскія (кривичскія) черты говора подъ вліяніемъ болѣе культурныхъ новгородцевъ.

Далѣе Н. Н. Дурново подтвердилъ выводъ референта о тѣсной связи Сицкаго говора съ окружающими.

3. Х. М. Лопаревъ: «Сказанія о провалившихся городахъ». (Тр. С. Т. I, стран. 347).

Въ послѣдовавшихъ за рефератовъ Х. М. Лопарева прѣніяхъ участвовали: предсѣдатель профессоръ И. А. Шляпкинъ (объ опредѣленіи слова легенды въ книгѣ «Formation des legendes» Paris 1910) и С. Н. Введенскій, который отстаивалъ точку зрѣнія проф. Е. В. Пѣтухова по вопросу о потопленіи города Драча и требовалъ объясненія выключенія референтомъ слова «бысть» въ цитатѣ изъ Серапіона: «Драчь городъ 900 лѣтъ стоялъ потопленъ бысть».

23 іюля, въ 8 час. вечера.

II. Древности историко-географическія и этнографическія.

Почетный Предсѣдатель: проф. Л. Х. Штида.

Предсѣдатель Отдѣленія: проф. М. В. Довнаръ-Запольскій.

Секретари: И. П. Вохомскій, Т. О. Соколовская и Б. Г. Курцъ.

Засѣданіе открылось вступительной рѣчью предсѣдателя проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго, указавшаго, что историческая географія и этнографія являются подспорными дисциплинами для занятій Археологическаго Съѣзда и весьма важны для археологій.

Этнографія, по мнѣнію М. В., обширная наука, и хотя археологія беретъ изъ нея много, однако черты современнаго быта часто даютъ возможность разобраться въ значеніи археологическихъ находокъ и нерѣдко даже простыя этнографическія данныя помогаютъ археологу. Но археологія имѣетъ и отдѣльныя вѣтви (или дисциплины): социологія и фольклоръ, которые также являются ей на помощь въ пониманіи многихъ вопросовъ. Итакъ, этнографія имѣетъ отношеніе къ археологій, какъ подспорная наука.

Историческая же географія можетъ дать много разъясненій для археологій. Часто ничтожное топографическое указаніе проливаетъ много свѣта на археологическія изысканія. Такъ, для Новгорода и Пскова много уже сдѣлано въ этой области въ трудахъ М. В. Муравьева, М. И. Полянскаго, Н. Θ. Окулича-Казарина, П. Л. Гусева и др. Однако, историкамъ, важно не только знаніе мѣстъ, но и соотношенія

между разными районами и, такимъ образомъ, можно реставрировать экономическую географію, что для болѣе позднѣйшаго времени возможно хорошо сдѣлать при помощи Писцовыхъ книгъ. Тогда-то эта дисциплина будетъ важна для исторіи и тѣсно сольется съ ней. Такое отношеніе къ исторической географіи, дающее возможность прослѣдить экономическую исторію страны, весьма важно, и его нужно привѣтствовать, какъ новый поворотъ въ историко-географической дисциплинѣ.

1. Л. В. Падалка. «О происхожденіи и значеніи имени Русь». (Тр. С. Т. I, стран. 357).

2. О. Г. Базанкуръ на тему: «Древне-русская художница», въ которомъ развила свой взглядъ на участіе женщины въ исторіи развитія русскаго искусства. Полагая, что многія русскія архитектурныя сооруженія были обязаны своимъ возникновеніемъ инициативѣ русскихъ женщинъ, докладчица указала, что многія детали каменныхъ архитектурныхъ сооружений заимствованы изъ женскаго обихода. Затѣмъ докладчица перечислила произведенія рукодѣльныхъ издѣлій русскихъ женщинъ для церковнаго обихода, изъ которыхъ многія отличаются большою художественностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ докладчица высказала мысль, что женщина была связана въ этихъ работахъ канонами, чѣмъ и объясняется извѣстное однообразие въ развитіи этого искусства.

Н. И. Троицкій отмѣтилъ значеніе доклада съ научной стороны: вопросъ о вліяніи древней художественной обстановки женщины преимущественно на внутреннее церковное убранство — новый и важный.

Г. А. Магула, соглашаясь съ докладчицей, что женское творчество сыграло извѣстную роль въ исторіи русскаго искусства, признавалъ, однако, что въ архитектурѣ оно выразилось не столь рѣшительно. И конструктивныя и художественныя формы самобытнаго національнаго строительства создались главнымъ образомъ подъ вліяніемъ впечатлѣній отъ природы и особенностей климатическихъ и географическихъ страны, — женское рукодѣліе здѣсь не причесть.

Проф. Г. Г. Павлуцкій разъяснилъ, что никоимъ образомъ орнаментация каменныхъ архитектурныхъ сооружений не явилась подражаніемъ женскимъ одеждамъ, но вылилась изъ деревяннаго строительнаго искусства и что привозныя ювелирныя издѣлія отразились на женскихъ рукодѣліяхъ.

Въ концѣ засѣданія графиня П. С. Уварова огласила нижеслѣдующія телеграммы, полученныя въ отвѣтъ на отправленныя Съѣздомъ привѣтствія, отъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Теодоровны: «Очень тронута памятью Археологическаго Съѣзда; только что была въ Новгородѣ и проникнута его святынями и древностями. Богъ въ помощь Вашей плодотворной работѣ. Елисавета», и отъ профессора Кіевского Университета В. С. Иконникова: «Глубоко тронуть вниманіемъ, приношу сердечную признательность Вамъ и членамъ Съѣзда; недавняя болѣзнь и поѣздка на празднества Карамзина лишили меня возможности предпринять болѣе продолжительное путешествіе. Иконниковъ».

25 іюля 11 час. утра.

Осмотръ ризницы Софійскаго собора.

Первая группа посѣтителѣ (въ составѣ 35 человекъ) осматривала церковную выставку подъ руководствомъ проф. Н. В. Покровскаго. При осмотрѣ имѣлось въ виду ознакомленіе съ предметами, относящимися главнымъ образомъ къ эпохѣ самостоятельности Новгорода (X—XV вѣкѣ). Особенное вниманіе проф. Покровскимъ уделено было слѣдующимъ предметамъ: 1. **Реликварію**, представляющему собою красно-мѣдный вызолоченный ковчежець; по боковымъ сторонамъ его находятся писанныя рельефныя изображенія (повторяется нѣсколько разъ орanta съ двумя фигурами по сторонамъ ея), сходныя съ изображеніями на Равенскихъ саркофагахъ (фигурки стоятъ въ чертогахъ среди колонокъ), плоская крышка украшена шариками и хрусталами. Ковчегъ сходенъ съ ковчегами для мощей, находимыми въ престолахъ древнихъ церквей (особенно Херсонейскихъ). По мнѣнію Н. В. Покровскаго онъ предназначался тоже для этой цѣли и относится къ VIII—IX вѣкамъ; быть можетъ онъ былъ положенъ подъ престолъ деревянной св. Софій епископомъ Іоакимомъ Корсуняниномъ. — 2. **Аворію** — съ изображеніями разнообразныхъ фигуръ и сценъ классическаго рода, по мнѣнію проф. Покровскаго, византійской работы XI вѣка (у замочной скважины позднѣйшій мѣдный гербъ съ монограммой RSEN Rex Sveciae Eutinus Holstein?). Ближе всего онъ подходитъ къ аворіямъ Кенсингтонскому и Эрмитажному. — 3. **Іерусалимамъ** или **сіонамъ** (2), по предположенію Н. В. Покровскаго, передающихъ главныя формы ротонды Гроба Господня. Новгородскіе сіоны работы греческаго характера съ нѣкоторымъ западнымъ вліяніемъ, б. м. выполненной русскимъ мастеромъ (XII—XIII вв.). 4. **Кратирамъ** (2) — серебрянымъ съ двумя по сторонамъ ручками — сосудамъ устроеннымъ по образцу древнихъ такого же типа евхаристійныхъ чашъ (и даже съ надписью по верхнему краю: **Пійте** и т. д.), употреблявшимся въ Новгородѣ для Божоявленской воды: по стилю, иконографіи и палеографическимъ признакамъ они относятся къ XII в. — 5. **Бѣлому клобуку**, по преданію — владыки Василія, но въ описяхъ называемому Леонидовскимъ. — 6. **Панагіарію**, по надписи — устроенному литовскимъ княземъ Юріемъ Лугвеньевичемъ, состоящему изъ собственно панагіара и высокой подставки (4 вальчныхъ ангела): первая часть превосходной, повидимому, русской работы, украшена тонкой филигранью, подставка Западной работы. Затѣмъ осмотрѣны были ладонницы, эмалевая пластина XII вѣка съ изображеніемъ святителя (Игнатія?), кандія, панагіи (особенно архіеписк. Пимена и другая изъ слоновой кости), нѣкоторыя рукописи Софійской (въ томъ числѣ пергамен. евангеліе XII вѣка съ изображеніемъ муч. Пантелеймона и Екатерины, два крюковыхъ стихира XII и XIII вѣковъ (и Кирилло-Бѣлозерской библіотекъ), посохи — приписываемый еписк. Никитѣ (но на костяной ручкѣ его есть изображеніе митр. Петра, кн. Владимира XVII в.), архіепископа Пимена и Геронтія (послѣдній посохъ, быть-можетъ, восточной работы), одежды (особенно — облаченія, приписываемыя св. Никитѣ, келейная мантия, крестчатая риза и омофоръ архіеписк. Моисея), иконы Новгородскихъ писемъ (женъ муроносицъ изъ Муромо-

сицкой церкви, «Свыше пророцы» — изъ Успенской церкви — XV вѣка икона съ молящимися Новгородцами изъ Николокочановской цер. и др.), шитыя вещи («воздухъ» 1456 г. Василия II, пелены изъ Тихвинскаго монастыря), собраніе серебряныхъ вещей съ именами вкладчиковъ изъ Тихвинскаго монастыря, нѣкоторыя вещи изъ Соловецкаго монастыря и др. предметы. Послѣ выставки осмотрѣнъ былъ Софійскій соборъ съ его достопримѣчательностями, при чемъ проф. П. А. Шляпкинъ сдѣлалъ сообщеніе о находящихся тамъ graffiti.

25 іюля 11 час. утра.

Отдѣленіе IV. Древности юридическія, бытъ домашній, общественный и военный.

Почетный Предсѣдатель: Д. И. Иловайскій.

Предсѣдатель Отдѣленія: акад. А. П. Лаппо-Данилевскій.

Секретарь: В. Г. Ляскоронскій.

Открывъ засѣданіе, Д. И. Иловайскій обратилъ вниманіе на желательность имѣть на Съѣздѣ доклады по юридической сторонѣ древняго Новгородскаго быта, при чемъ, какъ на главный матеріалъ, указалъ на Судную вѣчевую грамоту 1471 года. Эта грамота заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя любопытныя черты отличія Новгородскаго судопроизводства въ сравненіи съ другими русскими землями того времени. Въ особенности заслуживаетъ вниманія пресловутая „наводна“. Такъ назывался обычай, допускавшій присутствіе на судѣ „пособія“ отвѣтчику въ видѣ его родственниковъ, однокончанъ, одноуличанъ и т. д., которые иногда являлись въ большомъ количествѣ, производили шумъ и вообще насильственно мѣшали судебному разбирательству. Въ случаѣ присужденія «къ полю», т.-е. судебному поединку, иные **пособники** старались и ему помѣшать. Нѣкоторое слабое подобіе сего обычая встрѣчается въ Судной Псковской грамотѣ 1467 года и, кромѣ того, въ польскомъ Вислицкомъ Статутѣ 1347 года.

Предсѣдатель секціи, академикъ А. С. Лаппо-Данилевскій, обратился къ собранію съ рѣчью, посвященной памяти В. О. Ключевского. Въ лицѣ покойнаго, сказалъ авторъ, Россія потеряла человѣка съ ярко выраженнымъ индивидуальнымъ талантомъ, съ своеобразнымъ творческимъ умомъ, научной пытливостью, съ глубокимъ чутьемъ исторической дѣйствительности и рѣдкимъ даромъ художественнаго воспроизведенія. Въ то время, когда В. О. Ключевскій поступилъ въ Московскій университетъ, не было уже ни Грановскаго, ни Кудрявцева. Онъ засталъ только С. М. Соловьева, который оказалъ на него большое вліяніе. Благодаря Соловьеву, Ключевскій познакомился не съ нѣмецкой, а съ французской школой историковъ, съ взглядомъ знаменитаго ихъ представителя Гизо. Въ духѣ такого направленія В. О. Ключевскій понималъ и раскрылъ основную сущность историческаго процесса, изучалъ взаимную связь явленій и ихъ органическое развитіе.

Проведеніе въ научный обиходъ этихъ идей имѣло огромное значеніе: Ключевскій скоро сталъ во главѣ особой школы, которая разошлась съ Соловьевымъ какъ въ оцѣнѣ факторовъ, такъ и въ пониманіи процесса развитія исторической жизни. Въ то время, какъ Соловьевъ выставлялъ въ этомъ процессѣ на первый планъ роль идей, Ключевскій выставлялъ въ немъ главнымъ изученіе матеріальныхъ факторовъ. Соловьевъ разсматривалъ исторію развитія государства, Ключевскій считалъ, что историкъ обязанъ обратить вниманіе не только на государство, но и на народность. Вслѣдствіе этого, кругъ понятій историческаго процесса Ключевского шире, чѣмъ у Соловьева. Ключевскій интересовался не только политической, но, гораздо болѣе Соловьева, изучалъ и социальную и экономическую жизнь народа: онъ задается вопросомъ о соотношеніяхъ этихъ элементовъ другъ съ другомъ и о ихъ взаимномъ вліяніи. Такая именно точка зрѣнія и замѣчается въ его крупныхъ работахъ о Боярской Думѣ, о Земскихъ Соборахъ, о крѣпостномъ правѣ. Но, обращая свое вниманіе на изученіе историческихъ факторовъ, В. О. Ключевскій съ особымъ интересомъ относился къ разработкѣ «мѣстной» русской исторіи, въ которой эти факторы получали то, а не иное сочетаніе, подъ вліяніемъ данныхъ условій мѣста и времени. Въ своемъ курсѣ Русской Исторіи В. О. Ключевскій стремится выяснитъ своеобразность такого сочетанія и, въ особенности, его индивидуальный характеръ, образованіе исторической личности русскаго народа; построя его развитіе, В. О. имѣлъ въ виду собственно историческое пониманіе нашего прошлаго, но изучалъ его при помощи социологическаго метода. Благодаря творческому воображенію, дару художественнаго изображенія и гражданскому чувству, труды В. О. Ключевского имѣютъ большую прелесть и силу дѣйствія.

1. Проф. О. О. Зигель «Поземельныя отношенія Славянъ въ глубокой древности».

На основаніи отсутствія слова для обозначенія поземельной собственности, на основаніи попадающей неопредѣленности межей даже въ позднее время, на основаніи неустановленности даже въ XIII и XIV вв. началъ о давности, въ которыхъ придавалось особенное значеніе продолжительности пользованія, и на основаніи различныхъ другихъ данныхъ можно предположить, что первобытные Славяне имѣли представленіе только о фактическомъ обладаніи землею, перешедшей отъ дѣдовъ и отцовъ обладателей, совершенно не ставя вопроса о томъ, кому эта земля принадлежала, при чемъ они разсматривали поля, какъ вещь главную, а луга, выгоны и т. д., какъ вещь придаточную. Чрезвычайное обиліе земли и малочисленность населенія объясняютъ намъ, почему вопросъ о принадлежности земли не возбуждался, а земля, вслѣдствіе положеннаго на нее труда, считалась неотъемлемнымъ достояніемъ даннаго кровнаго союза.

Съ момента образованія большихъ политическихъ союзовъ въ VIII, IX и X вв. князья жалуютъ земли, часто населенныя, своимъ дружинникамъ, при чемъ пожалованное населеніе освобождалось отъ извѣстной части стародавнихъ государственныхъ повинностей (подводной, обязанности строить и чинить укрѣпленія и т. д.). За это свое частичное освобожденіе, а также за первобытные княжескіе доходы

отъ суда и т. д., пожалованное населеніе дѣлало взносы своему новому хозяину и его семьѣ. Этими болѣе свободными отъ государственныхъ тягостей землями хозяева ихъ уже могли удобнѣе распоряжаться (требовалось согласіе жены и дѣтей и, можетъ быть, князя), что было, вѣроятно, выражено и въ самихъ жалованныхъ грамотахъ. Служилые люди, пользуясь своимъ вліяніемъ на князя, желали своимъ владѣніямъ придать большую прочность, что и выразилось въ древнихъ славянскихъ законахъ и грамотахъ обѣщаніями правителей не отнимать владѣній произвольно, а такъ же служилые люди стремились расширить права наследственного преемства (доступъ къ наследованію дочерей и даже боковыхъ родственниковъ, жительствовавшихъ подъ однимъ кровомъ). Такимъ образомъ, постепенно слагается новый типъ поземельной собственности, отличный своею отчуждаемостью, свободою отъ государственныхъ тягостей, болѣею широтою наследственного преемства и обезпеченностью отъ произвола правителей: первобытное обладаніе землею дѣдовъ и отцовъ, т.-е. арханческая поземельная собственность Славянъ, всѣхъ этихъ особенностей не имѣло. Со временемъ только этотъ новый типъ и началъ разсматриваться, какъ настоящая поземельная собственность, а обладаніе землею народныхъ массъ все болѣе и болѣе утрачивало юридическую опредѣленность; вмѣстѣ съ тѣмъ и первобытный славянской «дѣдичъ» *heres*, въ западномъ славянствѣ понимается въ смыслѣ чиншевика и даже совсѣмъ забывается, утрачивая всякую ясность, за исключеніемъ одной Чехіи. Такое происхожденіе поземельной собственности наложило свою особую печать и выразилось въ приданіи праву законнаго наследованія у Славянъ семейнаго характера (наследуютъ только сыновья, позже дочери и сожительствующие родственники перваго пріобрѣтателя), частыми случаями выморочности (въ Чехіи даже до второй половины XV в.), наконецъ, частымъ примѣненіемъ конфискаціи за уголовныя преступленія (политическій характеръ). Разложенію «арханческой» собственности способствуетъ и духовенство, воспитанное на понятіяхъ римскаго права на Западѣ и Востокѣ; кромѣ того, оно подрываетъ идею о преступности отчужденія земли первобытными ея обладателями вслѣдствіе необходимости передать клочокъ распаханной земли, часто единственную цѣнность, умирающимъ церкви на поминъ души.

Итакъ, къ началу документальной исторіи, т.-е. къ XI, XII вѣкамъ, поземельныя отношенія во всемъ славянствѣ какъ бы раздваиваются; народныя массы остались при своемъ стародавнемъ взглядѣ на землю, какъ на предметъ, становящійся достояніемъ того, кто сдѣлалъ его пригоднымъ для пользованія, а высшіе слои славянскаго общества, наоборотъ, все болѣе и болѣе проникались въ поземельныхъ отношеніяхъ понятіями римско-византійскаго и даже феодальнаго права.

Въ дальнѣйшемъ развитіи поземельныхъ отношеній въ славянствѣ мы можемъ подмѣтить три группы. Въ Чехіи и Польшѣ, вслѣдствіе слабости свѣтской власти, вызванной отчасти явно выраженной, отчасти скрытой враждебностью къ ней католической церкви, чрезмѣрно усиливается общество, а въ немъ наиболѣе сильный элементъ — дворянство. Въ Польшѣ, по постановленію Петроковскаго сейма 1496 года поземельная собственность можетъ принадлежать только шляхтѣ; даже горожане,

за малыми исключеніями, были лишены права имѣть ее. Въ Чехіи несмотря на тому подобныя попытки, старославянскій дѣдичъ, какъ поземельный собственникъ, сохранился до самаго паденія Чехіи, благодаря силѣ городского элемента. Вторую группу составляютъ Югославыне, гдѣ замѣчается сильное вліяніе западно-европейскаго феодализма; въ Славоніи, Крайнѣ, Истрин, Хорватин, феодальный строй существовалъ непосредственно; въ Болгаріи и сербскихъ земляхъ сильно чувствуется присутствіе феодальныхъ идей особенно послѣ 1204 г. Къ третьей группѣ принадлежитъ Россія, въ которой тѣснѣйшій союзъ власти свѣтской и духовной, отчасти вслѣдствіе византійскихъ вліяній, отчасти вслѣдствіе постоянныхъ войнъ съ ино-вѣрцами, приводитъ къ чрезвычайному усиленію государственной власти, а потому и поземельныя отношенія слагаются исключительно ради государственныхъ интересовъ.

2. В. И. Савва: «Нѣсколько замѣтокъ о боярской думѣ въ XVI в.» Обративъ вниманіе на формулу въ боярскихъ приговорахъ второй половины XVI в. «поговорили», отмѣченную С. Б. Веселовскимъ въ недавно вышедшей статьѣ «Двѣ замѣтки о боярской думѣ и боярскомъ приговорѣ въ первой половинѣ XVII вѣка», референтъ привелъ нѣсколько боярскихъ приговоровъ съ формулами: «бояре приговорили» и «бояре поговорили, да то положили на государскую волю», и счелъ возможнымъ поставить вопросъ: не означаетъ ли формула «поговорили» такой боярскій приговоръ, когда бояре не пришли къ единогласному рѣшенію. Въ тѣхъ же боярскихъ приговорахъ, встрѣчающихся въ посольскихъ книгахъ XVI вѣка и въ дѣлахъ о пріѣздахъ иноземныхъ пословъ въ Московское государство, референтомъ были отмѣчены приговоры боярскіе съ поименнымъ перечнемъ лицъ, бывшихъ у приговора, какъ интересные для опредѣленія, при сколькихъ членахъ боярская дума приговаривала; кромѣ этого, референтъ привелъ показанія посольскихъ книгъ второй половины XVI в. о мѣстахъ, гдѣ Царь съ боярами обсуждалъ дѣла и приговаривалъ.

25 іюля 3 ч. дня.

II. Древности историко-географическія и этнографическія.

Почетный Предсѣдатель: проф. Д. И. Багалъй.

Предсѣдатель Отдѣленія: проф. М. В. Довнаръ-Запольскій.

Секретари: И. П. Вохомскій, Т. О. Соколовакая и Б. Г. Курцъ.

Проф. Д. И. Багалъй, выразивъ благодарность Ученому Комитету, почтившему его избраніемъ въ Почетные Предсѣдатели, сказалъ нѣсколько словъ по поводу прочитаннаго въ прошломъ засѣданіи реферата на тему о началѣ Руси, и въ виду предстоящаго на эту же тему сообщенія Д. И. Иловайскаго.

Варяжскій вопросъ, сказалъ онъ, почти 2 вѣка подвергается разработкѣ, дѣйствуетъ на чувство и пробуждаетъ страсти; возбуждаетъ онъ особое исключительное вниманіе и настоящаго Археологическаго Съѣзда въ Новгородѣ, такъ какъ

съ Новгородомъ связано, по лѣтописной легендѣ, начало Русскаго Государства. Но мнѣніе о томъ, что это начало нужно отнести къ Кіеву, не можетъ умалить значеніе Новгорода. Теперь мы спокойно отнесемся къ такому или иному рѣшенію этого вопроса, потому что онъ имѣетъ гораздо болѣе широкую постановку, при которой генеологія Рюриковичей является фактомъ второстепеннымъ. Въ настоящее время въ Русской исторической литературѣ Варяжскій вопросъ спеціально не затрагивается, но мы сильно двинулись по пути его разрѣшенія съ этой болѣе общей и широкой точки зрѣнія. Мы дѣлаемъ попытки связать наши выводы и заключенія о Руси съ древнѣйшей исторіей Славянъ и Аріійцевъ. Мы слѣдимъ за преемственностью культуръ на Русской территоріи и стараемся связать ихъ другъ съ другомъ, доходя до эпохъ доисторическихъ, о которыхъ даетъ свѣдѣнія только археологія.

Далѣе проф. Д. И. Багал'й отмѣтилъ постановку этого вопроса въ рефератѣ Л. В. Падалки и остановился, главнымъ образомъ, на разборѣ его методологическихъ приѣмовъ, которые не удовлетворяютъ строгимъ требованіямъ, вытекающимъ изъ особой исключительной трудности данного вопроса. Авторъ ограничился однимъ лѣтописнымъ спискомъ, а другіе источники черпалъ изъ общихъ пособій. Археолого-топографическій матеріалъ референта носитъ узкотерриторіальный характеръ (Полтавская губернія) и не даетъ права дѣлать широкихъ обобщеній. Въ частности, нельзя опредѣлять значеніе городищъ, какъ мѣстъ, гдѣ складывались цѣнности. И теперь уже выяснено, что городища имѣли разнообразное значеніе. Заслуживаетъ вниманія I часть доклада Л. В. Падалки, какъ попытка анализа лѣтописныхъ извѣстій о разнообразномъ значеніи имени Русь.

Далѣе Д. И. Багал'й опредѣлилъ то почетное мѣсто, которое занимаетъ въ разрѣшеніи этого вопроса Д. И. Иловайскій: ему принадлежитъ историческая заслуга въ основаніи скептической школы по вопросу «о призваніи Варяговъ».

Въ заключеніе Д. И. Багал'й отмѣтилъ, что въ настоящее время и норманисты и противники ихъ сходятся на образованіи русскаго государства въ Приднѣпровьи. Примѣромъ этого можетъ служить В. О. Ключевскій. Онъ норманистъ. Тѣмъ не менѣе, онъ сдѣлалъ очень много для уясненія важной роли Поднѣпровья въ созданіи государства въ Кіевѣ. Да и лѣтописецъ говоритъ о началѣ Руси въ Кіевѣ. Но все же, заключилъ свою рѣчь проф. Багал'й, значеніе Новгорода отнятіемъ у него Рюрика нисколько не умаляется: онъ вмѣстѣ съ Кіевомъ является колыбелью нашей культуры и цивилизаціи.

1. Д. И. Иловайскій: «Основные тезисы о происхожденіи Руси». Указавъ на свои первыя побужденія къ занятію Варяжскимъ вопросомъ, онъ изложилъ часть своей скептической теоріи, теоріи о туземности Руси или Роксоланской. Вопросъ о призваніи Варяговъ носитъ сказочный характеръ: сказаніе о трехъ братьяхъ встрѣчается и у другихъ народовъ; невозможно предположить союзъ разноплеменныхъ народностей, образованный для призванія Варяжскихъ князей. Отсутствіе аналогій тоже свидѣтельствуетъ о легендарности этого сказанія: нигдѣ такимъ образомъ не основывались государства; можно отправить пословъ къ ино-

земцамъ за помощью и только, какъ это было при основаніи Англійскаго государства. Преданіе о призваніи варяжскихъ князей не народное, а возникло при дворѣ Кіевскихъ князей изъ желанія производить себя отъ знатныхъ, а Варяги славились, гремѣли на всю Европу. Способствовали возникновенію легенды и родственныя отношенія Кіевскихъ и Варяжскихъ князей, а затѣмъ также и служба Варяговъ дружинниковъ у Кіевскихъ князей. Гарнизонъ былъ въ Новгородѣ, а этотъ послѣдній находился въ зависимости отъ Кіева. Этотъ пріемъ на службу и отразился въ легендѣ. Безсмысленно призывать цѣлый народъ; невѣроятно послѣдующее смѣшеніе Варяговъ съ Русью, — въ такомъ случаѣ исчезнетъ изъ исторіи громадный Русскій народъ, вѣдь Скандинавовъ была $\frac{1}{5}$ часть и нельзя, поэтому, думать, чтобы эта горсть смела цѣлый народъ. Лѣтописный текстъ, вѣроятно, подвергся какой-то ошибкѣ: во главѣ призывавшихъ была «Русь», а переписчикъ потомъ поставилъ «Руси», что позднѣйшіе толкователи произвольно стали толковать.

Такимъ образомъ, норманская теорія держится на испорченномъ лѣтописномъ текстѣ.

Въ виду того, что вопросъ о происхожденіи Руси въ высшей степени сложный, и что невозможно дать болѣе точное и удовлетворительное его объясненіе въ краткомъ рефератѣ, Д. Н. Иловайскій указалъ слушателямъ на свои изслѣдованія по этому вопросу, помѣщенные въ печати, и этимъ заключилъ свой докладъ.

2. Е. В. Аничковъ «Возстаніе волхвовъ въ XI вѣкѣ».

а. Возстанія эти происходили отъ 1024—1079 гг.

б. Причины возстанія волхвовъ коренятся въ томъ, что за это время на сѣверѣ отъ Новгорода на юго-востокъ до Шексны происходила «скудость», а у волхвовъ еще существовали сохраненные традиціей способы борьбы съ нею: 1) избіеніе стариковъ и преимущественно женщинъ; 2) помощь болѣе богатыхъ неимущимъ, и 3) закупка хлѣба на нижнемъ Поволжѣ.

в. Міросозерцаніе волхвовъ опредѣляется прежде всего комплектомъ финскихъ вѣрованій, изучаемыхъ теперь этнографами у современныхъ инородцевъ восточной Россіи и Сибири. Но возможно признать и дѣйствительно имѣвшимъ мѣсто, а не только возникшемъ въ воображеніи лѣтописца, вліяніе на нихъ дуалистическихъ вѣрованій.

д. Въ лѣтописи сообщенія о волхвахъ всѣ, въ противоположность мнѣнію А. А. Шахматова, сдѣланы Никономъ Великимъ, со словъ двухъ его знакомцевъ и друзей, которые оба участвовали въ подавленіи языческой вспышки: кн. Глѣба Святославовича и Яна Вышатича. Что одно и то же лицо составляло всѣ статьи о волхвахъ, видно изъ близости рѣчей Глѣба Святославовича и Яна Вышатича къ проповѣди «О ведрѣ и казняхъ Божіихъ».

е. Слово «о ведрѣ и казняхъ Божіихъ», въ противность мнѣнію г. Чаговца, произведеніе русское, составленное именно по поводу этихъ событій, при чемъ основнымъ источникомъ послужила проповѣдь Григорія Богослова, «объ побитіи градомъ» въ славянскомъ переводѣ, схожемъ съ изданнымъ проф. Будилевичемъ.

ж. Во время природныхъ бѣдствій церкви приходилось задумываться о двухъ вещахъ: во-1-хъ, о способахъ борьбы матеріальныхъ, во-2-хъ — объ осмысленіи

метафизическаго значенія природныхъ бѣдствій. Этому послужило внесенное въ лѣтопись «слово о ведрѣ и казняхъ Божіихъ».

По поводу реферата С. Н. Введенскій сдѣлалъ замѣчанія, что не одинъ голодъ служилъ поводомъ къ возстаніямъ волхвовъ; ошибочно и мнѣніе, что социальныя причины способствовали тому, что волхвы убивали стариковъ и женщинъ.

А. М. де-Виттъ замѣтила, что мнѣніе референта, что «язычество никогда до идеи мірозданія и Богосоздателя не доходило», не оправдывается хотя бы египетской религіей, считавшей уже въ эпоху средняго царства началомъ «Единого» и т. п. Что же касается до возстанія волхвовъ, то это была такая же языческая реакція, какія происходили рѣшительно всюду вскорѣ послѣ принятія христіанства.

Референтъ остался при своемъ мнѣніи, считая возраженія не аргументированными.

3. Протоіерей А. П. Поповъ: Младшій Григоровичъ. Новооткрытый паломникъ по Св. мѣстамъ XVIII в.».

Референтъ началъ съ сообщенія біографическихъ свѣдѣній объ авторѣ. Авторъ «Младшаго Григоровича» былъ настоятель Посольской церкви въ Константинополѣ архимандритъ Леонтій. Онъ родился вблизи Полтавы въ 1729 г. 18 Октября отъ Степана и Дарьи Власьевны Яценко. Мать вела родъ отъ поляка пана Яна Зеленскаго. Мірское имя архимандрита Леонтія было Лука. Онъ подписывался фамиліей своей прежде Зеленскаго. Дѣтство провелъ въ Пушкарровкѣ въ 4 верстахъ отъ Полтавы, гдѣ учился грамотѣ у пана Яна Орловскаго. Лука Степановичъ 19 лѣтъ поступилъ въ Полтавскій Крестовоздвиженскій монастырь, гдѣ скоро получаетъ іеромонашество и званіе намѣстника. Въ 1764 г. отправляется въ путешествіе на Востокъ на поклоненіе Св. мѣстамъ. На обратномъ пути въ Россію останавливается въ Константинополѣ, по приглашенію русскаго посланника, для отправленія Богослуженія въ Посольской церкви. Впослѣдствіи іеромонахъ Леонтій былъ утвержденъ въ званіи капеллана Посольской церкви, получилъ въ награду золотой крестъ и санъ архимандрита. Въ 1799 году вышелъ за штатъ съ пенсіей 400 ефимковъ въ годъ и съ правомъ жить, гдѣ хочетъ. Архимандритъ Леонтій умеръ въ Константинополѣ въ началѣ 1807 года.

«Младшій Григоровичъ» состоитъ изъ XIII томовъ. Онъ написанъ подъ вліяніемъ описанія путешествія Василя Григоровича Барскаго. Нельзя отрицать нѣкотораго вліянія французскихъ писателей XVIII вѣка (архимандритъ Леонтій зналъ французскій, италіанскій, греческій и турецкій языки), проявившагося въ легкомысленномъ отношеніи къ нѣкоторымъ предметамъ и обычаямъ Востока, къ которымъ до того времени русскіе паломники писатели — относились съ любовью и благоговѣніемъ.

Изъ XIII томовъ до сихъ поръ сохранились только 1—9 и 13-й. 10-го 11-го и 12-го том. нѣтъ. Сохранившіеся первые 9-ть томовъ написаны въ листъ, на хорошей бумагѣ собственноручно архимандритомъ Леонтіемъ, переплетены въ кожу. Каждый томъ пронумерованъ и въ концѣ каждого тома помѣщено оглавленіе. Въ 1-мъ томѣ — 392 стр., во 2-мъ — 451 стр., въ 3-мъ — 387 стр., въ 4-мъ —

400 стр., въ 5-мъ — 440 стр., въ 6-мъ — 479 стр., въ 7-мъ — 408 стр., въ 8-мъ — 304 стр. и въ 9-мъ — 420 стр.

Въ первыхъ трехъ томахъ заключается описаніе путешествія по Св. мѣстамъ Востока. Въ 3-мъ томѣ помѣщены воспоминанія архимандрита Леонтія о жизни казаковъ Запорожской Сѣчи въ послѣдніе дни ея существованія. 4-й и 5-й томы заключаютъ описаніе Константинопольской жизни. 6-й томъ — содержитъ описаніе путешествія архимандрита Леонтія въ Россію во время первой войны Россіи съ Турціей при Екатеринѣ II. 7-й и 8-й томы заключаютъ въ себѣ описаніе путешествія архимандрита Леонтія въ Россію во время второй войны Россіи съ Турціей при Екатеринѣ II.

Въ заключеніе — упоминаніе о мелкихъ произведеніяхъ архимандрита Леонтія: а) «Нравоучительная Исповѣдь Правовѣрнаго Христіанина и истинно-кающагося въ грѣхахъ своихъ»; это сочиненіе не представляетъ ничего особеннаго и состоитъ изъ текстовъ слова Божія или Св. Отцевъ церкви; б) «Украинская сказка», въ которой, въ подражаніе Руссо, архимандритъ Леонтій осмѣиваетъ русское воспитаніе того времени и в) «Почта Духовъ». Въ подражаніе баснописцу И. А. Крылову архимандритъ Леонтій, когда жилъ на покоѣ въ Константинополѣ, рѣшился составлять журналъ «Почту Духовъ», содержаніемъ для котораго выбиралъ то изъ церковной исторіи, то изъ философіи XVIII вѣка предметы, то высмѣивалъ западную инквизицію, то заблужденія лютеранъ.

Что касается формы изложенія, то архимандритъ Леонтій былъ вѣрный сынъ XVIII вѣка, пользовался епистолярной формой изложенія. Правописаніе — далеко не установившееся. Въ языкѣ архимандрита Леонтія сказываются вліянія малороссійской и польской рѣчей.

25 іюля 8 час. вечера.

Отдѣленіе VI. Памятники языка и письма.

Почетный Предсѣдатель: акад. А. И. Соболевскій.

Предсѣдатель Отдѣленія: проф. И. А. Шляпкинъ.

Секретари: В. А. Пархоменко и И. М. Тарабринъ.

1. Н. Н. Соколовъ: «Народные говоры Новгородской губерніи въ связи съ вопросомъ о составѣ и границахъ Сѣверно-великорусскаго нарѣчія».
 - а) Факторы, вліяющіе на діалектологическое раздѣленіе мѣстности.
 - б) Выдѣленіе говоровъ чисто Сѣверно-великорусскихъ и переходныхъ на Сѣверно-великорусской основѣ въ Новгородской губ.
 - в) Дѣленіе говоровъ Новгородской губ. на 2 группы. Основанія этого дѣленія.
 - г) Выдѣленіе переходныхъ говоровъ Тихвинскаго, Устюжнскаго и зап. части Череповецкаго уѣзда.
 - д) Объясненіе утраты нѣкоторыхъ чертъ въ центральныхъ говорахъ губерніи въ зап. группѣ Новгородскихъ говоровъ.
- Труды XV Съѣзда. Т. I.

е) Объясненіе иканья.

ж) Дѣленіе переходныхъ говоровъ на Сѣверно-великорусской основѣ по типамъ аканья.

з) Происхожденіе различныхъ типовъ аканья въ Новгородской губ. и распределеніе его по сосѣднимъ губерніямъ.

и) Распределеніе оканья по сосѣднимъ губерніямъ и степень ихъ вліянія на Новгородскіе говоры.

к) Единство Новгородскаго говора.

л) Работы по Новгородской діалектологіи.

Въ послѣдовавшихъ по поводу реферата Н. Н. Соколова преніяхъ приняли участіе: почетный предсѣдатель акад. А. И. Соболевскій, Н. Н. Дурново, М. А. Мельникова, Ю. М. Соколовъ, Х. П. Ящуржинскій.

М. А. Мельникова обратила вниманіе на іотированное о въ Лужскомъ уѣздѣ и на слово «гарно». Х. П. Ящуржинскій заявилъ, что нѣкоторыя черты Новгородскаго нарѣчія, какъ оканье, переходъ «ъ» въ «и», напр., «линь», «сино», переходъ «л» и «в» въ «у» неслоговое, напр.: «пстоу», «воукъ», «у води», вмѣсто — въ водѣ; переходъ «ѣ» въ «х», употребленіе союза «що» вмѣсто «что» сближаютъ Новгородское нарѣчіе съ малорусскимъ языкомъ.* Съ лексической стороны также есть слова общія Новгородскому и Малорусскому языку, какъ напр.: «пенчохи», «черевики», «свитка», «чуть», «хоронить» (прятать), «даси» вмѣсто дашь, «ослопъ» (стулъ). Древнія частыя сношенія Кіева съ Новгородомъ, такъ какъ часто Кіевскіе князья бывали и Новгородскими, великій путь изъ *варягъ въ греки*, способствовали поселенію южанъ на Сѣверѣ. Эти сношенія и поселенія отразились на Новгородскомъ нарѣчьи.

Н. Н. Дурново по поводу замѣчаній Х. П. Ящуржинскаго указалъ, что вопросъ о вліяніи малороссійскаго нарѣчія на новгородское уже давно можетъ считаться рѣшеннымъ отрицательно. Перейдя къ докладу Н. Н. Соколова, оппонентъ остановился на распространеніи цоканья въ русскомъ языкѣ. Первоначально цоканье являлось отличительной чертой Кривичей, Новгородскихъ Славянъ и, можетъ быть, другихъ славянскихъ племенъ, не называемыхъ лѣтописцемъ, но стоявшихъ въ ближайшемъ родствѣ съ Кривичами. Любопытно, что нынѣшнія границы цоканья въ Рязанской губ. совпадаютъ съ границами древнихъ поселеній, ближайшимъ образомъ родственныхъ кривицкимъ. Съ распространеніемъ кривицкой культуры, главнымъ центромъ которой былъ Новгородъ, цоканье распространилось далеко на Востокъ и по Волгѣ. Но по мѣрѣ того, какъ бывшія кривицкія области втягивались въ область вліянія другихъ племенъ, цоканье въ этихъ областяхъ могло исчезать, какъ, напр., въ Смоленской области, а съ паденіемъ Новгорода и въ Новгородской. Далѣе Н. Н. Дурново отмѣтилъ недостаточность матеріала для рѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ исторіей Новгородскаго нарѣчія и указалъ, что Московская Діалектологическая Комиссія, въ цѣляхъ пополненія этого матеріала, издаетъ программы для собиранія свѣдѣній о говорахъ; такая программа по сѣверно-вадимирскимъ говорамъ должна выйти въ августѣ мѣсяцѣ.

Ю. М. Соколовъ внесъ поправку къ сообщенію Н. Н. Соколова, принявшаго ассимиляцію *б* послѣдующему *м* за одну изъ чертъ, принадлежащихъ только западной группѣ Новгородскихъ говоровъ, въ отличие отъ Востока. По личнымъ наблюденіемъ оппонента эта черта присуща также и восточной части говоровъ въ Новгородской губ. (Бѣлозер. и Кириллов. уѣзды) и сосѣднихъ уѣздовъ Вологодской губерніи.

Акад. А. И. Соболевскій, оговоривши, что будетъ въ своихъ замѣчаніяхъ основываться на матеріалѣ чисто историческомъ, указалъ, что восточная часть Новгородской губ. (Бѣлозерскій край) въ древности входила въ составъ Ростовскаго удѣла. Потомки Ростовскихъ князей, князья Бѣлозерскіе, Ухтомскіе, Андомскіе и др. повели колонизацію далѣе на Сѣверъ, на Сѣв. Двину. Вел. Устюгъ былъ въ ихъ рукахъ. Дѣла Приказа Дворцовыхъ Дѣлъ подтверждаютъ, что эти области были во власти Москвы. Чтобы между населеніемъ этихъ областей и Новгородскимъ существовала тѣсная связь, академикъ Соболевскій признать не рѣшается. Наоборотъ, нѣкоторыя черты языка въ Бѣлозерскомъ краѣ и сѣвернѣе (*у* вмѣсто *о* и *я*), указываемыя памятниками XV вѣка, заставляютъ выдѣлить говоры этихъ областей въ особую группу. Академикъ Соболевскій полагаетъ, что древнѣйшіе говоры Кривичей были не только Новгор., Пек., Смол., Полоцк., Вит., но и также еще Волжскій, который выдѣлилъ изъ себя Бѣлозерскій и Двинскій говоры.

2. А. М. де-Виттъ: «Повѣсть о Новгородскомъ Посадникѣ Щилѣ». Положенія доклада:

- а) «Щиловъ монастырь основанъ въ 1310 году».
- б) Повѣсть о Щилѣ не имѣетъ никакого отношенія ни къ основанію Щилова монастыря, ни къ личности основателя, хотя говорить о томъ и другомъ.
- в) Щиль, герой легенды, не есть лицо историческое.
- г) Толчокъ для возникновенія легенды дали фрески.
- д) Легенда возникла въ концѣ XV вѣка.

По поводу доклада де-Виттъ высказали свои замѣчанія: акад. А. И. Соболевскій: «Сказаніе не на тему о грѣхѣ ростовщичества, а о силѣ церковной молитвы за умершихъ»; Д. И. Иловайскій — «Основной мотивъ не мѣстный Новгородскій, а заимствованный изъ западныхъ странствующихъ сюжетовъ»; П. П. Соколовъ — «Преимущественно черезъ г. Новгородъ шли католическіе мотивы». С. Н. Введенскій отрицалъ разногласіе между лѣтописными свидѣтельствами и данными легенды: возможно предположить, что архимандритъ Кириллъ — сынъ Щила, а Щиль, послѣ того, какъ былъ ростовщикомъ, принялъ схиму. Что касается денегъ, то на нихъ нельзя ссылаться, такъ какъ неизвѣстно, какія тогда были гривны и деньги.

А. М. де-Виттъ замѣтила, что, чтобы считать архимандрита Кирилла сыномъ Щила, нужно имѣть какія-нибудь данныя. Въ лѣтописяхъ на каждомъ шагѣ встрѣчаются архимандриты, игумены и проч. духовныя и свѣтскія лица, строители церквей; но нельзя же ихъ приводить въ родственныя отношенія между собой. Предполагать, что посадникъ Щиль постригся въ монахи нельзя. Такого поса-

ника не было — и характеръ повѣсти показываетъ, что она составлена относительно лица свѣтскаго, а не монаха. Что касается новгородскихъ денегъ, то извѣстенъ 1420 г., когда началась ихъ чеканка и каковы онѣ были. Чеканка производится сначала **частнымъ** образомъ, но съ 1447 г., послѣ бунта, чеканка становится официальной. Проф. Кауфманъ, вопреки Ключевскому, доказалъ, что Новгородскій рубль имѣлъ 14 гривенъ и 6 денегъ = 216 денегъ во все время своего существованія. Деньга новгородская была вдвое больше московской. Новгородская деньга сдѣлалась прародительницей нашей копейки, а московская — нашей денежки. Вѣроятно, Шиль взялъ для своихъ операций единицу — 200 денегъ, и хотѣлъ брать $\frac{1}{2}\%$, а такъ какъ самой мелкой монетой была деньга, то онъ и считалъ для удобства на 200—1.

3. Проф. Г. А. Ильинскій: «Откуда происходитъ слово «обыденный»? (Тр. Съѣзда, т. I; стр. 514).

Возражая, С. Н. Введенскій указалъ, что **обыденный** могло возникнуть изъ **обденный** и что, слѣдовательно, оно представляетъ образованіе, параллельное **обнощный**, или **обнощевати**, но докладчикъ возразилъ на это, что такая этимологія не объясняетъ появленіе **ы** въ словѣ **обыденный** и **в** въ формѣ **овыденный**. М. А. Мельникова добавила, что звукъ **ы** въ словѣ **обыденный** можетъ представлять такую же вставку, какъ и **в** въ словѣ **обыгай** изъ **обвыгай**, но референтъ возразилъ, что такая вставка **ы** совершенно противорѣчила бы фонетическимъ законамъ русскаго языка.

Проф. И. А. Шляпкинъ, по поводу образованія слова «**обои**» изъ **обвой** указалъ на формы «обойная мука», «набойка» и привелъ археологическую справку: въ XVIII столѣтіи стѣны покоевъ обивать холстомъ, на которомъ набивали извѣстный рисунокъ.

4. Б. М. Соколовъ: «Эпическія сказанія о женитьбѣ князя Владимира».

Обслѣдованныя докладчикомъ сказанія о женитьбѣ кн. Владимира дѣлятся на три главныя группы: 1) народныя побывальщины, 2) лѣтописныя сказанія о женитьбѣ Владимира на Рогнедѣ, 3) былины о женитьбѣ князя Владимира, обыкновенно называемыя былинами о Дунаѣ. Въ настоящемъ собраніи г. Соколовъ остановился только на разборѣ и анализѣ первой группы. Въ основу изслѣдованія легла записанная имъ побывальщина въ Кирилловскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи. Единственнымъ къ ней варіантомъ служить, сохранившаяся въ довольно поздней формѣ, побывальщина «Князь Кіевскій Владимиръ и Илюша, сынъ матросовъ», изъ Пермской губерніи (напеч. въ Зап. Геогр. О. по отд. Этн. т. I, стран. 659—661). Обѣ эти побывальщины, особенно Новгородская, включаютъ въ себѣ много чисто-былинныхъ элементовъ. На этотъ же мотивъ (женитьба князя или царевича на могучей королевнѣ при помощи свата помощника, который исполняетъ namъсто князя трудныя задачи (состязанія) и замѣняетъ князя на брачномъ ложѣ (съ цѣлью привести невѣсту къ покорности) существуютъ 14 извѣстныхъ референту въ печати сказочныхъ русскихъ параллелей (Аванасьевъ, 76, 116, а, б, с, 118; Худяковъ, № 19; П. Кулишъ. Записки II, стран. 58; Ончуковъ 177; Эрлевейнъ

№ 19; 3 записи изъ собранія Бр. Ю. и Б. Соколовыхъ). Сличеніе этихъ всѣхъ пересказовъ и побывальщинъ между собою, позволило установить основное «зерно», общую ихъ схему. Содержаніе этой схемы, вплоть до отдѣльныхъ подробностей, сходно съ VI, VII и X авантюрами извѣстной пѣсни о Нибелунгахъ. Изученіе же древнегерманской варіаціи этого разсказа по старшей и младшей Эддѣ, Вельзунгасагѣ и Тидрокъ-сагѣ позволило референту выдѣлить тѣ элементы, которые сходны съ русскими сказаніями и отличны отъ Nibelungenlied. Отсюда дѣлается заключеніе, что сказаніе типа «женитьба князя Владимира» восходитъ къ той древнегерманской версіи, какая служила источникомъ для VI, VII, X Nibelungenlied и разсказа Торекъ-саги. Существующія на этотъ мотивъ южно-славянскія пѣсни (типа женитьба Душана) восходятъ тоже къ германскому источнику; видѣть же въ нихъ источникъ для русскихъ сказаній нѣтъ возможности, за отсутствіемъ многихъ характерныхъ чертъ общихъ и для русскихъ, и для близкихъ къ нимъ версій германскихъ. Дальнѣйшую исторію сказанія на Руси и выясненіе историческихъ и бытовыхъ чертъ можно установить черезъ изученіе и анализъ двухъ другихъ группъ этого сказанія, представляющихъ собою различныя степени одного и того же зерна — поэтического процесса

26 іюля 10 час. утра.

Отдѣленіе V. Церковныя древности.

Почетный Предсѣдатель: профессоръ Кіевской Духовной Академіи, протоіерей І. Н. Корольковъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: проф. Н. В. Покровскій.

Секретари: И. А. Карабиновъ и свящ. В. Д. Прилуцкій.

Засѣданіе открылось рѣчью Почетнаго Предсѣдателя, въ которой была отмѣчена тѣсная связь, существовавшая въ древнее время между «матерью» городовъ русскихъ — Кіевомъ и «дѣдомъ» русской земли — Новгородомъ. Въ подтвержденіе своей мысли, ораторъ остановился на св. Софіи Новгородской, представляющей большое сходство съ Софіей Кіевской. Въ заключеніе было высказано пожеланіе по отношенію къ мѣстнымъ дѣятелямъ — охранять въ возможной неприкосновенности уцѣлѣвшіе памятники Новгорода и по отношенію къ участникамъ Съѣзда — возможно шире знакомиться съ Новгородской стариной.

Предсѣдателемъ Съѣзда, графиней П. С. Уваровой, были доложены собранію вновь полученныя привѣтственныя телеграммы Съѣзду: отъ свящ. Звѣрева — предсѣдателя Воронежской Архивной Комиссіи, В. Н. Поливанова, генерала Златарскаго, предоставившаго помѣщеніе иностранцамъ, и благодарственная отъ профессора Н. И. Петрова.

1. Н. В. Покровскій: «Іерусалимы или сіоны Новгородской Софійской ризницы» (Тр. С. Т. I; стран. 1).

Высокопреосвящ. Арсеній, выступивъ противъ заявленія докладчика, что Сіоны въ настоящее время вышли изъ церковнаго употребленія, указалъ факты

употребленія Сіоновъ и доселѣ (Старый и Новый Аѳоны, Елеазарова пустынь и др.). Относительно назначенія Сіоновъ оппонентъ высказалъ предположеніе, что цѣль ихъ — служить выраженіемъ идеи торжествующей церкви примѣнительно къ извѣстному тексту ап. Павла Евр. XII, 22—Н. В. Покровскій отвѣтилъ, что указываемые Высокопреосв. Арсеніемъ предметы не Сіоны: а мощехранительницы или ладаницы.

Проф. Г. Г. Павлуцкій сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о стилѣ самихъ памятниковъ и времени ихъ происхожденія: а) Фусты колоннъ одного изъ Сіоновъ имѣютъ на себѣ орнаментъ въ видѣ такъ называемаго «побѣгуна»; такой орнаментъ ведетъ свое начало отъ античнаго искусства и былъ принятъ искусствомъ византійскимъ; въ русскомъ искусствѣ византійское вліяніе исчезаетъ въ XVI вѣкѣ, слѣдовательно Сіоны нельзя относить ко времени позже XVI вѣка; б) Въ верхнихъ частяхъ междуколонныхъ пролетовъ обоихъ памятниковъ имѣется такъ называемый плетеный орнаментъ. Эта «плетушка» — распространенный мотивъ орнаментации въ Западной Европѣ съ XII ст. Она же составила основу романскаго стиля. На данныхъ памятникахъ плетушка имѣетъ подробность: ленточки плетения заканчиваются завитками — усиками. Это слѣды арабскаго искусства. Когда же могли быть занесены къ намъ черты этого искусства? Только послѣ нашествія татаръ. Отсюда и изучаемые памятники, по мнѣнію проф. Павлуцкаго, могутъ быть относимы ко времени послѣ XIII вѣка, т.-е. къ XIV или XV.

Проф. А. А. Павловскій на это замѣтилъ, что черты арабскаго искусства могли быть занесены къ намъ и помимо татаръ, черезъ Византію.

Н. И. Троицкій указалъ, что есть памятники того же рода, съ наименованіемъ «Сіоны, Іерусалимы», представляющіе собою конструкцію кувуклія, украшенные извнѣ колонками, между которыми размѣщены изображенія апостоловъ (наприм., въ Тульской Палатѣ Древностей). Они палестинскаго происхожденія и хорошо соотвѣтствуютъ своей цѣли: какъ въ кувукліи помѣщается гробъ, на которомъ лежало пречистое и нетлѣнное тѣло Господа, такъ и въ подобныхъ «кувукліяхъ» хранится хлѣбъ — тѣло Евхаристіи. Итакъ — Сіоны, это — дарохранильницы. Если они употребляются иногда въ торжественныхъ выходахъ не только за литургіей, но и за всеобщимъ бдѣніемъ, то таковое дѣйствіе символическое, напоминающее ветхозавѣтный ковчегъ, въ которомъ хранилась манна, прообразъ Тѣла Христова, почему и наша дарохранильница унаслѣдовала наименованіе ковчеговъ.

Проф. А. А. Павловскій указалъ на значеніе свидѣтельства преосвященнѣйшаго Арсенія объ употребленіи и нынѣ на Аѳонѣ Сіоновъ-іерусалимовъ въ видѣ церкви при каженіи, какъ отъ настоящаго къ прошедшему, выясняющаго пониманіе древнихъ Сіоновъ-іерусалимовъ, какъ образа церкви. Новгородскіе Іерусалимы-сіоны, несомнѣнно, воспроизводятъ гробъ Господень — ротонду Константина Великаго, какой мы знаемъ ее по древнѣйшимъ византійскимъ памятникамъ, перечисленнымъ проф. Покровскимъ. Время исполненія Новгородскихъ Сіоновъ — XII вѣкъ, какъ можно судить по орнаменту, имѣющему аналогію въ памятникахъ такъ называемаго романскаго стиля во Владимірѣ, Суздальской области, какъ справедливо

замѣтилъ проф. Павлуцкій; но проф. Павловскій не согласился съ обычнымъ мнѣніемъ о романскомъ съ запада происхожденіи Владиміро-Суздальской орнаментики. По его мнѣнію вообще названія: византійское, романское искусство — названія условныя, и памятники этихъ стилей нельзя обязательно связывать по происхожденію съ Византіей или западной Европой. Однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ сложенія и того и другого искусства являлась Сирія, особенно послѣ арабскаго завоеванія, усиленно снабжавшая и Россію и Западную Европу мелкими произведениями христіанскаго искусства, оказывавшими вліяніе на сложеніе такъ называемаго романскаго стиля. Экспортъ этихъ произведеній шелъ двумя путями: по сѣверному побережью Африки чрезъ Сицилію въ западную Европу, какъ было освѣщено профессоромъ еще 20 лѣтъ тому назадъ; чрезъ Кавказскія ворота по сѣверному побережью Чернаго моря въ славянскія земли и по Волгѣ и Окѣ во Владиміръ, Суздальскую область, а новгородскими ушкуйниками изъ Итіля заносился и въ Новгородъ. Слѣды сирійскихъ типовъ мы видимъ въ Спасо-Нередицкихъ фрескахъ, мало общаго имѣющихъ съ византійскими — константинопольскими типами. Трудно представить себѣ, чтобы памятники Владиміро-Суздальской архитектуры созданы были западными мастерами, хотя бы и изъ Галиціи, такъ какъ они поражаютъ богатствомъ, неизвѣстнымъ намъ на западѣ, и типами, гораздо болѣе близкими къ восточнымъ, къ искусству Сиріи и Сассанидовъ, чѣмъ какіе-либо памятники романскаго стиля на западѣ. Произведениями этого русскаго искусства на почвѣ византійско-сирійскаго и являются новгородскіе Сіоны-іерусалимы.

А. П. Доброклонскій остановился на второй половинѣ доклада профессора Н. В. Покровскаго, на предположеніи, что Сіонъ первоначально имѣлъ только символическое или меморіальное значеніе въ смыслѣ напоминанія о связи съ матерью-церковей, Іерусалимскимъ храмомъ Воскресенія (отсюда и аналогичная форма ротонды), а не реальное назначеніе. Положительныхъ основаній для этого не дано, и это только гипотеза. Противъ нея слѣдующее: если бы Сіонъ имѣлъ назначеніе только напоминать о храмѣ Воскресенія или Кувуклія надъ гробомъ Господнимъ въ Іерусалимѣ, то и въ формѣ своей и въ изображеніяхъ на немъ онъ долженъ былъ бы выдерживать такую идею. Но въ дѣйствительности не такъ; зачѣмъ, на примѣръ, на большомъ Новгородскомъ Сіонѣ изображенія Василия Великаго, не имѣвшаго отношенія къ Іерусалимскому храму? Съ точки зрѣнія на Сіонъ, какъ символъ только Іерусалимскаго храма, оно излишне и необъяснимо. — Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, почему Сіоны не всегда имѣютъ форму ротонды, а иногда — четвероугольникъ съ трибуной, или одноглаваго храма Московской архитектуры и проч. (см. Ахенскій, м. Московскій), а древніе и настоящіе ковчеги-дарохранительницы (которые, по моему мнѣнію, суть тѣ же Сіоны по своему назначенію) — еще болѣе разнообразныя формы часовень, сѣней храмовъ и колоколенъ (см., наприм., на Новгород. выст. отд. II №№ 102, 106, 107, 109 и др.)? Такія формы отнюдь не могли служить напоминаніемъ о храмѣ Іерусалима. Значитъ, или меморіальное назначеніе Сіона скоро забылось и замѣнилось другимъ, или, — что вѣроятнѣе — не это назначеніе имѣлось въ виду при созданіи и употребленіи Сіоновъ. Что же именно?

Издавна существовали и существуют особые ковчеги-дарохранительницы для хранения Святых Даровъ Евхаристическихъ. Они полагались и полагаются или на Святомъ Престолѣ, или на возвышеніи за Престоломъ. Въ отношеніи ихъ формъ нѣтъ основаній отличать ихъ отъ завѣдомыхъ «Сіоновъ» (и послѣдніе имѣютъ нерѣдко формы аналогичныя), напротивъ, надо думать, что это — тѣ же Сіоны. Если же такъ, то они подсказываютъ намъ, что Сіоны предназначались для хранения Евхаристическихъ Даровъ. Отсюда понятно, почему они выносились при входѣ вмѣстѣ съ другими литургическими принадлежностями. Отсюда понятно изображеніе на нихъ Святыхъ Апостоловъ. Если вспомнить, что въ иконографіи встрѣчается изображеніе Тайной Вечери въ слѣдующей картинѣ: Иисусъ Христосъ подъ сѣнью шатровой или скатной съ чашей въ рукахъ причащаетъ подходящихъ Апостоловъ, то въ изображеніи Апостоловъ на Сіонѣ (съ Иисусомъ Христомъ въ верхнемъ медальонѣ) можно усматривать своего рода воспроизведеніе этой Евхаристической картины, тѣмъ болѣе, что на ковчехахъ-дарохранительницахъ взамѣнъ этого встрѣчаемъ прямо изображеніе Тайной Вечери. Отсюда же понятно и изображеніе Василия Великаго на Сіонѣ Новгородскомъ, какъ автора литургіи. Все это является признаками Евхаристическаго употребленія или, лучше сказать, назначенія Сіоновъ. Можетъ быть, въ связи съ этимъ получаетъ свой особый смыслъ и начертаніе креста (съ надписью «I. X. ни ка» или съ медальоннымъ изображеніемъ Иисуса Христа) на внутренней (скрытой, *sic*) сторонѣ поддона Новгородскихъ Сіоновъ, — на мѣстѣ, гдѣ полагалось тѣло Христово или ларецъ съ тѣломъ Христовымъ.

Пусть Сіоны были не во всѣхъ церквахъ, пусть они только ставились не на Престолѣ, а въ ризницѣ, — все это не свидѣтельствуетъ противъ ихъ Евхаристическаго назначенія. Составляя произведенія искусства и дорогіе сами по себѣ, они, разумѣется, могли быть достояніемъ рѣдкихъ церквей древности и тщательно храниться. Для практическихъ же потребностей ихъ мѣсто въ обыкновенной жизни замѣняли простые ларцы и ковчеги.

Проф. А. А. Дмитріевскій желалъ бы видѣть въ рефератѣ болѣе опредѣленный отвѣтъ на вопросъ: какого времени ротонду храма Воскресенія воспроизводятъ по своей архитектурной формѣ Новгородскіе Сіоны, такъ какъ эта ротонда подвергалась неоднократнымъ перестройкамъ. Выступая вторично, тотъ же оппонентъ высказалъ, что Сіоны это не что иное, какъ ладаницы, которыя и доселѣ употребляются на Востокѣ. Что касается величины Сіоновъ, какъ бы не соответствующей таковому назначенію ихъ, то эта величина будетъ объяснима, если принять во вниманіе практику кажденія всѣхъ святыхъ мѣстъ вначалѣ cadaго богослуженія въ Іерусалимскомъ храмѣ. Для такого кажденія требуется немалое количество ладана.

Въ заключеніе акад. В. В. Сусловъ еще разъ остановился на стилѣ Новгородскихъ Сіоновъ, что имѣетъ значеніе для ихъ датировки. Разсматривая архитектурныя формы Сіоновъ, приходится отнести ихъ къ такъ называемому романскому стилю сѣверной Италіи. Такъ, центры арокъ Сіоновъ значительно приподняты

противъ ихъ основанія у капителей. Эта черта арокъ въ византийской архитектурѣ повсюду встрѣчалась до преобладанія формъ романско-французскаго стиля, гдѣ въ противоположность сѣверно-романскому стилю преслѣдуются традиціи византийской архитектуры. Такое устройство арокъ продолжалось не долѣе конца XII столѣтія. Что касается убранства фустовъ колоннъ одного изъ Сіоновъ, то такого убранства въ мѣстномъ византийскомъ стилѣ и въ раннемъ византийскомъ стилѣ сѣверной Италіи не было, оно развилось съ конца VIII вѣка. Капители колоннъ — романско-византийскаго стиля. Форма купола имѣетъ обычную форму посводныхъ покрытій храмовъ византийскаго стиля. Плетушки въ верхнихъ частяхъ междуконныхъ пролетовъ не имѣютъ чертъ арабскаго стиля, а носятъ характеръ византийскаго орнамента, развивающагося въ Италіи въ IX—X вѣкахъ. Междуконныя отверстія Сіоновъ невольно переносятъ мысль къ большинству формъ и украшеній церкви св. Марка въ Венеціи, гдѣ части подобныхъ отверстій и даже цѣлыя окна заполнены орнаментомъ. На основаніи всѣхъ этихъ признаковъ данные памятники не могли быть приготовлены въ XIV вѣкѣ и должны быть отнесены къ XI—XII вѣкамъ.

2. П. Л. Гусевъ: «Иконографія святыхъ Флора и Лавра въ новгородскомъ искусствѣ». Основныя положенія доклада — слѣдующія:

а) Въ Византіи, судя по наличнымъ памятникамъ, не существовало взгляда на святыхъ Флора и Лавра, какъ на покровителей лошадей, и не было конныхъ или сопровождаемыхъ конями изображеній этихъ мучениковъ; б) Въ новгородское искусство проникло преданіе о покровительствѣ святыхъ Флора и Лавра конямъ, — въ связи съ открытіемъ мощей мучениковъ, при участіи арх. Михаила, — отъ южныхъ Славянъ; в) Новгородская композиція иконы святыхъ Флора и Лавра выражаетъ также идею покровительства святыхъ воинскому дѣлу и г) Вышеуказанная идея привела новгородскаго художника къ помѣщенію на той же иконѣ святыхъ коневодцевъ Спевсиппа, Елевсиппа и Мелевсиппа.

26 іюля 3 час. дня.

IV. Древности юридическія, бытъ хозяйственный, домашній и военный.

Почетный Предсѣдатель: проф. Ѳ. Ѳ. Зигель.

Предсѣдатель Отдѣленія: акад. А. С. Лаппо-Данилевскій.

Секретари: В. Г. Ляскоронскій и И. В. Аничковъ.

1. А. М. Гнѣвушевъ — «Дворцовая выть въ Новгородской землѣ».

Вытное письмо вводится въ новгородскихъ дворцовыхъ селахъ въ концѣ XVI вѣка. Крупныхъ перемѣнъ вслѣдствіе перехода отъ обжа, какъ окладной единицы, въ выти не произошло, такъ какъ по количеству четвертей пашни обжа въ концѣ XVI вѣка почти равнялась выти. При введеніи вытнаго письма выти соотвѣтствовалъ земельный участокъ, который былъ достаточенъ по своимъ раз-

мѣрамъ для веденія параллельнаго крестьянскаго хозяйства. Въ XVI вѣкѣ дворцовая выть утрачивается, однако, это свое значеніе. Въ серединѣ и второй половинѣ XVI вѣка мы видимъ, что крестьяне садятся на слишкомъ незначительныхъ частяхъ живущихъ вытей, которыя по своимъ размѣрамъ вовсе не могли прокормить крестьянскую семью. вмѣстѣ съ тѣмъ въ крестьянскія порядныя вводятся условія платы (оброка) за пустую землю. Ближайшее разсмотрѣніе этихъ пустыхъ земель понимается, что онѣ распахивались крестьянами и входили въ крестьянское хозяйство наравнѣ съ землями живущими. Такимъ образомъ выть теряетъ во второй половинѣ XVI вѣка свое первоначальное значеніе опредѣленнаго земельного участка и обозначаетъ только долю участія крестьянина въ платежѣ, какъ государственныхъ повинностей, шедшихъ со всей крестьянской волости, такъ и мірскихъ, всеволостныхъ расходовъ. Принимая такія обязательства, отдѣльный крестьянинъ въ равной мѣрѣ получалъ и право на пользованіе опредѣленною частью мірской волостной земли. Такимъ образомъ, количество живущихъ вытей въ той или иной крестьянской волости не даетъ понятія о размѣрахъ крестьянскаго хозяйства. Точнѣе опредѣляются эти размѣры, если къ количеству живущихъ вытей мы будемъ прибавлять и количество пустыхъ.

2. Б. Г. Курцъ. «Іоганнъ де Родесъ и его донесенія о московскомъ государствѣ 1650—1655 годовъ».

Ни Эверсъ, ни Аделунгъ не имѣли никакихъ свѣдѣній о Родесѣ, но благодаря даннымъ Стокгольскаго Архива узнаемъ, что Родесъ съ молодости служилъ по торговымъ дѣламъ, въ рижской акцизной камерѣ, въ ревельской фунтъ-камерѣ, былъ въ 1647 году въ Москвѣ, а потомъ, вторично, въ 1650 году, ѣздилъ туда за выкупомъ 190 рублей за перебѣжчиковъ, а въ 1651 году снова появился въ Москвѣ въ качествѣ фактора по коммерческимъ дѣламъ вмѣсто резидента Померинга, который отправился въ Швецію. Изъ Россіи Родесъ писалъ королевѣ Христинѣ, а потомъ королю Карлу X донесенія о происходящихъ событіяхъ. Всѣ они, въ количествѣ 57 писемъ in folio, хранятся въ Стокгольмскомъ Государственномъ Архивѣ. Тамъ также находится его «подробное донесеніе о происходящей въ Россіи коммерціи» (28 стран., in folio), 1 письмо къ шведскому резиденту въ Россіи Якову Мулину и 1 письмо къ одному генераль-губернатору. Изъ донесенія Родеса мы узнаемъ о событіяхъ, происходившихъ въ Россіи. т.-е. за годы 1650—1655 включительно. (Родесъ умеръ въ Москвѣ въ концѣ 1655 г.). Сочиненіе Родеса о русской торговлѣ было напечатано въ 1816 году Эверсомъ въ книжкѣ «Beiträge zur Kenntniss Russlands und seiner Geschichte...», переведено оно Бабстомъ въ 1858 году въ «Магазинѣ землевѣдѣнія и путешествій...» Фролова, т. V. Эверсъ издалъ это сочиненіе по рижскому манускрипту, который отличается неполнотой, неточностями и т. под. Стокгольмская же рукопись этого сочиненія, какъ несомнѣнный подлинникъ, который стоитъ внѣ всякихъ подозрѣній, не имѣетъ пропусковъ, точна, имѣетъ таблицу расходовъ въ пошлинахъ и провозѣ по направлению на Архангельскъ и на Балтійское море. Таблица Архангельскаго вывоза въ Стокгольмской рукописи гораздо полнѣе и точнѣе, чѣмъ у Эверса. Это сочи-

неніе Родеса, вполнѣ официальнаго характера, написано имъ въ Ревелѣ, въ 1653 году. Въ 1652 году онъ ѣздилъ въ Архангельскъ и результатъ всѣхъ своихъ наблюденій изложилъ въ своемъ сочиненіи, въ которомъ онъ излагаетъ, въ чемъ состояла архангельская торговля и какимъ оборотомъ ее можно было бы перевести на Балтійское море. Но изъ таблицы самого Родеса видно, что Архангельская дорога была дешевле и удобнѣе, чѣмъ дорога на Балтійское море. Кромѣ того, также по извѣстіямъ Померенинга, путь на Архангельскъ былъ выгоднѣе для русскихъ и иностранныхъ купцовъ. Русскіе поэтому и не перенесли своей торговли на Балтійское море, о чемъ хлопотали Шведы, въ частности Родесъ, и только тогда, когда Балтійское побережье стало русскимъ, архангельская торговля была перенесена на Балтійское море, и съ того времени значеніе Архангельска, какъ перваго русскаго порта, стало падать и переходить къ Петербургу.

26 іюля 7¹/₂ час. вечера.

Отдѣленіе I. Древности первобытныя.

Почетный Предсѣдатель: проф. Беценбергеръ.

Предсѣдатель: проф. В. Е. Данилевичъ.

Секретари: I. К. Линдеманъ и Т. О. Соколова.

Предсѣдатель отдѣленія В. Е. Данилевичъ привѣтствовалъ иностранныхъ докладчиковъ, своими сообщеніями освѣщающихъ, какъ доисторическую, такъ и историческую жизни нашего отечества.

1. Т. И. Арне изъ Стокгольма: «Сношенія Швеціи съ Россією въ эпоху Викинговъ по свидѣтельствамъ археологій» (на нѣмецкомъ языкѣ).

Много шведскихъ предметовъ изъ эпохи Викинговъ найдено въ западно-русскихъ могилахъ, а единичные экземпляры и далѣе къ востоку внизъ по Волгѣ, даже къ югу отъ Саратова. Извѣстенъ одинъ шведскій руническій камень съ острова Березани, что у устья Днѣпра; быть можетъ, имѣются и другіе рунические камни у рѣки Днѣпра, потому, что готландскій руническій камень, найденный у Пильгорда, повѣствуетъ, что Гельбланъ и его братья воздвигли рунические камни Расну близъ Руфштейна, у Айфура («Рванаго камня», въ Днѣпровскомъ порогѣ «Неяснотецъ»). Въ Швеціи, особенно на Готландѣ, въ долинѣ озера Мелара и въ Сѣверной Швеціи найдено множество предметовъ византійскаго, персидско-арабскаго, финно-пермскаго и русскаго происхожденія, восходящихъ къ IX—XI столѣтіямъ. Многочисленны предметы съ растительными мотивами, а среди нихъ предметы съ древомъ жизни и двумя павлинами по его сторонамъ. Эти вещи привезли въ Швецію шведскіе купцы по двумъ великимъ воднымъ путямъ — Волгѣ и Днѣпру. Внесенные мотивы были затѣмъ, въ средніе вѣка, усвоены Шведами и нанесены на различные предметы. Всего важнѣе были волжскій путь и торговля съ Болгарами, Хозарами и Арабами.

2. Г. Гальштремъ изъ Стокгольма: «Изслѣдованіе каменнаго вѣка у Бѣлаго моря и Онежскаго озера въ 1910 году» (на нѣмецкомъ языкѣ).

Въ связи со своими многочисленными изслѣдованіями въ области этнографіи Лопарей, докладчикъ началъ лѣтомъ 1910 года изслѣдовать каменный вѣкъ на крайнемъ сѣверѣ Россіи. Онъ изслѣдовалъ тамъ стоянки каменнаго вѣка у Золотицы, Спасской тони, Ненокси и Красной Горы и нашелъ тамъ массу кремневыхъ осколковъ и орудій, а также обломки глиняныхъ сосудовъ. Всѣ эти предметы очень похожи на тѣ предметы изъ тѣхъ же самыхъ мѣстъ, которые находятся въ Москвѣ. Однакожъ керамики съ Золотицы раньше не знали. Отсюда происходятъ и три кремневыхъ скульптурныхъ изображенія, изъ которыхъ особенно интересенъ бѣлый медвѣдь. Эти скульптурныя изображенія, равно какъ и другіе предметы, указываютъ на связь съ западно и среднерусскимъ каменнымъ вѣкомъ и финскимъ. Новая дорога для этихъ связей обозначена двумя находками у рѣки Кеми въ русской Карелии. Всего ближе лежащая стоянка Сѣверной Финляндіи — Зерсеніеми — носить также черты, указывающія на прямую связь подобнаго рода. Впослѣдствіи докладчикъ изслѣдовалъ огромные рисунки, что на скалахъ по восточному берегу Онежскаго озера, и нашелъ въ нихъ интересный матеріалъ для изученія каменнаго вѣка, такъ какъ гравированныя на гранитныхъ скалахъ фигуры животныхъ — лосей и п. — стоятъ въ непосредственной связи частью съ примитивною скульптурою Средней Россіи, Финляндіи и Швеціи, частью съ фигурами животныхъ на рисункахъ, большею частью въ натуральную величину, каковыя находятся на скалахъ въ сѣверной части Швеціи и Норвегіи до самой Лапландіи.

Это указываетъ на то, что во всей Сѣверной Европѣ въ эпоху каменнаго вѣка господствовала одна и та же культура.

3. Д-ръ Альмгренъ изъ Упсалы: «О каменномъ вѣкѣ по побережью Балтійскаго моря» (на нѣмецкомъ языкѣ).

Послѣ краткаго обзора развитія богатой культуры каменнаго вѣка въ юго-западной Скандинавіи съ ея отличными кремневыми орудіями, прекрасною керамикою, большими мегалитическими гробницами, скотоводствомъ и земледѣліемъ, онъ остановился преимущественно на примыкающей къ ней съ востока весьма отъ нея отличной культурѣ рыболовныхъ и охотничьихъ племенъ, стоянки которыхъ въ большомъ количествѣ найдены теперь какъ въ восточной Швеціи, такъ и въ восточно-балтійскихъ странахъ, отъ Данцига до сѣверной Финляндіи и затѣмъ далѣе во всей сѣверной и средней Россіи вглубь самой Сибири. Раньше, вообще, принимали, что эта культура ведетъ свое происхожденіе съ востока, но докладчикъ старался показать, что самыя западныя изъ этихъ стоянокъ (слѣдовательно съ восточной Швеціи) были древнѣйшими, и что эта культура затѣмъ мало-по-малу распространилась къ востоку, между тѣмъ какъ съ запада на нее надвигалась культура земледѣлія. Такое пониманіе дѣла вполне согласуется со взглядомъ берлинскаго профессора Коссины, что культура стоянокъ принадлежитъ особой расѣ, которая первоначально происходитъ изъ Средней Европы, но мало-по-малу была оттѣснена къ сѣверу-востоку; это были предки финно-угрской расы. Однакожъ это

положеніе можно доказать только путемъ обстоятельныхъ антропологическихъ изслѣдованій, а антропологическій матеріалъ изъ этой области еще очень недостаточенъ и, повидимому, даетъ различные типы череповъ.

Все три доклада иллюстрировались многочисленными свѣтовыми картинами. Тезисы референтовъ предъ докладами читались въ русскомъ переводѣ І. К. Линдеманомъ.

27 іюля 11 час. утра.

Отдѣленіе IV. Древности юридическія, бытъ домашній, общественный и военный.

Почетный Предсѣдатель: проф. Р. Гаусманъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: акад. А. С. Лаппо-Данилевскій.

Секретари: В. Г. Ляскоронскій и И. В. Аничковъ.

1. Проф. Р. Гаусманъ. «Нѣмецкій дворъ при церкви св. Петра въ Новгородѣ».

Референтъ въ своемъ докладѣ коснулся значенія Балтійскаго моря, которое всегда служило посредникомъ торговли, никогда не служивъ препятствіемъ сношеній между западомъ и востокомъ. Благодаря основанію Любека въ 1158 году и поселенію Нѣмцевъ въ городѣ Висби, на островѣ Готландѣ, они стали играть первую роль въ морской торговлѣ съ востокомъ. По стопамъ Готовъ, нѣмецкій купецъ проникаетъ въ Новгородъ и мало-по-малу овладѣваетъ рынкомъ въ Новгородѣ. Начиная съ XII столѣтія нѣмецкій дворъ начинаетъ входить въ разнаго рода отношенія съ русскими князьями, заботясь о безопасности торговыхъ сношеній съ востокомъ и о свободѣ торговли нѣмецкаго двора въ Новгородѣ, въ которомъ, въ 1184 году, была выстроена церковь св. Петра. Нѣмцы, при помощи своего двора, ввозили большое количество произведеній своей промышленности, обмѣнивая ихъ на сырые продукты Русской земли, главнымъ образомъ — дорогіе мѣха, медъ, воскъ, ленъ и проч. Благопріятное положеніе вблизи русской границы ливонскихъ городовъ было причиной перехода центра тяжести Новгородской торговли на ихъ сторону, и съ XV столѣтія они взяли перевѣсъ надъ г. Любекомъ. Несмотря, однако, на большія столкновенія, которыя велись главнымъ образомъ на почвѣ торговли, но ни въ коемъ случаѣ не на почвѣ политики, Новгородская торговля процвѣтала долгое время и Новгородъ былъ богатъ и могуществененъ. Въ 1494 году нѣмецкій дворъ былъ неожиданно закрытъ: московскій Царь, не допуская, подобно вольному городу Новгороду, монопольной торговли нѣмецкихъ купцовъ въ своемъ государствѣ, навсегда положилъ конецъ значенію Новгорода въ міровой торговлѣ.

Д. И. Иловайскій, указавъ на основательность и важность работы докладчика, остановился на выясненіи значенія Ганзейскаго союза, заключавшаго въ себѣ много славянскаго элемента, что видно изъ самого слова «ганза», обозначающій собой союзъ, узы (bund). Другое слово славянскаго корня — «акта» — это уставъ.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДІЯ

данный нѣмецкому двору въ Новгородѣ. Слово «skra» происходитъ отъ шкуръ, т.-е. пергаменъ или же нѣчто въ этомъ родѣ. Затѣмъ оппонентъ остановился на выясненіи торговыхъ путей, шедшихъ въ Новгородъ, и категорій купцовъ, въ немъ пребывавшихъ; гостей зимнихъ, лѣтнихъ, сухопутныхъ и приходившихъ воднымъ путемъ, главнымъ образомъ, черезъ Ладогу. Что касается Нѣмцевъ, то они подавили Готовъ, которые были похожи по характеру на Славянъ и не отличались такой выдержкой и постоянствомъ характера, какъ Нѣмцы. Что же касается культурнаго вліянія ганзейской торговли и Нѣмцевъ на Новгородъ, то оно было не велико, такъ какъ Нѣмцы жили изолированно и неохотно сближались съ Русскими, особенно же вслѣдствіе розни въ религіозномъ отношеніи. Кромѣ того, Нѣмцы не всегда отличались безупречностью въ своихъ торговыхъ операціяхъ и часто прибѣгали къ обманамъ въ товарахъ, на что неоднократно жаловались Новгородцы. Но еще большее зло вносили Нѣмцы въ жизнь Новгорода своими подкупамъ властей, которые сознавались въ своихъ погрѣшностяхъ. Вообще связь съ Германскимъ міромъ была очень слаба, и можно было бы ожидать отъ нея большаго и лучшаго при болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, отмѣтивъ въ сообщеніи докладчика, что Новгородская торговля испытывала большія затрудненія, указалъ, что эта мысль не новая. Но докладчикъ остановилъ свое вниманіе не на всѣхъ сторонахъ ея, при чемъ мелочи поглотили собой болѣе основныя стороны, которыя вовсе не затронуты референтомъ, не указавшимъ, напримѣръ, на береговое право и на торговныя затрудненія въ зависимости отъ денежной цѣнности.

2. Проф. Д. И. Багалъй «О судьбѣ городского самоуправления въ малороссійскихъ городахъ XVII—XVIII в. Магдебургскимъ правомъ». Оно представляетъ экстрактъ одной главы изъ неизданнаго изслѣдованія автора «О магдебургскомъ правѣ въ городахъ лѣвобережной Малороссіи» и, по словамъ докладчика, основано, какъ и все изслѣдованіе почти исключительно, на неизданномъ матеріалѣ. Авторъ остановился на тѣхъ явленіяхъ городской жизни, которыя расшатывали городское самоуправленіе — на притязаніяхъ полковниковъ, стоявшихъ во главѣ полкового управленія въ городахъ, на привилегированномъ положеніи Греческаго Братства въ г. Нѣжинѣ, стѣснившемъ мѣстный магистратъ, и, наконецъ, на внутреннихъ причинахъ, поведшихъ къ ослабленію самоуправления.

3. Проф. В. Е. Данилевичъ «Время существованія приказа Великой Россіи». Референтъ указалъ на то, что приказъ Великой Россіи, или Великороссійскій рѣдко упоминается въ исторической литературѣ. Объясняется это тѣмъ обстоятельствомъ, что архивъ этого приказа сохранился въ весьма неполномъ видѣ и сдѣлался доступнымъ для научныхъ занятій лишь въ самое послѣднее время. Даже указъ объ учрежденіи этого приказа не сохранился и нѣтъ также никакихъ указаній относительно дня изданія его. Изъ одной выписки 7196 года извѣстно лишь, что 14 октября 7196 года (т.-е. 1687 года) Слободскіе черкасскіе полки были взяты изъ Разряда и переданы въ вѣдѣніе приказа Великой Россіи. Вмѣстѣ съ ними перешли въ вѣдѣніе новаго приказа также русскіе служилые люди, за исключе-

ніемъ Острогожскаго полка, въ которомъ Черкасы городской службы и Русскіе служилые люди остались въ вѣдѣніи Разряда. Путемъ разбора документальныхъ данныхъ о первыхъ мѣсяцахъ существованія приказа Великой Россіи референтъ приходитъ къ выводу, что этотъ приказъ учрежденъ незадолго до 14 октября 7196 года. Въ 1691 году ему грозила опасность быть закрытымъ. Сохранился докладъ, въ которомъ предлагается изъять Слободскіе Черкасскіе полки изъ вѣдомства Великороссійскаго приказа и снова передать въ вѣдѣніе Разряда. Но отъ 8 марта 1700 года, сохранилась память, адресованная изъ Разряда въ приказъ Малой Россіи, при чемъ въ ней говорится о томъ, что еще указомъ 22 января того же года было предписано доставить списокъ всѣхъ дѣлъ о слободскихъ черкасскихъ полкахъ, которыя переданы были изъ Разряда въ 196 году и поступили въ послѣдующіе годы вплоть по 19 января 1700 года. Память 9 марта 1700 года является послѣднимъ упоминаніемъ о приказѣ Великой Россіи, какъ существующемъ учрежденіи, и послѣ этого, его уже нѣтъ среди Московскихъ приказовъ. Послѣдними слѣдами дѣятельности этого приказа являются записки о приѣмѣ откупныхъ денегъ, которыя имѣются въ книгѣ приходной этого приказа 7196—1700 годовъ и помѣченны 16 февраля 1700 года. За ними слѣдуютъ записи о приѣмѣ денегъ, сдѣланныя уже въ разрядѣ. Наконецъ, въ одномъ провинціальномъ архивѣ референтъ нашелъ жалованную грамоту Острогожскому полковнику Р. И. Кукалеву, данную 18 февраля 1700 года изъ Разряда. Такимъ образомъ указъ о передачѣ Слободскихъ черкасскихъ полковъ изъ вѣдѣнія приказа Великой Россіи снова въ вѣдомство Разряда и объ уничтоженіи приказа Великой Россіи, повидимому, былъ изданъ 19 января 1700 года, а самый приказъ прекратилъ свое существованіе между 16 и 18 февраля того же года. Впрочемъ, можетъ быть указъ объ уничтоженіи Велокороссійскаго приказа былъ изданъ тоже между 16 и 17 февраля 1700 года.

27 іюля 3 часа дня.

Отдѣленіе III. Памятники искусствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики.

Почетный Предсѣдатель: Графиня П. С. Уварова.

Предсѣдатели Отдѣленія: проф. П. Г. Павлуцкій и В. К. Трутовскій.

Секретари: Б. П. Денике, А. И. Некрасовъ и В. А. Шугаевскій.

1. А. И. Анисимовъ «О реставраціи фресокъ церковь Θεодора Стратилата»:

а. Въ отношеніи внутренней росписи, церкви Θεодора Стратилата представляетъ слѣдующія главныя особенности, отличающія ее отъ другихъ современныхъ ей церквей:

б. Въ алтарѣ помѣщается изображеніе Страстей Христовыхъ.

в. На западной стѣнѣ — житіе св. Θεодора.

г. Въ послѣднемъ, т.-е. житіи св. Θεодора, смѣшаны сцены, относящіяся къ Θεодору Стратилату и къ Θεодору Тирону, какъ явствуетъ это изъ самыхъ

ИНСТИТУТЪ
НАСЛЕДІЯ

композицій, изъ надписей къ нимъ, и изъ аналогій въ области житейской литературы и области иконографіи данныхъ святыхъ.

д. Если нѣкоторыхъ не убѣждаетъ еще самый характеръ росписи въ принадлежности ея XIV вѣку, то *graffitti*, обнаруженные за последнее время на поверхности фресокъ, не оставляютъ болѣе на этотъ счетъ никакого сомнѣнія. Часть фресокъ внизу и на хорахъ несомнѣнно переписана позднѣе.

е. Но, если время росписи храма можно считать достаточно опредѣленно удостовѣреннымъ, то совершенно иначе обстоитъ дѣло съ опредѣленіемъ самаго стиля и характера происхожденіе фресокъ; въ этомъ отношеніи ц. Θεодора Стратилата, нужно думать, долго еще будетъ находиться въ сферѣ простого описанія ея росписи, аналогій и сопоставленій и, въ лучшемъ случаѣ, болѣе или менѣе вѣроятныхъ гипотезъ, тѣмъ болѣе, что съ каждымъ днемъ открываются новыя части росписи.

ж. Слѣдуетъ пожелать, чтобы мѣстное Общество Любителей Древности, когда окончится расчистка фресокъ, произвело бы пробу оживленія и укрѣпленія фресокъ, на какомъ-нибудь менѣе значительномъ мѣстѣ, хотя бы на части орнамента, и, въ случаѣ удачнаго результата, примѣнило бы этотъ приемъ оживленія и укрѣпленія къ остальнымъ частямъ росписи. Желательно, чтобы сохраненъ былъ и прежній видъ церкви, т.-е. иконостасъ, могущій закрыть фрески и раньше не существовавшій, не былъ бы возстановленъ.

А. И. Некрасовъ въ дополненіе доклада, указалъ, что фрески церкви Θεодора Стратилата занимаютъ видное мѣсто въ исторіи русскаго искусства. Въ XVI вѣкѣ въ русской живописи замѣчается вліяніе греко-италійское, восходящее къ критской и передавшееся на Русь черезъ Аѳонъ и Константинополь. Основныя особенности стиля и колорита данной живописи обнаруживаются на многихъ русскихъ иконахъ, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ образъ Троицы работы Андрея Рублева. Фрески церкви Θεодора Стратилата не имѣютъ никакой прямой связи съ греко-италійскимъ вліяніемъ. Источникомъ ихъ стиля является лишь искусство византійское и тѣ черты главнаго реализма, которыя имѣли мѣсто въ русскомъ искусствѣ при ослабленіи византійскаго вліянія, какъ фактъ національнаго русскаго творчества. Греко-италійское вліяніе лишь косвенно могло оказать услугу художнику, расписывавшему церковь Θεодора Стратилата, освобождая творчество отъ необходимости слѣдовать за старыми формами. Фрески Θεодора Стратилата, а особенно изображеніе Архангела, займутъ почетное мѣсто въ исторіи русскаго искусства.

Проф. Н. В. Покровскій предложилъ А. И. Некрасову вопросъ, на какихъ памятникахъ онъ основываетъ свое мнѣніе о греко-италійскомъ вліяніи.

А. И. Некрасовъ указалъ на иконы Божіей Матери, приведенныя академикомъ Н. Г. Кондаковымъ, и на икону Хутынскаго монастыря, прибавивъ, что иконографическое значеніе иконы не имѣетъ рѣшающаго значенія при разрѣшеніи даннаго вопроса въ исторіи русскаго искусства.

А. А. Дмитревскій отмѣтилъ нѣкоторыя интригующія стороны интереснаго доклада, заключающихся въ появленіи въ куполѣ между Пантократоромъ и про-

роками изображенія Божіей Матери съ Архангелами, превращеннаго изъ фигуры царя Давида, въ существованіи греческихъ надписей у Пантократора, оставленныхъ безъ объясненія референтомъ и въ появленіи въ алтарномъ абсидѣ среди фресокъ обычныхъ — причащенія Христомъ апостоловъ и святителей, изображеній изъ исторіи страданій Господа. Эти интригующія особенности онъ не прочь объяснять существованіемъ въ церкви Θεодора росписи позднѣйшаго времени сравнительно съ росписью первоначальною. Смѣшеніе двухъ Θεодоровъ — Тирона и Стратилата въ фрескахъ онъ объясняетъ смѣшеніемъ ихъ въ древнихъ житейскихъ сказаніяхъ и въ самыхъ росписяхъ церквей.

Возражая А. А. Дмитревскому, А. И. Анисимовъ сказалъ, что онъ, дѣйствительно, забылъ указать, что характеръ надписей, существующихъ въ куполѣ, заставляетъ предполагать, что онѣ раньше были греческія. Подъ изображеніемъ Божіей Матери въ куполѣ референтъ предполагаетъ закрашеннымъ изображеніе пророковъ Соломона или Давида, между прочимъ, по аналогіи съ однимъ изъ пророковъ въ Волотовской церкви Успенія. Миней Четви референтъ использовалъ, и указаніе на близость въ нихъ житія свв. Θεодоровъ для него не новость, но за сообщеніе ему новыхъ редакцій житій онъ будетъ благодаренъ. Наконецъ, г. Дмитревскій ошибочно считаетъ днемъ празднованія памяти св. Θεодора Стратилата 4 марта, тогда какъ она празднуется 8 февраля. Нахожденіе же въ алтарной абсидѣ Страстей Господнихъ пока еще никто не могъ объяснить, и референтъ самъ отнюдь не пытался дѣлать этого въ своемъ докладѣ.

Е. В. Аничковъ обратилъ вниманіе референта на то обстоятельство, что и въ народной словесности зачастую встрѣчается смѣшеніе Θεодора Тирона съ Θεодоромъ Стратилатомъ.

Б. П. Денике, въ виду выдающагося художественно-историческаго значенія вновь открываемаго памятника древней стѣнописи, выражаетъ горячее пожеланіе, чтобы лица и учрежденія, заведующія реставраціей, сохранили открываемыя фрески отъ всякаго поновленія и переписки. Пусть этотъ единственный въ цѣлой Россіи, по своеобразію, памятникъ родной художественной старины, сохраненный въ нетронutomъ видѣ, служить долгіе годы цѣлямъ изученія русскаго искусства.

Г. М. Казаковъ полагаетъ, что едва ли совмѣщеніе въ фрескахъ церкви Θεодора Стратилата житій Θεодора Тирона и Θεодора Стратилата является загадкой; это совмѣщеніе, вѣроятно, сознательное, такъ какъ встрѣчается въ иконописи часто: напримѣръ, при осмотрѣ Псковскихъ церквей оппоненту пришлось видѣть на одной двусторонней иконѣ изображеніе обоихъ святыхъ (икона съ клеймами житій, времени конца XVI в. или начала XVII в., святые изображены въ ростъ).

2. Передъ докладомъ г-жи Фанни Галле Предсѣдатель Отдѣленія сказалъ слѣдующее:

«Докладъ, который намъ предстоитъ выслушать, принадлежитъ ученому, имя котораго хорошо извѣстно всѣмъ занимающимся византійской археологіей. Исторія византійскаго искусства — наука еще молодая. Долгое время западно-европейскіе

ученные, занимаясь главнымъ образомъ древне-христіанскимъ искусствомъ и средне-вѣковымъ западнымъ, относились пренебрежительно къ искусству Византіи и народовъ, входящихъ въ сферу византійскаго культурнаго вліянія. Только въ новѣйшее время труды русскихъ ученыхъ и главнымъ образомъ академика Кондакова способствовали пробужденію огромнаго интереса къ Византіи и ея древностямъ, и съ этой поры изученіе византійскаго искусства было поставлено на надлежащую высоту. Среди массы вопросовъ, которые при этомъ возникли, одинъ изъ наиболѣе интересныхъ — это вопросъ о происхожденіи византійскаго искусства, объ его источникахъ и о времени его зарожденія (такъ называемый «византійскій вопросъ»). Тутъ ученые раздѣлились на двѣ группы. Одна группа (главнымъ образомъ западные ученые съ Краусомъ во главѣ — такъ называемая католическая партія) производила византійское искусство отъ римскаго, считала его провинціальнымъ по отношенію къ Риму. Другая группа — русскіе ученые — выставила положеніе, что византійское искусство происходитъ отъ искусства эллинистическаго востока: Сирія, Палестина, Египетъ, Малая Азія сыграли здѣсь крупную роль. Тутъ выступаетъ проф. Стрижовскій со своими работами, которыя привлекаютъ всеобщее вниманіе; онъ примыкаетъ къ направленію русскихъ ученыхъ, выдвигая на передній планъ Малую Азію. Вотъ въ краткихъ словахъ та область, среди которой вращаются научные интересы проф. Стрижовскаго.

Г-жа Фанни Галле доложила на русскомъ языкѣ докладъ проф. І. Стрижовскаго «Неизвѣстный крупный эллинистическій художественный центръ въ глубинѣ Азіи» (Тр. С., т. I, стран.).

Докторъ Арне указалъ на труды русскихъ ученыхъ экспедицій (Козлова и др.), много способствовавшихъ научному обследованію областей центральной Азіи, на культурно-художественное значеніе которыхъ обращаетъ вниманіе проф. Стрижовскій.

Въ заключеніе Предсѣдатель Сдѣленія В. К. Трутовскій заявилъ отъ имени и по порученію проф. Стрижовскаго объ организаціи при Имп. Вѣнскомъ Университетѣ, по мысли и хлопотамъ проф. Стрижовскаго, особаго Kunsthistorisches Institut'a, въ коемъ одно изъ главнѣйшихъ мѣстъ отведено изученію исторіи русскаго искусства, съ одной стороны, и русской литературы по вопросамъ исторіи искусства вообще — съ другой. Въ виду такихъ задачъ Института проф. Стрижовскій обращается ко всѣмъ авторамъ русскихъ работъ по искусству не отказать въ присылкѣ Институту своихъ сочиненій. О всѣхъ такихъ сочиненіяхъ будутъ даваться отзывы въ спеціальныхъ научныхъ изданіяхъ, и, такимъ образомъ, западно-европейская наука по части работъ по исторіи искусствъ на русскомъ языкѣ будетъ держаться постоянно въ курсѣ дѣла. Кромѣ того, двери Института будутъ широко открыты для всѣхъ русскихъ ученыхъ, занимающихся за границей, и они могутъ всегда имѣть въ Институтѣ всѣ новости русской литературы по исторіи искусства.

По предложенію В. К. Трутовскаго засѣданіе просило г-жу Фанни Галле передать проф. Стрижовскому полное сочувствіе Сѣзда, его начинанію и полную готовность русскихъ ученыхъ сообщать свои работы Институту.

27 Июля 3 часа дня параллельное засѣданіе.

Отдѣленіе I. Древности первобытныя.

Почетный Предсѣдатель: Альмгренъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: проф. В. Е. Данилевичъ.

Секретари: I. К. Линдеманъ и Т. О. Соколовская.

Предсѣдатель отдѣленія В. Е. Данилевичъ произнесъ рѣчь, въ которой указалъ, что на послѣднихъ Археологическихъ Сѣздахъ вошло въ обычай, чтобы въ первомъ засѣданіи Предсѣдатель резюмировалъ успѣхи, сдѣланные соответствующей наукой за періодъ времени, протекшій отъ предшествующаго Сѣзда. На этомъ основаніи онъ отмѣтилъ прежде всего замѣчательныя открытія приватъ-доцента Ѳ. К. Волкова на палеолитической стоянкѣ около с. Мезина, Черниговской губ., гдѣ найдены рѣзныя подѣлки изъ мамонтовой кости, вполнѣ аналогичныя французскимъ Магаленскаго типа. Привѣтствуя труды Таврической Архивной Комиссіи по изученію неолитической культуры Крыма, Предсѣдатель высказываетъ сожалѣніе, что каменная культура Кавказа до сихъ поръ еще мало изслѣдована. Отмѣтивъ изслѣдованія неолитическихъ древностей въ предѣлахъ прежней Новгородской земли (около оз. Пирось, Бологого), на побережьяхъ Онежскаго озера и Бѣлаго моря, онъ указалъ интересъ сдѣланныхъ въ послѣдніе годы открытій относительно до-Микенской культуры, въ связи съ изслѣдованіями аналогичныхъ древностей на Балканскомъ полуостровѣ и перешелъ къ характеристикѣ тѣхъ результатовъ, которые добыты раскопкой большихъ городищъ Кіевской и Полтавской губерній, въ культурномъ слѣдъ которыхъ находятъ и греческія издѣлія, и предметы эпохи переселенія народовъ. Далѣе ораторъ указалъ, что постоянно производимыя раскопки могильниковъ и городищъ доставляютъ все новый и новый матеріалъ для рѣшенія спорнаго вопроса о принадлежности Славянамъ или Финнамъ тѣхъ или иныхъ могильниковъ и городищъ, хотя часто описанія этихъ археологическихъ изысканій заставляютъ желать лучшаго. Зато относительно географическаго распространенія городищъ Дьякова типа можно сказать, что послѣ Костромскаго Сѣзда осторожнѣе въ научномъ отношеніи признать, что ни о географическомъ распространеніи ихъ, ни объ ихъ хронологической фазѣ доисторическая археологія не имѣетъ точныхъ и ясныхъ данныхъ. Еще труднѣе признать гипотезу норманскихъ кургановъ, выдвинутую нѣкоторыми любителями археологіи, достаточно разработанной и научно обоснованной. Въ заключеніе ораторъ указалъ, что раскопки на территоріи Кіева и въ с. Бѣлгородкѣ доставили много цѣнныхъ данныхъ также и для доисторической археологіи, при чемъ, однако, нѣкоторыя изъ нихъ требуютъ значительнаго улучшенія, если не полнаго ихъ прекращенія.

Почетный Предсѣдатель Альмгренъ въ краткой рѣчи, сказанной на нѣмецкомъ языкѣ, отмѣтилъ замѣченный имъ въ русскихъ громадныя интересы къ археологіи. Указавъ на то, что въ Россіи существуютъ уже каѳедры по археологіи, онъ ска-

заль, что это должно оказать благотворное вліяніе на развитіе археологій, и пожелаль русскимъ полнаго успѣха.

1. Л. Я. Апостоловъ. «Труды Ставропольской ученой Архивной Комиссіи по археологій. Работы г. предѣдателя Ставропольской комиссіи Г. Н. Прозрителева въ 1907 г. по изслѣдованію развалинъ г. Мажаръ (въ Ставропольской губерніи, на р. Кумѣ)». Докладчикъ демонстрировалъ на фотографическихъ снимкахъ нѣкоторые предметы, открытые въ развалинахъ и сохраняющіеся въ Ставропольскомъ Музеѣ, при чемъ подчеркнулъ о желательности дальнѣйшихъ изслѣдованій развалинъ Мажаръ. Доложено о работахъ Г. Н. Прозрителева въ 1909 г. на р.р. Чечешу и Бансону (Терской области), вещахъ, найденныхъ по р. Тебердѣ (Кубанской области), и прочтена его записка слѣдующаго содержанія:

«Въ видахъ охраненія памятниковъ отечественной старины считаю долгомъ обратить вниманіе нашихъ Археологическихъ Обществъ на фактъ возмутительнаго отношенія къ предметамъ древности.

1-го Іюня настоящаго года, проѣзжая въ Ростовъ-на-Дону по Владикавказской желѣзной дорогѣ, я совершенно случайно разговорился съ однимъ изъ пассажировъ. Разговоръ перешель на строящіеся подъѣзды и между прочимъ на Батейско-Азовскую линію. Оказалось, что мой случайный спутникъ знакомъ съ подрядчикомъ по постройкѣ зданій для этой линіи и, сообщая разныя свѣдѣнія по этому поводу, упомянулъ, что видѣлъ у подрядчика древнія монеты и другія древнія вещи, найденныя близъ Азова, на мѣстѣ постройки желѣзнодорожныхъ зданій. Какъ человѣкъ интеллигентный, спутникъ мой подробно описаль найденныя вещи, и оказалось, что найдены: древнія греческія и арабскія монеты, золотая чашечка съ рисунками, глиняный горшечекъ, разныя другіе предметы и между прочимъ палочка слоновой кости — древній «стиль», добавилъ рассказчикъ. Все это было куплено за безцѣнокъ у рабочихъ, нашедшихъ эти предметы при земляныхъ работахъ для строящагося вокзала.

Крайне заинтересованный этимъ сообщеніемъ, я на другой же день съ первымъ отходящимъ изъ Ростова пароходомъ отправился въ Азовъ. Заговаривая съ тѣмъ и другимъ изъ моихъ новыхъ спутниковъ на пароходѣ, я узналь, что на правой сторонѣ Дона, противъ станицы Елизаветинской (первая остановка отъ Дона) производилъ раскопки г. Миллеръ въ прошломъ году, что онъ нашель много «древностей». «Много добыто было золота и разнаго добра, копаль онъ курганы», говорилъ мнѣ житель станицы Елизаветинской.

Зная, что эти раскопки производились по порученію С.-Петербургской Археологической Комиссіи, а слѣдовательно, все это научнымъ образомъ зарегистрировано, я не останавливался на подробностяхъ, а старался узнать что-либо о находкахъ въ Азовѣ. Но, къ сожалѣнію, никто ничего не могъ сообщить мнѣ.

На пристанѣ въ Азовѣ я также никакихъ указаній получить не могъ, и даже никто не могъ указать мнѣ, гдѣ производятся желѣзнодорожныя работы.

Слышавъ, что эти работы желѣзнодорожныя производятся на берегу Дона, я взяль лодку и поѣхаль вдоль берега. Въ 3-хъ, вѣроятно, верстахъ за мысомъ

я увидѣлъ группу рабочихъ и каменную кладку. Рабочіе подвозили песокъ, возводился фундаментъ для водокачки. Отъ этого мѣста по направленію въ городъ шла прорытая канава. Рабочіе объяснили, что они здѣсь работаютъ только нѣсколько дней, а что канава прорыта раньше другими; «по канавѣ будутъ прокладывать трубы въ городъ къ станціи». На мои разспросы о находкахъ ничего не могли сказать. Одинъ только слышалъ, что въ городѣ «на станціи» нашли горшокъ съ деньгами. Здѣсь на берегу я встрѣтилъ молодого инженера, но и онъ на мой вопросъ заявилъ, что ничего не знаетъ о находкахъ.

Я сказалъ ему о цѣли моего пріѣзда сюда и передалъ то, что я слышалъ, просилъ обратить вниманіе на находки, добавивъ, что прорытая канава идетъ, очевидно, по населенному въ древности мѣсту. Онъ любезно обѣщалъ мнѣ принять все это къ свѣдѣнію. Я прошелъ по канавѣ, и ближе къ городу по откосамъ канавы въ разныхъ мѣстахъ виднѣлись мальчуганы, дѣти мѣстныхъ жителей, и разрывали землю руками. Въ землѣ, выброшенной изъ канавы, я поднялъ кусочекъ древняго стекла и два черепка древнихъ глиняныхъ сосудовъ съ орнаментомъ. Болѣе тщательный осмотръ производить было невозможно, такъ какъ послѣ проливного дождя канава была наполнена водой и вдоль канавы была грязь. У мальчугановъ мнѣ добыть ничего не пришлось, такъ какъ они какъ-то недовѣрчиво отнеслись ко мнѣ, и очевидно, что и сами только пришли на поиски. Я отправился въ городъ и занялся осмотромъ азовской старины: старой крѣпости и проч. и за городомъ «Петровскаго» дуба, и на обратномъ уже пути вечеромъ попалъ на мѣсто строящагося вокзала. Тутъ подтвердилось все слышанное мною, и обнаружился фактъ возмутительнаго отношенія къ предметамъ древности. Оказалось, по осмотру, что мѣсто для станціонныхъ зданій выбрано внутри древняго городища, валъ котораго прекрасно сохранился. Этого послѣдняго обстоятельства г.г. строители не могли не замѣтить. Выбранное мѣсто строители обрыли канавой, прокладывая которую, безжалостно уничтожали все, попадавшееся при копаніи: по всему протяженію канавы валялась масса черепковъ глиняныхъ сосудовъ, разбитые человѣческіе черепа, свѣже разбитыя части большихъ сосудовъ, черепки съ красивымъ орнаментомъ, части сосудовъ съ коническимъ дномъ. Я безъ труда въ теченіе одного часа набралъ цѣлый объемистый узелъ черепковъ и могъ бы набрать ихъ цѣлый мѣшокъ, не прибѣгая къ раскопкамъ, а беря на поверхности выброшенной изъ канавы земли. Я подошелъ къ группѣ рабочихъ и у ихъ ногъ сталъ собирать черепки, торчавшіе тутъ же изъ земляныхъ столбовъ, оставленныхъ въ сдѣланной выемкѣ. Рабочіе, видя мое стараніе, съ смущеніемъ заявили: «много было цѣлехонькихъ горшковъ, да все побили; пустые были да съ землей». Видно было, что никто не далъ себѣ труда объяснить рабочимъ, что надо сберегать находки.

Канава проведена на большомъ разстояніи, и возведено тутъ же нѣсколько зданій, и потому можно себѣ представить, сколько этими невѣжественными руками уничтожено цѣнныхъ остатковъ древности. Одинъ рабочій показалъ мнѣ монеты съ арабскою надписью, тождественныя съ найденными мною въ Мажарахъ. Много черепковъ по формѣ и цвѣту также похожи на сосуды изъ Мажаръ. Подтвердили

рабочіе и находки, которыя пріобрѣлъ у нихъ подрядчикъ. Несомнѣнно, что подрядчику попала ничтожная часть того, что было выкопано рабочими, и, вѣроятно, то, что, по его мнѣнію, представляло интересъ, а все остальное, можетъ быть и болѣе цѣнное, погибло. Подрядчикъ, какъ оказалось потомъ, составилъ цѣлую коллекцію изъ находокъ. Несомнѣнно, что если бы г.г. строители, во главѣ которыхъ несомнѣнно были инженеры, люди съ образованіемъ, внушили при началѣ работъ рабочимъ необходимость бережно обращаться съ найденными предметами, черепами и сосудами, то не получилось бы такого безпощаднаго и непростительнаго отношенія къ остаткамъ прошлаго, имѣющимъ несомнѣнно высокій научный интересъ.

Я повторяю, что существованіе городища нельзя было не замѣтить, и это ставило въ обязанность интеллигентнаго человѣка обратить серьезное вниманіе на мѣстность, гдѣ должны были итти работы, а первая находка обязывала принять мѣры охраны.

Къ сожалѣнію, до отхода парохода оставалось слишкомъ мало времени, и я не могъ произвести дальнѣйшія изысканія.

Въ городѣ на рукахъ я пріобрѣлъ глиняныя формы съ орнаментами, служившія для отливки какихъ-то предметовъ, каменную пулю, видѣлъ коническій метательный сосудъ и многое другое; все это, вѣроятно, погибнетъ скоро, если не принять мѣры.

Я не берусь сказать, какого народа и какой эпохи это городище и найденные тамъ остатки, но древность его несомнѣнна, судя по найденнымъ тамъ предметамъ. Могу утверждать, что въ этомъ мѣстѣ было жительство, поселеніе, такъ какъ среди найденныхъ мною въ канавѣ осколковъ найденъ кусокъ «печного орнамента», совершенно тождественный съ орнаментами печей, найденныхъ мною въ развалинахъ древняго хозарскаго города Мажары, близъ св. Креста, въ Ставропольской губерніи¹⁾.

Я пробылъ на этомъ «Азовскомъ погромѣ» древняго поселенія нѣсколько часовъ и собралъ интересный матеріалъ. Сколько же могло дать бережное и внимательное отношеніе къ находкамъ? И, безъ всякой сантиментальности, я не могъ безъ слезъ и упрековъ проходить по сооруженіямъ, которыми руководили наши интеллигентные строители. Обращаясь съ этимъ письмомъ къ нашимъ Археологическимъ Обществамъ и Архивнымъ Комиссіямъ, я ставлю вопросъ: обязаны ли инженеры, производящіе тѣ или другія работы, при существующихъ узаконеніяхъ объ охранѣ памятниковъ старины, принимать мѣры къ сохраненію предметовъ, имѣющихъ археологическое значеніе, или же они могутъ безнаказанно смотрѣть на уничтоженіе невѣжественными рабочими и разграбленіе цѣнныхъ въ научномъ отношеніи остатковъ прошлаго и не отвѣтственны за непринятіе мѣръ къ ихъ охранѣ. Несомнѣнно, что всѣ подобные предметы есть государственное достояніе, и если существуютъ у насъ законами установленныя учрежденія, ставящія себѣ задачей изученіе прошлаго, то было бы странно допустить, что рядомъ съ этимъ люди, вполне отвѣтственные за свои поступки по своему образованію и положенію,

¹⁾ Такія печи въ Мажарахъ видѣлъ и г. Городцовъ въ 1907 г. при раскопкахъ, вызванныхъ моимъ докладомъ въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ.

могутъ уничтожать тотъ матеріалъ, надъ отысканіемъ и разработкой котораго трудится цѣлый рядъ этихъ учреждений и лицъ. Конечно, это не единичный случай. Надо принять мѣры и если нѣтъ закона, то надо создать его и тѣмъ положить конецъ этимъ возмутительнымъ случаямъ».

Въ заключеніе докладчикъ настаивалъ на необходимости дополненія существующихъ законоположеній по сохраненію остатковъ старины слѣдующими мѣрами:

«Ставропольская ученая Архивная Комиссія проситъ XV Археологическій Съѣздъ ходатайствовать о приведеніи въ жизнь въ законодательномъ порядкѣ слѣдующихъ дополнительныхъ положеній къ существующимъ уже законоположеніямъ:

1. Чтобы никто не могъ производить раскопокъ безъ разрѣшенія Археологической Комиссіи даже на собственныхъ земляхъ или участкахъ.

2. Чтобы лица, завѣдующія работами въ мѣстностяхъ, имѣющихъ археологическій интересъ, обязаны были сообщать Архивнымъ Комиссіямъ о началѣ земляныхъ работъ и принимать мѣры къ сохраненію найденныхъ при работахъ предметовъ.

3. Чтобы всѣ клады и предметы, имѣющіе археологическое значеніе, были признаны Государственнымъ достояніемъ, хотя бы они и были найдены на частныхъ земляхъ.

4. Чтобы лица, уничтожившія или продавшія археологическіе предметы безъ разрѣшенія Археологическихъ Обществъ, подвергались отвѣтственности».

Предсѣдатель В. Е. Данилевичъ предложилъ благодарить докладчика, а исполненіе пожеланій Ставропольской Комиссіи передать на разсмотрѣніе Общаго Собранія.

Профессоръ Э. Р. Штернъ по вопросу о надписи указалъ, что на югѣ имѣется знатокъ арабскаго языка Менцель. Относительно мумій Э. Р. Штернъ заявилъ, что онъ ничего опредѣленнаго сказать не можетъ, потому что вещей вмѣстѣ съ ними не найдено. Что касается золотого клада, то это на Кавказѣ — явленіе обычное. Съ точки зрѣнія Э. Р. Штерна, весьма любопытными представляются предѣявленные формочки; на одной древо жизни съ птицами по обѣимъ сторонамъ. Онѣ дѣлаются изъ камня, а здѣсь — прямо глиняныя. Время ихъ XI—XII в.; вещи не привозныя; желательно, чтобы раскопки продолжались.

А. С. Раевскій замѣтилъ, что находки, имѣвшія мѣсто въ Азовѣ передъ прїѣздомъ туда г. Прозрителева, было бы лучше не сравнивать съ находками А. А. Миллера въ станицѣ Елизаветовской, такъ какъ первыя, повидимому, относятся ко времени не ранѣе X вѣка по Р. Х., а вторыя восходятъ къ древне-греческому періоду.

2. И. Я. Стеллецкій «Подземная Россія».

Установивъ содержаніе понятія «подземная Россія», — всякаго рода подземныя сооруженія не ритуальнаго характера, — референтъ отмѣтилъ обидное равнодушіе археологовъ къ этому рода монументальнымъ памятникамъ русской старины, въ виду, особенно, большой ихъ научной цѣнности. Воздерживаясь отъ преждевременныхъ

обобщений и выводов, референтъ ближайшею задачею своею ставить — накопленіе фактическаго матеріала въ указанномъ направленіи. Обрисовавъ кратко особенности и установивъ даты подземныхъ ходовъ и находокъ въ г.г. Полтавѣ, Кіевѣ, Ковно, Псковѣ и др., референтъ подробнѣе остановился на обследованныхъ имъ подземельяхъ въ г. Лубнахъ, оказавшихся средневѣковыми въ строгомъ готическомъ стилѣ монастырскими погребами и въ г. Смоленскѣ, гдѣ, между прочимъ, открытъ тайникъ въ толщѣ стѣны Ворониной башни. Въ Москвѣ имъ открыты подземные ходы близъ Новодѣвичьяго и Донскаго монастырей, тайники въ Арсенальной и Никольской башняхъ и сдѣланъ сводъ литературы по вопросу о библіотекѣ Іоанна Грознаго въ подземельяхъ Кремля. Референтъ коснулся также подземныхъ памятниковъ Новгорода, обследованныхъ имъ за время Съѣзда. Въ св. Софіи констатировано пять тайниковъ въ стѣнѣ вверхъ по лѣстницѣ и одинъ подъ спудомъ храма. Тайники имѣютъ форму каменныхъ мѣшковъ съ оригинальнымъ плитнянымъ перекрытіемъ на манеръ перекрытія погребальнаго склепа въ знаменитомъ Царскомъ курганѣ г. Керчи. Два тайника имѣютъ въ полу правильныя отверстія въ цементированныя углубленія на подобіе цистернъ. Всѣ тайники пусты. Въ подземельи собора, кромѣ такого же тайника, можно видѣть три древнихъ пола храма одинъ надъ другимъ, съ четвертымъ современнымъ. Подъ Покровской башней обследовано величественное подземелье, которое Новгородскіе археологи ошибочно считали ходомъ подъ Волховъ. Въ Борисоглѣбской башнѣ найдены остатки губернскаго архива, перенесеннаго недавно въ другое зданіе, при чемъ значительная доля его была сожжена въ соседней нишѣ стѣны.

Въ заключеніе референтъ выразилъ надежду, что «недалекъ тотъ часъ, когда отшумѣвшая слава великаго города, слава политическая, возродится въ новой громкой славѣ — археологической.

П. О. Симсонъ сказалъ, что повсемѣстно говорится о подземныхъ ходахъ и кладовыхъ, но, къ сожалѣнію, и онъ долженъ отмѣтить, что ни одно изъ этихъ сказаній не подтверждается. Вопросъ о ходахъ и кладахъ немного вздутъ.

з. Г. К. Сойкелли изъ Гельсингфорса «Серебряный кладъ, найденный въ Халикко («Финляндія). Кладъ, найденный въ 1887 году, состоитъ изъ позолоченнаго креста, двухъ энколпіоновъ и 36 серебряныхъ бусъ съ медальономъ. Начавъ датировку съ бусъ, докладчикъ отнесъ ихъ къ XI—XII вѣкамъ. Крестъ романскаго стиля, энколпіоны XI—XII вѣка. Весь кладъ зарытый, по мнѣнію докладчика, пиратами или какимъ-нибудь духовнымъ лицомъ изъ боязни его утратить, относится къ XI и XII вѣкамъ.

В. Е. Данилевичъ, поблагодаривъ докладчика, сказалъ, что, серебряный кладъ въ достаточной степени опредѣляетъ національность. Бусы приводятъ на память сережки Кіевского типа. Всѣ бусы изъ Халикко представляютъ филигранную работу.

П. О. Симсонъ замѣтилъ, что не въ одной Кіевской области, а точно такъ же и въ средней Россіи можно встрѣтить подобныя бусы. Орнаментъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ финскій.

С. Д. Яхонтовъ замѣтилъ, что подобныя вещи встрѣчаются въ бассейнѣ рѣки Оки и что, ихъ можно относить до конца XIII вѣка.

27 іюля, въ 8 час. вечера.

Отдѣленіе V. Древности церковныя.

Почетный Предсѣдатель: Преосв. Димитрій, епископъ Сухумскій.

Предсѣдатель Отдѣленія: проф. Н. В. Покровскій.

Секретари: И. А. Карабиновъ и свящ. В. Д. Прилуцкій.

1. Н. И. Троицкій — «Икона «Исусъ Христосъ Благое молчаніе».

Сдѣлавъ предварительное нѣсколько критическихъ замѣчаній на существующее объясненіе этой иконы и признавъ его неудовлетворительнымъ, референтъ высказалъ свое о ней мнѣніе. Эта «идейная» икона представляетъ изображеніе божественныхъ свойствъ лица Еммануила и дѣятельности Его, какъ судіи на основаніи пророчества Исаи, гл. 9, и параллельно, по которому Еммануиль — Мессія представляется Отрокомъ, Сыномъ Божіимъ, Икупителемъ, самостоятельнымъ Владыкой, Ангеломъ Великаго Совѣта, Богомъ крѣпкимъ, Княземъ мира, Отцомъ будущаго вѣка. Всѣмъ этимъ свойствамъ соответствуютъ отдѣльныя иконографическія черты Царственнаго Отрока, Ангела-Еммануила: юность лица, окрыленіе, одежда (далматикъ), 8-угольный нимбъ. Наименованіе «благое молчаніе» дано Еммануилу также на основаніи пророчества Исаи, гдѣ и пророкъ Его изображаетъ молчащимъ и Самъ Онъ о Себѣ говоритъ: «Молчавъ я не говорилъ, удерживался» (гл. 42 и паралл.). Но «молчаніе» должно быть понимаемо въ его библейскомъ значеніи, — не какъ воздержаніе отъ говоренія, а какъ **воздержаніе отъ дѣятельности**. Въ такомъ, именно, значеніи наименованіе «молчаніе» и притомъ «благое» усвоено Еммануилу — Мессіи, какъ судіѣ народовъ, который, по милосердію своему, до времени „молчалъ“, не открывая своего суда. Символомъ «молчанія» на иконахъ служитъ сложеніе дланей рукъ, иногда замкнутыхъ ключомъ. Что касается времени появленія этой иконы, то, какъ «идейная», она могла появиться на Руси, когда идея о божественномъ достоинствѣ Христа, какъ Сына Божія и Судіи міра, особенно волновало православныхъ, что имѣло мѣсто въ первой половинѣ XVI столѣтія, когда еретики-жидовствующие съ особенной энергіей издѣвались надъ православіемъ. — Переводъ этой иконы, вѣроятно, сдѣланъ въ новгородской области и тѣмъ «братомъ» — инокомъ, которому преп. Іосифъ Волоцкій писалъ свои посланія и котораго называлъ «начало-художникомъ божественныхъ и честныхъ иконъ живописанію».

2. Н. О. Полонская — «Древнѣйшіе храмы Старой-Руссы». Большая часть доклада г-жи Полонской посвящена была архитектурѣ церквей г. Старой-Руссы. Наиболѣе сохранившаяся изъ нихъ — церковь св. Минны, имѣющая форму куба, одноабсидная, съ одной главой. Ея стѣны раздѣлены пилястрами на три части, внутри арокъ идетъ фризъ изъ меньшихъ арокъ. Кладка — камень и кирпичъ, скрѣпленные цементомъ. Сохранилось нѣсколько старыхъ иконъ. По мнѣнію докладчицы, этотъ храмъ — XIV вѣка. Близокъ къ нему по времени храмъ св. Николая въ Косинскомъ монастырѣ, также кубовой, одноабсидный и одноглавый. Кладка

въ немъ изъ дикаго камня. Стѣны раздѣлены лопатками, образующими кверху арки. Крыша, по мнѣнію докладчицы, первоначально была восьмискатная. Хороши въ этой церкви богато орнаментированныя окна. Отъ описанныхъ церквей отличаются кубовые храмы Благовѣщенскій и Введенскій, одноабсидные, одноглавые, но безъ внутреннихъ столбовъ, поддерживающихъ барабанъ купола; онъ опирается здѣсь на своды, образуемые самими стѣнками. Хорошо сохранились въ данныхъ церквахъ алтари, низкіе и тѣсные. Такого же типа, но большаго размѣра, храмъ св. Николая, 5-главый, съ большою абсидой: раздѣленные на три части пилястрами его стѣны, равно какъ абсиды и барабаны куполовъ, украшены фризомъ изъ острокопечныхъ арочекъ. Съ южной стороны Благовѣщенской церкви примыкаетъ болѣе поздняя Георгіевская церковь, останавливающая вниманіе необыкновеннымъ количествомъ голосниковъ. Последніе, описанные докладчицей, Старорусскіе храмы — 2 церкви Спасопреображенскаго монастыря XV (3 абсид.) и XVII (1 абсид.), двухэтажные, одноглавые, украшенные фризами изъ острокопечныхъ арочекъ: въ стѣнахъ второй церкви есть 2 закладныхъ креста. Къ сказанному докладчица присоединила нѣсколько замѣчаній относительно внутренняго убранства Старорусскихъ храмовъ, — иконъ (отмѣчены богатыя собранія древнихъ иконъ въ храмахъ св. Владиміра и Николая кладбищенскомъ), скульптурныхъ изображеній и т. п.

3. Т. М. Олейниковъ — «Іеромонахъ Юрѣва монастыря Платонъ и его рукописи».

Іеромонахъ Платонъ (въ мѣрѣ Петръ Петровичъ Шишкинъ) родился въ 1787 году, а скончался въ 1852 году. Большую половину своей жизни онъ отдалъ на собраніе по архивамъ церквей и монастырей матеріаловъ для исторіи Новгорода. Отъ него осталось много рукописей, часть которыхъ хранится въ фундаментальной библіотекѣ Новгородской Духовной семинаріи: большая тетрадь — «Исторія Новгорода (1033—1478). Обзоръ Новгородскихъ святынь» и друг.). На ряду съ рукописями іером. Платона, въ названой библіотекѣ хранятся и другія очень цѣнныя рукописи, напримѣръ, Архіепископа Ярославскаго Антонія и друг.

І. А. Бродовичъ сообщилъ извѣстіе, слышанное имъ отъ протоіерея П. И. Тихомирова, что большая часть (два воза) рукописей Платона попали въ руки Архим. Макарія (впослѣдствіи епископа Донскаго), автора «Археологическаго описанія древностей въ Новгородѣ».

27 іюля, въ 8 час. вечера. Параллельное Засѣданіе.

II. Древности историко-географическія и этнографическія.

Почетный Предсѣдатель: акад. А. С. Лаппо-Данилевскій.

Предсѣдатель Отдѣленія: проф. М. В. Довнаръ-Запольскій.

Секретари: И. П. Вохоменскій, Т. О. Соколовская и Б. Г. Курцъ.

Засѣданіе открылось рѣчью Почетнаго Предсѣдателя академика А. С. Лаппо-Данилевскаго, въ которой обращено вниманіе на важное значеніе сегодняшняго засѣданія, посвященнаго вопросу о топографіи Новгорода и о Писцовыхъ книгахъ.

Эти темы имѣютъ и общее и мѣстное значеніе. Топографіей Новгорода интересуются и иностранные ученые, не разъ обращавшіеся съ запросами о планахъ Новгорода. Запросы эти, однако, трудно было удовлетворить, вслѣдствіе недостатка матеріала и его научной разработки. Въ настоящемъ же засѣданіи мы ознакомимся съ однимъ изъ старыхъ плановъ Новгородскихъ, хотя и не очень древнихъ. Для разработки Новгородскихъ писцовыхъ книгъ мало сдѣлано: фоліанты, изданные Археографической Комиссіей, а также и другія изданія и рукописи Писцовыхъ книгъ (изд. Гусева, Майкова) еще не разработаны. Общее значеніе разработки этихъ Новгородскихъ книгъ не можетъ вызывать сомнѣній, при чемъ мѣстная разработка Новгородскихъ писцовыхъ книгъ имѣетъ большее значеніе. Писцовыя книги тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ мѣстной разработкой, которую лучше и легче было бы вести мѣстнымъ ученымъ, потому что имъ легче всего пріурочить разныя встрѣчающіяся названія къ современнымъ. Кромѣ собственно топографической номенклатуры, мѣстный изслѣдователь лучше долженъ понимать рельефъ данной мѣстности, что важно для пониманія вопроса о расселеніи. Писцовыя книги также важны для изученія сельскаго хозяйства: если не типа хозяйства, то по крайней мѣрѣ, типа сѣвооборота. Въ Новгородской землѣ общаго основанія сѣвооборота не было, оно колебалось и было разнымъ, въ зависимости отъ почвы, на что также есть указанія въ Писцовыхъ книгахъ.

Такимъ образомъ мѣстные изслѣдователи, знающіе мѣстныя особенности, лучше могутъ понять топографическія данныя и Писцовыя книги.

1. Проф. Т. И. Арне — «Новгородъ во времена Шведскаго владычества по Балтійскому поморью (1611—1617 гг.) по старымъ картамъ изъ Стокгольмскаго Военнаго архива». (Тр. С. Т. I, стран. 533.)

М. В. Муравьевъ внесъ къ этому докладу слѣдующія дополненія: тотъ монастырь, о которомъ упоминалъ проф. Арне, это монастырь Антоніевъ. Долженъ сказать, что Древній Новгородъ былъ окруженъ монастырями — пригородами, которые въ военное время превращались въ форты и отбивали первые приступы врага, въ случаѣ же, если врагъ не могъ быть отбитъ, монастырь и его пригородъ сжигались обороняющимися, и защитники стягивались въ городъ. Вотъ почему мы такъ часто читаемъ въ лѣтописяхъ, что церкви окрестныхъ монастырей во время военныхъ событій «огорѣ до плечъ». Съ востока отъ Новгорода, отъ рѣки до рѣки, тянется Нередицкая Гряда, по ней-то и были расположены наши монастыри — форты; съ юга на сѣверъ они шли въ такомъ порядкѣ: Городищенскій, Нередицкій, Ситецкій, Кирилловскій, Ковалевскій, Волотовскій и Хутынский; во второмъ ряду: Антоніевскій, Лисицкій. Съ запада отъ Новгорода ограждавшими его монастырями были: Юрьевскій, Аркашскій, Колмовскій. Путь Делагарди шелъ черезъ эти форты-монастыри — Хутынский, Антоніевскій, Колмовской; и по соображеніямъ тактическимъ шведскій полководецъ ихъ миновать не могъ.

Планъ древняго Новгорода въ полномъ объемѣ намъ неизвѣстенъ. Мы можемъ о немъ догадываться, лишь сопоставляя иконныя изображенія древняго Новгорода (на иконахъ Знаменія въ церквахъ: Знаменской, Фроловской и Михайловской и

видѣнія Тарасія въ Хутынскомъ монастырѣ) съ 2 планами XVIII вѣка (одинъ изъ нихъ въ 1826 году изданъ Н. Н. Муравьевымъ, другой выставленъ въ I отдѣленіи нашей выставки; на первомъ изъ нихъ пунктиромъ означены улицы XVII вѣка). Это обстоятельство дѣлаетъ очень цѣннымъ для исторической науки сообщеніе проф. Арне и отъ имени Новгородскаго Общества Любителей Древности М. В. Муравьевъ выразилъ проф. Арно глубокую благодарность за его цѣнный даръ Новгородскому Обществу.

2. А. М. Андріашевъ — «Историко-географическая карта Шелонской пятины въ началѣ XVI вѣка по Писцовымъ книгамъ».

Референтомъ былъ представленъ вниманію Съѣзда его трудъ по возстановленію на основаніи Писцовыхъ книгъ историко-географической карты Шелонской пятины въ началѣ XVI вѣка и сдѣлано сообщеніе о разнаго рода вопросахъ историко-географическаго характера, возникшихъ при исполненіи этой работы и посильно имъ разрѣшенныхъ.

Прежде всего онъ остановился на такъ называемомъ «старомъ письмѣ» въ писцовыхъ книгахъ 1498—1501 гг. и указалъ, что это «письмо», составленное одновременно съ послѣднимъ выселеніемъ изъ Новгородской земли почти всего оставшагося еще землевладѣльческаго класса, не можетъ считаться переписью въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ данныя его, за рѣдкими исключеніями, проверены на мѣстахъ не были; составлено же оно было изъ механически соединенныхъ подлинныхъ документовъ на земельное владѣніе, истребованныхъ отъ выселяемыхъ Новгородцевъ. Результатомъ такого способа составленія «старого письма» было отсутствіе какой бы то ни было системы и географической послѣдовательности въ описаніи отдѣльныхъ помѣстій и входящихъ въ составъ ихъ селеній, которое отразилось и на всѣхъ послѣднихъ переписяхъ. Въ виду вышеуказаннаго способа составленія «старого письма», первой переписью сошныхъ земель Шелонской пятины была книга М. Валуева 1498 г. Подлинная книга эта утеряна и въ IV и V тт. Новг. Писц. книгъ она напечатана съ позднѣйшаго и довольно неисправнаго списка 1500 года.

Указавъ далѣе на нѣкоторые недочеты въ изданіи Писцовыхъ книгъ Шелонской пятины Археографической Комиссіи и сдѣлавъ рядъ замѣчаній: 1) о селеніяхъ, ихъ распредѣленіи, преобладающемъ типѣ и вліяніи близости городовъ и торговыхъ путей на ихъ населенность и 2) объ административныхъ дѣленіяхъ — погостахъ, округахъ и уѣздахъ, референтъ перешелъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, что такое пятина. Онъ указалъ, что вслѣдствіе скудости и неопредѣленности источниковъ, объ существующія въ наукѣ теоріи ихъ происхожденія — Новгородская и Московская, не являются въ достаточной мѣрѣ обоснованными, и предложилъ свое рѣшеніе этого вопроса, основанное исключительно на анализѣ Новгородскихъ Писцовыхъ книгъ и извѣстій лѣтописи о событіяхъ паденія Новгорода. Анализируя ихъ, онъ показалъ: 1) что пятинное дѣленіе было дѣленіемъ иного порядка, чѣмъ существовавшія одновременно съ нимъ административныя дѣленія на уѣзды и погосты, 2) что онѣ не затрагивало непосредственно народной жизни, 3) что оно нуждается въ возможно точномъ отграниченіи одной пятины отъ другой (для чего были использованы есте-

ственные границы — рѣки) и наконецъ, 4) что пятинны не имѣютъ никакой преемственной связи съ староновгородскими историческими и административными дѣленіями и не стоятъ въ какой-либо зависимости отъ Новгородскихъ концовъ. Естественнымъ выводомъ изъ этихъ положеній является признаніе пятиннаго дѣленія созданиемъ всецѣло одного Московскаго правительства.

Переходя къ выясненію обстоятельствъ, заставившихъ Московское правительство ввести это новое дѣленіе, референтъ разсмотрѣлъ обстоятельства, сопровождавшія выселеніе Новгородцевъ въ 1489 г. и выяснилъ трудности, встрѣченныя Московскими писцами при составленіи переписи земель, сведенныхъ Новгородцевъ. Эти трудности — громадность Новгородской территоріи, непосильная для работы одной переписной комиссіи и крайняя скудость словаря географическихъ наименованій (однобразіе именъ, селеній, рѣкъ и даже погостовъ) настоятельно требовали подраздѣленія Новгородской земли на части. Это чисто переписное дѣленіе и были пятинны. При этомъ рѣшеніи вопроса всѣ характерныя особенности пятиннаго дѣленія, совершенно необъяснимыя съ точки зрѣнія Новгородской теоріи, находятъ себѣ простое и вполне естественное истолкованіе.

М. В. Довнаръ-Запольскій не соглашается съ мнѣніемъ референта, что Пятинное дѣленіе возникло въ связи съ техникой Московскаго управленія для болѣе удобнаго пониманія названій, потому что въ такомъ случаѣ выходитъ, что Московская комиссія сначала изучила географическія названія, а потомъ раздѣлила землю на пятинны. Такая научная постановка вопроса для XV вѣка не могла быть. Далѣе не слѣдуетъ вовсе искать въ пятинахъ административнаго дѣленія, потому что въ старину вообще встрѣчаются дѣленія безъ всякаго административнаго значенія. М. В. Довнаръ-Запольскій въ заключеніе привѣтствовалъ важность труда референта.

Д. И. Иловайскій отмѣтилъ, что хотя докладъ референта является очень обстоятельнымъ, но онъ лично остается при своемъ мнѣніи, высказанномъ въ его курсѣ русской исторіи: пятинны позднѣйшаго происхожденія, но онѣ намѣчены еще во время независимости Новгорода. Также нельзя усмотрѣть связи между переселеніемъ Новгородцевъ при Иванѣ III и раздѣленіемъ на пятинны; кромѣ пятинъ была Задвинская земля и она была взята Москвой, почему же тутъ она не вошла въ новое дѣленіе (на пятинны), произведенное Московскимъ государствомъ? Нельзя также категорически утверждать, что Новгородская собственность уничтожена Москвой. Распоряженіе Московскаго правительства произвести дѣленіе на пятинны не могло быть пройдено молчаніемъ, а между тѣмъ въ лѣтописи нѣтъ никакихъ указаній на это. Во всякомъ случаѣ вопросъ о пятинахъ за недостаточностью данныхъ остается открытымъ.

А. С. Раевскій находитъ, что несомнѣнной причиной, почему Бѣжецкая пятина не доходитъ до озера Ильменя, было то, что тутъ было болото «Нѣвій мохъ». Единственнымъ лѣтнимъ путемъ сообщенія сюда служить нижнее теченіе Мсты до пороговъ у Холovy. Поэтому-то и Бѣжецкая пятина считалась только оттуда, гдѣ она соприкасалась съ болотомъ и сразу возвышалась, поверхность же Бѣжецкой пятинны возвышенная, сухая, пригодная для земледѣлія.

А. М. Гнѣвушевъ указалъ, что упоминаемое въ Писцовыхъ книгахъ 1495—1505 гг. «старое письмо» въ своихъ цифровыхъ данныхъ о количествѣ деревень, дворовъ и людей относится къ 1489 году, когда несомнѣнно была произведена полная Московская перепись всѣхъ пятинь. Слишкомъ рѣзкая разниа въ количествѣ деревень не должна смущать изслѣдователя, такъ какъ деревни исчезали не вслѣдствіе запустѣнія, а «списыванія» писцомъ нѣсколько деревень въ одну. О существованіи подсчета населенія въ 1489 году свидѣтельствуетъ встрѣчающееся иногда въ писцовыхъ книгахъ 1505 г. указаніе на 3 описи: древнѣйшую времянь Новгородской самостоятельности, вторую — по подсчету московскихъ писцовъ 1489 года и третью 1501 годъ. Эти соображенія заставляютъ признать существованіе полной Московской описи въ 1489 году.

П. Ѳ. Симсонъ высказалъ мысль, что пятинное устройство выработано самимъ Великимъ Новгородомъ, а не есть изобрѣтеніе Московскаго правительства.

3. Л. Я. Апостоловъ. Къ исторіи «Тмутараканскаго камня» (Тр. С. Т. I, стр. 406.)

А. С. Раевскій полагаетъ, что упоминаемый въ дѣлѣ проектъ перевезти въ Тамань барельефы и плиты изъ Еникале, повидимому, осуществился, такъ какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ директоръ Керченскаго музея В. В. Шкорпилъ обнаружилъ, что пороги и отчасти стѣны Таманской церкви состоятъ изъ античныхъ памятниковъ, покрытыхъ скульптурой и надписями, которыя имъ теперь изданы.

В. А. Бѣдновъ замѣтилъ, что изъ прочитаннаго доклада не видно, какимъ образомъ Императрицѣ Екатеринѣ II стало извѣстно о Тмутараканскомъ камнѣ. Не возможно ли слѣдующее объясненіе? Въ 1792 году оберъ-прокуроръ Св. Синода, графъ Мусинъ-Пушкинъ, по Высочайшему повелѣнію, обратился къ Екатеринославскому архіепископу Амвросію, съ предложеніемъ сообщить ему, не имѣется ли въ монастыряхъ, церквахъ и вообще приходахъ Екатеринославской епархіи на книгахъ, крестахъ, стѣнахъ и камняхъ какихъ-либо записей, имѣющихъ историческое значеніе. Вслѣдствіе этого предложенія Екатеринославская духовная консисторія собрала чрезъ подвѣдомственное ей духовенство тексты такого рода записей.

Въ 90-хъ годахъ XVIII ст. Тамань, вмѣстѣ съ Крымомъ и поселеніями черноморскихъ казаковъ, въ церковномъ отношеніи подчинена была епископу Θεодосійскому и Маріупольскому, который исполнилъ предложеніе оберъ-прокурора и чрезъ свою консисторію сообщилъ графу Мусину-Пушкину и текстъ надписи на «Тмутараканскомъ камнѣ», а Мусинъ-Пушкинъ донесъ о немъ Государынѣ.

Въ донесеніи Θεодосійской консисторіи нужно искать и первоначальный снимокъ разсматриваемаго текста, а такъ какъ это донесеніе (въ концѣ 1792 года или началѣ 1793 года) находится въ архивѣ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода, то тамъ вѣроятно можно найти и этотъ первоначальный снимокъ.

Академикъ А. И. Соболевскій указалъ, что подлинность черкесскаго преданія сомнительна.

Проф. И. А. Шляпкинъ отмѣтилъ, что камень въ Петербургѣ былъ приведенъ въ надлежащій видъ — подчищенъ и соскобленъ, — вслѣдствіе чего сильно колеблется палеографическое значеніе этого памятника, хотя подлинность его не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Д. И. Иловайскій высказалъ, что о поддѣлкѣ камня не можетъ быть рѣчи: указаніе «Камень о дѣяніяхъ Глѣба Святославича» имѣетъ важное значеніе, — это извѣстіе камня совпадаетъ съ извѣстіями лѣтописи, и этотъ годъ совпадаетъ съ годомъ княженія Глѣба Святославича.

А. С. Раевскій полагалъ, по поводу указаній И. А. Шляпкина, что приведеніе «Тмутараканскаго камня» въ надлежащій видъ состояло лишь въ очисткѣ его отъ плѣсени, которою въ сырую зимнюю погоду и теперь покрываются античные памятники, хранящіеся подъ открытымъ небомъ въ Керчи около Мелек-Чесменскаго и Царскаго кургановъ; по той же причинѣ, подобно черепичному на-вѣсу надъ «Тмутараканскимъ камнемъ», приходится хранителямъ этихъ кургановъ-музеевъ хлопотать о навѣсахъ надъ упомянутыми памятниками.

28 іюля 7 час. вечера.

Отдѣленіе IV. Памятники языка и письма.

Почетный Предсѣдатель: проф. А. П. Кадлубовскій.

Предсѣдатель Отдѣленія: проф. И. А. Шляпкинъ.

Секретари: В. А. Пархоменко и И. М. Тарабринъ.

Почетный предсѣдатель проф. А. П. Кадлубовскій въ приветственной рѣчи отмѣтилъ, что Новгородъ былъ главнымъ средоточіемъ русской мысли и литературы не только въ пору своей самостоятельности, но и послѣ потери ея — и въ XV и въ XVI вѣкахъ. Подтверждая сомнѣніе въ вѣрности отзыва Геннадія о безграмотности Новгородцевъ, онъ указалъ на то, что къ Геннадію не хотѣли итти на поставленіе въ священники и діаконы Новгородцы, какъ къ московскому ставленнику, а между тѣмъ онъ первый на Руси могъ составить *только въ Новгороде* свой сводъ библіи.

1. Проф. И. Е. Евсѣевъ. «Новгородская Геннадіевская Библія 1499 года».

Геннадіевскій сводъ Библіи 1499 г., несмотря на свое важное значеніе среди памятниковъ русской и славянской письменности, изученъ весьма недостаточно. Только филологія привлекаетъ его для изученія исторіи славянскаго языка; съ точки же литературной и со стороны своего непосредственнаго библейскаго значенія онъ стоитъ пока внѣ научнаго наблюденія. Историки литературы считаютъ его лишеннымъ историческаго интереса, ученые богословы, довольствуясь принятой современной синодальной Библіей, наоборотъ, рассматриваютъ его только какъ памятникъ литературный. И то и другое воззрѣніе невѣрно: Геннадіевская Библія представляется памятникомъ весьма цѣннымъ и въ литературномъ и спеціально-богословскомъ смыслѣ, если къ изученію ея приступить съ болѣе пригоднымъ для нея специализованнымъ историко-литературнымъ методомъ. При этомъ условіи Геннадіевскій сводъ оказывается весьма важнымъ средоточіемъ и выраженіемъ воззрѣній и упованій цѣлой эпохи (литературное значеніе) и незамѣнимымъ по значенію моментомъ въ исторіи церковнаго сознанія.

Литературное и библейское значеніе труда архіеп. Геннадія выясняется изъ сравненія взятыхъ Геннадіемъ для составленія этого свода готовыхъ матеріаловъ. Изъ значительнаго числа библейскихъ переводныхъ матеріаловъ (переводы св. Кирилла въ IX в., св. Мееодія IX в., перевода времени болгарскаго царя Симеона IX—X вв., болгарской и сербской справъ XIV в. другіе переводы отдѣльныхъ книгъ) Геннадій выбралъ посредственный по литературнымъ и библейскимъ достоинствамъ переводъ эпохи Симеона, поэтому общее значеніе этого свода невысоко. По особенностямъ славянскаго языка переводъ симеоновскій относится къ разряду памятниковъ провинціального, восточно-болгарскаго происхожденія, не типичныхъ для принятаго вообще вида славянскаго языка. Въ библейскомъ смыслѣ это — памятникъ не церковнаго, а частнаго происхожденія, подвергнутый, еще при томъ, Геннадіемъ латинской обработкѣ по переводу съ вульгаты, слѣдовательно, значительно ослабленный въ своемъ специально церковномъ авторитетѣ. По всѣмъ даннымъ трудъ Геннадія пригоденъ былъ для запросовъ XV в., но не имѣлъ никакихъ правъ оставаться въ роли основного, единственнаго библейскаго свода въ послѣдующее время. Между тѣмъ замѣны ему не было. Въ 1581 году съ незначительными измѣненіями онъ былъ напечатанъ въ Острогѣ; въ 1663 году въ Москвѣ; съ болѣе значительными исправленіями — въ 1751 году, при Императрицѣ Елизаветѣ. Послѣднее изданіе служитъ единственнымъ видомъ славянской Библии и до настоящаго времени. Настоятельно необходимо издать славянскій текстъ Библии въ болѣе авторитетномъ видѣ, примѣнительно ко всей исторіи славянскаго перевода и къ настоящему виду оригинала Библии. Ближайшимъ средствомъ для этого должно быть научное изданіе древне-славянской Библии во всемъ ея историческомъ проявленіи.

Новгородскій Археологическій Съѣздъ, поставившій для себя задачей изученіе, охраненіе и возможное возстановленіе памятниковъ Новгородской старины, долженъ помочь научному изученію и изданію этого величайшаго памятника Новгородской письменности, — славянской Библии, главнымъ образомъ, представленной Новгородскимъ сводомъ 1499 г. Въ настоящее время докладчикомъ, по предложенію представителей Св. Синода, возбуждается въ Св. Синодѣ, при посредствѣ Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи, вопросъ о научномъ изданіи славянской Библии. Выработанъ подробно мотивированный проектъ и планъ изданія, рассчитанный на 40—50 лѣтъ работы комиссіи, состоящей изъ академическихъ и университетскихъ спеціалистовъ, съ подробнымъ уясненіемъ всѣхъ частныхъ предпріятія. Докладчикъ проситъ поддержать его начинаніе и принять отъ имени Съѣзда слѣдующее постановленіе: *въ виду не только научнаго, но и общественнаго и національнаго значенія славянскаго текста Библии, проситъ Св. Синодъ принять на себя трудъ научнаго, авторитетнаго изданія славянской Библии.*

Проф. А. В. Михайловъ сдѣлалъ слѣдующее дополненіе къ докладу: «Проф. А. Е. Евсѣевъ поднялъ самый важный и очень большой, какъ говорить, вопросъ — славяно-русской переводной письменности, — вопросъ о научномъ изданіи текстовъ Св. Писанія на церковно-славянскомъ языкѣ. Я вполне присое-

диняюсь ко всѣмъ положеніямъ этого интереснаго доклада, и дѣлаю это съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что мнѣ самому приходилось уже дважды выступить въ ученыхъ собраніяхъ съ такимъ же предложеніемъ. Въ первый разъ вопросъ объ изданіи церковно-славянскихъ текстовъ св. Писанія мною былъ поднятъ въ 1903 году на Съѣздѣ русскихъ филологовъ въ Петербургѣ при Академіи Наукъ. Секція изданія церковно-славянскихъ памятниковъ мое предложеніе образовать для этой цѣли особую комиссію принципиально приняла очень сочувственно, при чемъ постановила предварительно снестись съ Святѣйшимъ Синодомъ и просить его притти на помощь матеріальными средствами. Къ сожалѣнію, никакого практическаго результата мой докладъ не имѣлъ, а почему именно — мнѣ неизвѣстно. Вторично съ такимъ же предложеніемъ я выступилъ въ началѣ 1908 года, на этотъ разъ въ Москвѣ, въ засѣданіи Славянской Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. И на этотъ разъ мое предложеніе, принятое тоже очень сочувственно членами Комиссіи, также не могло осуществиться, такъ какъ предпріятіе требовало прежде всего большихъ денежныхъ средствъ, какими Археологическое Общество не располагало. Моя пропаганда мысли о важности изданія рукописныхъ текстовъ св. Писанія въ общей прессѣ, съ цѣлью обратить на это дѣло широкіе круги Общества и привлечь такимъ образомъ пожертвованія на предпріятіе, также не имѣла никакого практическаго результата: были только сочувственные отклики да предложенія платныхъ услугъ неизвѣстныхъ для меня лицъ. И вотъ, я теперь слышу отъ Ивана Евсѣевича, что въ высшихъ духовныхъ сферахъ мысль о научномъ изданіи текстовъ св. Писанія раздѣляютъ очень многіе (конечно — послѣ его замѣчательной рѣчи, сказанной на годичномъ актѣ С.-Петербургской Духовной Академіи и напечатанной въ Христіанскомъ Чтеніи 1911 года № 4—5) и что, вѣроятно будутъ найдены средства для осуществленія этого давно желѣаннаго имъ и мною научнаго предпріятія. Поэтому, если я взошелъ на эту кафедру, то лишь съ тою цѣлью, чтобы во-1) поблагодарить лично отъ себя И. Е. за его интересный докладъ и благоую вѣсть, какую онъ намъ сообщилъ, и во-2) дополнить этотъ докладъ нѣсколькими свѣдѣніями историко-литературнаго характера, которыя, мнѣ кажется, могутъ еще болѣе подчеркнуть важность изданія до-Геннадіевской Библии.

И. Е. Евсѣевъ прекрасно выяснилъ намъ богословское и культурно-общественное значеніе изданія текстовъ св. Писанія до-Геннадіевской версіи.

Я, съ своей стороны, считаю своимъ долгомъ обратить Ваше вниманіе на другое не менѣе важное значеніе такого изданія — для славянской науки вообще и для исторіи древне-русской литературы, въ частности.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ и въ то же время очередныхъ вопросовъ кирилло-мееодіевской старины является вопросъ объ объемѣ литературной дѣятельности св. Братъевъ по переводу св. Писанія. Всѣ ли книги св. Писанія были переведены свв. Кирилломъ и Мееодіемъ или только нѣкоторыя? Если только нѣкоторыя, то какія именно? На эти, какъ и на многіе другіе вопросы, связанные съ литературной дѣятельностью св. Братъевъ, славянская наука пока не можетъ

дать опредѣленнаго и точнаго отвѣта. И это зависитъ цѣликомъ отъ состоянія источниковъ. Источники же, на основаніи которыхъ рѣшаются эти вопросы, двойнаго рода: 1) историческіе, т.-е. житія св. Братьевъ, сказанія, легенды, свидѣтельства современниковъ и ближайшихъ потомковъ, наконецъ — документальныя данныя, въ видѣ посланій и писемъ римскихъ папъ и т. п., и 2) труды св. Братьевъ, т.-е. тексты св. Писанія. Историческіе источники давно уже изданы и въ достаточной степени изслѣдованы; источники же второго ряда, особенно тексты ветхозавѣтныхъ книгъ, почти всѣ находятся еще подъ спудомъ, т.-е. въ рукописномъ, а потому недоступномъ видѣ для большинства изслѣдованій. А между тѣмъ только согласное показаніе обоюдо рода источниковъ можетъ научно рѣшить вопросъ объ объемѣ литературной дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія по переводу св. Писанія. Если вы, довѣрившись свидѣтельству т.-называемыхъ Паннонскихъ житій св. Братьевъ, станете утверждать, что ими была переведена вся Библия, кромѣ книгъ Маккавейскихъ, а затѣмъ будете искать подтвержденія этой мысли въ текстахъ Геннадіевской Библии, то тамъ Вы этого необходимаго подтвержденія не найдете, потому что въ Геннадіевскомъ сводѣ во-1) есть книги въ сравнительно новыхъ переводахъ съ латинскаго и даже еврейскаго языковъ, что св. Кириллу и Меѳодію не могло принадлежать, и во-2) есть книги хотя и въ переводахъ съ греческаго, но эти переводы поздняго времени (XV вѣка), чего св. Братьямъ также нельзя приписывать. Такимъ образомъ Геннадіевскій сводъ поставленнаго вопроса не можетъ разрѣшить. Это рѣшеніе въ ту или другую сторону мы можемъ найти только въ текстахъ св. Писанія до-Геннадіевского происхожденія. А между тѣмъ эти тексты почти всѣ хранятся подъ спудомъ. Какъ важно, поэтому, извлечь ихъ изъ рукописей и сдѣлать доступными для славянской науки.

Не менѣе важно научное изданіе текстовъ св. Писанія до-Геннадіевской версіи и для изученія памятниковъ славяно-русской письменности, напр. опредѣленія времени и мѣста ихъ происхожденія, а также дальнѣйшей ихъ исторіи у южныхъ Славянъ и въ Россіи. Многіе изъ этихъ памятниковъ заключаютъ въ себѣ тексты св. Писанія, иногда въ большемъ объемѣ. И вотъ, по этимъ текстамъ, по характеру ихъ славянскаго перевода, можно иной разъ опредѣлить какого происхожденія памятникъ, т.-е. оригинальнаго или переводнаго, и даже когда онъ могъ явиться. Наглядный примѣръ представляетъ такъ называемая Толковая Палея. Долгое время полагали, что этотъ весьма важный памятникъ славянской письменности во всемъ своемъ объемѣ не болѣе какъ переводъ съ греческаго языка, хотя на этомъ языкѣ его оригиналъ и неизвѣстенъ. Между тѣмъ достаточно было изучить тексты св. Писанія, особенно кн. Бытія, которая вошла въ него въ большихъ отрывкахъ, чтобы притти къ полной увѣренности, что Толковая Палея даже не можетъ быть памятникомъ византійскаго происхожденія, что авторомъ ея былъ южный Славянинъ или — какъ я думаю — даже русскій человѣкъ. Съ помощью тѣхъ же текстовъ Св. Писанія историкъ древне-русской литературы можетъ опредѣлить время происхожденія другихъ памятниковъ, ихъ переводовъ, если они переводные, ихъ редакцій, изводовъ и пр.

Вотъ почему я горячо привѣтствую выступленіе И. Е. съ предложеніемъ ходатайствовать передъ Святѣйшимъ Синодомъ принять на себя труды научнаго изданія текстовъ Св. Писанія и, съ своей стороны, обращаюсь къ XV Археологическому Съѣзду съ покорнѣйшей просьбой возбудить это ходатайство».

Н. И. Троицкій, въ дополненіе къ сказанному референтомъ, указалъ на то, что въ существующемъ славянскомъ текстѣ Библии есть очень не мало мѣстъ, совершенно непонятныхъ для простаго православнаго читателя, незнакомаго съ подлиннымъ священнымъ текстомъ (еврейскимъ), и, для нагляднаго доказательства этого, привелъ еврейскій текстъ 13-го ст. 39-й гл. и его славянскій переводъ, гдѣ нѣкоторыя еврейскія слова оставлены совершенно безъ перевода. Подобныя мѣста указываютъ на крайнюю необходимость новаго изданія полнаго славянскаго перевода всей Библии.

Предсѣдатель отдѣленія проф. И. А. Шляпкинъ, присоединяясь вполне къ выраженному проф. Евѣевымъ пожеланію, добавилъ, что хронологическая картина развитія текста Библии дастъ возможность разрѣшить многіе вопросы и художественнаго творчества, и русской литературы. Вопросъ о времени написанія фресокъ-пророковъ въ трибунѣ Новгородской Св. Софіи могъ бы быть точно разрѣшенъ на основаніи текста хартій въ рукахъ пророковъ. Видъ и время редакцій Давида Заточника были бы точно выяснены, на основаніи исторіи измѣненія текстовъ псалтири, книги Исуса, сына Сирахова, и Премудрости Соломоновой.

Въ заключеніе Отдѣленіе Памятниковъ Языка и Письма единогласно присоединилось къ выраженному докладчикомъ и поддержанному выше названными лицами пожеланію и также единогласно постановило: просить Ученый Комитетъ и Совѣтъ Съѣзда ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ о принятіи имъ на себя труда по научному изданію славянскаго текста Библии.

2. И. М. Тарабринъ. «Библия Пискатора въ исторіи русской письменности и искусства» («Тр. С.» т. II).

Б. П. Денике указалъ на находящійся въ библіотекѣ Музея Искусствъ и Древностей при Казанскомъ Университетѣ экземпляръ Библии съ гравюрами Борхта и просилъ референта разъяснить отношеніе этого экземпляра къ упомянутымъ въ докладѣ и ихъ прототипамъ. Въ разъясненіе докладчикъ сообщилъ, что и ему извѣстно три экземпляра указаннаго Б. П. Денике изданія, но что эти гравюры Борхта не находятся въ соотношеніи съ разсмотрѣнными имъ изданіями Библии Пискатора и что непосредственнаго вліянія ихъ на русское искусство пока докладчикомъ не усмотрѣно.

Г. М. Казаковъ отмѣтилъ, что, встрѣчая иконы греческія, новгородскія, старыя московскія, строгановскія, баронскія и ушаковскія, онъ въ то же время видѣлъ иконы иного письма; можетъ быть иконописецъ, писавшій эти иконы, не умѣлъ написать ихъ по принятымъ образцамъ или, вѣрнѣе сказать, онъ желалъ воспользоваться матеріаломъ изъ указанной докладчикомъ Библии Пискатора; только иконописецъ, приступая къ своей работѣ, иногда компоновалъ свои иконы по гравюрамъ этой Библии, убавляя или прибавляя что-либо, а нерѣдко

и цѣликомъ воспроизводилъ свои иконы по этимъ гравюрамъ. Подобныя иконы Г. М. Казаковъ находилъ и въ церквахъ Пскова, и въ Торонцѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ видно, что на иконописи дѣйствительно повліяла Библия Пискатора и этимъ оказала большую услугу иконописцамъ.

Н. И. Троицкій, въ дополненіе къ сказанному референтомъ, сообщилъ, что въ отличномъ экземплярѣ Библии Пискатора, находящемся въ его собственной библіотекѣ, есть приписка, что этотъ экземпляръ былъ пріобрѣтенъ еще въ XVII вѣкѣ *«человѣкомъ боярина Стрѣшнева Иваномъ Машуковымъ для своей охоты»*; слѣдовательно, Библия Пискатора была въ употребленіи не только у иконописцевъ, для ихъ специальныхъ цѣлей, но и у простыхъ любителей живописи, черезъ что и имѣла широкое распространеніе. Значеніе ея не исчерпывается только тѣмъ, что она служила образцомъ для иконописцевъ (иконы и настѣнные росписи), она содержитъ еще элементъ экзегетическій, представляя, напримѣръ, образцы Евангельскихъ добродѣтелей прямо въ картинахъ, и проч.

з. Е. В. Аничковъ: «Два взгляда древне-русской проповѣди на язычество» (Тр. С. т. I, стран. 383).

Академикъ А. И. Соболевскій указалъ на то, что признаваемая рефератомъ за окончательную редакцію «Слова некоего христіянина» какъ болѣе осмысленная, въ дѣйствительности является болѣе ранней по сравненію съ называемой референтомъ первой; послѣдняя представляетъ собою искаженіе первой. Такимъ образомъ, упоминаніе о языческихъ богахъ принадлежитъ первоначальной редакціи. Въ первичной редакціи, какъ составленной въ домонгольскую эпоху, встрѣчается, напримѣръ, упоминаніе о Болгарахъ, котораго нѣтъ въ редакціяхъ болѣе позднихъ, такъ какъ для нихъ это упоминаніе было бы анахронизмомъ.

Проф. С. И. Смирновъ также не можетъ признать теоріи референта о двухъ взглядахъ на язычество. Въ частности онъ упрекаетъ референта въ томъ, что онъ ограничился лишь литературой проповѣдей. Оппонентъ, приводитъ, напримѣръ, «Слово о постѣ къ невѣжамъ», а также древнѣйшіе исповѣдныя вопросы, гдѣ находятся извѣстныя слова: «не ходила ли еси къ мокоши». Референтъ, возражая акад. Соболевскому, отдаетъ должное его глубокому знанію въ древне-русской письменности, но, отстаивая свой методъ критики текста «Слова Христіянина», онъ ссылается на «Розысканіе о лѣтописяхъ» акад. Шахматова, подтверждающее его выводы. Референтъ отвѣчаетъ, что пользовался не только проповѣдями, хотя и имѣлъ научное право съузить кругъ своихъ изслѣдованій. Въ частности о «Исповѣдникѣ» онъ признаетъ этотъ памятникъ болѣе позднимъ и кромѣ «Хожденія къ мокоши», т.-е. къ гадалкѣ, никакихъ намековъ на язычество тамъ не нашелъ.

Проф. И. Е. Евѣевъ отмѣтилъ, что присутствіе указаній въ древне-русской письменности на проявленія язычества не должно вызывать недоумѣнія, потому что проповѣдь того времени, какъ и византійская проповѣдь, по характеру своему стояла далеко отъ житейскаго реализма: она старалась дѣйствовать положительнымъ убѣжденіемъ въ истинахъ христіанства, а не обличеніемъ. Не видно перемѣны въ характерѣ проповѣди и въ послѣдующее время; такимъ образомъ

заключенія о язычествѣ на основаніи показаній проповѣди не могутъ быть пригодны для сужденія объ эволюціи древне-русского язычества.

4. С. О. Долговъ. «Revelatio Stephani». Заглавіе референтъ взялъ изъ декрета папы Геласія, который въ своемъ индексѣ отреченныхъ книгъ указываетъ на апокрифъ съ такимъ заглавіемъ. На западѣ этотъ памятникъ до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ ни на латинскомъ, ни на греческомъ языкѣ. Докладчику удалось установить славянскій текстъ этого апокрифа и, при содѣйствіи нашего посланника въ Испаніи, барона Будберга, получить снимокъ съ греческой рукописи Эскуриала, единственной изъ извѣстныхъ, содержащей тотъ же апокрифъ. Референтъ доказалъ, что открытые имъ тексты содержатъ апокрифическое произведеніе съ явными слѣдами гностическаго міровоззрѣнія. По всей вѣроятности это — то апокрифическое мученіе Стефана, которое, по словамъ Серапіона Тмуисскаго, было въ большомъ почетѣ у Манихеевъ, а впоследствии было запрещено папой Гелассіемъ (Тр. С. т. II).

По поводу этого доклада акад. А. И. Соболевскій высказалъ мнѣніе, что данный апокрифъ въ литературѣ уже извѣстенъ; нѣтъ основаній считать его тождественнымъ съ упоминаемымъ папою Гелассіемъ; онъ составленъ поздно, подобно апокрифамъ о Фотинѣ Самарянкѣ и Лазарѣ евангельскомъ; часть этого апокрифа имѣется въ Златоструѣ Императорской Публичной Библіотеки XII вѣка.

Е. В. Аничковъ указалъ на отраженіе манихейства въ сказаніи объ успокоеніи земли отъ горъ и рытвинъ.

С. О. Долговъ, возражая, указалъ, что текстъ первоначальныхъ апокрифовъ не могъ дойти въ неприкосновенности, что его перерабатывали съ V до XII столѣтія, что даже Болландистъ де-Ляга считалъ «Откровеніемъ» повѣсть Лукіана и что во всякомъ случаѣ въ славянскомъ текстѣ, указанномъ докладчикомъ, «Откровеніе Стефана» есть.

28 іюля 7¹/₂ ч. вечера.

Отдѣленіе I. Древности первобытныя.

Почетный Предсѣдатель: Новгородскій Губернаторъ В. А. Лопухинъ.

Предсѣдатель: проф. В. Е. Данилевичъ.

Секретари: I. К. Линдеманъ и Т. О. Соколовская.

Г. Губернаторъ, открывая засѣданіе, въ краткой рѣчи привѣтствовалъ иностранныхъ ученыхъ, пожаловавшихъ на данное засѣданіе съ своими докладами.

1. Проф. д-ръ А. Беценбергеръ. «Отношенія Восточной Пруссіи къ Кавказу, относящіяся къ бронзовому періоду» (Тр. С. т. I, стран. 493).

Проф. Р. Э. Штернъ, въ дополненіе къ докладу, сдѣлалъ одно замѣчаніе, выясняющее временное отношеніе; на островѣ Березани найдена подобная описанному колесообразная привѣска VI вѣка.

Д-ръ Альмгренъ сообщилъ, что и въ Швеціи найдены два предмета бронзоваго вѣка, указывающихъ на ихъ кавказское происхожденіе — булавку съ головою барана и мечъ.

2. Докторъ Аппельгренъ - Кивало. «Скиеско-пермская орнаментика» (Тр. С. т. I, стран. 481).

3. Д-ръ Айліо: «Распространеніе находокъ каменнаго вѣка въ Финляндіи». Представлены двѣ карты территоріи находокъ каменнаго вѣка въ Финляндіи, на которыхъ мѣста находокъ обозначены отдѣльными знаками. Весьма богаты находками прибрежныя части страны, зато скудны внутреннія.

Демонстрированы также планы остатковъ жилищъ, т.-е. половъ и очаговъ въ стоянкахъ близъ Або и Выборга, и карта группировки находокъ стоянокъ въ приходѣ Каукало, въ Кореліи.

Изъ этого изложенія вытекаетъ слѣдующее: 1) въ теченіе каменнаго вѣка господствовала очень развитая общественная организація, т.-е. жители группировались по родамъ въ большія или меньшія деревни, а различные роды сседились, въ свою очередь, въ племена, обнимавшія большія области; 2) главнымъ источникомъ пропитанія служила рыбная ловля, состоявшая, главнымъ образомъ, въ способѣ, при которомъ рыба въ рѣкахъ и озерахъ загонялась въ извѣстныя мѣста; 3) колонизація побережныхъ странъ весьма сильно зависѣла отъ послѣдняго поднятія суши и на основаніи этого послѣдняго можно дѣлать выводы по вопросу объ «относительной» хронологіи; 4) жизнь была очень подвижна, подобно жизни теперешнихъ рыболовныхъ и охотничьихъ народовъ, въ различныя времена года имѣющихъ и различныя мѣста жительства.

Проф. Беценбергеръ сдѣлалъ докладчику запросъ, какимъ образомъ на основаніи поднятія суши, можно дѣлать выводы по вопросу объ «относительной» хронологіи. Помимо самого докладчика, отвѣтъ на этотъ вопросъ далъ профессоръ Упсальскаго университета, д-ръ Альмгренъ, который сообщилъ о производящихся въ настоящее время въ Швеціи изслѣдованіяхъ, для опредѣленія хронологическихъ датъ поднятія суши. Они примыкаютъ къ замѣчательнымъ геніальнымъ изслѣдованіямъ проф. бар. де-Гира о хронологіи позднѣйшей эпохи ледниковаго періода (времени таянія). Въ обоихъ случаяхъ изслѣдуютъ отложения, раздѣленные на явственно расположенные ежегодные слои, которые нѣкогда образовались въ морѣ передъ устьями рѣкъ, но теперь, вслѣдствіе поднятія суши, лежатъ высоко надъ моремъ. Въ большихъ рѣчныхъ долинахъ Сѣверной Швеціи такія отложения располагаются террасообразно, одно надъ другимъ. Благодаря соединенному методу, состоящему частію въ счетѣ и сравненіи годовыхъ слоевъ различныхъ террасъ, частію въ взвѣшиваніи (уравненіи) поверхностей террасъ, получается очень точный критерій, какъ для времени, которое заняло все поднятое, такъ и для скорости, съ которою оно шло въ различныя времена. Въ началѣ оно шло гораздо скорѣе, чѣмъ въ позднѣйшія времена. Какъ только удастся въ такихъ отложеніяхъ обрѣсти и археологическія находки, то и для археологической хронологіи будутъ добыты опорные пункты.

29 іюля 11 час. утра.

Отдѣленіе IV. Древности юридическія, бытъ домашній, общественный и военный.

Почетный Предсѣдатель: проф. А. А. Дмитріевскій.

Предсѣдатель Отдѣленія: акад. А. С. Лаппо-Данилевскій.

Секретарь: М. Г. Ляскоронскій.

1. Преосвященнѣйшій Арсеній, архіепископъ Новгородскій и Старорусскій: «Новгородско-Псковская область въ сношеніяхъ съ южными славянами». (Тр. С. Т. I, стр. 293).

2. Новгородскій губернаторъ В. А. Лопухинъ: «О мѣстѣ ссылки и заточенія Борисомъ Годуновымъ въ 1601 году родного дяди Михаила Федоровича Романова, боярина Михаила Никитича Романова», въ погостѣ, нынѣ селѣ, Ныробѣ, Чердынскаго уѣзда, Пермской губерніи. Въ началѣ сообщенія докладчикъ напомнилъ подробности этого историческаго событія, коснувшись отчасти и другихъ братьевъ Михаила Никитича, подвергшихся также гоненію со стороны Бориса Годунова.

В. А. Лопухинъ описалъ с. Ныробу и находящіяся тамъ церкви Богоявленскую и Никольскую, часовню надъ мѣстомъ заточенія и самую яму-темницу, гдѣ былъ заключенъ Михаилъ Никитичъ, и указалъ на то благоговѣйное почитаніе памяти замученнаго боярина, которой пользуется она среди жителей с. Ныробъ и окрестнаго населенія. Докладчикъ пришелъ къ выводу, устанавливающему тотъ историческій фактъ, что Михаилъ Никитичъ не былъ задушенъ, какъ существовало раньше предположеніе, стражей, которой надоѣло пребывать, охраняя узника, въ пустынномъ Ныробѣ, а былъ умерщвленъ Борисомъ Годуновымъ, не сдѣлавшимъ этого явно, боясь народа, а путемъ истощенія узника муками и скуднымъ питаніемъ.

Далѣе В. А. Лопухинъ сообщилъ о произведенныхъ имъ изысканіяхъ, которыми научнымъ путемъ безспорно устанавливается подлинность оковъ, хранящихся въ Богоявленской церкви, въ Ныробѣ, тѣхъ самыхъ, въ которыя былъ закованъ бояринъ Михаилъ Никитичъ, въ отличіе отъ цѣпей, находящихся въ Екатеринбургскомъ Музеѣ Общества Любителей Естествознанія, которыя являются лишь неточною копіей настоящихъ оковъ.

Свой докладъ В. А. Лопухинъ закончилъ призывомъ ко всѣмъ русскимъ людямъ принять участіе въ увѣковѣченіи памяти боярина-мученика, каковое участіе, по мнѣнію докладчика, должно выразиться въ содѣйствіи къ возстановленію Ныробскихъ церквей и цѣнной настѣнной живописи въ нихъ, а также въ постройкѣ обширнаго, соответствующаго числу богомольцевъ, храма, который былъ бы воздвигнутъ такимъ образомъ, чтобы яма-темница и часовня надъ ней были внутри храма. Въ заключеніе докладчикъ указалъ на необходимость, особенно въ виду предстоящаго 300-лѣтія Дома Романовыхъ, принять участіе въ увѣковѣченіи памяти мученика-боярина.

29 іюля 10 час. утра. Засѣданіе параллельное.

Отдѣленіе II. — Памятники историко-географическіе и этнографическіе.

Почетный Предсѣдатель: проф. Э. Р. фонъ-Штернь.

Предсѣдатель Отдѣленія: проф. М. В. Довнаръ-Запольскій.

Секретари: И. М. Вохомскій, Т. О. Соколовская и Б. Г. Курць.

1. Е. П. Чепурковскій: «Современные типы крестьянскаго населенія Россіи и ихъ связь съ доисторическими».

По изслѣдованіямъ покойнаго основателя русской антропологии, проф. А. П. Богданова, обнаружилось, что въ Европейской Россіи на обширномъ протяженіи, отъ западной части Московской губерніи до Новгородской и Олонецкой на сѣверѣ, до Германіи на западѣ и до Полтавской губерніи на югѣ, жило въ древнемъ курганномъ періодѣ (вѣроятно, въ VIII—X вѣкѣ по Р. Х.) длинноголовое племя, съ волосами преимущественно темнорусыми и русыми, любившее украшенія, но довольно бѣдное (золота въ курганахъ не найдено), занимавшееся земледѣліемъ и разведеніемъ домашнихъ животныхъ. Оно находилось уже подъ вліяніемъ христіанства, о чемъ свидѣлствуютъ находимые въ курганахъ крестики и образки. По изслѣдованіямъ того же ученаго, обнаружилось, что въ болѣе позднемъ періодѣ къ этому первобытному населенію въ курганахъ присоединяется новый элементъ, болѣе широкоголовый. По мѣрѣ приближенія къ современной эпохѣ онъ все болѣе преобладаетъ. Значительную часть Великороссіи до пришествія Славянъ обитали, какъ то показываютъ названія мѣстностей, финскія племена. Они хоронили покойниковъ въ общихъ кладбищахъ или могильникахъ, а курганы насыпались Славянами. Кромѣ того, и культура кургановъ ближе къ западной, чѣмъ къ восточной. Это приводитъ къ тому заключенію, что, по крайней мѣрѣ, часть длинноголовыхъ обитателей кургановъ была славянскаго племени. Дѣйствительно, не только въ Великороссіи, но и въ Малороссіи мы въ эпохи довольно позднія встрѣчаемъ длинноголовый элементъ въ преобладаніи. Такъ, мною были измѣрены въ Кіевѣ черепа похороненныхъ въ братской могилѣ во время татарскаго нашествія, и они оказались тоже долихоцефалами. Въ Западной Европѣ, въ Германіи и Австріи, извѣстно много череповъ изъ могилъ съ височными кольцами, которыя, какъ извѣстно, считаются славянскими, и они тоже длинноголовы. Естественно возникаетъ вопросъ, что же сдѣлалось съ этимъ первобытнымъ длинноголовымъ насельникомъ, принадлежавшимъ быть можетъ къ славянскому племени, есть ли слѣды его въ современномъ населеніи Великороссіи? Вопросъ этотъ сводится къ антропологическому анализу современнаго населенія Великороссіи. Для того, чтобы имѣть право начать этотъ анализъ по формѣ головы, надо было раньше отвѣтить на вопросъ, наследуется ли этотъ признакъ, передается ли онъ въ массѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе, или же онъ есть признакъ поверхностный, мѣняющійся подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій. Лѣтъ 15 тому назадъ, когда мною была начата эта работа, по вопросу о причинахъ, отъ которыхъ зависитъ форма головы, существо-

вали большія разногласія. По мнѣнію однихъ, форма головы обуславливается внѣшними воздѣйствіями: воздѣйствіемъ на черепъ извѣстныхъ мышцъ, формой таза матери и т. п. Даже самъ проф. А. П. Богдановъ допускалъ возможность перехода длинноголовости въ широкоголовость, подъ вліяніемъ развитія мозга съ повышеніемъ культурнаго уровня народа. Насколько вопросъ былъ неопредѣленнымъ, видно изъ того, что существовали и явно абсурдныя мнѣнія и притомъ, къ сожалѣнію, даже въ популярной литературѣ. (Такъ, Владимиръ Передольскій Junior, въ очеркахъ по антропологии, помѣщенныхъ въ «Семейномъ Университетѣ» Комарскаго на нѣсколькихъ страницахъ, пытается доказать, что причиной особенностей женскаго мозга и женскаго черепа является корсетъ). Чтобы нѣсколько освѣтить этотъ вопросъ, который нѣкоторые еще и теперь считаютъ нерѣшеннымъ, мнѣ пришлось самому предпринять рядъ наблюденій массоваго характера, какъ надъ связью между формой черепной коробки и глубокими частями основанія черепа, такъ и надъ наслѣдованіемъ этого признака, наслѣдованіемъ не только индивидуальнымъ, но и расовымъ, т.-е. изъ поколѣнія въ поколѣніе. Результаты этихъ наблюденій помѣщены въ разныхъ мѣстахъ и сводятся въ общемъ къ тому, что форма черепной коробки связана съ весьма глубокими частями черепа и наслѣдуется весьма рано и индивидуально, и изъ поколѣнія въ поколѣніе. Такой результатъ далъ право надѣяться найти древніе типы и въ современномъ населеніи Великороссіи, произведя его разложеніе на составляющіе его антропологическіе элементы¹⁾. Но произвести этотъ анализъ на основаніи имѣвшихся въ литературѣ данныхъ было невозможно, такъ какъ, во-первыхъ, великоруссовъ измѣрено мало, во-вторыхъ, большинство антропологическихъ работъ представляютъ собою измѣренія относительно небольшого числа индивидуумовъ; измѣренія иногда весьма подробныя, которыя затѣмъ не подвергаются анализу, а просто распределяются по процентному содержанію (напримѣръ, опредѣляется, сколько въ данной группѣ процентовъ высокихъ, темноволосыхъ и т. д.). Такое разложеніе, какъ это извѣстно давно на Западѣ, не есть анализъ, такъ какъ если положимъ въ населеніи 70% высокорослыхъ и 70% брюнетовъ, то сказать, что это населеніе представляетъ собою высокорослыхъ брюнетовъ, мы отнюдь не можемъ, ибо послѣднихъ въ немъ можетъ оказаться всего 20%. Такимъ образомъ, анализа народа въ антропологическихъ работахъ въ сущности почти нѣтъ, а попытка найти генетическія соотношенія между народами сравненіемъ ихъ физическихъ признаковъ, сдѣланная А. А. Ивановскимъ, повела къ установленію совершенно фиктивныхъ группъ, мѣняющихся съ измѣненіемъ тѣхъ произвольныхъ допущеній, которыя дѣлаетъ авторъ, и которыя, разумѣется, не имѣютъ ни малѣйшаго реальнаго значенія. По моему глубокому убѣжденію, надо было вернуться изъ того тупика развитія, въ который такими приѣмами была заведена антропология, къ старымъ принципамъ отысканія антропологическихъ элементовъ народа путемъ изученія географическаго распределе-

¹⁾ Результаты этихъ предварительныхъ работъ изложены мною въ статьѣ: «Anthropologische Studien», Archiv für Anthropologie 1911.

нія его физических признаковъ, тѣмъ болѣе, что и біологами наличность опредѣленнаго ареала обитанія выдвигается неоднократно какъ признакъ реальности подвида. Такъ какъ съ одной стороны въ древнемъ населеніи Россіи встрѣчаются, какъ выше было указано, различія въ формѣ головы и по мѣсту и по времени, а съ другой стороны этотъ признакъ наслѣдуется въ ряду поколѣній, повидимому, довольно стойко, такъ что вѣковыхъ его измѣненій ожидать нельзя было, то я и собралъ, насколько это было въ моихъ силахъ, матеріалъ для изученія географическаго распредѣленія формы головы, измѣривъ около 10000 мужчинъ и женщинъ исключительно крестьянъ и притомъ православныхъ. Нанеся головной показатель ихъ на карту, я увидѣлъ, что въ своемъ распредѣленіи онъ обнаруживаетъ два явственныхъ центра противоположныхъ формъ, а именно: въ большей части Рязанской и сѣверной части Тамбовской губерній находится весьма рѣзко ограниченная область длинноголовости съ индексами, не превышающими 79,5. Съ другой стороны, въ области Валдая (преимущественно въ Смоленской губерніи) находится область съ индексами, не спускающимися ниже 83. Между ними лежитъ переходная область. Первый типъ — длинноголовый восточный великоруссъ отличается, кромѣ того, нѣсколько меньшимъ числомъ свѣтлоглазыхъ, чѣмъ валдаецъ, и нѣсколько болѣе темными оттѣнками волосъ. Такое же изслѣдованіе географическаго распредѣленія формы головы въ Малороссіи обнаружило, что современный малороссъ представляетъ широкоголоватаго брюнета, чѣмъ онъ отличается отъ столь же и даже нѣсколько болѣе широкоголоватаго, но и болѣе свѣтлаго, валдайца. Отъ Прикарпатя этотъ типъ, въ видѣ обширнаго залива, тянется до Курской области, гдѣ начинается переходъ къ длинноголовому району восточнаго великорусса. Будучи сопоставлено съ данными по колонизации Европейской Россіи Славянами, а равно и съ указанными выше данными о ея доисторическомъ населеніи, такое распредѣленіе приводитъ, насколько можно судить въ настоящее время, къ тому заключенію, что болѣе темный длинноголовый восточный Великоруссъ, оттѣсненный нынѣ въ замкнутый рязанско-тамбовскій районъ, есть остатокъ болѣе древняго населенія, а два другіе типа, Валдаецъ и Малороссъ, болѣе поздніе пришельцы, при чемъ Валдаецъ входилъ, вѣроятно, въ составъ Кривичей, оттѣснявшихъ первобытнаго насельника на востокъ. Малороссъ же, какъ это можетъ быть прослѣжено, исторически, есть гораздо болѣе поздній пришелецъ, и такъ какъ по типу онъ, будучи темнымъ брахицефаломъ, отличается очень сильно отъ первобытнаго насельника долихоцефала, то приходится допустить, что послѣ татарскаго нашествія въ Малороссіи осталось очень мало прежняго населенія. Будучи сопоставлены съ признаками инородцевъ, найденные типы Великорусса обнаруживаютъ сходство: Рязанецъ съ финскими племенами, обитающими нынѣ къ востоку отъ него (и, вѣроятно, съ древней Мерей), а Валдаецъ — съ польско-литовскими, особенно со Жмудью.

Такъ какъ только такимъ путемъ сопоставленія данныхъ антропологии съ данными исторіи, этнографіи, археологіи и доисторической антропологии могутъ быть разрѣшены сложные вопросы о расселеніи народовъ и о передвиженіяхъ ихъ

въ минувшія времена, а сопоставленія измѣреній сотни, другой индивидуумовъ, случайно выхваченныхъ изъ народа, не приводятъ ни къ какимъ достовѣрнымъ результатамъ, то желательны массовыя изслѣдованія немногихъ признаковъ, на примѣръ, роста, формы головы и цвѣта волосъ. (Образцы волосъ могли бы быть доставлены изъ разныхъ мѣстъ Россіи казенными учрежденіями, если бы какое-нибудь ученое общество приняло на себя инициативу ихъ собиранія.) Только совмѣстной работой указанныхъ выше наукъ могутъ быть съ достовѣрностью разрѣшены сложные вопросы заселенія нашей родины различными расами и племенами, и въ этомъ случаѣ антропология подаетъ руку исторіи и археологіи¹⁾.

По поводу этого доклада А. И. Колмогоровъ сказалъ слѣдующее: «Прислушавъ съ большимъ интересомъ докладъ Е. М. Чепурковскаго, я не могъ согласиться съ нѣкоторыми его выводами. Такъ, его утвержденіе, что современное населеніе Великороссіи состоитъ только изъ двухъ типовъ: длинноголового темнаго и широколового свѣтлаго, нуждается въ большомъ дополненіи, такъ какъ цѣлый рядъ авторовъ указываетъ на присутствіе еще ряда переходныхъ типовъ. Едва ли вѣрно утвержденіе г. Чепурковскаго, что темный, длинноголовый типъ принадлежитъ обязательно Финнамъ, первоначальнымъ насельникамъ Великороссіи. Можно указать цѣлый рядъ финно-угорскихъ народностей, которыя будутъ и не темнаго цвѣта и не долихоцефалы и не низкорослы, какъ утверждаетъ г. Чепурковскій. Едва ли можно также въ свѣтломъ, короткоголовомъ типѣ видѣть исключительныя черты Славянства. Неправъ г. Чепурковскій и утверждая, что въ современномъ типѣ Великоруссовъ нѣтъ монголоидныхъ элементовъ. Присутствіе монгольскихъ чертъ было, на примѣръ, констатировано докторомъ Воробьевымъ для Рязанской губерніи. Для того, чтобы опредѣлить типъ современнаго Великорусса и разложить его на составныя части, мало указаній на размѣры одного головнаго указателя, какъ дѣлаетъ докладчикъ, а необходимо тщательно изучить великорусское населеніе различныхъ губерній и всѣхъ его сосѣдей.

Е. М. Чепурковскій отвѣчалъ, что замѣчанія А. И. Колмогорова не соответствуютъ дѣйствительности, потому что выводы его сдѣланы не на основаніи частныхъ явленій, а общихъ.

2. Л. Я. Апостоловъ. «Кубанская область въ этнографическомъ отношеніи».

Въ Кубанскомъ населеніи замѣчается довольно быстрое измѣненіе общезвѣстныхъ типическихъ чертъ малорусской и великорусской народности подъ вліяніемъ особенныхъ историческихъ и бытовыхъ особенностей Кубанскаго края.

Особенности слѣдующія: выселеніе горскихъ народовъ почти во всей своей массѣ, водвореніе безопасности на всей остальной территоріи и объединеніе области въ административномъ отношеніи послужили къ классическому и быстрому заселенію всей области (съ 300000 населенія конца 60-хъ годовъ до 2700000).

¹⁾ Подробное изложеніе добытыхъ мной результатовъ въ настоящее время печатается въ Трудахъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, подъ заглавіемъ: «Географическое распредѣленіе формы головы и цвѣтности крестьянскаго населенія, преимущественно Великороссіи, въ связи съ колонизаціей ея Славянами».

Вслѣдствіе такой быстроты заселенія и пестроты состава населявшаго народа (въ подавляющемъ большинствѣ малороссовъ и великороссовъ), здѣсь можно замѣтить очень быструю ассимиляцію и взаимное вліяніе отдѣльныхъ разновидностей русскаго народа гораздо рѣзче, чѣмъ это можно замѣтить въ другихъ мѣстахъ.

Взаимное вліяніе выразилось въ слѣдующемъ: а) отсутствіе антагонизма; б) измѣненіе языка (въ пользу великороссовъ); в) измѣненія быта (въ пользу малороссовъ); г) общность культурной работы; д) появленіе особаго кубанскаго типа, и е) жизненность такого сліянія, выражающаяся въ большомъ естественномъ приростѣ, въ приспособленности населенія къ условіямъ жизни въ самыхъ различныхъ мѣстахъ (горной и степной, болотистой и сухой) и въ энергичной и культурной и духовной работѣ.

Докладчику былъ предложенъ рядъ вопросовъ Хр. П. Япуржинскимъ и А. С. Раевскимъ, въ отвѣтъ на которые референтъ сдѣлалъ слѣдующія добавленія.

Культура населенія этой области выражается во 1-хъ въ употребленіи улучшенныхъ приѣмовъ земледѣлія, въ устройствѣ чистоты и хорошихъ домовъ, въ стремленіи украсить свою усадьбу садами и пр. — Это внѣшнее, а внутреннее — въ стремленіи къ образованію, выражающемся въ томъ, что, по меньшей мѣрѣ, треть области уже имѣетъ общую грамотность; лучшія зданія въ станицахъ — это школы.

Что касается замѣчанія, какъ это быстро Великороссы измѣняютъ свой бытъ, то это фактъ, въ которомъ всякій можетъ убѣдиться, посѣтивъ станицу съ чистымъ великорусскимъ населеніемъ въ восточной части области. Что же касается пусто-порожнихъ мѣстъ, горъ и пр., то это относится большею частью къ негоднымъ землямъ, а свободныя войсковыя земли уже на исходѣ. Армяне по численности не составляютъ 1⁰/₀ населенія, даже въ Армавирѣ, станицѣ Армянъ, гдѣ населенія до 35000, Армянъ же всего тысячи четыре; другихъ же народностей, Осетинъ, Грузинъ, еще меньше и культурное значеніе ихъ совсѣмъ ничтожно. Можно еще здѣсь упомянуть о Латышахъ и Нѣмцахъ, но ихъ не болѣе 1⁰/₀ и они живутъ изолированно, не смѣшиваясь.

Л. В. Падалка указалъ на важность примѣненія въ изученіи такихъ вопросовъ территоріальнаго принципа.

12 іюля 3 часа дня.

Отдѣленіе III. Памятники искусствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики.

Почетный Предсѣдатель: акад. В. В. Сусловъ.

Предсѣдатели Отдѣленія: В. К. Трутовскій и Г. Г. Павлуцкій.

Секретари: Б. П. Денике, А. И. Некрасовъ и В. А. Шугаевскій.

Предсѣдатель Съѣзда графиня П. С. Уварова передала благодарность Преосвященнаго Гурія въ отвѣтъ на привѣтствіе Съѣзда и предложила собранію постановить Бюро Съѣзда въ извѣстность о желаніи совершить поѣздку въ Псковъ, согласно приглашенію города.

1. Проф. Павлуцкій: «Византійскія черты въ декоративной обработкѣ фасадовъ Новгородскихъ храмовъ XIV—XI вѣковъ».

Докладчикъ указалъ на значеніе для археологій сравнительнаго метода изслѣдованія, какъ наиболѣе плодотворнаго, приносящаго огромные и драгоцѣнные плоды. Вопросъ о томъ, откуда произошли тѣ своеобразныя особенности, которыя характеризуютъ Новгородскую архитектуру XIV и XV вѣковъ, еще не выясненъ. Архитектурный стиль и кладка стѣнъ первыхъ архитектурныхъ памятниковъ Новгорода — совершенно тѣ же, что и кіевскихъ храмовъ: вмѣстѣ съ кіевскими и черниговскими они составляютъ одно цѣлое, однородную группу построекъ, сооруженныхъ въ византійскомъ стилѣ отчасти греческими зодчими. Однако византійскій типъ церквей, принесенный въ Новгородъ, недолго удержался здѣсь въ своей чистотѣ; мало-по-малу вырабатываютъ своеобразныя черты, составляющія особенность чисто новгородскаго зодчества. Главная масса храма — кубическая, съ одной абсидой. Посводное покрытіе, свойственное древнимъ храмамъ, исчезаетъ; каждая сторона фасада представляетъ одинъ общій фронтонъ — щипецъ, украшенный по бокамъ фасада двумя полуарками и въ срединѣ — одной аркой; арки опираются на четыре плоскихъ пилястра. Этотъ мотивъ повторяется на всѣхъ четырехъ стѣнахъ храма, такъ что крыша получается восьмискатная. Этотъ мотивъ очень привился въ зодествѣ Новгорода, и его многочисленные варианты являлись излюбленнымъ мотивомъ наружныхъ стѣнныхъ украшеній XIV и XV вѣковъ. Образцы: церкви Параскевы Пятницы (1345 года), св. Прокопія (1359), Ѳедора Стратилата (1360), Спаса-Преображенія (1379), Петра и Павла и др. Подобное расчлененіе наружныхъ стѣнъ храма, да и самый фронтонъ, принадлежалъ въ Новгородѣ къ числу мотивовъ, навѣянныхъ Византіей.

Наружная поверхность стѣнъ византійскихъ храмовъ украшена пилястрами и окнами. Характерны для Византіи тройныя окна. Они устроены такъ, что три окна раздѣлены двумя колонками (соборная церковь Введенія въ Хиландарѣ) или столбами (Кахріэджами въ Константинополѣ). Эти окна, придающія красу храму и помѣщающіяся въ срединѣ арки, перешли въ русское зодчество домонгольскаго періода (Черниговскій соборъ и храмъ въ Овручѣ). Новгородскіе зодчіе воспользовались очертаніемъ или рисункомъ, который даетъ обрамленіе оконъ, какъ декоративнымъ мотивомъ, удобнымъ для фронтона. Въ Аѣинахъ существуютъ однокупольныя церкви съ четырьмя фронтонами вмѣсто арокъ и такой же декоративной обработкой, какъ въ Новгородѣ. Если обратить вниманіе на то, что въ это время форма звонницъ заимствована изъ Византіи и что звонницы въ Новгородѣ и Псковѣ иногда устраиваются прямо на стѣнѣ храма, совершенно такъ, какъ на аѣинскихъ церквахъ, то близость новгородскихъ и византійскихъ однокупольныхъ церквей становится еще болѣе очевидной.

2. Проф. Павлуцкій. «Одно изъ вліяній западно-европейскаго искусства на сѣверно-деревянное церковное зодчество».

По мнѣнію изслѣдователей, покрытіе четырехгранныхъ деревянныхъ пятиглавыхъ храмовъ Онежскаго края, такъ называемыхъ «кубоватыхъ», выросло изъ ком-

бинаціи бочки и шатра; пятиглавіе же явилось естественнымъ путемъ, такъ какъ оно отвѣчало старому храмовому завѣту. Такое объясненіе не удовлетворяетъ докладчика. Угловыя главки кубоватыхъ храмовъ производятъ впечатлѣніе случайныхъ декоративныхъ придатковъ, не связанныхъ органически съ туловищемъ куба; поэтому мотивъ заимствованъ, тѣмъ болѣе, что онъ встрѣчается даже на колокольняхъ (напримѣръ, въ Ракулахъ, Архангельской губ.). Прототипъ пятиглавія кубоватыхъ храмовъ надо искать на западѣ, въ этихъ круглыхъ восьмиугольныхъ или четырехугольныхъ башняхъ, которыя охраняютъ подъѣзжую дорогу и подъемный мостъ въ готическихъ замкахъ въ Германіи, Англіи, Чехіи, Венгріи. Углы этихъ башенъ украшены маленькими башенками. Угловыя башенки примѣняли также на церковныхъ башняхъ, напримѣръ, въ Падерборнѣ, въ Марбургѣ. Форма, выработанная церковнымъ и замковымъ зодчествомъ, была перенесена горожанами въ архитектуру ихъ ратушей и частныхъ домовъ, и это приводило къ оригинальнымъ новообразованіямъ, какъ, напримѣръ, Kaufhaus въ Констанцѣ 1388 года.

По поводу докладовъ проф. Г. Г. Павлуцкаго А. И. Некрасовъ высказалъ мысль, что троечастное дѣленіе стѣнъ Новгородскихъ фронтонныхъ храмовъ нельзя вести отъ византійскаго тройного окна за отсутствіемъ сходства типичныхъ чертъ; данное дѣленіе восходитъ къ дѣленію равными арками; наклонъ арокъ — явленіе вторичное послѣ образованія фронтона. Конструкція и обрамленія алтарныхъ абсидъ Новгородскихъ храмовъ XIV—XV вѣковъ указываютъ на западное вліяніе. Связь Новгородской архитектуры данной эпохи съ византійскою не подтверждается сходствомъ аѣнскихъ и Псковско-новгородскихъ звонницъ, такъ какъ послѣднія вполне выводимы изъ элементарной русской звонницы въ видѣ двухъ столбовъ съ перекладиной. Фронтонное перекрытіе церквей находитъ себѣ аналогію и въ Грузіи, но культурно-художественный путь указываетъ на Западъ, что подтверждается, напримѣръ, нѣкоторыми иконографическими данными Васильевскихъ вратъ 1336 года, также нѣкоторыми чертами стиля и содержанія новгородскаго тератологическаго орнамента XIV вѣка.

Проф. Н. В. Покровскій привелъ мнѣніе И. Е. Забѣлина о томъ, что четырехфронтонныя кровли церквей ведутъ свое происхожденіе отъ русской деревянной архитектуры.

Проф. А. А. Павловскій замѣтилъ, что фронтонныя покрытія аѣнскихъ церквей имѣютъ иную конструкцію, нежели тѣ же покрытія церквей новгородскихъ.

Проф. А. А. Дмитриевскій замѣтилъ, что Новгородскія звонницы нельзя вести отъ звонницъ древнихъ аѣнскихъ церквей XII вѣка, такъ какъ послѣднія звонницы болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ новгородскія.

Д. И. Иловайскій по поводу перваго реферата высказалъ мнѣніе, что на архитектурѣ нѣкоторыхъ новгородскихъ церквей, построенныхъ въ XIV вѣкѣ, отразилось романское вліяніе при посредствѣ византійскаго, которое въ эту эпоху само подверглось нѣкоторому романскому вліянію. Оппонентъ имѣлъ въ виду завоеванія крестоносцевъ четвертаго похода и основаніе Латинской Имперіи. Хотя въ Константинополѣ существованіе ея продолжалось недолго, но въ провинціяхъ

дольше существовали разныя латинскія герцогства и графства, благодаря которымъ и романское или западное вліяніе вторглось въ самое византійское искусство; слѣды этого вліянія доселѣ замѣтны въ разныхъ греческихъ храмахъ той эпохи, напримѣръ, въ Афинахъ.

Акад. В. В. Сусловъ указалъ на конструктивное въ практическихъ цѣляхъ происхожденіе фронтонныхъ покрытій; троечастное дѣленіе стѣнъ Новгородскихъ храмовъ соотвѣтствуетъ сочетанію коробовыхъ и полукоробовыхъ сводовъ храма. Происхожденіе же кубоватаго покрытія деревянной архитектуры вполне объясняется самостоятельной эволюціей деревяннаго русскаго зодчества.

2. Акад. В. В. Сусловъ обстоятельно изложилъ свои работы въ храмѣ святой Софіи, при его реставраціи въ 1893—1900 году, указавъ точныя данныя для сужденія о древнемъ видѣ и конструкціи собора, какъ и главнѣйшія позднія постройки и измѣненія. Детальныя же разъясненія академикъ В. В. Сусловъ предложилъ оставить до осмотра самого храма.

3. Предсѣдатель Съѣзда графиня П. С. Уварова предложила собранію просить академика В. В. Суслова издать составленные имъ чертежи, явившіеся въ результатъ его работъ. Собраніе единогласно привѣтствовало это предложеніе.

29 іюля 8 час. вечера.

Отдѣленіе IV. Памятники юридическіе, бытъ домашній общественный и военный.

Почетный Предсѣдатель: проф. Д. И. Багалъй.

Предсѣдатель Отдѣленія: акад. А. С. Лаппо-Данилевскій.

Секретарь: проф. В. Г. Ляскоронскій.

1. Т. О. Соколовская. «Новыя данныя для исторіи масонства въ Россіи по рукописямъ Тверской Ученой Архивной Комиссіи».

Съ недавняго времени вопросъ о масонствѣ въ Россіи началъ привлекать къ себѣ все болѣе и болѣе вниманія. Тверская Ученая Архивная Комиссія, имѣя въ своемъ хранилищѣ многіе документы изъ масонскаго архива Ѳ. Н. Глинка, поручила докладчицѣ разобрать его. Результатъ этого разбора выяснилъ, что архивъ этотъ принадлежалъ не Глинкѣ, а его тестю П. И. Голенищеву-Кутузову. Здѣсь, помимо масонскихъ обрядниковъ и масонскихъ уставовъ, находится 5 документовъ, относящихся къ исторіи тайной московской масонской ложи подъ руководствомъ П. И. Голенищева-Кутузова, основанной имъ подъ именемъ «Нептунъ». Въ 1804 году она была очагомъ крайняго мистическаго направленія, процвѣтавшаго въ масонствѣ еще въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія. Пространный документъ конца XVIII вѣка, излагающій правила этой тайной ложи, говоритъ объ учрежденіи ея исключительно для русскихъ дворянъ православнаго вѣроисповѣданія. Оно интересно, какъ учрежденіе, созданное внѣ цѣпи масонской преемственности, какъ учрежденіе съ ярко національнымъ характеромъ. Референтомъ изложены были

правила этой масонской ложи, регламентировавшей возрастъ, число членовъ, условія приѣма членовъ и обязанности послѣ поступленія въ составъ масонской ложи; объясненъ былъ также и обрядовый характеръ этой ложи. Затѣмъ были выяснены тѣ цѣли, которыя преслѣдовались масонствомъ вообще и данной ложей, въ частности, и указаны тѣ книги, которыми пользовались масоны. Интересна инструкція масоновъ для вербовки членовъ ея, составленная по строго задуманному плану. Любопытны тѣ степени, въ которыя возводились члены масонской ложи. Референтомъ подробно были изложены и объяснены всѣ эти моменты при помощи картинъ волшебнаго фонаря и подробно очерченъ кругъ чтеній книгъ, предназначавшихся для масоновъ и поддержанія ихъ общества. Изложивъ исторію возникновенія вышеозначенной ложи, референтомъ были изложены тѣ условія, въ которыхъ она находилась наканунѣ новаго царствованія. Любопытно, что рукописи тверского собранія позволяютъ установить фактъ участія въ масонской ложѣ героя отечественной войны Мих. Ил. Голенищева-Кутузова. Объ этомъ до сего времени было мало извѣстно. Только въ «Русской Старинѣ» 1882 года есть небольшая замѣтка, что въ 1813 году масонами была устроена великая траурная ложа въ честь и память фельдмаршала Кутузова. Сохранилась рѣчь, произнесенная въ этой ложѣ въ память Кутузова; она, согласно обычаю масоновъ, посвящена оцѣнкѣ дѣятельности покойнаго.

Изъ этой рѣчи выяснилось, что Кутузовъ былъ принятъ въ масоны за границей въ Регенсбургѣ, и съ этого времени онъ съ рѣдкимъ рвеніемъ исполнялъ масонскія обязанности; братство постоянно находило въ немъ поддержку. Любопытно, что Кутузовъ, какъ обнаруживается изъ масонскихъ дѣлъ, смотрѣлъ на войну, какъ на послѣднее средство достиженія мира; такъ же смотрѣлъ онъ и на бой, никогда не рискуя напрасно жизнью своихъ соратниковъ.

Любопытно прибавить, что въ концѣ XVIII вѣка, была попытка основать въ Новгородѣ масонскую ложу. Но, къ сожалѣнію, подробныхъ свѣдѣній объ этомъ у насъ еще нѣтъ.

Проф. Д. И. Багалъй отмѣтилъ, что прочитанный докладъ является интереснымъ вкладомъ въ исторію масонства, такъ какъ онъ составленъ умѣло и по правиламъ, требуемымъ научной критикой.

2. А. И. Колмогоровъ. Тихвинскіе курганы (Тр. С. т. 1; стр. 411).

Проф. В. Е. Данилевичъ, возражая референту, въ обширной и обстоятельной рѣчи доказывалъ, что референтъ ошибочно относитъ раскопанные имъ курганы къ финскимъ. Они — славянскіе.

І. К. Линдеманъ сдѣлалъ два дополненія — по вопросу о времени и по вопросу о племени. Докладчикъ слишкомъ уже осторожно опредѣлилъ эпоху кургановъ IX—XI вѣками. Имѣются данныя для болѣе точнаго ея опредѣленія. Въ Тихвинскихъ курганахъ встрѣчено трупосожженіе и трупоположеніе (при этомъ не только на грунтѣ, но и въ насыпи). Ни одного случая трупосожженія въ ямахъ не встрѣчено. Доселѣ изъ корифеевъ русской археологіи одни полагали, что трупосожженіе существовало для болѣе богатыхъ или знатныхъ, трупоположеніе — для

бѣдныхъ; другіе утверждали, что тотъ или другой способъ погребенія присущъ тому или иному изъ восточныхъ славянскихъ племенъ. І. К. Линдеманъ настаивалъ, что, согласно ясно выраженному о томъ свидѣтельству лѣтописца, трупосожженіе присуще всѣмъ восточнымъ славянамъ. (Говоря о трупосожженіи одного восточнаго славянскаго племени, лѣтописецъ добавляетъ, что такъ поступаютъ и «прочіе поганіи»). Раскопки все болѣе и болѣе подтверждаютъ это. Какъ трупосожженіе двухъ видовъ, такъ трупоположеніе трехъ видовъ по положенію костяка въ отношеніи горизонта, встрѣчающееся у всѣхъ восточныхъ Славянъ, представляютъ лишь формы погребенія, отвѣчающія извѣстнымъ эпохамъ. Всѣ формы погребенія полагаются въ такой преемственной связи: 1) трупосожженіе внутрикурганное, 2) трупосожженіе виѣкурганное, 3) трупоположеніе въ насыпи, 4) трупоположеніе на грунтѣ, 5) трупоположеніе въ гробу (= ямѣ, «гробъ» отъ слова «гребу»). При помощи найденныхъ монетъ и современныхъ имъ вещей всѣ эти формы погребенія точно датируются вѣками (отъ IX до XIII). Въ представленныхъ референтомъ раскопкахъ мы имѣемъ дѣло съ переходною эпохою X—XI вв. Это подтверждаютъ, между прочимъ, и подковообразныя пряжки, еще не носящія на своихъ шишкообразныхъ концахъ орнамента (прослѣжено, что орнаментированныя подковообразныя пряжки относятся къ болѣе позднему времени). І. К. Линдеманъ выразилъ свое согласіе съ проф. В. Е. Данилевымъ, что референтъ ошибся, приписавъ раскопанные А. И. Колмогоровымъ курганы Финнамъ. Правда, въ этихъ курганахъ, имѣющихъ элементы финскіе, скандинавскіе и славянскіе, элементы финскіе преобладаютъ; но одинъ — лишь одинъ этотъ моментъ рѣшающаго значенія не имѣетъ. Если погребенный носилъ финскія издѣлія, то это еще не доказываетъ, что онъ былъ Финнъ.

А. И. Колмогоровъ представилъ слѣдующія возраженія:

Я очень радъ, что мое краткое сообщеніе дало возможность г. Данилевичу подробно разсказать объ исторіи курганныхъ раскопокъ въ Россіи и попутно сдѣлать возраженія на краткіе выводы изъ моего доклада. Самая форма и пространность этихъ возраженій мнѣ не совсѣмъ понятны, но думаю, что здѣсь виной моя вынужденная краткость. Суть возраженій г. Данилевича сводится къ тому, что курганы мои не финскіе, а славянскіе. Доказательство этого мой оппонентъ видитъ въ томъ, что нѣкоторыя изъ найденныхъ мной вещей были находимы и въ славянскихъ курганахъ. По его мнѣнію, изслѣдованная область, въ указанный мной періодъ, была заселена Славянами, которые и насыпали изслѣдованные курганы. Ссылаясь на находку крестика (на поясѣ, вмѣстѣ съ игольникомъ), г. Данилевицъ говоритъ и о христіанствѣ въ изслѣдованной области и о многомъ другомъ. Подробно говорилъ онъ, на примѣръ, о находкахъ на югѣ Россіи серегъ съ нѣсколькими бусинами и сослался даже на одного древняго автора, по которому Славяне будто бы любили синія бусы. При всемъ моемъ уваженіи къ почтенному оппоненту, я не могу признать его доводы убѣдительными. И прежде всего удивляюсь, какъ можетъ онъ называть курганы славянскими, руководясь только тѣмъ, что нѣкоторыя изъ

найденныхъ вещей встрѣчаются и въ славянскихъ курганахъ. Нельзя характеризовать народность на основаніи отдѣльныхъ предметовъ, — необходимо брать всю совокупность культурныхъ данныхъ. Если бы это сдѣлалъ г. Данилевичъ, то онъ увидѣлъ бы, что нельзя называть славянскими курганы, гдѣ при труположеніи на грунтѣ кости имѣютъ исключительное положеніе головы на юго-западъ, гдѣ культура, въ массѣ своей, почти цѣликомъ повторяетъ культуру Финляндіи, Швеціи, остр. Даго и Борнгольма и имѣетъ много сходнаго съ культурой восточныхъ Финновъ. Въ этомъ легко убѣдиться, просмотрѣвъ хотя бы коллекціи Финскаго Національнаго Музея въ Гельсингфорсѣ и работы Монтелиуса, Ворсо, Вебеля и Купфера. Упомянутіе о серьгахъ, найденныхъ въ южной Россіи, сдѣлано было напрасно: такихъ серегъ ни мной, ни моими предшественниками въ приладожскихъ курганахъ найдено не было. Что касается «синихъ бусъ, которыя были широко распространены у Славянъ», то здѣсь просто ошибка: упоминаемый г. Данилевичемъ, авторъ говорилъ не о синихъ бусахъ, а о зеленыхъ, но и таковыхъ въ Тихвинскихъ курганахъ найдено не было. Я не историкъ, но, будучи знакомъ съ литературой о расселеніи Финно-Угорскихъ народовъ, не рѣшился бы, какъ это дѣлаетъ г. Данилевичъ, утверждать, что въ IX—XI вв. пріозерскія страны были заселены Славянами. Благодаря г. оппонента за сдѣланныя замѣчанія, я могу принять только его указаніе, что среди найденныхъ мной предметовъ есть и славянскій элементъ, но объ этомъ я и самъ упоминалъ, говоря, напримѣръ, объ орнаментѣ.

Что касается указанія г. Линдемана о томъ, что мои курганы могутъ быть датированы болѣе точно и раздѣлены на двѣ группы: 1) курганы IX и X вѣковъ и 2) курганы XI и XII вѣковъ, я считаю его пріемлемымъ, но въ виду все же незначительнаго числа раскопанныхъ кургановъ, не считаю себя въ правѣ производить такое дѣленіе.

3. В. Р. Апухтинъ, «Въ исторіи новгородскаго дворянскаго ополченія въ отечественную войну», ознакомилъ аудиторію съ многочисленными матеріалами, собранными имъ по порученію Новгородскаго Губернскаго Предводителя Дворянства князя П. П. Голицына въ центральныхъ и мѣстныхъ архивахъ. Послѣ подробнаго описанія формированія и выступленія дружинъ новгородскаго ополченія референтъ привелъ изъ наградныхъ списковъ эпизоды сраженій 15-го при Старомъ Борисовѣ и 16 ноября 1812 г. при деревнѣ Студенкахъ въ корпусѣ ген. Витгенштейна. Далѣе въ хронологическомъ порядкѣ изложено подробно передвиженіе новгородскаго ополченія до крѣпости Данцига, въ блокадѣ и въ взятіи которой дружины новгородскія приняли дѣятельное участіе. Въ составѣ докладныхъ войскъ герцога А. Виртембергскаго новгородское ополченіе храбро сражалось со врагомъ 18 мая, 17 и 21 августа 1813 г., при чемъ понесло большія потери. Также подробно матеріалы, собранные г-мъ Апухтинымъ, освѣщаютъ обратный путь побѣдоносныхъ дружинъ, потерявшихъ $\frac{2}{3}$ своего состава, въ родной Новгородъ. Вскользь референтъ коснулся вопроса о пожертвованіяхъ новгородскаго купечества 50 т. р. на ополченіе и мѣщанства натурой 32-хъ человѣкъ изъ своей среды въ войны.

М. И. Полянскій, отмѣтивъ интересъ работы г. Апухтина, какъ очередного вопроса къ предстоящему юбилею, добавилъ, что много свѣдѣній сдачи въ ополченіе можно почерпнуть изъ архива гр. Аракчеева.

А. К. Кабановъ, занимавшійся въ нижегородскихъ архивахъ документами о мѣстномъ ополченіи, отмѣтилъ, что его интересовалъ вопросъ о томъ, добровольно ли вступали люди въ дружины. «Вопросъ, выбранный референтомъ, дѣйствительно, поставленъ на очередь. Ополченія 2-го округа принимали участіе въ бояхъ, болѣе, чѣмъ другія; «какъ львы дрались эти бородачи», пишетъ маршалъ Сень-Сиръ.

Я хотѣлъ бы подчеркнуть, что въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ архивахъ дворянскаго опекунскаго собранія, напримѣръ, въ нижегородскомъ, къ слову сказать, находящемся въ полномъ порядкѣ, имѣется обширное собраніе документовъ, характеризующихъ организацію и общественный составъ ополченій. Эти документы, вмѣстѣ съ данными вотчинныхъ архивовъ, даютъ возможность подойти прямо къ интересамъ, къ настроенію какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и общественныхъ классовъ. Отношеніе общества къ самому ополченію, а черезъ него и ко всему переживаемому моменту вскроется при изученіи этихъ документовъ».

30 іюля 12 ч. дня.

Отдѣленіе IV.— Древности юридическія, бытъ хозяйственный, домашній и военный.

Почетный Предсѣдатель: Л. М. Савеловъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: акад. А. С. Лаппо-Данилевскій.

Секретари: проф. В. Г. Ляскоронскій и И. В. Аничковъ.

1. Е. Д. Сташевскій. «Пятина 142-го года и торгово-промышленные центры Московскаго государства». 1) Запросныя деньги — безвозвратный заемъ принудительнаго характера. Пятинѣ подлежали всѣ торгово-промышленные люди государства. Объектомъ пятинны былъ наименьшій чистый доходъ, опредѣляемый путемъ оцѣнки имущества. Болѣе ранніе сборы пятинны привели Московское правительство къ необходимости улучшить самую организацію сбора. Большинство измѣненій въ организаціи пятиннаго оклада и сбора, произведенныхъ въ теченіе 122—127 гг., нашло себѣ мѣсто и въ организаціи сбора 142 г. Кромѣ этого, въ организаціи оклада и сбора пятинны 142 г. находимъ еще слѣдующія нововведенія: 1) Московскій окладъ, 2) порученіе сбора пятинны торгово-промышленнымъ людямъ Москвы, 3) болѣе или менѣе систематическое пользованіе при окладѣ мѣрскими разрубамъ. Эти измѣненія, введенныя въ организацію оклада и сбора, вскрываютъ не только стремленіе правительства приноровиться къ дѣйствительности, но и его безсиліе собственными силами и средствами покрыть платежныя силы населенія. Въ результатѣ Московское правительство въ значительной степени было вынуждено положиться на тѣхъ торгово-промышленныхъ людей, которымъ оно поручило сборъ. Эти «московскіе окладчики и сборщики польготили» прежде всего себѣ. Поэтому пятина далеко не

равномѣрно легла на населеніе государства. Верхи торгово-промышленнаго класса оказались обложенными во много разъ слабѣй, чѣмъ остальное населеніе, подлежащее пятинѣ. Финансовые результаты пятины 142 г. выражаются суммой въ 312.000 — 320.000 р. Такимъ образомъ, пятина 142 г. болѣе чѣмъ на $\frac{1}{3}$ продуктивнѣй самой тяжелой изъ предшествующихъ пятинъ, именно пятины 124 г. Слѣдовательно, торгово-промышленное населеніе государства ко времени Смоленской войны успѣло оправиться отъ потрясеній Смутнаго времени. Около трети всего сбора пятины 142 г. падаетъ на Москву. Это указываетъ на громадное значеніе московскаго рынка въ экономической жизни страны, во-первыхъ, въ значительной степени объясняетъ московскій абсолютизмъ съ его централизацией, во-вторыхъ, отъ Москвы наиболѣе мощные торговые города лежали по Волжскому торговому пути, затѣмъ по пути на Архангельскъ и по Сибирской дорогѣ. Своими экономическими интересами Московское государство въ первой трети XVII в. было обращено преимущественно на Востокъ. Среди торговыхъ городовъ московскаго государства въ это время намѣчается три типа: 1) города, гдѣ торговля сосредоточена главнымъ образомъ на посадахъ (сравнительно рѣзкое выдѣленіе города отъ деревни), 2) города, гдѣ торговля или равномѣрно распределена между посадомъ и уѣздомъ, 3) или даже болѣе сосредоточена въ уѣздѣ, чѣмъ на посадѣ. Что касается степени концентраціи капитала, то этотъ вопросъ можетъ быть изученъ отчасти, но только для гостей и торговыхъ людей гостинной и суконной сотенъ. Это изученіе приводитъ къ выводу, что экономическая тенденція была направлена именно къ концентраціи капитала, слѣдовательно, она шла не въ пользу широкихъ массъ населенія и государства.

2. Б. Г. Курцъ — «Кильбургеръ и его сочиненіе о русской торговлѣ третьей четверти XVII вѣка».

Кильбургеръ участвовалъ въ шведскомъ посольствѣ въ Москву и въ 1674 г. прожилъ въ ней нѣсколько мѣсяцевъ. По даннымъ Стокгольмскаго Королевскаго Архива видно, что Кильбургеръ послѣ поѣздки въ Москву былъ назначенъ въ 1675 г. на должность общественнаго нотаріуса (*Notarius publicus*), потомъ былъ протоно-таріемъ, или секретаремъ, при торговой коллегіи въ Ригѣ, но въ 1678 г. опять видимъ его въ Стокгольмѣ въ качествѣ (*Notarius publicus*). Въ Стокгольмѣ онъ и умеръ въ 1721 г. Онъ былъ состоятельнымъ; опись его имущества титулируетъ его коммерцъ-секретаремъ.

Сочиненіе Кильбургера написано въ 1674 г., въ Швеціи. Написано оно съ цѣлью познакомить купцовъ и любознательныхъ съ экономическимъ состояніемъ Россіи, и оно совершенно не имѣетъ офиціального характера. Есть два извѣстныхъ текста этого сочиненія: 1) одинъ напечатанъ въ 1769 г. у Бюшинга въ его: «*Magazin für neue Historie und Geographie*», Th. III, а 2) другой въ ненапечатанномъ видѣ хранится въ Вольфенбютельской герцогской библіотекѣ. Вольфенбютельскій текстъ полнѣе и точнѣе текста Бюшинга.

Кильбургеръ пользовался при своей работѣ источниками литературными: 1) западно-европейскими: Олеарій, Нейгофъ, Родесъ; 2) русскимъ: Котошихинъ. Далѣе у Кильбургера были документальные источники (таблица пошлинъ, ввоза и т. п.),

устные и почерпнутые на основаніи наблюденій. Литературными источниками авторъ воспользовался однако въ незначительной степени. Кильбургеръ былъ образованнымъ человѣкомъ; очевидно, онъ зналъ, хотя, можетъ быть, и очень плохо, русскій языкъ, голландскій, латинскій и, конечно, нѣмецкій и шведскій. Данныя Кильбургера относительно количества товаровъ, таможенныхъ сборовъ, цѣнъ и другихъ цифровыхъ данныхъ, а также географическій матеріалъ въ общемъ отличаются достоверностью, хотя и встрѣчаются нѣкоторыя неточности. Сочиненіе Кильбургера было переведено въ 1820 году Языковымъ, но его переводъ сталъ большою библиографическою рѣдкостью, какъ и нѣмецкое изданіе Бюшинга.

3. Н. Д. Полонская. «Черты быта крѣпостныхъ крестьянъ по даннымъ вотчиннаго архива кн. Куракиныхъ и гг. Чичеринныхъ».

Данныя эти извлечены изъ неизданнаго архива кн. Куракиныхъ и гг. Чичеринныхъ, Чухломскаго у., Костромской губ., принадлежащаго Костромской губернской Архивной Комиссіи. По этимъ даннымъ трудно установить размѣръ земельныхъ владѣній, численность населеній и можно только опредѣлить число ревизскихъ душъ — оно для 1793 г. было — 1262, для 1836 — 1346, для 1840 — 1262 — то-есть уменьшилось на 84 души. Вотчина состояла изъ нѣсколькихъ деревень; извѣстно до 20 названій. Имѣніе было заглазное, помѣщики никогда не жили тамъ, и управлялось оно бурмистрами; не было и господской запашки, а крестьяне жили на оброкѣ; главною статьею дохода служили отхожіе промыслы; такъ крестьяне, жившіе въ Петербургѣ, платили оброка отъ 3 до 10 разъ больше, чѣмъ деревенскіе. Оброкъ взимался различнымъ способомъ — крестьяне платили съ тягла по 40 рублей въ годъ, тягло же, или по мѣстному — «копейку», составлялъ женатый крестьянинъ отъ 21 до 40 лѣтъ. Позже обложеніе измѣнилось и стало производиться съ земли, при чемъ земля накладывалась по числу душъ въ семействѣ. Приходилось иногда по 15 десятинъ на душу. Но принимали въ расчетъ и посторонній доходъ крестьянина: зарабатывавшему на сторонѣ накладывали больше земли, чѣмъ незаработывавшему. Общая сумма оброка налагалась на всю общину, и все общество отвѣчало за исправное внесеніе ея. Еще труднѣе выяснитъ, на какомъ основаніи облагались оброкомъ крестьяне, жившіе въ Петербургѣ. Вносили оброкъ по полугодіямъ, въ январѣ и іюнѣ, при чемъ сумма его повышалась непомѣрно — такъ въ 1790 платилось 5600, въ 1802 — уже 9500, въ 1810 — уже 16000, въ 1816 — 20000; въ 1828 — 36000, наконецъ, въ 1838 — 50000.

Несмотря на высокіе оброки, крестьяне были очень зажиточны; это можно заключить по частому откупу на свободу и отъ рекрутской повинности; часто крестьяне покупали на имя помѣщика, но на свои деньги, крестьянъ — для сдачи въ рекруты вмѣсто себя или просто въ работники; иногда покупали малолѣтнихъ дѣтей, воспитывали ихъ и сдавали въ рекруты вмѣсто своихъ сыновей. Бывали случаи, что крестьяне владѣли цѣлыми деревнями съ крестьянами, при чемъ помѣщики не знали даже числа этихъ крѣпостныхъ и ихъ обязанностей.

О величинѣ денежныхъ оборотовъ, совершавшихся крестьянами, можно судить по количеству долговъ, оставшихся на нѣкоторыхъ изъ нихъ, — они достигали

десятковъ тысячъ. Интересенъ слѣдующій фактъ: въ 1803 г. крестьяне, проживавшіе въ Петербургѣ, пожертвовали капиталъ въ 15000 на основаніе вотчиннаго банка. По утвержденному уставу ссуды выдавались сначала за 10⁰/₀, потомъ — за 6⁰/₀, а черезъ 10 лѣтъ капиталъ удвоился, такъ что вкладчикамъ возвратили вложенныя ими суммы.

Нерѣдки были случаи выкупа крестьянъ на свободу; при этомъ трудно учесть, во что цѣнилась свобода мужчинъ, женщинъ же — 250 р. Послѣднія откупались, главнымъ образомъ, для вступленія въ бракъ съ «посторонними женихами».

Что касается вопросовъ управленія, то на нихъ мы находимъ много указаній. Господа не жили здѣсь, управляли бурмистры, старосты и старшины. Кромѣ правленія въ вотчинѣ, существовалъ такой же органъ управленія въ Петербургѣ, то-есть староста съ канцеляріей. Сохранилось много инструкцій владѣльцевъ бурмистрамъ: — такъ кн. А. Куракинъ опредѣлялъ его функцію — сборъ оброка, пополненіе и опубликованіе кредитности князя и т. д. Въ 1822 г. онъ издаетъ новый указъ: въ цѣляхъ прекратить злоупотребленія бурмистровъ — избирать трехъ кандидатовъ, поочередно несущихъ обязанности по 1 году: прежній бурмистръ полгода наставляетъ и руководитъ новымъ, потомъ — второй дѣйствуетъ такъ же, и такъ далѣе. Но это не оказало существенной помощи, такъ какъ новый покрывалъ грѣхи стараго. Новый владѣлецъ, Чичеринъ, стремится еще болѣе регламентировать каждый моментъ жизни крестьянъ и ввести строго-канцелярскую систему — такъ онъ вводитъ шнуровыя книги, такую отчетность въ расходѣ и приходѣ, что даже указываетъ, на сколькихъ листахъ бумаги писать рапорты. Но финансовая часть управленія отъ этихъ реформъ не улучшается — и недоимка возрастаетъ.

Средствомъ для повышенія благосостоянія онъ считаетъ бракъ — и самъ указываетъ, кого и съ кѣмъ вѣнчать, чтобы не оставалось одинокихъ. Тѣхъ, кто не подходилъ для брака, онъ приказывалъ селить съ родными, дядьями, братьями и т. д. Не мало и такихъ примѣровъ, что онъ намѣчалъ браки малолѣтнихъ, указывая раздавать мальчиковъ-сиротъ крестьянамъ, желающимъ впослѣдствіи женить ихъ на своихъ дочеряхъ. Онъ особенно ополчался противъ бобылей и вдовъ — для первыхъ онъ предлагалъ построить особый поселокъ, а вдовъ селить по нѣсколько въ одной избѣ, такъ какъ «отъ нихъ часто бываютъ пожары».

Особенно много мѣръ онъ указалъ для борьбы съ пожарами — все крестьяне должны были участвовать въ тушеніи ихъ.

Со смертью Чичерина въ жизни крестьянъ наступаетъ новая эра — все участіе помѣщицъ, наслѣдовавшихъ вотчину, сводится къ полученію оброка, правда, въ усиленномъ размѣрѣ, а крестьянамъ было запрещено беспокоить ихъ своими «коверзіями». Все управленіе перешло къ петербургскому старостѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилось и его отношеніе къ вотчинному правленію: прежде онъ писалъ рапорты, испрашивалъ приказаній, теперь же ему пишутъ рапорты и донесенія. Онъ самъ пишетъ: «у меня многіе живутъ на пенсіонѣ, и я плачу имъ по 700 рублей въ мѣсяцъ». Конечно, такое средоточіе не было удобно для крестьянъ. Относительно карательныхъ мѣръ можно констатировать тѣлесныя наказанія, сдачу

въ рекрута ихъ не въ зачетъ или въ счетъ поставляемыхъ вотчиною рекрутовъ. Были случаи сдачи въ арестантскія роты и штрафы, но всѣ эти случаи неопредѣленны.

Таковы данныя для характеристики быта изъ жизни крестьянъ Костромской вотчины наканунѣ раскрѣпощенія, которыя могутъ служить примѣромъ того, что находится подчасъ въ мало изслѣдованныхъ вотчинныхъ архивахъ.

30 іюль 3 часа дня (параллельное).

Отдѣленіе IX. Археографія и архивовѣдѣніе

Почетный Предсѣдатель: проф. И. А. Линниченко.

Предсѣдатель Отдѣленія: Л. М. Савеловъ.

Секретари: А. А. Мионовъ и П. А. Незнамовъ.

Почетный Предсѣдатель, проф. И. А. Линниченко, открывая засѣданіе, отмѣтилъ, что надо еще удивляться тому количеству документовъ, которое сохранилось до нашего времени отъ старой «деревянной» Руси, съ ея частыми пожарами и несовершеннымъ храненіемъ бумагъ и документовъ. Лишь съ Петра Великаго улучшается положеніе архивовъ, съ его времени принимаются мѣры къ ихъ упорядоченію. Но и этотъ указъ Петровскій не вездѣ исполнялся; наоборотъ, его всячески старались обойти, и, для облегченія дѣла храненія, архивы старательно уничтожались (проф. Линниченко припомнилъ случай изъ своей практики, когда онъ вмѣстѣ съ А. В. Стороженко и проф. А. И. Маркевичемъ разыскивалъ архивъ Генеральной войсковой канцеляріи въ г. Переяславлѣ на Днѣпрѣ). Когда поднялся вопросъ о необходимости устройства архивовъ центральныхъ въ большихъ городахъ, со всѣхъ сторонъ въ нихъ стали поступать описи старыхъ дѣлъ, съ просьбой рассмотреть и разрѣшить уничтожить неимѣющія значенія. Но разборка архивовъ трудна, за отсутствіемъ знающихъ людей. У насъ нѣтъ ни людей, ни достаточно обширныхъ благоустроенныхъ хранилищъ, особенно это чувствуется въ провинціи.

Въ Московскомъ Архивѣ Мин. Юстиціи хранится по приблизительному подсчету около 1¹/₂ милліона дѣлъ, заключающихъ въ себѣ 350 милліоновъ отдѣльных документовъ. При существующемъ нынѣ штатѣ чиновниковъ на описаніе архива потребуется не менѣе 1200 лѣтъ.

Въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ, гдѣ описи производятся особенно подробно и тщательно, ежегодно описывалось всего нѣсколько книгъ. Наиболѣе упорядоченъ у насъ архивъ въ Варшавѣ, въ которомъ (отчасти благодаря сохранившимся хорошимъ старымъ описямъ — ораторъ остановился на системѣ описи документовъ въ этомъ архивѣ) описаны уже почти всѣ въ немъ хранящіеся дѣла, благодаря чему, напр. (еще при директорѣ его, проф. А. И. Павинскомъ), архивъ могъ выполнить въ теченіе двухъ мѣсяцевъ такую сложную задачу, какъ выясненіе правъ городовъ б. Царства Польскаго на гербы. Въ замѣчательномъ порядкѣ

находится и Архивъ III Отдѣленія, въ которомъ любое дѣло отыскивается въ теченіе нѣсколькихъ минутъ.

Остановившись нѣсколько на описаніи устройства заграничныхъ архивовъ, ораторъ отмѣтилъ преимущества ихъ устройствъ сравнительно съ нашими архивами: помимо хорошихъ помѣщеній, подробныхъ инвентарныхъ и алфавитныхъ описей, архивы эти имѣютъ и рядъ вспомогательныхъ учреждений: свои переплетныя, свои типографіи, фотографическія камеры, химическія лабораторіи (ораторъ отмѣтилъ, между прочимъ, способъ сохраненія ветхихъ документовъ помощью жидкости Neu Zaron, приготовляемой фабрикой чернилъ Leonhardi въ Дрезденѣ).

У насъ дѣло архивное еще новое и оно долго находилось въ полномъ пренебреженіи — архивы были балластомъ, которымъ тяготились казенныя учрежденія, всѣми способами старавшіяся избавиться отъ, по ихъ убѣжденію, хлама, никому ненужнаго и только загромождающаго обширныя помѣщенія. Такъ дѣло обстояло у насъ до тѣхъ поръ, пока не появились «полумонастырскія подвижническія» учрежденія — Архивныя Комиссіи, съ ихъ безкорыстной цѣлью и даровыми трудами, и если нельзя имъ выдать медалей «за спасеніе погибающихъ», то имъ необходимо должно выразить благодарность отъ лица Археологическихъ Съѣздовъ, потому что безъ нихъ и Съѣзды въ извѣстной степени не могли бы такъ плодотворно работать.

1. В. Р. Апухтинъ: «Роль Великаго Новгорода въ началѣ Сѣверной войны». На основаніи найденныхъ имъ въ Московскихъ архивахъ Главн. Мин. Иностранныхъ Дѣлъ, отд. Имп. Двора и Мин. Юстиціи документовъ, Апухтинъ сообщилъ о формированіи изъ жителей Новгородскаго края съ 1699—1703 новоприборныхъ солдатскихъ и драгунскихъ полковъ. Дѣла Приказа Военныхъ дѣлъ сгорѣли въ 1812 году, во время прихода въ Москву Французовъ; погибли, главнымъ образомъ, документы этого приказа, вѣдавшаго формированіемъ первыхъ регулярныхъ полковъ царемъ Петромъ I. Г. Апухтинъ просмотрѣлъ много документовъ тѣхъ Приказовъ, которые были въ перепискѣ съ Приказомъ Военныхъ Дѣлъ. Собранныя имъ документальныя данныя даютъ возможность сдѣлать исправленія печатныхъ хроникъ. Днемъ начала сформированія изъ Новгородцевъ 2 солдатскихъ полковъ — 1-го полк. Кулома (нынѣ 85-й пѣх. Выборгскій п., по подсчету полкового историка, около 150 лѣтъ квартирующій въ общ. сложн. въ г. Новгородѣ) и полк. Романа Брюса (нынѣ 12-й гренад. Астраханскій п.) слѣдуетъ считать 17-е, а не 8-е ноября, какъ неправильно указываетъ хроника, а за ней повторяютъ и полковые исторіографы этихъ частей войскъ. Точно такъ же слѣдуетъ относить формированіе изъ Новгородскаго Разряда конной службы конейщиковъ, гусаръ и рейтаръ Вогской, Деревской, Бѣжецкой, Обонежской и частью Шелонской пятинъ ближнимъ окольнымъ и воеводою П. М. Апраксинымъ 2 драгунскихъ полковъ (Людвига Бодевіа и Дениса Девгерина) къ 1702, а не къ 1701, какъ неправильно считаютъ полковыя хроники и историки. Въ заключеніе г. Апухтинъ привелъ нѣсколько документовъ, рисующихъ громадное стратегическое значеніе Великаго Новгорода въ началѣ Великой Сѣверной войны (сборъ въ Новгородѣ ратныхъ людей для

походовъ на Нарву и др. мѣста, сосредоточеніе въ немъ продовольственныхъ хлѣбныхъ припасовъ и боевыхъ запасовъ — оружія, зелейной казны и пр.). Всѣ собранные матеріалы В. Р. Апухтинъ намѣренъ передать мѣстному Новгородскому Обществу Любителей Древности.

2. И. Я. Стеллецкій: «Къ десятилѣтію Комиссіи по разбору и уничтоженію документовъ Московскаго Губернскаго Архива Старыхъ Дѣлъ».

Отмѣтивъ важное значеніе Комиссій по разбору и уничтоженію старыхъ документовъ въ жизни нашихъ архивовъ, докладчикъ подробнѣе остановился на обрисовкѣ дѣятельности такого рода Комиссій при Моск. Архивѣ Губернскаго Правленія и перемѣнахъ въ личномъ ея составѣ, со времени основанія ея въ ноябрѣ 1899 года. Въ 1907 году Комиссія прекратила разсмотрѣніе документовъ канцеляріи Московскаго военнаго генераль-губернатора, въ виду преобладающей ихъ цѣнности, и приступила къ разбору дѣлъ Моск. Коммерческаго Суда, которыя и уничтожила въ подавляющемъ количествѣ, руководясь, главнымъ образомъ, принципомъ недвижимой собственности, трактуемой въ документахъ.

Съ началомъ новаго 10-лѣтія дѣятельности, Комиссія вторично перемѣнила предметъ своихъ занятій. Больше вниманія было удѣлено разбору документовъ плохой сохранности и опубликованію наиболѣе цѣнныхъ. Помѣщенія названнаго Архива не удовлетворяютъ въ полной мѣрѣ своему назначенію. Лучше приспособленными для своей цѣли считаются Кремлевскія башни, Никольская и Арсенальная; хуже — Китайгородскія: а) Владимирская, в) на Старой Площади; с) противъ Воспитательнаго дома и д) на Москворѣцкой набережной. Это обстоятельство, а также желаніе разгрузить тѣсныя помѣщенія, вынуждало Губернское Правленіе охотно передавать свои архивныя сокровища въ другія учрежденія, по ихъ требованію, напр., въ Архивъ Мин. Юстиціи, Лефортовскій и др.

Во второе 10-лѣтіе своего существованія Комиссія вступаетъ съ надеждой, что близко то время, когда столь важный въ научномъ отношеніи Архивъ будетъ, наконецъ, водворенъ въ подобающее ему, специальное зданіе.

Послѣ доклада г. Стеллецкаго, Предсѣдатель Отдѣленія отмѣтилъ труды бывшаго сотрудника Комиссіи по разбору и уничтоженію документовъ Московскаго Губернскаго Архива старыхъ дѣлъ извѣстнаго библіографа, бывшаго секретаря Археологическихъ Съѣздовъ и библіотекаря Московскаго Археологическаго Об-ва В. Н. Рогожина, и предложилъ почтить его память вставаніемъ, что и было съ готовностью исполнено собраніемъ.

3. Ф. А. Ниневе: «Сооруженіе и оборудованіе архивовъ и библіотекъ по системѣ археолога-архивиста Ф. А. Ниневе и инженера-технолога И. К. Русвурма».

Референтъ затронулъ крайне серьезный и давно наболѣвшій вопросъ о благоустройствѣ нашихъ архивовъ. Архивное строительство, по доводамъ доклада, остается до сего времени совершенно несогласованнымъ съ архивною организаціею и неприведеннымъ въ какую-нибудь *опредѣленно установленную практическую систему*, почему нѣкоторые стремленія создать образцовые архивы казались безуспѣшными и всѣ благія намѣренія въ этомъ направленіи недостигнутыми, вызывая

общее разочарованіе и сожалѣніе о затраченныхъ, иногда очень крупныхъ, средствахъ и трудахъ.

Сооруженіе зданій архивовъ, внутреннее ихъ оборудованіе и порядокъ храненія архивнаго матеріала и пользованія имъ — вотъ три существенныхъ фактора, которые, расходясь между собою, — въ настоящее время приносятъ ущербъ одинъ другому. Такое построеніе въ архивномъ дѣлѣ, по мнѣнію докладчика, оправдывается либо дороговизною сооружений, либо несогласованностью искусствъ строительнаго съ архивнымъ, либо отсутствіемъ специалистовъ въ общемъ дѣлѣ.

Задача гг. Ниневе и Русвурма заключается именно въ стремленіи устранить приведенныя затрудненія и связать ихъ *въ одну специально-практическую систему*, преслѣдуя при этомъ прочность и дешевизну сооружений, сохранность документовъ во всѣхъ отношеніяхъ и простоту и быстроту въ функционированіи архивовъ.

Зданія архивовъ, по разсматриваемой системѣ, сооружаются съ цѣлью совершеннаго использованія всего объема сооружения для прямой надобности — храненія дѣлъ. Внутреннія капитальныя стѣны, колонны и междуэтажныя перекрытія замѣняются поперечными рядами поставленныхъ другъ на друга желѣзныхъ шкафовъ, связанныхъ съ наружными стѣнами, а промежутки между шкафами для образованія ходовъ покрываются плитами, уложенными на прикрѣпленныхъ къ шкафамъ поперечныхъ связяхъ. Зданіе имѣетъ свѣтъ съ двухъ сторонъ, между каждыми двумя рядами шкафовъ имѣется окно. Высота этажей или ярусовъ равняется одной сажени, что составляетъ и высоту шкафовъ.

Шкафы, составляющіе внутреннее оборудованіе архивовъ, раздѣляются на отдѣленія, а послѣднія на клѣтки (гнѣзда), имѣя металлическую нумерацію. Затѣмъ шкафы примѣняются къ содержимому въ архивахъ, т.-е. къ дѣламъ или книгамъ. Дѣла хранятся въ клѣткахъ въ горизонтальномъ положеніи, а книги — въ вертикальномъ (ребромъ). Дѣла или книги, укладываемыя въ шкафы, штемцелуются. Штемпель указываетъ ихъ мѣстохраненіе и принадлежность архиву. Для архива ведется книга, изъ которой видно, какихъ учрежденій дѣла хранятся въ архивѣ и гдѣ именно. Книга эта въ то же время составляетъ краткій инвентарь архива.

Въ заключеніе засѣданія предсѣдатель секціи, Л. М. Савеловъ, предложилъ благодарить Почетнаго Предсѣдателя, который помянулъ дѣятельность Архивныхъ Комиссій добрымъ словомъ; онѣ нуждаются въ хорошемъ отношеніи къ нимъ за свою дѣятельность; таясь въ глуши, онѣ даютъ массу архивныхъ документовъ и не привыкли къ наградѣ за свое хорошее дѣло, а потому за всякое доброе слово и отношеніе большое «спасибо».

30 іюля, 8 час. вечера.

Отдѣленіе V. Древности церковныя.

Почетный Предсѣдатель: проф. прот. Ѳ. И. Титовъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: проф. Н. В. Покровскій.

Секретари: И. А. Карабиновъ и свящ. В. Д. Прилущкій.

Засѣданіе открыто рѣчью Почетнаго Предсѣдателя. Подчеркнувъ важное значеніе Археологическихъ Сѣздовъ въ смыслѣ объединенія работающих надъ изученіемъ родной старины, ораторъ, какъ представитель нѣкоторыхъ ученыхъ и учено-археологическихъ учреждений г. Кіева, остановился на той духовной связи, которая издревле существовала между Кіевомъ и Новгородомъ. Нѣкоторые изъ первоначальныхъ новгородскихъ архипастырей происходили изъ Кіева и получали свое иноческое воспитаніе въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ. Съ открытіемъ въ Кіевѣ Братской Богоявленной школы эта связь еще болѣе оживилась: многіе изъ новгородскихъ іерарховъ этого времени были питомцами Кіево-братской школы, впоследствии Кіевской Академіи. Первый разсадникъ духовнаго просвѣщенія въ Новгородѣ былъ основанъ также архипастыремъ-питомцемъ Кіевской Богоявленной школы. Память о живомъ духовномъ общеніи Новгорода съ Кіевомъ хранятъ въ себѣ и рукописи, которыя, къ слову довольно слабо представлены на Выставкахъ Сѣзда. Въ заключеніе ораторъ выразилъ пожеланіе: на послѣдующихъ Сѣздахъ видѣть этотъ отдѣлъ представленнымъ полнѣе и разнообразнѣе.

1. Проф. А. А. Дмитріевскій: «О шапкахъ въ Софійской Новгородской ризницѣ» (Тр. С. Т. 1, стр. 215).

И. А. Карабиновъ отмѣтилъ, что та часть доклада, которая касается археологической стороны предмета, именно, утвержденіе докладчика, что будто русскіе епископы въ до-монгольскій періодъ не носили шапокъ, значительно ослабляется свидѣтельствомъ блаж. Симеона Солунскаго, приводимымъ А. А. Дмитріевскимъ въ свою защиту: по словамъ Симеона, въ его время уже **многіе** епископы по **древнему обычаю** и по примѣру Александрійскихъ Патріарховъ носили митры. Одинъ изъ такихъ примѣровъ намъ извѣстенъ, это — св. Спиридонъ Триміеунтскій (н. IV в.), изображающійся на греческихъ и русскихъ иконахъ въ шапочкѣ. Такъ называемая шапочка св. Никиты своею формой удивительно напоминаетъ шапочку св. Спиридона, а также шапочку другого святителя, изображаемаго въ такомъ видѣ на древнихъ иконахъ, — св. Кирилла Александрійскаго.

А. А. Дмитріевскій возразилъ, что блаж. Симеонъ все-таки считаетъ «законнѣйшимъ» для архіерея совѣтъ не употреблять митры, а относительно св. Спиридона указалъ, что, по свидѣтельству его житія, онъ носилъ шапку потому, что у него болѣла голова.

2. П. Л. Гусевъ: «Символь власти въ Великомъ Новгородѣ».

Символомъ власти въ Новгородѣ, по мнѣнію П. Л. Гусева, были: 1) изображеніе св. Софіи, какъ владѣтеля Новгорода, на новгородскихъ монетахъ, — такое

изображеніе докладчикъ видитъ въ загадочной фигурѣ avers'a новгородскихъ монетъ, представляемой въ зубчатой коронѣ, съ жезломъ въ правой рукѣ, въ длинномъ одѣяніи, сидящей на чемъ-то въ родѣ кресла и имѣющей предъ собою склоненнаго Новгородца; помѣщаемыя сзади фигуры точки или кружки докладчикъ находитъ возможнымъ считать крыльями Софіи; 2) процвѣтшій крестъ, изображаемый на новгородскихъ бармахъ и государственныхъ документахъ, и 3) посадничій посохъ-костыль. Всѣ эти символы власти, по разъясненіямъ П. Л. Гусева, перешли въ Новгородъ изъ Византіи.

В. К. Трутовскій въ своихъ замѣчаніяхъ указалъ, во 1-хъ, на тотъ фактъ, что въ русской нумизматикѣ, исключая монетъ такъ называемыхъ кievскихъ XII вв. мы совершенно не встрѣчаемъ изображеній святыхъ; во 2-хъ, если бы тутъ была изображена св. Софія, то во всякомъ случаѣ, изображеніе это было бы центральнымъ, съ нимбомъ и явно выраженными признаками ея священнаго происхожденія и значенія, и никакимъ образомъ не могла бы быть помѣщена при ней «голая» фигура Новгородца; въ 3-хъ, что нѣтъ никакихъ ни прямыхъ, ни косвенныхъ указаній на какое-либо отношеніе св. Софіи къ монетному дѣлу. Въ древней Руси наиболѣе чтимыя святыни, какъ Десятинная церковь и св. Софіи въ Кіевѣ, св. Софій въ Новгородѣ и т. п., получали крупные доходы, «десятины», и казна соборная, церковная, монастырская хранились въ самыхъ этихъ церковныхъ зданіяхъ, какъ въ мѣстахъ наиболѣе безопасныхъ и имѣвшихъ для того особаго приспособленія. Отсюда далеко до отношенія св. Софіи къ чеканкѣ монетъ. Примѣръ Пскова, взявшаго для своихъ монетъ голову дерптскаго епископа Дмитрія III, ясно указываетъ, какъ далеки были Псковичи, а по аналогіи и Новгородцы, отъ посвященія своего монетнаго дѣла своей святыни, да и сама чеканка была сначала дѣломъ частнымъ, а не власти или вѣча. Такимъ образомъ, допустить въ рисунокъ avers'a новгородскихъ денегъ изображеніе св. Софіи совершенно немислимо.

Г. Шугаевскій, точно также не соглашаясь съ мнѣніемъ докладчика относительно типа новгородскихъ монетъ, указалъ, что Герберштейнъ, посѣтившій Московское государство сравнительно немного времени спустя послѣ начала чеканки ихъ, говоритъ, что на нихъ изображенъ князь, а предъ нимъ согбенная фигура человѣка. Рядъ и другихъ соображеній не позволяетъ принять толкованіе докладчика. Сюжетъ, изображенный на Новгородкахъ, встрѣчается также на монетахъ Василя Васильевича Темнаго и нѣкоторыхъ удѣльныхъ князей, для которыхъ не было никакихъ основаній помѣщать св. Софію на своихъ монетахъ. Сравненіе иконописнаго типа св. Софіи съ фигурой на Новгородкахъ рѣшительно говоритъ не въ пользу мнѣнія докладчика. Точки, встрѣчающіяся сзади фигуры въ коронѣ, не могутъ быть крыльями, потому что бываютъ и въ другихъ частяхъ поля avers'a. Затѣмъ, изображеніе Софіи, какъ олицетворенія Христа, непременно должно было бы имѣть нимбъ, на что указываетъ и наличность его вокругъ головы Спасителя (?) на одной удѣльной монетѣ XV в. Наконецъ, юный огнезрачный Ангелъ, символизирующій Софію, всегда изображается безъ бороды, въ то время,

какъ на значительной части Новгородокъ, у фигуры съ короной ясно различается борода. Такимъ образомъ, какъ бы ни истолковывать эту фигуру, во всякомъ случаѣ это не св. Софія.

30 июля, въ 8 час. вечера (параллельное).

Отдѣленіе I. Древности первобытныя.

Почетный Предсѣдатель: Э. Р. фонъ-Штернъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: проф. В. Е. Данилевичъ.

Секретари: I. К. Линдеманъ и Т. О. Соколовская.

1. К. И. Сойкелли прочелъ докладъ А. М. Таллыгрена: «Находка въ Галичѣ и такъ называемая Фатьяновская культура въ центральной Россіи» (Der Fund von Galitsch und die so genannte Fatjanower Kultur in Zentral Russland).

Сущность доклада сводится къ слѣдующимъ выводамъ: 1) находки въ Галичѣ и Дьяковичахъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію времени совпадаютъ съ культурными группами Гребенчатой и Фатьяновской керамики, равно какъ и съ кремневою скульптурою; 2) въ обѣихъ этихъ группахъ металлъ былъ тогда еще очень рѣдокъ; однако же металлическій кладъ Галича доказываетъ, что металлы могли находить сюда доступъ въ большой массѣ.

Слѣдовательно, съ одной стороны: болѣе грубая и болѣе тонкая керамика съ шарообразными амфорами и тонко отполированные топоры-молотки, съ другой — болѣе грубая и болѣе тонкая керамика съ шарообразными амфорами, какъ въ предшествующей группѣ; къ этому присоединяются еще кремневая скульптурная изображенія и гребенчатая керамика — все образуетъ въ Центральной Россіи особую группу, объединенную временемъ.

Изъ мѣдныхъ предметовъ Галичскаго клада — топоръ типа восточнаго или южнаго, быть можетъ, отчасти также скульптурная изображенія, во всякомъ случаѣ металлъ. Относительный времени къ которому возможно приурочить предметы: переходъ отъ каменнаго вѣка къ бронзовому. Не входя въ болѣе подробное разсмотрѣніе отношенія этой группы къ западнеолитической культурѣ, докладчикъ ограничился утвержденіемъ, что она одновременна культурѣ Трои II — вѣковъ и германской культурѣ Бернбурга.

Э. Р. Штернъ отмѣтилъ важность работы Таллыгрена. Его работа начинается выводить русскія находки изъ изоляціи, въ которой онѣ до сего времени пребывали, но Западное вліяніе, о которомъ говорится въ докладѣ, нуждается и въ провѣркѣ и въ разъясненіи.

В. Р. Анухтинъ: «Неолитическая культура въ верховьяхъ рѣки Оки». Въ рефератѣ этомъ Анухтинъ познакомилъ съ той частью своего собранія, выставленнаго во время Съѣзда, которая состоитъ изъ каменныхъ орудій и оружія, а также характерной керамикой каменнаго вѣка, представленной на 9 таблицахъ. Большая часть собранія этого куплена у наследниковъ покойнаго свящ. Н. Преображенскаго, а чер-

палось имъ это собраніе изъ Федячевскаго городища и Воронежской неолитической стоянки Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губерніи. Въ этихъ мѣстахъ производилъ раскопки въ 1897 году В. А. Городцевъ, результаты коихъ помѣщены въ XVII т. Древн. Имп. Моск. Археол. Общества. Г-мъ же Апухтинымъ осталая часть коллекціи найдена на раскопанныхъ имъ 3 стоянкахъ въ уу. Болховскомъ и Мценскомъ. Орловской губ. По своему назначенію каменные подѣлки дѣлятся на предметы мастерскихъ орудій (отбойники, полировальщики, нуклеусы и осколки), на орудія домашняго обихода (ножи, скребки, долота, тесла, молотки, топоры и сверла, пилки и пр.) и наконецъ на оружіе (наконечники стрѣлъ и копій). Матеріалъ для всѣхъ (кромѣ молотковъ со сверленными отверстиями сдѣланъ изъ песчаника) кремь. Особое вниманіе заслуживаетъ серповидный ножъ-уникъ. Находятся предметы на песчаныхъ россыпяхъ и въ нижнихъ слояхъ городищъ. Въ заключеніе референтъ сравнилъ находки изъ его собранія съ находками сосѣднихъ мѣстъ (Калужск. губ. изъ раскопокъ Н. И. Булычова, Тульской — изъ обширнаго собранія Раевской, хран. въ Моск. Истор. Музеѣ и Рязанской изъ находокъ Г. Городцева и др.) и привелъ аналогію между находками какъ верховьевъ, такъ и средняго теченія р. Оки. Референтъ закончилъ свой докладъ тѣмъ, что надъ его большимъ собраніемъ неолитической культуры изъ верховьевъ р. Оки придется еще очень много поработать передъ приготовленіемъ для изданія подробнаго описанія и снимковъ съ наиболѣе характерныхъ каменныхъ орудій и обломковъ узорчатой глиняной посуды.

И. В. Аничковъ: «Жальники въ Тихвинскомъ уѣздѣ».

«Обиліе жальниковъ, разсѣянныхъ по Боровичскому, Валдайскому, Устюжинскому и особенно Тихвинскому уѣздамъ, Новгородской губерніи, вызываетъ интересъ къ этимъ мѣстамъ стариннаго погребенія, а указаніе на то, что тѣ же жальники служили, по словамъ проф. Н. В. Покровскаго до принятія христіанства и мѣстомъ языческихъ похороненій, еще болѣе должно приковать вниманіе изслѣдователей старины, такъ какъ оно указываетъ на пути разселенія славянскихъ племенъ, на сѣверѣ Россіи.

Предметомъ моего изслѣдованія, въ 1910 году, были жальники Тихвинскаго уѣзда, куда я проѣхалъ изъ Боровичскаго уѣзда, съ бассейна рѣки Мсты и ея притока Бѣлой, до рѣки Чагоды, составляющей уже бассейнъ Волги, такъ какъ Чагода впадаетъ въ Мологу и до рѣки Воложбы, притока рѣки Сяси; по всѣмъ берегамъ этихъ рѣкъ и впадающихъ въ нихъ рѣчекъ расположены жальники, т.-е. холмики, обросшіе высокими соснами и елями, а иногда и березами; жальники эти представляютъ нѣсколько типовъ. Въ однихъ имѣются часовни, въ другихъ только каменные плиты, иногда съ сохранившимися каменными крестами разной величины, въ нѣкоторыхъ жальникахъ кресты положены въ часовни, въ другихъ они сложены въ кучи, но есть жальники, въ которыхъ каменные плиты настолько заросли травой и кустарникомъ и обросли мохомъ, что трудно найти въ нихъ остатки погребенія; на ряду съ этимъ встрѣчаются и жальники, гдѣ каменные кресты находятся въ полной сохранности и стоятъ обложенные камнями, а иногда и врытыя въ землю, встрѣчаются жальники уже заброшенные въ глубинѣ лѣсовъ, почти забытые населеніемъ. Отношеніе послѣдняго къ нимъ тоже не одинаковое, такъ какъ тамъ, гдѣ имѣются

часовни и сохранились каменные кресты, надъ могилами совершаются въ престольные дни службы или панихиды, по «забыдущимъ родителямъ»¹⁾. Такъ какъ цѣлью моего настоящаго доклада не является описаніе жалыниковъ, которое составить предметъ особой работы, то я перехожу непосредственно къ описанію предпринятой мною раскопки одного жалыника въ Большегорской волости, расположеннаго на рѣкѣ Пердомлѣ, притокѣ Воложбы, впадающей въ Сясъ. Задачей моей было изслѣдованіе жалыника, въ которомъ могло быть обнаружено указаніе на языческое захороненіе, въ томъ мѣстѣ, гдѣ впоследствии происходило христіанское погребеніе. Для этого необходимо было найти жалыникъ, надъ которымъ уже не происходило бы богослуженія, или вѣдствие отсутствія часовни или же его заброшенности; иначе раскопка чтимаго жалыника могла бы оскорбить религіозное чувство населенія. Такого рода жалыникъ мнѣ удалось найти по указанію Тихвинскаго землевладѣльца В. Г. Крутицкаго, указавшаго, что при усадьбѣ крестьянина Стефана Боровскаго, Великій Дворъ, Пердомльскаго погоста, имѣется жалыникъ, къ которому примыкаетъ эта усадьба, на немъ не имѣется часовни и онъ уже не читается мѣстнымъ населеніемъ, доказательствомъ чего могло служить то, что снятые съ кургановъ насыпей кресты были сложены въ отдѣльное мѣсто, въ нѣкоторыхъ насыпяхъ сдѣланы картофельныя ямы, а другія разрушались для взятія изъ нихъ песка.

Кромѣ того меня побудило произвести раскопку именно въ этомъ жалыникѣ, переданное мнѣ г. Крутицкимъ извѣстіе, будто при рытьѣ картофельной ямы, въ одной изъ курганныхъ насыпей былъ когда-то найденъ глиняный горшокъ.

Раскопка производилась 5 и 6 іюня 1910 года при содѣйствіи г. Крутицкаго, любезно предоставившаго для этого своихъ рабочихъ и съ разрѣшенія владѣльца усадьбы Боровскаго.

Наружный видъ жалыника представляетъ собою группу курганныхъ насыпей до 14, къ которымъ вплотную примыкаютъ постройки усадьбы Великій Дворъ; жалыникъ обросъ старыми елями и березами и на одной насыпи встрѣтился огромный старый вересъ, которому мѣстные жители насчитываютъ до 200 лѣтъ, — растеніе рѣдко достигающее размѣровъ дерева; по словамъ хозяина крестьянина Боровскаго, человѣка, достигшаго преклоннаго возраста, подошвы насыпей были прежде окаймлены камнями, которые взяты имъ для хозяйственныхъ надобностей, однако кое-гдѣ такіе камни еще были видны; нѣкоторыя насыпи были уже наполовину срыты и почти сравнялись съ землей или же просто обсыпались; въ нѣкоторыхъ насыпяхъ были сдѣланы картофельныя ямы, и въ одной изъ нихъ, расположенной посерединѣ жалыника, былъ лѣтъ 15 тому назадъ найденъ глиняный горшокъ; затѣмъ оказалось, что изъ обсыпавшейся насыпи тоже недавно вывалился горшокъ, но ни самаго горшка, ни черепковъ не сохранилось.

Жалыникъ расположенъ на правомъ берегу рѣчки Пердомли, на высотѣ 6—8 сажень отъ уровня воды и для раскопки была выбрана насыпь вышиною около 2 сажень и въ окружности около 20 сажень, самая большая изъ всей группы. Около нея было собрано до 5—6 каменныхъ крестовъ, но нѣкоторые изъ нихъ лежали

¹⁾ См. ст. Холмогорова, стр. 411. Отъ редакціи.

и по всему жальнику; они были разной величины и должны были быть привезены на Выставку Съезда по зимнему пути, но до сихъ поръ не доставлены; одинъ небольшой крестъ и часть другого мною взяты и представляются Вашему вниманію (рис. 129).

У подошвы этой насыпи когда-то была вырыта яма для уборки пчелъ, въ ней былъ сдѣланъ срубъ, вышиной около 3 аршинъ, врытый въ землю на глубину 1 аршина, въ послѣднее время въ эту яму сваливали мусоръ, отъ котораго она и была очищена.

На вершинѣ насыпи находится пень отъ старой ели, спиленной лѣтъ 30 тому назадъ, онъ былъ вывороченъ и въ виду заявленія хозяина, что когда-то здѣсь стоялъ каменный крестъ, вершина была снята и на глубинѣ одного аршина оказался рядъ камней, расположенныхъ въ видѣ круга неправильной формы, напоминающей расположение тѣхъ камней, въ которыя укрѣплялся на нѣкоторыхъ жальникахъ каменный крестъ; камни эти были расположены въ челѣ плиты, лежавшей съ востока на западъ, а въ противоположномъ концѣ были поставлены ребромъ камни плоской формы. По обнаруженіи на вершинѣ насыпи могилы, указывающей на христіанское погребеніе, я рѣшилъ прокопать боковую траншею, чтобы подойти къ серединѣ насыпи; раскопанная траншея шириной въ три сажени обнаружила на днѣ своемъ, на глубинѣ полуторы сажени землю, смѣшанную съ мусоромъ, осколками кирпича, черепковъ, кусочки угля, кости и камни; подъ тѣмъ слоемъ земли оказались лошадиныя кости, среди которыхъ было нѣсколько лошадиныхъ череповъ; хотя одинъ изъ череповъ и былъ мною сохраненъ, но этому я не придалъ значенія, такъ какъ здѣсь въ виду того, что жальникъ давно уже повидимому не почитался населеніемъ и былъ расположенъ около усадьбы, могли быть свалены костяки павшихъ животныхъ; вслѣдъ за этимъ на высотѣ одного съ четвертью аршина отъ поверхности боковой траншеи была проведена поперечная траншея шириной около 2 сажень, и расчищенъ слой песчаной земли; въ этомъ уступѣ однимъ изъ рабочихъ и былъ поднятъ на лопатѣ тотъ горшечекъ съ грубымъ орнаментомъ, который и имѣю честь представить Вашему вниманію (рис. 130); онъ наполненъ пескомъ съ проросшими корнями растений и содержимое въ немъ не извлечено; около него были найдены кусочки угля, черепокъ и камня.

По срытіи этого уступа былъ обнаруженъ на высотѣ 2 аршинъ и 5 вершковъ и въ глубинѣ 1 аршина отъ вершины насыпи расколотый черепъ, проросшій корнями, лежавшій въ слое земли, гдѣ были найдены кусочки угля; такъ какъ подъ этимъ уступомъ уже показались углы плиты, то послѣдняя была поднята и подъ нею оказался костякъ человѣка длиной въ 1 аршинъ и 10 вершковъ, съ правой согнутой рукой, а другой расположенной вдоль костяка, который лежалъ съ востока на западъ; около костяка были обнаружены кости, очевидно отъ части того же погребенія.

Въ разстояніи 5 сажень отъ этой насыпи была разрыта другая, на вершинѣ которой стоялъ тотъ вересъ, о которомъ шла рѣчь впереди; въ вышину эта насыпь была нѣсколько ниже предыдущей, въ окружности около 15 сажень, а въ поперечникѣ 5 сажень 2 аршина, вершина была скрыта и поверхность, по срытіи верхняго слоя земли оказалась обложенной камнями съ поставленной ребромъ плитой и другой

Рис. 129.

Рис. 130.

горизонтально расположенной плитой, около которой были обнаружены кусочки угля. Боковая траншея была прорыта въ томъ же направленіи, какъ и въ ранѣе раскопанной насыпи, ширина ея была взята въ 6 аршинъ съ глубиной около 2 аршинъ; подъ слоемъ дерна оказался желтый насыпной песокъ, съ прослойками сѣровой земли, въ которомъ попадались угли и черепки, а также кости, нижняя челюсть и зубы; на поверхности втораго уступа была проведена поперечная траншея, въ которой были найдены уголья, черепокъ, кусокъ шлака и комъ перегнившего дерева, а выше верхняя часть черепа, а около него черепки сѣраго и темнаго цвѣтовъ. Выше, уже въ полутора аршинахъ отъ вершины насыпи, обнаружены черепъ и кость челоуѣка, со сложенными руками, лежавшій по направленію съ востока на западъ, около костьа были найдены комья сгнившего дерева; затѣмъ на глубинѣ 1 аршина былъ найденъ еще костьа, лежавшій въ томъ же направленіи, голова костьа была наклонена въ лѣвую сторону, руки вытянуты, длина костьа 2 аршина 10 вершковъ, между костями ногъ этого костьа найдены черепки и нѣсколько небольшихъ камней.

Представивъ Вашему вниманію опытъ раскопки жальника, который уже не составляетъ чтиваго для населенія мѣста я прихожу къ выводу, что въ этомъ жальникѣ происходили когда-то языческія захороненія, на мѣстѣ коихъ затѣмъ продолжались и христіанскія погребенія, пока это не было запрещено духовной властью, которой, въ лицѣ Новгородскихъ архіепископовъ, приходилось не разъ, еще въ XVI столѣтіи, воспрещать класть умершихъ — «въ селѣхъ» по курганамъ и по коломищамъ «въ лѣсѣхъ», — а возить «похороняти» къ церквамъ на погосты. Хотя обычай хоронить по жальникамъ уже давно исчезъ, но до сихъ поръ жальники весьма чтимы сельскимъ населеніемъ, которое воздвигаетъ и поддерживаетъ часовни, служитъ панихиды «по забыдущимъ родителямъ», принося чашки съ кутьей и ячменнымъ киселемъ, считая не угоднымъ Богу дѣломъ вырубать растущія на нихъ вѣковые деревья; только пережиткомъ этой первобытной вѣры въ святость мѣстъ упокоенія ихъ предковъ, объясняетъ сохранность многихъ жальниковъ и недоступность ихъ, въ виду этого, для археологическихъ изслѣдованій.

Н. В. Мятлевъ, указавъ на мѣстечко Колбяги, напоминающемъ столь извѣстнаго «Колбяга» «Русской Правды», настаивалъ на необходимости дальнѣйшаго изслѣдованія данной мѣстности.

Закрывая засѣданіе Отдѣленія, проф. К. Е. Данилевичъ сказалъ нѣсколько словъ по поводу вполне справедливаго, по его мнѣнію упрека, сдѣланнаго гг. Предсѣдателямъ Отдѣленій, что они не особенно строго фильтровали доклады. Если бы онъ ихъ фильтровалъ, то русскихъ рефератовъ было бы прочитано въ его секціи очень мало. Къ тому же только докладчики иностранцы, за исключеніемъ одного, да два русскихъ докладчика представили ему, какъ предсѣдателю, заблаговременно свои положенія. В. Е. Данилевичъ, признавая, что онъ не былъ въ этомъ отношеніи достаточно требовательнымъ, высказалъ пожеланіе, чтобы, по крайней мѣрѣ, на будущее время русскіе референты обнаруживали большую дисциплину въ этомъ отношеніи.

31 июля 1 ч. дня.

Отдѣленіе III. Памятники искусствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики.

Почетный Предсѣдатель: М. Г. Деменни.

Предсѣдатели Отдѣленія: В. К. Трутовскій и проф. Г. Г. Павлуцкій.

Секретари: В. А. Шугаевскій, Б. П. Денике и А. И. Некрасовъ.

1. П. Θ. Симсонъ «Мелочныя расцѣпки въ до-петровской Руси».

На основаніи матеріаловъ, частью еще неразработанныхъ, частью и совсѣмъ неизданныхъ, докладчикъ пришелъ къ выводу, что самыя мелкія монеты до-петровской Руси доходили до $\frac{1}{6400}$ доли рубля или $\frac{1}{64}$ старой серебряной деньги. Докладчикъ полагаетъ, что если согласиться съ такимъ заключеніемъ, то величина и вѣсъ обращавшейся съ конца XIV вѣка по XVI вѣку мѣдной монеты, извѣстной подъ названіемъ пуль, приобрѣтаютъ осмысленность, становятся въ соотвѣтствіе со стоимостью ихъ металлическаго содержанія, именно: самыя мелкія тверскія и московскія пулы, вѣсомъ отъ 2 до 3 долей, могутъ быть отнесены къ одиночнымъ пуламъ ($\frac{1}{64}$ деньги), слѣдующія могутъ быть двойными пулами ($\frac{1}{32}$ деньги) и четвертными ($\frac{1}{16}$ деньги). Съ $\frac{1}{8}$ доли деньги или полутолупки начинаются мелкія серебряныя монеты, рядъ которыхъ продолжается далѣе толупками, полу-денегами и деньгами.

Въ связи съ этимъ становится понятной необыкновенная дешевизна продуктовъ въ до-петровской Руси, и можно только удивляться умѣнью нашихъ предковъ создать столь стройную и столь пригодную для жизни денежную систему, въ основу которой легло дѣленіе на два.

Почетный предсѣдатель г. Деменни указалъ, что вопросъ, затронутый докладчикомъ — вопросъ новый. При личныхъ работахъ въ архивахъ г. Деменни не встрѣчалъ такихъ мелкихъ расцѣпокъ ни въ документахъ XVII вѣка, ни ранѣе. Возможно, что названія мелкихъ монетъ, встрѣченныя въ документахъ докладчика, являются пережиткомъ старины, объясняемымъ близостью этихъ документовъ къ народнымъ массамъ, среди которыхъ долго сохраняются преданія старины. Во всякомъ случаѣ весьма желательно продолженіе работъ по тому же вопросу.

Проф. Довнаръ-Запольскій замѣчаетъ, что для этого существуютъ прекрасныя матеріалы въ Румянцевскомъ Музеѣ и затѣмъ высказываетъ предположеніе, что названія, встрѣченныя въ документахъ докладчика — «пирогъ», «мордка» и т. д. относятся не къ монетамъ, а къ окладнымъ единицамъ; въ этомъ смыслѣ онѣ попадаютъ на сѣверѣ въ Раскладныхъ книгахъ. Меньшихъ же расцѣпокъ, чѣмъ полуденьга, въ документахъ XVII вѣка, по крайней мѣрѣ въ крупныхъ торговыхъ центрахъ, не встрѣчается.

Гг. Деменни и Трутовскій возражаютъ, что въ XVII вѣкѣ и даже въ 1716 году встрѣчены названія полуполуденьги и мордки; однако, по мнѣнію

г. Деменни, говоря вообще, въ эту эпоху мелкихъ расцѣнокъ официально уже не существовало; въ практической же жизни онѣ еще были, въ особенности въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ торговыхъ центровъ.

Г. Раевскій полагаетъ, что и при Петрѣ I была выпускаема очень мелкая серебряная монета, напоминающая по внѣшнему виду серебряный ломъ, но не являющаяся результатомъ разламыванія болѣе крупной монеты, бывшей въ обращеніи, такъ какъ надписи на каждомъ мелкомъ экземплярѣ читаются совершенно ясно. Прив.-доц. Данилевичъ указываетъ на то, что у проф. Саввы есть матеріалъ аналогичный матеріалу докладчика, въ виду чего было бы желательно выяснитъ географическій районъ распространенія названій мелкихъ монетъ, приведенныхъ докладчикомъ.

2. В. К. Трутовскій «Что такое ногата?»

Докладъ этотъ являлся попыткой выяснитъ происхожденіе, природу, валюту и дальнѣйшія эволюціи этой загадочной древне-русской (VIII—XV вв.) платежной единицы. Путемъ анализа основныхъ законовъ образованія и созданія у человѣчества подобныхъ примитивныхъ платежныхъ единицъ (законовъ установленныхъ впервые въ наукѣ референтомъ), данныхъ письменныхъ памятниковъ о ногатѣ и мнѣній о ней, существующихъ въ литературѣ, докладчикъ пришелъ къ выводу, что ногата создавалась подъ влияніемъ торговли Руси съ Арабами въ VIII вѣкѣ и первоначально соотвѣтствовала половинѣ абиссинскаго диргема, отчего ея валюта была установлена въ 32 доли. Названіе ея чисто арабское и происходитъ отъ слова «накд», во множественномъ числѣ «нукуд», что обозначаетъ наличныя деньги, диргемы, части диргемовъ.

Послѣ Прекращенія сношеній съ Востокомъ, она осталась какъ нарицательная единица той же валюты и ей соотвѣтствовали послѣдовательно, въ XI—XV вѣкахъ англійскія монеты, вѣсившія около 34 долей, нѣмецкія — отъ 30 до 33 долей, комбинаціи мобежскихъ пфениговъ въ сѣверо-западной Руси, затѣмъ и нѣмецкихъ (рижскихъ и смѣси), а въ центральной и восточной Руси — золотоордынскія монеты, почему она и удержалась до начала на Руси чеканки своихъ денегъ. На основаніи ея вѣсовой величины легко объясняются многіе слитки-гривны и ихъ система. Благодаря ей выясняется валюта древняго рубля въ $33\frac{1}{3}$ —36 золотниковъ и объясняется новгородскій рубль въ 216 денегъ, равно какъ и норма новгородской деньги въ 16 долей. Въ Смоленской области, въ XIII—XIV вѣкахъ, видимо являлось измѣненіе системы платежныхъ единицъ, почему ногата тамъ отмѣчается какъ «ногата Смоленская», равно и «кука Смоленская». Опредѣленіе этой Смоленской системы пока крайне затруднительно.

Почетный Предсѣдатель засѣданія М. Г. Деменни отмѣчаетъ чрезвычайную важность доклада, категорически разрѣшившаго вопросъ о ногатѣ. Очень долго не могли опредѣлить, была ли она мѣховой или металлической цѣнностью. Докладчикъ, исходя изъ основъ экономической науки и обладая знаніемъ восточныхъ языковъ и слѣдовательно возможностью читать восточныхъ авторовъ въ подлинникѣ, пришелъ къ правильному разрѣшенію вопроса. Отсюда по всей вѣроятности возможно будетъ объяснить и другія монетныя системы древней Руси.

Проф. В. Е. Данилевичъ находитъ очень удачными выводы докладчика тѣмъ болѣе, что очень недавно г. Вессинъ, пытаясь объяснить слово ногата изъ финскаго языка и сдѣлавъ это съ внѣшней стороны, казалось, удовлетворительно, не могъ, однако, приурочить этого названія къ какой-нибудь опредѣленной шкурѣ животного. Правильность вывода докладчика доказывается и тѣмъ, что въ арабскихъ кладахъ главнымъ образомъ встрѣчаются лишь части дергемовъ, а не дѣльныя монеты. Желательно было бы, по мнѣнію Г. Данилевича, выяснить теперь соотношеніе ногаты и пражскаго гроша.

Проф. Линниченко говоритъ, что выводъ докладчика нарушаетъ стройную теорію мѣховыхъ цѣнностей С. А. Усова и спрашиваетъ каково мнѣніе докладчика о ней.

Докладчикъ отвѣчаетъ, что ногата стоитъ внѣ мѣховой системы цѣнности и можетъ быть объяснена независимо отъ нея; относительно же происхожденія слова «ногата» проф. Усовъ придерживается мнѣнія сторонниковъ его происхожденія отъ нога, почему всѣ замѣчанія относительно такого производства, относятся и къ проф. Усову.

С. П. Введенскій, указывая на то, что ногата была весьма распространенной денежной единицей древней Руси, спрашиваетъ, почему она исчезла изъ народнаго быта. Затѣмъ онъ дѣлаетъ предположеніе, что это названіе относилось къ такъ называемому «Владимірову серебру», на которомъ князь изображенъ съ очень большими ногами.

Докладчикъ отвѣчаетъ на первую часть рѣчи оппонента, что ногата, дѣйствительно, исчезла изъ народнаго быта, просуществовавъ однако 700 лѣтъ. Исчезла же потому, что чеканка на Руси монетъ вытѣснила понятіе, олицетворявшееся ногой, какъ единицей чужой, заимствованной. Съ предположеніемъ оппонента о тождествѣ ногаты и Владимірова серебра, — докладчикъ не можетъ согласиться, такъ какъ названіе ногата появилось на нѣсколько столѣтій раньше Владимірова серебра.

А. С. Раевскій спрашиваетъ, въ какомъ отношеніи находится ногата къ встрѣчающимся въ русскихъ кладахъ такъ называемымъ бухаръ-ходатамъ?

Докладчикъ отвѣчаетъ, что эти монеты встрѣчаются рѣдко и не стоятъ ни въ какой связи съ ногой.

3. Проф. М. В. Довнаръ-Запольскій «Объ устройствѣ историческаго пути въ Кіевѣ». Докладчикъ указалъ, что въ Кіевѣ задались цѣлью создать историческую аллею (историческій путь), для увѣковѣченія исторіи развитія края. Въ расположеніи и группировкѣ памятниковъ рѣшено было избѣгать однообразія и стремиться создавать красиво расположенныя статуарныя группы. Общимъ принципомъ, основной задачей, при созданіи монументовъ должны явиться, по мысли устроителей, вѣрныя передачи духа древней Руси, для чего всякая мельчайшая даже деталь должна точно соответствовать исторической правдѣ. Пока намѣчены и въ общихъ чертахъ разработаны композиціи слѣдующихъ памятниковъ:

а) *Памятникъ доисторическому Кіеву* — въ видѣ усѣченной пирамиды, увѣчанной современнымъ гербомъ города Кіева, т. е. фигурой Михаила Архангела.

б) Памятники князю Олегу. в) Князю Ольгу. г) Князю Святославу. д) Князю Владимиру «Красному-Солнышку». е) Соединенный памятник Ярославу Мудрому и Владимиру Мономаху. ж) Нестору-Летописцу. з) Князю Данилу Романовичу Галицкому. и) Князю Константину Острожскому. к) Киевскому митрополиту Петру Мошаль. л) Киевским войтамъ, напимѣръ, Адаму-Киселю. м) Феофану Прокоповичу. н) Царю Алексию Михайловичу. о) Петру Великому. п) Пирогову.

Цѣль и главнымъ образомъ предполагаемое исполненіе «Историческаго пути» не нашло сочувствія въ присутствующихъ.

31 іюля 8 ч. вечера.

Отдѣленіе II. Древности историко-географическія и этнографическія.

Почетный Предсѣдатель: М. В. Муравьевъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: проф. М. В. Довнаръ-Запольскій.

Секретари: Д. П. Миллеръ и В. А. Барвинскій.

1. Д. П. Миллеръ «Нѣкоторыя особенности въ развитіи слободско-украинскаго города».

Докладчикъ исходилъ изъ мысли, что созданіе научной исторіи русскаго города возможно только послѣ детальнаго обследованія исторіи отдѣльных городов. Нужно изучать исторію городов — типовъ. Однимъ изъ такихъ типовъ докладчикъ признаетъ для городов Слободской Украины Харьковъ, исторія котораго въ настоящее время обстоятельно выяснена въ двухтомномъ трудѣ профессора Д. И. Багалъя, составленномъ въ сотрудничествѣ съ докладчикомъ. Д. П. Миллеръ отмѣтилъ двѣ этнографическія стихіи, изъ которыхъ сложилось населеніе слободско-украинскаго города — великорусскую и малорусскую, указалъ на ихъ взаимныя отношенія, окончившіяся побѣдой великорусскаго начала, а затѣмъ подробно остановился надъ особенностями того социальнаго строя, какой существовалъ въ городахъ слободчины, рѣзко отличаясь какъ отъ строя великорусскаго, такъ и отъ строя малорусскаго городского населенія. Въ городахъ слободской Украины мѣщанство исчезло, растворившись въ казачествѣ, такъ что когда въ Екатерининское время для «людей средняго рода» были заведены новыя учрежденія, въ слободской украинѣ такихъ людей не оказалось, и ихъ пришлось создавать искусственными мѣрами. Но искусственно созданные горожане все же еще очень долго продолжали оставаться слобожанами и по занятіямъ, и по образу жизни мало чѣмъ напоминавшихъ екатерининскихъ «людей средняго рода». Этими переходными моментами и воспользовались проживавшіе въ Харьковѣ великорусскіе купцы и посадскіе, ставшіе, несмотря на численный перевѣсъ малорусскаго населенія, настоящими хозяевами города. Мало дифференцированнымъ отъ однородной военно-служилой массы было и слободско-украинское дворянство, ничѣмъ существеннымъ не отличавшееся отъ зажиточнаго казачества. Впервые къ дворянству приравняла слободско-украинскую полковую старшину Императрица Екатерина II, допустивъ ее наравнѣ съ дворянствомъ

въ комиссію для сочиненія новаго уложенія. Реформа слободскихъ казачьихъ полковъ дала старшинѣ табельные чины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дворянство. Но еще долго мѣстное благородное сословіе продолжало сохранять старыя традиціи: участвовало въ городскихъ дѣлахъ наравнѣ съ мѣщанствомъ, торговало, являясь съ «подлымъ» народомъ и т. п.

Проф. Д. И. Багал'й сдѣлалъ нѣсколько дополненій къ прочитанному докладу. Онъ указалъ, что совмѣстный съ Д. П. Миллеромъ трудъ его: «Исторія города Харькова» написанъ на основаніи печатныхъ и главнымъ образомъ архивныхъ источниковъ, извлеченныхъ изъ мѣстныхъ и столичныхъ архивовъ. Особенностью даннаго труда является введеніе въ широкихъ размѣрахъ историко-статистическаго элемента: особыя главы посвящены движенію населенія, постепенному росту городской территоріи отъ начала существованія города Харькова до 1905 года. Въ основу труда положенъ культурный элементъ; различныя стороны жизни города Харькова, его матеріальная и духовная культура освѣщены въ немъ съ достаточной полнотой, при чемъ всѣ эти явленія прослѣжены съ момента ихъ зарожденія. При составленіи этого труда большую услугу оказалъ анкетный способъ полученныхъ матеріаловъ.

2. В. А. Барвинскій «Къ характеристикѣ украинскаго общества послѣ измѣны Мазепы».

Референтъ отмѣтилъ нѣсколько теченій въ настроеніи украинскаго общества послѣ измѣны Мазепы, въ гетманство Скоропадскаго, на основаніи доносовъ и другихъ матеріаловъ, извлеченныхъ имъ изъ Московскаго Главнаго Архива Министрства Иностранныхъ Дѣлъ. Изъ этихъ матеріаловъ заслуживаетъ особеннаго вниманія стихотворное произведеніе анонимнаго автора, найденное референтомъ въ томъ же Архивѣ подъ названіемъ: «Псалма новозданна трубою названна». Этотъ литературный памятникъ помѣченъ 1709 годомъ. Неизвѣстный авторъ его выражаетъ свое негодованіе по поводу измѣны Мазепы, который, по его мнѣнію, поддался на увѣщаніе Поляковъ, и возлагаетъ единственную надежду на Государя. Приписка въ концѣ произведенія: «имя ми прозваніе кто хоцетъ узнати въ виршахъ початковихъ изволь поискати», не даетъ возможности раскрыть инкогнито автора. Псалма эта несомнѣнно, вышла или изъ среды старшины, вкусившей плодовъ образованія въ Кіевѣ, или духовенства. Какъ попалъ въ Москву этотъ документъ — неизвѣстно, такъ какъ никакой сопроводительной бумаги при немъ не имѣется. Вѣроятно, онъ былъ представленъ однимъ изъ великороссійскихъ начальныхъ людей на Украинѣ.

3. Х. П. Ящуржинскій «Почитаніе умершихъ въ Малороссіи (культъ предковъ)».

Докладчикъ указалъ, что въ Малороссіи существуетъ, въ народной вѣрѣ, почитаніе умершихъ. Покойникъ, по народному воззрѣнію, не есть трупъ, а существо, которое принимаетъ еще участіе въ окружающей жизни. Душа покойника является на землю на девятый, сороковой день послѣ смерти человѣка и въ годовщину смерти. Въ честь покойниковъ совершаются обѣды и поминовенія осенью,

въ Дмитріеву субботу, въ субботы Великаго Поста, въ Великій Четвергъ, на Рождество Христова, на Пасху и особенно въ понедѣльникъ Ѳоминой недѣли, въ такъ называемые «Проводы». На Проводы несутъ на могилы крапанки и христосуются съ покойными родителями.

Въ обсужденіи доклада приняли участіе А. А. Дмитріевскій, Д. И. Багалъй и М. В. Довнаръ-Запольскій.

А. А. Дмитріевскій отмѣтилъ, что культъ предковъ въ развитомъ видѣ съ поэтической окраской существуетъ только на югѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ южной Россіи совершается на кладбищахъ церковный чинъ панагии объ умершихъ въ сороковой день, спустя полгода и годъ послѣ смерти. Этотъ церковный обрядъ воспринялъ въ себя народныя бытовыя черты. Любопытную аналогію съ малорусскими народными воззрѣніями на умершихъ и причитаіями представляютъ обычаи, существующіе на островѣ Патмосѣ.

М. В. Довнаръ-Запольскій указалъ на сходство малорусскихъ обычаевъ съ сицилійскими и высказалъ мнѣніе, что въ отдаленную эпоху малорусскіе погребальныя обычаи были сходны съ великорусскими.

Д. И. Багалъй отмѣтилъ, что важное значеніе въ изслѣдованіи даннаго вопроса имѣетъ извѣстіе Ибн-Фадлана о погребеніи знатнаго русса и объ его символической женитьбѣ послѣ смерти. Ключъ къ пониманію этого разсказа даетъ обычай, существующій у крестьянъ Подольской губерніи: послѣ смерти дѣвушки одинъ изъ парубковъ называется ея женихомъ, сопровождаетъ ее до могилы и нѣкоторое время носить по ней трауръ.

4. Н. В. Мятлевъ. «Игначь крестъ и Селигерскій путь» («Тр. С.» т. I, стран. 335).

31 іюля 9 час. вечера.

Отдѣленіе VII. Древности классическія, византійскія и западноевропейскія.

Почетный Предсѣдатель: проф. В. П. Бузескулъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: проф. Э. Р. фонъ-Штернъ.

Секретарь: И. Н. Бороздинъ.

По открытіи засѣданія почетный предсѣдатель проф. Бузескулъ, во вступительномъ словѣ, отмѣтилъ значеніе изученія классическихъ древностей, античности и ея живую связь съ современностью. Далѣе проф. Бузескулъ привѣтствовалъ Э. Р. фонъ-Штерна, хотя и перешедшаго на кафедру въ Галле, но попрежнему явившагося на Археологическій Съѣздъ съ цѣннымъ докладомъ.

1. Проф. Э. Р. Фонъ-Штернъ «Изъ жизни дѣтей греческихъ колоній юга Россіи по археологическимъ даннымъ». (Сообщеніе сопровождалось демонстраціей свѣтовыхъ картинъ.) На основаніи новѣйшаго археологическаго матеріала, добытаго главнымъ образомъ изъ раскопокъ на Березани, можно возстановить жизнь дѣтей до-школьнаго періода на Черноморскомъ побережьи. Матери имѣли обыкновеніе

хоронить своихъ дѣтей вмѣстѣ съ ихъ игрушками, теперь мать сырая земля, поглотившая ихъ, возвращаетъ обратно драгоценные памятники древнихъ временъ. На основаніи этихъ игрушекъ можно представить, чѣмъ забавлялся и во что игралъ греческій ребенокъ. Найдены дѣтскія куклы, кукольные сервизы, свистульки, многочисленные изображенія различныхъ звѣрей (особенно часто встрѣчается обезьяна). На ряду съ различными игрушками встрѣчаются первоначальные азбуковники въ видѣ многогранниковъ. Добытый матеріалъ чрезвычайно интересенъ, такъ какъ разрѣшаетъ рядъ важныхъ вопросовъ культурной жизни греческихъ колонистовъ отъ VI вѣка до Р. Х. до Эллинистической эпохи.

В. П. Бузескулъ отмѣтилъ интересъ и свѣжесть сдѣланнаго сообщенія и указалъ, въ дополненіе, на новѣйшія публикаціи (Цибарта и др.) въ области исторіи школьнаго дѣла въ древней Греціи.

Н. И. Троицкій обратилъ вниманіе референта на то, что дѣтскія игры и игрушки, подобныя описаннымъ, существовали въ передней Азіи и у другихъ народовъ, на что есть указаніе и въ книгахъ Св. Писанія. Такъ, Іегова, поучая Іова, говоритъ ему о крокодилѣ: «можешь ли ты играть съ нимъ, какъ съ птичкой? или связать его, какъ воробья, для забавы дѣтей»? (Іов. гл. 41, ст. 24). — Такія и подобныя дѣтскія игры могли переходить съ востока къ грекамъ Іонійскимъ, а отъ нихъ (чрезъ Милетъ) въ ихъ колоніи и на берега Чернаго моря.

2. И. Н. Бороздинъ «Къ вопросу о современныхъ направленіяхъ въ изученіи древней исторіи».

Сдѣлавъ краткій обзоръ основныхъ направленій въ изученіи древней исторіи и археологіи, референтъ остановился главнымъ образомъ на критикѣ модернистскаго, крайне-соціологическаго и гиперъ-критическаго направленій. Критика, доходящая до нигилизма, обобщенія, доходящая до операций въ безвоздушномъ пространствѣ и модернизациі античности, насилующая древность и переносящая настоящее въ прошлое, — является опасными и отрицательными тенденціями въ современной исторіографіи. Если у нѣмецкихъ ученыхъ эти крайности сглаживаются особенностями спеціальныхъ штудій, то у русскихъ популяризаторовъ все эти крайности представлены особенно наглядно. Но за самое послѣднее время замѣчается извѣстная положительная реакція противъ этихъ крайностей; немало способствовали этому замѣчательныя археологическія открытія послѣднихъ лѣтъ, блестяще разрушившія апріорныя и отвлеченныя построенія. И противъ модернизма, все стирающаго и нивелирующаго, намѣчается въ современной исторической литературѣ протестъ. Блестящій историкъ-публицистъ Ферреро въ своихъ послѣднихъ работахъ сильно отступаетъ отъ модернизма. Въ извѣстныя рамки ставится критицизмъ и скепсисъ.

В. П. Бузескулъ отмѣтилъ, что онъ вполне согласенъ съ основными положеніями референта, хотя указалъ, что отмѣченныя крайнія направленія не такъ опасны.

Д. И. Иловайскій, отмѣтивъ живость и интересъ доклада, поставилъ вопросъ объ историческомъ міросозерцаніи и поинтересовался историческими взглядами докладчика.

Н. И. Троицкий, по вопросу о зависимости культуры вообще и социального строя в частности как Греков, так и Римлян от Востока, замѣтилъ, что вопросъ этотъ, несмотря на сдѣланныя недавно открытія памятниковъ Хеттѣевъ и Халдеевъ (законы Гамураби и т. д.), можетъ быть рѣшенъ окончательно только при изученіи культуры еще болѣе ранней, — періода бронзы и даже неолита, — культуры, которая распространялась съ востока на западъ не только черезъ Малую Азію, но и чрезъ Кавказскія ворота.

1 августа 10 час. утра.

Отдѣленіе IV. Древности юридическія, бытъ хозяйственный, домашній и военный.

Почетный Предсѣдатель: проф. М. В. Довнаръ-Запольскій.

Предсѣдатель Отдѣленія: акад. А. С. Лаппо-Данилевскій.

Секретари: проф. В. Г. Ляскоронскій и И. В. Аничковъ.

1. Проф. Э. Э. Зигель: «Древнѣйшія представленія Славянъ о преступленіи и наказаніи».

Въ юридическихъ средневѣковыхъ славянскихъ памятникахъ почти исключительно назначаются денежные пени за всѣ преступленія, при чемъ не упоминается о политическихъ преступленіяхъ. Наоборотъ, въ лѣтописяхъ часто говорится о публичныхъ казняхъ за религіозныя и политическія преступленія, а эти казни повидимому имѣли въ виду устраненіе преступника и его семьи изъ общества. Наконецъ, изъ грамотъ и сказаній мы знаемъ о возможности откупа отъ публичныхъ казней. Отсюда криминалисты сдѣлали выводъ, что глубокая древность не имѣла понятія о преступленіи, какъ посягательствѣ на основы общежитія, что она оцѣнивала только матеріальный вредъ и не обращала вниманія на преступную волю человека, ибо извѣстія лѣтописей относятся только къ произвольнымъ дѣйствіямъ князя или народной толпы безъ юридическаго характера. Эти весьма распространенныя мнѣнія нуждаются въ пересмотрѣ.

Какъ указываютъ названіе показанія (*vindicta publica, zemsta*) и позднѣйшія переживанія, на наказаніе смотрѣли, отчасти какъ на мечь боговъ и затѣмъ князей, отчасти какъ на мечь кровавыхъ союзовъ. Въ древнѣйшихъ народныхъ славянскихъ преданіяхъ сохранились слѣды вѣрованій, что основы общежитія установлены богами и находятся подъ ихъ охраною; слѣдовательно, посягательства на эти начала караются богами и князьями, какъ облеченными жреческою и судебною властію, посредствомъ каръ, приводящихъ къ лишенію преступника охраны законовъ. Напротивъ того, преступленія, направленные противъ союзовъ, представлялись прежде всего мести послѣднихъ, а князь задѣтъ былъ только постольку, поскольку былъ нарушенъ княжескій міръ, здѣсь, слѣдовательно, допустимы были примиреніе и выкупъ (наказаніе имѣло характеръ какъ-бы международныхъ репрессалій). Итакъ, выдѣляются двѣ рѣзко отличныя одна отъ другой группы уголов-

ныхъ правилъ; одна приводила къ политической смерти, при чемъ обращалось вниманіе на состояніе преступности; другая — къ членовредительнымъ наказаніямъ, почти неизвѣстнымъ Славянамъ, и къ денежнымъ пенямъ, при чемъ центръ тяжести полагался въ вознагражденіи вреда, а не въ преступной волѣ.

Принятіе христіанства поколебало прежнія основы общежитія вслѣдствіе недопустимости кровной мести, отсутствія религіозной санкціи по причинѣ возникшаго двоевѣрія и паденія прежняго цѣлостнаго міросозерцанія. Отсюда утрата ясныхъ признаковъ преступности, которые возникаютъ подъ вліяніемъ элементовъ общественнаго и государственнаго.

Значеніе общественнаго мѣнія проявляется: 1) въ голосѣ народа, собравшагося на рынокѣ, о принадлежности краденой вещи; 2) въ возможности территоріальной общины выдать виновнаго на судъ князю или не выдавать его; 3) въ институтѣ соприсяжниковъ, при отсутствіи которыхъ обвиняемый могъ обратиться только къ судамъ божіимъ; 4) въ появленіи особаго типа — «лихіе люди», которые подлежали особымъ судамъ и слѣдственнымъ формамъ; 5) въ возникновеніи въ позднія времена сословнаго начала, основаннаго на предположеніи, что низшіе слои населенія болѣе склонны къ преступленіямъ, вслѣдствіе чего для нихъ были созданы особые суды и слѣдственный процессъ.

Итакъ, вопросъ о преступной волѣ рѣшался обществомъ, не судами; позднее упоминаніе въ юридическихъ актахъ о случаѣ неосторожности и зломъ умыслѣ свидѣтельствуетъ не о томъ, что ранѣе всего этого не знали, а о томъ, что голосъ общества о преступности своего члена началъ замолкать.

Элементъ государственный былъ представленъ княземъ, королемъ, царемъ. Князь уже въ глубочайшей древности считался хранителемъ богами установленнаго общественнаго порядка, а христіанство еще усилило такой взглядъ. При общей шаткости началъ общежитія въ первые вѣка послѣ принятія христіанства, князь сдѣлался рѣшающимъ элементомъ при назначеніи наказанія; онъ могъ выданнаго преступника по своему усмотрѣнію казнить, но могъ и взять съ него выкупъ, окончательно подрывающій его благосостояніе. Поэтому въ Польшѣ въ XII вѣкѣ уголовное правосудіе составляло основную часть княжескаго права, чешскіе «поправцы» и польскіе «старосты», вѣдающіе уголовную юстицію, признавались королевскими чиновниками, а крайняя неопредѣленность уголовныхъ наказаній и возможность примѣненія иноземныхъ каръ сохранилась въ цѣломъ славянствѣ до весьма поздняго времени. Итакъ: а) Глубокая древность знала преступленіе въ нашемъ смыслѣ слова; б) состояніе преступности оцѣнивалось гораздо болѣе обществомъ, чѣмъ судебными властями и в) отказъ общества отъ преступника объясняетъ намъ произволъ въ славянскомъ уголовномъ правосудіи, неопредѣленность наказаній и ихъ заимствованія.

По поводу доклада высказалъ нѣкоторыя дополненія проф. И. А. Личиченко, указавшій, что и на Руси, какъ видно изъ Галицкихъ судебныхъ книгъ и другихъ источниковъ, общество давало отзывъ о нравственномъ состояніи подсудимаго, что на сѣверѣ Руси дикая вира существовала даже и въ XIV вѣкѣ.

2) Проф. И. П. Козловскій: «Нѣсколько статистическихъ данныхъ изъ почтовыхъ записныхъ книгъ 1698—1700 годовъ».

Указавъ на значеніе почты, какъ культурнаго явленія и отмѣтивъ стадіи ея историческаго развитія, референтъ изложилъ кратко исторію «нѣмецкой» почты въ Московскомъ государствѣ въ періодъ 1665—1701 гг. Затѣмъ онъ остановился на учрежденіи Архангелогородской почты и перешелъ къ обзорѣ сохранившихся почтовыхъ записныхъ книгъ за 1698—1700 гг. Рядъ приведенныхъ референтомъ статистическихъ данныхъ привелъ его къ заключенію, что «нѣмецкая» почта обслуживала не только интересы иностранныхъ торговцевъ, но и русскихъ купцовъ, а равно и цѣлаго ряда учреждений и мѣстностей. Вслѣдствіе такого заключенія извѣстное мнѣніе Посошкова о необходимости уничтоженія этой почты теряетъ свое значеніе, а равно и ослабляется мнѣніе объ инертности русскаго купечества эпохи реформъ Петра Великаго.

Въ заключительномъ словѣ, Предсѣдатель Отдѣленія, академикъ А. С. Лаппо-Данилевскій, указалъ на преобладаніе въ работахъ отдѣленія докладовъ научнаго характера и на то, что изъ нихъ больше было докладовъ общаго характера, чѣмъ специально мѣстнаго. Сдѣлавъ краткій обзоръ читанныхъ рефератовъ и распредѣливъ ихъ по содержанію на группы, академикъ Лаппо-Данилевскій высказалъ пожеланіе, чтобы будущіе Археологическіе Сѣзды не ограничивались только докладами, но и занялись бы постановкой вопросовъ, — очередныхъ проблемъ науки, обсужденіемъ ихъ, напримѣръ, такого вопроса, какъ вопросъ о technikѣ изданія документальныхъ текстовъ, доселѣ еще не установленной не только въ Россіи, но и на западѣ. Наконецъ, онъ выразилъ благодарность всѣмъ поработавшимъ въ отдѣленіи и Новгородскому обществу, внимательно отнесшемуся къ занятіямъ отдѣленія.

1 августа 10 час. утра (параллельное).

Отдѣленіе IX. Археографія и археологія.

Почетный Предсѣдатель: Новгородскій Губернскій Предводитель Дворянства кн. П. П. Голицынъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: Л. М. Савѣловъ.

Секретари: П. А. Незнамовъ и А. А. Мироновъ.

Открывая засѣданіе, кн. П. П. Голицынъ выразилъ благодарность Ученому Комитету Сѣзда за избраніе его Почетнымъ Предсѣдателемъ собранія, относя всецѣло эту честь тому сословію, представителемъ котораго онъ является, и особую признательность и удовольствіе, что ему выпало предсѣдательствовать въ собраніи, гдѣ будетъ заслушанъ докладъ объ архивахъ дворянства. Далѣе, въ своей рѣчи, кн. Голицынъ коснулся матеріаловъ, хранящихся въ дворянскихъ архивахъ. Матеріалы эти мало разработаны и часто слышится мнѣніе, что они мало интересны; но это мнѣніе ошибочно, потому что въ нихъ находится много свѣдѣній, касающихся не только дворянскаго сословія, но и данныя, освѣщающія разныя стороны жизни

государственной и общественной. Дворянскіе Архивы, начавшіе существованіе съ 1763 года, содержать много матеріаловъ, касающихся исторіи 1812 года, Крымской кампаніи, освобожденія крестьянъ и др. Но во многихъ мѣстахъ дворянскіе Архивы совершенно не разрабатывались, наоборотъ, чтобы старія дѣла не мѣшали, ихъ убирали на чердаки, въ подвалы, въ дровяные сараи и т. п.

25 лѣтъ тому назадъ часть Архива Новгородскаго дворянства была свалена въ сараѣ на дворѣ, а другая въ подвалѣ дворянскаго дома. Въ настоящее время всѣ сохранившіеся документы Новгородскаго дворянства описаны и скоро будетъ изданъ каталогъ. Въ заключеніе онъ выразилъ пожеланіе, чтобы дворянство и другихъ губерній послѣдовало примѣру разработавшихъ свои архивы и поспѣшило привести въ порядокъ свои цѣнные документы.

Предсѣдатель отдѣленія Л. М. Савѣловъ, въ краткой рѣчи, подтвердилъ печальное состояніе Архивовъ Депутатскихъ собраній; въ порядкѣ находятся лишь Архивы Тульскаго Дворянства (Трудами М. Т. Яблочкова), Донскаго дворянства и теперь приведенъ въ порядокъ трудами кн. П. П. Голицына Архивъ Новгородскаго дворянства. Доброму почину начинаютъ подражать и другія дворянства и приступили къ описанію своихъ архивовъ. Въ заключеніе онъ предложилъ собранію выразить признательность кн. П. П. Голицыну за его труды по приведенію въ порядокъ Архива Новгородскаго дворянства и за его намѣреніе напечатать въ скоромъ времени описи.

1. А. А. Мионовъ: «Нѣсколько словъ объ Архивахъ уѣздныхъ дворянскихъ учреждений».

Докладчикъ, указавъ на великое историко-бытовое значеніе дѣлъ Архивовъ уѣздныхъ предводителей дворянства и дворянскихъ опекъ, какъ для исторіи дворянскаго сословія, такъ и вообще для исторіи Россіи конца XVIII и XIX столѣтій, отмѣтилъ тѣ неблагопріятныя условія, въ которыхъ находятся эти Архивы, служащія лишь обузою для уѣздныхъ учреждений съ ихъ крайне ограниченнымъ личнымъ составомъ. Сообщивъ, что на уѣздные дворянскіе Архивы С.-Петербургской губерніи обращено въ теченіе послѣднихъ лѣтъ серьезное вниманіе, съ ассигнованіемъ необходимыхъ средствъ на описаніе этихъ Архивовъ и перевозку ихъ въ С.-Петербургъ, и что, вмѣстѣ съ общою разработкою Архива, которая ведется С.-Петербургскимъ дворянствомъ подъ главнымъ руководствомъ гр. А. А. Бобринскаго, уѣздные Архивы централизуются въ С.-Петербургѣ, разбираются и описываются, докладчикъ выразилъ пожеланіе, чтобы дворянства и другихъ губерній также обратили вниманіе на забытые и заброшенные въ глухихъ уѣздныхъ городкахъ Архивы уѣздныхъ предводителей дворянства и дворянскихъ опекъ.

Перейдя, затѣмъ, къ общему вопросу о желательности упорядоченія Архивовъ правительственныхъ и общественныхъ (земскихъ, городскихъ и сословныхъ), на «нестроеніе» коихъ слышались постоянныя жалобы на Археологическихъ Съѣздахъ, и считая, что на первомъ мѣстѣ въ дѣлѣ перестройства Архивовъ необходимо поставить вопросъ о снабженіи архивовъ технически подготовленнымъ и опытнымъ личнымъ составомъ, а также расширеніе полномочій губернскихъ ученыхъ Архив-

ныхъ Комиссій, докладчикъ предложилъ возбудить отъ имени Съѣзда два слѣдующихъ ходатайства передъ Правительствомъ:

а. Въ цѣляхъ поднятія общаго уровня подготовленности русскихъ архивистовъ по ихъ специальности и тѣмъ внесенія въ ихъ работу сознательнаго отношенія, способствующаго охранѣ отъ гибели историческихъ документовъ возбудить передъ Правительствомъ ходатайство объ установленіи для лицъ, поступающихъ на службу въ правительственные и общественные (городскіе, земскіе, сословные) архивы, особаго спеціальнаго ценза, заключающагося: А) а) въ окончаніи курса въ одномъ изъ русскихъ Археологическихъ Институтовъ или ихъ отдѣленій и б) для лицъ, окончившихъ высшее и среднее учебное заведеніе, въ выдержаніи спеціальнаго испытанія при одномъ изъ вышеуказанныхъ учебныхъ заведеній, или при губернскихъ ученыхъ Архивныхъ Комиссіяхъ, гдѣ окажется возможнымъ организовать подобныя испытанія по программѣ, выработанной особымъ съѣздомъ архивистовъ, при участіи представителей губернскихъ ученыхъ Архивныхъ Комиссій и совѣтовъ археологическихъ институтовъ и утвержденной правительствомъ и Б) обязательнаго представленія удостовѣренія о предварительныхъ практическихъ занятіяхъ въ одномъ изъ правительственныхъ и общественныхъ архивахъ въ теченіе не менѣе полугодія.

б. Въ интересахъ наибольшаго обезпеченія архивныхъ дѣлъ, имѣющихъ историческое значеніе, отъ уничтоженія, возбудить ходатайство передъ Правительствомъ о признаніи для всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ правительственныхъ учреждений обязательности: а) представленія, предварительно уничтоженія дѣлъ, признанныхъ, по мнѣнію учреждений, подлежащими уничтоженію, архивныхъ описей этимъ дѣламъ для просмотра въ мѣстныя губернскія ученые Архивныя Комиссіи, а дѣламъ духовнаго вѣдомства — въ мѣстные церковно-археологическіе Комитеты и б) обязательность непремѣннаго присутствованія при самомъ уничтоженіи дѣлъ представителя Ученой Архивной Комиссіи или Церковно-Археологическаго Комитета по принадлежности.

Въ обсужденіи доклада А. А. Миронова приняли участіе представители Ученыхъ Архивныхъ Комиссій и Архивовъ: Ящуржинскій, Стеллецкій, Гераклитовъ, Языковъ, Струковъ и Яхонтовъ. Г. Струковъ внесъ предложеніе о необходимости притти на помощь провинціальному архивисту — создать книжку, которой онъ могъ бы руководиться въ своей работѣ. С. Д. Яхонтовъ произнесъ рѣчь, въ которой призывалъ всѣхъ, кому дороги архивы, соединиться дружно для ихъ спасенія, громко кричать и вопіять, пока не будетъ цѣль достигнута. Указавъ на желательность централизаціи уѣздныхъ архивовъ, онъ предложилъ ограничиться лишь старыми, ненужными для текущаго дѣлопроизводства дѣлами. По второму предложенію г. Миронова, тотъ же г. Яхонтовъ указалъ, что не только не спрашиваютъ согласія Архивныхъ Комиссій на уничтоженіе дѣлъ, но даже и ихъ просьбы игнорируютъ; дѣла уничтожаются и продаются безъ согласія Архивныхъ Комиссій. Еще печальнѣе въ Вѣдомствѣ Православнаго Исповѣданія, гдѣ уничтоженіе архивныхъ дѣлъ поставлено еще печальнѣе. Свою рѣчь г. Яхонтовъ закончилъ призывомъ всѣми силами противиться уничтоженію архивнаго матеріала и поддержать

предложенія А. А. Миронова, въ надеждѣ, что равнодушные къ воплю Архивныхъ Комиссій услышатъ голосъ Съѣзда. Послѣ этого, Отдѣленіе Архивовѣднія и Археографія постановила оба предложенія г. Миронова передать въ Совѣтъ Съѣзда.

2. А. І. Фейерайзенъ: «О положеніи Архивовъ въ Прибалтійскомъ краѣ».

Докладчикъ исходилъ изъ того положенія, что постановка архивнаго дѣла въ Прибалтійскомъ краѣ, насколько она зависитъ отъ дворянскихъ учреждений и городскихъ управленій, удовлетворяетъ въ существенныхъ чертахъ всѣмъ требованіямъ, которыя должны и могутъ быть предъявлены къ свѣдующимъ и въ матеріальномъ отношеніи обеспеченнымъ людямъ относительно завѣдыванія историческими архивами и ихъ доступность для научныхъ занятій. Отъ лица, которому поручается завѣдываніе Архивомъ въ Прибалтійскомъ краѣ, восходящемъ до XIII вѣка, требуется не только образовательный цензъ, окончанія полного курса университета, но и спеціальная подготовка по архивному дѣлу, какъ-то: знаніе письменности и книжнаго дѣла среднихъ вѣковъ и способность читать, и изучать и готовить къ научному изданію грамоты, написанныя преимущественно на латинскомъ, средне-вѣковомъ нижнегерманскомъ, шведскомъ, польскомъ, а по отношенію Рижскаго и Ревельскаго городскихъ архивовъ и на русскомъ языкахъ. Болѣе подробно докладчикъ остановился на описаніи образцовыхъ примѣровъ двухъ типовъ частныхъ архивовъ края, Архивовъ Лифляндскаго дворянства и Рижскаго городского управленія, и указалъ, что послѣднему принадлежитъ старшинство не только между архивами края, по всей Россіи, какъ по древности находящагося въ немъ матеріала, такъ и по продолжительности существованія безъ перерывовъ его управленія. Научное значеніе Рижскаго Городскаго Архива особенно важно потому, что онъ превосходитъ всѣ прочіе архивы Прибалтійскаго края по числу грамотъ первой половины XII столѣтія (съ 1220 года) и содержитъ столь значительное количество русскихъ грамотъ XIII—XV вѣковъ, что съ нимъ едва ли можетъ соперничать въ этомъ отношеніи какой другой архивъ въ Россіи.

Управленіемъ Архива Лифляндскаго дворянства искони выполнялись тѣ задачи, которыя на Западѣ выпадаютъ на долю учреждаемыхъ правительствомъ въ провинціи центральныхъ архивовъ, а именно: собираніе и сохраненіе метрическихъ книгъ (съ XVII вѣка) изъ сельскихъ приходовъ, грамотъ, восходящихъ до XIV вѣка изъ помѣщичьихъ усадебъ, а также разборъ, регистрированіе и печатаніе архивнаго матеріала. Къ тому же въ составъ дворянскихъ и городскихъ Архивовъ вошло значительное количество дѣлъ упраздненныхъ судебныхъ присутствій и нѣкоторыхъ правительственныхъ учреждений. Наоборотъ, нельзя признать удовлетворительнымъ и обеспеченнымъ положеніе архивныхъ матеріаловъ при правительственныхъ учрежденіяхъ. Курляндскій Герцогскій Архивъ, имѣющій исключительно мѣстное значеніе, вывезенъ въ С.-Петербургъ, несмотря на то, что для него заготовлено было удобное помѣщеніе въ общедоступномъ провинціальномъ Архивѣ Курляндскаго дворянства.

Шведскій Архивъ въ гор. Ригѣ, спасенный по почину X Рижскаго Археологическаго Съѣзда отъ гибели, до сихъ поръ остается недоступнымъ для научнаго изслѣдованія, такъ какъ по недостатку средствъ невозможно пріискать ни подходящаго

помѣщенія, ни свѣдующаго лица для завѣдыванія имъ. Въ 1897 году Высочайше была учреждена Комиссія для разбора и установленія историческаго значенія Шведскаго архива, но только благодаря труду членовъ Общества Исторіи и Древностей упорядоченіе и регистрація Архива доведены до конца. Изъ напечатаннаго къ XV Археологическому Съѣзду на средства вышеназваннаго Общества «Католога Шведскаго Архива въ гор. Ригѣ» ясно видно что Архивъ этотъ имѣетъ исключительно мѣстное значеніе для исторіи періода шведскаго владычества въ Прибалтійскомъ краѣ.

Чтобы вполне обезпечить сохранность этого Архива и сдѣлать его общедоступнымъ для научнаго использованія, нельзя не признать желательной и цѣлесообразной передачу Шведскаго Архива въ вѣдѣніе Общества Исторіи и Древностей Прибалтійскаго края, обладающаго достаточными учеными силами для разработки нѣмецкихъ и шведскихъ его документовъ и сдѣлавшаго уже столько для упорядоченія архивнаго дѣла мѣстнаго края и для изданія историческихъ матеріаловъ.

Въ заключеніе г. Фейерэizenъ предложилъ вниманію секціи обстоятельно мотивированное ходатайство въ Совѣтъ Съѣзда о поддержаніи ихъ просьбы о передачѣ Шведскаго архива Обществу Исторіи и Древностей Прибалтійскаго края слѣдующаго содержанія:

«Выслушавъ докладъ А. И. Фейерэизена о положеніи Архивовъ въ Прибалтійскомъ краѣ, въ особенности же о такъ наз. Шведскомъ архивѣ въ г. Ригѣ, и принимая во вниманіе: а) удовлетворяющую какъ въ научномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи всѣмъ требованіямъ постановку архивнаго дѣла въ Прибалтійскомъ краѣ, насколько она зависитъ отъ дворянскихъ учреждений и городскихъ управленій края, б) значительныя услуги, оказанныя Обществомъ Исторіи и Древностей Прибалтійскаго края, какъ по вопросу о развитіи архивнаго дѣла вообще, такъ и въ особенности по упорядоченію такъ наз. Шведскаго архива Лифляндскаго Губернскаго Правленія, а съ другой стороны: в) отнюдь не обезпеченное положеніе Шведскаго Архива и недоступность его для научныхъ занятій, по недостатку средствъ для подысканія удобнаго помѣщенія и свѣдущихъ лицъ для завѣдыванія архивомъ, г) мѣстное значеніе Шведскаго архива исключительно для шведскаго періода исторіи Прибалтійскаго края, выясненное на основаніи представленнаго каталога и отчета по регистраціи Шведскаго архива Отдѣленіе Археографіи и Архивовѣдѣнія единогласно рѣшило ходатайствовать передъ Совѣтомъ Съѣзда вынести слѣдующее *постановленіе Съѣзда*, что XV Археологическій Съѣздъ, «горячо сочувствуя дѣлу благоустройства провинціальныхъ архивовъ столь важному для развитія мѣстной исторической науки, признаетъ цѣлесообразнымъ и желательнымъ въ виду лучшей сохранности и научнаго использованія Шведскаго Архива въ гор. Ригѣ передать этотъ Архивъ въ вѣдѣніе Общества Исторіи и Древностей Прибалтійскаго края въ гор. Ригѣ».

Послѣ горячаго обмѣна мнѣніями по поводу доклада г. Фейерэизена секція единогласно постановила передать ходатайство о передачѣ Шведскаго архива въ Ригѣ Прибалтійскому Обществу Исторіи и Древностей въ Совѣтъ Съѣзда.

По единодушному желанію всего собранія отъ имени IX отдѣленія XV Археологическаго Съѣзда была отправлена телеграмма проф. Д. Я. Самоквасову съ выраженіемъ сожалѣнія, что онъ не присутствуетъ на Съѣздѣ, и пожеланіемъ выздоровленія. Вечеромъ того же 1-го августа былъ полученъ отвѣтъ слѣдующаго содержанія: «Новгородъ. Отдѣленіе Архивовѣдѣнія. Благодарю Отдѣленіе Архивовѣдѣнія за память и пожеланіе выздоровленія. Очень слабъ. Самоквасовъ».

Въ 8 часовъ вечера.

Отдѣленіе III. Памятники искусствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики.

Почетный Предсѣдатель: А. И. Анисимовъ.

Предсѣдатели Отдѣленія: проф. Г. Г. Павлуцкій и В. К. Трутовскій.

Секретари: Б. И. Денике, А. И. Некрасовъ и В. А. Шугаевскій.

1. Проф. Г. Г. Павлуцкій: «Вліяніе южно-русскаго искусства на декорацию московскаго барокко».

Докладчикъ обратилъ вниманіе на скульптурную обработку боковыхъ порталовъ церкви Богоявленія въ Братскомъ монастырѣ и въ Военно-Николаевскомъ соборѣ въ Кіевѣ. Это — колонны изъ стука, украшенныя густо оплетающими ихъ виноградными лозами, — орнаментика, постоянно встрѣчающаяся въ рѣзбѣ южно-русскихъ деревянныхъ иконостасовъ. Существуетъ удивительная аналогія между этими колоннами и наличниками оконъ Грановитой палаты въ Москвѣ, а также цѣлаго ряда другихъ московскихъ памятниковъ конца XVII вѣка. Какой выводъ можно сдѣлать на основаніи этого сходства? Мы знаемъ изъ переписки гетмана Мазепы съ царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами имя мастера, который по порученію Мазепы строилъ обѣ упомянутыя кіевскія церкви. Это — москвичъ Осипъ Дмитріевъ Старцевъ. Мазепа обратился въ Москву за мастерами, хотя въ Кіевѣ были свои мастера, изъ чувства тщеславія. Старцевъ, однако, не могъ дѣйствовать по свободной инициативѣ своей мысли: его кіевскія произведенія ни одной чертой (кроме порталовъ) не напоминаютъ о московскомъ зодчествѣ.

Что же касается порталовъ, то здѣсь возможны двѣ комбинаціи: 1) что Старцевъ принесъ орнаментiku порталовъ изъ Москвы и тогда нужно признать, что Малороссія именно ему обязана орнаментацией своихъ иконостасовъ; 2) другая комбинація, та, что орнаментика была занесена въ Москву изъ Кіева еще до появленія Старцева въ Кіевѣ. Эта послѣдняя комбинація болѣе допустима. Докладчикъ охарактеризовалъ московскую орнаментiku конца XVII вѣка на предметахъ роскоши и архитектурную — барокко. Мотивы послѣдней имѣютъ чрезвычайное сходство съ мотивами той рѣзбы, которая существовала въ Малороссіи. Въ Малороссіи эта рѣзба составляла достояніе ея обитателей еще въ первой половинѣ XVII вѣка. Въ доказательство докладчикъ привелъ свидѣтельство Павла Алеппскаго и цѣлый рядъ памятниковъ.

Выводъ можетъ быть только тотъ, что этотъ родъ рѣзбы (барокко), свойственный церквамъ средней полосы Россіи конца XVII вѣка, часто упоминаемый въ описяхъ, иногда подъ именемъ «бѣлорусской рѣзы», и занесенный въ Москву, можетъ быть, при сооруженіи собора въ Новомъ Іерусалимѣ, — раньше былъ въ употребленіи въ Малороссіи и оттуда заимствованъ. Сближеніе памятниковъ заставляютъ докладчика полагать, что украинскіе памятники раскрываютъ весь источникъ московской архитектурной декораціи барокко.

2. П. Л. Гусевъ: «Іоанновскій корпусъ Новгородскаго Владычнаго двора, какъ памятникъ искусствъ» (Тр. С. Т. I, стран. 224).

3. Г. М. Казаковъ доложилъ, что по порученію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, онъ осмотрѣлъ Псковскія церковныя древности, сдѣлалъ сообщеніе о современномъ состояніи древнихъ памятниковъ псковской иконописи и убора къ ней, указалъ на интересъ и значеніе ихъ въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ и наконецъ, сдѣлалъ предложеніе о мѣрахъ сохраненія ихъ для будущаго. При этомъ референтъ указалъ, что среди изслѣдованныхъ 950 иконъ и 100 лѣтописей и сказаній, въ хорошей сохранности оказываются лишь немногія, большая же часть находится въ плохомъ состояніи: у нѣкоторыхъ отпиlena лучшая часть или убавлена, часто смыта и стравлена; иногда памятники отъ неудобнаго мѣста сохраненія погибаютъ, и т. д.

Затѣмъ Г. М. Казаковъ отмѣтилъ изъ осмотрѣнныхъ имъ наиболѣе замѣчательныя иконы: въ церкви Н. Вознесенія съ лѣтописью времени ц. Грознаго, въ церкви Димитрія Солунскаго съ интересной лѣтописью, въ Любатовѣ чуд. об. Владимирской Б. М., икону въ церкви Залужья, въ соборѣ Срѣтенія съ планомъ древняго города Пскова и фрески на Святогорскомъ монастырѣ и др.; въ гор. Торопцѣ ч. обр. Корсунской въ соборѣ, привезенный пр. Ефросиніей Полоцкой по случаю бракосочетанія Александра Невскаго въ 1239 году и иконы греч. письма Николая Чудотворца въ Никольской церкви.

Въ заключеніе референтъ находитъ желательнымъ установить слѣдующія мѣры сохраненія церковныхъ памятниковъ.

- а) предписать по епархіямъ произвести регистрацію памятниковъ;
- б) указать, чтобы древнихъ уборовъ, басмы и пр. не снимали съ иконъ;
- в) запретить возлагать сплошныя позднія ризы на рѣдкіе памятники иконописи;
- г) лѣтописей (надписей) не замазывать и текстовъ не добавлять;
- д) неопытнымъ мастерамъ реставрацію не поручать;
- е) при реставраціи не записывать древніе памятники и грубо поновлять, но лишь расчищать и закрѣплять сохранившіяся древнія части.

2 августа 10 ч. утра.

По общимъ вопросамъ.

Предсѣдатель Съезда: графиня П. С. Уварова.

Секретарь Съезда: В. К. Трутовскій.

1. Высокопреосвященный Арсеній, архіепископъ Новгородскій и Старорусскій — «О современномъ состояніи собора св. Софій въ Новгородѣ» (Тр. С., т. I, стран. 223).

Въ заключеніи преній рѣшено было обратиться въ Совѣтъ Съезда о ходатайствѣ предъ Синодомъ, чтобы памятники, подобные св. Софій всегда находились подъ особымъ техническимъ и художественнымъ контролемъ стороннихъ специалистовъ и время отъ времени ревизовались особо.

2. Проф. И. А. Линниченко — «О поддѣлкѣ древностей».

Проф. И. А. Линниченко указалъ на дошедшую въ послѣднее время до послѣдняго предѣла поддѣлку древностей не только всюду за границей, но и у насъ. Изобрѣтательность фальсификаторовъ прямо геніальна и знаменитая исторія съ поддѣлкой короны Сайтафарна — дѣтская выходка въ сравненіи съ современными фальсификаторами. Главными центрами въ Россіи попрежнему являются Одесса, Кіевъ, западный край и отчасти Сибирь (Томскъ). Въ образованности фальсификаторовъ отчасти виноваты и ученые; ихъ раскрытіями поддѣлокъ и научными объясненіями всегда пользуются фальсификаторами, а увлеченіе за послѣднее время стариной и умноженіи коллекціонеровъ, часто мало знающихъ, даютъ поддѣльщикамъ возможность легко сбывать товаръ.

2 августа 8 час. вечера.

Отдѣленіе V. Церковныя древности.

Почетный Предсѣдатель: Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Новгородскій и Старорусскій.

Предсѣдатель Отдѣленія. проф. Н. В. Покровскій.

Секретари: проф. И. А. Карабиновъ и свящ. В. Д. Прилудскій.

1. Проф. Н. В. Покровскій: «Реликварій или мощехранилище ризницы Новгородскаго Софійскаго собора».

Реликварій представляетъ собою небольшой продолговатый ковчежецъ изъ красной вызолоченной мѣди, съ плоской крышкой, внутри выложенный деревомъ, обклееннымъ парчей (дерево и парча новыя): стороны его украшены тисненными по способу басмы человѣческими фигурами, стоящими въ чертогахъ, по краямъ ковчежца идутъ ряды шариковъ, а на крышкѣ находятся 5 хрусталей. Работа посредственная: моделировка головъ и лицъ, рельефы колоннъ, капителей и базъ

неудовлетворительны. Фигуры представляют оранту (у нея рѣзко выдѣляется край одежды, спускающійся на лѣвое плечо) съ двумя апостолами по сторонамъ, — эта группа повторена нѣсколько разъ, — нѣкоторые изъ апостоловъ держатъ свитки или книги. Въ нѣкоторыхъ группахъ полного числа фигуръ не хватаетъ: онѣ или опущены по небрежности мастера, или же утрачены. Исходя изъ формы саркофага, можно предполагать, что Софійскій ковчежець предназначался для мощей, полагавшихся (съ IV—V вѣковъ не въ цѣлокупности, а въ видѣ частицъ) подъ престолы церквей: онъ примыкаетъ къ ряду другихъ извѣстныхъ въ настоящее время древнихъ памятниковъ этого рода (овальные ковчеги — нумидійскій, поднесенный въ 1884 году Льву XIII и — изъ Градо — въ Sancta Sanctorum, ящички въ Sancta Sanctorum, соборъ св. Марка, Брешиа, Базель, саркофаги — изъ Херсониса). Отсутствие акротиріевъ, двускатной крыши, сложныхъ и драматическихъ сценъ, круглые своды и монументальный характеръ фигуръ, помѣщенныхъ въ чертогахъ, заставляютъ относить типъ изображаемаго ковчежемъ саркофага къ восточнымъ саркофагамъ (каковы саркофагъ V вѣка, вѣроятно, малоазійскаго происхожденія, въ берлинскомъ Kaiser-Fridrichsmuseum'ѣ, а также Равенскіе саркофаги). Бѣдность въ убранствѣ чертоговъ, древне-христіанскій, хотя уже и утратившій свою свѣжесть, стиль фигуръ, нарушение въ нихъ пропорцій, искусство драпировки, напоминаютъ подобныя изображенія на болѣе позднихъ (VII—IX вѣковъ) памятникахъ древне-христіанскаго искусства (файюмскія плиты, мозаики епископской капеллы въ Равеннѣ, мраморный барельефъ тамъ же и т. п.) и даютъ основаніе относить Софійскую мощехранительницу къ VII—IX вѣкамъ. Въ Новгородѣ она попала, нужно думать, изъ Корсуни, ибо тамъ только подобные ковчежцы имѣли форму саркофаговъ. Въ Корсунь же такая форма, вѣроятно, перешла изъ Малой Азіи: находимыя тамъ, а также въ Сиріи и Египтѣ, древне-христіанскія металлическія издѣлія въ высшей степени сходны съ такими же предметами, находимыми въ Новгородѣ и его области, и попавшими сюда изъ Корсуни.

Проф. А. А. Дмитріевскій, отказывается видѣть въ Софійскомъ ковчежцѣ древне-христіанскій саркофагъ, такъ какъ по формѣ онъ не похожъ на извѣстные саркофаги, имѣющіе болѣею частью двускатную крышку. Мощехранительницы представляютъ небольшой металлическій ящичекъ, вкладывавшій подъ престолъ съ частицами св. мощей. Присутствіе на крышкѣ Софійскаго ковчега хрусталей совершенно непонятно. Количество фигуръ (20) превышаетъ число апостоловъ, фигура, принимаемая докладчикомъ за оранту, совсѣмъ не оранта: она держитъ книгу. Такихъ фигуръ нѣсколько — пять, шесть. Это апостолы, изображенные въ обычныхъ позахъ съ жестомъ ораторскимъ и съ свитками или книгами въ рукахъ. При нѣкоторыхъ фигурахъ читаются латинскія буквы, кажется, so. По заключенію А. А. Дмитріевского, разсматриваемый предметъ — ларець западной работы, предназначавшейся не для религіозныхъ цѣлей, а просто для поднесенія подарковъ.

Н. В. Покровскій въ отвѣтъ на эти возраженія указалъ примѣры саркофаговъ съ плоской крышей древне-христіанскихъ и херсонисскихъ; присутствіе

хрусталей, по его мнѣнію, нисколько не противорѣчитъ указываемому имъ назначенію ковчежца; большая часть перечисленныхъ имъ въ докладѣ реликваріевъ — серебряные, реликваріи изъ Градо — даже съ византійскою эмалью; центральная фигура, по тщательному наблюденію докладчика, не можетъ быть ни Христомъ, ни апостоломъ: особенность драпировки (спускающійся съ лѣваго плеча край одежды), наблюдаемая въ Равенскихъ саркофагахъ, заставляетъ видѣть здѣсь только оранту; буквы, принимаемыя оппонентомъ за латинскія, не могутъ быть признаны таковыми и стоятъ не у центральной фигуры; іератическій характеръ фигуръ совершенно исключаетъ предположеніе о мірскомъ назначеніи ковчежца.

Г. Г. Павлуцкій заявилъ, что украшеніе крышки ковчежца хрусталами западнаго происхожденія, центральная фигура — мужская, а не оранта, одѣта въ гиматій; чертоги — романскіе. По мнѣнію оппонета, окладъ съ фигурами вырѣзанъ изъ какого-либо другого памятника.

2. П. В. Бѣловенецъ — «Къ вопросу о шведскихъ воротахъ въ Софійскомъ соборѣ г. Новгорода».

Раскинувшееся на обширное пространство Великое Отечество наше было завоевано силою оружія и, какъ вещественные памятники этихъ побѣдъ, является большое количество знаменъ, хранящихся въ разныхъ углахъ нашей родины. Списковъ ихъ нѣтъ, вѣдомостей не существуетъ, а потому теперь по волѣ Его Императорскаго Величества при Военно-походной канцеляріи Его Величества учреждена особая Трофейная коммиссія для выясненія, гдѣ какіе памятники боевой славы Россіи собраны. За 6 мѣсяцевъ уже собраны свѣдѣнія слишкомъ о 3-хъ тысячахъ вражескихъ знаменъ, разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ Россіи.

Въ городѣ Новгородѣ трофейныхъ знаменъ нѣтъ, но зато имѣются знаменитыя Сигтунскія ворота, которыя являются реликвіемъ морского похода Новгородцевъ XII вѣка. По свидѣтельству шведскаго историка Олафа Далина (изд. 1747 г.) эти ворота были взяты Новгородцами въ 1188 году при разореніи Сигтуны.

Проф. Н. В. Покровский въ началѣ Сѣзда указалъ, что научно установлено, что эти ворота, будучи происхожденія Магдебурскаго, ошибочно называются Корсунскими, а такъ называемыя Сигтунскія въ дѣйствительности происхожденія Греческаго и называются шведскими не могутъ.

Болѣе подробно изслѣдовалъ ворота эти Аделунгъ но и онъ не даетъ точныхъ указаній, Кондаковъ тоже высказываетъ сомнѣніе. Бывшіе на Сѣздѣ Шведы тоже высказываютъ сомнѣнія.

Но разъ существуетъ легенда, еще не опровергнутая, что эти ворота именно захвачены въ походѣ XII вѣка Новгородцами, то необходимо провѣрить легенду. А потому отъ имени Трофейной коммиссіи прошу членевъ XV Археологическаго Сѣзда помочь выяснить: какія ворота дѣйствительно Шведскія и если дѣйствительно именно тѣ, что теперь называются Корсунскими, то слѣдуетъ это сдѣлать всеобщимъ достояніемъ и конечно раньше всего исправить въ мѣстныхъ путеводителяхъ и описаніяхъ Софійскаго собора гдѣ понынѣ ворота продолжаютъ носить прежнее на званіе.

3. А. И. Анисимовъ: «О состояніи иконной старины въ Новгородской губерніи и о мѣрахъ сохраненія ея».

а) Обслѣдованіе церковной старины по губерніи сопряжено съ громадными затрудненіями: требуются большія матеріальныя затраты, тѣмъ болѣе что одному совершать переѣзды по губерніи невозможно и необходимо брать съ собою спутника (докладчика сопровождали въ теченіе двухлѣтнихъ поѣздокъ народныя учителя Н. Н. Николаевъ и М. Е. Ивановъ); проселочныя дороги въ крайне дурномъ состояніи, почему приходится пользоваться всѣми способами сообщенія, не исключая ходьбы цѣшкомъ, что въ результатѣ гибельно отражается на здоровьѣ.

б) Поэтому по церквамъ ѣздить только люди гонимые такими сильными стихіями, какъ фанатизмъ и жадность: старовѣры и скупщики. Изъ 10 церквей только 3 не продаютъ своихъ старыхъ иконъ и утвари.

в) Старыя иконы и утварь въ церквахъ губерніи находятся въ крайнемъ пренебреженіи: въ большинствѣ случаевъ онѣ свалены въ подвалы, на колокольни и т. п.

г) Докладчикъ предлагаетъ принять по губерніи слѣдующія мѣры:

д) произвести обслѣдованіе всѣхъ церквей и часовенъ епархіи и зарегистрировать старыя иконы и утварь;

е) утварь и иконы, утратившія въ церквахъ служебное значеніе, помѣстить въ Новгородѣ, организовавъ для этого спеціальныя Церковно-Археологическія Музеи;

ж) собранныя иконы необходимо научно реставрировать, послѣ чего и можно приступать къ ихъ систематизаціи и каталогизаціи.

Докладчикъ заканчиваетъ указаніемъ на роль XV Археологическаго Съѣзда въ дѣлѣ организаціи такого Музея: многія иконы и утварь уже собраны, но это только ничтожная часть того, что слѣдуетъ собрать и спасти по губерніи; нельзя останавливаться на этомъ, надо доводить дѣло до конца и выработать въ этомъ направленіи совершенно опредѣленную политику, лишенную какихъ-либо колебаній. Услугу въ дальнѣшемъ обслѣдованіи церквей губерніи можетъ оказать и Предварительный Комитетъ XVI Археологическаго Съѣзда, но главную работу на себя въ этомъ отношеніи должна взять высшая епархіальная власть и можно надѣяться, что пока Новгородскую кафедру занимаетъ высокопреосвященный Арсеній, начавшееся обслѣдованіе церквей и спасеніе изъ нихъ старыхъ иконъ и утвари будетъ неуклонно продолжаться.

Во время доклада А. И. Анисимовымъ были показаны главные виды разрушенія иконъ изъ его «собранія вандализмовъ»: половина этихъ иконъ представляетъ или голую доску или темное пятно, другая же половина, открытая П. И. Юкинымъ, показываетъ, чѣмъ икона была когда-то.

3 августа 10 час. утра.

По общимъ вопросамъ.

Предсѣдатель Съѣзда: графиня П. С. Уварова.

Секретарь Съѣзда: В. К. Трутовскій.

1. Д. П. Струковъ: «Русскія древлехрапилища и разобщенность ихъ дѣятельности». (Тр. С., т. I, стран. 517).

Графиня П. С. Уварова, выразивъ сочувствіе докладчику, находила однако несправедливымъ все работы возлагать на Московское Археологическое Общество, имѣющее свои прямыя обязанности, и предложила представителемъ Музеевъ столкнуться между собою въ январѣ 1912 года во время созыва въ Москвѣ Предварительнаго Комитета и просить Директора Историческаго Музея, кн. Ник. Серг. Щербатова, стать во главѣ нарождающагося вопроса.

2. Э. Θ. Дамбергъ: «О сохраненіи памятниковъ живой старины». Указавъ на охрану историческихъ мѣстъ, лѣсовъ, луговъ, отдѣльныхъ деревьевъ и т. п. за границей и отмѣтивъ такіе памятники и въ Россіи, онъ закончилъ докладъ словами: «намъ крайне нуженъ законъ объ охраненіи природы» (Тр. С. Т. I, стр. 524).

А. Раевскій указалъ, что въ этомъ направленіи уже кое-что сдѣлано какъ учеными Обществами (напр., Императорскимъ Русскимъ Географическимъ), такъ и частными лицами (Фальцъ-Фейномъ).

Гр. П. С. Уварова сообщила о спасеніи нѣкоторыхъ лѣсныхъ участковъ на Кавказѣ, сохранившихъ древнія рѣдкія насажденія, какъ напр. Эльдарская сосна и Пицундская, которыя удалось Императорскому Моск. Арх. Обществу спасти, благодаря любезному отношенію къ ходатайствамъ Общества просвѣщеннаго Намѣстника Кавказа, Гр. И. И. Воронцова-Дашкова, выразила благодарность докладчику, впервые поднявшему такой вопросъ на Съѣздѣ, и указала, что въ этомъ дѣлѣ, при желаніи, всякій могъ бы принести большую пользу дѣлу.

3. А. И. Колмогоровъ: «О раскопкахъ, веденныхъ во время Съѣзда». Эти раскопки были «подготовлены» Новгородскимъ Обществомъ Любителей Древностей: 1) Въ 7 верстахъ отъ Новгорода, на берегу оз. Ильменя, въ «Коломцахъ», была произведена пробная раскопка кургановъ. Курганы сложены изъ сизой глины. Никакихъ вещей найдено не было; 2) недалеко оттуда, въ с. Береговья морены, сопка, на которой оказалась часовня, стоящая много лѣтъ. Раскопки оказались невозможны; 3) у с. Теремцовъ было указано городище, но на дѣлѣ его не оказалось, и 4) у с. Яма были разрыты 3 кургана, въ которыхъ ничего не было найдено. Экскурсіи гг. членовъ Съѣзда во все эти мѣста оказались невыполнимыми, за невозможностью сообщенія, да и безцѣльными по добытымъ результатамъ.

Гр. П. С. Уварова, въ виду конца работъ Съѣзда, въ краткихъ словахъ изложила суть двухъ крупныхъ докладовъ, полученныхъ во время послѣднихъ засѣданій и недоложенныхъ по недостатку времени: Н. И. Лашкова — Андреевскій

соборъ села «Грузино», какъ хранилище историческихъ памятниковъ эпохи Императора Александра I, и Бабенко — Раскопки въ Салтовѣ.

Доложены также разныя, болѣе мелкія статьи и заявленія:

Свящ. Льва Паевского — Сближеніе Старой Литвы съ древнимъ Новгородомъ. Инженера Фомина — Толкованіе слова «Варягъ»; Макарія Кабанова — О неумѣлой реставраціи иконы св. Николая Чудотворца съ дѣянiями XVI в. въ храмѣ Николая въ Липнѣ, реставраціи, обезобразившей совершенно древнюю икону; и заявленіе неизвѣстнаго «Любителя Старины» слѣдующаго содержанія:

«Не священная ли наша обязанность, лицъ, изучающихъ родную старину и преданныхъ ей, по мѣрѣ силъ и возможности предотвращать всѣ тѣ причины, которыя могутъ вліять на разрушеніе и уничтоженіе памятниковъ этой старины, въ особенности въ томъ случаѣ, когда такія причины создаются искусственно. При оцѣнкѣ владѣній въ городахъ не по доходности, а по стоимости (напримѣръ, въ Москвѣ) цѣлому ряду особняковъ, въ особенности окруженныхъ незастроенной землей и садами, грозитъ неминуемая гибель, несмотря на ихъ историко-художественную цѣнность и на пониманіе владѣльцами таковой. И потому совершенно своевременно Археологическому Съѣзду, какъ единицѣ, къ которой должна прислушиваться вся культурная Россія, несмотря на громадныя затрудненія практическаго ихъ осуществленія, принять соотвѣтствующія мѣры, т.-е. испросить себѣ право въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно найдетъ это нужнымъ, не допускать подобныхъ обложеній, парализуя такимъ образомъ опасность уничтоженія памятника».

Постановлено всѣ эти рефераты и заявленія передать Редакціонному Комитету, на который будетъ возложенъ трудъ редакціи работъ Съѣзда.

3 августа, 2 ч. дня.

Подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Съѣзда, гр. П. С. Уваровой, при Секретарѣ Съѣзда В. К. Трутовскомъ и въ присутствіи 50 депутатовъ Съѣзда состоялось заключительное засѣданіе Совѣта XV Археологическаго Съѣзда.

М. В. Муравьевъ доложилъ «О современномъ состояніи Новгородскихъ древностей».

Цѣль моего доклада, сказалъ референтъ, обратить Ваше просвѣщенное вниманіе на современное состояніе памятниковъ новгородской древности, состояніе, внушающее опасеніе въ долговѣчности многихъ изъ нихъ.

Памятниковъ этихъ много, но это не значитъ, что ими можно бы было пренебречь; художественное и историческое значеніе большинства ихъ дѣлаютъ современный Новгородъ огромнымъ музеемъ, имѣющимъ общерусское значеніе.

Начну съ св. Софіи. Въ 1831 г. ея настѣнная живопись, вѣроятно, XVII в., была соскоблена; въ 1836 г. изъ собора были убраны голбики, стоявшіе надъ могилами погребенныхъ въ св. Софіи угодниковъ Божіихъ и приснопамятныхъ дѣя-

телей древняго Новгорода, но противъ мѣстъ ихъ погребенія, на стѣнахъ и столбахъ, были тогда же написаны ихъ имена, надписи эти уничтожены при окраскѣ нижней части собора въ 1888 г.

Реставрація собора, предпринятая въ концѣ XIX в., была поручена академику В. В. Суслову, но, къ сожалѣнію, не въ полной мѣрѣ, такъ какъ до приглашенія его уже были произведены работы по отопленію собора; при производствѣ работъ по отопленію, нѣсколько гробницъ были повреждены. Кромѣ того, одобренная особой комиссіей роспись собора была произведена не художниками Рябушкинымъ, Афанасьевымъ и Навозовымъ, рекомендованными Суловымъ и учившихся фресковой росписи по способу Кейма за границей, но подрядчикомъ Сафоновымъ, котораго архіепископу Феогносту рекомендовалъ товарищ оберъ-прокурора Синода, В. К. Саблеръ. Художники просили за роспись собора по картинамъ Суслова 75.000 рублей, а Сафоновъ взялъ 100 р. съ изображенія и получилъ за работу своихъ маляровъ 115.000 рублей. Въ росписи артели Сафонова нѣтъ ни малѣйшаго художественнаго элемента, она даже не придерживалась нашихъ лицевыхъ подлинниковъ. Всмотритесь въ лики: ихъ четыре: старъ человѣкъ, средовѣкъ, младъ человѣкъ и женщина. Роспись эта теперь кое-гдѣ лунится, а чѣмъ скорѣе усилится этотъ процессъ, тѣмъ лучше, ибо даже простыя бѣлыя стѣны лучше бы гармонировали съ величественною древностію св. Софіи.

Реставрація академика В. В. Суслова во многомъ возстановила древнія архитектурныя формы. Вы объ этомъ слышали на его интересномъ рефератѣ. Можно порадоваться, что В. В. сохранилъ у себя почти всѣ чертежи по реставраціоннымъ работамъ, нынѣ выставленные на Выставкѣ Съѣзда, такъ какъ кальки открытой при реставраціи древней росписи, оставленные въ Новгородѣ, затерялись.

Въ нынѣшнемъ году отпала часть фрески на западной сторонѣ собора, и отпала потому, что вся стѣна эта насквозь промокла, оттого, что крыша св. Софіи протекла; между тѣмъ еще 7 лѣтъ тому назадъ была представлена смѣта на исправленіе крыши на 3 т. руб., но осталась безъ утвержденія, и нынче Высокопреосвященный Арсеній ассигновалъ на исправленіе крыши уже не 3, а 10 тыс. рублей, и работа по исправленію крыши заканчивается.

Это послѣднее обстоятельство позволяетъ спокойно глядѣть на сохранность св. Софіи въ ближайшемъ будущемъ, но, думается, необходимъ періодическій ея осмотръ черезъ специалистовъ.

Не могу здѣсь не коснуться одного давняго обстоятельства, именно 1570 года, когда В. Новгородъ былъ въ опалѣ у Ивана Грознаго и подвергался нравственнымъ и матеріальнымъ истязаніямъ. Однимъ изъ таковыхъ было изыятіе изъ св. Софіи лучшихъ произведеній искусствъ, въ ней хранившихся. Грозный увезъ двѣ древнѣйшія ея иконы — Спасителя и Петра и Павла, а также знаменитыя Васильевскія врата. Икона Спасителя осталась въ Москвѣ, взявъ ее въ XVI вѣкѣ въ св. Софію была прислана ея копія; впоследствии корсунская икона Петра и Павла была возвращена, но Васильевскія врата и нынѣ находятся въ г. Александровѣ, Владимирской губ. Сооружены Васильевскія врата въ 1836 г. по за-

казу блаженнаго архієпископа Василя. Двери эти работы новгородскихъ мастеровъ и среди ея изображеній есть изображеніе донатора, можетъ быть портретное, по-этому врата эти являются вдвойнѣ Новгородскими. До погрома Грознаго св. Софія обладала самымъ любопытнымъ подборомъ дверей: Корсунскія, Сигтунскія и Васильевскія, и полноту этого подбора для цѣльности всего памятника было бы крайне желательно возстановить.

Перейду къ обзору другихъ памятниковъ Владычнаго двора. *Грановитая палата* — это единственный готическій памятникъ въ Новгородѣ; онъ имѣетъ огромное значеніе по связи своей съ дѣятельностью совѣта господъ, по событіямъ, въ немъ имѣвшимъ мѣсто, и жизни блж. архієп. Іоанна. Безъ всякой надобности, въ немъ въ 1827 г. устроена церковь, отчего онъ потерялъ свой первоначальный обликъ. Притворы же его и келліи св. Іоанна расписаны необыкновенно дурной росписью, кромѣ того, первая малая келія обращена въ складочное мѣсто для ненужныхъ вещей, и это тогда, когда она должна быть мѣстомъ поклоненія и историческаго воспоминанія. Складочнымъ мѣстомъ для ненужнаго хлама служить и нижній этажъ Грановитой палаты, сохранившій не только свои готическія формы, но даже мѣстами и древнюю настѣнную роспись. Наконецъ, нельзя не высказать сожалѣнія, что фресковый ликъ Спасителя, передъ которымъ въ 1170 году молился св. Іоаннъ, отчасти закрытъ окладомъ.

Древнѣйшая въ Новгородѣ постройка гражданской архитектуры — *Никитинскій корпусъ* XII вѣка перестроенъ въ верхней своей части въ XVII вѣкѣ, а *Евфиміевскія палаты* XV вѣка совершенно, и безо всякой нужды, разобраны въ 1888 году до основанія и вмѣсто нихъ сооружено зданіе нисколько не гармонирующее съ окружающими древностями.

Изъ древнихъ зданій во Владычномъ дворѣ сохранился такъ называемый *Духудіевый корпусъ*, въ которомъ, при митрополитѣ Іовѣ помѣщалась славяно-греко-латинская академія. Архимандритъ Макарій построеніе его относитъ къ 1706 г., но В. С. Передольскій полагаетъ, что онъ сооруженъ св. арх. Василиемъ; съ послѣднимъ нельзя не согласиться, если обратить вниманіе на оконныя украшенія правой части корпуса и на вкладные кресты въ лѣвой. Въ настоящее время при приспособленіи этого зданія для школы псаломщиковъ въ немъ открыты древнія латинскія надписи на стѣнахъ, каковыя архієпископъ Арсеній приказалъ сохранить.

Переходя къ древнимъ Новгородскимъ храмамъ слѣдуетъ сказать, что большинство ихъ, если не всѣ, хранятъ подъ слоемъ бѣлой древнія фрески и къ XV Археологическому Съѣзду Новгородскому Обществу Любителей Древности, благодаря просвѣщенной помощи своего сочлена Леонида Іоакимовича Стальнова удалось открыть таковыя въ цер. Федора Стратилата, что на Торговой сторонѣ.

Можно еще указать и должно выразить сожалѣніе, что архитектурныя формы большинства Новгородскихъ храмовъ претерпѣли значительныя искаженія отъ пристройки папертей, пробитія новыхъ оконъ и наконецъ отъ сооруженія при нихъ, преимущественно въ XIX вѣкѣ, колоколенъ, вмѣсто прежде бывшихъ звонницъ. Подобное же искаженіе видимъ мы и въ другихъ городахъ, напримѣръ въ Костромѣ.

Искажаются и гибнуть не только храмы, но и образа — многія древнія иконы переписаны, ктиторское изображеніе въ Спасѣ-Нередицѣ провисело, изображеніе видѣнія пономаря Тарасія въ Хутынскомъ монастырѣ дупится — и ни то ни другое не ограждены зеркальными стеклами отъ вліяній вѣтѣрныхъ. Въ Николо-Качановской церкви и въ часовнѣ родителей святого Варлаама Хутынскаго древніе образа поражены червячкомъ, а среди нихъ находятся молящіеся Новгородцы — икона XV вѣка и изображеніе осады Новгорода Суздальцами.

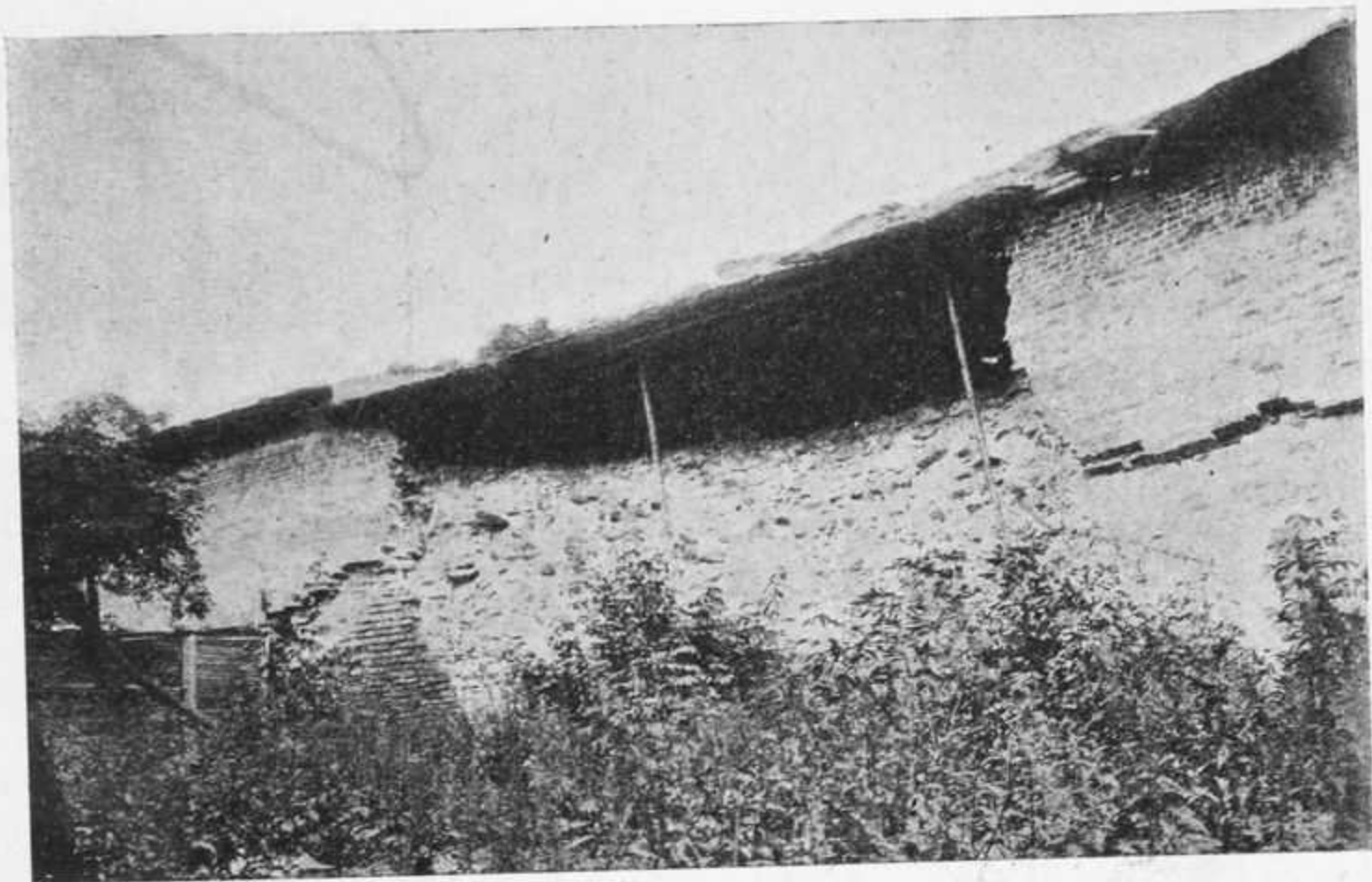

Рис. 131.

Изъ церковныхъ памятниковъ слѣдуетъ также остановиться на судьбѣ Курицкой церкви — это деревянный храмъ, построенный въ послѣдній годъ царствованія Федора Іоанновича на западномъ берегу озера Ильменя, въ 25 верстахъ отъ Новгорода; у него шатровое покрытіе, не по строиламъ, а по суживающимся кверху срубамъ и обшитъ онъ досками не въ горизонтальномъ, а вертикальномъ направленіи.

Его подмываетъ озерная волна и ему угрожаетъ построенный въ 2 саженьяхъ отъ него маякъ Вѣдомства Путей Сообщенія. На поддержаніе необходимо 577 р., но въ таковой суммѣ 2 года тому назадъ отказалъ архіерейскій домъ, а архіепископъ Гурій просилъ у Археологической Комиссіи разрѣшеніе срыть Курицкую церковь, но разрѣшенія этого не получилъ.

Думается, что по обстоятельствамъ даннаго времени церковныя древности въ Великомъ Новгородѣ имѣютъ своего защитника — предъ молебномъ при открытіи

Съѣзда, высокопреосвященный Арсеній въ своемъ словѣ сказалъ, что нужно бережно собирать и хранить осколки прошлаго и что онъ собирается создать отдѣльный отъ существующаго Церковно-Археологическій Музей.

Въ худшемъ положеніи находится въ Новгородѣ древности не церковныя — древній городской валъ, башни и стѣны Великаго Новгорода. Только благодаря заступничеству Новгородскаго Общества Любителей Древности и поддержкѣ бывшаго губернатора П. П. Башилова годъ тому назадъ удалось отстоять неприкосновенность

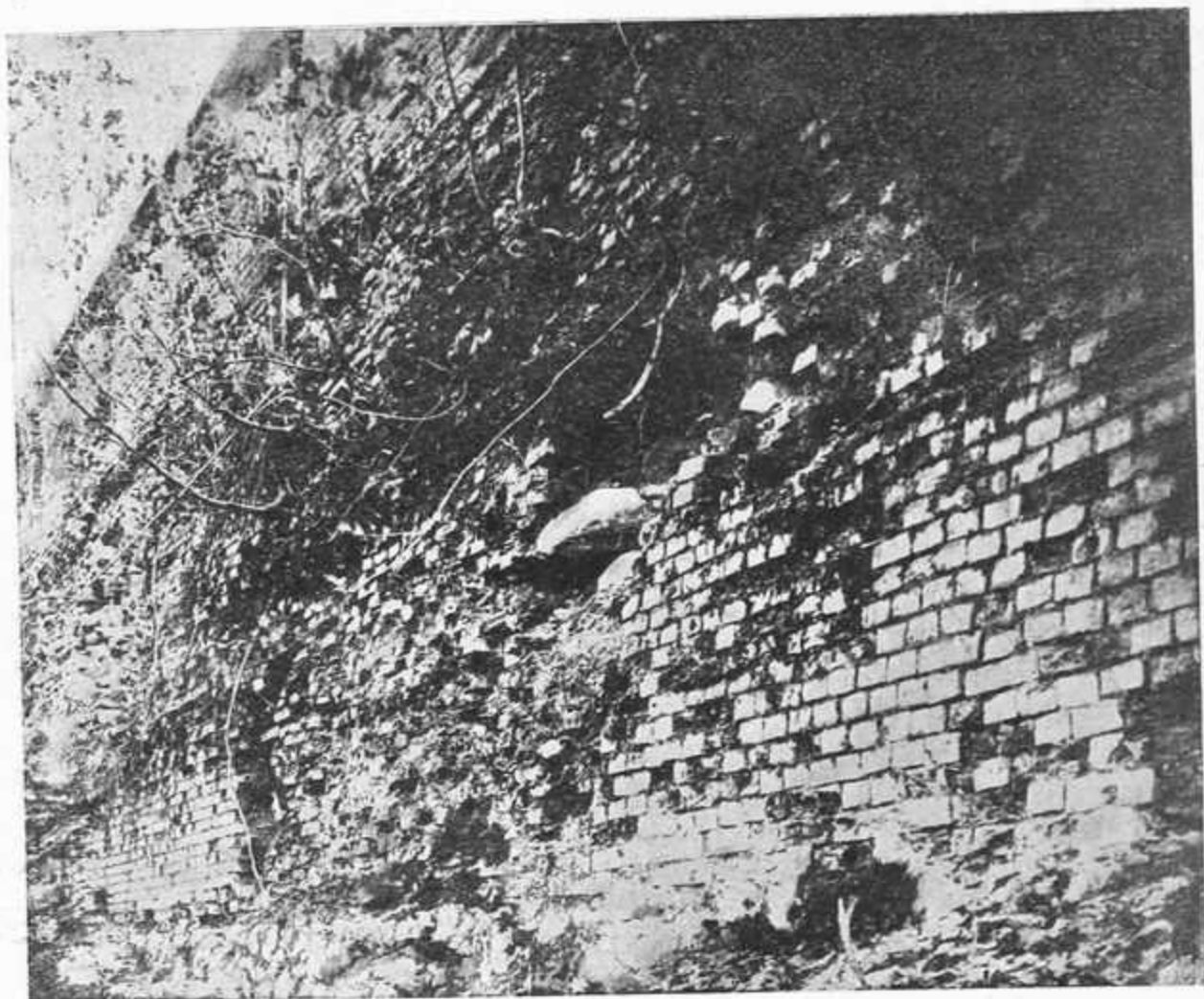

Рис. 132.

древняго новгородскаго земляного вала, часть котораго городская дума разрѣшила скрыть для постройки на томъ мѣстѣ офицерскаго собранія, а земляной валъ нами даже научно еще не изслѣдованъ.

Въчевая Грядница на Ярославовомъ дворцѣ въ 60-хъ годахъ застроена, окна ея задѣланы и пробиты новыя.

О быстромъ разрушеніи стѣнъ и башенъ Дѣтинца, вы убѣдились непосредственно осматривая ихъ о чемъ, напомнить вамъ и прилагаемые 2 снимка со стѣнъ (рис. 131, 132). На ихъ поддержаніе ежегодно отпускается изъ государственнаго казначейства по 1000 руб., но этой суммы совершенно недостаточно, такъ какъ разрушенія очень велики, а протяженіе стѣнъ свыше 600 сажень, такимъ образомъ объемъ

стѣнъ около 5000 куб. сажень, кромѣ того въ крѣпости 9 башенъ, а 10-я стоитъ на валу, между тѣмъ ремонтъ только одной изъ нихъ (Спасской) исчисленъ въ 8 тыс. руб. Въ настоящее время сохранность стѣны Дѣтинца и наблюденіе за ея поддержаніемъ по ходатайству Новгородскаго Общества Любителей Древности, резолюціей губернатора поставлена подъ общественный контроль; образована комиссія изъ представителей Общества Древностей, Архивной Комиссіи и правительственнаго архитектора, но никакой контроль безъ средствъ не можетъ поддерживать разрушающееся.

Наконецъ, въ своемъ сообщеніи не могу не коснуться всей незастроенной площади Новгородскаго Дѣтинца, совершенно не обследованной, хранящей въ себѣ древній Новгородъ, но можетъ быть подлежащей застройкѣ въ ближайшемъ будущемъ. Новгородское Общество Любителей Древности возбудило ходатайство о застройкѣ Новгородскаго Дѣтинца и о его систематическомъ изслѣдованіи, но подобное ходатайство пока не уважено и нуждается въ авторитетной поддержкѣ Всероссийскаго Археологическаго Съѣзда.

Постановлено.

1) Въ виду доклада Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Арх. Нижегородскаго и Старорусскаго, — выразить предъ Св. Синодомъ пожеланіе Съѣзда, чтобы на будущее время дѣло реставраціи такихъ памятниковъ русской старины, какъ св. Софін въ Новгородѣ, велось бы подъ строжайшимъ и отвѣтственнымъ контролемъ въ отношеніи какъ художественномъ, такъ и техническомъ.

2) По заявленію VI Отдѣленія о принятіи Св. Синодомъ на себя научнаго изданія славянской библіи.

Принято единогласно.

3) По предложенію проф. Н. В. Покровскаго объ усиленіи преподаванія церковной археологіи въ Духовныхъ Академіяхъ и Семинаріяхъ и А. И. Анисимова относительно введенія начальнаго курса археологіи и въ Учительскихъ Семинаріяхъ.

4) По ходатайству г. Новгородскаго Губернатора о воспрещеніи возведенія въ Дѣтинцѣ реального училища на участкѣ, уступленномъ городомъ, признано принципиально невозможнымъ застройка Дѣтинца новыми постройками.

5) Согласиться съ предложеніемъ IX Отдѣленія о выраженіи желательности, чтобы Дворянскіе уѣздные Архивы были передаваемы въ архивы дворянскихъ же губернскихъ учреждений для большей безопасности и сохранности.

6) По постановленію IX Отдѣленія и согласно предложенія А. И. Фейерейзена о передачѣ Шведскаго архива въ Ригѣ въ вѣдѣніе Общества Исторіи и Древностей Прибалтійскаго Края.

7) По предложенію М. В. Муравьева:

а) Для сохраненія св. Софін просить о ея періодическомъ осмотрѣ черезъ специалистовъ, съ чѣмъ и обратиться въ Св. Синодъ.

в) Ходатайствовать передъ Мин. Вн. Дѣлъ объ усиленіи средствъ на поддержаніе Новгородскаго Дѣтинца.

7) Выразить пожеланіе о сохраненіи фресокъ Спасъ-Нередицы и Θεодора Стратилата безъ поправокъ (не реставрировать).

8) По заявленію г. Губернатора Новгородскаго В. А. Лопухина объ увѣковѣченіи памяти М. И. Романова въ Ныробѣ, — передать въ Комиссію А. Г. Булыгина.

9) Просить Имп. Моск. Археол. Общество изыскать средства для предоставленія В. В. Суслову возможности окончить работы по отчету о реставраціи св. Софїи и для изданія научнаго отчета по реставраціи.

10) Внести въ Правила будущихъ Съѣздовъ параграфы о недопущеніи чтенія рефератовъ болѣе 35 м., возраженій не долѣе 20 м., и о томъ, чтобы мало извѣстныя Съѣзду лица представляли работы заранѣе въ Ученый Комитетъ; работы же, мало относящіяся къ вопросамъ и дѣламъ Съѣзда, мелочныя и не разработанныя, откладывались бы до печатанія Трудовъ, а на Съѣздѣ не читались.

4 августа 2 часа дня.

Закрытіе XV Археологическаго Съѣзда.

4 августа въ 2 часа дня, состоялось, въ актовомъ залѣ Мужской гимназїи, подъ Предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой, въ присутствіи Членовъ Съѣзда и многочисленной публики закрытіе XV Археологическаго Съѣзда.

Засѣданіе было открыто графиней П. С. Уваровой, представившей слѣдующій

Отчетъ о Трудахъ XV Съѣзда.

«XV Археологическій Съѣздъ сегодня закрывается и я, какъ Предсѣдатель, должна представить вамъ отчетъ о его дѣятельности.

Депутаты, прибывшіе на Съѣздъ въ Новгородъ, были командированы отъ 96 высшихъ Ученыхъ Учрежденій, Университетовъ, Духовныхъ Академій, Ученыхъ Обществъ и Архивныхъ Комиссій (въ Черниговѣ командировались они отъ 68), что указываетъ съ одной стороны на интересъ къ исторіи и древностямъ Великаго Новгорода, а съ другой, можетъ быть, и на увеличеніе въ Россіи числа Ученыхъ Обществъ, если и не всегда «Ученыхъ», то по крайней мѣрѣ Обществъ, желающихъ принести свою лепту на изученіе той или другой стороны родного края.

Изъ командированныхъ на Съѣздъ Депутовъ явилось 156 (въ Черниговѣ 125); всего же Членовъ Съѣзда состояло 407 (въ Черниговѣ 281).

На этотъ разъ почти всеѣ Университеты, за исключеніемъ Томскаго и только что народившагося Саратовскаго, прислали своихъ депутатовъ. Не прислали, впрочемъ, депутатовъ и Юрьевскій Университетъ, но это случается съ нимъ почти всегда съ тѣхъ поръ, какъ онъ переименованъ въ чисто-русскій Университетъ. Большое количество депутатовъ приходится на долю Петербурга (19 человекъ), въ районѣ изученій котораго всегда находился Новгородъ, при чемъ однако жъ интересно замѣтить, что югъ, т.-е. Кіевъ, Нѣжинъ, Одесса и Харьковъ, дали еще

большее количество депутатовъ, т.-е. 21 человекъ. Не знаю, чѣмъ это объяснить: интересомъ ли къ Новгороду, желаніемъ ли сравнить южно-русское искусство съ сѣвернымъ, или, можетъ быть, благодарнымъ чувствомъ къ сотоварищамъ по Съѣзду за любезное отношеніе къ живописной Украинѣ и ея великолѣпнымъ памятникамъ недавняго прошлаго.

Замѣчу также, что хотя Юрьевскій Университетъ и не прислалъ своихъ депутатовъ, но Прибалтійскія Ученныя Общества представлены на Съѣздѣ 4 депутатами, среди которыхъ находимъ профессора Гаусмана, главнаго дѣятеля по устройству Рижскаго Съѣзда и лучшаго знатока своего края.

Среди депутатовъ насчитываемъ 42 профессора по разнымъ отраслямъ науки. Записались въ число Членовъ и принимали дѣятельное участіе въ работахъ Съѣзда и ученые изъ Германіи: проф. Беценбергеръ и Лудвигъ Штида изъ Кенигсберга, уже не разъ посѣщающіе Русскіе Съѣзды, проф. Оскаръ Алмгренъ изъ Упсалы, проф. Арнъ и Гальштремъ изъ Стокгольма, госпожа Фанни Галле, командированная изъ Вѣны проф. Строговскимъ и г-жа ван-дер-Копъ изъ Голландіи, изучающая Россію со стороны языка и быта послѣдовательно уже нѣсколько лѣтъ.

Пріѣхали въ Новгородъ и ученые изъ Финляндіи докторъ Аншелгренъ-Кивало, Аліо и приватъ-доцентъ Сойккелі, которые приняли дѣятельное участіе въ работахъ Отдѣленія по Первобытнымъ Древностямъ.

Съѣздъ открылся, какъ и всегда, Совѣтомъ, который на этотъ разъ собрался 21 іюля. На этомъ первомъ Засѣданіи Съѣздъ раздѣлился на девять Отдѣленій: Древности Первобытныя, Древности Историко-Географическія и Этнографическія, Памятники Искусствъ и Художествъ, Древности Юридическія, Древности Церковныя, Памятники языка и письма, Древности классическія, византійскія, восточныя и западно-европейскія, Древности Славянскія и Археографія и Архивовѣдѣніе, но Отдѣленіе Древностей Славянскихъ не работало по не заявленію рефератовъ. Занимался Съѣздъ съ 22 іюля по 4 августа включительно, устраивая по четыре и большею частью по шести Засѣданій въ день. Всѣхъ Засѣданій состоялось 32, не считая въ этомъ числѣ двухъ Засѣданій Совѣта Съѣзда и четырехъ Засѣданій Ученаго Комитета. На этихъ Засѣданіяхъ было доложено 90 рефератовъ, которые по Отдѣленіямъ распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ:

По Общимъ вопросамъ — 2 засѣданія, на которыхъ доложено 4 реферата.

По Первобытнымъ Древностямъ — 4 засѣданія съ 13 докладами;

По Древностямъ Историко-Географическимъ и Этнографическимъ — 4 засѣданія съ 12 докладами;

По Памяткамъ Искусствъ и Художествъ — 4 засѣданія съ 11 докладами;

По Древностямъ Юридическимъ — 7 засѣданій съ 17 докладами;

По Древностямъ Церковнымъ — 5 засѣданій съ 12 докладами;

По Памяткамъ языка и письма — 3 засѣданія съ 11 докладами;

По Древностямъ классическимъ, византійскимъ, восточнымъ и западно-европейскимъ — 1 засѣданіе съ 3 докладами;

По Археографіи и Архивовѣдѣнію — 2 засѣданія съ 7 докладами.

Изъ числа всѣхъ названныхъ докладовъ нѣкоторая часть (хотя и не такая значительная, какъ на послѣднихъ Сѣздахъ) и на этотъ разъ посвящена мѣстнымъ древностямъ, т.-е. Великому Новгороду и сопредѣльнымъ къ нему землямъ, состоявшихъ съ древнѣйшихъ временъ въ тѣсныхъ съ нимъ сношеніяхъ и политической связи.

Такъ, напримѣръ, *первобытной исторіи* края посвящены доклады *Колмогорова* и *Ив. Вас. Аничкова* о раскопкахъ въ Тихвинскомъ уѣздѣ и доклады шведскихъ и финскихъ ученыхъ; *Церковнымъ Древностямъ* обстоятельные доклады *Ник. Вас. Покровскаго* о Іерусалимахъ или Сіонахъ и Древнемъ реликваріи Новгородскаго Софійскаго собора, *Проф. Гусева* — о Новгородской иконѣ Флора и Лавра, о Символахъ власти въ Великомъ Новгородѣ и о Іоанновскомъ Корпусѣ Новгородскаго Владычнаго Двора, *Его Высокопреосвященства Архіепископа Новгородскаго Арсенія* — О современномъ состояніи собора Св. Софійи, *Епископа Сухумскаго Дмитрія* — О внутреннемъ устройствѣ и убранствѣ храмовъ Антоніева монастыря въ XVII вѣкѣ, *Ал. Ив. Анисимова* — О фрескахъ церкви Θεодора Стратилата и о современномъ состояніи иконной старины въ Новгородской губ. и о мѣрахъ къ сохраненію ея, *проф. Дмитріевскаго* — О шапкахъ въ Новгородской Софійской ризницѣ, *Вл. Вас. Суслова* — О реставраціи Софійскаго собора, *Гр. Гр. Павлуцаго* — Византійскія черты въ декоративной обработкѣ фасадовъ Новгородскихъ храмовъ XIV и XV вѣковъ, *Ив. С. Евсеева* — Новгородская Геннадіевская Библія 1499 года, *Мятлева* — Игначь Крестъ и Селигерскій путь, *Блаженецъ* — Къ вопросу о Шведскихъ воротахъ въ Софійскомъ соборѣ и *Георгія Мих. Казакова* — о Псковскихъ иконахъ; *Историческимъ и бытовымъ вопросамъ* посвящены доклады — *Мих. Вал. Муравьева* — о Состояніи древностей Великаго Новгорода, *Приселкова* — Нифонтъ епископъ Новгородскій, *проф. Гаусманна* — о Нѣмецкомъ дворѣ Св. Петра въ Новгородѣ, *Андріашева* — Историко-географическія карты Шелонской пятины въ началѣ XVI столѣтія по Писцовымъ книгамъ, *Гиньвушева* — Дворцовая выть въ Новгородской землѣ, *Чепурковскаго* — Современный антропологическій составъ населенія Великороссіи въ связи съ вопросомъ о типѣ древнихъ Ильменскихъ Славянъ; по *Памятникамъ языка и письма* — доклады *Бульчева* — О говорахъ «Ситькарей», *Н. Н. Соколова* — Народный говоръ Новгородской губ. въ связи съ вопросомъ о составѣ и границахъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія и *Олейникова* — Іеромонахъ Юрьевскаго монастыря Платонъ и его рукописи; всего 36 рефератовъ, къ которымъ причисляемъ и нѣсколько менѣе значительныхъ рефератовъ Сидоровой, Де-Витте, Полонской и Апухтина.

36 рефератовъ посвященныхъ Новгороду, его святынямъ, территоріи и исторіи — число незначительное, если обратить вниманіе на то, что *всѣхъ* рефератовъ было доложено 90 и, что въ Черниговѣ изъ 85 рефератовъ *только* 7 не посвящались специально древностямъ Малороссіи; но это объясняется тѣмъ, что мѣстныхъ Новгородскихъ изслѣдователей нѣтъ, а ближній ученый центръ Петербургъ не порабаталъ для Новгорода такъ, какъ поработали ученые Харькова и Кіева для любезной имъ Украины.

Изъ остальныхъ рефератовъ, не касающихся Новгорода, обращено вниманіе ученыхъ: по *Отдѣленію письма и языка* на рефератъ Сем. Ос. Долова — *Revelatio Stephani* и въ особенности *Ив. Мемн. Тарабрина* — Библия Пискатора въ исторіи русской письменности и искусства; по *Древностямъ Юридическимъ* — проф. *Θ. Θ. Зигеля* — Поземельныя отношенія Славянъ въ глубокой древности и Древнѣйшія представленія Славянъ о преступленіи и наказаніи; проф. *Саввы* — Нѣсколько замѣтокъ о Боярской Думѣ въ XVI столѣтіи; *Дм. Ив. Багалъя* — Судьба городского самоуправления въ Малороссійскихъ городахъ XVII и XVIII столѣтія, *Его Высокопреосвященства Архимандрита Арсенія* — Новгородъ и Псковъ въ ихъ сношеніяхъ съ южными Славянами, *Вик. Алекс. Лопухина* — О мѣстѣ заточенія Михаила Никитича Романова и *Сташевскаго* — Чрезвычайные налоги 1634 года и торгово-промышленные центры Московскаго Государства.

Не посчастливилось въ Новгородѣ тремъ Отдѣленіямъ: *Первобытнымъ Древностямъ*, *Памятникамъ Искусствъ и Художествъ* и *Древностямъ классическимъ, византійскимъ, восточнымъ и западно-европейскимъ* — первому — потому, что число нашихъ ученыхъ съ каждымъ годомъ убываетъ, такъ что Отдѣленіе это не могло бы осуществиться, если бы не явились иностранцы; второму — потому, что на Съѣздѣ, кромѣ *Вл. Вас. Суелова*, не было ни одного архитектора: Московскіе не пріѣхали потому, что отвлечены строительной горячкой этого года, а Петербургскіе — общали, извѣщали письменно о пріѣздѣ, но не пріѣхали. Отсутствовали также ученики *Айналова*; они занимались весьма усердно Спасъ-Нерадицей въ продолженіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, собирались окончить работу къ Съѣзду, но, вѣроятно, съ ней не справились и потому сочли за лучшее не показываться. Отдѣленіе это имѣло 4 засѣданія съ 12 докладами (въ Черниговѣ 24), вызвавшихъ сочувствіе публики, и между которыми, не считая уже поименованныхъ докладовъ по древностямъ Новгорода назовемъ весьма цѣнный, для нашей мало разработанной нумизматики, рефератъ *Вл. Конст. Трутовскаго* — Что такое нота?

Отдѣленіе же Древностей классическихъ, византійскихъ и пр. могло осуществиться благодаря только пріѣзду *Эрн. Романовича Штерна* изъ-за границы и имѣло одно Засѣданіе въ высшей степени интересными рефератами *Эрнеста Романовича* — Изъ жизни дѣтей въ греческихъ колоніяхъ юга Россіи по археологическимъ даннымъ и *Ильи Ник. Бороздина* — по Вопросу о современныхъ направленіяхъ въ изученіи древней исторіи. Къ этому же Отдѣлу слѣдуетъ причесть докладъ *Вѣнскаго проф. Стриговскаго*, знакомаго намъ какъ по его ученымъ трудамъ, такъ и по нашимъ прежнимъ Съѣздамъ, докладъ, прочитанный ученицей профессора *г-жей Фанни Галле* — *Der Hellenische Kunstkreis im Innern Asiens* и предназначенный для того, чтобы обратить вниманіе нашихъ ученыхъ на искусство востока, которымъ такъ увлечены нынѣ ученые, что для востока забыли и Грецію и Византію. По всему вѣроятію этому послѣднему Отдѣлу придется сокращаться и на будущихъ Съѣздахъ по той простой причинѣ, что классическія науки признаются ненужными въ Россіи и, не говоря уже о средней школѣ, не уважаются ни въ Университетахъ, ни въ Духовныхъ Академіяхъ. Поднимались въ Нов-

городѣ и тѣ вопросы, которые возбуждали страсть и на предыдущихъ Сѣздахъ, какъ, напримѣръ, вопросъ «О происхожденіи имени Русь» или вопросъ «О положеніи Архивовъ» или еще о мѣрахъ къ сохраненію памятниковъ. По первому — поднималъ вопросъ *Падалка*, возражалъ *Дм. Ив. Иловайскій*, спорили громко и усердно, но вопросъ остался открытымъ и вѣроятно еще не разъ появится на Сѣздахъ. По второму — спорили также усердно, докладывали *Ал. Ал. Мироновъ* и *Фейергейзенъ*, ни къ чему не пришли, кромѣ сознанія, что *мѣстные Архивы* могутъ быть въ порядкѣ въ Прибалтійскомъ краѣ, а въ остальной Руси порядокъ этотъ невозможенъ. Причины подобнаго положенія дѣлъ хотя, вѣроятно, для всѣхъ ясны, но съ ними по разнымъ причинамъ трудно и обидно согласиться.

Третій вопросъ возникъ вслѣдствіе доклада о Современномъ состояніи собора Св. Софій въ Новгородѣ — Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія. Спорили еще жарче, но по этому вопросу притти къ какому-либо соглашенію, вслѣдствіе нашей косности и враждебному отношенію разныхъ учреждений еще труднѣе, чѣмъ упорядочить наши несчастные гнѣющіе и растаскиваемые Архивы.

Поднимались вопросы и болѣе общаго характера, какъ, напримѣръ, О поддѣлкѣ древностей *Ив. Андр. Линниченко*, О сохраненіи памятниковъ живой старины *Эрнестомъ Θεод. Дамберіумъ*, Русскія древнехранилища и разобщенность ихъ дѣятельности — *Дм. Петр. Струковъ* — вопросы все жгучіе, дорогіе нашему сердцу, требующіе обработки и разрѣшенія и... вызывающіе горькое сознаніе въ томъ, что у насъ не хватаетъ людей, работоспособности и истинной любви къ памяти предковъ, къ нашей исторіи и древностямъ.

Заканчивая бѣглый обзоръ о дѣятельности, нынѣ заканчивающаго свои занятія XV Археологическаго Сѣзда, обращаю вниманіе на нѣкоторыя особенности этого Сѣзда.

Не разъ приходилось за послѣдніе годы обращать вниманіе и сѣтовать, глубоко сѣтовать объ отсутствіи прилива новыхъ силъ въ нашу археологическую дружину. Отсутствие это замѣчалось какъ въ Ученыхъ Обществахъ Россіи, такъ и на Археологическихъ Сѣздахъ. И вотъ въ Новгородѣ въ числѣ Секретарей Сѣзда появляются молодые работники: Вахомскій, Куртцъ, Денике, Некрасовъ, Шугаевскій, Карабановъ, отецъ Прилуцкій, не считая уже тѣхъ, которые работали и помогали намъ и въ Черниговѣ, какъ Незнамовъ, Мироновъ, Пархоменко. Среди рефератовъ также новыя лица: Приселковъ, Соколовъ, Смирновъ, Булычевъ, Гнѣвушевъ, Анисимовъ, Андріяшевъ, Чепурковскій, Колмогоровъ, Сташевскій, Ник. Влад. Мятлевъ, проф. Козловскій и др.

Исполать вамъ, новые сотрудники! но принять васъ совершенно въ нашу дружную тѣсную дружину можемъ только съ условіемъ, чтобы вы шли по стопамъ стариковъ: Погодина, Забѣлина, Бодянского, Буслаева и остальной фаланги настоящихъ извѣстныхъ ученыхъ, держащихъ высоко знамя науки, неизмѣняющихъ ей изъ-за политическихъ увлеченій и считающихъ Университеты всецѣло храмомъ науки.

Усердно посѣщались наши Засѣданія и Духовенствомъ, слѣдуя примѣру Его Высокопреосвященства архіепископа Арсенія и епископа Сухумскаго Дмитрія, при-

нившихъ серьезное и дѣятельное участіе не только въ Засѣданіяхъ, но и работахъ и преніяхъ. Примѣръ, даваемый Его Высокопреосвященствомъ и энергическій интересъ, проявляемый имъ къ древностямъ и исторіи Великаго Новгорода, не останется безъ пользы и, вдохновляя духовенства и знакомя его съ научными требованіями касательно довѣренныхъ имъ церковью старины, не можетъ не отозваться на сохраненіи этихъ драгоценныхъ свидѣтелей давно минувшихъ, лучшихъ дней нашей исторіи.

Появились на Съѣздѣ и докладчицы-женщины, что не придадо однако же серьезности и глубины изслѣдованіямъ, заслушаннымъ на Съѣздѣ, и вызвало во многихъ упрекъ Ученому Комитету за то, что онъ допускалъ доклады, не подвергая ихъ болѣе серьезному просмотру. Изъ докладовъ этихъ, болѣе серьезно составленныхъ, являются доклады М. О. Соколовской — о Массонскихъ знакахъ, В. В. Сидоровой — Новгородское Сказаніе о чудѣ иконы Знаменія Пресв. Богородицы и А. М. де-Виттъ — Повѣсть о Новгородскомъ посадникѣ Щилѣ.

Къ Съѣзду представлены: кромѣ *Трехъ Томовъ Трудовъ Черниговскаго Съѣзда*:

Еще: *Два тома Московскаго Предварительнаго Комитета* состоящихъ одинъ — изъ давно ожидавшаго изданія труда Влад. Вас. Суслова — Волотовская церковь въ Новгородѣ и второй — изъ труда братьевъ Соколовыхъ — Живая старина Бѣлоозерскаго Края, Ф. В. Баллода — Отчетъ о командировкѣ въ Прибалтійскій Край 1909 года, Полонской — Раскопки Хвойко въ м. Бѣлгородкѣ, покойнаго Ник. Еф. Бранденбурга — Извѣстія о старинныхъ церквяхъ Новгородскаго, Пусторжевскаго, Великолукскаго и Устюжно-Желѣзнопольскаго уѣздовъ, Вл. Кон. Трутовскаго — Что такое ногата? С. И. Чинова — Азбабскій кладъ, С. Д. Сташевскаго — Смѣты государевымъ царевымъ... доходамъ, Новгородская четверть 142 года, и А. М. Гнѣвушева — Смѣты по Новгороду четвертымъ денежнымъ доходамъ XVII вѣка.

3. *Выпускъ XXI Вѣстника Археологій и Исторіи*, издаваемый Петербургскимъ Археологическимъ Институтомъ, посвященный всецѣло капитальнымъ трудамъ по описанію древностей Новгорода Ник. В. Покровскимъ, проф. Гусевымъ, Никольскимъ, Кадыковымъ и Ильей Алекс. Шляпкинымъ.

4. *Выпускъ V Сборника Новгородскаго Общества Любителей Древности*, посвященный также Новгородскимъ памятникамъ и составленный Мих. Вал. Муравьевымъ, проф. С. Ѳ. Платоновымъ, Гусевымъ, Мацулевичемъ, Маркевичемъ, Ивановскимъ, Никольскимъ, Целепи.

5. *О Курганахъ, городищахъ и жалыникахъ Новгородской губ.* — Романцева.

6. *Путеводитель по Новгороду* — Д. П. Ласковского.

7. *Новгородская Скра* — докт. Шлютера.

8. *Монильникъ въ Курналь* — докт. Фриденцала.

9. *Каталогъ Шведскаго Архива въ Ригѣ.*

10. *Повѣсть о Шилѣ* — Ан. Титова.

11. *Новгородскій Дворцовый приказъ въ XVII вѣкѣ* — А. М. Гнѣвушева.

12. *Спутникъ по древнему Пскову*—Окулича-Казаринова, который обратилъ на себя вниманіе всѣхъ ученыхъ сообщаемыми научными свѣдѣніями по исторіи и памятникамъ Пскова.

Но, могутъ мнѣ сказать, почему же вы ничего не говорите о самомъ Новгородѣ, о его жителяхъ, а главнымъ образомъ о тѣхъ, которые помогли устроить Съѣздъ и Выставку и пріютили насъ всѣхъ?

Не говорю потому, что всѣ гости и жители города видятъ и знаютъ все то, что сдѣлано для пріема съѣхавшихся членовъ Съѣзда. Дворянство предоставило Съѣзду и части Выставки, помѣщеніе въ залахъ Дворянскаго Собранія; Архіепископъ Высокопреосвященнѣйшій Арсеній дозволилъ Церковному Отдѣлу занять Входоиерусалимскій храмъ и одинъ залъ при его покояхъ, принялъ и любезно угостилъ членовъ Съѣзда у себя въ Юрьевомъ монастырѣ; Вице-Губернаторъ Сократъ Ник. Даринъ любезно открылъ для обозрѣнія пріѣзжихъ свой домъ съ прекрасными портретами и вещами. Городское Управленіе чествовало Съѣздъ вечернимъ чаемъ; Дворянство (500 руб.), Городъ (700 руб.), Губернское (1000 руб.) и Уѣздныя Земства (110 руб.) отпустили на нужды Съѣзда 2310 руб. Мужская Гимназія, Реальное и Духовное Училища, Женская Гимназія, Губернскій Предводитель Дворянства, Князь П. П. Голицынъ, Генералъ Золотарскій и нѣсколько Приходскихъ Училищъ, любезно откликнулись на необходимость, за неимѣніемъ въ Новгородѣ достаточнаго количества гостиницъ, пріютить пріѣзжихъ, которымъ такимъ образомъ былъ предоставленъ весьма покойный и удобный, по близости отъ Засѣданія Съѣзда, пріютъ.

Устройствамъ этихъ помѣщеній мы обязаны всецѣло членамъ Новгородскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета; но кромѣ этихъ хозяйственныхъ работъ по Съѣзду Новгородскому Отдѣленію удалось поработать для Съѣзда и съ научной стороны. Такъ, напримѣръ, Отдѣленіе собирало свѣдѣнія какъ по церковнымъ древностямъ, такъ и по тому художественному и архивному матеріалу, который сохранился еще въ Новгородскихъ помѣщицкихъ усадьбахъ. Разослалъ Комитетъ до 1500 запросныхъ листовъ и получилъ заполненныхъ отвѣтныхъ 427. Правда, матеріаль этотъ не разработанъ для Съѣзда, но... будемъ надѣяться, что, если будущій XVI Съѣздъ будетъ созванъ во Псковѣ, то Новгородъ, имѣя уже опытъ въ томъ, что терять время не слѣдуетъ, успѣетъ подготовить къ докладу и печати собранный матеріаль.

Предпринималъ Предварительный Комитетъ, въ лицѣ своихъ членовъ: Леонида Ник. Целепи, Мих. Вал. Муравьева, Ив. Вас. Аничкова, Алекс. Ив. Анисимова, Леонида Владисл. Вильконскаго и Дворянскаго поѣздки по губерніи для обследованія памятниковъ, ознакомленія съ церквами и усадьбами и отмѣтки предметовъ, желательныхъ для Выставки; изъ представленныхъ лицами этими записей видно, какое богатство представляютъ хотя бы одни церкви епархіи и насколько обогатится русская наука, когда весь осмотрѣнный матеріаль этотъ, снятый по распоряженію Московскаго Археологическаго Общества фотографомъ Павловымъ и представленный на Выставку Съѣзда, будетъ научно обработанъ и въ подробностяхъ изученъ.

Устроилъ Предварительный Комитетъ въ продолженіи подготовительныхъ 1909—10 годахъ нѣсколько Публичныхъ Лекцій въ Новгородѣ, съ цѣлью подготовить публику

къ трудамъ и занятіямъ Съѣзда. На призывъ Новгорода любезно отвѣтили Петербургскіе ученые и Лекціи состоялись подъ руководствомъ Ник. Вас. Покровскаго, Сер. Θεод. Платонова, Ильи Алекс. Шляпкина, Спицына, Майкова, Гусева и Середонина.

Устроены Предварительнымъ Комитетомъ и *Выставки*, распавшіяся на 2 Отдѣла: Церковный, состоящій изъ 235 номеровъ и Отдѣла древностей первобытныхъ и гражданскихъ, который можно подѣлить на Отдѣлы: 1) портретовъ, фарфора, оружія и разной мелочи, полученной изъ мѣстныхъ помѣщицкихъ усадебъ; 2) до-историческихъ древностей а) добытыхъ изъ раскопокъ Тихвинскаго уѣзда Колмогоровымъ, командированнымъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, б) присланныхъ Кн. Путятинымъ съ Бологовскаго озера, в) привезенныхъ изъ Музея Воронежской Архивной Комиссіи и г) собранныхъ Апухтинымъ съ разныхъ могильниковъ Россіи — всего 625 номеровъ; 3) грамотъ и рукописей — 157 номеровъ; 4) фотографій, рисунковъ и плановъ съ церковей Новгорода, Пскова, Устюжскаго, Боровичскаго и Череновецкаго уѣздовъ Императорскаго Московскаго Архелегического Общества — 539 номеровъ, 5) плановъ и рисунковъ Военнаго Историческаго Общества — 72 номера, 6) снимковъ, принадлежащихъ Леон. Ник. Целени и Халаеву — 15 номеровъ и 7) чертежей реставраціонныхъ работъ Св. Софіи Влад. Вас. Суслова.

Выставка эта, какъ можно судить и по ея обзору, нумераціи и каталогу, слишкомъ незначительна для Съѣзда и не даетъ понятія ни объ исторіи края, ни о развитіи и богатствѣ искусства на сѣверѣ. Главный же ея недостатокъ — это случайный подборъ собранныхъ предметовъ, и запозданіе въ ея устройствѣ, что отняло возможность заняться выставленными предметами и приготовить къ изданію описаніе лучшихъ изъ нихъ.

Заслугой членовъ Предварительнаго Комитета можно поставить то, что они постарались разобратся въ запросахъ, представленныхъ Съѣзду; такъ, напримѣръ: въ «*Арсеневскихъ бумагахъ*», изданныхъ Мих. Вал. Муравьевымъ въ вып. V Сборника Новгородскаго Общества Любителей Древности, мы находимъ желаемыя свѣдѣнія о «Переговорахъ Новгорода съ Швеціей и Москвой съ 1613 года по день заключенія Столбовскаго договора»; Леон. Ник. Целени обследовано Курское городище; запросъ Дм. Ив. Иловайскаго о «Новгородскихъ говорахъ и сохранившихся архаизмовъ» разобранъ Новгородскими учителями и матеріалъ этотъ переданъ Московской Діалектологической Комиссіи; на запросъ Сем. Вас. Барсова касательно «собранія историческихъ данныхъ объ упраздненныхъ монастыряхъ Новгородской епархіи» — предполагается дать отвѣтъ при разработкѣ собраннаго матеріала по описанію церковей епархіи.

Главная же заслуга Новгородскаго Предварительнаго Комитета это та, что ей удалось получить отъ одного изъ своихъ членовъ Леонида Іоакимовича Стальнова необходимыя денежныя средства на расчистку фресокъ церкви Θεодора Стратилата на ручѣ, что даетъ возможность подвергнуть послѣдовательному и серьезному изученію еще одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ Новгорода.

Во время Съѣзда члены Предварительнаго Комитета, при любезномъ участіи Ник. Вас. Покровскаго, проф. Гусева и Вл. Вас. Суслова руководили членами Съѣзда

при ознакомленіи ихъ съ древностями Новгорода; такъ были осмотрѣны Св. Софія, Кремль, Дѣтинецъ и многіе храмы Новгорода, подъ руководствомъ отца Конкордина, Мих. Вал. Муравьева, Леон. Ник. Целепи, Ив. Вас. Аничкова и Алекс. Ив. Анисимова, были предприняты многочисленныя поѣздки на парходахъ на Рюриково Городище, къ Спасу въ Нередицахъ, въ Юрьевскій, Антоніевскій и Хутынский монастырь и пр.

За все сдѣланное, за любезный пріемъ, за хлѣбъ-соль, за радушное отношеніе къ намъ всѣмъ, позволяю себѣ отъ лица всего Съѣзда выразить глубокую благодарность Его Высокопреосвященнѣйшему Владыкѣ Арсенію, Новгородскому Дворянству и Губернскому Предводителю Кн. Голицыну, Господину Губернатору, Городскому Управленію, Директорамъ Мужской и Женской Гимназій, Реальнаго и Духовнаго Училища, Распорядительному Комитету, всѣмъ устроителямъ Выставки, равно какъ и той молодежи, которая приняла на себя трудъ разбирать присылаемые предметы на Выставку и сторожить ихъ во все время Выставки. Низкій поклонъ и глубокое спасибо всѣмъ и Великому Новгороду за все, какъ отъ Предсѣдателя Съѣзда, такъ и лично отъ меня, Графини Уваровой.

Но благодаря и прощаясь, позволю выразить затаенную надежду, что Съѣздъ оставить въ Новгородѣ хотя бы нѣкоторое желаніе продолжать и въ будущемъ разработку мѣстныхъ памятниковъ и что слова поэта, говорящаго, что:

«Новгородъ великій тихо опочилъ, и что
Только Волховъ смѣло
О быломъ шумитъ
И поетъ съ любовью,
О старинныхъ дняхъ»,

окажется, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ не вѣрными; не вѣрными уже потому, что въ нынѣ переживаемое тяжелое время единственной утѣхой остается «пѣть съ любовью о старинныхъ дняхъ».

Секретарь Съѣзда В. К. Трутовскій доложилъ о состоявшихся постановленіяхъ Съѣзда; послѣ чего губернаторъ объявилъ Съѣздъ закрытымъ, поблагодаривъ прибывшихъ и снова пригласивъ ихъ вернуться черезъ 3 года закончить работу.

5 августа группа членовъ XV Археологическаго Съѣзда, въ количествѣ 38 лицъ, съ графиней П. С. Уваровой во главѣ, отправилась въ Псковъ. Радушно встрѣченные на вокзалѣ 6 августа Предсѣдателемъ Псковскаго Археологическаго Общества гофмейст. Н. П. Лавриновскимъ, секретаремъ Общества г.-л. Н. Θ. Окуличъ-Казаринымъ, С. П. Гейнцъ-фонъ-Гембицъ, Г. М. Казаковымъ и другими, участники поѣздки отправились на заготовленные для нихъ въ прекрасныхъ зданіяхъ женскаго епархіальнаго училища, мужской гимназій и духовной семинаріи помѣщенія.

Осмотры и приемы.

Во время Съѣзда любезными хозяевами города и прїѣзжими учеными были предложены Членамъ Съѣзда многочисленныя осмотры мѣстныхъ древностей. Такъ помимо общаго посѣщенія ризницы Софійскаго Собора, упомянутаго выше на стран. 81 Протоколовъ Съѣзда, частныя осмотры ризницы, самого Собора, и остальныхъ церквей Новгорода предпринимались почти ежедневно подъ руководствомъ Н. В. Покровскаго, отца протоіерея Конкордина, В. В. Сулова, А. И. Анисимова, П. Л. Гусева, А. В. Никифоровскаго, И. В. Аничкова и М. В. Муравьева.

Подъ руководствомъ тѣхъ же лицъ было осмотрѣно по сосѣдству съ Новгородомъ храмъ Спаса въ Нередицахъ, Антоніевъ, Хутынской и Юрьевъ монастыри съ ихъ древними храмами, иконами и богатѣйшими ризницами.

Осмотрѣны и подвергнуты ближайшему обследованію подъ руководствомъ М. В. Муравьева, какъ многострадальныя стѣны и башни Новгородскаго Кремля, такъ и Ефиміевскій корпусъ Архіерейскаго подворья и Лихудіевскія палаты. Осмотръ этихъ послѣднихъ, переустройстваемыхъ во время Съѣзда, вызвали со стороны Членовъ, ихъ осматриваемыхъ, составленія прилагаемаго ниже «обращенія» къ Совѣту Съѣзда.

Весьма многими посѣщены также Новгородскій Музей Древностей, Выставка Съѣзда и даже тотъ складъ иконъ и церковныхъ предметовъ, которые были вывезены изъ церквей епархіи для Съѣзда по указанію А. И. Анисимова, но не попали на Выставку по разнымъ соображеніямъ устроителей оной.

Чествованіе Съѣзда состоялось: въ Юрьевомъ монастырѣ, гдѣ великолѣпно принялъ и угостилъ Членовъ Съѣзда Архіепископъ Арсеній. Приѣмъ этотъ, состоявшійся въ лѣтнемъ помѣщеніи владыки, расположенномъ на берегу Волхова, съ прелестнымъ садомъ, съ чуднымъ видомъ на рѣку и озеро Ильмень, на долго сохранится въ памяти всѣхъ Членовъ и въ особенности тѣхъ, которые въ первый разъ были гостями древняго Великаго Новгорода. Впечатлѣніе, произведенное приѣмомъ, еще болѣе усилилось поѣздкой по озеру, предпринятую послѣ обѣда у владыки большею частью посѣтителей.

Городъ также принялъ участіе въ Съѣздѣ, устроивъ въ помѣщеніи Городской Думы вечерній чай для всѣхъ Членовъ онаго.

Въ Новгородскій XV Археологическій Всероссійскій Съѣздъ.

24-го іюля группа членовъ Съѣзда подъ руководствомъ глубокоуважаемаго М. В. Муравьева, осмотрѣвъ Кремлевскія стѣны, перешла на Владычій дворъ и тамъ вниманіе гг. Членовъ было привлечено ремонтомъ Лихудіевыхъ Палатъ, въ которыхъ, какъ извѣстно Съѣзду, 200 лѣтъ тому назадъ помѣщалось первое по времени въ сѣверной Россіи высшее учебное заведеніе.

Въ настоящее время въ этихъ Палатахъ предполагается устройство школы псаломщиковъ и, соотвѣтственно надобностямъ школы, производится внутренняя передѣлка зданія.

Работы коснулись какъ внутренней, такъ и внѣшней стороны Палатъ. Какія измѣненія произведены внутри зданія группѣ неизвѣстно, но во внѣшней группа усмотрѣла, что окна второго этажа, заключенныя въ наличники съ характерными балясниками, безъ всякой надобности подверглись значительной порчѣ, а вѣдь эти Палаты — памятникъ приблизительно XVI—XVII вѣковъ.

Гг. Члены Съѣзда съ чувствомъ глубокой скорби не могли не выразить своего недоумѣнія при видѣ, съ какой легкостью не только искажаются, но подчасъ и совершенно уничтожаются такіе памятники родной старины, которые составляютъ славу и гордость народнаго творчества. Для примѣра достаточно указать хотя бы на такое зданіе, какъ Ефиміевскій корпусъ архіерейскаго подворья, относящагося къ XV в.; по капризу одного лишь лица историческій памятникъ былъ превращенъ въ постройку самаго обычнаго типа (въ 1888 г.). И такихъ примѣровъ не мало. Съ этимъ зломъ, а это зло и зло государственное, борются два такихъ солидныхъ учрежденія, какъ Императорская Археологическая Комиссія и Императорское Московское Археологическое Общество, борются упорно, борются давно и только тогда, когда будутъ выработаны строгія нормы, тогда только дѣло охраны памятниковъ нашей святой старины перенесется на твердую почву.

Вотъ эти-то мысли группа Членовъ Съѣзда и поручила мнѣ представить на усмотрѣніе XV Археологическаго Съѣзда, вполнѣ надѣюсь, что Съѣздъ обратитъ свое просвѣщенное вниманіе на то ненормальное, а главное *воплоть безнаказанное* уничтоженіе живыхъ свидѣтелей славнаго прошлаго.

Вмѣстѣ съ этимъ группа Членовъ позволяетъ себѣ думать, что Съѣздъ найдетъ возможнымъ выступить на защиту дорогой намъ родной старины и скажетъ свое авторитетное слово.

Въ виду нижеизложеннаго и въ силу даннаго мнѣ порученія, имѣю честь предложить XV Археологическому Съѣзду:

1) выработать правила объ охранѣ памятниковъ старины, объ отвѣтственности за порчи и уничтоженіе ихъ, о контролѣ за дѣйствіями лицъ и учреждений, въ вѣдѣніи которыхъ эти памятники находятся, и

2) обратить вниманіе на ремонтъ Лихудіевыхъ Палатъ.

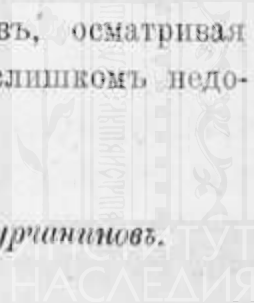
Въ заключеніе передаю пожеланіе той же группы Членовъ, чтобы Съѣздъ возбудилъ ходатайство объ увеличеніи казеннаго пособія, выдаваемого на поддержаніе Кремлевскихъ стѣнъ.

Настоящее положеніе мотивируется тѣмъ, что группа Членовъ, осматривая стѣны, пришла къ убѣжденію, что отпускаемой нынѣ 1000 руб. слишкомъ недостаточно для ихъ поддержанія.

Членъ XV Археологическаго Съѣзда делегатъ Орловской

Ученой Архивной Комиссіи Влад. Турининовъ.

24 іюля 1911 г.

Того же дня въ часъ состоялось торжественное Засѣданіе въ залахъ Дворянскаго Дома съ привѣтствіями и докладами, среди которыхъ выдѣлялся мѣстнымъ своимъ интересомъ:

Краткій историческій очеркъ Псковскаго Археологическаго Общества и его музея и мѣры, принимаемыя Обществомъ для охраны памятниковъ старины:

«Предкомъ нашего Псковскаго Археологическаго Общества, сказалъ секретарь Общества Ник. Ом. Окуличъ-Казариновъ, надлежитъ считать маленькій кружокъ любителей старины, возникшій въ 1860-хъ годахъ среди служащихъ мѣстнаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Во главѣ этого кружка стоялъ секретарь Комитета Ив. Ив. Василѣвъ — личность выдающаяся по своему образованію, энергіи и замѣчательной работоспособности. Благодаря официальному положенію Комитета, какъ учрежденія правительственнаго, ему удалось составить небольшой музей, въ который поступили вещи, недоступныя частнымъ собирателямъ: напр., древніе витки (столбцы), хранившіеся въ церковныхъ и монастырскихъ библіотекахъ, книги и дѣла бывшей Псковской Провинціальной Канцеляріи и т. п.

Въ 1872 году, по мысли И. И. Василѣва, была образована при Комитетѣ особая Археологическая Комиссія, которая и получила отъ Комитета его музей и часть библіотеки. Эту Комиссію надлежитъ помянуть добрымъ словомъ: она возбуждала и поддерживала въ населеніи любовь къ своему прошлому; она издала рядъ историческихъ документовъ и описаній памятниковъ и тѣмъ значительно пополнила литературу о Псковской старинѣ. Большинство этихъ трудовъ принадлежитъ тому же Василѣву и его неизмѣнному сотруднику Конст. Григ. Евлентьеву, — человѣку съ очень скромнымъ образованіемъ, но пламенному любителю старины. Комиссія работала въ самыхъ скромныхъ матеріальныхъ условіяхъ: она получала ежегодно отъ Комитета 100 руб. и ютилась со своимъ музеемъ и библіотекой въ крошечной комнаткѣ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ.

Въ 1878 году произошло событіе, послужившее поводомъ къ учрежденію во Псковѣ Археологическаго Общества. Въ Псковъ прибыли царственные гости: Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Сергій и Павелъ Александровичи и Константинъ и Дмитрій Константиновичи въ сопровожденіи знаменитаго археолога графа А. С. Уварова и профессора К. Н. Бестужева-Рюмина. Подъ руководствомъ послѣднихъ высокіе гости произвели раскопки въ Изборскѣ и въ Выбутахъ. Въ этихъ работахъ приняли участіе и члены мѣстной Археологической Комиссіи; и вотъ тутъ-то графъ Уваровъ выразилъ мысль объ учрежденіи во Псковѣ Археологическаго Общества. Мысль эта была поддержана Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ, и въ результатѣ, черезъ 2 года, именно 30 іюля 1880 года, былъ утвержденъ уставъ нашего Общества. Изъ лицъ, его подписавшихъ, до сихъ поръ во Псковѣ здравствуютъ двое: Дм. Ив. Ивановъ и Корнилій Антон. Раухъ.

Вмѣстѣ съ симъ Археологическая Комиссія, какъ уже ненужная, закрылась, передавъ Обществу свой музей и библіотеку.

Первые годы жизни нашего Общества были, повидимому, самыми дѣятельными. Судя по протоколамъ, въ Обществѣ часто читались доклады по весьма интереснымъ вопросамъ, а иногда производились и раскопки. 8 сентября 1881 года, по почину О-ва, была торжественно отпразднована 300-лѣтняя годовщина осады Пскова Стефаномъ Баторіемъ, и у Баторіева пролома, по подпискѣ, сооруженъ былъ памятникъ. Впослѣдствіи мы видимъ, что дѣятельность Общества то какъ-будто замираетъ, то снова оживляется, въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ условій, большею частью случайныхъ. Общество издаетъ книжки своихъ трудовъ, которыя прежде выходили съ большими промежутками, нынѣ же мы стараемся выпускать ихъ ежегодно. Изъ отдѣльныхъ печатныхъ трудовъ я упомяну только самые замѣчательные, а именно: «Дневники походовъ Стефана Баторія на Россію», переведенные съ польскаго Членомъ Общества Милевскимъ, «Псковская Судная грамота», научно разработанная Василёвымъ и Н. В. Кирпичниковымъ, и «Сборный планъ г. Пскова», составленный и изданный Членомъ Общества Ѳ. А. Ушаковымъ. Изъ раскопокъ болѣе значительныя были произведены г. Ушаковымъ въ погостѣ Камно и Заборовскимъ возлѣ Изборска и въ посадѣ Малы. До 1900 г. Общество находилось въ довольно стѣсненныхъ матеріальныхъ условіяхъ: расходный его капиталъ колебался между 200 и 400 руб. въ годъ, и помѣщалось оно въ той же маленькой комнаткѣ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ была прежде Археологическая Комиссія. А между тѣмъ, и библіотека, и музей Общества увеличивались. Особенно посчастливилось Обществу въ этомъ отношеніи въ 1881 и въ 1885 годахъ, когда случайно, при постройкѣ новыхъ зданій на Завеличьи и на Романовой горкѣ, были найдены бронзовыя вещи X—XI вѣковъ, которыя и поступили цѣликомъ въ нашъ Музей. Туда же поступили клады арабскихъ диргемовъ, монетъ англо-саксонскихъ и ганзейскихъ, псковокоъ и разныхъ русскихъ денегъ XVI и XVII ст. Росла и библіотека. Все это, по тѣснотѣ помѣщенія, находилось въ большомъ безпорядкѣ.

Можно сказать навѣрное, что Общество никогда бы не выбилось изъ этого положенія, еслибъ не пришла ему на помощь сама судьба въ лицѣ супруговъ Фанъ-деръ-Флитовъ, Николая Ѳеодоровича и Елисаветы Карловны — двухъ благородныхъ идеалистовъ, отдавшихъ и себя, и свои большія средства на служеніе общественному благу. Завѣтною мечтою Фанъ-деръ-Флита было: создать въ Россіи подобіе Кенсингтонскаго Музея, т.-е. дворца художественной промышленности. Сдѣлавшись Псковскимъ помѣщикомъ, Фанъ-деръ-Флитъ рѣшилъ осуществить свою идею во Псковѣ. Но лично онъ не успѣлъ этого сдѣлать: онъ скончался въ 1896 году, завѣщавъ исполненіе своего намѣренія супругѣ своей Елисаветѣ Карловнѣ, которая и принялась энергично за это дѣло. Прежде всего, конечно, для такого предпріятія необходимо было большое зданіе, и вотъ, послѣ долгихъ поисковъ, вниманіе Елис. Карл. остановилось на Поганкиныхъ Палатахъ, уже болѣе 150 лѣтъ находившихся въ военномъ вѣдомствѣ и вмѣщавшихъ въ себѣ провіантскій складъ. Идея г-жи Фанъ-деръ-Флитъ состояла собственно въ слѣдующемъ: 1) добиться

передачи Палатъ, какъ памятника древнерусскаго зодчества, Псковскому Археологическому Обществу; 2) возстановить ихъ на свой счетъ въ древнемъ видѣ; 3) помѣстить въ нихъ все находящiеся во Псковѣ общественные Музеи и 4) придать Палатамъ нѣчто такое, что приближало бы ихъ къ Кенсингтонскому Музею. Изъ этого вы можете видѣть, что задача г-жи Фанъ-деръ-Флитъ отличалась сложностью и нѣкоторой неясностью или неопредѣленностью, что и отразилась потомъ на ея выполненiи. Первая часть ея была успѣшно разрѣшена въ 1900 году. Тогдашнiй нашъ предсѣдатель Н. И. Новосильцевъ лично повергъ на Высочайшее благовозрѣнiе вопросъ о передачѣ Палатъ, и 7 марта 1900 г., по Высочайшему повелѣнiю, все зданiя Поганкиныхъ Палатъ, какъ древнiя, такъ и новыя (постройки 1-й половины XIX ст.) были переданы изъ военнаго вѣдомства въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и отданы во владѣнiе Псковскому Археологическому Обществу. Засимъ Палаты были отремонтированы и отчасти реставрированы на средства г-жи Фанъ-деръ-Флитъ. Нечего грѣха таить: эта реставрацiя во многомъ вышла очень неудачною. Кто въ этомъ виноватъ — за давностью времени судить трудно, да пожалуй и бесполезно. Повидимому, бѣда была въ томъ, что работы производились безъ вѣдома и указанiй Императорской Археологической Комиссiи, а въ средѣ самого Общества не было лицъ, хорошо знакомыхъ съ древне-русскимъ зодчествомъ. Послѣ этого въ Палатахъ размѣстились общественные Музеи, которыхъ было два: Археологическаго Общества и Сельско-Хозяйственный. Что же касается четвертой части задачи, то при жизни г-жи Фанъ-деръ-Флитъ въ этомъ отношенiи положено было только начало, а именно: въ Палатахъ были бесплатно помѣщены Городскiе Рисовально-Техническiе Классы, какъ такое заведенiе, задачи котораго родственны съ художественно-промышленнымъ музеемъ.

Вотъ какимъ образомъ наше Общество стало обладателемъ Поганкиныхъ Палатъ и водворилось тамъ со своими коллекцiями. Скажу о послѣднихъ нѣсколько словъ, дабы уже болѣе къ нимъ не возвращаться.

При обзорѣ нашего Музея вы сразу замѣтите, что онъ бѣденъ коллекцiями и пополняется очень туго. На это есть двѣ причины: общая и мѣстная. Первая заключается въ общемъ оскудѣнiи древними вещами, которая съ каждымъ днемъ становятся рѣже, а потому и дороже. Вторая состоитъ въ томъ, что во Псковѣ — сравнительно не большомъ городѣ — находятся три археологическихъ Музея. Плюшкина, Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета и нашъ. Плюшкинъ собиралъ свой музей болѣе 40 лѣтъ и давно приучилъ населенiе къ мысли, что всякую древнюю вещь слѣдуетъ нести прежде всего къ Плюшкину, который за деньгами не постоить. И дѣйствительно, покойный Ѳед. Мих. не жалѣлъ на свой музей никакихъ денегъ, между тѣмъ какъ мы на это дѣло можемъ тратить только гроши: въ прошломъ году напр., на музей было ассигновано 100 рублей, а въ этомъ — всего 60 руб. Церковный музей естественно втягиваетъ въ себя все, что находится въ церковныхъ и монастырскихъ хранилищахъ; слѣдовательно, на нашу долю остается лишь то немногое, что случайно миновало тѣ два музея, да и то намъ приходится крѣпко подумать, прежде чѣмъ приобрести ту или другую хорошую вещь. Въ настоящее время въ нашемъ Музее

находится немного болѣе 2 т. номеровъ, не считая монетъ, которыхъ 11560: богатство, какъ видите, невеликое въ количественномъ отношеніи; въ качественномъ же мы можемъ похвалиться развѣ только своими столбцами — свитками (381) бронзовыми вещами X—XIV вѣковъ, да нѣкоторыми монетами, не особенно, впрочемъ, драгоценными. Изъ газетъ мы знаемъ, что Правительство намѣрено приобрести Плюшкинскій музей, и на этомъ строимъ нѣкоторыя наши надежды, а именно: мы мечтаемъ, что Правительство найдетъ возможнымъ пожертвовать намъ часть дубликатовъ Музея, хотя бы изъ числа мѣстныхъ древностей. Это было бы дорогимъ подаркомъ и городу, и нашему Обществу.

Е. К. Фанъ-деръ-Флитъ скончалась 26 марта 1904 года. Большую часть своего состоянія (300 т. р.) она завѣщала «и на устройство и содержаніе при Археологическомъ Музеѣ, находящемся въ гор. Псковѣ, въ Поганкиныхъ Палатахъ, Художественно-Промышленнаго Музея и при немъ Школы рисованія имени Н. Θ. Фанъ-деръ-Флита». Капиталь долженъ оставаться неприкосновеннымъ, а расходоваться могутъ только проценты съ него. Изъ этой суммы пока только 200 т. р. находятся въ нашемъ владѣніи, а остальные 100 т. — въ пользованіи частныхъ лицъ, по кончинѣ коихъ должны присоединиться къ нашему капиталу. Такимъ образомъ, на Общество возложена новая обязанность: создать два учрежденія, не имѣющія съ нимъ необходимой, логической связи. Однако, отнынѣ Общество поставлено въ такую тѣсную зависимость отъ этихъ учреждений, и въ жизни его онѣ будутъ имѣть такое важное значеніе, что обойти это обстоятельство въ моемъ историческомъ очеркѣ нѣтъ никакой возможности.

При жизни г-жи Фанъ-деръ-Флитъ, повидимому, не возникало вопроса: на какія же средства Псковское Археологическое Общество, со своими 200—400 р. расходнаго капитала, будетъ содержать громадное зданіе Поганкиныхъ Палатъ? Вѣдь дохода отъ него не предвидится, а расходы неизбежны. Вѣроятно, г-жа Фанъ-деръ-Флитъ давала на это деньги, по мѣрѣ надобности; но когда она скончалась, то въ завѣщаніи ея этотъ вопросъ оказался обойденнымъ полнымъ молчаніемъ. И вотъ, по ходатайству Общества, душеприказчикъ покойной, генералъ адъютантъ Н. М. Чихачевъ разрѣшилъ намъ отчислять въ пользу Общества, изъ $\frac{1}{2}\%$ на капиталъ, ежегодно по 1 т. р., изъ коихъ 600 руб. въ видѣ платы за помѣщеніе въ Палатахъ Городскихъ Рисовальныхъ Классовъ. Этихъ денегъ намъ хватаетъ на наемъ прислуги, отопленіе, освѣщеніе и малый ремонтъ; когда же случается большой ремонтъ, то душеприказчикъ даетъ намъ изъ $\frac{1}{2}\%$ единовременныя пособія. Такимъ образомъ, капиталъ Фанъ-деръ-Флита, имѣющій, какъ сказано, свое специальное назначеніе, служилъ и для насъ тѣмъ источникомъ, который обеспечиваетъ намъ обладаніе Поганкиными Палатами. Но нужды Общества растутъ; его коллекціи увеличиваются; скоро онѣ потребуютъ новыхъ комнатъ, а съ ними и новыхъ расходовъ на отопленіе, наемъ прислуги и т. под. Возрастутъ ли соразмѣрно съ этими расходами и доходы Общества это вопросъ будущаго.

Скажу нѣсколько словъ и о будущей Школѣ. Типъ ея выработанъ: это — Художественно-Ремесленная Школа Министерства торговли. При ней будутъ два

отдѣленія: керамическое и стеклянное. Въ послѣднее время явилась мысль устроить еще иконописное отдѣленіе — мысль очень симпатичная, такъ какъ съ развитіемъ и размноженіемъ такихъ иконописныхъ мастерскихъ удалось бы, можетъ быть, вырвать нашу икону изъ рукъ разныхъ Жако и Бонакеровъ; но вопросъ этотъ сводится цѣликомъ къ финансовымъ средствамъ. Мѣсто школы также опредѣлено — это новыя зданія Поганкиныхъ Палатъ. Школа, вѣроятно, будетъ выстроена и открыта въ будущемъ году. До сихъ поръ мы не могли приступить къ ея постройкѣ по недостатку средствъ, да и въ будущемъ году безъ казенной помощи намъ обойтись будетъ рѣшительно невозможно. Нынѣшніе Городскіе Рисовально-Техническіе классы упразднены и весь ихъ инвентарь поступитъ въ школу. Что же касается Художественно-Промышленнаго Музея, то его можно будетъ устроить только тогда, когда къ намъ перейдутъ 100 т. р., находящіеся нынѣ въ частныхъ рукахъ.

Теперь я перейду къ мѣрамъ, принимаемымъ Обществомъ для охраны древнихъ памятниковъ.

Не обладая никакою принудительною властью, Общество можетъ въ этомъ отношеніи дѣйствовать лишь просьбами, совѣтами и ходатайствами, и я могу сказать по совѣсти, что въ этихъ предѣлахъ Общество дѣлаетъ все, что возможно. За недостаткомъ времени, я не стану перечислять всѣ тѣ многочисленные случаи, когда разные учрежденія, Общества и даже частныя лица обращались къ намъ съ просьбами разрѣшить имъ передѣлать или уничтожить тотъ или иной архитектурный историческій памятникъ. Всѣ такія просьбы наше Общество направляетъ въ Императорскую Археологическую Комиссію со своими мнѣніями, въ которыхъ старается отстоять памятникъ неприкосновеннымъ; и не было случая, чтобы Комиссія насъ не поддержала. Иногда сами члены Общества, замѣтивъ варварское или небрежное обращеніе со стариной, доводили объ этомъ до свѣдѣнія Совѣтъ Общества, который немедленно обращался къ подлежащей власти, при чемъ всегда встрѣчалъ со стороны послѣдней полную готовность содѣйствовать цѣлямъ Общества.

Дважды — въ 1892 и 1896 г.г. — городъ возбуждалъ вопросъ о необходимости уничтожить часть древнихъ стѣнъ. Оба раза губернаторы запрашивали наше Общество, которое, конечно, энергично вступалось за нашихъ каменныхъ боевыхъ вѣтерановъ, благодаря чему, быть-можетъ, они и остаются до сихъ поръ цѣлыми. Въ частности, упомяну о двухъ случаяхъ изъ ближайшаго къ намъ времени. Въ 1908 году Общество отстояло Довмонтову стѣну, подъ которой производились земляныя работы, грозившія ей цѣлости. Правда, оно нашло себѣ тогда сильнаго союзника въ лицѣ П. П. Покрышкина, случайно бывшаго во Псковѣ. Въ этомъ году обваливалась часть насыпи на вост. сторонѣ Дѣтинца, и явилась опасность для находящейся на гребнѣ холма древней стѣны. Общество немедленно обратило на это вниманіе властей, и теперь, благодаря содѣйствію высшей губернской администраціи, казна отпустила необходимую сумму (200 р.) на исправленіе этихъ поврежденій. Еслибы само Общество располагало такою суммой, то оно прямо

отдало бы ее на это дѣло, не входя ни въ какую переписку, такъ какъ Общество считаетъ для себя честью тратить свои средства на поддержку и спасеніе старины, и охотно дѣлаетъ это въ предѣлахъ возможности. Такъ, напр., въ этомъ году оно поставило на свой счетъ новый деревянный заборъ вокругъ развалинъ церкви Рождества Христова на Кстовѣ — той самой церкви, надъ алтаремъ которой возвышается теперь ретирада еврейской синагоги.

Въ прошломъ году Членъ нашего Общества, инженеръ полковникъ В. А. Андреевъ составилъ проектъ и смѣту для починки Кремлевскихъ стѣнъ. Какова будетъ судьба этого проекта, я не знаю, но во всякомъ случаѣ это работа большая, солидная и, главное, совершенно безвозмездная.

На свой счетъ наше Общество сдѣлало и размѣстило по башнямъ и стѣнамъ желѣзныя доски съ надписями о времени сооруженія и историческомъ значеніи этихъ памятниковъ. Правда, эти доски постигла печальная участь: часть ихъ тотчасъ же была разстрѣляна камнями, переломана и сбита на землю. Общество замѣнило ихъ новыми досками, съ которыми опять повторилась та же исторія. Теперь мы возобновили ихъ въ третій разъ.

Въ прошломъ году Общество добилось весьма важной мѣры: изданія обязательныхъ постановленій о неприкосновенности древнихъ стѣнъ и башенъ, которыя, такимъ образомъ, впервые поставлены подъ охрану уголовного закона.

Въ томъ же году Члены Общества раздѣлили между собою стѣны и башни по участкамъ, для болѣе удобнаго за ними наблюденія. Вотъ Вамъ, милостивыя государыни и милостивые государи, въ краткихъ словахъ жизнь нашего Общества со дня его рожденія и до сего дня.

Теперь является вопросъ: оправдываетъ ли Общество свое существованіе? Имѣются ли за нимъ какія-нибудь заслуги? Въ отвѣтъ я укажу прежде всего на тѣ же стѣны и башни. Еслибы наше Общество за нихъ не вступалось и не слѣдило бы за ними, то навѣрное можно сказать, что значительная ихъ часть исчезла бы уже давно, и во всякомъ случаѣ онѣ находились бы въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ видите вы ихъ теперь. Я укажу затѣмъ на нашъ Музей, который въ прошломъ году посѣтило болѣе 8 т. человѣкъ; особенно отрадно то, что его посѣщаютъ мѣстныя учебныя заведенія цѣлыми группами, изъ чего слѣдуетъ, что наша цѣль возбуждать и поддерживать въ мѣстномъ обществѣ любовь къ своей старинѣ не остается въ области однихъ благихъ пожеланій, но понемногу переходитъ и въ дѣйствительность. Я укажу на наши скромныя изданія, которыя не только вызываютъ въ памяти образы давно забытаго стараго, но иногда все же даютъ и нѣчто новое. Я укажу, наконецъ, на наши Поганкины Палаты, которыя потому только и стали доступны для общаго обозрѣнія и изученія, что онѣ находятся въ нашемъ обладаніи.

Вы, милостивыя государыни и милостивые государи, являетесь представителями такихъ археологическихъ учреждений, которыя составляютъ гордость и славу науки. Вы двигаете науку впередъ и даете въ нее цѣнные вклады. Наша доля — скромная... Нашъ постъ незамѣтенъ, но онъ необходимъ, и пожалуй, отчасти даже

почетень. Это — постъ часового, стоящаго на стражѣ нашей святой старины. И еслибы въ каждомъ, не только губернскомъ, но и уѣздномъ городѣ возникли такія маленькія Общества защитниковъ старины, то это былъ бы идеаль, о которомъ можно только мечтать. Когда наше русское Общество въ цѣломъ научится цѣнить и беречь свою старину, какъ народную святыню, какъ культурное наслѣдіе предковъ, тогда эти маленькія организаціи, эти часовые станутъ, пожалуй, и необходимыми. Но до этого намъ, милостивыя государыни и милостивые государи, пока еще какъ до звѣзды небесной далеко».

Въ 4 часа предложенъ былъ обѣденный завтракъ въ Дворянскомъ Клубѣ. Въ 7 ч. вечера осмотръ Поганкиныхъ Палатъ, гдѣ просидѣли въ дружеской бесѣдѣ съ Псковичами до 11 ч. вечера. 7-го августа въ 9 ч. утра при чудной теплой погодѣ предпринята поѣздка на пароходѣ на Святую гору, тамъ отстояли литургію, послѣ чего была предпринята прогулка въ Устье, во время коей предложенъ завтракъ. По возвращеніи: осмотръ Собора, Дѣтинца, нѣкоторыхъ храмовъ и музея Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета. Въ 7 ч. обѣдъ въ Дворянскомъ Клубѣ.

8-го августа утромъ поѣздка въ Мирожскій и Пантелеймоновъ монастыри; завтракъ въ Корытовѣ, на крутомъ берегу р. Великой, осмотръ Покровской башни, подземныхъ ходовъ и нѣкоторыхъ древнихъ храмовъ.

Въ 8 часовъ вечера участники Съѣзда покинули древній Псковъ, очарованные и его красотой, и древностями, и его безграничнымъ радушіемъ и гостепріимствомъ.

